

II
37437.

33(09)
В 81

КУРСЪ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

А 2478.

СОСТАВИЛЪ

Ф. Вреденъ,

на основаніи лекцій, читанныхъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1873—74 г.

994307

Київський інститут народнього господарства БІБЛІОТЕКА.

Державна історична БІБЛІОТЕКА УРСР

658857

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типогр. и Литогр. Кн. В. Оволенскаго, уголъ Никол. и Стрем. № 3—22.
1874.

ЗВІЛЕНО 1961 р.

16604

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При изложеніи полной системы науки передъ университетскими слушателями, я признаю единственно надежнымъ обезпеченіемъ преподаванія, а потому и поставилъ себѣ первымъ дѣломъ изданіе печатнаго цѣлостнаго курса, въ замѣнъ всякихъ, неудовледворительныхъ уже и по внѣшности, рукописныхъ, или литографированныхъ записокъ.

Печатный курсъ, издаваемый за первый же годъ чтеній, можетъ, конечно, явиться пока только опытнымъ приступомъ къ прочному объединенію существенныхъ экономическихъ началъ и къ первоначальной систематизаціи логическихъ основъ всего ученія о хозяйствѣ человѣка. Впрочемъ, внѣшнее построеніе системы и разграниченіе главныхъ отдѣловъ въ наукѣ политической экономіи незыблемо установились уже къ новѣйшему времени. Внутреннее же развитіе началъ и положеній могло, естественно, быть исполнено мною самостоятельно только подъ вліяніемъ моихъ личныхъ воззрѣній и научныхъ убѣжденій. Въ зависимости же отъ послѣдняго условія, болѣе удовлетворительно отдѣланными и законченными должны оказываться тѣ части настоящаго курса, по которымъ я былъ наиболѣе приготовленъ прежъ-

ними своими монографическими изслѣдованіями; — по хозяйственной сущности видовъ труда, экономическимъ основаніямъ обязательнаго обученія, морфологическому строю предпріятій, общимъ категоріямъ капитала, общественной обстановкѣ артелей и акціонерной складчины, по функціямъ кредита и теоретическому разграниченію банковыхъ операцій, наконецъ по экономической основѣ страхованія; — пробѣлы же въ другихъ частяхъ я успѣлъ пополнить только отчасти; въ послѣднихъ случаяхъ оставалось довѣриться чужимъ указаніямъ.

По упомянутымъ причинамъ неизбѣжно присущо настоящему первому опыту неравномѣрность въ объемѣ изложенія по частямъ; но ради возможнаго возстановленія равновѣсія и практическаго усвоенія, да и ради такой же провѣрки представленныхъ мною рѣшеній научныхъ проблемъ по людскому хозяйству, мною повсюду цѣлостно сведены литературныя ссылки и указаны пособія.

Э. Вредень.

29-го Іюня
1874 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Человѣческія потребности, какъ экономическое явленіе и какъ основа хозяйства.

Стр.

§ 1. Общее опредѣленіе содержанія науки о человѣческомъ хозяйствѣ. . . 1
§ 2. Потребности человѣка, какъ сознаніе міровой зависимости 4
§ 3. Двоякое направленіе въ развитіи потребностей. 8
§ 4. Разсчетъ и соображеніе, какъ признаки хозяйственныхъ усилій и затратъ. 11
§ 5. Экономическое разграниченіе насущныхъ потребностей и роскоши . . . 13
§ 6. Зависимость хозяйства отъ общественности. Физіологія и морфологія хозяйственныхъ явленій 16
§ 7. Потребность въ огражденіи отъ среды и общее значеніе страховыхъ затратъ по хозяйству. 19

ГЛАВА II.

Положительное воздѣйствіе человѣка на среду, какъ на внѣшній объектъ его хозяйства.

§ 8. Полезность, какъ результатъ знакомства съ обстановкою внѣшнею . . 23
§ 9. Полезность, какъ синонимъ добру и благу 28
§ 10. Превращеніе полезностей въ цѣнности путемъ видоизмѣненія и перемѣщенія. Цѣнность въ фазисахъ товара, запаса и капитала. 31
§ 11. Основные отдѣлы экономической науки и содержаніе каждаго изъ нихъ въ смыслѣ самостоятельнаго ученія 36
§ 12. Основные три элемента всѣхъ хозяйственныхъ процессовъ 44

ОТДѢЛЪ II.

Историческій и критическій очеркъ существеннѣйшихъ направленій въ наукѣ.

ГЛАВА III.

Главнѣйшія системы, или школы въ политической экономіи.

Стр.
§ 13. Общее значеніе историческаго изученія для цѣлостнаго построенія науки. 53
§ 14. Система меркантильная, ея возникновеніе и практическія цѣли . . . 59
§ 15. Физіократы или экономисты, ихъ научныя заслуги и односторонніе увлеченія 66
§ 16. Основатель промышленной или индустріальной школы—*А. Смитъ* . . 83
§ 17. Проявленіе индустріализма у *Мальтуса*, *Рикардо*, *Сея* и другихъ. . 93

ГЛАВА IV.

Отрицаніе всѣхъ основъ школьнаго ученія о хозяйствѣ.

§ 18. Историческая преемственность коммунистическихъ и соціалистическихъ взглядовъ. Главные представители утопическаго коммунизма. . . . 113
§ 19. Литература коммунизма во Франціи 118
§ 20. Своеобразное развитіе тѣхъ же началъ въ Англіи. 123
§ 21. Соціализмъ и ассоціаціонное движеніе во Франціи и въ Германіи . . . 128
§ 22. Внутренняя несостоятельность основныхъ началъ хозяйственнаго объединенія, предложенныхъ коммунистами и соціалистами 131
§ 23. Современныя научныя стремленія къ выясненію нормальныхъ путей для бытовой организаціи хозяйства 144
Краткій перечень справочныхъ пособій при первоначальномъ ознакомленіи съ важнѣйшими частями экономическаго ученія 148

ОТДѢЛЪ III.

Ученіе о производствѣ цѣнностей.

ГЛАВА V.

Цѣль производства, элементы и результаты его, какъ всеобщаго хозяйственнаго процесса.

§ 24. Связь производства съ прочими областями хозяйства и основное содержаніе его затратъ 152
§ 25. Различеніе потребительной и мѣновой цѣнности, какъ безсодержательный плеоназмъ при параллельныхъ понятіяхъ о полезности и о цѣнѣ. . . 154
§ 26. Полезности, труды и цѣнности, какъ факторы въ производствѣ . . . 661

ГЛАВА VI.

Стихія или внѣшняя природа, какъ первый элементъ производства.

Стр.

§ 27. Внѣшняя среда, какъ совокупность полезностей и какъ матеріальное поприще хозяйства 165
§ 28. Внѣшнія условія, опредѣляющія участіе полезностей въ производствѣ: ихъ повсемѣстность и ограниченная доступность 171
§ 29. Экономическія основанія раздѣльнаго владѣнія землею, условія ограниченія этого вида собственности. Мѣстопребываніе и жилищная потребность. 175

ГЛАВА VII.

Трудъ, какъ факторъ производства.

§ 30. Экономическое отличіе труда отъ усилій вообще, равно какъ и отъ работы, и отъ отраслей промышленности 182
§ 31. Единственныя экономическія разновидности трудовъ; трудъ конъектуральный и механическій 187
§ 32. Экономическій смыслъ обязательнаго, даровaго и общедоступнаго обученія; вліяніе послѣдняго на трудоспособность народа 192
§ 33. Экономическія и финансовыя основанія самаго осуществленія обязательнаго и общедоступнаго образованія 199
§ 34. Индивидуальная организація трудоваго элемента въ производствѣ. Обособленіе, раздѣленіе и соединеніе трудовъ 207
§ 35. Условія приложимости раздѣленія труда въ отдѣльныхъ фактическихъ случаяхъ 214
§ 36. Непосредственное вліяніе раздѣленія на самый трудъ и на производство цѣнностей. 219
§ 37. Сбытъ, отношеніе факторовъ въ производствѣ и обиліе капиталовъ по вліянію своему на водвореніе раздѣленія труда 224
§ 38. Ученія о вредѣ отъ раздѣленія труда. Предупредительныя мѣры . . . 229

ГЛАВА VIII.

Капиталъ и его экономическія разновидности.

§ 39. Общее понятіе о капиталѣ, разнорѣчія въ его опредѣленіи 238
§ 40. Виды капиталовъ: по составу, внѣшней формѣ и по способу ихъ участія въ производствѣ 243
§ 41. Раздѣленіе капиталовъ въ зависимости отъ трехъ главныхъ сферъ хозяйственныхъ интересовъ 252
§ 42. Экономическіе способы возникновенія, приращенія, измѣненія, сокращенія и упраздненія капиталовъ—народнаго, предпринимательскаго и ссуднаго. 259
§ 43. Особенности въ соціальной обстановкѣ капиталовъ, имѣющія хозяйственное значеніе 266

ОТДѢЛЪ IV.

Морфологія хозяйственныхъ процессовъ, или ученіе объ экономическихъ предпріятіяхъ.

ГЛАВА IX.

Совокупность внѣшнихъ и внутреннихъ условій, вліяющихъ на разнообразіе въ строѣ предпріятій.

Стр.

§ 44. Личное представительство въ области хозяйства; элементы экономической обстановки и формы предпріятій. 269
§ 45. Категоріи людскихъ общеній по отношенію къ хозяйству: союзы стихійные, политическіе, хозяйственные и самоцѣльные 273
§ 46. Организація предпріятій и экономическое значеніе личнаго представительства для осуществляемыхъ ими оборотовъ производства и для морфологической обстановки, создаваемой послѣднему 277
§ 47. Стихійно-семейная организація производства въ формѣ кустарнаго промысла 286
§ 48. Строй ремесла и единоличнаго предпріятія. (Промысловое законодательство у насъ въ Россіи). 292
§ 49. Артель, какъ предпріятіе, построенное на одномъ соединеніи представителей труда 303
§ 50. Акціонерная форма предпріятій, какъ основанная на складчинѣ капитала. 315
§ 51. Экономическое обособленіе самаго учрежденія предпріятій, необходимое при сложности конъектуръ. 319
§ 52. Хозяйственное различіе предпріимчивости отъ спекуляціи и игры, по содержанію и цѣлямъ 324
§ 53. Нормальныя условія подписки и развертки акцій 336
§ 54. Паевыя и кредитныя цѣнности, какъ представители положительнаго и отрицательнаго элементовъ въ общемъ составѣ капитала предпріятія . 343

ОТДѢЛЪ V.

Распредѣленіе доходовъ по степени участія въ предпріятіяхъ.

ГЛАВА X.

Экономическія категоріи личностей, участвующихъ въ распредѣленіи.

§ 55. Виды доходовъ по характеру и источникамъ 357
§ 56. Экономическое своеобразіе и составъ дохода предпринимателей. . . . 369
§ 57. Спекуляція какъ источникъ и поземельной ренты, ученіе объ исключительности и своеобразіи послѣдней 379
§ 58. Субъективныя и объективныя условія, опредѣляющія виды и размѣры заработной платы 589
§ 59. Способы выдачи заработной платы и экономическія ея формы. . . . 400
§ 60. Установленіе размѣра заработной платы подъ вліяніемъ рыночныхъ требованій. 412
§ 61. Доходъ отъ капитала; элементарныя части процента. 435

ОТДѢЛЪ VI.

Обращеніе цѣнностей.

ГЛАВА XI.

Существо и основанія мѣновыхъ сдѣлокъ.

Стр.

§ 62. Мѣна, какъ зиждущее начало экономическаго общенія и основа цѣлости въ хозяйствѣ 444

§ 63. Денежные посредники, купля-продажа. Монетная система 452

ГЛАВА XII.

Денежное обращеніе. Платежи внутренніе и международные.

§ 64. Предложеніе, спросъ и стоимость, какъ элементы цѣнъ. Движеніе и установленіе цѣнъ въ зависимости отъ общаго уровня хозяйства. . . 460

§ 65. Распаденіе обращенія по видамъ сдѣлокъ, по организаціи обмѣновъ и по посредникамъ оборотовъ. Валовое равновѣсіе въ международной торговлѣ 470

ГЛАВА XIII.

Кредитное обращеніе цѣнностей.

§ 66. Существо, основанія и функціи кредита 477

§ 67. Приложеніе строя предпріятій къ кредиту. Волостные и общественные банки. 486

§ 68. Разновидности кредитныхъ артелей, обусловленныя приложеніемъ этого строя предпріятій къ отдѣльнымъ основаніямъ и функціямъ кредита . 498

§ 69 Научная несостоятельность обязательной организаціи залоговаго кредита и замѣны заставныхъ листовъ вѣчными рентными свидѣтельствами. . 507

§ 70. Правительственныя распоряженія у насъ въ приложеніи къ залоговымъ артелямъ (общ. закладчиковъ), артельнымъ банкамъ (общ. вз. кредита) и поручительскимъ артелямъ (ссудо-сберегательныя товарищества) . . 536

§ 71 Различіе между обществами взаимнаго кредита и ссудо-сберегательными товариществами по пяти существеннымъ основаніямъ, характеризующимъ артели по личному кредиту 548

§ 72. Критическое сравненіе системъ поручительскихъ артелей по Шульце-Деличу, Райфейзену и подражаніямъ у насъ. 558

§ 73. Внѣшнее выраженіе и своеобразныя формы кредитнаго оборота по непосредственному обращенію цѣнностей. Виды переводныхъ обязательствъ. 570

§ 74. Курсы: монетной, денежной, вексельной и фондовой. Курсовые обороты и биржевая игра. 579

§ 75. Экономическая задача банковыхъ предпріятій. Посредническія операціи въ области обращенія. Научный смыслъ видоваго разграниченія банковыхъ операцій и безсодержательность различенія банковыхъ учрежденій по родамъ 587

Стр.
§ 76. Виды вкладной и соотвѣтствующихъ ей банковыхъ операцій 591
§ 77 Ссудная банковая операція, съ ея подраздѣленіями 594
§ 78. Выпуская банковая операція. Значеніе банковаго билета, какъ орудія обращенія въ связи съ денежною системою. 604
§ 79. Условія и основанія размѣна банковаго билета. Отчетность въ кредитныхъ предпріятіяхъ. Историческій очеркъ возникновенія банковъ, ихъ развитіе у насъ 611

ОТДѢЛЪ VII.

Потребленіе цѣнностей.

ГЛАВА XIV.

Потребленіе, какъ конечная цѣль и основа равновѣсія и согласованія всѣхъ хозяйственныхъ оборотовъ.

§ 80. Общее содержаніе понятія потребленія и главные виды послѣдняго . . 622
§ 81. Страховыя затраты, какъ разрушительное, или вѣрнѣе, какъ противуположность воспроизводительному потребленію 628
§ 82. Разряды безвозвратныхъ затратъ при страховой охранѣ хозяйства. Область общественнаго содѣйствія Основныя задачи законодательныхъ нормъ по страховымъ оборотамъ 649
§ 83. Сочетаніе потребленія, какъ основа для организаціи хозяйствъ. Размежеваніе удовлетворенія потребностямъ между частными и финансовыми хозяйствами 670

I. ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Человѣческія потребности, какъ экономическое явленіе и какъ основа хозяйства.

§ 1. Общее воззрѣніе на содержаніе науки о человѣческомъ хозяйствѣ.

Экономическая наука вошла до такой степени въ новѣйшее время, не только въ кругъ общихъ свѣдѣній образованной публики, но и съ неотразимою настойчивостію ложится въ основаніе руководящихъ убѣжденій всѣхъ современныхъ общественныхъ дѣятелей, что не составляетъ болѣе спеціальнаго знанія однихъ ученыхъ: а потому необходимо, ранѣе чѣмъ приступить къ объясненію ея связи съ остальными науками политическими и юридическими, высказать мнѣ свое убѣжденіе относительно содержанія и основной задачи общаго изслѣдованія явленій и событій людскаго хозяйства. Я считаю долгомъ указать на свое воззрѣніе относительно содержанія, цѣли и предмета всего экономическаго ученія еще и потому, что, можетъ быть, въ немъ представляется нѣкоторая разница съ указаніями и исходными посылками другихъ изслѣдователей и авторовъ общеизвѣстныхъ руководствъ.

Предметомъ научнаго изслѣдованія естественно на первый разъ могутъ быть—либо внѣшній міръ, либо самъ человѣкъ, да притомъ и тотъ и другой особнякомъ, порознь, или же міръ и человѣкъ по ихъ взаймодѣйствію; въ послѣднемъ случаѣ могутъ подлежать анализу—или преимущественно тѣ явленія, которыми міръ вліяетъ

на человѣка, или на оборотъ та живая дѣятельность, тѣ вторженія, которыя человѣкъ обнаруживаетъ посреди своей міровой обстановкѣ. Не вдаваясь въ схоластическія подробности и тонкости, признаю излишнимъ касаться всѣхъ существующихъ пространныхъ толкованій *) о содержаніи, пользѣ и значеніи экономической науки, а ограничусь тѣмъ общимъ безспорнымъ указаніемъ, что наука о хозяйствѣ имѣетъ предметомъ своимъ явленія, возникающія путемъ взаимодѣйствія міра и человѣка, и именно на сколько послѣднее имѣетъ одинъ общій источникъ.

Общій этотъ источникъ, основное явленіе того взаимодѣйствія, которымъ создается хозяйство, есть *зависимость человѣка отъ среды и міровой* обстановки: общая зависимость, вызывающая во всей органической природѣ *борьбу за существованіе*.

Борьба за существованіе обнаруживается въ людскомъ быту, и при сложности человѣческой природы (физической и духовно-нравственной), въ весьма различныхъ направленіяхъ; но въ опредѣленномъ, извѣстномъ направленіи этою борьбою вызывается та дѣятельность, которую принято обозначать словомъ: *хозяйственною*. Борьба за существованіе и зависимость человѣка отъ міра обусловливаютъ, естественно, другъ друга. Если бы не было зависимости отъ обстановки, если бы существовала возможность человѣку сохранять жизнь, развивать всѣ свои силы и способности, удовлетворять нуждамъ и наклонностямъ своимъ — безъ содѣйствія, помимо посредничества и не подъ вліяніемъ среды и міра, то не было бы и причинъ къ борьбѣ; такъ что и по содержанію эти представленія — представленіе о борьбѣ за существованіе и представленіе о зависимости человѣка отъ внѣшней обстановки — вполнѣ совпадаютъ.

Конечно, зависимость міровая существуетъ не только для человѣка, но и для всѣхъ тѣлъ и существъ въ природѣ. Однако сама зависимость отражается въ быту людскомъ иначе, чѣмъ на остальныхъ представителяхъ органической, или въ средѣ неорганической природы. Такая разница происходитъ именно вслѣдствіе духовно-нравственной природы человѣка, благодаря его способности къ самоопредѣленію и въ силу его дѣятельности умственной, помощію которой онъ познаетъ и направляетъ, видоизмѣняетъ по своей свободной волѣ въ опредѣленныхъ границахъ самостоятельно, всѣ

*) См. *Вольскій*, Задача полит. экономіи, Одесса. 1872 г. стр. 106.

свои дѣйствія, весь свой бытъ, все что предпринимаетъ, или одинъ или вмѣстѣ съ другими людьми, а наконецъ и то, чѣмъ обставила его природа. Однимъ словомъ зависимость, человѣка отъ среды, отъ міра и ему подобныхъ, имъ вполнѣ *сознается*.

Онъ ее какъ бы рефлектируетъ, онъ въ состояніи составить о ней точное и ясное понятіе; а понимая ее, ему и доступно до извѣстной степени видоизмѣнять, ослаблять ее, или уклоняться отъ нея, хотя бы и въ нѣкоторыхъ случаяхъ только, и на время. Не такова зависимость для другихъ существъ въ мірѣ.

Внѣшній міръ подлежитъ неизмѣнному, непреложному, однообразному и въ частностяхъ порядку, и всѣ прочія живыя существа *безсознательно*, инстиктивно, подчиняются этой зависимости; даже, если ими обнаруживается какая-либо дѣятельность непривычная, сходная съ самоопредѣленіемъ, то единственно ради охраненія своей инстинктивной зависимости, но не ради видоизмѣненія, или ослабленія послѣдней. Животныхъ подвигаетъ инстинктъ, т. е. безсознательное подчиненіе своей дѣятельности однимъ природнымъ влеченіямъ: поэтому и всѣ проявленія, обнаруженія ихъ сожитія, по внѣшнимъ формамъ сходныя съ человѣческою общественностію, не смотря на оттѣнокъ стройной организаціи, имѣютъ все-таки совершенно иныя основанія, чѣмъ послѣдняя. По случаю именно безсознательной, инстинктивной зависимости своей отъ міра, дѣятельность всѣхъ животныхъ, даже и при стихійной группировкѣ въ постоянныя общенія, даже и по самому осуществленію ими всѣхъ требованій борьбы за свое существованіе, никогда не могли являться залогомъ развитія и прогресса въ ихъ хозяйствѣ. Извѣстно, что многія животныя, ради обезпеченія своего существованія, составляютъ извѣтные запасы (пчелы, муравьи, бобры, кроты и т. д.); даже для охраненія запасовъ многими животными приготовляются цѣлыя сооруженія, послужившія можетъ быть первоначальными образцами для людскихъ построекъ; но тѣмъ не менѣе здѣсь не существуетъ хозяйства.

Не существуетъ послѣдняго вслѣдствіе безсознательности и прямой *непреложности* того порядка, который разъ неизмѣнно водворенъ природою и отъ котораго животныя въ своей дѣятельности уклониться не могутъ.

Не то представляется въ людскомъ быту: именно непреложному, неизмѣнному порядку не подлежитъ человѣкъ въ той своей дѣятель-

ности, путемъ которой онъ охраняетъ и поддерживаетъ свое существованіе. Его міровая зависимость не только отличается отъ зависимости прочей твари тѣмъ, что онъ ее сознаетъ, но еще и тѣмъ, что она для людскихъ поколѣній разныхъ вѣковъ существенно различна; причемъ послѣдняя особенность возникаетъ не отъ данной разнообразной міровой обстановки, а преимущественно создается тою степенью сознанія *), тѣмъ самоопредѣленіемъ въ дѣятельности, съ которыми люди данной эпохи и въ данной мѣстности относятся къ упомянутой зависимости.

§ 2. Потребности человѣка, какъ сознаніе имъ своей міровой зависимости.

То сознаніе зависимости, которое въ борьбѣ за существованіе человѣкъ постоянно сохраняетъ, которое неминуемо сливается со всѣми его дѣйствіями въ указанномъ направленіи, это сознаніе служитъ, такъ сказать, отраженіемъ послѣдней на его существѣ. Съ первой же поры, когда дошли изслѣдованія о хозяйствѣ людскомъ до самостоятельной теоріи, выясненное нами отраженіе на существѣ человѣка (или—что все равно — сознаніе зависимости отъ среды и обстановки) стало обозначаться общимъ терминомъ. Отраженіе въ сознаніи личности ея зависимости отъ міра и прочихъ людей принято называть *потребностью*. Потребность, какъ экономическое понятіе и какъ научный терминъ, подлежитъ такимъ образомъ по содержанію своему слѣдующему опредѣленію: она ничто иное, какъ *сознаніе, болѣе или менѣе ясное пониманіе, полное постиженіе, а потому какъ бы прямое отраженіе на самомъ существѣ человѣка, зависимости міровой*, отъ которой онъ избавиться не можетъ.

Этимъ опредѣленіемъ, рядомъ съ которымъ другаго быть не можетъ и къ которому и нѣкоторые экономисты, и обиходный языкъ, придающіе самому слову «потребность» иногда другое толкованіе, постоянно возвращаются, имъ и должно *начинаться*

*) Вотъ почему мы несогласны съ тѣмъ опредѣленіемъ, по которому потребность «есть *ощущеніе* недостатка» (*Herm. Bischof*—Grundzüge eines Systems der Nationalökonomik, Graz, 1874 г. стр. 85 и слѣд.), или «отношеніе между нуждающимся и предметомъ удовлетворенія» (*Hasner*—System der politischen œkonomie, стр. 2). Тоже у *Friedr. Hermann* — Staatswirthschaftliche Untersuchungen, 2 Aufl. München, 1870 г., стр. 5.

ученіе о хозяйствѣ: всѣ главнѣйшія положенія, равно какъ и изтолкованіе экономической науки во всемъ ея содержаніи и въ частностяхъ тѣсно связываются, яснѣе всего устанавливаются, исходя изъ того опредѣленія, или того понятія о потребностяхъ, которое я только что изложилъ.

Roscher, Grundlagen der Nationalökonomie. Stuttg. 1769 стр. 1, 10, 162, 163, 213, 224, 225,—занимается изслѣдованіемъ характера потребности, какъ силы, лежащей въ основаніи человѣческаго хозяйства, только мимоходомъ. Тоже приходится сказать и о прочихъ наиболѣе распространенныхъ учебникахъ по нашей наукѣ. Dictionnaire de l'economie politique, par Ch. Coquelin et Guillaumin T. 1. Brux. 1855 p. 147 — Besoins des hommes: «Nous avons seuls parmi les êtres animés, la faculte d'ajouter sans cesse aux besoins liés à notre existence et aux moyens d'y pourvoir. Avec le temps, cette double faculté modifie profondement la vie humaine et celle de la plupart des êtres organises; elle change completement la distribution primitive de différents genres d'animaux et de végetaux, et leurs proportions respectives. C'est elle qui, suivant l'expression de Buffon, finit par *imprimer nos idées sur la terre;* elle qui a donné à notre intelligence l'exercice, qui en a si prodigieusement développé la puissance, et sans lequel elle serait restée peu supérieure à celle de diverses espéces de singes». Какъ-бы обратное, по отношенію къ нашему, опредѣленіе потребности даетъ Цѣхановецкій (Краткій Обзоръ Политической Экономіи въ Универс. Извѣстіяхъ. Кіевъ 1866. № 4, отд. II, стр 1). «Первоначальный двигатель производства и исходный пунктъ хозяйства есть *потребность. Потребность есть стремленіе къ внѣшнему предмету,* требующее удовлетворенія. Средства удовлетворенія потребности даются проявленіемъ человѣческой дѣятельности, направленной на достиженіе желаемаго предмета или цѣли,—производствомъ». *I. Boccardo:* Dizionario della economia politica e del commercio. Torino. 1857. V. I. p 347. voce *bisogni:* «l'uomo è un essere composto di *attività* e di *passività*. É passivo, in quanto prova una serie di *esigenze* e di *tendenze* della sua natura fisica, intelletiva e morale che lo fanno *soffrire* ove non vengono prontamente appagate, e le quali chiamansi appuno *bisogni* É attivo, in quanto provede, coll'esercizio delle sue facolta spirituale e corporee, al soddisfacimento dei bisogni medesimi. Il *dolore* è adunque il carattere, l'espresione de un bisogno, il suo scopo è la soddisfacione. Nell'azione reciproce di questi due elementi, resiede la condizione prima, la forza motrice d'ogni progresso individuale.... Se l'uomo non è né una deità nè una pietrà, se è perfetibile, progressivo, cio dipende dal mecanismo e dalla leva dei bisogni e della potenza che ha di provvedervi. Come il mecanico quando studia le macchine, cosi l'economista quando ragiona. dal suo punto di veduta, dell' uome, sottopone a calcolo da una parte la *resistenza*, dall'altra la *potenza*. Fra gli esseri animati, noi siamo i soli che possiamo sucessivamente accerescere la scalà dei nostri bisogni e quella mezzi per soddisfarle. Le api, le formiche, i castori e piu industriosi fra i bruti, sentono oggi le medesime necessita, gli stessi stimili, che sentirono i loro antenati al principio dei secoli; mente invece l'uomo europeo ed incivilto del secolo XIX, prova un infinita di bisogni ed ha una moltitudine di strumenti per acquetarli, che mancarono assolutamente a i sui maggiori». — *Schäffle:* das gesellschaftliche System der menschlichen Wirtschaft. 1873 стр. 99—106

развиваетъ пространно вполнѣ внѣшнее дѣленіе потребностей на 10 видовъ, касается различныхъ хозяйственныхъ областей ихъ дѣйствія, но не экономическаго существа ихъ.

По мѣрѣ возвышенія умственнаго уровня отдѣльныхъ поколѣній, обитателей отдѣльныхъ мѣстностей и народовъ *потребности* рисуются весьма различно и вообще *видоизмѣняются*. Что считалось потребностію насущною когда-то, вовсе не является иногда таковою въ позднѣйшее время. Иногда тожественное съ потребностями сознаніе могло быть ложно направлено: могла казаться зависимость отъ среды тамъ, гдѣ ея не было. Вслѣдствіе этого могли, и могутъ, тратиться усилія и средства такъ, что ими вовсе не обезпечивается людское хозяйство, а напротивъ послѣднее даже подрывается. Примѣровъ тому и въ исторіи, и въ современной жизни много. Приготовляются и охраняются съ значительными затратами разнаго рода предметы, необходимые будто бы для предотвращенія вреднаго вліянія стихіи, въ случаяхъ, когда на самомъ дѣлѣ послѣдняя вреда не наноситъ, или для отраженія подозрѣваемаго пагубнаго вліянія другихъ людей. Существуетъ напр. еще до сихъ поръ, а тѣмъ болѣе въ древности существовало, заблужденіе, будто люди могутъ вредитъ другъ другу однимъ дурнымъ взглядомъ, а чтобы предохранять себя отъ подобнаго глаза, необходимо имѣть амулеты. Итальянцами malocchi покупаются сотнями тысячь ежегодно.

И такъ, *въ наукѣ о хозяйствѣ вообще должны разбираться тѣ усилія, труды и затраты, всѣ тѣ дѣйствія, которыя предпринимаетъ человѣкъ ради ослабленія, устраненія, или измѣненія зависимости*, въ коей его, *мнимо* или *несомнѣнно* въ данную эпоху, или въ данной мѣстности, держитъ обстановка. Она ничто иное; какъ ученіе о наилучшихъ пріемахъ при тѣхъ затратахъ, помощію которыхъ ослабляется ощущеніе зависимости въ самомъ человѣкѣ.

Экономическое ученіе никакъ не можетъ и не должно браться за опредѣленіе и толкованіе того, какія проявленія зависимости непреложно вѣрны и какія невѣрны: другими словами — *ученія о потребностяхъ наука хозяйства не можетъ дать*. Не можетъ она, не выходя изъ собственной области, доставить самостоятельныя указанія на то, какія потребности, сами по себѣ,

заслуживаютъ одобренія, какія предосудительны. Ученіе о томъ, какими пріемами и затратами ослабляется для человѣка его мировая зависимость, не имѣетъ прямыхъ данныхъ для разбора безотносительнаго характера потребностей. Поэтому, вступать въ разграниченіе потребностей истинныхъ и ложныхъ, потребностей, заслуживающихъ одобренія и предосудительныхъ, потребностей насущныхъ и потребностей роскоши и т. п. ученіе о хозяйствѣ не въ силахъ. Конечно, большая часть экономистовъ, при помощи данныхъ, которыя задолго до возникновенія хозяйственной науки установлены нравственною философіею, религіею, естествознаніемъ, въ началѣ трактатовъ о хозяйствѣ излагали (и излагаютъ) нравственную оцѣнку потребностей. Всѣ выводы, однако, приводятъ къ безсодержательному толкованію, что потребностямъ удовлетворять должно, но слѣдуетъ быть разборчивымъ, слѣдуетъ разграничивать нравственныя потребности и превратныя потребности насущныя и роскошь и т. п. Дѣло въ томъ, что подобнымъ указаніямъ нѣтъ мѣста въ наукѣ о хозяйствѣ, потому что она сама не можетъ рѣшить вопроса, какія потребности доброкачественны и какія нѣтъ.

Безспорно, сознаніе зависимости міровой можетъ быть истинно, можетъ быть и ложно, но оно подлежитъ самостоятельному изслѣдованію только въ другихъ наукахъ (психологіи, логики, ученіи о морали или нравственной философіи, естествознаніи и религіи). Въ наукѣ о хозяйствѣ эта сторона потребностей не представляетъ существенной важности для послѣдующихъ дальнѣйшихъ ея выводовъ. *Она можетъ только исходить изъ общаго понятія потребностей*, и развѣ помощію положеній, заимствованныхъ изъ другихъ наукъ, ей доступно успѣшнѣе выяснять свои положенія о потребностяхъ, на столько, на сколько между науками вообще существуетъ связь. Достаточно для экономиста указать, что потребности могутъ имѣть ложное направленіе *) и что такое ложное направленіе вредитъ хозяйству, или что человѣкомъ нерѣдко тратятся усилія и средства на отраженіе такой зависимости, которая либо не существуетъ,

*) Срв. о хозяйственномъ значеніи *моды* — *Hermann*, стр 99, и *Schäffle*, System etc, II стр. 567; *Hasner* опредѣляетъ ее, какъ «прямое подчиненіе чужому мнѣнію, съ цѣлію заслужить тѣмъ признаніе въ области ничтожества» (стр 4).—Англійская fashion уже болѣе сильна, чѣмъ мода и опредѣляетъ всю внѣшнюю обстановку хозяйства, по замѣчанію Германа. Быть gentlemenlike составляетъ для англичанина самую щепетильную потребность и не малое число ихъ держитъ sport въ тяжкой зависимости.

либо гораздо слабѣе, чѣмъ онъ ее считаетъ; между тѣмъ какъ затраты и усилія, труды и средства, онъ могъ бы, съ пользою для своего существованія и развитія, или спеціально для всего своего хозяйства, обратить на удовлетвореніе тѣмъ потребностямъ, которыя гораздо насущнѣе. Несомнѣнно, всякое ложное, превратное или безнравственное представленіе засисимости міровой влечетъ за собою хозяйственный ущербъ. Исправить же такое заблужденіе возможно однако только, если обратиться за указаніями не къ наукѣ о хозяйствѣ, а къ тѣмъ ученіямъ, которыя разбираютъ основы духовно-нравственнаго и физическаго быта человѣка. Одни послѣднія указываютъ, какъ долженъ человѣкъ понимать и относиться—вслѣдствіе этого пониманія—къ себѣ подобнымъ и къ міру.

Несравненно важнѣе въ наукѣ о хозяйствѣ изслѣдованіе основнаго характера потребностей человѣка въ другомъ смыслѣ.

§ 3. Двоякое направленіе въ развитіи потребностей.

Потребности человѣка отличаются (именно потому, что и зависимость его отъ среды инаго внѣшняго характера) отъ потребностей прочихъ тѣлъ и существъ въ природѣ тѣмъ, что онѣ для каждой личности, а затѣмъ и для всѣхъ возможныхъ сочетаній личностей, для обществъ, сословій, классовъ, поколѣній разныхъ вѣковъ и народовъ, постоянно видоизмѣняются—по внѣшнему своему направленію, хотя и не по силѣ дѣйствія и внутреннему существу. Неизмѣннаго нѣтъ въ нихъ, потому что онѣ зависятъ отъ сознанія и міросозерцанія самого человѣка, а только отчасти отъ среды и перемѣнъ въ ней. Перемѣны среды заранѣе извѣстны человѣку культурному. Притомъ эти перемѣны совершаются въ предѣлахъ, которыхъ невозможно устранять: сознаніе же потребностей предѣловъ не имѣетъ: вслѣдствіе чего и индивидуальныя, и коллективныя *потребности безпрерывно разнообразятся.*

Въ общемъ положеніи, наростаніе потребностей обнаруживается, во-первыхъ, тѣмъ, что по мѣрѣ удовлетворенія наивозможно большаго количества наличныхъ, возникаютъ послѣдовательно новыя и новыя: здѣсь и предѣловъ предвидѣть невозможно. Даже послѣднихъ и не должно существовать на сколько развитіе человѣка зависитъ отъ дѣятельности воображенія, и насколько онъ этою дѣятельностью оберегается отъ всякаго умственнаго и нравственнаго застоя.

Безспорно, и разумное сознаніе зависимости отъ міра подлежитъ соотвѣтственному развитію только при нормальномъ дѣйствіи воображенія, наравнѣ со всѣми умственныя и нравственныя отправленія человѣческаго существа. Слѣдовательно, приращеніе потребностей опредѣляется въ первомъ мѣстѣ тѣмъ сознаніемъ, которымъ человѣкъ встрѣчаетъ свою міровую зависимость; но затѣмъ наростаніе потребностей людскихъ обнаруживается еще и въ другомъ направленіи. Именно, сознаніе о міровой зависимости постоянно воскресаетъ; воскресаютъ столь же постоянно и неоднократно подлежавшія удовлетворенію потребности; столь же часто должны возобновляться и усилія и затраты для видоизмѣненія и ослабленія зависимости, т. е. удовлетвореніе потребностямъ.

Такое постоянное возобновленіе потребностей обусловливаетъ безконечную, неустанную дѣятельность со стороны человѣка. Безпредѣльное движеніе и смѣна потребностей служитъ залогомъ его жизни, на сколько подъ жизнію должно понимать безсмѣнное движеніе. Человѣкъ ни съ одною изъ своихъ потребностей не можетъ разсчитаться разъ навсегда; онъ не можетъ охранять себя отъ зависимости міровой такъ, чтобы вполнѣ покончить съ извѣстными сторонами этой зависимости. Въ этомъ заключается *вторая основная черта человѣческихъ потребностей: онѣ постоянно возобновляются* послѣ удовлетворенія и опять настаютъ развѣ только въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, противъ того, въ какомъ первоначально, или прежде возникали. Нужда въ пищѣ возобновляется періодически и дѣйствуетъ правильно. Отчасти возможно подчинять ее извѣстному порядку и съ немалою пользою для существованія. Пріемы пищи и составъ можно измѣнять, но тѣмъ не менѣе самая потребность въ пищѣ возобновляется по истеченіи извѣстныхъ сроковъ времени. Конечно, не всѣ потребности для всѣхъ людей увеличиваются, ростутъ и видоизмѣняются одинаково, потому что вообще потребность ничто иное, какъ сознаніе зависимости міровой, а послѣднее у разныхъ людей неминуемо будетъ различно, — тѣмъ не менѣе основной оттѣнокъ, или характеръ потребностей заключается въ томъ, что онѣ ростутъ безпрерывно, съ прямымъ стремленіемъ къ разнообразію, или къ расширенію по количеству, что разъ присущая человѣку потребность прекращаетъ свое дѣйствіе только на время, послѣ удовлетворенія, или возобновляетъ свое дѣйствіе періодически, но постоянно.

Если, такимъ образомъ, разбирать потребности, какъ экономическія явленія *), вызывающія извѣстныя, соотвѣтственныя хозяйственныя дѣйствія со стороны человѣка, или, какъ фактъ бытовой, возникающій по опредѣленнымъ законамъ и подлежащій видоизмѣненію, или какъ вызывающій, наконецъ, опредѣленныя послѣдствія: если разбирать потребности какъ экономическую силу—то, на первый же разъ явствуетъ та существенно важная хозяйственная ихъ особенность, что они почти необъятны въ своемъ дѣйствіи: послѣднее неотступно возобновляется и неудержимо ростетъ. Противопоставить такой энергіи потребностей человѣкъ можетъ только свои силы и способносчи, которыя заключаются въ его существѣ, которыми онъ одаренъ тѣлесно и духовно.

Отсюда возникаетъ тотъ основной вопросъ по обстановкѣ — существуетъ ли параллельная возможность приращенія и роста для силъ человѣческихъ? Доступно ли человѣку также безпредѣльно расширять кругъ своихъ дѣйствій? Дана ли даже возможность чрезъ короткіе промежутки времени приниматься за новыя усилія?

При сравненіи ефективности силъ и способностей человѣка, какъ основныхъ средствъ его въ борьбѣ за существованіе, съ энергіею потребностей оказывается, что *соотвѣтствія между ними по задаткамъ для параллельнаго роста нѣтъ.*

Конечно, каждая сила при своемъ развитіи зависитъ отъ дѣятельности и ею укрѣпляется, т. е. какъ бы ростетъ. Точно также и экономическія силы и способности крѣпнутъ по мѣрѣ дѣятельности и упражненія. Чѣмъ чаще человѣкъ исполняетъ извѣстное дѣйствіе, тѣмъ лучше и легче онъ исполнитъ его въ будущемъ. Но только въ этомъ и заключается возможность роста для человѣческихъ силъ. Затѣмъ однако, послѣднія послѣ каждаго обнаруженія, или акта дѣятельности требуютъ извѣстнаго перерыва, болѣе или менѣе продолжительнаго отдыха; а при чрезмѣрномъ напряженіи онѣ легко и совершенно растраиваются. И такъ, необходимо

*) Основными экономическими явленіями считаетъ потребности и *Н. Бунге* — Основанія политической Экономіи. Кіевъ, 1870 г.,—но онъ говоритъ (стр. 6), что они «возникаютъ изъ естественныхъ, врожденныхъ человѣку *стремленій* къ достиженію цѣлей личныхъ и общественныхъ, къ обезпеченію своего физическаго существованія, къ познанію истины, къ облагороженію своего нравственнаго призванія». Пространнѣе развивается эта мысль въ главѣ 2, стр. 16 и слѣд. Тоже опредѣленіе, съ его выводами, повторяется у *М. Вольскаго* — Задача Политической Экономіи. Одесса 1872 г.—на стр. 19.

напрягать силы и способности не свыше разумнаго и умѣстнаго предѣла. Вообще по дѣйствію своему человѣческія силы, какъ основныя средства его къ борьбѣ съ обстановкою, къ ослабленію зависимости міровой, подлежатъ зароку дѣйствовать съ перерывами, легко надрываются и доводятся до истощенія, т. е. подлежатъ прямой необходимости быть охраняемыми.

Человѣкъ не можетъ дѣлать безпрерывно новыя и большія прежнихъ усилій послѣ того, какъ онъ уже усиленно трудился и работалъ. Между тѣмъ въ немъ же потребности не уменьшаются: напротивъ, тѣмъ ихъ больше, чѣмъ обильнѣе ихъ удовлетвореніе, и тѣмъ съ большею силою онѣ возобновляются, чѣмъ полнѣе были удовлетворены, — воспоминаніе о пріятномъ и особенно достаточномъ пополненіи заставляетъ ихъ возобновляться съ еще большею силою.

§ 4. Разсчетъ и соображеніе, какъ прямые признаки хозяйственныхъ усилій и тратъ.

И такъ, экономическая борьба за существованіе заключается въ ослабленіи зависимости міровой, которую человѣкъ сознаетъ; а исполняется это отраженіе имъ только путемъ собственныхъ усилій, или соотвѣтственнаго напряженія нравственныхъ и физическихъ способностей. Затѣмъ эти способности, по причинѣ ихъ ограниченности и предѣльности, онъ принужденъ беречь, а потому онъ долженъ стараться объ одномъ: *съ наименьшими усиліями одолѣвать наивозможно большій гнетъ отъ зависимости міровой, или удовлетворять наивозможно большему количеству потребностей.*

Онъ тѣмъ болѣе будетъ достигать своей цѣли — устраненія или ослабленія зависимости міровой — чѣмъ вѣрнѣе и разумнѣе онъ свои слабыя усилія направитъ къ покрытію большаго числа потребностей. Какимъ образомъ достигнается такой результатъ, — этотъ вопросъ и составляетъ *задачу при изслѣдованіи законовъ хозяйства.*

Затѣмъ, такъ какъ потребности человѣка безпредѣльны, необъятны, а средства его ограничены, малы, то онъ долженъ для поддержанія дальнѣйшаго своего существованія и развитія, для возможности дальнѣйшей борьбы съ зависимостью міровой, неизбѣжно

свои потребности подчинять такому хозяйственному разграниченію, чтобы удовлетворять сначала тѣмъ потребностямъ, безъ которыхъ невозможно дальнѣйшее существованіе, и за ними уже приступать къ удовлетворенію разнаго рода другихъ потребностей. Всякая дѣятельность съ такимъ характеромъ есть уже *дѣятельность хозяйственная и только дѣятельность, которая отличается этимъ основнымъ характеромъ разсчетливости, соображенія или соразмѣренія своего слабосилія съ необъятными потребностями, и должна и можетъ составлять предметъ всего ученія о хозяйствѣ, или науки Политической Экономіи.*

Хозяйственную дѣятельность человѣка характеризуетъ, во-первыхъ, ея источникъ—на нее рѣшается человѣкъ по мѣрѣ своихъ потребностей, или вообще вслѣдствіе того, что отъ зависимости міровой ему нельзя ни уйдти, ни избавиться, а необходимо вступать въ борьбу съ обстановкою и средою. Другая отличительная черта хозяйственной дѣятельности человѣка заключается въ томъ, что при сравнительномъ слабосиліи своемъ онъ долженъ подчинять всякое напряженіе, направленное на удовлетвореніе потребностямъ, или вообще совершаемое имъ при борьбѣ за существованіе, тому основному разсчету, чтобы съ наименьшими жертвами съ своей стороны достигнуть наиболѣе удовлетворительныхъ результатовъ; а разъ убѣдившись, что его силы въ данномъ случаѣ слишкомъ ограничены, что за извѣстнымъ предѣломъ дальнѣйшее напряженіе ему не доступно, онъ вынужденъ ограничивать свои потребности, т. е. разумно разграничить ихъ.

Конечно, подобное самоограниченіе вызываетъ болѣзненныя явленія на всемъ его физическомъ и духовно-нравственномъ существѣ, водворяетъ недостатокъ и въ хозяйствѣ его, но оно неизбѣжное послѣдствіе основнаго отношенія между потребностями и силами человѣка: первыя безграничны, а созиданіе средствъ къ ихъ удовлетворенію вполнѣ ограничено.

Необходимо прилагать усилія и совершать затраты такъ, чтобы они дали наивысшее удовлетвореніе, или же разграничивать настолько разумно свои потребности, чтобы въ первомъ мѣстѣ имѣть въ виду тѣ, на удовлетвореніе которымъ достаточно средствъ и которыя, безъ вреда для самаго существованія и развитія человѣка, неудовлетворенными не могутъ оставаться. Если такой разсчетъ не прило-

женъ и потребности хозяйственному разграниченію не подчинены, то обнаруживается въ самомъ хозяйствѣ недостатокъ, сопровождающійся вредомъ или для физическаго существованія человѣка, или для укрѣпленія и развитія всѣхъ его духовно-нравственныхъ силъ. Въ такомъ случаѣ начинается постепенное разстройство всего хозяйства, если хозяйничаютъ нѣсколько лицъ или цѣлое общество, и подрываются основы личнаго бытія, если хозяйничаетъ указаннымъ способомъ тотъ или другой человѣкъ порознь.

§ 5. Экономическое разграниченіе насущныхъ потребностей и роскоши.

Вотъ почему, необходимо вѣрно и строго вести по всѣмъ оборотамъ и видамъ хозяйства разсчетъ. На сколько же хозяйственный разсчетъ выражается въ разграниченіи потребностей, на столько послѣднія въ наукѣ о хозяйствѣ распадаются на двѣ группы.

Тѣ потребности, которыя непосредственно въ связи съ физическимъ и духовно-нравственнымъ благосостояніемъ человѣка и при удовлетвореніи которымъ только разумное существованіе и возможно, должны стоять на первомъ планѣ.

Однако для отдѣльной личности, для отдѣльнаго поколѣнія, для каждаго народа порознь, въ разныя времена, въ различныхъ мѣстностяхъ, однѣ и тѣ же потребности не одинаково настоятельны. Мы видѣли, что каждая потребность сама по себѣ есть ничто иное, какъ отчетливое сознаніе и вѣрное пониманіе зависимости міровой; такое сознаніе можетъ быть разумно на столько, на сколько въ немъ нѣтъ элемента безотчетнаго подражанія, на сколько оно не заимствовано, а выработано самостоятельно и своеобразно каждымъ лицомъ, въ каждой мѣстности, каждымъ поколѣніемъ и народомъ.

Нѣтъ возможности остановиться, какъ представляютъ тому примѣръ законодательныя попытки прежняго времени, на указаніяхъ, что потребленіе того или другаго предмета излишне.

Тѣмъ не менѣе основной разсчетъ, имѣющій цѣлію ограничить все необъятное поле потребностей и затѣмъ удовлетворять послѣдовательно, по степени настоятельности, наибольшему количеству потребностей помощію наименьшаго напряженія,—это хозяйственное соображеніе заставляетъ потребности дѣлить на двѣ группы: одни отсрочки какъ бы не допускаютъ, а другія могутъ оставаться непо-

крытыми съ наименьшимъ вредомъ для дальнѣйшаго существованія.

Въ такомъ только смыслѣ можетъ наука говорить *о насущныхъ потребностяхъ и о роскоши.*

Роскошь будетъ все то для отдѣльной личности, для отдѣльнаго поколѣнія, для отдѣльнаго народа, чему удовлетворять не слѣдовало именно потому, что у нихъ экономическія средства только и покрываютъ потребности первой необходимости; причемъ, конечно, для одного можетъ быть важнѣе пища или питье, а для другаго одежда и помѣщеніе, наконецъ для болѣе состоятельнаго, у котораго потребности первой необходимости удовлотворяются безъ особеннаго усилія, окажется насущнымъ удовдлетвореніе эстетическому чувству и т. д.

Тутъ опять-таки не существуетъ какого-нибудь положительнаго дѣленія между предметами удовлетворенія, а возможно только сдѣлать то общее указаніе, что каждый народъ, каждая мѣстность, каждое поколѣніе, отдѣльное лицо должны сознавать необходимость такого дѣленія при всякомъ своемъ хозяйничаньѣ.

Во всякомъ случаѣ, наука о хозяйствѣ со словомъ «роскошь» не соединяетъ представленія объ излишнемъ, а тѣмъ менѣе—представленія о предосудительномъ. Роскошь, какъ избытокъ потребностей, помѣшаетъ, конечно, надлежащему удовлетворенію тѣхъ, безъ удовлетворенія которымъ немыслимо существованіе; но если бы не существовало стремленія къ дальнѣйшему разнообразію своихъ потребностей, то человѣкъ, удовлетворивъ разъ потребностямъ первой необходимости, остановился бы въ своей дѣятельности: такой застой ненормаленъ и послужилъ бы отрицаніемъ безпрерывнаго дальнѣйшаго развитія.

Отвергать стремленіе къ роскоши, значитъ отказаться вообще отъ хозяйства, всякое безотносительное порицаніе роскоши обрекаетъ хозяйство на неподвижность. Новыхъ открытій, изобрѣтеній въ такомъ случаѣ не потребно, потому что обыденнымъ потребностямъ уже свыклись бы удовлетворять разъ заведенными пріемами: слѣдовательно движеніе въ хозяйствѣ остановилось бы, или развитіе его было бы совершенно излишнимъ дальше извѣстнаго предѣла. Выводить за кругъ хозяйственныхъ, или нормальныхъ потребностей роскошь, значитъ отречься отъ самаго хозяйства. Только превратное удовлетвореніе потребностей, превратный какъ бы распорядокъ въ томъ сознаніи, которымъ регулируются по-

требности человѣка, можетъ вести къ предосудительнымъ хозяйственнымъ послѣдствіямъ; приращеніе же вообще потребностей отдѣльнаго лица, отдѣльнаго поколѣнія, отдѣльнаго народа вовсе ничего предосудительнаго не представляетъ.

По этому, нельзя признать за непреложно вѣрное то положеніе, что тотъ разумно живетъ, кто пользуется немногимъ; наоборотъ тотъ хорошо ведетъ свое хозяйство, кто пользуется по возможности наибольшимъ довольствомъ при наименьшихъ усиліяхъ и тратахъ. Приведенное основное положеніе экономическаго ученія выработалось только со времени Адама Смита, который въ знаменитомъ своемъ сочиненіи «Исслѣдованіе о богатствѣ націй» начинаетъ съ того указаніе, что главныя средства, необходимыя на удовлетвореніе потребностямъ каждый народъ добываетъ собственнымъ трудомъ, собственными усиліями, или, вымѣнивая произведеній своего труда на издѣлія чужихъ народовъ. Это положеніе рисуется хотя не ясно, безотчетно, въ преданіяхъ всѣхъ историческихъ народовъ. Народы стремились къ тому, чтобы наименьшее количество труда потратить на удовлетвореніе возможно большаго количества потребностей.

Трудъ рисуется въ сознаніи древнихъ народовъ какою-то тягостью, отъ которой человѣкъ старается уклоняться. Ветхій завѣтъ также упоминаетъ о трудѣ въ потѣ лица, на который осужденъ человѣкъ вслѣдствіе грѣхопаденія. Цѣлые народы, существовавшіе на счетъ чужаго труда, погибали вслѣдствіе именно бездѣйствія, отсутствія всякаго повода къ изощренію собственныхъ хозяйственныхъ силъ, и становились добычею на столько неразвитыхъ варваровъ, какіе напр. сломили Римскую Имперію.

Слѣдовательно, то какъ бы грубое, безотчетное представленіе о тяжести труда—представленіе, вызывающее стремленіе въ человѣкѣ уклоняться отъ труда которое встрѣчается въ до-христіанской древности, въ историческихъ преданіяхъ вообще первобытныхъ народовъ, это представленіе подтверждаетъ то положеніе, что человѣкъ далѣе извѣстнаго предѣла дѣлать усилій не можетъ, что ему недоступенъ безграничный трудъ, а потребности его неограниченны; при чемъ неудовлетвореніе потребностей болѣзненно отзывается на всемъ его существѣ.

Выходъ изъ такого положенія только одинъ: разумная хозяйственная дѣятельность, экономическій разсчетъ ради организаціи

собственныхъ усилій и разумное распредѣленіе въ удовлетвореніи потребностямъ.

Вся зависимость человѣка отъ среды и окружающаго при этомъ двояка: или извѣстныя явленія въ обстановкѣ оказываютъ подавляющее вліяніе, наносятъ прямой вредъ человѣку (стужа, напр., наноситъ вредъ его здоровью); или же эта зависимость проявляется въ другомъ направленіи: необходимо захватить вещи, подчинить себѣ извѣстныхъ представителей царствъ природы, обратить въ свою пользу вообще извѣстныя стихійныя явленія.

Отъ дѣйствія грозныхъ явленій человѣкъ долженъ обороняться, а затѣмъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ онъ въ мірѣ находитъ предметы и средства къ удовлетворенію потребностямъ. На сколько человѣкъ желаетъ сохранить свое существованіе, насколько онъ нуждается въ содѣйствіи міра, на столько онъ *долженъ пользоваться міромъ*.

§ 6. Взаимная зависимость людей другъ отъ друга и подчиненіе хозяйства общественности. Физіологія и морфологія экономическихъ явленій.

Наконецъ въ борьбѣ своей съ обстановкою человѣкъ зависитъ еще отъ другихъ людей: онъ не только нуждается въ помощи, содѣйствіи себѣ подобныхъ, но самъ по себѣ онъ не можетъ удовлетворять почти ни одной потребности. Самый даръ слова не имѣетъ смысла безъ сообщенія съ другими лицами. На сколько именно желаетъ человѣкъ сохранить и развивать свою духовно-нравственную природу, на столько онъ долженъ сообщаться съ другими людьми. Эта послѣдняя сторона зависимости отъ среды имѣетъ какъ бы своеобразный характеръ. То, что для удовлетворенія своихъ потребностей предпринимаетъ человѣкъ вмѣстѣ съ другими людьми, или заимствуетъ у другихъ людей, имѣетъ существенно иной характеръ, чѣмъ то, что онъ заимствуетъ изъ міра окружающаго. Конечно, и при удовлетвореніи человѣкомъ потребностей съ помощію другихъ людей является заимствованіе изъ міра стихійнаго, но на первый разъ слѣдуетъ провести грань между тѣми случаями, когда человѣкъ удовлетворяетъ потребностямъ при содѣйствіи внѣшней среды, т. е. *цѣнностями*, и тѣми когда онъ удовлетворяется однимъ содѣйствіемъ себѣ подобныхъ, т. е. *услугами*.

Послѣдній разрядъ потребностей вызываетъ то неминуемое общеніе между людьми, ту постоянную поддержку другъ друга, отъ которыхъ зависитъ возобновленіе поколѣній и охраненіе существованія человѣчества.

Во всемъ своемъ хозяйствѣ человѣкъ подлежитъ вліянію двухъ указанныхъ условій: съ одной стороны, его подавляютъ потребности, какъ слѣдствіе зависимости отъ міра, съ другой, его поддерживаетъ *общественность*, какъ слѣдствіе духовно-нравственной стороны его существа.

Человѣкъ рождается на свѣтъ до такой степени немощнымъ, что даже первоначальное продолженіе его существованія невозможно безъ содѣйствія другихъ лицъ. Затѣмъ и все дальнѣйшее существованіе, всѣ дальнѣйшія отправленія его продолжаютъ оставаться въ той же зависимости отъ чужихъ услугъ, отъ содѣйствія ему подобныхъ, отъ общественности. Послѣднее содѣйствіе по отношенію къ *хозяйству* пріобрѣтаетъ весьма разнообразныя формы. Именно, *необходимость* въ немъ побуждаетъ къ соединенію лицъ въ общества весьма разнообразныхъ формъ, по условію и договору, или въ силу законовъ природы и культурнаго быта.

Въ силу дѣйствія общественности на хозяйство возникаютъ и временныя соединенія людей, иногда самыя скоротечныя, ради одного сокращенія усилій, сбереженія трудовъ.

Въ дѣйствительности, какъ бы въ быту хозяйственномъ, совершенно и немыслимъ человѣкъ, хозяйничающій отдѣльно, трудящійся порознь, въ свою только пользу и безъ чужаго содѣйствія. До такой степени ограничены силы человѣческія, что въ борьбѣ съ обстановкою личность уединенная должна считаться осужденною на гибель. Даже въ тѣхъ полосахъ земнаго шара, которыя не допускаютъ пребыванія многочисленныхъ обитателей, большая часть которыхъ бываетъ населена скитальческими, бродячими племенами, пріобрѣтающими средства къ существованію первобытными способами — звѣроловствомъ и рыболовствомъ, — даже и тамъ отдѣльныхъ звѣролововъ и одинокихъ рыболововъ не возможно встрѣтить. И тутъ являются соединенія лицъ, поддерживаемыя по хозяйственнымъ разсчетамъ, или по физической необходимости; и тутъ является всегда рыболовъ въ семьѣ и съ товарищами, въ союзѣ слѣдовательно съ другими лицами, или тотъ же самый союзъ людей,

294307
658857
Держ... Історична
БІБЛІО... УРСР

который уже возникаетъ естественнымъ путемъ, служитъ и первою формою соединенія хозяйственнаго, или первымъ предпріятіемъ.

Необходимо, поэтому, остановиться на томъ основномъ положеніи, что хозяйственная дѣятельность никогда не можетъ обнаружиться со стороны порознь взятаго, отдѣльнаго человѣка. Такого хозяина отшельника нельзя себѣ даже вообразить. Всегда дѣятельность хозяйственной личности имѣетъ общественную обстановку, или какъ бы выливается въ опредѣленную общественную форму, порождаетъ постоянныя союзы, или временныя отношенія.

Въ свою очередь, хозяйство создаетъ извѣстныя опредѣленныя отношенія человѣка-хозяина къ средѣ, вслѣдствіе чего и возникаютъ особенныя, чисто *экономическія* явленія, отличныя отъ всѣхъ другихъ явленій общественной сферы. Такъ цѣнность, товаръ, запасъ и т. п., суть ничто иное, какъ именно экономическія явленія, возникающія только изъ отношеній хозяйственной личности къ средѣ. Поэтому въ анализѣ научномъ разбираются отдѣльныя явленія, какъ возникающія подъ вліяніемъ среды и при совмѣстной дѣятельности самой хозяйственной личности.

Всѣ экономическія явленія можно разбирать самихъ по себѣ, въ простомъ видѣ, только въ отвлеченной теоріи, потому что въ быту, въ дѣйствительномъ хозяйствѣ, они не существуютъ сами по себѣ, или безъ хозяина и безъ опредѣленныхъ представителей, а поэтому, окончивъ т. сказ. физіологическій ихъ разборъ, необходимо результаты и выводы провѣрить параллельнымъ разборомъ всѣхъ бытовыхъ условій наличныхъ, въ той дѣйствительной общественной обстановкѣ, въ которую всегда облекаются экономическія явленія.

Въ быту хозяйственномъ не существуетъ, напр., труда самого по себѣ: это чисто отвлеченное, теоретическое представленіе, котораго нельзя воплощать безъ всякаго отношенія къ работнику и его общественной обстановкѣ. Отвлеченіе облегчаетъ дальнѣйшіе выводы, но всѣ выводы будутъ шатки, если затѣмъ ихъ не провѣрить и не видоизмѣнить на основаніи того существеннаго условія, что всякое дѣяніе человѣка совершается въ обществѣ, въ опредѣленной общественной сферѣ, что всякій экономическій процессъ отражается въ средѣ соотвѣтственныхъ представителей.

Такимъ образомъ, при научномъ изслѣдованіи хозяйства людскаго существенны два пріема, общій отвлеченный разборъ, гдѣ каждое отдѣльное явленіе въ быту хозяйственномъ разсматривается,

Держ... Історична
БІБЛІОТЕКА УРСР

какъ самостоятельная величина, взятая отдѣльно отъ личностей — это *физіологія* хозяйства. Затѣмъ, тѣ же явленія должны изслѣдоватся при наличныхъ условіяхъ, на своихъ представителяхъ, по связи съ личностію хозяевъ, при всей той обстановкѣ общественной, среди которой совершается всякое экономическое дѣяніе отдѣльнаго лица, отдѣльнаго класса, народа въ государствѣ и цѣлыхъ народовъ на всѣмъ земномъ шарѣ — это *морфологія* хозяйства.

Стремленіе человѣка ограждать и развивать свое существованіе, а затѣмъ и обставиться по возможности удовлетворительнѣе, вызываетъ *дѣятельность*, которая, подчиняясь основному разсчету — какъ бы съ наименьшими затратами труда и средствъ добыть наиболѣе удовлетворительную обстановку, — становится именно *хозяйственною*. Анализъ основаній этой дѣятельности и ученіе о наилучшемъ ея направленіи, объ удовлетворительной организаціи всѣхъ ея элементовъ, и составляютъ содержаніе *экономической теоріи, или ученія о хозяйствѣ*.

Источникомъ хозяйственной дѣятельности человѣка служатъ, какъ мы видѣли, зависимость его отъ міра и ему подобныхъ — потребности и общественность.

Общественность, всецѣло подчиняющая себѣ хозяйственную дѣятельность, дѣйствуетъ на нее преимущественно какъ организующее начало. Общественность, проявляющаяся союзами и обществами между людьми, какъ бы создаетъ формы для соотвѣтственной организаціи экономическихъ затратъ труда и средствъ. Путемъ общественности, именно, отдѣльныя дѣйствія и обороты, отдѣльныя производства и промыслы пріобрѣтаютъ самостоятельное существованіе въ предпріятіяхъ.

Потребности же оказываютъ на хозяйственную дѣятельность двоякое вліяніе: они *порождаютъ* ее, потому что дѣятельность хозяйственная и вызывается необходимостью удовлетворять потребностямъ; а далѣе какъ бы служатъ *двигателемъ* этой дѣятельности, постоянно вызываютъ новыя и новыя усилія.

§ 7. Потребность въ огражденіи отъ среды и страховые хозяйственные обороты.

Составляя основаніе и какъ бы содержаніе дѣятельности хозяйственной, потребности направляютъ дѣятельность человѣка въ экономической области къ двоякимъ цѣлямъ.

Именно, зависимость отъ природы прямо выражается въ томъ, что, во первыхъ, природа грозитъ человѣку, и этотъ угрожающій характеръ ея ранѣе всего поражаетъ человѣка. Всѣ древнѣйшія преданія всѣхъ народовъ постоянно только и обрисовываютъ тотъ ужасъ, который вызывали первоначально природа, міръ, среда въ самомъ человѣкѣ. Сказанія и миѳы повѣствуютъ о борьбѣ съ гигантами, чудовищами и т. д. Но, помимо баснословія и поэтическихъ фикцій, и въ современной дѣятельности идетъ такая постоянная борьба.

Конечно, человѣкъ, чѣмъ далѣе подвигался вообще въ культурѣ, тѣмъ успѣшнѣе и надежнѣе совладалъ съ внѣшними грозными явленіями. Онъ ихъ одолѣвалъ и ужасъ исчезалъ, онъ не только отражалъ съ успѣхомъ и звѣрей, и силы стихійныя, но даже успѣлъ къ новѣйшему времени совладать съ ними такъ, что подчинилъ себѣ многихъ животныхъ и успѣлъ привести къ разнообразному служенію себѣ силы стихійныя. Нѣкоторые изъ внѣшнихъ предметовъ, животныхъ и силъ стихійныхъ, прежняго угрожающаго вліянія почти вовсе теперь не имѣютъ; нѣкоторые же сохранили его въ слабѣйшей степени.

Но тѣмъ не менѣе, эта сторона зависимости міровой не только существовала, но всегда и будетъ существовать. Всегда окажется вліяніе разрушительное, пагубное—и стихіи, и животныхъ, и другихъ людей по отношенію къ отдѣльнымъ хозяйствамъ и личностямъ. Совершенно ослабить упомянутое дурное, разрушительное вліяніе, уничтожить его, по крайней мѣрѣ физически, невозможно. Но хозяйство все-таки стремится и должно стремиться къ тому, чтобы раззорительныя дѣйствія природы и среды ослабить, хотя до извѣстной степени.

Такое ослабленіе, насколько оно достижимо хозяйственною дѣятельностію, бываетъ двоякое: или — прямое, непосредственное, т. е. человѣкъ успѣваетъ извѣстную силу ограничить при обнаруженіи какого-либо разрушительнаго дѣйствія, или—косвенное, она столь разрушительно, какъ прежде, перестаетъ дѣйствовать. Громоотводъ, напримѣръ, низводитъ ударъ молніи въ землю, и разрушительныхъ дѣйствій отъ грозы уже можетъ не быть со времени его изобрѣтенія. Но такое предотвращеніе удается только въ извѣстныхъ случаяхъ и относительно извѣстныхъ силъ. Относительно же другихъ доступно человѣку только прекращать, или ослаблять раззорительное ихъ дѣй-

твіе, и то не всегда прямо, а на основаніи своеобразнаго разсчета исто хозяйственнаго характера. Именно, человѣкъ рѣшается изъ своего имущества постоянно отдавать извѣстную долю, чтобы имѣть увѣренность — никогда не потерять разомъ всего.

На этихъ основаніяхъ устраивается экономическое страхованіе, такъ что *удается ослабить подрывъ отъ вліянія среды или—прямо, непосредственно, или же—вознагражденіемъ за вредъ, убытокъ*, изъ капитала, скопленнаго чрезъ постоянное выдѣленіе извѣстной части изъ достатковъ хозяйства, т. е. *въ тѣсномъ смыслѣ страховымъ оборотомъ*.

И въ томъ, и другомъ случаѣ всѣ затраты направлены не къ тому, чтобы прямо добыть наличную пользу, а только направлены на то, чтобы охранять отъ поврежденія все, что человѣкъ имѣетъ, чѣмъ онъ уже пользуется, т. е. — отъ частичной, или совершенной потери всего достатка. Вслѣдствіе этого, въ борьбѣ за существованіе и въ экономической дѣятельности, которая входитъ въ составъ этой борьбы, та сторона хозяйства, которая направлена только къ предотвращенію, къ ослабленію, или къ возмѣщенію ущерба, къ устраненію грознаго дѣйствія среды, имѣетъ какъ бы *отрицательный характеръ*: прямо достатокъ человѣка отъ нея не ростетъ и не улучшается, а человѣкъ пріобрѣтаетъ только одно обезпеченіе, что его хозяйство останется въ томъ же видѣ. Она, конечно, существенно важна, она составляетъ первоначальное условіе дальнѣйшихъ успѣховъ, потому что, благодаря ей, человѣкъ можетъ навѣрное разсчитывать, что плоды трудовъ его останутся въ цѣлости.

Конечно, успѣхъ экомомическій зависитъ прямо отъ изложеннаго предварительнаго обезпеченія. Тѣмъ не менѣе, самый достатокъ, или экономическая обстановка создаются одною положительною дѣятельностію, т. е. тою, при которой человѣкъ изъ міра и отъ среды заимствуетъ все необходимое. Такимъ образомъ, окружающее и въ тѣсномъ смыслѣ міръ физическій не только грозятъ человѣку, но отъ нихъ же человѣкъ принужденъ добывать всѣ внѣшнія средства къ своему существованію. Зависимость человѣка отъ среды выражается въ послѣднемъ случаѣ не менѣе сильно, чѣмъ въ первомъ. И вотъ, насколько его хозяйство направлено въ послѣднюю сторону, настолько оно—*положительное*.

Понятно, что положительное направленіе хозяйства несомнѣнно разнообразнѣе развивается, чѣмъ отрицательное, потому что только первобытному и неразвитому человѣку природа болѣе грозитъ, чѣмъ поддерживаетъ его и питаетъ. Культурный человѣкъ среду изучилъ; онъ отъ суевѣрнаго страха доходитъ до вѣрнаго предусмотрѣнія, онъ знаетъ, что можетъ вредить ему и изъ чего можетъ онъ извлечь пользу, онъ не питаетъ только одни безотчетныя опасенія къ неизвѣстному его окружающему. Чѣмъ же менѣе человѣкъ изучилъ природу и среду, чѣмъ болѣе въ нихъ неизвѣстнаго для него, тѣмъ его опасенія сильнѣе и тѣмъ болѣе его хозяйственная дѣятельность поглощается отрицательнымъ направленіемъ. Но въ культурномъ состояніи среда *болѣе служитъ* человѣку, чѣмъ вредитъ. Поэтому, положительная хозяйственная дѣятельность несравненно разнообразнѣе, чѣмъ отрицательная, и экономическое развитіе каждаго народа должно заключаться въ томъ, чтобы все менѣе тратится на дѣятельность отрицательную, разумнѣе установить и устроить положительную дѣятельность.

Чѣмъ менѣе на страхованіе тратится трудовъ и средствъ, тѣмъ болѣе остается ихъ на приращеніе положительной обстановки; хотя опускать изъ виду предварительныя затраты, отрицательную страховую дѣятельность невозможно, потому что безъ нея можетъ подрываться и уничтожаться обстановка. Чѣмъ предварительныя затраты удовлетворительнѣе, чѣмъ бдительнѣе слѣдятъ за опасностями и зломъ, которыя *грозятъ* разразиться, тѣмъ все хозяйство болѣе обезпечено.

Въ самой дѣятельности страховой гораздо важнѣе предупредить, чѣмъ уничтожить обнаружившееся какое-либо раззореніе: важнѣе прекратить разразившееся зло, чѣмъ вознаграждать за вредъ отъ него; только въ послѣднемъ мѣстѣ — когда невозможно ни предупреждать, ни прекращать бѣдствія, страховымъ оборотомъ, въ тѣсномъ смыслѣ, должно возмѣщать, вознаградить ущербъ.

Есть такія пагубы въ средѣ, такія стихійныя явленія, которыхъ предупредить невозможно, напримѣръ, чума; есть, далѣе, такія, которыхъ невозможно остановить: градобитіе невозможно прекращать, если оно разразилось, поэтому, только и возможно вознаградить ущербъ отъ него.

Наводненіе же возможно предупредить. Всякая набережная рѣки, всякаго рода гидравлическія сооруженія имѣютъ такое назначеніе.

Остановить же дѣйствіоднее навнія еще и до сихъ поръ не успѣвали, такъ что это зло не допускаетъ прекращенія, но съ нимъ возможно бороться и предупрежденіемъ, и возмѣщеніемъ.

Пожаръ, напротивъ, допускаетъ всѣ три способа хозяйственнаго отраженія: его можно и предупредить, сооружая помѣщенія и зданія несгараемыя, или огнеупорныя, для храненія цѣнностей и склада товаровъ. Пожаръ возможно прекращать, тушить, для этой цѣли существуютъ организованные пріемы. Возможно и денежное вознагражденіе ущерба.

Вся отрицательная дѣятельность хозяйственная и составляетъ, такимъ образомъ, необходимую долю въ обстановкѣ дѣятельности положительной. Основнымъ началамъ положительной дѣятельности подчиняется, однако, и дѣятельность отрицательная. Поэтому возможно и необходимо остановиться при изученіи хозяйственныхъ процессовъ и законовъ на положительной дѣятельности, а ученіе объ отрицательной дѣятельности уже отнести въ тотъ отдѣлъ, гдѣ совмѣстно излагаются пріемы экономической траты средствъ на обезпеченіе существованія, изслѣдуются начала тратъ безвозвратныхъ.

Въ страхованіи, именно, траты столь же безвозвратны, какъ и въ томъ случаѣ, когда человѣкъ уничтожаетъ средства къ жизни съ цѣлію поддержать жизнь. Этотъ послѣдній актъ экономическій обозначается общимъ терминомъ — *потребленія*. По этому необходимо ученіе о страхованіи и потребленіи соединять въ одинъ отдѣлъ.

ГЛАВА II.

Положительное воздѣйствіе человѣка на среду и внѣшніе объекты хозяйства.

§ 8. Полезность, какъ результатъ знакомства съ внѣшнею обстановкою.

Положительная хозяйственная дѣятельность направлена на среду съ тою цѣлію, чтобы пользоваться ею, на сколько она доставляетъ человѣку свои дары, на сколько она пригодна и можетъ съ пользою служить человѣку. Конечно, на первый разъ бѣдная среда съ меньшею пользою будетъ служить человѣку, чѣмъ богатая; но, съ

другой стороны, и въ общемъ положеніи, среда на столько служитъ человѣку, на сколько онъ въ состояніи и способенъ ею пользоваться.

Среди роскошной природы дикарь съ трудомъ успѣетъ миновать голодной смерти.

Родъ человѣческій съ того же началъ свое хозяйство; такъ что и исторически первымъ условіемъ удовлетворительнаго пользованія средою является ознакомленіе съ нею, изученіе ея.

Чѣмъ дальше подвигалось знакомство со средою, чѣмъ шире развивались науки, естественныя и общественныя, тѣмъ болѣе человѣкъ сталъ пользоваться средою и обстановкою. Поэтому, на первомъ планѣ въ положительной дѣятельности хозяйственной стоитъ умственное развитіе лица, народа, класса и т. д. Въ послѣднемъ и заключается главнѣйшая причина того разнообразія въ хозяйственной обстановкѣ, которое существуетъ у разныхъ лицъ, классовъ и народовъ. Есть, конечно, добавочныя причины. Возможность пользоваться достаткомъ безъ всякихъ усилій многіе получаютъ по наслѣдству и т. п., но тѣмъ не менѣе основное начало благосостоянія то, что *міръ на столько служитъ лицамъ и цѣлому народу, на сколько они* умѣютъ совладать съ нимъ, на сколько *знаютъ его* и умѣютъ пользоваться имъ.

Вслѣдствіе этого, бѣдная обстановка можетъ послужить источникомъ чрезвычайнаго обогащенія народа и, съ другой стороны, роскошная мѣстность все-таки не можетъ обращать бѣдность извѣстнаго народа въ зажиточность. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить богатство голландцевъ съ турецкимъ.

Въ Турціи — природа богатѣйшая, но недостаетъ умственной культуры и пониманія у населенія; Голландія же представляетъ отсутствіе, можно сказать, самой почвы, потому что ее приходилось какъ бы поднять изъ подъ моря, голландцы создали эту почву своими усиліями и умѣньемъ.

Тоже самое можно сказать и относительно европейцевъ вообще. Въ дикомъ состояніи Европа не имѣла ни одного изъ видовъ хлѣбныхъ злаковъ, которые теперь составляютъ основаніе всего питанія европейца; они не самородные въ Европѣ, не туземные, ихъ перенесли изъ Остъ-Индіи, гдѣ только они встрѣчаются въ дикомъ видѣ.

Если поэтому европеецъ зажиточнѣе африканца и азіатца, то это не только потому, что онъ пользовался природою, но еще болѣе потому, что онъ ее экономически видоизмѣнилъ, что онъ пере-

несъ на свою почву много растеній изъ другихъ странъ свѣта (напр. картофель, безъ котораго не обходятся нигдѣ теперь, только съ открытія Америки перевезенъ въ Европу).

Тоже самое нужно сказать и о домашнихъ животныхъ: относительно большинетва породъ домашнихъ животныхъ извѣстно, что онѣ въ Европу перенесены изъ другихъ странъ.

Природа, съ своими тремя царствами, конечно на первый разъ опредѣляетъ количество средствъ къ существованію человѣка и народовъ. Всѣмъ своимъ матеріальнымъ потребностямъ удовлетворяетъ человѣкъ помощію предметовъ, занятыхъ изъ внѣшняго міра. При бѣдномъ же обезпеченіи матеріальномъ, или при слишкомъ щедромъ надѣленіи дарами природы, не бываетъ успѣховъ гражданскихъ и умственныхъ. Холодный климатъ уже прямо вліяетъ на физическое развитіе и ростъ полярнаго жителя: эксимосы самое малорослое племя на земномъ шарѣ. При опасеніи погибнуть отъ холода, полярному жителю постоянно угрожаетъ голодная смерть, такъ какъ растительнаго царства въ этихъ странахъ почти не существуетъ, а животное однообразно и бѣдно. О культурномъ развитіи человѣка здѣсь не можетъ быть и помину, такъ какъ всѣ усилія его едва достаточны для охраненія существованія. Осѣдлость невозможна и гражданскихъ обществъ никогда здѣсь не возникало. Общественность, среди столь бѣдной природы, не можетъ идти далѣе семейнаго союза. Аналогическое вліяніе производитъ на человѣка и жаркій поясъ: здѣсь въ меньшой степени ощущаются имъ различныя потребности (въ одеждѣ и помѣщеніи), и въ то же время роскошная растительность снабжаетъ его обильною пищею въ совершенно готовомъ видѣ. Однако, междутропическій поясъ погружаетъ человѣка въ безпечность и не вызываетъ его къ усиліямъ. Вотъ почему, въ умѣренныхъ полосахъ земнаго шара, искони и до сихъ поръ, обнаруживалъ человѣкъ самую оживленную дѣятельность и наибольшую гражданственность. Таково вліяніе мѣстности по совокупности климатическихъ условій и обилію, или недостатку естественныхъ даровъ; но нетолько климатъ, естественныя богатства, строеніе поверхности—самое положеніе имѣетъ важное значеніе въ хозяйствѣ.

Сколько Европа превосходитъ другія части свѣта выгоднымъ географическимъ положеніемъ, очертаніемъ береговъ, устройствомъ своей поверхности и благопріятнымъ климатомъ, на столько уступаетъ она имъ въ отношеніи разнообразія и богатства естественныхъ произведеній. Въ Европѣ нѣтъ такихъ великолѣпныхъ растеній, какими славятся тропическія страны Азіи и Америки: вся флора европ. разводится только при большихъ усиліяхъ и тщательномъ уходѣ. Отличительная черта европ. животнаго царства—преобладаніе домашнихъ, ручныхъ животныхъ, вполнѣ подчиненныхъ человѣку, и отсутствіе дикихъ звѣрей, сравнительно съ грозными животными другихъ частей свѣта. Вообще европ. флора и фауна могутъ, въ общей совокупности своей, считаться произведеніями человѣческаго хозяйства. Наконецъ, не существуетъ въ Европѣ и такого богатства драгоцѣнными металлами и драгоцѣнными камнями, какими отличаются Америка, Азія и даже Австралія; но за то наша часть свѣта имѣетъ неистощимый запасъ тѣхъ ископаемыхъ, которыя должны считаться самыми необходимыми въ человѣческомъ хозяйствѣ,—желѣза, каменнаго угля и соли. Эта относительная бѣдность въ готовыхъ, даровыхъ бла-

гахъ природы вызвала усиленную и организованную дѣятельность со стороны жителей, и европеецъ, благодаря такому счастливому вліянію окружающей его природы, далеко опередилъ обитателей другихъ частей свѣта своимъ хозяйственнымъ и умственнымъ развитіемъ и успѣлъ подчинять своему вліянію, большую часть остальнаго населенія земнаго шара.

Благосостояніе слагается какъ бы изъ двухъ элементовъ *стихійнаго и духовнаго*. Первый составляютъ мѣстныя условія въ природѣ территоріи, второй заключается въ трудѣ, въ дѣятельности населенія, въ умственныхъ и нравственныхъ его задаткахъ. Преобладающихъ изъ этихъ элементовъ въ культурномъ обществѣ является второй. Разительнымъ доказательствомъ того, что въ бытѣ странъ и народовъ надъ вещественною обстановкою господствуетъ самъ человѣкъ, при помощи своихъ духовно-нравственныхъ силъ, именно служитъ сопоставленіе Голландіи и Турціи.

Первая изъ этихъ странъ не богата одарена природою. Болотистая почва, которой угрожаетъ постоянная опасность быть затопленною морскими волнами, сырой климатъ, сѣрое небо не могли особенно содѣйствовать благосостоянію страны. А между тѣмъ энергическое и трудолюбивое населеніе, сплотившееся на узкихъ рѣчныхъ полосахъ, съумѣло отстоять свою родину отъ напора волнъ, сдерживать море плотинами, и даже, воспользовавшись единственными выгодами, которыми надѣлила ее природа, т. е. удобнымъ мѣстоположеніемъ для сношеній съ другими странами и тучными лугами, произведеніемъ самой сырости климата,—съумѣло развить у себя огромную торговлю и образцовое скотоводство; притомъ въ такихъ размѣрахъ, что даже и теперь, когда Голландія перестала играть первую роль во всемірной торговлѣ, она продолжаетъ считаться одною изъ богатѣйшихъ странъ Европы.

Противное мы видимъ въ Турціи. Природа надѣлила эту страну всѣми лучшими своими дарами: плодоносная почва, теплый климатъ, обиліе естественныхъ даровъ чрезвычайно выгодное мѣстоположеніе между двумя частями свѣта, тремя морями, съ обширною линіею морскихъ береговъ и удобными рѣчными путями—и что же: вслѣдствіе владычества надъ этою прекрасною страною варварскаго турецкаго племени, мы находимъ невѣжество и нищету тамъ, гдѣ бы должны царствовать неистощимое благосостояніе и умственное развитіе.

Такимъ образомъ умѣлость, знаніе только и даютъ человѣку средства совладать съ природою, или экономически сдѣлать ее полезною. Поэтому, первый основной терминъ политической экономіи «*полезность*» никогда не долженъ толковаться въ смыслѣ предмета, который можетъ служить человѣку.

Количество вещей и силъ, которыя могутъ служить человѣку, увеличивается по мѣрѣ открытій и изобрѣтеній. Всякое открытіе есть ничто иное, какъ ознакомленіе человѣка съ новою силою, или съ веществомъ въ природѣ, которыя начинаютъ ему служить, быть ему *полезными*: электричество сдѣлалось полезностью со времени его открытія. Далѣе человѣкъ постоянно совершенствуетъ свою обстановку путемъ изобрѣтеній. Изобрѣтеніе есть ничто иное, какъ новый способъ употребленія, или пользованія уже извѣстною силою

и извѣстнымъ предметомъ: электричество было открыто и имъ пользовались путемъ разнаго рода приборовъ, а затѣмъ въ телеграфѣ изобрѣли тому же электричеству новое примѣненіе. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ родъ человѣческій дѣлалъ открытія или изобрѣтенія, онъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе полезностей *).

Полезностями же являются тѣ внѣшнія блага, дары или средства, которыми человѣкъ умѣетъ пользоваться. Съ увеличеніемъ количества полезностей ростетъ и обиліе въ обстановкѣ. Слѣдовательно, богатство окружающаго, или полезность среды зависятъ прямо отъ умственнаго развитія, знанія, умѣнья людей. Послѣднія стоятъ въ хозяйствѣ на первомъ мѣстѣ, удобства жизни ростутъ по мѣрѣ умѣнья пользоваться средою.

Конечно, въ полярныхъ странахъ природа до того скудна, что и самъ человѣкъ надѣленъ весьма ограниченными даже физическими силами, сравнительно съ жителями другихъ полосъ, царство растительное весьма бѣдно, царство ископаемое совершенно недоступно, а царство животныхъ имѣетъ незначительное число представителей, обстановка бѣдна и обилія ея трудно или невозможно достигнуть, потому что переносить сюда другихъ представителей царства растительнаго и животнаго невозможно.

Но, за исключеніемъ подобныхъ крайностей, обстановка самая бѣдная никогда не можетъ быть до того недостаточна, чтобы человѣкъ умѣлый не могъ въ нее внести тѣ полезности, которыя ему потребны: въ настоящее время, въ большей части обитаемыхъ мѣстностей природа доставляетъ культурному человѣку уже не первобытныя, естественныя, въ прямомъ смыслѣ слова, произведенія, но видоизмѣненныя путемъ человѣческой дѣятельности.

Хлѣбные злаки уже не походятъ на первобытныхъ образцевъ своихъ: лѣсъ точно также не тотъ, какимъ создавала его одна природа; животныя могутъ быть видоизмѣняемы, смотря по тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ предназначаетъ ихъ хозяинъ.

И такъ, въ высшей степени существенно держаться того опредѣленія *полезностей*, что они не вообще предметы, которые могутъ служить человѣку, но только тѣ вещества и силы, которыми человѣкъ *умѣетъ* пользоваться. Количество ихъ росло и ростетъ по мѣрѣ умственнаго развитія людей, по мѣрѣ изученія природы и

*) Между прочимъ каучукъ съ 1825 г., гуттаперча съ 1844 г., каолинъ и алюминій еще недавно.

ознакомленія съ нею, по мѣрѣ открытій и изобрѣтеній; съ этого и начался весь хозяйственный успѣхъ человѣчества.

§ 9. Полезность, какъ болѣе точный терминъ, чѣмъ «благо» и «добро».

Я до сихъ поръ останавливался на предварительныхъ понятіяхъ потому, что, съ одной стороны, обстоятельное, вѣрное и точное истолкованіе основныхъ понятій уже опредѣляетъ успѣшное развитіе положеній всего ученія; съ другой же стороны, въ разныхъ сочиненіяхъ по народному хозяйству существуетъ относительно элементарныхъ понятій чрезвычайное обиліе терминовъ, а вслѣдствіе замѣны одного термина другимъ, при сопоставленіи разныхъ понятій весьма нерѣдко выходятъ ложныя общія положенія.

Къ излишнимъ терминамъ, между прочимъ, можно отнести часто употребляющійся на всѣхъ европейскихъ языкахъ терминъ: «*благо*,» «*добро*». Этотъ терминъ включаетъ какъ бы въ себѣ понятіе о полезности уже воплощенной въ матеріи, въ формѣ опредѣленнаго предмета. Употребляется это слово и вмѣсто полезности, и вмѣсто цѣнности, и вообще вмѣсто всякаго внѣшняго объекта хозяйственной дѣятельности.

Приведенные термины употребляются потому въ особенности, что для выраженія понятія полезности у нѣмецкихъ экономистовъ спеціальнаго термина не существуетъ.

Слово «Nützlichkeit» какъ бы не указываетъ на предметъ, самостоятельно существующій, а на качество той или другой вещи. Поэтому вмѣсто «Nützlichkeit» у германскихъ экономистовъ встрѣчается терминъ «Gut», а этотъ терминъ заставлялъ на русскомъ языкѣ, переводчиковъ и самостоятельныхъ мыслителей, употреблять слово «добро», «благо».

Затѣмъ нерѣдко «благо» является уже чѣмъ то инымъ, чѣмъ «полезность», и съ нимъ смѣшивается цѣнность.

Точно также utilitè, valeur во французскомъ языкѣ и utility, valour въ англійскомъ постоянно подаютъ поводъ къ смѣшенію основныхъ понятій.

Вообще всѣ термины экономическіе не созданы наукою своеобразно, не заимствованы изъ какого-нибудь классическаго языка и не

отличаются отъ всѣхъ тѣхъ терминовъ и словъ, которые употребляются въ обиходномъ житейскомъ языкѣ; а потому, весьма естественно, что неотчетливое понятіе, неточное содержаніе, придаваемое тому или другому слову въ обиходномъ языкѣ, вводится и въ экономическое ученіе: а нерѣдко, забывъ объ опредѣленномъ содержаніи извѣстнаго экономическаго термина (напр. полезность, цѣнность), разширяютъ его, или вводятъ въ него содержаніе, менѣе опредѣленное, которое принадлежитъ слову въ житейскомъ обиходѣ.

Поэтому, чрезвычайно важно ограничиться по возможности наименьшимъ количествомъ терминовъ и не прибѣгать къ употребленію словъ равнозначущихъ, принадлежащихъ не научному языку, а обиходному.

Такимъ образомъ, относительно понятія «потребность», между прочимъ, необходимо избѣгать обиходнаго оборота: «я пріобрѣлъ потребность», т. е. пріобрѣлъ извѣстную необходимую вещь; потребностью не можетъ быть названъ какой-нибудь предметъ, потребность есть только опредѣленное отношеніе человѣка къ средѣ.

Точно также «полезность» не есть качество предмета, не есть вообще качество, а опять таки условное отношеніе человѣка къ части внѣшней обстановки: какъ бы величина экономическая.

Полезности суть все то, чѣмъ умѣетъ пока пользоваться человѣкъ. По мѣрѣ развитія и ознакомленія людей съ міромъ, умѣнье пользоваться міромъ ростетъ и количество полезностей естественно увеличивается; но однимъ ознакомленіемъ съ міромъ не ограничивается хозяйственная дѣятельность человѣка и не заканчивается она тѣмъ, что человѣкъ изъ окружающаго извлекаетъ полезности. Міръ самъ собою, самостоятельно, такъ мало служитъ человѣку, что даже полезности, выбранныя изъ среды въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ естественнымъ порядкомъ даны въ ней, прямо пригодны человѣку только въ рѣдкихъ случаяхъ.

Необходимо бываетъ извѣстное приспособленіе, измѣненіе ихъ, необходимо приноровить ихъ къ той, или другой потребности личной, или совокупности лицъ. Приспособленіе, или согласованіе полезностей съ характеромъ потребностей, съ тѣмъ или другимъ обнаруженіемъ послѣднихъ въ данномъ случаѣ, совершается путемъ двоякаго рода дѣйствій.

По существу, такимъ приспособленіемъ совершается окончательное сближеніе между средою, могущею поддержать существованіе че-

ловѣка, и самимъ человѣкомъ, нуждающимся въ такой поддержкѣ. Это-то сближеніе и бываетъ двоякаго рода: оно 1) какъ бы количественное и качественное, а затѣмъ 2) оно совершается просто какъ бы въ пространствѣ—путемъ передвиженія, перемѣщенія полезностей.

Сближеніе, имѣющее характеромъ своимъ дѣйствовать на качество и количество полезностей выражается путемъ видоизмѣненія, заключающагося или въ измѣненіи формы и величины, или въ измѣненіи состава внутренняго того или другаго внѣшняго предмета, который является полезностью. Видоизмѣненіе заключается иногда еще въ томъ, что два, три вещества соединяются и изъ нихъ какъ бы создается новое тѣло, новая полезность,—создается полезность въ такомъ видѣ, въ какомъ никогда въ природѣ предметы этого рода не возникаютъ; или же составъ тѣла разъединяется на свои части, съ полнымъ измѣненіемъ внѣшней формы, и опять таки получается такое элементарное тѣло, какого въ природѣ не возникаетъ, не существуетъ. Однимъ словомъ, сближеніе полезностей съ потребностями человѣка совершается путемъ *видоизмѣненія*—или чрезъ соединеніе, или чрезъ разложеніе полезностей, но именно въ видѣ такой переработки ихъ, по окончаніи которой пріобрѣтается уже предметъ, которой въ природѣ въ томъ видѣ не существуетъ никогда.

Рядомъ съ этимъ видоизмѣненіемъ, сближеніе совершается просто въ пространствѣ, однимъ *передвиженіемъ* полезностей. То, что не можетъ составить предмета потребности въ данномъ мѣстѣ, въ другомъ мѣстѣ можетъ оказаться весьма полезнымъ. Ледъ—полезность весьма высоко цѣнимая на югѣ, а въ Ледовитомъ океанѣ полезностію не можетъ считаться, тамъ напротивъ, является этотъ предметъ грознымъ, усиливающимъ опасности для плаванія. Являясь полезностью на югѣ, ледъ становится таковымъ, только благодаря передвиженію изъ мѣстъ, гдѣ онъ въ обиліи и принадлежитъ къ грознымъ явленіямъ, въ мѣста, гдѣ при другомъ климатѣ, при другой обстановкѣ міровой существуетъ крайняя нужда на этотъ предметъ.

Такимъ образомъ, все сближеніе полезностей съ потребностями человѣка заключается, главнымъ образомъ, въ двухъ разрядахъ дѣйствій: въ видоизмѣненіи и передвиженіи полезностей. Чрезъ то, и другое полезность становится окончательно годною на удовлетво-

реніе потребностямъ въ данномъ случаѣ, является какъ бы новою совершенно величиною въ хозяйствѣ личностей и народовъ. Если данный народъ, или отдѣльное лицо не рѣшаются на усилія и затраты съ цѣлью видоизмѣненія и передвиженія полезностей, то могутъ окружать ихъ весьма многія полезности, они даже могутъ быть убѣждены, что тѣ или другія явленія, или предметы въ природѣ чрезвычайно полезны, и все-таки, при средѣ обильной, богатой полезностями, при полномъ даже знакомствѣ съ ними даннаго лица, класса, народа, онѣ остаются втунѣ; такъ что одинаковое обиліе полезностей въ средѣ, въ различныхъ степеняхъ служитъ къ обезпеченію довольства и всего хозяйственнаго существованія.

Многія страны походятъ по обилію естественныхъ богатствъ на Сѣверо-Американскіе Штаты, но немногіе походятъ на нихъ по довольству жителей и по тому достатку, съ которымъ отдѣльныя личности, энергически дѣйствующія, наживаются и обезпечиваютъ свое существованіе. Разница тутъ не въ средѣ, а только въ той энергіи, съ которой американцы приступаютъ къ видоизмѣненію полезностей, существующихъ въ обстановкѣ.

Вотъ почему, существенно важно различеніе понятія полезности, не сближенной еще съ потребностями, а только узнанной, и понятія о полезности, которая окончательно видоизмѣнена и сближена съ потребностями лица, или общества, или народа. Вотъ почему, въ теоріи установился самостоятельный терминъ для обозначенія послѣдней экономической величины; теорія остановилась на томъ, чтобы полезность, видоизмѣненную уже, вполнѣ приспособленную къ потребностямъ, обозначать особеннымъ словомъ—*цѣнность*.

§ 10 Превращеніе полезностей въ цѣнности и экономическіе фазисы послѣднихъ — товары, запасы, предметы потребленія и капиталы.

Цѣнность, точно также, не качество предмета, хотя, конечно, обиходное употребленіе этого слова весьма легко можетъ привести къ убѣжденію, или склонить къ тому, чтобы подъ цѣнностью разумѣть какое либо качество предмета: цѣнность — только величина, явленіе экономическое, возникающее, какъ и всѣ явленія экономическія, изъ опредѣленнаго отношенія внѣшней среды къ чело-

вѣку, какъ общей сокровищницы, откуда заимствуются всѣ хозяйственные объекты.

Цѣнность — таже самая полезность, но уже въ дальнѣйшемъ фазисѣ своего экономическаго развитія. Это — отношеніе человѣка къ тѣмъ же самымъ предметамъ и явленіямъ стихійнымъ, которые могутъ служить и служатъ на удовлетвореніе потребностямъ послѣдняго, ослабляютъ его зависимость отъ природы, или обезпечиваютъ его отъ того, чтобы эта зависимость не обратилась ему въ ущербъ, не причинила разстройства его хозяйству.

Какъ скоро явленія, или предметы среды приведены человѣкомъ къ такому виду, что ими прямо могутъ удовлетворяться потребности,—они изъ полезностей превращены уже въ цѣнности.

Цѣнность, конечно, можетъ являться при разнообразныхъ условіяхъ. Эти условія представляютъ столько разнообразныхъ случаевъ, сколько случаевъ существуетъ для обнаруженія хозяйственной дѣятельности человѣка.

Всякій актъ хозяйственный является, однако, только видовымъ отправленіемъ, по отношенію къ той основной дѣятельности, которая вообще старается обезпечить существованіе, создать обстановку, создать самое хозяйство.

Въ однихъ случаяхъ, человѣкъ самостоятельно видоизмѣняетъ полезности исключительно для самаго себя; точно также онъ можетъ совершать и перемѣщеніе полезностей, имѣя въ виду только себя. Въ другихъ же случаяхъ, естественно, человѣкъ можетъ дѣйствовать и дѣйствуетъ, трудится, по видимому, какъ бы для другихъ, создаетъ цѣнности для него самаго ненужныя. Но на самомъ дѣлѣ, мѣняя свои трудовыя усилія или, вѣрнѣе, результаты своихъ трудовыхъ усилій на результаты чужихъ усилій, онъ пріобрѣтаетъ косвенно результаты усилій весьма многихъ лицъ: можетъ быть, усилій лицъ, живущихъ на огромномъ разстояніи отъ него; пріобрѣтаетъ результаты отъ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ усилій, совершенныхъ большимъ числомъ лицъ, въ теченіи продолжительнаго періода времени; пріобрѣтаетъ ихъ именно косвенно, путемъ перехода создаваемыхъ цѣнностей изъ однихъ рукъ въ другія. Переходъ этотъ совершается такимъ образомъ, что человѣкъ, собственнымъ трудомъ создаваемую цѣнность, имѣлъ въ виду отдать другимъ, съ цѣлію пріобрѣсти цѣнность, которую онъ при данной обстановкѣ, или при данныхъ своихъ трудовыхъ силахъ,

вслѣдствіе недостатка умѣнья, вообще вслѣдствіе слабосилія трудоваго,—создать не можетъ.

Весь безконечный рядъ дѣйствій, путемъ которыхъ человѣкъ, создавая извѣстныя цѣнности, пріобрѣтаетъ другія косвенно отъ лицъ, которыя также имѣли въ виду пріобрѣсти на нихъ то, что имъ болѣе нужно,—весь этотъ рядъ дѣйствій подводится подъ общее понятіе *мѣны и мѣновыхъ сдѣлокъ*.

Отношенія между мѣняющими лицами и мѣняемыми цѣнностями, отношенія послѣднихъ, однихъ къ другимъ, могутъ быть, смотря по разнообразію самыхъ сдѣлокъ мѣновыхъ, весьма разнообразны. Но всѣ они имѣютъ то общее основаніе, что извѣстныя цѣнности являются непосредственно ненужными въ рукахъ лицъ, приступающихъ къ мѣновой сдѣлкѣ, а имѣютъ для нихъ только косвенное значеніе, т. е. важны ради дальнѣйшихъ передачъ и пріобрѣтенія другихъ цѣнностей.

Въ этомъ фазисѣ своего экономическаго существованія цѣнность является *товаромъ*.

Но цѣнность понятіе — родовое, а товаръ — видовое понятіе; нельзя приложить одни и тѣже сужденія и выводы, и къ товару, и къ цѣнности, невозможно считать оба понятія вполнѣ совпадающими.

Впрочемъ, мѣновыя сдѣлки не исчерпываютъ всего круга хозяйственной дѣятельности, а представляютъ только особенные, опредѣленные случаи проявленія этой дѣятельности, являются видовыми подраздѣленіями одного общаго понятія — хозяйства. Точно также терминъ товаръ представляетъ только опредѣленный фазисъ въ существованіи цѣнности.

Далѣе цѣнность, за удовлетвореніемъ потребностямъ извѣстнаго лица, или всякой совокупности лицъ, нерѣдко является какъ остатокъ. Такіе остатки, отъ созданныхъ разъ цѣнностей, сохраняютъ сплошь и рядомъ вполнѣ свое хозяйственное достоинство, и въ будущемъ могутъ служить тѣмъ же самымъ экономическимъ цѣлямъ, которымъ служила главная масса первоначально созданныхъ. Остатки отъ потребленія сохраняются, а такое сохраненіе или сбереженіе цѣнностей столь же необходимо, какъ и самое ихъ созиданіе, такъ какъ потребности однородныя, какъ мы видѣли уже, періодически возобновляются съ однообразіемъ весьма существеннымъ: разъ присущая людямъ потребность удовлетворяется только

на время, до срока своего возобновленія. Оставшіяся послѣ удовлетворенія потребностей цѣнности и на будущее время пригодятся, или будутъ имѣть тоже самое приложеніе, которое первоначально имѣло основное ихъ количество. Излишки при экономической дѣятельности человѣка естественно должны возникать и представляютъ собою опять-таки своеобразный фазисъ въ существованіи цѣнностей.

Цѣнности о которыхъ предполагается, что послуживши въ хозяйствѣ разъ не всѣмъ своимъ количествомъ, онѣ будутъ служить остальнымъ количествомъ въ будущемъ, должны считаться и будутъ считаться элементомъ хозяйства. Можетъ быть этого не случится, можетъ быть потребности видоизмѣнятся и тѣмъ самымъ упразднится хозяйственный смыслъ оставшихся цѣнностей; но тѣмъ не менѣе, покуда не обнаружится подобнаго переворота, онѣ должны считаться цѣнностями въ своеобразномъ положеніи.

Указанный фазисъ несомнѣнно существуетъ въ отношеніяхъ цѣнностей къ экономическому быту человѣка, а для обозначенія его требуется и особенный терминъ. Таковъ терминъ—*запасъ*.

Понятіе запаса существенно отличается отъ предъидущей категоріи цѣнностей, отъ товаровъ, а обѣ въ свою очередь далеко отличаются отъ того хозяйственнаго фазиса цѣнностей, когда послѣднія прямо служатъ потребностямъ.

Вотъ почему нельзя, далѣе, слово «запасъ» замѣнять словомъ «товаръ», или словомъ «цѣнность», или употреблять слова, встрѣчающіяся въ юриспруденціи или обиходѣ, но не принадлежащія къ экономической терминологіи, какъ «имущество», «богатство».

Особенно послѣднее у разныхъ писателей получило недолжное толкованіе и значеніе. Одни экономисты разумѣютъ подъ этимъ словомъ всѣ необходимыя для существованія личности, или народа средства, и при своихъ изслѣдованіяхъ доходятъ до заключеній о недостаточности богатства, порождающей нищету, необходимости поставить цѣлію хозяйства добываніе богатства. У другихъ же богатство является, какъ избытокъ, излишекъ средствъ, порождающій благосостояніе, довольство; и опять таки изъ разсужденій получается тотъ выводъ, что цѣлію всей хозяйственной дѣятельности должно быть пріобрѣтеніе богатствъ въ смыслѣ излишка, избытка.

А между прочимъ слово «богатство», въ томъ и другомъ его значеніи, можетъ и вовсе не имѣть мѣста на экономическомъ языкѣ, такъ какъ существующіе термины—полезность, цѣнность, товаръ, запасъ—из-

черпываютъ своимъ содержаніемъ всѣ тѣ явленія, отношенія, видоизмѣненія, которымъ подвергаются предметы хозяйственные при разнообразной дѣятельности самого человѣка, самого хозяина. «Имущество» еще труднѣе вводить въ экономическую терминологію, такъ какъ содержаніе этого понятія допускаетъ только толкованіе чисто юридическое и относится къ области положительнаго права.

Однимъ словомъ, въ совершенно новомъ фазисѣ своего экономическаго существованія представляется цѣнность тогда, когда она сполна служитъ удовлетворенію потребностямъ, и когда чрезъ такое удовлетвореніе она прекращаетъ какъ бы свое экономическое существованіе, уничтожается. Для обозначенія этого послѣдняго назначенія цѣнности существуетъ также особенный терминъ: *предметъ потребленія*.

Наконецъ, цѣнность можетъ быть прилагаема въ хозяйствѣ съ цѣлію аналогичною той, которая имѣется въ виду при мѣновыхъ сдѣлкахъ, т. е. съ цѣлію косвеннаго удовлетворенія потребностямъ. При мѣновыхъ сдѣлкахъ цѣнность, какъ мы видѣли, имѣетъ непрямое значеніе для лица, создавшаго ее, такъ какъ имѣется въ виду пріобрѣтеніе, чрезъ передачу ея, другой цѣнности.

Именно нерѣдко при помощи, и путемъ извѣстнаго перемѣщенія и видоизмѣненія данныхъ полезностей, создаются другія цѣнности, уже идущія непосредственно на удовлетвореніе потребностямъ. Такъ орудія и машины суть цѣнности, которыя сами непосредственно на удовлетвореніе потребностямъ идти даже не могутъ; но они служатъ къ видоизмѣненію и перемѣщенію извѣстныхъ полезностей и другихъ цѣнностей. Въ этомъ фазисѣ цѣнность становится *капиталомъ*.

Всѣ приведенные случаи и отношенія цѣнностей къ потребностямъ и хозяйственной дѣятельности человѣка обусловливаютъ, или установляютъ разнообразныя категоріи въ основномъ понятіи цѣнности. Какъ видовыя понятія послѣднему подчиняются и товаръ, и запасъ, и предметъ потребленія, и капиталъ. Всѣ разобранные нами термины должны однако, при экономическихъ разсужденіяхъ, строго быть различаемы, каждому изъ нихъ должно быть придаваемо только опредѣленное, точное содержаніе. А это одно дастъ возможность избѣжать крайней сбивчивости въ экономическихъ разсужденіяхъ, подобно той, какая существуетъ во многихъ сочиненіяхъ, на всѣхъ современныхъ языкахъ, особенно въ публя-

кціяхъ, задающихся полемикою и пропагандою въ пользу предвзятыхъ взглядовъ политическихъ партій, или обособленныхъ интересовъ.

§ 11. Главные отдѣлы экономической науки, въ смыслѣ самостоятельныхъ ученій.

Вышеизложенныя, предварительныя понятія должны и могутъ послужить, далѣе, къ ближайшему опредѣленію содержанія самой науки. Такимъ содержаніемъ является та дѣятельность человѣка, которая вызывается потребностями, которая обращается именно на полезности и цѣлію своею имѣетъ созданіе внѣшнихъ средствъ и предметовъ потребленія.

Человѣческая дѣятельность, на сколько она уснѣваетъ въ послѣднемъ—есть *трудъ*.

Разнообразные трудовые акты, систематически направленные къ указанной цѣли, въ стройномъ сочетаніи съ внѣшними дѣятелями и капиталами, составляютъ уже *производство*.

Такимъ образомъ, производство вызывается потребностями, совершается надъ полезностями и создаетъ средства и предметы потребленія помощію труда, путемъ хозяйственныхъ усилій и затратъ. Рядомъ съ производствомъ, для обезпеченія хозяйства совершается охраненіе цѣнностей, или вся *страховая дѣятельность* человѣка. Ради этой страховки, по предупрежденію, прекращенію и по вознагражденію ущербовъ, исполняются совершенно аналогическія съ производствомъ дѣйствія, дѣлаются затраты, забираются во внѣшней средѣ полезности, создаются цѣнности, но не для непосредственнаго сближенія съ потребностями, а только ради созиданія средствъ, запасовъ необходимыхъ для отраженія грозныхъ, разрушительныхъ явленій внѣшней среды.

При анализѣ научномъ, при предварительныхъ экономическихъ изслѣдованіяхъ, необходимо остановиться сначала, конечно, на производствѣ цѣнностей потому, что дѣйствія и затраты аналогическія, совершаемыя въ страхованіи, менѣе полны, менѣе разнообразны, съ цѣлями ограниченными, такъ что по нимъ затруднительно выяснить, опредѣлить существо и основанія всей общей хозяйственной дѣятельности человѣка.

Точно также, какъ и страховая и производительная дѣятельность человѣка, служатъ потребностямъ и послѣднимъ подчиняется всякое отдѣльное дѣяніе и каждая затрата, съ неменьшею, или совершенно одинаковою силою, подчиняетъ себѣ хозяйство человѣка совершенно иной бытовой элементъ—*общественность*.

Естественно, поэтому, что при научномъ анализѣ всѣ хозяйственныя явленія представляются прежде всего, разрозненными и на отвлеченной, такъ сказать почвѣ. На первый разъ всѣ отдѣльныя явленія хозяйственныя должны разсматриваться, какъ простыя величины экономическія, взятыя сами по себѣ, отвлеченныя отъ всѣхъ тѣхъ сложныхъ и разнообразныхъ условій, которымъ они подчиняются въ самой дѣйствительности. При такомъ изслѣдованіи получаются общія экономическія положенія, раскрывается та неизбѣжная законосообразность и послѣдовательность порядка, на основаніи которыхъ, при данной міровой обстановкѣ и при данномъ общественномъ строѣ, совершаются всѣ процессы хозяйства, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и обществъ, и цѣлыхъ народовъ.

Совершенно инымъ же путемъ долженъ идти научный анализъ, если разбирать явленія не только по существу и по себѣ, не только въ тѣхъ сочетаніяхъ и процессахъ, которыя строятся путемъ логическаго соединенія понятій, помощію обобщенія при отвлеченномъ разборѣ, или со стороны физіологіи хозяйства, но прямо въ приложеніи къ быту, къ дѣйствительности — со стороны морфологіи послѣдняго.

Если подставить вмѣсто труда, какъ отвлеченнаго понятія, полученнаго изъ обобщенія теоретическихъ основъ хозяйства, самаго дѣятеля работника, и разсматриваетъ вообще, какимъ образомъ хозяйственные обороты и экономическія явленія проводятся въ жизни, конкретно осуществляются въ быту помощью самихъ дѣятелей, то получится уже, при такомъ анализѣ, ученіе о внѣшнемъ строѣ всего хозяйства и его процессовъ.

Въ тоже время, при изслѣдованіи и разборѣ того фактическаго выраженія, или прямаго формальнаго осуществленія, которое получаютъ себѣ всѣ явленія хозяйственныя въ быту людскомъ, должно различать всѣ тѣ формы, которыя создаются подъ главнымъ вліяніемъ общественности, и тѣ, которые возникаютъ преимущественно подъ вліяніемъ хозяйственности, пока независимо отъ разнородности сферъ общественныхъ. И дѣй-

ствительно, если мы обратимъ вниманіе на бытовую сторону современнаго хозяйства, то на первый разъ, въ культурныхъ новѣйшихъ обществахъ, производство, созиданіе цѣнностей и вся хозяйственная дѣятельность представляютъ такую неразрывную цѣпь отдѣльныхъ дѣяній, порознь совершающихся усилій и затратъ, что тутъ доставляется постоянное содѣйствіе другъ другу разными лицами, и не только одновременно и въ той же мѣстности, но и во всѣхъ другихъ случаяхъ, и когда они разъединены огромнымъ пространствомъ мѣста и времени, когда другъ друга вовсе не знаютъ.

Неизбѣжно разбирать всѣ тѣ явленія, дѣйствія и затраты хозяйства, для которыхъ создаются своеобразныя соединенія лицъ въ видѣ разнообразныхъ сферъ общественныхъ, которыя затѣмъ участвуютъ въ общемъ хозяйствѣ, точно также, какъ необходимо разбирать явленія и дѣйствія, которыя независимо совершенно отъ формъ общественныхъ, отъ ихъ разнообразія, совершаются между людьми на основаніи только требованій хозяйственныхъ, безъ всякихъ организованныхъ союзовъ: на основаніи того основнаго требованія, всесильнаго и при содѣйствіи множества лицъ, или даже всего человѣчества, создавать съ наименьшими тратами наибольшее количество цѣнностей, или вообще средствъ удовлетворенія по возможности наибольшему числу потребностей.

Естественно, всѣ явленія и дѣйствія разбираемыя помимо общественности, съ физіологической стороны хозяйства, и анализъ ихъ морфологіи, или бытовыхъ, внѣшнихъ формъ, пріобрѣтаемыхъ ими подъ вліяніемъ общественности, и всѣ затѣмъ также въ экономическомъ быту совершающіеся процессы и движенія, которыя объединяютъ всѣ затраты сферъ и обороты одинокихъ хозяйствъ частныхъ лицъ, предпріятій и промысловыхъ союзовъ, общественныхъ сферъ и всего народа—въ общее хозяйство человѣческое, или такъ называемое международное,— всѣ они заканчиваются тѣмъ, что человѣкъ свои произведенія и доходы обращаетъ на свою пользу, на удовлетвореніе потребностямъ, что въ хозяйствѣ они уничтожаются, т. е. *потребляются*.

Потребленіемъ заканчивается круговоротъ хозяйственный, или существованіе цѣнностей; потребленіемъ какъ бы уничтожается всякая экономическая величина; потребленіе же должно сохранять нормальныя отношенія къ предъидущимъ процессамъ. Только при нормальномъ, организованномъ потребленіи получается настоящее *хозяйство*; отъ способовъ потребленія зависитъ то доволь

ство, или обезпеченное существованіе, ради которыхъ вызывался и вызывается человѣкъ на трудовую дѣятельность, усилія и затрату средствъ.

Ученіе экономическое, такимъ образомъ, распадается на четыре части, или слагается какъ бы изъ четырехъ отдѣловъ: *теоріи производства, распредѣленія, обращенія и потребленія.*

Эти отдѣлы получаются въ наукѣ о хозяйствѣ потому, что, принимая для изслѣдованія всѣхъ хозяйственныхъ явленій одну исходную посылку—зависимость человѣка оть внѣшней обстановки, вызывающую съ его стороны дѣятельность хозяйственную,—необходимо, при самомъ изслѣдованіи, тѣ же хозяйственныя явленія разбирать съ различныхъ сторонъ въ каждомъ изъ указанныхъ отдѣловъ. Поэтому выводы, полученные въ какой либо одной части, не должны и не могутъ прилагаться къ сторонамъ явленій, относящимся къ другой части. При всякомъ разборѣ существа и значенія даннаго явленія необходимо помнить, откуда слѣдуетъ взять мѣрило, откуда заимствовать положеніе, которое должно служить основаніемъ для оцѣнки его важности въ хозяйствѣ.

Такъ необходимо отличать *трудъ*, какъ физіологическій элементъ, подлежащій изслѣдованію въ первой части экономическаго ученія, отъ *работы* въ собственномъ смыслѣ, т. е. отъ трудовыхъ усилій имѣющихъ представителемъ человѣка. Экономическая работа существенно зависитъ отъ личности самого работника, отъ той обстановки общественной, которою послѣдній пользуется, и отъ совокупности всѣхъ другихъ причинъ, вліяющимъ на его личность, или семейное хозяйство. Слѣдовательно, разбирать вопросъ о наличномъ бытѣ рабочихъ возможно только въ той части ученія экономическаго, которая излагаетъ взаимодѣйствіе явленій экономическихъ подъ вліяніемъ общественныхъ началъ, т. е. во второй части—въ такъ называемомъ ученіи о распредѣленіи доходовъ отъ производства.

Обозначеніе это въ строго научномъ смыслѣ должно считаться не вполнѣ точнымъ, равно какъ и обозначеніе первой части—ученіемъ о производствѣ. Ученіе о производствѣ собственно ничто иное, какъ построеніе путемъ отвлеченія общей физіологіи хозяйства, или изслѣдованіе совокупности процессовъ, порождаемыхъ сочетаніемъ хозяйственныхъ явленій, такъ что тутъ разбирается не производство какихъ либо цѣнностей конкретныхъ, того и другаго вида, но анализируется то теченіе хозяйственныхъ процессовъ или затратъ, которое въ ре-

зультатѣ даетъ новыя внѣшнія средства къ удовлетворенію потребностямъ. Можетъ быть, слѣдовало бы назвать эту часть физіологическою, или ученіемъ о явленіяхъ и дѣйствіяхъ хозяйственныхъ самихъ по себѣ, но принято разъ называть этотъ отдѣлъ ученіемъ о производствѣ.

Точно также, вторая часть названа ученіемъ о распредѣленіи дохода отъ производства. Но такое невѣрное обозначеніе неоднократно влекло за собою и весьма ложный способъ изслѣдованія. Постоянно смѣшивались матеріально существующія, въ быту совершающіяся явленія, единственнымъ представителемъ которыхъ служитъ человѣкъ, съ отвлеченными представленіями, съ формальными понятіями о тѣхъ же самыхъ явленіяхъ, которыя заимствовались изъ первой части ученія. Поэтому, повсюду почти до сихъ поръ, опускается въ общихъ трактатахъ и сочиненіяхъ ученіе о томъ, какое своеобразное проявленіе въ сферѣ хозяйственной получаетъ общественность? и есть-ли, или нѣтъ самостоятельныхъ общественныхъ союзовъ, возникающихъ и создавшихся, помимо всѣхъ другихъ общественныхъ началъ, благодаря только однимъ требованіямъ хозяйственнымъ, т. е. существующихъ болѣе или менѣе продолжительно ради однихъ хозяйственныхъ процессовъ?

Даже общаго понятія о томъ, что такія сферы создались и что онѣ постоянно указывали и указываютъ, какъ разнообразились и разнообразятся формы общественнаго развитія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и формы развитія хозяйства, ни въ законодательствахъ положительныхъ, ни въ самой наукѣ вполнѣ еще не сложилось. Общія узаконенія объ союзахъ, или обществахъ съ хозяйственными задачами, остались только частію ученія объ обязательствахъ по договорамъ въ гражданскомъ правѣ. Между тѣмъ, акціонерная компанія, напримѣръ, не есть договоръ, но эта особенная общественная сфера, это форма союза, въ которую вылились хозяйственные процессы и отношенія, или извѣстныя стороны хозяйственнаго быта. Точно также товарищество, ремесленная мастерская, артель,—все это не договоры, не отношенія обязательственныя, а союзы.

Но до сихъ поръ не удавалось еще исчерпать ихъ существа и дойти до какихъ-нибудь точныхъ законодательныхъ постановленій, соотвѣтствующихъ морфологическому, представительному характеру извѣстныхъ хозяйственныхъ общеній. Юриспруденція отыскивала посылки въ римскомъ правѣ и тѣснила новѣйшую дѣйствитель-

ность, представляющую совершенно иной хозяйственный строй, въ рамки отжившія и негодныя.

Извѣстные хозяйственные союзы запрещались и преслѣдовались только потому, что для нихъ не находилось соотвѣтственныхъ постановленій въ юридическихъ источникахъ и римскомъ правѣ. Такъ запрещалось долгое время командитное общество, потому что оно не подходило подъ какое-либо существующее въ положительныхъ законодательствахъ опредѣленіе договора. Но такъ какъ оно вызывалось самою жизнію и требованіями хозяйственными, то оно все-таки осуществлялось хотя и подъ другою внѣшнею формою. Нѣкоторыя законодательства, именно сначала французское, а затѣмъ англійское, наконецъ вынуждены были признать его подъ настоящимъ именемъ, потому что оно существовало и дѣйствовало успѣшно. И до сихъ поръ еще многими юристами овладѣваетъ страхъ, когда они слышатъ о командитномъ обществѣ на акціяхъ; полагаютъ что, такого общества никогда еще и не бывало, что оно не можетъ существовать безъ вреда для общественныхъ интересовъ. Между тѣмъ, этотъ промысловый союзъ сложился давно, давно дѣйствовалъ и осуществлялъ свои цѣли; а если дѣйствовалъ иногда въ ущербъ участникамъ или публикѣ, то благодаря тому, что не было относительно него законныхъ нормъ.

Такъ какъ, съ развитіемъ хозяйства все болѣе и болѣе совершенствовались и стройнѣе организовывались разныя хозяйственныя соединенія лицъ, а въ законодательствахъ опредѣленныхъ нормъ для нихъ не существовало, то приходилось имъ довольствоваться отрывочными постановленіями. Однако, общій характеръ всѣхъ этихъ разнообразныхъ союзовъ опредѣляется тѣмъ, что каждый изъ нихъ представляетъ соединеніе лицъ по добровольному соглашенію и на срокъ, ради наиуспѣшнѣйшаго производства цѣнностей съ наименьшими затратами, или вообще для выполненія другихъ хозяйственныхъ задачъ. Соотвѣтственное общее обозначеніе, словомъ *предпріятія*, хозяйственные союзы получили только недавно.

Ни термина предпріятіе, *) ни законоположеній о предпріятіяхъ въ большей части законодательствъ еще не существуетъ. Весьма естественно, что и терминологія экономическая, на сколько она установилась въ ученой литературѣ, не успѣла еще вполнѣ освоиться

*) Entreprise, Unternehmung. Срв. мое изслѣдованіе—Строй экономическихъ предпріятій, Спб. 1873 г., стр. 3.

съ этимъ представленіемъ, и что, поэтому, во второй части экономическаго ученія вовсе нѣтъ еще изслѣдованія о законахъ осуществленія, въ дѣйствительности, хозяйственныхъ предпріятій.

До сихъ поръ, для подраздѣленія экономическаго ученія на отдѣлы взятъ совершенно внѣшній признакъ. Исходя изъ разсужденія, что масса цѣнностей, являющаяся результатомъ производства, имѣетъ цѣлію перейти въ руки лицъ нуждающихся; что этотъ переходъ совершается такимъ образомъ, что каждый участвовавшій въ производствѣ, въ созданіи дохода, получаетъ и соотвѣтственную часть; что доходъ отъ производства распредѣляется между участниками послѣдняго—составилось понятіе о второй части науки, какъ объ ученіи, занимающемся изслѣдованіемъ распредѣленія доходовъ отъ производства. При послѣднемъ анализѣ, конечно, встрѣчались вопросы о личностяхъ и экономическихъ классахъ, о землевладѣльцахъ и предпринимателяхъ, о рабочихъ и капиталистахъ, и самое изслѣдованіе, по поводу указанныхъ вопросовъ, всегда далеко выступало за предѣлы узкаго обобщеннаго толкованія о распредѣленіи дохода отъ производства. Являлись предметомъ изслѣдованія не величины и процессы экономическіе, а категоріи, классы лицъ, являлись общественные представители элементовъ производства. Поэтому, вторая часть экономическаго ученія могла бы быть лучше, точнѣе обозначена, какъ ученіе объ представительствѣ производства и хозяйства, или какъ ученіе о морфологической законосообразности дѣяній и явленій въ области хозяйства.

Далѣе, не только съ заранѣе установившимся намѣреніемъ и по договору точному соединяются люди въ союзы, или предпріятія, для хозяйственныхъ цѣлей. Въ новѣйшемъ хозяйствѣ существуетъ такое неразрывное содѣйствіе между представителями оборотовъ, иногда лицами другъ друга вовсе незнающими, между отдѣльными мѣстностями и между всѣми различными частями свѣта, существуетъ затѣмъ по хозяйству такая преемственность историческая между отжившими и наличнымъ поколѣніями, даже между наличнымъ и будущими, что строго, ясно опредѣленныхъ, или по договору точному составленныхъ предпріятій для послѣдняго экономическаго содѣйствія, или хозяйственнаго объединенія, не можетъ возникнуть и никогда не возникало.

Каждое наличное поколѣніе создаетъ такую массу запасовъ,

что они остаются и для будущихъ поколѣній, а вслѣдствіе того связь хозяйственная между наличнымъ и будущими поколѣніями становится чрезвычайно крѣпкою. Она не только не отрицается, но съ полнымъ сознаніемъ каждое поколѣніе работаетъ для будущаго и нисколько не старается ограничить свою дѣятельность однимъ потребнымъ себѣ. Напротивъ, каждое поколѣніе старается только создавать какъ можно болѣе при наиболѣе удовлетворительномъ производствѣ, какъ бы въ силу того воспоминанія, что само оно наслѣдовало отъ предъидущихъ такое обиліе средствъ къ труду, столько познаній хозяйственныхъ и улучшеній, что было бы въ высшей степени ненормально поступать иначе. Слѣдовательно, указанная связь не есть обязательство, устанавливающееся по какому либо своекорыстному разсчету.

Точно также, и въ отдѣльныхъ народныхъ хозяйствахъ, или мѣстной промышленности, дѣятели вовсе не задаются вопросомъ въ чью пользу послужатъ издѣлія, а между тѣмъ содѣйствіе совершается какъ бы само собою.

Такимъ образомъ есть двѣ стороны содѣйствія людей другъ другу, или экономическаго объединенія, кромѣ соединенія въ предпріятія: во первыхъ, водворилась поддержка одновременная между разными группами народовъ и человѣчества, а, во вторыхъ, она продолжилась еще въ видѣ содѣйствія между поколѣніями различныхъ временъ, разныхъ вѣковъ. И то, и другое объединеніе не получаетъ и не можетъ, конечно, получить себѣ формальной организаціи въ видѣ полныхъ союзовъ, основанныхъ на договорахъ; но общеніе и въ указанныхъ случаяхъ, все-таки, законосообразно и подчиняется общимъ началамъ хозяйственнымъ. Если же разбирать съ этой стороны совокупность экономическихъ явленій въ человѣчествѣ, то главнымъ предметомъ разбора будутъ способы перехода, передачи цѣнностей и услугъ, способы перемѣщенія результатовъ труда во всемъ человѣчествѣ, или между отдѣльными классами и лицами у того же народа, помимо своеобразія общественной обстановки. Изслѣдованіе этой стороны хозяйства, или явленій экономическихъ въ указанномъ направленіи, составляетъ предметъ третьяго отдѣла экономическаго ученія.

Это ученіе объ *обращеніи*, о мѣновой передачѣ цѣнностей и услугъ, и вообще о содѣйствіи представителей хозяйства другъ другу, совершающемся независимо отъ различныхъ общественныхъ сферъ.

Наконецъ, въ четвертой части получается ученіе о прекращеніи цѣнностей и хозяйственныхъ явленій на основаніи тѣхъ общихъ началъ, которымъ подчиняется удовлетвореніе потребностямъ. Это ученіе о *потребленіи*. Но такъ какъ организованное потребленіе совершается также успѣшно въ предпріятіяхъ, какъ совершается успѣшно и производство, то за разборомъ физіологіи явленій въ этой области хозяйства, долженъ слѣдовать морфологическій разборъ потребленія въ быту, именно организаціи всѣхъ функцій и во всей полнотѣ — «хозяйства» — въ тѣсномъ смыслѣ.

Вотъ какъ, только и установляются четыре части экономическаго ученія, каждая съ особеннымъ содержаніемъ и пріемами изслѣдованія.

§ 12. Основные три элемента всякаго хозяйственнаго процесса.

Послѣ предыдущихъ разъясненій очевидно, что изслѣдованіе о хозяйствѣ, въ цѣломъ и частностяхъ, должно имѣть постоянно въ виду: во первыхъ, личность хозяина, человѣка хозяйничающаго, трудящагося, дѣлающаго усилія, распоряжающагося затратами; во вторыхъ, внѣшній предметъ всѣхъ заботъ хозяйственныхъ — цѣнности, всѣ видоизмѣненія, которыя возможны, осуществимы надъ полезностями, своеобразное распредѣленіе и возможное движеніе, которымъ будутъ подвергаться цѣнности въ хозяйственнымъ быту; и, наконецъ, въ третьихъ, что все совершающееся въ хозяйствѣ осуществляется подъ вліяніемъ общественности, что это основное условіе, съ одной стороны, полагаетъ границы личной дѣятельности самаго хозяина, а съ другой поддерживаетъ эту дѣятельность, или придаетъ ей своеобразное формальное выраженіе и морфологическій строй.

Поэтому опредѣленіе науки о хозяйствѣ, какъ науки о жизни цѣнностей; или опредѣленіе, что предметъ науки составляютъ цѣнности, блага во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ могутъ становиться они къ человѣку, подобныя опредѣленія не полны, не точны. Точно также и противоположное опредѣленіе, что предметомъ науки экономической служитъ дѣятельность человѣка, направленная на удовлетвореніе потребностямъ, не вполнѣ отчетливо.

Рошеръ (Grundlagen der Nationaloeconomie) исходитъ изъ того опредѣленія, что наука о хозяйствѣ, или о хозяйствѣ народовъ,

занимается движеніемъ, какъ бы жизнію, бытомъ благъ и цѣнностей. Предметомъ науки онъ ставилъ въ первыхъ изданіяхъ (съ 1854 года) своего сочиненіа внѣшнія блага, äussere Güter, внѣ человѣка существующія цѣнности, т. е. внѣшнія средства къ удовлетворенію потребностямъ. Цѣнности и всѣ тѣ процессы, которыя ихъ отношеніями къ личности вызывались и вызываются, онъ ставилъ содержаніемъ науки. Затѣмъ, въ слѣдующихъ изданіяхъ онъ самъ считаетъ весьма важнымъ успѣхомъ теоретическаго построенія, что принимаетъ за центръ въ хозяйствѣ самого человѣка *), и говоритъ объ этомъ, какъ объ радикальномъ измѣненіи своего взгляда.

Но опять-таки Рошеръ опустилъ весьма существенную сторону хозяйства, именно ту, что хозяйство осуществляется подъ условіемъ общественности, имѣетъ не только физіологію, но и морфологію. Ограничиваясь историческимъ методомъ изслѣдованія и придавая пріему изслѣдованія особенно важное значеніе, Рошеръ успѣлъ дойти въ своихъ изысканіяхъ до вывода такихъ законовъ экономическихъ, которые существенно измѣнчивы, и по его мнѣнію, только нормальны въ данную эпоху. Онъ пришелъ къ различенію началъ экономическихъ въ зависимости отъ историческихъ эпохъ, мѣстной обстановки и отъ характера народовъ. По немъ есть законы экономическіе, дѣйствующіе въ быту народовъ развивающихся, затѣмъ другіе дѣйствуютъ въ быту народовъ развившихся, и, наконецъ, третьи начала и законы экономическіе дѣйствуютъ во время упадка народовъ.

При такомъ взглядѣ, всякое дѣйствіе и явленіе хозяйственное, совершающее даже при ложномъ толкованіи міровой зависимости человѣка и его потребностей, становится законосообразнымъ, подчиняются экономическимъ началамъ и совершенно нормально — именно потому, какъ утверждаетъ Рошеръ, что оно соотвѣтствуетъ своему времени. Общихъ началъ въ наукѣ нельзя раскрывать, ихъ и не существуетъ. Подобное уклоненіе, упразднившее какъ бы всякое неизмѣнное начало въ хозяйствѣ, возникло у Рошера только потому, что онъ придавая главное значеніе методу изслѣдованія, собственно освящаетъ всякое историческое заблужденіе.

Наравнѣ съ другими, и онъ, упустилъ изъ виду значеніе предпріятій, ихъ формъ для самаго хозяйства, или то обстоятельство,

*) § 1. Ausgangspunkt, wie Zielpunkt unserer Wissenschaft ist der Mensch.

что данное хозяйство, неизбѣжно воплощается въ опредѣленныхъ союзахъ, или подчиняется существующимъ уже общественнымъ союзамъ, что и въ томъ и другомъ случаѣ, хозяйство получаетъ внѣшній формальный, бытовой характеръ, или морфологію.

Основы, исходныя положенія и понятія, на которыхъ покоится вся наука нерѣдко затрогиваются мимоходомъ и просто вмѣсто нихъ вводятся *общія соображенія*; или имъ подставляютъ ходячія громкія слова (соціальный вопросъ, національная производительность и т. п.), притомъ безъ всякой попытки раскрыть и установить научное содержаніе послѣднихъ. *Mangoldt:* Volkswirthschaftslehre. Stuttg. 1868 стр. 6: das Umsichgreifen falscher Verallgemeinerungen. Исключительное утилитарное направленіе многихъ новѣйшихъ публицистовъ доводитъ Штейна до настоящихъ воплей отчаянія. *L. Stein:* die organische Auffassung des Lebens der Güterwelt (въ Zeitschrift f. d. g. Staatswissenschaft. Tüb. 1868. стр. 216 и слѣд.) — утверждаетъ: das wird man kaum bestreiten, das wenn in unserer Zeit viel *beobachtet* und *gearbeitet*, doch ausserordentlich wenig *gedacht* wird.... Zu den Gebieten, in denen wir diese Gefahr sehr ernstlich laufen, gehört vor allem die Nationalökonomie. Das, was wir von ihr wissen ist in so hohem Grade Gemeingut und an sich so nahe liegend, das man dabei kaum noch von einer Wissenschaft reden kann.... Trivialität ist ihrem Wesen nach der Schein der Tiefe, verbunden mit dem Anspruch auf dieselbige geistige Anerkennung, welche die letztere findet, ohne sie zu fordern. Und es ist schwer zu läugnen, dass namentlich die Nationalökonomie einigermassen in Gefahr ist, trivial zu werden. Man erlasse uns Beispiele. Gewiss ist nur, dass wir namentlich in Deutschland viel mehr Nationalökonomie als Nationalökonomen besitzen. Diese Wissenschaft hat unendlich viel *Kenntniss*, aber bisher sehr wenig *Geist* entwickelt. Sie hat mit all ihrer—allerdings befruchtenden—Breite sich weder ein Bett in der Philosophie, noch in der Rechtswissenschaft graben können. Es ist als ob beide alten Wissenschaften, ihrer dauernden Geltung bewusst, kaltblütig vom Ufer zuschauten, wann sich das weite Wasser wohl verlaufen möge. Sie sind, so wie die Dinge jetzt liegen, sehr wenig geneigt, der Nationalökonomie eine Heimath bei sich zu gewähren; und die Nationalökonomie hat *ernstlich* diese Forderung bis jetzt auch nicht gestellt. Для возстановленія справедливости необходимо припомнить, что прочныя научныя построенія не создаются на основаніи предвзятыхъ общихъ положеній, а послѣднія должны получаться, какъ высшее отвлеченіе, изъ объединенія совокупности предварительныхъ, повторенныхъ и провѣренныхъ наблюденій. Срв. *J. St. Mill*; A system of Logic etc. 5-th ed. 1861. I. b. IV. ch. 3 —Срв. *H. Contzeu:* Grundbau der Nationalökonomie. Leipzig 1866. IV. Methode nnd Begründung der Nationalökonomie, обозрѣвая пріемы изслѣдованія и исходныя воззрѣнія у главныхъ экономистовъ, говоритъ (стр. 83); «der Ausgangspunkt nationalökonomischer Erörterungen ist weder der Begriff Gut, noch Tausch, noch Werth, sondern Begriff wirthschaftliches Leben; denn die Nationalökonomie ist die Wissenschaft der Anthropologie in ihren wirthschaftlichen oder materiellen Beziehungen zur Lösung der ethischen Aufgabe des Menschenlebens».

Замѣчательными исключеніями, изъ указаннаго безотраднаго положенія научныхъ изслѣдованій о народномъ хозяйствѣ, представляются сочиненія Л. Штейна. *L. Stein:* System der Staatswissenschaft. Stuttg. 1852. Его же Lehrbuch

der Volkswirthschaft. Wien 1858. и К. Дицеля. *C. Dietzel:* die Volkswirthschaft und ihr Verhältniss zu Gesellschaft und Staat. Frankf. 1864. Особенно гл. VI и VII, хотя они касаются главныхъ основныхъ вопросовъ только въ общихъ чертахъ, и хотя не совсѣми выводами въ частности возможно согласиться.

Громожденіе матеріальной учености, которое подъ названіемъ *историческаго метода* введено, въ подражаніе даровитому труду Рошера, въ нѣмецкую Volkswirthschaftslehre, удалило науку отъ существенныхъ ея задачъ, хотя эти драгоцѣнныя изысканія, по исторической дѣйствительности и хозяйственному быту, значительно расширили ея кругозоръ. Послѣдствіемъ такого пріема оказалась неопредѣленность содержанія, или совершенно невѣрное иногда пониманіе самого объекта *науки*. Въ обозначеніяхъ «теорія цѣнностей» или «наука о народномъ богатствѣ» воплощается то воззрѣніе, котораго держится большая часть непосредственныхъ послѣдователей А. Смита и которое, до односторонности, развилось во Франціи и въ Германіи. Срв. *Kleinschrod:* die Grundprincipien der pol. Oekonomie. Wien 1869. стр. 3: «Die durch Reichthum erworbene Macht des Handels lenkte die öffentliche Aufmerksamkeit auf *den Begriff des Reichthums als erste schwache Dämmerung für die Entstehung einer Wissenschaft*»,

Грѣшитъ и чисто отвлеченная система Шгейна. Срв. приведенное выше System des Staatswissenschaft; а еще пространнѣе онъ развиваетъ этотъ своеобразный взглядъ въ статьѣ, помѣщенной въ Zeitschr. f. d. g. Staatswissenschaft. Tüb. 1868. стр. 215—242. Die organische Auffassung der Güterwelt Безцѣльно основное его опредѣленіе: «то, что называемъ мы благомъ (Gut), не есть самобытное вещество, а только *процессъ*, который подобно электрическому току проникаетъ предметы *внѣшняго* и *внутренняго* міра». А между тѣмъ онъ самъ утверждаетъ неоднократно, что все экономическое изслѣдованіе относится только къ внѣшней *дѣятельности* человѣка. Превратны и употребляемыя имъ категоріи, въ родѣ «міра благъ» или «жизни благъ». Блага безжизненны и не образуютъ никакого отдѣльнаго міра, не измѣняются и не исчезаютъ самостоятельно, они не представляютъ между собою никакой связи, всякое соединеніе благъ отнюдь не обусловливается ихъ сущностью. Для благъ есть только собираніе, созиданіе и уничтоженіе, которыя зависятъ отъ дѣятельности человѣка, а потому одинъ онъ производящая причина всякому хозяйственному явленію.

Изолировать себя отъ внѣшнихъ вліяній, избавиться отъ окружающей среды человѣкъ рѣшительно не можетъ, такъ какъ онъ органически съ нею связанъ, внѣ ея даже невообразимъ; между нимъ и средою существуетъ безпрерывное взаимодѣйствіе. Срв. *F. Bitzen:* der Genesis der Volkswirthschaft. Stuttg. 1866, § 1: die Stellung des Menschen in der natürlichen Welt.

Въ первый разъ обратилъ вниманіе на неразрывную связь хозяйства съ бытовыми общественными формами *Шеффле*. Первыя его попытки въ изслѣдованіи хозяйства остались непонятыми, такъ что первое изданіе его сочиненія прошло даже незамѣченнымъ или, по крайней мѣрѣ, нигдѣ не приводилось, какъ пособіе литературно-научное. Только второе изданіе (1867 г.) сочиненія Шеффле подъ заглавіемъ: «Общественная система человѣческаго хозяйства», (Das gesellschaftliche System der mens-

chlichen Wirthschaft. ein Lehr — und Handbuch der ganzen politischen Oekonomie, einschliesslich der Volkswirthschaftspolitik und Staatswirthschaft. Tübingen. 1873. 2 B. 3 Aufl.) обратило на его воззрѣнія должное вниманіе, а затѣмъ еще отдѣльнымъ изслѣдованіемъ о формахъ предпріятій (Uber die Anwendbarkeit der verschiedenen Unternehmungsformen въ Zeitschrift f. d. gesammte Staatswissenschaft. Tübingen 1869. стр. 260), онъ подготовилъ указанную точку зрѣнія и выяснилъ морфологическую сторону хозяйственныхъ явленій.

Онъ принимаетъ, что общественная система человѣческаго хозяйства во всей своей совокупности (das gesellschaftliche Gesammtsistem menschlicher Wirtchschaft) распадается на двѣ большія области: 1) область хозяйственныхъ общеній (gemeinwirthschaftliche Hälfte), въ которой онъ, по трудно объяснимымъ основаніямъ, относитъ, наряду съ государствомъ и семьею, также корпорацію и ассоціацію, и 2) область болѣе значительную по количественному доставленію цѣнностей, основанную на свободной конкурренціи и мѣнѣ—область частныхъ хозяйствъ (privatwirthschaftliche Hälfte). По противопоставить возможно только Gemeinwirthschaft и Einzelwirthschaft, или собственно Individualwirtschaft, какъ это дѣлаетъ Дицель. Нѣтъ нужды указать несостоятельность и такого дѣленія подробно, здѣсь же замѣтимъ, что Individual или Einzelwirtschaft мыслимо только по отношенію къ потребленію, а не къ производству. Противоположностію къ Privatwirtschaft только является öffenliche Wirtschaft. Staatswirtschaft, а послѣднее хозяйство отнюдь не можетъ называться предпріятіемъ (gemeinwirtschaftliche Unternehmung).

Напротивъ, дѣйствительно другъ другу, по основаніямъ и цѣлямъ своихъ производительныхъ функцій, противоположными хозяйствами или сферами экономическими являются общественное хозяйство и предпріятіе, или финансовое и предпринимательское хозяйство, между которыми, какъ смѣшанныя формы, стоятъ ассоціаціи непромысловыхъ видовъ.

Тѣмъ не менѣе, изысканія Шеффле положили въ экономичекой литературѣ первое основаніе къ изслѣдованію морфологіи хозяйственныхъ процессовъ, которая, при новѣйшемъ развитіи ассоціаціонныхъ началъ въ фактическомъ хозяйствѣ, пріобрѣтаетъ существенное значеніе, даже, только и можетъ доставить твердыя основы къ разграниченію хо-

зяйственности и общественности, во избѣжаніе всякаго регламентативнаго и коммунистическаго, протекціонно-національнаго или соціальнаго поглощенія первой послѣднею. (Срв. о томъ же Schaeffle въ Deutsche Vierteljahreschrift 1856. Heft. 4. и Herrmann, Leitfaden der Wirthschaftslehre. 1870. стр. 157, 182).

Пока еще въ литературѣ руководствъ по нашему предмету не успѣли уложить весь научный матеріалъ, соотвѣтственно указаннымъ выше тремъ главнымъ предметамъ изслѣдованія, каковыми являются: человѣкъ, какъ субъектъ дѣйствующій, хозяйничающій, цѣнности, какъ объектъ, затѣмъ общественность, какъ неизбѣжное условіе всѣхъ явленій, возникающихъ и съ человѣкомъ, какъ хозяиномъ, и съ цѣнностями, какъ объектами хозяйства *).

Самъ Шеффле, которому принадлежитъ первое указаніе на эту морфологическую сторону хозяйства, въ третьемъ изданіи, вышедшемъ въ 2-хъ частяхъ, не придерживается пріема изслѣдованія, основаннаго на изложенномъ взглядѣ, и потому доходитъ до весьма важныхъ противорѣчій.

Во всякомъ случаѣ, хозяйство въ указанномъ смыслѣ всегда остается, и должно и можетъ остаться, только обще-человѣческимъ хозяйствомъ. Поэтому стремленіе придать ученію о хозяйствѣ обособленный, національный характеръ, или стремленіе снискать для

*) Такъ утверждаетъ *F. Bastiat*—Harmonies économiques, стр. 69—«besoin, effort, satisfaction, voilà le cercle de l'économie politique».—Напротивъ указываетъ *Storch*: Cours d'économie politique St. Petersb 1815, ч. I стр. 23: «L'économie politique est la science des lois naturelles qui determinent la prospérité des nations, c'est-à-dire, leur richesse et leur civilisation. Ces lois ne sont point l'ouvrage des hommes: elles derivent de la nature des choses; on ne les établit pas, on les trouve. L'analyse et l'observation les font decouvrir».

Courcelle-Seneuil въ Journal des économistes (Févr. 1865, p. 163) говоритъ: La science s'occupe de ce qui est permanent et universel; l'art de ce qui existe actuellement et des moyens de l'améliorer. La science recherche quelles sont les causes et conditions générales par lesquelles la richesse augmente ou diminue; elle observe les relations de cause à effet, qui existent entre les faits, et s'efforce d'induire de cette observation des formules, qui lui permettent de prèvoir les phènomènes á venir. Срв. его же Traitè thèorique et pratique d'èconomie politique, Paris 1858. I. p. 5.—*A. Held:* Carey's Socialwissenschaft und das Mercantilsystem. Würzburg 1866, стр. 129—130 полагаетъ что «точно также, какъ математическія положенія вѣрны только при извѣстныхъ посылкахъ, такъ и экономическіе законы слѣдовало бы выражать только условнымъ образомъ». Но тутъ Гельдъ смѣшиваетъ положеніе (Satz) съ закономъ (Gesetz) и, слѣдовательно, не имѣетъ достаточно яснаго понятія о послѣднемъ.

науки какъ будто особенное благорасположеніе тѣмъ, что съ меркантильной эпохи называютъ ее «ученіемъ о народномъ богатствѣ», уже никакого научнаго основанія не имѣютъ. Очевидно, что въ наукѣ о хозяйствѣ одинаково раскрываются и причины нищеты, какъ и причины богатства. Наука о хозяйствѣ разбираетъ законы той дѣятельности, которою человѣкъ создаетъ внѣшнее обезпеченіе своего существованія, обстановку, а между обстановкою, достаткомъ и богатствомъ—огромная разница.

Отождествлять же богатство съ понятіемъ достатка, значитъ измѣнять понятія обиходныя совершенно неточно и вполнѣ безцѣльно, тогда какъ въ наукѣ существуютъ понятія болѣе опредѣленныя и термины полнѣе и точнѣе выражающіе сущность хозяйственнаго объекта.

Основной же терминъ, служащій для выраженія той дѣятельности человѣка, которая направлена на обезпеченіе существованія и на созданіе обстановки, терминъ, встрѣчающійся уже у Грековъ, это *домоводство*, попеченіе, управленіе тѣмъ, что въ древности называлось oikos, domus. Латинское слово выражало именно совокупность всѣхъ средствъ къ жизни. Первоначально domus былъ тождественъ съ familia и заключалъ въ себѣ и всѣхъ членовъ семьи, и рабовъ, и домашній скотъ (pecus), и другія предметы хозяйственные (pecuniae).

Во главѣ familiae стоялъ paterfamilias — хозяинъ, которому принадлежитъ распоряженіе надъ domus'омъ, надъ всѣми средствами къ жизни, управленіе всѣмъ хозяйствомъ. Позднѣе только, рядомъ съ familia, въ составѣ domus и въ значеніи достатковъ домашнихъ употребляется *pecunia*. Затѣмъ familia вполнѣ уже отдѣляется отъ pecunia, и послѣднее изъ этихъ словъ остается для обозначенія всѣхъ средствъ и предметовъ хозяйства; въ pecuniae остаются все-таки и рабы, которые считались также хозяйственною принадлежностью. Латинскому термину familia, въ смыслѣ цѣлостнаго domus, вполнѣ соотвѣтствовало и греческое слово oikos— домъ со всѣми домочадцами и имуществомъ. Распоряженіе же этимъ домомъ, законы хозяйства семейнаго, или домоводства, разбираетъ та наука, которую Аристотель (384 — 322 до Р. Х.) назвалъ oikonomica, т. е. въ самомъ близкомъ переводѣ *ученіемъ о домовитости*; а это ученіе, насколько оно разсматривало домовитость, хозяйство всего народа, или государства (politia), назы-

валось oikonomia politica — *политическою, соціальною экономіею*. Затѣмъ впослѣдствіи считали болѣе удобнымъ назвать это ученіе *народною экономіею*, Volkswirthschaft, на этомъ названіи остановилась и до сихъ поръ нѣмецкая ученая литература. Названіе же науки ученіемъ о богатствѣ народовъ явилось только со времени А. Смита.

А. Смитъ, читая политическую экономію въ курсѣ нравственной философіи *), дошелъ до термина: *достатки, средства къ жизни* народовъ и ученіе объ этихъ средствахъ излагалъ, въ смыслѣ именно ученія о матеріальномъ благосостояніи народовъ, въ противоположность нравственному развитію. Но въ настоящее время обозначеніе содержанія экономической науки терминомъ «наука о народномъ богатствѣ» должно считаться уже рѣшительно превратнымъ, а вполнѣ раціонально это содержаніе выражается только терминомъ: *наука человѣческаго хозяйства*.

Срв. Garnier, de l'origine et de la filiation du mot économie politique въ Journal des Economistes, 1852.—Roscher, Grundlagen, стр. 30, прм. 1 и стр. 33 прим. 4 — Rau, Grundsatze, I стр. 9 называетъ политическую экономію наукою—«которая развиваетъ хозяйство народовъ цѣлостно, согласно его существу, или указываетъ, какъ народъ путемъ хозяйственныхъ стремленій своихъ членовъ постоянно обезпечивается вещественными благами». — По Шеффле (I, 46) наука народнаго хозяйства есть «ученіе о проявленіяхъ хозяйственнаго принципа въ человѣческомъ обществѣ».—Mangoldt, Volkswirthsschaft въ Bluntschli, Staatswörterbuch—называетъ науку «Философіею исторіи народнаго хозяйства».—Срв. Его Volkswirthschaftslehre, Stuttg. 1868. стр. 6—11.

Дицель, считаетъ всеобщую науку человѣческаго быта (allgemeine Wissenschaft der Menschheitserscheinungen) не только возможною и необходимою, но за таковую принимаетъ политическую экономію. Die allgemeine Wissenschaft, auf welche sich alle zu beziehen, und, die einen mehr, die anderen weniger direkt zu stützen, haben, ist die Volkswirthschaftslehre. Zeitschr f. d. g. Staatswissenschaft, 1868 стр. 128 (статья Volkswirthschaftslehre als Wissenschaft. 1866 стр. 329—384; и 1868 стр. 80—128). Любовь къ спеціальной наукѣ доводитъ, такимъ образомъ, Дицеля до увлеченія римскихъ юрисконс-

*) Въ 1776 году появилось его знаменитое—An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations, переведенное на всѣ европейскіе языки; за 17 лѣтъ до того еще онъ издалъ изслѣдованіе по этикѣ: Theory of moral sentiments. Относительно включенія ученія о матеріальныхъ достаткахъ въ курсъ нравственной философіи на Глазговскаго профессора еще дѣйствуютъ средневѣковыя традиціи, по которымъ хозяйственныя стремленія приводятся въ связь съ грѣховностію человѣческой природы. Такъ и послѣдній «схоластикъ»—Gabriel Biel, умершій въ 1495 г., преподавалъ Экономію, какъ профессоръ Тюбингенскаго университета, въ систематической догматикѣ, при главѣ о покаяніи и съ точки зрѣнія: «какимъ путемъ грѣшникъ можетъ исправить внесенный имъ въ міръ хозяйственный ущербъ».

сультовъ, выражающагося въ извѣстномъ изрѣченіи: Jurisprudentia est divinarum atque humanarum rerum notitia. Ulpianus. libro I regularum. Въ противоположность Дицелю чрезвычайно односторонне ограниченіе области политической экономіи у *Т. Степанова*—Записки о политической экономіи. С. Петербургъ 1844, стр. 17: «Наука, Политическая Экономія разгадываетъ физическую жизнь государствъ, какъ политическихъ обществъ; каждый человѣкъ живетъ двоякою жизнью, физическою и нравственною. Человѣкъ, какъ простое животное, долженъ ѣсть, пить, одѣваться, оберегать себя отъ холода. Отсюда развиваются тысячи физическихъ или животныхъ нуждъ, потому что пища, питье, одежда, жилища облекаются человѣкомъ въ разнообразные виды и всякій стремится удовлетворить этимъ нуждамъ по мѣрѣ своихъ силъ. Кромѣ этихъ потребностей нашей физической природы, находятся еще другія нужды нравственныя, относящіяся до нашей нравственной природы. Эти нужды равно многочисленны. Что мы сказали о частномъ человѣкѣ, тоже идетъ къ цѣлымъ обществамъ, состоящимъ изъ частныхъ людей, заключающихъ въ своемъ кругу всѣ ихъ нужды физическія и нравственныя. Мы можемъ представлять себѣ общества какъ индивидуальныя лица, имѣющія жизнь физическую и нравственную. Предметы первой извѣстны подъ общимъ именемъ *богатства*, предметы второй составляютъ *образованность*, понимаемую въ обширномъ смыслѣ. Какъ богатства въ обществѣ пріобрѣтаются, вотъ задача, рѣшаемая нашею наукою, «Политическою Экономіею!» —*Вернадскій*, Программа Политической Экономіи, С.-Петербургъ. 1858 стр. прим. 1—предлагаетъ замѣнить слово «богатство» словомъ «цѣнность». Онъ говоритъ: «Въ большей части опредѣленій политической экономіи входитъ слово «богатство»; приличнѣе, кажется, принять слово «цѣнность», какъ болѣе научное, а потому болѣе точное, тѣмъ болѣе, что политическая экономія говоритъ не о самыхъ вещахъ (что мы разумѣемъ подъ словомъ богатство), а только объ одномъ ихъ свойствѣ—цѣнности». Свое возрѣніе на предметъ и содержаніе науки онъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «Политическая Экономія, какъ наука, въ настоящій моментъ своего развитія, есть по премуществу теорія труда, или теорія цѣнности... Въ политической экономіи господствуютъ два направленія: положительное и отрицательное Первое имѣетъ въ виду преимущественно все общество, второе болѣе отдѣльныя лица. Экономическія понятія древнихъ и меркантилизмъ принадлежатъ къ первому; физіократія и школа Ад. Смита ко второму (стр. 2)»; — Срв. *R. v. Mohl*, Geschichte und Litt. d. Staatswiss, III, 307.

М. Вольскій заключаетъ свое разсужденія о «задачѣ Политической Экономіи» (Одесса, 1872 г., 113) слѣдующими словами: «на основаніи всего сказаннаго, нельзя не прибавить въ заключеніе, что политическая экономія, какъ наука, опредѣляющая общіе законы общественнаго организма и стремящаяся къ высшей жизненной цѣли—благосостоянію отдѣльныхъ лицъ и обществъ, что подобная наука должна стоять въ главѣ всѣхъ прочихъ наукъ. Подчиняя своей цѣли всю совокупность человѣческаго знанія, связывая всѣ науки въ одинъ общій узелъ, она сама, очевидно, является средоточіемъ современной цивилизаціи, направляя ее къ одной общей цѣли — пользѣ и благу человѣка и общества»

II. ОТДѢЛЪ.

Историческій и критическій очеркъ существеннѣйшихъ направленій въ наукѣ.

ГЛАВА III.

Главнѣйшія системы, или школы въ политической экономіи.

§ 13. Задача и значеніе историческаго изученія ради цѣлостнаго построенія науки.

При тѣсной связи экономическихъ идей и воззрѣній съ самою экономическою дѣйствительностью, съ бытомъ экономическимъ, весьма естественно, что научныя обобщенія, слагавшіяся, въ разныя эпохи историческія, въ болѣе или менѣе связныя ученія, стремились цѣлостно обнимать весь, или ту или другую сторону экономическаго быта. Но при всемъ огромномъ значеніи хозяйственной дѣятельности, для всего существованія народовъ и человѣка вообще, нельзя сказать, чтобы воззрѣнія, идеи экономическія шли впереди бытовыхъ хозяйственныхъ отправленій и опредѣляли ходъ самыхъ дѣяній хозяйственныхъ и событій. Конечно, нерѣдко ученіе и отвлеченная систематизація идей давали полезныя и точныя указанія самому быту; но въ большинствѣ случаевъ дѣйствительность оказывалась столь разнообразною, вслѣдствіе разнообразія мѣстной обстановки у разныхъ народовъ и разнообразія основныхъ, главныхъ условій дѣятельности личностей, что по преимуществу отдѣльные способы хозяйственныя, отдѣльные виды хозяйства, отдѣльныя производства, занятія, промыслы, отдѣльные способы соединеній лицъ—слагались опытомъ, по фактическому теченію жизни, а не на основаніи опредѣленныхъ, отчетливыхъ, заранѣе выработанныхъ, или предвзятыхъ теоретическихъ системъ.

Необходимо, поэтому, при изслѣдованіи законосообразности хозяйственныхъ явленій, постоянно свѣрять выработавшіяся у отдѣльныхъ ученыхъ воззрѣнія, положенія или законы, съ тѣми фактами дѣйствительности, или съ тѣмъ историческимъ опытомъ, который существовалъ и существуетъ на лицо и всегда оказывался несравненно богаче, разнообразнѣе отвлеченнаго ученія того, или другаго изслѣдователя.

Цѣлостной теоріи всего экономическаго ученія, вслѣдствіе этого, не возможно найти ни у кого либо одного изъ писателей экономистовъ; превратно было бы усвоить себѣ ученіе того или другаго писателя сполна, хотя бы система его дѣйствительно была безупречно послѣдовательна, не провѣривъ всѣ частности его положеній и затѣмъ сущность его воззрѣній съ тою дѣйствительностью, съ тѣми явленіями, которыя представляютъ жизнь, бытъ, и не прослѣдивъ на сколько удовлетворительно у даннаго писателя, или въ данной теоріи, выясняются всѣ тѣ многоразличныя явленія, которыя представляются дѣйствительностью. Нѣтъ полнаго основанія, поэтому, въ наукѣ политической экономіи говоритъ строго о школахъ, невѣрно было бы, усвоивши себѣ точку отправленія и главныя положенія даннаго писателя, строить спекулятивно далѣе на почвѣ одного умозрѣнія—отрѣшившись отъ настоящей, опытомъ подготовленной—экономическое ученіе. Это требованіе и сознавалось, не смотря ни на какія единичныя уклоненія, постоянно и отражается на развитіи самой экономической литературы.

Въ литературѣ экономической нѣтъ даже собственно школъ въ томъ смыслѣ, какъ принято употреблять это понятіе въ области другихъ наукъ.

Есть писатели согласные, усвоившіе себѣ тотъ или другой общій исходный взглядъ, но нѣтъ писателя, который бы вполнѣ ссылался на другаго, согласовался бы съ нимъ во всѣхъ главныхъ положеніяхъ и не стремился бы установить свои собственныя обобщенія, свои личные своеобразныя воззрѣнія на ту, или другую сторону экономическаго быта. Нѣтъ въ строгомъ смыслѣ школы у А. Смита, нѣтъ ея и у другихъ писателей экономическихъ; такъ называемая *меркантильная* школа представляетъ у своихъ приверженцевъ огромное различіе, одни изъ нихъ признаютъ удовлетворительнымъ, что другими совершенно отвергается. Тоже самое у *физіократовъ*: существенно-основныя положенія Кэне уже разнообразятся у Тюрго. Конечно, въ каждой изъ этихъ школъ встрѣчаются писатели наименѣе самостоятельные, которые не противорѣчатъ взглядамъ предшественниковъ и болѣе, или менѣе благовидно сводятъ ихъ взгляды, создаютъ имъ комбинацію, которая можетъ считаться какъ бы энциклопедіею взглядовъ всѣхъ представителей данной школы, но которая не можетъ считаться цѣлостною связною теоріею ихъ экономическихъ идей.

Считать подобныхъ эпигоновъ за представителей опредѣленныхъ школъ было бы въ высшей степени ошибочно. Тоже самое мы видимъ и въ тѣхъ ученіяхъ, которыя относятся къ главнымъ основаніямъ хозяйства иначе, чѣмъ меркантилисты, или физіократы или писатели, группирующіеся около Адама Смита, въ такъ называемой *промышленной* или *индустріальной* школѣ. Это писатели, видящіе главную причину недостатковъ новѣйшей хозяйственной обстановки въ общественномъ строѣ и въ томъ отношеніи, которое существуетъ между рабочею силою, или ея представителями, и средствами къ труду, т. е. въ способахъ владѣнія необходимыми въ производствѣ полезностями, находящимися въ средѣ, и накопленными цѣнностями и запасами. Это писатели *коммунистическаго* и *соціалистическаго* направленія. И они опять-таки не образуютъ нераздѣльной школы: каждый изъ нихъ своеобразенъ, каждый изъ нихъ исходитъ изъ другихъ основаній, доходитъ до другихъ предположеній, чѣмъ остальные; а общимъ между ними можетъ считаться только то убѣжденіе, что необходимо водворять непреложное отношеніе между представителями трудовыхъ усилій, какъ основнаго элемента въ хозяйствѣ, и тѣми внѣшними, подспорными средствами, безъ которыхъ никакая экономическая затрата совершаться не можетъ, т. е. измѣнить отношенія по владѣнію къ тѣмъ полезностямъ и цѣнностямъ, которыми производители неодинаково пользуются въ силу права собственности вообще, особенно же на тѣ хозяйственныя средства, которыя создались предыдущимъ трудомъ цѣлыхъ поколѣній въ видѣ капиталовъ годныхъ къ производству, или для всякой другой затраты въ самомъ хозяйствѣ. Это основное положеніе, о необходимости измѣнить распредѣленіе внѣшнихъ средствъ труда и вещественныхъ основаній хозяйства между представителями хозяйственной дѣятельности, принимается всѣми коммунистами и соціалистами; но выясненіе частныхъ причинъ и предложеніе способовъ къ измѣненію существующаго порядка въ высшей степени разнообразятся. Уничтоженіе индивидуальности выставляется главною реформою въ хозяйствѣ, единственнымъ спасительнымъ средствомъ, чтобы довести послѣднее до полной гармоніи. Естественно, что при такомъ повальномъ отрицаніи нормальности всего существующаго, теоріи отдѣльныхъ представителей соціализма и коммунизма до сихъ поръ развивались и развиваются односторонне.

Хозяйственная область въ человѣческомъ быту представляетъ такое богатство явленій, такое разнообразіе въ условіяхъ историческихъ и физіологическихъ, равно какъ и мѣстныхъ, случайныхъ, при обнаруженіи каждаго изъ основныхъ процессовъ, что многіе изъ упомянутыхъ изслѣдователей, не успѣвъ одолѣть разомъ всей совокупности явленій, ограничивались изучать извѣстную сторону хозяйства; а подъ начала, какія получались отъ подобнаго анализа, старались подвести и все остальное хозяйство, даже весь общественный строй. Вслѣдствіе той же причины существуетъ между ними непримиримое различіе въ самомъ ученіи объ основаніяхъ хозяйства, объ существѣ усилій и условій, которыя создаютъ самое хозяйство и обусловливаютъ дальнѣйшіе его успѣхи.

Изъ предыдущихъ общихъ соображеній нельзя не вынести того убѣжденія, что исторія науки часть ея сущности, прочнѣйшее основаніе всей ея системы, необходимое пособіе, какъ для отчетливаго пониманія ея началъ, такъ и для дальнѣйшаго ея развитія.

Экономическая теорія не есть созданіе новѣйшаго просвѣщенія, но плодъ всего развитія хозяйственной стороны человѣческой культуры.

Не слѣдуетъ терять изъ виду связь между общественными, политическими, нравственными и хозяйственными явленіями и воззрѣніями, не должно заниматься исторіею соціальной науки, отторгнувъ ея область произвольно отъ органической совокупности всей современной жизни, и тогда обнаружится явственно, что наука не слагается изъ малосвязнаго хронологическаго ряда случайно возникавшихъ воззрѣній и мнѣній, но что все историческое развитіе ученія представляетъ естественный и послѣдовательно нароставшій результатъ общаго развитія историческихъ эпохъ и народовъ, продуктъ всего умственнаго и соціальнаго прогресса. Поэтому, характеристика явленій, вызывавшихъ извѣстныя теоретическія положенія, не менѣе важна, какъ и разборъ самыхъ положеній.

Но долженъ возникнуть вопросъ: къ чему, при новѣйшей полнотѣ и отчетливости науки, отрывать историческія достопамятности и свидѣтельства объ мнѣніяхъ и положеніяхъ, стремленіяхъ и доводахъ прежнихъ временъ, такъ какъ всѣ эти отрывочныя изслѣдованія остались далеко позади новѣйшихъ успѣховъ, и озираться на нихъ возможно только съ самодовольною улыбкою. Подобное убѣжденіе высказываетъ между прочимъ знаменитѣйшій изъ фран-

цузскихъ политико-экономовъ J. B. Say (Cours pratique de l'éc. pol. IV, 197): «Какая намъ польза собирать забавныя мнѣнія и отверженныя теоріи. Ихъ отыскивать было бы безполезно и докучливо. Поэтому исторія всякой науки сокращается по мѣрѣ того, какъ совершенствуется сама наука».

Но наше время представляетъ еще столько неразрѣшенныхъ общественныхъ задачъ, страдаетъ еще такими хозяйственными недугами, что сомнѣнія въ непогрѣшимость и безспорную непреложность новѣйшихъ хозяйственныхъ порядковъ и экономическихъ началъ вполнѣ позволительно. Пробѣлы же и недостатки могутъ быть восполнены разумно только на основаніи историческаго опыта, только помощію обстоятельнаго сличенія возникавшихъ изслѣдованій относительно тѣхъ же, или подобныхъ вопросовъ у предшедшихъ мыслителей; только этимъ путемъ возможна строгая провѣрка собственныхъ убѣжденій и сознательное минованіе заблужденій на будущее время.

Сама жизнь и наличное положеніе хозяйственнаго быта извѣстной эпохи вызывали большую часть хозяйственныхъ теорій, такъ что отчасти справедливо положеніе Л. Штейна: «что ради одной науки явилось наименьшая часть политико-экономическихъ изслѣдованій; главная масса ихъ преслѣдовала практическія цѣли, или пользовалась своими доводами въ интересѣ партій». Дѣйствительно взаимная зависимость хозяйственной жизни и экономической теоріи до такой степени тѣсна, что безъ вполнѣ отчетливаго пониманія первой невозможенъ никакой успѣхъ въ наукѣ; а къ такому пониманію можетъ только привести историческое изслѣдованіе.

Указанная зависимость подтверждается еще тѣмъ фактомъ, что къ созиданію хозяйственныхъ теорій оказывались способными только народы, у которыхъ политическій и общественный бытъ, при живомъ и свободномъ развитіи, проходили цѣлый рядъ послѣдовательныхъ совершенствованій; народы, которые по общественной своей дѣятельности, по характеру своихъ общественныхъ учрежденій, являлись политически зрѣлыми, полносильными членами общей культурной человѣческой семьи; но не такіе, у которыхъ общественность и жизненность застыли подъ гнетомъ всепоглощающей, деспотической государственной или іерархической опеки (какъ въ государствахъ древняго востока), или гдѣ духовная и хозяйственная дѣятельность подавлены въ самыхъ зачаткахъ.

Вотъ почему, хозяйственныя теоріи всегда возникали въ самыя цвѣтущія эпохи народной жизни, когда народъ уже успѣлъ пройти нѣсколько ступеней общественнаго и хозяйственнаго развитія.

На указанной связи и зависимости зиждется весьма важная для экономической науки истина — *что всѣ хозяйственныя теорія имѣли относительное значеніе, они представляли большую, или меньшую непреложность всегда для своего времени, для данной эпохи народной жизни.*

Это относительное, по преимуществу, достоинство всѣхъ экономическихъ системъ не даетъ еще права считать всякую позднѣйшую систему, всякое послѣдующіе теоретическое построеніе полнымъ отрицаніемъ предыдущихъ, или предполагать чтобы въ каждый изъ нихъ не содержалась извѣстная доля безусловно вѣрныхъ научныхъ истинъ. По непреложному историческому опыту, всякое общественное и хозяйственное ученіе ничто иное, какъ болѣе или менѣе удачное обобщеніе, всѣхъ или нѣкоторой части, дознанныхъ извѣстною эпохою истинъ. При разширеніи воззрѣній, при возростаніи опыта, или при измѣненіяхъ въ пріемѣ научнаго изслѣдованія, наука разширяясь должна естественно обогащаться не чрезъ отверженіе прежде уже доказанныхъ положеній, а включая ихъ сполна въ свою новую систему. Такимъ образомъ, среди разнородныхъ заблужденій и при даже, въ цѣлости своей, вполнѣ неудачныхъ попыткахъ, научная работа всегда, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, и создавала пригодный матеріалъ, важность котораго остается вѣчною и безусловною, помощью котораго только и возможно гармонически довершить цѣлостное и обширное зданіе науки.

Постепенное наростаніе матеріала послѣдняго рода, какъ положительнаго достоянія науки, и должно составлять предметъ историческаго обозрѣнія ея развитія: при чемъ въ политической экономіи надежное опредѣленіе его достовѣрности существенно зависитъ отъ сравнительной оцѣнки теоретическихъ взглядовъ съ современными хозяйственными явленіями.

Возникновеніе первыхъ экономическихъ системъ и главное ихъ содержаніе обусловливают я неполнотою всего ученія экономическаго и одностороннимъ подыскиваніемъ такого элемента, такого основнаго занятія и промысла, путемъ которыхъ хозяйство будто бы должно неминуемо подвигаться впередъ и скорѣе всего довести до благосостоянія. Неизбѣжно, приэтомъ, и самое понятіе о богат-

ствѣ, или о томъ, что важнѣе всего въ обладаніи личности-хозяина, чѣмъ хозяйство его единственно и надежно поддерживается, подвергалось такому-же одностороннему толкованію, какъ и сравнительное значеніе отдѣльныхъ занятій.

Одни изъ первыхъ изслѣдователей останавливаются преимущественно на изслѣдованій о томъ, на сколько отъ данной организаціи затратъ и усилій въ хозяйствѣ ростетъ общенародное благосостояніе, или, какъ нерѣдко называютъ послѣднее народное богатство; причемъ, въ концѣ своихъ изслѣдованій приходятъ къ такому выводу, что народъ можетъ выигрывать, хотя отдѣльныя личности и теряютъ.

Другіе же писатели преимущественно обращаются къ разрѣшенію вопроса о томъ, на сколько путемъ усилій и хозяйственныхъ затратъ ростетъ индивидуальная обстановка, богатство отдѣльныхъ лицъ, на сколько въ правѣ отдѣльныя личности стремиться къ благосостоянію, и, слѣдовательно, нормальнымъ рычагомъ въ хозяйствѣ признаютъ эгоизмъ. Нареканія, что руководствоваться въ хозяйствѣ эгоизмомъ предосудительно, эти ученые отвергаютъ опредѣленіемъ, что, рядомъ съ эгоизмомъ, человѣкъ руководствуется общественностью. А общественность, (Gemeinsinn), *) поселяя въ его отношеніяхъ къ другимъ извѣстную привязанность, до такой степени умѣряетъ порывы эгоизма, что уклоненія отъ должныхъ границъ въ хозяйствѣ никогда не бываетъ.

§ 14. Система меркантильная, ея возникновеніе и практическія цѣли.

При изслѣдованіи хозяйства съ цѣлію объясненія, какимъ путемъ создается общенародное благосостояніе, казалось уже классическимъ авторамъ необходимымъ установить основныя начала, по которымъ выдвигаются тѣ или другія слои населенія; вступали въ разборъ условій благосостоянія тѣхъ или другихъ классовъ, и такимъ образомъ возникло первоначально ученіе о сравнительномъ превосходствѣ занятій отдѣльныхъ классовъ населенія. Послѣдователи этого ученія, въ средніе вѣка и новое время, неодолѣвая всего разнообразія хозяйственныхъ отправленій и не дошедши

*) Срв. у *Рошера*, Основы пол. эк. § 11, прим. 7. — *Bischof*, Grundzüge стр. 19.

до полнаго уясненія связи индивидуальныхъ стремленій съ прогрессомъ массы, остановились на изысканіи той отрасли промышленности, которая скорѣе другихъ обогатитъ весь народъ.

Приэтомъ, отъ послѣдняго воззрѣнія незамѣтно переходили къ ученію объ исключительномъ обогащеніи государства и, затѣмъ, объ обогащеніи представителя народнаго единства въ государствѣ— обогащеніи правительства *), которое обязано направлять и придавать организацію хозяйству отдѣльныхъ личностей. Таковы унаслѣдованныя исходныя положенія, такъ называемаго, меркантилизма. *Меркантилизмъ* собственно теоретическою системою считаться не можетъ, потому что его литература сложилась въ то время, когда начала этой системы уже пошатнулись, когда имъ перестали довѣрять, когда успѣли обнаружить ихъ несостоятельность, и когда началась отчаянная борьба за оборону тѣхъ мнимыхъ истинъ, которыя государственные люди и правительства раньше проводили въ законодательства.

Фактически меркантилизмъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ системою управленія по отношенію къ хозяйству, или рядомъ мѣръ, принимавшихся правительствами съ хозяйственною цѣлію. Какъ законодательный конгломератъ сложилась эта система точно также первоначально въ зависимости отъ дѣйствительности, какъ и всѣ экономическія идеи отъ самой отдаленной древности до новѣйшихъ временъ.

Съ открытія Америки является такое обиліе въ драгоцѣнныхъ металлахъ, что все обращеніе цѣнностей измѣняется, и сдѣлки, которыя происходили путемъ непосредственной мѣны, окончательно устраняются куплею, продажею и денежными платежами. Съ конца XV вѣка денежное обращеніе становится господствующимъ, а въ слѣдующемъ столѣтіи оно окончательно вытѣсняетъ натуральную мѣну. Вслѣдствіе того, повсюду, во всѣхъ международныхъ сдѣлкахъ по обращенію цѣнностей, является на первомъ мѣстѣ нужда въ звонкихъ деньгахъ и драгоцѣнныхъ металлахъ: тѣмъ успѣшнѣе идетъ ростъ хозяйства, чѣмъ быстрѣе водворяется въ данной странѣ денежное обращеніе. Это явленіе до такой степени очевидное, что современники увлекаются до убѣжденія, что главная цѣнность— деньги, звонкая монета, или драгоцѣнный металлъ, изъ котораго нервыя приготовляются. Самъ Колумбъ высказываетъ такой афо-

*) Срв. *Mangoldt*, Volkswirthschaftslehre, стр 20.

ризмъ, что золото есть прекраснѣйшая изъ вещей, обладающій имъ можетъ на все отважиться въ этомъ мірѣ, имъ для усопшихъ открываются врата рая (купивъ на золото индульгенцію). Такимъ образомъ на этомъ и на томъ свѣтѣ безъ золота не обойтись. Въ этомъ изрѣченіи Колумба *), выражается, какъ бы подавившее всякое размышленіе современниковъ XV столѣтія, обояніе, какое вызвало золото вслѣдствіе того, что оно приняло на себя главную роль при всѣхъ сдѣлкахъ обращенія цѣнностей, явилось посредникомъ. Разъ дошедши самымъ грубымъ эмпирическимъ путемъ, безъ всякихъ началъ сознательнаго изслѣдованія, до убѣжденія, что экономическими цѣнностями являются только золото и серебро, естественно должны были уже далѣе строить всѣ свои выводы по хозяйству, или о наилучшихъ способахъ обогащенія, на изысканіи тѣхъ средствъ, которыми быстрѣе всего возможно добыть звонкій металлъ. Такова система благоустройства, выразившаяся впервые въ законодательныхъ актахъ Карла V, такъ-какъ Испанія ранѣе всѣхъ странъ испытала переходъ отъ натуральной мѣны къ денежному обращенію. Тождественная забота выразилась и въ постановленіяхъ Соединенныхъ Нидерландъ. Вскорѣ законодательство Кольбера во Франціи сложилось въ подражаніи указаннымъ государствамъ; ихъ же послѣдовательницею является въ Англіи—Елизавета.

Во всѣхъ распоряженіяхъ этой великой эпохи отражается одно общее стремленіе обезпечить приливъ въ государство золота и серебра; распредѣленіе же самаго металла внутри государства, между отдѣльными классами, казалось совершится во всякомъ случаѣ съ огромною пользою для населенія. Затруднительнымъ считалось одно при-

*) См. *Peschel*, Zeitalter der Entdeckungen. 1858 г. — Также выражается *Schroeder*, Fürstliche Schatz- und Rentkammer, 1686 г. — das Land wird so viel reicher, als entweder aus der Erden oder anders woher Geld oder Gold ins Land gebracht wird, um so viel ärmer, als Geld hinausläuft. Man muss den Reichthum eines Staates nach der Menge des Goldes und Silbers ästimiren. — Срв. *Biedermann*. Über den Mercantilismus, Innsbruck, 1870 г.—*Балугьянскій*, изложеніе системъ политической экономіи (въ Статистическомъ журналѣ за 1806—1808 гг.).—*Steph. Masslow*, dissertatio inauguralis de natura variorum systematum oeconomiae politicae. Moscovia. 1820 г.—*Вернадскій*, критикоисторическое изслѣдованіе объ итальянской политикоэкономической литературѣ. Москва, 1849 г. — *Roscher:* Zur geschichte der englischen Volkswirthschaftslehre 1851 г.—*Glaser*, Anfänge der ökonomisch politischen Wissenschaften in Deutschland (въ Ztschr. für die ges. Staaswisenschaft) 1854 г.—Testament politique de *J. B. Colbert*. 1694 г. — *P. Clement*, histoire du system protecteur en France. 1856 г.

влеченіе извнѣ металловъ, подданные тѣмъ самымъ должны были уже обогатиться.

Еще въ средніе вѣка исключительная хозяйственная обстановка, созданная въ пользу отдѣльныхъ цеховъ и гильдій путемъ городовыхъ законоположеній, привели неизбѣжно къ централизаціи всѣхъ производствъ; точно также меркантильная система, рядомъ съ исключительнымъ покровительствомъ одной торговлѣ, а во второмъ мѣстѣ издѣльной промышленности, при исключительномъ стремленіи помощію выгоднаго торговаго баланса доставить государству обиліе звонкихъ металловъ, выработала такую сосредоточенность управленія, что помимо административнаго надзора не могло совершаться и частное производство.

Быстрый переворотъ производитъ эпоха великихъ открытій и изобрѣтеній. Важное значеніе имѣетъ эта эпоха потому, что хозяйственная дѣятельность переходитъ за границы Европы: торговля европейцевъ начинаетъ обнимать весь міръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Европа получаетъ преобладающее значеніе. Прочія части свѣта, въ первое время послѣ открытія, оказываютъ только содѣйствіе Европѣ. Эта фактическая хозяйственная зависимость ихъ отъ Европы, породила колоніальную систему XVI столѣтія со всѣми ея особенностями: дозволялось колоніямъ сноситься только съ своею метрополіею.

Меркантильная система возникла не на основаніи изслѣдованій ученыхъ, а напротивъ теорія только отражаетъ практику: торговая система была вполнѣ развита въ дѣйствительности и уже послѣ возникли первыя попытки обобщенія ея въ послѣдовательную теорію. Явленія и событія вызвавшія систему заключались во первыхъ въ замѣчательномъ быстромъ усиленіи торговыхъ сношеній къ концу среднихъ вѣковъ. Всѣ помнили, что замѣчательное развитіе народнаго благосостоянія въ первый разъ проявляется въ итальянскихъ приморскихъ республикахъ — Венеціи и Генуѣ, впервые они же запретили вывозъ золота и серебра. Тоже самое случилось и съ Португаліею послѣ открытій вдоль западнаго берега Африки и морскаго пути въ Остъ Индію. Сами португальцы дорожили индійскою торговлею въ высшей степени, устраняя отъ нея всѣхъ прочихъ европейцевъ. Въ какой степени тяготила была зависимость Европы въ такъ называемой mercantia delle spezzerie (т. е. пряностями отъ португальцевъ и до какой степени ее считали обильнымъ источникомъ обогащенія, видно изъ того, что стали искать другіе пути въ Индію. Генуэзцы отправляютъ Павла Центуріона къ Василію III Іоанновичу съ просьбою о пропускѣ купцовъ на Волгу и Каспійское море; но Московскій царь считалъ неудобнымъ дозволять иностранцамъ свободный проѣздъ. По тому же побужденію, и въ Индію же голландцы отыскиваютъ по сѣверному Ледовитому океану путь вдоль береговъ Сибири. Изъ Англіи при Эдуардѣ VI съ тою же цѣлью снаряжается экспедиція Виллогби, окончившаяся прибытіемъ Ченслера въ устье сѣв. Двины у св. Николая и первымъ нашимъ торговымъ договоромъ съ Англіею при Іоаннѣ IV.

Испанцы стали обогащаться торговлею заморскою не менѣе португальцевъ. Карлъ V, ведя безконечныя войны преимущественно наемными войсками, имѣлъ

казалось неистощимыя средства. Испанія получаетъ серебряныя флотиліи изъ Америки. Нидерландскіе города, еще до знаменитой борьбы своей съ Испаніею, создаютъ огромныя богатства тоже помощію обширности своей торговли. Торговля ихъ ростетъ еще болѣе съ тѣхъ поръ, когда они, во время войны за независимость, пріобрѣтаютъ колоніи испанцевъ и португальцевъ.

Между тѣмъ португальцы и испанцы устраняютъ прочіе народы отъ своихъ путей, и по ихъ примѣру, торговлю стали повсюду считать правительственною монополіею. Такъ во Франціи въ 1577 г. объявили всѣ торговые промыслы—регаліею; а въ 1586 г. постановлено, что всѣ промышленныя занятія требуютъ разрѣшенія и составляютъ droit domanial короны; вслѣдствіе того же убѣжденія, что торговля составляетъ право и собственность короны, англійское правительство со временъ Елизаветы выдаетъ привиллегіи на разныя отрасли ея. Вообще при сильной централизаціи власти, правительства стали контролировать и ограничивать торговлю и всю промышленность. При томъ государства начинаютъ къ началу новѣйшаго времени все болѣе объединяться, рѣзче выдѣляются національности, вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ понятіе, хотя темное, о политическомъ равновѣсіи. Эти стремленія отразились и на мѣрахъ относительно народнаго хозяйства. «Что въ одномъ мѣстѣ прибавляется, то въ другомъ убываетъ», говоритъ Бэкнъ (Sermones Fideles, cap. 15). Изъ ущерба однихъ рождается выгода другихъ» утверждаетъ Монтэнь (Essais 1680).

Такимъ образомъ, хозяйственная выгода каждаго народа, стала въ противоположность выгодамъ всѣхъ прочихъ. Съ этою цѣлью издаются тарифы и разные регламенты относительно внутренней промышленной дѣятельности, средневѣковые цехи получаютъ правительственную поддержку, ради поднятія народной промышленности, сообразно съ требованіями государства. Отсюда названіе запретительной и покровительственной системы. Прогибитивизмъ и протекціонизмъ. Рядомъ съ этимъ, возникаетъ новое воззрѣніе на народонаселеніе, увеличеніе котораго начинаютъ поощрять, въ прямой зависимости отъ послѣдняго ставятъ благосостояніе и могущество. Главнымъ основаніемъ же меркантильнаго взгляда остается то убѣжденіе, что деньги исключительные представители богатства, и что для народнаго хозяйства важно не только ихъ количество, но и быстрота ихъ обращенія, циркуляція: отчего впослѣдствіи возникло еще и то положеніе, что слѣдуетъ, черезъ торговыя и промышленныя предпріятія, какъ пріобрѣтать, такъ и возможно быстрѣе обращать деньги. На этомъ основано въ системѣ Ло соединеніе Миссисипской компаніи съ его банкомъ. Внѣшняя торговля пробуждаетъ въ государствѣ хозяйственную дѣятельность; въ этомъ ея преимущество передъ торговлею внутреннею. Однако помощью внѣшней торговли, деньги пріобрѣтаются только въ томъ случаѣ, когда вывозъ значительнѣе привоза; оттого слѣдуетъ устранить отъ привоза все кромѣ сырыхъ произведеній, и съ другой стороны, поощрять вывозъ издѣлій уже готовыхъ, что въ результатѣ поведетъ къ возможно большему пріобрѣтенію у иностранцевъ, какъ золота, такъ и серебра. Въ этихъ видахъ необходимо слѣдить за всѣми движеніями торговли, составлять къ концу года точный балансъ и на основаніи его опредѣлять степень выгоды, или невыгоды отъ торговыхъ сношеній съ тѣмъ или другимъ государствомъ. Отсюда названіе того же меркантилизма системою торговаго баланса.

Вмѣстѣ съ внѣшнею торговлею меркантилисты старались поощрять и самое мореходство, выдачею премій и привиллегій. А также судостроеніе и рыболовство. Купцамъ вмѣняли въ обязанность возить свои товары на судахъ оте-

чественныхъ—иностранные товары могли привозиться въ порты государства только на судахъ туземныхъ. Кромѣ фабрикъ и издѣльной промышленности, всѣ прочія отрасли производства поощрялись мало.

О земледѣліи меркантилисты того мнѣнія, что поощрять его слѣдуетъ, но что оно даетъ мало избытковъ и слѣдовательно—средствъ къ обогащенію, такъ-какъ произведенія его тотчасъ-же потребляются.

Подобно Ксенофонту (de reditibus Atheniensium. VI), и меркантилисты рекомендуютъ заниматься рудокопствомъ даже въ случаѣ явныхъ отъ него убытковъ, такъ какъ здѣсь все-таки народное хозяйство обогащается извѣстною долею драгоцѣнныхъ металловъ, а разработка служила къ доставленію дохода всѣмъ рудокопамъ. Поэтому, при заведеніи колоній слѣдуетъ особенно заботиться о пріобрѣтеніи мѣстностей жиленосныхъ.

Если же колонія не изобилуетъ драгоцѣнными металлами, то она по крайней мѣрѣ должна доставлять метрополіи суровье для фабрикъ послѣдней, и сама ихъ не имѣть вовсе, покупать же мануфактурныя произведенія только у метрополіи; словомъ, колонія не болѣе, какъ хозяйственное дополненіе метрополіи Сама колонія не можетъ имѣть флота, а должна довольствоваться, въ сношеніяхъ съ иноземцами, только услугами метрополіи. Раздѣленіе торговли на активную и пассивную: при первой и вывозъ и привозъ въ рукахъ туземцевъ, при послѣдней народъ ждетъ прибытія иноземцевъ и для продажи своихъ товаровъ, и для покупки чужихъ. Пассивная торговля считается, какъ бы убыточною для государства; теряются для народа барыши за перевозку товаровъ, оттого являются постановленія объ исключеніи иноземныхъ флаговъ отъ участія во внѣшней торговлѣ государства. Являются торговые договоры о флагахъ, исключающіе всѣ флаги, кромѣ договаривающихся странъ. Такъ у насъ до Федора Ивановича торговля съ западною Европою производится только англичанами; но уже Борисъ Годуновъ пишетъ Елизаветѣ англійской; «предѣлы Россіи открыты для вольной торговли всѣхъ народовъ сухимъ путемъ и моремъ такъ, что можно обойтись и безъ англичанъ, и въ угодность имъ не затворимъ дорогъ въ свою землю: для насъ всѣ равны.» Онъ же говорилъ въ грамотѣ отъ имени царя Федора: «И тое—Божью дорогу окіанъ-море какъ можно переняти, унять и затворить?»

Не только государства стремятся къ овладѣнію какимъ-либо моремъ или рынкомъ; но отдѣльныя отрасли внѣшней торговли передаются вполнѣ компаніямъ, обязаннымъ вносить за то государству извѣстный платежъ. Такъ послѣ прибытія Ченслера при Іоаннѣ IV, въ Англіи возникла русская компанія съ утвержденія Елизаветы, пользовавшаяся исключительнымъ правомъ торговли у порта Св. Николая (впослѣд. Архангельскъ).

Кромѣ разсчета по флагамъ и активности торговли, меркантилисты обращаютъ вниманіе на *торговлю провозную* или *транзитную*, отъ которой туземцы обыкновенно получаютъ значительные заработки, потому она, освобождается отъ всякихъ пошлинъ, чтобы направить ее черезъ территорію государства.

Такимъ образомъ, являются относительно разныхъ страслей торговой дѣятельности разныя степени поощренія. Ради ускореннаго обращенія денегъ, наконецъ, и роскошь получаетъ у меркантилистовъ какъ-бы значеніе экономическое: при роскоши и издержкахъ непроизводительныхъ деньги все-таки не остаются долго въ рукахъ богачей. Тѣмъ оправдывались великолѣпіе и роскошь

двора Людовика XIV и всѣхъ его подражателей въ Европѣ. Относительно финансоваго хозяйства, меркантилисты въ первый разъ указываютъ на то, что сборы слѣдуетъ собирать съ барышей подданныхъ и преимущественно во время обращенія богатствъ, почему и отдаютъ они предпочтеніе косвеннымъ налогамъ.

Меркантильные взгляды возникаютъ постепенно еще съ конца среднихъ вѣковъ. Уже въ XIV стол. въ Шотландіи, Англіи, Франціи и Австріи, — а въ слѣдующемъ столѣтіи въ Португаліи и Швейцаріи, являются запрещенія относительно вывоза серебра и золота. Трудно, поэтому, какъ дѣлаютъ многіе, утверждать, что появленіе меркантильной системы будто слѣдуетъ приписать такому-то правителю, или такой-то націи. Обыкновенно возникновеніе меркантильной системы относятъ къ эпохѣ Карла V, утверждая будто мѣры этого императора прямо привели къ полному меркантилизму. Нѣтъ спору, что Карлъ V, для добыванія средствъ къ веденію своихъ войнъ, въ самомъ дѣлѣ прибѣгалъ къ регламентаціямъ торговли и промышленности; но совершенно другой вопросъ, дѣйствовалъ-ли онъ при этомъ систематически и на основаніи предвзятыхъ воззрѣній. Въ стройную систему меркантильная практика собственно приведена въ Англіи при Кромвелѣ, во Франціи—при Кольберѣ. Тарифы (1664 г. 1667 г.) послѣдняго нашли себѣ многочисленныя подражанія въ разныхъ государствахъ, даже до новѣйшаго времени. И дѣйствительно, мореходство и рыболовство во Франціи сильно развились при Кольберѣ. Кромвель считается представителемъ меркантилизма вслѣдствіе своего навигаціоннаго акта, 1651 года. Судостроеніе въ Англіи дѣйствительно развилось со времени этого акта: чтобы быть подъ англійскимъ флагомъ, многіе капиталисты перевели свои капиталы. Относительно колоній актъ тоже вводилъ значительныя стѣсненія: изъ колоній и въ колоніи товары привозятся только на корабляхъ англійскихъ. Въ этомъ же духѣ, однако, дѣйствовала еще Елизавета, и черезъ то вступила въ борьбу съ Ганзейскими городами, которые до того думали, что безъ ихъ посредства торговля морская невозможна, и ее монополизировали. Союзъ Ганзейскій распался по несостоятельности подобныхъ монополій.

Меркантильная система, во всякомъ случаѣ, сдѣлала по крайней мѣрѣ первый опытъ для соединенія всей хозяйственной дѣятельности народовъ въ одно цѣлое: и мѣры правительственныя, и стремленія ученыхъ имѣютъ одну общую задачу—усиленіе благосостоянія народа, и созданіе *народнаго, національнаго* хозяйства. Эти мѣры принимались въ различныя эпохи и разныхъ государствахъ съ крайнимъ разнообразіемъ и безконечными видоизмѣненіями. Только уже въ XVIII ст. взгляды меркантилистовъ высказываются болѣе рѣзко, болѣе опредѣленно. Имъ тогда приходится вступить въ борьбу съ физіократами; оттого они и вынуждены провѣрять свои соотвѣтственныя мнѣнія и выводы. Тутъ конечно уже оставляется ложный взглядъ на богатство и отождествленіе его съ деньгами, но торговый балансъ получаетъ еще большее значеніе.

Меркантильные взгляды такимъ образомъ вырабатываютъ вполнѣ отчетливую систему не задолго до Адама Смита; а новѣйшіе поборники *національной системы народнаго хозяйства*, должны считаться ихъ приверженцами и досихъ поръ.

---

§ 15. Физіократы, или экономисты: ихъ научныя заслуги и односторонніе увлеченія.

Регламентація неизбѣжно должна была найти себѣ противниковъ съ того времени, когда и на *политической почвѣ* чрезмѣрная централизація стала отвергаться. Весьма естественно, что, при связи экономическихъ ученій съ политическими воззрѣніями и убѣжденіями, перемѣна въ политическомъ строѣ государствъ, начавшаяся съ эпохи реформаціи, и выработка новыхъ взглядовъ въ началѣ XVIII столѣтія, вызвали ученіе о предоставленіи необходимаго простора въ хозяйственной дѣятельности каждой отдѣльной личности.

Ученіе энциклопедистовъ неизбѣжно должно было стать въ разрѣзъ съ экономическими тенденціями меркантилизма.

Какъ на политической почвѣ провозглашаются естественныя права человѣка, точно также и для хозяйства народнаго выставляется требованіе *естественнаго порядка*, въ противоположность искусственному направленію со стороны администраціи, путемъ регламентаціи.

Ученіе Кэне (Quesnay), возникшее первоначально въ видѣ отвлеченной утопіи, прокладываетъ себѣ путь въ жизнь, и хотя не успѣваетъ водвориться съ тою силою, которою обладалъ въ законодательствѣ меркантилизмъ, но тѣмъ не менѣе пріобрѣтаетъ себѣ и административныхъ представителей. Тюрго сдѣлалъ попытку его примѣненія. Литература просвѣщенія, или представители такъ называемой новѣйшей философіи весьма близки и къ физіократизму.

Понятно, что такъ какъ физіократизмъ возникаетъ въ противоположность меркантилизму, то весьма естественно онъ впалъ въ односторонность; и если сношенія международныя стояли на первомъ планѣ у меркантилистовъ, то также весьма естественно, что физіократы отвергаютъ важность, для благосостоянія народнаго, внѣшнихъ сношеній и вообще торговыхъ сдѣлокъ, а указываютъ, что въ самомъ народѣ должны совершаться тѣ усилія, путемъ которыхъ можетъ разростаться его хозяйство.

Физіократамъ казалось, что дѣятельность народа должна быть обращена на мѣстность, которую онъ занимаетъ, и смотря потому, насколько послѣдняя щедро надѣлена природою, обитатели успѣваютъ создать себѣ благосостояніе. Во всякомъ случаѣ, благосо-

стояніе зависитъ отъ внѣшней обстановки, отъ самаго богатства природы. Поэтому необходимо водворить въ хозяйствѣ такой порядокъ, который соотвѣтствуетъ природѣ; необходимо построить послѣднее на эксплоатаціи самой среды, и тогда водвориться господство міровыхъ началъ, или *физіократія* (отъ physis — природа и krateiu—управлять).

Вообще же, во всѣхъ первыхъ системахъ, или послѣдовательно сплотившихся общихъ экономическихъ воззрѣніяхъ, господствуетъ односторонность. Послѣдняя заставляетъ меркантилистовъ, разъ признавши главнымъ средствомъ обогащенія драгоцѣнные металлы, отдавать преимущество тѣмъ отраслямъ промышленности, которыми они добываются въ пользу извѣстнаго народа.

Въ немногихъ государствахъ, однако, соотвѣтственное содѣйствіе можетъ развивать рудокопство, а большинство вынуждено было и тало изыскивать косвенный путь къ пріобрѣтенію драгоцѣннаго сметталла. Тою же отраслью промышленности, которая могла доставлять ихъ, была единственно торговля внѣшняя, ею золото и серебро возможно было привлекать извнѣ. Такимъ образомъ, рядомъ съ основными положеніями о *торговомъ балансѣ* развилось и то воззрѣніе, что каждый народъ можетъ обогащаться только на счетъ другихъ, водворились *запретительные тарифы* и, хотя главнымъ средствомъ обогащенія почиталось обращеніе, но вслѣдствіе такъ называемаго *протекціонизма*, каждый народъ старался затруднять ввозъ иноземныхъ цѣнностей, кромѣ металловъ, и препятствовать вывозу сырыхъ, малоцѣнныхъ товаровъ, въ обмѣнъ которыхъ нельзя было пріобрѣтать обильнаго запаса металловъ.

При очевидной односторонности такихъ воззрѣній, противники этого ученія старались доказать, что искуссвенные, не непосредственные способы пріобрѣтенія цѣнностей недѣйствительны и на самомъ дѣлѣ къ благосостоянію не ведутъ.

Современное паденіе могущества Испаніи, Ганзы и Нидерландовъ физіократы, естественно, съ своей точки зрѣнія, могли приписать превратному направленію народной дѣятельности. Они указывали совершенно вѣрно, что драгоцѣнные металлы не главная цѣнность, что они играютъ въ обращеніи только второстепенную роль посредниковъ, и что золото и серебро, отправляемыя изъ государства, нисколько не обусловливаютъ какого бы то ни было су-

щественнаго подрыва ни самаго обращенія, ни развитія всѣхъ прочихъ отраслей хозяйства.

Обогащеніе тогда только можетъ состояться, когда человѣкъ обратится къ пользованію природой; такъ какъ они утверждаютъ, что *создастъ* одна только природа, человѣкъ же можетъ произвести только видоизмѣненія, но не можетъ ничего ни прибавить къ массѣ полезностей, ни уничтожить. Необходимо, поэтому, построить на разработкѣ природныхъ богатствъ все народное благосостояніе. Торговля, по мнѣнію физіократовъ, ничего не создаетъ, торговля только перемѣщаетъ цѣнности, она полезна и необходима, потому что доставляетъ тѣмъ, которые занимаются непосредственнымъ захватомъ полезностей изъ міра, возможность пользоваться предметами, не находящимися въ ихъ обстановкѣ, получаемыми иногда изъ далекихъ странъ. Торговцы доставляютъ какъ бы большій досугъ всѣмъ прямо производительнымъ личностямъ, однако польза ихъ второстепенная, косвенная; торговля полезна въ такомъ только случаѣ, если не существуетъ излишка какъ въ сдѣлкахъ, такъ и въ самихъ посредникахъ, торговцахъ.

Физіократы, конечно, стараются подтвердить эти свои положенія историческимъ опытомъ, для лучшей и успѣшнѣйшней пропаганды своихъ идей они стараются ссылаться на любимыхъ національныхъ дѣятелей, между прочимъ, на министра Генриха IV'— Сюлли, и ставятъ девизомъ своего ученія одно его изрѣченіе, по которому—«le labourage et le paturage sont les deux mamelles de l'état,» т. е. хлѣбопашество и скотоводство питаютъ государства и народы. (Economies royales, I, Ch. 81.)

Меркантилисты полагали, что торговая дѣятельность самая плодотворная въ государствѣ, если только она направлена должнымъ образомъ. Направлять все въ государствѣ должна администрація, которая точнымъ образомъ обязана регламентировать и внѣшнее обращеніе, и внутреннюю промышленную дѣятельность. Физіократы отрицаютъ всякую даже необходимость направленія, со стороны администраціи, отдѣльныхъ отраслей хозяйства и промышленности. Разъ установивъ, что природа главный источникъ, обезпечивающій обстановку, они далѣе требуютъ, чтобы всѣ хозяйственныя отправленія совершались пугемъ естественнаго порядка, по указанію природы. Дѣйствительно, въ хозяйственной обстановки господствуютъ тѣже непреложныя начала, какія дѣйствуютъ и въ окружающемъ мірѣ. Стоитъ только

дать просторъ этимъ началамъ, стоитъ только всякому, по его способностямъ, доставить возможность браться за то, что ближе къ нему, и тогда самыя прибыльныя занятія получать наибольшее число представителей.

Поэтому физіократы, указавъ что только естественный, а не регламентативный порядокъ хозяйства можетъ довести до благосостоянія, по отношенію къ дѣятельности личной ставятъ какъ высшее начало—свободу. Однако свобода торговли еще далеко не такъ толкуется у физіократовъ, въ Laissez faire, laisser passer, какъ фритредерскою школою, также и le monde va de lui même по ученію физіократовъ, не значитъ водворять въ индивидуальныхъ стремленіяхъ полную необузданность, оно не имѣетъ характера положительнаго требованія, въ родѣ пусть будетъ, что будетъ. Приведенный афоризмъ у физіократовъ имѣетъ характеръ отрицанія, именно въ такомъ смыслѣ: не мѣшайте, не направляйте, не ставьте препонъ и не заставляйте дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи. Въ немъ заключается отрицаніе тѣхъ гильдейскихъ монополій, которыя успѣли стѣснить ремесла въ городахъ еще до возникновенія меркантильной системы, тѣхъ, аналогическихъ гильдейской регламентаціи, пріемовъ, которые усвоили себѣ затѣмъ государственныя законодательства. Физіократы только требуютъ, чтобы не заставляли производить по образцамъ, регламентамъ и предписаніямъ; а до чего мелочна была меркантильная регламентація видно изъ того, что ткань, наприм., поролась если она была не изъ того утка, или той основы, не съ тѣмъ числомъ нитокъ, какъ предписывалось, если она на палецъ была шире образца. Издѣлія неуказныя публично, нерѣдко, сожигались и производитель въ случаѣ повторенія ставился къ позорному столбу. Эти регламентаціи доходили до того, что администрація рѣшало (особенно по отношенію къ вновь возникавшимъ промысламъ) возможенъ-ли такой-то промыслъ, или нѣтъ; запрещался извѣстный промыслъ на томъ лишь основаніи, что его не существовало въ общемъ росписаніи промысловъ.

Физіократы возлагаютъ отвѣтственность на того, кто рѣшается на жертвы по производству извѣстнаго промысла, они требуютъ, чтобы всякому дали возможность осуществить свою дѣятельность, не предписывая, какъ и что дѣлать. Но въ тоже время они вовсе не утверждали, что должна господствовать только частная инициатива,

что ни въ какомъ случаѣ не должна она находить поддержки со стороны общества, или что не должна она и ограничиваться въ виду общественныхъ интересовъ. Естественно, они отвергаютъ всякую преграду для торговли и внутренней, и внѣшней. Притомъ они гораздо менѣе радѣли о внѣшней торговлѣ, чѣмъ о внутренней. Внутренняя торговля связываетъ всѣхъ производителей мѣстности, чѣмъ свободнѣе могутъ сообщаться дѣятели туземные, тѣмъ скорѣе они одолѣютъ среду, тѣмъ успѣшнее будутъ извлекать изъ нея средства къ своему обогащенію. Только то, чего жители извѣстной мѣстности, или извѣстнаго государства, не могутъ добыть собственными трудовыми усиліями, только то нормально и доставляется путемъ внѣшней торговли. Въ большинствѣ случаевъ, естественно, казалось, что можно обойтись и вовсе безъ цѣнностей, доставляемыхъ изъ далекихъ странъ, что нѣтъ необходимости обращать особеннаго вниманія на внѣшнюю торговлю; но въ тоже время превратно и стѣснять ее. Еще превратнѣе стѣснять внутреннюю торговлю государства; это значитъ ослаблять связь между отечественными производителями, между подданными одного и того же государства. Вотъ почему, вторая половина формулы физіократовъ требуетъ, что бы провозъ товаровъ былъ свободенъ—laissez passer. Она направлена опять таки только противъ преградъ для всѣхъ отдѣльныхъ сдѣлокъ и актовъ обращенія, какъ въ общихъ государственныхъ границахъ, такъ и за послѣдними.

Городскія цеховыя законодательства среднихъ вѣковъ и меркантильной эпохи, различными заставными и рыночными сборами старались устранять отъ обращенія всякаго пришельца, иногороднина, и закрѣпить покупщика-потребителя за штатными производителями цѣнностей, заставить покупать только у цеховыхъ и привиллегированныхъ мастеровъ. Притомъ, естественно, не одни только сборы были тяжки, но и самая администрація сборовъ. Она получаетъ характеръ притѣснительный проволочки при самой уплатѣ, такъ что оказывались нестолько тяжкими самые сборы, сколько именно способы взиманія платы, прохожденіе различныхъ осмотровъ и заставъ. Сплошь и рядомъ, администраторы налоговъ успѣваютъ, кромѣ основнаго сбора, еще добыть и себѣ разнаго рода, смягчающія ихъ грозное вмѣшательство, добавочныя подачи; нерѣдко представитель извѣстнаго взиманія требуетъ себѣ личнаго возмездія, какъ бы за безпокойство. Накладные взносы не только со временемъ ростутъ, но наконецъ слагаются даже въ обязательную си-

стему. Подобные добавочные сборы пріобрѣли у насъ названіе взятокъ, но въ Германіи и напр. нашихъ Остзейскихъ городахъ, они издавно облеклись въ непредосудительный терминъ, хотя и не подходящій подъ удовлетворительное этимологическое объясненіе, Sporteln. Въ *кормленіе* же отдавались городскіе вѣсы. Практика предоставляла плательщиковъ въ полный произволъ сборщикамъ, и послѣдніе часто наживались болѣе, чѣмъ получала государственная казна. Противъ этихъ-то пріемовъ, именно, и направлено физіократическое laissez faire, laissez passer. Но опять-таки, это не значитъ, чтобы о торговлѣ никто не радѣлъ, чтобы общественнаго вмѣшательства въ торговлю не было, чтобы въ ней господствовалъ полный индивидуализмъ, чтобы всякій могъ дѣлать обороты, какіе пожелалъ бы, — этого смысла свобода промышленности и торговъ не имѣетъ.

Обратить на физіократовъ нареканія и на основаніи приведенной формулы дѣлать заключенія о школѣ, не сообразуясь съ тѣмъ, при какихъ условіяхъ создались положенія физіократизма, значитъ ненаучнымъ, предосудительнымъ способомъ разбивать своихъ противниковъ.

Физіократамъ показалось, что такими требованіями они водворяютъ въ хозяйствѣ, не только начало непреложно-истинное, отъ котораго уклониться нельзя, но они старались убѣдить и въ томъ, что главною подкладкою, главнымъ основаніемъ всего хозяйства, всякаго благосостоянія служитъ сама же природа, изъ которой заимствуются всякаго рода полезности, для приготовленія изъ нихъ предметовъ житейскаго обихода. Физіократы, очевидно, остановились на томъ поверхностномъ наблюденіи, что животныя, которыя уже сдѣлались принадлежностію человѣческой культуры, которыя вошли въ составъ хозяйства, составляя имущество и доставляя средства потребленія, что эти представители животнаго царства нетолько прямо сами по себѣ служатъ къ поддержѣ обихода, но что отъ нихъ есть еще приплодъ, который не зависитъ отъ какихъ либо хозяйственныхъ затратъ, или отъ того, что животныя изъ дикаго состоянія приведены въ культурное, или отъ того, что измѣнены ихъ свойства и наклонности.

Конечно, изъ лошади, напр., очевидно назначенной по складу только для скачки, такъ что она первоначально могла употребляться единственно въ ѣзду верхомъ, сдѣлана возовая, легковая и ломовая; или рогатый скотъ, воспитываемый для молочнаго хозяйства,

подлежитъ совершенно другому уходу, чѣмъ тотъ, который предназначается на убой и т. д.; да при всѣхъ этихъ приспособленіяхъ видоизмѣнилась отчасти формы и складъ домашнихъ животныхъ: они уже по внѣшности совершенно не походятъ на своихъ первообразовъ и той же породы дикихъ животныхъ. Помимо всѣхъ этихъ видоизмѣненій, однако, и въ царствѣ животномъ, и въ царствѣ растительномъ исходившихъ отъ самого человѣка, и не смотря на его несомнѣнное воздѣйствіе на домашнія животныя и растенія, послѣдній все-таки не имѣетъ такого вліянія на представителей упомянутыхъ царствъ, чтобы, какими бы то ни было усиліями, создавать приплодъ и вызвать размноженіе. Однимъ словомъ, помимо разнообразныхъ заботъ человѣка о внѣшнихъ полезностяхъ, или рядомъ съ послѣдними, сильнѣе всего ростетъ его благосостояніе отъ тѣхъ явленій природы, относительно которыхъ вмѣшательство человѣка было бы вполнѣ безуспѣшно.

Приплодъ животныхъ и урожай растительный, на первый взглядъ, какъ будто скорѣе обогащаютъ хозяйство, чѣмъ всякія видоизмѣненія. Приведенное приращеніе хозяйства совершается, если остановиться на однихъ внѣшнихъ признакахъ, благодаря непосредственному участію, непосредственной поддержкѣ одной природы.

Еще очевиднѣе должно было казаться приращеніе хозяйства отъ содѣйствія природы, при сравнительной ничтожности затратъ человѣка, въ хлѣбопашествѣ: каждое зерно посѣва даетъ урожай самъ другъ, самъ пятъ, самъ десятъ. Физіократы несомнѣнно исходили изъ изложеннаго наблюденія и толковали его такимъ образомъ, что добавочныя зерна сбора создаются не затратами хозяйства, а благодаря одному участію въ промыслѣ природы. Человѣкъ же можетъ только видоизмѣнить существующее, приращеніе же въ существующихъ полезностяхъ не отъ него зависитъ. Разведеніемъ, напр., садовыхъ деревъ и огородныхъ растеній онъ можетъ только измѣнить плоды, но вещества онъ не творитъ, его создаетъ сама природа. Слѣдовательно, только то, что уже существуетъ на лицо, и подлежитъ вліянію человѣка; далѣе видоизмѣненія и перемѣщенія наличнаго всѣ его усилія не могутъ идти.

При данномъ наличномъ, понятно, хозяйство не ростетъ, благосостояніе не можетъ увеличиваться; если же обстановка людская постоянно расширялась, то это благодаря тому, что къ существующему природа постоянно прибавляетъ новое, создаетъ вновь. Необходимо,

поэтому, вести хозяйство такимъ образомъ, чтобы усиленно вызывать природу къ приращенію матеріи и вообще полезныхъ предметовъ. Очевидно, что при такомъ разсужденіи, народное хозяйство настолько подвигается, насколько оно ссылается на промыслы, производимые при усиленномъ содѣйствіи природы; всѣ остальныя занятія ничего вновь не создаютъ, они довольствуются переработкою и передачею наличнаго.

Отсюда вытекаетъ своеобразное дѣленіе промысловъ у физіократовъ: на первомъ мѣстѣ стоятъ всѣ тѣ промыслы, при посредствѣ которыхъ природа создаетъ цѣнности вновь—это производительныя занятія; затѣмъ уже на второмъ тѣ, которые только видоизмѣняютъ, перемѣщаютъ цѣнности, но прямо ничего не создаютъ; они оказываются занятіями непроизводительными. Очень понятно, что при своемъ отрицаніи административной централизаціи, они нападали на опору древней французской монархіи, старались подорвать привиллегіи классовъ, которыя мѣшали естественному порядку; при существованіи ихъ нельзя было осуществить физіократіи. Феодалы, землевладѣльцы, во мнѣніи физіократовъ, оказывались людьми праздными, потому что обработкою земли занимались съемщики, арендаторы; поэтому дворяне должны были притягиваться въ государственную службу; особеннаго вознагражденія за это они не въ правѣ получать, но по мѣрѣ владѣнія недвижимостью, еще необходимо облагать ихъ податью, такъ какъ подать можетъ идти съ тѣхъ только источниковъ обогащенія, при помощи которыхъ создаются цѣнности, а цѣнности создаетъ вновь одна природа.

Вотъ почему, понятно, другой подати, кромѣ подати съ обладанія силами природы и быть не можетъ, всякая другая подать вернется къ землевладѣльцамъ. Если облагать податью промышленника, торговца, то они будутъ брать съ потребителя дороже за свои издѣлія, товары, или за услуги при видоизмѣненіяхъ и перемѣщеніяхъ цѣнностей. Вслѣдствіе такого перехода (repercussion de l'impot) чрезъ многія руки, подать будутъ уплачивать, съ надбавкою и накладными расходами, только прямо производительные классы.

Необходимъ большой надзоръ за сборомъ податей, за завѣдывающими взиманіемъ чиновниками: чѣмъ менѣе сборщиковъ податей, тѣмъ менѣе поводовъ къ злоупотребленіямъ, взяточничеству, менѣе издержекъ на взиманіе, менѣе соблазна для общественной нрав-

ственности; во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ несомнѣнную выгоду представляетъ единственная подать (impot unique). На основаніи приведенныхъ соображеній и создалась у физіократовъ теорія налоговъ прямыхъ и косвенныхъ.

Понятно, что дворяне землевладѣльцы, обременяемые службою и притягиваемые къ налогу, не могли относиться равнодушно къ системѣ физіократовъ.

Затѣмъ экономическія убѣжденія физіократовъ заставили ихъ относиться враждебно и къ духовенству, особенно къ монастырямъ, потому что земли въ ихъ рукахъ оставались непроизводительными, какъ бы мертвыми, почему самое владѣніе, со стороны монастырей, недвижимыми имуществами названо было *владѣніемъ мертвой руки*. Физіократы возставали и противъ чрезмѣрнаго числа праздниковъ, отнимавшихъ время у рабочаго сельскаго населенія.

Съ другой стороны, они требовали уничтоженія цеховыхъ привиллегій, охраненія работниковъ (учениковъ, мальчиковъ и подмастерьевъ) отъ произвола мастеровъ, чѣмъ вооружили противъ себя и ремесленниковъ. Наконецъ города, лишавшіеся своихъ заставныхъ и рыночныхъ пошлинъ (octroi), точно также были недовольны.

Такимъ образомъ, на сторонѣ Тюрго могли оказаться только безгласные нищіе, сельскіе труженики, рабочіе наемные находившіеся въ кабальныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ имущимъ, или къ указаннымъ тремъ классамъ. Вслѣдствіе этого проведеніе системы и при самомъ первоначальномъ приступѣ не удалось.

Физіократы, раздѣливъ все населеніе на классы, соотвѣтственно занятіямъ, конечно, производительную роль могли приписать тѣмъ только дѣятелямъ хозяйства, которые прямо эксплоатировали природу. Въ хлѣбопашествѣ, рыболовствѣ, скотоводствѣ, рудокопствѣ и т. д. всѣ дѣйствія производительны потому, что при пользованіи мѣстною средою приращалось богатство. Затѣмъ эти же промыслы доставляютъ сырье, для дальнѣйшаго видоизмѣненія и перемѣщенія, ремесленникамъ и торговцамъ. Производительный классъ,—земледѣльцы, и дѣятели во всѣхъ тѣхъ промыслахъ, гдѣ участіе природы очевидно; ремесленники же и торговцы не имѣютъ такого значенія. Особенно къ торговлѣ, физіократы, уже вслѣдствіе историческаго возникновенія ихъ взглядовъ, относились недружелюбно, точно

также какъ относятся къ ней и во всѣхъ первобытныхъ эпохахъ хозяйства.

Коранъ утверждаетъ, что торговлей занимаются только корыстные люди. Цицеронъ отзывается о торговцахъ, что они успѣваютъ нажить доходъ, насколько успѣваютъ обольстить покупателя своими похвалами, онъ выражается: nihil proficiunt, nisi admodum mentiantur; въ родѣ лавочной пословицы, что настолько продаешь, насколько соврешь. Аристотель и вообще классическіе писатели во всѣхъ соціальныхъ проектахъ постоянно полагали, что торгашество извращаетъ честность гражданина, что онъ ради наживы беретъ прибыльную цѣну, только опираяясь на легкомысліе, или на страсти покупщика, и, такимъ образомъ, развращаетъ себя и потребителей. Тѣмъ лучше для общества, чѣмъ меньше представителей торговли. Точно также и физіократы признаютъ, что торговцы полезны не прямо, а только потому, что производительный классъ будетъ тѣмъ успѣшнѣе дѣйствовать, чѣмъ болѣе будетъ имѣть досуга. Когда дальнѣйшая обработка сырья совершается другими личностями, то этимъ самымъ земледѣльцы и остальные производители получаютъ возможность заняться исключительно своимъ промысломъ. Отъ торговцевъ же получаются издѣлія другихъ мѣстъ и чужихъ странъ. Такимъ образомъ, въ смыслѣ лицъ, содѣйствующихъ занятіямъ производительнаго класса, и торговцы и ремесленники, или вообще занимающіеся видоизмѣненіемъ и перемѣщеніемъ цѣнностей, составляютъ классъ полезный.

Такъ какъ собственники могли земли свои сами не обрабатывать, а предоставить ее арендаторамъ, то казалось, затѣмъ, необходимымъ только разобрать вопросъ, будетъ-ли арендаторъ ограничиваться однимъ вознагражденіемъ за свои усилія и возвращаетъ-ли обработка только затраты, или же, сверхъ того, сельское хозяйство еще даетъ избытокъ дохода, которымъ и съемщикъ, и владѣлецъ постоянно будутъ обогащаться.

Ради выясненія этого вопроса, физіократы приступили къ изслѣдованію тѣхъ затратъ, которыя дѣлаются въ добывающей промышленности; при этомъ ихъ школа раскрыла основныя начала промысловыхъ затратъ съ такою несомнѣнностію, что на положеніяхъ ихъ построилась вся теорія издержекъ по предпріятіямъ, принятая въ новѣйшее время. Они говорятъ, что первобытная почва не годится для непосредственнаго хозяйства, ее приходится выкор-

чевывать, осушать или орошать, и вообще привести къ тому виду, въ которомъ только она и является такою полезностію, которая, при приложеніи труда, могла служить основаніемъ для производства цѣнностей: упомянутое приведеніе почвы къ должному виду требуетъ особыхъ затратъ, которыя физіократы называютъ основными или первоначальными (avances primitives, av. foncieres). Эти первоначальныя затраты они отличаютъ отъ послѣдующихъ, которыя возобновляются: ежегодно необходимо приготовить почву подъ посѣвъ, необходимо уплачивать рабочимъ, потребно исправленіе хозяйственныхъ орудій и зданій. Однимъ словомъ, есть затраты (reprises de la culture), которыя сопровождаютъ оборотъ — годовой, двухгодичный или полугодовой—вообще независимо отъ его продолжительности, или отъ времени. Эти расходы названы ежегодными (avances annuelles); вѣрнѣе было бы, по данному самою школою толкованію, называть ихъ повременными, оборотными затратами. Основныя, или первоначальныя затраты землевладѣлецъ уже сдѣлалъ, или ихъ кортомщикъ дѣлаетъ; въ большинствѣ случаевъ онѣ лежатъ на обязанности землевладѣльца. Землевладѣлецъ, напр., обращаетъ данную мѣстность въ способную производить, и если онъ не дѣлаетъ этого самъ, то можетъ сдѣлать только тотъ, кто въ теченіи долгаго времени будетъ пользоваться землею, чтобы мало по малу возвратить себѣ издержки. Если эта надежда возвратить издержки существуетъ у арендатора, то и онъ готовъ производить основныя затраты. Во всякомъ случаѣ, основныя затраты дѣлаются съ тѣмъ, чтобы онъ постепенно погашались. Всѣ же оборотныя затраты должны быть возвращаемы каждымъ оборотомъ, иначе ихъ въ томъ же размѣрѣ нельзя будетъ совершать при слѣдующихъ однородныхъ оборотахъ. Если бы возвращались, однако, только однѣ оборотныя затраты, тогда не возвышалось благосостояніе арендатора, онъ, при постоянныхъ трудахъ, оставался бы въ одномъ и томъ же положеніи, даже у него не явилось бы средствъ на погашеніе основныхъ издержекъ. Между тѣмъ, основныя затраты совершаются и ихъ погашеніе идетъ успѣшно; стало быть, сверхъ возврата текущихъ издержекъ получается еще доходъ, который даетъ возможность погашать основныя. Наконецъ кортомщикъ платитъ еще арендную плату.

Понятно, послѣдняя получается не отъ трудовыхъ усилій съемщика. Въ однихъ случаяхъ арендая плата представляетъ частію

и погашеніе основныхъ издержекъ; но и въ тѣхъ случаяхъ, когда землевладѣлецъ передалъ съемщику совершенно первобытную почву, первый все-таки получаетъ арендную плату. За что же онъ ее получаетъ? Онъ имѣетъ право на нее именно потому, объясняютъ физіократы, что сверхъ затратъ основныхъ и текущихъ, еще остается излишекъ доходовъ, послѣдній является вслѣдствіе приплода, который создаетъ участіе природы въ сельскомъ хозяйствѣ. Этотъ прибытокъ, выражаясь въ видѣ излишка дохода, за погашеніемъ и покрытіемъ затратъ основныхъ и оборотныхъ, создаетъ *чистый* доходъ (produit net). Притязаніе на чистый доходъ могутъ имѣть развѣ только тѣ лица, въ обладаніи которыхъ находятся самыя стихійныя силы, производящія этотъ доходъ, т. е. исключительно землевладѣльцы, они его и получаютъ, и онъ составляетъ неотъемлемую ихъ *ренту*.

Конечно, смѣшеніе аренды, ренты и вообще чистаго дохода — неправильно, но тѣмъ не менѣе заслуга физіократовъ заключается въ томъ, что они впервые обратили вниманіе на чистый доходъ; первые начали изслѣдовать, есть-ли въ каждой отрасли промышленности чистый доходъ, служащій къ дальнѣйшему приращенію цѣнностей всего народнаго хозяйства.

Приведенное же дѣленіе ими затратъ хлѣбопашества привело науку къ дѣленію орудій и внѣшнихъ средствъ производства вообще, къ выясненію роли тѣхъ цѣнностей, которыя непосредственно затрачиваются въ производствѣ, къ изслѣдованію *капитала*. Притомъ, имъ же обязана наука различеніемъ капитала на *основной* и *постоянный*, требующихъ только погашенія, и на уничтожаемый въ каждомъ оборотѣ, создаваемый по окончаніи оборота—*оборотный* капиталъ. Чистый доходъ же служитъ, по ученію физіократовъ, главнымъ источникомъ податнаго обложенія.

Этотъ чистый доходъ получаютъ только лица, приложившія свой трудъ къ стихійной средѣ, или пользующіяся землею, какъ главною представительницею силъ природы; во всѣхъ прочихъ промыслахъ чистаго дохода не существуетъ. Ни одинъ ремесленникъ, поэтому, не можетъ будто бы платить ренты собственнику, всѣ они будто сами непосредственно прокармливаются отъ оборотовъ своихъ предпріятій или заведеній, и сами трудятся, и если бы ремесленнику пришлось платить кортому, то онъ разорился, или же не выдержалъ бы на рынкѣ конкурренціи соперниковъ.

Физіократы, совершенно справедливо осуждая многоразличное и чрезмѣрное обиліе видовъ и формъ обложенія, пришли, однако, къ одностороннему положенію о сообразности единства налога. Дѣйствительно, другаго вывода они сдѣлать не могли. Чистый доходъ имѣетъ только одинъ классъ — классъ сельскихъ хозяевъ; этотъ только доходъ можетъ служить источникомъ подати; слѣдовательно, одни только землевладѣльцы могутъ вносить подать въ пользу общества и государства. Физіократы должны были остановиться на выводѣ, что такъ какъ чистый доходъ возникаетъ только у свободнаго и производительнаго классовъ, то финансовыя мѣры должны отнестись непосредственно къ этому единственному источнику, и самая форма обложенія податью можетъ быть только одна. Этимъ мотивируется въ теоріи физіократовъ единственной налогъ (impot unique).

Но все ученіе ихъ о томъ, что одна природа создаетъ богатство, затѣмъ, что распорядителемъ этимъ источникомъ богатствъ служитъ только одинъ классъ, что только одинъ классъ производителенъ, что только одинъ онъ имѣетъ чистый доходъ и что наконецъ только одна подать и возможна,—вся эта односторонность происходитъ отъ того, что и физіократизмъ, наравнѣ съ меркантилизмомъ, есть первая попытка научнаго обобщенія всѣхъ тѣхъ явленій, которыя должны были поражать въ хозяйственномъ быту, необычайно оживившемся послѣ открытія Америки, или съ начала новѣйшаго времени. Затѣмъ ихъ выводы представляютъ увлеченія еще и потому, что вся система развивается путемъ спора со взглядами меркантилизма. Первое изложеніе этой системы у Кэне имѣетъ именно указанный характеръ.

Кэне, лейбъ-медикъ Людовика XV, составилъ общую, такъ называемую имъ хозяйственную таблицу (tableau économique), изображавшую, какъ богатство создается, какъ оно распредѣляется между общественными классами, въ какое отношеніе становятся послѣдніе къ государству и т. д.—все это было представлено въ формѣ таблицы. Объ этомъ Мирабо говоритъ, что она принадлежитъ къ величайшимъ открытіямъ, наравнѣ съ открытіемъ Америки, съ изобрѣтеніемъ пороха и т. д. Положенія, заключавшіяся въ таблицѣ Кэне, въ извлеченіяхъ приведены у его послѣдователей, само же Табло не сохранилось и мы его знаемъ настолько, насколько главные выводы повторяются учениками его.

Самъ Людовикъ XVI исполнилъ типографскій наборъ для эпиграфа, съ которымъ Quesnay обнародовалъ свои первыя два изслѣдованія—Tableau économique, 1758 г., и Maximes générales de gouvernement économique, 1758 г.—именно: pauvres paysans, pauvre royaume; pauvre royaume, pauvre roi!—Тѣже мысли развивалъ Кэне и въ 6 и 7 томѣ энциклопедіи, которую редактировалъ Дидро; и ихъ то повторяетъ Mirabeau въ своихъ разсужденіяхъ—L'ami des hommes, 1759 г., и De l'impot, 1760 г. Тюрго уничтоживъ во время своего министерства, 1774 года, всѣ барщины и обязательныя работы, упразднилъ цехи—maitrises et jurandes, métiers—и заставные сборы съ жизненныхъ припасовъ (octroi). Въ 1787 году подъ вліяніемъ физіократизма былъ заключенъ торговый договоръ съ Англіею, ради значительнаго взаимнаго пониженія пошлинъ, и хотя этотъ трактатъ изъ вражды къ Англіи былъ уничтоженъ уже въ 1790 году, однако по тарифу 5 марта 1791 года всѣ ввозныя пошлины были понижены на 20%; а въ протекціонизмъ впали снова только при Наполеонѣ I.

Quesnay приводилъ слѣдующій примѣрный разсчетъ для выясненія того, какъ распредѣляется ежегодно валовой доходъ въ народномъ хозяйствѣ. Если въ странѣ произведено на 5,000 мил. ливровъ сырья, то изъ нихъ причитывается:

1) на земледѣльцевъ	3,000	мил. ливровъ.
а именно: а) за ежегодныя издержки	2,000	» »
б) на проценты и погашеніе основныхъ тратъ	1,000	» »
2) на землевладѣльцевъ въ чистый доходъ 40%. . . .	2,000	» »
Всего . .	5,000	мил. ливровъ.

Далѣе же и земледѣльцы и собственники передаютъ сырья еще по 1,000 милливровъ за разныя услуги à la classe stérile. Слѣдовательно для соотвѣтственнаго потребленія пользуются:

1) земледѣльцы доходами въ	2,000	мил. ливровъ.
2) землевладѣльцы.	1,000	» »
3) непроизводительный классъ, въ видѣ жизненныхъ припасовъ и матеріаловъ для своихъ производствъ	2,000	» »
Какъ выше . .	5,000	мил. ливровъ.

Полное собраніе всѣхъ сочиненій этой школы издалъ во Франціи Eugène Daire, Les physiocrates, Paris 1846 г., въ двухъ томахъ.

Новыя политическія убѣжденія, выработавшіяся во время государственныхъ переворотовъ XVIII столѣтія въ Англіи перешли на остальную Европу, особенно во Францію; послѣдняя занялась дальнѣйшею пропагандою впослѣдствіи въ школѣ такъ называемыхъ энциклопедистовъ, или философовъ. Новыя политическія воззрѣнія становились въ рѣзкое противорѣчіе съ монархизмомъ Людовика XIV, должно было поразить изслѣдователей разоренное и почти безвыходное хозяйственное положеніе государства, къ которому привело послѣднее исключительное господство крайняго меркантилизма. Противъ него возстаютъ уже *Буагильберъ* († 1714) (Detail de la France sous le régne present 1712 ; Traité de la nature et du commerce des Grains; Dissertations sur la nature des richesses, de l'argent et des tributs; Factum de la France 1707; Essai sur la rareté de l'argent) *Вобанъ* (Projet d'une dîme royale 1707) и др. Но меркантилизмъ составлялъ во Франціи такую же составную часть

всей общественной системы, которую принято называть l'ancien regime (*Toqueville*, l'ancien Regime et la Revolution, 1856.), какъ и непомѣрная роскошь и полный упадокъ нравственности. Реакція разъ усилившись, обратилась на всю совокупность обыденныхъ явленій въ государственной жизни и возставая противъ всякой искуственности, стремилась къ возвращенію первобытной естественности, къ сближенію съ прямыми требованіями природы.

Каждое изъ своихъ сочиненій Кэне посвящаетъ исключительно разрѣшенію какого нибудь отдѣльнаго вопроса; такъ въ статьѣ «Fermiers», помѣщенной въ извѣстной энциклопедіи Diderot и d'Alambert (т. VI, 1756 г.),онъ исчисляетъ всѣ выгоды большеземельнаго хозяйства и фермерской системы; въ статьѣ «Grains» (тамъ же т. VII, 1756 г.) онъ указываетъ на тѣсную связь между народнымъ благосостояніемъ и успѣхами земледѣлія, старается раскрыть причины безвыходнаго положенія сельскаго хозяйства во Франціи, выставляетъ свободу торговли, какъ необходимое условіе всякаго улучшенія въ хлѣбопашествѣ, доказываетъ, что торговля и промышленность только дополнительныя, подспорныя занятія въ отношеніи къ сельскому хозяйству, требуетъ равномѣрнаго обложенія чистаго дохода, и выставляетъ относительно народнаго благосостоянія три положенія, которыя онъ затѣмъ постоянно повторяетъ во всѣхъ остальныхъ своихъ сочиненіяхъ: 1) что дешевизна, при излишествѣ произведеній, не можетъ считаться богатствомъ, 2) что высокія цѣны, при недостаткѣ произведеній, порождаютъ нищету, и 3) что только дороговизна, при изобиліи произведеній, свидѣтельствуетъ о благосостояніи и богатствѣ народа. Въ изслѣдованіи объ естественномъ правѣ (1768 г. въ I т. физіократіи Дюпонъ де Немура) Кэне ратуетъ за необходимость признанія отвлеченнаго, раціональнаго права, возвышающагося надъ всѣми положительными законами, требуетъ организованной равноправности и единственно прочное основа ніе человѣческой общественности видитъ въ обезпеченіи средствъ существованія, т. е. въ хозяйственномъ благосостояніи, изслѣдованіе котораго онъ называетъ настоящею задачею экономической науки. Главныя же сочиненія Кэне—это вышедшія въ 1758 г.: «Maximes générales de gouvernement économique d'un royaume agricole» и «Tableau économique avec son explication, on extraits des economics royales de Sully».

Къ Maximes приложены были въ формѣ сжатыхъ положеній, главныя основанія всего ученія экономистовъ, ихъ всего 30. Первое положеніе постановляетъ, что верховная власть въ государствѣ должна быть единоличная, возвышаясь надъ всѣми частными интересами, раздѣленіе власти и такъ называемое уравновѣшиваніе силъ въ государственномъ организмѣ ведетъ только къ постояннымъ распрямъ между властвующими и къ совершенному угнетенію подвластныхъ. Кэне при этомъ имѣетъ въ виду неудовлетворительныя отношенія между тремя привеллигированными корпораціями во Франціи: между дворянствомъ, духовенствомъ и парламентомъ. По II положенію слѣдуетъ въ массѣ народа распространять основныя начала права и государствовѣдѣнія. По III сельское хозяйство, рыболовство (охотѣ Кэне не придаетъ значеніе въ цивилизованномъ государствѣ) и рудокопство единственные источники народнаго богатства. По V подать должна соразмѣряться съ чистымъ доходомъ. По XI выселенія наносятъ вредъ народному благосостоянію. Другими положеніями восхваляется многоземельное хозяйство, свобода торговли, конкурренція, воспроизводительное потребленіе. По XXIX положенію правительство должно содѣйствовать исключительно увеличенію и возвышенію поземельной ренты, а

не размноженію народонаселенія. По XXIX покрытіе чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ слѣдуетъ обезпечить въ будущемъ постояннымъ содѣйствіемъ народному благосостоянію, а не ожидать спасенія отъ кредитныхъ операцій финансистовъ и т. д.

Tableau économique не дошелъ до насъ въ первоначальной своей формѣ; въ немъ Кэне помощію цифръ хотѣлъ наглядно передавать свою теорію о степени участія разныхъ классовъ общества въ производствѣ и потребленіи богатствъ. Несмотря на поясненія къ нему самого автора, Мирабо и др., эта таблица, по запутанности своей, не имѣла большаго успѣха.

Другу и сотруднику Кэне — *Гурнэ* (Gournay) принадлежитъ знаменитый афоризмъ: laissez faire, laissez passer, le monde va de lui même, но онъ болѣе извѣстенъ по отзывамъ Тюрго (éloge de Gournay), чѣмъ по собственнымъ сочиненіямъ, а потому многія изъ приписываемыхъ ему мнѣній спорны. Жаркимъ поклонникомъ Кэне и ревностнымъ пропагандистомъ его ученія является старшій Мирабо, во многихъ высокопарно и даже мистически написанныхъ изслѣдованіяхъ (Ami des hommes, 1756; Théorie de l'impôt 1760, Philosophie rurale etc. 1763 и др.). Онъ выставляетъ конечною цѣлью хозяйства потребленіе, которое никогда не можетъ быть чрезмѣрнымъ и не должно имѣть предѣловъ.

Болѣе всего о сводѣ основныхъ воззрѣній школы въ цѣлостную систему заботился Дюпонъ де Немуръ (1739—1781), которому приписываютъ Ад. Смитъ и М. Б. Сей только эклектическое направленіе между взглядами Кэне и Гурнэ. Онъ собралъ сочиненія послѣднихъ и дополнилъ ихъ собственными изслѣдованіями въ знаменитой Physiocratie ou constitution naturelle du gouvernement le plus avantageux au genre humain, 1768.

Отъ этого сборника была названа и вся школа ея противниками, сами же они себя называли экономистами

Въ теченіи почти одного только десятилѣтія физіократизмъ такъ уже распространился и упрочился во Франціи, что между его поборниками и представителями является одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей— *Тюрго* (1727—1781). Сдѣлавшись генералъ-контролеромъ финансовъ (1774 г.) при Людовикѣ XVI, Тюрго приступилъ къ осуществленію физіократическаго ученія. Привиллегіи, барщины, цехи, корпораціи, внутреннія заставы были имъ уничтожены, торговля сдѣлалась свободною, въ промышленности поддерживалась конкурренція, подати были распространены на дворянство и духовенство. Такія рѣшительныя мѣры возстановили противъ него всѣ зажиточные и вліятельные классы, единодушное противодѣйствіе ихъ отнимало у Тюрго возможность вполнѣ провести свои предначертанія. Противъ него успѣли возстановить и народъ, и когда весною 1775 г. Тюрго, при господствующей дороговизнѣ, въ смыслѣ своей школы, объявилъ хлѣбную торговлю свободною, видя въ этомъ прямое средство къ отвращенію бѣдъ, то возникла не только оппозиція со стороны парламента и двора, но и поднялась настоящая буря въ народѣ.

Рѣшительный врагъ всякихъ исключительныхъ привилегій, монополій и стѣсненій, онъ старался каждому доставить полную свободу располагать и пользоваться своимъ трудомъ, и надѣялся при помощи бережливости и сокращенія излишнихъ расходовъ государственнаго управленія поправить финансы Франціи. Дѣйствительно дефицитъ, простиравшійся при вступленіи его въ должность до 22 мил. ливровъ, при доходѣ въ 377 мил., онъ уменьшилъ до 15 мил. въ 1776

году, даже представилась возможность заключить выгодный заемъ въ Голландіи (въ 60 мил. по 5%), и можетъ быть Turgot мирными преобразованіями и экономическими мѣрами избавилъ бы Францію отъ кровавой революціи. Но уничтоженіе привиллегій и сословныхъ правъ возстановило противъ него и дворянство, и духовенство, государственныхъ чиновниковъ, откупщиковъ и промышленныя корпораціи. Интригамъ этой сословной партіи въ союзѣ съ придворною, при содѣйствіи главы министерства бездарнаго Maurepas, удалось добыть у слабаго Людовика XVI приказъ объ отставкѣ. «Правителей подлежащихъ вліянію придворныхъ слугъ ожидаетъ судьба Карла I» (англ.), говорилъ Turgot, оставляя министерство.

Что касается убѣжденій и трудовъ этого безспорно великаго мыслителя, то они изложены имъ частію въ введеніяхъ къ его распоряженіямъ и эдиктамъ, частію въ его письмахъ (напр. къ Cicé о бумажныхъ деньгахъ и монетѣ 1781, о свободѣ хлѣбной торговли 1770), частію въ разсужденіяхъ о разныхъ современныхъ вопросахъ, особенно о доходѣ съ капиталовъ, о податяхъ и налогахъ, наконецъ въ главномъ для насъ сочиненіи: Réflexions sur la Formation et la distribution des Richesses, 1769. Послѣднее сочиненіе содержитъ чрезвычайно ясное основательное и живое изложеніе всей совокупности физіократическихъ воззрѣній и навсегда останется замѣчательнымъ историческимъ памятникомъ въ литературѣ экономической науки. Кромѣ объединенія всѣхъ выводовъ предшественниковъ, Тюрго самостоятельно высказываетъ слѣдующія положенія: народное богатство слагается изъ капитализаціи чистаго дохода всѣхъ недвижимостей совокупно со всѣмъ движимымъ имуществомъ народа (§ 11). Раздѣленіе и организація труда имѣютъ огромное вліяніе на производство, свободный трудъ производительнѣе и дешевле обязательнаго, человѣку присуще священное право на трудъ; золото и серебро не служатъ только общимъ мѣриломъ цѣнностей, но и сами по себѣ цѣнности; съ появленіемъ денегъ мѣна распалась на кунлю и продажу, облегчилось раздѣленіе труда и сбереженія стали накопляться въ видѣ денежныхъ каниталовъ. Проценты онъ оправдываетъ тѣмъ, что всякій капиталистъ можетъ купить и имѣть съ нея ренту безъ всякаго труда съ своей стороны, слѣдовательно онъ имѣетъ право на доходъ съ своего капитала и во всякомъ другомъ видѣ, процентъ есть плата за пользованіе капиталомъ, онъ возвышается и падаетъ, смотря по обилію, или недостатку капиталовъ. Тюрго врагъ роскоши, расточительности и системы займовъ.

Дѣятельность Тюрго, наконецъ, замѣчательна тѣмъ, тто съ примѣненіемъ физіократическихъ началъ въ дѣйствительности, обнаружилась ихъ несостоятельность и односторонность, такъ что послѣдній представитель этой системы полнымъ развитіемъ и осуществленіемъ ея приготовилъ ей и паденіе.

Истинныя и непреложныя положенія физіократіи, однако, воскресаютъ въ первой полной и научно безукоризненной системѣ Адама Смита, связь котораго съ физіократами несомнѣнна, хотя нельзя указать положительныхъ заимствованій съ его стороны; впрочемъ въ 1764 г., во время путешествія по Франціи, онъ вращался въ физіократической средѣ.

Въ IV книгѣ, гл. IX, Адамъ Смитъ говоритъ о послѣдователяхъ Кенэ: «они составляли нѣсколько лѣтъ тому назадъ довольно многочисленную секту, слывшую въ ученомъ мірѣ Франціи подъ названіемъ экономистовъ».

§ 16. Основатель промышленной, или индустріальной школы— Адамъ Смитъ.

Насколько у физіократовъ всесильнымъ дѣятелемъ въ хозяйствѣ и общимъ источникомъ средствъ является природа, настолько послѣдующіе литературные представители экономическихъ идей полагаютъ, что вся экономическая обстановка создается единственно трудомъ. Эта основная мысль въ первый разъ высказывается Адамомъ Смитомъ (род. 1723 г., пом. 1790 г.). А. Смитъ воспользовавшись выводами, которые выработаны были физіократами или экономистами, и нѣкоторыми другими его предшественниками въ Англіи, исходною посылкой своего ученія ставитъ анализъ труда (industry), какъ источника достатковъ (wealth).

Обильныя указанія относительно монетной системы, торговли, обращенія, выработаны еще въ эпоху меркантилизма, особенно писателями итальянскими. Ими могъ и долженъ былъ воспользоваться А. Смитъ, равно какъ и затѣмъ основными положеніями относительно капитала, дохода, податей, выставленными физіократами. Ад. Смитъ связалъ эти отривочные выводы въ общемъ своемъ положеніи, которое заключается въ томъ, что «все количество средствъ, необходимыхъ каждому народу для его существованія, ежегодно создается трудомъ того же народа, или пріобрѣтается у другихъ народовъ, промѣномъ издѣлій собственнаго труда на издѣлія чужаго труда». Такъ къ обстановкѣ ведетъ только трудъ и помимо трудовыхъ усилій хозяйства не возникаетъ.

Вслѣдствіе такого объединенія всѣхъ тѣхъ отрывочныхъ положеній, которыя съ достаточною ясностью уже были выработаны какъ у меркантилистовъ, такъ и у физіократовъ,—вслѣдствіе провѣрки и логической сводки ихъ въ полное, систематически построенное ученіе «о природѣ и источникахъ богатства народовъ», книга А. Смита и произвела эпоху; ему въ исторіи нашей науки принадлежитъ тоже мѣсто, какое занимаетъ Кантъ въ исторіи философіи. Не потому обратило на себя вниманіе приведенное изслѣдованіе, чтобы въ немъ были высказаны одни новыя положенія, но взгляды А. Смита получили силу новаго ученія потому, что среди противорѣчивыхъ положеній предшествовавшихъ писателей, ученый людъ и вся публика какъ бы терялись, запутывались,—его же взглядъ былъ цѣлостенъ и вполнѣ послѣдователенъ. Его экономическое уче-

ніе давало ясный отвѣтъ на основной вопросъ: что же слѣдуетъ считать въ хозяйственномъ быту существеннымъ и что внѣшнею второстепенною формою? А. Смитъ не установилъ вовсе впервые и общаго названія для науки,—оно выработалось до него и уже встрѣчается у итальянскихъ писателей *) эпохи меркантилистовъ; но онъ именно придалъ окончательно научный характеръ ея содержанію **).

Въ этомъ заключается главная причина того обаянія, которымъ пользовалось и пользуется до сихъ поръ сочиненіе А. Смита, вышедшее 1774 года подъ заглавіемъ: «Изслѣдованіе причинъ и основаній богатства народовъ». Въ этомъ своемъ сочиненіи, которое, какъ говорятъ, онъ предполагалъ посвятить Кэне, именно Адамъ Смитъ, въ противоположность одностороннему ученію физіократовъ, признававшихъ только природу единственнымъ производителемъ новыхъ цѣнностей, устанавливаетъ общепроизводительное значеніе труда; однако онъ же при разсмотрѣніи хозяйственнаго характера отдѣльныхъ видовъ труда, въ свою очередь является односторонимъ. Трудъ, по его воззрѣнію, настолько производителенъ въ промыслахъ и занятіяхъ, насколько онъ осязательно воплощается въ веществѣ, насколько имъ созданы вещественныя цѣнности. Безъ такого овеществленія въ конкретныхъ *издѣліяхъ*, трудовыя усилія бываютъ конечно полезны, но они не производительны, потому что не доставляютъ осязательно сохраняющихся, самостоятельно существующихъ результатовъ, или матеріальныхъ цѣнностей.

Эта односторонность въ ученіи А. Смита объясняется отчасти традиціею, перенятою у физіократовъ, по ученію которыхъ производительный классъ очевидно есть классъ трудящихся надъ вещественнымъ сырьемъ, а рядомъ есть не только классъ явно непроизводительный, но еще и классъ праздный, свободный, т. е. хотя и полезный, но въ строгомъ смыслѣ все-таки безплодный.

*) Такъ изъ современниковъ знаменитый *Beccaria*—Elementi di economia publica, 1770 г.—критически противопоставляетъ положенія физіократовъ и меркантилистовъ и строго различаетъ цѣнность и цѣну. — *Verri*, Meditazioni sull'Economia politica, 1771 г.—устанавливаетъ ученіе о свободѣ торговли.— Тоже у *Filanghieri*—Scienza della legislazione, 1780 г.

**) Самый замѣчательный его предшественникъ въ Англіи былъ *James Stewart*, написавшій съ меньшими задатками также An inquiry into the principles of political economy, 1767 г. Особенно друженъ былъ А. Смитъ съ *David Hume*, котораго Essays moral, political and literary. 1742 г. имѣли нѣсколько дополненныхъ изданій.

А. Смиту, какъ и классическимъ писателямъ, и физіократамъ, казалось все-таки необходимымъ дѣлить массу населенія на двѣ группы—производителей и непроизводителей. Выдвигая трудъ на первое мѣсто, А. Смитъ говоритъ, что трудятся всѣ, и всякій трудъ полезенъ, но не всѣ трудящіеся производятъ, и потому, есть между ними экономическая разница, не смотря на всю пользу, приносимую ими обществу. Затѣмъ, А. Смитъ, независимо отъ представителей труда, разбираетъ самое основаніе трудовыхъ усилій, разбираетъ организацію ихъ затраты и съ отчетливостію выясняетъ ту сторону приложенія труда въ хозяйствѣ, о которой упоминается уже у Платона, но которая въ видѣ цѣлостнаго ученія онъ установилъ въ первый разъ.

Это его ученіе о раздѣленіи труда. А. Смитъ и по отношенію къ послѣднему самъ не открылъ новой истины, о которой не было бы до него и помину: о важности раздѣленія занятій для общественнаго строя говоритъ Платонъ, дѣленія труда и его выгоды знаетъ и Ксенофонтъ: объ томъ же и въ средніе вѣка говорятъ многіе писатели; но А. Смитъ—первый объединяетъ всѣ афористическія указанія въ цѣлостное ученіе, въ такомъ простомъ и ясномъ изложеніи, какъ никто и послѣ него. Примѣры его съ булавками, гвоздями и проч. повторяются и до сихъ поръ въ сочиненіяхъ экономистовъ, при разборѣ этой основной стороны труда и наилучшей организаціи затратъ его въ производствѣ и хозяйствѣ. А. Смитъ излагаетъ столь общую теорію, что въ этомъ отношеніи совершенно безразлично—признаетъ ли онъ трудъ безъ вещественныхъ результатовъ производительнымъ, или нѣтъ.

Только необходимо отмѣтить послѣдній его взглядъ потому, что онъ высказывается довольно рѣзко. По мнѣнію А. Смита, и государственные дѣятели, и правители, и величайшіе поэты, ученые, живописцы, наравнѣ съ комедіантами, совершенно непроизводительны: они доставляютъ необходимое содѣйствіе, или пріятное развлеченіе и вообще услуги; но послѣ всей ихъ дѣятельности и послѣ каждаго отдѣльнаго акта этой дѣятельности ничего будто бы не остается. Очевидно, А. Смитъ забываетъ, что остаются тѣ невещественныя цѣнности, которыя заключаются въ знаніяхъ, убѣжденіяхъ, воззрѣніяхъ, въ охранѣ и безопасности, и если культура человѣка обезпечена еще наслѣдіемъ предыдущихъ вѣковъ, то благодаря именно этой производительной дѣятельности, трудомъ потра-

ченнымъ безъ вещественныхъ результатовъ: притомъ именно послѣдніе преимущественно и большею частью погибаютъ.

Вообще на этомъ заблужденіи нѣтъ необходимости останавливаться; важно одно, что и А. Смитъ, объединяющій прочно и устойчиво все экономическое ученіе, остается все-таки односторонниМъ, какъ потому, что онъ признаетъ одну только основу хозяйства—трудъ, такъ и потому, что даже трудъ, по его взгляду, не всегда производителенъ. Опровергая узость взгляда, Листъ *) справедливо указываетъ, что, по ученію А. Смита, трудъ свинопаса производителенъ, учитель же, воспитывающій юношество—непроизводитель; Гарнье **) далѣе вспоминаетъ несообразность, что приготовляющіе какіе-либо музыкальные инструменты—производительны, самые же авторы-композиторы и виртуозы—непроизводительны; — однимъ словомъ, это ученіе опровергается своею логическою непослѣдовательностію.

Экономическое ученіе А. Смита, при его одностороннемъ взглядѣ на трудъ, должно было породить исключительное прославленіе промышленности издѣльной. Такимъ образомъ у меркантилистовъ на первомъ планѣ стоятъ торговцы, у физіократовъ—сельскія хозяева, у послѣдователей же А. Смита на первомъ планѣ стоятъ промышленники. Вотъ почему вся школа получила названіе индустріальной, или промышленной школы.

Индустріальная школа относительно всѣхъ своихъ взглядовъ на государственное вмѣшательство въ сферу частнаго хозяйства, стоитъ на почвѣ физіократической. Чѣмъ болѣе важенъ трудъ, говорятъ представители промышленной школы, вслѣдъ за А. Смитомъ, тѣмъ менѣе онъ долженъ быть стѣсняемъ. Всякое стѣсненіе кажется имъ посягательствомъ на личную свободу: свобода человѣка страдаетъ, если существуетъ регламентація. Въ самомъ частномъ хозяйствѣ ничѣмъ не должно стѣснять личный интересъ, ему предоставляется полный просторъ, и далѣе—свободное проявленіе эгоистическихъ интересовъ, отнюдь не стѣсняемое внѣшними ограниченіями, должно находить себѣ предѣлъ только во взаимной борьбѣ, въ конкурренціи. Не слѣдуетъ установлять преградъ для

*) Das nazionale System der politischen Oeconomie. 1832 г.

**) Въ французскомъ переводѣ Wealth of nations, гдѣ упомянутое заблужденіе изложено во II книгѣ, главѣ 3, Гарнье предпослалъ введеніе (см. Preface, IX и слѣд., note 20).

отдѣльныхъ дѣятелей, конкурренцію не слѣдуетъ стѣснять, она должна быть свободна и необуздана.

Такимъ образомъ физіократическое laissez faire перешло у А. Смита въ требованіе неограниченнаго господства индивидуальности, благоразумнаго эгоизма и полнаго простора конкурренціи. Относительно международнаго хозяйства, по отношенію къ внѣшнимъ сношеніямъ и торговлѣ, laissez passer физіократовъ у промышленной школы обратилось въ требованіе полнаго невмѣшательства со стороны администраціи, возникло именно ученіе о свободѣ торговли, отвергающее всякаго рода покровительство и стѣсненія въ видѣ тарифныхъ сборовъ, пошлинъ, останавливающихъ движеніе товаровъ въ международной торговлѣ (free trade).

Такъ какъ требованія о конкурренціи и свободной торговлѣ первоначально поставлялись отчасти въ рѣзкихъ формахъ и доводились до преувеличеній, то этимъ вызваны громкіе упреки и всѣ тѣ нарѣканія, которымъ нерѣдко еще и въ настоящее время подвергается А. Смитъ и вся его школа. Особенно превращеніе laissez faire въ ученіе о необузданной конкурренціи подверглось нападкамъ всѣхъ тѣхъ мыслителей, которые требовали, чтобы въ хозяйствѣ дѣйствовала общественность, безъ которой существованіе человѣка, его бытъ не могутъ обставляться должнымъ образомъ; которые требовали, чтобы организація общежитія непосредственно подчиняло себѣ и хозяйство. Вліяніе общежитія, общественности, на самое проявленіе хозяйства неминуемо всегда существовало и будетъ существовать. Отвергать нормальность общественной органкзаціи промысловъ, оборотовъ и затратъ,—въ наукѣ именно непослѣдовательно. Вліяніе общественности на первый разъ рисовалось совершенно напрасно въ видѣ вмѣшательства власти въ дѣла хозяйственныя.

Искони соціалистическія и коммунистическія ученія ставили на первый планъ вопросъ, какимъ образомъ хозяйство довести до того, чтобы обстановкою пользовались равномѣрно всѣ, и по нимъ вмѣшательство общественности и власти должно заключаться въ упраздненіи всякаго обособленія въ хозяйствѣ, въ уничтоженіи собственности, и въ уравненіи всѣхъ относительно средствъ къ жизни. Забываютъ провозвѣстники этого лагеря, что до одинаковаго уровня возможно довести всѣхъ, или массу только въ такомъ случаѣ, если самый уровень будетъ сравненъ, т. е. однообразно ни-

зокъ; а между тѣмъ личности чрезвычайно различаются между собою, и вообще—принципъ человѣческаго развитія вполнѣ совпадаетъ съ индивидуализаціею.

Всегда отдѣльныя личности, первые въ своемъ развитіи, далеко заходятъ впередъ; нерѣдко, зашедши недосягаемо далеко для остальныхъ, они пропадаютъ безслѣдно, всѣ ихъ открытія остаются еще на продолжительное время, или цѣлые вѣка, какъ бы втунѣ; но тѣмъ не менѣе, однимъ передовымъ движеніемъ отдѣльныхъ личностей вырабатываются новыя воззрѣнія на міръ, раскрываются и совершенно новыя средства къ хозяйству, или вообще создается всякая новая культурная ступень. Затѣмъ уже на воздвигнутую ступень становится масса; но послѣдняя и въ безконечномъ будущемъ опережается опять-таки отдѣльными личностями, передовыми дѣятелями, продолжающими прокладывать тотъ вѣчный путь, по которому двигается развитіе всего человѣчества. Вотъ почему общій уровень народнаго благосостоянія однообразнымъ и постояннымъ быть не можетъ. Кто подастъ массѣ мысль объ соразмѣрномъ движеніи, какъ дойдетъ она до убѣжденія, что движеніе впередъ неизбѣжно? масса только мало-по-малу начинаетъ принимать въ немъ участіе.

Кто же въ состояніи создать экономическое равенство? Товарищей по нищетѣ можно создать, но совершенно равное благосостояніе водворять невозможно; наконецъ самые зиждители все-таки будутъ стоять внѣ массы. Спрашивается: какимъ образомъ удастся установить такую обстановку, что бы было полное равенство, что бы никто не руководилъ другими? коммунисты начинаютъ всѣ свои предположенія съ этого несбыточнаго уравненія, или съ того, что власть должна уравнивать всѣхъ: слѣдовательно, есть у нихъ передовые дѣятели.

Отрицая нынѣшнее устройство общества, нынѣшній порядокъ хозяйства, многіе коммунисты доходили до безграничности власти и до мистической организаціи хозяйства съ неизмѣнными формами, въ родѣ Сен-Симона, который установляетъ чуть ли не теократію.

Фурье же иначе понималъ возможность доведенія всѣхъ до общаго уровня. Онъ создалъ отвлеченную теорію страстей и полагалъ, что если только игру признаваемыхъ имъ влеченій и страстей сообразовать съ ихъ сущностью, то можно родъ человѣческій привести къ устойчивому равновѣсію, къ такому, при которомъ всѣ

одинаково будутъ наслаждаться благами міра, одинаково трудиться и дѣлить усилія, и культурный уровень во всѣхъ отношеніяхъ будетъ однообразенъ. Наблюдаютъ положимъ, взаимно другъ за другомъ, но кто же будетъ соединять людей, чтобы они могли имѣть поддержку другъ въ другѣ, развивать одинаковыя страсти, — объ этомъ Фурье умалчиваетъ. Нужна очевидно, организующая вла-сть; стало быть, передовые дѣятели опять-таки оказываются необходимыми.

Послѣдующіе противники индустріализма стараются только объ одномъ, чтобы не предоставлялось необузданнаго простора эгоистическимъ стремленіямъ и конкурренціи, и чтобы не дозволялось власти, въ силу общественныхъ требованій, вводить одностороннія привилегіи къ выгодѣ тѣхъ или другихъ представителей хозяйства; далѣе—современный лозунгъ этихъ ученій тотъ, чтобы представителямъ труда, при прямомъ содѣйствіи общества, были бы предоставлены всѣ средства къ труду, чтобы они имѣли возможность приложить трудъ свой на самомъ дѣлѣ и приложить такъ, какъ по ихъ соображенію это оказывается наиболѣе доходнымъ, производительнымъ. Вотъ почему, соціальные демократы признаютъ за представителями труда право на общественную поддержку въ такой степени, чтобы всякій могъ трудиться, если желаетъ.

Въ итогѣ, односторонность и разнорѣчія предыдущихъ ученій заставили современныхъ изслѣдователей преимущественно остановиться на частномъ вопросѣ, чтобы полнѣе разрѣшить общія задачи науки и всей экономической жизни, т. е. опредѣлить — до какой степени хозяйство должно подчиняться общественности, до какой степени его проявленія должны носить соціальный характеръ.

До сихъ поръ, я старался въ общихъ чертахъ указать ту основную односторонность при изслѣдованіи хозяйственныхъ процессовъ у главныхъ представителей науки, которая характеризуетъ главные выводы нетолько у самихъ писателей, но объясняетъ и все то разнорѣчіе въ частностяхъ, которое создало полемику, различные лагери и даже навлекло на все ученіе экономическое нарѣканіе, будто оно несостоятельно, будто все въ немъ шатко, будто нѣтъ такихъ общихъ экономическихъ положеній, которые были бы приняты всѣми за несомнѣнныя. Но при изученіи, или разборѣ отдѣльныхъ писателей стоитъ только припомнить, что существуетъ и существовало одностороннее направленіе въ главныхъ, исходныхъ

воззрѣніяхъ, чтобы объяснить—почему извѣстное начало, у даннаго писателя, въ частностяхъ пріобрѣло то, или другое толкованіе. Всегда оказывается, что, въ силу непреложности главныхъ началъ науки, достаточно внѣшнее разнорѣчіе у писателей привести къ тѣмъ источникамъ, изъ которыхъ заимствованы ихъ основныя положенія.

Всѣ постоянно возвращаются къ незыблемымъ законамъ, въ смыслѣ такихъ общихъ положеній, которыя какъ бы безспорно признаны именно въ хозяйственномъ быту.

Относительно разнорѣчія въ частностяхъ мы будемъ имѣть случай въ послѣдующихъ частяхъ курса постоянно ссылаться на воззрѣнія писателей той, или другой школы. Но чтобы эти ссылки были вполнѣ связны, необходимо было въ общихъ чертахъ ознакомиться съ главными, исходными воззрѣніями. Многія исходныя воззрѣнія принимались преимущественно по случаю споровъ, ради опроверженія чужихъ мнѣній, вслѣдствіе непризнанія того, или другаго положенія предыдущихъ писателей. Поэтому, не смотря на смѣну, такъ называемыхъ, системъ, каждая изъ этихъ школъ продолжала и продолжаетъ все еще существовать въ литературѣ у отдѣльныхъ представителей. Не смотря на смѣну меркантилизма физіократическимъ ученіемъ и физіократіи, такъ называемою, индустріальною школою, протекціонизмъ продолжаетъ имѣть поборниковъ, занимаетъ въ литературѣ опредѣленное мѣсто до настоящей минуты; точно также и односторонній взглядъ А. Смита на трудъ, съ неизбѣжнымъ требованіемъ вещественнаго характера результатовъ производства, продолжаетъ существовать и имѣетъ поборниковъ, хотя съ необходимыми измѣненіями.

Ученіе А. Смита, относительно внутренняго распорядка въ самомъ народномъ хозяйствѣ, доводится у его послѣдователей, до необузданной эгоистической конкурренціи, что вызываетъ литературныя опроверженіе со стороны соціалистическихъ школъ. Далѣе относительно внѣшняго распорядка хозяйства, физіократическое laissez passer обращается въ требованіе свободной торговли, что вызываетъ снова опроверженіе меркантильнаго характера.

Послѣдніе противники настаиваютъ на поощреніи, направленіи и національности, хотя и не съ цѣлію пріобрѣтенія золота и серебра, или ради выгоднаго торговаго баланса, но первоначально для цѣлей общаго оживленія и успѣховъ отечественной промы-

шленности, а затѣмъ, во второмъ мѣстѣ, съ цѣлію обезпеченія національной самобытности и самодѣятельности хозяйства. Такъ возникла литература, замѣняющая ученіе о торговомъ балансѣ ученіемъ объ обращеніи денежномъ, оживленности обращеніи, а затѣмъ являются поборники національнаго хозяйства и территоріальной его самобытности. Меркантильное ученіе, представляетъ три фазиса. Первоначальный фазисъ, какъ бы нелитературный, когда основныя воззрѣнія проводятся въ законодательствѣ и жизнь, путемъ тарифовъ и регламентовъ. Традиціи его продолжаются до настоящаго времени на столько, на сколько законодательныя реформы идутъ медленно, и насколько постоянно успѣваютъ уцѣлѣть какія либо отрывочныя постановленія. Второй фазисъ меркантилизма—это ученіе о благодѣтельности и плодотворномъ значеніи быстраго обращенія. Эта школа находитъ себѣ уже выработанныя положенія въ предшествующей литературѣ, особенно итальянской,—о монетѣ и деньгахъ. Эти положенія перешли и во Францію, затѣмъ во всѣ передовыя торговыя государства, особенно въ Нидерланды, а подъ вліяніемъ послѣднихъ и Англія приписала важное значеніе оборотливости (currency).

Взгляды о плодотворности денежнаго обращенія, разработываются и въ литературѣ нѣмецкой, и главнымъ провозвѣстникомъ денежнаго обращенія, какъ основнаго рычага хозяйства, служитъ плодовитый писатель Бюшъ (*), имѣвшій огромное значеніе въ свое время,—единственный экономистъ, которому потомство поставило памятникъ. Онъ оказалъ большія услуги своему родному городу Гамбургу.

Вдгляды, проведенные имъ, повторяются даже до новѣйшаго времени весьма нерѣдко; напримѣръ, тѣмъ быстрѣе предполагается обращеніе, чѣмъ болѣе оно имѣетъ посредниковъ и орудій, хотя бы бумажныхъ денегъ, что выпускъ банковыхъ билетовъ создаетъ для промышленности средство къ удовлетворенію нуждъ предпріимчивости, или что банковые билеты передаютъ новые капиталы въ руки предпринимателей, а чѣмъ обильнѣе капиталы, чѣмъ въ большемъ

(*) *J. G. Büsch*, Abhandlung von dem Geldumlauf, 2 B. Hamburg, 1780 г. Также *Adam Müller*—Vorlesungen über die Elemente der Staatskunst, Berlin, 1809. Срв. *Roscher* — die romantische Schule der Nationalöconomik in Deutschland (въ Ztsch. für die g. Staatswissenschaft, Tübingen, 1870., стр. 57.)

количествѣ они переносятся въ распоряженіе туземныхъ предпринимателей, тѣмъ болѣе ростетъ все богатство страны и разширяется все ея хозяйство. Въ видахъ оплодотворенія промышленности народа, путемъ банковыхъ оборотовъ по обращенію и путемъ созданія посредниковъ для этого обращенія, опираются на пользу быстраго обращенія, какъ источника прямаго созданія капитала; но затѣмъ и частный вопросъ—создаетъ ли кредитъ капиталъ—имѣетъ основу въ меркантильномъ взглядѣ, который слѣдуетъ искать въ школѣ обращенія.

Еще въ древности встрѣчались указанія на необходимость, чтобы государство - городъ самъ себя довольствовалъ всѣмъ и былъ не зависимъ по хозяйственной обстановкѣ. Пространнѣе развивается упомянутый взглядъ на національную обособленность хозяйства, подъ названіемъ — autarkia, самобытность національнаго хозяйства — у Ѳомы Аквинскаго (1224 — 1274 г.) *) средневѣковаго писателя, переводчика и послѣдователя Аристотеля.

Научно послѣдовательною система національнаго хозяйства излагается у Листа (1798—1846) въ его сочиненіи подъ заглавіемъ: «Національная система политической экономіи.» Листъ содѣйствовалъ возникновенію таможеннаго союза германскаго, служившаго первымъ шагомъ къ объединенію германскихъ государствъ въ одну имперіи. Онъ требовалъ торговаго объединенія съ тою цѣлію **), чтобы защищать общегерманскіе интересы по отношенію ко всѣмъ другимъ націямъ; въ этомъ заключается его ограниченная заслуга. Создавъ общую таможенную границу на внѣшнихъ окраинахъ, онъ настаивалъ, чтобы не было устанавливаемо излишне либеральныхъ пошлинъ и не было свободы привоза по отношенію къ Англіи, Франціи и д. т. Листъ самый дароватый писатель, но какъ бы и послѣдняя искра, меркантильнаго ученія: что говорилось объ экономической неподвластности впослѣдствіи, было только повтореніемъ листовскихъ идей. Если его сочиненіе не имѣло того успѣха, котораго, по видимому, оно должно было имѣть — по основному взгляду, то только потому, что изложеніе его въ высшей степени отвлеченно: оно чрезвычайно трудно читается.

---

*) de regimine principum I, 12.

**) Срв. *Schaffle*—Handel und Handelspolitik—въ Bluntschli's Staatswörterbuch, III, стр. 634 и слѣд.

Какъ бы въ видѣ воспоминанія о физіократизмѣ, одинъ изъ учениковъ А. Смита, именно Мальтусъ, создаетъ общую теорію народонаселенія, относительно движенія послѣдняго сравнительно съ приращеніемъ средствъ къ существованію.

§ 17. Проявленіе индустріализма въ теоріи *Мальтуса* о народонаселеніи.

Одностороннее воззрѣніе А. Смита на главный источникъ благосостоянія частнаго и общественнаго, утвержденіе, что такимъ источникомъ служитъ исключительно трудъ, дающій вещественные результаты, вещественныя цѣнности, признаніе полнаго господства эгоизма и конкурренціи, представляло все хозяйство какъ бы атомистическимъ, не слагающимся изъ сферъ, на основаніи совокупныхъ усилій, при помощи общежительной организаціи всѣхъ процессовъ и соотвѣтственныхъ группъ населенія, или представителей затратъ и оборотовъ, другъ другу содѣйствующихъ.

Напротивъ, его школѣ казалось, что индивидуальность, безъ всякаго направленія и руководства, только и должна и можетъ обезпечить, какъ личную обстановку, такъ и поддерживать общенародное благостостояніе; а съ другой стороны, всѣ неуспѣхи, всѣ недостатки и потрясенія хозяйства, въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, приписывались одной неразумности личности, такъ что вся отвѣтственность за различіе по благосостоянію, въ случаѣ невмѣшательства, сама собою какъ бы лежитъ на личности.

Въ этомъ направленіи приведенная мысль промышленной школы рѣзко развита Мальтусомъ (1766—1834 г.). Основное его сочиненіе «Теорія народонаселенія» *) или вѣрнѣе «Опытъ о началахъ населенія» вызвано было желаніемъ опровергнуть толкованія соціалистическихъ современныхъ писателей, которые требовали инаго распредѣленія средствъ къ жизни, чѣмъ то, которое существовало въ обществѣ англійскомъ. Несогласный съ тѣмъ доводомъ противниковъ, что неравномѣрное распредѣленіе достатковъ поддерживается раздѣленіемъ членовъ общества на классы съ различною правоспособностью, и послѣднее производитъ бѣдность, нищету, Мальтусъ задался мыслью, что избѣгнуть нищеты можетъ только само народонаселеніе, или порознь каждый отдѣльный человѣкъ. Самообла-

*) Essay on the principle of population, 2 ed. 1802.

даніе (moral restraint) единственное средство спастись отъ бѣдности (пауперизмъ); а если цѣлыя массы сдѣлались жертвою нищеты (пролетаріатъ), то въ такомъ случаѣ вина лежитъ на нихъ же самихъ. Это основное воззрѣніе проводится и въ сочиненіи его «Начала народнаго хозяйства» (Principles of political economy, 1820 г.).

Мальтусъ напираетъ на индивидуализаціи труда, на отвѣтственности каждаго дѣятеля за ту обстановку, которою онъ пользуется, даже за тотъ недостатокъ средствъ, которыхъ ему не удается пріобрѣсть. Дѣйствительно, обязательное вспомоществованіе, доставлявшееся англійскимъ бѣднымъ, превратилось, въ глазахъ послѣднихъ, въ право, въ законное требованіе, которое они ставили обществу. Налогъ въ пользу бѣдныхъ—poor tax—и его окладъ—poor rate—по приходскимъ союзамъ (unions) или церковнымъ общинамъ, порождалъ нерѣдко процессы изъ за того, кому принадлежатъ нищіе. Законодательство о бѣдныхъ, утвердившееся въ Англіи со времени Елизаветы, водворило подать, налагавшуюся распредѣлительно на всѣхъ членовъ церковной общины: послѣдняя возрастала съ каждымъ годомъ, а нищенство не убавлялось; притомъ сами нищіе во многихъ случаяхъ не обнаруживали никакого напряженія выйти изъ своего положенія. Они уповали надеждой на общину, заявляли положительныя требованія.

Вопросъ о народонаселеніи принялъ характеръ ожесточеннаго спора, придавшаго самому рѣшенію Мальтуса такую общеизвѣстность, которой, собственно говоря, оно и не заслуживаетъ. До сихъ поръ еще въ сочиніяхъ по политической экономіи ученію Мальтуса отводится особенная глава, и оно нерѣдко даже выдвигается изъ общаго ученія. У Рошера, напримѣръ, въ видѣ приложеніи, оно стоитъ въ концѣ всего его учебника и составляетъ нѣчто самостоятельное — ученіе о народонаселеніи. Такое значеніе пріобрѣли воззрѣнія Мальтуса, благодаря именно тому, что этими воззрѣніями, при первомъ выходѣ въ Англіи его книги въ 1798 г., затрогивались вопросы, касавшіеся интересовъ землевладѣльческихъ и рабочихъ классовъ.

Между тѣмъ, по шаткости основаній, самое рѣшеніе Мальтуса и, такъ называемая, его теорія народонаселенія могутъ относиться развѣ только къ исторіи литературы. Хотя въ первомъ изданіи его сочиненія есть рѣзкія мѣста, тѣмъ не менѣе Мальтусъ, какъ духовновное лицо и характера весьма мирнаго, не желалъ намѣ-

ренно относиться съ враждою къ нищимъ. Превратно относятся къ нему тѣ противники и порицатели, которые выставляютъ его врагомъ человѣчества: — этого характера ни самъ Мальтусъ, ни его сочиненія не имѣютъ. Однако онъ стоитъ на почвѣ индивидуализаціи хозяйства и, вслѣдствіе того, полной отвѣтственности самого хозяина за все происходящее въ хозяйствѣ. Онъ исходитъ изъ того положенія, что достаточно открыть принципъ, которымъ руководствуется каждый семьянинъ порознь и вообще все населеніе въ своихъ отношеніяхъ къ обстановкѣ, къ міровой средѣ, которая разъ навсегда дана. Изъ послѣдней только и извлекаются средства къ существованію, а потому стоитъ только открыть—каково приращеніе средствъ существованія и его отношеніе къ самому размноженію населенія. Человѣчество увѣковѣчивается смѣною поколѣній, и Мальтусъ естественно задается вопросомъ: съ какою силою дѣйствуютъ стимулы къ размноженію населенія?

Число жителей на кв. мили не показываетъ ни недостатка, ни излишка населенности, такъ какъ обезпеченіе существованія исключительно зависитъ отъ обилія, или скудности средствъ къ жизни въ данномъ мѣстѣ. Излишнею будетъ, независимо отъ цифры населенности, та часть населенія, существованіе которой ничѣмъ не обезпечено, которая не можетъ прокормиться собственнымъ трудомъ, а проживаетъ пожертвованіями и подаяніями остальныхъ согражданъ. Эту часть жителей, которыхъ жизнь зависитъ отъ слѣпаго случая, которымъ постоянно грозитъ голодъ, постепенно сокращающій ихъ долговѣчность по случаю ежедневныхъ лишеній, стали называть въ новѣйшихъ государствахъ именемъ бѣднѣйшаго класса римскихъ гражданъ, не имѣвшихъ средствъ вооружаться и становившихся въ войскѣ на мѣсто убитыхъ—pro les—взявъ ихъ оружіе, т. е. *пролетаріями*. Но въ случаѣ несоразмѣрности между населеніемъ и средствами къ его существованію излишекъ не опредѣляется извѣстнымъ числомъ, а недостатокъ средствъ распредѣляется равномѣрно между всѣми, которые живутъ трудомъ и заработками, но не доходами съ какихъ нибудь имуществъ. Вслѣдствіе того, что огромное число людей предлагаютъ свой трудъ-послѣдній дешевѣетъ и слишкомъ недостаточно оплачивается, чтобы имъ могъ прокормиться работникъ: тогда весь рабочій классъ, каково бы ни было занятіе отдѣльныхъ лицъ его составляющихъ, промысловое или ученое, состоитъ изъ *пролетаріевъ*. Такое положеніе нищенства въ странѣ или извѣстномъ занятіи называется *пауперизмомъ*; а совокупность людей находящихся подъ гнетомъ пауперизма составляетъ такъ называемый *пролетаріатъ*.

На эту возможность для населенія превзойти при своемъ размноженіи медленнѣйшее, сравнительно съ нимъ, увеличеніе средствъ къ существованію, и на самоограченіе, нравственное воздержаніе, какъ на единственное средство противъ пауперизма въ первый разъ указалъ профессоръ эдинбургскаго университета, пресвитеріанскій священникъ *Мальтусъ*, издавшій въ 1798 г. свой знаменитый «*опытъ теоріи народонаселенія*».

До Мальтуса писатели, занимавшіеся научными изслѣдованіями о народонаселеніи, признавали не только возможность безграничнаго размноженія людей

въ государствѣ, но считали его во всѣхъ случаяхъ благодѣтельнымъ. Населенность древнихъ и средневѣковыхъ государствъ была довольно слабая, быстрое возрастаніе европейскаго населенія начинается только съ 18 столѣтія, со времени великихъ промышленныхъ открытій, паровой и другихъ машинъ.

Разсчитывали, что чѣмъ больше людей въ государствѣ, тѣмъ больше работниковъ и слѣдовательно успѣшнѣе развивается промышленность, тѣмъ больше, съ другой стороны, и защитниковъ государства, а съ увеличеніемъ войска возвышается и государственное могущество, старались разными мѣрами поощрять заключеніе браковъ и ихъ плодовитость. Еще по Ликурговымъ законамъ холостяки должны были въ Спартѣ въ извѣстный день обойти жертвенникъ Діаны голые, припѣвая пѣсню сложенную для ихъ осрамленія; холостымъ старикамъ молодежь не обязана была оказывать уваженія. Отцы, имѣвшіе 3-хъ сыновей, освобождались отъ караульной службы, а имѣвшіе 4-хъ отъ всякихъ государственныхъ повинностей. Въ средніе вѣка, въ нѣкоторыхъ германскихъ городахъ только женатые допускались ремесленными цехами въ мастера. Даже въ новѣйшія времена одинъ изъ первыхъ писателей по теоріи народонаселенія *Зюсмильхъ* («Божественный порядокъ, опредѣляющій измѣненія состава населенія и проч. 1742) говоритъ, что если какое либо государство имѣетъ одинаковое число жителей съ другимъ, втрое большимъ по пространству, то слава, могущество и безопасность перваго въ три раза больше, а послѣдняго въ три раза меньше. Поэтому между главными обязанностями государственнаго хозяйства считали и заботы о приращеніи его населенія. Такъ Кольбергъ во Франціи издалъ два эдикта (1666 и 1667 г.), въ которыхъ говоритъ, что «хотя браки должны считаться главнѣйшими источниками, изъ которыхъ проистекаетъ сила и могущество государствъ, и хотя религіозные и гражданскіе законы одинаково заботились почтить ихъ плодовитость и всѣми мѣрами имъ споспѣшествовали: однако мы убѣдились, что развращенный нравъ времени совершенно уничтожилъ эти льготы, и что тѣ изъ подданныхъ короля, которые проживаютъ внѣ брака менѣе обременены государственными тягостями, чѣмъ семейные». Поэтому вступающіе въ бракъ моложе 20 лѣтъ освобождались отъ всякихъ податей и налоговъ до 25 года, кто же женится на 21 году тотъ свободенъ только до 24 лѣтъ. Каждый семьянинъ, имѣющій въ живыхъ 10 дѣтей, между которыми никто не посвятилъ себя духовному званію, избавляется на всегда отъ податей и всякихъ общественныхъ повинностей (постоя военнаго и т. п.); дѣти, павшія сражаясь за отечество, считаются за живыхъ въ семействѣ. Дворяне и ихъ вдовы получали за 10 дѣтей пенсію въ 1,000, а за 12 въ 2,000 ливровъ (250 и 300 р. с.) ежегодно, граждане свободныхъ городовъ получали половину означеннаго денежнаго пособія и т. д. При исполненіи этихъ предписаній вскорѣ вкрались значительныя злоупотребленія, и по смерти Кольбера эдикты были отмѣнены (1683 г.). На томъ же основаніи запрещалось неоднократно выселеніе и затруднялся вообще выѣздъ изъ государства, старались вербовать солдатъ въ пограничныхъ земляхъ и т. д.

Въ Англіи по закону 1601 года (Елизавета) на достаточныхъ членовъ приходовъ возложена была обязанность давать вспомоществованіе обѣднѣвшимъ прихожанамъ, и по числу послѣднихъ распредѣлялась ежегодно на первыхъ подать (такса бѣдныхъ), имѣвшая вредныя послѣдствія—бѣдные иногда отказывались отъ работы, требовали себѣ подачи на основаніи закона, считали за собою право на вспомоществованіе, или нанимались у мануфактуристовъ въ работники за плату, которою не могли прокормиться, недостающее долженъ былъ

приплачивать приходъ: а вслѣдствіе такой конкурренціи нищихъ и всѣ работники стали получать вознагражденіе ниже необходимаго. Въ концѣ прошлаго столѣтія такса въ пользу бѣдныхъ въ Англіи сдѣлалась раззорительною для имущихъ прихожанъ; старались не принимать бѣдныхъ, перевозили ихъ изъ другихъ мѣстъ на мѣсто рожденія, и по этому поводу велись даже между ними тяжбы. А между тѣмъ, хотя въ Англіи и Уэльсѣ такса бѣдныхъ съ 730,000 ф. стерл. въ 1750 г. возросла до 2.078,811 ф. въ 1801 г., пауперизмъ все усиливался и число пролетаріевъ только увеличивалось.

Подобное-же безвыходное положеніе рабочаго класса во всѣхъ западноевропейскихъ государствахъ должно было обратить на себя вниманіе людей государственныхъ и ученыхъ. Занялись съ половины XVIII ст. изслѣдованіемъ причинъ пролетаріата, а при господствовавшей въ это время страсти къ созиданію политическихъ утопій, весь вредъ нѣкоторые писатели приписали существующему праву частной собственности, требуя чтобы всѣ въ государствѣ пользовались всѣмъ и имѣли всѣ одинаковыя средства въ существованіи *(коммунизмъ)*; чѣмъ бы и прекратился пауперизмъ. Противъ одного изъ этихъ ученыхъ (Годвина: о государственномъ правосудіи, 1793) и противъ его мнѣнія, что искорененіе проретаріата зависитъ исключительно отъ преобразованія государственнаго и устранится только уничтоженіемъ собственности, возсталъ *Мальтусъ*.

До своего основнаго закона—*что только само населеніе, пользуясь своею свободною волею, можетъ сохранять равновѣсіе съ средствами жизни, и что его умноженіе зависитъ исключительно отъ увеличенія этихъ средствъ*,—доходитъ Мальтусъ на основаніи слѣдующихъ посылокъ.

Обладая огромною начитанностію, привода многочисленныя извлеченія изъ путешествій, касающихся почти всѣхъ народовъ земнаго шара, онъ предлагаетъ слѣдующіе два вопроса.

1) Какія обстоятельства до сихъ поръ задерживали повсюду размноженіе населенія, или останавливали успѣхи его благосостоянія? и 2) существуетъ-ли возможность устранить причины препятствующія этому успѣху?

Ограничиваясь на первый разъ изслѣдованіемъ физической природы человѣка, Мальтусъ указываетъ, что *«всѣ живыя* (органическія) *существа имѣютъ неослабное стремленіе размножаться въ большей мѣрѣ, чѣмъ это дозволяютъ доступныя для нихъ средства къ существованію.* Если бы, напримѣръ, лишить всю земную поверхность растительности за исключеніемъ извѣстнаго вида растеній, положимъ укропа, то онъ одинъ со временемъ могъ бы покрыть ее повсемѣстно зеленью, и если бы исчезло съ земнаго шара все населеніе, кромѣ одного какого нибудь племени, то послѣднее въ нѣсколько вѣковъ опять наполнило бы его.

Дѣйствительно подсолнечникъ даетъ 4,000 сѣмянъ, макъ даже 32,000, кленъ и вязъ до 100,000; карпъ мечетъ икру въ 342,000 яичекъ, вычислено, что два сельдя въ десять лѣтъ наполнили бы своимъ потомствомъ всѣ моря и океаны.

Но природа, снабдившая растенія и животныхъ такою неограниченною воспроизводительною способностію, поскупилась на мѣсто и пищу, необходимыя для нихъ, а потому всякій излишекъ неизбѣжно погибаетъ. То же касается и до людей.

При этомъ, однако, тварь исключительно подчиняется врожденному влеченію—инстинкту, обезпечивающему сохраненіе породы; чрезмѣрному же размноженію одного какого-нибудь вида препятствуетъ только недостатокъ мѣста и средствъ питанія. На человѣка это же препятствіе дѣйствуетъ иначе; хотя онъ

подлежитъ будто бы дѣйствію того же животнаго инстинкта, однако его останавливаетъ разумъ, внушающій ему опасеніе, что невозможно будетъ прокормить своихъ дѣтей. Если человѣкъ поддается опасенію видѣть своихъ дѣтей въ недостаткѣ, то это часто бываетъ въ ущербъ нравственности, говоритъ Мальтусъ; если же онъ слѣдуетъ только животному инстинкту, то народонаселеніе увеличивается свыше средствъ къ его существованію. Является обреченный на медленную голодную смерть пролетаріатъ.

Чтобы яснѣе формулировать свое положеніе, Мальтусъ старается цифрами опредѣлить, каково могло бы быть размноженіе населенія, предоставленнаго одному влеченію природы и не встрѣчающаго при этомъ никакихъ препятствій; а съ другой стороны—какъ быстро можетъ совершаться увеличеніе произведеній земли, при самыхъ благопріятныхъ къ тому условіяхъ.

Совершенно безпрепятственнаго возрастанія народонаселенія никогда и нигдѣ не происходило, но въ сравненіи съ другими государствами до сихъ поръ въ самомъ выгодномъ положеніи находились Соед. Штаты сѣв. Америки, гдѣ пока еще излишествуютъ средства къ существованію. Тамъ населеніе, за вычетомъ переселенцевъ, удвоивается съ конца прошлаго столѣтія въ менѣе чѣмъ 25 лѣтъ а потому Мальтусъ выводитъ заключеніе: *что народонаселеніе, не встрѣчая никакихъ препятствій, удвоивается каждыя 25 лѣтъ, и слѣдовательно чрезъ извѣстные періоды возрастаетъ въ прогрессіи геометрической.*

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ народонаселеніе возрастало:

Годъ.	Число.	%.
1790	2 929,872	
1800	5.305,926	35,02
1810	7.239,814	36,45
1820	9.638,131	33,33
1830	12.866,020	33,49
1840	17.069.453	32,67
1850	23.191,876	35,87
1860	31,440,597	35,50

въ 1819 стали ежегодно записывать число переселенцовъ и съ этого года до 1857 ихъ было всего около 7¼ мил. Если вычесть это число переселенцевъ, то кругомъ получится, что къ 1860 году естественное приращеніе довело населеніе до 28 мил. съ 7 мил. въ 1810 году, т. е. оно учетверилось въ 50 лѣтъ, или удвоивалось въ 25.

Труднѣе опредѣляется размѣръ, въ которомъ увеличиваются средства къ существованію, хотя уже и на первый разъ очевидно, что они могутъ, по словамъ Мальтуса, приращаться только медленнѣе населенія. Пространство земель вездѣ ограниченное и возможно постоянно увеличивать средства къ существованію не распространеніемъ воздѣлыванія на новыя и новыя пространства, а только улучшая самые способы обработки, стараясь съ одного и того же пространства получать все большее и большее количество произведеній. Между тѣмъ извѣстно, что собственно чистый доходъ съ того же участка все уменьшается, почва истощается и издержки на удобреніе возрастаютъ. Если слѣдовательно и предложить, говоритъ Мальтусъ, что, при содѣйствіи особенно благопріятныхъ обстоятельствъ, производительность земли могла бы чрезъ первыя 25 лѣтъ удвоиться, то и это выше всякаго вѣроятія. За слѣдующія же 25 лѣтъ рѣшительно невозможно принять такого удвоенія, а развѣ предположить, что ежегодное приращеніе чистаго дохода будетъ одинаково, что черезъ каждыя

25 лѣтъ прибавится вновь столько же произведеній почвы, сколько прибавилось послѣ перваго 25-лѣтія, болѣе невозможно ожидать отъ самыхъ важныхъ открытій и изобрѣтеній въ сельскомъ хозяйствѣ, отъ самыхъ усиленныхъ трудовъ земледѣльца. Тогда получится, что: «*средства къ существованію, при самой выгодной обстановкѣ затратъ, никогда не будутъ прирастаться быстрѣе, чѣмъ въ прогрессіи ариѳметической.*

Сравнивая между собою эти два размѣра приращенія оказывается, что въ то время, когда народонаселеніе возрастетъ черезъ 25 лѣтніе сроки какъ: 1: 2: 4: 8: 16: 32: 64: 128: 257....., средства къ его существованію увеличиваются только какъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9.... Уже трудно предположить, чтобы черезъ сто лѣтъ 16 чел. довольствовались тѣмъ, что собственно достаточно только для 5, но по прошествіи 200 лѣтъ населеніе будетъ относиться къ средствамъ какъ 256 къ 9, черезъ 3 столѣтія какъ 4,096 къ 13, а затѣмъ съ каждымъ періодомъ разница становится все ужаснѣе. Впрочемъ, до предположенной несоразмѣрности съ средствами населеніе доходить не можетъ, этому мѣшаютъ въ новѣйшихъ обществахъ разнаго рода препятствія. Мальтусъ приводитъ всѣ эти препятствія къ двумъ главнымъ видамъ: одни уменьшаютъ увеличеніе и не даютъ ему дойти до несоразмѣрности, съ средствами; другія, въ случаѣ несоразмѣрности, устраняютъ избытокъ населенія (голодъ, выселенія). Первыя знаменитый ученый называетъ *преп. предупреждающими,* а вторыя *положительными.*

Предупреждающія препятствія могутъ задерживать размноженіе только у людей, потому что человѣкъ не подлежитъ абсолютному господству инстинкта и въ состояніи заранѣе предвидѣть и оцѣнить, отдаленныя въ будущемъ, послѣдствія своихъ дѣйствій. Соображая предъ вступленіемъ въ бракъ свои средства съ будущими потребностями, у него возникаетъ основательное опасеніе, въ состояніи-ли онъ будетъ обезпечить существованіе дѣтей, которымъ онъ дастъ жизнь, не утратитъ-ли онъ при ограниченіи средствъ своего положенія въ обществѣ, не долженъ-ли будетъ отказаться отъ дорогихъ для него привычекъ, не обременитъ-ли онъ себя ради добыванія большихъ средствъ чрезмѣрнымъ трудомъ, будетъ-ли онъ при всемъ томъ въ состояніи дать своимъ дѣтямъ такое же воспитаніе, какимъ самъ пользовался; предохранятъ-ли его усилія ихъ отъ нищеты и презрѣнія; не вынуждены-ли они будутъ по его кончинѣ прибѣгнуть къ всегда недостаточному вспомоществованію отъ чужихъ и т. д. Въ нынѣшнемъ обществѣ подобныя размышленія предупреждаютъ ежегодно значительное число браковъ и противодѣйствуютъ природному влеченію. Несомнѣнно такая воздержанность составляетъ для человѣка лишеніе, но, говоритъ Мальтусъ, оно и не единственное, и не самое ужасное, которое приходится ему испытывать въ жизни; гораздо ужаснѣе тѣ, которымъ онъ, въ случаѣ невоздержности, подвергнетъ свое потомство.

Воздержаніе же, отъ брака и въ бракѣ, часто производитъ развратъ, который можетъ довести до неспособности воспроизводить дѣтей, и слѣдовательно также предупреждаетъ увеличеніе населенія. Но такая неспособность, такое истощеніе уничтожаетъ высшее достоинство въ человѣкѣ, унижаетъ мужчинъ, а еще болѣе женщинъ. Развратъ, свидѣтельствующій объ господствѣ животныхъ инстинктовъ надъ разумомъ, уничтожаетъ духовно-нравственный характеръ человѣка, отравляетъ семейное счастіе и подрываетъ тѣмъ основу народнаго благосостоянія.

Напрасно противники Мальтуса провозглашали его даже проповѣдникомъ разврата, хотя нѣкоторые мнимые ученики его доходили до такихъ нелѣпыхъ

выводовъ. Мальтусъ считаетъ единственнымъ средствомъ, спасающимъ отъ излишней населенности (overpopulation), благоразуміе человѣка.

Положительныя препятствія непомѣрнаго размноженія составляютъ всѣ условія, сокращающія вѣкъ человѣка, уничтожающія его жизненныя силы, и увеличивающія въ цѣломъ населеніи смертность. Эти условія чрезвычайно разнообразны, самыя обыкновенныя: занятія вредящія здоровью, постоянный изнурительный трудъ свыше силъ, крайняя нищета, недостатокъ всего необходимаго, дурныя пища и помѣщеніе, пороки всякаго рода (пьянство), повальныя болѣзни, война и голодъ.

Изъ изложенныхъ положеній Мальтусъ выводитъ слѣдующія практическія предписанія для ограниченія пауперизма:

1) Слѣдуетъ распространять во всей массѣ народа убѣжденіе, что *воздержаніе* и *благоразуміе*, какъ при всякомъ поступкѣ человѣка, необходимы и при заключеніи браковъ.

Это долгъ предписываемый человѣку самой природою: кто ставитъ въ свѣтъ ребенка, не зная чѣмъ его содержать, совершаетъ преступленіе и противъ общества, и еще большее противъ собственныхъ своихъ потомковъ. И въ самомъ дѣлѣ дать жизнь дитяти, одаренному многоразличными потребностями и безсмертною душою, одинъ изъ важнѣйшихъ поступковъ, совершаемыхъ человѣкомъ во всей жизни, а между тѣмъ, большая часть людей ведетъ себя въ этомъ случаѣ чрезвычайно легкомысленно (Рошеръ). Особенно бѣдные, совершенно нищіе — пролетаріи, не предвидящіе для своихъ дѣтей худшаго положенія въ будущемъ, чѣмъ то, въ которомъ они сами находятся, вовсе не руководствуются подобными соображеніями, въ необразованныхъ массахъ исключительно дѣйствуютъ мгновенныя влеченія. Поэтому нѣкоторыя новѣйшія законодательства считали необходимымъ и возможнымъ, при помощи запрещеній и стѣсненій, ограничить число браковъ и препятствовать образованію необезпеченныхъ семействъ.

Уже Аристотель хотѣлъ позволить мужчинамъ жениться только съ 35 года. Въ Норвегіи и Виртембергѣ при вступленіи въ бракъ по закону требуется доказать, что есть средства къ содержанію семейства.

Тѣмъ не менѣе, внѣшнія ограниченія не достигаютъ цѣли, они не уменьшаютъ общаго числа рожденій, а увеличиваютъ только число незаконныхъ. Мальтусъ ихъ отвергаетъ, подтверждая, что только добровольное самоограниченіе дѣйствительно. Строгое и точное исполненіе законныхъ ограниченій сопряжено съ большими затрудненіями для правительства, изслѣдовать вѣрность показаній о существованіи средствъ къ браку часто совершенно невозможно, они заключаются не только въ наличныхъ капиталахъ, но и въ способности человѣка трудиться; притомъ судьба человѣческая измѣнчива; слѣдовательно внѣшнія, искусственныя препятствія къ браку не обезпечиваютъ противъ пролетаріата.

2) Съ другой стороны всякое государственное учрежденіе, освобождающее человѣка отъ отвѣтственности за непредусмотрительность и легкомысліе при бракѣ, пособія выдаваемыя по закону всей массѣ бѣдныхъ, подати въ пользу нищихъ, только увеличиваютъ ихъ число и потворствуютъ во многихъ случаяхъ лѣни. Поэтому подаянія не должны быть предписанною таксою, которую обязаны платить всѣ достаточные, а исключительно частная милостыня, которая спасая отъ голода всегда бываетъ разборчива. Противъ англійской таксы бѣдныхъ и противъ мнимаго права послѣднихъ на милостыню возстаетъ Маль-

тусъ. Протестъ онъ высказалъ въ первомъ изданіи своего сочиненія чрезвычайно рѣзко, что и навлекло на него много упрековъ и порицаній, онъ едва не прослылъ людоѣдомъ, а потому опустилъ упомянутую выходку въ послѣдующихъ изданіяхъ. Право бѣдныхъ разсчитывать на пособіе общества Мальтусъ отвергалъ слѣдующими словами: «человѣкъ, рождающійся въ свѣтъ уже занятый до него, не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать въ свою пользу какую бы то ни было частицу пищи, если его семейство не въ состояніи его содержать, а общество не нуждается въ его трудѣ;—онъ въ самомъ дѣлѣ лишній на землѣ. На великомъ пиру, устроенномъ природою людямъ, для него нѣтъ мѣста. Природа повелѣваетъ ему удалиться и затѣмъ сама берется исполнить этотъ приговоръ».

Мальтусъ доказывалъ, что такса бѣдныхъ не уничтожаетъ пролетаріата, а напротивъ, понижаетъ рабочую плату Доводы Мальтуса заставили англійское правительство измѣнить систему вспомоществованіе бѣднымъ. Средства къ этому по прежнему обязаны доставлять приходы, но раздача пособій на дому прекращена, заведены были рабочіе дома, въ которыхъ получающіе подаяніе должны заниматься разными ремеслами и работами. Въ этихъ рабочихъ домахъ (workhouses) семьи совершенно раздробляются, дѣти поступаютъ въ мальчѣтнее, жены въ женское, мужья въ мужское отдѣленіе, поэтому пребываніе въ нихъ для бѣдныхъ чрезвычайно тягостное, они ихъ даже боятся. Слишкомъ строгій внутренній порядокъ заставилъ приходы сохранить и раздачу вспомоществованія на дому, иногда въ видѣ приплаты къ недостаточнымъ заработкамъ. Послѣднее особенно дурно, такъ какъ вспомоществуемые работники берутся за ничтожную плату за работу и сбиваютъ вознагражденіе работниковъ, живущихъ только этою платою, со временемъ и послѣднія бываютъ вынуждены обратиться за призрѣніемъ къ приходу, и такимъ образомъ только сами приходы себя обремѣняютъ нищими. Не смотря однако на недостатки новой системы рабочихъ домовъ, такса бѣдныхъ бывшая въ $18^{33}/_{34}$ году 6 317,255 ф. уменьшилась въ $18^{57}/_{58}$ г. до 5.878,542 ф. несмотря на увеличеніе всего населенія вообще; очевиднѣе ея уменьшеніе если разсчитать. по скольку платилъ каждый житель Англіи и Уэльса въ пользу бѣдныхъ; эта подать была на каждаго жителя королевства:

въ $18^{33}/_{34}$ въ 8 шиллинговъ $9^1/_2$ пенсовъ (около 3 рублей).
» $18^{57}/_{68}$ » 6 » $0^1/_2$ » (около 2 р. 11 к.).

И такъ, сущность такъ называемаго Мальтусова закона: народонаселеніе не только можетъ, но и нерѣдко стремится при своемъ размноженіи превзойти размѣръ средствъ къ существованію — откуда временной и мѣстный пролетаріатъ, и что единственное средство спасающее отъ него—свободная воля, разумное самоограниченіе самого человѣка.

Мальтусу казалось, будто движеніе, представляющееся въ хозяйственной жизни человѣка, можно подвести подъ какіе то неизмѣнные выкладки. Онъ упустилъ изъ виду, что не только существуетъ между тѣмъ и другимъ приращеніемъ неразрывное отношеніе, что они до такой степени взаимно обусловливаются, что одиноко не можетъ идти ни размноженіе населенія, ни приращеніе средствъ къ существованію. Поэтому, приводимыя имъ, для большей ясности

своего основнаго положенія, математическія формулы точнаго основанія и не имѣютъ.

Онъ вопервыхъ полагаетъ, что если въ движеніи населенія и средствъ замѣчается увеличеніе, то это увеличеніе происходитъ въ прогрессіи; чего нѣтъ ни въ увеличеніи средствъ къ существованію, ни въ увеличеніи населенія. Всякая прогрессія обусловливается тѣмъ, что въ геометрической неизмѣненъ знаменатель, а въ ариѳметической разность. Если на первый разъ взять одну сторону міровой обстановки; считать эту обстановку какъ бы за вмѣстилище человѣчества и всего его хозяйства, то получается голое понятіе о мѣстопребываніи (emplacement), необходимо на первый разъ находиться на мѣстѣ, а затѣмъ пользоваться обстановкою. По мѣрѣ возрастанія средствъ къ существованію увеличивается только народонаселеніе: Англія имѣетъ несравненно большее народонаселеніе въ новѣйшее время, чѣмъ при Елизаветѣ, а между тѣмъ и среднее благосостояніе также увеличилось. Такимъ образомъ, размноженіе населенія происходитъ развѣ въ томъ порядкѣ, въ какомъ совершается наростаніе сложными процентами, если изобразить послѣднее математическою формулою. Притомъ же, необходимо помнить, что упомянутое наростаніе сложными процентами вовсе не происходитъ по неизмѣнному, однообразному проценту, и невозможно, чтобы наростаніе происходило въ новѣйшихъ культурныхъ государствахъ съ тою быстротою, съ какою происходило во времена первобытныя; точно также совокупность всѣхъ хозяйственныхъ условій предыдущаго времени и послѣдующаго не допускаетъ какого либо наростанія ни населенія, ни средствъ къ жизни сложными процентами по неизмѣняющемуся знаменателю.

Для полнаго выясненія нашей мысли укажемъ на данныя по движенію населенія во Франціи за нынѣшнее столѣтіе:

Годы.	Населеніе.	Браки.	Рожденія.	Смерти.	Увеличеніе населенія.
1800	27.349,003	198,516	903,688	761,813	141,875
1801	27 859,685	202,911	918,703	772,058	146,645
1802	28.228,498	206,149	919,020	881,892	37,128
1803	28 597,305	207,023	907,305	897,734	9,571
1804	28.966,112	214,553	912,613	833,436	79,177
1805	cent jours	53,530	255,340	224,379	30,961
1806	29.107,425	209,851	916,179	781,827	134,352
1807	29.241,777	213,240	925,117	803,174	121,913
1808	29.363,720	220,933	912,840	773,773	139,067
1809	29.502,787	267,964	933,391	748,655	184,736
1810	29.687,523	232,943	931,799	730,282	201,517

Годы.	Населеніе.	Браки.	Рожденія.	Смерти.	Увеличеніе населенія.
1811	29,889,040	203,731	926,904	766,275	160,629
1812	30.049,669	222,564	883,945	769,531	114,414
1813	29.924,767	387,186	895,580	774,926	120,654
1814	29.799,865	193,020	994,082	872,980	121,102
1815	29.574,963	246,045	953,141	762,949	190,192
1816	29.250,061	249,247	968,934	723,699	245,235
1817	29.539,587	205,877	944,475	750,633	193,842
1818	29,733,429	213,343	914,577	755,547	159,030
1819	29.892,459	215,258	987,567	785,996	201,571
1820	30.094,030	209,003	951,981	769.300	190,681
1821	30.461,875	222,694	965,364	741,302	224,062
1822	30.758,550	235,805	972,632	777,037	195,595
1823	30.954,151	261,806	963,327	743,467	219,860
1824	31.174,011	237,773	984,158	764,138	220,020
1825	31.395,031	243,402	973,502	800,074	173,428
1826	31.858,937	247,435	992,266	837,610	154,656
1827	31.994,633	255,929	980,135	791,565	188,570
1828	32.183,200	246,446	976,949	837,516	139,433
1829	32-322,633	250,614	965,470	802,624	162,846
1830	32.485,479	270.399	968,000	808,400	159,600
1831	32.569,223	245,651	986,843	800,430	186,413
1832	32.831,247	242,469	937,434	933,800	3,634
1833	32·834,881	263,553	970,178	812,478	157,700
1834	32.992,581	271,220	986,490	918.028	68,463
1835	33.061,043	275,508	993,833	816,413	177,420
1836	33.540,910	274,145	979,746	747,668	232,078
1837	33.751,227	266,843	943,741	853,071	90,670
1838	34.189,735	273,329	963,099	817,501	145,598
1839	33.987,495	267,174	958,189	771,859	186,330
1840	33.173,825	283,338	952,387	808,989	143,398
1841	34.230,178	282,370	976,753	794,908	181,845
1842	34.457,282	280,584	982,990	825,938	157,052
1843	34.614,334	285,463	978,396	799,008	179,388
1844	34,793,722	279,782	959,484	768,026	191,458
1845	34.985,180	283,238	982,527	741,985	240,542
1846	34.401,761	268.307	965,866	820,918	144,948
1847	35.521,746	249,625	901,861	849,054	52,807
1848	35.574,553	293,552	940,156	836,693	103,463
1849	35 678,016	278,903	985,848	973,471	12,377
1850	35.690,393	297,700	954,240	761,610	192,630
1851	35.783,170	286,884	971,271	799,137	172,134
1852	35 953,984	281,460	964,959	810,737	154,222
1853	36·108,206	280,609	936,967	795,607	141,360
1854	36.249,566	270,896	923,461	992,779	—69,318
1855	36,180,248	283,335	902,336	937,942	—35,606
1856	36.139,364	284,401	952,116	837,082	115,034
1857	36.268,793	295,510	940,709	858,785	81,924
1858	36.350,717	307,056	969,343	874,186	95,157
1859	36.445,874	298.417	1.017,896	979,333	38,563
1860	36.484,437	288,936	956,878	781,635	175,240
1861	37.386,313	335,203	1.005,075	866,597	138,481
1862	37 517,752	303,214	995,167	812,978	182,189
1863	37.699,941	301,376	1.012,794	846,917	165,877
1864	37.865,818	299,579	1.005,880	860,830	145,550
1865	38.011,368	299,242	1.005,753	921,887	83,866
1866	38.067,064	303,634	1 006,258	884,573	121,685
1867	38.188.749	300,333	1.007.755	866,887	140,868
1868	38.329,617	301,225	984,140	922,033	62,102

Среднія цифры по десятилѣтіямъ:

	Населеніе наличное.	Браки.	Рожденія.	Смерти.	Прибыль.
1800—1810	28.790,383	217,408	918,065	798,464	119,601
1811—1820	29.774,787	234,527	942,919	773,184	169,735
1821—1830	31.558,850	247,230	974,181	790,373	183,808
1831—1840	33.358,433	266,323	967,194	828,023	139,171
1841—1850	35 094,716	279,952	962,812	817,161	145,651
1851—1860	36 195,436	287,750	953,593	866,722	86,871
1861—1868	37.883,327	301,726	1.002,852	872,776	130,076

Въ среднемъ числѣ ежегодно приходилось на 10,000 жителей:

Годы.	Браковъ.	Рожденій.	Смертей.	% приращенія.
1800—1810	76	319	277	0,42
1811—1820	79	317	260	0,57
1821—1830	78	309	250	0,59
1831—1840	80	290	248	0,42
1841—1850	80	274	233	0,41
1851—1860	79	263	239	0,24
1861—1868	80	266	230	0,36

Срв. Journal de la soc. de stat. de Paris. XII an. № 8 (157½) p. 221. а также № 12, Dec. 1870 p. 315.

Даже въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ періоды удвоенія не постоянно двадцатипятилѣтніе, не смотря на то, что тамъ просторъ для индивидуальной дѣятельности неограниченъ, что количество полезностей въ средѣ, какъ бы, пока неисчерпаемо и, слѣдовательно, народонаселеніе могло бы идти безпрепятственно впередъ. Тѣмъ не менѣе, разбирая движеніе населенія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, порознь по десятилѣтнимъ счисленіямъ, вовсе не оказывается, чтобы увеличеніе происходило въ какой нибудь правильной прогрессіи. Вообще оно совершается какъ бы наростаніемъ сложныхъ процентовъ, но по проценту измѣняющемуся съ каждымъ поколѣніемъ.

Во Франціи опасались даже за послѣднее время неподвижности. По крайней мѣрѣ по отчету отъ 5 января 1873 г. (Journal officiel) послѣднее счисленіе (31 декабри 1872 г.) дало всего цифру населенія въ 36,102,921 чел., между тѣмъ какъ по счисленію въ 1866 году было на той же территоріи—т. е. за вычетомъ уступленныхъ по трактатамъ 1871 г. (26 февраля, 10 мая и 12 окт.) въ 1689 общинахъ до 1,597,238 жителей—большее населеніе, именно 36,469,856 человѣкъ. Изъ 87 нынѣ существующихъ во Франціи департаментовъ, только 14 представляютъ перевѣсъ рожденій надъ смертями, во всѣхъ же остальныхъ оказалась убыль. Изъ общей же убыли за послѣдніе 10 лѣтъ, въ 366,935 человѣкъ,

приходятся $^2/_3$ на мужской полъ (235,830) и $^1/_3$ на женскій (131,105).

При невѣрности геометрической прогрессіи Мальтуса нельзя дойти до несоотвѣтствія между этой прогрессіей и той, которую онъ ставитъ для приращенія средствъ къ существованію, именно ариѳметическою. Основное его положеніе заключается въ томъ, что родъ человѣческій *способенъ* безгранично размножаться. Но этого неограниченнаго размноженія нѣтъ, потому что въ борьбѣ человѣка за существованіе постоянно на первомъ планѣ стоитъ разсчетъ средствъ для этого существованія. Нѣтъ стремленія къ размноженію сверхъ средствъ къ существованію, а напротивъ есть стремленіе къ завладѣнію большимъ количествомъ послѣднихъ.

Такъ, напримѣръ, данныя послѣдней переписи въ Великобританіи (3 апрѣля 1871 г.) свидѣтельствуютъ, что въ Англіи и Уэльсѣ за 70 лѣтъ нынѣшняго столѣтія число жилищъ увеличилось на 170%, а населесіе возросло только на 155%.

Самый процентъ размноженія населенія дается успѣхами въ добываніи средствъ для хозяйства; цѣль борьбы за существованіе не есть вытѣсненіе другихъ видовъ существъ, не взаимное уничтоженіе, а именно совершенствованіе самихъ видовъ. Съ такимъ только содержаніемъ выставляетъ свою теорію относительно борьбы за существованіе Дарвинъ. Воззрѣніе Мальтуса же основано на предположеніи, что родъ человѣческій стремится вытѣснить, уничтожить всѣ остальные виды существъ и современемъ завладѣть всѣмъ земнымъ шаромъ. Такое стремленіе нельзя признать за существенный и непреложный порядокъ природы. Затѣмъ, за отсутствіемъ стремленія къ безпредѣльному размноженію, невозможно согласиться и съ тѣмъ, будто бы вообще приращеніе населенія должно превосходить увеличеніе средствъ къ существованію; съ послѣднимъ положеніемъ нельзя еще согласиться въ частности потому, что самое увеличеніе средствъ къ существованію у Мальтуса изъяснено односторонно. Онъ ограничивается наблюденіемъ, на первый разъ мнимо убѣдительнымъ и весьма поверхностнымъ, будто земля не можетъ давать постоянно возрастающаго сбора плодовъ. Мальтусъ указываетъ на то общеизвѣстное явленіе, что почва, при дальнѣйшемъ воздѣлываніи, истощается; по мѣрѣ обилія жатвы, на слѣдующій годъ необходимо дѣлать большія затраты для возстановленія ея производительныхъ силъ, а не будь соотвѣтственнаго возврата питательныхъ веществъ,

она давала бы съ каждымъ годомъ все меньше и меньше. Предположимъ, говоритъ Мальтусъ, что земля будетъ давать не только тоже количество плодовъ изъ году въ годъ, какое давала первоначально, но даже болѣе, въ такомъ случаѣ, если принять за мѣрило приращенія средствъ къ существованію прогрессію, эта прогрессія будетъ не иная, какъ ариѳметическая.

При разборѣ той поддержки, того содѣйствія, которыя оказываетъ человѣку міръ, многіе отождествляютъ природу съ землей въ смыслѣ почвы. Уже физіократовъ, въ теоріи поземельной ренты, это отождествленіе привело къ односторонности. Съ Мальтусомъ произошло тоже самое. По его взгляду, природа оказываетъ человѣку поддержку въ его благосостояніи не въ смыслѣ совокупности полезностей внѣшняго міра, но исключительно какъ почва, т. е. осязательно-ограниченнаго пространства. Если же природа является несомнѣнно ограниченною, то конечно, внѣшнія средства къ существованію оказываются, раньше или позже, вполнѣ исчерпаемыми. Между тѣмъ, этого-то неподвижнаго ограниченія для внѣшней среды, какъ данной массы полезностей, и не существуетъ въ экономическомъ смыслѣ. Міръ не представляетъ запаса строго опредѣленнаго, неизмѣннаго, разъ навсегда какъ бы даннаго.

Необходимо признать міръ какъ бы вмѣстилищемъ всего хозяйства и матеріальнымъ его основаніемъ, а въ этомъ смыслѣ среда служитъ человѣку настолько, насколько послѣдній *умѣетъ* обрѣтать въ ней полезностей. Если же остановиться на понятіи полезности съ тѣмъ содержаніемъ, будто въ мірѣ они сами по себѣ существуютъ со способностію приносить пользу, то такихъ предметовъ должно оказываться ограниченное количество; тогда конечно, однѣ вещи могутъ служить человѣку, а другія не могутъ, и свойства и количество ихъ ограничены. Полезности, какъ зародошныя величины въ хозяйствѣ, являются единственно результатомъ опредѣленнаго отношенія человѣка къ стихійной обстановкѣ, именно экономически онѣ оказываются плодомъ знанія, умѣнія воспользоваться веществами и силами, явленіями и предметами міра. Такъ какъ знакомство съ міромъ ростетъ, то ростетъ параллельно и умѣнье пользоваться міромъ, или, другими словами, и количество полезностей, или внѣшнихъ средствъ хозяйства. Послѣднее подтверждаютъ историческіе факты, наблюдаемые въ хозяйственномъ быту.

Такимъ образомъ, ограниченія въ количествѣ внѣшнихъ средствъ

къ хозяйству не существуетъ, а потому совершенно превратно ссылается Мальтусъ на то, что почва, имѣя въ себѣ производительную силу, постепенно теряетъ послѣднюю, и чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе даетъ урожая. Полезности существуютъ не въ качествѣ исподконъ на пользу людямъ данной массы, но онѣ экономически наростали постепенно, какъ результаты и плоды умѣлости, пытливости и свѣдѣній человѣка, или по мѣрѣ возвышенія культурнаго уровня несомнѣнно измѣнялось ихъ количество.

Нечего и говорить о какихъ-либо неподвижныхъ предѣлахъ въ этой области. Ограниченіемъ для приращенія средствъ къ существованію представляется всякая медленность въ развитіи самаго населенія. Размноженіе населенія должно превосходить наростаніе средствъ къ существованію неизбѣжно, только въ томъ случаѣ, когда отъ внѣшняго усиленія массы отстаетъ одновременное культурное ея развитіе; когда число жителей приращается, а умственное развитіе оказывается недоступнымъ для прироста; только въ такомъ случаѣ и невозможно сохранять одинаковый уровень для обилія средствъ къ существованію съ приращеніемъ населенія.

Послѣднее несоотвѣтствіе можетъ только зависѣть отъ совокупности всѣхъ условій бытовыхъ (политическихъ, сословно-соціальныхъ, образованности и т. д.). Такимъ же образомъ грѣшитъ и вторая прогрессія Мальтуса. Источникомъ средствъ къ жизни не должно считать почву, а весь міръ, и именно послѣдній—подъ властью человѣка, въ хозяйствѣ котораго онъ становтся все обильнѣе по отношенію къ полезностямъ; такъ что нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, чтобы размноженіе населенія неизбѣжно стремилось превосходить приращеніе средствъ къ существованію. Напротивъ, послѣднее не только можетъ иногда превосходить, но и превосходило неоднократно первое. Нѣтъ даже необходимости безусловно признавать и теорію хищничества (Либихъ), находящуюся въ связи съ тѣмъ же основнымъ взглядомъ, будто вещественную подкладку хозяйства создаетъ одна природа. Обиліе среды одновременно опредѣляется и хозяйственною дѣятельностію человѣка и основаніями этой дѣятельности — знаніемъ, умѣньемъ, а потому, народъ изъ міра извлекаетъ средствъ настолько, насколько онъ хозяйственно развитъ, или вообще образованъ. Если же образованіе населенія, въ указанномъ хозяйственномъ смыслѣ, можетъ развиваться въ прогрессіи съ увеличивающимся знаменателемъ, то, очевидно, и средства къ жизни могутъ усиливаться потому же самому мѣрилу.

Ариѳметическая прогрессія не даетъ объясненія приращенію средствъ къ существованію человѣка, такъ какъ сами по себѣ онѣ вообще не приращаются. Міръ даже во всей своей цѣлости непосредственно не кормитъ человѣка, и безразлично не поддерживаетъ его существованія. Основное воззрѣніе Мальтуса, что индивидуальная отвѣтственность лежитъ на самомъ населеніи, если является несоотвѣтствіе между потомствомъ отдѣльныхъ, представителей или цѣлыхъ массъ населенія и наличнымъ количествомъ средствъ къ существованію,—это воззрѣніе приводитъ къ тому выводу, что необходимо ставить преграды для размноженія населенія. Со стороны человѣка, говоритъ Мальтусъ, дѣйствительна одна только преграда, это самоограниченіе, нравственное воздержаніе (moral restraint). Но затѣмъ, существуютъ преграды со стороны міроваго порядка: излишекъ населенія остается безъ средствъ и наступаетъ смертность. Послѣдняя, конечно, медленно дѣйствуетъ. Недостатокъ и лишенія постепенно подрываютъ физическое существованіе цѣлыхъ массъ: при постоянной смѣнѣ всетаки массы вымираютъ отъ недостатка средствъ. Затѣмъ бываютъ еще пертурбаціи, дѣйствующія на составъ населенія мгновенно. Неурожай уноситъ свои жертвы разомъ, война имѣетъ такой же характеръ. Прямо, положительно сокращается численность населенія и отъ всѣхъ тѣхъ условій, которыя подрываютъ физическую силу и здоровье человѣка, въ томъ числѣ и развратъ.

Всѣ внѣшнія причины, сокращающія существованіе человѣка, дѣйствуютъ неизбѣжно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда населеніе не хранитъ уровня со средствами. Но Мальтусъ забываетъ, что репрессивныя причины, какъ общія бѣдствія, войны, неурожаи, съ одинаковой силою служатъ и къ сокращенію средствъ существованія: и если цѣлыя массы вымираютъ, то исчезаетъ и извѣстное число производителей. Вслѣдствіе усилившейся смертности войною, выселеніемъ, въ хозяйствѣ происходитъ неминуемо такое потрясеніе, что увеличеніе средствъ къ существованію прерывается, или же сокращеніе средствъ идетъ какъ бы параллельно съ всякою убылью въ населеніи .Послѣ подобныхъ бѣдствій, нищенство все-таки быстро усиливается, не смотря на то, что населеніе сократилось. Наконецъ, и проповѣдь воздержанія можетъ только привести къ горестному заблужденію *).

*) *Dühring*—Cursus der National - und Socialöconomie, Berlin, 1873 г.—справедливо замѣчаетъ, что вся система предупредительнаго уравниванія испа-

Всякій придерживающійся предупредительнаго самоограниченія, тѣмъ только доказываетъ, что не надѣется развить свои экономическія способности, усилить свою умѣлость, чтобы пользоваться большимъ количествомъ средствъ въ будущемъ. Такъ какъ, отъ культурной умѣлости зависитъ обиліе и приращеніе полезностей, то именно воздержаніе отъ брака въ томъ смыслѣ, въ какомъ предлагаетъ послѣднее Мальтусъ, служитъ явнымъ отказомъ отъ развитія въ культурномъ отношеніи. Вотъ почему, предупредительныя препятствія къ размноженію населенія только могутъ и должны считаться источниками культурнаго застоя, а потому, уже вопіющею ненормальностью должна считаться всякая законодательная ихъ обязательность. Чѣмъ далѣе развивается хозяйство, тѣмъ разнообразнѣе становятся способы пріобрѣтенія обстановки, и самоограниченіе можетъвыражаться только въ одномъ направленіи—въ смыслѣ строгаго разсчета, установляемаго каждымъ сообразно съ тою умѣлостію, которую онъ сознаетъ въ себѣ, и съ тѣми будущими потребностями, которыя окажутся въ его хозяйствѣ, если онъ приступитъ къ брачной жизни и будетъ имѣть потомство; только въ указанномъ разсчетѣ можетъ выражаться нравственное самоограниченіе.

Общее положеніе А. Смита и Мальтуса о несомнѣнной ограниченности вещественныхъ средствъ, необходимыхъ для самаго хозяйства и затѣмъ, безграничной отвѣтственности индивидуальной—это воззрѣніе поддерживаетъ даровитѣйшій представитель той же школы Давидъ Рикардо. *Рикардо* (1772—1823 г.), сосредоточивъ свои изслѣдованія преимущественно на билетномъ обращеніи и хлѣбной торговлѣ, установилъ ученіе о размѣнности банковыхъ билетовъ (The high price of bullion, 1809 и The funding System, 1820) и о поземельной рентѣ (Principles of political Economy and Taxation, 1817). Свое ученіе о рентѣ онъ основываетъ на неодинаковой плодородности почвъ и земель. Рикардо, писатель замѣчательный послѣдовательнымъ умомъ, перенесши свои сужденія на всю область экономическаго ученія, по отдѣльнымъ частямъ ея внесъ весьма существенныя положенія.

рилась у Мальтуса въ безсильную индивидуальную проповѣдь личнаго воздержанія отъ брака, которая притомъ даже не примирима съ законами конкурренціи и борьбы за существованіе, такъ какъ никто, преимущественно передъ другимъ и въ пользу другаго, не откажется отъ развитія своего существованія помощію семейной обстановки. стр. 122.—Срв. *Richter*, Einleitung in das Studium der Volkswirthschaft. Prag, 1871 г., стр. 238.

Можетъ быть ни одно сочиненіе по народному хозяйству не произвело, рядомъ съ твореніемъ А. Смита, въ Англіи такого впечатлѣнія, какъ книга Рикардо. Его обаяніе продолжается отчасти и до сихъ поръ, благодаря богатому запасу свѣдѣній и поразительной убѣдительности въ сопоставленіи доводовъ, которыми владѣетъ авторъ и которые ему послужили къ искусному построенію его системы естественныхъ законовъ хозяйства. Не мало, однако объясняется его успѣхъ и тою обороною, какою послужила его теорія поземельной ренты для интересовъ сильно вліятельнаго класса англійскаго общества, землевладѣльческой gentry, такъ какъ обложеніе поземельной податью ренты не могло застигать ихъ, а возвышало будто бы одну цѣну на сельскохозяйственныя произведенія; тѣмъ менѣе, стало быть, можно было приступить къ какому либо возвышенію этого налога. Рикардо конечно ясенъ, но внутренняя послѣдовательность его теоріи болѣе, чѣмъ шаткая. Онъ исходитъ изъ аксіомы, что есть земли, которыя никакой ренты, какъ возмездія за неистощимыя производительныя силы природы, вовсе не даютъ, но обработка которыхъ необходима для того, чтобы сполна получать потребное для населенія количество питательныхъ веществъ. Это худшія земли, по почвѣ и разстояніямъ отъ рынка, на которыхъ хозяйство выручаетъ только издержки на трудъ и капиталъ; за нихъ принимаются потому, что стоитъ на рынкѣ такая цѣна сельскимъ произведеніямъ, которая обезпечиваетъ доходъ съ труда и капитала. Всѣ же земли лучшія, употребляя въ обработкѣ столько же издержекъ на трудъ и на капиталъ, даютъ большее количество произведеній и стало быть въ размѣрѣ послѣдняго приращенія даютъ поземельную ренту. Послѣдній доходъ соразмѣряется съ разницею въ добротности участковъ. Однако этимъ способомъ своеобразная рента съ земель отнюдь не доказывается. Стоитъ измѣнить рикардовскую ипотезу, что при одинаковыхъ *трудѣ и капиталѣ* различная добротность земель даетъ ренту; такъ какъ возможно предположить, что съ одинаковыхъ земель, при одинаковыхъ капиталахъ, разнокачественный трудъ, по таланту и знаніямъ, даетъ различное количество произведеній и ренту при сбытѣ,—тогда источникомъ ренты явится трудъ. Тѣмъ же пріемомъ не трудно вывести и ренту на капиталъ. Однимъ словомъ спеціальную поземельную ренту не доказалъ Рикардо.

Рента всегда плодъ исключительной обстановки при сбытѣ цѣнностей, предложеніи труда или капитала на рынкѣ. Между тѣмъ онъ увѣряетъ, что безрентныя земли подати платить не могутъ и включаютъ ее въ цѣну своихъ произведеній, т. е. перелагаютъ на потребителей послѣднихъ; тоже съ еще большею легкостію удается всѣмъ владѣльцамъ рентныхъ земель; вообще земля ускользаетъ отъ обложенія и не къ чему измышлять для нея налоги. Наше несогласіе съ рентною теоріею мы изложимъ ниже подробнѣе. Нельзя далѣе согласиться съ Рикардо:

1) что процентъ съ капитала въ издѣльной промышленности не имѣетъ вліянія на цѣну издѣлій (стр. 20);

2) что цѣна издѣліямъ, при производствѣ которыхъ преобладаютъ значительные постоянные капиталы, понижается въ той же мѣрѣ, какъ вздорожаетъ заработная плата (стр. 30);

3) что всѣ поземельныя улучшенія вызываютъ паденіе цѣнъ на сельскіе продукты (стр. 74);

4) что возвышеніе заработной платы вызываетъ сокращеніе процента (стр. 128, 147);

5) что сборы съ жизненныхъ припасовъ не возвышаютъ цѣнъ на издѣлія обработывающихъ производствъ (212. 217);

6) что промысловой налогъ не возвышаетъ заработную плату, а понижаетъ капитальный ростъ (стр. 280).

Рядомъ съ этимъ необходимо, какъ заслугу, признать за авторомъ незыблемое выясненіе:

1) различія естественной стоимости работы и рыночной ея оплаты;

2) чувствительности капиталистовъ при открытіи самыхъ прибыльныхъ помѣщеній;

3) непреложности выгодъ отъ свободы торговли;

4) разницы въ цѣнѣ денегъ на отдѣльныхъ рынкахъ;

5) подрыва отъ всякаго затрудненія при отчужденіи земель;

6) сущности и послѣдствій отъ государственныхъ долговъ;

7) причинъ измѣняющейся высоты роста.

Наконецъ, своеобразное хозяйственное міросозерцаніе Рикардо, хотя и плодъ времени и родной ему страны, совершенно справедливо навлекаетъ нареканія на весь экономическій либерализмъ. На стр. 491 излагается пространно, что «если бы 5 милліоновъ людей могли производить все, что необходимо на удовлетвореніе потребленію для 10 милліоновъ человѣкъ, то пища и одежда цѣлыхъ пяти милліоновъ оказались бы чистымъ доходомъ.»

«Можетъ ли, стало быть, принести существенную пользу странѣ, если такой же чистый доходъ доставятъ 7 милліоновъ населенія; — или другими словами—если 7 милліоновъ людей своею дѣятельностію произведутъ пищи и одежды на 12 милліоновъ потребителей? Чистый доходъ точно также сталъ бы заключаться въ пищи и одеждѣ для 5 милліоновъ человѣкъ. Участіе большаго числа лицъ въ хозяйствѣ не усиливало бы ни сухопутнаго, ни морскаго нашего войска хотя однимъ человѣкомъ, не доставляло ни одной лишней гинеи къ податямъ.»

Въ этой тирадѣ никакихъ общихъ и высшихъ цѣлей, кромѣ хозяйственныхъ для человѣческаго существованія не признается, и все людское общежитіе только и должно быть направлено къ тому, чтобы дешевле прокармливаться, или копить чистые доходы!

Популяризаторомъ основнаго ученія А. Смита во Франціи служилъ Жанъ-Батистъ-Сэй (1767—1838 г.). Онъ, указавъ не только на односторонность взгляда А. Смита относительно труда, присоединяетъ къ производительнымъ работамъ и всякій другой трудъ, сверхъ вещественнаго. Затѣмъ нѣсколько онъ расходится съ А. Смитомъ относительно воззрѣнія на цѣнность, но тѣмъ не менѣе Сэй убѣжденъ, что индивидуальная дѣятельность одна обезпечиваетъ хозяйственную обстановку, а потому необходимо дать ей просторъ. Jean Baptiste Say издалъ два замѣчательныхъ сочиненія: въ 1803 г.—Traite déconomie politique, и въ 1828 г. — Cours d'économie politique pratique.

Каждый изъ указанныхъ писателей, конечно, представляетъ своеобразныя особенности по отдѣльнымъ частямъ изслѣдованій,

но основанія ихъ тождественны, и не только сходятся они между собою, но и въ нѣкоторыхъ основныхъ чертахъ съ физіократіею. Особенно по основной формулѣ laissez faire, laissez-passer. Вслѣдствіе этого, и физіократовъ, и школу А. Смита, и направленіе Рикардо-Мальтусовское нерѣдко соединяютъ подъ однимъ общимъ именемъ—*экономическаго либерализма*.

Конечно, экономическій либерализмъ въ новѣйшемъ смыслѣ не остановился на тѣхъ выводахъ, которые выработаны указанными писателями, но подвинулся въ послѣдующее время далѣе. Къ представителямъ его относится *Mac Culloch* — Principles of political economy, 1825 г. Въ Германіи представителемъ этого направленія служитъ, такъ называемый, народно-хозяйственный конгрессъ (Deutscher Volkswirthschaftlicher Congress).

Противоположность экономическому либерализму составляетъ, во-первыхъ, послѣдній побѣгъ меркантильнаго ученія, о которомъ я уже имѣлъ случай упомянуть, именно ученіе о національности въ хозяйствѣ, о томъ, чтобы каждый народъ своеобразно развивалъ свое хозяйство. Эта теорія развившаяся вполнѣ въ сочиненіи *Листа* «національная система народнаго хозяйства,» 1840 г.*) нетолько становится въ разрѣзъ съ экономическимъ либерализмомъ, не только поборники общественнаго вмѣшательства, административной охраны хозяйства поддерживаютъ національное ученіе въ политической экономіи, но оно имѣетъ достаточную силу по связи своей съ налоговою системою, такъ какъ, вопреки формулѣ физіократической, тарифныя пошлины составляютъ существенно важный источникъ финансовыхъ доходовъ.

Кромѣ того, противники экономическаго либерализма пріобрѣли значеніе за послѣднее время въ такъ называемой партіи *каѳедральныхъ соціалистовъ*, учредившихъ, послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ съѣздовъ, въ 1873 году—Verein für Social-politik.

Наименѣе научную, но оживленную оппозицію экономическій либерализмъ, наравнѣ съ меркантилизмомъ и физіократизмомъ, встрѣтилъ во всѣхъ школахъ *коммунистическихъ* и *соціалистическихъ*.

---

*) Срв. Gesammelte Schriften von Fr. *List*, hersg. von Prof. *Conner*, 3 B., 1850 г.

ГЛАВА IV.

Отрицаніе всѣхъ основъ школьнаго ученія о хозяйствѣ.

§ 18. Историческая преемственность коммунистическихъ и соціалистическихъ взглядовъ. Главные представители утопическаго коммунизма.

Чѣмъ менѣе положительныхъ основъ имѣетъ большинство ученій коммунистовъ и соціалистовъ, тѣмъ труднѣе объединить общіе ихъ взгляды. Необходимо, именно для нашей цѣли, довольствоваться указаніемъ на то противорѣчіе исходныхъ положеній, какое существуетъ между экономическимъ либерализмомъ и требованіями и ученіями коммунистовъ и соціалистовъ. Послѣдніе, прежде всего, стоятъ на томъ, что нищенство и всякія болѣзненныя явленія въ народномъ хозяйствѣ — проистекаютъ не изъ того, чтобы личность не желала дѣлать усилій, а только изъ того, что личность, сама по себѣ всегда способная и готовая на трудъ, не имѣетъ средствъ, необходимыхъ для обнаруженія своихъ трудовыхъ усилій; такъ что общій лозунгъ соціалистовъ и коммунистовъ—доставленіе средствъ къ труду, чѣмъ создастся самостоятельно всеобщее благосостояніе. Надѣленіе средствами къ труду можетъ происходить различными путями: или такъ, чтобы никто не могъ ими владѣть исключительно, или такъ, чтобы каждаго надѣляли соотвѣтственно нуждамъ, путемъ той общественности, которой люди подчиняются; необходимо только эту общественность организовать такъ, чтобы она могла бдительно слѣдить за распредѣленіемъ средствъ къ труду.

Организація же можетъ быть разнообразна и въ этомъ-то и расходятся главныя соціалистическія и коммунистическія ученія.

Экономическіе взгляды, какъ и вообще публицистическія воззрѣнія, развивались и развиваются постоянно въ разнохарактерной и обильной литературѣ, такъ какъ непосредственныя побужденія, заставлявшія авторовъ взяться за перо, бывали въ высшей степени разнородны: то преслѣдовались политическія цѣли, то старались проводить извѣстные взгляды въ законодательство, то вызвать государственную администрацію къ мѣрамъ въ пользу партій, и только рядомъ, съ указаннаго рода полемическими сочиненіями, развивалась чисто научная литература. Естественно, что и научныя изслѣдованія могли подпасть вліянію того, или другаго односторонняго теченія дня.

Источникомъ односторонности нерѣдко служило и то, что исходныя воззрѣнія на хозяйство являются неполными и недостаточными. Мы видѣли, что эта односторонность порождала, такъ называемыя школы. Нельзя сказать, чтобы извѣстныя положенія, высказанныя однимъ писателямъ въ каждой школѣ раздѣлялись остальными, или развивались исключительно; напротивъ каждый приверженецъ школы имѣетъ и существенные оттѣнки. Школами представляются эти системы только потому, что всѣмъ имъ присуща исходная односторонность.

У физіократовъ—общая односторонность взгляда на производительность и непроизводительность, на важность стихійнаго содѣйствія въ производствѣ, на единство податей; но въ этихъ предѣлахъ, порознь между отдѣльными писателями, замѣтно значительное разнообразіе. Еще болѣе разнообразія въ школѣ индустріальной — въ Смитіанизмѣ. У А. Смита одностороненъ анализъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій труда, путемъ котораго создается и подвигается все хозяйство; далѣе, убѣжденіе, что вещественные результаты опредѣляютъ производительность промысловъ. Между прочимъ трудъ, являясь главною основою производительныхъ занятій, придаетъ и личности особенное, первостепенное значеніе въ хозяйствѣ; естественно было доходить до увлеченія, будто успѣхъ труда прямо зависитъ отъ безграничной индивидуализаціи, чѣмъ болѣе дать простора индивидуальности, тѣмъ плодотворнѣе окажется и трудъ, тѣмъ болѣе подвинется все хозяйство; эгоизмъ долженъ дѣйствовать въ личности; эгоистическая конкурренція водворяетъ такой порядокъ во всѣхъ интересахъ, что общій успѣхъ всего хозяйства достаточно обезпеченъ.

Противъ этихъ требованій необузданной конкурренціи—внутри для каждой личности, а извнѣ для всего народнаго хозяйства,— теряющихъ изъ виду второй элементъ хозяйства—внѣшнюю обстановку, различную доступность внѣшнихъ средствъ для отдѣльныхъ дѣятелей—этимъ взглядомъ является противодѣйствіе.

Реформаторы останавливаются на томъ, что необузданная конкурренція и ничѣмъ нестѣсняемый эгоизмъ производятъ такое различіе въ обстановкѣ отдѣльныхъ классовъ, отдѣльныхъ представителей экономическихъ интересовъ, что огромная масса лицъ оказывается лишенною возможности выйти изъ состоянія нищенства, ей на всегда остаются недоступными средства къ труду и капи-

талы; а затѣмъ, по мѣрѣ недоступности для массы капиталовъ: доходы сосредоточены въ немногихъ рукахъ. Насколько успѣваетъ меньшинство въ такомъ заборѣ внѣшнихъ средствъ въ пользу своего хозяйства, на столько въ этомъ меньшинствѣ сильнымъ становится стремленіе поддерживать сосредоточеніе капиталовъ, развивать его, что происходитъ опять-таки во вредъ большинству, погруженному въ безвыходный недостатокъ. Обративъ вниманіе на недоступность труда для желающихъ и способныхъ трудиться и на то, что огромная масса лицъ трудится въ подрывъ своему здоровью и подпадаетъ въ зависимость лицъ, располагающихъ внѣшними трудовыми средствами, что затѣмъ это положеніе безвыходно,—коммунисты старались отыскать выходъ.

Основной вопросъ заключался для нихъ въ томъ, какимъ образомъ избавить большинство отъ недостатка и прекратить громожденіе богатствъ въ немногихъ рукахъ. На первый разъ мыслители остановились на разборѣ внѣшняго характера владѣнія богатствомъ, или вообще вещественными основаніями хозяйства. Понятно, что при рѣшеніи вопроса о наилучшихъ способахъ владѣнія внѣшними средствами, новаторы расходились по двумъ главнымъ направленіямъ: или утверждаютъ, что совсѣмъ не должно быть никакой частной собственности, или же указываютъ, чтобы въ способы владѣнія вмѣшивался элементъ, внѣ хозяйства стоящій—власть и общество.

Вслѣдствіе двойственнаго рѣшенія основнаго вопроса объ измѣненіи способовъ владѣнія вещественными средствами хозяйства, и возникли въ литературѣ экономической и политико-соціальной два направленія: одно изъ нихъ получило названіе *коммунистическаго*, на основаніи требованія, чтобы все было всѣмъ *обще*, чтобы не было никакой индивидуальной собственности, и чтобы распоряженіе внѣшними средствами принадлежало всѣмъ въ совокупности. Писатели другаго направленія полагаютъ, что собственности не можетъ не быть, но что путемъ управленія, законодательства и общественнаго порядка возможно ее организовать такимъ образомъ, что всякій получитъ по своей нуждѣ, за употребленныя усилія будетъ вознаграждаться по мѣрѣ ихъ энергіи, при чемъ всякая личность будетъ неизбѣжно вынуждена рѣшиться на усиліе по своимъ способностямъ. Это направленіе получило въ первый разъ названіе у Жюля Рэбо, въ сочиненіи его—Etudes sur les réformateurs

contemporains, ou *socialistes* modernes—вышедшемъ въ 1840 г. и удостоенномъ во Франціи преміи. Названіе *соціализма* съ тѣхъ поръ получаетъ та литература, которая, отвергая существующіе способы владѣнія, предлагаетъ преобразовать ихъ инымъ порядкомъ, съ сохраненіемъ однако индивидуальной собственности, не только движимой, но отчасти и недвижимой.

Отдѣльные представители коммунизма и соціализма опять между собою разнятся, какъ и физіократы, и индустріалисты, а въ большинствѣ случаевъ они представляютъ непослѣдовательное смѣшеніе тѣхъ и другихъ взглядовъ. Односторонность той и другой школы заключается въ томъ, что коммунисты останавливаютъ все свое вниманіе на отрицаніи владѣнія; вторые же настаиваютъ на уничтоженіи раздѣльнаго личнаго владѣнія вещественными средствами хозяйства.

Такое элементарное рѣшеніе вопроса о неравенствѣ хозяйственной обстановки, путемъ отрицанія владѣнія, явилось еще весьма рано. Подобную мысль въ древности естественно вызывали мертвящіе соціальные и политическіе порядки. Въ древнемъ Египтѣ туземные жители нетолько отличаются по цвѣту кожи и строенію черепа, но они же и были обращены въ касту безправную, въ рабовъ. Еще Аристотель признаетъ рабовъ только одушевленными орудіями: рабъ не имѣетъ достаточно ума для самоопредѣленія, а потому онъ такое же имущество, какъ и рабочій скотъ. Въ древнемъ Римѣ рабы состоятъ въ pecunia — вещественномъ имуществѣ. Слѣдовательно, о правахъ тружениковъ даже нельзя говорить, какъ невозможно говорить о правахъ — вещей. Повсюду въ древнихъ обществахъ есть еще второй слой въ населеніи, безправный политически онъ не принимаетъ участія въ управленіи, не имѣетъ вліянія на законодательство; наконецъ, выше всѣхъ полные граждане — правители государства. Указанныя отношенія по общественнымъ правамъ должны были отразиться на имущественныхъ правахъ: безправному политически плебею, вынужденному поступать въ кліенты къ патрицію, менѣе было предоставлено и имущественныхъ правъ, чѣмъ первому.

Слѣдовательно, по поводу внѣшнихъ причинъ, не связанныхъ собственно съ хозяйствомъ, возникало неравномѣрное распредѣленіе вещественныхъ достатковъ; безправность политическая влекла за собою и хозяйственную несостоятельность и естественно вызывала

желаніе измѣнить существовавшіе общественные порядки. Ликургово законодательство представляется ничѣмъ инымъ, какъ плодомъ задушевной мысли грековъ — какъ бы лучше распредѣлить средства въ хозяйствѣ.

Эту завѣтную мысль, которая была ходячею въ быту уже во время Солона, позже развиваютъ учено-литературныя изслѣдованія. Полный планъ въ этомъ отношеніи рисуетъ Платонъ (429—348 до Р. Х.) въ своей политіи, въ своемъ государствѣ. Но реалистъ древняго міра, представляющій какъ бы исходъ классическаго времени эллады, стоящій на рубежѣ между нимъ и такъ называемымъ эллинизмомъ — Аристотель, именно какъ реалистъ, совершенно отвергаетъ эти завѣтные идеалы древней Греціи и Платона. Онъ приводитъ противъ нихъ доводы въ своей «Политикѣ» (во 2 кн. и второй главѣ— именно противъ 5 гл. Платона), и основываетъ необходимость частнаго владѣнія на экономическихъ интересахъ, указываетъ, что никто не заботится о томъ, что принадлежитъ многимъ,—всякому дороги только его собственные интересы; такъ что экономическое выясненіе права собственности въ главномъ своемъ основаніи встрѣчается уже у Аристотеля.

Понятно, что при уравненіи правъ человѣческихъ въ эпоху христіанства, стремленіе уравнять обладаніе вещественными средствами переносилось на первыхъ его послѣдователей. Оттуда возникли средневѣковыя возстанія крестьянъ (Jacquerie), крестьянская война реформаціонной эпохи. Ученіе о любви къ ближнему и равенствѣ предъ Отцомъ Небеснымъ приводитъ неоднократно къ заблужденіямъ въ смыслѣ равномѣрнаго распредѣленія средствъ.

Въ эпоху возрожденія исскуствъ и наукъ, при смѣнѣ схоластическихъ trivium и quadrivium, или пресловутыхъ septem artes liberales, новыми полными ученіями или humaniora, не могли остановиться на нормальномъ развитіи личности особнякомъ, а должны были перейти къ преслѣдованію основъ развитія всего людскаго общества. Эти гуманистическія стремленія имѣютъ философскій характеръ, и при указаніяхъ на существенныя преобразованія всѣ эти стремленія остаются въ сферѣ философскихъ мечтаній. Изслѣдователи на поприщѣ просвѣщенія и философскаго развитія личности создаютъ идеалы о наилучшемъ государственномъ устройствѣ до того удовлетворительномъ, что даже въ мірѣ врядъ-ли оно

найдетъ себѣ мѣста. Создаются утопіи; но въ утопической литературѣ продолжаютъ жить тѣже требованія.

Такъ въ эпоху реформаціи, въ 1516 г., какъ гуманистъ, какъ представитель современныхъ тенденцій, издаетъ свою «Утопію» Ѳома Моръ (Thomas Morus: de nova insula Utopia). Тоже повторяется въ революціонную эпоху. Поборники новѣйшаго просвѣщенія идутъ противъ владѣнія, противъ существующихъ экономическихъ порядковъ настолько, насколько противъ нихъ шли представители эпохи возрожденія и гуманистическихъ изслѣдованій.

Понятно, что въ позднѣйшее время, при успѣхѣ политическихъ реформъ, особенно при насильственномъ характерѣ первыхъ реформъ, самыя требованія коммунистическаго и соціалистическаго характера должны были становиться радикальными, и, притомъ, все направленіе должно было сдѣлаться болѣе послѣдовательнымъ.

§ 19. Литература коммунизма во Франціи.

Ни коммунисты, ни соціалисты не берутся за положительное рѣшеніе основной задачи экономической, именно вопроса—какъ возникаетъ, поддерживается и расширяется благосостояніе; и если экономической либерализмъ одностороненъ въ своемъ требованіи хозяйственной свободы, то коммунизмъ столь же ограниченно стоитъ на голой идеѣ равенства. Они собственно исходятъ изъ отрицанія,—что теперь благосостоянія нѣтъ, что положеніе всѣхъ и каждаго въ новѣйшемъ хозяйствѣ неудовлетворительно и что, поэтому, необходимо отмѣнить существующіе порядки. Это отрицательное исходное положеніе выражается въ весьма пространной, нерѣдко убѣдительной и точной, критикѣ всѣхъ формулъ либерализма.

Отрицательное отношеніе, естественно, возникло въ хозяйствѣ столь же рано, насколько отрицаніе вообще проявлялось во всѣхъ прочихъ областяхъ знанія, дѣятельности, жизни и быта человѣческаго. Уже въ древности, какъ выше указано, возникаетъ стремленіе измѣнить порядки хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическій строй, исключительныя права отдѣльныхъ лицъ, классовъ, сословій и т. д. Чѣмъ насильственнѣе и тягостнѣе выражалось преобладаніе тѣхъ или другихъ интересовъ экономическихъ, или ихъ представителей, тѣхъ или другихъ общественныхъ классовъ въ данную эпо-

ху,—тѣмъ болѣе буйнымъ становятся отрицанія, грознѣе требованія и происки новаторовъ. Древнія Греція и Римъ неоднократно дѣлаются жертвами потрясеній, исходящихъ изъ требованій равенства, благодаря преобладанію классовъ надъ классами. Въ другія же эпохи насильственность отрицанія теряется. Въ эпоху возрожденія наукъ гуманисты столь же мирно высказываютъ свои утопическія идеи, какъ мирно вообще водворилось новое образованіе. Они стремятся дѣйствовать убѣжденіемъ и, чѣмъ поразительнѣе кажется новизна ихъ предложеній, тѣмъ, въ болѣе какъ бы, небывалую форму они облекаютъ и критику свою, и положительные свои выводы. Вотъ по какой причинѣ возникаетъ въ началѣ новѣйшаго времени пропаганда идей коммунистичечкихъ путемъ утопій и романовъ.

Основной характеръ рѣшенія вопроса о благосостояніи по «Утопіи» 1516 года сохраняется и въ мирномъ романѣ *Кампанеллы*—Civitas solis, 1620 г. Съ тѣмъ же самымъ характеромъ выходитъ нѣсколько позже въ свѣтъ исторія *Вэрасса* (Vairasse—histoire des Sevarambes, 1677 г.), который можетъ считаться предшественникомъ *Фурье*, его взгляды повторяются отчасти въ соціетаризмѣ послѣдняго.

Но затѣмъ, въ эпоху революціонную отрицаніе принимаетъ, соотвѣтственно времени, опять характеръ настойчивости: требованія выражаются въ прямомъ указаніи, что слѣдуетъ уничтожить. Преимущественно выводы сосредоточиваются на отрицаніи собственности и разборѣ нищеты, таковы указанія у *Ж. Ж. Руссо* въ его разсужденіи о неравенствѣ (Discours sur l'inègalite, 1754 г.), тѣ же воззрѣнія онъ высказываетъ и въ своемъ «общественномъ договорѣ» (Contrat social, 1761 г., во II-й кн., 4-й гл.). Рядомъ съ требованіями, подкрѣпляемыми доводами научными, и въ революціонную эпоху продолжаются, однако, еще утопіи соціальныя. Таковы повѣсти *Морелли* подъ заглавіемъ: «Базиліады или крушеніе у плавающихъ острововъ», 1753 г., затѣмъ «кодексъ природы», 1755 г. (Morelly: Basiliade ou naufrage des îles flottantes.—Code de la nature). Современный ему *Мабли* въ двухъ разсужденіяхъ, важныхъ именно въ исторіи развитія коммунизма и въ критикѣ экономическихъ идей.—(Doutes, proposeés aux économistes, 1768 г., и La legislation ou principes des lois, 1776 г.)—полагаетъ, что водвореніе собственности зависѣло отъ законодательства и что это

водвореніе было самою злосчастною ошибкою; а между тѣмъ, очевидно, въ нее впасть нельзя было или не слѣдовало *). Наконецъ, въ ряду утопическихъ разсужденій коммунистическаго характера начала нынѣшняго столѣтія еще замѣчательно разсужденіе нѣмецкаго философа *Фихте*: «замкнутое торговое государства», (Der geschlossene Handelsstaat, 1800 г.) и позднѣе, предшествующее іюльской революціи во Франціи, воспоминаніе идей *Бабефа*, обнародованное его ученикомъ *Буанароттн* (La conjuration de Babeuf, 1821 г.). Сюда же относится и *Кабэ* (Voyage en Icarie, 1840 г.), участвовавшій во всѣхъ движеніяхъ, съ 1815 г. до своего бѣгства въ Англію въ 1834 г.

Всѣ указанные писатели стараются рѣшить вопросъ о благосостояніи путемъ уничтоженія существующихъ способовъ владѣнія. Они полагаютъ, что необходимо отмѣнить собственность раздѣльную и что она главный источникъ зла.

Но всѣ отрицанія, которыя встрѣчаются у коммунистовъ и соціалистовъ, имѣютъ своимъ источникомъ одновременное ученіе о собственности: только по мѣрѣ развитія отрицанія развивалось и ученіе о собственности. Первоначальное общеизвѣстное положеніе, оправдывающее собственность, принадлежитъ римскому праву Lex 3. Digest. XLI. 1: «De acquirendo rerum dominio» содержитъ долго повторявшееся опредѣленіе, что „res nullius cedit primo occupanti“, т. е. первоначальный источникъ собственности случайный захватъ. У коммунистовъ и соціалистовъ на это является возраженіе: чѣмъ же виновато современное поколѣніе, что оно родилось послѣ— когда все уже было занято. Вслѣдствіе этого и юристы, и публицисты, и экономисты старались полнѣе и убѣдительнѣе обосновывать собственность. Такъ *Гоббесъ*, (Hobbes: Leviathan, 24 гл.) говоритъ, что собственность водворилась путемъ власти общественной; власть уступила право владѣнія частнымъ лицамъ и въ силу этого существуетъ раздѣльная частная собственность. *Монтескье* въ свою очередь (Духъ законовъ, XXVI, 15) указываетъ, что собственность существуетъ въ силу закона, законнаго признанія. *Гуго Гроцій* полагалъ (De jure belli ac pacis, 1626 г., II, 2) что собственностью владѣютъ тѣ или другія лица потому, что остальные признаютъ взаимно подобное право и что въ этомъ случаи существуетъ какъ бы договоръ, соглашеніе скрытое. Но всѣ эти

*) «Une faute qu'il était presque impossible à faire».

юридическія объясненія собственности частной смѣняются впослѣдствіи экономическими объясненіями права собственности.

Уже *Локкъ* въ своемъ разсужденіи объ общественномъ управленіи (On civil government, II, § 25—50), говоритъ, что источникъ права владѣнія трудъ, что собственность плодъ труда и что, при безспорномъ правѣ на свои способности и на приложеніе ихъ къ промысламъ, человѣкъ имѣетъ такое же право и на плоды своихъ усилій. Это положеніе у экономистовъ постоянно повторяется. Пространно его развиваетъ, подкрѣпляя добавочными юридическими доводами, хотя и не вполнѣ убѣдительно, *Тьеръ* въ сочиненіи 1849 г. о правѣ собственности. (Du droit de la propriété). Съ другой стороны, противъ тѣхъ и другихъ основаній, идутъ уже прямыя отрицанія.

Въ Англійской литературѣ сомнѣнія въ необходимости собственности не возникало, такъ какъ вообще въ смыслѣ неразрывныхъ понятій всегда сопоставляются свобода и собственность (liberty, property), т. е. собственность оказывается въ глазахъ англичанъ неизбѣжнымъ пополненіемъ свободы. Свобода личности, ея дѣятельности исплъ, повсемѣстно вызывала въ результатѣ собственность, а собственность въ свою очередь охраняетъ, даетъ какъ бы прочное основаніе всякому стремленію къ свободѣ: безъ вещественнаго основанія достиженіе свободы немыслимо. Таково понятіе англичанъ, а потому нападки на собственность у послѣднихъ рѣдко возникали въ видѣ валоваго отрицанія, или не имѣютъ такого озлобленнаго характера, какъ въ литературахъ другихъ народовъ.

Полное отрицаніе собственности, не въ видѣ уже романовъ, утопій, но въ видѣ разсужденій ученыхъ, встрѣчается впервые во Франціи, именно у Бриссо. *Бриссо* не только отрицаетъ самую собственность, но прямо считаетъ насиліе, кражу ея источникомъ. Сочиненіе его, вышедшее въ 1780 г. носитъ заглавіе: «философскія изслѣдованія о правѣ собственности и кражѣ». (Brissot: Recherches philosophiques sur le droit de propriété et le vol, 1780). Положенія Бриссо повторилъ впослѣдствіи Прудонъ. *Прудонъ*, въ ряду многочисленныхъ разсужденій, посвятилъ особенное праву собственности, 1840 г., оно носитъ названіе: «что такое собственность?» (*Proudhon*, Qu'est ce que la propriéte?) Затѣмъ онъ настаиваетъ на томъ, что собственность имѣетъ своимъ источникомъ односторонній захватъ.

Коммунистическія движенія пріобрѣтаютъ особенную силу съ эпохи первой французской революціи и принимаютъ впослѣдствіи постоянное участіе въ политическихъ потрясеніяхъ во Франціи. Коммунизмъ старались провести въ дѣйствительность въ первый разъ во время извѣстнаго заговора Бабёфа. Бабёфъ составилъ для осуществленія своихъ идей, для проведенія полнаго равенства во всемъ французскомъ обществѣ, въ 1785 г. заговоръ противъ плутократической конституціи, который не удался. Воззрѣнія Бабёфа сохранились только въ декретахъ, въ перепискѣ, въ тѣхъ протоколахъ, которые вело учрежденное имъ тайное общество (société des égalitaires). Самъ онъ свои воззрѣнія проводилъ въ газетѣ «Le tribun du peuple». Но Бабёфъ, вслѣдствіе тѣхъ мѣръ, на которыя онъ рѣшился для осуществленія своихъ идей, отшатнулъ отъ себя всѣхъ, притомъ онъ не является ученымъ изслѣдователемъ. Прудонъ прямо упрекаетъ его въ невѣжествѣ, указываетъ на его промахи въ своихъ contradictions economiques, chap. 12. Вообще Бабёфъ повторялъ старыя платоновскія вождѣленія и имѣлъ ничтожное только вліянія на послѣдующія стремленія, хотя и попытки практическаго осуществленія системъ, идей ведутся съ тѣхъ же поръ, но въ видѣ болѣе мирныхъ предложеній; таковы также воспоминанія его ученика Буанаротти въ 1821 году (см. выше).

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія первый соціалистъ графъ *Сенъ-Симонъ* (умер. 1825 г.) старался о проведеніи новаго порядка общественнаго и хозяйственнаго. Основные взгляды свои С. Симонъ проводитъ въ своемъ катехизисѣ «промышленниковъ» (Catechisme des industruels, такъ онъ называетъ рабочихъ наемныхъ, противуставляя ихъ хозяевамъ, которыхъ онъ называетъ bourgeois, чѣмъ и упрочилъ за словомъ, придаваемое ему съ тѣхъ поръ содержаніе, или новѣйшій смыслъ какъ публицистическій терминъ). Затѣмъ особенно рѣзко высказался онъ въ «новомъ христіанствѣ» (Nouveau christianisme), и небольшимъ памфлетомъ «La parabole» заслужилъ судебное преслѣдованіе. Всѣ его сочиненія были собраны подъ заглавіемъ: Oeuvres de Saint-Simon, 1841 г. Осуществленіе главныхъ его идей приняли на себя двое изъ учениковъ его, во время іюльской революціи—*Анфантенъ* и *Базаръ*. Enfantin явился поборникомъ убѣжденій С. Симона по личнымъ своимъ стремленіямъ, изъ своекорыстыхъ экономическихъ разсчетовъ, а затѣмъ попытками практическаго осуществленія сенсимон-

тизма въ Menilmontant подвергъ его осмѣянію публики! По познаніямъ своимъ несравненно замѣчательнѣе Базаръ; еще въ 1831 г. онъ изложилъ экономическую сторону взглядовъ С. Симона (Exposition de la doctrine de Saint-Simon). С. Симонисты успѣли создать нѣсколько общинъ, но созданная ими около Парижа, имѣла такой плачевный исходъ, что пагубный особенно во Франціи смѣхъ похоронилъ всю систему. Только въ видѣ воспоминанія сохранилось основное положеніе, формулированное у Bazard, чтобы, рядомъ съ уничтоженіемъ правъ наслѣдства, возмездіе и обстановка шли— «à chacun selon sa capacité, à chaque capacité, selon ses oeuvres».

§ 20. Своеобразное развитіе коммунистическихъ и соціалистическихъ началъ въ Англіи.

Коммунистическая литература въ Англіи возникаетъ уже въ сочиненіяхъ Годвина и антагонистовъ Мальтуса. Но въ видѣ цѣлостной системы вопросъ о всеобщемъ благосостояніи впервые настойчиво и послѣдовательно развивается у *Роберта Оуэна*. Онъ изложилъ свои воззрѣнія во множествѣ памфлетовъ, которые разсылалъ повсюду, вносилъ предложенія (motions) въ парламентъ, учреждалъ кружки, открывалъ митинги, подавалъ докладную записку Ахенскому конгрессу; изъ сочиненій же его замѣчательны: «опытъ о развитіи человѣческаго характера» и «новый моральный міръ». (*R. Owen*, New views of society, or essays upon the formation of human character, London, 1812 г.—The book of the new moral world, 1820 г.).

Оуэнъ, богатый фабрикантъ, потратилъ все свое состояніе на осуществленіе основнаго своего воззрѣнія, — чтобы ввести полное равенство въ обстановкѣ для всѣхъ участниковъ предпріятій, равенство въ прибыляхъ, выгодахъ. Для этой цѣли онъ, около 1789 г., преобразовалъ бумаготкацкую фабрику, расположенную въ мѣстечкѣ New Lanark, на берегахъ Клейда, въ общину. Устройство товарныхъ складовъ для распродажи предметовъ обихода рабочимъ по оптовой цѣнѣ, народныя столовыя, долевое участіе въ прибыляхъ (partner-ship), удаленіе дѣтей моложе 10 лѣтъ, ограниченіе рабочаго дня до 10 часовъ для взрослыхъ, дѣтскій пріютъ для надзора въ теченіи дня, безплатностьшколъ и постройка рабочихъ домиковъ съ от-

дѣльными садиками, вообще первоначальныя удачи самой общины, привлекли вниманіе аристократіи англійской (герцогъ Кентскій) и многихъ правителей (императоръ Александръ I и король прусскій)— она въ 1816 и 1817 г. усердно посѣщалась. Но затѣмъ Оуэнъ считалъ долгомъ, переѣхавъ въ Америку въ 1824 г., сдѣлать въ New-harmony болѣе широкій опытъ; однако сами участники оказались недовольны какъ и при позднѣйшей попыткѣ въ Шотландіи (Orbiston, 1827 г.), монотоннымъ порядкомъ общины и дѣло разстроилось. Опыты распространить организацію общенія хозяйственнаго въ другихъ государствахъ остались безъ послѣдствій.

Тѣмъ не менѣе, основныя положенія и нѣкоторыя учрежденія добродушнаго Оуэна продолжали жить въ англійскомъ рабочемъ классѣ, и до сихъ поръ еще главныя свои требованія мотивируютъ рабочіе союзы (trade-unions) доводами и поясненіями Оуэна. Однородную агитацію, рядомъ съ попытками самого Оуэна, повелъ въ Англіи въ 1816 г. Гэнтъ. *Hunt* провозгласилъ необходимость радикальной реформы — radical reform, она должна была впослѣдствіи измѣнить владѣніе, а народъ получить главное вліяніе въ управленіи страною.

На первый разъ, радикалы остановились на постепенномъ устраненіи существующихъ отношеній хозяйственныхъ и попытки начались, по англійской традиціи, съ частныхъ случаевъ, — старались водворить иныя отношенія между работодателями и наймитами. Съ такою цѣлію остановились на необходимости сплотить работниковъ въ общенія, которыя могли бы поддерживать своихъ членовъ на время прекращенія работъ и забастовокъ (strikes). На этомъ основаніи, въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, возникли первые рабочіе союзы (trade-unions). Сначала радикалы относились недовѣрчиво ко всѣмъ предложеніямъ коммунистовъ и соціалистовъ, а къ нимъ недовѣрчиво относились опять сами рабочіе. Только съ 1830 г. рабочіе союзы получаютъ большее распространеніе, а теперь вся Англія покрыта сѣтью послѣднихъ. Въ нихъ воскресла мысль Гэнта о необходимости радикальной реформы, но опять-таки на первомъ мѣстѣ англійскіе соціалисты поставили себѣ практическія цѣли и выставляли осуществимыя требованія, которыя въ настоящее время уже удовлетворены сполна, или отчасти.

Ради объединенія и болѣе успѣшной пропаганды, основныя свои требованія радикалы направили противъ существовавшей въ Англіи

конституціи, на измѣненіе хартіи (people's charter), а потому, все движеніе получило названіе *чэртизма*. Чэртизмъ, возникшій въ 1838 г., лозунгомъ принялъ народную конституцію, съ требованіемъ обязательнаго обученія, тайной подачи голосовъ и проч. Требованія эти теперь въ большей части осуществлены; но въ 1838 г. они по новизнѣ встрѣчали отпоръ и даже либеральная партія вскорѣ отстала отъ движенія рабочихъ.

Послѣднее приняло обширнѣйшіе размѣры въ 1841 г. при извѣстномъ вожакѣ *O'Connor*. Вслѣдствіе его предводительства и воодушевленія, которое онъ внесъ въ партію, послѣдняя стала о предѣленнѣе обрисовываться и приняла самостоятельное названіе *соціальныхъ демократовъ* (social-democrats). Она и ведетъ свое начало съ того времени, когда начинаютъ отдѣляться поборники рабочаго класса отъ англійскихъ виговъ, что состоялось окончательно въ 1843 г. Далѣе уже ясно обнаружилось, съ 1848 г., что демократическій соціализмъ перешелъ на континентъ, но первое его водвореніе были подавлено тогда же. Вотъ почему, литературныхъ представителей партія соціальныхъ демократовъ въ самой Англіи пріобрѣтаетъ себѣ въ изгнанникахъ нѣмецкихъ.

Между ними является съ наибольшимъ обояніемъ Карлъ Марксъ. *Carl-Marx*, унаслѣдовавъ идеи Оуэна, ихъ убѣдительнѣе развиваетъ вслѣдствіе большаго научнаго образованія. Истый послѣдователь Гегеля по діалектикѣ, обладающій притомъ выдающимися способностями, Марксъ старается рельефно выдѣлять стремленія своей партіи изъ массы сродственныхъ соціалистическихъ утопій; вслѣдствіе чего онъ на первыхъ же порахъ сталъ относиться отрицательно къ Прудону, такъ въ 1847 г. онъ, въ опроверженіе изслѣдованія Прудона. Systéme des contradictions économiques ou Philosophie de la misére, Paris, 1846 г., издалъ разсужденіе подъ заглавіемъ: Misére de la philosophie; но напрасно и Марксъ и Лассаль относятся отрицательно къ Прудону, котораго они третируютъ en pétit bourgeois (Kleinbürger), воззрѣнія однако у нихъ поразительно совпадаютъ, а не мало критическихъ мыслей и основныхъ положеній они заимствуютъ у него же.

Такъ какъ, впрочемъ, движеніе англійскихъ соціальныхъ демократовъ отдѣлилось на время отъ ассоціаціоннаго движенія рабочихъ во Франціи и вообще на континентѣ, то можетъ быть представители англійскихъ trade-unions желали отвергать всякое преемство на-

правленія и солидарность идей съ Прудономъ, Фурье, С. Симономъ и вообще съ французскими соціалистами. Однако, соціально-демократическая партія успѣла распространять свое вліяніе на континентѣ въ 50-хъ годахъ; наконецъ, она признала необходимость объединить всѣ рабочія общины, или союзы всѣхъ странъ, и такимъ образомъ создать интернаціональное общество, съ цѣлію поддерживать агитацію вездѣ, постоянно и повсюду средствами общими, пожертвованіями, обязательными для всѣхъ рабочихъ союзовъ.

Международная соціально-демократическая партія устремилась было уничтожить существующій порядокъ, произвести всеобщій политическій переворотъ, причемъ обнаруживалось пристрастіе къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Уже первоначальныя trade-unions прибѣгали къ весьма предосудительнымъ средствамъ, ради привлеченія и удержанія членовъ въ составѣ союзовъ. Парламентскія коммиссіи и изслѣдованія обнаружили жалкіе факты.

Такъ одному изъ представителей мѣстнаго союза нѣсколькихъ рабочихъ общинъ была дарована совершенная невмѣняемость за содѣянныя преступленія, чтобы не стѣснять его показаній и только обнаружить всякія уклоненія въ дѣйствіяхъ союзовъ. Оказалось, дѣйствительно, нѣсколько тайныхъ убійствъ, совершенныхъ путемъ подкупа и между прочимъ на тайныя убійства въ данномъ случаѣ израсходовано было 500 ф. стерл. Именно не только простыя столкновенія, доводящія до кровопролитія, но и убійства, совершенныя путемъ подкупа, доказывали такую беззаконную нерасборчивость на способы дѣйствій, при явномъ намѣреніи потрясти общественный строй, что вынудили правительства континентальныхъ государствъ, а на континентѣ было еще болѣе насильственнаго въ характерѣ этихъ союзовъ, чѣмъ въ Англіи, поспѣшить запрещеніемъ всякой принадлежности къ международному обществу. Такимъ образомъ и въ Испаніи, и въ Германіи, и во всѣхъ европейскихъ государствахъ интернаціональное общество были запрещено въ 1870—71 гг.

Карлъ Марксъ старается доказать свои требованія научнымъ путемъ. Главное его сочиненіе, это о «капиталѣ,» (Das Capital, Kritik der politischen Oekonomie, 1867 и 1872 гг.) имѣвшее уже 2 изданія. Онъ самъ свое изслѣдованіе раздѣляетъ на три части. Въ первой части онъ задается разборомъ злоупотребленій капитала надъ трудомъ, подъ заглавіемъ—der Productionsprocess des Capitals; затѣмъ во второй онъ намѣревается указать лучшій

способъ организаціи хозяйства, подъ названіемъ—der Circulationsprocess des Capitals, а въ третьей—изложить историческія воззрѣнія на теорію капитализма. Вышла пока одна первая часть, которая въ исходныхъ положеніяхъ повторяетъ его же—Zur kritik der politischen oe konomie — изслѣдованіе, появившееся еще въ 1859 г.; здѣсь преобладаетъ критическая сторона, указываются злоупотребленія и пристрастно ужасающій порядокъ современности. Данныя фактическія, которыя сгруппированы чрезвычайно искусно, заимствованы изъ оффиціальныхъ англійскихъ матеріаловъ. Кромѣ исходнаго положенія, которымъ К. Марксъ старается доказать, что все въ хозяйствѣ создается, держится, развивается трудомъ и что, поэтому, трудъ, какъ важнѣйшій рычагъ благосостоянія, долженъ всецѣло преобладать, только съ его требованіями и должно сообразоваться,—кромѣ этого общаго введенія и разсужденія, онъ далѣе указываетъ, что всякое благосостояніе создано трудомъ рабочихъ, что если у кого-либо оказываются излишки, то благодаря тому, что отняты у рабочихъ плоды ихъ трудовыхъ усилій, что капиталъ предпринимателей есть ничто иное какъ избытокъ рабочаго времени (Mehrarbeit), который теряютъ безъ соотвѣтственной оплаты рабочіе въ пользу капиталистовъ. По его опредѣленію капиталъ трудовой студень, сгустившееся, створоженное рабочее время, (geronnene Arbeitszeit, krystallisirte Arbeit, Arbeitsgallerte), а такъ какъ это время принадлежитъ рабочимъ, то капиталъ долженъ считаться отнятымъ у рабочихъ. «Der Mehrwerth gehört naturrechtlich der Arbeit, als der werthbildenden Substanz, dass der Capitalist ihn sich aneignet ist *Ausbeutung*. Послѣ Прудона, Марксъ заимствуетъ основу своихъ теоретическихъ построеній у малоизвѣстнаго большой публикѣ консервативнаго соціалиста *Rodbertus*, провозвѣстника такъ называемой рентной теоріи. Самому Марксу принадлежатъ только діалектическія формулы, что капиталъ ничто иное, какъ *историческая категорія*.

Соціализмъ составилъ не только въ Англіи партію, но породилъ дѣйствительную силу, какъ бы всемірную.

§ 21. Соціализмъ и ассоціаціонное движеніе Франціи и Германіи.

Ученія же французскихъ соціалистовъ какъ бы покончили свое существованіе и болѣе въ современности, въ самомъ рабочемъ классѣ, не живутъ; тѣ же стремленія рабочихъ, которыя обнару-

жились въ современной Франціи, оказываются уже соціально демократическаго, англійскаго происхожденія. Конечно, ученія французскихъ соціалистовъ при проведеніи въ дѣйствительность оказывались болѣе фантастическими, чѣмъ научными.

Фурье (ум. 1837 г.), оставившій сравнительно еще наиболѣе устойчивые слѣды во Франціи, строитъ свои предположенія, объ наилучшей организаціи всего хозяйства и нормальномъ политическомъ порядкѣ, на своеобразномъ ученіи о страстяхъ. Съ цѣлію объясненія своей идеи—что стоитъ только дать страстямъ личностей придти въ гармонію и ненужно никакого внѣшняго побужденія для того, чтобы каждый трудился сообразно съ своими силами и способностями, а затѣмъ опять-таки тѣже стремленія къ удовлетворенію страстей, наклонностей всякому доставятъ ту обстановку, которую онъ сочтетъ наилучшею, или которою безмятежнѣе всего будетъ довольствоваться—онъ указываетъ, что между живыми существами взаимодѣйствіе — attractions — вызываетъ влеченія — passions, которыя всегда обнаруживаются въ извѣстномъ направленіи — destinées, а въ безпрепятственномъ достиженіи послѣднихъ и заключается счастье—bonheur. Всѣ passions распадаются на 3 группы: пять passions sensuelles, совпадающія съ 5 внѣшними чувствами; четыре p. attractives, между которыми familisme; три p. distributives: la cabaliste, la papillone, la composite, ими объединятся люди въ series passionelles. 3, 5, 7 и 9 серій и группъ создаютъ фалангу и отъ подобнаго строеваго сочетанія возникаетъ harmonisme.

Идеи свои, въ 1808 г., изложилъ Fourier въ теоріи о четырехъ движеніяхъ (Theorie des quatre mouvements), а затѣмъ подробнѣе самую систему осуществленія ихъ въ — L'association domestique et agricultrice, 1822 года. Только въ группахъ по 1800 и 9000 человѣкъ, помѣщенныхъ въ фаланстерахъ (phalanstère), онъ считалъ возможнымъ проводить то согласіе, которое разсчитано на страстяхъ и которое поведетъ къ полному объединенію рода человѣческаго; а затѣмъ онъ считаетъ естественнымъ, что покроется уже вся Европа такими общинами. Но Фурье при жизни чуждался общества и, собственно говоря, идеи его развивались особенно трудами и путемъ пропаганды его учениковъ. Изъ фурьеристовъ особенно замѣчателенъ Victor Considerant, авторъ la dèstinée sociale, 1834 г., и Theorie du

droit de proprieté et du droit au travail. Неоднократныя попытки при осуществленіи phalanstères не удавались, фурьеровскіе societaires перешли и въ Сѣверо-Американскіе штаты, но и на границѣ Техаса устроенная община распалась по несогласіямъ вожаковъ между собою и вслѣдствіе того, что вожаки неограниченно и праздно управляли самыми фаланстерами. У главныхъ соціалистовъ, С. Симона, Овэна, К. Маркса и Фурье, разборъ права собственности и изслѣдованіе наилучшихъ способовъ пользованія средствами хозяйственными переходитъ, мало по малу, въ изслѣдованіе о наилучшихъ способахъ затраты, или организаціи труда. Такъ у Виктора Консидерана обосновывается право на трудъ, т. е. ученіе о томъ, что всякій, желающій трудиться, имѣетъ право требовать, чтобы само общество доставило ему такую возможность.

Это воззрѣніе сдѣлалось общимъ лозунгомъ французскихъ рабочихъ съ 1848 году. Еще раньше этого времени за разработку вопроса принялся *Луи-Бланъ*. Онъ во время Людовика Филиппа ожесточенно нападалъ въ повременной прессѣ на bourgeoisie, пріобрѣлъ обаятельный авторитетъ своими увлекательно написанными историческими трудами (L'histoire des dix ans и Histoire de la révolution française); а затѣмъ задался раскрытіемъ такой организаціи труда, чтобы всякій могъ трудиться и всякій трудъ вознаграждался такъ, чтобы доставало средствъ на удовлетвореніе потребностей всѣмъ рабочимъ. Эти предположенія свои о наилучшей организаціи труда Louis Blanc изложилъ въ сочиненіи 1841 г., которымъ онъ впервые и упрочилъ этотъ терминъ, какъ научный въ литературѣ (L'organisation du travail). Онъ предлагалъ обязательность работъ въ соотвѣтствіи къ трудоспособности и обстановку въ размѣрѣ индивидуальныхъ потребностей. Осуществленіе такой задачи, по его завѣренію, возможно при соціальномъ пользованіи капиталами и орудіями производства, для чего на первое время нуженъ казенный банкъ, имѣющій доставить пресловутый credit au travail, а далѣе общественныя мастерскія, устройство предпріятій подъ надзоромъ и управленіемъ общественной власти, ради уничтоженія конкурренціи и привлеченія рабочихъ на основаніи ихъ талантовъ, при нормальной таксѣ на всѣ товарныя цѣны и взаимномъ вспомоществованіи, на основаніи солидарности всѣхъ associations и при помощи вычета въ 25% изъ ихъ чистыхъ доходовъ.

(Въ 1848 г. осуществленіе его желанія исходило отъ его противниковъ въ министерствѣ и представляло въ значительной степени уловку лишить популярности всю идею объ организаціи труда,— такъ что на основаніи далеко прослывшаго опыта судить о предположеніяхъ Л. Блана невозможно, необходимо обратиться къ его собственнымъ сочиненіямъ).

Организація Л. Блана страдаетъ тѣми же недостатками, какими страдаютъ и прочія соціалистическія системы. Соціалисты ищутъ точку опоры внѣ самыхъ предпріятій, внѣ среды рабочихъ, которымъ они стараются помочь. Естественно, такое отыскиваніе внѣшней поддержки, должно было вызвать антагонизмъ и опроверженія. Такимъ образомъ, одновременно возникаетъ ученіе *о самопомощи*; приступаютъ къ рѣшенію тѣхъ же самыхъ задачъ, разсуждаютъ о наилучшемъ надѣленіи работниковъ плодами труда, о наиболѣе удовлетворительномъ доставленіи имъ средствъ къ труду; изыскиваютъ способы болѣе удовлетворительной обстановки труда въ самой рабочей средѣ, именно путемъ соединенія самихъ жъ рабочихъ. На этихъ началахъ возникаетъ еще въ 40-хъ и въ 50-хъ годахъ движеніе *ассоціаціонное*, принявшее это названіе въ отличіе отъ движенія соціалистическаго. Движеніе ассоціаціонное обнаруживается во Франціи послѣ неудачныхъ Сенъ-Симоновскихъ и фурьеровскихъ попытокъ; возникаютъ ассоціаціи производительныя, потребительныя и складочныя, или товарныхъ магазиновъ и т. д. Но эти ассоціаціи первоначально во взглядахъ публики смѣшиваются съ движеніемъ сенсимонистовъ и фаланстеристовъ, успѣхъ тѣмъ останавливается; впослѣдствіи же вторая Имперія пресѣкла окончательно имъ средства къ дальнѣйшему развитію; почти всѣ къ концу 60-ти годовъ упразднились во Франціи.

Ассоціаціонное движеніе въ Англіи привилось болѣе къ классу самостоятельныхъ мелкихъ производителей, и если здѣсь существуетъ множество производительныхъ productive stores и потребительныхъ ассоціацій, то хотя они и облегчили участь рабочихъ, но довести послѣднихъ до самостоятельности не успѣли.

Теорію ассоціаціоннаго движенія создалъ въ Германіи *Шульце-Деличъ*. Но соціальные демократы, по мѣрѣ большаго разъясненія главныхъ идей ассоціаціонныхъ, стали относиться презрительно, даже враждебно къ этому движенію, вполнѣ мирному. Не удавалось пока осуществлять производительныя предпріятія, а кредитныя и

потребительныя ассоціаціи дѣйствуютъ только въ пользу мелкихъ хозяевъ, но не рабочихъ. Потому-то соціальные демократы считаютъ ихъ неудовлетворительными, либеральными палліативами. Главные нападки направлялъ на партію самопомощи поборникъ соціальнаго демократизма въ Германіи—Лассаль.

Лассаль, по идеямъ своимъ основнымъ, стоитъ на Прудоновской почвѣ и главнымъ образомъ извлекаетъ свои воззрѣнія изъ него и Родбертуса, который въ агитаціяхъ не участвуетъ, но пишетъ уже съ 30-хъ годовъ. Лассаль по совокупности своихъ экономическихъ доводовъ былъ еще менѣе самостоятеленъ, чѣмъ Карлъ Марксъ. Но Лассаль при классической подготовкѣ, многосторонней учености и высокомъ талантѣ къ пропагандѣ успѣлъ обратить на себя заслуженное вниманіе и научными сочиненіями (Die Philosophie Heracleitos des Dunkeln, и System der erworbenen Rechte 1861 г.); затѣмъ онъ является агитаторомъ и памфлетистомъ (См. его Arbeiter Lesebuch 1863 г.—Die indirekten Steuern und die Lage des Arbeiterstandes, 1863 г.). Въ это уже время онъ становится противникомъ Шульце-Делича, котораго осмѣиваетъ; хотя положительной критики не представляетъ. Не представляя никакой новизны по существу воззрѣній, главная полемическая его брошюра: Herr Bastiatschulze von Delitsch, der ökonomische Julian oder Kapital und Arbeit, Berlin 1864 г. — блеститъ оригинальностію и остротою по формѣ изложенія.

§ 24. Ошибочность историческихъ ссылокъ коммунизма и соціализма и внутренняя несостоятельность основныхъ началъ хозяйственнаго объединенія предлагаемаго ими.

Изъ занимавшихъ насъ до сихъ поръ рѣшеній вопроса о наивѣрнѣйшемъ пути къ благосостоянію и богатству, каждое въ отдѣльности представляетъ самостоятельность. Для нашей цѣли нѣтъ надобности, да и невозможно, разбирать порознь положенія соціалистовъ и коммунистовъ; достаточно свести основныя требованія ихъ въ нѣсколько общихъ положеній и заключить тѣмъ обзоръ ихъ экономическихъ требованій и воззрѣній.

Если свести всѣ требованія соціалистовъ и коммунистовъ въ нѣсколько рѣзкихъ формулъ, то одна изъ первыхъ—замѣна современной извращенной общественности такою достойною человѣка со-

ціальностію, которою бы капиталъ обратился на службу всѣмъ и сталъ бы общедоступнымъ; далѣе нѣкоторыя изъ направленій заявляютъ требованіе сосредоточить всю собственность въ распоряженіи государства или центральной власти, что приводитъ къ совершенному коммунизму. Въ тоже время, другое направленіе, какъ бы въ чистой соціалистической школѣ, полагаетъ, что нѣкоторую долю личнаго владѣнія и частной собственности возможно сохранять; но чтобы сверхъ того государство старалось организовать трудъ, вызывать предпріятія, направлять производство всѣхъ цѣнностей, распредѣленіе и обращеніе предметовъ потребленія и богатствъ; чтобы оно организовало кредитъ, вызывало кредитныя учрежденія, для необходимыхъ ссудъ представителямъ труда; чтобы оно, далѣе, слѣдило за степенью участія во всѣхъ общественныхъ производствахъ со стороны каждаго отдѣльнаго лица, въ томъ смыслѣ, чтобы каждому, смотря по силамъ, назначалась извѣстная работа, извѣстный разрядъ труда, каждому— занятіе, болѣе подходящее къ его способностямъ; чтобы, каждый вознаграждался по мѣрѣ усилій, или же потребностей, и чтобы на этомъ основаніи, не водворяя полнаго безразличія, все-таки утвердилось относительное равенство.

Это рѣшеніе соціалистическое съ теченіемъ времени измѣнялось, но оно и теперь имѣетъ еще представителей, между тѣмъ какъ чистый коммунизмъ послѣдователей почти не имѣетъ

Затѣмъ нельзя не упомянуть о направленіи, которое стремилось примирить борьбу интересовъ экономическихъ и обезпечить положеніе неимущихъ тружениковъ, не обладающихъ средствами вещественными для производства, мирнымъ путемъ христіанской любви къ ближнему и христіанской благотворительности. Таковы Villeneuve, Gaskell и Morogues.

И коммунисты, и соціалисты, для доказательства справедливости требованій своихъ неоднократно ссылались, не только на мѣста Новаго Завѣта, но и на порядки, существовавшіе въ первые вѣка христіанства, на первобытныя христіанскія общины, христіанскія сожитія. Однако забываютъ, что сожитія первыхъ христіанъ опредѣлялись внѣшнимъ гнётомъ, т. е. вообще гоненіями на нихъ, что проживая подъ вѣчною опалою, имъ дорожить собственностью не приходилось; далѣе, что водвореніе общаго пользованія средствами къ жизни и въ первоначальныхъ христіанскихъ общинахъ осуществляется тѣмъ, что на имущихъ налагается обязанность недоро-

жить благами тлѣнными, тѣмъ болѣе, что вся земная жизнь, какъ юдоль плача, считается подготовленіемъ къ будущей жизни,—внушается не копить тлѣнныхъ богатствъ, а по любви къ ближнему надѣлять неимущихъ. На состоятельныхъ, богатыхъ лежитъ обязанность жертвовать долю своего состоянія въ пользу безпомощной меньшей братіи, но не признается за неимущими права требовать надѣленія.

Іоаннъ Златоустъ въ [illegible] изъ своихъ проповѣдей (Hom. in act. apostol. 7 и 11) к[illegible] антинопольскому приходу доказываетъ, что еслибы всѣ пр[illegible] соединили всѣ свои достатки и затѣмъ водворили общее пользованіе ими, завели бы общій столъ, общее жительство и проч., то каждый надѣленъ былъ бы средствами потребленія весьма достаточно и расходы значительно сократились бы. Но затѣмъ Златоустъ прибавляетъ, чтобъ богатые не устрашились такого предложенія: онъ указываетъ только, какимъ образомъ складываніе средствъ при потребленіи, при удовлетвореніи прямымъ своимъ потребностямъ, сокращаетъ общій расходъ и доставляетъ большую мѣру выгодъ; такъ что І. Златоустъ предвидитъ подтвержденныя впослѣдствіи опытомъ удобства, выгоды, сбереженіе средствъ при потребленіи отъ ассоціацій. Онъ, поэтому, указываетъ, что чѣмъ болѣе будутъ сближаться люди, тѣмъ менѣе будетъ между ними недостатка, но онъ опять-таки не полагаетъ, чтобы отнять собственность у однихъ и надѣлять ею другихъ.

Главнымъ рычагомъ при надѣленіи ближнихъ средствами остается любовь къ послѣднимъ и такъ какъ каждый долженъ подтвердить свою вѣру любовію и добрыми дѣлами, то на всѣхъ имущихъ христіанство и налагаетъ указанную обязанность. Предписанія христіанства относительно труда, точно также, заключаютъ только внушенія обязанности для всѣхъ трудиться; необходимы молитва и трудъ—чтобы не впасть во искушеніе.

Срв. *Thonissen*, Le socialisme depuis l'antiquitè, 2 vol., 1852 г. I, 75.— M. *Chon*, socialisme de S-t. Pères въ Revue de la Flandre, vol. V, 1850 г. Св. *Варнава* въ одномъ мѣстѣ говоритъ (Ер. 19). «если существуетъ общность относительно умственныхъ благъ, то тѣмъ болѣе ей слѣдуетъ существовать относительно тлѣнныхъ матеріальныхъ благъ.» — *Амвросій Медіоланскій* считаетъ такое состояніе первобитнымъ (de off Minist I, 2 6; Sermo 8, in Ps. 118; Epiot. 153.) и отвергаетъ полновластность эгоизма. Тоже у *Тертулліана* (adv. paganos, стр. 29; Apolog 39) и *Григорія Назіанса* (Ок. 16). У *Златоуста* вышеупомянутое мѣсто гласитъ такъ:

«У христіанъ, обратившихся по гласу апостоловъ, постоянно царствовало самое совершенное равенство. Они обращались между собою, какъ дѣти одной семьи, равные въ родномъ домѣ; никто не считался кормильцемъ другаго и удивительно, что даже тѣ, которые пожертвовали всѣмъ своимъ имѣніемъ, жили по видимому не своими богатствами; они почерпали, какъ и другіе, безразлично изъ общей сокровищницы общества.»

«Если бы и мы приняли теперь этотъ образъ жизни, то отъ этого получилось бы замѣчательное довольство, и для богатаго и для бѣднаго выгоды были бы одинаково велики.»

«Положимъ, что всѣ мы, которые здѣсь, продали собственность и ея стоимость внесли въ общество.... пусть никто не тревожится, да останется и богачъ и бѣднякъ спокоенъ и безстрастенъ!... Какъ вы думаете, велика будетъ вся сумма? Это можно опредѣлить только приблизительно. Если всякій мужчина и женщина принесутъ сюда все свое имущество: если богатые отдадутъ выручку да свои поля, свои дома и разнаго рода имущество, то этимъ способомъ, можетъ быть, собрали бы 1, 2 или 3 милліона фунтовъ золота. Затѣмъ, сколько нужно средствъ, что бы пропитать все населеніе нашего города? Очевидно тѣмъ меньше будутъ издержки, когда соберутъ всѣхъ къ одному общему столу. Докажемъ, что распоряжаясь указаннымъ способомъ собранными средствами, пришли бы къ положенію весьма выгодному для бѣдныхъ».

«Представимъ себѣ семейство, въ которомъ десять человѣкъ: дѣти, мужъ и жена. Не очевидно ли, что при общей жизни въ одномъ домѣ издержки будутъ меньше, нежели когда бы члены семьи жили врозь: такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ для десятерыхъ понадобилось бы десять домовъ, десять слугъ и такъ далѣе всѣхъ полезныхъ вещей. Раздѣльность всегда уменьшаетъ средства, а согласіе, напротивъ, и соединеніе ихъ умножаютъ.»

Слѣдовательно, ссылки коммунистовъ на отсутствіе собственности у первобытныхъ христіанъ, на вмѣненіе надѣлять неимущихъ и наконецъ, что святость, важность труда признается христіанствомъ, — не могутъ подтвердить права всѣхъ на все. Положенія христіанства дѣйствительно были плодотворны и, насколько они разнятся отъ позднѣйшихъ требованій коммунистовъ, настолько они дали на опытѣ совершенно другія послѣдствія: общеполезныя учрежденія. Благотворительность, вызванная христіанствомъ, и ученіе христіанское о любви къ ближнему создали учрежденія, которыхъ не знала древность. Всѣ заведенія по призрѣнію (можетъ быть болѣе значительныя въ первые вѣка христіанства, чѣмъ въ позднѣйшіе), заведенія для призрѣнія убогихъ, не способныхъ къ труду, въ пользу малолѣтнихъ, бѣдныхъ и проч.,—развились въ монастыряхъ такъ полно, какъ нигдѣ. Между тѣмъ, о водвореніи какихъ-либо коммунистическихъ общинъ христіанство не говорило до эпохи реформаціоннаго движенія, когда являются перекрещенцы. Вообще, только мистическое направленіе новыхъ реформаторовъ привело къ мысли о созданіи подобія царства небеснаго на землѣ.

Подобныя убѣжденія существуютъ въ ученіи Менона; менониты и до сихъ поръ еще образуютъ какъ бы космополитическую республику, въ которой признается раздѣльная, личная собственность и въ тоже время вмѣняется въ полную обязанность каждому отдавать излишки общинѣ. Въ самыхъ общинахъ водворились два слоя: масса исполнителей, сдерживаемыхъ дисциплиною церковною и авторитетомъ преданія, она мало постигаетъ суть дѣла, но довольна потому, что преуспѣваетъ; затѣмъ—высшій слой, старѣйшины, изъ которыхъ большинство обладаетъ замѣчательнымъ образованіемъ, требуетъ слѣпаго повиновенія себѣ, за нимъ сохраняется какъ бы посланничество мистическое; такъ что масса все-таки ни задатковъ, ни средствъ къ осуществленію равенства не имѣетъ.

На ряду съ этими учрежденіями, возникшими на почвѣ христіанской, но не ранѣе, какъ съ эпохи реформаціонной, представляются новѣйшіе писатели и цѣлая вѣтвь экономической литературы, ссылающихся на христіанскія начала; особенно писатели по благотворительности придерживаются такого направленія.

Коллективная собственность, обще-государственная собственность всегда была, ее знаетъ уже римское право: предметы, которые не могутъ находиться въ частномъ обладаніи составили предметъ особаго ученія и особенныхъ законоположеній. Затѣмъ законодательства и юридическая наука издавна признавали необходимость экспропріаціи; относительно опредѣленныхъ случаевъ существуетъ отрицаніе, упраздненіе собственности частной: дороги, рѣки и вообще средства сообщенія признаются находящимися въ общемъ пользованіи; государственныя имущества именно существуютъ и какъ бы выражаютъ признаніе той необходимости, которая въ хозяйствѣ оказывается въ данныхъ случаяхъ не допускать раздѣльнаго владѣнія и водворить организованное общее пользованіе.

Конечно, если объяснять возникновеніе собственности экономическимъ, исключительно, соображеніемъ, считать ее результатомъ труда и признавать право на вещь за тѣмъ, кто ее создалъ усиліями, если исходить изъ этого ученія, приходится отрицать право у общества стѣснять, ограничить или даже упразднить раздѣльное владѣніе. Тогда экспропріація является какъ бы актомъ одной власти, силы. Однако, невозможно не признавать односторонности экономическаго толкованія относительно возникновенія собственности. Экономическое объясненіе права собственности остается убѣди-

тельнымъ на столько, на сколько раздѣльное владѣніе обезпечиваетъ наибольшіе, наивысшіе успѣхи въ хозяйствѣ, такъ что утилитарнымъ же доводомъ само объясненіе опровергается.

Всякое положительное рѣшеніе вопроса объ исключительности права на вещь можетъ единственно исходить отъ самого общества, отъ совокупности лицъ, состоящихъ въ данномъ союзѣ, отъ ихъ органовъ. Потребно признаніе собственности со стороны власти, общественнаго порядка, основныхъ нормъ послѣдняго, т. е. силою закона. Источникомъ владѣнія именно оказывается признаніе законами, или основными общественными нормами. Всегда существовало и должно существовать признаніе личной собственности во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, при данныхъ задачахъ хозяйства, эта форма приноситъ наибольшую, наивысшую пользу; а упраздненіе раздѣльности становится необходимымъ, когда личное владѣніе противорѣчитъ интересамъ всего хозяйства или извѣстной сторонѣ экономическихъ интересовъ.

Такимъ образомъ, экспропріація является не исключеніемъ, а прямымъ осуществленіемъ того основнаго права, которое по отношенію къ собственности имѣетъ все общество, имѣетъ законъ и государство. Только полное согласованіе экономическихъ пользъ по отношенію къ индивидуальной, частной дѣятельности лицъ, а затѣмъ экономическихъ пользъ большинства и всей массы, только согласованіе индивидуальныхъ интересовъ съ общею пользою можетъ создать нормы для случаевъ наивыгоднѣйшаго личнаго владѣнія и для случаевъ общаго, коллективнаго владѣнія; водворять же исключительно одно, или исключительно другое—будетъ превратно. Вотъ почему и въ быту современномъ такого исключительно нерушимаго полнаго владѣнія несуществуетъ и никогда въ благоустроенныхъ государствахъ не существовало; всегда и повсюду признавалось, что въ данныхъ случаяхъ никто не долженъ владѣть порознь, а извѣстнаго рода цѣнности, или внѣшнія средства хозяйства, могутъ единственно, или съ наибольшею пользою, находиться въ общемъ владѣніи.

Поэтому, промышленная школа, или послѣдователи либерализма, провозглашающіе индивидуализацію, во всѣхъ областяхъ хозяйства и экономической дѣятельности, за единственное спасительное средство, или послѣднюю цѣль и исключительную основу хозяйственныхъ порядковъ,—неправы. Имъ противорѣчитъ дѣйствительность. Ложны и тѣ ихъ выводы, по которымъ, налоги и подати въ пользу

общества считаются какъ бы заборами, сокращающими экономическія силы частнаго лица, или подрывающими основанія частнаго хозяйства, близоруки и ихъ требованія, чтобы личныхъ пожертвованій, заборовъ изъ частныхъ сферъ, въ пользу общественнаго хозяйства было какъ можно меньше и рѣже, будто вообще все, что передается въ пользу общества, замертво потерянное достояніе и будто вслѣдствіе этого все общественное потребленіе (по Сэю и А. Смиту) есть непроизводительное уничтоженіе цѣнностей. Подобныя завѣренія крайне односторонни, всѣ они исходятъ изъ того предположенія, будто нормальна только полная индивидуализація собственности и будто она исключительно до сихъ поръ существовала и должна существовать, такъ какъ иного поридка не можетъ быть.

Односторонни и противники: напрасно коммунисты разрѣшаютъ вопросъ о наиболѣе удовлетворительной поддержкѣ хозяйства однимъ измѣненіемъ способовъ владѣнія, или зарокомъ, чтобы никакого личнаго владѣнія не было, чтобы индивидуальной собственности вовсе не существовало: а тѣмъ уже водворится для всѣхъ полное равенство средствъ, тождество хозяйственной обстановки.

Рѣшеніе такое вообще превратно потому, что водвореніе равенства въ людской средѣ можетъ всегда только привести до среднягонизшаго уровня, но никакъ не до развивающагося высшаго. Разъ силы личностей порознь, или вообще индивидуальныя дарованія, различны, разъ это несомнѣнный фактъ, котораго нельзя не признать: невозможнымъ становится и всякое водвореніе безразличія въ томъ или другомъ отношеніи; при чемъ вопросъ о томъ, прирожденно ли такое различіе, развивается ли оно впослѣдствіи, совершенно посторонній. Между совершеннолѣтними дѣятелями въ хозяйствѣ этого различія отрицать невозможно и съ нимъ необходимо считаться, какъ съ эмпирическимъ фактомъ. Предположить, что этого различія могло и не быть, а если бы затѣмъ его не было, то могли быть организованы такіе-то порядки по хозяйству, — значитъ удариться въ утопію. Пока фактъ существуетъ и несомнѣненъ, до тѣхъ поръ необходимо въ хозяйствѣ считаться съ нимъ. Вопреки факту создавать предположенія, болѣе удовлетворяющія самолюбію человѣка, значитъ дорожить самообольщеніемъ, но не рѣшать логически вопросъ бытовой, вопросъ наличной дѣйствительности. Не возможно не остановиться на почвѣ дѣйствительности, которая указываетъ,

что различіе въ индивидуальныхъ дарованіяхъ людей дано, существуетъ, и что это различіе на столько же сильно, на сколько сильно и различіе физической, тѣлесной организаціи лицъ.

Не существуетъ же однообразнаго роста, однообразнаго развитія конечностей тѣла, одинаковой силы мышцъ, а на столько же не существуетъ и однообразія по духовно-нравственнымъ способностямъ людей, именно благодаря тѣсной, неразрывной связи тѣла и души. Если бы кто-либо задумалъ такую реформу въ чисто, какъ бы, животномъ быту человѣка, чтобы довести всѣхъ до одинаковаго роста, вѣса тѣла и проч., то едва-ли съ довѣріемъ къ нему отнеслись, едва-ли кто-либо счелъ бы такое завѣреніе серьознымъ. А между тѣмъ, по отношенію къ духовно-нравственнымъ силамъ человѣка всѣмъ противникамъ личнаго эгоизма, смѣшиваемаго заурядъ съ личною индивидуализаціею, кажется и необходимымъ и осуществимымъ водворить одинаковый культурный уровень между всѣми людьми; а далѣе и одинаковую силу всѣхъ потребностей и одинаковую энергію въ исполненіи всякаго рода труда.

На опытѣ господствующимъ повсюду въ хозяйствѣ началомъ оказывается раздѣленіе труда *соотвѣтственно внутреннему различію способностей и внѣшнему въ міровой обстановкѣ людей*. Пользы раздѣленія трудовъ не отвергаютъ ни коммунисты, ни соціалисты; они даже полагаютъ, что необходимо водворить на основаніи этого принципа соотвѣтственную организацію и такое содѣйствіе между всѣми въ хозяйствѣ, чтобы всѣ доходили до одинаковаго успѣха и до одинаковаго пользованія. Но забываютъ при этомъ, что обезпечить одинаковое пользованіе цѣнностями, или результатами труда, при различіи въ самыхъ способностяхъ къ труду, почти немыслимо, что тутъ очевидно и явно—несправедливое лишеніе по отношенію къ однимъ и благодѣяніе по отношенію къ другимъ: менѣе трудящіеся будутъ получать болѣе, чѣмъ заслужили, и на оборотъ. Необходимо обратить вниманіе при этомъ на то, что эгоизмъ, присущій человѣку, какъ личное сознаніе о своей особѣ, не приведетъ къ напряженію трудовыхъ усилій; неизбѣжно и способный наиболѣе трудиться, будетъ беречь свой трудъ въ уровень съ слабосильными; слѣдовательно, равенство если и водворится общее, то однообразіе снизойдетъ до уровня личностей наименѣе способныхъ, установится на ступени трудовыхъ силъ наименьшихъ и никакимъ образомъ не будетъ достигать тождества съ трудовыми

силами наивысшими, наибольшими. Слѣдовательно, упразднится вся польза, какая отъ раздѣленія труда происходитъ. Будетъ одинаковость напряженій, не смотря на возможность для многихъ къ гораздо большимъ усиліямъ, къ значительнѣйшему труду; водворится именно уровень посредственности, но вовсе не распредѣлится равномѣрно средній уровень высшаго развитія, или наибольшихъ успѣховъ хозяйства.

И дѣйствительно, равенство, путемъ общественнаго распредѣленія труда и средствъ, не можетъ имѣть другаго исхода, потому что раздѣленіе труда, вызывающее различіе въ хозяйственной обстановкѣ людей, вполнѣ совпадаетъ вообще съ индивидуализаціею, съ обособленіемъ культурнымъ, которое не можетъ не считаться основнымъ закономъ всей человѣческой жизни. Разъ способности людей различны,—ихъ развитіе будетъ естественно происходить не въ одинаковой мѣрѣ, не съ одинаковою быстротою и доходить до не одинаковой полноты; слѣдовательно, будутъ выдвигаться, по степени развитія, постоянно немногіе, а отъ нихъ должна отставать масса. Вообще результаты культурнаго движенія подготовляются, пріобрѣтаются именно передовымъ движеніемъ нѣкоторыхъ, немногихъ личностей. Личности, пролагающія новые пути, иногда могутъ устремиться не въ должномъ направленіи; но при удачѣ онѣ именно достигаютъ результатовъ, которые, сдѣлавшись общеизвѣстными, затѣмъ становятся общедоступными. Каждая личность, стремясь впередъ, въ случаѣ удачи создаетъ для общаго развитія ступень, на которую уже переходитъ масса. Такимъ порядкомъ движеніе культурное всегда происходило. Вслѣдствіе этого основнаго порядка и существовали, и существуютъ, и всегда признавались передовыя личности, а общее движеніе именно совершалось прокладкою путей передовыми личностями и послѣдующимъ вступленіемъ массы на тѣ пути. Сверхъ того, вступленіе массы на проложенный путь совершалось иногда въ высшей степени медленно, постепенно, даже масса какъ бы дробилась: одни подвигались болѣе, другіе менѣе, такъ что сама масса еще раздѣляется на много степеней культурнаго развитія.

Передовыя личности въ своемъ движеніи не рѣдко, судя по историческому опыту, какъ бы зарывались и тѣмъ объясняется появленіе личностей непонятыхъ, никакого вліянія не оказавшихъ на современниковъ. Масса за ними не въ состояніи была потя-

нуться, слѣдовать за ними, а позднѣйшіе только вѣка поняли, оцѣнили дѣятелей, подвергавшихся нерѣдко преслѣдованіямъ, или осмѣянію отъ своихъ современниковъ. Указанный порядокъ культурнаго движенія несомнѣнный историческій фактъ, а онъ объясняется разнообразіемъ силъ и способностей: на сколько кто выше другихъ въ отношеніи мыслительныхъ способностей, на столько онъ на пути пріобрѣтенія знаній, на пути къ развитію умственному способенъ быстрѣе успѣвать, скорѣе подвигаться: и именно становится какъ бы выше другихъ.

Экономическое объясненіе этого явленія еще болѣе, какъ бы, наглядно. Если обратить вниманіе на то, что подкладкою, общимъ основаніемъ хозяйственной дѣятельности человѣка служитъ обстановка, среда, міръ, и что, чѣмъ шире хозяйство развивается, чѣмъ болѣе умѣло относится человѣкъ къ міру, чѣмъ лучше онъ его постигаетъ, изслѣдуетъ, тѣмъ большее количество полезностей онъ къ немъ узнаетъ и признаетъ,—то именно ясно, что при различіи способностей, и умственныхъ и физическихъ, завладѣваніе полезностями въ мірѣ будетъ совершаться одними съ большею быстротою, другими несравненно медленнѣе; а если водворить какой-либо средній уровень, то это будетъ уровень наименьшей способности экономически совладать съ міромъ, т. е. все хозяйство должно остановиться, невозможно предполагать для него даже какое-либо замѣтное движеніе.

Успѣхъ всей трудоспособности человѣка въ хозяйствѣ основанъ, по указанной только-что причинѣ, именно на той сообразительности, съ какою онъ относится къ міру, какъ къ сокровищницѣ полезностей: чѣмъ удовлетворительнѣе онъ соображаетъ, что полезно и какъ пользоваться, тѣмъ онъ болѣе средствъ привлекаетъ въ свое хозяйство, и если при различіи способностей не всѣ одинаково даровиты на соображеніе вообще, то очевидно они не одинаково способны и на экономическое проявленіе силъ. Если этотъ основной задатокъ хозяйственный всегда оказывался различнымъ, то именно хозяйственная разница въ обстановкѣ дана, какъ неподвижная. Вмѣстѣ съ тѣмъ и общій успѣхъ хозяйственный, развитіе всего хозяйства, прямо будетъ зависѣть отъ того, что передовыя хозяева въ состояніи доходить до оборотовъ и затратъ, недоступныхъ для массы, или большинства.

Передовики будутъ изобрѣтать и открывать, обезпечивать расширеніе вообще хозяйства. Это-то положеніе дѣла признано издавна въ самомъ хозяйствѣ. Оно въ экономической терминологіи только получило другое объясненіе и названіе совершенно своеобразно, соотвѣтственно толкованію. Принципъ раздѣленія труда вполнѣ совпадаетъ съ принципомъ культурной индивидуализаціи. Насколько индивидуализація проявляется въ области хозяйства, на столько она становится такъ называемымъ раздѣленіемъ труда.

Отрицать этотъ принципъ коммунисты и соціалисты не рѣшаются; раздѣленіе труда остается важнымъ двигателемъ хозяйства; но указывая на то, что при успѣхѣ раздѣленія труда тѣмъ большая является разность въ достаткахъ людей, и соціалисты и коммунисты полагаютъ необходимымъ подчинить раздѣленіе труда общественному направленію. Однако основная ошибка ихъ и заключается въ томъ, что общество, общественный порядокъ, власть, все имъ кажутся чѣмъ-то внѣшнимъ, стоящимъ за предѣлами хозяйства. Они полагаютъ, что и хозяйство и общественность не родственны другъ другу и не связаны до такой степени тѣсно, что нѣтъ случаевъ указывающихъ полнаго ихъ отдѣленія другъ отъ друга; немыслимо разъединеніе между общественностью и хозяйствомъ человѣка.

Поэтому, разрѣшая задачу объ организаціи труда и потребленія безъ индивидуализаціи и раздѣльной собственности, новаторы отыскиваютъ какъ бы архимедову точку внѣ міра, только опираясь на такую и Архимедъ признавалъ возможнымъ вывести нашу планету изъ того положенія, въ которомъ въ системѣ небесеыхъ тѣлъ она находится. Но общественность не есть внѣшній какъ бы покровъ по отношенію къ хозяйству, упираясь въ который можно было бы двигать хозяйство въ томъ, или другомъ направленіе.

Точно также, ложно и направленіе всей школы либеральной, защищающей эгоистическіе стимулы и считающей ихъ основнымъ источникомъ хозяйственной дѣятельности, вообще основаніемъ всѣхъ проявленій хозяйственнаго быта. Общественность и хозяйство до такой степени родственны другъ другу, что отдѣльныхъ интересовъ для нихъ не существуетъ, а каждый разъ, когда стремленія общественныя и стремленія хозяйственныя расходятся между собою, во всемъ хозяйствѣ и во всей общественной средѣ наступаетъ разстройство, кризисъ. Всякій разладъ, всякое разобщеніе хозяйства съ общественн-

ностью, всякое увлеченіе исключительно хозяйствомъ гибельно отзываются на политическомъ быту; и наоборотъ, увлеченія политическія порождаютъ превратныя явленія въ хозяйствѣ.

Необходимо, поэтому, всѣ отвлеченныя положенія хозяйственной науки объ экономическихъ процессахъ строить сполна на индуктивномъ изслѣдованіи связи ихъ съ дѣйствительностью, съ политическимъ бытомъ, съ общественностью; только при этомъ условіи можно спастись отъ односторонняго преувеличенія важности того, или другаго промысла, въ смыслѣ главнаго рычага хозяйства, и отъ того односторонняго заблужденія, будто внѣ хозяйства слѣдуетъ отыскивать способы къ организаціи самаго хозяйства.

Если постоянно, при анализѣ воздѣйствія между хозяйственными явленіями, которое порождаетъ тѣ или другіе хозяйственные процессы, считаться съ тѣмъ основнымъ положеніемъ, что въ быту хозяйственномъ одновременно съ чисто экономическими началами дѣйствуетъ и общественность, что условіемъ хозяйства человѣка служитъ сожительство его съ другими и что при этомъ условіи только могутъ осуществиться его стремленія вести борьбу изъ за обстановки,—т. е. при постоянной только ссылкѣ на общественность, могутъ имѣть устойчивость всѣ выводы и всякое изслѣдованіе законовъ хозяйства. Необходимо при разборѣ хозяйственныхъ явленій и процессовъ прослѣдить, на сколько тотъ или другой бытовой фактъ представляется чисто хозяйственнымъ, и на сколькс извѣстныя особенности его вызваны подъ вліяніемъ общественности. Эти два начала постоянно въ хозяйствѣ дѣйствуютъ совмѣстно, или съ одинаковою энергіею, или же при преобладаніи то общественности, то хозяйственности.

Вотъ основное убѣжденіе, которое, на мой взгядъ, и можетъ спасти отъ всякой односторонности и соображаясь съ которымъ только и слѣдуетъ приступать къ анализу хозяйственныхъ явленій.

Стало быть, въ первомъ мѣстѣ нельзя не признать, что взаимное содѣйствіе людей, коллективныя стремленія къ хозяйственной области, вліяніе общественности на хозяйственную дѣятельность,— существуютъ несомнѣнно и что помимо, какъ бы самимъ порядкомъ міровымъ, данныхъ общеній, союзовъ, каковы—семья, родъ, племя, что помимо и культурныхъ союзовъ, исторически возникшихъ—съ тѣмъ же самымъ обязательнымъ характеромъ, какъ и первые т. е. помимо союзовъ политическихъ, — существуютъ общенія, вызы-

ваемыя чисто хозяйственными интересами, что само хозяйство порождаетъ общенія, соединенія, которыя и осуществляются всякою мастерской, во всякомъ промыслѣ, въ ремесленныхъ, фабричныхъ, заводскихъ и подобныхъ предпріятіяхъ. Невозможно утверждать, безъ всякихъ оговорокъ, что и историческія начала общественности, дѣйствующія въ политическихъ союзахъ, и порядкомъ міровымъ данныя кровныя, родственныя начала, и экономическія начала, проявляющіяся въ предпріятіяхъ и промыслахъ, — что всѣ они извратились, что ими устранено необходимое и полное равенство отношеній между отдѣльными членами всѣхъ этихъ союзовъ; что соціальность между людьми существуетъ, что она разнообразна, чрезвычайно крѣпка и сильна, но что она въ экономической области породила подвластность, подчиненность, зависимость, безправность, нищенство однихъ и соотвѣтственно большій просторъ—и для личной свободы, для проявленія правъ, и для имущественнаго благосостоянія—въ пользу другихъ, соотвѣтственно тѣмъ ограниченіямъ, которымъ подвергается масса и большинство.

Такъ какъ, впрочемъ, споръ при рѣшеніи задачи объ установленіи лучшей соціальности вертится на вопросѣ объ обладаніи вещественными средствами къ труду, то понятно, что эти средства должны были видѣть преимущественно въ капиталахъ. Нѣкоторые современные новаторы существующую дурную общественность, породившую разницу въ обстановкѣ и отсутствіе средствъ къ жизни для большинства, при излишкахъ для немногихъ, отождествляютъ съ обладаніемъ капиталами, почему они прямо называютъ существующій порядокъ экономическихъ отношеній, на сколько онъ поддерживается общественностью — *капитализмомъ*. Этому существующему складу хозяйственному, этому неравному надѣлу немногихъ средствами къ хозяйству, этому дурному капитализму и противопоставляютъ *соціализмъ*. Соціализмъ долженъ задаваться такимъ видоизмѣненіемъ самаго участія капиталовъ въ производствѣ, чтобы личное обладаніе послѣдними не было вовсе необходимостью, а при которомъ общеніе составляло бы основу, важнѣйшій залогъ успѣховъ въ хозяйствѣ, вещественныя же средства были бы на второмъ планѣ, или только подспорьями.

§ 23. Современныя научныя стремленія къ выясненію нормальныхъ средствъ для практической организаціи хозяйства.

Понятно, что указанной цѣли возможно достигнуть разными путями; понятно, что возможно стремиться къ осуществленію задачи и тѣмъ, чтобы вызвать общенія такого рода, путемъ которыхъ всѣмъ, не имѣющимъ капитала, можно было бы доставлять пользованіе чужимъ, на первый разъ, а затѣмъ и средства къ накопленію собственнаго капитала. При этомъ, естественно, нѣтъ необходимости отвергать частную собственность, возставать противъ существованія капитала, напротивъ можетъ и признаваться необходимость имѣть его въ личную собственность. Нужно только открыть пути, чтобы обладанія капиталомъ могъ достигать всякій и затѣмъ создается равномѣрное распредѣленіе доходовъ для всѣхъ. Отсюда возникло ассоціаціонное движеніе, какъ средство къ рѣшенію основнаго вопроса. Отдѣльный труженикъ не въ состояніи завоевать себѣ самостоятельности, завоевать или добыть себѣ вещественныя средства къ занятіямъ; онъ не въ состояніи, за отсутствіемъ послѣднихъ, самостоятельно обнаруживать трудовыя усилія, и остается въ зависимости по найму отъ другихъ лицъ. Возможно, однако, соединивъ тружениковъ въ ассоціаціи и приложивъ артельную общительность къ этому классу лицъ, создать изъ нихъ такую силу, что они будутъ въ состояніи привлекать чужой капиталъ, который станутъ имъ довѣрять; затѣмъ они мало по малу изъ доходовъ своего же производства составятъ собственные капиталы. Эту цѣль преслѣдуетъ все движеніе ассоціаціонное, направляемое въ Германіи теперь *Шульце-Деличемъ*. Его стремленія невозможно смѣшивать ни съ коммунизмомъ, ни съ соціализмомъ, такъ какъ они неуклонно направлены къ пользованію тою общественностью, которою поддерживается народное хозяйство повсюду.

Вывести изъ положенія недостатка нуждающіеся классы, конечно, процессъ крайне медленный, крайне затруднительный; а поэтому содѣйствовать успѣху ассоціаціоннаго движенія считаютъ другіе обязанностью казны, государства, общества, — правительства, какъ учрежденія, возвышающагося надъ всѣми отдѣльными интересами классовъ и представителей отдѣльныхъ экономическихъ элементовъ.

Всѣ хозяйственные недуги и вождѣленія современности стали въ западной Европѣ, послѣ коммунистическихъ агитацій и политическихъ взрывовъ 40-хъ годовъ, обозначаться за послѣднее время весьма мало опредѣленнымъ терминомъ *«соціальнаго вопроса»*. По случаю выясненія послѣдняго и анализа проблемъ къ его рѣшенію, завязался ожесточенный споръ между экономическимъ либерализмомъ фритредеровъ, отстаивавшихъ традиціи ученыхъ школъ и самопомощь, и соціалистами, настаивавшими на общественной помощи. И вотъ въ 1872 г. въ Германіи съѣхалась въ Эйзенахѣ (6-го Окт.) группа авторитетныхъ ученыхъ, которые задались ближайшимъ указаніемъ всѣхъ случаевъ необходимаго законодательнаго обезпеченія ассоціаціонной организаціи трудовыхъ затратъ, на пользу производства и хозяйственной самобытности рабочихъ. Сущность вопросовъ, подлежавшихъ разрѣшенію, старался ярко и общепонятно обрисовать Шеффле, еще въ 1870 году, въ цѣлой серіи чтеній, изданныхъ подъ заглавіемъ: Kapitalismus und Socialismus (Tübingen, 1870 г.). Съ тою же цѣлію высказались Ad. Wagner, Rede über die sociale Frage, Berlin, 1871 г., и G. *Schönberg*, Arbeitsämter, Berlin, 1871 г. За послѣднія двѣ рѣчи вся группа получила отъ противниковъ, преимущественно членовъ германскаго народохозяйственнаго конгресса (Volkswirthschaftlicher Congress), прозвище Kathedersocialisten, (срв. *Schönberg*, zur Litteratur der socialen Frage, въ Tüb. Ztschr № 28, стр. 414). Ради отраженія нападеній и единодушнаго установленія образа дѣйствій и состоялось Эйзенахское собраніе. Въ первомъ мѣстѣ предстояло, конечно, точно разграничить свои воззрѣнія (нѣмецкій Standpunkt) отъ ученій противниковъ, а изъ послѣднихъ являлись главными слѣдующія партіи.

Континентальная система Наполеона I-го воскресила, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, силу меркантилизма, пошатнувшагося было въ области хозяйственной полиціи. Тарифная система, впрочемъ, повсюду сохраняла свой основной оттѣнокъ, причемъ имѣлась въ виду не только ея фискальная прибыльность, но осуществлялось и намѣреніе оказать вліяніе на экономическій бытъ отечества, ставить преграды иноземной конкурренціи. Переходъ къ финансовымъ пошлинамъ былъ провозглашенъ за *свободу торговли* и водворялся медленно, единственно путемъ взаимныхъ уступокъ, на основаніи торговыхъ и таможенныхъ договоровъ. Къ послѣднимъ привело пер-

воначально стремленіе къ національному объединенію, вопреки политической раздробленности, въ Германіи. Такой характеръ имѣла пропаганда Фридриха Листа (м. выше), ее поддерживала Пруссія, начавъ съ 1828 года подготовительными договорами образованіе *Германскаго таможеннаго союза* (1833 г.), который послѣ троекратнаго возобновленія (1841, 1853 и 1865 гг.) былъ упраздненъ возникновеніемъ Сѣверо-Германскаго Союза (1867 г.) и позднѣе Германской Имперіи.

У насъ въ Россіи совершался пока только переходъ отъ строго запретительнаго тарифа 1822 года, смѣнившаго дѣйствовавшія до тѣхъ поръ простыя фискальныя пошлины, къ охранительному таможенному порядку 1850 года. Затѣмъ и тарифъ 1857 года задавался еще огражденіемъ отъ иноземной конкурренціи, въ пользу тѣхъ отраслей отечественной промышленности, въ которыхъ было занято наибольшое число рукъ и затрачена крупная масса капиталовъ. Того же направленія остался и пересмотрѣнный тарифъ 1867 года, устранившій неравномѣрности и вкравшіяся разнообразныя уклоненія отъ цѣлостной системы.

Въ Англіи же пошли далѣе, чѣмъ въ прочихъ государствахъ, и реформы послѣдней вскорѣ послужили образцами. Наполеону I-му Англія отвѣтила меркантильнымъ тарифомъ и вообще одновременно въ силѣ являются еще традиціи навигаціоннаго акта временъ Кромвелля (6 окт. 1651 г.). Первыя реформы по пути къ большей свободѣ торговли предпринялъ министръ *Гэскисенъ* (William Huskisson, 1823—1826 г.), а для дальнѣйшаго преслѣдованія тѣхъ же цѣлей образовался союзъ въ Манчестерѣ (1839 г.), который подъ энергическимъ руководствомъ *Ричарда Кобдена* и *Джона Брайта* вскорѣ распространился на всю Англію.

Послѣдній направилъ свою дѣятельность въ первомъ мѣстѣ противъ розничныхъ хлѣбныхъ пошлинъ (sleiting scale) и принялъ названіе anticornlawleague. Подъ его напоромъ состоялась тарифная реформа *Сэра Роберта Пиля* (Peel, 1842—1846 г.), когда число пошлинныхъ статей съ 1100 было сокращено до 590. Когда же, по распоряженію отъ 26 іюня 1846 г., состоялось послѣднее пониженіе хлѣбныхъ пошлинъ до 1 шиллинга съ квартера, то 22 іюля того же года разошлась лига. Однако, представители послѣдней образовали ученую школу, обнародовавъ, помимо рѣчей на

митингахъ и въ парламентѣ, цѣлый рядъ изслѣдованій и научныхъ сочиненій.

Имъ присвоили названіе *фритредеровъ* или *Манчестерской школы,* которая живетъ въ Англіи какъ воспоминаніи досихъ поръ въ современномъ Reform—или Cobden Clubb, устроенномъ въ честь умершаго пропагатора. Манчестерцы имѣли видное участіе въ податныхъ и таможенныхъ реформахъ Глэдстона, равно какъ и при заключеніи международныхъ фритредерскихъ договоровъ и по водворенію промысловой свободы. Однако практическія преобразованія ихъ не удовлетворяли въ Англіи соціальныхъ демократовъ.

Приверженцами ихъ въ Германіи и являются члены народохозяйственнаго конгресса. Тѣ и другіе стоятъ на полной индивидуализаціи хозяйственной дѣятельности и нестѣсняемости егоистической конкурренціи. Противная крайная партія состоитъ изъ послѣдователей Лассаля и приверженцевъ Маркса, или соціалистовъ.

Между ними то и стараются занять благоразумную средину учредители общества для соціальной политикии (Verein für Socialpolitik), сложившееся въ концѣ 1873 г. на основаніи предварительной программы, принятой 150 членами на Эйзенахскомъ съѣздѣ. (См. Verhandlungen der Eisenacher Versammlung. Leipzig, 1873 г.).

Отвергая разумную нормальность за подчиненіемъ всѣхъ стремленій въ хозяйствѣ произволу индивидуальнаго эгоизма, съ одной стороны, кафедральные соціалисты не мирятся и со всепоглащающимъ общественнымъ распорядкомъ. Ихъ задача заключается въ разработкѣ способовъ къ проявленію общественнаго заступничества за всѣхъ слабосильныхъ и несамостоятельныхъ представителей хозяйственныхъ интересовъ, а затѣмъ въ открытіи путей и средствъ не къ безразличному, валовому усиленію производства, или возростанію отраслей промышленности и видовъ предпріятій, а къ уравненію личной хозяйственной обстановки и къ улучшенію быта и экономическаго обихода нуждающихся въ томъ слоевъ общества.

Основные принципы науки, или непреложность экономическихъ законовъ ими не отвергаются и не стремятся они ихъ подорвать односторонними увлеченіями: какими особенно они почитаютъ и манчестерство, и соціализмъ, имъ то заявлена открытая борьба.

Ближе всего рисуется это соціально-политическое направленіе тѣми вопросами, которые, на первый разъ, поставлены были на очередь и по которымъ заготовлены обстоятельные доклады; это: 1) анкета по фабричному законодательству; 2) акціонерныя предпріятія; 3) промысловыя третейскія учрежденія; 4) преобразованіе прямаго личнаго обложенія.

Verein für Socialpolitik вызвалъ слѣдующія изысканія со стороны своихъ членовъ, именно по случаю поднятыхъ имъ пока спеціальныхъ вопросовъ.

Held, die deutsche Arbeiterpresse der Gegenwart, Leipzig, 1873 г.

Brentano, Theorie und Kritik der englischen Gewerkvereine, 2 части, Lpz., 1873 г.

Fabrikgesetsgebung, Schieds—und Einigungsämter, Gutachten von Iacobi, Bitser, Gensel, Ludwig-Wolf, Fiedemann, Härtel, v. Heledorf, Schulze, Websky, Neumann. Lpz. 1873 г.

Dannenberg, das deutsche Handwerk und die sociale Frage. Lpz, 1873 г.

Neumann, Zur Reform der deutschen Fabrikgesetzgebung, Lpz., 1873 г.

Reform des Actiengesellschafswesens. Gutachten von Wiener, Goldschmidt, Behrend. Lpz., 1873 г.

Uber Personalbesteuerung. Gutachten von Nasse, Held, Gensel, Wintzingerode, Rössler. Leipzig, 1873 г.

Verhandlungen des Vereins für Socialpolitik, Berlin, 1874 г.

Другія изданія уже приведены выше.

Краткій перечень справочныхъ пособій при первоначальномъ ознакомленіи съ важнѣйшими частями ученія.

Такъ какъ, при опредѣленіи основныхъ понятій въ политической экономіи у отдѣльныхъ авторовъ огромное значеніе имѣетъ то направленіе, котораго они придерживаются, то и необходимо было въ общихъ чертахъ познакомиться съ исторіею литературы политической экономіи. Ближе же ознакомиться съ отдѣльными направленіями и ихъ развѣтвленіями можно изъ сочиненій по исторіи политической экономіи.

Между первыми, по времени, находится весьма изящно написанное, хотя и не вполнѣ научнаго характера, сочиненіе *Бланки*— Blanqui, Histoire de l'économie politique, 1-е изд. 1837 г., четвертое 1860 г.; переведено на русскій языкъ. Бланки обращаетъ преимущественное вниманіе на развитіе быта экономическаго, на основныя явленія экономической жизни и ходячія воззрѣнія даннаго времени, а менѣе на генетическое развитіе идей въ литературѣ.

Нѣсколько полнѣе *Villeneuve-Bargemont*, histoire de l'économie politique, 2 vol. 1839 г.; его воззрѣніе напоминаетъ однако богословскую схоластику среднихъ вѣковъ.

На русскомъ языкѣ существуетъ «Очеркъ исторіи политической экономіи», составленный по лекціямъ проф. *Вернадскаго*, 1858 года. Матеріалъ не обширенъ и слабо разработанъ. Тѣмъ не менѣе, въ немъ содержатся весьма полезныя указанія, хотя трудно согласиться съ раздѣленіемъ науки на то множество школъ, которыя авторъ открываетъ въ литературѣ политической экономіи.

Самое капитальное сочиненіе, безъ котораго невозможно изученіе исторической преемственности экономическихъ идей, это сочиненіе *Кауца*, изданное въ 4 книгахъ и заключающее въ себѣ теорію и исторію политической экономіи (Theorie und Geschichte der Nationalöconomik). Первая часть, теоретическая, есть ничто иное, какъ компиляція, не имѣющая цѣны и за отсутствіемъ самостоятельныхъ воззрѣній, но тѣмъ драгоцѣннѣе вторая часть—исторія ученій о народномъ хозяйствѣ—Geschichtliche Entwickelung der Nationalöconomik und ihrer Litteratur, 2 кн. 1860 г. Рошеръ и другіе нѣмецкіе писатели по политической экономіи различаютъ Nationalöconomie, въ смыслѣ народнаго хозяйства, отъ науки охозяйствѣ—Nationalökomik. Рошеръ принялъ этотъ терминъ по примѣру Аристотеля и грековъ, которые вообще разныя ученія обозначали прилагательнымъ, во множественномъ числѣ средняго рода, такъ что хозяйственное ученіе того времени называлось oiconomica. Рошеру послѣдовалъ и Кауцъ, а потому вторая часть сочиненія озаглавлена: Историческое развитіе ученія о народномъ хозяйствѣ и литературы послѣдняго. Бытовая сторона оставлена въ тѣни, обращено вниманіе только на литературное развитіе ученій, но за то дотакой степени разработаны воззрѣнія, что о каждомъ писателѣ и о каждой группѣ писателей получается вполнѣ отчетливое понятіе, а потому книга эта необходима для справокъ.

Отдѣльные экономисты относятся къ той или другой школѣ, преслѣдуютъ развитіе тѣхъ или другихъ односторонніхъ положеній, а потому изученіе предмета путемъ чтенія порознь писателей въ политической экономіи особенно затруднительно, ознакомленіе же со всею областью науки, съ различіями во взглядахъ относительно главныхъ частей ученія, успѣшнѣе, если его сопровождать повѣрочными справками въ такъ называемыхъ *словаряхъ* политической экономіи.

Весьма полнымъ является словарь, составленный при сотрудничествѣ лучшихъ экономистовъ Франціи, подъ общею редакціею *Coquelin*. Каждая статья подписана авторомъ ея, слѣдовательно сохранялась отвѣтственность и редакція не принимала на себя обязанности сглаживать разнорѣчія между сотрудниками. Этотъ «Dictionnaire de l'économie politique», былъ изданъ въ 1854—53 г., 3-е изданіе въ 1864 г. Въ немъ, правда, недостаетъ нѣкоторыхъ весьма существенныхъ современныхъ вопросовъ, но по теоріи находятся отвѣты на всѣ основныя проблемы. Послѣ изложенія сущности того, или другаго экономическаго вопроса представлена, въ концѣ каждой статьи, подробная библіографія, преимущественно французскихъ и англійскихъ сочиненій, а менѣе полно итальянскихъ и нѣмецкихъ.

Нѣмецкій же словарь собственно не имѣлъ цѣлью изложить сводъ современныхъ ученій въ алфавитномъ порядкѣ по очеркамъ лучшихъ экономистовъ, а цѣлью его служила пропаганда, распространеніе главныхъ, выработанныхъ вполнѣ, выводовъ политической экономіи, поэтому онъ носитъ популярный оттѣнокъ. Тѣмъ не менѣе, отдѣльныя статьи въ этомъ словарѣ разработаны обстоятельно лучшими нѣмецкими экономистами. Къ каждой статьѣ приложена и библіографія. Біографій же знаменитѣйшихъ экономистовъ нѣтъ. Стремленіе сдѣлать этотъ словарь популярнымъ видно и по его объёму, онъ отличается краткостью, которая однако немаловажное достоинство. Словарь этотъ редактированъ *Рентшемъ* въ 1866 г., подъ заглавіемъ: «Ручной словарь политической экономіи. 2-е изд. 1870 г. (*Rentsch*, Handwörterbuch der Volkswirthschaftslehre).

Оба словаря, французскій и нѣмецкій, составившіеся путемъ сотрудничества представителей науки, конечно, не представляютъ того односторонняго направленія, которымъ отличаются итальянскіе и англійскіе словари.

Поэтому, менѣе надежнымъ пособіемъ можетъ служить итальянскій словарь *Бокардо*, хотя авторъ его и старается удержать за собою общепринятую почву, не вводя своеобразныхъ взглядовъ. Словарь этотъ изданъ въ 1858—62 годахъ. Бокардо старается придать своему словарю характеръ настольной книги для каждаго дѣловаго человѣка, а потому включилъ свѣдѣнія не по одной только политической экономіи, но и по торговому праву, мореплаванію,

однимъ словомъ, водворилъ характеръ практическаго руководства по разнымъ отраслямъ промышленности. Такъ какъ этотъ словарь опирается преимущественно на французскій, то для изученія предмета онъ можетъ приносить ограниченную пользу; драгоцѣнны одни пополненія, касающіяся итальянской литературы (*Boccardo*, Dizzionario della economia politica e del commercio, cosi teoretico, come pratico).

Въ своихъ историческихъ статьяхъ, въ разсужденіяхъ объ авторахъ и представителяхъ разныхъ школъ, замѣчательно полонъ и самостоятеленъ словарь *Мэклауда*, доходящій только до буквы С. По мнѣнію автора, политическая экономія есть ученіе о мѣновыхъ сдѣлкахъ, (каталактика по Whately), а потому словарь гораздо болѣе важенъ для ознакомленія со взглядами автора, чѣмъ для изученія основныхъ положеній науки, которыя не рѣдко отрицаются авторомъ. Онъ особенно дорогъ по тѣмъ статьямъ, въ которыхъ заключаются разсужденія о разныхъ писателяхъ, напр. объ Аристотелѣ, Кондильякѣ, Бэле, Бастіа, Беккаріа и др. (A dictionary of political economy: biographical, bibliographical, historical and practical. by Henry *Dunning-Macleod*, London, 1862—63 г.).

Относительно соціалистическихъ ученій критическое, а отчасти и положительное, вліяніе которыхъ въ настоящее время становится очевиднымъ, необходимо обратиться къ спеціальнымъ очеркамъ и сочиненіямъ. Однимъ изъ такихъ пособій служитъ сочиненіе *Louis Reybaud*: Etudes sur les réformateurs ou socialistes modernes, 1840 г., 2 vol., 2 изд. 1856 г.

Такой же историческій очеркъ представляетъ сочиненіе *Alfred Sudre*, Histoire du communisme, 1849 г., 5-е 1856 г.

Болѣе научный характеръ представляетъ сочиненіе *Л. Штейна*, который однако преимущественно свое изслѣдованіе ограничиваетъ коммунистами и соціалистами Франціи и остановливается на своемъ времени, т. е. 1852 г. Книга его носитъ названіе: Соціализмъ и коммунизмъ новѣйшей Франціи (Die industrielle Gesellschaft. Der Socialismus und Communismus Frankreichs von 1830 bis 1848; 2 Ausg. 1855 г.

Очеркъ коммунистическихъ и соціалистическихъ ученій представляетъ *Бруно Гильдебрандъ* въ своемъ Die Nationalöconomie der Gegenwart und Zukunft, 1847 г. Это сочиненіе переведено

и на русскій языкъ подъ заглавіемъ: Политическая экономія настоящаго и будущаго, *Щепкинъ*, 1860 г.

Kiraly, Betrachtungen über Socialismus und Communismus, Lpz., 1869 г. Другія историческія пособія, какъ Шеффле и Дюрингъ, нами приведены въ своемъ мѣстѣ.

III. ОТДѢЛЪ.

Ученіе о производствѣ цѣнностей.

ГЛАВА V.

Цѣль производства, его элементы и результаты этого хозяйственнаго процесса.

§ 24. Связь производства съ прочими областями хозяйства и основное его содержаніе.

Первую часть политической экономіи составляетъ ученіе о производствѣ цѣнностей, въ смыслѣ ученія о явленіяхъ основныхъ въ хозяйствѣ вообще. Тутъ являются элементы, факторы, величины и силы экономическія, входящія въ сочетаніе между собою. Ученіе это должно быть помѣщено въ первой части, чтобы ознакомиться съ ихъ сущностью и указать какимъ образомъ путемъ производства получается опредѣленное количество цѣнностей, доходъ.

Но переходя къ распредѣленію дохода, тотчасъ сужденіе должно обратиться изъ области отвлеченія къ дѣйствительности, нельзя болѣе считаться только съ явленіями вообще, но настоитъ вѣдаться съ личностями и союзами, представителями и виновниками отдѣльныхъ явленій и процессовъ: необходимо разбирать всѣ тѣ многоразличныя общенія и ихъ формы, помощью которыхъ люди преслѣдуютъ свои хозяйственные интересы и достигаютъ осуществленія своихъ стремленій наилучшимъ образомъ. А потому, теорія распредѣленія доходовъ должна заключать ученіе о внѣшнемъ строѣ общеній, въ которыхъ только и возможенъ хозяйственный оборотъ, должно заключать въ себѣ разборъ того личнаго состава, который присущъ каждому предпріятію.

Затѣмъ, въ третьей части необходимо разобрать обращеніе цѣнностей, какъ отвлеченнымъ образомъ въ смыслѣ физіологическаго ученія, такъ и подъ вліяніемъ того или другаго строя предпріятій; а такъ какъ основаніями обращенія служатъ преимущественно деньги и кредитъ, то слѣдуетъ выяснить эти два явленія, какъ самихъ по себѣ, такъ и по зависимости ихъ отъ особенностей въ организаціи предпріятій.

Заключеніе всего экономическаго ученія составляетъ физіологія и морфологія потребленія цѣнностей.

Все хозяйство человѣка покоится на двухъ главныхъ основаніяхъ: на собственной дѣятельности человѣка и затѣмъ на данной обстановкѣ, на той средѣ, которою обусловливается успѣхъ первой и которая, затѣмъ, служитъ объектомъ его хозяйства и дѣятельности. На сколько во внѣшнюю среду направлена дѣятельность человѣка съ цѣлью обезпечить существованіе и удовлетворять своимъ потребностямъ, на столько она *хозяйственна*. Хозяйственная дѣятельность человѣка, а затѣмъ, полезности или совокупность ихъ, т. е. обстановка, среда, — эти два элемента естественно являются въ разнообразныхъ соотношеніяхъ между собою, вызываютъ разнаго рода хозяйственныя явленія; а далѣе, изъ элементарныхъ явленій слагаются, путемъ болѣе сложныхъ сочетаній, хозяйственные процессы.

Если разбирать, по существу и по источникамъ, явленія и процессы хозяйственные, условія среды и характеръ дѣятельности человѣка, то получится какъ бы отвлеченное ученіе, которое главною цѣлью своею имѣетъ выясненіе того, какими отношеніями между дѣятельностью человѣка и внѣшнею обстановкою, или полезностями среды, создаются внѣшнія средства, поддерживающія физическое и культурное существованіе человѣка.

Разборъ основаній или законосообразности при возникновеніи средствъ хозяйственныхъ въ быту человѣческомъ и составляетъ *ученіе о производствѣ*.

Мы указывали уже, что сверхъ стремленія человѣка завладѣть въ средѣ полезностями, сблизить ихъ съ своими потребностями путемъ видоизмѣненія и перемѣщенія, все хозяйство подчиняется и другому основному условію человѣческаго быта, именно общественности; она придаетъ внѣшнее выраженіе, или бытовую организацію и тѣмъ процессамъ, которыми создаются цѣнности. Сами по себѣ

явленія и процессы, конечно, не существуетъ и ихъ анализировать возможно только путемъ отвлеченія.

Среда, по отношенію къ хозяйству человѣка, является совокупностью полезностей и какъ бы *вмѣстилищемъ* всего хозяйства. Среда есть первое условіе хозяйственной дѣятельности человѣка; зависимость отъ среды порождаетъ сознательность потребностей въ человѣкѣ, а ихъ удовлетвореніе возможно только помощью заимствованія полезностей изъ среды. Но послѣднее отношеніе среды къ человѣку только опредѣляетъ возможность для человѣка обезпечить свое существованіе, сами же потребности человѣка до такой степени въ большинствѣ случаевъ своеобразны, что готоваго для ихъ удовлетворенія въ обстановкѣ и средѣ находится только въ немногихъ случаяхъ. Въ большинствѣ случаевъ, необходимо извѣстное сближеніе между полезностями среды и потребностями человѣка, приспособленіе ихъ къ дѣйствительнымъ нуждамъ и характеру потребностей человѣка.

Это совершается двоякимъ путемъ: или *видоизмѣненіемъ*, или *перемѣщеніемъ*. Нерѣдко среда, вслѣдствіе неразрывной ея связи съ человѣкомъ, служитъ ему непосредственно и такимъ образомъ получаются даровыя полезности; но эти случаи рѣдки, и среда служитъ человѣку непосредственно на столько, на сколько физическая организація человѣка связана съ средою. Напр. воздухъ, теплота, свѣтъ, вода, непосредственно и даромъ удовлетворяютъ потребностямъ человѣка. Въ большинствѣ же случаевъ человѣку приходится дѣлать усилія и только какъ результатъ этихъ усилій получаются вполнѣ пригодныя средства для удовлетворенія потребностямъ, получаются *цѣнности*; такъ что *цѣнность является внѣшнимъ средствомъ удовлетворенія потребностямъ, созданнымъ усиліями человѣка, помощью видоизмѣненія и перемѣщенія*. Вотъ способы видоизмѣненія и тѣ пріемы перемѣщенія, которыми создаются цѣнности, и составляютъ содержаніе ученія о производствѣ.

§ 25. Различеніе потребительной и мѣновой цѣнности, какъ безсодержательный плеоназмъ, при параллельныхъ понятіяхъ полезности и цѣны.

Результатомъ производства является цѣнность. Необходимо условиться о содержаніи этого понятія, такъ какъ нерѣдко, вслѣдствіе разнообразнаго значенія терминовъ, употребляемыхъ на разныхъ

языкахъ и разными учеными, происходятъ недоразумѣнія. Нерѣдко экономисты, напр. Рошеръ, опредѣляютъ цѣнность, какъ пригодность вещи, которая признается за нею человѣкомъ, какъ представителемъ хозяйства; отъ признанія человѣка зависитъ характеръ цѣнности*). Понятно при этомъ опредѣленіи, что признаніе, изъ котораго исходитъ Рошеръ, можетъ быть двояко: или чисто субъективное, извѣстное отдѣльное лицо признаетъ за благомъ извѣстную цѣнность, или же цѣнность за вещью готовы признать и многіе другіе, или всѣ люди, готовы обмѣнивать ее между собою, въ такомъ случаѣ цѣнность пріобрѣтаетъ какъ бы объективный характеръ. Цѣнности перваго рода удовлетворяютъ потребностямъ одного лица, а цѣнности втораго рода—потребностямъ многихъ, или всѣхъ людей и способны сдѣлаться предметомъ обмѣна, обращенія. На этомъ основаніи сочли необходимымъ различать цѣнность *потребительную* отъ цѣнности *мѣновой*. Потребительная сила цѣнности, по мнѣнію Рошера, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ къ данному благу сильнѣе потребность и чѣмъ чаще и большему количеству потребностей отдѣльная цѣнность въ состояніи удовлетворить. Такъ какъ сила потребностей у отдѣльныхъ лицъ чрезвычайно различна, то и за одними и тѣмиже средствами различные люди будутъ признавать различное значеніе.

Но при этомъ Рошеръ забываетъ, что различіе въ потребительномъ значеніи цѣнностей не зависитъ отъ качества самыхъ цѣнностей, а зависитъ исключительно только отъ различія потребностей разныхъ лицъ; кто употребляетъ меньше хлѣба, для того меньшее количество его имѣетъ такое же потребительное значеніе, какъ для другаго большее его количество. Изъ этого указанія довольно ясно, что потребительная цѣнность становиться сама по себѣ неуловимою величиною; она не существуетъ, какъ самостоятельное экономическое явленіе, она лишена значенія общехозяйственнаго*). Слѣдовательно, измѣненіе въ величинѣ цѣнности только

*) Grundlagen, § 4: wirthschaftlicher Werth eines Gutes ist die Bedeutung, welche dasselbe für das Zweckbewusstsein des wirthschaftenden Menschen hat. Срв. *Genovesi*, economia civile, 1769 г., II, 3—7.—*H. Say*, de la richesse individuelle et de la richesse publique, 1827 г., стр. 29.

*) *Bastiat*, harmonies économiques стр. 171, справедливо объ этихъ тонкостяхъ говоритъ: dissertation, ennui: dissertation sur la valeur, ennui sur ennui!—*Ad. Müller* называетъ потребительную цѣнность *индивидуальною*, а мѣновую — *соціальною*. Столь же неудачно различаетъ уже *Locke*, Works,

кажущееся, а собственно говоря существуютъ только градаціи той силы, съ которою разныя лица относятся къ данной цѣнности; есть различіе въ энергіи потребностей различныхъ лицъ, и въ силу этого различія одно и тоже количество цѣнностей, для разныхъ лицъ, является не одинаково достаточнымъ средствомъ удовлетворенія. Но послѣднее различіе не есть разнокачественность самыхъ средствъ удовлетворенія, и потребительная цѣнность (valeur en usage, Gebrauchswerth) не можетъ считаться самостоятельнымъ явленіемъ; это неосязаемая величина, ея конкретно не существуетъ. Одно лицо, обладающее извѣстными потребностями, стремится пріобрѣсти и соотвѣтственную цѣнность, тогда какъ другое лицо, не имѣющее этихъ потребителей, не нуждается и въ соотвѣтствующихъ цѣнностяхъ; т. е. направленіе человѣка въ производствѣ, по отношеніямъ къ средѣ, зависитъ отъ главнаго стимула хозяйственной дѣятельности, отъ потребностей: оно тѣмъ разнообразнѣе, чѣмъ разнообразнѣе потребности и направляется въ ту сторону, въ какую это требуетъ характеръ потребностей. Этотъ субъективный элементъ опредѣляетъ собою направленіе дѣятельности человѣка и составляетъ главный источникъ различія между отдѣльными личными хозяйствами и дѣятельностью отдѣльныхъ людей; но разнообразія въ самыхъ цѣнностяхъ это обстоятельство не создаетъ: цѣнности служатъ средствами для удовлетворенія потребностямъ вообще, достаточно уже видоизмѣненными и перемѣщенными, чтобы окончательно соотвѣтствовать послѣднимъ.

Отличать отъ потребительной цѣнности мѣновую цѣнность (valeur en échange, Tauschwerth), значитъ смѣшивать понятіе о цѣнности съ другимъ понятіемъ, съ представленіемъ о мѣноспособности, которое возникаетъ при разборѣ обмѣна, купли, продажи и т. д. Мѣновая цѣнность, говорятъ, болѣе опредѣленная величина,

1691, II, стр. 16 — первую, какъ worth, отъ второй, какъ value.;—Срв. *C. Marx*, das Capital, 1, 2.—*Dupont de Nemour*, Physiocratie, стр. 168, основываетъ разграниченіе между biens et richesses на valeur usuelle et v. venale.—*Turgot*, Valeurs et monnaies, стр. 87, ed. Daire, опредѣляетъ valeur échangeable ou appréciative.—*A. Смитъ*, W. of n., 1, 4 положительно поясняетъ, что value in use неуловимая величина, а что value in exchange соотвѣтствуетъ потраченному труду: labour is the ultimate ant real standard, by which the value of all commodities can at all times and places be estimated and compared.—Отъ него односторонне уже указывается *Рикардо*, Principles, 1817 г., гл. 28.—Въ другомъ направленіи неустойчиво поясненіе *Bastiat*, что цѣнность есть le rapport de deux services échangés.

это цѣнность, которая признается многими, къ которой люди относятся болѣе положительнымъ образомъ, которая служитъ измѣреніемъ другихъ цѣнностей и вслѣдствіе общаго признанія, переходя въ обмѣнъ, становится конкретною величиною. Такая всеобщая цѣнность, или точнѣе всеобщая мѣноспособность цѣнности, если становится осязательною экономическою величиною, создаетъ понятіе о *цѣнѣ*, понятіе частное, существенно отличающееся отъ общаго понятія о цѣнности.

Что всякая цѣнность можетъ переходить въ мѣну, это понятно, потому что въ общемъ основаніи потребности людей болѣе или менѣе однокачественны и различаются на столько, на сколько отличаются другъ отъ друга люди по своей организаціи физической, по культурному складу, или по мѣстопребыванію. За удовлетвореніемъ этой сторонѣ экономическаго быта людей, вся остальная совокупность потребностей тождественна, главная масса ихъ общечеловѣческія потребности. Общечеловѣческія потребности не вліяютъ на хозяйство иначе, чѣмъ потребности индивидуальныя. Если же признать различіе между цѣнностями, служащими только на удовлетвореніе потребностямъ отдѣльнаго лица, или такъ называемою потребительною цѣнностью, и тѣми, которыя служатъ всѣмъ людямъ, или мѣновою цѣнностью, то нужно это допустить не только относительно разныхъ лицъ, но и относительно однихъ и тѣхъ же лицъ, но въ разное время, т. е. что въ данное время признается извѣстнымъ лицомъ потребительною цѣнностью, то черезъ короткій промежутокъ времени можетъ для него же сдѣлаться исключительно цѣнностью мѣновою; напр. если корабль пристаетъ къ берегу дикарей и снабжаетъ ихъ предметами, на которые у нихъ потребности еще не существовало, то предметы эти для дикарей, принявшихъ ихъ, являются потребительною цѣнностью, съ распространеніемъ однако потребности въ нихъ, тѣже предметы могутъ пріобрѣсть мѣновую цѣнность.

Очевидно, основнаго различія между цѣнностью потребительною и мѣновою не существуетъ. Нѣтъ цѣнности, признаваемой за таковую только однимъ лицомъ и относительно которой можно было бы сказать, что ни въ какомъ случаѣ, и ни для кого другаго она не явится цѣнностью же. Если бы возможно было указать на такой предметъ, то потребительная цѣнность явилась бы величиной самостоятельною, но она же и выходила бы тотчасъ за хозяйственную область, въ которой разсматриваются одни возмездныя отношенія.

Вообще мѣновая цѣнность, по приведенному опредѣленію, получаетъ такое толкованіе, въ которомъ смѣшивается понятіе о полезности вообще, или внѣшнемъ объектѣ хозяйства вообще, (это то и будетъ потребительная цѣнность) и понятіе о цѣнности съ понятіемъ о цѣнѣ (которая и будетъ собственно осязательная мѣновая цѣнность). Для экономическаго анализа достаточно общаго понятія о цѣнности, а что нѣкоторыя потребности кажутся таковыми въ глазахъ многихъ, а другія въ глазахъ одного,—это явленіе вполнѣ неизбѣжное, имъ только разнообразится видовое признаніе потребностей и оно объясняется дѣленіемъ потребностей на общечеловѣческія и индивидуальныя, причемъ къ удовлетворенію послѣднихъ каждый стремится своеобразнымъ путемъ. Самыя же средства удовлетворенія потребностямъ, или цѣнности, не могутъ распадаться на двѣ группы и послѣднія будутъ несамостоятельны.

Сэ, Рошеръ *) и другіе экономисты говорятъ, что мѣновая цѣнность какого либо блага и ея значеніе для обмѣна на другія блага, основывается на ея потребительной цѣнности; слѣдовательно, они полагаютъ, что понятіе о цѣнности вообще видоизмѣняются тѣмъ, что подобная цѣнность можетъ мѣняться на другія цѣнности. Нужно замѣтить, что Рошеръ для выясненія понятія о цѣнности вводитъ совершенно лишнее, по моему мнѣнію, понятіе о благѣ, такъ какъ понятіе о внѣшнемъ средствѣ хозяйственномъ, можно объяснять гораздо опредѣленнѣе, если держаться представленнаго мною опредѣленія о полезности и цѣнности. По нѣмецкой терминологіи благо (Gut, bien) всетаки является вещью, а потому оно не соотвѣтствуетъ основному опредѣленію Рошера же, что благо—внѣшнее средство для удовлетворенія потребностямъ. Но такимъ внѣшнимъ средствомъ для отдѣльнаго лица являются и чужія услуги, слѣдовательно и ихъ нужно признать за Güter; Рошеръ самъ же указываетъ, что чужія услуги и опредѣленныя отношенія къ другимъ лицамъ, обязательства, служатъ средствами въ хозяйствѣ.

Вотъ почему, логически послѣдовательно соединять съ представленіемъ о цѣнности одно общее понятіе о средствѣ, пригодномъ на удовлетвореніе потребностямъ, которое заимствовано извнѣ, для со-

*) *Say*, Cours etc. I chap. 1. — Срв. *Рикардо* во многихъ мѣстахъ.—*Горловъ*, начала политической экономіи. Спб. 1859 г., т. I, стр. 10—опровергаетъ теорію мѣновой цѣнности.

зиданія котораго послужили полезности и приложеніе къ послѣднимъ трудовъ, по видоизмѣненію или перемѣщенію.

Рошеръ при опредѣленіи мѣновой цѣнности ссылается на Аристотеля, который будто бы въ Политикѣ проводитъ различіе между потребительною и мѣновою цѣнностью. Но Аристотель именно говоритъ (polit. I, 3), что предметы хозяйства служатъ потребностямъ въ извѣстномъ мѣстѣ и случаѣ, а въ другомъ мѣстѣ или случаѣ они обмѣниваются, отчуждаются (metabletike). Аристотель за всѣми цѣнностями признаетъ двоякое назначеніе, но различный способъ пользованія не обусловливаетъ различія цѣнностей, а зависитъ отъ различія цѣлей. Тотъ же Аристотель говоритъ въ Риторикѣ (I, 5), что всѣ цѣнности распадаются на kagrima, приносящія плоды, т. е. капиталы новѣйшей терминологіи, и apolausika, удовлетворяющія нуждамъ, т. е. предметы потребленія; но это видовое разнообразіе, какъ выше указано, а не основное различіе по существу цѣнностей.

Далѣе Рошеръ говоритъ, что цѣнности потребительная и мѣновая не совпадаютъ во многихъ случаяхъ. Но изъ указаній, которыми онъ старается подкрѣпить это замѣчаніе, видно, что онъ говоритъ о совершенно иномъ: что есть много необходимыхъ благъ, т. е. полезностей, которыя не способны къ обмѣну, напр. свѣтъ, солнечная теплота, воздухъ, открытое море и т. п. Мы именно неоднократно подтверждали, что внѣшнія блага, оставаясь въ состояніи полезностей, не подлежатъ видоизмѣненію, перемѣщенію и не пріобрѣтаются мѣною, не входятъ въ оборотъ хозяйственный, и потому же вовсе не становятся цѣнностями. Только тогда, когда для пользованія ими необходимо приложить трудъ, они и являются цѣнностями.

Вода въ открытомъ есть полезность вслѣдствіе даровaго, нехозяйственнаго пользованія ею, но вода, доставляемая разными способами въ дома, есть цѣнность, потому что здѣсь употребленъ трудъ на перемѣщеніе. Воздухъ самъ по себѣ остается даровою полезностію, пока находится въ общедоступномъ пользованіи, но если приложить трудъ для нагрѣванія холоднаго воздуха, или для очищенія комнатнаго, то онъ будетъ уже цѣнностью. Солнечный свѣтъ самъ по себѣ есть неистощимая полезность, но если къ хозяйственному пріобрѣтенію его приложенъ трудъ и совершены траты, то онъ становится цѣнностью, напр. фотографъ, долженъ

устроить помѣщеніе особымъ образомъ, долженъ имѣть приборъ для концентрированія свѣтоносныхъ лучей, все это требуетъ расходовъ, увеличивающихъ стоимость фотографическихъ карточекъ, оплачиваемыхъ заказчиками; слѣдовательно свѣтъ въ этомъ случаѣ уже не полезность, а цѣнность; причемъ въ безвыходномъ положеніи окажется всякій изслѣдователь, который приметъ на себя рѣшить вопросъ, есть-ли это потребительная, или мѣновая цѣнность. Напрасно Рошеръ полагаетъ, что нѣкоторыя цѣнности не пріобрѣтаютъ вовсе мѣноваго значенія, что онѣ къ этому не пригодны, это значитъ предполагать существованіе безвозмездныхъ цѣнностей, между тѣмъ какъ даровыми можно себѣ представить однѣ только полезности, не можетъ быть и рѣчи о цѣнностяхъ, лишенныхъ всякой мѣноспособности (Tauschfähigkeit). Другія же цѣнности, повторяетъ далѣе Рошеръ, находятся въ такомъ обиліи, что они доступны всѣмъ и безъ всякаго усилія можно ими пользоваться, такъ напр. вода для питья, ледъ зимою въ сѣверныхъ странахъ, дрова въ первобытномъ лѣсу. Хорошенько одумавшись, всякому это замѣчаніе покажется весьма сомнительнымъ. Вода для питья не имѣетъ мѣновой цѣнности, т. е. она полезность, если каждый пьющій будетъ самъ ее черпать, но въ большинствѣ случаевъ она разносится и тогда является цѣнностью и имѣетъ мѣновую цѣну. Ледъ зимою не имѣетъ мѣновой цѣнности тамъ, гдѣ его слишкомъ много и когда имъ пользуются непосредственно, но гдѣ требуется его доставка, тамъ онъ цѣнность, напр. въ Америкѣ ведется торговля льдомъ, доставкою его изъ сѣверныхъ штатовъ въ южные занимаются цѣлые десятки кораблей и главнымъ складочнымъ пунктомъ его служитъ Бостонъ. Дрова, даже въ первобытномъ лѣсу, точно также могутъ имѣть мѣновую цѣнность, т. е. цѣну, если лицо занимаясь охотою, не имѣетъ времени приготовлять себѣ дрова и входитъ въ соглашеніе съ своимъ сосѣдомъ, т. е. часть своей добычи обмѣниваетъ на дрова; очевидно дрова получаютъ мѣновую цѣнность, или по нашей терминологіи цѣну. Слѣдовательно, мнѣніе Рошера, что при крайнемъ обиліи цѣнности не составляютъ предмета мѣны, относится только къ полезностямъ и даровому пользованію ими; а на степени полезности всѣ средства потребленія даровыя и не только не имѣютъ мѣноспособности, но вообще не являются предметомъ какихъ бы то ни было усилій, затратъ, а потому и не становятся цѣнностями.

Понятіе о мѣновой цѣнности не составляетъ особой категоріи, потому что совершенно безразлично, создаетъ-ли человѣкъ путемъ мѣны или производства въ тѣсномъ смыслѣ, путемъ видоизмѣненія или перемѣщенія, средства, годныя для удовлетворенія потребностямъ. Если только, для сближенія даннаго хозяйственнаго средства съ потребностями человѣка, потребовалась затрата или усиліе, тотчасъ возникаетъ цѣнность, такъ что въ понятіе цѣнности необходимо включать и понятіе о пригодности вещи для потребленія, и понятіе объ усиліи, совершаемомъ для окончательнаго сближенія съ потребностями. Какъ скоро нѣтъ послѣдняго изъ этихъ условій, то это будетъ полезность.

§ 26. Полезности, труды и цѣнности, какъ факторы въ производствѣ.

Основное хозяйственное начало состоитъ въ томъ, что человѣкъ стремится съ наименьшими усиліями добыть наибольшее количество средствъ къ удовлетворенію потребностямъ; а если полезности служатъ прямо и даромъ человѣку, то нѣтъ и помину о хозяйственномъ *отношеніи*, потому что *при даровомъ пользованіи человѣкъ* не хозяйничаетъ, не разсчитываетъ свое слабосиліе съ размѣрами присущихъ ему потребностей **).

По Мэклауду экономическое ученіе должно заниматься только мѣновыми цѣнностями, т. е. тѣми способами передачи цѣнностей изъ рукъ въ руки, которые представляются возможными, такъ что ученіе о мѣновыхъ оборотахъ исчерпываетъ содержаніе политической экономіи. Первый высказалъ туже мысль Уотлей (Whately).

Коммунистическія ученія воспользовались представленіемъ о мѣновой цѣнности для того, чтобы вывести необходимость устранить всякій обмѣнъ, а водворивъ одни только потребительныя цѣнности, доставить всѣмъ и каждому средства потребленія инымъ путемъ, чѣмъ мѣною, при которой разыгрываются эгоистическіе интересы. При существованіи мѣны существуютъ посредники — деньги, которыя не имѣютъ значенія для потребленія, а служатъ только для

**) Не вполнѣ удачно указаніе на тотъ же фактъ у Кэри—*Carey*, principles of social science, 1861, VI, 9—, по немъ utility служитъ мѣриломъ для власти человѣка надъ природою, а value для власти природы надъ человѣкомъ; что измѣненія той и другой совершаются въ прямой противуположности.

Профессоръ Э. Вреденъ.
Типографія и Литографія Кн. В. Оболенскаго уголъ, Ник. и Стрем. № 3—22.

мѣны и пріобрѣтаются путемъ мѣны; требуется водворить такой порядокъ хозяйства, при которомъ создавались бы однѣ только потребительныя цѣнности *), которыя могутъ переходить прямо къ лицу нуждающемуся, и никакой мѣны и посредничества болѣе не будетъ.

Цѣнность, какъ основной объектъ всего хозяйства, какъ главный предметъ, надъ которымъ совершается экономическая дѣятельность человѣка, является результатомъ той борьбы, въ которую вступаетъ послѣдній со средою, результатомъ заимствованій изъ обстановки, приспособленія къ потребностямъ и перемѣщенія; только при этихъ двухъ существенныхъ условіяхъ возникаетъ цѣнность *). Именно необходимо, чтобы 1) въ данномъ предметѣ или явленіи среды признавалась полезность, чтобы человѣкъ былъ убѣжденъ, дошелъ до сознанія о томъ, что данное внѣшнее благо служить его потребностямъ можетъ; и 2) если подобное внѣшнее средство даровымъ способомъ въ пользованіе и на поддержку существованія человѣка не переходитъ, чтобы оно было соотвѣтственно видоизмѣнено и сдѣлано на столько же пригоднымъ для пользованія при потребленіи, на сколько пригодны даровыя полезности. Вотъ экономическій источникъ появленія цѣнности. Степень же удовлетворенія, которое получается отъ цѣнности чрезвычайно различна для отдѣльныхъ лицъ и эпохъ, но это зависитъ отъ характера самыхъ потребностей, а не отъ качества цѣнностей.

Такимъ образомъ, результатомъ дѣятельнаго отношенія человѣка къ средѣ является цѣнность, а самый процессъ возникновенія цѣнностей принято называть *производствомъ*. Производство, какъ процессъ создающій цѣнность, заключаетъ въ себѣ элементы, соотвѣтствующіе всѣмъ тѣмъ основнымъ условіямъ, безъ которыхъ вообще цѣнность не мыслима.

---

*) *Proudhon*, Système des contradictions économiques, 1846, Ch. 2.—*Mangoldt*, Grundriss der Volkswirthschaftslehre, 1863 стр. 2.—*Schäffle*, die nationalökonomische Lehre vom Werth, 1862.—*Lindwurm*, Theorie des Werthes (въ Ihrb. f. N. und St, 1865 г., 1, 3 и 4).

**) Напрасно *J. St. Mill*—Principles of political economy, London, 1852, I, 587—полагаетъ, что «value is a relative expression.»—На столько же лишены экономическаго смысла и тѣ разновидности, которыя въ цѣнностяхъ различаетъ *Rau*, Volkswirthschaftslehre, Leipzig, 1860—70. Не случаи, степени и размѣры пригодности (Brauchbarkeit) по *Roscher* стр. 5), а сама воплощенная во внѣшнемъ средствѣ хозяйства пригодность и составляетъ экономическую цѣнность.

Для производства цѣнностей прежде всего необходимъ матеріалъ, которымъ и являются полезности; поэтому производство на столько успѣшно, на сколько существуетъ полезностей въ данной мѣстности и на сколько онѣ доступны. Затѣмъ цѣнность предполагаетъ для своего возникновенія видоизмѣненія, перемѣщенія, совершаемыя надъ полезностью, а дѣятельность человѣка, служащая къ достиженію этихъ цѣлей, носитъ техническое названіе—труда. И такъ второй элементъ при созиданіи цѣнностей есть трудъ, въ смыслѣ дѣятельности, которая совершается надъ полезностями, имѣетъ въ результатѣ цѣнность и заключается въ сближеніи внѣшнихъ средствъ съ потребностями человѣка. Самыя тяжкія усилія, не имѣющія послѣдняго характера, трудомъ считаться не могутъ.

Первымъ проводникомъ всякаго труда человѣка служитъ его организмъ. Но физическіе органы человѣка являются въ высшей степени дряблыми и слабыми въ трудѣ, а непосредственное пользованіе для труда одними ими не соотвѣтствуетъ тому экономическому требованію, чтобы съ наименьшими усиліями добыть средства наибольшаго удовлетворенія. Человѣкъ весьма рано долженъ былъ придти къ тому опыту, что если онъ для борьбы съ средою выбираетъ себѣ посредниковъ, то тѣмъ уже значительно увеличиваетъ дѣйствіе своихъ мышечныхъ движеній, такъ что почти устраняетъ экономическую слабость своего тѣла.

Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ воспользовался первымъ звѣремъ или птицею, схвативъ камень, и бросивъ его, убилъ добычу. Вообще, какъ только человѣкъ приступилъ къ труду, онъ тотчасъ запасся орудіями; а что при усвоеніи орудій человѣкъ исходилъ изъ сознанія слабости своихъ органовъ, на это указываетъ, по замѣчанію Рошера, самая форма первобытныхъ орудій, напр. молотокъ напоминаетъ форму сжатой въ кулакъ кисти руки, вся рука послужила образцомъ для лука, сведенное пятиперстіе или ладонь образцомъ для лопаты и т. д. Очевидно, наблюденіе надъ слабостью своихъ тѣлесныхъ органовъ привело человѣка къ изобрѣтенію орудій.

Такимъ образомъ, производство невозможно безъ трехъ условій, матеріала, труда и орудій. На основаніи этого оно и представляетъ совмѣстное дѣйствіе, или участіе трехъ экономическихъ явленій, которыя вслѣдствіе своей необходимости, вслѣдствіе того, что только при ихъ сочетаніи возникаетъ производство, принято въ наукѣ называть *основными элементами*, или *факторами производ-*

ства. Среду, дающую полезности, принято въ теоріи называть, хотя и не вполнѣ удовлетворительно, *природою*. Всѣ тѣ внѣшнія средства, которыя являются посредниками, связью между дѣятельностью человѣка и полезностями, такъ какъ они далеко не всегда подходятъ подъ названіе орудій, принято называть общимъ терминомъ *капиталъ;* это всякаго рода цѣнности, заранѣе созданныя и служащія какъ бы посредниками при приложеніи *труда* человѣка къ сырью.

Указанные три элемента производства: суровье, или полезности среды, трудъ и орудія, или капиталъ, являются основными факторами производства, а потому вопросъ объ относительной ихъ важности въ производствѣ не имѣетъ значенія. *) Если производство немыслимо безъ совмѣстнаго дѣйствія всѣхъ трехъ факторовъ, то безцѣльно разсуждать, который изъ нихъ важнѣе, они всѣ одинаково важны. Поэтому дѣленіе, введенное въ экономическую литературу Сэемъ, на первоначальные и производные факторы производства, не имѣетъ научнаго значенія. Конечно, полезности даны самою природою, они первоначальный факторъ; и трудъ также явленіе не зависящее отъ самаго производства, представитель его человѣкъ явился вмѣстѣ съ міромъ, слѣдовательно и трудъ—первоначальный факторъ; а капиталъ, орудія и всѣ цѣнности, которыя съ такою цѣлью употребляются въ производствѣ, конечно, видоизмѣнены изъ полезностей и созданы трудомъ; они очевидно производный элементъ. Но изъ приведенной посылки получить какой либо научный выводъ совершенно невозможно. Если капиталъ необходимъ для производства въ равной мѣрѣ, какъ трудъ и полезности, то все различіе между первоначальными и производными факторами превращается въ историческое замѣчаніе, которое даже излишне, потому что и безъ того понятно, что капиталъ приготовленъ предварительно трудомъ изъ полезностей.

---

*) См. о другихъ своеобразныхъ воззрѣніяхъ на производство у *Буше,* Основанія политической экономіи, стр. 20—23.

ГЛАВА VI.

Стихія или природа, какъ первый элементъ производства.

§ 27. Внѣшняя среда, какъ совокупность полезностей и какъ матеріальное поприще хозяйства.

И такъ, элементомъ производства является, во-первыхъ, совокупность полезностей, какого бы вида онѣ не были, которыми изобилуетъ среда и совокупность которыхъ, за неимѣніемъ другаго, болѣе удовлетворительнаго термина, называютъ природою или стихійными дѣятелями (agents naturels, la nature, äussere Natur). Полезности естественно представляются въ мірѣ или въ видѣ силъ, или въ видѣ вещества и конкретныхъ предметовъ. Дѣленіе природы въ разбираемомъ смыслѣ на предметы, которые поддаются захвату, имѣютъ мѣновую цѣнность, и на такія, которыя распространены въ такомъ обиліи, что въ обмѣнъ нейдутъ, не имѣетъ значенія, потому что мѣноспособно все то, что можетъ быть отчуждаемо и вообще предметомъ собственности и владѣнія. Въ извѣстныхъ случаяхъ нѣкоторыя силы природы и нѣкоторыя виды вещества мѣноспособны, ими владѣютъ, а въ другихъ случаяхъ тѣже предметы и стихійныя дѣятели никогда не становятся даже цѣлью владѣнія и собственности.

Вообще различіе полезностей на мѣноспособныя и немѣноспособныя, не основано на ихъ существѣ и приводитъ къ группамъ, которыя при однихъ условіяхъ являются съ однимъ содержаніемъ, а при иныхъ съ другимъ.

На мой взглядъ, важно различать силы, представляющіяся факторами въ производствѣ, отъ конкретнаго вещества, которое участвуетъ наравнѣ съ силами. Связь между ними, конечно, неразрывна; въ смыслѣ проявленія свойствъ, сила непремѣнно привязана къ веществу, и въ свою очередь форма и качества вещества зависятъ отъ силъ; такъ твердое тѣло подъ вліяніемъ теплоты и другихъ реактивовъ можетъ превратиться въ жидкое, жидкое въ газообразное, а подъ другими вліяніями наоборотъ. Однимъ словомъ, форма вещества зависитъ отъ силъ, силы же является какъ бы качествами тѣлъ. Но въ стихіи или средѣ, какъ экономическомъ факторѣ, различеніе силъ и веществъ именно потому важно, что силы большею частью являются въ производствѣ даровыми и срав-

нительно неистощимыми; такъ что конечность, которая считается главнымъ отличіемъ всего міроваго порядка, эта конечность, по-крайней мѣрѣ съ экономической точки зрѣнія, относительно силъ вовсе не осязательна. Стихійныя дѣятели являются съ перерывами въ своемъ дѣйствіи, но послѣднее опять возникаютъ помимо участія человѣка.

Въ общемъ положеніи, сила является какъ бы не подлежащею истощенію, вещество же напротивъ оказывается въ ограниченномъ количествѣ. Слѣдовательно, производство, основанное преимущественно на пользованіи силами, болѣе обезпечено содѣйствіемъ природы, чѣмъ то, для котораго важнѣе вещество и вещественные предметы.

Однако, и вещество и силы, которыя въ смыслѣ экономическихъ полезностей поддерживаютъ производство, либо размѣщены надъ поверхностью земною, въ атмосферѣ, либо въ нѣдрахъ ея, либо на поверхности земли. Это разнообразіе, въ мѣстѣ нахожденія силъ и полезностей въ средѣ или въ природѣ, обусловливаетъ и различную степень содѣйствія, или различную способность ихъ поддерживать производство. Всѣ тѣ полезности, которыя сосредоточены въ надземномъ воздушномъ слоѣ, который называется атмосферою, всѣ онѣ вполнѣ находятся въ даровомъ пользованіи и притомъ пользованіе ими не является ограниченнымъ, а потому ихъ содѣйствіе въ производствѣ особенно успѣшно, неистощимо и важно. Всякое производство настолько выгоднѣе, на сколько удается привлечь къ участію въ немъ даровыя силы.

Но хотя онѣ не представляются ограниченными въ мірѣ, однако онѣ оказываются въ высшей степени неравномѣрно распредѣленными. Неравномѣрность распредѣленія полезностей вообще зависитъ отъ того положенія всего земнаго шара, которое послѣдній занимаетъ въ планетной системѣ. Вслѣдствіе того, распредѣленіе все-таки болѣе или менѣе правильно, оно идетъ кругомъ всего земнаго шара опредѣленными полосами съ извѣстною постепенностью между крайностями; а потому въ экономическомъ отношеніи, по обилію и распредѣленію полезностей, весь земной шаръ распадается на поясы *).

*) Срв. *Turgot*, Geographie politique, 1750 г., II, 611.—*K. P. Zachariae*, Idee einer volkswirthschaftlichen Geographie etc. въ 40 Bücher vom. Staate, II, 79.—*Comte*, traité de législation, 1827 г.

Въ данномъ же мѣстѣ производство разнообразится не только по своимъ видамъ, въ зависимости отъ естественныхъ полосъ всѣхъ царствъ природы, но одно и тоже производство въ разныхъ поясахъ и мѣстахъ земного шара, встрѣчая различную поддержку со стороны силъ и вещества, даетъ совершенно различные результаты, при томъ же трудѣ и томъ же капиталѣ.

Дѣйствительно, каждый промыселъ, культура отдѣльныхъ растеній и хозяйственное распространеніе разныхъ животныхъ, имѣютъ опредѣленныя границы; но и помимо этихъ крайнихъ предѣловъ огромная разница существуетъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ, имѣющимъ одинаковое разстояніе отъ крайнихъ предѣловъ вслѣдствіе разнообразія въ атмосферныхъ явленіяхъ, напр. наша пшеница бѣлотурка и краснотурка, и пшеница вывозимая изъ остзейскихъ портовъ содержитъ больше отрубей, нежели, наприм., пшеница испанская. Точно также содержаніе азота въ пшеницѣ, почти одинаковыхъ полосъ и съ одинаковымъ урожаемъ, чрезвычайно различно: наша пшеница содержитъ отъ 6 до 7%, а алжирская отъ 20 до 27%. Разница зависитъ не отъ большаго или меньшаго приложенія труда и капитала, но отъ вліянія даровыхъ стихійныхъ дѣятелей.

Точно также, огромное значеніе имѣетъ распредѣленіе по поверхности земнаго шара воды и суши. Каждый островъ имѣетъ менѣе выгодное отношеніе къ морю, чѣмъ полуостровъ, такъ какъ послѣдній цѣлою стороною своею, болѣе или менѣе широко, связанъ еще и съ материкомъ.

Не смотря на то, что для острова море болѣе доступно, островное населеніе всегда оказывается болѣе рѣзко разграниченнымъ, по всѣмъ своимъ качествамъ физическимъ и умственнымъ, и по своему экономическому быту, чѣмъ материковое населеніе. Такъ одно уже размѣщеніе моря и суши, одна географическая форма суши, или по выраженію *) географа Риттера разчлененіе послѣдней, или извилистость береговой линіи, прямо опредѣляетъ большій или меньшій успѣхъ общей культуры для населенія, на основаніи большой поддержки стихій. Степень извилистости береговъ опредѣляется отношеніемъ длины береговой линіи къ пространству материка. Чѣмъ больше это отношеніе, тѣмъ выгоднѣе положеніе страны. Европа

*) *Carl Ritter*, Europa, 1862 г. и др. его сочиненія.

въ этомъ отношеніи находится въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ Азія и Африка. Дѣйствительно, мы видимъ, что Европа съ давнихъ поръ стоитъ въ главѣ развитія культурнаго, она отличается наибольшею общительностью сравнительно съ другими странами, сама навязывается на сношенія съ другими народами и по всему свѣту распространяетъ свою, болѣе высокую, культуру, между тѣмъ какъ страны съ меньшею береговою линіею—Азія и Африка—суть страны застоя и замкнутости. Сѣверная Америка имѣетъ гораздо болѣе развитую береговую линію, чѣмъ южная, а потому мы видимъ и болѣе высокое культурное развитіе въ сѣверной Америкѣ, чѣмъ въ южной, не смотря даже на то, что для сѣверной Америки, почти совершенно закрыто море съ сѣвера, вслѣдствіе продолжительности его замерзанія и опасности плаванія. Еще болѣе убѣдительный примѣръ, важности и значенія развитія береговой линіи, мы видимъ въ господствѣ разныхъ частей свѣта надъ Средиземнымъ моремъ. Господство надъ этимъ моремъ принадлежало всегда и теперь той странѣ, которая обладаетъ наибольшею береговою линіею на этомъ морѣ, т. е. Европѣ, слѣдующее за нею мѣсто занимаетъ Азія, а меньше всего пользуется этимъ моремъ Африка, такъ какъ ея береговая линія развита здѣсь слабѣе, нежели линіи Азіи и Европы.

Успѣхъ европейской культуры указываетъ, до какой степени успѣваетъ всякое производство, при одинаковомъ трудѣ и затратахъ, отъ поддержки стихійныхъ дѣятелей и вообще отъ обстановки полезностями, которыя среда представляетъ въ данномъ мѣстѣ.

Самое положеніе мѣстности, относительно другихъ частей суши, имѣетъ важное значеніе въ развитіи хозяйства. Такъ если центромъ окружности, которая раздѣлитъ земной шаръ на двѣ равныя части, избрать Гибралтарскій проливъ, то въ одномъ полушаріи получится вся почти масса суши, въ другомъ преимущественно воды; средину же материковаго полушарія займетъ Европа. Это центральное положеніе, среди прочей суши, въ немалой степени объясняетъ, почему въ ней сосредоточилась вся культура человѣчества, не смотря на то, что равная Австраліи, она по величинѣ уступаетъ Африкѣ въ три, Америкѣ въ четырѣ, а Азіи въ четыре съ половиною раза. Европейская промышленность, образованность и европейская обстановка жизни съ XV ст. все болѣе и болѣе распространяются въ другихъ частяхъ свѣта, и гдѣ бы ни водворялись, по всюду пріобрѣтаютъ господство надъ туземнымъ; такъ что въ новѣйшее время вся земная поверхность распадается на два культурныхъ міра: европейскій и и неевропейскій, причемъ первый явно преобладаетъ. Въ составъ перваго естественно входятъ, кромѣ европейскаго континента, колоніи Европы и колоніальныя государства, что вмѣстѣ даетъ около $^3/_5$ всей земной поверхности и

до $^2/_3$ всего населенія земнаго шара (безъ колоніальныхъ государствъ Европа съ подвѣдомственными ей колоніями держитъ въ прямой зависимости отъ себя до 32% земной поверхности, съ 43$^1/_2$% ея населенія). Изъ внѣшнихъ особенностей мѣстности, также немалое вліяніе на народный бытъ имѣетъ взаимное отношеніе суши и воды. Не говоря объ естественныхъ богатствахъ моря, нерѣдко обезпечивающихъ вполнѣ существованіе жителей безплодной береговой полосы, главное значеніе его заключается въ томъ, что оно доставляетъ самое удобное средство къ сообщеніямъ, основному условію всякаго развитія. Европа въ этомъ отношеніи пользуется огромными выгодами: ея морская граница, обнимая континентъ съ трехъ сторонъ, имѣетъ протяженіе въ 4300 геогр. миль (съ островами даже 6000), между тѣмъ какъ только на В., съ четвертой стороны, она прилегаетъ къ азіатскому материку, да и то на протяженіе всего 360 г. м. Выгоды отъ сосѣдства съ моремъ довольно точно измѣряются протяженіемъ береговъ и отношеніемъ береговой линіи къ пространству материка. Въ этомъ отношеніи наша часть свѣта пользуется преимуществомъ предъ остальными, хотя Африка примыкаетъ къ материку только однимъ узкимъ Суэзскимъ перешейкомъ, а Австралія вся состоитъ изъ острововъ. На европейскомъ материкѣ приходится 1 миля береговаго протяженія на 40 кв. м. внутренняго пространства, а если сюда прибавить и береговую линію острововъ, то на менѣе чѣмъ 30 кв. м.; между тѣмъ въ Сѣв. Америкѣ 1 м. берега приходится на 60 кв. м., въ Новой Голландіи на 73, въ Южной Америкѣ на 97, въ Азіи на 105, въ Африкѣ на 152 кв. м. Важность близкаго сосѣдства съ моремъ для народнаго хозяйства очевидна, если обратить вниманіе на то, что передовое между европейскими государствами по промышленности и торговлѣ—Великобританія занимаетъ два острова. Значительное протяженіе береговъ получилось въ Европѣ отъ большаго разчлененія материка, т. е. отдѣленія полуострововъ и острововъ, причемъ образованіе первыхъ важнѣе, такъ какъ на островахъ сосѣдство съ моремъ доставляетъ выгоду только тому незначительному пространству суши, которое занимаетъ островъ, на полуостровѣ же часть удобствъ отъ моря отражается и переходитъ на сосѣднія мѣстности прилѣжащаго материка. Въ Европѣ пространство отдѣльныхъ частей континента равняется 50,000 кв. м., причемъ на острова приходится только 8,000 кв. м., а остальныя 42,000 кв. м. на полуострова; слѣдовательно отдѣльные члены составляютъ болѣе $^2/_7$ частей всего материка. Въ остальныхъ частяхъ свѣта разчлененіе менѣе значительно; Южная Америка и Африка почти вовсе не имѣютъ полуострововъ, въ Азіи материковые члены составляютъ $^1/_6$ общаго пространства, въ Сѣв. Америкѣ $^1/_{11}$, Австралія же излишне изорвана и ея острова до того малы и разбросаны, что это преобладаніе моря надъ сушею болѣе разъединяло, чѣмъ сближало. Собственно масса, корпусъ, европейскаго континента заключается въ треугольникѣ, который острымъ своимъ угломъ (у Бискайскаго залива) направленъ къ западу, а основаніемъ, на востокѣ, прилегаетъ къ азіатскому материку (вдоль Урала, хребта и рѣки), почему съ З. на В. въ Европѣ все болѣе и болѣе усиливается континентальный характеръ материка и уменьшаются выгоды отъ сосѣдства съ моремъ. Вообще же, материкъ господствуетъ надъ внѣшними водами, такъ что если Средиземное съ Чернымъ, Нѣмецкое и Балтійское моря считать внутренними европейскими морями, то ихъ площадь (прибл. 80,000 кв. м.) будетъ относиться къ пространству европейской суши какъ 1: 2. Послѣ внѣшнихъ особенностей мѣстности, т. е. климата, положенія и очертанія, слѣдуетъ самое строеніе ея поверхности, распредѣленіе горъ и рѣкъ. Въ Европѣ горы не служатъ пре-

градами къ сообщенію, а расположены не слишкомъ высокими цѣпями или параллельно, или расходясь отъ одного узла во всѣ направленія, такъ что образуются долины продольныя и поперечныя, которыя облегчаютъ проложеніе дорогъ и даже водяныхъ путей. Террасообразныхъ сплошныхъ возвышенностей, какъ въ средней Азіи и Африкѣ, не существуетъ въ Европѣ, поэтому отдѣльныя покатости никогда не представляли того разъединенія, которое до сихъ поръ замѣчается въ Азіи, гдѣ Иранская покатость—передняя Азія—рано и самостоятельно развила замѣчательную гражданственность (Зендская культуру), которую передала однако не прочимъ частямъ Азіи, а Европѣ; одновременно и также ограничиваясь одною южною покатостію среднеазіатскаго плоскогорья возникла Санскритская культура на переднемъ полуостровѣ Остъ-Индіи; восточная покатость—Китай по изолированности и исключительности вошелъ въ пословицу; наконецъ сѣверная покатость — Сибирь самою природою поставлена внѣ прочихъ культурныхъ сферъ Азіи, и наиболѣе открытая съ З., примкнула къ Европѣ. Горы вообще разъединяютъ, обособляютъ, въ Европѣ же строеніе поверхности не отнимаетъ у жителей возможности одолѣть эти естественныя преграды и европ. государства при постоянныхъ сношеніяхъ составляютъ одну общую систему, интересы каждаго сдѣлались общеевропейскими вопросами. Большая часть европ. материка занята равнинами, и только $^2/_7$ общаго пространства (ок. 50 000 кв. м.) покрыты горами. Вообще весь материкъ чертою отъ устья Днѣстра раздѣляется на гористую ЮЗ., меньшую часть, и на ровную СВ., большую часть. Восточная часть Европы, составляющая европ. Россію растилается внѣ горныхъ системъ западной, исключеніе представляютъ на СЗ. незначительныя гранитныя отрасли Скандинавскихъ Альпъ, въ В. К. Финляндскомъ, Архангельской и Олонецкой губерніяхъ, и отрасли Карпатской системы на ЮЗ., въ Царствѣ Польскомъ, Волынской, Подольской, Кіевской губерніяхъ и Бессарабіи. Первыя нигдѣ не поднимаются выше 180 саженъ, окаймляютъ водоемы озерной области, не соединяясь въ рѣзко выступающій хребетъ. Вторыя въ Ц. Польскомъ образуютъ по обѣимъ сторонамъ Вислы возвышенныя площади съ немногими вершинами (Лысагура—2500 ф.), эти такъ наз. *Сендомирскія* и *Люблинскія* горы богаты желѣзомъ и цинкомъ. Другая отрасль,—*Авратынскія* горы—состоитъ изъ мѣлу и изобилуетъ дубовымъ лѣсомъ. Вообще ни въ одномъ государствѣ Европы не преобладаетъ въ такой степени форма равнины, какъ въ Россійской имперіи: и въ Европѣ и въ Азіи Россія занимаетъ двѣ низменности разграниченныя, но не раздѣленныя, широкимъ хребтомъ Уральскимъ на меньшую западную, и большую—восточную. Сѣверная полоса европейской равнины есть еще прямое продолженіе тундровъ и лѣсовъ З. Сибири, точно также и на Ю. Уралъ постепенно теряется въ прикаспійской низменности, а степныя низовья Волги, Дона и Днѣпра должны считаться какъ бы продолженіемъ Туранской степи. Главное отличіе между указанными половинами территоріи Имперіи состоитъ въ направленіи ихъ покатостей: европейская равнина Россіи составляетъ четыреугольникъ, окаймленный горами по краямъ и нѣсколько возвышенный въ срединѣ, почему и состоитъ изъ нѣсколькихъ полосъ; Сибирь же заключаетъ въ себѣ одну С. покатость Азіи и прорѣзана горами только по южной окраинѣ и въ восточной своей части. *Уралъ*, тянущійся на протяженіи сл. 2000 верстъ, при посредственномъ возвышеніи отъ концовъ (съ С. и Ю.) къ срединѣ, представляетъ широкій поясъ въ средней своей части, съ такимъ медленнымъ поднятіемъ, что около Екатеринбурга переѣздъ по большому Сибирскому тракту ничѣмъ не на-

поминаетъ высоту мѣстности. Движеніе великорусскихъ переселенцовъ въ Сибирь не встрѣчало никакихъ естественныхъ преградъ. Въ сѣверной части хребетъ пустынный и лѣсистый, въ средней части только оживленъ около центровъ горной промышленности, впрочемъ дикъ и невоздѣланъ, въ южной живописенъ, богатъ плодородными долинами и пріисками, но слабо населенъ. Ископаемое богатство Урала, по справедливому замѣчанію Риттера, придаетъ ему особое значеніе: едва ли Россія безъ него могла бы развить столь громадныя силы, какъ теперь, и поддерживать съ успѣхомъ свое вліяніе въ Европѣ и Азіи, далеко отъ того и другаго склона хребта.

Важность участія природы въ производствѣ, послѣ всего сказаннаго, очевидна, и нѣтъ надобности приводить больше примѣровъ. Но необходимо указать, что важность экономическая можетъ рости въ той мѣрѣ, въ какой природа доступна къ даровому пользованію. Экономически же полезности существуютъ для человѣка въ томъ смыслѣ, что по мѣрѣ умѣлости и знакомства, онѣ въ соотвѣтственномъ количествѣ какъ бы приращаются для хозяйства. Но главные виды вещества и силъ до значительной степени связаны съ сушею, а суша является опредѣленнымъ пространствомъ, на сушѣ и самъ человѣкъ и всякое вещество, всякая полезность требуютъ для себя мѣста; послѣднее же существуетъ въ ограниченномъ только количествѣ, а потому тѣ силы и виды вещества, участіе которыхъ въ производствѣ не мыслимо безъ связи ихъ съ пространствомъ, доступны для хозяйства только въ ограниченномъ количествѣ.

§ 28. Внѣшнія условія, опредѣляющія участіе полезностей въ производствѣ: ихъ повсемѣстность, или ограниченная доступность.

Въ извѣстныхъ случаяхъ изъ природы необходимо заимствовать для производства силы, а въ другихъ вещество, эти случаи однако не имѣютъ экономическія значенія. Гораздо важнѣе то, что нѣкоторыя силы и вещества, или полезности, прямо служатъ потребностямъ человѣка и что въ такомъ случаѣ они факторами въ производствѣ не являются: свѣтъ, воздухъ непосредственно служатъ человѣку для поддержанія отправленій его организма, и человѣкъ, пользуясь воздухомъ при этомъ не соблюдаетъ основнаго хозяйственнаго начала, съ наименьшими усиліями достигнуть наибольшихъ результатовъ, при вдыханіи и выдыханіи подобнаго стремленія не существуетъ. По этому все то, что относится до даровaго служенія природы человѣку, не подлежитъ экономическому анализу, такія полезности не входятъ въ кругъ хозяйственныхъ явленій и не пріобрѣтаютъ зна-

ченія экономическихъ величинъ. Въ составъ явленій производственныхъ входятъ только тѣ полезности, которыми человѣкъ пользуется при извѣстныхъ затратахъ, т. е. хозяйственнымъ образомъ.

Послѣднія полезности, по міровому порядку, находятся или въ такой распространенности, что какъ будто неограничено ихъ количество, или же онѣ являются съ такою рѣдкостью, что количество ихъ исчерпаемо, если и не непосредственно, то покрайней мѣрѣ предѣльно и необщедоступно пользованіе ими. На первый разъ экономическою особенностью полезностей является указанное обстоятельство. Сама по себѣ ограниченность или неограниченность не совпадаютъ съ тѣмъ, что извѣстные агенты и представители разныхъ царствъ природы находятся повсемѣстно, какъ воздухъ, электричество и т. д., другіе же только въ данныхъ мѣстахъ. Повсемѣстность отличается отъ ограниченности и неограниченности, но по экономическому значенію для производства онѣ вполнѣ равносильны.

Полезности ограниченныя, при умѣньи пользоваться средою, могутъ физически истощаться, а экономически даже расти такъ, что истощеніемъ ихъ вообще не слѣдуетъ о заботиться: такъ открытіе каменнаго угля уничтожило всѣ опасенія послучаю истощимости древеснаго топлива. Въ этомъ смыслѣ опытъ прямо указываетъ, что въ общей массѣ своей полезности, какъ средства необходимыя для производства, насколько человѣкъ располагаетъ ими съ умѣніемъ, неистощимы. Однако повсемѣстность имѣетъ вліяніе и на это общее положеніе, именно то обстоятельство, что въ средѣ наличной все прикрѣплено къ мѣсту, и вызываетъ существенное ограниченіе въ экономическомъ понятіи объ неистощимости міра.

Повсемѣстность или неповсемѣстность (emplacement) *) особенно явственно выступаетъ относительно тѣхъ полезностей, которыя прикрѣплены къ твердому пространству; а способъ привлеченія къ участію въ производствѣ силъ и веществъ, связанныхъ съ сушею, является инымъ, чѣмъ пользованіе полезностями несвязанными съ мѣстомъ.

*) *М. Волковъ*: Разъясненіе раціональныхъ основаній политической экономіи, Спб., 1872 г., гл. 1, говоритъ: «Если бы вещественность была одарена свойствомъ *всемѣстности*, подобно мыслямъ, знаніямъ, истинамъ, которыми могутъ пользоваться одновременно многіе люди и каждый по своему произволу, собственности не образовалась бы, и даже трудно предполагать, чтобы какое нибудь понятіе о подобномъ явленіи могло возникнуть въ умахъ.—Срв. его же, Lectures d'économie politique rationelle, 1861 г., стр. 90 и 157.

Это дѣленіе служитъ основаніемъ при всѣхъ дальнѣйшихъ вопросахъ о томъ, на сколько для успѣшности труда общедоступно участіе полезностей и насколько необходимо содѣйствіе общественное для того, чтобы сдѣлать пользованіе полезностями по возможности равномѣрнымъ.

На сколько въ этомъ отношенія тѣ или другія требованія правильны, на сколько здѣсь возможно примиреніе, рѣшается на основаніи вопроса о томъ, на сколько ограниченность полезностей, поддерживающихъ производство, опредѣляетъ доступность, или недоступность средствъ производства для всѣхъ и каждаго.

Шеффле въ своей системѣ (§ 62, I, 115) дѣлитъ полезности на 4 группы. Одни изъ нихъ распространены повсемѣстно, это *космо-теллурныя*, напр. свѣтъ, электричество, сила тяготѣнія. теплота; другія основныя вещества входятъ въ составъ атмосферы, какъ кислородъ, водородъ, азотъ, углеродъ и разные осадки; третьи находятся въ нѣдрахъ земли; а четвертыя относятся къ царству растительному и животному. Это дѣленіе, основанное на внѣшнемъ перечисленіи полезностей, научнаго содержанія не имѣетъ. Единственно научное, экономическое дѣленіе будетъ то, если принять во вниманіе повсемѣстность или неповсемѣстность полезностей. Тогда на первомъ мѣстѣ является вопросъ: слѣдуетъ-ли поддерживать и водворять такое пользованіе дарами природы, при которомъ они становятся общедоступными, или же хозяйственный интересъ требуетъ, чтобы относительно полезностей, связанныхъ съ ограниченнымъ пространствомъ, сохранялись другіе способы пользованія?

Конечно, болѣе или менѣе вездѣ въ хозяйствѣ, почва совершенно безплодная посредствомъ удобренія превращается въ удобообрабатываемую. Эти усилія человѣка не маловажны. Торговля удобреніемъ обнимаетъ земной шаръ, гуано изъ Америки развозится по всему свѣту, существуютъ заводы для выдѣлки искуственнаго удобренія (парижская—la poudrette), и цѣлыя фирмы занимаются торговлею этого рода. Несомнѣнно, что посредствомъ удобренія почва многихъ пространствъ до такой степени измѣнена, что отъ первоначальнаго ея состава почти ничего не осталось; но во всякомъ случаѣ остается вопросъ о мѣстонахожденіи, пространствѣ (emplacement). При увеличеніи народонаселенія пространство является недоступнымъ для пользованія всѣхъ и каждаго, а потому владѣніе извѣстнымъ участкомъ земли на правѣ собственности основы-

вается не на томъ, что собственники своими трудами создали почву и хозяйственные участки, а на томъ, что земля является въ ограниченномъ количествѣ. Пока земли сравнительно съ населеніемъ было достаточно, до тѣхъ поръ не возникало права исключительнаго владѣнія; собственность поземельная явилась позже всѣхъ другихъ видовъ собственности. Она вызывается на тѣхъ ступеняхъ культуры, когда существуетъ уже собственность на орудія и цѣнности. Цѣнности оказываются уже въ личномъ обладаніи еще у бродячихъ охотниковъ, рыболововъ, даже чѣмъ однообразнѣе промыселъ, чѣмъ болѣе шатко основаніе хозяйства, которымъ дикарь поддерживаетъ свое существованіе, тѣмъ сильнѣе въ немъ привязанность къ своимъ орудіямъ, или оружію. Онъ не рѣшается не только при жизни уступить другому свой лукъ, стрѣлы, копье, коня, сѣти и проч., но даже и послѣ смерти эти предметы зарываются съ нимъ въ могилу.

Въ то же время, у дикарей небывало недвижимой собственности, тому противится даже свойство самыхъ занятій, потому что раздѣлить порознь, на каждое лицо, лѣсъ для охоты, рѣку для рыбной ловли почти неусуществимо; на столько же и раздѣленіе пастбищъ для скота кочевниковъ мѣшаетъ развитію скотоводства и даже вредно. Только современи осѣдлости оказывается настоятельность раздѣльнаго владѣнія землею, во всякомъ случаѣ отъ посѣва до жатвы, или на тотъ промежутокъ времени, пока проявляется производительная сила почвы, вознаграждающая извѣстнымъ результатомъ потраченный на обработку ея человѣческій трудъ.

Въ бродячемъ состояніи, когда главными промыслами являются звѣроловство, рыболовство, необходимъ просторъ, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отыскать мѣсто, гдѣ наиболѣе добычи; самый промыселъ требуетъ, чтобы въ общемъ пользованіи находилось безгранично все доступное пространство. При этомъ, является вопросъ, какъ сохранять полезности этого рода отъ истребленія и расхищенія, ради соблюденія именно того условія, чтобы пользованіе дарами природы было всѣмъ доступно. Подобная забота относительно охоты вызывала впослѣдствіи цѣлыя законодательныя системы, что свидѣтельствуетъ о настоятельности разрѣшенія вопроса о томъ, требуетъ-ли польза общая запрещенія заниматься промысломъ въ опредѣленое время, напримѣръ одни лѣтніе мѣсяцы или зимою, или же требуетъ раздѣленія самаго поприща между лицами, пользующимися

имъ? Относительно лѣсовъ и рѣкъ, какъ вмѣстилищъ дичи и рыбъ оказывается достаточнымъ для общей пользы организовать право пользованія, не раздѣляя угодій на участки и не прикрѣпляя владѣнія за тѣми, или другими лицами. Для предупрежденія хищническаго веденія промысла законодательство стало обращать вниманіе на орудія, употребляемыя при охотѣ и рыбной ловлѣ, напр. запрещено ставить ссылки для дичи, отравлять рыбу и проч. Слѣдовательно въ приведенныхъ промыслахъ право на занятіе ими и самое исполненіе, въ видахъ общей пользы, признается общественною властью и въ новѣйшее времѣ только съ ограниченіями.

Таже общественная власть не могла не признать, что въ видахъ общей пользы выгоднѣе допустить дѣленіе земель при хлѣбопашествѣ. Сущность земледѣлія требуетъ, чтобы тотъ участокъ земли, на которомъ извѣстное лицо совершило засѣвъ, былъ предоставленъ ему въ неотъемлемое распоряженіе, покрайней мѣрѣ до жатвы. На основаніи такой фактической необходимости возникалъ вопросъ: выгоднѣе-ли для общей пользы на всегда, или только на опредѣленное время, предоставить порознь, или данному числу производителей, извѣстное пространство?

§ 29. Экономическія основанія личнаго раздѣльнаго владѣнія землею, случаи ограниченія этого вида собственности.

Хозяйственный опытъ долженъ былъ весьма рано указать на то обстоятельство, которое приводитъ Сэ, что на какихъ нибудь 10 квадр. миляхъ едва пропитывается нѣсколько сотенъ кочевниковъ, между тѣмъ какъ во Франціи съ того же пространства прокармливается нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, да притомъ изъ этого десятка тысячъ только меньшинство владѣетъ землею. Если тоже пространство земли раздѣлитъ между всѣми лицами, прокармливающимися съ него, по ровну, то на долю каждаго лица придутся клочки, недостаточные для ихъ одинокаго пропитанія. При огромномъ дробленіи земель въ Ирландіи почти невозможно хлѣбопашество, а только огородное разведеніе картофеля и овощей. Вотъ почему, въ Ирландіи такъ повсемѣстенъ посѣвъ картофеля, а въ случаяхъ болѣзни или неурожая послѣдняго, всѣ жители разомъ лишаются средствъ къ пропитанію и наступаетъ повальный голодъ.

Слѣдовательно, земледѣліе можетъ процвѣтать только при извѣстной величинѣ земельныхъ участковъ.

Потому то первоначальное владѣніе землею было родовое, но такое воздѣлываніе вскорѣ оказалось неудовлетворительнымъ; пользованіе землею цѣлымъ родомъ, безъ раздѣленія участковъ, было уже замѣнено передѣльною общинною собственностью. Въ упомянутомъ видѣ общинное владѣніе выработалось не у однихъ только славянъ. Еще Тацитъ о Германцахъ говоритъ, что усадьбою владѣютъ порознь, а пахатная земля, лѣса и пастбища состоятъ въ общемъ пользованіи. При этомъ существовало трехпольное хозяйство, съ передѣломъ пахотныхъ земель (позднѣйшее allmende, allmandgut) послѣ каждаго сѣвооборота *). Такимъ образомъ, передѣляемое общинное владѣніе смѣняло повсюду тотъ порядокъ, когда сообща родовая земля воздѣлывалась усиліями всѣхъ.

Извѣстно, что подобная форма земледѣлія существовала и на западномъ берегу Африки; а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Азіи и Африки она существуетъ еще и теперь. Однако дѣлежъ плодовъ представляетъ такія неудобства и обработка земли родомъ до того нерадива, что повсюду перешли къ передѣльному общинному хозяйству. Каждая рабочая семья получаетъ опредѣленный участокъ въ пользованіе, а собственность остается за общиною. Черезъ извѣстное число лѣтъ совершается передѣлъ участковъ. Въ такомъ видѣ существуетъ крестьянекое землевладѣніе у насъ во всей Великороссіи.

Послѣдній способъ владѣнія невыгоденъ въ томъ отношеніи, что для каждаго временнаго хозяина участка важно съ *наименьшими* затратами извлечь наибольшее количество плодовъ, поэтому онъ истощаетъ почву ко времени передѣла, слѣдовательно производительность земли должна ухудшаться. Дѣйствительно, мы видимъ, что вездѣ, куда переносилось общинное землевладѣніе, тамъ водворялась **) неразвитая трехпольная система земледѣлія. Великоруссы, переселившіеся на югъ, гдѣ выгоднѣе всего воздѣлывать пшеницу, постоянно переносятъ трехпольное хозяйство и главнымъ

*) См. замѣчанія *Helferich* въ Ztsch. f. d. g. Staatswiss., Tübingen, 1864 г., XX, 1, на статью *Кавелина*, въ томъ же выпускѣ,—Einiges über die russische Dorfgemeinde.

**) Срв. *А. Совѣтовъ*, о системахъ земледѣлія, С.-Петербургъ, 1867 г., стр. 147, 176.

хлѣбомъ становится у нихъ рожь, дающая меньше доходу; потому только, что рожь связана, въ смыслѣ преобладающаго хлѣба, съ трехпольною системой. Кромѣ хищническаго характера, трехпольная система неудобна еще въ томъ отношеніи, что необходимо каждаго члена общины надѣлить землею болѣе или менѣе равномѣрно, а такъ какъ почва бываетъ разнаго качества, то приходится землю, по качествамъ ея, раздѣлить на полосы и изъ каждой полосы по одному клину отводить каждому хозяину. Если полосъ напр. четыре, то у каждаго хозяина является четыре клина, въ разныхъ полосахъ, слѣдовательно являются разбросанные, чрезполосные участки; а при этомъ теряются силы и время на переѣзды и перевозку орудій съ одного участка на другой.

Кромѣ того, съ общиннымъ владѣніемъ у насъ связана финансовая круговая порука, что также не мало подрываетъ благосостояніе общины, такъ какъ при распредѣленіи земель члены общины должны обращать вниманіе и на то, правильно ли отбываетъ извѣстное лицо повинности и способно ли оно вносить подати. Если кто либо не платитъ податей, то отъ него отнимаютъ участокъ и передаютъ болѣе надежному члену. Тутъ уже является скопленіе земли въ однихъ рукахъ и обезземеленіе другихъ; богатые хозяева, пользующіеся нѣсколькими надѣлами бываютъ въ льготномъ положеніи, а другіе кромѣ усадебной земли ничего не имѣютъ. Очевидно, благодаря послѣднему обстоятельству, при общинномъ владѣніи у насъ не достигается главное вождѣленіе — обезпеченіе землевладѣльцевъ. Кромѣ такого вынужденнаго обезземеленія нѣкоторыхъ членовъ общины, можетъ случиться еще и добровольная уступка надѣловъ одними членами общины другимъ. Богатый вноситъ за бѣднаго подать, а тотъ уступаетъ ему свой участокъ, если самъ онъ не имѣетъ средствъ обработать его, или прибыльнѣе ему идти въ отхожій промыселъ, на заработокъ податей: вторая причина, что надѣлы накопляются въ однихъ рукахъ, хоть это и противно самому смыслу общиннаго владѣнія. Наконецъ община, обязанная отвѣчать цѣлымъ міромъ за сборы, можетъ склонить сходъ къ постановленію, чтобы надѣлы неисправныхъ плательщиковъ не отдавать другимъ членамъ общины, а отдать ихъ съемщикамъ, огородникамъ. Подобные примѣры бываютъ; нерѣдко и хозяева оставляютъ себѣ небольшіе клочки земли для посѣва овса для лошади и ржи для домашняго обихода, а сами отправляются въ отхожіе

Профессоръ Э. Вреденъ.
Типографія и Литографія Кн. В. Оболенскаго уголъ, Ник. и Стрем. № 3—22.

промыслы. Однимъ словомъ, община дѣйствительная, фактическая постоянно противорѣчитъ общинѣ идеальной.

Съ другой стороны, лѣса и пастбища должны всегда оставаться въ общинномъ владѣніи на томъ же основаніи, которое мы указали относительно общаго владѣнія угодьями у звѣролововъ и номадовъ. Однако и общинныя пастбища выгодны до тѣхъ поръ, пока доступно скотодство при подножномъ кормѣ. Если же является скотоводство при уходѣ въ стойлахъ, то разведеніе кормовыхъ травъ неизбѣжно должно войти въ сѣвооборотъ. При многополномъ хозяйствѣ тебеневки не существуетъ, она немыслима, такъ какъ ею утрачивается навозъ, на нее требуется большое количество земли; пастбища необходимо уничтожить. Откармливаніе скота въ стойлахъ становится выгоднѣе, сохраняется навозъ, а покосъ, не вытаптываемый скотомъ, даетъ болѣе обильный кормъ. Въ такомъ положеніи хозяйства, пастбищная земля обращается изъ выгона въ посѣвный лугъ, въ покосъ и становится раздѣльною собственностью личною.

Въ общинномъ владѣніи остается окончательно одинъ только лѣсъ, но и здѣсь являются сомнѣнія. Возможно обезпечить хозяйство лѣснымъ матеріаломъ, если разводить деревья по окраинамъ дорогъ, строеній и полей, а не держать цѣлыя площади подъ лѣсомъ; это доказываетъ примѣръ Бельгіи и нѣкоторыхъ мѣстъ въ Англіи. Лѣсъ далеко не во всѣхъ случаяхъ оказывается неизбѣжно нормальнымъ предметомъ общиннаго владѣнія. Аристотель говоритъ, что о томъ, что всѣмъ принадлежитъ, никто не радѣетъ, это особенно оправдывается на общинныхъ лѣсахъ, которые исчезаютъ весьма быстро.

Всѣ изложенныя обстоятельства привели западную Европу отъ общиннаго владѣнія *) къ раздѣльному личному; между прочимъ въ 1851 г. въ Баденѣ подано было послѣднее прошеніе о дозволеніи раздѣлить общинную землю на личные участки. Нѣтъ сомнѣнія, что общинная форма землевладѣнія вездѣ предшествовала **) личному землевладѣнію и только съ увеличеніемъ населенія оно

*) Срв. *Hanssen*, Gehöferschaften im R. B. Trier, Abh. d. k. Akademie d. W. Berlin, 1863 г.—*Achenbach*, Haubergenossenschaften des Siegerlandes, Bonn, 1863 г.

**) Какъ подтверждаетъ и общеизвѣстное мѣсто у Цезаря (de bello Gallico): privati ac separati agri apud eos nihil est, neque quisquam agri modum certum et fines habet proprios.

уступало мѣсто раздѣльной собственности. Но нужно замѣтить, что и раздѣльная собственность въ землевладѣніи основывается не на томъ, что произведеніе труда должно принадлежать лицу трудящемуся, а на томъ, что такая форма владѣнія требуется хозяйственною пользою и въ силу этого поддерживается общественною властью. Потому то общественная власть во всякое время и можетъ измѣнить порядокъ обладанія землею *).

Силы и вещества являются въ природѣ, въ экономическомъ смыслѣ, въ неограниченномъ количествѣ. Но они распредѣлены въ въ разныхъ мѣстахъ земнаго шара неравномѣрно и не повсемѣстно. Эта неповсемѣстность имѣетъ важное вліяніе на хозяйство и на успѣхи производства. Само вліяніе возникаетъ, во первыхъ изъ качества данныхъ силъ и вещества въ извѣстной мѣстности и, во вторыхъ, изъ взаимнаго отношенія между собою всѣхъ основныхъ трехъ сторонъ среды, которая человѣка окружаетъ, именно взаимнаго отношенія между атмосферою, земной поверхностію и нѣдрами земли, наконецъ отношенія суши къ водѣ и очертанія областей, занимаемыхъ растительнымъ и животнымъ царствомъ.

Какъ скоро неповсемѣстность доходитъ до ограниченности, могло родиться понятіе объ истощимости, которое не вполнѣ соотвѣтствуетъ хозяйственности, потому что постоянно открываются новыя полезности, замѣняющія старыя, а потому объ ослабленіи или прекращеніи содѣйствія природы не можетъ быть и рѣчи.

Таковъ отвѣтъ на вопросъ: необходима ли собственность для тѣхъ полезностей, которыя прямо потребностямъ не удовлетворяютъ, но которыми поддерживается производство цѣнностей? Она необходима въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ масса полезностей является въ ограниченномъ количествѣ. Эта необходимость возникла прежде всего относительно земной поверхности, когда на ней водворено было сельскохозяйственное производство, при переходѣ отъ бродячаго состоянія къ осѣдлому, земледѣльческому. Историческая необходимость позднѣйшаго возникновенія раздѣльнаго пользованія относительно по-

*) Самыя обширныя и новѣйшія данныя по всему очерченному нами вопросу содержитъ англійскій Bluebook, представленный парламенту въ 1870 г. 3 o.-Reports from her maiesty representatives respecting the tenure of land, II Parts.—Также изданное отъ Cobden clubb—Systems of land tenure, London 1870 г. 2 ед.; переведено на русскій языкъ, подъ заглавіемъ: владѣніе и пользованіе землею въ различныхъ странахъ, съ прил. статьи Дж. Ст. Милля, С.-Петербургъ, 1871 г.

лезностей, оказывающихся въ ограничинномъ запасѣ, и болѣе ранняго раздѣльнаго владѣнія относительно продуктовъ труда и вызвало въ юридическихъ наукахъ различеніе движимаго и недвижимаго имущества. Различеніе это экономическаго содержанія не имѣетъ и при разборѣ понятія о капиталѣ мы ближе въ томъ убѣдимся. Существуетъ множество отдѣльныхъ сомнительныхъ случаевъ, гдѣ трудно различить движимую собственность отъ недвижимой.

Что касается до владѣнія пространствомъ и всѣми полезностями, которыя связаны въ видѣ разныхъ царствъ природы съ поверхностью земною, оказывается, что раздѣльная собственность вызывается экономическими потребностями. Нельзя было не убѣдиться въ томъ, что если совершается эксплоатація царствъ природы, то необходимо тому, кто приступилъ къ извлеченію полезностей, или производству цѣнностей, уступить мѣсто въ его пользованіе, покрайней мѣрѣ на срокъ, напр. отъ посѣва до жатвы.

Далѣе нельзя было не убѣдиться, что земля, находящаяся въ раздѣльномъ владѣніи, отличается большею производительностью, чѣмъ земля находящаяся въ общемъ владѣніи. Это очевидно не только по отношенію къ сельско-хозяйственному промыслу, но и къ горнозаводскому, такъ какъ расходы на развѣдки могутъ быть весьма значительны, а потому предприниматель долженъ разсчитывать на продолжительныя выгоды, чтобы имѣть побужденіе рѣшиться на затраты.

Но пространство служитъ также и для мѣстопребыванія человѣку. Тутъ причины возникновенія дѣлежа пространства иныя, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Усилія, затраты, производимыя человѣкомъ на устройство своего мѣстопребыванія, не могутъ ему дать права на безграничное владѣніе мѣстомъ, на которомъ онъ живетъ, потому что нужда въ мѣстопребываніи общая для всѣхъ. Кромѣ того, поверхность земная должна быть доступна не только для мѣстопребыванія, но и для движенія на ней. На сколько въ данномъ случаѣ необходимость движенія признавалась существеннѣе необходимости пребыванія, на столько постоянно признавалось или не признавалось раздѣльное владѣніе поверхностью, и на столько законъ сохранялъ за собою право на отчужденіе пространства изъ частнаго владѣнія, если это пространство требовалось для движенія. Въ этомъ случаѣ дѣлежъ никогда не находилъ экономическаго

оправданія. Общественная практика экспропріаціи административной существуетъ давно. *)

Въ этомъ отношеніи собственность имѣетъ своимъ источникомъ только законъ, соображающійся съ основными требованіями человѣческаго быта; она лишена прямаго экономическаго оправданія, послѣднее скорѣе всего клонится въ пользу общаго пользованія. На первыхъ порахъ, пока населеніе было незначительно, раздѣльное владѣніе пространствомъ, какъ мѣстопребываніемъ казалось вполнѣ нормальнымъ, да и потребность въ передвиженіяхъ была слаба. Но при увеличеніи населенія и огромномъ скопленіи его въ большихъ центрахъ, въ новѣйшихъ столицахъ возникъ такъ называемый квартирный вопросъ (Wohnungsnoth). Мѣстопребываніе до такой степени является недоступнымъ для многихъ, что необходимо жить далеко за центромъ города и вдали отъ мѣста занятія **).

Весьма дѣйствительнымъ средствомъ противъ нужды въ жилищахъ въ большихъ центрахъ является хорошее устройство средствъ сообщенія и передвиженія. Въ самомъ дѣлѣ, въ Лондонѣ, самой многолюдной европейской столицѣ, нѣтъ жилищной нужды потому, что средства сообщенія, въ видѣ желѣзныхъ дорогъ, проведенныхъ подъ землею и надъ крышами домовъ, множества дилижансовъ и конножелѣзныхъ путей, доставляютъ такія удобныя средства сообщенія окраинъ города съ центромъ, что даютъ возможность, и всѣмъ не зажиточнымъ, жить далеко за городомъ, являясь утромъ ежедневно на работу. Если бы у насъ, напр., царскосельская желѣзная дорога была благоустроена, то разстояніе между Царскимъ селомъ и адмиралтейскою площадью при желѣзнодорожномъ сообщеніи оказалось бы ничуть не больше, чѣмъ разстояніе между этою площадью и Выборгскою стороною при извозномъ сообщеніи; да притомъ проѣздъ по желѣзной дорогѣ не такъ утомителенъ.

Затѣмъ, однако, мѣстопребываніе можетъ оказаться недоступнымъ въ большихъ центрахъ, не вслѣдствіе недостатка мѣста, а вслѣдствіе дороговизны квартиръ. Въ экономическомъ смыслѣ всякое возвышеніе платы равняется ограниченію числа квартиръ. Если квартирная плата до того высока, что хозяинъ ничего не теряетъ,

*) Срв. *Grünhut*, das Enteignungsrecht (Expropriation), Wien, 1874 г.

**) Срв. *Engel*, die moderne Wohnungsnoth, Lpz, 1873 г.

когда отдѣльная квартира простоитъ у него безъ жильцовъ хотя годъ, потому что на слѣдующій годъ онъ можетъ вознаградить себя раскладкою повышенной платы на всѣхъ жильцовъ, то это равносильно недостатку мѣста.

Экономическая недоступность квартиръ вызывается раздѣльнымъ владѣніемъ площадью, занимаемой городомъ. Въ Лондонѣ нѣтъ дороговизны квартиръ еще и потому, что всею площадью владѣютъ около пяти всего собственниковъ, за которыми вслѣдствіе маіоротной системы наслѣдства, это владѣніе и остается. Такимъ образомъ, нѣтъ далѣе перепродажи участковъ, а слѣдовательно нѣтъ и барышничества, которое возвышаетъ цѣну въ громадныхъ размѣрахъ. Въ Берлинѣ и другихъ мѣстахъ размножились строительныя компаніи или банки, которые закупили землю вокругъ городовъ, но оставляютъ ее незастроенною, съ тою цѣлью, чтобы этимъ возвысить квартирную плату на дома, принадлежащія имъ же. Конечно, этого не было бы, если бы частное владѣніе поверхностью, какъ мѣстомъ пребыванія, ограничивалось; въ каждомъ городѣ было бы полезно объявить, что по мѣрѣ возвышенія квартирной платы будетъ возвышаться и налогъ на домовладѣльцевъ, вслѣдствіе чего такое возвышеніе оказалось бы почти невыгоднымъ.

Очевидно вообще, что въ экономическомъ отношеніи право на раздѣльное владѣніе поверхностью оправдывается только тогда, когда поверхность служитъ основаніемъ производства, а если только мѣстопребываніемъ, то экономическіе доводы идутъ противъ всякихъ движеній, или перемѣнъ въ владѣніи ею.

ГЛАВА VII.

Трудъ, какъ факторъ производства.

§ 30. Экономическое отличіе труда отъ усилій вообще и отъ работы, равно какъ и отъ видовъ промышленности.

Если разбирать хозяйство съ физіологической точки зрѣнія, какъ соединеніе извѣстнаго рода явленій, какъ взаимодѣйствіе экономическихъ величинъ и силъ, то самостоятельнымъ факторомъ производства, на равнѣ съ полезностями или стихіею, оказываются

усилія или *трудъ* человѣка. При разборѣ труда, какъ фактора производства, необходимо на первый разъ отрѣшиться отъ того представленія, что трудовыя отправленія неизбѣжно связаны съ личностью человѣка, что они только видимое проявленіе дѣятельности и силъ личности. Трудъ необходимо отличать отъ работы. Работа будетъ трудъ, являющійся проявленіемъ силъ личности или работающаго, результатомъ напряженія способностей послѣдняго. Если же не отдѣлять понятія о трудѣ отъ личнаго его представительства, то понятно, такъ какъ человѣкъ служитъ центромъ всего хозяйства, легко удариться въ крайность и свести разсужденія о трудѣ къ общимъ разсужденіямъ о хозяйствѣ. Въ это увлеченіе впали нѣкоторыя экономисты и поставили всѣ прочія явленія хозяйственныя въ полную зависимость отъ труда, который являлся у нихъ главнѣйшимъ источникомъ всякаго хозяйственнаго процесса.

Экономическое содержаніе понятія о трудѣ не совпадаетъ съ понятіемъ о дѣятельности человѣка вообще. Трудомъ можно назвать только тѣ дѣйствія человѣка, которыя имѣютъ внѣшнюю хозяйственную цѣль, такъ что дѣятельность, соотвѣтствующая физіологическимъ требованіямъ организма, безъ которыхъ человѣкъ не можетъ жить, не тождественно съ трудомъ. Напротивъ, она прямо противоположна въ экономическомъ смыслѣ труду, такъ какъ трудъ направленъ на пріобрѣтеніе и созданіе средствъ для удовлетворенія потребностямъ, а самодѣятельность организма поглащаетъ внѣшнія средства; послѣдняя, съ одной стороны, направлена на усвоеніе даровыхъ полезностей среды (воздуха для дыханія, свѣта для зрѣнія и пр.), а съ другой стороны, въ кругъ самодѣятельности входитъ и внутренняя, духовная сторона человѣка, на сколько она сама по себѣ его удовлетворяетъ, на сколько въ результатѣ отъ нея является самоуслажденіе, самоудовлетвореніе и самодовольство. Оба эти виды дѣятельности не входятъ въ содержаніе понятія о трудѣ, а послѣдній слагается изъ тѣхъ дѣйствій, которыя, *съ извѣстнымъ напряженіемъ* со стороны человѣка, *съ извнѣ пріобрѣтаютъ средства* къ удовлетворенію потребностямъ.

Однако трудъ имѣетъ еще и другой экономическій признакъ: въ основаніи его должна лежать главная отличительная черта хозяйственныхъ затратъ вообще, именно тотъ разсчетъ, чтобы съ наименьшими жертвами пріобрѣсть наибольшее количество внѣшнихъ средствъ. Самая утомительная дѣятельность, не отличающаяся

этимъ основнымъ признакомъ, не можетъ быть названа трудомъ. Для научнаго отличія труда отъ другихъ разрядовъ дѣйствій должно всегда имѣть въ виду два указанные признака.

Такимъ образомъ, трудъ экономическій не есть дѣятельность вообще, а исключительно разсчитанное напряженіе человѣческихъ силъ, затрачиваемое на превращеніе полезностей въ цѣнности. Такое внутреннее содержаніе и приведенная внѣшняя цѣль только и характеризуетъ опредѣленно экономическій трудъ.

По моему мнѣнію менѣе отчетливо становится понятіе о трудѣ, если замѣнять логичное его опредѣленіе описаніемъ, или прибѣгать къ перечисленію тѣхъ случаевъ, гдѣ проявляется трудъ, въ смыслѣ своеобразныхъ видовъ трудовой дѣятельности. Между прочимъ, Рошеръ различаетъ 6 разрядовъ труда, Шеффле (§ 60, стр. 113) девять, и оба основываютъ свое дѣленіе частію на двоякой природѣ существа человѣкескаго, физической и духовной, частію на внѣшнихъ цѣляхъ. Дѣленіе Рошера (§ 38, стр. 68) нѣсколько благовиднѣе дѣленія Шеффле, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что у перваго оно основано на внѣшнемъ описаніи тѣхъ группъ трудовъ, которыя встрѣчаются въ хозяйствѣ; при чемъ, соотвѣтственно своему историческому методу, Рошеръ располагаетъ самыя группы въ исторической постепенности, такъ что послѣдніе приводимые имъ виды трудовъ были и позднѣйшими по времени возникновенія.

На первомъ мѣстѣ Рошеръ ставитъ труды по открытіямъ и изобрѣтеніямъ (Entdeckungen und Erfindungen). Нѣтъ сомнѣнія, что прежде чѣмъ человѣкъ приступилъ къ пользованію окружающею его средою, онъ долженъ былъ изучать свойства различныхъ силъ и веществъ, находящихся въ природѣ, а съ другой стороны, изобрѣсть способы и орудія пользованія; въ такомъ смыслѣ и послѣдующая хозяйственная дѣятельность совершенствуется по мѣрѣ открытій и изобрѣтеній. Прогрессъ открытій весьма осязательнымъ является на слѣдующемъ примѣрѣ, приведенномъ Боклемъ въ его исторіи цивилизаціи (II, 359). Діоскуридъ и Галенъ знали до 600 видовъ растеній, Линней до 8,000, въ 1812 г. знали уже до 30,000, въ 1837 г. до 60,000, а въ 1849 г. до 100,000. Понятно, что параллельно такому возроставшему знакомству съ растеніями, возростало и пользованіе ими. Всякое ознакомленіе со средою и полезностями вызывается естественно стремленіемъ,

страшное отразить, а полезное привлечь къ служенію себѣ; въ томъ и другомъ случаѣ человѣкъ въ виду имѣетъ совладать съ природою.

Во второй разрядъ Рошеръ ставитъ захватъ, или вѣрнѣе завладѣніе (Occupation), такъ какъ только первоначально завладѣваніе является простымъ захватомъ, а затѣмъ человѣкъ вноситъ уже свою культурную дѣятельность въ среду и во всѣ царства природы, онъ старается видоизмѣнять ихъ представителей такъ, что въ новѣйшемъ хозяйствѣ ни одно растеніе, ни животное не носитъ вполнѣ первобытнаго отпечатка; всѣ видоизмѣнены до такой степени, что культурное и естественное далеко другъ отъ друга отличаются и по внѣшности, и по величинѣ, очертанію, окраскѣ и проч. Въ прошломъ столѣтіи голландскіе садоводы задались производствомъ черныхъ тюльпановъ и хотя это не вполнѣ удалось, все таки достигли темнѣйшаго оттѣнка. Конечно, есть предѣлъ, далѣе котораго вліяніе человѣка на природу простираться не можетъ, но всетаки самые предѣлы возможнаго вліянія на природу оставляютъ существенный просторъ; извѣстно, что въ Англіи до того откармливаютъ поросятъ, что имъ приходится подвязывать ходули, такъ какъ ноги исчезаютъ въ жиру туловища. Подобное культурное видоизмѣненіе представителей естественныхъ царствъ, такое совладаніе съ природою, представляетъ конечно фазисъ, которому предшествуетъ захватъ, или простое завладѣніе полезностями.

Къ третьему разряду трудовъ Рошеръ относитъ дѣятельность, добывающую сырье (Rohproduction); это скотоводство, хлѣбопашество и т. п. Граница между завладѣвающими и добывающими трудами легко стирается; естественно, что они совпадаютъ во многихъ случаяхъ, вообще различіе между ними чисто внѣшнее; т. е. промышленность добывающая доставляетъ преимущественно средства, которыя должны подвергаться дальнѣйшему видоизмѣненію чтобы сдѣлаться вполнѣ годными для потребленія. Результаты промышленности добывающей можно считать какъ бы полуиздѣліями, хотя несомнѣнно приходится ихъ считать цѣнностями, такъ какъ надъ ними совершено уже извѣстное видоизмѣненіе, или перемѣщеніе. Технически слѣдуетъ различать производство и промыслы, доставляющіе сырье, отъ трудовъ дальнѣйшихъ, доставляющихъ издѣлія, если подъ послѣднимъ словомъ разумѣть цѣнности, вполнѣ приспособленныя на служеніе потребностямъ. Отсюда однако не получаются вовсе отдѣльные виды трудовъ, а только звенья въ производ-

ствѣ цѣнностей, или несамостоятельныя группы оборотовъ, въ которыхъ порознь, конечно, при трудѣ затрачиваются и полезности и цѣнности, или участвуютъ природа и капиталъ; каждый такой актъ оказывается самъ по себѣ законченнымъ процессомъ и потому отдѣльные процессы или обороты и поддаются бытовому разобщенію.

Вотъ по чему, слѣдуетъ сказать что и 4-ый видъ трудовъ у Рошера, именно трудовъ передѣлывающихъ сырье (Rohstofverarbeitung), вовсе не своеобразная экономическая категорія. Всякое подобное разграниченіе только валовое, а потому спорно даже наименованіе. Одни промышленность добывающую называютъ извлекающею, а промышленность издѣльную — обработывающею, мануфактурною, заводскою, ремесленною; болѣе общимъ терминомъ возможно считать названіе: издѣльная промышленность.

Пятый видъ трудовъ у Рошера соединенъ въ промышленность надѣляющую (Zutheilung): это труды, которые путемъ перемѣщенія и передачи окончательно доставляютъ цѣнности въ руки потребителей, а сырье, полуфабрикаты—въ руки лицъ, дѣлающихъ ихъ окончательно годными для потребленія. Весь этотъ разрядъ трудовъ имѣетъ своимъ объектомъ товары, а содержаніемъ обращеніе, которое включаетъ въ себѣ и понятіе о перемѣщеніи. Товаръ проходитъ черезъ множество рукъ, то на тѣсномъ пространствѣ, то въ разныхъ частяхъ земнаго шара. Вслѣдствіе этого, для ясности, полезно отличать товаръ отъ цѣнности: товаръ опредѣляетъ состояніе цѣнности съ перваго акта обращенія, надъ полуобработанною полезностью, до окончательной передачи издѣльной цѣнности въ распоряженіе потребленія.

Шестой видъ трудовъ по Рошеру составляютъ услуги, (Dienstleistungen) или случаи, когда чужою дѣятельностью удовлетворяются непосредственно чьи либо потребности. Отождествленіе услугъ съ трудомъ вообще неосновательно; первыя, въ отличіе отъ труда вообще, остаются для каждаго пользующагося ими все таки внѣшнимъ хозяйственнымъ средствомъ, исходятъ отъ другаго лица. Труды по доставленію услугъ существенно разнятся отъ трудовъ, производящихъ цѣнность. Это различіе заключается въ томъ, что цѣнность можетъ передаваться безъ личнаго участія того, кто ее произвелъ, она можетъ передаваться даже на значительномъ разстояніи, и черезъ постороннія лица, путемъ пересылокъ; между тѣмъ какъ ни производство услугъ, ни ихъ пріобрѣтеніе или ус-

военіе не допускаютъ такого упраздненія личнаго участія сторонъ, производство услугъ и личная передача ихъ совершаются одновременно, а даже вполнѣ совпадаютъ. Въ то же время лицо, доставляющее услугу ничего конкретно не очуждаетъ и не лишается возможности доставлять такую же въ будущемъ; недоступно только одновременно, за извѣстнымъ предѣломъ, доставлять услуги разнымъ лицамъ. Для пользованія услугами, далѣе, необходимо, не только личное присутствіе пріобрѣтающаго, но и встрѣчная дѣятельность съ его стороны; услуга требуетъ усвоенія, а безъ послѣдняго самая лучшая услуга не имѣетъ успѣха, напр. какая польза отъ самой лучшей лекціи, если не слушать ея. Однимъ словомъ, услуги пріобрѣтаются по мѣрѣ самостоятельной, личной дѣятельности потребителя. Наконецъ различіе между производствомъ услугъ и цѣнностей состоитъ въ томъ, что услуги не могутъ экономически существовать внѣ личностей, или сторонъ участвующихъ при ихъ производствѣ; труды надъ цѣнностями же всегда овеществляются, а потому имѣютъ самостоятельное существованіе и конкретное выраженіе.

§ 31. Единственныя экономическія разновидности труда, трудъ конъектуральный и механическій.

Одинаково съ приведеннымъ, несостоятельно дѣленіе труда на физическій и умственный, послѣднее кладетъ въ основаніе различеніе въ существѣ человѣка двухъ сторонъ, духовной и физической. Обѣ стороны человѣческаго существа до такой степени неразрывно между собою связаны, что въ каждомъ дѣйствіи участвуютъ и духъ, и тѣло. Всякій актъ духовной дѣятельности или обнаруживается посредствомъ тѣлесныхъ органовъ, или начинается съ пораженія этихъ органовъ извнѣ. Всякое представленіе неизбѣжно возникаетъ отъ пораженія внѣшняго и, проникая ощущеніемъ въ сознаніе, перерабатывается умственною дѣятельностью въ понятія и сужденія; и не создается самостоятельно никакое намѣреніе, рѣшеніе воли не обнаруживается, не получивъ внѣшняго выраженія путемъ органовъ тѣлесныхъ. По этому, во всѣхъ дѣйствіяхъ человѣческихъ неразрывно и одновременно обнаруживаютъ свое участіе и духовныя, и физическія силы. Если вообще своею дѣятельностью человѣкъ далеко превосходитъ животныхъ, то это не только благодаря высшей своей духовной природѣ, но и высшей физической организа-

ціи, вообще совершенство духовное идетъ въ уровень съ совершенствомъ физической организаціи. Еще съ древнихъ и до новѣйшихъ временъ неоднократно доказывали, что между прочимъ одна уже рука человѣка и дѣлаетъ его тѣмъ, чѣмъ онъ есть. (Галенъ, Бюффонъ, Гельвецій). Въ древнихъ языкахъ самые совершенные органы животныхъ назывались рукою, такъ хоботъ слона на санскритскомъ языкѣ. Аристотель упоминаетъ (de part. anim. IV, 10) что Анаксагоръ высказалъ мнѣніе, что человѣкъ превосходитъ прочихъ животныхъ потому, что онъ одаренъ рукою. Бюффонъ повторялъ, что человѣкъ сдѣлался владыкою міра благодаря строенію своей руки *).

Физическая и духовная сторона въ дѣятельности человѣка проявляются неразрывно. Всякому движенію тѣла неизбѣжно предшествуетъ рѣшеніе воли, трудно сообразить сразу и по непревычкѣ совокупность всѣхъ мышечныхъ движеній, которыя нужны для того, чтобы ходить, весьма сложная умственная дѣятельность предшествуетъ каждому шагу. Наблюдать это можно на ребенкѣ, который начинаетъ ходить. Ребенокъ, достаточно сильный, не ходитъ потому, что онъ не знаетъ, какіе мускулы нужно приводить въ движеніе, онъ на первыхъ порахъ часто ошибается: хочетъ идти на право, а попадаетъ на лѣво. Но потомъ, вслѣдствіе частаго повторенія соображеній, которыя необходимы для того, чтобы управлять ногами, они становятся до такой степени привычными, что даже сознаніе умственнаго напряженія теряется и мы совершаемъ ихъ при такомъ незначительномъ мозговомъ усиліи, что во время прогулки наша умственная дѣятельность можетъ быть направлена даже въ другую сторону; но всетаки невозможно такъ отвлекаться, чтобы забыть о движеніи.

Вообще, отъ частаго повторенія, извѣстныя соображенія становятся для насъ столь обычными, что можемъ постоянно повторять ихъ безъ утомленія, хотя бы и сопровождались они усиленною физическою дѣятельностью (напр. вязанье чулковъ). Таковы дѣйствія механическія или машинальныя. Всѣ подобные машинальные труды могутъ совершаться въ силу привычки до такой степени удовлетворительно, что стоитъ только одному способному дойти до соображенія, необходимаго для совершенія извѣстнаго дѣйствія, а затѣмъ передать плодъ своихъ соображеній другому, то послѣдній, повто-

*) Сравн. Bell, die menschliche Hand und ihre Eigenschaften. 1836 г.

ривъ данныя усилія достаточное число разъ, можетъ механически продолжать, т. е. безъ всякаго самостоятельнаго соображенія съ своей стороны.

Въ указанномъ смыслѣ существуетъ огромная разница между механическимъ исполненіемъ и соображеніемъ; конечно, не на основаніи различія между духовною и физическою стороною человѣческаго существа, а на основаніи различной степени участія той, или другой группы человѣческихъ силъ и способностей; въ механическомъ исполненіи важнѣе отправленіе физическихъ органовъ, а въ соображеніи участіе умственныхъ способностей.

Вотъ почему, необходимо различать, съ экономической точки зрѣнія, труды сливающіеся съ соображеніемъ и труды выражающіеся въ одномъ механическомъ исполненіи, причемъ послѣднее вовсе не совершается исключительно только тѣлесными органами, точно также, какъ и сообразительный трудъ отнюдь неосуществляется безъ участія физическихъ органовъ.

Соображеніе вообще пріобрѣтаетъ въ экономической сферѣ такую же самостоятельность, какъ и всякая другая экономиская величина, оно выливается въ соотвѣтственныя формы, и можетъ какъ бы существовать самостоятельно отъ создавшаго его, можетъ сдѣлаться не только предметомъ производства, но и предметомъ передачи, видоизмѣненія въ рукахъ всякихъ другихъ лицъ. Для превращенія труднаго соображенія въ такую, иногда весьма сложную, экономическую величину, въ составную цѣнность, приходиться трудиться надъ его производствомъ иногда многимъ лицамъ. Въ такомъ видѣ соображеніе, какъ цѣнность, овеществляется, передается, уступается, на нее пріобрѣтаются юридическія права; однимъ словомъ, возникаетъ такъ называемая *коньектура*. Никакой экономической трудъ, или оборотъ не можетъ существовать безъ предварительнаго соображенія или коньектуры *). Иногда соображеніе, не превышающее силы и знанія одного человѣка, помимо и независимо отъ составителя существовать не можетъ, такъ что безъ участія личности нельзя привлечь въ пользу оборота, или производства и коньектуральнаго труда. Но въ большинствѣ случаевъ, соображеніе становится на степень законченной и самоцѣльной коньектуры. Такъ для проведенія желѣзной дороги необходимо участіе множества лицъ при составленіи проекта, нивеллировки мѣстности, составленіи плановъ, чер-

*) См. мой «Строй экономическихъ предпріятій». Спб., 1873 г., стр. 17, 34.

тежей. Коньектура, какъ всякій продуктъ экономическаго труда, можетъ даже существовать иногда въ видѣ полуцѣнности, такъ одной нивеллировки для проведенія желѣзной дороги недостаточно, а между тѣмъ она продается, по ней составляютъ дальнѣйшія соображенія, смѣты, вычисленія и проч. Однако, только въ окончательной формѣ сполна отдѣланной цѣнности, коньектуру приходится класть въ основаніе предпріятія. Припоминая затѣмъ, съ другой стороны, что не всегда коньектура требуетъ разносторонней отдѣлки и бываетъ неотдѣлима сполна, что не всегда становится даже обособленною цѣнностью, и что въ видѣ непосредственнаго соображенія она остается неразрывною съ личностью,—ясно, что въ такомъ случаѣ соображеніе сливается съ трудомъ, почему трудовая способность лица ею только и оцѣнивается.

Дѣйствительно, трудовая способность человѣка въ хозяйствѣ вообще и можетъ измѣряться его сообразительностью и коньектуральною силою. Стоитъ только припомнить, что при тождествѣ хозяйства съ борьбою за существованіе, при необходимости создавать первое на подкладкѣ данной среды, трудъ въ хозяйствѣ успѣваетъ на столько, на сколько человѣкъ въ состояніи доходить до соображенія о томъ, что для него полезно и что вредно; стоитъ припомнить, что по мѣрѣ того, какъ соображеніе объ этомъ ростетъ, совершенствуется и экономическая обстановка,—и тогда ясно, что на столько человѣкъ совладаетъ съ природою, на сколько онъ способенъ къ соображенію. Вотъ почему, все хозяйство зависитъ въ первомъ мѣстѣ отъ коньектуральнаго труда.

Шатки всѣ ученія о правѣ на трудъ, *) о равенствѣ въ трудѣ, о возможности водворить хозяйственное безразличіе между людьми, такъ какъ ими оставлено въ сторонѣ разсужденіе объ основномъ фактѣ, что соображеніе создаетъ хозяйство, обезпечиваетъ производство и подвигаетъ его впередъ. Стало быть и равенство въ трудѣ можетъ очевидно водворяться единственно на столько, на сколько возможно упрочить равенство въ способности тружениковъ на соображенія.

Если бы умственная организація людей была такова, что разницы въ силахъ устранимы и индивидуализація не была бы присуща человѣку, то вопросъ о неравенствѣ легко бы разрѣшался,

*) Сравн. Le droit au travail à l'assemblée nationale, avec des bservations de Faucher, Wolowski, Bastiat etc. par J. Garnier, Paris, 1848

стоило только принять должныя мѣры и довести всѣхъ до одинаковой способности соображенія. Но различіе по физическому строенію и умственной даровитости разныхъ людей существуетъ, а потому обнаруживается и различіе въ коньектуральной трудоспособности людей. Вообще люди на столько различаются другъ отъ друга и по трудоспособности, на сколько они разнятся по всей своей организаціи, т. е. оказываются особями. До однообразной сообразительности всѣхъ людей довести невозможно, именно вслѣдствіе различія индивидуальныхъ способностей разныхъ людей. Если задаваться водвореніемъ подобнаго незыблемаго уровня, то это мыслимо не иначе, какъ притупивъ даровитыхъ лицъ до уровня наименѣе способныхъ. Не слѣдуетъ искать исхода изъ существующаго неравенства въ одномъ только стремленіи довести всѣхъ до однообразной степени трудовой способности. Въ дѣйствительномъ быту существуетъ нерушимая постепенность, только ее и возможно повысить, или неминуемо для такого соразмѣрнаго развитія должны быть даны всѣ необходимыя средства, иначе порядокъ хозяйственный не будетъ соотвѣтствовать своему конечному назначенію. Другими словами, озможно и должно довести каждую личность до той наивысшей степени трудовой способности, на которую даютъ ей право индивидуальныя ея силы.

Вотъ почему, существеннымъ вопросомъ въ экономической теоріи труда становится указаніе средствъ и возможности каждому дѣятелю въ народномъ хозяйствѣ доходить до того совершенства въ коньектуральномъ мышленіи, которое для него достижимо. Такъ же, какъ съ мѣстною обстановкою и даннымъ запасомъ полезностей народъ совладаетъ тѣмъ успѣшнее, чѣмъ больше въ немъ представителей умѣлости пользоваться дарами природы, такъ и все хозяйство вообще будетъ доходить до наибольшаго простора и наивысшаго уровня по мѣрѣ многочисленности представителей коньектуральнаго труда; механическій же трудъ, на сколько онъ заключается въ усвоенныхъ движеніяхъ, очевидно подлежитъ замѣнѣ орудіями и машинами.

Такимъ образомъ, при анализѣ экономическаго характера труда первое мѣсто занимаетъ вопросъ *объ образованіи*, какъ обязанности, которая лежитъ на обществѣ для той цѣли, чтобы всѣмъ въ одинаковой степени оно было доступно *). Несомнѣнно весь вопросъ

*) Сравн. А. Смитъ, кн. V, гл. 1, 3.. отд. 2.

объ общедоступности и обязательности образованія, можетъ подтверждаться положительнымъ образомъ только на экономической почвѣ, иначе остается подкрѣплять его только филантропическими соображеніями, доводами заимствованными изъ области чувствъ и ссылаться на менѣе уловимое понятіе, которымъ нерѣдко спасаются публицисты, именно на понятіе объ общемъ благѣ.

§ 32. Экономическій смыслъ обязательнаго, дароваго и общепоступнаго обученія; ихъ вліяніе на трудоспособность народа и способы осуществленія.

Равномѣрность благосостоянія не можетъ быть, безъ вреда для самаго хозяйства, разрѣшена путемъ надѣленія всѣхъ орудіями и средствами къ труду. Мы указали относительно полезностей и природы какъ фактора производства, что даровое пользованіе возможно и совпадаетъ съ безраздѣльнымъ единственно въ извѣстныхъ случаяхъ, въ другихъ же возможно только раздѣльное владѣніе, а наконецъ, въ третьихъ, выгоднѣе всего раздѣльное владѣніе въ ограниченной мѣрѣ и съ опредѣленными по закону видоизмѣненіями. Относительно же цѣнностей наиболѣе хозяйственнымъ является только раздѣльное владѣніе.

Вотъ почему, равномѣрность хозяйственной обстановки можетъ достигаться только при вполнѣ, соотвѣтственно высшемъ, индивидуальномъ развитіи трудовой силы всѣхъ представителей оборотовъ и производствъ. Такое равномѣрное развитіе трудовой силы возможно не безусловно, такъ какъ залогомъ общаго прогресса служитъ индивидуальность силъ и способностей. Отдѣльныя, болѣе талантливыя личности создаютъ ступени прогресса, на которыя потомъ восходитъ масса. Стало быть, однообразіе въ развитіи трудовой силы не можетъ доходить до полнаго тождества. Настоитъ только содѣлать внѣшнія условія развитія одинаково доступными для всѣхъ и каждаго. Такая общедоступность средствъ къ развитію трудовой силы именно оправдывается тѣмъ, что трудъ въ производствѣ представляетъ какъ бы двѣ стороны, именно коньектуральную и машинальную. Насколько необходимо избѣгать и ненадежно основать хозяйственное обезпеченіе человѣка на трудѣ механическомъ, на столько необходимо каждому дать возможность выработать въ себѣ способность къ коньектуральному труду.

Доступность большаго и меньшаго образованія не должна быть привиллегіею рожденія или богатства; экономическая несообразность подобнаго порядка открывается изъ того, что необходимо предоставить всѣмъ одинаковыя условія къ достиженію благосостоянія, это же возможно только въ томъ случаѣ, когда всѣ работники будутъ располагать задатками, чтобы участвовать въ производствѣ трудомъ коньектуральнымъ. Только въ этомъ случаѣ человѣкъ возвышается надъ животными и стихіею, дѣйствуетъ не какъ слѣпая сила, и наконецъ онъ другой замѣнѣ, какъ отъ конкурренціи равноспособныхъ людей, не подлежитъ. Справедливость и хозяйственный интересъ требуютъ, чтобы культурное поприще было доступно для всѣхъ по мѣрѣ личныхъ силъ каждаго. Между тѣмъ, и понынѣ традиціонно сохранилось еще много превратныхъ взглядовъ на образованіе, такъ что нерѣдко тѣмъ доступнѣе даже даровое образованіе, чѣмъ меньше данное лицо въ немъ нуждается по своему состоянію.

Еще съ половины прошлаго столѣтія, однако, въ нѣкоторыхъ законодательствахъ признанъ противоположный принципъ, вызванный убѣжденіемъ, что для народнаго хозяйства и всей общественности выгоднѣе, чтобы каждая способность нашла себѣ поддержку къ полному своему развитію и что соотвѣтственныя финансовыя затраты возвращаются обществу сообразительностію и коньектуральною силою труда тѣхъ лицъ, которыя такимъ образомъ доведены до наивысшаго развитія.

Общимъ основаніемъ къ успѣшному водворенію внѣшнихъ условій, наиболѣе благопріятныхъ нормальному развитію трудовой силы народа, служатъ мѣры, которыми такое образованіе можетъ быть сдѣлано равномѣрнымъ и одинаково доступнымъ каждому *). Задачу эту можетъ принять на себя *одна* казна, причемъ общегосударственный интересъ требуетъ, чтобы образованіе было въ опредѣленномъ уровнѣ обязательнымъ. Этотъ принципъ въ первый разъ былъ выраженъ и обмотивированъ въ конституціи американскаго штата Нью-гемпшейра: въ ней указывается, что надежныхъ гражданъ и лицъ достаточно развитыхъ, чтобы поддерживать авторитетъ закона и служитъ охранителями общественнаго порядка, обязано приготовить само общество, а отъ такого приготовленія никто не долженъ укло-

*) Срв. *Maurus*, Uber die Freiheit in der Volkswirthschaft, Hdbg, 1873 года, 2 Absch. die Arbeitskraft, стр. 54—104.—*I. Simon*, L'école, 1865 г.

Профессоръ Э. Вреденъ.

Типографія и Литографія Кн. В. Оболенскаго уголъ, Ник. и Стрем. № 3—22.

няться; потому-то обученіе должно быть обязательное *). Впослѣдствіи эти положенія повторяются въ конституціяхъ нѣкоторыхъ германскихъ государствъ.

Въ подкрѣпленіе обязательности и общедоступности основнаго обученія служатъ многіе доводы, но изъ нихъ самый существенный тотъ доводъ экономическій, что для народнаго хозяйства коньектуральный трудъ людей дѣйствительнѣе механическаго; доводъ же политическій выраженъ въ приведенной конституціи. Наконецъ есть еще третій, чисто финансовый доводъ, что прямой расходъ на образованіе уравновѣшиваетъ, а можетъ быть и съ избыткомъ покрываетъ отрицательную трату, которая теперь существуетъ по предупрежденію преступленій, вызываемыхъ нуждою и слабостію трудовой силы у населенія, неспособности иногда разумно трудиться и соображаться съ условіями своей обстановки, ставить сознательную цѣль своей дѣятельности. Однимъ словомъ, безвозвратные расходы на охрану и преслѣдованіе, сыскную полицію и тюрьмы, исправленіе малолѣтнихъ осужденныхъ и т. п. сокращаются въ размѣрѣ ихъ полнѣйшей замѣны воспроизводительными затратами по воспитанію сообразительныхъ рабочихъ и добросовѣстныхъ податныхъ плательщиковъ.

При такой важности образованія понятно, что осуществленіе этой задачи можетъ принять на себя одно государство. Къ тому же, образованіе дѣтей нельзя поставить въ исключительную зависимость отъ ихъ родителей, такъ какъ развитіе коньектуральной трудовой силы имѣетъ не частный, а общенародный интересъ; кромѣ того можетъ оказаться, что родители талантливыхъ дѣтей по бѣдности не могутъ дать имъ образованія, вслѣдствіе чего хозяйство потеряетъ способную трудовую силу. Связать образованіе съ зажиточностью семейною невозможно. Невозможно также связать его даже съ зажиточностью общины, потому что въ одной общинѣ можетъ оказаться обиліе средствъ и недостатокъ въ талантливыхъ дѣтяхъ, а въ дру-

*) Срв. *А. Окольскій*, объ отношеніи государства къ народному образованію, С.-Петербургъ, 1872 г., стр. 563 и слѣд.—Въ Америкѣ окончательно принято пока обязательное обученіе, послѣ того какъ установленіе его еще первыми поселенцами въ 1642 г. утерялось въ нерадивомъ забытьѣ, въ Нью-гемпшейрѣ, Вермонтѣ, Мэнѣ, Родэйлендѣ, Мичиганѣ, Иллинойсѣ, Массечузетѣ, со штрафомъ для родителей до 20 долларовъ, отъ 7, 8 и до 15, 16 лѣтъ. Убѣдившись въ благодѣтельныхъ результатахъ, и другіе штаты теперь предполагаютъ его ввести, такъ Нью-Іоркъ.

гой много талантливыхъ дѣтей окажется со скудными общинными средствами къ ихъ образованію.

Очевидно, необходимо основное образованіе изъ частной сферы перенести въ сферу государственную, гдѣ на общій финансовый источникъ, при абсолютной повинности платить налогъ въ размѣрѣ чистаго хозяйственнаго дохода *), расходъ на обученіе будетъ ложиться въ постепенности достатковъ, а обученіе будетъ совершенно однообразно распредѣляться въ той степени, въ которой каждый способенъ пользоваться имъ. Образованіе оказывается, къ тому же, вопросомъ не только настоящаго, но и будущихъ поколѣній, а потому его обезпеченіе и должно быть предоставлено тому учрежденію, которое существуетъ не для одного только настоящаго, но и для будущихъ поколѣній, т. е. государству. Родители, воспитывая своихъ дѣтей, имѣютъ въ виду не свою пользу, а только самихъ дѣтей, между тѣмъ какъ государство имѣетъ въ виду и свою пользу. На сколько въ послѣднемъ случаѣ стимулъ дѣятельности сильнѣе, на столько нормальнѣе возложить эту задачу на общество.

При этомъ не происходитъ никакого нарушенія семейныхъ правъ **), такъ какъ вездѣ признано, что государство обязано защищать лишенныхъ возможности отстаивать свои права и предупреждать ихъ нарушеніе. А такъ какъ, существуетъ ранняя отдача дѣтей въ работу и это зло чрезвычайно распространено, то уже одно это злоупотребленіе прямо указываетъ на цѣлесообразность вступаться за малолѣтнихъ. Вотъ почему, законъ можетъ обязать малолѣтнихъ получать образованіе, а родителей не отвлекать ихъ отъ обученія. При этомъ, конечно, нѣтъ надобности обязывать всѣхъ родителей отдавать своихъ дѣтей въ казенныя школы; пусть всякій даетъ образованіе своимъ дѣтямъ по средствамъ, лишь бы только представлять власти удостовѣреніе, что дѣти не остаются безъ надлежащаго образованія, т. е. ниже общедоступнаго средняго уровня.

Обязательное обученіе по своему характеру, очевидно, должно быть и даровымъ для всѣхъ неимущихъ. Если же всякая трата на образованіе производительна, то нельзя разсуждать о благодѣяніи тѣмъ, которые пользуются даровымъ обученіемъ; а существуетъ только общегосударственная затрата, которая, какъ и всякій государственный расходъ, падаетъ въ размѣрѣ большей податной силы,

*) См. мой Финансовый кредитъ. Спб. 1871 г.

**) Срв. *А. Васильчиковъ*, о самоуправленіи, С.-Петербургъ, 1870 г., II, 61.

причемъ даровое обученіе можетъ единственно существовать въ пользу лицъ, которыя и податей платить не могутъ, т. е. чистымъ хозяйственнымъ доходомъ не располагаютъ. Конечно, разграниченіе населенія, на лицъ нуждающихся и не нуждающихся въ даровомъ образованіи, можетъ встрѣтить затрудненія въ томъ случаѣ, если подати платятся въ размѣрѣ бѣдности, или существуютъ льготы въ обратной пропорціи: тогда нѣтъ твердой опоры для опредѣленія степени податной состоятельности лица. Безспорно, что въ случаѣ личнаго благоусмотрѣнія, ходатайствъ, протекцій, милостей и проч., надѣленіе даровымъ образованіемъ принимаетъ характеръ благодѣянія, выпадающаго часто на долю тѣхъ, которые вовсе въ немъ не нуждаются. Но когда и гдѣ въ основаніе финансовой системы положено правило, что налогъ платится съ одного чистаго хозяйственнаго дохода лица, когда косвенные сборы служатъ только для уравновѣшиванія недостатковъ подоходнаго налога, тамъ вопросъ о распредѣленіи дороваго образованія рѣшается легко: именно лица, освобожденныя отъ налога, вслѣдствіе ничтожности своего дохода, и будутъ получать даровое образованіе, а лица, платящія налогъ, не нуждаются и въ даровомъ образованіи. Возможно и соблюденіе такого условія, чтобы лица, платящія наименьшій подоходный налогъ, участвовали въ платѣ за обученіе только отчасти, или только за одно дитя, а остальныя будутъ пользоваться даровою школою; тогда какъ для лицъ, подлежащихъ высшимъ категоріямъ налога, никакія облегченія немыслимы.

Но такъ какъ, цѣль обязательнаго образованія заключается въ томъ, чтобы дать залоги самостоятельнаго развитія тѣхъ природныхъ задатковъ, которыми располагаетъ каждая личность, то обязательность нормальна только для элементарнаго образованія; а распространять обязательность и на высшее образованіе значитъ для опыта потратить финансовыя средства на личностей, можетъ быть не способныхъ къ высшему образованію. Такъ, всѣ почти законодательства считаютъ образованіе обязательнымъ только въ возрастѣ отъ 6 или 7, 8 и до 13 или 14—16 лѣтъ. Нѣтъ необходимости въ томъ возрастѣ, въ которомъ физическаго и половаго различія еще не существуетъ, устраивать школы отдѣльно для мальчиковъ и дѣвочекъ.

Коренное условіе обязательности образованія заключается, естественно, въ одновременной общедоступности его, послѣдняя далѣе осуществляется тѣмъ, чтобы всѣмъ лицамъ, способнымъ и желающимъ

получить полное умственное развитіе, былъ открытъ доступъ, какъ въ элементарныя и среднія, такъ и въ высшія учебныя заведенія, при чемъ лица несостоятельныя не только должны располагать даровымъ пользованіемъ этими заведеніями, но столь же нормально снабдить ихъ средствами къ существованію во все время обученія. Право на образованіе можетъ опредѣляться исключительно только способностями обучающихся, а не происхожденіемъ, или состоятельностію родителей. До сихъ поръ фактически подобное равенство не проводилось, нерѣдко оно не признавалось и въ идеѣ. Въ большинствѣ случаевъ обезпечивалось даровое обученіе въ виду чисто спеціальныхъ интересовъ и ради подготовки къ общественному служенію; существовали училища духовныя, техническія, военныя и т. п.

До сихъ поръ нѣкоторыя государства подобно Англіи охраняли и мнимую свободу обученія, понимая ее въ томъ смыслѣ, что государство не призвано заботиться объ устройствѣ школъ. Однако и Англія въ послѣднее время покинула это невмѣшательство, возникла система правительственной инспекціи, а частныя школы, которыя желаютъ подчиниться требованіямъ оффиціальныхъ программъ при преподаваніи и признаютъ право ревизій, получаютъ отъ казны субсидіи.

Кромѣ крайне узкихъ, еще неудовлетворительнѣе осуществившихся, постановленій 1833, 1844 и 1847 годовъ относительно устройства школъ для малолѣтнихъ при фабрикахъ, а 1845 г. при workhouses и district pauper schools, открываемыхъ на средства unions, наконецъ industrial schools для скитающихся дѣтей (vagrant childrens) по акту отъ 6 авг. 1861 г.,—изданъ образцовый парламентскій актъ 27 авг. 1867 г., объ обязательности обученія рабочихъ дѣтей; однако и въ немъ по art. VI допускается, что малолѣтніе отъ 8 до 13 лѣтъ могутъ быть заняты, извѣстными видами ручнаго труда, во всѣ дни недѣли по $6^1/_2$ часовъ, а во всю недѣлю кругомъ они обязаны при этомъ посѣщать школы не менѣе, какъ въ теченіи 10 часовъ, эта система такъ называемой полработы надѣляетъ, стало быть, дѣтей $6^1/_2$ рабочими часами на $1^2/_3$ часа школы ежесуточно. По art XVII допускается привлечь предпринимателя къ уплатѣ школьному учителю вознагражденія за каждаго малолѣтняго рабочаго, но первый можетъ вычесть этотъ расходъ изъ заработка ребенка.— Таковы пока въ Англіи безвозмездность и общедоступность обученія.—Относительно равномѣрной обязательности характерно взысканіе, опредѣляемое по art XV: родители за удержаніе дѣтей отъ посѣщенія школы могутъ быть оштрафованы до 20 ф. стерл., а предприниматели и хозяева только до 3 ф. ст. Въ Австріи обязательное обученіе, установленное еще въ 1774 году, неводворялось надежно, почему Schul — und Unterrichtsordnung отъ 20 Авг. 1870 г. снова старается обезпечить правильное посѣщеніе школъ. Въ Румынскихъ княжествахъ признана обязательность обученія еще по конституціи 3 Іюля 1866 г.

Попытки къ введенію обязательнаго образованія начались въ разныхъ германскихъ государствахъ еще съ начала прошлаго вѣка. Впереди всѣхъ шла Пруссія. 27-го сентября 1717 г. изданъ былъ законъ, по которому посѣщеніе школъ сдѣлалось обязательнымъ для дѣтей отъ 5 до 12 лѣтъ. Но недостатки этого проекта, въ томъ числѣ слишкомъ ранній школьный возрастъ и краткость срока обученія, естественно не дали этой мѣрѣ развиться съ тою полнотою и полезностью, которыя отъ нея ожидались. Вслѣдствіе противодѣйствія феодаловъ, законъ этотъ былъ введенъ только 29 сен. 1736 г. Но даже и затѣмъ законъ все-таки оставался мертвою буквою, и только съ земскаго регламента 1763 г. успѣло водвориться обязательное обученіе, при чемъ школьный возрастъ опредѣленъ отъ 6 до 14 лѣтъ. Прочія германскія государства только съ пынѣшняго столѣтія послѣдовали примѣру Пруссіи. Въ Курфюршествѣ Гессенскомъ введено обязательное образованіе, съ 6—14 лѣтъ, въ 1803 г., а окончательно организовано въ 1818 г. Въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ въ 1832 г. Въ Саксоніи 6-го іюня 1835 г. Въ этомъ же году и въ Баваріи съ тою разницею, что обязательное обученіе продолжается только съ 6 до 13 лѣтъ. Въ послѣднее время въ Баваріи учреждены такъ называемыя Fortbildungsschulen, предназначенныя для продолженія обученія, въ праздничное время, юношей старше школьнаго возраста съ 13 до 16 лѣтъ. Въ Баденѣ обязательное обученіе, по проекту 18 мая 1834 г., введено 3 октября 1851 г., причемъ возрастъ, различенъ по полу: для мальчиковъ отъ 6—14 лѣтъ, для дѣвочекъ отъ 5—13 лѣтъ. Въ Ганноверскомъ королевствѣ въ 1845 г., въ Вюртембергскомъ въ 1836 году, а окончательно оно установлено съ школьнымъ возрастомъ отъ 7 до 14 л., въ 1858. г. Въ Швеціи обязательное обученіе установилось окончательно въ 1842 г., подъ надзоромъ общинъ. Въ Вюртембергскомъ королевствѣ, какъ и въ Баваріи, введено дабавочное обученіе, послѣ 14 лѣтняго возраста до 18 лѣтъ, въ праздничные дни. По примѣру Баваріи и Вюртемберга и другія нѣмецкія государства стали теперь серьезно разсуждать о необходимости добавочнаго обученія для лицъ старшихъ школьнаго возраста и по всей вѣроятности вопросъ этотъ будетъ поднятъ въ Германскомъ рейхстагѣ. Кромѣ еще Австріи и Румыніи, въ остальныхъ государствахъ обязательное обученіе пока не осуществлено.

Затѣмъ Fortbildungsschulen оказываются необходимыми потому,

что знанія, усвоенныя до 14 лѣтъ, весьма часто теряются, умственное развитіе въ этомъ возрастѣ не только не заканчивается, но самостоятельность его развѣ начинается: необходимо поддерживать знанія, пріобрѣтенныя въ этомъ возрастѣ, чтобы они окрѣпли. Также, какъ въ періодѣ школьнаго возраста, польза общественная требуетъ полнаго запрещенія наемной работы дѣтей, такъ общій же законъ долженъ ограничить или сокращать наемную работу дѣтей послѣ 14 лѣтъ на то время, пока продолжается дополнительное образованіе; слѣдуетъ обязать соблюденіемъ извѣстнаго числа рабочихъ часовъ или рабочихъ дней, въ недѣлю.

§ 33. Экономическія и финансовыя основанія самаго осуществленія обязательнаго и общедоступнаго обученія.

По выясненію общихъ положеній, очевидно, что заботу объ обученіи должна принять казна, имъ должно однообразно вѣдать само государство, потому что, если предоставить это дѣло мѣстностямъ, общинамъ, сословіямъ то послѣднія будутъ радѣть не объ общегосударственныхъ цѣляхъ, а направятъ свои траты въ пользу интересовъ мѣстныхъ. Элементарное обученіе, между тѣмъ, не должно имѣть и тѣни спеціальнаго техническаго подготовленія, оно должно стремится къ формальному развитію, дать одинаковые всѣмъ залоги развить свои индивидуальныя наклонности; оно можетъ единственно подготовить удачу и самостоятельность послѣдующаго спеціальнаго образованія. То разсужденіе, что въ извѣстной мѣстности необходимы такія то ремесленныя и техническія школы, противорѣчитъ всѣмъ научно устойчивымъ взглядамъ на элементарное образованіе, оно педагогически неприложимо, дидактически неосуществимо, т. е. вполнѣ неосновательно какъ въ принципѣ, такъ и на опытѣ.

Другой доводъ въ пользу того, что элементарное обученіе слѣдуетъ сполна возложить на государство, чисто экономическій. Статистика показываетъ (Энгель), что города привлекаютъ изъ окрестныхъ мѣстностей, преимущественно населеніе отъ 20 до 40 и 45 лѣтъ, а что въ селеніяхъ и мѣстечкахъ остаются лица моложе или старше этого возрастнаго періода. Слѣдовательно, малолѣтнихъ и престарѣлыхъ въ городахъ сравнительно гораздо меньше, чѣмъ въ такъ называемой открытой мѣстности (platies Land). По этому, при мѣньшихъ средствахъ мѣстныхъ, тяжесть расходовъ по обуче-

нію гораздо сильнѣе ложится на поселки, чѣмъ на города. Указанное отношеніе, понятно, существуетъ не только между сельскими общинами и городами, но и между различными частями того же государства: чѣмъ мѣстность бѣднѣе естественными средствами, тѣмъ больше развиты въ ней отхожіе и отъѣзжіе промыслы, и стало быть, пропорціонально болѣе остается въ нихъ малолѣтныхъ.

И такъ, даже большіе округа, чѣмъ селенія и общины, часто не окажутся въ состояніи вести на свои налоговыя средства дѣло обязательнаго обученія. Завѣреніе, что при общеказенномъ расходѣ на школы, города должны платить излишнее въ пользу деревень, очевидно и не доводъ: такъ имъ и слѣдуетъ, такъ какъ тѣже села отдаютъ свое взрослое рабочее населеніе городамъ. Весьма важное, для отчетливаго выясненія послѣдняго указанія, дѣленіе населенія выработалось у насъ издавна, именно на работниковъ, полуработниковъ и неработниковъ: малолѣтніе до 14 лѣтъ и старики свыше 65 лѣтъ считаются неработниками: дѣти отъ 14 и до 17 или 18 лѣтъ, престарѣлые отъ 60 до 65 лѣтъ и женщины считаются полуработниками *); а лица промежуточныхъ возрастовъ (18—60) полносильными работниками. Открытая мѣстность высылаетъ въ города своихъ работниковъ; по этому то и оказывается въ первой болѣе неработниковъ и полуработниковъ, чѣмъ въ городахъ, гдѣ отношеніе возрастное отъ наплыва выходитъ на оборотъ. Поэтому, странно городамъ было бы претендовать на то, что они платятъ въ пользу обученія за мѣстности; они же обязаны своими доходами именно немало этому пришлому сельскому населенію. Въ Берлинѣ только $^1/_4$ жителей мѣстно осѣдлые, а остальные $^3/_4$ всѣ пришлые, даже проѣзжіе. Въ Петербургѣ наплывное населеніе составляетъ $^2/_3$ общаго, да притомъ для мущинъ $^3/_4$, а для женщинъ болѣе $^1/_2$.

Вотъ основное экономическое соображеніе, по которому расходы на обязательное обученіе не могутъ быть возложены на мѣстности и земства.

Но является вопросъ, слѣдуетъ ли на общегосударственную казну возложить и затраты на всѣ другіе виды обученія, кромѣ элементарнаго? Этотъ вопросъ разрѣшается на основаніи того положенія, что дальнѣйшее образованіе не можетъ быть обязательнымъ, а только общедоступнымъ.

*) Срв. *К. Веселовскій*, о распредѣленіи народонаселенія въ Россіи по возрастамъ (Записки Имп. Р. Геогр. Общ., 1861 г., I, 175).

Напрасно, впрочемъ элементарное обученіе до сихъ поръ на практикѣ исчерпывается чтеніемъ, письмомъ и счетомъ, какъ первоначальными средствами къ дальнѣйшему пріобрѣтенію свѣдѣній; такъ какъ ограничиться этимъ запасомъ знаній, притомъ въ такомъ возрастѣ, когда умственная дѣятельность еще не прочно устанавливается, и весьма недостаточно, и мало развиваетъ. Если разъ признано, что до 14 лѣтъ малолѣтніе не должны работать, въ предупрежденіе всякаго вреда для физическаго укрѣпленія, то семилѣтній періодъ обученія слишкомъ великъ для сообщенія такихъ скудныхъ свѣдѣній, каковы грамота и цыфира, а если ученика во все это время начинять только этимъ матеріаломъ, за это почти значитъ отбивать у него всякую охоту учиться. Далѣе же, если признать, что первоначальное образованіе обязано экономически подготовить человѣка къ успѣшной борьбѣ за свое существованіе и что хозяйственный успѣхъ зависитъ отъ умѣнья совладать не только со средою, но и съ другими людьми въ конкурренціи, то необходимо соотвѣтственное знакомство съ окружающею природою, чтобы въ дѣятелѣ не могъ развиться суевѣрный страхъ къ ней и было бы ему доступно открывать и оцѣнивать тѣ полезности, безъ которыхъ самостоятельность его производства не мыслимо. Потребны стало быть съ одной стороны, такія свѣдѣнія по естествознанію, безъ которыхъ разумный трудъ является не осуществимымъ. Конечно, невозможно указать размѣръ преподаванія, въ послѣднемъ почти все зависитъ отъ способа передачи свѣдѣній, отъ дидактическаго пріема: но потребно настоятельно подтверждать, что лучше передать немного, но обезпечить основательное усвоеніе, чѣмъ сообщать о многомъ, но неудовлетворительно. Несомнѣнно объемъ этихъ свѣдѣній будетъ зависитъ отъ взаимныхъ дѣйствія личностей учениковъ и учителя. Въ тоже время и съ другой стороны, для успѣшной борьбы за обстановку человѣкъ долженъ отчетливо знать свое юридическое положеніе въ обществѣ, знать свои права и обязанности, тѣмъ болѣе, что невѣдѣніемъ законовъ никто отговариваться не можетъ; а потому въ элементарной школѣ должны быть сообщаемы и свѣдѣнія юридическаго и публицистическаго содержанія. Объемъ послѣднихъ также зависитъ отъ уровня и взаимнаго содѣйствія личностей учителя и обучающихся. Наконецъ, разъ обязательное обученіе имѣетъ въ виду обезпечить за подростающими въ будущемъ способность къ самобытному труду

и дать возможность укрѣпиться ихъ физическимъ силамъ, въ кругъ элементарнаго школьнаго обученія не можетъ не входить и гимнастика. Хотя въ послѣднее время признана важность гимнастики для дѣтей, но обязательнымъ предметомъ школьнаго обученія она еще не вездѣ становится. Въ германіи выступилъ этотъ вопросъ въ эпоху порабощенія ея французами въ Turnvereiп'ахъ, пропагандировавшихся Otto. Iahn'омъ: на первый разъ видѣли преимущественно средство, чтобы образовать пригодныхъ воиновъ и мстителей. Гимнастика же, въ смыслѣ педагогическаго средства къ нормальному развитію силъ дѣтей, выработана только трудами шведскаго гимназіарха Линка. Странно, что при обширной, литературной разработанности методологіи своей, гимнастика не признана еще обязательною даже въ государствахъ съ обязательнымъ обученіемъ.

По вопросу объ обязательномъ и даровомъ обученіи еще нужно прибавить слѣдующее: оно вполнѣ даровое для лицъ неимущихъ, но съ достаточныхъ и богатыхъ потребно брать ту плату, которая покрывала бы дѣйствительные, пропорціональные расходы при содержаніи учебнаго заведенія. Нынѣ существующая система создана какъ будто только для того, чтобы напомнить родителямъ, что вообще *слѣдовало бы* имъ платить за обученіе, хотя они его и далеко не оплачиваютъ. Въ тоже время, этотъ такъ сказать намекъ все еще обременителенъ для человѣка бѣднаго, а для родителя богатаго прямо всякій ничтожный училищный сборъ равняется даровому обученію.

Въ заключеніе нельзя еще не остановится на томъ, что для внутренняго обезпеченія дѣла, и чтобы элементарныя казенныя школы достигали своей цѣли, нужно въ нихъ предупреждать и устранять всякіе признаки дурной школы. Задача элементарной школы чрезвычайно важна въ томъ отношеніи, что она должна передать ученику такое развитіе, которое могло бы обезпечить въ немъ залоги самостоятельнаго соображенія въ будущемъ, да притомъ для такихъ лицъ, которыя можетъ быть уже съ 14 лѣтъ часть своего времени вынуждены посвящать наемной работѣ, и вообще въ позднѣйшей своей жизни будутъ мало имѣть свободнаго времени для самообразованія; особенно лица, которымъ предназначено въ потѣ лица ѣсть хлѣбъ свой, должны быть подготовлены къ большей энергіи и самостоятельному почину, чѣмъ богатые, которые могутъ свободно располагать собою до 21 или 30 лѣтъ. Соотвѣтственно

указанной трудной задачѣ элементарной школы и требованія отъ ея представителя должены быть велики.

Анекдотическою извѣстностію пользуется фактъ, что Фридрихъ Вел. назначалъ элементарными учителями своихъ увѣчныхъ капраловъ, и когда ему представляли, что вѣдь они незнаютъ латыни, онъ отвѣтилъ, что для латыни могутъ нанять себѣ мальчишку начетчика (lateinischer Lesebengel). Въ настоящую же пору едва-ли кто станетъ оспаривать, что не всякій грамотный человѣкъ годится въ школьные учителя и если во Франціи допускается, что всякая школа имѣетъ право выдавать аттестаты на элементарнаго учителя, то воззрѣніе это оказывается вполнѣ несостоятельнымъ. Хотя въ послѣднее время нѣмцы и хвастали, что побѣду заручилъ школьный учитель, но это высказывалось какъ бы потому, что сознавали необходимость, при матеріяльно убогомъ положеніи послѣдняго, хотя нравственно его утѣшить и приписать ему высокую честь.

Задача школьнаго учителя, между тѣмъ, на столько тяжела и обширна, что ее можетъ выполнить только дѣйствительно образованный, разносторонне развитой и талантливый человѣкъ. Онъ не можетъ ограничиться какою либо спеціальностью, но долженъ имѣть солидныя свѣдѣнія въ разныхъ отрасляхъ знанія и обладать при этомъ неизбѣжно чисто личными нравственными достоинствами. Образованный и талантливый учитель, какъ бы ни была велика любовь его къ своему дѣлу, едва-ли рѣшится обречь себя на убогость и нужду, особенно если его задатки открываютъ ему болѣе блистательную карьеру и жизнь въ довольствѣ. На этой должности обыкновенно остаются только люди, которые не надѣются на свои силы, чтобы далѣе попытаться. Вотъ почему, званіе элементарнаго учителя, при нынѣшней его обстановкѣ даже въ Германіи, является для личностей талантливыхъ не болѣе какъ переходною ступенью къ высшему поприщу. Отъ хорошаго учителя начальной школы требуется не меньше, чѣмъ отъ преподавателя средняго или высшаго учебнаго заведенія, напротивъ, послѣдніе—спеціалисты, а онъ долженъ быть энциклопедистъ. Вотъ почему, и матеріальное положеніе начальнаго учителя должно быть не хуже, особенно принимая во вниманіе то, что на высшія преподавательскія мѣста привлекаетъ желаніе занять почетное положеніе въ обществѣ, удовлетворять отчасти самолюбію и честолюбію, тогда какъ роль сельскаго учителя есть положеніе скромнаго, незамѣтнаго труженика въ

деревенской глуши, — можетъ утѣшать онъ себя только сознаніемъ своей добросовѣстности и той пользы, которую онъ приноситъ. По всѣмъ приведеннымъ причинамъ, нельзя усумниться въ общемъ положеніи, что *неудовлетворительное матеріальное обезпеченіе начальнаго учителя есть первый роковой провозвѣстникъ дурной элементарной школы.*

Другой признакъ всякой вообще дурной школы,—*когда наличныя, удовлетворительныя учительскія силы приходится тратить на такое множество учениковъ, что совладать и успѣвать съ этою массою невозможно.* Практикою дознано, что одновременно, класснымъ порядкомъ, успѣшно можно заниматься не болѣе какъ съ 20—25 учениками; если же ихъ большее число, то доступно только поддерживать внѣшнюю дисциплину, но сомнительна дѣйствительная производительность услугъ, выражающихся преподаваніемъ. Если наберется больше этого числа учениковъ, то должна быть устроена другая школа, или учителю долженъ быть данъ помощникъ.

Наконецъ, третій признакъ дурной школы—это *несоотвѣтствіе между преподаваемыми въ ней предметами и тою цѣлью, которая* нормально *можетъ быть достигнута начальною школою.* Мы уже высказали взглядъ на назначеніе элементарной школы и на тотъ кругъ свѣдѣній, какія должны быть въ ней преподаваемы. Если же школьная программа выполнена въ семь лѣтъ (отъ 7—14), то нѣтъ надобности въ дальнѣйшемъ *обязательномъ* обученіи *).

Среднее и высшее образованіе, понятно, должно вестись соотвѣтственно тѣмъ своеобразнымъ цѣлямъ, которыя предполагаются имъ достигнуть, въ зависимости отъ послѣднихъ водворяется основное различіе спеціальнаго и общаго образованія. На сколько 14 лѣтній возрастъ можно признать достаточнымъ предѣломъ обученія, обезпечивающаго дальнѣйшее физическое и умственное развитіе, на столько же съ этого возраста можетъ начаться дѣленіе обученія на общее и спеціальное, съ раздѣленіемъ того и другаго на среднее и высшее. Понятно, что характеръ спеціальнаго образованія долженъ опредѣляться разнообразно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

*) См. богатое фактическое изложеніе всего учебнаго дѣла, и особенно народныхъ школъ, у *И. Андреевскаго*, Полицейское Право, Спб., 2 ч. 1871—72 г., § 238 во II ч., стр. 273—338.

Что же касается общаго, средняго и высшаго, образованія, то оно, подобно элементарному, должно быть общедоступно въ томъ смыслѣ, чтобы ни одно способное лицо устранялось постороннимъ причинами отъ пріобрѣтенія его. Равнымъ образомъ, изъ общедоступности вытекаетъ свобода выбора слѣдовать въ образованіи тѣмъ двумъ направленіямъ, о которыхъ теперь такъ много спорятъ, реальному или гуманистическому (которое у насъ почему то называется классическимъ); какъ то, такъ и другое направленіе должно быть открыто желающимъ, другими словами должно существовать такое число соотвѣтственныхъ учебныхъ заведеній, которое соотвѣтствовало бы и количеству лицъ, желающихъ получить то или другое среднее образованіе. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ относительно средняго и высшаго образованія водворять строгую провѣрку дѣйствительнаго пріобрѣтенія свѣдѣній тѣми лицами, которыя пользуются, или безплатно, или съ пособіемъ, этимъ образованіемъ. Такъ какъ общедоступное, даровое или со вспомоществованіями, высшее и среднее обученіе имѣетъ въ виду дать выходъ особенно талантливымъ личностямъ, чтобы не дать имъ заглохнуть ради общегосударственной пользы, чтобы обезпечить двигателями и опорами развитіе народной культуры, то неизбѣжно всякое лицо, неоправдывающее подобныхъ ожиданій, должно быть тотчасъ, безъ всякаго благотворительнаго сожалѣнія, устранено отъ пользованія даровымъ высшимъ и среднимъ образованіемъ, иначе произойдетъ не только напрасная, но и предосудительная трата казенныхъ податныхъ средствъ. Обществу позволительно тратится на общедоступность средняго и высшаго образованія единственно въ той надеждѣ, что вспомоществуемыя лица возвратятъ затраты, посвятивъ свои силы на пользу общаго прогресса; если же такое законное ожиданіе не оправдывается, то траты на такихъ лицъ безвозвратны, и даже въ полномъ своемъ размѣрѣ раззорительны.

Но кромѣ лицъ, подлежащихъ даровому обязательному обученію или пользующихся общедоступнымъ образованіемъ, есть еще разрядъ несовершеннолѣтныхъ, о которыхъ общество должно позаботиться,— это именно тѣ дѣти, не достигшіе еще школьнаго возраста, родители которыхъ не въ состояніи обезпечить ихъ вскормленіе. Есть много родителей, которые, отправляясь на работу, вынуждены оставлять дѣтей дома безъ всякаго присмотра, есть и такіе, которые не имѣютъ рѣшительно никакихъ средствъ содержать своихъ

дѣтей. Общество, ради своей же пользы, призвано позаботься и объ участи такихъ безпомощныхъ созданій. Уже давно съ цѣлью доставленія убѣжища подобнымъ дѣтямъ и съ цѣлью ихъ младенческаго воспитанія устраивались разные пріюты, дневные или ночлежные, воспитательные дома и проч. (crêches, Krippen). Но какъ самое количество подобныхъ дѣтей, такъ и обиліе и формы средствъ призрѣнія ихъ, въ значительной степени обусловливаются мѣстными требованіями, а потому вся задача, съ наибольшимъ удобствомъ, можетъ быть возложена на общины и мѣстности, а нѣтъ отнюдь повода обремѣнять потребными затратами центральную государственную администрацію. Относительно способовъ организаціи самого призрѣнія такихъ малолѣтнихъ не выработано еще до сихъ поръ никакой прочной системы; только начатки въ этомъ отношеніи представляютъ такъ называемые Фребелевскіе дѣтскіе сады, а потому пока желательно ихъ открывать столько, сколько необходимо, чтобы уберечь непризрѣнныхъ малолѣтнихъ, недостигшихъ школьнаго возраста, отъ недостатка питанія, отъ уродованія, развращенія, повальной смертности и т. д.

Мы не касались подробно цѣлостности и стройности системы образованія, а старались единственно всѣ указанія подогнать къ той основной экономической аксіомѣ, что трудъ тѣмъ производительнѣе, тѣмъ выгоднѣе для хозяйства, чѣмъ болѣе участвуетъ въ немъ соображеніе и чѣмъ меньше въ немъ элемента чисто механическаго. Вообще разрѣшить одну изъ существенныхъ сторонъ такъ называемаго рабочаго вопроса невозможно инымъ путемъ, какъ помощію соотвѣтственнаго обученія и образованія будущихъ работниковъ *) Только при умственномъ развитіи можно надѣяться на большую производительность труда, и, безъ болѣзненной ссылки на то нравственное воздержаніе, которое рекомендуется Мальтусомъ, дойти до уменьшенія нищеты, или положительнымъ образомъ предотвратить размноженіе нищихъ.

*) Срв. *H. Strass:* Uber die Mittel zur besseren, materiellen und körperlichen Heranbildung der künftigen Generationen, Berlin, 1855 г.

§ 34. Основанія и способы индивидуальной организаціи трудоваго элемента производства. Обособленіе, раздѣленіе и соединеніе трудовъ.

Превосходство сообразительнаго, коньектуральнаго элемента надъ механическимъ привело рано уже къ тому, что при всѣхъ трудовыхъ затратахъ, въ работѣ и производствахъ, стали сообразоваться съ основнымъ залогомъ человѣческой дѣятельности, именно съ индивидуализаціею, съ обособленіемъ личнымъ и мѣстнымъ. Практическій опытъ скоро долженъ былъ доказать, что не всякій способенъ ко всякому труду, что не во всякой мѣстности возможно всякое производство. Личныя особенности, съ одной стороны, и своеобразіе обстановки, съ другой, даютъ возможность данному труженику заниматься только извѣстнымъ производствомъ, а не другимъ. Поэтому весьма рано эти два условія навязывали всѣмъ трудящимся то соображеніе, что каждый долженъ заняться *извѣстнымъ* дѣломъ и что въ итогѣ совокупными усиліями созданы будутъ удовлетворительнѣе всѣ средства потребленія. Это сознаніе подкрѣплялось еще бытовою общественностью, чувствомъ общей солидарности между людьми. Безотчетное постиженіе умѣстности раздѣленія трудовъ и занятій, или вообще усилій, тотчасъ же обнаруживается, какъ скоро сойдутся въ общемъ предпріятіи даже нѣсколько живыхъ существъ. Смитъ приводитъ въ примѣръ гончихъ собакъ, которыя преслѣдуя звѣря не бѣгутъ рядомъ, но направляясь съ разныхъ сторонъ въ обходъ, стараются направить звѣря такъ, чтобы онъ набѣжалъ на охотника; слѣдовательно, каждая изъ собакъ дѣйствуетъ порознь, но для облегченія общихъ усилій направляетъ свое движеніе все-таки къ одной цѣли.

Соображеніе о благотворности раздѣленія труда возникло еще въ семьяхъ дикарей. Это соображеніе, развившись впослѣдствіи до отчетливыхъ представленій, и выразилось въ троякаго рода организаціи трудовъ: во-первыхъ, люди водворили дѣленіе занятій вслѣдствіе особенностей данной мѣстности, напр. одна мѣстность благопріятствуетъ развитію звѣроловства, другая рыболовству, третья скотоводству, хлѣбопашеству и т. д.

Но затѣмъ тоже дѣленіе выразилось позже въ болѣе систематическимъ распредѣленіи занятій, благодаря чему, во-вторыхъ,

одно и тоже занятіе, или производство стало распадаться на столько отдѣльныхъ трудовъ и операцій, сколько оказывалось самостоятельныхъ дѣйствій въ данномъ производствѣ. Такое тѣснѣйшее раздѣленіе труда могло развиваться и совершенствоваться по мѣрѣ успѣховъ производства, такъ что каждая отдѣльная группа усилій, доставляющая самостоятельные результаты извѣстнаго рода, выполняется личностями, исключительно посвятившими себя спеціальнымъ операціямъ. Именно каждый видъ производства стали разлагать на составныя его части, и каждая такая часть, или группа передѣловъ, перешла въ руки особыхъ, исключительно чѣмъ либо однимъ занимающихся, работниковъ.

Тотъ же прогрессъ хозяйственный, вызвавшій раздѣленіе трудовъ въ каждомъ производствѣ порознь, установилъ и прочное соединеніе занятій и трудовъ; нѣкоторыя работы должны были оказаться не по силамъ отдѣльнымъ личностямъ, напримѣръ сдвинуть съ мѣста тяжелый камень, а дружными усиліями многихъ задача выполняется. Этотъ третій видъ организаціи трудовъ, т. е. соединіе усилій, или существуетъ въ такомъ видѣ, что разомъ должно дѣйствовать много рабочихъ, или же соединеніе можетъ осуществляться тѣмъ, что труженики, подѣлившіе между собою отдѣльныя занятія, промыслы, или труды и операціи, все-таки въ общемъ числѣ стремятся соотвѣтствовать всему количеству потребныхъ операцій и трудятся или совмѣстно, или параллельно; иначе не произвести цѣлостной цѣнности. Такъ предполагая въ часахъ 102 отдѣльныхъ частей, труды въ часовомъ производствѣ могутъ быть распредѣлены между 102 работниками, причемъ каждый порознь долженъ производить равное со всѣми другими количество частей, тогда только удастся составить соотвѣтственное количество полныхъ часовъ.

Если, стало быть, производство какой нибудь одной части труднѣе другихъ, то для соотвѣтственнаго приготовленія общаго количества такихъ частей должно быть увеличено по данной операціи число работниковъ. Такимъ образомъ, число рабочихъ можетъ и не соотвѣтствовать числу своеобразныхъ операцій, или частичныхъ трудовъ даннаго производства, напр. въ часовомъ производствѣ на 102 отдѣльныхъ операцій можетъ потребоваться 225 человѣкъ. Для нормальнаго же удовлетворенія указаннымъ требованіямъ, въ одно-

временности и соразмѣрной параллельности трудовъ, по необходимости повсюду водворялось соединеніе труда.

Въ сапожномъ районѣ волостей Кимрской, Строевской и Ильинской къ производству привлекаются всѣ члены семьи, мальчики съ восьми лѣтъ точатъ голенища, готовятъ дратву, тоже дѣлаютъ женщины, а дѣвушки отъ 10 до 16 лѣтъ склеиваютъ стружки. Изъ закроенъ кожа передается посадчикамъ, на выгяжку по колодкамъ и для уравненія скобелью полщины кожи на передахъ и на задахъ; отъ посадки остаются сдирки или стружки, которыя продаются на рынкѣ. Изъ стружекъ мастерицы приготовляютъ клеенку, длиною въ $1^1/_4$ арш. и шириною въ $^1/_4$ арш., которая идетъ на каблуки и стельку. Иногда она идетъ и на подошву дѣтскихъ сапогъ, которыхъ пара стоитъ 8 копѣекъ серебромъ.

Въ Осташковѣ каждый сапожникъ получаетъ товаръ отъ хозяина (заказчика) и раздѣляетъ работу въ семьѣ, или отдаетъ на сторону, для трехъ подѣлокъ: 1) стачать голенища, 2) закаблучить, 3) подшить слѣды; самъ же онъ занимается только выправкою и отдѣлкою сапогъ. Женщинъ вдвое болѣе участвуетъ въ промыслѣ, нежели мужчинъ.

Въ деревнѣ Хритоновѣ, Шуйскаго уѣзда, производство косъ проходитъ чрезъ кузницы, точильни и угольницы. Сначала накаленное въ горнѣ желѣзо рубится кузнецомъ и молотобойцемъ въ куски, отъ 5—8 верш., изъ нихъ выковываются пластинки нѣсколько изогнутыя, также рубится сталь, отъ 2—3 вешк. и куется въ пластинки прямыя, затѣмъ кузнецъ приваривалъ послѣднія къ срединѣ первыхъ и передаетъ ихъ на второе горно мастеру, или косному ковальщику, который выдѣлываетъ косу въ чернѣ. Въ чернѣ коса передается точильщику для сглаживанія неровностей на мягкомъ камнѣ, далѣе опять мастеръ проковываетъ холодную косу и, пробивъ ее, снова отдаетъ точильщику, который ее шлифуетъ на крѣпкомъ точилѣ. Для очистки обуха и мѣста для кольца, коса переходитъ въ руки дѣтей и женщинъ, которыя оттираютъ ее сырою осиновою палкою и мелкимъ пескомъ. На очищенной косѣ мастеръ пробиваетъ остріе или лезо, которое сряду же оттачиваетъ точильщикъ на жесткомъ точилѣ. Далѣе коса закаливается въ ржаномъ растворѣ, счищается стамескою, отворонивается въ темно-синій цвѣтъ, къ ней придѣлывается подмога и надѣвается кольцо, чтобы она могла держаться на косникѣ; наконецъ, въ послѣдній разъ, приправляетъ ее точильщикъ и, острая какъ бритва, она поступаетъ къ скупщикамъ. Съ осени до Благовѣщенія точильщики, неимѣющіе своихъ кузницъ и горнъ, занимаются выдѣлкою овчинъ; они должны имѣть лошадь для коннаго привода къ точиламъ.

Въ миткалевомъ производствѣ Шуйскаго уѣзда различаются: клеильщики, курчальщики, шпульники, разнотныя артели, сновали, изъ которыхъ каждый соснуетъ 5 тысячъ нитокъ въ день, ткачи, которые отъ коммисіонеровъ изъ свѣтелокъ, въ 10—20 станковъ, берутъ основы и туда сдаютъ штуки. На фабрикѣ разнообразно зарабатываютъ: прядильщики, чесальщики, трепальщики, точильщики, присучальщики, забурашники, ленточницы, подбросницы и мотальщицы.

Въ центрѣ сернянаго производства, въ волостяхъ Бережковской и Улыбышевской, Судогодскаго и Владимірскаго уѣзда, серновщики распадаются на три разряда тружениковъ. Одни занимаются сборомъ серновъ во всю зиму до распутицы, каждый въ наслѣдственномъ даже участкѣ, отъ 10 до 50 деревень;

Профессоръ Э. Вредекъ.

Типографія и Литографія Кн. В. Оболенскаго, уголъ Ник. и Стрем. № 3—22.

ходятъ раза три и каждый разъ по шести недѣль, забирать же изъ чужаго участка считается безчестьемъ. Серповщикъ отдаетъ свой сборъ зубрильщикамъ на выправку, отточку и вызубриваніе. Третій разрядъ—поковщики приготовляютъ и новые серпы.

Иконописаніе Вязниковскаго уѣзда имѣетъ центрами слободы Мстера, Палеха и Холуй, въ послѣднемъ оно существовало уже въ началѣ XVII стол. Подѣлки идутъ слѣдующимъ порядкомъ. Сначала клеятъ доску, т. е. бумагою заклеиваютъ всѣ ея трещины и неровности, затѣмъ ихъ леквасятъ, т. е. грунтуютъ съ алебастромъ на клею, что повторяется дважды. Съ просохшей доски снимаютъ тупымъ ножемъ излишній грунтъ, или чистятъ клепикомъ. Далѣе грунтъ лощится ладонью, на водѣ. Рисунокъ дѣлается съ оригинала и сообразжается съ описаніемъ Четьи Миней, оригиналъ обводится сажею на суслѣ, или чернилами и сырымъ листомъ бумаги берется отпечатокъ. По послѣднему сразу прокаливается иглою 6 или 12 листовъ, а по проколотому контуру натираютъ рисунокъ на леквасанную доску помощію мѣшечка съ толченнымъ углемъ. Натертый рисунокъ графятъ графьею, т. е. прочерчиваютъ на грунтѣ доски иглою.

Далѣе пишется, обыкновенно менѣе умными учениками, доличное въ 12 пріемовъ, грунтъ раскрывается, процвѣчивается, прикрывается баканомъ, расписывается сажею, кружаломъ окружаются вѣнцы. Нанисаніе личнаго столь же раздѣлено: оно промѣчается крономъ и бѣлилами, санкирится для темноты лицъ, описывается сажею, вохрится, отживляется и послѣ нѣсколькихъ еще описаній разными красками сѣкается бѣлилами. По окончаніи личнаго дается окончательная отдѣлка: полевое, фонъ, кроется суриком, черты обводятся, отдваиваются, опушиваются, серебро крушится крушивою, чтобъ оно имѣло цвѣтъ золота, подписывается и водится олифою. Самые лучшіе образа проходятъ черезъ руки мастеровъ до 100 разъ. Особо еще нѣкоторые закрываются чеканною ризою, украшаются искуственными цвѣтами. Иногда лица не выписываются, а наклеиваются готово печатными на доску. Иконники и офени выработали обильнѣйшую терминологію по всѣмъ частямъ производства. (См. Статистическій Временникъ, изд. Центр. Стат. Комит., II, вып. 3, Спб. 1871 г., стр. 172, 184, 203, 216, 255, 267).

Ложкарный промыселъ въ губ. Нижегородской, Костромской и Вятской различаетъ четыре разряда производителей, 1) баклушники, приготовляющіе изъ осины, березы и клена бревенца въ 3—4 арш. длины, 4 вершка толщины, которыя рубатъ на 3½ вершковые куски, колютъ по поламъ, очищаютъ отъ коры и заостряютъ съ одного конца, чѣмъ и получается баклуша; 2) ложкари кладутъ баклуши на стулъ съ ямкою и тесломъ выдалбливаютъ впадину ложки, обрѣзаютъ ножемъ бока и оборотную сторону, вычищаютъ рѣзцомъ, ровняютъ и скоблятъ, 3) завивальщики или заточильщики посредствомъ подпилки и небольшаго станка затачиваютъ конецъ ручки и нарѣзываютъ зубцы, т. е. завиваютъ; 4, красильщики скупаютъ голянщину въ коробахъ по 1,000 штукъ, натираютъ ложки по 3, 4 раза олифою и подвергаютъ продолжительной просушкѣ въ печькахъ, наконецъ закаливаютъ и зарумяниваютъ на сильномъ жару. (См. Обзоръ различныхъ отраслей мануфактурной промышленности Россіи, Спб., 1861 г., I, 256).

Еще въ XVII ст. стройное раздѣленіе трудовъ существовало въ бѣломорскомъ промыслѣ. Хозяинъ ставилъ судно, орудія, снасти и припасы для артели въ 8—20 человѣкъ. Онъ самъ, или его намѣстникъ во все время промысла долженъ быть на носу лодки, чтобы бросить въ моржа носокъ (гарпунъ) и

управляться спицею (родъ пики), если звѣрь сдѣлаетъ нападенія на судно. Для помощи къ хозяину приставлены два посошника. Ремнями, которыми гарпуны привязаны къ боченкамъ, распоряжаются два забошечника, они притягиваютъ ремень, если звѣрь поднимется кверху, и отпускаютъ, если послѣдній нырнетъ, Они подаютъ хозяину и посошнику носки, спицы, багры, опускаютъ бочки. Кормщикъ только управляетъ судномъ, гребцы вытаскиваютъ убитаго звѣря на льдины. Кормчій имѣлъ судъ и расправу на время промысла, въ помощь ему бываютъ полукормщикъ и полуученщикъ, всѣ прочіе считаются рядовыми покрученниками. Въ царствованіе Императрицы Елизаветы всѣ бѣломорскіе промыслы были отданы на откупъ гр. Шувалову и тогда вольные промышленники должны были его скупщикамъ доставлять всю свою добычу, а контора Архангельскаго Сальнаго Правленія записала со словъ ихъ правила, которыя для руководства были изданы подъ названіемъ Морскаго Устава.

По морскому уставу глава артели былъ юровщикъ, прочіе члены раздѣляли слѣдующіе труды: корщики, загребщики, косники и рядовые лямовщики, а одинъ избирался поваромъ. Прибывши на промысловый притонъ посылаютъ самыхъ удалыхъ хосать, т. е. развѣдывать звѣря, такъ что назначеніе хосняковъ, или косниковъ, охосать тюленей. Каждый промышленникъ имѣетъ частное право на того юрка (снятую кожу съ саломъ), или тѣ юрки, которыя онъ одинъ успѣетъ свирать, т. е. связать, и выволочить, но и они обязательно продаются хозяину—юровщику. Послѣдній обыкновенно доставляетъ весь капиталъ, а артель наемный трудъ, почему она идетъ къ нему въ покруту и ея члены по ряду являются покрутчиками или покрученниками, вознагражденіе ихъ разсчитывается по дѣлу, т. е. дѣлежу, участками или ужнами, оттуда артельщики также называются уженниками и уженщиками.

Въ рыболовныхъ артеляхъ Бѣлозерскаго уѣзда, или такъ называемыхъ тагасахъ, выбирается ватаманъ, который распоряжается ловомъ и продаетъ добычу, ужишники должны имѣть свое ужище, жерденики обязаны гнать на лошадяхъ подъ льдомъ жерди и имѣть крюки, матицники вынимаютъ матицу и должны имѣть кожанные фартуки и рукавицы, а также лошадей. Тагасъ сшиваетъ и расшиваетъ свои снасти по наряду ватамана и дѣлитъ деньги по продажѣ рыбы по жеребьямъ.

Свойство промысла требуетъ нерѣдко, рядомъ съ раздѣленіемъ трудовъ въ каждой артели порознь, также соединенія и организованнаго сочетанія нѣсколькихъ артелей. Такой союзъ для совмѣстнаго лова издавна называется котляна, или ромша. Разомъ отправляется на маленькихъ карбасахъ по нѣсколько человѣкъ изъ каждой артели въ промыслъ, и тогда добыча идетъ въ дѣло по людно, т. е поровну на число котлянщиковъ, а каждый сдаетъ ее въ свою артель. Если соединеніе продолжалось на все время промысла до возвращенія домой, когда только дѣлились добычею, то являлось сплошная котляна; если же случится промышленникамъ изъ разныхъ артелей съѣхаться у наледицы, т. е. стада моржей отдыхающихъ на льду, и одинъ карбасъ просто подаетъ другому условный знакъ и получаетъ отвѣтъ, то тогчасъ охота идетъ сообща и въ концѣ дѣлятъ добычу какъ въ котлякѣ, а затѣмъ разъѣдутся. Такое краткосрочное соединеніе, когда на одинъ ловъ дружно смахиваются, называется смашною котляною. Нерѣдко для выгодъ промысла котляны и ромшы соединяются въ еще обширнѣйшія бурсы, условіе скрѣпляется тѣмъ, что всѣ хозяева и покрутчики вмѣстѣ помолятся Богу и затѣмъ помогаютъ другъ другу вплоть до выволочки юрковъ и разсчета по дѣлу. Такъ еще лѣтъ 20 тому на-

задъ на устьинскій промыслъ собирались бурсою къ условленному на сроку Нерьинскій берегъ. До сихъ поръ весновальныя артели продолжаютъ считаться ромшанами и состоять въ одномъ «заговорѣ», коротаютъ, т. е. вытаскиваютъ, свои лодки у той же коротухи или зимоухи, и поровну производятъ дѣло звѣрей по достоинству и по вѣсу. Только бурса имѣетъ средства сообща пріобрѣтать обметный неводъ, (См. Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи, изданіе СПбургскаго отдѣленія комитета о сельскихъ, ссудосберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. I выпускъ, Спб., 1873 г., стр. 14, 23, 39, 201, 33, 41, 45, 59).

Въ фабричной промышленности, конечно, раздѣленіе труда при машинахъ является еще болѣе дробнымъ. У насъ серебряники живутъ большею частію на самой фабрикѣ и по разницѣ жалованья ихъ различаютъ въ слѣдующемъ порядкѣ: чеканщики, граверы, посудчики, ложечники, ризники, отливщики, токари, мелочники, боголѣпщики, шлифовщики, позолотчики, полировщики; болѣе же всѣхъ получаютъ рисовальщики и скульпторы. (См. Обзоръ различн. отраслей ман. промыш. Россіи, 1863 г., т. II, стр. 204).

Указанные три вида организаціи труда тѣмъ современнѣе, чѣмъ болѣе развито все хозяйство, или точнѣе, самое развитіе народнаго хозяйства не можетъ успѣвать помимо указанной организаціи труда. Такъ Рошеръ вѣрно замѣчаетъ относительно историческаго развитія труда, что ходъ послѣдняго вполнѣ походитъ на ростъ дерева: чѣмъ старше дерево, тѣмъ больше на немъ развѣтвленій и листвы; точно также, чѣмъ развитѣе народное хозяйство, тѣмъ больше въ немъ примѣняется раздѣленіе и соединеніе труда. Вотъ почему, основные законы и важнѣйшія послѣдствія указанной организаціи труда возможно выяснить только на развитомъ хозяйствѣ, а воспоминанія о предполагаемыхъ начаткахъ приведенныхъ формъ организаціи труда въ первоначальномъ хозяйствѣ, кромѣ историческаго любопытства, никакому другому требованію не удовлетворяютъ. Понятно, что еще въ семьѣ звѣролова и рыболова существуетъ раздѣленіе занятій: внѣ юрты дѣйствуетъ преимущественно мужчина, а внутри шалаша преимущественно женщина; первый добываетъ, послѣдняя видоизмѣняетъ, приготовляетъ и припасаетъ. Раздѣленіе труда въ эти первобытныя эпохи однако основывалось не на сравнительно различныхъ силахъ и способностяхъ, такъ какъ по физическимъ силамъ женщина часто не уступаетъ у народовъ первобытныхъ мужчинѣ, но всесильны обычаи. Во всякомъ случаѣ, и здѣсь основаніемъ раздѣленія труда является то соображеніе, что три человѣка, проживая вмѣстѣ и занимаясь каждый своимъ особымъ дѣломъ, произведутъ больше, чѣмъ если бы они одновременно занимались всѣмъ хозяйствомъ; сплошь и рядомъ распредѣленіе

занятій въ некультурной средѣ не основывается на различіи физическихъ силъ, а женщинамъ приходится у кочевниковъ, а въ низшихъ классахъ и до сихъ поръ исполнять болѣе тяжкія работы, чѣмъ мужчинамъ. Избавленіе отъ работы соединяется зачастую съ представленіемъ о почети, трудъ считался тягостью и при надѣленіи трудами отдѣльныхъ членовъ семьи соображались съ тѣмъ, чтобы старшіе и главные избавлялись отъ труда, а несли бы его подчиненные и слабосильныя; нерѣдко на женщинъ и подростковъ возложены работы не по ихъ силамъ, а взрослые мужчины проводятъ вѣкъ въ праздности, на охотѣ и считаютъ, подобное отношеніе къ другимъ членамъ семьи доказательствомъ почетнаго своего положенія. Вообще у первобытныхъ народовъ при распредѣленіи занятій руководствуются не одними экономическими соображеніями. Послѣднія вступаютъ въ силу только у народовъ развитыхъ, когда выработалось не только сознаніе, что трудъ вообще тяжекъ, но и другое, что силы человѣка ограничены, а потребности безграничны, и что по необходимости каждому предстоитъ затрачивать свой трудъ въ производствѣ такимъ способомъ, чтобы съ наименьшимъ напряженіемъ достигнуть наибольшихъ результатовъ, что сообразно послѣдней цѣли трудъ менѣе тягостенъ, если онъ соотвѣтствуетъ силамъ и способностямъ трудящихся. На сколько эти соображенія менѣе усвоены извѣстнымъ обществомъ, или хозяйственною средою, на столько въ данномъ случаѣ раздѣленіе труда и является менѣе удовлетворительнымъ. Въ культурныхъ же хозяйствахъ раздѣленіе труда до такой степени проведено, что мѣстностей, обнимающихъ всякія разнообразныя занятія почти не существуютъ, а въ каждой мѣстности водворенъ и упроченъ тотъ или другой промыселъ, смотря по естественнымъ условіямъ и бытовому складу. Иногда возникновеніе мѣстныхъ промысловъ обусловливалось историческими условіями. Англія, напримѣръ, всегда была мирнымъ убѣжищемъ для тѣхъ лицъ, которыхъ преслѣдовали дома за убѣжденія, и которыя, принадлежа большею частью къ разряду людей развитыхъ, предпріимчивыхъ насаждали, какъ голландскіе гейзы и французскіе гугеноты, здѣсь разныя производства (судостроеніе, сукнодѣліе, шелковую, стеклянную, шляпочную, писчебумажную фабрикацію и др.).

§ 35. Условія приложимости раздѣленія труда въ отдѣльныхъ фактическихъ случаяхъ.

Для большаго еще выясненія общихъ основъ хозяйственной организаціи труда необходимо припомнить, что въ своей производственной дѣятельности, человѣкъ зависитъ отъ двухъ главныхъ условій: окружающей его стихійной среды и культурнаго уровня своей эпохи, а въ тѣснѣйшемъ смыслѣ отъ другихъ людей, или общественности. Общественность, помимо ясно выражающихся организацій въ области хозяйства, когда она вызываетъ тѣ или другія договорные союзы, или предпріятія разнообразнаго строя, служитъ вообще подкладкою всего производства тѣмъ, что объединяетъ людей, заставляетъ ихъ, и даже безъ всякаго уговора, опираться на взаимное содѣйствіе и широкою своею поддержкою распространяетъ разсматриваемую нами организацію,—именно всѣ виды раздѣленія и соединенія труда. При этой организаціи общественность ведетъ къ тому, что каждый человѣкъ, ожидая и встрѣчая чужое содѣйствіе, можетъ направить свои усилія на одно опредѣленное производство, а добытыя цѣнности можетъ мѣнять на всякія другія, необходимыя для удовлетворенія всѣмъ своимъ потребностямъ. Каждое отдѣльное лицо исполняетъ только извѣстную дробную часть производства и чѣмъ выше культура, тѣмъ такое дѣленіе дробнѣе, потому что по мѣрѣ развитія образованности даннаго народа болѣе развивается и общественность, которою оправдывается безмятежная надежда каждаго производителя на поддержку со стороны всѣхъ остальныхъ.

Приведенный фактъ наблюдается въ тѣхъ особенно мѣстностяхъ, которыя служатъ центрами европейской культуры; здѣсь обширныя полосы заняты опредѣленнымъ производствомъ и больше никакимъ другимъ. Такъ какъ даже одно и тоже производство дробится на свои составныя операціи, то и данное производство не рѣдко осуществляется не во всей своей цѣлости въ данной мѣстности и дробится не только между людьми, живущими по сосѣдству, знающими другъ друга, переговаривающимися между собою и тѣмъ какъ бы получающими большую увѣренность во взаимной поддержкѣ, а напротивъ, въ большинствѣ случаевъ, выдѣлка частей, входящихъ въ составъ данной цѣнности, исполняется людьми не только

не знающими другъ друга, но даже живущими въ разныхъ частяхъ свѣта, говорящими на разныхъ языкахъ. Раздѣленіе труда возникаетъ не на основаніи предварительнаго и прямаго сближенія людей другъ съ другомъ, а въ силу нормальнаго хода хозяйства, въ силу того экономическаго закона, что при организаціи труда производство совершается гораздо успѣшнѣе, чѣмъ при безраздѣльномъ слитіи занятій и усилій. Стоитъ прослѣдить производство какого нибудь бумажнаго платка, продаваемаго за ничтожную цѣну *) на деревенской ярмаркѣ, и невольно поражаетъ его исторія: сколько рукъ прошло первоначальное сырье въ разныхъ видахъ, прежде чѣмъ оно попало платкомъ на ярмарку, сколько распредѣленныхъ трудовъ и передачъ испытали полезности до окончательнаго перехода въ цѣнность и товаръ.

Хлопчатникъ, доставившій бумагу, гдѣ нибудь въ Америкѣ возделанъ трудами негровъ, привозившимися въ прежнее время изъ Африки; собранный хлопокъ черезъ Новый-Орлеанъ, доставленъ иной народности мореходцами въ Англію, откуда другіе посредники перевезли его въ Россію, а у насъ, переходя между Петербургомъ и Москвою изъ рукъ въ руки, онъ попалъ на фабрику можетъ быть Шуйскаго уѣзда, миткальщики, ткачи и набойщики превратили его въ платокъ, а отъ нихъ черезъ пріѣзжихъ торговцевъ, или ходебщиковъ и офеней, онъ доставленъ уже на ярмарку, ожидая себѣ покупателя—потребителя. Всѣ упомянутыя передачи и передѣлки совершались людьми, спеціально занимающимися только извѣстною отраслью трудовъ и никогда не договаривавшимися между собою относительно ихъ раздѣленія.

Каждому знакомы ворсминскіе и павловскіе перочинные ножички, продающіеся по невѣроятно дешевой цѣнѣ. Стоитъ вглядѣться въ процессъ ихъ производства, чтобы понять, что такое раздѣленіе труда, и изъ какихъ элементовъ слагается механизмъ называемый народнымъ сотрудничествомъ. Представляются въ первомъ мѣстѣ вереницы телѣгъ, нагруженныхъ рудою, артели работниковъ сваливающихъ ее на заводы, за ними идутъ закопченные, опаленные рабочіе при выплавкѣ чугуна и выдѣлкѣ желѣза, а тѣмъ со-

*) Напримѣръ такихъ, какіе ткутся въ Богородскомъ уѣздѣ Московской губерніи (въ Ивановской волости) для Малороссіи, величиною въ 1/2 аршина и по 40 к. сер. за дюжину. Эти платки назначаются въ подарки гостямъ на именинахъ, свадьбахъ и т. п.

дѣйствуютъ дровосѣки, рубящіе и доставляющіе топливо на заводы. Но вотъ желѣзо готово, оно грузится на барки, а послѣднія строили опять другіе рабочіе, гдѣ нибудь верстъ за 200—300, а пожалуй и болѣе; тронулся затѣмъ караванъ, тянетъ бичеву новый народъ, сбѣжавшійся съ разныхъ сторонъ, или въ движеніи участвуетъ, на одно лѣто бывающій у дѣла, экипажъ буксирнаго парохода. Наконецъ причалилъ караванъ, новые рабочіе разгружаютъ чугунъ и желѣзо; желѣзо переходитъ въ руки оптоваго торговца, отъ него къ розничному, а послѣдній только на недѣльномъ базарѣ передаетъ его павловцу-слесарю. Но и у мастеровъ ножевыхъ опять разнообразіе въ занятіяхъ: одинъ куетъ лезвіе, другой дѣлаетъ черенки. Изъ всѣхъ этихъ производителей рѣдко кто знаетъ другаго, никогда не сговариваются они всѣ между собою, а между тѣмъ всѣ дружно содѣйствуютъ производству ножичковъ, которые тысячами дюжинъ расходятся по Россіи и въ огромномъ количествѣ отправляются въ Азію. Съ развитіемъ народнаго богатства раздѣленіе занятій все болѣе развѣтвляется, такъ въ Англіи всѣ промыслы и фабричныя предпріятія распредѣлены по извѣстнымъ мѣстностямъ. Все льняное производство сосредоточено около Лидса и Дэнди, шерстяное около Лидса, но и тутъ еще опять свои подраздѣленія, фланель выдѣлывается только около Голифекса, шерстяныя одѣяла между Лидсомъ и Гэддерсфильдомъ; все хлопчатобумажное производство около Манчестера и Глэзго, горшечное около Стаффорда, грубыя желѣзныя издѣлія въ южномъ Уэльсѣ, стальныя и ножевыя издѣлія около Бирмингема и Шеффильда. Каждая отдѣльная отрасль имѣетъ еще многочисленныя подраздѣленія: въ Бирмингемѣ выдѣлка пуговицъ изъ золота, серебра и другихъ металловъ и перламута составляетъ столько же отдѣльныхъ занятій. Есть заведенія, приготовляющія только молотки, или только чернильницы, или гвозди для гробовъ, собачьи ошейники, стремена, крючья къ удочкамъ, шила и т. д.

Изъ 325 самостоятельныхъ производствъ въ Парижѣ, въ 1848 году, 17 занимались приготовленіемъ пищи, 21 постройками, 32 мебелью, 21 одеждою, 36 тканями, 7 кожами, 15 экипажами и закладками, 33 глиняными издѣліями, 33 металлическими, 35 издѣліями изъ драгоцѣнныхъ металловъ и камней, 27 печатаніемъ, 15 изготовленіемъ коробокъ, корзинъ и т. п., 34 общеизвѣстными articles de Paris (Journ. des Econ. Jan. 1853, p. 107).

Въ Петербургѣ оптовыя торговыя заведенія по родамъ товаровъ распадаются на 29 различныхъ видовъ, розничныя лавки и лари на 106, фабричныя заведенія на 62, ремесленныя мастерскія на 48 видовъ, заключающихъ еще подраздѣленія (Срв. виды внутренней торговли и промышленности въ С.-Петербургѣ, изд. гор. думы, С.-Петербургъ, 1868 г., стр. 17).

По переписи 1864 года въ С.-Петербургѣ представители ремеслъ и механическихъ трудовъ дѣлились слѣдующимъ образомъ; приходилось на:

	%		%
извощиковъ . .	17,7	литографовъ. .	1,2
въ рукодѣліяхъ.	11,1	переплетчиковъ .	1,2
портныхъ . .	10,3	обойщиковъ . .	1,1
сапожниковъ. .	8,5	полотеровъ . .	0,9
столяровъ . .	6,7	парикмахеровъ .	0,8
прачекъ . . .	6,4	шапочниковъ .	0,8
плотниковъ . .	4,4	огородниковъ .	0,7
слесарей . . .	2,3	мѣдниковъ . .	0,7
булочниковъ. .	2	акушерокъ . .	0,7
кузнецовъ . .	1,9	штукатуровъ .	0,7
печниковъ . .	1,7	каменщиковъ .	0,6
ювелировъ . .	1,7	скорняковъ . .	0,6
маляровъ . .	1,7	разныхъ другихъ	13,6

Необходимо припомнить, что перепись производилась 15 декабря, а потому лѣтнее распредѣленіе рабочаго населенія, которое по многимъ отраслямъ, напримѣръ землекопы и штукатуры, пришлое, оказывается еще существенно инымъ. По частямъ города, между прочимъ, 25% всѣхъ булочниковъ приходилось на Спасскую часть, въ ней же плотниковъ 27%, а съ Московскою и Коломенскою 62%; прачекъ всего менѣе на Выборгской и Александро-Невской—по 2%, а особенно въ Литейной — 16%; портняжное ремесло имѣетъ $^2/_3$ своихъ представителей и представительницъ (вообще по 1 женщ. на 2 муж.) въ частяхъ Спасской, Московской и Литейной, тоже относится къ сапожникамъ; для швей и занимающихся рукодѣліями, въ томъ числѣ и модистки, главнымъ мѣстожительствомъ служитъ Коломенская часть; 75% всѣхъ разнощиковъ населяютъ мѣстность между Мойкою, Обводнымъ каналомъ, Невскимъ проспектомъ и Крюковымъ каналомъ; вообще торговцевъ, составляющихъ 5% насе-

ленія столицы, наиболѣе въ Спасской части (9,7%) и наименѣе на Выборгской (2,3%), на Васильевскую часть приходится 1/8 всего торговаго населенія столицы. (См. С.-Петербургъ, изд. центр. статист. комитета, томъ III, 1868 г.).

Конечно, при этомъ можетъ случиться, что однихъ частей цѣнностей или законченныхъ товаровъ, произведено будетъ большее или меньшее количество, чѣмъ нужно для составленія цѣлостныхъ цѣнностей, или же на обиходъ потребителямъ, но въ этомъ случаѣ на помощь является торговля, т. е. спеціальный разрядъ трудовъ, чтобы накопившіяся въ одномъ мѣстѣ, излишнія цѣнности, передать туда и тѣмъ, гдѣ и кто въ нихъ нуждается. Вотъ какъ обезпечено и то, чтобы постоянно распредѣлять равномѣрно цѣнности, или полуцѣнности по всему земному шару. Часовое производство состоитъ изъ 102 операцій, при чемъ въ Швейцаріи есть мѣстности, занимающіяся исключительно выдѣлкою не болѣе 3—4 образцовъ колесъ, или пружинъ. Эти части переходятъ въ оптовую торговлю въ огромномъ количествѣ и развозятся въ тѣ мѣста, гдѣ окончательно занимаются сборкою часовъ. У насъ же, или въ Англіи, не существуетъ производства часовыхъ частей, а часовщики только занимаются составленіемъ, регулированіемъ и починкою.

Сдѣланныхъ указаній достаточно, чтобы понять проявленія и основанія того объединенія, которое подъ вліяніемъ общественности, безъ всякаго заранѣе выраженнаго намѣренія или условій, вездѣ приводитъ трудъ, какъ фактора производства, къ тому сочетанію и той затратѣ, при которыхъ онъ даетъ наиболѣе удовлетворительные результаты. Замѣчу только, что строго слѣдуетъ различать раздѣленіе труда отъ раздѣленія занятій, или цѣлостныхъ отраслей производствъ, но не въ такомъ смыслѣ, будто при первомъ неизбѣжно предполагается дѣленіе операцій того же производства въ той же мѣстности, или съ условіемъ одновременнаго сотрудничества сосѣдей, или при неизбѣжномъ соединеніи всѣхъ участниковъ, въ томъ же общемъ производствѣ, на одномъ мѣстѣ въ данное время. Мы видѣли уже, что въ совмѣстности, неразрывномъ сближеніи и т. п. вовсѣ нѣтъ надобности.

§ 36. Непосредственное вліяніе раздѣленія на самый трудъ и производство.

Экономическое значеніе указанныхъ видовъ организаціи труда и занятій можетъ быть выяснено отчетливо только разсмотрѣніемъ тѣхъ выгодъ или неудобствъ, которыя она влечетъ за собою для хозяйства и производителей.

Послѣдствія эти, въ первый разъ научнымъ образомъ, были выяснены А. Смитомъ; къ его изслѣдованіямъ особенно существеннаго не было прибавлено послѣдующими экономистами.

А. Смитъ насчитываетъ троякія выгоды отъ раздѣленія труда: 1) ловкость, пріобрѣтаемую рабочимъ, вслѣдствіе постояннаго занятія однимъ и тѣмъ же дѣломъ, 2) сбереженіе времени, вслѣдствіе непрерываемости занятія и 3) возможность дѣлать рабочимъ изобрѣтенія и усовершенствованія въ производствѣ, вслѣдствіе основательнаго изученія своего занятія.

Первая выгода, на нашъ же взглядъ, состоитъ въ томъ, что, разлагая каждое производство, или трудъ на его составные пріемы и подѣлки, послѣдніе порознь могутъ быть распредѣлены между рабочими соотвѣтственно силамъ и способностямъ каждаго; гораздо легче подыскать для каждаго трудоваго дѣйствія соотвѣтственныхъ рабочихъ. Конечно, на практикѣ это положеніе не всегда проводится строго, а часто приходится довольствоваться такими рабочими, какіе имѣются, за невозможностью отыскать работниковъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ по своимъ способностямъ данному роду передѣла. Уклоненіе фактическое, однако, не опровергаетъ вѣрности общаго положенія въ теоріи, что трудъ человѣка тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ болѣе онъ подходитъ къ силамъ и наклонностямъ послѣдняго.

Съ другой стороны, постоянно занимаясь одною и тою же работою, работникъ, по нашему во-вторыхъ, пріобрѣтаетъ ловкость, набиваетъ, какъ говорится, руку, а потому онъ способенъ производить несравненно больше, чѣмъ человѣкъ непривычный. Напр. кузнецъ, занимающійся всѣми кузнечными работами, въ состояніи выковывать въ день гвоздей, если ихъ не ковалъ никогда прежде, отъ 200 до 300, если же иногда куетъ—800 до 1,000 штукъ не больше, между тѣмъ какъ гвоздарь, спеціально занимающійся этимъ дѣломъ, по словамъ Смита, выковываетъ въ день 2,300 гвоздей,

каждый по 4,800 штукъ, но если бы всякій работникъ занимался всѣми 18 операціями, тогда онъ едва-ли могъ произвести болѣе 20 штукъ, т. е. 10 человѣкъ 200 штукъ, слѣдовательно въ 240 разъ меньше.

Смитъ видитъ, въ третьихъ, выгоду раздѣленія труда еще въ томъ, что рабочіе, благодаря сподручности, навыку и ловкости, становятся способнѣе дѣлать открытія, изобрѣтенія и усовершенствованія въ производствѣ. Однако эту выгоду можно признать только съ ограниченіями. Нѣтъ сомнѣнія, что открытія, въ смыслѣ ознакомленія съ новыми веществами и силами окружающей среды, составляютъ плодъ одного высшаго сообразительнаго труда человѣка. Точно также изобрѣтенія, въ смыслѣ установленія новыхъ способовъ привлеченія къ производству уже извѣстныхъ силъ и веществъ, требуютъ обширныхъ и отчетливыхъ свѣдѣній.

Съ другой стороны, научные выводы и открытія дѣйствительно всегда исходятъ изъ извѣстныхъ предположеній, гипотезъ, считаемыхъ неопровержимыми, причемъ для большей ясности въ изслѣдованіи устраняются мысленно нѣкоторыя обстоятельства, постоянно дѣйствующія въ дѣйствительности, а принимается въ разсчетъ только извѣстное количество условій и посторонніхъ вліяній, тогда какъ въ быту неизбѣжно дѣйствуетъ совокупность наличныхъ условій. Условія наличныя гораздо успѣшнѣе можетъ оцѣнить спеціалистъ работникъ для даннаго производства, чѣмъ кабинетный ученый; эти условія первому извѣстны отчасти даже безотчетно, и хотя бы онъ не могъ ихъ ясно формулировать. Вотъ почему, научные выводы, насколько плодомъ ихъ являются открытія или изобрѣтенія, могутъ быть приложены къ производству только подъ условіемъ точнаго, близкаго и полнаго ознакомленія со всѣми побочными обстоятельствами, которыя каждый разъ своеобразно существуютъ на лицо въ хозяйственномъ быту. Можетъ случиться и случалось, что теорестически работа какой нибудь машины вычислена совершенно правильно, а между тѣмъ, на практикѣ она дѣйствуетъ неудовлетворительно, именно вслѣдствіе чрезмѣрной, утопической правильности своей конструкціи; затѣмъ стоитъ только сдѣлать въ той же машинѣ незначительныя уклоненія, можетъ былъ даже чисто теоретическія аномаліи, и она станетъ вполнѣ пригодною для практики. Опытъ указываетъ, что теоретикъ рѣдко успѣваетъ сполна

а по словамъ Рау оденвальдскій гвоздарь выковываетъ до 3000 сапожныхъ гвоздей въ день. Изъ этого примѣра видно, до какой степени производство выигрываетъ отъ раздѣленія труда, вслѣдствіе того, что рабочій пріобрѣтаетъ большую ловкость въ своей работѣ. Искусный гребенщикъ приготовляетъ ежедневно отъ 60 до 70 гребней столь частыхъ, что на дюймъ приходится по 40—48 зубцовъ. Дѣти на игольныхъ фабрикахъ изловчались пробивать ушко въ тонкій волосъ и продѣвать чрезъ такое ушко другой волосъ.

Вторая выгода, по Смиту, а въ моихъ глазахъ третья, или сбереженіе времени, зависитъ отъ того, что прежде, чѣмъ начать какое либо дѣйствіе, нужно приладиться къ нему соотвѣтственнымъ образомъ, т. е. занять извѣстное мѣсто, придать тѣлу потребное положеніе, приноровить руки или другіе члены, взять сподручно орудія и проч. На все это теряется извѣстное количество времени, а если часто переходить отъ одной работы къ другой, то на такое прилаживаніе потратится много времени. Занимаясь же постоянно одною и тою же работою, человѣкъ оставляетъ ее только вслѣдствіе усталости, а слѣдовательно не теряетъ болѣе разу времени на прилаживаніе.

Чѣмъ проще занятіе отдѣльное, тѣмъ меньше времени оно требуетъ для изученія. Нѣкоторыя занятія требуютъ одинаковое количество труда, независимо отъ количества предметовъ на которые они обращены, 1 пастухъ можетъ пасти и 3 коровы и 30, пересылка одного письма требуетъ такое же количество труда, какъ и пересылка цѣлой 1,000 ихъ. Если бы небыло почталіоновъ, и развозомъ и разноскою писемъ занимался бы каждый самъ, то иной купецъ долженъ былъ бы употребить всю свою жизнь, и все-таки не успѣлъ бы доставить такое число писемъ и циркуляровъ корреспондентамъ, живущимъ иногда въ другихъ частяхъ свѣта, какое онъ теперь сдаетъ на почту въ 1 часъ. Въ средніе вѣка каждый самъ долженъ былъ оборонять свою личность и собственность, а при раздѣленіи занятій теперь для безопасности всего населенія Великобританіи достаточно 65,000 войска и столько же внутренней полицейской стражи. Въ тоже время, и при одинаковыхъ издержкахъ, получается большее количество издѣлій, а каждая отдѣльная цѣнность становится дешевле. Такъ булавочное производство состоитъ изъ 18 отдѣльныхъ операцій, при раздѣленіи труда 10 работниковъ могутъ ежедневно надѣлать по 48,000 штукъ, т. е.

считаться съ тѣми условіями, которыя существуютъ фактически, а эти условія лучше всего извѣстны практику-рабочему.

Сплошь и рядомъ встрѣчается, что теорестически вѣрно конструированная машина, при примѣненіи ея къ производству, нуждается въ разныхъ грубыхъ, эмпирическихъ приспособленіяхъ. Эти то видоизмѣненія почти всегда доступнѣе рабочему и онъ при этомъ наиболѣе успѣваетъ. Только въ такомъ ограниченномъ смыслѣ, раздѣленіе труда оказываетъ большое содѣйствіе изобрѣтательности; оно способствуетъ наилучшему ознакомленію рабочаго съ самыми мельчайшими подробностями даннаго производства. Безъ сомнѣнія, ученый работникъ-спеціалистъ гораздо болѣе способенъ къ открытіямъ въ близкой ему отрасли производства, чѣмъ ученый теоретикъ; но такихъ представителей коньектуральнаго труда между рабочими, сравнительно съ общею ихъ массою, весьма мало; да и послѣдніе доходятъ до изобрѣтеній въ силу своихъ научныхъ свѣдѣній, а не въ силу той ловкости, которую они пріобрѣли въ данной подѣлкѣ. Навыкъ въ работѣ способствуетъ только болѣе быстрому приложенію изобрѣтеній на практикѣ. Смитъ нѣсколько иначе смотритъ на это явленіе и въ подтвержденіе того, что работники, благодаря раздѣленію труда, дѣлаютъ открытія, и изобрѣтаютъ болѣе удовлетворительныя машины, онъ приводитъ примѣръ изобрѣтенія предохранительнаго клапана къ паровой машинѣ. До изобрѣтенія послѣдняго дошелъ мальчикъ и дошелъ—благодаря однообразію своего занятія и такъ какъ онъ близко къ нему присмотрѣлся. Но это изобрѣтеніе нельзя не отнести къ разряду случайныхъ, а потому оно нисколько не подтверждаетъ мнѣнія Смита.

Самый обильный источникъ средствъ къ производотву—силы и полезности природы, и конечно при увеличеніи ихъ количества вслѣдствіе разныхъ *открытій*, и при *изобрѣтеніи* лучшихъ способовъ пользоваться ими, необходимо усилится производительность хозяйственныхъ занятій человѣка. Въ хлопчатобумажной промышленности, послѣ изобрѣтенія Рич. Аркрайтомъ прядильной машины (1769) и паровой машины (Уоттомъ—1744), одинъ работникъ производитъ теперь въ 320 разъ болѣе пряжи, чѣмъ въ 1769. Одно лицо производитъ столько льняной пряжи, сколько прежде до 240 прядильщицъ.

Пятая выгода отъ раздѣленія труда, на которую Смитъ не обратилъ вниманія, состоитъ въ томъ, что въ значительной степени

сберегаются цѣнности и орудія производства, или капиталъ. Такое сбереженіе на нихъ зависитъ, во-первыхъ, отъ того, что ловкій въ своемъ дѣлѣ работникъ при производствѣ портитъ гораздо меньше матеріала, чѣмъ непривычный работникъ. Сбереженіе на капиталѣ при раздѣленіи труда проявляется, во-вторыхъ, въ томъ, что каждому работнику нужно одно только орудіе, или извѣстный разрядъ и небольшое ихъ число, тогда какъ при нераздѣльномъ производствѣ работникъ нуждается въ полномъ числѣ орудій. При раздѣленіи труда на все предпріятіе орудій требуется столько, сколько въ немъ рабочихъ, количество орудій увеличивается только по мѣрѣ увеличенія числа рабочихъ. Возьмемъ для примѣра, что такое-то производство состоитъ изъ 5 операцій, то при нераздѣльномъ занятіи каждый работникъ нуждается въ 5 орудіяхъ, слѣдовательно для 20 рабочихъ нужно 100 орудій, тогда какъ при раздѣленіи между ними трудовъ 100 орудіями могутъ пользоваться 100 человѣкъ рабочихъ. Вообще послѣдняя выгода, зависящая прямо отъ раздѣленія труда въ производствѣ, заключается въ сокращеніи всѣхъ капитальныхъ тратъ.

Вслѣдствіе того, далѣе, что при раздѣленіи труда является возможность одною и тою же машиною пользоваться одновременно многимъ работникамъ, возможно и огромное расширеніе производства. Хозяйственный разсчетъ требуетъ, чтобы каждою машиною пользовалось именно такое число рабочихъ, свыше котораго не можетъ ею пользоваться; иначе машина не будетъ приносить всей той выгоды, на какую она экономически пригодна. Потому-то, съ дальнѣйшимъ раздѣленіемъ труда, производства становятся все обширнѣе и громаднѣе; а мелкія же производства все болѣе отступаютъ на задній планъ, по той простой причинѣ, что послѣднія затрачиваетъ больше расходовъ на орудія и вообще капиталъ, и произведенія, выдѣланныя такимъ производствомъ, обходятся дороже произведеній, доставляемыхъ крупнымъ производствомъ. И такъ, по мѣрѣ расширенія производства произведенія порознь становятся дешевле, а конкурренція мелкаго производства съ крупнымъ, чѣмъ далѣе, становится труднѣе. Мелкое производтво можетъ спастись отчасти тѣмъ, что оно возсоединяется въ артели и на общія средства заводитъ машины.

Попытки подобнаго рода давно проявлялись у насъ въ рыболовныхъ ромшахъ, только и покрывающихъ напримѣръ расходы на обметный неводъ, по аналогіи онѣ давали повсюду весьма благопріят-

ные результаты, но необходимо провести это объединеніе, западноевропейскую кооперацію, еще далѣе.

Вообще же, выясненныя выгоды отъ раздѣленія труда ведутъ въ окончательномъ результатѣ къ тому, что работникъ работаетъ *быстрѣе*, то есть, можетъ доставить въ одинаковый срокъ времени цѣнностей большее количество; онъ работаетъ *лучше*, ловчѣе, то есть, производитъ цѣнности болѣе удовлетворительнаго качества; наконецъ, сберегая на орудіяхъ и машинахъ, онъ работаетъ *дешевле*. Слѣдовательно, при раздѣленіи труда цѣнностей получается большее количество, лучшаго качества и съ наименьшею тратою труда и капитала: а осуществленіе этихъ трехъ условій и составляетъ конечную цѣль вполнѣ хозяйственнаго труда человѣка.

§ 37. Сбытъ, отношенія факторовъ въ производствѣ и обиліе капиталовъ, по вліянію своему на водвореніе раздѣленія труда.

Раздѣленіе труда, помимо тѣхъ непосредственныхъ выгодъ, которыя оно доставляетъ каждому производству порознь, и тѣхъ выгодъ, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ увеличенію силы труда, оказываетъ еще пользу не только отдѣльнымъ представителей хозяйства въ той же мѣстности, но и вообще всѣмъ производителямъ и потребителямъ земнаго шара. Предметы потребленія новѣйшаго человѣка столь разнообразны по мѣсту происхожденія, что даже ежедневный домашній обиходъ заключаетъ въ себѣ массу цѣнностей, доставленныхъ изъ самыхъ отдаленныхъ странъ, произведенныхъ членами различныхъ націй и рассъ; а все это существуетъ только благодаря строгому раздѣленію труда и параллельной общественности, выражающейся въ соединеніи, содѣйствіи людей другъ другу. Общественность находится въ такой тѣсной связи съ раздѣленіемъ труда, что по мѣрѣ возможности общенія и объединенія приложимо и самое раздѣленіе труда.

Возможность большаго, или меньшаго раздѣленія труда зависитъ отъ опредѣленныхъ условій. Между ними первое мѣсто занимаетъ сбытъ, или доступность рынка.

Въ уединенныхъ хозяйствахъ значительнаго раздѣленія труда не можетъ быть, его нѣтъ въ первобытныхъ хозяйствахъ, а каждая

семья производитъ всѣ, нужныя для своего обихода, цѣнности. Но лишь только начинается сбытъ цѣнностей, тотчасъ же и начинается другое производство цѣнностей: однѣ приготовляются только въ количествѣ, потребномъ для самаго домашняго обихода, а тѣ, для которыхъ представляется возможность сбыта на сторонѣ, въ большемъ количествѣ. Одновременно возникаетъ и дѣленіе занятій между членами семьи: одни приготовляютъ цѣнности для домашняго потребленія, а другіе исключительно заняты приготовленіемъ цѣнностей на сбытъ. По мѣрѣ же расширенія послѣдняго, труды продолжаютъ болѣе спеціализироваться.

Сбытъ, самъ по себѣ, заключается не только въ возможности извѣстное количество цѣнностей передавать другимъ, находить для нихъ покупателей, но и въ возможности совершать это съ наименьшими затрудненіями, въ удобствѣ передачи. Удобство же передачи зависитъ отъ путей и средствъ сообщенія, такъ что при удовлетворительныхъ путяхъ и средствахъ сообщенія и сбытъ, по отношенію къ данному пространству, становится обширнѣе; при плохихъ сообщеніяхъ приходится ограничиваться по сбыту меньшимъ пространствомъ. По этому, сбытъ зависитъ не отъ числа покупателей, заявляющихъ требованія на опредѣленное количество цѣнностей, но отъ расходовъ по передачѣ, доставкѣ цѣнностей покупателямъ; такъ что, если по близости производителя и мало покупателей, но легко отдаленнымъ покупателямъ доставлять товары, то все-таки сбытъ можетъ быть огромный. Напротивъ, если далѣе непосредственнаго сосѣдства перевозить извѣстныя цѣнности невозможно, то, хотя бы вокругъ производителей было много покупателей, сбытъ всетаки будетъ незначительнѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ. По этому, пути сообщенія и наличность покупателей по сосѣдству суть основныя условія обширности сбыта. Гдѣ сбыта нѣтъ, тамъ раздѣленіе занятій невозможно; такъ производители въ небольшихъ городахъ и селахъ занимаются нѣсколькими производствами, напр. сельскій портный шьетъ и верхнее платье, и бѣлье, мужское и женское, и шапки; тогда какъ въ Лондонѣ есть особые портные для брюкъ, особые для жилетовъ, фраковъ, шляпочники, шапошники и проч. Однимъ словомъ, дробленіе возможно на столько, на сколько, при существующемъ широкомъ сбытѣ, каждое отдѣльное производство, или отдѣльная лавка могутъ имѣть покупателей и потребителей своихъ услугъ, цѣнностей и това-

Профессоръ Э. Вреденъ.
Типографія и Литографія Кн. Оболенскаго, уголъ Ник. и Стрем. № 3—22.

ровъ. (Срв. Atlas statistique de la population de Paris, par *Toussaint Loua*, Paris, 1873 г. стр. 57, professions).

Но относительно такихъ товаровъ, которые имѣютъ огромный внѣшній сбытъ, и въ деревнѣ можетъ существовать раздѣленіе труда. Такъ ложки, чашки, телѣжныя принадлежности, ободья, дуги, оглобли, бондарныя принадлежности, лады и клепка, вообще щепной товаръ имѣетъ громадный сбытъ не только въ Россіи, но и за границу; а потому, при приготовленіи этого товара существуетъ у насъ и раздѣленіе занятій по мѣстностямъ, и весьма дробное раздѣленіе труда. Напр. ложки приготовляются такимъ образомъ, что младшіе, или члены семьи непригодные къ сообразительному труду, заготовляютъ обрубки или бьютъ баклуши, остальные передѣлы совершаютъ уже взрослые: все потому, что уже голянщина въ коробахъ составляетъ ходкій товаръ на Нижегородской ярмаркѣ, а окрашенныя ложки и чашки открыли себѣ сбытъ въ самую глубь центральной Азіи.

Слѣдовательно, раздѣленіе труда возможно не только въ большихъ городскихъ центрахъ по случаѣ мѣстной концентраціи потребителей, но и въ селахъ, если установились удовлетворительные способы и возможность дальняго сбыта. Въ тѣхъ только мѣстностяхъ и для тѣхъ только производствъ, для которыхъ эти условія сбыта не водворены, или неприложимы, недоступно и раздѣленіе труда.

Помимо сбыта, какъ общаго условія къ водворенію раздѣленія труда, существуютъ по разрядамъ производства въ отдѣльности особыя условія: именно раздѣленіе труда въ производствѣ тѣмъ приложимѣе, чѣмъ значительнѣе преобладаетъ въ немъ—какъ элементъ—трудъ. На оборотъ, чѣмъ болѣе производство зависитъ отъ содѣйствія стихійныхъ явленій и силъ природы, тѣмъ мѣнѣе удобно въ немъ дробленіе трудовъ.

Если, по участію, природа въ производствѣ не только преобладаетъ надъ трудомъ, но если первое таково, что въ разное время обнаруживается въ различной степени, съ неодинаковою силою; то нѣтъ возможности для тружениковъ спеціализировать занятія, непрерывно заниматься однимъ и тѣмъ же дѣломъ. Такъ нельзя круглый годъ сѣять, или жать, или пахать, потому что въ сельскомъ хозяйствѣ всѣ виды трудовъ отправляются одинъ за другимъ. Слѣдовательно, характеръ производства прямо опредѣляетъ возможность, или невоз-

можность раздѣленія въ немъ труда. Если въ производствѣ участвуютъ равномѣрно всѣ три фактора, то всѣ труды могутъ вестись параллельно, а потому и спеціализироваться. Во всѣхъ занятіяхъ же, гдѣ трудъ не преобладаетъ, а участіе природы и капитала таково, что оно не отличается однообразіемъ и безпрерывностью, тамъ параллельность, или обособленіе операцій и подѣлокъ не мыслимы. Конечно, и въ сельскомъ хозяйствѣ проводимо отдѣленіе скотоводства отъ хлѣбопашества, а также и раздѣленіе отдѣльныхъ видовъ скотоводства, но и такое валовое распредѣленіе въ занятіяхъ зависитъ отъ сбыта и отъ всего строя сельскаго хозяйства въ данной мѣстности. Когда при хлѣбопашествѣ въ такъ называемую страдную пору нужно усиленное число рабочихъ, а зимою ихъ нужно гораздо меньше, то неминуемо приходится организовать хозяйство такъ, чтобы въ то время, когда въ земледѣліи не требуется рабочихъ, напр. зимою, послѣдніе занимались какими либо другими, посторонними хлѣбопашеству, промыслами, выдѣлкою разныхъ издѣлій, извозомъ и проч. Такой порядокъ утвердился во всей почти Россіи, такъ какъ шестимѣсячная почти зима на долго отрываетъ работниковъ отъ хлѣбопашества: они по необходимости должны искать подспорныхъ, отхожихъ и отъѣзжихъ промысловъ. При наступленіи полевыхъ работъ, такіе промыслы оставляются опять до возобновленія гулящаго времени.

Вотъ въ какомъ смыслѣ, взаимное отношеніе элементовъ производства, по общему содѣйствію другъ другу, и характеръ участія каждаго фактора производства порознь опредѣляютъ возможность, или неприложимость раздѣленія труда въ данномъ занятіи. И такъ свойство, обстановка и отношенія между факторами производства служатъ вторымъ условіемъ примѣнимости раздѣленія труда.

Наконецъ очевидно, что при раздѣленіи труда, въ силу того, что самымъ раздѣленіемъ труда ускоряется быстрота производства и увеличивается количество производимыхъ цѣнностей, все производство вынуждено принимать болѣе широкіе размѣры. Необходимо увеличить количество матеріала, который подвергается одновременной переработкѣ. Для ткацкой фабрики нужно заготовить хлопка, или льна и шерсти гораздо больше, чѣмъ потребуется ихъ сельчанину для ручнаго станка. Если, предположимъ, данное производство состоитъ изъ 120 подѣлокъ, то при раздѣленіи труда, для успѣшнаго хода оборотовъ, потребуется не меньше 120 человѣкъ рабо-

чихъ, тогда какъ безъ раздѣленія всѣ операціи выполняются гораздо меньшимъ числомъ лицъ. Наконецъ, такъ какъ производство организованное по принципу раздѣленія труда требуетъ гораздо большаго количества рабочихъ, чѣмъ при нераздѣльномъ, то необходимо увеличить и количество орудій и машинъ, участвующихъ въ производствѣ. Всѣ упомянутые расходы производятся естественно путемъ затраты цѣнностей, которыя ранѣе были созданы, заготовлены, и которыя называются въ совокупности капиталомъ. Чѣмъ сложнѣе производство, чѣмъ значительнѣе число отдѣльныхъ операцій, на которыя оно распалось, тѣмъ больше требуется издержекъ на работниковъ, помѣщеніе, машины и сырые матеріалы. Если 10 изолированныхъ работниковъ выдѣлываютъ ежедневно 10,000 иголокъ, то на выдѣлку достаточно ежедневно 40 унцій желѣза, а въ годъ 12,000 унцій. Но если они, вслѣдствіе раздѣленія между собою отдѣльныхъ операцій, выдѣлываютъ ежедневно 50,000 иголокъ, то потребно 200 и 60,000 унцій желѣза. Такимъ образомъ, при раздѣльномъ трудѣ, капитала требуется гораздо больше, чѣмъ при нераздѣльномъ, для того же производства, а слѣдовательно, въ случаѣ недостатка или отсутствія капитала, невозможно водворить раздѣленіе труда въ данномъ случаѣ и мѣстѣ, хотя бы сбытъ и характеръ производства допускали это. По видимому это противорѣчитъ прежде сказанному нами, именно что раздѣленіе труда, удешевляя производство, доставляетъ сбереженіе на капиталѣ.

Дѣло въ томъ, что для водворенія раздѣленія труда въ производствѣ требуется разомъ затрата большаго капитала, такъ какъ тотчасъ приходится вести производство въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, на широкую ногу, но за то производство каждой отдѣльной цѣнности, при раздѣленіи труда, обходится гораздо дешевле, чѣмъ при нераздѣленномъ трудѣ. Производство съ раздѣленіемъ труда отличается своею обширностью, а для поддержанія обширнаго производства нуженъ постоянно большой капиталъ. Вотъ почему капитальное производство нерѣдко отождествляется съ большимъ производствомъ.

Не смотря на всѣ выгоды раздѣленія труда, вводить его въ производство возможно только медленно и постепенно, такъ какъ осуществленіе его обусловливается сбытомъ, внутреннимъ характеромъ производства и наличностью большихъ капиталовъ. Вслѣд-

ствіе несвоевременнаго, или неумѣстнаго водводренія раздѣленія труда производство даже можетъ потерпѣть большіе ущербы.

§ 38. Ученія о вредѣ отъ раздѣленія труда; предупредительныя мѣры.

Но, и въ случаяхъ разумнаго примѣненія, раздѣленіе труда искони подвергалось нападкамъ по самому существу своему, отвергали эту организацію, какъ общественную язву и приписывали ей такія дурныя послѣдствія, что неоднократно предлагалось возвратиться къ тому состоянію, когда каждый самъ производилъ все нужное для удовлетворенія своимъ домашнимъ потребностямъ.

Такіе нападки представляются, однако, не болѣе какъ увлеченіями, потому что само по себѣ раздѣленіе труда оказывается вовсе неповиннымъ въ пагубныхъ послѣдствіяхъ для рабочаго класса и всѣхъ людей вообще. Причина дурныхъ отъ него послѣдствій зависитъ отъ злоупотребленій этою организаціею, которыя возможны и со всякимъ другимъ человѣческимъ учрежденіемъ. Для водворенія раздѣленія труда необходимъ капиталъ, но капиталъ самъ по себѣ не виновенъ въ подавляющихъ послѣдствіяхъ раздѣленія труда, а виновно въ этомъ своекорыстіе капиталистовъ и монополіи. При раздѣленіи, нѣкоторые виды труда стали до того простыми и легкими дѣйствіями, что выполненіе послѣднихъ оказалось доступно даже для такихъ лицъ, которыя не могутъ и не должны считаться наемными работниками, какъ малолѣтніе и семейныя женщины. Работа возлагается на лицъ, для которыхъ она не можетъ не считаться бременемъ, подавляющимъ ихъ силы, вредящимъ ихъ здоровью, замедляющимъ ихъ физическое и умственное развитіе, вообще тягостію, которая безспорно должна считаться предосудительною. Стремленіе капиталистовъ привлечь къ труду такія личности вызывалось тѣмъ разсчетомъ, что лица непригодныя собственно прямо къ труду, за свою работу будутъ довольствоваться меньшимъ вознагражденіемъ, чѣмъ тѣ, которыхъ всѣ хозяева признаютъ работниками. Капиталистовъ руководитъ эгоистическое желаніе выиграть на заработной платѣ, а раздѣленіе труда даетъ

только возможность осуществить такое желаніе. Слѣдовательно, виноваты здѣсь собственно капиталисты, а между тѣмъ нареканія падаютъ на капиталъ и на раздѣленіе труда. Въ тоже время, въ интересѣ производства вообще и его будущаго, не слѣдуетъ привлекать не подходящихъ къ наемному труду лицъ къ работѣ, они то именно не могутъ пріобрѣсть той ловкости и сдѣлать всѣхъ тѣхъ сбереженій на матеріалѣ, которыя обезпечиваются нормальнымъ раздѣленіемъ труда, а послѣднія доставляютъ производителю гораздо больше выгодъ, чѣмъ мнимые барыши отъ сокращенія заработной платы.

Неотразимое вліяніе раздѣленія занятій заключается въ томъ, что оно ставитъ работника иногда въ тягостную зависимость отъ фабрики. При закрытіи послѣдней, въ случаѣ промышленнаго застоя и необходимости оставить свое занятіе, или перейти къ другому, онъ находится въ большомъ затрудненіи послѣ односторонней своей дѣятельности. Онъ ничего не знаетъ, кромѣ одной двадцатой, или еще меньшей части, какого нибудь производства, а потому долженъ будетъ учиться новому мастерству и искать въ немъ помѣщенія; этого достигнуть тѣмъ труднѣе, что къ каждомъ производствѣ, отъ раздѣленія и упрощенія труда, встрѣчается соперничество отличныхъ способностей. Впрочемъ, такія случаи закрытія фабрикъ только исключительные, а переходъ къ другому занятію, котораго необходимость можетъ представиться и при нераздѣльномъ производствѣ, но большей сложности и трудности послѣдняго будетъ соединенъ съ еще большими неудобствами.

Всѣмъ этимъ условіямъ подлежитъ и невещественное производство.

Другое нареканіе на раздѣленіе труда состоитъ въ томъ, что однообразныя и неустанныя подѣлки вредно дѣйствуютъ на физическое и умственное развитіе рабочихъ. Это нареканіе преувеличивалось до такой степени, что въ немъ стали видѣть причину неравенства между людьми, и даже причину физическаго и умственнаго вырожденія людей. Но неравенство существуетъ и между тѣми людьми, которые на условіяхъ найма въ чужомъ производствѣ вовсе не участвуютъ. Конечно, необходимо согласиться съ тѣмъ, что односторонность развитія рабочихъ, происходящая отъ безпрерывности и однообразія занятій, доходитъ нерѣдко до притупленія; бываютъ примѣры, что слесарь не можетъ сдѣлать замка,

потому что всю свою жизнь занимался выпилкою ключей. Нельзя однако сѣтованія доводить до того требованія, чтобы каждый умѣлъ обезпечить свое потребленіе собственнымъ производствомъ. Между тѣмъ, до такого требованія доходили энциклопедисты и представители литературы просвѣщенія, конца прошлаго столѣтія. Идеаломъ ставился ими человѣкъ по природѣ «l'homme de la nature,» вмѣстѣ съ тѣмъ полагали, что человѣку должны быть возвращены естественныя какія то права droits de la nature, liberté naturelle. Одни считали необходимымъ избавиться отъ вліянія государства, общества, традиціоннаго воспитанія, превратныхъ нравственныхъ убѣжденій, всего того, что охватываетъ человѣка съ колыбели и придавливаетъ уровень его развитія.

Въ своемъ сочиненіи, Discours sur l'inegalité (1754 г.), Руссо нападаетъ на различіе въ обладаніи имуществомъ, орудіями, нападаетъ даже на изобрѣтеніе орудій, какъ на причину неравенства между людьми. Онъ полагаетъ, что безъ лѣстницы, человѣкъ развилъ бы способность лазать. Вообще отъ совершеннаго человѣка *Raynal* (Histoire des Indes, 1780 г.) требуетъ чтобы онъ могъ выдалбливать челнокъ, построить хижину, жить немногимъ, дѣлать по 100 льё въ лѣсу, безъ другаго указателя, кромѣ вѣтра и солнца, и не имѣя ничего, кромѣ лука и стрѣлъ.

Совершенно основательно на этотъ образецъ совершеннаго человѣка отвѣтилъ Дюнуайе, въ своемъ сочиненіи De la liberté du travail (Liv. IV, ch. 10), что человѣкъ гораздо болѣе обезпеченъ, когда онъ въ состояніи сооружать желѣзные пароходы, построить дворцы, путешествовать вокругъ свѣта и пользоваться трудомъ многихъ лицъ.

Искать развитость человѣка въ томъ, чтобы каждый могъ однимъ собственнымъ трудомъ, непосредственно, удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, конечно несбыточно, или же обстановка была бы весьма незавидна.

Разнообразіе въ трудахъ не оказывается даже причиною большей физической крѣпости. Замѣчая физическія уродливости въ рабочихъ, постоянно занимающихся однообразною работою, противники раздѣленія труда вывели отсюда заключеніе, что эти уродливости зависятъ отъ раздѣленія труда. Однако уродливости бывали ни чуть не въ меньшемъ количествѣ еще въ то время, когда не было раздѣленія труда. Въ западно-европейской средне-вѣковой лите-

ратурѣ, народныхъ пѣсняхъ, пословицахъ, поговоркахъ постоянно тѣмъ или другимъ рабочимъ приписываются извѣстныя физическіе недостатки, а между тѣмъ раздѣленія труда почти еще не существовало. Подъ вліяніемъ романовъ Купера и другихъ прославителей американскихъ туземцевъ, обыкновенно думаютъ, что дикари своею физическою силою и ловкостью значительно превосходятъ бѣлыхъ; а между тѣмъ, неоднократно оказывалось, что американскій янки можетъ совладать въ рукопашномъ бою съ двумя, тремя индѣйцами, и вездѣ, гдѣ происходили столкновенія между дикарями и культурными людьми, дикари принуждены бывали уступать, даже если владѣли одинаковымъ съ противниками оружіемъ (*Roscher*, Grundlagen, § 62).

Если поставить нераздѣльность производства условіемъ всесторонняго физическаго и умственнаго развитія, во избѣжаніе мнимой односторонности при раздѣленіи труда, то экономическимъ послѣдствіемъ является работникъ, способный, какъ говорится, на всѣ руки, который однако исполняетъ всѣ работы неудовлетворительно. Всегда въ этомъ случаѣ оказывается недостатокъ въ технически подготовленныхъ работникахъ: у насъ сельское населеніе является и на фабрики, но отличается именно отсутствіемъ технической подготовки, такъ что далеко не можетъ сравниться съ рабочими спеціализующимися.

Вообще, переходъ отъ одного занятія къ другому не доставляетъ высшаго развитія. Въ сущности одностороннее умственное и уродливое физическое развитіе являются не вслѣдствіе однообразія труда, а вслѣдствіе чрезмѣрнаго обремененія работою.

Правильнаго развитія рабочихъ возможно достигнуть единственно мѣрами противъ отягощенія трудомъ свыше силъ, а нисколько не упраздненіемъ раздѣльнаго труда. Очевидно далѣе, что уродливости тѣмъ быстрѣе прививаются, чѣмъ раньше привлекаются работники къ усиленному труду, а потому обремененіе работою малолѣтнихъ всегда оказывается причиною уродливаго физическаго развитія, причемъ безпрерывность работы дѣйствуетъ притупляющимъ образомъ и на умственныя силы ребенка, потому то послѣднему необходимо противодѣйствовать обученіемъ. Вопросъ объ ограниченіи часовъ дневной работы, или о рабочемъ днѣ, имѣетъ существенную важность; притомъ чрезмѣрная работа вредно отражается и на характерѣ самаго труда тѣмъ, что долговременное занятіе даетъ

на каждый послѣдующій часъ меньше труда. Только въ новѣйшее время убѣдились, что девятичасовая работа, съ должными перерывами для отдыха и ѣды, даетъ на 12—15% въ итогѣ больше труда, чѣмъ 12 или 14-ти часовая работа. При продолжительности работы, трудъ становится хуже не только по качеству, но и количество его какъ бы уменьшается, т. е. изнуренный труженикъ работаетъ гораздо хуже и медленнѣе, чѣмъ бодрый и неутомленный. Подрывая рабочія силы малолѣтнихъ, готовятъ въ будущемъ хилыхъ и неспособныхъ рабочихъ. Такія вредныя послѣдствія должны быть предупреждены общественною властью, и тамъ, гдѣ предприниматели не успѣли убѣдиться, что девятичасовая работа выгоднѣе четырнадцатичасовой, или что по мѣрѣ сокращенія перерывовъ для принятія пищи работа идетъ хуже, законъ въ правѣ налагать запреты и устранять возможность злоупотребленій, особенно относительно малолѣтнихъ, которые сами себя не могутъ защищаться, или подлежа злоупотребленіямъ родителей не имѣютъ средствъ отстаивать свои интересы. Если это до сихъ поръ не всегда и не вездѣ дѣлалось, то подобное явленіе нельзя считать нормальнымъ. Вмѣшательство администраціи не можетъ быть сочтено въ этомъ случаѣ за регламентацію, разъ неоспорима задача государства вступаться за тѣхъ, которые сами себя защищать не могутъ. На такое вмѣшательство власти должно смотрѣть какъ на единственно-надежное средство противъ корыстныхъ увлеченій капиталистовъ и хозяевъ. Указавъ на различіе сообразительнаго и механическаго труда, я старался уже подтвердить ту обязанность законодательства, по которой оно должно принять мѣры къ обученію, ради подготовки всѣхъ къ возможности трудиться сообразительнымъ трудомъ, съ цѣлью избавлять массу отъ жалкой необходимости прокармливаться однимъ только механическимъ трудомъ. На этомъ основаніи возникаетъ нормальность обязательнаго, даровато и общедоступнаго обученія. Необходимость обязательнаго обученія становится еще болѣе очевидною при разборѣ вредныхъ послѣдствій отъ раздѣленія труда, какъ мѣра исключительно оказывающая надежное противодѣйствіе всякому подавленному, или одностороннему развитію, проистекающему изъ злоупотребленія раздѣленнымъ трудомъ. Немыслимо, при указанномъ характерѣ обученія, а если онъ только и соотвѣтствуетъ требованіямъ справедливости, то и ни въ какомъ случаѣ, допускать привлеченіе малолѣтнихъ къ наемной работѣ ранѣе того

возраста, до котораго простирается обязательность посѣщенія школы. Слѣдовательно, срокъ и способы осуществленія запрета наемнаго труда для малолѣтнихъ даны тѣми же соображеніями, которыми подкрѣпляется введеніе обязательнаго обученія.

Если далѣе, искони юридическія нормы настаиваютъ на томъ, что человѣкъ достигаетъ полнаго физическаго и умственнаго развитія не ранѣе 21 года (совершеннолѣтіе), и если принять за правило, что человѣкъ становится *вполнѣ* способнымъ къ труду только *вполнѣ* развившись физически и умственно, то и для лицъ въ возрастѣ отъ конца обязательности обученія, т. е. отъ 14 лѣтъ, до 21 года должны быть установлены извѣстныя ограниченія относительно продолжительности работы и извѣстныя требованія для нормальнаго досуга и отдыха. Когда требуютъ установленія нормальнаго рабочаго дня, то этотъ день относится къ личностямъ, достигшимъ полнаго физическаго и умственнаго развитія, т. е. къ совершеннолѣтнимъ. Лица же малолѣтнія, т. е. въ возрастѣ до 14 лѣтъ, должны быть совершенно изъяты отъ наемной работы, все время ихъ должно быть посвящено обученію и развитію. Лица же промежуточнаго возраста, отъ малолѣтства до совершеннолѣтія, такъ сказать несовершеннолѣтнія, должны быть допускаемы къ работѣ соотвѣтственно потребности для нихъ въ добавочномъ обученіи (Fortbildung), все равно, будетъ ли оно повседневное, или вечернее, или праздничное. Соотвѣтственно увеличенію силъ несовершеннолѣтнихъ долженъ быть разсчитанъ для нихъ и урочный день, причемъ, послѣдній долженъ становиться тѣмъ продолжительнѣе, чѣмъ ближе несовершеннолѣтній подвигается къ совершеннолѣтію.

Односторонность умственнаго развитія, въ частности, зависитъ не столько отъ однообразія трудовъ, сколько отъ низкаго уровня той житейской и домашней обстановки, среди которыхъ рабочій проводитъ свое свободное время. Поэтому, вопросъ о развлеченіяхъ, зрѣлищахъ и вообще о пріятномъ и полезномъ препровожденіи досуговъ рабочихъ, вмѣсто посѣщенія распивочныхъ заведеній, имѣетъ непосредственную связь съ общимъ развитіемъ всего рабочаго класса, какъ средство противъ односторонняго притупленія работою. Только въ свободное отъ занятій время съ успѣхомъ возможно дѣйствовать на умственное развитіе, а организовывать работу такъ, чтобы она оказалась образовательною, едва ли не злостная насмѣшка, или

умилительная наивность. Работа, по существу, представляетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вполнѣ самостоятельныя требованія, человѣкъ вынужденъ къ ней прилаживаться, а не работа къ нему. Стремиться къ образованію и развлеченію человѣка посредствомъ одного труда, значитъ стремиться отыскать, помимо производства, другіе способы къ обезпеченію хозяйства и существованія человѣка. Стремленіе такое болѣе, чѣмъ экономическое заблужденіе.

Въ такую именно ошибку впалъ, не смотря на формальную послѣдовательность даже можетъ быть благодаря ей, наиболѣе добросовѣстный и вліятельный изъ утопистовъ — Фурье. Онъ исходитъ изъ той основной посылки, что современный хозяйственный строй его не удовлетворяетъ потому, что покоится на ложномъ началѣ, подвергая человѣка нравственному самоограниченію. Понятіе о нравственности, существующее въ современномъ обществѣ, Фурье вообще считаетъ безсодержательнымъ, служащимъ только для удобнаго прикрытія, между тѣмъ какъ человѣкъ подлежитъ единственно дѣйствію страстей. Весь его духовный міръ оказывается сочетаніемъ влеченій, дѣйствующихъ на его волю. Вотъ почему со страстями необходимо считаться, на соображеніи съ ними только удается основывать *гармонію*, она осуществится приведеніемъ страстей въ дѣйствіе такъ, чтобы они уравновѣшивали другъ друга.

Но Фурье не замѣчаетъ безсодержательности своей теоріи, такъ какъ гармонія, если бы была логически вѣрна, оказалась бы самоцѣльною, самодѣйствующею, и никакихъ внѣшнихъ условій для правильной игры страстей не требовалось бы. Гармонія и правильность съ извнѣ водвореннаго порядка отнюдь не являютси совпадающими понятіями; напрасно и ошибочно Фурье ихъ отождествляетъ. Безнадежно уповаетъ онъ, что при его гармоніи послѣдній нищій будетъ такъ обставленъ, какъ не обставленъ теперь и богатѣйшій государь. Фурье утверждаетъ, что не тяжесть и продолжительность усилій утомляютъ человѣка, а только однообразіе и безпрерывность ихъ; при перемѣнѣ занятій никто не долженъ чувствовать утомленія. Онъ самъ, впрочемъ, чувствовалъ бездоказательность такого положенія, и постарался придумать страсть служащую основаніемъ всѣмъ прочимъ страстямъ, именно *страсть къ перемѣнѣ* (papillonne). Однообразному труду въ фаланстерахъ посвящается не болѣе двухъ часовъ, и, по случаю такой непродолжительности однообразныхъ трудовъ, нѣтъ надобности въ какихъ либо непроизводительныхъ

развлеченіяхъ, а каждый будетъ находить себѣ отдыхъ въ трудѣ; трудъ тогда не будетъ тягостью, а удовольствіемъ. Вслѣдствіе этого, самое производство будетъ неустанно совершенствоваться, между тружениками не будетъ иного соперничества, кромѣ соревнованія въ трудѣ.

Но мѣрѣ успѣховъ раздѣленія труда, далѣе, механическій трудъ все болѣе и болѣе поддается замѣнѣ дѣйствіемъ машинъ, а работникъ мало по малу превращается въ надзирателя за движеніемъ машины. Человѣкъ въ механическомъ трудѣ спорить съ послѣднею не можетъ, онъ гораздо слабосильнѣе стихійныхъ дѣятелей, требуетъ отдыха, пищи и сверхъ того, усилія человѣка никогда не оказываются совершенно однообразными, не доходятъ до тождества. Отдѣльный ударъ руки, напримѣръ, по сравненію съ другими, представляетъ разницу и по силѣ, и по направленію, между тѣмъ какъ, повторительныя дѣйствія машины совершенно однообразны, подлежатъ вычисленію, могутъ продолжаться безпрерывно. Въ виду такихъ преимуществъ, рабочій все болѣе и болѣе приводится къ роли спутника машины; ему приходится направлять извѣстнымъ образомъ удары машины, или подводить подъ машину матеріалъ, смазывать части машины и т. п. При однообразіи и безпрерывности дѣйствій машины, человѣкъ вынужденъ дѣйствовать столь же безпрерывно и однообразно. Часто при устройствѣ помѣщенія не обращаютъ никакого вниманія на удобство работниковъ. Послѣдніе часто принуждены помѣщаться въ закоулкахъ, лишенныхъ свѣта и воздуха, до того тѣсныхъ, что во все время работы приходится сохранять одинаковое положеніе тѣла, какъ бы ни было оно неудобно. Всѣ эти условія убійственно дѣйствуютъ на организмъ, особенно же на организмъ дѣтскій.

Но нѣтъ причинъ винить именно въ этихъ неудобствахъ и пагубныхъ послѣдствіяхъ раздѣленіе труда. Раздѣленіемъ труда не обусловливается ни тѣснота помѣщенія, ни безпрырывность работы, ни расторженіе семьи, ни обремененіе работою малолѣтнихъ. Для предотвращенія злоупотребленій послѣдняго рода настоятельно необходимо учреждать фабричную инспекцію, какъ въ Англіи, гдѣ особые чиновники обязаны наблюдать за исполненіемъ фабрикантами и хозяевами постановленій закона объ удобствахъ и удовлетворительности, въ санитарномъ отношеніи, помѣщеній во время работъ.

Всѣ же приведенныя вредныя послѣдствія не вытекаютъ изъ

раздѣленія труда, но являются плодомъ злоупотребленія этою организаціею труда. Укоряютъ еще раздѣленіе труда въ томъ, что работники склонны брать на себя работу, превышающую ихъ силы, напр. одинъ англійскій желѣзнодорожный сторожъ спалъ въ недѣлю всего 16 часовъ, а все остальное время находился при отправленіи своей обязанности. Но подобнаго упрека не раздѣленіе же труда заслуживаетъ, а нужда: никто безъ крайней необходимости, не станетъ себя обременять подобнымъ образомъ; но и при раздѣленіи труда, равно какъ и безъ раздѣленія труда, если человѣку ѣсть нечего, онъ станетъ работать черезъ силу.

Говорятъ также, что раздѣленіе труда вредно дѣйствуетъ на нравственность рабочихъ тѣмъ, что разстраиваетъ семью и скучиваетъ въ одно мѣсто большое количество рабочихъ. Противъ этого приходится возразить, что вредныя послѣдствія для нравственности рабочихъ проистекаютъ конечно изъ казарменной жизни рабочихъ, отъ пригона людей въ тѣсное помѣщеніе, безъ различія пола и возраста. Однако плачевная нравственная запущенность замѣчена и въ англійскихъ сельскихъ артеляхъ, нанимаемыхъ въ страдное время для уборки хлѣба, т. е. въ той отрасли производства, которая меньше всего подлежитъ раздѣленію труда. Прусскій опытъ тоже указываетъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ именно повсюду, гдѣ существуетъ казарменное сожитіе батраковъ, или дворни, безъ отдѣленія половъ и возрастовъ, нравственность земледѣльцевъ ни чуть не выше, оплакиваемой по чему то исключительно, разнузданности фабричныхъ рабочихъ, живущихъ при тождественной обстановкѣ *).

---

*) Срв. *F. Knauer*, die sociale Frage auf dem plätten Lande, Brl., 1873 г. стр. 81.

Между немногочисленными пока изслѣдователями сельскаго рабочаго вопроса видное мѣсто занимаетъ:

Goltz, Beitrag zur Geschichte der Entwikelung ländlicher Arbeiterverhältnisse im nordöstlichen Deutschland, Brl., 1864 г.

— Die ländliche Arbeiterfrage und deren Erledigung, Danzig, 1872 г. подъ его предсѣдательствомъ собирался конгрессъ, издавшій—Die Verhadlungen der Berliner konferenz ländlicher Arbeitgeber, Dnz., 1872 г.

Срв. еще мое «экономическое обозрѣніе» въ журн. Сельское хоз. и лѣсоводство, 1873 г., № 1 и 2.

ГЛАВА VIII.

Капиталъ и его экономическія разновидности.

§ 39. Общее понятіе о капиталѣ, разнорѣчія въ его опредѣленіи.

Орудія труда, обобщаемыя подъ общимъ названіемъ *капитала* *). для производства являются необходимыми вслѣдствіе физической слабости человѣка; ни видоизмѣненія полезностей, ни перемѣщенія цѣнностей человѣкъ не можетъ совершать удовлетворительно, если будетъ дѣйствовать одними своими тѣлесными органами. Первоначально питаніе человѣка должно было ограничиваться растительными веществами, они легче добываются, и только уже съ помощью орудій человѣкъ сталъ добывать себѣ и животную пищу. Камень, брошенный человѣкомъ въ звѣря, былъ первымъ орудіемъ; впослѣдствіи уже постепенно изобрѣтены разные метательные снаряды и приборы для ловли птицъ, звѣрей и рыбъ. Развитіе культуры успѣвало по мѣрѣ изобрѣтенія и усовершенствованія орудій. До чего громаденъ успѣхъ постепеннаго усовершенствованія въ людскомъ быту видно изъ сравненія пращи и нынѣшнихъ ружей. Въ общей исторіи человѣчества весьма важными моментами признаются эпохи изобрѣтенія разныхъ орудій, улучшенныхъ способовъ производства, и открытія новыхъ полезностей.

Но орудія, или вообще всѣ тѣ цѣнности, которыя обозначаются словомъ капиталъ, по своей формѣ не всегда отличаются такимъ своеобразіемъ, чтобы при первомъ же взглядѣ на цѣнность можно было сказать, орудіе ли оно, или нѣтъ. Нужно помнить, что хотя названіе орудія, посредника въ производствѣ, до извѣстной степени указываютъ на форму, или внѣшнее различіе цѣнностей, участвую-

*) Въ средневѣковой латыни capitale называется и денежная ссуда — sors, и наличный скотъ, подобно классическому peculium и pecuniae; англійское capitale и cattle затѣмъ смѣшивается съ запасомъ stok; отъ римскаго caput pecuniae, греч. kefalaion, идетъ позднѣйшее capitale въ смыслѣ capitalis pars debiti. Срв. *Endemann*, die nationolökonomischen Grundsätze der canonistischen Lehre, lena, 1865 г., § 12.—*Ducange*, Glossarium mediae et inf. latinitatis. s. v.

щихъ и служащихъ посредниками въ производствѣ, однако въ какой формѣ цѣнности являются капиталами, это совершенно безразлично. Не одни только орудія подходятъ подъ понятіе посредниковъ въ производствѣ, но вообще всѣ цѣнности, служащія проводниками при затратѣ труда на производство.

Цѣнность, служа посредникомъ въ производствѣ, только въ этомъ случаѣ и при данномъ отношеніи является капиталомъ, а затѣмъ хозяйственное значеніе, какое таже самая цѣнность можетъ имѣть, помимо характера посредничества между трудомъ и полезностями, можетъ придавать ей иной характеръ. Объясненіе понятія капитала изъ способа его возникновенія, или изъ той пользы, которую приносятъ составляющія его цѣнности, можетъ только ввести въ заблужденіе. Необходимо остановиться на опредѣленіи капитала по существу его, т. е. по участію цѣнности въ производствѣ. Таже цѣнность, нисколько не мѣняясь въ формѣ, перенесенная въ другой хозяйственный процессъ, чѣмъ производство, уже не будетъ капиталомъ: цѣнности служащія капиталами иногда, конечно, и по своей формѣ отличаются отъ прочихъ цѣнностей.

Капиталъ, какъ цѣнность и величина хозяйственная, вообще является внѣшнимъ предметомъ по отношенію къ труду, который долженъ быть созданъ предшествующимъ производствомъ, долженъ ставаться свободнымъ и сберегаться отъ потребленія, долженъ сохраняться, пока не явится возможность затратить его какъ подспорную цѣнность въ производствѣ.

Естественно, капиталъ, какъ совокупность цѣнностей, участвующихъ въ производствѣ, имѣетъ источникомъ своимъ усиленное предъидущее производство, совпадаетъ съ излишками производства. Нужно произвести такое количество цѣнностей, которое превышало бы нужды наличнаго потребленія. Въ тоже время, необходимо потребленіе до извѣстной степени обуздать, такъ какъ потребности человѣка необъятны, и имѣя средства къ удовлетворенію, онъ можетъ создать новую потребность, какой прежде у него не существовало. Такое хозяйственное обузданіе потребностей называется *бережливостью*; и такъ, вторымъ источникомъ возникновенія капитала, послѣ усиленія производства, является бережливость. Упомянутое самоограниченіе потребностей должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока сбереженный излишекъ прежняго производства не получитъ примѣненія въ новомъ производствѣ. Когда же оборотъ производства даетъ

новыя цѣнности, то, отчисливъ изъ нихъ соотвѣтственную часть на капиталъ для послѣдующаго поддержанія однороднаго производства, остальная доля можетъ быть потреблена производителемъ безъ всякаго ущерба хозяйству и будущимъ затратамъ.

Приведенные источники и условія возникновенія капитала всегда вводили и вводятъ въ опредѣленіе понятія о капиталѣ такъ, что капиталъ у всѣхъ экономистовъ есть совокупность цѣнностей, созданная продолжительнымъ и усиленнымъ производствомъ и сбереженная отъ потребленія, ради обращенія ея опять въ производство. На такомъ основаніи указываютъ, что капиталъ второстепенный, а не первоначальный факторъ производства, какъ будто можно и безъ него обходиться и ограничиваться одною помощію труда и стихійныхъ силъ. Всякая градація факторовъ производства не имѣетъ экономическаго значенія. Теперь уже невозможно обойтись безъ капитала, и не важно второстепенный-ли онъ, исторически, факторъ производства. Столь же мало наученъ споръ о томъ, что собственно считать источникомъ происхожденія капитала, бережливость или излишнее производство. Вообще при объясненіи, что капиталъ излишекъ предъидущаго производства нельзя было миновать того наблюденія, что излишекъ отъ производства не всегда обращается въ пользу производства же, а часто случается, что онъ затрачивается на потребленіе, если мѣняется воззрѣніе хозяина на произведенный излишекъ. Вотъ почему, могли дойти и до такого опредѣленія капитала, что онъ цѣнность, на которую смотритъ хозяинъ какъ на средство производства. Если въ намѣреніи хозяина цѣнность должна служить производству, то она капиталъ, если же она предназначена волею хозяина къ потребленію, то она не больше какъ простой запасъ. Милль прямо даетъ это опредѣленіе капиталу. Онъ говоритъ, что не сущность вещи, не ея естественное своеобразіе или форма дѣлаютъ ее капиталомъ, а единственно намѣреніе хозяина (mind of mankind).

Подобное опредѣленіе неудовлетворительно: конечно, не всѣ цѣнности, служащія капиталомъ, по внѣшней формѣ пригодны только для этого назначенія, однако есть значительная таки группа цѣнностей, которыя не пригодны вовсе къ потребленію; сюда относятся почти всѣ орудія и инструменты въ тѣсномъ смыслѣ. Плугъ, напримѣръ, какъ бы на него хозяинъ ни смотрѣлъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить для потребленія, т. е. ѣзды; другое

дѣло телѣга, она дѣйствительно, смотря по желанію хозяина, можетъ служить и капиталомъ, когда послѣдній развозитъ на ней продукты производства, и предметомъ потребленія, когда въ ней ѣдутъ кататься, въ церковь и т. п. Нельзя принять опредѣленія, по которому оказывается, что плугъ капиталъ не потому, что онъ при своей формѣ ни къ чему другому не пригоденъ, кромѣ производства, а потому, что такъ на него смотритъ хозяинъ.

Другое воззрѣніе, основываетъ понятіе о капиталѣ на одномъ томъ, что это излишекъ производства. Послѣднее опредѣленіе также породило не мало замѣшательствъ при объясненіи тѣхъ случаевъ, когда излишекъ производства, или такъ называемый чистый доходъ, слишкомъ великъ, чтобы быть разомъ потребленнымъ. Очевидно, излишекъ производства иногда не можетъ быть потребленъ сразу, а предназначается къ долговременному и постепенному потребленію, или же, съ другой стороны, онъ по необходимости долженъ сберегаться; притомъ же, излишекъ можетъ получить двоякое назначеніе: или онъ сберегается для будущаго потребленія, или же для того, чтобы быть обращеннымъ на будущее производство. Принимая опредѣленіе, что капиталъ есть *сбереженный излишекъ производства*, необходимо было дойдти до такого заключенія, что цѣнность, остающаяся въ видѣ излишка отъ производства и сберегаемая на будущее время, имѣетъ цѣлью: или служить потребленію человѣка ради возвышенія его производительной силы, или же она будетъ являться посредникомъ въ другомъ производствѣ. Слѣдовательно, въ однихъ случаяхъ таже цѣнность является средствомъ потребленія, а въ другихъ средствомъ производства, но въ обоихъ случаяхъ сбережена. По такому основанію дѣлятъ капиталъ на два разряда: производительный, даже говорятъ, что его слѣдуетъ назвать капитальнымъ капиталомъ, и потребительный капиталъ.

Однако, стоитъ припомнить, что не всѣ запасы потребленія могутъ быть обращены, по желанію и безъ всякаго видоизмѣненія, въ капиталы. Это сознавалось и при опредѣленіи капитала, какъ излишка. Потому именно ученые стараются ввести въ характеръ потребительнаго капитала извѣстный производительный оттѣнокъ. Такъ Рошеръ (§ 43) говоритъ, что всѣ цѣнности служащія къ производству другихъ цѣнностей, или къ возвышенію производительной силы самого человѣка — суть капиталъ. Слѣдовательно, цѣнность, потребляемая человѣкомъ производительно трудящимся тоже капиталъ

а цѣнность, потребляемая лицомъ не трудящимся, или трудящимся непроизводительно, не есть капиталъ. По такому разсужденію приходится всякую цѣнность тотчасъ называть капиталомъ, такъ какъ весьма трудно сразу различить случаи, когда человѣкъ потребляетъ для возвышенія и поддержанія своихъ производительныхъ силъ, и когда потребленная цѣнность неудовлетворяетъ этому условію. Тутъ получается еще большая неточность, чѣмъ при выясненіи понятія капитала по намѣренію хозяина. И такъ, дѣленіе Рошера, повторяющееся въ нѣмецкой литературѣ, дѣленіе капиталовъ на производительные и потребительные, оказывается запутаннымъ.

Нельзя не признавать понятіями неудобосоединимыми: капиталъ и цѣнности потребительныя. Что капиталъ возникаетъ однообразно со всякими другими запасами и цѣнностями—это несомнѣнно. Однако, послѣ производства въ первомъ мѣстѣ является валовая масса цѣнностей, валовой доходъ. Эта масса необходимо распадается, по самому теченію хозяйства, на части; необходимо выдѣлять изъ валоваго дохода долю, соотвѣтствующую затратамъ, сдѣланнымъ во время производства, покрывающую издержки производства, полученный же послѣ этого остатокъ доступно, или вновь затратить на производство, или уничтожать потребленіемъ. Этотъ послѣдній остатокъ есть чистый доходъ. Все, что отдѣляется изъ чистаго дохода на потребленіе есть запасъ потребленія, и только то, что обращается изъ него на производство дѣйствуетъ экономически какъ капиталъ.

А. Смитъ тоже дѣленіе провелъ недостаточно ясно, а тѣмъ и порождены изложенные споры. Смитъ именно говоритъ, что новѣйшее производство доставляетъ цѣнности въ такихъ массахъ, что они по окончаніи производительныхъ оборотовъ прямо не уничтожаются сполна самимъ производителемъ; нерѣдко производятъ и по чужимъ заказамъ; цѣнности идутъ на сбытъ въ чужое пользованіе, передаются мѣною изъ рукъ въ руки. Однако, за покрытіемъ издержекъ, весь излишекъ производства въ совокупности является запасомъ, если онъ обращается въ пользу потребленія; если же излишекъ затрачивается въ новыя производства, тогда онъ оказывается капиталомъ. Дальнѣйшаго опредѣленія, или болѣе точнаго подраздѣленія Смитъ не даетъ; онъ только настаиваетъ на томъ, что запасомъ называется все, чѣмъ пользуется самъ собственникъ, обладатель или производитель, а капиталомъ все то, что достав-

ляетъ опредѣленный доходъ въ будущемъ, такъ что напр. конюшни для рабочаго скота, жилища для рабочихъ—капиталъ, а помѣщеніе самого собственника—запасъ *).

Масса цѣнностей, служащихъ капиталомъ, распадается на двѣ группы: однѣ могутъ долгое время служить въ оборотахъ производства, напр. орудія, постройки; другія же послѣ одного оборота уничтожаются, теряютъ первоначальную форму и до такой степени сливаются съ вновь произведенными цѣнностями, что когда издѣлія производства идутъ на сбытъ, то и капиталъ этотъ вмѣстѣ съ ними отчуждается. Цѣнности перваго рода называются постояннымъ капиталомъ, а втораго оборотнымъ. Считая признакомъ оборотнаго капитала то, что послѣ каждаго оборота онъ уничтожается въ своей прежней формѣ, сливается съ вновь созданными цѣнностями, Смитъ не обратилъ вниманія на то, что и запасы потребленія могутъ служить или долгое время цѣлому ряду актовъ потребленія, или уничтожаться каждымъ отдѣльнымъ актомъ потребленія, расходоваться заразъ, или постепенно; что слѣдовательно, и они являются, или постоянными, или оборотными. Слѣдовательно, это дѣленіе безразлично существуетъ и для капиталовъ, и для запасовъ, или цѣнностей въ потребленіи. Тѣмъ не менѣе, А. Смитъ отличивъ запасы потребленія отъ капиталовъ, не прибѣгъ къ тому странному опредѣленію, что всякій излишекъ производства есть капиталъ.

§ 40. Виды капиталовъ—по составу, внѣшней формѣ и способу участія въ производствѣ.

При опредѣленіи капитала необходимо, вообще, остановиться на томъ простомъ понятіи, что это цѣнности, или вообще результаты производства, хотя бы и невещественнаго, предназначенные для участія въ производствѣ. Если въ это опредѣленіе вводится терминъ цѣнность, то только для краткости, и нужно, далѣе, помнить, что результатомъ производства являются не только вещественные предметы, но также услуги, извѣстнаго рода отношенія, именно то, что въ юриспруденціи называется res incorporales.

*) Уже Аристотель различалъ (Polit I, 2, 5). Organa и ktemata первыя употребляются для poiesis, какъ ткацкій челнокъ, а вторыя для praxis, какъ одежда и постель.

Строго же говоря, *подъ капиталомъ разумѣются цѣнности и услуги, при участіи которыхъ создается всякій новый доходъ производства.*

Предметы неосязаемые или res incoporales, существующіе самостоятельно и какъ бы внѣ своего собственника, подлежащіе разнообразнымъ уступкамъ и мѣновымъ сдѣлкамъ, составляютъ въ массѣ своей, если они участвуютъ въ производствѣ, капиталъ невещественный. Сюда относятся фирмы, штемпеля, разные промысловые знаки, конторы коммиссіонныя, адвокатскія, нотаріальныя, докторскія, разныя привиллегіи, монополіи и т. п. Законодательныя постановленія, охраняющія нѣкоторые невещественные капиталы, доказываютъ важность ихъ въ производствѣ дохода. Довѣріе покупателей къ извѣстной фирмѣ, довѣріе кліентовъ къ извѣстному адвокату, медику и вообще производителю услугъ составляетъ такой невещественный капиталъ, который можетъ быть уступленъ другому лицу, и нерѣдко перепродается за большую цѣну. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства внѣшніе пріемы и формы при передачи накопленныхъ услугъ болѣе развиты, въ другихъ менѣе, но во всякомъ случаѣ такое накопленіе существуетъ и рядомъ съ вещественностію производства, напримѣръ въ торговомъ тірѣ. Многія невещественныя услуги, разъ созданныя, могутъ существовать сами по себѣ, независимо отъ опредѣленнаго лица: такъ извѣстная фирма можетъ быть уступлена кому угодно, всякое лицо, получившее на нее право, дорожитъ на практикѣ подписываться этою фирмою; потому же радѣютъ сохранять вывѣску, пользоваться общеизвѣстнымъ штемпелемъ и т. п.

Такимъ образомъ, въ первомъ мѣстѣ, по существу, капиталы бываютъ двоякаго рода: вещественные и невещественные.

Далѣе же, и участіе капиталовъ въ производствѣ обнаруживается двоякимъ образомъ: или они сами подлежатъ измѣненію (этому подлежатъ и невещественные капиталы, напр. слитіе двухъ фирмъ), или, не измѣняясь сами, капиталы служатъ къ измѣненію полезностей и другихъ цѣнностей. Поэтому, между капиталами необходимо различать, во первыхъ, такъ называемые *матеріалы*, т. е. всѣ тѣ цѣнности, которыя подвергаются видоизмѣненію въ производствѣ. Конечно, извѣстная доля матеріаловъ состоитъ всегда изъ полезностей, но послѣднія только и относятся къ первому фактору производства — природѣ. Въ большинствѣ же случаевъ матеріалы

являются въ видѣ сырья уже, до извѣстной степени, передѣланнаго предъидущимъ производствомъ или превращеннаго отчасти въ цѣнности, въ полуцѣнности (Halbfabricate). Но въ какомъ бы видѣ матеріалъ ни участвовалъ въ производствѣ, т. е. въ видѣ ли полезностей или цѣнностей, во всякомъ случаѣ нужно различать, что одни матеріалы остаются послѣ производства и передѣла по веществу своему какъ бы нетронутыми, или по крайней мѣрѣ въ основаніяхъ сохраняются, всѣмъ своимъ веществомъ переходятъ во вновь созданныя цѣнности, другіе же только оставляютъ на первыхъ извѣстный слѣдъ своего участія въ производствѣ. На этомъ основаніи, различаютъ матеріалы основные, самымъ веществомъ своимъ переходящіе въ новыя издѣлія, отъ матеріаловъ побочныхъ, придающихъ только извѣстное измѣненіе основному матеріалу, какъ напр. краски.

Всѣ цѣнности, которыя подлежатъ измѣненію въ смыслѣ матеріаловъ, путемъ производства не только уничтожаются, какъ побочные матеріалы, или измѣняются существенно, какъ основные, но при видоизмѣненіи является еще выдѣленіе частицъ, которыя иногда въ данномъ производствѣ далѣе не нужны и ни въ какомъ случаѣ не соединяются съ вновь созданными цѣнностями,—это такъ называемые отбросы производства. Послѣдніе могутъ служить капиталомъ въ другомъ производствѣ и хозяйственное соображеніе требуетъ, чтобы никакой отбросокъ не оставался втунѣ. Поэтому, слѣдуетъ организовать производство такъ, чтобы отбросы одного производства переходили въ другое и чтобы вообще послѣдовательность оборотовъ вполнѣ утилизировали всѣ отбросы; такимъ образомъ, во всей совокупности народной промышленности не должно быть никакихъ отбросковъ отъ капиталовъ.

Послѣ матеріаловъ основныхъ и побочныхъ и, являющихся излишнихъ цѣнностей выдѣляемыхъ иногда самимъ производствомъ, отбросковъ, второй способъ участія цѣнностей въ производствѣ—это посредничество къ видоизмѣненію матеріаловъ. Такими посредниками являются цѣнности или въ томъ случаѣ, когда помощью ихъ усиливаются послѣдствія мышечныхъ движеній самого человѣка и его механическаго труда, или когда вообще получаются лучшія послѣдствія отъ сообразительныхъ трудовыхъ напряженій. Первыя цѣнности являются орудіями. По экономическому опредѣленію орудія—посредники, усиливающіе эффекты дѣйствія или стихійныхъ силъ, или мышеч-

ныхъ движеній самого человѣка. Тѣмъ становится понятнымъ и различіе, между орудіями и машинами, и разрѣшается безвыходность того опредѣленія, что орудіе есть несложная машина, а машина болѣе сложное орудіе. Орудія отличаются отъ машинъ тѣмъ, что сами по себѣ движенія не создаютъ, а только подъ дѣйствіемъ двигателей оказываютъ потребное участіе въ производствѣ; между тѣмъ, какъ всѣ тѣ приборы, или посредники, съ помощью которыхъ стихійные дѣятели упраздняютъ въ производствѣ мышечное напряженіе человѣка становятся машинами. Наравнѣ съ человѣкомъ и машина можетъ приводить въ дѣйствіе орудія. Задача машины очевидно состоитъ въ томъ, чтобы замѣнить механическій трудъ человѣка.

Въ желѣзоплавильняхъ на Пиринеяхъ, напримѣръ, гдѣ до сихъ поръ еще производится желѣзо по почти первобытному способу, для производства 4 или 5, много 6 килогр. въ день необходимъ трудъ одного человѣка, въ литейныхъ же заводахъ съ новѣйшими машинами тотъ же работникъ въ день производитъ 150 килогр., на что въ первыхъ бы требовалось ихъ 30 человѣкъ. На ручныхъ жерновахъ, существовавшихъ во время Гомера, 1 человѣкъ могъ намолоть запасъ муки, достаточный только для 25 человѣкъ, на новѣйшихъ же мельницахъ при помощи изобрѣтенныхъ машинъ трудъ 1 человѣка достаточно для запаса муки на 3,600 человѣкъ; на что въ древности требовалось около 144 человѣкъ.

Машины, появившіяся вслѣдствіе многоразличныхъ изобрѣтеній и открытій механическихъ, физическихъ и химическихъ, освободили человѣка отъ чрезмѣрно тяжкаго, подавляющаго умственную природу его, труда и тѣмъ самымъ значительно содѣйствовали нравственному его развитію. Мельницы избавили отъ тяжелаго труда цѣлыя толпы рабовъ, которые у древнихъ исключительно назначены были растолочь зерновой хлѣбъ въ огромныхъ ступкахъ, или вертѣть ручныя жернова; въ наше время по стат. изслѣдованіямъ вѣтренныя мельницы замѣняли въ 1828 г. въ Англіи и Шотландіи 240,000, во Франціи 253,000, въ Пруссіи 445,000 человѣческихъ силъ, а мельники не только освободились отъ рабства, но достигаютъ благосостоянія. Парусъ произвелъ искупленіе несчастныхъ, приводившихъ до тѣхъ поръ въ движеніе весла на гребныхъ судахъ, отъ труда до такой степени тяжкаго, какъ показываетъ самое названіе *каторга*, что въ древности къ нему присуждались рабы, а въ средніе вѣка преступники, извѣстные подъ именемъ галерныхъ (каторжныхъ).

Затѣмъ, парусъ въ 1828 г. въ Англіи и Шотландіи замѣнялъ 12 мил., во Франціи 3 мил. и въ Пруссіи 648 т. человѣческихъ силъ. Но паровыя суда избавляютъ экипажъ и отъ тѣхъ опасностей и усилій физическихъ, которыя необходимы при управленіи парусами. Равно значительны заслуги машинъ и при передвиженіи тяжестей. Во время Ф. Кортеца переноска тяжестей въ Мексикѣ совершалась на спинахъ людей, что впрочемъ и до сихъ поръ еще замѣчается во многихъ мѣстностяхъ всѣхъ частей свѣта, даже Европы. Гдѣ съ улучшеніемъ путей сообщеній люди замѣнялись животными, успѣхъ выражается отношеніемъ 30 килогр. къ 200 килогр, (тяжесть, которую можетъ носить человѣкъ и вьючность лошади, идущей шагомъ); гдѣ же дороги удобны для проѣзда, тамъ телѣга въ 2 колеса возвысила силу передвиженія до 5 разъ, по водѣ въ баркѣ 1 лошадь тащитъ въ 80 даже 100 разъ больше грузу (т. е. 80 т. до 100 т. килогр.), по желѣзной дорогѣ перевозка совершается съ наименьшими усиліями и съ наибольшею скоростію. Въ 1763 г. публичная карета употребляли на проѣздъ изъ Лондона въ Эдингбургъ 15 дней, въ 1835 г. дилижансъ совершалъ этотъ путь въ 48 часовъ, а теперь по желѣзной дорогѣ достаточно 12 часовъ.

Особенная важность машинъ въ новѣйшихъ производствахъ состоитъ въ томъ, что приспособлены къ пользованію человѣка и заставили за него трудиться самыя разнообразныя силы природы, которыя бы безъ нихъ не могли имѣть никакого приложенія. Такъ, паденіе воды сдѣлалось въ мельницахъ и лѣсопильняхъ орудіемъ производства, точно также вѣтеръ и паръ послѣ Уатовой машины (1724 г.). Вообще, какъ бы разнообразно ни было приложеніе машинъ, какимъ бы путемъ онѣ ни содѣйствовали увеличенію производительности,— главная ихъ польза состоитъ въ томъ, что при помощи ихъ *одно и тоже количество труда и капитала производитъ больше цѣнностей и лучшаго качества, съ меньшими издержками*, чѣмъ безъ ихъ содѣйствія. Такъ до 1769 г. хлопчатобумажной промышленности почти не существовало въ Англіи, ткани привозились изъ Остъ-Индіи; но послѣ введенія машинъ она приняла громадные размѣры; въ 1833 г. длина бумажныхъ тканей, вывезенныхъ изъ Англіи, была по вычисленіямъ достаточна, чтобы обернуть весь земной шаръ $10^1/_2$ разъ. Прежде англійскія фабрики доставляли ежегодно для внутренняго потребленія по $^1/_{10}$ mètres на человѣка, теперь производимыхъ ежегодно бумажныхъ тканей, за

вычетомъ вывоза, приходится по 16 или 18 métres на человѣка. Это увеличеніе производства сопровождалось соотвѣтственнымъ пониженіемъ цѣнъ: бумажныя ткани въ 5 разъ дешевле нынче, чѣмъ 25 лѣтъ тому назадъ, и въ 12 разъ дешевле, чѣмъ за 50 лѣтъ *).

Но не смотря на всю пользу машинъ, они далеко еще не создаютъ высшаго идеальнаго благосостоянія, и они подаютъ поводъ къ многообразнымъ злоупотребленіямъ въ обществѣ; однако неудобства, отъ нихъ проистекающія, часто бывали преувеличиваемы противниками ихъ. Главнѣйшія возраженія противъ употребленія машинъ вообще и введенія новыхъ, совпадаютъ съ нареканіями, коры выше приведены относительно раздѣленія труда.

Подобно многимъ основнымъ понятіямъ въ наукѣ, и терминъ капиталъ подлежалъ самымъ разнообразнымъ толкованіямъ въ частностяхъ **), но тѣмъ не менѣе сущность этого понятія оставалась общепризнанною; она исчерпана опредѣленіемъ, которое мы и повторяемъ, цѣнность на время своего участія въ производствѣ, или вообще при затратѣ ради полученія дохода, является капиталомъ.

Безконечно разнорѣчивыя опредѣленія свойствъ и видовъ капиталовъ, встрѣчаемыя у разныхъ представителей экономической науки, приводятся къ двумъ упомянутымъ воззрѣніямъ А. Смита и Ж. Б. Сея и имѣютъ своимъ источникомъ внутреннюю неполноту и непослѣдовательность послѣднихъ ***). А Смитъ ****) раздѣляетъ всю совокупность цѣнностей, которая можетъ находиться въ обладаніи какъ личности, такъ и народа, на три вида: цѣнности, которыя назначены лицомъ, или народомъ, къ потребленію, къ прямому удовлетворенію потребностямъ, составляютъ потребительные запасы; тѣ же цѣнности, которыя прилагаются къ промысламъ ради полученія дохода онъ называетъ капиталомъ. Капиталъ, или производительный запасъ цѣнностей, распадается у него, затѣмъ, на постоянный, который доставляя доходъ владѣльцу не отчуждается, и на оборотный, который, чтобы выполнить свое

*) Срв. *Roscher*, Ansichten der Volkswrthschaft, Lpz.. 1561, Abs. V. *M. Chevalier*, Cours d'économie politique, Brux., 1845., стр. 90—134.—Его же, Rapport sur l'ensemble de l'éxposition universelle de Londre, Paris, 1862 г.

**) Срв. *Kumpf*: die wirthschasftliche Natur des Darlehens въ Zeitsch. f, d, g, Staatsw. 1855. стр. 456. Также. *F. Kleinnwachter*: Beitrag zur Lehre vom Kapitale въ Ihrb. f. Nationalöc. und Stat. 1867. II. B. стр. 310—327 к 369—422.

***) Срв. мой финансовый кредитъ. С.-Петербургъ, 1871 г., стр. 155 и др. м.

****) W. of n., кн. II, гл. I.—stok for immediate consumtion—capital.

назначеніе, долженъ неизбѣжно отчуждаться. Далѣе же А. Смитъ говоритъ, что одно доставленіе дохода еще не превращаетъ извѣстнаго запаса цѣнностей въ капиталъ; такъ отданный въ наймы домъ конечно приноситъ доходъ, но тѣмъ не менѣе не можетъ считаться капиталомъ, потому что жилища принадлежатъ къ потребительнымъ запасамъ народа *). Наконецъ онъ полагаетъ, что «запасъ цѣнностей всякой страны, или вообще государства, равняется совокупности запасовъ всѣхъ жителей, или всѣхъ членовъ послѣдняго, и распадается естественно на приведенные три вида, изъ которыхъ каждый исполняетъ своеобразную функцію, или оказываетъ особую пользу».

Но капиталъ всего народнаго хозяйства не совпадаетъ съ общею суммою капиталовъ отдѣльныхъ предпріятій, или отдѣльныхъ личностей, онъ представляетъ именно видовое отличіе отъ послѣднихъ.

Это положеніе, на первый разъ, подтверждается словами самого же А. Смита, онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ **): «Оборотный капиталъ народа тѣмъ отличается отъ оборотнаго капитала отдѣльнаго лица, что послѣдній никогда не можетъ составлять часть его чистаго дохода, который образуется только изъ его барыша. Между тѣмъ изъ того, что оборотный капиталъ каждаго отдѣльнаго лица составляетъ часть оборотнаго капитала народа, къ которому принадлежитъ это лицо, вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ не составлялъ бы и часть чистаго дохода послѣдняго». Слѣдовательно, въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ капиталъ доставляетъ самостоятельный чистый доходъ; въ народномъ же хозяйствѣ оборотный капиталъ и чистый доходъ совершенно совпадаютъ, а потому между капиталомъ цѣлой страны, и оборотнымъ капиталомъ личности огромная разница. Другую разницу признаетъ впрочемъ также А. Смитъ: «очевидно домъ можетъ доставлять своему владѣльцу доходъ и тѣмъ составлять для него капиталъ, однако онъ не будетъ таковымъ для об-

*) На это Дицель иронически замѣчаетъ: «по Смиту стойла принадлежатъ къ капиталамъ, а жилыя помѣщенія нѣтъ» (стр. 53). Это очевидное противорѣчіе онъ, между тѣмъ, самъ разрѣшаетъ раздѣленіемъ всѣхъ цѣнностей въ хозяйствѣ на капиталы потребительные и капиталы производительные, доходъ же отъ производства и удовлетвореніе при потребленіи онъ вполнѣ отождествляетъ. Онъ слѣдуетъ Гошеру.

**) Тамъ же гл. II.

щества и доходъ всего народа въ массѣ никогда не можетъ увеличиться отъ того ни на малѣйшую долю». По его же мнѣнію, однако, цѣль народнаго хозяйства составляетъ не денежная прибыль, а «сохраненіе и увеличеніе того запаса цѣнностей, который назначенъ къ непосредственному потребленію; въ этомъ заключается единственное назначеніе и конечная цѣль какъ постояннаго, такъ и оборотнаго капитала. Этимъ запасомъ цѣнностей народъ питается, одѣвается и помѣщается *)».

Такимъ образомъ, запасы цѣнностей, приносящіе доходъ, не во всѣхъ случаяхъ бываютъ народнымъ капиталомъ, или, что является капиталомъ для лица, можетъ и не быть таковымъ для народа; несомнѣнно, слѣдовательно, что между капиталами существуютъ, помимо отчужденія и уничтоженіи ихъ при производительномъ оборотѣ и помимо разницы въ составѣ ихъ, еще и другія видовыя отличія. Раздѣленіе и народнаго, и частнаго имущества однообразно на три части—потребительные запасы, постоянные и оборотные капиталы—привело А. Смита еще, по вѣрному замѣчанію Германна **), къ противорѣчію съ собственнымъ воззрѣніемъ на деньги. Считая деньги за часть оборотнаго капитала народа, онъ тѣмъ не менѣе утверждаетъ (II, 2), что сохраненіе денежной формы этою долею оборотнаго капитала причиняетъ ущербъ чистому доходу народа.

Сэй опредѣляетъ капиталъ, съ точки зрѣнія своего ученія о мѣновой цѣнности, какъ отвлеченную величину, какъ сумму цѣнностей, которою поддерживается производство ***). «Величина капитала опредѣляется мѣновою его цѣнностію, т. е. цѣною, и если даже предприниматель имъ произвелъ избытокъ новыхъ цѣнностей, но весь доходъ отъ производства получаетъ меньшую мѣновую цѣнность, то, тѣмъ самымъ и во всякомъ случаѣ, утрачена отъ оборота часть капитала—c'est un capital entamé.» Сверхъ того, на взглядъ Сэя, сущность капитала заключается въ томъ, что онъ вообще оказываетъ полезную услугу, доставляя своему владѣльцу или

*) W. of. n., II. стр. 13: It is this stock which feeds, clothes and lodges the people.—*Mac Culloch.* — Princ. of pol. ec. 2 изд. 1849 стр. 9 — считаемъ даже совершенно безполезнымъ различать въ имуществѣ народа (stock) капиталъ и доходъ.

**) *Hermann*, Staatsw. стр. 63.

***) Cours d'ec. pol., ч. I, гл. X, стр. 139: En moins des mots, un capital est une somme des valeurs, consacrées à faire des *avances* à la production.

доходъ, или служа его потребленію. Различіе, установленное А. Смитомъ, по которому цѣнности въ отношеніи къ потребленію являютея просто запасами, а капиталами могутъ они быть только по отношенію своему къ производству, у Сэя не сохранено. Равнымъ образомъ по Сэю требуется только, чтобы своему владѣльцу доставлялъ капиталъ избытокъ мѣновыхъ цѣнностей; для работника и собственный прибыльный трудъ долженъ считаться капиталомъ; наконецъ всякій запасъ цѣнностей, оказывавшій неоднократно пользу и удовлетвореніе уже относится къ капиталамъ *). Однако, для народнаго хозяйства капиталъ важенъ по тому количеству, качеству и разнообразію цѣнностей, которыя производятся помощію его для народнаго потребленія. Если бы мѣновая цѣнность составляла существенный признакъ капитала, то объ послѣднемъ нельзя было вовсе говорить въ первобытномъ хозяйствѣ, когда все производство соотвѣтствуетъ прямо нуждамъ потребленія и когда никакой мѣны еще не существуетъ.

Возвращаясь къ разбору главныхъ видовъ капитала въ натурѣ, остается повторить, что по внѣшнему способу участія въ производствѣ, цѣнности распадаются на матеріалы основные и побочные, затѣмъ на орудія и машины. Орудія и машины служатъ не для одного только оборота производства, а для цѣлаго ряда его процессовъ. Со временемъ они портятся, или постепенно теряютъ свою производительную пригодность, но при должной ихъ ремонтировкѣ они могутъ существовать столь же долгое время, какъ и самое производство. Вслѣдствіе этого, орудія и машины названы въ наукѣ экономической капиталомъ постояннымъ, а матеріалы оборотнымъ.

*) Capitaux immediatement productifs d'agrements et d'utilité, Cours, I стр. 290. Также и Германнъ держится того опредѣленія, что «капиталъ — имущество, служащее продолжительнымъ основаніемъ такого пользованія, которое имѣетъ мѣновую цѣнность» (стр. 59 и 60). Дицель же обвиняетъ Германна въ непослѣдовательности за то, что онъ, различивъ потребительный капиталъ (Nutzcapital) отъ промышленнаго (Erwerbsc). полагаетъ, что первый обращается въ одинъ изъ видовъ втораго въ случаѣ найма (Leihc.), что садъ, находящійся въ пользованіи самого владѣльца — Nutzcapital, при отдачѣ же въ наемъ обращается въ Erwerbscapital. Дицель же утверждаетъ, что для народнаго хозяйства такое различеніе лишено всякаго основанія и что Nutzcapital слѣдуетъ противополагать, какъ дѣлаетъ Рошеръ (кн. I, гл. I, § 43), непремѣнно Productivcapital. Услуги перваго непосредственно удовлетворяютъ человѣческимъ потребностямъ, второй же необходимъ для производства цѣнностей годныхъ къ употребленію.

Траты хозяина на капиталы постоянный и оборотный различны: траты на послѣдній возобновляются послѣ каждаго оборота, а капиталъ постоянный, служа для многихъ оборотовъ, требуетъ только поправокъ, починки, что обходится гораздо дешевле, чѣмъ полное возобновленіе. Разъ обзаведшись машинами и орудіями, производство тратится на ихъ поддержаніе, ремонтъ или погашеніе. Это различіе между капиталомъ постояннымъ и оборотнымъ, зависящее отъ вліянія самаго производства на участвующія въ немъ цѣнности, существенно и важно.

§ 41. Различеніе капиталовъ въ зависимости отъ трехъ главныхъ сферъ хозяйственныхъ интересовъ.

Но затѣмъ крайне важно другое различеніе капиталовъ на 3 вида, возникающее отъ того, что производство имѣетъ, въ объединенномъ общественностію составѣ всего народнаго хозяйства, отношенія къ интересамъ троякаго рода. Всякое производство вообще, а слѣдовательно и каждое данное производство въ частности, становится, во первыхъ, въ экономическое отношеніе къ народу, какъ совокупности всѣхъ производителей и потребителей, объединенныхъ однимъ политическимъ строемъ на общей территоріи. Это выраженіе общежитія имѣетъ свои опредѣленные интересы и на своеобразныхъ основаніяхъ относится къ отдѣльнымъ проявленіямъ хозяйства: потребленію, обращенію, распредѣленію и производству. Интересы народнаго хозяйства, по отношенію къ производствамъ, заключаются въ томъ, чтобы каждое изъ послѣднихъ создавало наиболѣе пригодныя для народнаго потребленія цѣнности въ натурѣ, и въ возможно большемъ количествѣ. Поэтому, для общенароднаго хозяйства должны уравновѣшиваться всѣ требованія производителей и потребителей, для него важно и существенно только, чтобы производство создавало наилучшія и обильныя средства потребленія. Если, по сравненію капитала съ доходомъ, извѣстное производство въ натурѣ затратило цѣнностей меньше, чѣмъ создало вновь средствъ потребленія, то оно прямо содѣйствуетъ возвышенію общаго хозяйственнаго уровня. Слѣдовательно, производство, давшее въ натурѣ большее количество лучшихъ средствъ потребленія приноситъ больше пользы всему народному хозяйству, чѣмъ то, которое, при

такихъ же затратахъ, дало въ натурѣ меньшія и худшія средства потребленія. Точно также, съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, тотъ капиталъ болѣе производителенъ, который создалъ большее количество и лучшія средства потребленія въ натурѣ.

Но каждое производство въ отдѣльности осуществляется извѣстными личностями или порознь, особнякомъ, или союзами, сложившимися спеціально, или возникавшими ради производительной цѣли. Съ точки зрѣнія частныхъ представителей производства, лицъ или союзовъ, вообще съ точки зрѣнія такъ называемыхъ предпринимателей, капиталъ получаетъ совершенно другое экономическое значеніе, чѣмъ при первой точкѣ зрѣнія.

Предпринимателю важно имѣть вообще доходъ, а такъ какъ онъ приготовляетъ цѣнности для сбыта, и доходъ долженъ получаться въ формѣ пригодной для всѣхъ участниковъ того же предпріятія, то для предпринимателей менѣе важно валовое количество произведенныхъ цѣнностей въ натурѣ, а важна та сумма денегъ, какая будетъ выручена за эти цѣнности на рынкѣ. Съ точки зрѣнія предпринимателя болѣе выгоднымъ окажется тотъ капиталъ, который доставилъ ему большій денежный барышъ, хотя, можетъ быть, *произвелъ цѣнностей въ натурѣ* меньше, чѣмъ тотъ, который далъ меньше денежнаго барыша, хотя отъ него цѣнностей въ натурѣ получено больше. Однимъ словомъ, выгода, или невыгода производства измѣряется предпринимателемъ тѣмъ, на сколько прибыльно онъ продалъ издѣлія своего производства. Слѣдовательно, для предпринимателя капиталъ важенъ: и на столько на сколько онъ расходуется на него деньгами, и на столько, на сколько онъ ему приноситъ денежнаго барыша, или всѣ разсчеты предпринимателя сводятся къ денежной оцѣнкѣ, между тѣмъ какъ народный капиталъ остается капиталомъ въ натурѣ.

Наконецъ, производство становится въ опредѣленное отношеніе къ совокупному хозяйству лицъ порознь, вслѣдствіе чего и капиталъ является своеобразною экономическою величиною еще въ этомъ случаѣ. Для отдѣльнаго лица не важно, созданы ли его капиталомъ цѣнности, или нѣтъ, существуетъ ли капиталъ въ денежной или другой формѣ, если только оно отъ своего капитала имѣло приращеніе средствъ для личнаго потребленія. Доходныя цѣнности для него капиталъ, хотя можетъ быть другое лицо, которому первое уступило ихъ въ пользованіе, не нажило ими никакихъ новыхъ цѣн-

ностей, или барышей, а затратило его самымъ непроизводительнымъ образомъ, расточило капиталъ. Отсюда третій разрядъ капиталовъ, — личный капиталъ, не совпадающій, какъ хозяйственная величина, ни съ капиталомъ народнымъ, ни съ предпринимательскимъ. Личнымъ капиталомъ слѣдуетъ называть такой капиталъ, котораго владѣлецъ въ производство не затрачиваетъ, которому онъ оборота въ предпріятіи самъ не даетъ, а уступаетъ другому лицу, въ чужія руки. Этотъ капиталъ можетъ существовать, или въ денежной формѣ, или въ натурѣ, но необходимое отличіе его уступка въ чужое пользованіе, или помѣщеніе изъ за дохода. Всего правильнѣе называть его не личнымъ, *а ссуднымъ*. Если лицо, получившее ссудный капиталъ, затратитъ его непроизводительно, то съ точки зрѣнія народнаго хозяйства онъ уничтоженъ, но для заимодавца важно только получить извѣстный процентъ, изъ какихъ бы источниковъ ни былъ уплоченъ послѣдній, изъ доходовъ ли доставляемыхъ оборотами предпріятія, основаннаго на этотъ капиталъ, или же изъ послѣдняго имущества должника. Вотъ почему, для капиталиста—заимодавца важна одна увѣренность, что доставленный въ ссуду капиталъ и проценты на него не пропадутъ, не смотря на самыя критическія обстоятельства его должника, что въ случаѣ разоренія будетъ продано имущество послѣдняго, но ему будетъ возвращенъ капиталъ съ процентами. Такое убѣжденіе въ безопасности и возвратѣ ссуднаго капитала, основывается на строгости тѣхъ законодательныхъ мѣръ, которыя направлены противъ неисправныхъ должниковъ. Вотъ почему, во всѣхъ странахъ вексельное право занимаетъ особое мѣсто въ ряду прочихъ законовъ, оно отличается особенною строгостью, а для большей скорости почти вездѣ существуетъ особый порядокъ судопроизводства по долговымъ обязательствамъ, именно такъ называемые коммерческіе суды. Еще недавно почти во всѣхъ странахъ взысканіе за долги обращалось на личность должника, его самого подвергали заключенію, пока долгъ, тѣмъ или другимъ способомъ, не будетъ уплоченъ. Слѣдовательно, доходность личнаго капитала зависитъ: и не отъ того количества цѣнностей, которыя будутъ произведены при затратѣ этого капитала, и не отъ той суммы денегъ, которыя будутъ выручены отъ оборота по сбыту этихъ цѣнностей; а просто отъ того размѣра процентовъ, который будетъ условленъ при помѣщеніи—между заимодавцемъ и должникомъ. Процентъ этотъ различенъ для разныхъ

капиталовъ и въ разныхъ странахъ. Въ западной Европѣ капиталъ даетъ 3 — 4%, а у насъ 7 — 8%, это въ значительной степени зависитъ отъ изобилія ссудныхъ капиталовъ въ странѣ, именно чѣмъ больше въ странѣ послѣднихъ, тѣмъ меньшій процентъ они даютъ, и на оборотъ.

Нерѣдко смѣшивали капиталиста и предпринимателя, хотя экономически это личности совершенно различныя. Капиталистъ есть въ наукѣ хозяйственной только изолированно стоящій представитель личнаго хозяйства, который самъ оборотовъ и затратъ не дѣлаетъ, который считаетъ наиболѣе выгоднымъ для себя привести лицо, занимающее у него капиталъ, въ такое положеніе, чтобы послѣднее очутилось въ полной отъ него зависимости, не могло обойтись безъ его ссуды и дало какъ можно большій процентъ. Капиталистъ, какъ экономическая категорія, входитъ все больше и больше въ свою спеціальную роль по мѣрѣ того, какъ наживается онъ, въ полномъ бездѣйствіе и на счетъ находящихся въ обязательныхъ къ нему отношеніяхъ, даже по мѣрѣ того, какъ предприниматели и должники раззоряются. Предприниматель также можетъ, въ случаѣ исключительной обстановки сбыта, возвысить денежную цѣну на производимыя имъ цѣнности во вредъ своимъ покупателямъ, но онъ не разсчитываетъ на ихъ раззореніе, а только на то, чтобы въ борьбѣ съ предпринимателями, стоящими во главѣ однородныхъ съ нимъ производствъ, получить сравнительно больше барышей, чѣмъ они; и пока это стремленіе не поддерживается внѣшними насильственными мѣрами, въ немъ нѣтъ ничего экономически предосудительнаго; борьба всегда ставитъ себѣ цѣлью превзойти другихъ, а достигнуть этого можно соблюденіемъ выгодъ своихъ кліентовъ, то есть покупателей и потребителей. Путемъ борьбы и конкурренціи всѣ экономическіе процессы получаютъ то оживленіе, безъ котораго устойчивое развитіе народнаго хозяйства совершенно немыслимо.

Такимъ образомъ, капиталъ по различію въ фазисахъ своего хозяйственнаго существованія проявляется въ троякой формѣ: *капиталъ производства или народный, предпринимательскій, или денежный, и личный*, или ссудный. Капиталъ предпринимательскій лучше было бы назвать капиталомъ предпріятія (capital de l'entreprise, Unternehmungscapital. См. *Schäffle*, System, § 205). До сихъ поръ различали только капиталъ народный и частный,

что не даетъ указанія на общеэкономическія его формы. Разновидности капиталовъ народнаго и ссуднаго совпадаютъ, но предпринимательскаго не совпадаютъ. Первые два распадаются на постоянные и оборотные, признаки которыхъ мы касались; составныхъ же частей послѣдняго мы коснемся ближе при разборѣ ихъ значенія для строя предпріятій.

Какъ запасы, такъ и капиталы слѣдуетъ различать на оборотные и постоянные *); и тѣ, и другіе, (stocks, fonds) должны считаться понятіями, слагающимися не изъ признаковъ самаго существа цѣнностей и услугъ, а на основаніи представленій объ отношеніяхъ послѣднихъ къ двумъ актамъ хозяйственной дѣятельности человѣка—производству и потребленію. Всякая дѣятельность производительна, если она направлена на созиданіе внѣшнихъ средствъ къ удовлетворенію потребностямъ, и если она не служитъ сама по себѣ цѣлью, или удовлетвореніемъ. Всѣ внѣшнія средства, всѣ цѣнности и услуги, какъ накопленные результаты предшедшихъ производительныхъ дѣйствій, которыя обусловливаютъ осуществленіе прямой производительной дѣятельности, относятся къ разряду капиталовъ. Та же хозяйственная дѣятельность, которою непосредственно осуществляется удовлетвореніе потребностямъ, есть уничтоженіе цѣнностей, или потребленіе; а всѣ подлежащія послѣднему внѣшнія средства, какъ цѣнности, такъ и услуги, являются въ этомъ случаѣ исключительно предметами потребленія или запасами **).

Задача производства—доходъ, цѣль потребленія—удовлетвореніе; поэтому капиталъ—всякая цѣнность, доставляющая доходъ, предметъ потребленія же можетъ доставлять только непосредственное удовлетвореніе. Однако доходъ является неоднородною величиною во всѣхъ случаяхъ потому, что содержаніе производительной дѣятельности, ея конечная цѣль, опредѣляется каждымъ изъ трехъ главныхъ представителей хозяйственныхъ интересовъ—народомъ, предпринимателемъ и хозяйственною личностію—далеко не тождественнымъ образомъ.

---

*) Это медленное уничтоженіе не только нѣкоторыхъ, но даже многихъ запасовъ потребленія, безъ сомнѣнія и породило понятіе о Nutzcapital, хотя послѣднее, съ научной точки зрѣнія, заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе.

**) L. *I. Gerstner*: Beitrag zur Lehre vom Capital. Erlangen 1857 г. стр. 40.

Народный капиталъ доставляетъ только доходъ при совокупномъ дѣйствіи съ двумя остальными факторами производства, а помимо послѣдняго мертвъ, т. е. не существуетъ хозяйственно. Онъ прирашается въ натурѣ и сохраняется, какъ цѣнность, единственно воспроизводствомъ *). Главное же отличіе предпринимательскаго капитала заключается въ томъ, что величина его совпадаетъ съ его цѣною, а доходность его зависитъ отъ денежной прибыли при сбытѣ валоваго дохода производства. Все что подлежитъ денежной оцѣнкѣ можетъ, такимъ образомъ, сдѣлаться предпринимательскимъ капиталомъ. Запасъ хлѣба, въ видѣ уже готоваго предмета потребленія, есть часть предпринимательскаго капитала у булочника, также и разные другіе предметы потребленія, находящіеся въ рукахъ торговцевъ, и вообще всѣ цѣнности, участвующія еще въ процессѣ обращенія; къ народному же капиталу они въ этихъ экономическихъ фазисахъ болѣе не принадлежатъ. Денежная оцѣнка, рыночная цѣна валоваго дохода опредѣляетъ весь успѣхъ предпріятія: если въ немъ будетъ произведено, при тѣхъ же издержкахъ, или на тотъ же капиталъ, въ одномъ оборотѣ двойное, противъ предыдущаго, количество цѣнностей, за которое однако предприниматель, при сбытѣ, выручитъ только прежній денежный доходъ, то для предпринимательскаго капитала не обнаружилось никакой перемѣны, хотя народный капиталъ несомнѣнно увеличился; такъ и наоборотъ. Уничтоженіе народнаго капитала зависитъ единственно отъ потребленія, измѣненія же въ величинѣ предпринимательскаго капитала происходятъ отъ условій сбыта. Народный капиталъ можетъ возростать и народный доходъ соразмѣрно съ нимъ увеличиваться, нисколько не обусловливая тѣмъ какое либо приращеніе предпринимательскихъ капиталовъ и ихъ прибыльности.

---

*) Этотъ существенный признакъ народнаго капитала ярко выведенъ у *J. St. Mill*—Princ. гл. V. § 5—«Когда говорятъ объ исконномъ имуществѣ страны, объ унаслѣдованныхъ отъ предковъ богатствахъ, или вообще употребляютъ однородныя выраженія, то обыкновенно съ ними соединяютъ такое представленіе, будто перешедшія такимъ образомъ богатства произведены много времени тому назадъ, въ ту еще пору, когда ихъ пріобрѣли впервые, и что ни одна частица капитала страны не произведена въ настоящемъ году, исключая того, что прибавилось въ послѣднемъ совершенно вновь. Но сущность дѣла далеко иная. Большая часть теперь существующаго въ Англіи имущества произведена человѣческимъ трудомъ въ продолженіи послѣднихъ двѣнадцати мѣсяцевъ».

Профессоръ Э. Вреденъ.
Типографія и Литографія Кн. Оболенскаго, уголъ Ник. и Стрем. № 3—22.

Въ случаѣ урожая, народный капиталъ оказывается производительнѣе, а между тѣмъ пониженіе цѣнъ на хлѣбъ можетъ раззорить предпринимателей земледѣльцевъ, или хлѣбныхъ торговцевъ, если у первыхъ издержки производства поглощаютъ чистый доходъ, или рыночная цѣна даже не покрываетъ вполнѣ издержекъ, а у вторыхъ сдѣланы запасы еще во время предшедшей дороговизны, т. е. по высокимъ цѣнамъ. Равнымъ образомъ могутъ и обогащаться предприниматели въ противоположность народному интересу.

Народный капиталъ въ своемъ развитіи не зависитъ отъ приращенія предпринимательскаго, но только при увеличеніи народнаго капитала и его натуральнаго дохода ростутъ средства къ потребленію у народа, увеличивается спросъ, чѣмъ и предпринимательскіе капиталы какъ бы ростутъ, достигая прибыльнѣйшей денежной оцѣнки. Сохраненіе народнаго капитала важнѣе охраненія предпринимательскаго, а тѣмъ и оправдываются законодательныя стѣсненія обращаемости послѣдняго; такой напримѣръ смыслъ имѣетъ законодательство относительно лѣсовъ и сохраненія удобренія *). Не можетъ быть и рѣчи о томъ, будто народный капиталъ ничто иное, какъ сумма частныхъ капиталовъ **). Деньги и всякаго рода знаки, замѣняющіе ихъ въ обращеніи, составляютъ только самостоятельный видъ предпринимательскаго капитала, въ составъ народнаго они не входятъ и уменьшеніе ихъ количества, или обезцѣненіе ихъ, не влечетъ за собою уменьшенія народнаго капитала. Отъ замѣшательства въ денежной системѣ можетъ значительно и непосредственно только пострадать распредѣленіе, обращеніе и предпринимательскій доходъ; но отнюдь не прямо и непосредственно самое производство цѣнностей. Такимъ же образомъ, увеличеніе средствъ обращенія, напримѣръ выпускъ бумажныхъ денегъ, всегда бываетъ равносиленъ увеличенію предпринимательскихъ капиталовъ и вызываетъ на первыхъ порахъ, такъ называемое оживленіе промышленности ***).

*) *Hock*, Die Finanzen der Vereinigten Staaten Nord Amerika. S. 109 Anm. приводитъ законъ отъ 1866 г., по которому гуано, добываемый на вновь открытыхъ безлюдныхъ островахъ принадлежащихъ союзу, можетъ быть продаваемъ только въ отечествѣ.

**) *Hermann*, Staaatswirthschaftliche Untersuchungen. München 1832. Стр. 64. Отд. III. Bergrif des Kapitals. *Smith*; II. 1:—*Say*, Traitè de l'econ pol. I. Стр. 126 и 127.

***) *A. Wagner*. Die russische Papierwährung. Riga. 1868. II. Papiegeld kein volkswirthsc haftliches Capital. Стр. 16—30. Срв. переводъ его же Бунге.

Огромная важность предпринимательскаго капитала, для развитія народнаго хозяйства, заключается въ томъ, что только при его содѣйствіи можетъ осуществиться полное раздѣленіе производительныхъ занятій на самостоятельныя предпріятія, хотя въ каждомъ изъ послѣднихъ опять часть предпринимательскаго капитала должна идти на пріобрѣтеніе необходимыхъ видовъ народнаго капитала въ натурѣ, безъ послѣдняго никакое производство не мыслимо. Народный капиталъ въ каждомъ производствѣ участвуетъ и въ видѣ постояннаго, и въ видѣ оборотнаго; предпринимательскій же капиталъ по существу своему, какъ отвлеченная, денежная цѣнность, только какъ основной, расходный и запасный въ деньгахъ. Производство безъ него всетаки могло бы существовать, такъ какъ его вовсе нѣтъ въ первобытномъ хозяйствѣ *). Предпринимательскій же капиталъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить народнаго, ни измѣнять его существа; однако онъ доставляетъ ему наивыгоднѣйшіе способы затраты, потребныя для него, какъ фактора производства. При искусственномъ усиленіи, напримѣръ при избыткѣ мѣновыхъ знаковъ, предпринимательскій капиталъ можетъ завязывать народный и въ убыточныя спекуляціи. Этимъ то различіемъ объясняется и мнимое противорѣчіе общеизвѣстнаго явленія, называемаго избыткомъ, или дешевизною денегъ, при одновременномъ недостаткѣ, или параллельной дороговизнѣ капиталовъ. По тѣмъ же причинамъ, нѣкоторые виды предпринимательскихъ доходовъ могутъ расти при несомнѣнномъ разстройствѣ народнаго производства.

§ 42. Экономическое равнообразіе въ способахъ возникновенія, приращенія, измѣненія, сокращенія и упраздненія капиталовъ — народнаго, предпринимательскаго и ссуднаго.

Сообразно тому, какъ народный капиталъ увеличивается изъ чистыхъ хозяйственныхъ доходовъ участниковъ производства—предпринимателя, капиталиста и работника, причемъ въ народномъ

*) Нельзя согласиться съ J. *Oppenheim* (die Natur des Capitals und des Credits. Mainz 1868 стр. 26 и слѣд.), будто именно предпринимательскій, а вовсе не народный капиталъ распадается на постоянный и оборотный, что каждый существуетъ только цѣнностями въ натурѣ и что, далѣе, къ нему орудія, повозки, кладовыя, какъ средства измѣненія, обращенія и храненія цѣнностей, не принадлежатъ.

хозяйствѣ силы природы являются даровыми, безвозмездными дѣятелями—предпринимательскій капиталъ же ростетъ соразмѣрно рентѣ *). Слово рента мы понимаемъ въ смыслѣ монопольнаго дохода, отъ исключительныхъ, частныхъ условій сбыта, или отъ исключительныхъ цѣнъ въ пользу того или другаго предпріятія, какъ на товарномъ, такъ и на рынкѣ участниковъ производства, или владѣльцевъ его факторовъ; такъ что рента одинаково осуществима—и для землевладѣльца, и для работника, и для капиталиста, и для предпринимателя, однако же чаще всего она возникаетъ въ пользу послѣдняго.

Сообразно же этому различію, по источнику и способу приращенія, народнаго и предпринимательскаго капиталовъ, и уничтоженіе послѣднихъ совершается столь же различными путями. Народный капиталъ не увеличивается, если чистые хозяйственные доходы не затрачиваются снова въ производство, а съ другой стороны, онъ сокращается по мѣрѣ того, какъ имущество капиталиста, въ смыслѣ участника производства, превращается въ запасъ потребленія, или стихійнымъ дѣйствіемъ уничтожается. Предпринимательскій капиталъ, напротивъ, представляя отвлеченную величину — совокупность издержекъ производсва въ видѣ денежной суммы, необходимой для осуществленія послѣдняго — уничтожается, какъ таковой, каждый разъ съ прекращеніемъ предпріятія, простымъ отчужденіемъ и валоваго дохода, и основнаго и запаснаго капиталовъ послѣдняго **). Народный капиталъ усиливается троякимъ

*) *E. Fr. Schaeffle:* Die nationalöconomische Theorie der ausschliesslichen Absatzverhaeltnisse. Tübingen. 1867, стр. 25, гл. IV: die freie Renten oder Praemien Function des tauschwirtschaftlichen Systems der bürgerlichen Gesellschaft. (Срв. его же Nat. Oek. § 101).

**) Смѣшеніе указанныхъ нами видовъ капитала, народнаго и предпринимательскаго, послужило главнымъ источникомъ разнорѣчія экономистовъ относительно уничтоженія капиталовъ. Такъ А. Смитъ (II, стр. 107) говоритъ: «расточительный предприниматель, уменьшая капиталъ, назначенный для производительнаго расхода на содержаніе работниковъ, тѣмъ необходимо уменьшаетъ, насколько это отъ него зависитъ, и то число работниковъ, которые увеличиваютъ цѣнность обрабатываемыхъ въ производствѣ предметовъ, и слѣдовательно уменьшаетъ всю цѣнность ежегоднаго продукта почвы и рабочихъ силъ всей страны; послѣдній же составляетъ настоящее богатство и доходъ ея жителей.» Однако, такое поведеніе предпринимателя имѣетъ только прямымъ послѣдствіемъ расторженіе извѣстной хозяйственной сферы, того или другаго предпріятія, а не уничтоженіе народнаго капитала.—Дицель же, имѣя въ виду только народный капиталъ, всегда существующій въ формѣ дѣйствительныхъ

образомъ—прямымъ увеличеніемъ отъ дѣйствія бережливости, улучшеніемъ въ цѣнностяхъ его представляющихъ (совершенствованіемъ

цѣнностей, т. е. въ натурѣ, и не признавая или не догадываясь о самостоятельности предпринимательскаго, всегда воплощеннаго въ формѣ отвлеченной цѣнности, денежной суммы, становясь слѣдовательно на другую точку зрѣнія, возражаетъ А. Смиту слѣдующее: «вообще по большой части не можетъ быть и рѣчи объ непосредственномъ потребленіи тѣхъ новыхъ цѣнностей, которыя предназначены служить капиталами. Если напримѣръ землевладѣлецъ выдѣлываетъ для себя плугъ, то развѣ онъ можетъ его обратить въ предметъ потребленія? Онъ не можетъ ни съѣсть его, ни одѣться имъ, ни употреблять его для своего удовольствія въ качествѣ экипажа». (System d. Staatsanl. стр. 44). Не доходя до видовыхъ понятій о капиталѣ, Дицель въ другомъ мѣстѣ указываетъ разницу въ соотвѣтственномъ уничтоженіи, которая и придаетъ видовую самостоятельность народному и предпринимательскимъ капиталамъ (стр. 45): «Отдѣльное лицо дѣйствительно можетъ потреблять цѣнность капиталовъ въ объемѣ ихъ мѣновой цѣнности, но этимъ они для народнаго хозяйства еще не обращаются въ предметъ потребленія (Genussgüter), а остаются капиталами, покуда не уничтожаются въ натурѣ (wenn si nicht physisch untergehen).» Напрасно возстаетъ Дицель и противъ экономическаго понятія о бережливости, какъ хозяйственной силѣ, лежащей въ основаніи капитализаціи. Желая устранить мнимую сбивчивость понятій, онъ считаетъ научнымъ только то опредѣленіе, что капиталы возникаютъ отъ производства: «Если большая часть писателей говоритъ, что капиталъ возникаетъ отъ бережливости, чрезъ сбереженіе на расходахъ (Übersparen), чрезъ ограниченіе потребленія, то этотъ способъ выраженія, хотя и не ложный, но и не вполнѣ способенъ вызвать у читателя или слушателя тотчасъ вѣрное представленіе, такъ какъ всѣ упомянутыя блага произведены только въ виду того, чтобы служить дальнѣйшей обработкѣ (Verarbeitung). Это воззрѣніе установлено впервые А. Смитомъ и частію зависитъ отъ неполнаго проведенія точки зрѣнія народнаго хозяйства въ противоположность частному, какъ явствуетъ изъ многихъ мѣстъ его сочиненія.... Весьма похвальное нравственное побужденіе, лежащее въ основаніи бережливости, побудило его и многихъ за нимъ приписывать ей такое огромное значеніе. Такое введеніе чуждыхъ точекъ зрѣнія въ хозяйственные вопросы должно быть рѣшительно отстранено. Возможно, при самыхъ похвальныхъ въ мірѣ намѣреніяхъ, совершить самыя превратныя хозяйственныя дѣянія и вопіющую несообразность.» Едва ли послѣдній упрекъ не относится въ этомъ случаѣ къ самому Дицелю. Ясность въ выводахъ научныхъ сохраняется только полнымъ разграниченіемъ отдѣльныхъ процессовъ и явленій, не смотря на тѣснѣйшую ихъ связь, а отдѣльною ссылкою, въ послѣднемъ основаніи, на производительную дѣятельность человѣка, какъ на первоначальный, основной источникъ хозяйственныхъ явленій, самая существенность послѣднихъ нисколько не выясняется. Поэтому необходимо держаться того положенія, что источникъ цѣнностей производство, источникъ капитала уже доходъ отъ производства, а бережливость та экономическая дѣятельность, которая превращаетъ доходъ, годный и къ потребленію, въ капиталъ. Вотъ почему бережливость, въ этомъ случаѣ, является хозяйственною силою, и вовсе не нравственнымъ мотивомъ, а благонамѣреннаго, но опаснаго какъ полагаетъ Дицель, смѣшенія понятій нрав-

машинъ, улучшеніемъ породъ культурныхъ растеній и скота) и открытіемъ новыхъ полезностей, могущихъ служить орудіями производства (шелкъ, картофель); въ то же время капиталъ предпринимательскій не можетъ возростать ни улучшеніемъ качествъ, ни развитіемъ разновидности, входящихъ въ составъ его цѣнностей, а только увеличеніемъ своей мѣновой, денежной цѣны.

Притомъ же народный капиталъ имѣетъ и другіе предѣлы въ своемъ увеличеніи, чѣмъ предпринимательскій. Предѣломъ для увеличенія народнаго капитала служитъ несоотвѣтствіе въ наличности двухъ остальныхъ факторовъ производства. Скудость силъ природы ограничиваетъ, въ Исландіи напримѣръ, затраты капитала; такое же дѣйствіе имѣетъ и недостатокъ рабочихъ рукъ. Для увеличенія предпринимательскаго капитала прямой предѣлъ получается въ уменьшеніи его доходности, и въ дѣйствіи послѣдняго обстоятельства на бережливость. При ограниченной возможности увеличенія народнаго капитала въ каждомъ данномъ случаѣ, предпринимательскіе капиталы вызываютъ, въ случаѣ одновременнаго размноженія, относительную дороговизну первыхъ, что влечетъ за собою увеличеніе из-

---

ственныхъ и экономическихъ вовсе не происходитъ. Это тѣмъ менѣе имѣетъ мѣсто, что нерѣдко хозяйственная сила бережливости можетъ идти наперекоръ внушеніямъ нравственности, какъ у скопидома отца, оставляющаго дѣтей безъ образованія во избѣжаніе усиленія расходовъ. Непоколебимо вѣрнымъ остается поэтому положеніе А. Смита (II, стр. 111): «Бережливость, а не промышленное усиліе, служитъ непосредственною причиною размноженія капиталовъ. Конечно послѣднимъ доставляются тѣ предметы, которые накопляются первою; но сколько бы ни доставляло промышленное усиліе, капиталъ никогда бы не увеличился, если бережливость не хранила и не копила часть достатка, полученнаго отъ производства.» Точно также, какъ доходъ отъ производства единственный прямой источникъ народнаго капитала, такъ, по отношенію къ нему, бережливость единственная творческая хозяйственная сила. Капиталы предпринимательскій же и ссудный ростутъ, сверхъ того, еще отъ всѣхъ тѣхъ условій, которыя возвышаютъ ихъ мѣновую цѣнность, т. е. денежную оцѣнку и ихъ отвлеченную величину. Положительно ничего не выясняетъ уже опредѣленіе Сэя (Cours complet, I. стр. 307). Originairement les capitaux n'ont pu se former, que d'une seule manière; par l'application qu'on a faite d'un produit nouveau à une consommation reproductive. Срв. J. St. Mill: Principles I стр. 85 и слѣд.—*Rau* § 133.— *Hermann:* Staatswisthsch. Untersuchungen. стр. 289. *Roscher:*—System. I. § 42 и 220.—Послѣ вышеизложеннаго едва ли еще толкованіе, данное капиталамъ, у К. Маркса нуждается въ опроверженіи; въ его глазахъ существуетъ одинъ видъ и одинъ источникъ послѣдняго. Это барышъ въ пользу предпринимательскаго капитала отъ похищенія доли заработной платы.

держекъ производства и уменьшеніе чистаго дохода послѣдняго; послѣднее же обстоятельство выразится въ упадкѣ процента съ денежныхъ капиталовъ; поэтому, для умноженія предпринимательскихъ капиталовъ прямымъ предѣломъ является упадокъ процента, на что косвенное вліяніе имѣетъ предѣлъ, существующій для увеличенія народнаго капитала. По той же зависимости отъ процента, предпринимательскій капиталъ пріобрѣтаетъ космополитическій характеръ и направляется туда, гдѣ предѣлы развитія народнаго капитала наименѣе стѣсняютъ его увеличеніе.

Съ точки зрѣнія хозяйственной личности, наконецъ, капиталомъ, въ хозяйствѣ основанномъ на раздѣленіи труда и съ развитымъ обращеніемъ, долженъ считаться вообще запасъ цѣнностей: всеравно, имѣетъ ли онъ характеръ народнаго капитала, или отвлеченную форму предпринимательскаго, лишь бы онъ, доставляя доходъ, постоянно возстановлялся для своего владѣльца. Для владѣльца такого доходнаго запаса цѣнностей, ни способъ пріобрѣтенія дохода, ни затрата цѣнностей въ производство, ни обращеніе ихъ въ пользу потребленія, не измѣняютъ его капитальнаго характера. Впрочемъ, назначеніе запаса цѣнностей теряетъ свой, опредѣляющій сущность его, смыслъ для владѣльца только въ томъ случаѣ, когда не самъ онъ распоряжается своимъ имуществомъ, а уступаетъ распоряженіе имъ другому лицу, отдачею его въ наемъ, или въ займы. Отношенія, порождаемыя между владѣльцомъ и принадлежащимъ ему запасомъ цѣнностей, въ случаѣ временнаго отчужденія права пользованія и распоряженія имъ изъ-за дохода, и создаютъ третью разновидность капиталовъ, не совпадающую ни съ народнымъ, ни съ предпринимательскимъ,—ссудные капиталы (Rentnercapital, Leihcapital). Ссудный капиталъ, именно какъ видъ таковаго, долженъ быть запасомъ цѣнностей, который, не смотря на уничтоженіе, или утерю частицъ его тѣми лицами, которымъ отчуждено пользованіе имъ, всегда формально возстановляется для владѣльца, создавая при этомъ доходъ, или служа неистощимымъ источникомъ средствъ къ удовлетворенію потребностямъ послѣдняго. Вотъ почему, для личности владѣльца всякій запасъ цѣнностей, отданный въ чужое пользованіе и возвращающійся къ нему въ срокъ, слѣдовательно равноцѣнно какъ бы возстановляющійся, притомъ дающій процентъ, то есть доходъ, исполняетъ всѣ функціи капитала.

Въ тоже время уничтоженіе, возстановленіе и доходность ссуднаго капитала зависятъ отъ иныхъ условій, чѣмъ тѣ, съ которыми сопряжены однородныя явленія для капитала народнаго и предпринимательскаго. Народный капиталъ при каждомъ производительномъ оборотѣ частію уничтожается отъ своего видоизмѣненія; предпринимательскій капиталъ, при оборотныхъ затратахъ, уничтожается и видоизмѣненіемъ, и отчужденіемъ; ссудный же капиталъ частію уничтожается, при каждомъ помѣщеніи однимъ отчужденіемъ. Также, сравнительно, разнообразно и возстановленіе приведенныхъ видовъ капитала, по окончаніи оборота. Народный капиталъ возстановляется воспроизводствомъ, предпринимательскій выручкою на сбытѣ валоваго дохода, ссудный же равноцѣннымъ возвратомъ, по истеченіи срока отдачи. Соотвѣтственно этому: народный доходъ создается совмѣстнымъ дѣйствіемъ трехъ факторовъ производства; предпринимательскій доходъ зависитъ отъ сбыта произведенныхъ цѣнностей; доходъ же капиталиста-владѣльца доставляется ему заемщикомъ или съемщикомъ, причемъ не потребно ни его собственныхъ усилій, ни какихъ-нибудь предпринимательскихъ соображеній.

Вотъ почему А. Смитъ правъ, если онъ отданный въ наемъ домъ не признаетъ капиталомъ, потому что онъ не можетъ служить орудіемъ въ производствѣ и самъ не создаетъ наемной платы, какъ прямаго дохода, а послѣдняя заимствуется отъ другихъ лицъ; но хотя и наемный домъ никогда не будетъ ни народнымъ, ни предпринимательскимъ капиталомъ, однако онъ явно подходитъ подъ понятіе ссуднаго капитала и плата за наемъ безмятежный доходъ—такъ-называемаго въ тѣсномъ смыслѣ—капиталиста (rentier). Всѣ цѣнности, которыя могутъ быть обращены въ народный, или въ предпринимательскій капиталъ, могутъ далѣе сдѣлаться, путемъ отдачи въ чужое пользованіе, и ссуднымъ капиталомъ, но не наоборотъ. Однако ссудными капиталами становятся, отдаваемыя въ пользованіе, цѣнности только въ томъ случаѣ, когда владѣлецъ получаетъ съ нихъ доходъ безъ всякой дѣятельности съ своей стороны. Если же самая отдача въ наемъ, или заемъ, составляетъ для личности предпріятіе, то, при такой затратѣ, тѣже цѣнности слѣдуетъ уже считать предпринимательскимъ капиталомъ. Таковы деньги и кредитныя цѣнности въ рукахъ банкира, книги въ читальняхъ, наемныя кареты и лошади, отдаваемыя на прокатъ, у ихъ содержате-

лей, капиталы ссудныхъ кассъ и т. п. Съ другой стороны, вклады безгласныхъ товарищей въ компаніяхъ на вѣрѣ, и по акціямъ (société commanditaire en actions) составляютъ настоящіе ссудные капиталы. Форма ссуднаго капитала самая переходная, какъ бы скоротечная изъ всѣхъ существующихъ для капитала вообще состояній; въ этой формѣ онъ является только въ рукахъ самого владѣльца, перешедши же наймомъ или займомъ въ другія руки, онъ для владѣльца существуетъ только по приносимому послѣднему доходу. Ради дохода и создается ссудный капиталъ; для его владѣльца только и важно помѣщеніе его изъ за дохода, получаемаго безъ хозяйственныхъ усилій.

Такимъ образомъ, народный капиталъ ищетъ себѣ затраты, предпринимательскій—оборота, а ссудный единственно—доходнаго помѣщенія; только пріисканіе послѣдняго вызываетъ со стороны владѣльца заботы и усилія, почему ссудный капиталъ тѣмъ удовлетворительнѣе выполняетъ свое назначеніе, чѣмъ рѣже приходится владѣльцу, по случаю возврата, пріискивать ему новое помѣщеніе. Полнѣе всего осуществляется, слѣдовательно, цѣль ссуднаго капитала, если онъ, отчужденный по возможности навсегда, обращается въ источникъ безпрерывнаго дохода, полученіе котораго не налагаетъ на владѣльца никакихъ хозяйственныхъ заботъ. Вѣчное помѣщеніе, съ сохраненіемъ неизмѣннаго дохода, идеалъ хозяйственнаго приложенія для ссуднаго капитала. Безвозвратное помѣщеніе, ради обезпеченія постояннаго дохода, совершенно соотвѣтствуетъ его существу.

Такія помѣщенія создала для него частная предпріимчивость въ пожизненныхъ рентахъ и вообще въ затратахъ съ потерею капитала (à fonds perdu); на подобіе же этого оборота возникли и безсрочные государственные долги. Прямымъ и главнымъ источникомъ занимаемыхъ общественными хозяйствами суммъ, поэтому, являются ссудные капиталы *).

*) Неяснымъ представлялось это явленіе тѣмъ экономистамъ, которые, подобно Дицелю, говорятъ о свободныхъ (disponible) капиталахъ. Ещо болѣе этотъ процессъ затемняется смѣшеніемъ послѣднихъ съ чистымъ доходомъ.

§ 43. Особенности общей обстановки капитала, имѣющія хозяйственное значеніе.

Наконецъ народный капиталъ кромѣ вещественныхъ цѣнностей заключаетъ въ себѣ не менѣе важныя невещественныя, нравственныя богатства, состоящія въ народной честности, въ народной предпріимчивости, степени трудолюбія и промышленномъ образованіи. Подобно вещественному богатству, и нравственный капиталъ не вездѣ встрѣчается въ одномъ и томъ же количествѣ. Здѣсь существуютъ разнообразныя ступени, начиная отъ жидовскаго торгашества и барышничества, врожденнаго восточнымъ народамъ, до непоколебимой честности квакеровъ, извѣстной цѣлому міру, отъ лѣни неаполитанскаго лазарони до трудолюбія англійскаго работника и отъ совершенной апатіи, отъ совершеннаго отсутствія стремленія къ улучшенію своего быта земледѣльческаго населенія на востокѣ, до неутомимаго духа къ спекуляціямъ С.-Американца. Наконецъ, важнѣйшую часть народнаго капитала составляетъ само государство съ своими учрежденіями.

Капиталъ прежде всего возникаетъ вслѣдствіе бережливости. Бережливый человѣкъ отказывается отъ извѣстной части произведеній своего предшествовавшаго труда ради новаго производства, ради будущаго. Чѣмъ развитѣе народное хозяйство тѣмъ осмотрительнѣе и бережливѣе становится самое производство, и тѣмъ менѣе бываетъ растраты остатковъ производства, они всѣ идутъ въ дѣло. Еще недавно били у насъ въ ново-россійскомъ краѣ скотъ только для сала и шкуръ. Мясо и остальныя части бросались, между тѣмъ какъ, за вычетомъ собственнаго потребленія, могли бы легко вывозить слишкомъ 10 мил. пудовъ. (Сельскій хозяинъ, 1854.)

Главное условіе для поощренія бережливости и пополненія народнаго капитала есть полное обезпеченіе труда и собственности. Гдѣ собственность не обезпечена, тамъ золото и серебро скрываются въ нѣдрахъ земли, откуда они вышли на свѣтъ. Такъ въ безпокойное время государственной жизни, такъ на востокѣ, общее недовѣріе не позволяетъ дать сбереженіямъ производительное употребленіе, обратить ихъ въ капиталы, и каждый считаетъ несравненно болѣе надежнымъ обращать ихъ въ цѣнныя вещи и хра-

нить подъ спудомъ. Этимъ объясняется видимое и наружное богатство въ странахъ, въ сущности бѣдныхъ. Богачь на востокѣ носитъ нерѣдко на себѣ все свое богатство, заключающееся въ драгоцѣнныхъ камняхъ, которыми украшено его оружіе, между тѣмъ драгоцѣнный кальянъ турецкаго паши находится въ самой рѣзкой противоположности къ грязи, въ которой онъ живетъ.

При занятіяхъ опасныхъ отнимающихъ надежду на пользованіе трудами своей бережливости, ея мѣсто заступаетъ расточительность. Солдатъ въ военное время, морякъ и въ особенности китоловы всегда чрезвычайно расточительны и безпорядочны. Только убѣжденіе, что не другой кто, а каждый человѣкъ самъ воспользуется плодами своихъ трудовъ, побуждаетъ къ составленію капиталовъ. Поэтому, дурная администрація, грабительства, произвольные поборы, дурныя учрежденія препятствуютъ умноженію народнаго капитала болѣе, чѣмъ естественныя бѣдствія и войны. Противъ воровъ и разбойниковъ есть управа, но безотвѣтенъ производитель передъ органами и служителями порядка и власти, считающими свое мѣсто доходнымъ промысломъ. Притомъ сбереженія дѣлаются для народнаго капитала только при производительномъ употребленіи *). Неосновательно утверждаютъ, что расточительность не только не вредна, но даже и полезна, лишь деньги оставались бы въ государствѣ. Однако, употребить милліонъ на фабрику, или другое промышленное предпріятіе, и потратить милліонъ на фейерверкъ, хотя бы даже въ томъ и другомъ случаѣ деньги остались въ народѣ, не одно и тоже; до потѣшняго огня народный капиталъ представлялъ двѣ цѣнности: милліонъ въ деньгахъ и милліонъ въ цѣнностяхъ, предназначенныхъ для фейерверка; а послѣ него, милліонъ въ деньгахъ остался, но другой милліонъ исчезъ навсегда, за исключеніемъ только той прибыли, которая осталась въ рукахъ людей, занимавшихся приготовленіемъ торжества. Накопленію народнаго капитала мѣшаетъ не одна только расточительность, но и каждая ненужная трата, каждый лишній расходъ, даже при производительномъ употребленіи его. Если, напримѣръ, такъ называемый денежный человѣкъ, имѣющій 100,000 р. изъ нихъ 60,000 далъ взаймы фабриканту на покупку машинъ, а 40,000 помѣщику на путешествіе для развлеченія, то банкиръ получитъ доходъ со 100,000 руб., для него вся сумма капиталъ,

*) Срв. *И. Бабстъ*, о нѣкоторыхъ условіяхъ способствующихъ умноженію народнаго капитала, Москва, 1857 г., стр. 20.

но изъ нея только первыя 60,000 производятъ цѣнности, остальныя 40,000 превращены помѣщикомъ въ запасъ потребленія, они истрачены и ничего ими не произведено, они не существуютъ болѣе въ народномъ богатствѣ какъ капиталъ, а процентъ за нихъ плотится банкиру изъ другихъ доходовъ помѣщика. Слѣдовательно, изъ 100,000 составлявшихъ ссудный капиталъ банкира, 60,000 остались и предпринимательскимъ и народнымъ капиталомъ, 40,000 только ссуднымъ.

Частное лицо можетъ быстро увеличивать свой капиталъ, употребляя его для себя производительно, а между тѣмъ отъ этого общее количество цѣнностей, существующихъ въ народѣ, ни сколько не увеличится. Игрокъ картежный можетъ въ одну ночь выиграть сотни тысячъ на свои деньги, но для общества несравненно болѣе произвелъ въ это же время дворникъ, сторожившій у воротъ. Также биржевой спекулянтъ. На оборотъ, устроившій богадѣльню можетъ лишить себя значительной части своего частнаго капитала, между тѣмъ онъ продолжаетъ существовать въ массѣ народнаго. Употреблять двухъ работниковъ, гдѣ достаточно одного, держать легіоны чиновниковъ, гдѣ въ нихъ вовсе нѣтъ такой нужды — чрезвычайно пагубно для народнаго капитала.

Въ нѣкоторыхъ Австрійскихъ областяхъ расходы на чиновниковъ поглощали половину доходовъ области. Въ Испаніи на государственные расходы идетъ 897 мил. реаловъ, на земскіе и мірскіе 410, а на духовенство и церковь потребно 1680 мил. реаловъ. Излишняя многочисленность нѣкоторыхъ классовъ населенія, выше дѣйствительной потребности, дѣлаетъ ихъ непроизводительными и сокращаетъ народный капиталъ. Такъ въ 1788 г. было въ Испаніи, на 3,800,000 мужескаго населенія, 1,221,000 душъ духовенства. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Португаліи приходился 1 духовный на 17 человѣкъ. Напротивъ благопріятное отношеніе представляютъ С. А. Штаты, гдѣ въ 1840 г, было 77,5 % земледѣльцевъ 16,4 промышленниковъ и рудокоповъ. 4,2 % моряковъ и торговцевъ. 1,3 % ученыхъ и чиновниковъ.

Важность капитала, повторяемъ мы вкратцѣ послѣ обстоятельнаго разбора всѣхъ сопутствующихъ ему экономическихъ условій въ частности, явствуетъ изъ того, что трудъ человѣка не можетъ быть приложенъ къ суровью безъ капитала: было бы нечѣмъ, безъ содѣйствія природѣ не надъ чѣмъ, а безъ труда

человѣка некому совершать производство. Все три элементы производства равно необходимы, безъ совокупнаго участія ихъ нѣтъ ни затратъ, ни оборотовъ.

ОТДѢЛЪ IV.

Морфологія хозяйственныхъ процессовъ, или ученіе объ экономическихъ предпріятіяхъ.

ГЛАВА IX.

Совокупность внутреннихъ и внѣшнихъ условій, вліяющихъ на разнообразіе въ строѣ предпріятій.

§ 44. Личное представительство въ области хозяйства элементы; предпріятій, экономическая ихъ обстановка и форма ихъ.

Мы разсмотрѣли тѣ явленія и процессы, при которыхъ возникаютъ хозяйственныя средства: но помимо этой физіологической стороны, помимо разбора того, что происходитъ въ хозяйствѣ и тѣхъ законовъ, по которымъ совершаются хозяйственныя дѣянія и событія, необходимо помнить и имѣть постоянно въ виду, что кромѣ внутренней стороны, кромѣ извѣстнаго способа возникновенія, кромѣ соотвѣственныхъ источниковъ происхожденія, всѣ хозяйственныя явленія имѣютъ и внѣшнюю бытовую сторону. Поэтому, послѣ физіологическаго разбора хозяйства, т. е. существа самыхъ явленій и законовъ, въ силу которыхъ возникаютъ, независимо отъ внѣшней формы, тѣ или другія экономическіе факты, необходимо непосредственно разсмотрѣть морфологію хозяйства, т. е, внѣш-

нія формы и общенія, въ которыхъ воплощаются всѣ отношенія и процессы, вызываемые хозяйственными явленіями. Именно—хозяйственныя усилія, дѣянія, затраты, обороты и производства могутъ осуществляться только путемъ опредѣленныхъ союзовъ. Самые факторы производства, какъ основанія оборотовъ, и доходы, какъ результаты ихъ являются всегда усвоенными опредѣленными личностями, имѣютъ данныхъ представителей прямо по случаю своего экономическаго назначенія. Представители хозяйственныхъ величинъ, или экономическія личности, должны между собою соединяться, сплачиваться въ опредѣленные, продолжительные союзы, какъ скоро имъ приходится обезпечить цѣлостный процессъ, а не случайное отношеніе, или отрывочный оборотъ: вотъ почему, иначе совмѣстное производство невозможно, не могутъ иначе происходить тѣ разнообразныя сочетанія средствъ и явленій, цѣнностей и усилій, затратъ и оборотовъ, на основаніи которыхъ, при послѣдовательномъ и органическомъ теченіи, возникаютъ во всей своей цѣлости производства.

И такъ, вторую часть экономическаго изслѣдованія, послѣ разбора экономическаго возникновенія цѣнностей, является анализъ морфологіи тѣхъ же дѣйствій и явленій, какъ именно ученіе о представительствѣ, какое получаютъ себѣ экономическіе факторы, о тѣхъ соединеніяхъ представителей экономическихъ силъ и средствъ, безъ которыхъ само хозяйство, какъ бы, именно наличности, дѣйствительности и бытности получить не можетъ.

Эта вторая часть обыкновенно подводится подъ оглавленіе: распредѣленіе доходовъ отъ производства, или распредѣленія богатствъ. Но богатство въ экономическомъ оборотѣ терминъ не вполнѣ удовлетворительный, ведущій къ недоразумѣніямъ и ложнымъ выводамъ, единственно основательно одно обозначеніе массы цѣнностей, идущихъ въ возмездное, или хозяйственное, распредѣленіе вмѣсто «богатства» терминомъ «доходъ». Вообще же, все названіе этого отдѣла далеко не точно, слѣдовало бы его озаглавить «ученіе о представительствѣ экономическихъ явленій и процессовъ, или ученіе о союзахъ, которые неизбѣжно возникаютъ ради осуществленія всякаго производства, оборотовъ и затратъ, вообще о хозяйственныхъ предпріятіяхъ». Разъ безпорно и эмпирически очевидно, что всякое производство осуществляется путемъ участія въ усиліяхъ и затратахъ многихъ или нѣсколькихъ лицъ, то и доходъ,

какъ результатъ отъ общаго предпріятія, будетъ конкретно раздѣляться между опредѣленными категоріями участвующихъ лицъ. Такое распредѣленіе дохода по рукамъ не есть самъ по себѣ однообразно совершающійся экономическій процессъ, ссылающійся на сочетаніе явленій и величинъ, но возникаетъ и зависитъ отъ одного способа соединенія, отъ строя союза, въ которомъ состоятъ представители отдѣльныхъ элементовъ производства. Доходъ отъ предпріятія распредѣляется, между представителями и участниками оборотовъ и затратъ, смотря по степени участія и экономической роли каждаго изъ нихъ. Сами же предпріятія пріобрѣтаютъ ту или другую форму, смотря по внѣшнимъ особенностямъ и внутреннимъ требованіямъ тѣхъ производствъ, которыя при помощи сказанныхъ общеній осуществляются. Вслѣдствіе же разнообразія въ строѣ, формяхъ, условіяхъ соединенія лицъ, или представителей силъ и средствъ производства, въ данномъ предпріятіи, каждая группа представителей или участниковъ послѣдняго пріобрѣтаетъ различныя права на возмездіе и вознаграждается изъ общаго дохода, по формѣ и размѣру, на различныхъ основаніяхъ. Вообще самыя основанія, по которымъ совершается распредѣленіе дохода отъ предпріятій не самостоятельны, а зависятъ отъ способа соединенія, отъ тѣхъ своеобразныхъ договорныхъ отношеній, которыя водворились между участниками предпріятія. Вслѣдствіе послѣднихъ же, данное предпріятіе пріобрѣтаетъ тотъ или другой строй, а потому въ тѣснѣйшемъ смыслѣ отъ строя предпріятія зависитъ распредѣленіе: оно явленіе зависимое, производное, первоначальное же явленіе есть именно способъ соединенія представителей производства въ данномъ предпріятіи, или внѣшній строй и внутренняя организація самаго предпріятія.

То, что каждое производство неизбѣжно можетъ осуществляться только въ видѣ и въ формѣ предпріятія, выясняется не только сдѣланнымъ указаніемъ, но и тѣмъ фактомъ, что хозяйство въ общемъ положеніи представляетъ какъ внутреннюю сторону, которую можно уподобить физіологіи (флоры и фауны), такъ и внѣшнюю, выражающуюся въ конкретныхъ бытовыхъ формахъ,—морфологію. По отношенію къ послѣдней, каждый хозяйственный процессъ проявляется путемъ союза людей, или въ видѣ предпріятія. Это зависитъ прямо уже отъ того, что хозяйственныя затраты, обороты, усилія и вообще экономическая дѣятельность никогда не представляются

дѣяніями обособленнаго, уединеннаго человѣка. Подобно тому, какъ хозяйственная дѣятельность имѣетъ одинъ внутренній источникъ— опредѣленную потребность, точно также ея внѣшняя организація опирается на одномъ основномъ, главномъ условіи—общественности. Отдѣльный человѣкъ не въ состояніи хозяйничать, въ настоящемъ смыслѣ слова, исключительно личными усиліями: безъ сотрудничества онъ будетъ едва обороняться отъ среды, послѣдняя останется для него страшилищемъ, а не превратится въ тароватую кормилицу-мать. Новѣйшія хозяйства, или хозяйства развитыя въ полномъ смыслѣ слова, находятся въ зависимости отъ сотрудничества, раздѣленія и соединенія занятій и трудовъ. Мы выяснили уже, что законъ соединенія и раздѣленія труда и занятій вполнѣ совпадаетъ съ основнымъ началомъ человѣческаго развитія и культурной жизни, именно съ принципомъ индивидуализаціи. Но раздѣленіе трудовъ, какъ индивидуализація промысловъ, выражая тотъ же принципъ на экономической почвѣ, предполагаетъ общенія съ представителями трудовыхъ усилій, возможность ссылаться на другихъ. Сверхъ того, и помимо экономическихъ цѣлей человѣкъ подлежитъ вообще вліянію общественности. Она организуетъ людскіе союзы и является началомъ, имѣющимъ и имѣвшимъ въ теченіи всего историческаго развитія рода человѣческаго различные источники. Въ ряду же послѣднихъ весьма важное мѣсто занимаютъ требованія хозяйственныя.

Общественность дѣйствуетъ въ быту человѣческомъ то вполнѣ самостоятельно и является первоначальною причиною возникновенія союзовъ, то общенія и союзы возникаютъ въ силу экономическихъ соображеній; наконецъ, даже въ первомъ случаѣ всякій союзъ людей неизбѣжно имѣетъ экономическій оттѣнокъ, точно также какъ ни одинъ экономическій оборотъ не можетъ обойтись безъ содѣйствія другихъ людей, т. е. безъ поддержки общественности, даже помимо опредѣленныхъ союзовъ, а въ видѣ только общей поддержки заранѣе неусловленной, внѣ всякаго яснаго договора.

Во всей совокупности людскихъ союзовъ, которые существовали въ разныхъ формахъ и видахъ, нельзя не различать два главныхъ разряда: одни возникаютъ, существуютъ, погибаютъ и превращаются помимо воли лицъ, въ нихъ участвующихъ, отчасти независимо даже отъ пожизненнаго существованія участниковъ, отъ непродолжительности человѣческой жизни; принадлежность къ

нимъ не свободна, равно какъ и выходъ изъ нихъ не зависитъ вполнѣ отъ воли участниковъ, а послѣдняя подлежитъ значительнымъ ограниченіямъ. Въ другомъ же разрядѣ союзовъ и общеній личность свободна; какъ вступленіе въ союзъ, такъ и выходъ изъ него условны; союзъ продолжается, существуетъ пока достаточное количество членовъ его поддерживаютъ по добровольному намѣренію. При уничтоженіи цѣли возникновенія союза, послѣдній распадается, а личности, составлявшія его, либо образуютъ другой, либо входятъ въ составъ нѣсколькихъ и различныхъ новыхъ союзовъ. Однимъ словомъ существованіе этихъ общеній скоротечно и если они являются иногда продолжительными, даже вѣчными, то только благодаря тому, что при соотвѣтственной смѣны участниковъ, они продолжаютъ преслѣдовать неизмѣняющуюся цѣль. Но существенный признакъ ихъ и въ послѣднемъ случаѣ, что принадлежность къ нимъ зависитъ отъ свободнаго рѣшенія воли, союзы эти держатся на основаніи договора между лицами, ихъ составляющими: каждый изъ нихъ существуетъ до тѣхъ поръ, пока въ силѣ основной его договоръ и существуетъ тамъ, въ той формѣ, какъ установлено въ самомъ договорѣ, уничтожается же онъ только съ прекращеніемъ силы соотвѣтсвеннаго договора.

§ 45. Экономическія категоріи людскихъ общеній; союзы стихійные, политическіе, хозяйственные и самоцѣльные.

На этомъ основаніи слѣдуетъ различать обязательные союзы отъ договорныхъ. Къ разряду обязательныхъ относятся всѣ тѣ, которые сложились и по распорядку природы и историческимъ путемъ, по соотвѣтствію основнымъ задачамъ всего человѣчества, а не отдѣльныхъ его представителей, или отдѣльныхъ поколѣній. Такъ увѣковѣченіе поколѣній требуетъ половаго соединенія, безпомощность малолѣтнихъ требуетъ продолжительныхъ заботъ о нихъ взрослыхъ. Всѣ эти условія стихійно неизбѣжны и потому они съ неуклонною необходимостью вызываютъ образованіе союзовъ. Первоначальнымъ обязательнымъ общеніемъ и является союзъ семейный; пребываніе въ немъ вполнѣ неминуемо, сама семья имѣетъ незаменимое назначеніе для человѣческаго существованія. При образованіи семейнаго союза не можетъ быть и рѣчи какъ о договорѣ, такъ и о произволѣ,

Профессоръ Э. Вреденъ.

Типографія и Литографія Кн. Оболенскаго, уголъ Николаевск. и Стрем. № 3—22.

также и впослѣдствіи держится она на кровной связи ея членовъ, на родствѣ. Первобытный человѣкъ не сознавалъ другой связи для образованія общеній, одна кровная близость опредѣляла и всѣ дальнѣйшія формы разроставшихся изъ семьи людскихъ союзовъ, таковы колѣно, родъ, племя, всегда болѣе или менѣе сильно ссылавшіяся на сознаніе общаго происхожденія и на счеты родства между членами. Пока послѣднее сознаніе еще представлялось отчетливымъ и охраняло связь между членами родовыхъ союзовъ, до тѣхъ поръ существовали и самые союзы; съ размноженіемъ же членовъ, съ измѣненіемъ бытовыхъ условій нужно было отыскать другой связи для союзовъ.

По случаю неравномѣрнаго, у однихъ колѣнъ быстраго, у другихъ медленнаго, хозяйственнаго развитія начинаются впослѣдствіи столкновенія, вызываемыя главнымъ образомъ желаніемъ завладѣть хозяйственными достатками сосѣдей, поработить даже ихъ самихъ и по возможности прожить на чужой счетъ, хотя бы и посредствомъ насилія надъ другими людьми доставить себѣ болѣе обезпеченную обстановку. Всѣ эти мотивы доводятъ не только до междоусобныхъ войнъ съ грабежами, но даже до людоѣдства. Общая причина послѣдняго явленія скудость средствъ питанія, такъ у многихъ дикихъ народовъ существовалъ и до сихъ поръ существуетъ обычай поѣдать старцевъ, затѣмъ побѣжденныхъ въ схваткахъ и на войнѣ. Но потомъ находятъ выгоднѣе пользоваться работою побѣжденныхъ, и такимъ образомъ возникаетъ рабство, которое все еще является культурнымъ прогрессомъ, сравнительно съ людоѣдствомъ. Вслѣдствіе неравномѣрнаго хозяйственнаго развитія, одинъ народъ начинаетъ завидовать другому: рыболовы звѣроловамъ, кочевники осѣдлому племени; по той же причины начинаются набѣги, завоеванія возникаютъ изъ за обладанія пастбищами, урочищами, полями и другими цѣнностями. Слѣды первоначальныхъ набѣговъ и завоеваній явственны во многихъ древнихъ государствахъ по наслоеніямъ въ народонаселеніи, различествовавшимъ и по своему типу, расовому происхожденію, и по правамъ, общественному положенію и занятіямъ. Не только по государствамъ въ Греціи эвпатриды, метэки, граждане и рабы, илоты, а въ Римѣ патриціи и плебеи, но еще въ Индіи высшія сословія жрецы, воины—другаго племени, чѣмъ низшія — рабы, судры: тоже представляло въ Египтѣ дѣленіе кастъ, высшія состояли изъ бѣлыхъ пришельцевъ, а низшія изъ чернокожихъ. Однимъ словомъ, почти въ каждомъ древнемъ государствѣ мы можемъ

различить побѣдителей и побѣжденныхъ. Очевидно, историческая судьба рода человѣческаго прямо указываетъ, что родственная связь, поддерживавшаяся сначала въ семейныхъ союзахъ, создавшая эти такъ сказать союзы стихійные, эта связь мало-по-малу теряется и начинаются столкновенія въ силу хозяйственныхъ побужденій, изъ за стремленія поживиться на чужой счетъ.

Ради умиротворенія, возникшей такимъ образомъ вражды между людьми, является на помощь начало правовое, на немъ культурнымъ способомъ утверждается государство, представляющее разностороннее удовлетвореніе той многообразной потребности, которая лежитъ въ основаніи всего существованія человѣка, именно общественности. Впрочемъ, по историческому характеру возникновенія политическихъ союзовъ и по преемственному отношенію ихъ къ стихійнымъ (семейнородовымъ), они неминуемо должны были пріобрѣсть одинаково обязательный съ послѣдними характеръ; а въ основаніи ихъ, ни по историческому опыту, ни по культурной и прававой цѣли ихъ, не можетъ лежать свободный договоръ.

По указанному возникновенію и по цѣлямъ, всѣ обязательные союзы подраздѣляются такимъ образомъ на двѣ группы: стихійные и культурные, родовые и политическіе. Союзы договорные также распадаются на двѣ группы: одни изъ нихъ возникаютъ для того, чтобы путемъ сотрудничества и капитальной складчины пріобрѣсти извѣстныя внѣшнія средства для хозяйства, чтобы осуществлять производство ради извѣстнаго дохода. Это такъ называемыя ремесло, компаніи, товарищество и т. п. Этотъ разрядъ союзовъ представляется пока еще и въ быту, и въ законодательствѣ, чѣмъ то въ высшей степени неопредѣленнымъ, по этому ни въ обиходѣ, ни въ наукѣ онъ не имѣетъ еще общаго названія и не подвергался даже отчетливому теоретическому анализу; но сюда же относится и то, что въ общежитіи называется и въ тѣсномъ смыслѣ обществами, а столь же часто кружками, собраніями, клубами, казино, академіями. Таковы общества стрѣлковыя, танцовальныя, ученыя, гимнастическія и проч.; однимъ словомъ, всѣ общенія, которыя непосредственно сами по себѣ удовлетворяютъ потребностямъ ума, вкуса и чувствъ, сердца, или просто досуга, развлеченія.

Договорные союзы перваго рода, или предпріятія, стремятся къ пріобрѣтенію экономическому внѣшнихъ средствъ въ пользу участниковъ, тогда какъ втораго разряда договорные союзы, или кружки,

сами по себѣ служатъ непосредственному удовлетворенію тѣмъ, или другимъ нуждамъ и потребностямъ, и могутъ быть столько же разнообразны, какъ и тѣ людскія потребности, которыя поддаются общежительному самоудовлетворенію.

Такимъ образомъ, общественность выражается въ двоякаго рода самостоятельныхъ группахъ союзовъ; въ каждой изъ послѣднихъ порознь множество отдѣльныхъ формъ. Главныхъ родовъ два: обязательные и договорные союзы, и по два вида въ каждомъ. Первые дѣлятся на стихійные и культурные, а вторые на предпріятія и общества, кружки.

Понятно, что всѣ четыре разряда союзовъ, безъ исключенія, могутъ имѣть извѣстнаго рода траты и доходы, могутъ въ большей или меньшей степени совершать хозяйственные обороты; но въ остальныхъ союзахъ, кромѣ предпріятій, хозяйственная сторона составляетъ только добавочный элементъ *). Въ предпріятіяхъ же основной, главный поводъ къ возникновенію ихъ — экономическій. Если выяснить экономическую сторону предпріятій, то относительно остальныхъ группъ союзовъ потребуются только добавочныя указанія, и хозяйственныя оттѣнки ихъ будутъ понятны. Необходимо для полноты теоретической подробно разобрать основы предпріятій и указать вліяніе, какое формальный, внѣшній ихъ строй, или организація и составъ, прямо имѣютъ на хозяйственныя ихъ задачи и цѣли. Не разработана до сихъ поръ еще соотвѣтственная часть ученія, что имѣетъ своимъ источникомъ то обстоятельство, что предпріятія союзы договорные, и что на разборѣ сущности, содержанія и формальнаго узаконенія договоровъ этого рода останавливалась юриспруденція, при чемъ она не обратила вниманія на нихъ, какъ на виды промысловыхъ общеній, не исчерпала и не объединили въ научномъ анализѣ всѣхъ существующихъ формъ предпріятій, а ограничивалась разборомъ обязательнаго характера договоровъ, наиболѣе часто встрѣчающихся, или освященныхъ продолжительнымъ бытовымъ опытомъ.

Относительно подробностей, касающихся разбора элементовъ предпріятій, какъ договорныхъ экономическихъ общеній, придающихъ опредѣленный строй и внѣшнюю форму всякому соединенію представителей трудовыхъ усилій и капитальныхъ затратъ, равно какъ и касающихся предпріятій, какъ внѣшней формы для быто-

*) Срв. мое, строй экономическихъ предпріятій. Спб., 1873 г. Гл. I, § 2.

ваго осуществленія оборотовъ производства, позволяю себѣ сослаться на изданное мною въ 1873 году изслѣдованіе о строѣ экономическихъ предпріятій, по случаю производящагося нынѣ пересмотра акціонернаго законодательства; а въ настоящемъ случаѣ я остановлюсь только на нѣкоторыхъ общихъ указаніяхъ, необходимыхъ для научнаго выясненія распредѣленія дохода, который всегда является къ конечномъ результатѣ отъ производства.

§ 46. Организація предпріятій и экономическій смыслъ личнаго представительства въ нихъ оборотовъ и обстановки производства.

При разборѣ возникновенія цѣнностей и созданія валоваго дохода необходимо считаться съ тремя факторами: природою, трудомъ и капиталомъ. При разборѣ же организаціи предпріятій и личнаго представительства оборотовъ въ немъ, нѣтъ необходимости обращать вниманія на первый факторъ, онъ совершенно не вліяетъ на сртой предпріятія, такъ какъ совокупность полезностей, путемъ которыхъ выражается содѣйствіе природы, оказываетъ содѣйствіе производству, въ общемъ положеніи, даровымъ образомъ. На сколько полезности повсемѣстны, или на сколько они не перешли въ частную собственность, на столько стихія общедоступна и слѣдовательно даровымъ образомъ должна содѣйствовать производству. На сколько же полезности находятся въ частной собственности, на столько владѣльцы участвуютъ въ барышахъ предпріятія, какъ представители стихійнаго фактора, въ качествѣ такъ называемыхъ *землевладѣльцевъ*. Но и въ этомъ случаѣ землевладѣльцы, т. е. представители силъ природы вообще, получаютъ долю изъ общаго дохода по мѣрѣ того, какъ требуется доставить капиталу и труду извѣстное приложеніе, по мѣрѣ того какъ ихъ участіе обусловливаетъ дѣятельность труда и капитала въ производствѣ. Участіе въ производствѣ присвоенныхъ силъ природы и опредѣленнаго мѣстонахожденія (emplacement) есть явленіе непостоянное, исключительное; по этому вознагражденіе собственника силъ природы не составляетъ неизбѣжнаго требованія при дѣлежѣ дохода, послѣднія могутъ въ предпріятіи нормально не имѣть никакого личнаго представительства, а потому эту категорію участниковъ, не обнаруживающихъ неизбѣжнаго вліянія на складъ промысловыхъ предпріятій, слѣдуетъ оставить пока безъ вниманія и

обратиться только къ изслѣдованію бытовой сущности и представительства остальныхъ двухъ элементовъ: труда и капитала.

Такимъ образомъ, соединеніе лицъ, съ цѣлью соотвѣтственнаго внесенія труда и капитала на общую затрату и въ общій оборотъ, создаетъ *предпріятіе*. А на сколько могутъ разнообразиться отношенія между главными видами труда и главными родами капиталовъ, на столько разнообразны и самыя формы предпріятій.

Между представителями труда необходимо въ предпріятіи различать распорядителей отъ исполнителей, предпринимателей отъ наемниковъ. Капиталъ же бываетъ, или собственностью самаго предпріятія, или полученный въ займы, чужой; въ предпринимательскомъ капиталѣ, бываютъ доли ссуднаго. Прежде всего, всякое предпріятіе и дальнѣйшее его дѣйствіе требуютъ, для экономическаго своего осуществленія, опредѣленныхъ смѣтныхъ предположеній, или такъ называемую коньектуру. Такая коньектура есть плодъ умственныхъ усилій, или, той личной дѣятельности, которую слѣдуетъ называть предпріимчивостью; она то превращается въ *оборотъ* путемъ исполненія всѣхъ ея составныхъ предположеній, при чемъ необходимо имѣть бдительный надзоръ, чтобы всѣ затраты труда и капитала вполнѣ согласовались съ требованіями коньектуры. Необходимо направлять и руководить исполненіемъ и оберегать капиталъ отъ расточенія, а всѣ необходимыя на то усилія должно объединить подъ общимъ именемъ оборотливости. Вообще, трудъ въ предпріятіи представляетъ троякаго вида дѣятельность промысловую: предпріимчивость, оборотливость и исполненіе.

Всѣ эти труды могутъ имѣть, или одного представителя, или нѣсколькихъ безъ строгаго дѣленія, или же они могутъ порознь распредѣляться между соотвѣтственнымъ числомъ лицъ; что тотчасъ видоизмѣняетъ самый строй предпріятій. Далѣе, представители всѣхъ трехъ видовъ труда въ предпріятіи могутъ быть, или вполнѣ связаны съ нимъ и зависѣть, по вознагражденію за свои усилія или по своему доходу, отъ успѣховъ отдѣльнаго оборота и общаго результата всего производства, или же состоять въ немъ на основаніи твердыхъ условій, опредѣляющихъ имъ неизмѣнную плату. Въ первомъ случаѣ возникаетъ такъ называемый рискъ, во второмъ же получается обезпеченный заработокъ.

Рискъ несутъ, а слѣдовательно измѣнчивому по существу доходу подлежатъ, одни представители предпріятія; заработокъ же полу-

чаютъ наемные труженики. И тѣ, и другіе, смотря по свойству предпріятія, могутъ быть въ немъ представителями: или предпріимчивости, или оборотливости, или исполненія; раздѣльное, или совмѣстное принятіе на себя приведенныхъ видовъ трудовыхъ затратъ остается въ этомъ случаѣ безразлично.

Дѣйствительно, распорядитель или исполнитель, принимающій на себя рискъ и отвѣтственность по предпріятію, стало быть являющійся представителемъ его въ полномъ смыслѣ слова, или такъ называемый въ обыденной терминологіи хозяинъ—какъ бы олицетворяетъ само предпріятіе и служитъ его представителемъ въ экономической роли *предпринимателя*. Во всѣхъ формахъ предпріятія удѣлъ послѣдняго составляетъ въ первомъ мѣстѣ *рискъ*, въ смыслѣ надежды на барыши, съ одной, и опасенія потерь, съ другой стороны. Не можетъ, поэтому, подлежать спору, что предпринимателями по оборотамъ состоятъ и вкладчикъ въ товариществѣ по вѣрѣ, и долевой работникъ, и артельщикъ, наравнѣ съ акціонеромъ, полнымъ товарищемъ и единоличнымъ хозяиномъ, въ соотвѣтственныхъ другихъ формахъ предпріятій. Затѣмъ, для каждаго предпринимателя порознь и для всѣхъ ихъ въ совокупности, естественнымъ дополненіемъ риска является, по всѣмъ оборотамъ производства — отвѣтственность, такъ какъ эти личности, въ качествѣ представителей даннаго предпріятія во всей его цѣлости, образуя нераздѣльное общество, неизбѣжно вступаютъ въ хозяйственную связь и въ прямыя обязательства, какъ между собою и съ прочими наемными участниками того же производства, такъ и съ предпринимателями и представителями другихъ производствъ, и наконецъ, съ потребителями, или со всѣмъ обществомъ, въ смыслѣ публики.

Характерные признаки экономической личности предпринимателя—рискъ и отвѣтственность—поддаются, далѣе, и опредѣленнымъ видоизмѣненіямъ сами по себѣ, и разнообразнымъ сочетаніямъ между собою; такъ именно рискъ можетъ быть для лица нераздѣльнымъ, а отвѣтственность можетъ быть для одного или многихъ предпринимателей неограниченная; или же первый дробится и распредѣляется, а вторая соразмѣряется и установляется въ точныхъ предѣлахъ. Сверхъ того, указанныя видоизмѣненія риска и отвѣтственности могутъ вызвать разнообразныя сочетанія; но, по неразрывной связи между ними, главныхъ такихъ сочетаній будетъ всего три: 1) или

съ нераздѣльнымъ рискомъ сопряжена неограниченная отвѣтственность, и тогда данный союзъ лицъ, по общему производству, получаетъ строй единоличнаго предпріятія, ремесла съ хозяиномъ, или мастеромъ, фабрики и заведенія съ хозяиномъ - собственникомъ; 2) или при раздѣленномъ рискѣ существуетъ соразмѣрная, ограниченная отвѣтственность—и тогда экономическій союзъ принимаетъ форму акціонерной компаніи; или же 3) распредѣленный рискъ влечетъ за собою все-таки безграничную отвѣтственность—и тогда возникаетъ или артель, или полное товарищество, или общество распорядителей въ товариществѣ на вѣрѣ; причемъ разница въ частностяхъ между послѣдними тремя формами уже зависитъ и опредѣляется вліяніемъ капитала на строй предпріятія.

Тѣмъ же вліяніемъ втораго элемента предпріятія на его строй опредѣляется смѣшанный составъ командитнаго общества. Здѣсь вкладчики и акціонеры участвуютъ въ распредѣленіи риска, но несутъ одну ограниченную отвѣтственность, причемъ рискъ не вполнѣ пропорціоналенъ самой отвѣтственности (какъ это имѣетъ мѣсто въ чистой акціонерной компаніи), а сильнѣе ложится въ томъ же предпріятіи, т. е. командитномъ обществѣ, на распорядителей, т. е. представителей смышлености и предпринимательскаго труда: послѣдніе во всякомъ товариществѣ по вѣрѣ отвѣтствуютъ безгранично какъ лично, такъ и имуществомъ.

Вообще, связь между вещественными и личными элементами въ предпріятіи не только самая тѣсная, но ихъ сочетаніе вполнѣ неразрывное. Такъ, способы образованія и возникновенія предпринимательскаго капитала, равно какъ и всѣ послѣдующія измѣненія его въ размѣрахъ и затратахъ, прямо обусловливаютъ удачу предпріимчивости и оборотливости, опредѣляютъ условія риска и предѣлы отвѣтственности, а тѣмъ самымъ обусловливаютъ и степень и силу личнаго вліянія предпринимателей на всѣ обороты.

По главнымъ своимъ основаніямъ, такое взаимодѣйствіе, между орудіями производства и производителями, сохраняется также во всѣхъ экономическихъ оборотахъ и обязательныхъ общественныхъ сферъ, въ такъ называемомъ казенномъ производствѣ, въ кустарномъ хозяйствѣ и при затратахъ общественныхъ учрежденій.

Нераздѣльный рискъ и совмѣстная безграничная отвѣтственность возможны для предпринимателя только въ случаѣ *полнаго* подчиненія капитала его личности, какъ это дѣйствительно и су-

ществуетъ въ единоличномъ предпріятіи. Въ немъ предприниматель одинъ, а прочіе участники являются представителями зависимаго, наемнаго труда. Поэтому, предпріимчивость и оборотливость вызываются на возможно большее напряженіе именно послѣднею формою, такъ какъ, при нераздѣльности риска, хозяинъ сохраняетъ сполна за собою весь чистый доходъ, въ случаѣ успѣха, или, при неразумной коньектурѣ и нерадивости, соотвѣтственно раззоряется. Притомъ же, соотвѣтственно сильнымъ оплотомъ въ пользу третьихъ лицъ противъ увлеченій, или недобросовѣстности предпринимателя, служитъ его отвѣтственность, простирающаяся неограниченно на личность и имущество его. Вотъ почему, сильнѣйшимъ рычагомъ въ развитіи общенародной промышленности, и именно школою всей націи въ предпріимчивости и оборотливости является предпріятіе въ формѣ единоличнаго; но, съ другой стороны, эта форма пригодна исключительно для тѣхъ производствъ, въ которыхъ удовлетворительное веденіе оборотовъ доступно одному лицу и въ которыхъ не потребно такихъ предпринимательскихъ капиталовъ, размѣръ которыхъ превышаетъ и самые значительные капиталы отдѣльныхъ лицъ.

Очевидно, стало быть что нормальными условіями, въ примѣненіи къ строю предпріятія, нераздѣльнаго риска и одновременной безграничной отвѣтственности, служатъ конечные предѣлы личной дѣятельности, а затѣмъ размѣръ самаго производства, сравнительная обширность его оборотовъ, если безъ значительнаго объема оно или вовсе не осуществимо, или всякое сокращеніе его размѣровъ сильно подрываетъ его доходность. Огромный же рискъ недоступенъ отдѣльному лицу, и вслѣдствіе физическаго ограниченія въ силахъ, и вслѣдствіе хозяйственной несостоятельности по капитальнымъ средствамъ; но сверхъ того, значительность и, какъ бы, сила риска зависитъ еще отъ отсутствія промысловаго опыта.

Широкое приложеніе изобрѣтеній и открытій въ производствахъ было бы невозможно, если бы рискъ и отвѣтственность, предпріимчивость и оборотливость, равно какъ и самое исполненіе, а затѣмъ образованіе и усиленіе предпринимательскаго капитала и привлеченіе путемъ кредита ссуднаго—не поддавались соотвѣтственному, или потребному расширенію и соразмѣрному распредѣленію. Наиболѣе удовлетворительно сумма всѣхъ этихъ требованій удовлетворяется, разомъ и по совокупности, въ строѣ акціонер-

наго предпріятія, или собственно ими-то и была вызвана послѣдная форма договорно-общественной организаціи производства. Соразмѣрный рискъ и ограниченная отвѣтственность только и доставляютъ возможность къ предпринятію необычайнаго или большаго оборота—grosse aventure. Вотъ почему, между прочимъ, сохранять въ законодательствѣ неограниченную отвѣтственность или систему предварительныхъ разрѣшеній для товариществъ со складочными капиталами—значитъ не признавать этой заслуги и самыхъ рисковыхъ изъ нихъ, а тѣмъ задерживать развитіе всей промышленности путемъ самостоятельныхъ опытовъ и своеобразныхъ новыхъ конъектуръ.

Отсутствіе предпринимателя, безъ явнаго ущерба для оборотовъ, возможно только для производствъ, доступныхъ полному и строгому контролю, т. е. въ производствахъ съ вполнѣ уже выработанными и установившимися пріемами по отношенію къ техникѣ. Въ этомъ обстоятельствѣ и заключается слабая сторона, напримѣръ; общественныхъ производствъ и причина ихъ сравнительной неподвижности или слабой способности къ развитію.

По той же причинѣ возникъ самостоятельный классъ исключительныхъ капиталистовъ или владѣльцевъ ссудныхъ капиталовъ. Именно за невозможностію вести предпріятіе удовлетворительно путемъ одного наемнаго труда, посредствомъ управляющихъ, лица неспособныя къ предпріимчивости, незнакомыя съ промышленною техникою, оборотливостію и исполненіемъ, стараются своими капиталами добыть доходъ — помимо непосредственнаго участія въ производительныхъ оборотахъ, требующихъ предпріимчивости, оборотливости и техническаго исполненія, сопряженныхъ съ рискомъ и отвѣтственностію, передавая ихъ путемъ ссуды въ чужое распоряженіе и тѣмъ перенося прямой рискъ на чужую дѣятельность и личность. Ссуда, т. е. отдача въ займы, какъ и отдача въ наемъ, кортому или аренду, и всѣ вообще способы доходнаго помѣщенія ссудныхъ капиталовъ требуютъ, въ отличіе отъ настоящихъ промышленныхъ ихъ затратъ, со стороны владѣльцевъ-капиталистовъ такую слабую предпріимчивость, что при ничтожномъ рискѣ, который удовлетворительно предотвращается страхованіемъ въ процентѣ, нѣтъ вовсе отвѣтственности.

Вотъ почему, общественные, благотворительные капиталы, вѣчныя пожертвованія и т. п. обращаются въ ссудные капиталы и

ищутъ себѣ помѣщенія путемъ кредита, или долгосрочнаго найма, тщательно избѣгая непосредственныхъ затратъ. Но все-таки простое доходное помѣщеніе ссудныхъ капиталовъ, повторяемъ мы, поручается наименѣе удовлетворительно чужому распоряженію, даже и (ссудному) капиталисту приходится сохранять нѣкоторую тѣнь предпріимчивости и прибѣгать къ страхованію.

И такъ три указанныя группы—*предпріимчивость, оборотливость и исполненіе*—необходимо различать въ общей совокупности тѣхъ трудовыхъ дѣйствій, которыя въ каждомъ предпріятіи, въ большей или меньшей степени порознь, но неизбѣжно участвуютъ. До сихъ поръ въ экономическихъ изслѣдованіяхъ, этого основнаго различія массы трудовыхъ дѣйствій не дѣлаютъ и представленная группировка только отчасти указана у Шеффле; по моемъ же мнѣнію, она весьма существенна.

Но по мимо изложеннаго дѣленія, проистекающаго изъ экономическаго существа трудовыхъ дѣйствій, необходимо еще различать труды на два разряда, на основаніи различія въ экономической самобытности, существующаго между представителями труда. Соотвѣтственно этому послѣднему условію трудъ бываетъ или предпринимательскій, или наемный. Въ чемъ заключается рискъ и отвѣтственность во всякомъ предпріятіи, я указалъ, разяснилосьтакже, что рискъ и отвѣтственность могутъ ложится не только на все предпріятіе, но и на каждый элементъ его порознь, т. е. касаться и труда въ предпріятіи, и его капитала. Очевидно, представителями трудоваго элемента, когда послѣдніе несутъ рискъ и отвѣтственность, будутъ предприниматели, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ, участвующіе трудомъ своимъ въ предпріятіи и не несущія, риска и отвѣтственности будутъ наймитами.

Что затѣмъ касается капитата, то въ силу того своеобразнаго экономическаго закона, что въ предпріятіи онъ всегда принимаетъ участіе въ денежной формѣ, мы въ немъ видимъ только одно основное различіе, что онъ принадлежитъ или самому предпріятію, или же привлекается извнѣ, пріобрѣтается въ ссуду. На сколько собственный капиталъ предпринимателей долженъ считаться положительнымъ элементомъ предпріятія, на столько капиталъ ссудный—отрицательнымъ. Отношеніе ихъ между собою, въ томъ или другомъ предпріятіи, конечно весьма различное, и оно неизбѣжно вліяетъ на строй предпріятій. Смыслъ дѣленія капитала на части, ради

обезпеченія стойкости предпріятія на основной, расходный и запасный выяснится подробно самымъ разборомъ формъ предпріятій.

Замѣтимъ пока, что въ предпринимательскомъ капиталѣ необходимо отличать капиталъ основной отъ расходнаго на слѣдующихъ основаніяхъ: первый (Anlagek.) остается въ предпріятіи во все время его оборотовъ; онъ подлежитъ экономическому сохраненію посредствомъ погашенія, вторый (Betriebsk.) же слагается изъ всѣхъ расходовъ, возобновляющихся при каждомъ оборотѣ, вполнѣ поглощается послѣднимъ и воспроизводится во вновь создаваемомъ валовомъ доходѣ; въ него входятъ—оплата наемнаго труда точно также, какъ и наемная плата и займовой процентъ за привлеченные къ обороту ссудные капиталы, и, наконецъ, расходы по страху и погашенію постоянныхъ капиталовъ. Затраты расходнаго капитала постоянно возобновляются, а распоряженіе послѣдними требуетъ болѣе усиленной оборотливости. Основные же капиталы отличаются, сравнительно, неподвижностію затратъ, а потому оборотливость по распоряженію ими менѣе сильна. Другими словами: та форма предпріятія, которой болѣе доступна оборотливость, можетъ допустить и наибольшую долю расходнаго капитала; при преобладаніи же, въ данномъ производствѣ, основныхъ капиталовъ, для послѣдняго пригоденъ тотъ строй, въ которомъ оборотливость слабѣе развивается. Слѣдовательно, извѣстное отношеніе, по количеству, между тѣми и другими капиталами въ различныхъ производствахъ, уже опредѣляетъ приложимость къ нимъ той, или другой формы предпріятій вообще. Такъ, торговыя спекуляціи и производства, работающія на временно-измѣнчивый сбытъ, должны, вслѣдствіе преобладанія въ нихъ расходнаго капитала, осуществлять оборотливость посредствомъ предпринимательскаго труда; имъ соотвѣтствуютъ однѣ формы съ неограниченной отвѣтственностію, т. е. единоличное предпріятіе, полное товарищество и артель.

Всякій наемный распорядитель постарается затратить преимущественно въ свою пользу наиболѣе доходное приложеніе своей оборотливости; онъ будетъ склоненъ предоставить ввѣренному ему предпріятію преимущественно рисковыя и мало прибыльныя затраты; случалось даже, что распорядители вступали съ тѣмъ же предпріятіемъ въ льготныя сдѣлки, какъ сторона, по случаю поставокъ и т. п., прикрывая такія предосудительныя продѣлки различными способами. Послѣдняя опасность особенно присуща акціо-

перному и командитному предпріятія,—и это доказываютъ не только часто повторяющіяся судебныя разбирательства, но прямымъ подтвержденіемъ служитъ и своеобразная система, какъ бы, страхованія предпріятій отъ злоупотребленій наемныхъ распорядителей и повѣренныхъ. Законъ не долженъ допускать, чтобы директоры, члены правленія и повѣренные занимали подобныя же должности, или завѣдывали вообще оборотами въ другихъ предпріятіяхъ.

Опытъ уже указалъ нѣкоторые разряды производствъ, которыя наиболѣе успѣваютъ въ формѣ акціонерныхъ предпріятій.

Такъ, пути сообщенія и особенно желѣзныя дороги дошли до настоящаго своего развитія, только благодаря огромнымъ складочнымъ акціонернымъ капиталамъ; въ нихъ дѣйствительно основной капиталъ составляетъ обыкновенно отъ 80 до 90% всего предпринимательскаго; а рядомъ съ этимъ обстоятельствомъ, и затраты оборотные являются до того неизмѣнными, что всю оборотливость, на сколько она заключается въ распоряженіи капиталами предпріятія, возможно возложить на наемныхъ исполнителей. Та же неизмѣнность затратъ, или вѣрнѣе, такое же полное тождество пріемовъ и однообразное повтореніе послѣднихъ при затратѣ расходнаго капитала, доставили акціонерной организаціи въ новѣйшее время преобладаніе, надъ прочими формами предпріятій, и въ банковомъ дѣлѣ. Столь же однобразны и всѣ затраты въ страховыхъ предпріятіяхъ, такъ какъ онѣ основаны на вычисленныхъ формулахъ и предварительно заготовленныхъ таблицахъ; а потому акціонерное страхованіе представляетъ болѣе обширные размѣры, оно болѣе развито и распространено, чѣмъ взаимное, или артельное.

Торговыя же компаніи на акціяхъ всегда выносили и выносятъ только съ трудомъ конкурренцію съ отдѣльными лицами и фирмами, т. е. съ единоличными предпріятіями и товариществами; а это заставляло ихъ домогаться привиллегій и монополій, или даже, помощію явнаго насилія, устранять конкуррентовъ. Стоитъ только вспомнить о наибольшихъ изъ нихъ—о голландской и англійско-остъиндскихъ компаніяхъ, или о Ганзѣ и городовыхъ союзахъ: весьма поучителенъ, въ этомъ отношеніи, и неуспѣхъ нашей первой монопольной сѣвероамериканской компаніи. Причина неподатливости торговыхъ оборотовъ акціонерной формѣ заключается именно въ томъ, что при нихъ нельзя отдѣлять предпріимчивость отъ оборотливости, что необходимо пріискать, при быстро измѣняю-

щихся коньектурахъ въ торговомъ мірѣ и на рынкахъ, постоянно и почти мгновенно новые пріемы и способы затратъ, мѣнять условія закупокъ, доставокъ и сбыта; а все это связано съ такимъ рискомъ, который поддается исключительно крайне ограниченному раздѣленію, т. е. развѣ только между полными товарищами, такъ какъ онъ, соотвѣтственно своей силѣ, требуетъ неограниченной отвѣтственности. Поэтому, германскій законъ 11-го іюня 1870 года совершенно основательно пересталъ смотрѣть на акціонерныя компаніи, какъ на исключительно *торговыя* предпріятія, и соотвѣтственно новому взгляду, измѣнилъ редакцію § 207 въ общемъ торговомъ уложеніи имперіи.

Кромѣ условій возможнаго отдѣленія оборотливости отъ предпріимчивости, необходимо еще обратить вниманіе на то обстоятельство, что по многимъ производствамъ предполагается такая спеціальная подготовка, требуются такія свѣдѣнія и способности, что въ силу общаго экономическаго закона раздѣленія труда, вся оборотливость должна быть передана въ вѣдѣніе труда наемнаго. Для подобныхъ неучастниковъ-распорядителей создается весьма успѣшно и достаточная связь съ самымъ предпріятіемъ путемъ значительнаго жалованья, постепеннымъ возростаніемъ послѣдняго, соотвѣтственно срокамъ пребыванія въ должности, долевымъ участіемъ въ чистыхъ прибыляхъ, обязательною выдачею части жалованья акціями той же компаніи, обезпеченіемъ пенсіями и наконецъ, усиленіемъ отвѣтственности помощью залоговъ.

И такъ, и своеобразіе въ основныхъ элементахъ предпріятія, въ трудѣ и капиталѣ, и сочетаніе риска и отвѣтственности должны вліять на строй предпріятія.

§ 47. Стихійно-семейная организація производства въ формѣ кустарнаго промысла.

Весьма естественно, что вообще производство въ первобытныя эпохи являлось безъ всякой оформенности, или самостоятельной организаціи, а подводилось той общественной формѣ, которая стихійнымъ порядкомъ возникла и существовала готовою, именно семьѣ. Естественно, что для производства первобытныхъ эпохъ водворилась посемейная организація, что даже и при послѣдующемъ развитіи выс-

шихъ формъ эта организація нигдѣ не исчезала, она только совершенствовалась. Подобно тому, какъ возникновеніе культурныхъ общеній и государства не уничтожило семьи, точно также и договорныя предпріятія, или какая нибудь акціонерная компанія не уничтожила такъ называемаго кустарнаго, т. е. семейнаго производства. Но аналогіи же, нѣтъ возможности въ тѣсной области договорныхъ предпріятій толковать о томъ, не выгодно-ли замѣнить одну форму предпріятій другою, низшую высшею; подобное толкованіе обнаруживаетъ только непониманіе дѣла. Вполнѣ безотчетливымъ и праздным долженъ считаться и вопросъ о томъ, не замѣнять-ли кустарное производство артелями. Только нестойкой логикѣ, при отсутствіи положительныхъ знаній, можетъ показаться, что семья, какъ первоначальная форма производства, устарѣла, что кустарничество мѣшаетъ дальнѣйшему и высшему развитію промышленности, или что распространенность кустарной формы въ промышленности должна считаться признакомъ низкой хозяйственной культуры. Подобное увлеченіе и забавно, и совершенно неосновательно; такъ кустарное производство и до сихъ поръ существуетъ во Франціи, Австріи и Германіи, гдѣ экономическая культура стоитъ не на низкой степени. Кустарная промышленность, конечно, не есть исключительно національно русское явленіе, точно также какъ и артель. Эта форма вездѣ существовала и существуетъ, такъ какъ кустарное производство (industrie domestique, buissonnière, Hausindustirie) не только естественнымъ путемъ служило первоначальною формою производствъ, но оно сохранилось и до сихъ поръ, вслѣдствіе присущихъ ему выгодъ, сравнительно съ другими формами производства.

Въ кустарномъ производствѣ вся семья несетъ рискъ и отвѣтственность, нѣтъ ни наемныхъ участниковъ, нѣтъ и особыхъ предпринимателей. Главнымъ распорядителемъ здѣсь является отецъ семейства, хотя рискъ и отвѣтственность падаетъ на все семейство. Кромѣ слитія предпринимательскаго и наемнаго труда, въ кустарной промышленности и остальные виды труда также не разъединяются: каждый членъ семейства несетъ трудъ сообразно своимъ способностямъ и согласно указаніямъ главы семейства. Распредѣленіе трудовъ и дохода основывается не на экономическихъ соображеніяхъ, а на родственныхъ счетахъ и старшинствѣ. Точно также и капиталъ въ кустарной промышленности является общимъ, неподлежащимъ дѣлежу, на него особенныхъ правъ никто изъ членовъ семьи не

имѣетъ, имъ распоряжается сполна глава семьи. Конечно, капиталъ можетъ быть привлекаемъ и извнѣ, но это будетъ зависѣть отъ одного того довѣрія, которымъ пользуется представитель семьи и отъ зажиточности семьи, занимать вообще можетъ одинъ только глава семьи. При экономической неорганизованности и отсутствіи возмездности въ этомъ строѣ, напрасно казалось, что онъ не удовлетворителенъ и что онъ долженъ современемъ подлежать упраздненію. Дѣло въ томъ, что предпріимчивость, какъ источникъ коньектуръ, представляетъ много тайнъ иногда извѣстныхъ только нѣсколькимъ лицамъ, часто производители дорожатъ своими открытіями, держатъ ихъ въ тайнѣ ради собственной экономической пользы. Лица, изобрѣтшія извѣстное улучшеніе въ производствѣ, или открывшія новый способъ производства, заинтересованы въ сохраненіи такихъ таинъ по двумъ причинамъ: или до открытія дойти было чрезвычайно трудно, но разъ до него дошедши всякому усвоить его чрезвычайно легко, такъ что одного слова или намека достаточно, чтобы его понять; или же открытіе такъ легко, что при малѣйшемъ намекѣ всякій самъ способенъ дойти до этой коньектуры.

Въ обоихъ этихъ случаяхъ лица, владѣющія промысловою тайною, заинтересованы въ ея охраненіи. На этомъ же соображеніи построены всѣ законоположенія о привиллегіяхъ на изобрѣтенія и открытія. Но бываютъ и такого рода тайны, которыя по незначительности доставляемаго ими дохода никого не интересуютъ, никто не старается ими воспользоваться, никто нежелаетъ получить на нихъ привиллегію, они способны только доставлять незначительный доходъ мелкому производству. Со смертію лица, владѣвшаго такою тайною, она должна была бы пропадать, если бы не было надежнаго способа ея сохраненія, передачи, именно семейное преданіе. Иногда сверхъ того, усвоеніе промышленной тайны требуетъ до такой степени навыка, нагляднаго обученія, что нужно для того много труда и опыта. По сохраненію, передачѣ и послѣдовательному развитію коньектуральныхъ тайнъ, особенно дорого кустарное производство. Промышленность уже не мало утратила подобныхъ тайнъ, напр. составленіе греческаго огня, средневѣковая окраска стеколъ на сквозь. Вообще тамъ, гдѣ снаровка въ производствѣ играетъ важную роль и можетъ быть усвоена только путемъ передачи промышленнаго опыта, тамъ вездѣ, или въ данныхъ отрасляхъ, господствуетъ кустарная форма производства, такъ напр. около St. Etien-

не приготовляются знаменитыя французскія шелковыя ленты, неимѣющія себѣ подобныхъ по своей доброкачественности. Кустарное производство вообще есть всегда представитель наивысшаго уровня промышленныхъ знаній и ловкости даннаго народа, по крайней мѣрѣ сравнительно съ общимъ уровнемъ совокупной массы народныхъ промысловъ. По мѣрѣ же развитія экономической культуры даннаго народа, кустарная промышленность не исчезаетъ, а она только совершенствуется, переходитъ къ утонченнѣйшимъ производствамъ, самая форма сохраняется и завладѣваетъ она только новымъ содержаніемъ *).

Охраненіе тайнъ помощью кустарнаго производства преимущественно касается извѣстныхъ пріемовъ отдѣлки, которые только отличаются вкусомъ, придаютъ цѣнностямъ особенно изящный видъ; тутъ переводъ рисунка, сочетаніе красокъ, составъ матеріаловъ удобнѣе всего усвоиваются въ кустарномъ предпріятіи, передаются въ семьѣ, наглядно и по навыку. Спеціальное приготовленіе работниковъ, съ цѣлью развитія эстетическаго вкуса, путемъ какихъ либо учебныхъ заведеній, трудно осуществимо и менѣе экономично, въ рѣдкихъ случаяхъ представители труда могутъ нести затраты на такое приготовленіе; ктоже можетъ нести издержки на спеціальное художественное образованіе обращается уже къ тѣмъ отраслямъ производствъ, гдѣ одновременно потребны и техническія знанія болѣе обширныя; такіе производители не остановятся на усвоеніи элементарнаго изящества, а потому то послѣдніе пріемы исключительно и цѣлесообразнѣе прививаются практическимъ указаніемъ и частымъ повтореніемъ. Промышленныя тайны, на сколько ими обезпечивается изящество издѣлій, на сколько удовлетворяютъ эстетическому вкусу, успѣшнѣе всего сохраняются въ кустарной промышленности. Доказательствомъ тому служитъ выдѣлка мозаичныхъ издѣлій изъ дерева около Ниццы и въ Монако, равно какъ и извѣстныя articles de Paris.

Что подобныя, конечно маловажныя знанія, которыми не рѣдко пренебрегаютъ при обученіи даже въ спеціальныхъ техническихъ заведеніяхъ, съ наибольшимъ успѣхомъ усвоиваются

*) А. Корсакъ: О формахъ промышленности вообще и о значеніи домашняго производства. Москва. 1861. Гл. V: отрасли промышленности, въ которыхъ удержалось домашнее производство въ западоой Европѣ и Россіи. Стр. 146—208.

Профессоръ Э. Вреденъ.
Типографія и Литографія Кн. Оболенскаго, уголъ Николаевск. и Стрем. № 3—22.

въ кустарной промышленности, это зависитъ отъ основной организаціи послѣдней, она держится на кровной связи и родственномъ расположеніи между членами предпріятія. Естественно, что сынъ у отца усвоиваетъ знанія не только ради прибыли, но первоначально даже потому, что не желаетъ огорчить родителя. Эта привязанность важна не только при усвоеніи таинъ, которыми обезпечивается совершеннѣйшее производство, но и вообще ради добросовѣстности въ работѣ. Вотъ почему, всѣ издѣлія требующія изящества, тщательности въ отдѣлкѣ съ высшимъ совершенствомъ доставляются кустарнымъ производствомъ; они навсегда закрѣплены за этою формою производства. Слѣдуетъ заботиться не объ замѣнѣ формы кустарнаго производства, а только объ обращеніи его къ выдѣлкѣ высшихъ издѣлій въ данной отрасли, если цѣнности менѣе совершенныя начинаютъ на рынкахъ вытѣснятся машиннымъ производствомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что уломскихъ гвоздарей не спасетъ и артельное объединеніе, потому что гвоздь ручной ковки не можетъ вообще соперничать съ машиннымъ, ни по качеству, ни по дешевизнѣ. Кустарному производству возможно содѣйствовать въ одномъ только отношеніи, именно, чтобы высшіе образцы цѣнностей находились постоянно въ его обладаніи и чтобы тотчасъ перевести въ него другаго рода труды, если выдѣлка данныхъ издѣлій перестало нуждаться въ исключительной добросовѣстности личнаго труда, или въ тайныхъ манипуляціяхъ охраняемыхъ семьею.

Конечно, кустарное предпріятіе большихъ размѣровъ принять не можетъ, такъ какъ всякое привлеченіе наемнаго труда нарушаетъ его сущность, или оно уже не сохраняетъ въ чистотѣ свой семейный характеръ. Въ тоже время, семья распадаетс я съ увеличеніемъ числа ея членовъ, родственная связь въ колѣнной группѣ семействъ слабѣетъ, и родъ и колѣно не годятся для организаціи экономическихъ предпріятій. Далѣе, по случаю малочисленности членовъ, кустарное производство не можетъ обладать и большими капиталами, а чужой капиталъ занимать въ большихъ размѣрахъ нѣтъ никакой необходимости, большаго оборота не возможно вести въ семьѣ. Вотъ почему, кустарное предпріятіе всегда довольствуется домашними трудовыми и капитальными средствами, или въ томъ размѣрѣ въ какомъ они обыкновенно имѣются въ семьѣ *).

*) Срв. *Wcschniakoff*, l'industrie domestique en Russie, SPb. 1873 г.

Какъ въ области чистой общественности—семейственность, такъ и кустарная промышленность носитъ на себѣ отпечатокъ зародышнаго состоянія экономической культуры: приведенные выше 3 вида трудовъ не различаются, хотя и бываетъ вообще нѣкоторое раздѣленіе подѣлокъ, нерѣдко работаютъ по унаслѣдованному шаблону, предпріимчивости иногда совершенно не достаетъ, или же она вполнѣ совпадаетъ съ оборотливостію виды, капитала не имѣютъ существеннаго значенія; и все это потому, что здѣсь производство прямо возникло подъ вліяніемъ готовой общественной формы.

Вслѣдъ за обязательною организаціею производствъ явились уже формы договорныя, основывавшихся исключительно на хозяйственныхъ соображеніяхъ и цѣляхъ производства. Договорное соглашеніе должно было явиться тотчасъ, когда распалась семья и братъ вступилъ въ раздѣлъ съ братомъ, или приходилось нанимать племянника, какъ чужаго работника.

Такъ впервые явились договорныя отношенія. Имъ конечно исторически предшествовала еще рабовладѣльческая семья, которая производила кустарно всѣмъ *домомъ*, въ смыслѣ греческаго oikos и римс. familia, peculiae; однако въ ней, какъ и вообще въ рабскомъ трудѣ, кромѣ уклоненія отъ всякихъ экономическихъ началъ, вопреки пресловутой патріархальности, зависѣвшей отъ кустарнаго сотрудничества, развѣ возможно видѣть одно безчеловѣчное попираніе всякой правомѣрности. Вотъ почему, рабство негодное звѣно между обязательною и договорною организаціею производствъ, на немъ нормальныхъ экономическихъ порядковъ безпадежно изучать; оно же и упразднилось—въ Италіи въ концѣ XIV, въ Шотландіи въ XV, въ Агліи въ XVII, во Франціи въ XVIII столѣтіяхъ; въ раз; ныхъ частяхъ Пруссіи по законамъ 1702, 1719, 1807, 1819, 1820 г.; въ Австріи: въ 1781 для Чехіи, въ 1782 для нѣмецкихъ зе-, мель, въ 1785 для Венгріи; въ Голштиніи 1804, Баваріи 1808, Вестфаліи 1808, Гессенѣ 1811, Виртембергѣ 1817, въ Баденѣ 1820, Мекленбургѣ 1820, Саксоніи 1832, Ганноверѣ 1833; въ Даніи 1788—1800; въ прибалтійскихъ губерніяхъ 1804, шведской Помераніи 1806, въ Польшѣ 1807, въ Россіи законъ 19 февр. 1861, С. А. Штатахъ 1 янв. 1863 г.—между тѣмъ какъ совокупность первыхъ двухъ продолжаетъ свое развитіе, какъ самостоятельныя области народнаго хозяйства: какъ финансовое и частное. На основаніи свободно промысловыхъ отношеній развива-

ются договорныя предпріятія, въ которыхъ рискъ и отвѣтственность, помимо ихъ сочетаній между собою, могутъ ложиться или на трудъ исключительно, или на капиталъ исключительно, или совмѣстно на тотъ и другой. Отсюда обладатели капиталомъ и представители труда одинаково могутъ быть предпринятелями, или соотвѣтственно представители труда являются простыми участниками наемниками, а представители капитала простыми заимодавцами, Возможно наконецъ, что одно и тоже лицо является представителемъ и труда и капитала, и на одного предпринимателя ложится рискъ и отвѣтственность. Подобно тому, какъ въ первоначальной кустарной формѣ организаціи производства рискъ и отвѣтственность ложатся въ цѣлости на всю семью, точно также и въ первой договорной формѣ предпріятія они ложатся нераздѣльно на одно лицо, т. е. безразлично и равномѣрно на его трудъ и капиталъ.

§ 48. Строй ремесла и единоличнаго предпріятія, (промысловое законодательство у насъ).

Производство кустарное, въ исторической бытовой преемственности, породило договорную организацію во внѣшней формѣ *ремесла*, предприниматель въ послѣднемъ и до сихъ норъ носитъ названіе хозяина, maître. Этотъ средневѣковой мастеръ какъ бы преемникъ отца семьи. Ремесленное, единоличное предпріятіе въ свое время было до такой степени преобладающимъ, что имѣло вліяніе даже на общественный строй, и долго въ законодательствахъ исключало всякую другую форму предпріятій. Представителю кустарной промышленности, сельчанину, разными налогами и сборами затруднялся доступъ къ городскому рынку. Подъ гнетомъ и при узурпаціи власти этою формою производства выработалось цеховое экономическое законодательство, послужившее цѣликомъ первообразомъ для меркантильнаго, послѣдующаго времени. Находя опору въ римскомъ правѣ, новѣйшее законодательство первоначально покровительствовало одной только цеховой формѣ предпріятій и враждебно относилось ко всѣмъ прочимъ, или запрещало ихъ вовсе, или же требовало, чтобы къ нему каждый разъ обращались за разрѣшеніемъ. Это государственное вмѣшательство и получило спеціальное названіе рег-

ламентаціи. Меркантилисты, какъ указано нами выше, стремились къ тому, чтобы въ отечествѣ выдѣлывались только наиболѣе цѣнныя издѣлія. Традиціи цеховыхъ и меркантильныхъ стремленій и создали регламентацію, вполнѣ опутывавшую все производство въ прошедшемъ столѣтіи, а въ настоящемъ отчасти онѣ живутъ еще въ предварительныхъ разрѣшеніяхъ, сохранившихъ силу относительно нѣкоторыхъ формъ предпріятій и видовъ оборотовъ. Задачи общественной охраны далеко превышались, а отчасти еще превышаются вмѣшательствомъ администраціи и закона. Иное, если производство не можетъ принять любую форму, кромѣ однихъ признанныхъ закономъ. Иное, если составъ и дѣйствія предпріятій всякаго строя обусловливаются нормальными требованіями общихъ законоположеній и образцовыхъ уставовъ, а охранительная полиція обезпечиваетъ точное соблюденіе послѣднихъ и гласность. Наше законодательство до сихъ поръ не признаетъ командитнаго общества на акціяхъ, при чемъ вообще нѣтъ цѣлостной системы узаконеній и объ акціонерныхъ, и артельныхъ предпріятіяхъ.

Промышленная жизнь и хозяйственный бытъ новѣйшаго времени породили и создаютъ все болѣе и болѣе разнообразныя формы оборотовъ, а соотвѣтственно ихъ прогрессу и экономическимъ опытамъ развиваются новыя видоизмѣненія въ складѣ и строѣ промышленныхъ предпріятій, или вообще тѣхъ союзовъ, обществъ или товариществъ, которые преслѣдуютъ экономическія выгоды и основаны на добровольномъ договорномъ соединеніи.

Въ хозяйственной сферѣ, въ области промышленности и торговли, это движеніе происходитъ безостановочно, и публика вполнѣ усвоила себѣ всѣ тонкости въ оборотахъ товарищескихъ, акціонерныхъ и артельныхъ.

Совершенно не то замѣчается въ юридической сферѣ и въ положительномъ законодательствѣ: послѣднее до сихъ поръ не только не освѣтило должнымъ свѣтомъ всю область договорныхъ общеній, или ассоціацій, но оно, первоначально, не желая оставить формально твердой почвы римскаго договорнаго права, постоянно смѣшивало и смѣшиваетъ римское ученіе съ договорами и обязательствами, въ силу которыхъ возникаютъ общества, союзы, товарищества, т. е. образуются, добровольно, самостоятельныя общественныя недѣлимыя (юридическія лица).

Вотъ почему, требованія жизни вынуждали современныя законодательства на созданіе соотвѣтственныхъ юридическихъ нормъ, причемъ естественно возникали однѣ отрывочныя узаконенія, не укладывающіяся въ связную систему и до сихъ поръ. Юридическому сознанію всѣхъ современныхъ народовъ не достаетъ объединяющаго основнаго начала по указанному предмету; положительное право какъ-то пугливо относится къ понятію ассоціацій и съ худо скрываемою боязнью силится создавать, ради общественнаго порядка и всеобщаго блага гражданъ, а въ особенности ради полнаго сохраненія мира и тишины, необходимыхъ для преуспѣнія промышленности и торговли—неприступную твердыню противъ напора, все болѣе и болѣе усложняющихся, промыш-

ленныхъ и торговыхъ оборотовъ въ узкомъ толкованіи всѣхъ, непредвидѣнныхъ классическими юрисконсультами, способовъ соединенія какъ усилій и труда, такъ равно имущества и капиталовъ.

Общаго узаконенія, обнимающаго всѣ формы и виды предпріятій, или соединенія лицъ для достиженія сообща выгодъ или доходовъ, не существуетъ ни въ одномъ государствѣ; даже понятіе предпріятія не усвоено пока юриспруденціею.

Отдѣльныя законодательства обходятся различными обозначеніями. Такъ англійское довольствуется терминомъ «складочныя компаніи» (joint-stok-companies); французское словомъ sociétés; германское различаетъ Gesellschaft и Genossenschaft; у насъ безразлично употребляются наименованія «общества» и «товарищества». Вездѣ, однимъ словомъ, положительное право идетъ ощупью и представляетъ пробѣлы, которые, крайне неудачно до сихъ поръ, старались восполнить полицейскою административною опекою, создавая предварительныя разрѣшенія, надзоръ, вмѣшательства и регламентацію. Однако, очевиднал польза отъ обществъ и товариществъ, точно такъ же, какъ и всестороннее ихъ значеніе не только въ хозяйственной, но и въ общей культурной жизни, вынудили, въ новѣйшее время, всѣ законодательства перейдти, отъ полицейской системы предварительнаго разрѣшенія и утвержденія частныхъ уставовъ порознь, къ чисто юридическому пріему общаго узаконенія главныхъ существенныхъ правоотношеній, возникающихъ однообразно во всякомъ обществѣ и для всякаго вида товариществъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ, спеціальныя разрѣшенія на каждый отдѣльный случай, предварительное разсмотрѣніе и административная оцѣнка, какъ цѣли предпріятія, такъ равно и средствъ къ его осуществленію, или пресловутой благонадежности его учредителей, наконецъ, регламентативный за нимъ надзоръ — замѣнились простымъ предъявленіемъ, регистраціею возникновенія и обезпеченіемъ, путемъ правдивой гласной отчетности, честнаго и правильнаго веденія дѣлъ, т. е. обязанностію для каждаго вновь возникающаго предпріятія подчиниться законнымъ нормамъ, общимъ для всѣхъ однородныхъ оборотовъ.

Дѣйствующее наше положеніе о компаніяхъ на акціяхъ относится къ 1836 году и съ тѣхъ поръ оно, въ законодательномъ порядкѣ, почти не подвергалось измѣненію, хотя акціонерные обороты послѣдняго времени совершались въ Россіи какъ бы внѣ этого узаконенія, или даже, можно сказать, вопреки ему, такъ какъ за послѣднія десять лѣтъ трудно найти между разрѣшенными и утвержденными уставами акціонерныхъ компаній такой, который не состоялъ бы, въ цѣлости своей, изъ набора исключительныхъ постановленій. Вотъ почему понятно, что еще 27 ноября 1859 года, Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ, поручено было министру финансовъ составить, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, проектъ для новыхъ акціонерныхъ обществъ правилъ и внести ихъ на утвержденіе установленнымъ порядкомъ; а до этого времени предоставлено было министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, изъ поступающихъ къ нимъ ходатайствъ о дозволеніи учреждать компаніи, давать ходъ только тѣмъ, отъ которыхъ можно было положительно ожидать государственной или общественной пользы и выгоды, обращая еще и вниманіе на благонадежность учредителей.

А между тѣмъ, въ это же время, пока указаннымъ порядкомъ подлежащія вѣдомства *давали ходъ* нашей акціонерной дѣятельности, министерство финансовъ начертало, въ 1861 году, новый проектъ положенія, который оно тогда же разослало къ министрамъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и

главноуправляющимъ путями сообщенія и II-го отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи; по окончаніи переписки, собиранія и обсужденія отзывовъ, окончены были исправленія первоначальнаго проекта къ 11 апрѣля 1867 года. Наконецъ, вслѣдствіе новаго отношенія министра юстиціи отъ 27 іюня 1869 г., упомянутый проектъ подвергся вторичной передѣлкѣ, для чего была учреждена коммиссія изъ 13 лицъ, подъ предсѣдательствомъ тайн. сов. Александра Ивановича Бутовскаго.

Эта коммиссія приступила, въ концѣ ноября 1871 года, къ исполненію возложеннаго на нее порученія, а совѣщанія, происходившія на 22 засѣданіяхъ, привели къ заключеніямъ, большею частію единогласнымъ, по всѣмъ вопросамъ, относящимся до сущности или значенія акціонернаго основнаго капитала, до дѣйствій обществъ, ихъ внутренняго управленія и ликвидаціи.

Такимъ образомъ, нынѣ составленъ вновь проектъ положенія съ объяснительною къ нему запискою. А такъ какъ, по смыслу мнѣнія государственнаго совѣта отъ 23 февраля 1870 года, кромѣ членовъ учрежденной тогда правительственной коммиссіи, могли бы съ пользою принять участіе въ ней и другія лица, спеціально и практически знакомыя съ этимъ дѣломъ, но между тѣмъ не оказалось достаточно времени для приглашенія таковыхъ, то коммиссія признала цѣлесообразнымъ отпечатать отдѣльными оттисками составленный ею проектъ положенія объ акціонерныхъ обществахъ, въ числѣ 600 экземпляровъ и разослать ихъ на разсмотрѣніе свѣдущихъ по сему дѣлу лицъ, съ тѣмъ, чтобы послѣднія доставили свои замѣчанія къ 1 сентября 1872 года.

Признавая законодательныя ученія объ обществахъ и товариществахъ недостаточными, мы и считали долгомъ изложить нашъ общій взглядъ на отношенія между общественностію и хозяйствомъ человѣка, т. е. установить ту исходную точку, которая единственно должна служить руководящимъ началомъ при установленіи юридическихъ принциповъ, узаконяющихъ экономическіе обороты и ихъ формальную организацію въ видѣ предпріятій.

Намъ же настоятельно выяснить ту общую постановку, которую необходимо придать въ законѣ всякому юридическому отношенію, опредѣляющему существо данной группы экономическихъ явленій. Исходное начало, отъ котораго зависятъ, въ общемъ и въ частности, всѣ требованія, какія слѣдуетъ ставить законодательству то, что каждая изъ органическихъ формъ въ складѣ и строѣ предпріятій, какъ договорныхъ экономическихъ общеній, пріобрѣтаетъ и сохраняетъ себѣ нормальный кругъ дѣйствія, что такимъ кругомъ дѣйствія должна всегда считаться извѣстная данная область хозяйственныхъ процессовъ, причемъ соотвѣтствіе морфологическаго типа, или формальнаго строя для данныхъ процессовъ (по производству, обращенію или потребленію цѣнностей и услугъ) устанавливается: или сообразно всей современной экономической культурѣ народа, согласно общему хозяйственному уровню, или же въ зависимости отъ временной обстановки тѣхъ, или другихъ отраслей промышленности порознь, или подъ вліяніемъ отдѣльныхъ группъ промысловыхъ оборотовъ.

Такимъ образомъ, ни личное предпріятіе, ни артель, ни акціонерная компанія, ни полное товарищество, ни командитное общество, какъ со вкладчиками по вѣрѣ, такъ и по акціямъ—не только другъ другу не противуположны, но отнюдь не отличаются даже безотносительнымъ превосходствомъ одни предъ другими; они нисколько не могутъ исключать, или замѣнять другъ друга, въ смыслѣ замѣны низшей формы высшею. Напротивъ того, всѣ существующіе пока типы предпріятій и всѣ ихъ видоизмѣненія, имѣющія еще возникнуть въ будущемъ, развивались и должны развиваться, всегда и вездѣ, совмѣстно и параллельно; всѣ они только поддерживаютъ и попол-

няютъ другъ друга, и въ общемъ составѣ хозяйства, и въ цѣлостной системѣ общественности. Въ то же время, нельзя между ними подѣлить, какимъ-либо неизмѣннымъ порядкомъ, даже отдѣльныя отрасли промышленности, невозможно ихъ разсматривать въ видѣ клѣточекъ, по которымъ, разъ навсегда, должны быть размѣщены отдѣльные виды промысловыхъ оборотовъ, или частныя группы хозяйственныхъ процессовъ: вопросъ о приложимости каждаго строя предпріятій долженъ считаться единственно вопросомъ времени и мѣста. Всѣ пока выработавшіеся основные типы одинаково пригодны для наивысшаго развитія даже однородныхъ промысловъ, если только самое приложеніе ихъ вполнѣ согласовано со временною и мѣстною обстановкою послѣднихъ.

Этого элементарнаго путеводнаго взгляда, къ несчастію, не достаетъ пока юридическимъ нормамъ, установленнымъ положительными законодательствами для экономическихъ предпріятій и ихъ формальнаго строя.

Такъ Ѳ. Тернеръ, въ своемъ сводѣ акціонерныхъ законодательствъ; строитъ выводы на слѣдующемъ общемъ положеніи *). «Законодательства разныхъ странъ, говоритъ онъ, допускаютъ различные виды торговыхъ и промышленныхъ товариществъ, но все эти различныя формы можно считать *видоизмѣненіями* и сочетаніемъ трехъ нормальныхъ основныхъ типовъ, принятыхъ въ нашемъ законодательствѣ, а именно: полнаго товарищества, товарищества на вѣрѣ и акціонернаго товарищества».

«Первое и третье составляютъ по существу своему двѣ крайнія противоположности... Товарищество на вѣрѣ есть нѣчто среднее между двумя крайними этими типами... Характеристическая черта акціонернаго товарищества, отличающая его отъ двухъ другихъ, заключается въ *безличности* товарищества и въ *ограниченной отвѣтственности* всѣхъ его членовъ».

Нѣтъ, конечно, необходимости пространно опровергать односторонность только что приведеннаго взгляда; достаточно припомнить, что акціонерная компанія не считается нами формою договора, поддающеюся подъ тѣсное опредѣленіе понятія товарищества, а однимъ изъ видовъ организаціи предпріятій, и что между типами послѣднихъ нельзя оставить въ сторонѣ ни единоличнаго предпріятія, ни артели, тѣмъ болѣе, что они, между прочимъ, носятъ на себѣ отпечатокъ товариществъ съ столь же своеобразными отношеніями между представителями трудоваго элемента и капитала, какъ и принятые у большинства юристовъ основные три вида товариществъ.

Далѣе необходимо замѣтить, что акціонерное предпріятіе является *безличнымъ* или, точнѣе говоря, безъ самостоятельнаго юридическаго представительства единственно въ моментъ прекращенія существованія, или ликвидаціи; съ эпохи же перваго общаго собранія акціонеровъ и во все время своего существованія оно имѣетъ строго опредѣленное представительство, которое дѣйствуетъ отъ его лица. Измѣнчивость состава, или смѣна участниковъ не находится вовсе въ связи съ вопросомъ о его юридической личности, безъ которой акціонерное предпріятіе не могло бы имѣть ни правъ, ни обязанностей, а еще труднѣе было бы установить его отвѣтственность. Безгласность, или вѣрнѣе безименность, участія въ немъ, анонимный характеръ личнаго его состава, далеко еще не совпадаютъ съ безличностію самаго предпріятія. Во всякомъ случаѣ, воззрѣніе, на которое мы только что обратили вниманіе, можетъ почитаться вѣрнымъ отраженіемъ тѣхъ идей, которыми, безъ яснаго отчета руководствуется еще до сихъ поръ законодательство. Вотъ почему, съ провѣрки ихъ и должна начинаться всякая юридическая реформа, относящаяся до строя предпріятій, а также до того типа этого строя, который уже широко развился и продолжаетъ раз-

*) Сравнительное обозрѣніе акціонернаго законодательства главнѣйшихъ европейскихъ странъ, Спб. 1871 г., стр. 21.

виваться подъ названіемъ акціонерной компаніи. Конечно, чѣмъ радикальнѣе должна быть подобная реформа, тѣмъ болѣе, съ перваго взгляда, она и кажется затруднительною. Послѣднимъ обстоятельствомъ вполнѣ объясняется, почему въ подобныхъ случаяхъ законодатели склонны бываютъ къ безотчетнымъ обобщеніямъ и къ неумѣстному возведенію частнаго явленія въ общій принципъ. Такъ объяснительная записка, къ послѣднему проекту у насъ говоритъ какомъ то акціонерномъ принципѣ и его вліяніи на промышленность и торговлю, и полагаетъ (стр. 43): «что существованіе узаконеній прежде всего необходимо для успѣшнаго примѣненія къ дѣлу самаго акціонернаго принципа, который иначе лишился бы всякаго руководства, служащаго спасительнымъ тормазомъ противъ увлеченія страсти и произвола, и неминуемо утратилъ всякое къ себѣ довѣріе».

Очевидно, что возведши самую форму и складъ предпріятія въ принципъ, послѣдній въ видѣ *акціонернаго принципа*, долженъ былъ казаться необузданною силою, пагубному дѣйствію которой необходимо ставить преграды, причемъ для общества оплотомъ отъ нея можетъ явится одно недовѣріе, а выраженіемъ послѣдняго и долженъ служить законъ.

Но здоровыя явленія промышленной жизни пролагаютъ себѣ путь и доходятъ до упроченія, не смотря ни на какіе пробѣлы въ законодательствѣ; вотъ почему завѣреніе будто акціонерная компанія оставленная безъ законодательнаго руководства, неминуемо утратила бы къ себѣ всякое довѣріе, опровергается указаніемъ, что въ нѣкоторыхъ государствахъ, и между прочимъ въ Англіи, форма эта сложилась и проникла въ практику, въ видѣ особаго договора или контракта, за долго до изданія относящихся до нея правительственныхъ постановленій.

Конечно, нынѣшняя юриспруденція далека отъ того толкованія обязанностей государства, по которому необузданная акціонерная сила должна подлежать, въ общемъ правилѣ, полному запрету, такъ что изъ послѣдняго только могутъ быть сдѣланы исключенія, на основаніи особой каждый разъ оцѣнки частныхъ обстоятельствъ, безотлагательныхъ нуждъ, своеобразныхъ условій и признанной благонадежности лицъ. Въ тоже время, однако, она крайне нерѣшительно приступаетъ къ осуществленію того основаго начала экономической свободы, которое признано нашимъ законодательствомъ (ст. 202, 1 т. Св. Зак.) и которое, благодаря множеству послѣдующихъ постановленій, придавшихъ ему превратное развитіе, преданъ почти полному забвенію.

Приведенный законъ устанавливаетъ, что: «во всѣхъ министерствахъ, особливо же въ тѣхъ, коихъ предметомъ есть государственное хозяйство и общая промышленность, должно наблюдать, чтобы мѣрами излишняго надзора и многосложностью правилъ не стѣснить частной предпріимчивости. Истинные способы сего управленія должны состоять болѣе въ отвращеніи препятствій, нежели въ точномъ и понудительномъ предписаніи путей, коими должна шествовать промышленность. Здѣсь скорѣе найти и указать ихъ можетъ частная польза, нежели законъ».

Разрѣшенія на учрежденіе акціонерныхъ компаній, требуется еще только у насъ и въ Италіи. Между тѣмъ въ средѣ публики, благодаря системѣ предварительнаго разрѣшенія, преобладаетъ убѣжденіе, будто предпріятіе, одобренное властью, не смотря на оговорку закона (ст. 2142 Св. Зак. т. X 1 ч.), заслуживаетъ полнаго кредита, и такимъ образомъ самые несбыточные проекты, облеченные въ форму утвержденныхъ уставовъ, нерѣдко принимаются съ слѣпымъ довѣріемъ. Притомъ, послѣдующія неудачи подрываютъ успѣхъ однородныхъ предпріятій, на какихъ бы основательныхъ условіяхъ они ни предлагались. Другое важное неудобство системы предварительнаго разрѣшенія справедливо усмотрѣно коммиссіею въ томъ, что: «стремясь къ обстановкѣ акціонерныхъ обществъ сколько можно болѣе обезпечительными

условіями, каждое изъ вѣдомствъ, разсмотрѣнію коихъ подлежатъ ихъ уставы, вводитъ въ нихъ разныя правила, взятыя изъ практики и вполнѣ уважительныя, но притомъ отличныя отъ правилъ, вошедшихъ въ другіе уставы. Вслѣдствіе сего, уставы нашихъ акціонерныхъ обществъ представляютъ нынѣ репертуаръ самыхъ разнообразныхъ постановленій, тогда какъ по существу къ нимъ должны примѣняться общія, одинакія для всѣхъ принципы, съ нѣкоторыми только измѣненіями въ подробностяхъ».

«Наконецъ благодаря существующей системѣ, сложился постепенно такой порядокъ, что, при проектированіи уставовъ и учрежденіи новыхъ обществъ, главнымъ руководствомъ служатъ уже утвержденные уставы однородныхъ компаній (такъ все умножающіеся теперь земельные банки сколько съ первоначальнаго Харьковскаго), а общій законъ почти вовсе во вниманіе не принимается».

«Къ вышеозначеннымъ неудобствамъ, продолжаетъ объяснительная записка, состоящимъ въ мнимой гарантіи, вытекающей изъ правительственнаго разрѣшенія, и въ сбивчивости, причиняемой разнородностью правилъ, вмѣняемыхъ акціонернымъ обществамъ при соблюдаемомъ нынѣ порядкѣ ихъ учрежденія — присоединяются еще неизбѣжныя проволочки, стѣснительныя и убыточныя для промышленности... Даже небольшаго замедленія въ разрѣшеніи приступить къ обороту довольно, чтобы поставить промышленное дѣло въ неблагопріятныя условія и причинить ему нерѣдко совершенную неудачу... Чтобы судить о томъ, до какой степени устроители акціонерныхъ компаній тяготятся этою медленностью, довольно указать на ихъ хожденіе по разнымъ департаментамъ министерствъ и на ихъ вымогательства передъ должностными лицами, хотя и дѣлаемыя единственно для ускоренія дѣла, но часто получающія характеръ неблаговидный».

Въ силу всѣхъ представленныхъ соображеній, коммиссія пришла къ единогласному рѣшенію, что не представляется никакихъ существенныхъ препятствій для перехода, по примѣру Англіи, Франціи и Германіи, къ порядку актовому или явочному, основанному на оффиціальной регистратурѣ и на точномъ, неуклонномъ соблюденіи правилъ, въ законѣ установленныхъ. Одну только, но въ данномъ случаѣ существенно важную, оговорку сдѣлала коммиссія: она признала явочный порядокъ приложимымъ для большей части акціонерныхъ предпріятій, но не для всѣхъ.

Вѣроятно коммиссія, ради осуществленія преобразованія, сочла необходимымъ постановлять своеобразныя изъятія изъ общаго новаго порядка для тѣхъ родовъ акціонерныхъ обществъ, которыя, при соблюденіи общихъ до нихъ относящихся узаконеній, подлежали-бы еще предварительному разрѣшенію правительства (стр. 47). Въ такихъ видахъ объяснительная записка различаетъ двѣ категоріи предпріятій послѣдняго рода: 1) одни, по самому существу оборотовъ, могутъ возникать не иначе, какъ съ разрѣшенія правительства, вслѣдствіе сопровождающихъ ихъ преимуществъ, исключительныхъ правъ, или обязательствъ передъ казною; 2) другія-же, по мнѣнію коммиссіи, не *благовременно* (стр. 49) еще было-бы освобождать отъ правительственнаго утвержденія, имѣющаго относительно нихъ значеніе *весьма полезнаго предварительнаго контроля*.

Спрашивается, почему въ подобныхъ случаяхъ не требуется постояннаго контроля, а достаточно одного предварительнаго? И почему послѣдній вѣрнѣе осуществимъ, или надежнѣе достигаетъ своей цѣли, чѣмъ первый?

На эти вопросы объяснительная записка представляетъ весьма неубѣдительные отвѣты; она устрашилась превышенія складочнаго капитала полною суммою на обязательствъ въ кредитныхъ и страховыхъ предпріятіяхъ, а затѣмъ остановилась, безсо-

держательной и мнимо-научной теоремѣ, будто въ основаніи приведенныхъ промысловыхъ оборотовъ лежитъ личный кредитъ.

Тѣмъ не менѣе, она признаетъ (стр. 50), что все это до нѣкоторой степени могло бы быть опредѣлено общими нормальными правилами, собственно до основанныхъ на личномъ кредитѣ предпріятій относящимися; но, при разнообразіи ихъ видовъ и при недостаточной выработанности на практикѣ подлежащихъ рѣшенію вопросовъ, оказывается болѣе осторожнымъ удержать для сего рода предпріятій нынѣ существующіе порядки. Эти порядки слѣдующіе.

Промышленныя предпріятія у насъ, въ уставѣ торговомъ, разбираются по отношенію къ интересамъ одного торговаго класса, а потому тутъ говорится о полномъ товариществѣ, о товариществѣ по вѣрѣ и по вкладамъ. Св. Зак. Т. XI, ч. 2. г. III: о торговомъ товариществѣ. Ст. 750; обрядъ купеческихъ товариществъ двоякій: 1) товарищество полное; 2) товарищество на вѣрѣ.—751: Товарищество по участкамъ, или компанія на акціяхъ, допуская по существу своему участниковъ изъ всѣхъ состояній, не прямо принадлежитъ къ занятіямъ купечества. Правило о учрежденіи товариществъ по участкамъ или компаній на акціяхъ опредѣляются въ Законахъ Гражданскихъ.—Тамъ-же ст. 777 и 778.—Ст. 756: Товарищество полное составляется изъ двухъ или многихъ товарищей, положившихъ заедино *торговать* подъ общимъ названіемъ всѣхъ. Оно называется *торговомъ домомъ*, подъ ихъ именемъ.—Ст. 772: Товарищество на вѣрѣ составляется изъ одного или многихъ товарищей *одинаковой гильдіи*, пріобщеніемъ одного или многихъ вкладчиковъ, которые ввѣряютъ первымъ *для торга* извѣстныя суммы своихъ капиталовъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Оно называется *торговымъ домомъ*, подъ именемъ товарищей и компаніи... Ст. 773: Качество вкладчика не опредѣляетъ рода жизни. Но въ Сводѣ Законовъ Гражданскихъ (1 ч. X т.), соединеніе лицъ съ общею отвѣтственностію для осуществленія хозяйственныхъ цѣлей подведено подъ группу *обязательствъ по договорамъ на имущество въ особенности* (кн. IV разд. V) и различены три вида товарищескихъ договоровъ. Тамъ-же всѣ хозяйственныя общенія исключительно разсматриваются съ точки зрѣнія складыванія капиталовъ и образованія матеріальныхъ средствъ предпріятій (ст. 2126—2198). Св. Зак. Т. X, ст. 2,189. Просьбы о дозволеніи учредить компанію на акціяхъ поступаютъ на разсмотрѣніе *въ то министерство или Главное Управленіе, до котораго преимущественно предметъ компаніи относится.* Къ совокупному обсужденію приглашаются члены и изъ другихъ вѣдомствъ, *смотря по роду предпріятія.*—Примѣчаніе. Если по свойству предпріятія, для коего учреждается компанія, Министры и Главноуправляющіе особыми частями встрѣтятъ сомнѣніе, гдѣ именно просьба должна быть разсмотрѣна, то происшедшее о томъ разномысліе рѣшится комитетомъ министровъ.

Затѣмъ законодательство касается только частныхъ видовъ артелей. Взаимное-же ручательство и круговая отвѣтственность, на которыхъ построена и теперь еще вся система нашихъ прямыхъ налоговъ и крестьянскій общинный бытъ, встрѣчаются уже въ XI и XII столѣтіяхъ. По русской правдѣ для уплаты виры *складывались* въ общества и составлялись *дружины.* Затѣмъ въ послѣдующихъ юридическихъ памятникахъ встрѣчаются *складчины* и *ватаги*, состоявшія изъ *товарищей* (см. *Н. Калачова*: Артели въ древней и нынѣшней Россіи. С.-Петербургъ. 1864 г. стр. 3). Въ записи отъ 25 января 1654 г. (Акты относящіяся до юридическаго быта древней Россіи Т. I, № 111) въ первый разъ, на сколько извѣстно, товарищи называютъ себя *артелью*, а имущество и общее дѣло *артельнымъ*; по ней-же допускаются подручники и наймиты, требуются *заводныя*, вкушныя деньги, а *накладъ* разверстывается между товарищами поровну.

Но коренная наша артель, какъ хозяйственное соединеніе лицъ, экономическое общество *предпринимательскихъ личностей*, уступаетъ въ законодательствѣ эпохи реформъ, главное мѣсто товариществу по складыванію капитала — купеческимъ кумпанствамъ, заимствованнымъ съ запада. Такъ Петровскимъ указомъ отъ 18-го января 1712 г. постановлялось: «заводъ суконный размножить не въ одномъ мѣстѣ такъ, чтобы въ пять лѣтъ не покупать мундира заморскаго, и, именно, чтобъ не въ одномъ мѣстѣ завесть, а заведчи, дать *торговымъ людямъ*, собравъ *компанію*, буде волею не похотятъ, хотя въ неволю». (Пол. Собр. Зак., собр. 1-го, Т. IV, № 2467, пунктъ 6). Артель только съ XIX столѣтія проявляетъ свое существованіе въ законодательствѣ и то единственно до сихъ поръ въ отдѣльныхъ, частныхъ формахъ. Донесеніе с.-петербургской казенной палаты министру финансовъ отъ 1822 года говоритъ прямо, что «всѣ состоящія въ здѣшней столицѣ биржевыя артели, *не имѣя на сіе законнаго утвержденія*, существуютъ и занимаются промыслами по добровольному между собою условію». Эти артели являются по прежнему со *вкупомъ*, *вкупными деньгами*, или *новизною*, которыя для *новика* раздѣляются, ради легчайшей уплаты, на *передовыя* деньги и разсроченные на нѣсколько лѣтъ *вычеты*. Выходъ изъ артели сопряженъ съ возвратомъ вкупа и этотъ *выводъ* или эти *выводныя деньги* обыкновенно равняются одной трети *новизны*. *Дуванъ* дѣлится какъ въ древности *накладъ*. (Срав. *Ѳ. Тернеръ*: О рабочемъ классѣ. С.-Петербургъ. 1861 г.—*Тернера* и *Калачова* статья: «Артель» въ энциклопедическомъ лексиконѣ. — *Л. В.*: Артели рабочихъ для основанія фабрикъ или мастерскихъ (ассоціаціи). С.-Петербургъ. 1862). Въ Москвѣ эти биржевыя артели впервые упоминаются въ указѣ отъ 8-го апрѣля 1864 г. (Полн. Собр. Зак. Т. II № 1,072), а въ Петербургѣ старшая—Ярославская—возникла въ 1714 г.

Артели торговыя—офеней, коробочниковъ, ходебщиковъ, щепетильниковъ—имѣютъ не только форму соединенія лицъ за круговою порукою, но иногда и складчины капитала, т. е. складчики—*молодцы*, передаютъ различнаго размѣра вклады на распоряженіе *мірскому воротилѣ*, который съ помощію двухъ или трехъ *дядей*, закупаетъ товары и платитъ подати за всю артель, или *міръ*. Закупленный на чистыя деньги товаръ распредѣляется между молодцами пропорціонально ихъ вкладамъ; съѣхавшись по распродажѣ, міръ дѣлитъ на тѣхъ-же основаніяхъ и дуванъ, воротила и дядья получаютъ вдвое и втрое противъ молодцовъ (Труды податной коммиссіи. «Сводъ замѣчаній на проектъ патентныхъ пошлинъ». С.-Петербургъ. 1861. Стр. 189—200).

Общія законодательныя правила для устройства артелей, являются однако не ранѣе, какъ въ Уставѣ цеховъ отъ 12-го ноября 1799 г. (Полн. Собр. Зак., собр. 1-го Т. XXV, № 19,187). Эти-то правила вошли съ небольшими дополненіями, изданными въ 1823 г., въ разд. II, пятой книги Устава Торговаго, гдѣ въ ряду «торговыхъ установленій», между браковщиками (ст. 2346—2408) и маклерами (съ ст. 2422), говорится въ главѣ X: «о биржевыхъ артельщикахъ» (ст. 2409—2421).

Здѣсь «артели вообще» опредѣляются какъ «общества работниковъ, по добровольному между собою условію составленныя, для *отправленія службъ и работъ*, силамъ одного человѣка не соразмѣрныхъ». Записка-же въ рабочій и служебный цехъ людей, нанимающихся въ услуженіе и работы отмѣнена была еще 12-го февраля 1802 г. (Полн. Собр. Зак., собр. 1-го, Т. XXVII, № 20,143). Дозволенныя въ 1830 и 1831 гг. артели *штуровъ*, для нагрузки и выгрузки кораблей (Полн. Собр. Зак., собр. 2-го, Т. V, № 3,554; Т. VI, № 43,837; Т. VII, № 5,824), затѣмъ присоединены къ биржевымъ артелямъ (Св. Зак. Т. XI, Уст. Торг., ст. 2,421). Новѣйшій Сводъ Законовъ содержитъ постановленія о бурлацкихъ артеляхъ въ Устав путей сообщенія (Св.

Зак., изд. 1857 г. Т. XII, ч. 1, ст. 336 и слѣд.), по которому они находятся въ вѣдѣніи судоходныхъ расправъ (ст. 413—425).

Уставъ Горный (Св. Зак. Т. VII) вмѣняетъ, по положенію о частной золотопромышленности на казенныхъ земляхъ отъ 30-го апрѣля 1838 г. (Полн. Собр. Зак., собр. 2-го, Т. XIII, № 11,188. §§ 50—57), работникамъ въ обязанность заниматься артелями за круговою порукою. Послѣднія однако могутъ быть на мѣстѣ работъ раздѣлены или соединены предпринимателемъ, а затѣмъ члены наказываются за лѣнь, нетрезвость, игру и побѣгъ по словесному, устному приговору *артельной расправы*, состоящей изъ двухъ выборныхъ и старосты (Уст. Горный, ст. 2,496—2,503). Вообще-же во многихъ случаяхъ, артельное ручательство допускается закономъ вмѣсто залога. Такой смыслъ имѣютъ статьи 179—188, 258—268 и 419 Устава о соли (Св. Зак. Т. VII), Горнаго Устава ст. 2,486, Положенія отъ 8-го марта 1861 г. о горнозаводскомъ населеніи казенныхъ горныхъ заводовъ ст. 44 и 50, Правилъ о поручительствѣ по договорамъ съ казною ст. 1,563 и 1,564 (Св. Зак. Т. X, ч. 1) и примѣчанія къ нимъ.

Однако по отзыву В. П. Безобразова (Уральское горное хозяйство. С.-Петербургъ. 1869 г. стр. 75) горнозаводскія *товарищества*, призванныя во многихъ отношеніяхъ замѣнить для рабочихъ блага прежней административной опеки, принимаются очень туго.

Относительно единоличныхъ предпріятій въ большинствѣ случаевъ существуютъ отрывочные ремесленные и рабочіе уставы, которые пока нигдѣ не приведены въ связь съ законоположеніями о другихъ формахъ предпріятій. Понятно, что кустарныя предпріятія могутъ регулироваться семейнымъ правомъ, хотя въ послѣднемъ нужно бы обратить большее вниманіе на его экономическій оттѣнокъ. Строй единоличныхъ предпріятій подвергался юридической о хранѣ пока при разборѣ условій найма, отношеній учениковъ и подмастерьевъ къ хозяевамъ; законодательство о личномъ наймѣ составляетъ самостоятельную область; терминъ же единоличныя предпріятія даже не упоминается, точно также какъ не усвоено еще юриспруденціею вообще понятіе нормальное о предпріятіи (entreprise, Unternehmung).

Въ единоличномъ предпріятіи хозяинъ или мастеръ, по образцу своего прототипа отца семейства, несетъ и рискъ и отвѣтственность безгранично отвѣчаетъ всѣмъ своимъ имуществомъ, трудомъ будущимъ и даже личностью, если существуетъ личное задержаніе за долги. Онъ одинъ только является предпринимателемъ, а всѣ остальные труженики только наемные участники. Понятно, при такой неограниченной отвѣтственности и нераздѣльномъ рискѣ хозяинъ, или мастеръ не довѣритъ наемному труду ни предпріимчивости, ни оборотливости, а предоставитъ наемникамъ только исполнительныя работы и въ рѣдкихъ случаяхъ особеннымъ довѣреннымъ оборотливость. Фактически въ единоличномъ предпрі-

ятіи самъ предприниматель вѣдаетъ предпріимчивостью и оборотливостью и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ, если у него хватаетъ силъ и времени, онъ самъ раздѣляетъ работы съ рабочими, путемъ личнаго примѣра стремится дѣйствовать воспитательно на малолѣтнихъ и поучительно на взрослыхъ работниковъ. По указаннымъ обстоятельствамъ, единоличное предпріятіе никогда не можетъ разростись до значительныхъ размѣровъ, нельзя руководить безграничнымъ число наемныхъ рабочихъ и въ рѣдкихъ случаяхъ капиталъ отдѣльнаго лица бываетъ великъ, причемъ и большаго ссуднаго капитала, подъ единоличную отвѣтственность, трудно получить въ займы. Въ общемъ правилѣ единоличныя предпріятія приложимы къ тѣмъ только производствамъ, которыя большихъ размѣровъ и не требуютъ, гдѣ успѣхъ въ выдѣлкѣ издѣлій обратно пропорціоналенъ производимому количеству, гдѣ доброкачественность зависитъ отъ надежной оборотливости и отъ малаго размѣра производства; гдѣ требуется сосредоточенность предпріимчивости, въ прилаженіи оборота къ спросу, особенно сильной централизаціи въ надзорѣ за затратами и исполненіемъ, въ оборотливости, гдѣ требуется измѣнять направленіе оборотовъ часто и быстро, гдѣ всякое дѣйствіе должно быть умѣло вполнѣ принаровлено къ временнымъ, моментальнымъ условіямъ, гдѣ всякій часъ промедленія можетъ грозить ущербомъ и гибѣлью предпріятію, какъ подтверждаетъ англійскій афоризмъ—time is money—тамъ нужна нераздѣльная, безграничная власть самоличнаго предпринимателя.

Вотъ почему, въ торговомъ дѣлѣ единоличныя предпріятія наиболѣе успѣваютъ: смѣлѣе и лучше всего торгуетъ купецъ, затруднительнѣе уже товарищество и хуже всего акціонерная компанія. Примѣръ Голландской и Англійской Индійскихъ компаніи и даже Ганзейскаго союза можетъ служить подтвержденіемъ этого положенія. Эти торговыя товарищества процвѣли и держались только разными, даже политическими привиллегіями. До тѣхъ поръ, пока сѣверная Америка состояла на и правахъ колоніи, торговля Англіи съ нею производилась компаніями и казною и была неудовлетворительна, но когда въ 1775 г. Америка отдѣлилась и торговля перешла къ частнымъ предпринимателямъ, торговые обороты между этими странами значительно увеличились, несмотря на уничтоженіе всѣхъ торговыхъ привиллегій въ пользу Англіи. Указанный разрядъ производствъ, въ опредѣленныхъ гра-

ницахъ, и соотвѣствуетъ тѣмъ условіямъ, которыми характеризуется единоличный строй. Подобно кустарному промыслу, и единоличное предпріятіе имѣетъ свою опредѣленную сферу оборотовъ, равно какъ далѣе: товарищества, артели и компаніи, т. е. сложныя и складочныя предпріятія располагаютъ своею неотъемлемою областію производствъ.

Разница основная между единоличнымъ предпріятіемъ и сложными, составными или складочными, состоитъ въ соразмѣреніи риска и отвѣтственности. Въ послѣднихъ рискъ и отвѣтственность и дробятся, и ложатся порознь либо на трудъ, либо на капиталъ, да еще въ разной степени. Одинъ крайній типъ этой организаціи получается, когда вся отвѣтственность ложится только на трудъ, отсюда является артель, а противоположность послѣдней, когда рискъ и отвѣтственность ложатся только на капиталъ—акціонерная компанія. Между ними распредѣляются, на основаніи усвоеннаго нами признака: товарищество полное, товарищество на вѣрѣ или командитное общество и товарищество командитное на акціяхъ.

§ 49. Артель, какъ предпіятіе, построенное на одномъ соединеніи труда.

Артель, въ теоріи, та форма предпріятія, въ которой рискъ и отвѣтственность ложатся исключительно на представителей труда, она союзъ тружениковъ, соединившихся для извѣстнаго производства, или хозяйственнаго оборота. Если ея члены въ состояніи своими трудовыми усиліями обезпечить заключенныя обязательства, то на нихъ ложится отвѣтственность передъ третьими лицами. Безкапитальные труженики образуютъ артель потому, что за отсутствіемъ капитала открывать единоличное предпріятіе имъ недоступно; къ тому вѣра въ трудоспособность отдѣльнаго лица порознь обыкновенно недостаточно сильна, чтобы доставить ему въ ссуду чужой капиталъ, и только круговая трудоспособность нѣсколькихъ лицъ можетъ на послѣдній случай считаться порукою уплаты. Чѣмъ болѣе соединяется тружениковъ, конечно до извѣстныхъ предѣловъ, тѣмъ легче имъ добыть въ долгъ капиталъ. Но артель можетъ заключать только ограниченное число членовъ, сколько другъ за друга

нормально и добросовѣстно могутъ принять круговую поруку, если же масса участниковъ перейдетъ за этотъ предѣлъ, то тѣмъ нарушено экономическое основаніе артели—непоколебимость поруки.

Для различныхъ оборотовъ и производствъ послѣднее число бываетъ различно, но общее требованіе то, чтобы члены артели достаточно знали другъ друга, чтобы взаимнымъ признаніемъ гарантировалось общая трудоспособность, чтобы всѣмъ возможно было стоять за каждаго и каждому за всѣхъ, слѣдить за правильностію дѣйствій взаимно и отвѣчать другъ за друга круговою порукою. Такъ какъ, именно личное сплоченіе въ артели даетъ возможность получить ссудный капиталъ, то отвѣтственность должна быть полная, безграничная. Сама собою артель связывается круговою порукою, иначе она не имѣетъ смысла.

Стало быть, существенными признаками артели служатъ, что отвѣтственность прямо лежитъ исключительно на трудѣ, отвѣтственность полная, неограниченная для всѣхъ, или круговая порука, а рискъ распредѣлительный, соразмѣрно трудоспособности и по паевоему участію, которыя вводятся въ счетъ на однообразныхъ началахъ.

Относительно отдѣльныхъ элементовъ въ строѣ артели понятно, что такъ какъ она возникаетъ изъ соединенія трудоспособныхъ участниковъ, то никакой разрядъ трудовъ по данному промыслу не можетъ находиться въ рукахъ наемныхъ участниковъ, а дѣятелями въ артели должны быть предпринимати. Если трудоспособность отдѣльнаго артельщика уничтожается, то ему нѣтъ мѣста въ артели, онъ болѣе не можетъ отвѣчать своимъ трудомъ. По этому, предпріимчивость, оборотливость и исполнительность въ артели должны вѣдаться самими артельщиками; а тѣ артели, въ которыхъ существуютъ наемные рабочіе, представляютъ уклоненіе; таковы наши биржевыя артели. Если опредѣлять артель на основаніи изученія послѣднихъ, то окажется, что артель—соединеніе лицъ, располагающихся вкупами, заводными вкладами, или соединеніе мелкихъ капиталистовъ. Такого опредѣленія артели держится Калачовъ. Но биржевая артель уклонилась къ цеховымъ порядкамъ; нельзя вступить не вкупившись, или не женившись на дочери, вдовѣ и т. п. артельщика, какъ было нѣкогда въ цехахъ и въ гильдіяхъ. Биржевая артель есть не болѣе какъ соединеніе лицъ, обезпечивающихъ круговою порукою исполненіе принятыхъ

обязательствъ, сохранность довѣренныхъ цѣнностей: почему обезпеченіе трудомъ оказалось бы недостаточнымъ, необходимъ залоговой капиталъ.

Въ чистомъ видѣ самостоятельнаго хозяйственнаго предпріятія, или настоящая артель обезпечиваетъ исполненіе оборотовъ и производствъ, и обязательства по нимъ не капиталомъ, а трудомъ. Именно, по довольно вѣрному опредѣленію нашего свода законовъ, артель есть соединеніе тружениковъ для исполненія работъ, силы одного человѣка превышающихъ. Конечно, выраженіе «работъ, силы отдѣльнаго человѣка превышающихъ» нѣсколько неопредѣленно, оно, съ одной стороны, какъ будто имѣетъ въ виду исключительно наемъ въ работу къ другому предпріятію, а, съ другой стороны, сюда можетъ относиться и международное сотрудничество между лицами, другъ друга вовсе не знающими. Биржевыя и рабочія артели у насъ ничто иное, какъ складчины для предъявленія залоговъ, для образованія запаснаго капитала, чтобы подъ обезпеченіе послѣдняго имъ довѣрялись товары, или пользованіе орудіями.

Вообще, у насъ привыкли въ народѣ всякое предпріятіе, какой бы нибыло формы, называть артелью, такъ говорятъ о мастерѣ, что онъ работаетъ артелью, если у него нѣсколько наемныхъ работниковъ, а это собственно единоличное предпріятіе.

Артели, тѣмъ не менѣе, и въ нормальномъ видѣ у насъ издавна существуетъ. Удѣльный періодъ ихъ знаетъ подъ названіемъ *дружинъ*, хотя и въ это время всякое соединеніе за круговою порукою называлось дружиною, напр. для уплаты виры родственники складывались въ дружину. Впослѣдствіи встрѣчаются *братчины*, *пиры* и *ватаги*, а названіе *артель* является уже гораздо позже *). Откуда произошло слово артель, достовѣрно неизвѣстно, но по моему мнѣнію, оно заимствовано чрезъ Новгородъ отъ Ганзейцевъ. На западѣ артель—Genossenschaft—первоначально явилась какъ соединеніе лицъ, обезпечивающихъ другъ другу пропитаніе, такъ нѣмецкій цехъ означаетъ собственно пропитаніе (Zeche und Nahrung); эта современная наша еще такъ называемая харчевая артель, или стряпуха; т. е. потребительная артель и есть первоначальный цехъ. Такой же смыслъ имѣетъ скандинавское слово гильдія (guild), и она гаринтировала прокормленіе.

*) Срв. *А. Н. Поповъ*, пиры и братчины, въ Арх. ист. юрид. свѣдѣній относящихся до Россіи, II, 2.

Профессоръ Э. Вреденъ.

Типографія и литографія Кн. Оболенскаго, уголъ Николаевск. и Стрем. № 3—22.

Впослѣдствіи уже онѣ пріобрѣтаютъ значеніе предпріятій, т. е. договорнаго союза лицъ, которыя на извѣстное время остаются вмѣстѣ для исполненія оборотовъ, промысловъ, или устраиваютъ постоянное производство. Ганзейскіе торговцы, въ отличіе отъ цеховыхъ ремесленниковъ, употребляли особыя термины для обозначенія соединенія лицъ торговыхъ, напр. является названіе товарищъ, compagnon, Freund, другъ. Даже до сихъ поръ есть привычка называть лицъ и фирмы, съ которыми давно торгуютъ, своими родственниками (Handelsanverwandter), не только торговыми друзьями Geschäftsfreund. Затѣмъ, соединенное предпріятіе называлось и Freundschaft и Antheilschaft, первый терминъ находитъ какъ бы себѣ отголосокъ въ нашей удѣльной дружинѣ, а второй—Antheil, сохранился, измѣненный, вѣроятно въ артели. Въ первый разъ, это слово употребляется у насъ послѣ времени покоренія Новгорода царемъ московскимъ.

До сихъ поръ, изъ производительныхъ, у насъ распространены особенно рыболовныя артели, на Бѣломъ морѣ, по озерамъ и устьямъ Невы, Днѣстра и Днѣпра *). Эти артели большею частью не въ состояніи добыть сами лодку, снасти и припасы, а потому въ приведенномъ видѣ капиталъ ссужаютъ, напр. Соловецкій монастырь, или частные предприниматели, хозяева; за это артельщики обязаны отдавать капиталисту часть улова, обыкновенно отъ половины до $^3/_4$, почему и называются половниками. Полученный артелью капиталъ обыкновенно оцѣнивается на деньги и передъ началомъ лова артель условливается съ капиталистомъ, по какой цѣнѣ онъ принимаетъ звѣря, или рыбу. Остальныя доли дувана идутъ въ дѣло между артельщиками, но неравномѣрно, напр. распорядитель артелью, кормчій, ватаманъ, мірской воротило получаетъ 3 пая или 2, старшіе получаютъ 1—$1^1/_2$ доли, а молодцы, сподручники меньше.

Соединеніе въ артель имѣетъ первоначально цѣлью получить ссудный капиталъ, но конечною цѣлью артели должно быть образованіе собственнаго. Поэтому развитіе бережливости составляетъ вторую задачу артели. Вслѣдствіе этого, обыкновенно, изъ общаго дохода отдѣляется часть въ артельный капиталъ. Впрочемъ это

*) Срв. Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ Россіи, изд. С.-Петербургскаго отд. комитета о сельскихъ ссудосб. и промышл. товариществахъ. Выпускъ I, 1873 г., выпускъ II, 1874 г.

правило теряетъ силу, если артели составляются на одинъ сезонъ, на одинъ оборотъ, а потомъ расходятся и связь артельщиковъ прекращается. Но если артель постоянная, то долженъ быть и запасный капиталъ, хотя и другаго назначенія, чѣмъ въ биржевыхъ артеляхъ.

Правильная организація артели требуетъ, чтобы вступающій въ нее вносилъ самый ничтожный заводъ или вкупъ, который могъ бы побуждать только къ дальнѣйшему взносу пая по мѣрѣ заработка, иначе будетъ загражденъ доступъ въ артель именно труженикамъ несостоятельнымъ, что и практикуется въ нашихъ биржевыхъ артеляхъ.

Въ артели несомнѣнно можетъ существовать только одинъ разрядъ трудовъ, именно предпринимательскіе труды съ рискомъ и отвѣтственностью. Артель съ наемнымъ трудомъ представляетъ уклоненіе; хотя конечно въ видѣ исключенія и наемный трудъ можетъ быть допущенъ въ артели. Затѣмъ, при рискѣ и отвѣтственности, предпріимчивость, оборотливость и исполненіе ведутся самими артельщиками, при чемъ рискъ долженъ быть распредѣленный и равномѣрный для всѣхъ. Рискъ и барышъ долженъ согласоваться съ различіемъ паевыхъ взносовъ и владовъ членовъ артели. Вотъ почему взносы, вкупы имѣютъ основною своею цѣлью развитіе бережливости въ артельной средѣ и созданіе артельнаго капитала. Эти паи должны быть не только малы, но и взносъ ихъ разсроченъ, такъ чтобы никто не затруднялся вступить въ артель. Паи неизбѣжно должны опредѣляться по одинаковому размѣру, причемъ, конечно, возможно допустить разомъ взносъ всего пая, но равенство дѣйствительное относиться къ тому крайнему предѣлу, выше котораго не долженъ возростать отдѣльный пай кого-либо изъ артельщиковъ. Для тѣхъ оборотовъ, которые требуютъ непремѣнно наличности извѣстнаго капитала, напр. кредитная артель, которая существенна для класса промышленниковъ, которые не обладаютъ достаточнымъ оборотомъ чтобы надѣляться кредитомъ въ другой формѣ—способы образованія основнаго капитала допускаютъ извѣстныя видоизмѣненія.

Естественно, что въ такомъ случаѣ паи принимаютъ иногда большіе размѣры, а въ зависимости отъ послѣдняго обстоятельства рождается вопросъ о распредѣлительномъ рискѣ. Вопросъ этотъ долженъ рѣшиться на основаніи соображеній съ тою средою, въ

которой возникаютъ кредитныя артели, и съ тѣмъ составомъ лицъ, которыя образуютъ подобную артель. Если и въ кредитной артели члены оказываются безкапитальными, то равенство паевъ и риска только и должно быть, если же артельщики оказываются капитальными лицами (какъ въ городскихъ обществахъ взаимнаго кредита), то рискъ можетъ быть распредѣлительный и паи могутъ быть различны. Соотвѣтственно этому различію въ рискѣ и паяхъ, естественно отвѣтственность порознь также разнообразится. Во всякомъ случаѣ въ артели, какъ въ плотномъ соединеніи лицъ, отвѣтственность должна быть круговая, одинаковыя для всѣхъ, хотя или полная, или ограниченная. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда безкапитальныя личности составляютъ артель, гораздо нормальнѣе ввести отвѣтственность безграничную для всѣхъ, хотя бы въ состоятельности отдѣльныхъ лицъ была разница, такъ чтобы отвѣчали всѣ за каждаго и каждый за всѣхъ, полную круговую поруку. Иски должны быть обращаемы къ цѣлой артели, она уже разверстываетъ платежъ между своими членами, и въ случаѣ несостоятельности нѣкоторыхъ членовъ, платежъ переложится на остальныхъ, пока не истощится имущество послѣдняго изъ нихъ.

Такъ какъ каждый членъ артели несетъ за круговою порукою рискъ и отвѣтственность, то можно участвовать только въ одной артели по однородному предпріятію, иначе пришлось бы допускать осуществимость, рядомъ съ круговою отвѣтственностью, еще и другой.

Въ тѣхъ артеляхъ, гдѣ рискъ распредѣлительный, гдѣ паи различны, гдѣ слѣдовательно одни участвуютъ съ большими капитальными долями, а другіе съ меньшими, понятно, что большія доли получаютъ и больше прибыли, равно какъ въ случаѣ убытка они больше и теряютъ; въ этомъ случаѣ, естественно, и круговая порука можетъ различно ложиться на членовъ артели: она можетъ быть приведена въ соотвѣтствіе только съ паями, она можетъ установиться такъ, что отвѣчаютъ всѣ за каждаго и каждый за всѣхъ— но въ размѣрѣ, равняющемся десять разъ взятому паю. При различіи паевъ, при распредѣлительномъ рискѣ, очевидно получится для каждаго порознь и различная круговая отвѣтственность, напр. если пай одного лица въ 300 руб., другаго въ 3000, а третьяго въ 30,000, то и удесятеренная отвѣтственность ихъ различна.

Третья категорія условій, имѣющихъ вліяніе на строй предпріятій—это элементъ капитальный. Онъ въ артели первоначально

является элементомъ какъ бы внѣшнимъ. По идеѣ въ артели нѣтъ капитала, хотя конечно это зависитъ отъ характера оборотовъ, но вообще можно сказать, что главная масса капитала въ ней ссудный капиталъ; собственный же ростетъ по мѣрѣ процвѣтанія дѣлъ артели. Создать свой собственный капиталъ артель обязана, потому что она должна вывести постепенно своихъ членовъ изъ того положенія, въ зависимости отъ котораго она возникла первоначально. Потому то она не можетъ не вмѣнить каждому члену сдѣлаться самостоятельнымъ предпринимателемъ, и должна доставить средства достигнуть этого путемъ сбереженія и накопленія капитала.

По этому, артель служитъ какъ бы школою бережливости и добросовѣстности въ трудѣ. Вслѣдствіе круговой поруки каждаго за всѣхъ и всѣхъ за каждаго, члены артели весьма зорко слѣдятъ въ работѣ другъ за другомъ. По случаю же такого взаимнаго наблюденія другъ за другомъ, артель не нуждается ни въ какихъ добавочныхъ расходахъ на наемъ управляющихъ и надзирателей.

Всякая артель, ведущая свои обороты въ разрѣзъ съ этими требованіями, не достигаетъ цѣли и всѣ артели, возникавшія искусственно, опекаемыя разными патронами, желающими прослыть передовыми людьми, шли вяло и наконецъ распадались: въ нихъ нѣтъ дѣйствительности въ надзорѣ членовъ другъ за другомъ, а покровители, всегда могущіе ссудить деньги, далеко не всегда оказывались способными дѣйствительно направить дѣло. Вотъ почему, иногда цѣлый разрядъ артелей не удаются, такъ наши потребительныя артели, возникшія изъ одного подражанія и созданныя людьми, нисколько не заинтересованными въ какомъ нибудь копеечномъ удешевленіи жизненныхъ припасовъ. Случалось нерѣдко, что члены потребительныхъ обществъ не только не принимали никакого участія въ оборотахъ, но не являлись даже въ общія собранія, а при такомъ отношеніи къ дѣлу никакое предпріятіе не можетъ идти успѣшно. Въ силу подобныхъ же причинъ въ Германіи развиваются кредитныя и потребительныя, а производительныя артели до сихъ поръ не имѣютъ успѣха; *) а въ Англіи потребительныя

*) *S. Engländer*, Geschichte der französichen Arbeiterassociationen. Hamb. 1864 T. IV, стр. 154, Ч. III стр. 3 и *сл.*

J. Gerstner, Vergleichende Darstellung des Schultze-Delitzschen Systems und der Lassaléschen Ideen. Würzburg 1866. стр. 8 и 12. Срв. *F. Lassalle*. Herr Bastiat-Schultze von Delitzsch der ökonomische Julian, oder Ca-

артели идутъ также лучше производительныхъ, но кредитныхъ нѣтъ. Во Франціи, правда, производительныя пошли было хорошо, но они стояли въ связзи съ политическими партіями и упразднены. Артели не выносятъ никакого посторонняго вмѣшательства; при посредствѣ патроната онѣ быстро возникаютъ, но не менѣе быстро и исчезаютъ. Артель прочно существуетъ только тогда, когда является школою самообразованія въ добросовѣстномъ трудѣ и бережливости, приготовляющею будущихъ самостоятельныхъ единоличныхъ предпринимателей. При этомъ, бережливость не должна основываться на большихъ взносахъ, вкупахъ, паяхъ, и т. д. это противорѣчитъ опять таки основной задачѣ артели. Если бы онѣ имѣли цѣлью безграничное приращеніе средствъ артельщиковъ, тогда понятно, этотъ ростъ задерживался бы каждымъ новымъ членомъ, вступившимъ безъ капитала, тогда каждый членъ долженъ былъ бы быть вполнѣ равно качественнымъ съ наличными членами артели, и съ каждаго новика пришлось бы требовать вкупъ, равный паю, или доли артельнаго капитала, какая причитается на каждаго члена порознь. Артель же имѣетъ цѣлью, путемъ соединенія за круговою порукою, доставить возможность лицамъ, не обладающимъ еще капиталомъ, пріобрѣсть случай и средства къ труду и доходу. Въ виду такой цѣли всякій трудоспособный долженъ быть принятъ на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ приняты всѣ первоначально вступившія въ артель лица. Артель имѣетъ еще только приготовить единоличныхъ, добрыхъ, предпринимателей относительно труда и капитала, а потому, если на отдѣльныхъ членовъ причитываются уже значительные паи, послѣдніе могутъ выходить и сдѣлаться самостоятельными производителями. Конечно, предѣльный размѣръ этой, настоя-

---

pital und Arbeit, Berlin 1864. стр. 98. Die *vorgethane Arbeit* das *Capital, erdrückt* bei einer der *Theilung der Arbeit* nnd unter dem Gesetze der *«freien Concurenz»* und der *«Selbsthülfe»* producirenden Gesellschcaft die *lebendige Arbeit. Die* eigenen *Producte seiner Arbeit erwürgen den Arbeiter, seine Arbeit von gestern steht wider ihn auf, schlägt ihn zu Boden und raubt ihm seinen Arbeitsertrag von heute».*

Schultze-Delitzsch: die Abschaffung des geschäftlichen Risico durch Herrn Lassalle. Berlin 1866. стр. 47 Срв. его же, Die Vorschnssvereine und die Productivgenossenschaften. Berlin 1865.

Ludolf Parisius (Gardelegen), das preussische Gesetz betreffend die privatrechtliche Stellung der Erwerbs und Wirthschaftsgenossenschaften vom 27 märtz 1867. Berlin 1868. Einleitung. V—XLVIII: die Anfänge der deut. schen Genossenschaften.

щей выводной, суммы не можетъ быть точно опредѣленъ: одинъ меньше полагается на свои силы, и потому нуждается въ большемъ капиталѣ для начатія предпріятія, а другой больше: а затѣмъ родъ спеціальныхъ оборотовъ вліяетъ на основной капиталъ, потребный для начатія производства; слѣдовательно, при опредѣленіи размѣра паевыхъ взносовъ должно имѣть въ виду только два обстоятельства: безкапитальность лицъ, вступающихъ въ артель, и сумму основныхъ расходовъ, которые придется произвесть прежде, чѣмъ артель добудетъ ссудный капиталъ. Если же возможно будетъ заключить, такъ называемый первоначальный или основной, заемъ предъ началомъ оборотовъ артели, то размѣръ паеваго взноса въ видѣ одного облегченія, можетъ быть льготно разсроченъ. Затѣмъ необходимо въ артели помнить, что возможное равенство между членами не должно мѣшать индивидуальнымъ успѣхамъ, по этому необходимо доставить желающимъ случаи болѣе быстраго накопленія капитала, чѣмъ одними послѣдними, т. е. дѣлать взносы сверхъ послѣднихъ еще въ видѣ вкладовъ. Если паи могутъ быть и безвозвратными, то вклады никогда подобному условію подлежать не должны, равно какъ на вклады не можетъ распространяться круговая порука—тотчасъ послѣ паевъ, или порознь отъ прочаго имущества артельщиковъ.

Въ артели предпринимательскій капиталъ является въ трехъ видахъ: въ видѣ капитала основнаго, расходнаго и запаснаго. Весьма полезно для артели, если основной ея капиталъ можетъ составиться изъ паевъ; если же нѣтъ, то необходимо занять его, является такъ называемый основной заемъ. Раціональнымъ займомъ является уже безпроцентный и есть возможность экономически оправдывать содѣйствіе артелямъ при полученіи основнаго капитала со стороны земствъ, городскихъ общинъ и казны. Въ этомъ случаѣ правительственное, или вообще общественное содѣйствіе неизбѣжно необходимо, безъ всякаго подрыва прямой цѣли частныхъ предпріятій, это одинъ изъ тѣхъ случаевъ гармоніи государственной поддержки съ частною инпціативою, къ полному раскрытію которыхъ стремятся соціалполитики. Здѣсь нельзя говорить о благотворительности, такъ какъ основной заемъ всегда возвратный, притомъ онъ является не больше какъ должнымъ содѣйствіемъ общества изъ податныхъ средствъ въ пользу дальнѣйшаго развитія средствъ у наименѣе состоятельныхъ плательщиковъ.

Расходный капиталъ рѣдко составляется изъ паевъ, а къ нему легко, по мѣрѣ необходимости, привлекается ссудный капиталъ, или же оборотный расходъ, если онъ не великъ, производится изъ паеваго капитала и вкладовъ, которые конечно представляются только частною формою дробныхъ займовъ.

Что касаятся запаснаго капитала, то онъ тѣмъ необходимѣе, чѣмъ ничтожнѣе капитальная общая состоятельность артели. Запасный капиталъ въ артели долженъ облегчить поруку, и величина его должна опредѣляться среднимъ рискомъ. Въ другихъ предпріятіяхъ, можетъ быть, не слѣдуетъ отчислять въ запасный капиталъ больше, чѣмъ такую сумму, которою покрывается самый благопріятный рискъ, такъ какъ въ случаѣ крайности можно взять часть изъ основнаго и расходнаго капитала, сокративъ оборотъ и издержки, тѣмъ болѣе, если основной предпринимательскій капиталъ весьма значителенъ, какъ это бываетъ въ акціонерныхъ компаніяхъ. Въ артельной формѣ предпріятій основной же капиталъ сплошь и рядомъ бываетъ заемный, т. е. является величиною отрицательною, а потому капиталъ запасный долженъ наивозможно скорѣе стать положительной величиною и уравновѣсить собою тягость перваго. Сократить же оборотъ и заимствовать изъ расходнаго, значитъ артельщиковъ лишить заработковъ и средствъ къ жизни. Вотъ почему, въ артели запасный капиталъ неизбѣжно долженъ быть разсчитанъ на самые невыгодные шансы, или по наибольшему, въ данномъ производствѣ возможному, риску.

Далѣе рождается вопросъ о принадлежности запаснаго капитала. Во всякомъ другомъ предпріятіи всякій входящій членъ, вступая съ опредѣленнымъ капитальнымъ взносомъ, по мѣрѣ возростанія оборотовъ долженъ быть въ выигришѣ на возвышеніи рыночной цѣны своего первоначальнаго пая, послѣдній онъ при выходѣ можетъ продать, вообще каждому члену причитается изъ всѣхъ видовъ капитала соотвѣтственная доля. Въ артельныхъ же предпріятіяхъ вообще не слѣдуетъ дѣлать большихъ выдачъ изъ чистаго дохода, а гораздо нормальнѣе всякій барышъ, не выдавая его на руки, причислять на пай, а наибольшую ихъ долю обратить въ запасный капиталъ; а потому возростаніе оборотовъ преимущественно принесетъ пользу занасному капиталу. Въ другихъ предпріятіяхъ выходъ членовъ происходитъ различно, напр. въ полномъ товариществѣ ликвидируются дѣла всего предпріятія, въ акціонерномъ только отчуж-

даетъ свои акціи выходящій членъ. Но въ артели личная связь между членами совершенно иная и рождается вопросъ: слѣдуетъ-ли соотвѣтственную долю изъ запаснаго капитала выдавать выходящему члену, или же ограничиться однимъ возвратомъ пая? Такъ какъ запасный капиталъ ростетъ, благодаря соединеннымъ усиліямъ всей артели, и какъ накопленіе такого капитала недоступно усиліямъ отдѣльныхъ лицъ, вообще артельный запасный капиталъ есть продуктъ соединенія, то отдѣльные артельщики не имѣютъ права на какія-либо доли запаснаго капитала. Конечно, относительно него необходимо замѣтить, что онъ совпадаетъ съ рискомъ въ предпріятіи, а данное предпріятіе можетъ вести не одинъ оборотъ, а нѣсколько съ неодинаковыми шансами риска, почему и запасный капиталъ для каждой группы оборотовъ долженъ быть особый, или вообще различенъ: именно тѣмъ большій, чѣмъ значительнѣе рискъ отдѣльнаго оборота. Понятно, не всѣ артельщики, смотря по роду предпріятія, въ одинаковой степени будутъ участвовать въ отдѣльныхъ оборотахъ: одни будутъ пользоваться преимущественно одними оборотами, а другіе другими. А если наростаетъ запасный капиталъ, то размѣръ его опредѣляется всегда размѣромъ прибылей съ оборота, т. е. чѣмъ больше въ данномъ оборотѣ участвуетъ лицо и, слѣдовательно, чѣмъ на большую сумму данное лицо ведетъ обороты, чѣмъ большее содѣйствіе оно оказываетъ въ накопленіи запаснаго капитала. Если, напримѣръ, какъ это и дѣлается въ обществахъ взаимнаго кредита за послѣдніе 5 лѣтъ, въ ссудной операціи ведется учетный оборотъ, ссуда подъ векселя, то въ обогащеніи имъ участвуютъ главнымъ образомъ тѣ изъ артельщиковъ, которые учитываютъ самые крупные векселя, или въ большемъ числѣ, чѣмъ остальные; а потому является возможность обратить артельный запасный капиталъ въ личный, по счету отдѣльныхъ участниковъ, и въ такомъ случаѣ запасные начеты съ лицъ должны подлежать выдачѣ обратной. Во всѣхъ же тѣхъ случаяхъ, когда запасный капиталъ долженъ оставаться нераздѣльнымъ, онъ и принадлежитъ нераздѣльно всей артели.

Что касается вообще до отношенія ссуднаго капитала къ собственному, въ составѣ предпринимательскаго, то мы указали уже, что въ артели первый сполна можетъ образовать основной и въ значительной степени расходный капиталъ; запасный же немыслимо составлять путемъ займа, это значило бы принять на себя вѣрный

расходъ въ процентномъ платежѣ, для отраженія возможнаго убытка. Вообще же, отношеніе артели къ ссудному капиталу существенно иное, чѣмъ другихъ видовъ предпріятій; артель представляетъ средство борьбы изъ за хозяйственной несостоятельности членовъ, слѣдовательно на первомъ планѣ должно стоять пріобрѣтеніе имущественной обстановки, для наиболѣе прибыльнаго проявленія своихъ трудовыхъ усилій, а въ большихъ барышахъ, а соотвѣтственно и капиталахъ, артель и не нуждается. Когда же на долю отдѣльнаго члена наростетъ значительная паявая и вкладная сумма, то онъ выходитъ, чтобы становиться единоличнымъ предпринимателямъ; поэтому далѣе извѣстнаго уровня обороты артели не могутъ расширяться, но и заемы бываютъ ограниченные и сравнительно малые. Въ тоже время, размѣръ займа соотвѣтствуетъ всегда силѣ довѣрія и основывается на имуществѣ, а артель обладаетъ не многимъ и довѣріе къ ней не можетъ быть велико, даже основной заемъ только и возможно пріобрѣтать отъ какой либо общественной сферы и въ рѣдкихъ случаяхъ найдутся лица, пожелающія рисковать своимъ частнымъ капиталомъ. Сверхъ того, артель не имѣетъ выгоды дѣлать большихъ займовъ и платить большую сумму процентовъ, вообще артель состоитъ изъ ограниченнаго числа лицъ и капиталъ ея долженъ быть ограниченный; иначе артель своими наличными трудовыми силами не въ состояніи будетъ какъ слѣдуетъ утилизировать капиталъ; а довѣрять обороты артельные наемнымъ труженикамъ, при круговой порукѣ, опасно. Конечно, артель иногда состоитъ изъ большаго числа членовъ по случаю того, что довѣряютъ ея воротилѣ или правленію, но это исключеніе. Артельщики, понятно, тѣмъ больше получаютъ надѣловъ, чѣмъ меньше придется платитъ процентовъ по займамъ, слѣдовательно прямая выгода артельщиковъ состоитъ въ незначительности послѣднихъ. Со временемъ и въ артели долженъ преобладать собственный капиталъ, а ссудный нуженъ только въ началѣ, какъ основной, но не какъ оборотный, и въ интересѣ артели ослабить и даже уничтожить этотъ отрицательный элементъ въ предпринимательскомъ общемъ капиталѣ.

Таковы основныя условія строя артельныхъ предпріятій. Остается указать тѣ производства и обороты, которые составляютъ нормальную сферу дѣйствія артели. Нельзя опредѣлить точно нормальную область предпріятій, послѣдняя мѣняется и по каждому разряду

производствъ и для того же производства, смотря по времени и средѣ, въ которыхъ они совершаются; что нормально въ одной средѣ, то невозможно въ другой, у другаго народа, при другомъ общемъ уровнѣ хозяйства, а у одного и того же народа въ различныя историческія эпохи. Форма предпріятій въ однородныхъ и тождественныхъ отрасляхъ промышленности и сферахъ хозяйства неминуемо мѣняется. Позволительно сдѣлать только указанія по существу. Артель нормальна во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ требуется особенно добросовѣстный, честный трудъ, гдѣ необходимъ такой зоркій надзоръ при пользованіи матеріалами, орудіями и машинами, что опасно довѣрять ихъ наемникамъ, гдѣ извѣстною любовью къ дѣлу, сознаніемъ собственныхъ выгодъ должно обезпечиваться отдѣлка издѣлій и вообще потребно безукоризненное исполненіе труда. Тотъ же добросовѣстный трудъ, конечно, доставляетъ и кустарное предпріятіе, но производства требующія значительнаго числа рукъ, не доступны кустарной промышленности, они нуждаются въ артели. Затѣмъ, не только качество издѣлій зависитъ отъ бдительности взаимной повѣрки труда и добросовѣстности исполненія, но и дешевизна ихъ зависитъ отъ возможно наименьшихъ тратъ на капиталѣ, а для обезпеченія послѣднихъ артель незамѣнима, потому что весь артельный капиталъ и всѣ его техническія части составляютъ собственность артельщиковъ, а извѣстно, что собственникъ лучше бережетъ свое имущество, чѣмъ наемникъ чужое. Помимо приведенныхъ условій, зависящихъ отъ сущности оборотовъ, артельный строй становится иногда необходимымъ вслѣдствіе внѣшнихъ условій, именно вездѣ тамъ, гдѣ ссудныхъ капиталовъ мало, гдѣ отдѣльному лицу порознь трудно сдѣлать заемъ, ради основанія предпріятія, тамъ промышленность подвинется быстрѣе, если приложить артельную форму къ тѣмъ ея отраслямъ, которыя ей поддаются. Предпріятія съ большимъ рискомъ и сильною отвѣтственностью, равно какъ и нуждающіяся въ значительномъ капиталѣ не терпятъ артельнаго строя.

§ 50. Складъ акціонерныхъ предпріятій, какъ основанныхъ на складчинѣ капитала.

Въ акціонерной формѣ предпріятій рискъ и отвѣтственность исключительно ложатся на капиталъ, а потому въ ней капиталисты

могутъ явиться предпринимателями. Конечно, эта форма предпріятій могла возникнуть позднѣе другихъ, или только съ той поры, когда хозяйственное развитіе даже до того упрочилось, что не только капиталъ пріобрѣлъ преобладающее вліяніе во всѣхъ хозяйственныхъ процессахъ, но что свое значеніе капиталъ успѣлъ довести до экономической самостоятельности. Поэтому, древніе и средніе вѣка акціонерныхъ предпріятій не знали, они стали возникать, хотя и не въ чистой новѣйшей формѣ, уже послѣ открытія Америки, послѣ широкихъ успѣховъ торговли и промышленности и окончательнаго водворенія денежнаго обращенія—сначала въ Нидерландахъ, а затѣмъ въ Англіи. Исторически акціонерное предпріятіе есть позднѣйшее, сравнительно съ другими, но мы займемся теперь выясненіемъ его строя, потому что остальныя формы сложныхъ предпріятій стоятъ между акціонерною компаніею и артелью, образуютъ переходъ отъ послѣдней къ первой и исторически, а потому какъ бы смѣшанныя морфолическія явленія *).

Что касается до существа акціонерныхъ компаній, оно опредѣляется тѣмъ, что представители труда не несутъ ни риска, ни отвѣтственности; или весь трудовой элементъ можетъ быть порученъ однимъ наемнымъ участникамъ, сплошь и рядомъ даже предпріимчивость удѣлена особымъ лицамъ, спеціальнымъ учредителямъ, а коньектура куплена. Далѣе, акціонерныя предпріятія, составляясь путемъ складыванія однихъ капитальныхъ долей, могутъ доходить до огромныхъ размѣровъ, складываемый предпринимательскій капиталъ можетъ быть весьма значителенъ, а потому вліяніе этой формы предпріятій на народное хозяйство громадное. Вотъ почему, необхо-

*) Главное сочиненіе по англійскому законодательству о сказанныхъ предпріятіяхъ, это:

— Shelford, law of Joint—Stock—Companies, London., 2 ed. 1870 г.

Gneist, Selfgovernement in England. Berlin, 3 Aufl., 1871 г., § 146.

Keyssner, die Actiengesellschaften, Berlin, 1873 г.

Auerbach, das Actienwesen. Fkf., 1873 г.

Matthieu et Bourguignat, commentaire abrégé de la loi sur les societés des 24—29 Juillet 1867, Paris, 1868 г.

Reynaud, das Recht der Actiengesellschaft. Lpz, 1863 г.

Endeman, das Recht der Act. g.. Heidlb., 1863 г., Reform des Actiengesellschafts wesens, Gutachten hrg. vom. Verein f. Socialpolitik, Lpz., 1873 г.

BerlinerEmissionshauser, Brl., 1873 г.

A. Wagner. das Actiengesellschaftswesen въ Jhrb. f. N. Ö. und St., XI Jhrg., II, 5—6., 1873 г.

димо извѣстное ручательство въ томъ, что коньектура акціонернаго предпріятія сообразуется съ дѣйствительными интересами хозяйства и общества, а такъ какъ въ новѣйшее время акціонерная предпріимчивость обособились и получила самостоятельное значеніе, и бываетъ возложена на особыя консортеріи учредителей, то нельзя этихъ лицъ—наемниковъ, или возмездныхъ безъ риска участниковъ—совершенно освобождать отъ всякой связи съ послѣдующими оборотами и превратностями предпріятія.

Чѣмъ обширнѣе капиталъ акціонернаго предпріятія, чѣмъ разнообразнѣе его обороты, тѣмъ сложнѣе и первоначальная коньектура, тѣмъ больше свѣдѣній потребно для учредителей, тѣмъ труднѣе сразу оцѣнить ихъ предположенія и мѣропріятія, слѣдовательно тѣмъ больше случаевъ къ злоупотребленіямъ. Очевидно, до того срока, пока по данному производству не выяснятся всѣ частности коньектуры, ненормально освобождать учредителей отъ отвѣтственности, необходимо ихъ на это время скрѣпить съ рискомъ предпріятія. Въ большинствѣ законодательствъ такого закрѣпленія не существуетъ. Относительно артелей впрочемъ нѣкоторыя законодательства требуютъ отъ артельщиковъ, выходящихъ изъ нея, послѣдующей отвѣтственности въ теченіе 3—5 лѣтъ. Необходимо установить такія же отношенія для учредителей акціонерныхъ компаній. Учредительская предпріимчивость, сама по себѣ, чрезвычайно своеобразна: ради одной предпріимчивости возможно совершать обороты, не находящіеся въ непосредственной связи съ послѣдующимъ осуществленіемъ и производствомъ того же предпріятія. По отношенію къ акціонернымъ компаніямъ это обособленіе состоялось довольно рано и до настоящаго времени оно идетъ по торной тропѣ, проложенной системою Джона Ло. Также какъ онъ успѣлъ создать свою систему, безъ всякихъ почти наличныхъ средствъ и долгое время могъ доставлять участникамъ системы огромные барыши, пополнить даже государственную казну, такъ и въ настоящее время учрежденіе предпріятій даетъ огромные барыши учредителямъ, при ничтожныхъ затратахъ, а иногда и полномъ отсутствіи собственныхъ средствъ, хотя конечно подобныя, на спекуляціи и игрѣ, основанныя учрежденія, подобно пресловутымъ выдумкамъ Джона Ло, рано или поздно должны пошатнуться и болѣе или менѣе раззорять, принявшихъ такое наслѣдство, настоящихъ предпринимателей. Возможность и доказанныя злоупотребленія навели въ прошломъ столѣтіи такой страхъ на

публику и на правительство, что долгое время къ этимъ предпріятіямъ относились совершенно отрицательно, ихъ запретили. Впрочемъ сама форма предпріятій, все таки, не переставала существовать, хотя и подъ другими названіями, и приносила большую пользу и барыши, а запрещеніе стало смѣняться нормальными узаконеніями. Но страхъ поддерживался разными дутыми предпріятіями, такъ называемыми bubble speculations: англійское законодательство (20 авг- 1867 г.—30 и 31 Vict. c. 131) до сихъ поръ смотритъ на акціонерныя компаніи съ такой точки зрѣнія и дѣлитъ всѣ складочныя предпріятія на общества съ ограниченною отвѣтственностью и общества съ неограниченною отвѣтственностію; причемъ законъ требуетъ, чтобы подъ фирмою каждаго товарищества была отмѣчена и степень его отвѣтственности (limited или illimited liability). Точно также и французское законодательство, по закону $^{24}/_{29}$ іюля 1867 г., дѣлитъ всѣ предпріятія на общества съ опредѣленнымъ и съ измѣнчивымъ капиталомъ. Наиболѣе правильныя отношенія къ акціонернымъ предпріятіямъ существуютъ въ бельгійскомъ законодательствѣ (отъ 18 мая 1873 г.), а готовятся у насъ и въ Германіи, гдѣ починъ уже сдѣланъ въ 1870 году.

Въ главномъ основаніи спорятъ о томъ, слѣдуетъ ли законодательству въ акціонерныхъ предпріятіяхъ сохранять за собою право разрѣшенія, предварительнаго разсмотрѣнія каждаго частнаго устава, для охраненія интересовъ публики, или же довольствоваться изданіемъ нормальнаго общаго законоположенія и простою заявкою о ихъ возникновеніи, требованіемъ отчета о дѣйствіяхъ, затѣмъ предоставить свободу выбора оборотовъ, но въ однообразныхъ предѣлахъ закона, какъ это предоставлено почти уже повсемѣстно другимъ формамъ предпріятій. Другими словами, споры вращаются около вопросовъ: принять ли порядокъ регламентированія, частичнаго предварительнаго разрѣшенія и утвержденія для акціонерныхъ обществъ, или же только регистрированіе *) и равномѣрный явочный порядокъ.

Въ большинствѣ государствъ существуетъ болѣе или менѣе сильная регламентація для акціонерныхъ предпріятій, тогда какъ для единоличныхъ и товариществъ требуется только запись въ книги торговыхъ фирмъ и внесеніе пошлинъ. Для производительныхъ арте-

*) Строй промышленныхъ предпріятій, С.-Петербургъ, 1873 г. гл. X, стр. 277.

лей достаточно у насъ нотаріальнаго акта, другія подлежатъ разрѣшенію или министерства государственныхъ имуществъ, или министерства внутреннихъ дѣлъ (рабочія и потребительныя артели), или министерства финансовъ (кредитныя артели). Акціонерныя же компаніи до сихъ поръ нуждаются въ предварительномъ разрѣшеніи подлежащаго министерства, а въ случаѣ смѣшанныхъ оборотовъ разрѣшеніе дается на основаніи заключенія нѣсколькихъ министерствъ, по постановленію совѣта министровъ, иногда даже восходитъ на разрѣшеніе государственнаго совѣта.

§ 51. Экономическое обособленіе учрежденія предпріятій, вслѣдствіе возможнаго отдѣленія предпріимчивости отъ оборотливости, необходимаго при сложности коньектуръ.

Такой порядокъ регламентаціи поддерживался долго по случаю той особенности, что безъименное товарищество по вкладамъ, или акціонерная компанія представляетъ наибольшую возможность отдѣленія предпріимчивости, въ видѣ помѣщенія предпринимательскаго капитала, отъ послѣдующихъ оборотовъ, или дѣйствительнаго производства.

Учрежденіе предпріятія, смотря по отношенію законодатства вообще къ предпріятіямъ, или къ акціонернымъ въ особенности, заключаетъ въ себѣ на практикѣ различные разряды дѣйствій. Если существуетъ явочный порядокъ, одна регистровка, то достаточна выработка плана, проекта и мотивовъ возможности данныхъ оборотовъ, а затѣмъ послѣ заявки дозволено уже и собрать по подпискѣ предпринимательскій капиталъ; т. е. составленіе плана и помѣщеніе акцій только и нужны для осуществленія предпріятія. Если же существуетъ регламентація и административное разрѣшеніе, то понятно нужно, заранѣе и сверхъ того, еще хожденіе по дѣлу. Несомнѣнно вообще, что акціонерная форма предпріятій, при ограниченной отвѣтственности предпринимателей, менѣе устрашаетъ, чѣмъ всякая другая. Круговую, неограниченную поруку не легко рѣшаются принять, а въ акціонерномъ предпріятіи каждый знаетъ, чѣмъ онъ рискуетъ и если кому недороги нѣсколько сотенъ рублей, то онъ готовъ отдать ихъ на опытъ, не будучи даже сознательно увѣренъ въ успѣхѣ дѣла.

Но, столь незначительно заинтересованный въ предпріятіи, акціонеръ не имѣютъ и нужды коротко ознакомиться съ производствомъ и терять свое время и усилія на дѣятельное участіе на контролѣ оборотовъ, онъ пожалѣетъ иногда даже досугъ свой пожертвовать на прочтеніе отчетовъ, или на автоматное присутствіе въ общемъ собраніи акціонеровъ, потому что онъ не далѣе неизмѣннаго предѣла и вообще мало рискуетъ. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ впрочемъ не заключается экономическаго недостатка, иначе опыты промышленные были бы не возможны, по одной только необычайности своей*). Всякій опытъ скорѣе вообще грозитъ поте-

*) Страннымъ и несбыточнымъ является желѣзнодорожное дѣло во Франціи въ тридцатыхъ годахъ, не смотря на опыты сосѣдней Англіи. Пердонне (*Perdonnet*—Traité élémentaire des chemins de fer. 3-me éd. 1865. ч. I, стр. 43) заслужилъ названіе сумасшедшаго за то, что онъ въ своихъ чтеніяхъ 1832 г., указывая на значеніе желѣзныхъ дорогъ, сравнилъ ихъ, по имѣющему совершиться ими перевороту во всей промышленности, съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія. Онъ разсказываетъ, что два года спустя, Тьеръ, вернувшись изъ путешестія по Англіи, гдѣ онъ осмотрѣлъ Ливерпульскую дорогу, увѣрялъ (какъ министръ) съ трибуны, что желѣзныя дороги пригодны только для забавы и къ удовлетворенію праздному любопытству столичныхъ жителей, провозу же товаровъ онѣ могутъ служить въ нѣкоторыхъ, исключительныхъ случаяхъ. Точно также у насъ графъ Канкринъ, собиравшій въ 1845—1845 годахъ наблюденія надъ желѣзными дорогами западной Европы единственно съ цѣлію получить неопровержимыя доказательства ихъ безполезности, утверждалъ, что «чѣмъ болѣе окажется желѣзныхъ дорогъ, тѣмъ менѣе будетъ отправокъ и переѣздовъ по нимъ». Онѣ въ его глазахъ недугъ современности, отъ котораго, какъ единственное послѣдствіе, окажутся замерзло затраченные огромные капиталы (Die Oekonomie der menschl. Gesellschaften. Stuttgart. 1845, стр. 95 и слѣд.). Онъ съ упорствомъ противился сооруженію предполагавшейся С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги и прямо говоритъ, въ 1841 году въ своемъ путевомъ дневникѣ, что по мнѣнію всѣхъ здравомыслящихъ людей, она не будетъ давать никакого дохода, дурно отразится на народной нравственности и уничтожитъ капиталы, которые могли бы быть лучше затрачены. (Aus den Reisetagebüchern des Grafen Georg Kankrin etc. herausgegeben von Al. Gr. Kayserling. Braunschweig, 1865 г., T. I, стр. 271). Schaeffle — das gesellschaftliche System der menschlichen Wirtschaft. Tubingen 1867, стр. 209: «die Bankbrüche von 1857 haben gezeigt, dass die gesetzlich angeordnete unbeschränkte Haftbarkeit keine wirksamere Garantie solider Geschäftsführung bietet, da gerade illimitirte Gesellschaften (in England) den schmäligsten Bankerott machten; freiwillige Uebernahme unbeschränkter Haftbarkeit ist natürlich statthaft. In der That können die Actionäre gar nicht die solide Geschäftsleitung verbürgen, dies könnten nur die Directoren. Dem Publicum aber damit geschieht kein Unrecht, da ihm die Stammvermgöensverhaltnisse der Gesellschaft bekant sind, und es den Gesellschafts-wie den Privatunternehmungen gegenüber die Pflicht hat, deren fortlaufende Kreditwürdigkeit zu pru-

рею, чѣмъ обѣщаетъ барыши, а опыты въ новѣйшемъ хозяйствѣ иногда потребны въ такихъ размѣрахъ, что они не по силамъ, не только капиталамъ частныхъ лицъ, но даже и казнѣ, (проложеніе трансатлантическаго телеграфа). Соотвѣтственными опытами только и подвигается, однако, промышленность; и притомъ съ содѣйствія акціонерныхъ компаній быстрѣе, чѣмъ могло бы это состояться помощью другихъ формъ предпріятій. Думать, что радикальными стѣсненіями акціонерныхъ оборотовъ возможно достигнуть хозяйственныхъ выгодъ, весьма ошибочно.

Вотъ почему, уже въ принципѣ не пригодно предварительное разрѣшеніе; притомъ административные чиновники не могутъ же судить объ опытѣ, въ удачѣ котораго не увѣрены даже сами участники, которые рѣшаются принять въ немъ участіе потому, что рискъ лично нераззорителенъ безгранично, если для отдѣльныхъ лицъ цай и бываетъ значителенъ, то они добровольно его принимаютъ, онъ и не устрашаетъ, они знаютъ чѣмъ рискуютъ, а такая извѣстность всего важнѣе для предпринимателей. Къ сожалѣнію, эта то извѣстность одновременно и вызываетъ легкое отношеніе участниковъ къ предпріятію, хотя отчасти оно водворяется и по необходимости, потому что капиталисты не всегда знаютъ спеціальную технику оборотовъ, и, даже при полномъ желаніи вникнуть въ дѣло, акціонеры не всегда могутъ понять сложныхъ коньектуръ, чертежей и вычисленій, иногда требуются справки отъ знатоковъ, нерѣдко первѣйшіе ученые не могутъ дать практическихъ отвѣтовъ по нимъ, а уже эмпирическое доказательство доставляетъ опытъ. Вслѣдствіе всего этого, представителямъ коньектуры легко ввести въ заблужденіе отвѣтственныхъ предпринимателей,

ген.» Срв. замѣчательное изложеніе общихъ юридическихъ основаній хозяйственной отвѣтственности всякаго предпріятія у Шульце-Делича (Erwerbs-und Wirthschaftsgenossenschaften. Berlin, 1869. II. Haftbarkeit, стр. 29). Примѣры увлеченій публики относительно акціонерныхъ предпріятій въ Голландіи, въ 1634—1637 годахъ во время такъ называемой тюлипаковой спекуляціи, и во Франціи, въ 1718—1720 г. во время Джона Ло, общеизвѣстны; но еще и въ новѣйшее время, особенно съ 1852 по 1857 годъ, они повторялись сотнями. Въ 1855 году въ Парижѣ учреждалось коммандитное общество, съ акціями въ франкъ, на 20 милліоновъ «pour le mariage de l'Amérique et de l'Afrique». По парижскимъ судебнымъ процессамъ объ мошенничествахъ въ 1853 г. обнаружился между прочимъ случай, что сбытчики акцій и спекулянты на перепродажу ихъ затирали акціи на полу метлою, чтобы придать своему грязному товару вполнѣ видъ ходячаго и быстро обращающагося.

Профессоръ Э. Вреденъ.

Типографія и литографія Кн. Оболенскаго, уголъ Николаевск. и Стрем. № 3—22.

удобно, что называется, спустить или помѣстить акціонерное предпріятіе; это доставляетъ выгоды и безопасно, такъ какъ до сихъ поръ законной связи между учредителями предпріятія и послѣдующими хозяевами его нѣтъ. Связь эта должна бы установляться закономъ на извѣстное время, на точныхъ условіяхъ, въ теченіи продолжительнаго оборотнаго періода.

Въ видѣ гарантіи добросовѣстности коньектуры заставляютъ самихъ учредителей брать акціи, что ни къ чему не ведетъ, такъ какъ возможно оставлять за собою акціи безъ денегъ, или переуступать впослѣдствіи ихъ другимъ. Установить другую отвѣтственность учредителей, кромѣ безвыходности ихъ изъ предпріятія въ теченіи извѣстнаго оборотнаго періода, не дѣйствительно. Безъ подобной отвѣственности и при системѣ разрѣшеній, учредители будутъ стремиться только къ тому, чтобы получить разрѣшеніе на заказанную или купленную коньектуру, и затѣмъ помѣстить, опять можетъ быть при чужомъ содѣйствіи, предпріятіе. При явочной же системѣ они позаботятся только о послѣднемъ. Вообще, возможно отдѣлять сочиненіе коньектуры отъ хожденія за разрѣшеніемъ и отъ помѣщенія, спуска предпріятія. Вотъ почему, повсюду въ настоящее время существуетъ особый разрядъ дѣятелей спеціально занимающихся учрежденіемъ, т. е. добываніемъ коньектуръ, разрѣшенія и подписчиковъ, а въ самомъ предпріятіи затѣмъ не участвующихъ.

Отдѣленіе производства коньектуры отъ самаго оборота весьма раціонально, при этомъ получается возможность довѣрить ея составленіе лучшимъ спеціалистамъ. Но при системѣ разрѣшенія, весьма соблазнительно браться за учрежденіе лицамъ, надѣющимся только выхлопотать разрѣшеніе. Это ведетъ къ большимъ невыгодамъ въ томъ отношеніи, что учрежденіе предпріятій закрѣпляется за лицами, не понимающимъ дѣла и не способнымъ выполнить коньектуру. Чиновниками, отъ которыхъ зависитъ разрѣшеніе, обыкновенно оцѣнка переносится отъ коньектурѣ на лица; это можетъ превращаться въ простое благоусмотрѣніе. Вотъ почему, отдѣленіе учредителей отъ составителей коньектуральнаго проекта, водворяющееся иногда съ пользою, при системѣ разрѣшеній является уже не нормальнымъ. Если же существуетъ явочный порядокъ, то опять таки помѣстить предпріятіе на капитальномъ рынкѣ могутъ только такъ называемые биржевые тузы: чѣмъ виднѣе роль ихъ

на биржѣ, тѣмъ легче для нихъ помѣстить предпріятіе. Поэтому, тамъ гдѣ нѣтъ нужды въ разрѣшеніи, тамъ помѣщеніе зависитъ отъ крѣпкихъ рукъ. Помѣщеніе само по себѣ весьма выгодно, такъ какъ акціи продаются выше номинальный цѣны и все искусство состоитъ въ томъ, чтобы закрѣпить на время за собою сбыть акцій и обезпечить передачу по высокой цѣнѣ, т. е. отъ разницы противъ подписной, или пріемной, получить большей барышъ. Чтобы не мѣшать другъ другу, крѣпкія руки установляютъ нерѣдко между собою очередь, или образуютъ консортеріи, общества учредителей, чтобы вѣрнѣе взять добавочную однообразную премію сверхъ учредительской цѣны акцій, т. е. той, по которой они пріобрѣтены: или раздѣломъ между учредителями, или уступкою отъ нихъ на помѣщеніе, или по разверстанной подписки, при помощи излишнихъ требованій и подставныхъ.

До сихъ поръ, пока, законодательства еще очень мало обращали вниманія на опасныя послѣдствія указаннаго отдѣленія учрежденія отъ оборотовъ предпріятій. Система концессій, разрѣшеній и вообще всѣ види предохранительныхъ мѣръ, путемъ полицейскаго вмѣшательства или административнаго надзора, не оправдались и не достигали цѣли, потому что администрація недоступно вѣрное опредѣленіе сбыточности вновь возникающаго предпріятія, такъ какъ сущность послѣдняго, именно по его новизнѣ, и составляетъ рискъ. Притомъ, въ административной опекѣ кроется опасность такихъ соблазновъ къ злоупотребленіямъ, которая вполнѣ равносильна, а иногда еще болѣе тяжелачѣмъ полное отсутствіе всякой охраны.

Во всѣхъ случаяхъ наиболѣе дѣйствительнымъ, а во многихъ случаяхъ и единственнымъ средствомъ къ упроченію предпріятія и къ предохраненію публики, или предпринимателей акціонеровъ отъ ущербовъ, можетъ служить юридическая, по закону опредѣленная, отвѣтственность передъ ними учредителей.

На первый разъ по закону необходимо требовать, чтобы учредителями являлись не существующія уже предпріятія, не учредительскіе банки, или готовыя общества другихъ наименованій, а лица, соединившіяся по спеціальному договору, ради одного только предполагаемаго новаго предпріятія.

Учредительскіе банки обладаютъ слишкомъ большими средствами къ тому, чтобы своевременнымъ сбытомъ акцій освободить себя—не только отъ отвѣтственности, но и отъ дальнѣйшаго риска. Необходимо требовать, чтобы учредителемъ акціонернаго общества не могъ явиться никакой директоръ, или членъ правленія другаго акціонернаго общества, а также ни одинъ полный товарищъ, или распорядитель командитнаго общества, такъ какъ послѣдніе нерѣдко употребляютъ превращеніе товарищества, полнаго или на вѣрѣ, въ акціонерную компанію, какъ средство для собственнаго спасенія отъ несостоятельности. Всѣмъ упомянутымъ лицамъ необходимо, раньше учрежденія новаго предпріятія и составленія о томъ договора, сложить съ себя званіе директоровъ, членовъ правленія, совѣта и т. п. возмездныхъ и отвѣтственныхъ должностей, а также выйдти изъ товариществъ.

Далѣе, такую самостоятельную учредительскую консортерію, по каждому отдѣльному предпріятію, должно связать отвѣтственностью, отъ которой по закону не должно освобождать какое-либо постановленіе общаго собранія акціонеровъ; тѣмъ болѣе, что въ началѣ оборотовъ подобное рѣшеніе легко можетъ состояться при преобладающемъ вліяніи самихъ же учредителей, которые, естественно, не преминутъ открыть себѣ свободное отступленіе. Обезпеченіемъ дальнѣйшей отвѣтственности, со стороны учредителей, должно бы служить обязательное ихъ пребываніе въ компаніи — не на опредѣленный, однообразный срокъ, или одинаковое для всѣхъ предпріятій число лѣтъ, а до той поры, пока не воспослѣдуетъ полная оплата акцій до нарицательной ихъ цѣны. Эта оплата можетъ, по роду предпріятій, воспослѣдовать болѣе или менѣе быстро, но во всякомъ случаѣ окончаніе ея прямо свидѣтельствуетъ о томъ, что обороты предпріятія вполнѣ оправдали ожиданія и надежды, возбужденныя при подпискѣ. Обязательное же пребываніе директоровъ осуществится совершенно успѣшно, если имъ будутъ выданы одѣ именныя акціи, безъ права переуступки послѣднихъ въ другія руки до полнаго составленія всего складочнаго капитала. Конечно, предлагаемая нами учредительская отвѣтственность стѣснитъ просторъ аѳіотажа, но ставить биржевой игрѣ предѣлы—не значитъ подрывать хозяйственную и промышленную свободу. Для послѣдней биржевая игра является весьма полезною и нормальною, даже до такой степени и съ такою непреложною несомнѣнностію, что уничтоженіе аѳіотажа немыслимо и не желательно.

§ 52. Экономическое различеніе нами предпріимчивости отъ спекуляціи и игры, по предмету и цѣлямъ.

То, что за послѣднее время учрежденіе новыхъ акціонерныхъ предпріятій сдѣлалось предметомъ самостоятельныхъ оборотовъ, само по себѣ не заключаетъ ничего предосудительнаго, потребно только наложить должную отвѣтственность на учредителей за послѣдствія на такое время, чтобы могли оправдаться частности конъектуры и довѣріе публики, съ которымъ она отнеслась къ подпискѣ. Въ этомъ отношеніи общій ходъ дѣла учрежденій сложился именно иначе.

Необходимо, на первый разъ, еще въ теоріи строго провести грань между предпріимчивостью, какъ выраженіемъ той дѣятельности трудовой и тѣхъ производительныхъ затратъ, которыя задаются увеличеніемъ средствъ народнаго потребленія въ натурѣ, когда предпріимчивость создаетъ потребную конъектуру, чтобы оборотомъ народнаго капитала или произвести новыя цѣнности, или доставить новыя услуги. Предпріимчивость, какъ первоначальный задатокъ всякаго производства, только и должна быть понимаема

въ этомъ смыслѣ. Отъ такой предпріимчивости нужно отличать всѣ трудовыя усилія и капитальныя затраты, которыя въ результатѣ вовсе не имѣютъ ни созданіе путемъ дѣйствительнаго производства новыхъ цѣнностей, ни предложеніе новыхъ услугъ, а только пріобрѣтеніе, путемъ оборота денежнаго капитала, денежнаго же дохода въ пользу предпріятія. Въ этомъ видѣ коньектуральные труды и обороты, объединяющіе эти условія и затраты, составляютъ содержаніе *спекуляціи*. Послѣднюю необходимо строго различать отъ предпріимчивости. Смѣшать ихъ весьма легко, потому что наружный характеръ дѣйствій и затратъ, техническіе пріемы ихъ, совпадаютъ. Но разница между ними та, что спекуляція разсчитываетъ исключительно на денежный барышъ отъ разницы въ денежной цѣнѣ, и потому всѣ свои издержки оцѣниваетъ на деньги. Конечно, и въ этомъ есть близкая аналогія между спекуляціею и всякимъ предпріятіемъ, такъ какъ предпринимательскій капиталъ всегда является величиною оцѣниваемою на деньги, равно какъ и валовой доходъ отъ предпріятія. Но, по моему мнѣнію, слѣдуетъ различать два способа пріобрѣтенія дохода отъ какого бы то нибыло предпріятія: первый способъ заключается въ томъ, чтобы произвести какъ можно большее количество цѣнностей въ натурѣ и лучшими качествами обезпечить имъ сбытъ; слѣдовательно, доходность производственной предпріимчивости зависитъ отъ внутренняго ея содержанія, отъ количества и качества издѣлій. Другой же способъ пріобрѣтенія дохода отъ предпріятія заключается въ томъ, что независимо отъ количества и качества цѣнностей, произведенныхъ въ натурѣ, стараются сбытъ ихъ обставить такими выгодными искусственными условіями, чтобы продать цѣнности по гораздо высшей цѣнѣ, противъ достаточнаго покрытія всѣхъ издержекъ производства.

Во второмъ случаѣ денежный доходъ предпринимателей только и ростетъ, выигрываютъ одни они, а не прочіе участники предпріятія, и вовсе не самое народное хозяйство; напротивъ, послѣднее и потребители отъ поживы на наивысшей цѣнѣ теряютъ, потому что за данное количество цѣнностей или услугъ потребители или покупатели дороже платятъ. Это различіе въ условіяхъ приращенія дохода отъ предпріятія и опредѣляетъ несовпаденіе предпріимчивости со спекуляціею: именно предпріимчивость предметомъ своихъ соображеній всегда имѣетъ цѣнности и доходъ ея возни-

каетъ отъ увеличенія количества или улучшенія качества произведенныхъ издѣлій, тогда какъ спекуляція ничего не прибавляя къ цѣнностямъ, разсчитываетъ только на цѣну и можетъ не быть непосредственно связана съ новымъ производствомъ.

Конечно, нормальная спекуляція имѣетъ вполнѣ экономическій характеръ, именно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ею поощряется возникновеніе новыхъ производствъ, или новыхъ пріемовъ въ оборотахъ и затратахъ, когда предупреждается застой промышленности; безспорно застой можетъ причинить большій ущербъ, чѣмъ тѣ убытки, которые терпятъ потребители цѣнностей отъ возвышенія цѣны, вслѣдствіе спекуляціи.

Далѣе, спекуляція дѣлается нормально основою самостоятельныхъ предпріятій во всѣхъ тѣхъ производствахъ, предметомъ которыхъ служатъ цѣнности, или товары часто мѣняющіеся въ своей цѣнѣ. Неизвѣстность, какого бы то ни было рода, во всякой человѣческой дѣятельности приноситъ уже собою вредъ, подрываетъ энергію, успѣхъ дѣятельности становится слабѣе.

Въ экономической области всякое повторяющееся колебаніе цѣнъ равняется неизвѣстности, и по мѣрѣ большаго колебанія ихъ экономическая предпріимчивость становится безсильнѣе. Вотъ почему, съ другой стороны, всякое уравновѣшиваніе цѣнъ равносильно устраненію неизвѣстности относительно дохода; лучше знать, что данный оборотъ менѣе выгоденъ, чѣмъ не знать положительно до какой степени можетъ быть онъ выгоденъ, или раззорителенъ. Поэтому спекуляція, выигрывая только отъ повышенія цѣнъ, противится всякому ихъ пониженію, старается удержать цѣны отъ упадка; такъ что въ тѣхъ оборотахъ, при которыхъ въ видѣ дополненія дѣйствуетъ спекуляція, получается трудно поколебимый уровень цѣнъ, и если спекуляція соединяется съ предпріимчивостію, подверженною наибольшему колебанію дохода, то вмѣсто неизвѣстности она водворяетъ увѣренность, хотя можетъ быть не очень прибыльную. Въ этомъ смыслѣ спекуляція, ничего не прибавляющая конкретно къ народному хозяйству, имѣетъ экономическое себѣ оправданіе.

Но подобно тому, какъ спекуляція можетъ быть обращена на уравненіе цѣнъ, она точно также можетъ быть направлена къ тому, чтобы поколебать цѣны. Притомъ, спекуляція уравнивающая цѣны менѣе прибыльна, (такъ какъ колебаніе рыночныхъ цѣнъ при

естественномъ порядкѣ имѣетъ извѣстные предѣлы, данные сбытомъ), чѣмъ та спекуляція, которая не подчиняется существующимъ условіямъ, а обладая огромными средствами закупокъ и ссудъ, берется за всякую новую область, гдѣ пока цѣны тверды, и старается поколебать ихъ, водворять на время такую неизвѣстность, что никто цѣны не знаетъ, кромѣ самихъ спекулянтовъ. Спекулянты въ данной области пользуются большимъ, или меньшимъ просторомъ, смотря по тому есть ли конкурренція между ними, или нѣтъ. При отсутствіи конкурренціи спекулянтъ можетъ назначить свою цѣну на биржѣ. Въ такомъ положеніи дѣлъ спекуляція имѣетъ огромную силу, ослабленіе ея конкурренціею возможно впрочемъ въ довольно рѣдкихъ случаяхъ, потому что по много огромныхъ капиталовъ въ рукамъ достаточнаго числа лицъ, способныхъ и желающихъ спекулировать, оказывается довольно рѣдко. По характеру спекуляціи между народными хозяйствами есть большая разница. Англійская спекуляція направлена преимущественно къ уравненію цѣнъ. Въ Америкѣ спекуляція имѣетъ огромный просторъ, но спекуляція уравнивающая цѣны и спекуляція колеблющая ихъ дѣйствуютъ попеременно. Вотъ почему, наконецъ, не смотря на обширные иногда кризисы, вызываемые колеблющею спекуляціею, народное хозяйство быстро поправляется, такъ какъ затѣмъ наступаетъ равносильное дѣйствіе спекуляціи уравнивающей.

При этомъ нужно замѣтить, что всякій такъ называемый кризисъ, въ общемъ положеніи, всегда вызывается не тѣмъ, что коньектуры, разсчитанныя на дѣйствительное производство не удались, а тѣмъ, что несостоялись спекулятивныя; но при связи спекуляціи съ предпріимчивостью и при слитіи почти всякаго дохода отъ предпріятій съ барышами спекулятивными, оборвавшаяся спекуляція раззоряетъ сначала своихъ спеціальныхъ представителей, а затѣмъ обращается и на представителей производствъ нормальныхъ, т. е. во второмъ мѣстѣ падаетъ на представителей труда и капитала, поражаетъ факторы производства. Конечно полный кризисъ не всегда бываетъ, иногда раззоряются только спекулянты. Слѣдовательно, всегда нужно различать кризисъ биржевой, фондовый, денежный и затѣмъ кризисъ производственный, промысловый. Но названія эти неудобны, а потому. слѣдуетъ различать: 1, игровый кризисъ и спекулятивный, 2, предпринимательскій кризисъ, или капитальный и 3, кризисъ факторовъ производства, раззоряющій представителей

послѣднихъ и захватывающій всегда большое количество частныхъ хозяйствъ.

Доходъ спекуляціи зависитъ отъ измѣненія въ цѣнахъ, отъ наживы на высшей или низшей цѣнѣ, слѣдовательно нужны два элемента: цѣна высшая и низшая. Закупаютъ, или производятъ тамъ и тогда, гдѣ и когда на товары низкая цѣна, а сбываютъ тамъ или хранятъ ихъ до тѣхъ поръ, гдѣ и пока не установилась высокая. Очевидно далѣе, что возможно построить наживу на пріобрѣтеніи деньгами одной разницы, какъ выигрыша. Чтобы такая нажива отъ разницы между цѣнами обратилась въ чью либо пользу, необходимо, чтобы кто либо обязался платить выигрышъ другому: нужны въ этой сдѣлки двѣ стороны, которыя между собою должны какъ бы спорить, т. е. затѣять игру и пари о возможной величинѣ разницы между колеблющимися цѣнами. Споръ выразится тѣмъ, что одинъ будетъ утверждать, что цѣна при колебаніи дойдетъ до извѣстной высоты, а другой, что она опустится до такого же пониженія. Споръ и игра совершаются не на основаніи дѣйствительныхъ сдѣлокъ купли и продажи, а на основаніи одного наступленія (по сдѣлкамъ другихъ лицъ) разницы въ цѣнахъ. Нѣтъ ни производительнаго, ни спекулятивнаго оборота, а въ формахъ спора между двумя сторонами, которыя, какъ говорится, бьются объ закладъ, заключается условіе объ уплатѣ игроваго барыша, или преміи одною стороною, въ случаѣ оправданія мнѣнія другой: источникомъ дохода является не предпріимчивость (при ней доходъ получается отъ производства цѣнностей), и не спекуляція (тогда доходъ получается отъ различныхъ цѣнъ въ дѣйствительно совершаемыхъ оборотахъ), а онъ идетъ только отъ спора между представителями различныхъ соображеній — вотъ такъ называемая биржевая игра. Игру или ажіотажъ *) необходимо отличать и отъ спекуляціи, и отъ предпріимчивости. Эти три вида оборотовъ имѣютъ совершенно своеобразное значеніе. Спекуляція характеризуется тѣмъ, что предметомъ ея служатъ дѣйствительные обороты, совершаемые съ товарами, барыши получаются вслѣдствіе разницы въ цѣнахъ. Игра является только по поводу разницы въ цѣнахъ, ея сдѣлки

*) *Ambroise Rendu*, le jeu, le pari et les marchés de bourse, Paris, 1870 г.; *Schäffle*, der «grosse Börsenkrach» des Jahres 1873, помѣщено въ Ztschr. f. die g. Staatsw., Tübingen XXX, 1.—*Alberto Errera*, il *Krach* nel 1873—74, помѣщено въ Nuova Antologia, Firenze, XXV, 2.

мнимыя. Но дѣло становится гораздо сложнѣе, когда въ одно и тоже время предпріимчивость сливается съ спекуляціею, а послѣдняя ищетъ себѣ поддержки въ игрѣ. Вотъ почему, изъ каждаго экономическаго процесса необходимо предварительно выдѣлять то, что относится на долю игры и спекуляціи, чтобы получить мѣрило для положительной, производственной предпріимчивости.

Очевидно, что на акціонерныя предпріятія могутъ дѣйствовать эти всѣ три оборота вмѣстѣ. Игра вообще можетъ существовать, какъ при спекуляціи направленной на уравненіе цѣнъ, такъ и при спекуляціи, направленной на колебаніе цѣнъ. При учрежденіи акціонерныхъ предпріятій существенно ставить преграды игрѣ и спекуляціи направленнымъ на колебаніе цѣнъ, въ подобныхъ же преградахъ не нуждается игра, направленная на уравненіе цѣнъ; не должна она быть и вовсе запрещена.

Законодательство должно, единственно, не допускать, чтобы помѣщеніе акціонернаго капитала досталось въ руки спекуляціи, а тѣмъ менѣе игры.

Весьма неравномѣрно и непостоянно проявляющейся потребности, напротивъ, отвѣчаетъ такъ называемый движимый кредитъ — credit mobilier *). Собственно цѣль обществъ движимаго кредита—созданіе предпринимательскихъ капиталовъ для предпріятій, не ими задуманныхъ и не ими осуществляемыхъ. Предпріимчивость и починъ промышленный однако проявляются, мѣстно и временно, съ весьма неравномѣрною силою, а искусственное ихъ возбужденіе ведетъ къ нарушенію естественнаго развитія промышленности. Поэтому, посредничество въ созиданіи предпринимательскихъ капиталовъ, со времени пресловутой системы Джона Ло *) до новѣйшей эпохи, или оканчивалось неуспѣхомъ для акціонерныхъ компаній, избравшихъ эту дѣятельность исключительною своею спеціальностію, или заставляло большую часть новѣйшихъ sociétés du crédit mobilier, financial companies, Gründungsbanken заниматься одновременно и обыкновенною учетною и ссудною операціями, или вызывало въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ биржевую игру, тѣмъ болѣе непроизводитель-

*) *Tengoborsky*: Essai sur le credit mobilier. Brux, 1856. — *Macleod*: Dictionary of pol. economy, London 1863, статья crédit moblier стр. 626. «The crédit mobilier has no doubt been eminently useful in developing industrial associations, but the securitie which it receives are much more liable to fluctuation in value, than those of the crédit foncier, and for that reason its operations are more hasardous. This is fully shewn by the remarkable variations in the dividends.»

*) *Бабстъ*: Джонъ Ло, или финансовый кризисъ во Франціи въ первые годы регенства. Москва 1852. — Срв. *Otto Hübner*. die Banken, Leipz. 1854., стр. 12 — 22.

ную, нерѣдко даже пагубную для органическаго и равномѣрнаго развитія всѣхъ отраслей промышленности, что единственная забота посредника—общества движимаго кредита—заключается въ дешевой покупкѣ и дорогой продажѣ бумажныхъ представителей созидаемаго имъ предпринимательскаго капитала. Ими совершается не страхованіе успѣха и доходности самаго предпріятія, а только страхованіе успѣха въ сбытѣ бумагъ. Затѣмъ, прямая выгода этого рода предпріятій заключается въ возможно быстромъ совершеніи оборота, то есть окончательномъ, по возможности одновременномъ, сбытѣ всѣхъ паевъ предпринимательскаго капитала, и въ прекращеніи всякой связи съ созданными, помощію послѣдняго, предпріятіями. Только этимъ путемъ и оборотъ вполнѣ спеціализируется, и доходъ компаній движимаго кредита ставится въ исключительную зависимость отъ собственныхъ оборотовъ. Руководство и опека надъ созданными предпріятіями и капитальное участіе въ нихъ, съ одной стороны не осуществимы, по своему противорѣчію закону раздѣленія труда, а съ другой это поставило бы доходъ предпріятія, только создающаго предпринимательскіе капиталы, въ зависимость отъ всей послѣдующей участи послѣднихъ; то есть въ зависимость отъ чужой дѣятельности и непредвидѣнныхъ случайностей. Конечно, приманкою для публики служитъ убѣжденіе въ вѣрной оцѣнкѣ осуществимости предпріятія, на которое собирается предпринимательскій капиталъ, и даже въ обезпеченіи его дальнѣйшей доходности, но и публика увѣрилась въ неосуществимости послѣдняго условія, а потому обороты учредительскихъ банковъ, или обществъ движимаго кредита, въ среднемъ, приносятъ меньше доходу—не говоря уже объ столь же быстромъ исчезаніи, какъ и возникновеніи многихъ изъ нихъ въ пятидесятыхъ годахъ — чѣмъ компаній, занимающихся обыкновенными кредитными оборотами. Трудно по этому согласиться съ мнѣніемъ Шеффле—die Anwendbarkeit der versch. Unternehmungsformen, стр. 284 — «die Gründungsbanken hätten nun freilich die schöne Aufgabe, nicht blos zu gründen und gründungsschwangere Geschäftsperioden zu entbinden. Sie sollten die nachfolgende Zeit des Gründungsschlummers zur ersten Warte der Pflegflinge benützen. bis diese entwöhnt sind und auf eigenen Füssen stehen können. Einer erziehenden, consolidirenden Fürsorge durch wirthschaftliche Mächte, welche Erfahrung in grossen Geschäften, viel Intelligenz und Capital zur Verfügung haben, bedürfen die meisten jungen Actienpflänzlinge. Würden die Gründungbanken, statt blos in Agiotage einen ungebührlichen Hebammenlohn zu ziehen und mit diesem davon und einer neuen Gründung zu laufen, wirklich mit einer längeren Acclimatisirung sich befassen und erst, wenn ihre Setzlinge festgewurzelt sind, in einer zweiten Periode die Patronnagé neuer Gründungen übernehmen, so könnte diese Bankart noch zu Ehren kommen, welche im Pereirischen Crédit Mobilier, wegen der Mesalliance mit dem napoleonischen Cäsarismus, kein eigentliches fair trial gehabt hat. Allein die menschlichen Leidenshaften sprechen gegen die Wahrscheinlichkeit, dass diese Reform bald eintreten werde»,

Срв. *A. Wagner*; Creditanstalten въ Handwörterbuch der Volkswirthschaftslehre von Rentzsch. Leipz. 1866. стр. 206.

У Шеффле—въ пр. м. стр. 286—сведены показонія англійскаго Economist (январь и февраль 1869 г.) о доходности обыкновенныхъ банковыхъ и учредительскихъ оборотовъ акціонерныхъ компаній соединеннаго королевства. Сравнительная доходность ихъ за 1868 г. была слѣдующая:

акціонерные банки (joint-stock-bank-companies) давали дивиденду:

болѣе 20% дивиденду	15	банковъ	съ капиталомъ въ	5,302,767 ф. ст.
15—20% »	20		»	5,439,439 » »
10—15% »	36		»	15,015,930 » »
5—10% »	36		»	14,082,379 » »
3— 5% »	3		»	3,350,900 » »
»	110	банковъ	съ капиталовъ въ	40,331,535 ф. ст.

учредительскія предпріятія (financial companies) давали дивиденду:

10% дивиденду	9	компаній	съ капиталомъ въ	910,000 ф. ст.
5—10%	16		»	4,796,000 » »
менѣе 5%	1		»	1,800,000 » »
никакого	7		»	4,288,114 » »

Къ тому 6 изъ первыхъ 9 financial companies ссудили $^2/_3$ своего капитала колоніальной торговлѣ, и только $^1/_3$ употребила свои средства прямо на созиданіе вновь предпринимательскихъ капиталовъ; а изъ 15, приносившихъ отъ 5 до 10% дивиденду, большая часть занималась обыкновенною ссудною операціею и ипотечнымъ кредитомъ.

Самые крайніе примѣры представляетъ исторія англійскихъ желѣзныхъ дорогъ въ періодъ railway mania (съ 1836 по 1848 г.). У Цѣхановецкаго приведены слѣдующіе случаи: «Спекулянты эксплуатировали безпощадно это всеобщее увлеченіе, набравши подписей на акціи отъ подставныхъ лицъ (men of straw), составляли компаніи и собирали съ публики значительные капиталы. Въ послѣдствіи были обнаружены случаи, что лица, получавшія по 60 ф. годовыхъ заработковъ, подписывались на 35,000: одна компанія покупала подписи, платя по 10 и по 4 шилинга съ головы. Разныя подставныя лица имѣли акцій на 100,000 и даже на 200,000 ф. ст., носильщики и мальчики разсыльные подписывали обязательства на 30,000 или 40,000 ф. ст. Въ одномъ обязательствѣ полмилліона капитала было записано на вымышленныя имена. Вооруженная такою призрачною подпискою, компанія получила парламентскій актъ и, основываясь на немъ, извлекала уже дѣйствительные капиталы отъ довѣрчивой публики. Одна компанія, напр., получила актъ, собравши на самомъ дѣлѣ всего только 235 ф. Разумѣется, что акціонеры подобныхъ компаній не увидѣли ни желѣзной дороги, ни денегъ. Чтобъ поднять искусственно цѣну акцій, директоры покупали на срокъ большее число акцій, чѣмъ было выпущено, потомъ перекупали для общества собственныя свои акціи на счетъ денегъ вкладчиковъ и т. п.»—См. Желѣзныя дороги и государство. Кіевъ 1869 г. стр. 8.—Срв. Гербертъ Спенсеръ: «Нравственность и политика желѣзныхъ дорогъ» въ Полн. Собраніи Соч., Т. I., С.-Петербургъ, 1866 г.

Этотъ пріемъ окончательно утвердился въ послѣднее время и у насъ, въ Россіи. Такъ, безъименный авторъ замѣчательной статьи »Нынѣшній биржевой погромъ» (С.-Петербургскія Вѣдомости отъ 25 октября 1869 г. № 284) говоритъ слѣдующее о «порядкѣ выпуска новыхъ акцій» (III):

«Прямо видно, что биржевая цѣна ново-выпускаемыхъ бумагъ состоитъ въ непосредственной связи съ условіями ихъ выпуска. Въ прежнее время, до нынѣшняго года, у насъ соблюдался по этому предмету порядокъ, что ново-выпускаемыя акціи предлагались публикѣ или по номинальной ихъ цѣнѣ, или же на нѣсколько процентовъ дешевле, а вслѣдствіе того эти новыя акціи появлялись на биржѣ по курсу весьма близкому къ ихъ выпускной цѣнѣ. Еще въ

концѣ 1868 года новыя желѣзнодорожныя акціи тамбовско-козловскія и тамбовско-саратовскія, отлично принятыя публикой, были предложены къ подпискѣ на 15% ниже ихъ номинальной цѣны, и въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ обращались на биржѣ съ незначительной преміей противъ этой *выпускной* цѣны. Подписка на эти акціи производилась публично, а разверстка была сдѣлана по возможности правильная, посредствомъ выдачи нѣсколькихъ акцій мелкимъ подписчикамъ и удовлетворенія крупныхъ въ извѣстной пропорціи.

Но въ настоящемъ году эти прежніе порядки были замѣнены новыми, чрезвычайно убыточными для публики, желающей помѣщать свои капиталы въ акціонерныя предпріятія. Новоизобрѣтенный способъ выпуска акцій состоитъ въ слѣдующемъ: учредители новаго предпріятія уже не предлагаютъ публикѣ своихъ акцій посредствомъ гласной подписки и по номинальной цѣнѣ, установленной правительствомъ, но выпускаютъ ихъ на продажу по частямъ, не всѣ вдругъ, черезъ коммиссіонеровъ, и прямо съ громадною противъ *номинальной* ихъ цѣны премій, которая, по мѣрѣ сбыта акцій, постепенно все болѣе поднимается, пока возбужденное къ новымъ акціямъ увлеченіе на биржѣ и въ публикѣ, наконецъ, обовьется предъ чудовищнымъ размѣромъ требуемой на нихъ преміи.

Вредныя послѣдствія такого порядка выпуска новыхъ акцій очевидны. Изъ свободныхъ капиталовъ, безъ всякой пользы для самаго успѣха предпріятія, поглощается лишняя часть, которая, въ видѣ преміи, перетягивается изъ кармана публики въ карманъ учредителей. Биржевая цѣна новыхъ акцій постепенно поднимается, по мѣрѣ возвышенія преміи на нихъ, а вслѣдствіе того возбуждается биржевая игра, завлекающая людей малоопытныхъ и рискованнаго характера въ невыгодныя операціи. Значительное возвышеніе цѣны новыхъ акцій, истощая количество свободныхъ денегъ у ихъ покупателей, вынуждаетъ этихъ послѣднихъ прибѣгать къ вспомогательному содѣйствію банковъ, чрезъ полученіе отъ нихъ ссуды подъ новоприобрѣтенныя акціи, а вслѣдствіе того и кассы банковъ истощаются, или на ихъ средства ведется игра.

Ясно, слѣдовательно, что новоизобрѣтенный способъ выпуска новыхъ акцій прямо пролагаетъ тотъ путь, который ведетъ къ испытываемому нами въ настоящее время тяжелому биржевому кризису.

Удачный опытъ размѣщенія въ публикѣ новыхъ акцій безъ открытія на нихъ публичной подписки, но исподволь и при постепенномъ возвышеніи ихъ выпускной цѣны, соразмѣрно повышенію курса ихъ на биржѣ, мы видѣли въ раздачѣ писемъ на полученіе акцій орловско-витебской и грязе-борисоглѣбской дорогъ; но слѣдуетъ замѣтить, что учредители этихъ дорогъ начали продажу своихъ акцій не по номинальной ихъ цѣнѣ, не съ скидкою извѣстнаго числа процентовъ, какъ это прежде дѣлалось при выпускѣ новыхъ желѣзнодорожныхъ акцій.

Первый примѣръ выпуска акцій съ громадною преміей на *полную номинальную* ихъ цѣну, явили удивленной публики концессіонеры либавской дороги. Эти акціи, которыхъ номинальная цѣна составляла 100 р., и по коимъ первый взносъ былъ назначенъ въ размѣрѣ 20 р., были предлагаемы чрезъ коммиссіонеровъ прямо съ премію въ 30 р., а какъ только публика и спекуляція подались на эту удочку, премія въ слѣдующіе дни была постепенно повышаема до 40 и 50 р., что составляло отъ 30 до 50% преміи на первый 20-ти рублевый взносъ!!

Въ іюлѣ мѣсяцѣ были произведены на совершенно подобныхъ условіяхъ два выпуска новыхъ акцій, петербургскихъ банковъ Учетнаго и Международ-

наго. При общей имъ номинальной цѣнѣ въ 250 р. и при назначеніи перваго взноса по акціямъ Учетнаго Банка въ размѣрѣ 75 р., а Международнаго 50 р., тѣ и другія были пущены на продажу, въ первый день, съ премією въ 50 р. противъ *номинальной* цѣны, а въ слѣдующіе дни эта премія постепенно поднималась до 60, 75 и 80 рублей. Это составляло, въ средней сложности, также около 25% преміи на полную номинальную цѣну акцій и до 100% преміи на первый взносъ по акціямъ Учетнаго Банка, а по акціямъ Международнаго до 150%. На этихъ условіяхъ можно было купить тѣхъ и другихъ акцій какое угодно количество, и дозволительно думать, что половинное число всего количества акцій перваго выпуска было раскуплено публикою.

Результатъ такого способа выпуска этихъ акцій представляетъ чрезвычайно замѣчательный фактъ: чрезъ распродажу публикѣ одной половины всего количества акцій съ премією, не менѣе 100% на первый взносъ, вышло, что другая половина акцій досталась самимъ учредителямъ *совершенно даромъ*, такъ они не заплатили ни копѣйки изъ своего кармана въ счетъ перваго взноса по нимъ. Слѣдовательно, весь первоначалвный капиталъ для открытія дѣйствій обоихъ банковъ былъ почерпнутъ изъ кармановъ одной публики.

Этотъ фактъ, совершившійся на глазахъ всѣхъ петербургскихъ жителей, могъ осуществиться только потому, что въ утвержденныхъ уставахъ для обоихъ банковъ не было включено опредѣлительныхъ правилъ относительно порядка и условій выпуска акцій. Не зная всѣхъ намѣреній правительства, мы, однако, убѣждены, что оно не расположено жертвовать общими интересами публики въ пользу частнаго интереса нѣсколькихъ лицъ, и думаемъ, что обнаруженный нами пробѣлъ въ утвержденныхъ уставахъ для обоихъ банковъ и къ концессіи на либавскую дорогу, могъ произойдти единственно по недостатку указаній опыта.

Правда, въ § 4 устава учетнаго банка сказано: «Первоначальный капиталъ банка въ *пять милліоновъ* уже *разобранъ учредителями*. Имъ предоставляется въ теченіе мѣсяца, со дня утвержденія устава, *принять въ число учредителей* другихъ лицъ, съ передачею имъ *части* акцій». Изъ содержанія этого параграфа усматривается, что учредители сдѣлали передъ правительствомъ заявленіе о своемъ намѣреніи «*разобрать*», т. е. удержать въ своей собственности всѣ акціи перваго выпуска, съ уплатою по нимъ *пяти милліоновъ* въ капиталъ банка, но съ правомъ передать *часть* акцій только нѣсколькимъ лицамъ, которыя *должны были* поступить въ число учредителей банка. А что же вышло на дѣлѣ? Оказывается, что учредители не *разобрали* акцій въ свою собственность а лишь *забрали* ихъ въ свое распоряженіе на *короткое время*, чтобъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ распродать половинное количество ихъ съ огромнѣйшею преміей, притомъ, ничуть не передавая ихъ только такимъ лицамъ, которыя поступали въ число учредителей, а просто продавая ихъ вообще всѣмъ желающимъ, въ число 5 милліоннаго первоначальнаго капитала банка поступило по первому взносу только полтора милліона рублей, которые были всѣ почерпнуты въ карманѣ публики, чрезъ продажу ей акцій съ громадною преміей.

Въ уставѣ международнаго банка вовсе не упомянуто ни объ участіи учредителей въ составленіи первоначальнаго капитала банка, ни о выпускѣ акцій, лишь въ § 4-мъ сказано: «*При подпискѣ на акціи*, со взносомъ по нимъ 20%, выдаются учредителями временныя свидѣтельства». Изъ этихъ словъ можно

заключить, что предполагалось открыть публичную подписку на акціи; однако мы видѣли, что акціи были пущены въ продажу безъ подписки.

Въ концессіи на постройку либавской желѣзной дороги было сказано съ полной ясностью: «*Время и условія публичной подписки на акціи* подлежатъ утвержденію министра финансовъ». Однако, либавскія акціи были распроданы безъ открытія на нихъ публичной подписки, но черезъ коммиссіонеровъ и съ чудовищною преміей. Было ли испрошено на такое распоряженіе согласіе г. министра финансовъ—это осталось неизвѣстнымъ для публики, съ нетерпѣніемъ ожидавшей открытія публичной подписки на акціи, согласно съ высочайше утвержденными условіями концессіи на либавскую дорогу».

У насъ биржевая игра водворилась въ С.-Петербургѣ только съ начала 1869 г., но тотчасъ съ замѣчательною энергіею. Такъ напримѣръ относительно акцій кинешемско-ивановской желѣзной дороги «С.-Петербургскія Вѣдомости» приводятъ (1869 г. № 238, 30 авг.) слѣдующія подробности: »Въ день разверстки, утромъ, они продавались по 125 рублей, потомъ, черезъ часъ, нельзя было достать и по этой цѣнѣ; затѣмъ, въ три часа, въ тотъ же день, они продавались только по 115 р. Сообразите тѣ барыши, какіе успѣли нажить спекулляторы въ нѣсколько часовъ. Въ настоящее время эти акціи продаются только по 108 р. Значитъ, спекуляція насытилась и въ проигрышѣ остались тѣ, которые тѣснились въ международномъ банкѣ въ дни подписки съ опасностію живота своего.

Предпринимательскій капиталъ всегда опредѣляется въ размѣрѣ извѣстной денежной суммы. Послѣдняя дробится на такія доли, или паи, какіе считаютъ удобнѣе собрать отъ отдѣльныхъ лицъ. Вопросъ о размѣрѣ паевъ однако состоитъ въ связи съ вопросомъ объ устраненіи игры и спекуляціи отъ помѣщенія акціонернаго капитала. Мелкіе паи доступны большинству и, слѣдовательно, гораздо легче ихъ продавать и вести разсчеты, играть на ихъ цѣну, или колебать ее. Поэтому слишкомъ мелкое дробленіе акціонерныхъ паевъ не нормально. Но, съ другой стороны, слишкомъ значительные паи устраняютъ большую публику, даже и обладающую свободными капиталами, а потому паи попадаютъ въ руки умѣлыхъ спекулянтовъ. Слишкомъ крупные паи не нормальны, такъ какъ въ этомъ случаѣ капиталъ укрывается за ограниченною отвѣтственностію, несмотря на возможность образовать полное товарищество. Вообще же, размѣръ паевъ долженъ находиться въ извѣстномъ соотношеніи ко всему акціонерному капиталу, напр. акція не должна составлять менѣе $^1/_{10,000}$, или болѣе $^1/_{1000}$ всего капитала. Такое соразмѣреніе акцій должно быть установлено закономъ. Напрасно до сихъ поръ ограничиваются установленіемъ только минимума. Это не значитъ спасать мелкихъ капиталистовъ отъ продѣлокъ спекулянтовъ и игроковъ, но устранять акціонерную форму

для производствъ, не требующихъ значительныхъ капиталовъ, и въ тоже время вообще не допускать мелкія сбереженія къ участію въ выгодахъ отъ акціонерныхъ предпріятій. Нѣтъ сомнѣнія, что могутъ быть и 25 рублевыя акціи, что есть предпріятія небольшаго размѣра, обладающія все таки такою гадательностью, что и по нимъ предприниматели не рискнутъ иначе, какъ въ акціонерной формѣ. Во всякомъ случаѣ, ограничить размѣръ акцій неизмѣннымъ низшимъ предѣломъ не имѣетъ основанія, раціонально только поставить величину акцій въ зависимость отъ размѣра предпринимательскаго капитала. Въ огражденіе отъ игры и спекуляціи не слѣдуетъ также допускать, чтобы учредители оставляли за собою всѣ акціи, тѣмъ дается имъ даровой матеріалъ для наживы.

Учредители могутъ образовать партіи, вступать въ фиктивныя сдѣлки, сдѣлать мнимые заказы на большое количество акцій по возвышенной цѣнѣ: на биржѣ будетъ казаться, что акціи находятся въ движеніи, что на нихъ есть спросъ, публика бросится покупать, тѣмъ еще подниметъ ихъ цѣну, что и послужитъ къ обогащенію спекулянтовъ, во время сбывающихъ; а въ случаѣ паденія акцій подлежатъ убыткамъ, или раззоренію одни покупатели. Вотъ почему, закономъ должно строго воспретить разборъ акцій самими учредителями, или обязать ихъ, въ теченіи извѣстнаго срока, не ранѣе окончанія продолжительнаго оборотнаго періода, не переуступать пріобрѣтенныхъ ими акцій, да и то не все количество послѣднихъ, а часть—серію, выпускъ. Въ теченіи такого срока доходность предпріятія успѣетъ опредѣлиться, цѣна акцій по ней прочно установится, а потому покупатели уже охранены отъ ложныхъ завѣреній и ихъ не могутъ эксплоатировать спекулянты учредители.

Акціонерный капиталъ равняется понятно сложности паевъ, каждому же паю соотвѣтствуетъ такъ называемая акція. Размѣръ же пая, по разсчету на весь предпринимательскій капиталъ, составляетъ такъ называемую нарицательную, номинальную цѣну акціи, он и пишется на послѣдней, и всякій владѣлецъ акціи отвѣчаетъ въ этой суммѣ; въ ея размѣрѣ онъ рискуетъ и является предпринимателемъ. Вслѣдствіе же того, что подъ вліяніемъ спекуляціи и игры, по новизнѣ и безвѣстности вновь учреждаемаго предпріятія, цѣна акцій чрезвычайно не устойчива—эту естествен-

ную цѣну акцій и принято называть номинальною, нарицательною, какъ бы фиктивною.

§ 53. Нормальныя условія подписки и развертки акцій. Основной характеръ паевыхъ цѣнностей.

Ради устраненія разбора акцій самими учредителями, законъ можетъ только допускать подписку, но и подписку только по номинальной цѣнѣ. Отъ этой подписки нормальной нужно отличать спекулятивную подписку, послѣдняя сочиняется, чтобы вводить публику въ заблужденіе, въ томъ случаѣ, когда учредители, оставивъ акціи за собою, предлагаютъ на нихъ подписку по возвышенной цѣнѣ, съ премією, чрезъ посредство конторъ и банковъ. Такая подписка легко вводитъ въ заблужденіе, но она идетъ въ вѣрную пользу однихъ спекулянтовъ. Поэтому, законъ долженъ не только запретить разборъ акцій самими учредителями, но и запретить подписку вообще не по номинальной цѣнѣ. Не нормальна, рядомъ съ нарицательною цѣною на акціи, еще вторая подписная, превышающая первую или уступающая ей, что было бы доказательствомъ малонадежности конъектуры.

Въ новѣйшее время до такой степени поняли характеръ и цѣль акціонерныхъ предпріятій, что обыкновенно при подпискѣ является больше желающихъ купить акцій, чѣмъ сколько послѣднихъ предлагается. Это ведетъ къ такъ называемой перепискѣ акцій. Но помимо основнаго источника переписки дѣйствуетъ еще, сплошь и рядомъ, игра и спекуляція, спекулянты подписываются на большее количество акцій, чтобы получить желаемое для перепродажи, а игроки держатъ пари въ виду послѣдней, чтобы нажить хотя и не на дѣйствительномъ сбытѣ акцій, но на вѣроятной разницѣ между цѣною сбыта и подписною, или нарицательною. При этомъ, для усиленія разницы и колебанія цѣны, игроки распускаютъ и разные ложные слухи, устно и посредствомъ газетъ, такъ какъ биржевыя партіи, подобно партіямъ политическимъ, имѣютъ свои печатные органы. Такимъ образомъ, избытокъ подписки еще не доказываетъ, что всѣ акціи дѣйствительно разобраны, потому что подписанныхъ

денегъ спекулянты серьезно не запасаютъ, и если бы вздумалось потребовать оплаты разомъ, то наличныхъ средствъ бы не оказалось у большинства подписчиковъ первоначальныхъ: масса ихъ спекулянты, которые желаютъ, для наживы отъ цѣны, перепродать акціи впослѣдствіи въ такъ называемыя твердыя руки, т. е. настоящимъ хозяевамъ и предпринимателямъ. Если напр. предпринимательскій капиталъ компаніи раздѣленъ на 100 тысячъ акцій и спекулянты разсчиваютъ, что подписчиковъ найдется на 90 тыс., а сами они надѣются современемъ перепродать на 50 тыс., то сразу они же подпишутся больше, чѣмъ на остальныя 10 тыс. акцій, но не съ тѣмъ, чтобы дѣйствительно пріобрѣсть ихъ и вступать предпринимателями въ компанію, а чтобы затѣмъ нажить премію. Спекулянты разсчитываютъ, что имъ и достанется сполна то количество акцій, какое потребно, лишь въ томъ случаѣ, когда они подписались на нѣсколько разъ большее. Придется сдѣлать разверстку акцій между подписчиками, пропорціонально всей суммѣ, на какую простерлась и подписка. Точно также поступаютъ затѣмъ уже не только спекулянты, но и частныя лица, и они подписываются на большее количество акцій, чѣмъ имъ потребно на самомъ дѣлѣ. Понятно, что такимъ образомъ можетъ подписка въ 10 и 100 раза превышать акціонерный капиталъ. Если притомъ въ данный моментъ игра оживлена, то подписка тѣмъ обильнѣе, если же игра слаба и подписка идетъ тихо. Вотъ почему, дѣлать выводы на основаніи излишества подписокъ возможно только по отношенію къ биржевой игрѣ и спекуляціи, а не по отношенію къ обилію капиталовъ, многочисленности твердыхъ рукъ по предпріятію. Обыкновенно больше всѣхъ переписываютъ акціи спекулянты, а потомъ уже болѣе умѣлые частныя лица, поэтому никакъ нельзя разверстывать акціи прямо пропорціонально той суммѣ, на какую кто подписался, а скорѣе слѣдуетъ разверстывать обратно пропорціонально этой суммѣ. Обыкновенно говорятъ что, кто много подписалъ, тотъ денежный человѣкъ. Положимъ, что и это вѣрно, но дѣло въ томъ, что онъ спекулируетъ на эти деньги, онъ подписывается на большое количество акцій съ тѣмъ, чтобы перепродать ихъ, а кто подписывается на малое количество ихъ, тотъ покупаетъ для себя, потому что не можетъ быть разсчета спекулировать на какіе нибудь 5—10 акцій, а если бы даже онъ подписался и для перепродажи, то такой подписчикъ цѣны не поколеблетъ своими десятью акціями.

Профессоръ Э. Вреденъ.

Типографія и литографія Кн. Оболенскаго, уголъ Николаевск. и Стрем. № 3—22.

Поэтому, слѣдуетъ стараться, чтобы безъ игры и спекуляціи акціонерный, предпринимательскій капиталъ переходилъ въ руки предпринимателей прямо, а потому слѣдуетъ разверстывать акціи обратно пропорціонально той суммы, на которую кто подписался. Правила такого разверстанія должны быть неизмѣнно установлены закономъ.

Сверхъ того, въ большинствѣ случаевъ подписка происходитъ въ не многихъ мѣстахъ, именно въ главнѣйшихъ центрахъ спекуляціи. Между тѣмъ, необходимо имѣть въ виду, что акціонерныя предпріятія доставляютъ возможность ничтожнымъ капиталамъ, которые не могли бы составить самостоятельныхъ предпріятій, принять участіе въ оборотахъ: задача акціонерной формы и состоитъ именно въ томъ, чтобы изъ ничтожныхъ взносовъ и долей составить громадную сумму, необходимую для большихъ оборотовъ. Должно, слѣдовательно, при этихъ двухъ задачахъ имѣть въ виду, чтобы всякая свободная доля капитала могла принять участіе, т. е. подписка на акціи должна быть общедоступна. Если далѣе, считать учрежденіе акціонернаго предпріятія договоромъ между лицами, складывающими свои капиталы, если подписку считать за моментъ совершенія такого договора, то необходимо возникновеніе этого договора сдѣлать столь же доступнымъ къ совершенію какъ и всякій другой; а потому подписка могла бы обязательно происходитъ во всѣхъ нотаріальныхъ конторахъ, что при удобствѣ нынѣшняго сообщенія извѣстій не представитъ никакихъ затрудненій, о результатѣ подписокъ отовсюду можно узнать въ тотъ же день по телеграфу. Между тѣмъ, въ настоящее время самое предпріятіе будетъ дѣйствовать за нѣсколько тысячъ верстъ, на пр. гдѣ нибудь на Кавказѣ, а подписка на акціи идетъ въ Петербургѣ. Помѣщеніе предпріятія напрасно зависитъ исключитсльно отъ главной биржи, благодаря этому обстоятельству, только спекулянты и игроки получаютъ большій просторъ, сосредоточивъ свои дѣйствія въ большихъ промышленныхъ центрахъ. Если бы каждый капиталистъ самъ могъ обратиться къ нотаріусу съ подпискою на акціи, то хотя бы и произошла переписка на акціи, но отъ нея ничего не измѣнилось бы, такъ какъ одинаково можно сдѣлать разверстку.

До сихъ поръ исходили изъ того понятія, что слѣдуетъ прежде всего обезпечить само предпріятіе капиталомъ, что правильныхъ взносовъ по акціямъ слѣдуетъ скорѣе ожидать отъ крупныхъ капиталистовъ,

а потому при развертк'Ѣ имъ слѣдуетъ дать преимущество. Но если разъ несомнѣнно, что акціонерный капиталъ составляется изъ малыхъ долей, которыя сами по себѣ непроизводительны, или мало боятся риску и подвергаютъ ограниченной отвѣтственности, то это не даетъ основанія предполагать, что подписывающійся на акціи не имѣетъ средствъ къ послѣдующимъ взносамъ. Очевидно, единственно нормально, чтобы разверстка акцій происходила въ убывающей прогрессіи по мѣрѣ болѣе значительной подписки, да притомъ слѣдуетъ опредѣлить максимумъ, свыше котораго не слѣдуетъ давать акцій въ одни руки. Тогда отнимется возможность спеціально разсчитывать на наживу черезъ перепродажу акцій. На это возражаютъ, что банкиры могутъ подписываться на акціи по мелочамъ черезъ подставныхъ лицъ. Но это осуществимо и тогда, когда разверстка происходитъ прямо пропорціонально размѣру подписки, напр. если переписка дошла до пяти разъ, то подписавшіеся на каждыя 5 акцій получаютъ только одну, а подписавшіеся на меньшее количество не получаютъ, или по одной. Это такой насильственный пріемъ, что его едва ли можно чѣмъ оправдать, кромѣ того предлога, что капиталъ предпріятія надежно помѣщенъ только въ рукахъ крупныхъ капиталовъ. Такое разсужденіи и заключаетъ въ себѣ тотъ элементъ незаслуженнаго покровительства капиталу, который и вызвалъ всѣ нападки на послѣдній со стороны соціалистовъ и коммунистовъ.

Если же подписку удалить изъ большихъ центровъ, гдѣ много игроковъ и спекулянтовъ, то и подписываться на акціи черезъ подставныхъ лицъ будетъ чрезвычайно трудно. Во всякомъ случаѣ, она черезъ подставныхъ лицъ и теперь совершается, и ни какая банкирская контора не желаетъ обнаружить, въ какомъ размѣрѣ она подписывается для спекуляціи. Наконецъ, нѣтъ основаній полагать, что при дробной развертк'Ѣ подписка подставными будетъ сильнѣе, чѣмъ при теперешней, напротивъ она будетъ труднѣе, потребуется большее число лицъ. Хотя и говорятъ, что можно нанять подставныхъ лицъ, но число послѣднихъ подлежитъ ограниченію; это не такъ легко какъ кажется, такъ какъ деньги, вносимыя при самой подпискѣ на акціи въ видѣ залога можно ввѣрять только надежному лицу, а не первому встрѣчному. Если бы подписка была организована указаннымъ нами образомъ и разверстка производилась согласно приведенному нами правилу,

то въ руки денежныхъ торговцевъ перешла бы ничтожная доля акцій и спекуляція не могла бы колебать цѣны на послѣднія, такъ какъ для этого необходимо, чтобы въ рукахъ ея находилась приблизительно около 1/3 всѣхъ акцій.

Затѣмъ, слѣдуетъ запретить подписку по высшей противъ нарицательцой цѣнѣ, а когда учредители сами разобрали акціи, то должно послѣднихъ обязать оставить акціи за собою въ теченіи достаточнаго срока, пока не обнаружится состоятельность предпріятія; иначе подобная повторительная подписка какъ фиктивная и предосудительный маневръ, вводитъ въ заблужденіе публику, которая рѣдко отличаетъ первоначальную, настоящую ради помѣщенія, подписку отъ этой фиктивной, такъ сказать распродажной въ пользу учредителей. Если при разверсткѣ подписчики получаютъ меньшее количество акцій чѣмъ то, на которое они подписывались, то въ соотвѣтственной пропорціи возвращается и задатокъ, который исключительно важенъ какъ оплотъ противъ безграничнаго переписыванія. Послѣ разверстки лицамъ получившимъ данное количество паевъ, выдаются на нихъ временныя свидѣтельства. Общее собраніе изъ владѣльцевъ послѣднихъ является настоящимъ хозяиномъ предпріятія, а потому оно должно опредѣлить, не находитъ ли оно нужнымъ измѣнить нѣкоторыя частности въ первоначальной конъектурѣ предпріятія, въ какомъ размѣрѣ и какой послѣдовательности приступать къ ея осуществленію, избирать уплавленіе, установить постепенность въ оплатѣ акцій и сроки для дальнѣйшихъ взносовъ. Вновь возникающее акціонерное предпріятіе, на первый разъ, нуждается только въ основномъ капиталѣ, такъ какъ вообще предпринимательскій капиталъ дѣлится на основный, расходный и запасный, т. е. вовсе нѣтъ надобности собирать сразу весь предпринимательскій капиталъ, потребна пока опредѣленная доля, соотвѣтствующая всему, или части основнаго капитала. Основный капиталъ овеществляется обыкновонно въ видѣ орудій, машинъ, сооруженій и построекъ, а надобность во всѣхъ нихъ является также не разомъ, а по частямъ, ихъ заготовка можетъ производиться послѣдовательно. Такъ при постройкѣ желѣзной дороги нужно сначала устроить насыпь, далѣе уложить шпалы, потомъ рельсы, построить станціи и наконецъ уже ставить на рельсы вагоны и локомотивы, нанимать личный составъ служащихъ; если притомъ дорога пролагается на большое протяженіе, то нѣтъ надобности и

даже возможности начинать постройку разомъ на всемъ пространствѣ, слѣдуетъ разбивать и сооружать ее по участкамъ.

Соотвѣтственно такой постепенности сооруженія и предпринимательскій капиталъ потребенъ не сразу весь, а по долямъ, и взносъ по акціямъ можетъ быть разсроченъ сообразно быстротѣ въ осуществленіи самаго предпріятія. Обыкновенно подписчики назначаютъ только срокъ перваго взноса, а опредѣленіе остальныхъ представляется уже выбранному правленію компаніи, смотря по ходу оборотовъ. При этомъ можетъ случиться, что въ послѣднихъ взносахъ не окажется даже надобности: такъ если движеніе открыто на нѣсколькихъ участкахъ строющейся желѣзной дороги, то отъ послѣдняго можетъ получаться доходъ въ размѣрѣ, который покроетъ собою расходы по постройкѣ и послѣдующихъ участковъ; тогда очевидно нѣтъ надобности требовать отъ акціонеровъ послѣднихъ взносовъ. Поэтому, если акція написана на 300 р. (номинальная цѣна), а по ней взнесено въ нѣсколько сроковъ 180 руб., остальные же 120 взносить не потребовалось, вслѣдствіе того, что остатокъ предпринимательскаго капитала пополнился доходностью первыхъ же оборотовъ, то не смотря на неполную оплату—каждая акція дѣйствительно стоитъ 300 р.: именно послѣдняя цѣна установилась по доходности предпріятія. Слѣдовательно, первая особенность акцій, какъ паевыхъ цѣнностей, та, что на нихъ существуетъ всегда три цѣны: первая цѣна нарицательная, соотвѣтствующая той суммѣ, на которую онѣ написаны, вторая дѣйствительная цѣна, та, которая соотвѣтствуетъ оплатѣ ихъ или доходности предпріятія. Если же есть надежда, что акція за которую уплочено 180 р. будетъ по капитализированному доходу стоить 320 р., однимъ словомъ, если предвидится соотвѣтственно оборотамъ значительное уклоненіе отъ номинальной цѣны, въ ту или другую сторону, то на биржѣ будетъ стоять третья цѣна, всегда зависящая отъ перепродажъ, отъ спроса и предложенія, эта третья, несовпадающая неизбѣжно съ первыми двумя, цѣна называется биржевою цѣною акцій. Объ ней-то игра и спекуляція больше всего, почти единственно, и заботятся, тогда какъ народное хозяйство требуетъ, чтобы биржевая цѣна точно совпадала съ дѣйствительною цѣною. Такъ какъ, изъ этихъ трехъ цѣнъ, прямому колебанію отъ сдѣлокъ по сбыту и перепродажамъ, отъ предложенія и спроса, подлежитъ только биржевая цѣна, то необходимо закономъ обязать компанію во всѣхъ отчетахъ обозна-

чать и нарицательную, и дѣйствительную цѣну акціи, иначе публика можетъ ошибиться смѣшать ихъ съ биржевою. Точно также предпріятіе не въ правѣ приводить по отчетамъ свой капиталъ, не обозначивъ, какъ онъ сложился, изъ взносовъ ли сполна, или же отъ отчисленія части доходовъ по самому предпріятію, т. е. единственно по суммѣ оплатъ, или дѣйствительной цѣны всѣхъ акцій. Тотъ номинальный капиталъ предпріятія, который обозначается въ первоначальной коньектурѣ предпріятія пріобрѣлъ у насъ названіе акціонернаго капитала, въ отличіе отъ складочнаго, который съ нимъ не совпадаетъ. Складочный, или дѣйствительно наличный капиталъ образуетъ сумма, соотвѣтствующая дѣйствительной, оплатной, или капитализированной отъ дохода, цѣнѣ акцій.

Параллельно тому основному закону хозяйства, по которому обороты и затраты приводятъ всегда къ объединенію опредѣленное число лицъ, связывая ихъ трудовыми или капитальными интересами, въ соотвѣтствіи съ этимъ закономъ находится другой, что вообще хозяйственныя величины, на сколько онѣ заключаются въ запасахъ цѣнностей, или капиталахъ, пріобрѣтаютъ внѣшнее общее выраженіе въ составѣ процессовъ по перемѣщенію и обращенію цѣнностей, въ наиболѣе ходячей мѣноспособной формѣ послѣднихъ въ деньгахъ. Притомъ деньги являются не только среднимъ выраженіемъ прочихъ капиталовъ, но оказываются и цѣнностями, которыми замѣняются, ради упрощенія и коньектуръ и оборотовъ, прочія цѣнности именно потому, что и сами они остаются цѣнностью же. Но, рядомъ съ указанною дѣйствительною замѣною, существуетъ и условное представительство цѣнностей, когда они получая себѣ своеобразное выраженіе, по существу все таки не замѣняются, а пріемъ внѣшняго представительства ограничивается созданіемъ условнаго знака, представляющаго только цѣнность, но не замѣняющаго ее параллельною экономическою величиною. Внѣшніе знаки цѣнностей чаще всего являются и наибольшее значеніе имѣютъ въ области производства и потребленія, они носятъ названіе бумажныхъ цѣнностей, денежныхъ бумагъ или вѣрнѣе всего, какъ представители капитальныхъ долей—паевыхъ цѣнностей. Большею частью они и представляютъ собою доли опредѣленнаго запаса цѣнностей, или капитала. Паевыя цѣнности являются существеннымъ элементомъ сдѣлокъ, имѣющимъ вліяніе даже на внутреннюю организацію предпріятія въ акціонерной формѣ, такъ какъ акціонерный капиталъ всегда складочный

и пріемъ складыванія приводитъ къ выдачѣ свидѣтельствъ, паевыхъ знаковъ. Первоначально необходимо выдавать просто свидѣтельства, неимѣющія опредѣленнаго экономическаго характера, его уже пріобрѣтаютъ только впослѣдствіи акціи. Въ сущности же и паевыя свидѣтельства и акціи совершенно однородны, отличаются только по обращаемости.

§ 54. Паевыя и кредитныя цѣнности, какъ представители положительнаго и отрицательнаго элементовъ въ общемъ составѣ капитала предпріятія.

Вообще же паевыя цѣнности, служа только представителями цѣнностей дѣйствительно существующихъ, могутъ пріобрѣтать весьма различную юридическую форму, къ нимъ относятся вкладныя росписки, варранты, акціи, паевыя свидѣтельства и т. д.; всѣ онѣ паевыя цѣнности и служатъ мѣноспособными свидѣтельствами о дѣйствительно существующихъ цѣнностяхъ. Ихъ во всякомъ случаѣ необходимо отличать отъ кредитныхъ цѣнностей, служащихъ представителями еще только въ будущемъ имѣющихъ разрѣшиться сдѣлокъ, т. е. отношеній, обязательствъ, правъ по обязательствамъ. Смѣшеніе акцій съ банковыми билетами есть грубая ошибка, а отнести паевыя цѣнности въ разрядъ кредитныхъ бумагъ подъ общимъ названіемъ фондовъ, цѣнныхъ бумагъ, позволительно только практическому эмпиризму и значитъ обнаружить теоретическое невѣжество. Понятно, что на биржѣ и въ ежедневномъ оборотѣ банковъ цѣнности являются сами по себѣ просто товаромъ, предметомъ сдѣлокъ, и потому различаются только по цѣнѣ, а не по существу, разные виды бумагъ. Но съ научно экономической точки зрѣнія необходимо разграничивать паевыя цѣнности отъ кредитныхъ.

Приведенное существенное заблужденіе породило и другое, у нѣкоторыхъ писателей, будто въ основаніи строя акціонерныхъ предпріятій лежатъ кредитныя отношенія, вслѣдствіе чего доходили до требованія запретить выпускъ билетовъ акціонернымъ банковымъ предріятіямъ.

По своей экономической самостоятельности паевыя цѣнности, какъ приведено только что, и имѣютъ троякую цѣну: дѣйствительную, номинальную и биржевую. Прибавимъ къ сказанному, что биржевая цѣна въ своихъ колебаніяхъ можетъ дойти до отрицательной величины, если по акціи, напримѣръ, въ 200 р. внесено 75 р., такъ что каждый владѣлецъ обязанъ еще внести 125 р., предпріятіе пошло дурно; каждый акціонеръ готовъ потерять первоначальный взносъ, лишь бы небыть обязаннымъ уплатить остальные, и нерѣдко уступаютъ акціи другимъ, не только съ уступкою, но еще съ приплатою.

На основаніи изложеннаго, относительно значенія и состава предпринимательскаго капитала въ акціонерныхъ предпріятіяхъ, ясно, что каждый акціонеръ, вступая въ послѣднее, рискуетъ только капиталомъ и то въ размѣрѣ пріобрѣтенныхъ акцій, или, что рискъ акціонеровъ и ограниченъ и лично не великъ, почему для послѣднихъ нѣтъ побужденія принимать радивое и непосредственное участіе въ оборотливости компаніи; достаточно одного общаго надзора, провѣрки отчетовъ со стороны акціонеровъ, а затѣмъ вся предпріимчивость и оборотливость могутъ быть привлечены по найму.

Коньектура можетъ быть пріобрѣтена куплею, а оборотливость довѣрена наемному труду, наравнѣ съ исполненіемъ. Конечно, это сопряжено и съ большими невыгодами, особенно вслѣдствіе обширности акціонерныхъ оборотовъ, чрезвычайно трудно услѣдить за добросовѣстностью наемныхъ представителей трудовъ. Поэтому нормально идутъ только тѣ акціонерныя предпріятія, гдѣ по оборотамъ выработались уже точные пріемы, недопускающіе уклоненій. Съ другой стороны, предметомъ акціонерныхъ предпріятій могутъ быть и чрезвычайно рисковые обороты и затраты, для которыхъ по новизнѣ пріемы еще вовсе не установились, для которыхъ необходимы спеціальныя техническія свѣдѣнія, недоступныя обыкновенно акціонерамъ. Имѣть надзоръ за такими спеціалистами тѣмъ неосуществимѣе, а потому приходится вполнѣ имъ довѣрять. Тѣмъ не менѣе указанные два вида оборотовъ (вполнѣ установившіеся и только что выясняющіеся), вслѣдствіе склада акціонерныхъ предпріятій наиболѣе свойственны имъ *).

*) Еще Ад. Смитъ полагалъ, что акціонернымъ компаніямъ слѣдовало предоставлять всего четыре оборота: 1) банковый; 2) страховой отъ огня и моря;

Въ разборъ капитальнаго элемента при акціонерномъ строѣ мы уже выше вынуждены были вступать, для выясненія путей обособленія и предпріимчивости и слабости оборотливости, остается коснуться только еще нѣкоторыхъ родовъ акціонернаго капитала, и указать, что главную роль играетъ основной предпринимательскій, или складочный капиталъ. Этотъ капиталъ можетъ пополняться и возростать, независимо отъ оплаты и взносовъ акціонерныхъ, въ случаѣ частичной доходности предпріятія. Но возможенъ также и другой способъ пополненія основнаго предпринимательскаго капитала: именно посредствомъ займовъ. Однимъ словомъ, наравнѣ съ паевыми цѣнностями акціонерное предпріятіе, подобно артели, можетъ имѣть долговыя обязательства, или въ составъ его основнаго же капитала могутъ войти кредитныя цѣнности.

При такомъ пополненіи акціонернего капитала ссуднымъ, помощью заимовыхъ облигацій, необходимо обратить вниманіе на то, что въ акціонерномъ предпріятіи личность предпринимателей не имѣетъ никакого прямаго экономическаго значенія, а рискъ и отвѣтственность лежатъ только на складочномъ капиталѣ въ размѣрѣ дѣйствительной цѣны акцій. Владѣлецъ акціи (если она не именная) можетъ уступить ее кому угодно, отъ этого компанія ничего не теряетъ. Существованіе акціонернаго предпріятія не связано съ хозяйственною состоятельностію его участниковъ и предпринимателей. Нѣтъ, строго говоря, выбывающихъ членовъ, или поступающихъ вновь, а есть безпредѣльно возобновляющаяся уступка акцій, и продолжительность существованія акціонернаго предпріятія такимъ образомъ неопредѣленно. Акціонерное предпріятіе, поддерживающее самостоятельность оборотовъ только предпринимательскимъ капиталомъ, рушится тогда, когда послѣдній уничтоженъ, или упраздняется по постановленію владѣльцевъ.

Вслѣдствіе же возможной безсрочности существованія для акціонерныхъ предпріятій, и займы ихъ могутъ быть приведены къ формѣ долгосрочныхъ долговъ, т. е. фактически близко подходятъ къ тѣмъ формамъ, въ какихъ совершаются займы общественныхъ сферъ,

---

3) каналы и водопроводы. Онъ говоритъ V B., 8 chapter: «the only trades which its seems possible for a joint-stock company to carry on successfully, without an exclusive privilege, are those, of which all the operations are capable of being reduced to what is caled *routine* or *to such a uniformity* of method as admits ar litle or no variation.

государственные, общинные, городскіе и вообще такъ называемые финансовые. Акціонерныя компаніи могли бы даже, хотя того не слѣдуетъ допускать, и до сихъ поръ этого и не дѣлаютъ, заключать безсрочные рентные займы, обязываясь только правильнымъ платежемъ процентовъ. По формѣ такіе займы доступны акціонерной компаніи, хотя по сущности они противорѣчатъ всякому промышленному предпріятію, иначе это значило бы признать долгъ, въ составѣ капитальныхъ средствъ предпріятія, элементомъ вполнѣ нормальнымъ. А между тѣмъ, долговой элементъ прямо отрицательный въ предпринимательскомъ капиталѣ, и потому долженъ быть временнымъ, слѣдовательно срочнымъ; при этомъ, долгъ можетъ погашаться конечно не единовременною уплатою, а съ помощью тиражнаго, или даже процентнаго погашенія и биржевою покупкою облигацій.

Заключеніе займовъ въ акціонерной компаніи уже безразлично доступно путемъ тѣхъ внѣшнихъ пріемовъ, которыми совершаются финансовые займы, т. е. нѣтъ необходимости занимать у опредѣленныхъ лицъ и банковыхъ предпріятій (хотя и подобные займы совершаются), а можно обратиться за займомъ къ неизвѣстнымъ капиталистамъ, ко всей публикѣ и возможно съ вѣрителями въ личныя обязательства и не вступать, а выдавать безыменныя долговыя свидѣтельства на равныя суммы, какъ придется по принятому раздѣленію всего долга на однообразныя доли: а затѣмъ, подобно акціямъ и предлагать займовыя свидѣтельства на подписку публикѣ. Подписка на, спеціально въ промышленныхъ предпріятіяхъ такъ называемыя, облигаціи представляетъ, какъ и по акціямъ, на случай переписки разверстку.

Основное различіе между акціями и облигаціями конечно то, что первыя суть паевыя цѣнности, а вторыя кредитныя; первыя положительный элементъ въ составѣ складочнаго капитала компаніи, а облигаціи отрицательный. Понятно, что акціонерная компанія, подобно личному и артельному предпріятію, можетъ начать свой оборотъ, располагая только облигаціоннымъ, долговымъ капиталомъ, однако она подобнымъ образомъ не должна дѣйствовать и законъ не долженъ допускать подобнаго образованія основнаго капитала. Въ личномъ и артельномъ предпріятіяхъ представители несутъ полную отвѣтственность, а первоначальный заемъ предпринимательскаго капитала тѣмъ, а оправдывается:

тамъ рискуютъ и отвѣчаютъ опредѣленныя лица, притомъ неограниченно лично и имущественно. Въ акціонерной же компаніи личной отвѣтственности никто не несетъ, а имущественная отвѣтственность ограничивается только нарицательнымъ капиталамъ, да и то, строго говоря, въ размѣрѣ оплаты акцій, если послѣднія безыменныя. Такимъ образомъ, акціонеры являются единственными и притомъ ограниченными отвѣтчиками, а потому прежде чѣмъ будутъ разобраны акціи, долгъ ничемъ не гарантированъ.

Конечно, акціонерная компанія никогда не дѣлаетъ займа въ такой голой формѣ, т. е. не собравъ предварительно никакого складочнаго капитала. Но сущность дѣла нисколько не измѣняется, если всетаки не весь облигаціонный капиталъ покрытъ акціонернымъ капиталомъ, и если первый составляетъ $^3/_5$ всего основнаго капитала предпріятія, а послѣдній только $^2/_5$, такъ что $^1/_5$ облигаціоннаго капитала остается ничѣмъ не покрытою, не гарантированною. Слѣдовательно, частичный акціонерный капиталъ является только благовиднымъ прикрытіемъ первоначальнаго займа и приличнымъ спутникомъ облигаціоннаго. Конечно, публику трудно ввести въ заблужденіе и она сразу поняла, что займы, не покрытые акціонернымъ капиталомъ, дѣло весьма рискованное. Понятно, что само предпріятіе не можетъ навѣрное обезспечить ни опредѣленнаго процента, ни срочнаго возврата облигаціоннаго капитала, если послѣдній превышаетъ складочный, а потребна гарантія третьей стороны: города, земства или государства: такимъ путемъ неизбѣжно должно было дойти до оффиціальныхъ гарантій. Гарантія заключается въ томъ, что третья сторона ручается передъ заимодавцами предпріятія за опредѣленный доходъ по облигаціямъ и за возвратъ самаго долговаго капитала, не смотря ни какой неблагопріятный исходъ предпріятія. Заручившись гарантіею акціонерная компанія уже можетъ сдѣлать заемъ, превышающій ея капиталъ.

Къ займамъ же акціонерныя компаніи вообще весьма охотно стремятся, такъ какъ, чѣмъ болѣе займовой капиталъ превышаетъ складочный, тѣмъ обильнѣе раздѣлъ прибыли для акцій. Эта выгода основана на слѣдующемъ разсчетѣ: положимъ, что данное предпріятіе приноситъ 12% доходу, а владѣльцы облигацій на свой капиталъ получаютъ 8%, а 4% съ общей суммы всего предпринимательскаго капитала идутъ въ пользу акціонеровъ; чѣмъ меньше количество акцій, или чѣмъ ничтож-

нѣе складочный капиталъ, даже чѣмъ дробнѣе самыя акціи, тѣмъ болѣе крупными долями весь барышъ распредѣлится на акціонерный капиталъ. Понятно при этомъ, что акціонерная компанія можетъ сдѣлать подписку на заемъ не иначе, какъ подъ условіемъ выплачивать владѣльцамъ облигацій, по крайней мѣрѣ, ходячій процентъ; если послѣдній положимъ по всякимъ ссудамъ 8, то не придется платить, ни въ какомъ случаѣ, менѣе этого процента. Одно возможно, компанія предлагаетъ подписку на облигаціи по меньшему % противъ ходячаго, но съ публики не требуетъ уплаты номинальной цѣны облигацій, а взносъ меньше на столько, чтобы на дѣйствительно уплоченныя деньги получился всетаки ходячій %. Такъ предлагается подписка на облигаціи по 6% на 100, а ходячій % 8, но публика вноситъ за 100 рублевую облигацію только 75 руб., т. е. столько, чтобы получить по разсчету на свои деньги 8%.

Основная задача акціонернаго складыванія капиталовъ вовсе не заключается въ томъ, чтобы создать бойкую биржевую бумагу, или вообще придавать паямъ наибольшую обращаемость. Она имѣетъ своею задачею единственно предотвратить, во первыхъ, утрату для промышленныхъ оборотовъ тѣхъ мелкихъ капитальныхъ долей, которыя недостаточны для самостоятельной поддержки единоличнаго предпріятія, или владѣльцы которыхъ не могутъ сдѣлаться представителями трудоваго элемента въ артели, а во вторыхъ, подвергая незначительному и ограниченному риску каждаго участника, побудить вообще капиталистовъ къ затратамъ въ неиспытанные, но обширные обороты; наконецъ, въ третьихъ, необходимо имѣть въ виду, чтобы безъ всякаго уклоненія отъ первыхъ двухъ условій, создать сравнительно наиболѣе значительные капиталы для предпріятій, которые осуществимы только въ большихъ размѣрахъ. Въ виду всего этого, всякое законодательное распоряженіе, стремящееся охранять именной характеръ акцій, нисколько не можетъ считаться подрывомъ для успѣшнаго развитія и распространенія акціонернаго строя предпріятій.

Безъ сомнѣнія, такъ называемое помѣщеніе акціонерныхъ капиталовъ значительно облегчается, до настоящаго времени, безъименностью акцій, т. е. убѣжденіемъ, что въ нихъ пріобрѣтается удобосбываемый товаръ. Дѣйствительно, подписки на акціи, постоянно сопровождающіяся значительнымъ переписываніемъ общей суммы предлагаемаго капитала и вызывающія разнообразныя ухищренія при разверсткахъ, обязаны своимъ успѣхомъ этому стремленію банкировъ, банковъ и вообще торговцевъ цѣнными бумагами, пріобрѣсть для прибыльной спекуляціи наивозможно большее число акцій вполнѣ удобныхъ для перепродажи. Тѣмъ не менѣе, столь же безспорно, что акціи переходятъ въ крѣпкія руки (или въ руки дѣйствительнаго и окончательнаго личнаго состава акціонерной компаніи) сплошь и рядомъ по несоотвѣтственно дорогой цѣнѣ; такъ что послѣднимъ своимъ владѣльцамъ, благодаря ненормальному превышенію нарицательной цѣны покупною или биржевою, приносятъ весьма ничтожный дѣйствительный доходъ, по мѣрѣ сокращенія котораго онѣ не только перестаютъ быть предметомъ спекуляціи, но и вызываютъ упадокъ довѣрія къ дѣлу акціонерному

Высокая покупная цѣна акцій, имѣя указанное вліяніе на дѣйствительный доходъ акціонеровъ, вызываетъ далѣе, въ каждомъ предпріятіи порознь, стремленіе об-

щихъ собраній къ усиленію дивидендовъ, хотя бы и въ ущербъ надежности оборотовъ, а слѣдовательно и въ ущербъ прочному, постоянному развитію всего предпріятія. Вотъ почему, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что не спекуляція можетъ считаться настоящимъ двигателемъ акціонернаго дѣла, а напротивъ успѣхъ его находится въ прямой зависимости отъ сравнительной необращаемости акцій и низкой ихъ цѣны.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, мы приходимъ къ слѣдующему выводу: на сколько выгодна для компаній обращаемость безъименныхъ облигацій, погашаемыхъ, во всякомъ случаѣ, только по нарицательной цѣнѣ и имѣющихъ тормазъ противъ спекуляцій на повышеніе ихъ биржевой цѣны въ неизмѣнномъ процентѣ, на столько пагубна, для всего народнаго хозяйства, всякая лишняя переплата на биржевой цѣнѣ акцій противъ той, по которой разсчитывается на нихъ дивидендъ, а для компаній—всякое преобладаніе предъявительскихъ акцій надъ именными.

Дѣйствіе дороговизны предъявительскихъ акцій на покойное веденіе дѣлъ компаніею вполнѣ совпадаетъ, притомъ, съ дѣйствіемъ самаго размѣра задолженности послѣдней. Ссудный капиталъ можетъ служить безопаснымъ пополненіемъ предпринимательскаго капитала единственно на сумму той разницы, которая существуетъ между суммою акцій на предъявителя и общею суммою всего акціонернаго капитала, т. е. на сколько все предпріятіе предохраняется отъ излишней дороговизны своихъ акцій. Слѣдовательно, признавая, что крайній предѣлъ всѣхъ долговъ компаніи данъ въ размѣрѣ полной суммы ея капитала, нельзя допустить, чтобы такой долгъ по облигаціямъ могъ обременять компанію въ одинаковомъ размѣрѣ, или вообще въ какой либо неизмѣнной пропорціи, и въ томъ случаѣ, когда элементъ безъименныхъ акцій уже вызываетъ въ ней наклонность къ азартнымъ и шаткимъ оборотамъ: слѣдуетъ безспорно принять въ руководство для ограниченія долговыхъ обязательствъ *общую* сумму предъявительскихъ акцій, которыя, на сколько сами могутъ *являться* (по биржевой цѣнѣ) плодомъ спекуляцій, на столько прививаютъ спекулятивный характеръ всѣмъ оборотамъ данной компаніи. Вотъ почему, смыслъ редакціи итальянскаго кодекса, можетъ быть истолкованъ такъ: «сумма облигацій и *акцій* на предъявителя никогда не можетъ превосходить суммы *внесеннаго* капитала». Мы, конечно, болѣе правильной считали бы редакцію въ такой формѣ: «сумма облигацій можетъ только равняться суммѣ именныхъ акцій въ составѣ складочнаго капитала».

Въ итальянскомъ кодексѣ говорится слѣдующее: «для учрежденія компаній необходимо, чтобы подписка состоялась на $^4/_5$ общественнаго капитала, и чтобы каждый изъ товарищей внесъ деньгами по крайней мѣрѣ $^1/_{10}$ суммы акцій, на которыя онъ подписался, если только въ предписаніи, коимъ утверждена компанія, не требуется внесенія высшей противу вышеозначенной суммы».

«Компанія не можетъ выпускать облигацій, или другихъ бумагъ на предъявителя до внесенія общественнаго капитала въ полной суммѣ. Сумма облигацій и бумагъ на предъявителя никогда не можетъ превосходить суммы внесеннаго капитала».

Иначе сказать: для предпріятія, допускающаго одни только именныя акціи, будетъ доступенъ долгъ, въ формѣ обязательствъ на предъявителя или облигацій, до полнаго размѣра всего складочнаго (т. е. внесеннаго, а не основнаго) капитала; для предпріятія же, имѣющаго на $^1/_3$ своего основнаго капитала предъявительскія акціи, долженъ быть допущенъ долгъ не свыше $^2/_3$ всего акціонернаго капитала; или наоборотъ, если именныя акціи образуютъ только $^1/_3$ долю акціонернаго капитала, то и сумма облигацій не можетъ превышать этой цифры.

Вслѣдствіе выгодъ отъ преобладанія облигаціоннаго капитала надъ складочнымъ, ухитрились давно уже прикрывать акціонерные

займы разными неподходящими названіями. Такъ иногда всѣ паевыя цѣнности называются облигаціями, а настоящія займовыя облигаціи, т. е. отрицательный элементъ предпринимательскаго капитала, называютъ первичными облигаціями. Большею же частію принято различать первичныя, привиллегированныя акціи отъ обыкновенныхъ, прикрывая подъ терминомъ привиллегированныя и первичныя собственно займовыя облигаціи. Гарантія же имѣетъ характеръ поддержки со стороны казны частныхъ предпріятій, если администрація признаетъ за ними общеполезность, или выполненіе ихъ признаетъ болѣе экономичнымъ въ формѣ частнаго предпріятія, чѣмъ чиновниками. Но есть затѣмъ и гарантированныя акціи дѣйствительно соотвѣтствующія складочному капиталу, такъ что путаница происходитъ отъ неудобства различить первичныя акціи отъ гарантированныхъ, между тѣмъ какъ одни изъ нихъ по существу облигаціи. Поэтому, приходится непремѣнно особо изслѣдовать какую долю предпринимательскаго капитала составляетъ складочный капиталъ, въ акціяхъ простыхъ и гарантированныхъ, и какой займовой капиталъ въ облигаціяхъ, или первичныхъ, привиллегированныхъ и гарантированныхъ акціяхъ, или облигаціяхъ. Законъ долженъ бы установить, чтобы исключительно облигаціями назывались всѣ доли заемнаго капитала, и чтобы общая сложность облигацій значилась подъ фирмою компаніи, при всѣхъ отчетахъ и публикаціяхъ; акціями же должны бы называться только паевыя цѣнности предпріятія, доли его складочнаго капитала, а размѣръ ихъ оплаты въ каждомъ заявленіи и отчетѣ компаніи слѣдовало бы обозначать. Этими обязательными показаніями была бы публика вполнѣ ограждена отъ заблужденій. Запрещать же заключеніе займовъ для акціонерныхъ компаній, даже не вполнѣ еще составившихъ свой предпринимательскій капиталъ, или установлять предѣлъ, сверхъ котораго заемъ не можетъ превышать складочный капиталъ, значитъ водворять болѣе стѣсненій, чѣмъ приносить пользы.

Въ то время, какъ единоличныя предпріятія, артели, полныя и командитныя товарищества присоединяютъ чистые хозяйственные доходы своихъ предпринимателей къ своему предпринимательскому капиталу, отчего послѣдній органически ростетъ отъ собственныхъ оборотовъ, а потому и отрицательныя его доли, т. е. долги или въ кредитъ ссуженныя его части, соотвѣтственно сокращаются,—акціонерный капиталъ стремится только къ возвышенію дивиденда, которымъ опредѣляется его рыночная стоимость, его биржевой курсъ.

Высокій дивидендъ, поднимая цѣну акціямъ, только и соотвѣтствуетъ требованіямъ акціонеровъ, которые по преимуществу являются временными владѣльцами акцій. Распорядители, директоры, или члены правленія компаніи не всегда имѣютъ возможность противиться этому требованію, не всегда такое сопротивленіе и соотвѣтствуетъ ихъ прямому интересу: распорядители обладаютъ всѣми средствами, какъ наиболѣе посвященные въ обороты предпріятія, чтобы извлекать самую значительную выгоду изъ высокаго курса акцій, а послѣдній въ непосредственной зависимости отъ высокаго дивиденда. Нерѣдко, ради дутаго дивиденда, списываются только недостаточныя суммы, какъ на погашеніе постоянныхъ капиталовъ предпріятія, такъ и съ цѣлію погашенія долговъ, которые, получая почти безсрочный характеръ, являются, въ формѣ облигацій съ постояннымъ процентомъ, столь же мало тягостными, какъ и общественные и финансовые долги.

Столь же нерѣдко акціонерное предпріятіе, умышленно и намѣренно, старается сохранить незначительный размѣръ для своего акціонернаго капитала и открываетъ обороты тотчасъ съ самаго начала, на занятыя суммы, т. е. на ссудные капиталы, добытые займами и кредитомъ (акціонерная практика различаетъ въ Англіи напримѣръ preferential stocks, debenture stocks и debenture loans). Это осуществляется выпускомъ такъ называемыхъ первичныхъ акцій (Prioritätsactien, Prioritäten, preference shares) или облигацій (debentures) *) раньше или въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ дѣйствительныхъ акцій; тоже самое, впрочемъ, дѣлаютъ и артельные банки, или т. н. общества взаимнаго кредита, совершающіе свои обороты преимущественно на вкладные капиталы.

Причина тому очевидна: чѣмъ незначительнѣе акціонерный капиталъ, тѣмъ высшій дивидендъ получается на каждую акцію, тѣмъ выше курсъ послѣдней и тѣмъ выгоднѣйшею цѣнностію становится она для биржевой игры, или ажіотажа. Акціонеры въ барышахъ потому, что вѣрители ссужаютъ, необходимый на оборотъ, капиталъ въ достаточномъ количествѣ за умѣренный и постоянный процентъ. Весь оборотъ и все предпріятіе конечно лишаются тѣмъ прочнаго основанія, но отдаленная опасность не грозна ни для акціонера, домогающагося значительнаго дивиденда, ни для распорядителей и правленія, увеличивающихъ тѣмъ свое долевое вознагражденіе изъ чистой прибыли (tantième) **).

Для народнаго хозяйства далеко не одно и тоже, совершается ли сокращеніе акціонернаго капитала, противъ смѣтнаго предположенія, чрезъ уменьшеніе общаго числа акцій, или же посредствомъ уменьшенія взноса по каждой акціи, сохраняя общее число ихъ неизмѣннымъ; въ послѣднемъ случаѣ соразмѣрно сокращаются средства къ наращенію резервнаго капитала. Особенно же опасно пополненіе (borrowing power) предпринимательскаго капитала помощію займоваго или облигаціоннаго, въ преобладающемъ размѣрѣ противъ акціонернаго, уже тотчасъ при самомъ осуществленіи, или въ началѣ дѣятельности предпріятія.

Конечно медленная, постепенная и незначительная въ самомъ началѣ, оплата акцій доставляетъ, на первый разъ, выгоды мелкимъ капиталистамъ, но преимущественно и особенно она благопріятствуетъ оборотамъ учредительныхъ предпріятій, или обществъ такъ называемаго движимаго кредита, для которыхъ перепродажа дешевой цѣнности обѣщаетъ болѣе простора къ ажіотажу и игрѣ.

Эти соображенія подтверждаются дѣйствительностію въ новѣйшее время; акціонер-

*) *Otto Hübner*: die Banken 1854. стр. 108, 109.

**) Commercial history of 1867, прибавленіе къ Economist. № 5, 6, 34, 47 и слѣд.

ный капиталъ банковъ и желѣзнодорожныхъ компаній, во многихъ случаяхъ, даже не равняется, а уступаетъ занятымъ и затраченнымъ ими въ обороты займовымъ капиталамъ. Такъ пассивъ австрійскихъ желѣзнодорожныхъ компаній состоитъ изъ 553 милліоновъ гульденовъ въ облигаціяхъ (Prioritäten) и только на 487 милл. гульд. въ акціяхъ *); даже и въ Пруссіи частныя желѣзнодорожныя предпріятія совершали къ концу 1867 г. свои обороты на сумму въ 594 милл. талеровъ капитала, въ которомъ приходилось на облигаціонный капиталъ свыше 278 милл. талеровъ **), погашеніе же было весьма медленное.

Цѣхановецкій: Желѣз. дороги и государство, стр. 105—приводитъ слѣдующія показанія, относительно историческаго развитія во Франціи займоваго элемента въ желѣзнодорожныхъ предпринимательскихъ капиталахъ.

«Капиталы, реализованные компаніями, представлялись въ слѣдующей пропорціи:»

Годы.	Капиталы т. е. акціи.	Займы.	Субсидіи.	Другіе источн.
1823—40. . .	77%	11%	7%	5%
1841—50. . .	76	18	6	—
1851—60. . .	20	75	1	4
1861—65. . .	10	89	1	—
Къ 31 дек. 1865 г. .	25%	73%	—	2=100%

«Таблица эта дѣлаетъ наглядными слѣдующіе факты чрезвычайной важности: 1) до наполеоновскаго режима акціонерные капиталы составляли 76—77% всѣхъ издержанныхъ капиталовъ; 2) займы компаній были очень малы (11—18%); 3) государственная помощь, оказанная въ видѣ ссуды, составляла 7—6%; желѣзнодорожное предпріятіе представлялось обремененнымъ обязательствами только на 18—24%; болѣе 3/4 собственности желѣзнодорожной были совершенно свободны».

«Режимъ 1851 г. измѣняетъ совершенно положеніе дѣла: 1) доля акціонернаго капитала падаетъ до 20% и 12%; 2) участіе правительства ссудой не только прекращается, но оно начинаетъ требовать уплатъ за прежнія работы (1% и 1%); за то 3) обязательства компаній доходятъ до 75% и 89%. Въ результатѣ къ концу 1865 г. оказывается необыкновенный (для всякаго другаго предпріятія) балансъ; дѣйствительное участіе компаній (т: е. собственниковъ дороги) простирается только до 25%, а обязательства доходятъ до 73%.

Если сверхъ условнаго процента, привиллигированный акціонеръ получитъ еще добавочный дивидендъ въ томъ случаѣ, когда общій размѣръ дивиденда превышаетъ первый, то, очевидно, все дѣло заключается въ увеличеніи приманки для разбора акцій, въ облегченіи ихъ помѣщенія. Но, вообще, ради быстраго помѣщенія акціонернаго капитала, никакихъ приманокъ, кромѣ несомнѣнной сбыточности самаго предпріятія, не должно быть, такъ какъ всякая подобная льгота, по существу своему и по вліянію на акціонерное дѣло, равносильна любому извороту биржевой игры. Въ этомъ смыслѣ выпускъ привиллегированныхъ акцій равняется умышленному поощренію спекуляціи. Далѣе очевидно, что привиллегированныя акціи въ началѣ предпріятія совершенно немыслимы, что ихъ добросовѣстно ни одна компанія не можетъ предложить къ первоначальной подпискѣ, наравнѣ со всѣми прочими, такъ какъ не-

*) См. *Шеффле*—die Anwendbarkeit der verschiedenen Unternehmungsformen. стр. 295.—*H. Ayres*, The financial position of railways and abstractions on the railway systems of account. 1868.—Statistique centrale des chemins de fer français. 1868.

**) Statistische Nachrichten von den preussischen Eisenbahnen. Ч. 15 стр. 112.

измѣнный дивидендъ по нимъ приходилось бы выплачивать изъ основнаго капитала и слѣдовательно, сокращать его. Стало быть, привиллегированныя акціи доставляютъ положительную, или непредосудительную выгоду компаніи только тогда, когда уже само предпріятіе стало давать извѣстный дивидендъ, т. е. когда оно пережило нѣсколько оборотныхъ годовъ. Тогда, конечно, процентъ по привиллегированнымъ акціямъ хотя и можетъ поглотить весь дивидендъ по прочимъ акціямъ, но для него все-таки есть положительный источникъ; самое обѣщаніе осуществимо и уже не походитъ на манипуляцію, вводящую акціонеровъ и публику въ обманъ. Однако и при выпускѣ привиллегированныхъ акцій даже въ то время, когда предпріятіе уже стало давать чистый доходъ, всѣ прочіе акціонеры все-таки терпятъ болѣе или менѣе значительный ущербъ. Этотъ ущербъ обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ, что привиллегированныя акціи не подлежатъ, въ отличіе отъ облигацій, никакому погашенію, и прочіе акціонеры никогда не могутъ избавиться отъ этого бремени.

Если, поэтому, биржевой курсъ привиллегированныхъ акцій будетъ высокъ, то на столько же ниже долженъ быть курсъ непривиллегированныхъ. Выигрываютъ, слѣдовательно, единственно нѣкоторые изъ акціонеровъ, а вовсе не все предпріятіе. Равновѣсіе для непривиллегированныхъ акціонеровъ, терпящихъ убытокъ въ малоприбыльные годы могло бы возстановиться только тѣмъ, что привиллегированные акціонеры получатъ и въ высоко прибыльные годы исключительно одинъ условный процентъ, или вообще никогда ни меньше, ни больше его.

Но въ такомъ случаѣ денежная разница между привиллегированной акціей и облигаціей совершенно исчезаетъ и льготою для первой остается одно право участія въ общихъ собраніяхъ, причемъ привиллегированный акціонеръ такой же кредиторъ компаніи, какъ и вѣритель ся по облигаціямъ.

Въ обязательствахъ компаніи, передъ тѣми и другими, возможно бы было провести развѣ одну только разницу, т. е. допустить, чтобы по процентнымъ платежамъ на привиллегированныя акціи могъ быть, въ крайнемъ случаѣ, обращенъ одинъ запасный капиталъ, а по платежамъ на облигаціи—какъ запасный, такъ и основной капиталы. Послѣднее условіе, впрочемъ, только безсодержательная фраза, потому что обратить основный капиталъ на какіе либо платежи, значитъ приступить къ ликвидаціи дѣлъ, а при ликвидаціи можетъ оказаться, по удовлетвореніи всѣхъ облигаціонныхъ платежей, еще остатокъ отъ основнаго капитала, который неизбѣжно долженъ быть обращенъ на пополненіе недоимочныхъ процентовъ по привиллегированнымъ акціямъ. При такомъ дѣлежѣ привиллегированнымъ акціямъ грозитъ, наравнѣ со всѣми прочими, потеря на капитальной ихъ стоимости. Изъ всѣхъ этихъ соображеній видно, что привиллегированныя акціи будутъ даже менѣе выгодны, чѣмъ облигаціи.

Допускать привиллегированныхъ акціонеровъ къ участію въ общемъ собраніи, съ правомъ подачи голоса,—значитъ тоже вносить въ послѣднее весьма опасный элементъ, который всегда постарается раздувать дивидендъ, отчисляя какъ можно менѣе въ запасный капиталъ и на погашеніе постоянныхъ капиталовъ, слѣдовательно, значитъ создать стремленіе, которое послужитъ къ подрыву самыхъ основаній оборотовъ; при допущеніи же владѣльцевъ облигацій къ участію въ общемъ собраніи, получился бы, напротивъ, консервативный элементъ, который скорѣе съ излишествомъ будетъ сопротивляться всякому усиленію дивиденда.

Несомнѣнно одно: что съ правомъ рѣшающаго голоса никакой кредиторъ предпріятія не можетъ быть допущенъ на общее собраніе представителей послѣдняго, а потому привиллегированный акціонеръ, отличающійся только видоизмѣненными качествами кредитора, обладающій въ немъ, какъ бы, займовою облигаціей съ выигрышами на доходѣ и съ опасностью потери на капиталѣ, какъ игорной ставкѣ, не долженъ поль-

Профессоръ Э. Вредень.

Типографія и литографія Кн. Оболенскаго, уголъ Николаевск. и Стрем. № 3—23.

зоваться правомъ подачи голоса. Правомъ же присутствія въ общемъ собраніи ничего не препятствуетъ пользоваться и всѣмъ кредиторамъ компаніи, напротивъ: такое присутствіе наиболѣе обезпечитъ правильность и гласность дѣйствій акціонернаго предпріятія.

Возникновеніе предпринимательскаго капитала предшествуетъ образованію самаго предпріятія во всѣхъ формахъ послѣдняго, кромѣ артели; въ артель же соединяются труженики именно для того, чтобы, за круговою порукою, добыть капиталъ ссудный, а затѣмъ, постоянными сбереженіями на оборотѣ, образовать свой собственный. Въ остальныхъ же формахъ предпріятій, размѣръ предварительно создаваемаго капитала вполнѣ опредѣляется зависимостью послѣдняго отъ личнаго состава. Въ единоличномъ предпріятіи хозяйственныя средства одной личности и ея кредитъ опредѣляютъ величину того капитала, съ которымъ предприниматель приступаетъ къ обороту. Прочія же формы экономическихъ союзовъ располагаютъ складочными капиталами, а потому и какъ бы собирательнымъ кредитомъ. Наконецъ, въ общемъ положеніи предпринимательскій капиталъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ слабѣе трудовое участіе самихъ предпринимателей въ оборотахъ. Сила акціонерной формы въ томъ именно и заключается, что, при обезпеченной средней доходности, при полной вѣроятности всѣхъ указаній принятыхъ и утвержденныхъ въ коньектурѣ и планѣ, создается всегда предпринимательскій капиталъ въ потребныхъ размѣрахъ. Въ товариществѣ же на вѣрѣ, размѣръ предпринимательскаго капитала уже зависитъ и отъ личныхъ средствъ распорядителей, и отъ довѣрія къ нимъ вкладчиковъ. Всѣ они должны по общему дѣлу полагаться другъ на друга, каждый обязанъ хорошо знать всѣхъ остальныхъ, а потому и число распорядителей, и число вкладчиковъ можетъ быть только ограниченное.

Вотъ почему, послѣдняя форма предпріятія обыкновенно служитъ только средствомъ, чтобы на первое время усилить недостаточный предпринимательскій капиталъ распорядителей, или поддержать его, если иначе его затратамъ, напримѣръ, грозитъ шаткость. Во всякомъ случаѣ, размѣръ и стоимость той части предпринимательскаго капитала, которая принадлежитъ распорядителямъ, легко могутъ быть преувеличиваемы съ цѣлью уменьшить долю чистаго дохода, которая должна причитаться впослѣдствіи вкладчикамъ. Это, весьма естественное, соображеніе заставляетъ уже и самихъ вкладчиковъ вносить во всякое товарищество на вѣрѣ всегда только ограниченные паи. Командитное общество на акціяхъ отличается тѣми же преимуществами, какъ и обыкновенное товарищество на вѣрѣ, т. е. обѣ формы доставляютъ наибольшую возможность возлагать всю предпріимчивость и оборотливость, соотвѣтственно закону раздѣленія труда, на однихъ отвѣтственныхъ предпринимателей, или на самыхъ способныхъ распорядителей, довѣряя наемному труду единственно извѣстную часть исполнительныхъ работъ. При томъ же, акціонеры командитнаго общества не полагаются на распорядителей до такой степени, какъ вкладчики на вѣрѣ: принимая равномѣрную отвѣтственность, они въ общемъ своемъ собраніи могутъ выказать прямое вліяніе на дѣятельность распорядителей и на весь оборотъ.

Соотвѣтственно такому участію въ коньектурахъ и оборотахъ предпріятія, командитное общество на акціяхъ обладаетъ большими выгодами для увеличенія размѣра своего предпринимательскаго капитала: выпускъ акцій можетъ быть имъ сдѣланъ и въ извѣстные, заранѣе установленные, сроки, да притомъ на опредѣленныя, а сравнительно съ безгласными вкладами, и на болѣе значительныя суммы. Несомнѣнныя выгоды товарищества на вѣрѣ съ акціонерными вкладами, или командитнаго общества на акціяхъ, и доставили ему первоначальное признаніе законодательства во Франціи, а затѣмъ, по закону 11 іюня 1870 г., и въ Германіи, съ тѣмъ только ограниченіемъ,

чтобы вклады въ командитномъ обществѣ могли быть превращаемы единственно въ именныя акціи (ст. 173).

Совершенно напрасно считаютъ только видозмѣненіемъ акціонернаго товарищества и распространяются исключительно о неудобствахъ допущенія ошибочно называемой *командитной формы акціонерныхъ предпріятій*. Столь же поспѣшно и ничѣмъ не мотивировано заключеніе, будто *къ выпуску, формѣ и условіямъ передачи акцій такой компаніи вполнѣ примѣнимы общіе по сему предмету порядки*.

Польза командитной организаціи заключается въ томъ, что при ней распоряжителямъ оборотовъ являются безсмѣнно и безвыходно лица испытанной и дознанной опытности, по данному спеціальному производству. Послѣднее обстоятельство служитъ единственнымъ поводомъ къ привлеченію, или ко вступленію вкладчиковъ-командитистовъ и акціонеровъ-подписчиковъ; и тѣ, и другіе, по одному довѣрію къ совокупности полныхъ товарищей, или распорядителей, только и вносятъ свои паи. Притомъ, въ командитномъ обществѣ такое довѣріе основывается не на одной надеждѣ, или какихъ либо априористическихъ предположеніяхъ, и на возможности судебнаго преслѣдованія, какъ это имѣетъ мѣсто при выборѣ директоровъ акціонерной компаніи, а на дознанныхъ и доказанныхъ опытомъ предпринимательскихъ способностяхъ и неопороченной, пока въ томъ же данномъ предпріятіи, честности распорядителей.

Во всякомъ случаѣ, командитные обороты могутъ быть только ограниченныхъ размѣровъ; таково именно существо командитной организаціи, какъ по особенностямъ въ обстановкѣ его трудоваго элемента, такъ и по условіямъ образованія и приращенія его кандталовъ.

Въ частности, намъ остается еще добавить, что командитный законъ долженъ предвидѣть и устраненіе, и выходъ распорядителей. Германскій законъ въ ст. 199, не боится признавать командитное общество все еще существующимъ до тѣхъ поръ, пока въ немъ остается хотя бы одинъ распорядитель, несущій неограниченную отвѣтственность, какъ полный товарищъ. Уклоненія доступны всякой формѣ предпріятій, и вообще бывшія и существующія злоупотребленія, встрѣчавшіяся не въ однихъ только командитныхъ обществахъ на акціяхъ, обусловливаются преимущественно пробѣлами законодательства вообще и, въ частности, неудовлетворительностью постановленій о преслѣдованіи виновныхъ. Слѣдуетъ постановить, чтобы акціонерные паи въ командитномъ предпріятіи составляли не болѣе 20% всего предпринимательскаго капитала, чтобы другіе 30% могли приходиться на вклады по вѣрѣ, наконецъ, чтобы, во всякомъ случаѣ, полные 50% всего предпринимательскаго капитала составлялись изъ средствъ однихъ полныхъ товарищей-распорядителей, чтобы затѣмъ командитное товарищество вовсе не имѣло права заключать займы посредствомъ выпуска облигацій, а другія обязательства—безъ согласія общаго собранія командитистовъ и акціонеровъ.

Такъ какъ, акціонеры не могутъ участвовать лично въ веденіи дѣлъ компаніи, то слѣдуетъ требовать отъ выборнаго правленія компаніи ясныхъ и точныхъ отчетовъ и установить достаточно частую провѣрку матеріальной и бухгальтерской отчетности: отчетность необходимо организовать однообразнымъ и обязательнымъ образомъ по закону. Иначе услѣдить за акціонерными оборотами, при безличности его состава въ этомъ видѣ предпріятій, невозможно. Въ Англіи существуетъ особое учрежденіе для провѣрки отчетовъ акціонерныхъ компаній, именно: регистратура промышленныхъ и тор-

говыхъ обществъ. Это учрежденіе требуетъ себѣ отчеты въ установленные сроки и имѣетъ право, въ случаѣ уклоненія дѣйствій общества отъ первоначальнаго проекта предпріятія, или отъ предписанныхъ правилъ отчетности, вчинать судебное преслѣдованіе. У насъ готовящаяся реформа также предполагаетъ завесть явочный отдѣлъ при министерствѣ финансовъ, съ апелляціею въ комитетъ министровъ. Самую явку, однако, было бы гораздо лучше сосредоточить въ конторахъ старшихъ нотаріусовъ.

Между двумя разобранными формами предпріятій — артелью и акціонерною компаніею, лежатъ, какъ бы, переходныя по строю предпріятія: именно полное товарищество, товарищество на вѣрѣ или командитное общество, безъ акцій или съ акціями. Въ полномъ товариществѣ отвѣтственность лежитъ и на лицахъ, и на всемъ ихъ имуществѣ. Выгоды и приложимость этой формы предпріятій зависитъ отъ приведенныхъ двухъ условій—риска и отвѣтственности. Принять особенно обширные размѣры полное товарищество не можетъ, потому что не найдется много лицъ, которыя согласились бы нести другъ за друга полную отвѣтственность, личную и имущественную, и другъ съ другомъ дѣлить труды по предпріимчивости и оборотливости, а при малочисленности участвующихъ лицъ и обороты не могутъ принять большихъ размѣровъ.

Въ командитномъ обществѣ участники вкладчики отвѣчаютъ только капиталомъ, въ размѣрѣ вкладовъ (apports), но они и отъ веденія дѣла устраняются, могутъ только требовать отчетовъ, а въ случаѣ неудовольствія на дѣйствія распорядителей—полныхъ товарищей—могутъ къ условнымъ срокамъ взять назадъ свои вклады. И такихъ вкладчиковъ на полную вѣру къ распорядителямъ командиты будетъ не много.

Большее уже вліяніе пріобрѣтаютъ вкладчики по акціямъ, если изъ нихъ въ командитѣ образуется общее собраніе, которое въ правѣ требовать къ отвѣту и понудить къ сообщенію смѣтныхъ предположеній на будущій оборотъ,—полныхъ товарищей и распорядителей командиты (gérants).

ОТДѢЛЪ V.

Распредѣленіе доходовъ по степени участія въ предпріятіяхъ.

ГЛАВА X.

Экономическія категоріи лицъ участвующихъ въ распредѣленіи.

§ 55. Виды доходовъ по характеру и источникамъ.

Внѣшнія хозяйственныя средства, идущія на удовлетвореніе потребностямъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ общественныхъ группъ, создаются путемъ экономическихъ затратъ и оборотовъ, т. е. помощью труда, капитала и природы, а потому, естественно, разборъ основныхъ явленій, совершающихся по отношенію къ нимъ, долженъ исходитъ изъ анализа элементовъ или факторовъ производства самихъ по себѣ, равно и какъ способовъ ихъ совокупнаго дѣйствія; во второмъ же мѣстѣ необходимо разобрать ту внѣшнюю организацію, тѣ союзы людей, которые слагаются по случаю необходимаго бытоваго представительства производства, соотвѣтственно тѣмъ или другимъ его цѣлямъ, необходимо разобрать строй предпріятій; а затѣмъ третій вопросъ уже касается одного экономическаго значенія тѣхъ цѣнностей, которыя получаются въ результатѣ отъ производства.

Результаты затратъ, оборотовъ и производства нѣкоторые экономисты называютъ продуктами (produit), а другіе доходами (revenu). Вообще научный терминъ — доходъ — заимствованъ изъ обиходнаго языка, такъ что это слово не во всѣхъ случаяхъ и не на всѣхъ языкахъ выражаетъ одно и тоже хозяйственное явленіе. На первый разъ ясно, что доходомъ приходится называть по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ не то только, что пріобрѣтаютъ послѣднія помощью дѣйствительнаго производства, но также все то, что вообще достается имъ изъ неизмѣннаго источника, съ

извѣстною правильностію, на поддержаніе своего хозяйства и удовлетвореніе своимъ потребностямъ. Далѣе, необходимо различать доходъ, возникающій отъ производительныхъ затратъ и оборотовъ предпріятій, отъ совокупности дохода, который могутъ получать отдѣльныя лица отъ нѣсколькихъ совмѣстныхъ оборотовъ, или и помимо участія въ предпріятіяхъ, безъ всякаго непосредственнаго содѣйствія производству.

Во всякомъ случаѣ, существенно инымъ является доходъ отъ производства, распредѣляющійся между всѣмъ числомъ лицъ, участвующихъ въ данномъ предпріятіи, отъ дохода тѣхъ же лицъ порознь, такъ какъ послѣднія нерѣдко получаютъ его долями изъ разныхъ предпріятій и другихъ источниковъ. Однимъ словомъ, доходъ хозяйственный необходимо отличать отъ дохода производственнаго. У насъ на русскомъ языкѣ различныхъ словъ для обозначенія двухъ указанныхъ видовъ дохода не существуетъ. Подъ хозяйствомъ на первый разъ слѣдуетъ разумѣть совокупность оборотовъ извѣстнаго лица, совершаемыхъ имъ или одновременно, или послѣдовательно; ради покрытія своего потребленія пріобрѣтенными цѣнностями оно можетъ поддерживаться параллельнымъ участіемъ въ нѣсколькихъ предпріятіяхъ; производство же, съ своей стороны, неизбѣжно должно поддерживаться содѣйствіемъ извѣстныхъ категорій лицъ; и то, и другое представляется совершенно своеобразнымъ сочетаніемъ экономическихъ дѣйствій и затратъ.

Соотвѣтственно отличію приведенныхъ двухъ процессовъ видоизмѣняется существенное, экономическое содержаніе того элементарнаго явленія въ нихъ, которое обозначается словомъ доходъ; въ научномъ языкѣ для опредѣленія указанныхъ понятій существуютъ особые термины, такъ французское produit соотвѣствуетъ доходу отъ производства или предпріятія, а revenu доходу въ хозяйствѣ. Revenu можетъ слагаться изъ нѣсколькихъ produit. Produit у нѣмцевъ называется Ertrag, а французское revenu соотвѣтствуетъ нѣмецкому Einkommen. Доходъ по хозяйству есть тотъ доходъ, съ которымъ постоянно считается финансовая наука, т. е. послѣдняя имѣетъ въ виду только ту долю этого дохода, которая, за удовлетвореніемъ нуждъ хозяйственныхъ и потребленія, остается свободною, почему принято ее называть чистыхъ доходомъ. Только это доля дохода въ частныхъ хозяйствахъ можетъ быть, безъ вреда

для личнаго и хозяйственнаго благосостоянія, исчерпана податнымъ обложеніемъ.

Указанный чистый доходъ хозяйственный далеко, однако, не совпадаетъ съ чистымъ доходомъ производственнымъ, который самостоятельно выступаетъ всегда только при организованной формѣ производства, т. е. въ данномъ предпріятіи, того или другаго строя.

Припомнимъ, что строй предпріятій зависитъ и оказывается подъ разнообразнымъ вліяніемъ на него опредѣленныхъ видовъ сочетанія въ немъ—риска и отвѣтственности, предпріимчивости, оборотливости и исполнительныхъ трудовъ, ссуднаго капитала со складочнымъ, постояннаго и оборотнаго. Что, далѣе, личный составъ всякаго предпріятія дѣлится на двѣ группы, изъ которыхъ одни несутъ рискъ и отвѣтственность и поэтому связаны съ предпріятіемъ, это предприниматели; другая группа только состоитъ въ предпріятіи по временному договору, причемъ вѣдаетъ предпріимчивость, или оборотливость, или исполненіе, или даетъ капиталъ; эти послѣднія лица, приводятся съ предпріятіемъ въ связь на основаніи платъ и возмездій, заранѣе установленныхъ безъ всякаго риска и отвѣтственности,—это простые участники предпріятія. Къ тому же, весь капиталъ въ предпріятіи подлежитъ денежной оцѣнкѣ, равно какъ и весь доходъ отъ послѣдняго, такъ что предприниматели могутъ выиграть или усиливать свой доходъ путемъ одной денежной оцѣнки произведеній предпріятія на рынкѣ, хотя бы и не увеличилась масса цѣнностей, доставленныхъ даннымъ производствомъ, въ натурѣ. При денежной величинѣ капитала въ предпріятіи и всего дохода отъ предпріятія, естественно, и всѣ затраты, производимыя по предпріятію подлежатъ той же денежной оцѣнкѣ, а точно также и всѣ платы и вознагражденія, на тѣхъ или другихъ основаніяхъ идущія въ пользу участниковъ, измѣряются деньгами. Совокупность же вознагражденій и платъ, производимыхъ предпринимателями въ пользу участниковъ составляетъ, такъ называемыя издержки производства, или предпріятія.

Если исключить издержки предпріятія изъ той массы денежнаго дохода, которая выручается отъ предпріятія, то можетъ оказаться большій или меньшій остатокъ, который идетъ въ пользу предпринимателей. Вся сумма, выручаемая отъ каждаго оборота предпріятія называется валовымъ его доходомъ, остатокъ же полученный послѣ вычитанія всѣхъ

платъ и издержекъ по предпріятію есть чистый доходъ отъ предпріятія.

Очевидно, чистый доходъ отъ предпріятія идетъ въ пользу хозяйства предпринимателей и подлежитъ дѣлежу по числу хозяйствъ, поддерживаемыхъ предпринимателями. Въ каждомъ же личномъ хозяйствѣ, порознь, доля производственнаго дохода, которая причитается, по участію въ одномъ или нѣсколькихъ предпріятіяхъ, на представителя хозяйства, является для послѣдняго валовымъ доходомъ; а потому и чистый доходъ предпріятія оказывается для хозяйствъ предпринимателей валовымъ, обложить его сполна въ пользу казны, значитъ, лишить предпринимателей средствъ къ существованію. Изъ чистаго дохода отъ предпріятія необходимо выдѣлять издержки на необходимое существованіе представителей послѣдняго, чтобы получить чистый доходъ ихъ хозяйства.

Вообще необходимо припомнить, что доходомъ по существу, какъ экономическаго явленія, слѣдуетъ назвать всякое количество средствъ, поступающихъ въ распоряженіе представителей экономическихъ интересовъ. Представителями же послѣднихъ, естественно, являются, во-первыхъ, отдѣльныя личности; во-вторыхъ, тѣ экономическіе союзы лицъ, которые даютъ извѣстную внѣшнюю форму производству и всякаго рода экономическимъ оборотамъ, т. е. предпріятія; въ третьихъ, наконецъ, вся сплоченная общественностію совокупность производителей и потребителей, т. е. весь народъ. Поэтому и доходъ, какъ масса средствъ вновь поступающихъ въ распоряженіе представителей хозяйственныхъ интересовъ, является: или, доходомъ личнымъ, который, въ смыслѣ revenu, и будетъ или общій хозяйственный доходъ лица, или извѣстная доля промысловаго личнаго дохода; или, 2) доходомъ промысловымъ въ смыслѣ produit, который отъ сбыта произведенныхъ цѣнностей на деньги поступаетъ вновь въ распоряженіе предпріятія; или же 3) доходомъ производственнымъ, который, въ видѣ вновь произведенныхъ цѣнностей въ натурѣ, переходитъ въ распоряженіе всего народа. Для лица всякое увеличеніе его средствъ къ существованію, происходитъ ли оно отъ наслѣдствъ и выигрышей, или получается изъ другихъ нехозяйственныхъ источниковъ, составляетъ также доходъ, какъ и плата за участіе въ затратахъ и оборотахъ предпріятій, трудомъ или капиталомъ. Точно также, какъ необходимо личный капиталъ отличать отъ предпринимательскаго и народнаго,

такъ и относительно дохода разнятся источники пріобрѣтенія послѣдняго въ пользу—хозяйства лица, предпріятія и народа. Подобно тому, какъ капиталъ личный, или ссудный, нуждается въ одномъ только помѣщеніи изъ за дохода и этимъ выполняетъ свою роль по отношенію къ индивидуальному хозяйству, такъ для послѣдняго и доходъ является таковымъ даже въ томъ случаѣ, когда онъ пріобрѣтается не изъ экономическихъ источниковъ, а случайнымъ образомъ, или вообще внѣ сферы экономическихъ дѣйствій, усилій и затратъ. Однимъ словомъ, въ общемъ положеніи доходъ личный возникаетъ путемъ простаго пріобрѣтенія, онъ можетъ идти хотя бы помимо экономической предпріимчивости изъ чужаго имущества. Общій наличный уровень народнаго хозяйства въ послѣднемъ случаѣ нисколько не измѣняется, только въ частности и распредѣлительно одни лишились того, что перешло въ обладаніе другихъ.

По случаю разбора дѣйствій труда въ предпріятіяхъ я указалъ, что предпріимчивость разсчитываетъ на доходъ путемъ созиданія новыхъ цѣнностей, а спекуляція разсчитываетъ на доходъ по случаю сбыта рыночнаго, опираясь на дѣйствіе цѣнъ, что наконецъ игра не разсчитываетъ уже на хозяйственное дѣйствіе самыхъ цѣнъ, а только на одну разницу въ послѣднихъ. Въ тоже время игра и спекуляція доставляютъ извѣстную долю пользы предпріятіямъ, являясь подспорьемъ предпріимчивости и оборотливости производителей; но тѣмъ не менѣе, всякій дѣятель, который избираетъ спекуляцію или игру исключительнымъ своимъ занятіемъ ничего не прибавляетъ къ суммѣ общенароднаго дохода, хотя самъ онъ можетъ наживаться очень быстро. Доходъ личный, или хозяйственный, не тождественъ съ производительнымъ, или народнымъ, и даже можетъ быть ему совершенно противоположенъ. Смѣшанный характеръ по источнику и экономическому существу, а своеобразный по внѣшней формѣ и денежному измѣренію своей величины, представляетъ доходъ отъ предпріятія. Онъ зависитъ отъ двухъ условій: отъ количества цѣнностей получаемыхъ отъ производства въ натурѣ и отъ рыночной ихъ цѣны, или равенъ денежной выручкѣ за нихъ при сбытѣ. Въ первой формѣ доходъ отъ предпріятія тождественъ съ народнымъ или производительнымъ доходомъ, а во второй съ личными или хозяйственными участниковъ. Для народа средствами, вновь пріобрѣтенными въ пользованіе, яв-

ляются только цѣнности, въ натурѣ, непосредственно вновь производимыя, доходъ же отъ предпріятія зависитъ еще и отъ высоты цѣнъ: онъ ростетъ, когда покупатели платятъ дороже за товаръ, между тѣмъ какъ вообще дорогизна противорѣчитъ интересамъ народнымъ. Повторяемъ, доходъ народа образуетъ совокупность вновь являющихся цѣнностей въ натурѣ, доходъ же отъ предпріятія измѣряется не этою совокупностью цѣнностей, а соотвѣтствующею неизбѣжно на рынкѣ денежной оцѣнкѣ, и ничто иное, какъ та сумма денегъ, которая вновь поступаетъ въ распоряженіе предпринимателей; доходъ личный, наконецъ, составляютъ и всѣ денежныя средства и всѣ цѣнности въ натурѣ, которыя переходятъ въ распоряженіе личнаго и семейнаго хозяйства путемъ одного пріобрѣтенія ихъ, даже не всегда, или не сполна, изъ однихъ экономическихъ источниковъ.

До сихъ поръ въ политической экономіи доходъ разбирался только по отношенію своему къ производству, а не къ хозяйству вообще; недостаточно различался доходъ при непосредственномъ участіи въ производствѣ, и доходъ въ хозяйствѣ безъ всякаго производства, доходъ съ капитала смѣшивался нерѣдко съ пользою отъ запаса цѣнностей для потребленія, какъ и самый капиталъ съ послѣднимъ. По нашему убѣжденію доходъ даетъ не только предпріятіе, но и хозяйство вообще. Доходомъ мы считаемъ всякое приращеніе имущества, повторяющееся съ извѣстною правильностью и имѣющее непредосудительный источникъ *). Владѣлецъ дохода можетъ его потреблять, или инымъ способомъ уничтожать, безъ всякаго вреда для самаго источника его. Не всякое вновь полученно, и отъ хозяйственнаго процесса количество цѣнностей должно считаться доходомъ, точно также какъ не всякій расходъ составляетъ экономическое потребленіе. Дохода нѣтъ въ томъ случаѣ, когда результатъ оборота не покрываетъ издержекъ. Поэтому только для выясненія законовъ распредѣленія вновь полученныхъ отъ предпріятія цѣнностей, между участниками предпринимательскаго производства, вводится въ научную спекуляцію понятіе о валовомъ доходѣ. Единственно на этомъ основаніи и ради ясности анализа, наука различаетъ валовой и чистый доходъ; первый представляетъ совокупность всѣхъ вновь произведенныхъ оборотомъ предпріятія цѣнностей, второй только остатокъ, получаемый за вычетомъ издержекъ всего производства, т. е. издержекъ потребленія его участниковъ и издержекъ на возстановленіе капитала. Вотъ почему, чистый доходъ имѣетъ не одинъ только предприниматель, въ пользу послѣдняго онъ получается за вычетомъ всей совокушности издержекъ производства и издержекъ потребленія самого предпринимателя; но такой же чистый доходъ имѣетъ и работникъ, за вычетомъ издержекъ своего потребленія изъ заработной платы; такой же чистый доходъ имѣетъ и капиталистъ, за вычетомъ изъ процента страховой преміи и вообще издержекъ по сохраненію капитала. Существованіе этихъ самостоятельныхъ видовъ чистаго дохода въ народномъ хозяйствѣ доставляетъ возможность обложенія соотвѣтствующихъ имъ факторовъ производства; такимъ образомъ и предпріятіе, и трудъ, и капиталъ имѣютъ равносильную по существу податную

*) G. Guth: die Lehre vom Einkommen in dessen Gessammtzweigen. Prag 1869, стр. 69.

способность. Далѣе, согласно съ основнымъ различіемъ между личностью человѣка вообще въ хозяйствѣ и олицетвореніемъ предпріятія и его организаціи, или производства и его факторовъ въ предпринимателѣ, работникѣ, капиталистѣ и землевладѣльцѣ, слѣдуетъ различать и два основныхъ вида доходовъ; первый мы назвали: хозяйственнымъ доходомъ, а второй предпринимательскимъ *).

Вообще для полнаго раскрытія дѣйствія законовъ, по которымъ образуются оба вида дохода, необходимо путемъ отвлеченія перенестись къ тому первобытному состоянію хозяйства, когда вообще никакихъ капиталовъ и запасовъ цѣнностей не создавалось и не существовало; когда и тѣ и другіе только стали создаваться трудомъ въ соединеніи съ даровымъ содѣйствіемъ силъ природы. Тогда къ захвату земель въ личную собственность не представлялось еще никакихъ побужденій, такъ какъ всякій могъ поддерживать свое существованіе и удовлетворять своему потребленію вполнѣ сборомъ даровыхъ благъ природы, безъ тяжкихъ усилій. Въ разнообразно и безконечно перекрещивающейся сѣти хозяйственныхъ отношеній современнаго быта, дѣйствительные и первоначальные источники хозяйственнаго дохода заслоняются и прикрываются сложностію каждаго процесса и даже всякаго, порознь взятаго, хозяйственнаго явленія.

Такимъ образомъ, одинъ видъ доходовъ получается отъ общаго оборота всего производительнаго предпріятія, другой же отъ одного участія въ немъ. Первый доходъ есть достояніе предпринимателя, второй переходитъ къ представителямъ факторовъ производства. Существованіе ихъ до того самостоятельно, что при извѣстномъ оборотѣ можетъ и не быть перваго, а въ тоже время въ каждомъ отдѣльномъ оборотѣ будетъ существовать второй; вообще уровень втораго далеко или вовсе не измѣряется прямо величиною перваго. Они напротивъ находятся въ конкурренціи между собою: предпринимательскій доходъ, при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, ростетъ съ уменьшеніемъ дохода участниковъ производства и наоборотъ, такъ какъ изъ доходовъ участниковъ производства слагаются издержки послѣдняго.

Отъ хозяйственнаго дохода зависитъ существованіе труда и капитала какъ хозяйственныхъ силъ, слѣдовательно вообще возможность производства; отъ предпринимательскаго же дохода зависятъ только виды производства, т. е. производство извѣстныхъ родовъ цѣнностей, направленіе производительныхъ предпріятій *).

Но и хозяйственный, и предпринимательскій доходъ распадаются на валовой и чистый. Валовой хозяйственный доходъ участниковъ или факторовъ производства, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, за исключеніемъ самого представителя предпріятія, выражается тою цѣною, которую за трудъ и капиталъ платитъ предприниматель на рынкѣ факторовъ производства и которая цѣликомъ входитъ въ издержки производства; чистый же хозяйственный ихъ доходъ образуетъ тотъ остатокъ, который получается отъ вычитанія изъ валоваго хозяйственнаго дохода всѣхъ расходовъ, необхо-

---

*) По анологіи того, что Guth называетъ ökonomisches und verkehrsmässiges Einkommen. l. c.

*) О самостоятельности предпринимательскаго дохода и разнорѣчіи въ этомъ отношеніи экономистовъ смотри *Осокинъ*: О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ его развитіи въ Россіи. Казань. 1856. стр. 4. Lotz. Handbuch der Staatswirthschaftslehre, Erlangen 1837, I. 472. *Горловъ*: Теорія Финансовъ, 2-е изд. 1845. стр. 112, по примѣру А. Смита, Рикардо и Мэкколлоха не отдѣляетъ предпринимательскаго дохода отъ дохода съ капитала. *Sismondi*: Nouveaux principes d'éc. p., Paris. 1819. 359 различаетъ interêt du capitaliste и profit mercantile.

димыхъ на полное сохраненіе труда и капитала, какъ хозяйственныхъ силъ. У работника эти расходы идутъ на пріобрѣтеніе необходимыхъ средствъ къ существованію, размѣръ которыхъ устанавливается конкурренціею между работниками же; для капитала эти расходы слагаются изъ издержекъ на страхованіе и на ремонтъ.

Самъ предприниматель, какъ самостоятельная хозяйственная личность, получаетъ исключительно въ свою пользу только хозяйственный доходъ; валовой же предпринимательскій доходъ есть собственно полная принадлежность предпріятія, а такъ-называемый чистый доходъ всего предпріятія является только валовымъ хозяйственныхъ доходомъ для предпринимателя. Поэтому, возможно признать за чистый предпринимательскій доходъ исключительно только чистый хозяйственный доходъ самого предпринимателя.

Наши доводы и воззрѣнія на чистый доходъ совершенно разнятся отъ принятыхъ существующею теоріею *), но она, по общему сознанію, въ финансовыхъ вопросахъ не доставляла достаточно осязательныхъ критерій своего чистаго дохода, а потому сплошь и рядомъ, изслѣдователи переходили отъ чистаго дохода предпріятія къ доходу хозяйственной личности вообще, какъ единственно доступному опредѣленію и измѣренію источнику податей, или какъ дѣйствительно осязательному признаку податной способности **).

При всемъ томъ, какъ несомнѣнную истину, слѣдуетъ удержать то положеніе экономической науки, что только чистый доходъ можетъ служить источникомъ подати. Это воззрѣніе получаетъ нашимъ положеніемъ ***) объ различіи по основаніямъ между предпринимательскимъ и общественнымъ хозяйствомъ, т. е. что послѣднее лишено самостоятельныхъ средствъ къ производству, а пріобрѣтаетъ ихъ какъ пожертвованія изъ перваго — наиболѣе ясно формулированное подтвержденіе: валовой доходъ обезпечиваетъ только существованіе предпринимательскаго производства и всѣхъ его факторовъ. Предпринимательское хозяйство слѣдовательно возможно, развѣ только помимо чистыхъ хозяйственныхъ доходовъ всѣхъ участниковъ, въ томъ числѣ и самаго предпринимателя, за этимъ же предѣломъ оно вовсе немыслимо; на общественное, и слѣдовательно податнымъ источникомъ для послѣдняго, можетъ единственно служить чистый хозяйственный доходъ, получаемый хозяйственными личностями за ихъ участіе въ производительныхъ предпріятіяхъ.

Этимъ же положеніемъ сохраняются въ основаніи и прямыя отношенія между обществомъ и личностью ****).

---

*) Guth: Die Lehre vom Einkommen, стр. 77, относительно существованія чистаго дохода утверждаетъ, что послѣдній только существуетъ какъ элементъ мѣноваго дохода (verkehrsmässiges Einkommen) который хотя и совпадаетъ въ сущности съ нашимъ предпринимательскимъ, но недостаточно имъ очерченъ. Срв. Schmoller: L. vom E. стр. 52 и слѣд.

**) Eisenhart: Die Kunst der Besteuerung. стр. 31: Die wahre organische Steuerquelle wird überhaupt in dem Gesammteinkommen der Person zu suchen sein—изъ него слѣдуетъ исключить отрицательные элементы, т. е. долги. Срв. Stein. Lehrb. d. F. стр. 170.—Rau: Grundsätze d. F. стр. 382 и слѣд.— A. Smith. III, 210.

***) См. финансовый кредитъ, стр. 67.

****) *Rau*: Grundsätze d. F. I. § 262.—Schmoller: Die Lehre vom Einkommen in ihrem Zusammenhange mit den Grundprincipien der Steuerlehre (въ Zeitsch. f. d. g. Staatswiss. 1863. стр. 41): Wenn man bisher sich oft einbildete, das Reineinkommensteuerprincip durchgeführt zu haben, so kam dies daher, dass man auf einzelne Steuern sah, statt auf das Steuersystem, dass

Чистый хозяйственный доходъ естественно возникаетъ цѣлымъ рядомъ сложныхъ и разнообразныхъ хозяйственныхъ процессовъ, слѣдовательно можетъ подвергнуться обложенію въ разныхъ фазисахъ своего возникновенія: откуда—если и не сложилось существующее разнообразіе формъ податей, такъ какъ финансовая практика искала только внѣшняго удобства, осязательныхъ признаковъ состоятельности при обложеніи, а позже возникшая теорія не могла служить ей руководствомъ, то по крайней мѣрѣ, разнообразіе податныхъ формъ находитъ себѣ научную опору, хотя оправданіе податей въ частностяхъ, во многихъ формахъ, конечно не вездѣ и не всегда возможно. Политическая экономія и теорія финансовъ находятся вообще въ незавидномъ для наукъ положеніи, имъ приходится неустанно ратоборствовать за истины и положенія, выведенныя изъ неизмѣнныхъ и общихъ законовъ человѣческаго хозяйства и подтверждаемыя всѣми явленіями хозяйственнаго быта, слѣдовательно являющіяся не только теоретическими, но и опытными истинами: которыя тѣмъ не менѣе остаются въ забросѣ при финансовыхъ техническихъ мѣропріятіяхъ и на практикѣ.

На основаніи сдѣланнаго разъясненія объ экономическихъ категоріяхъ дохода, невозможно намъ согласиться съ положеніемъ Рошера (§ 146), будто каждый доходъ возникаетъ отъ производства, какъ единственнаго и общаго источника; нельзя также согласиться даже съ тѣми разсужденіями, относительно народнаго дохода, которыя строятъ всю хозяйственную теорію на ученіи о народномъ благосостояніи или богатствѣ, а не вообще на анализѣ основныхъ началъ или законовъ хозяйственной дѣятельности—и отдѣльныхъ лицъ порознь, и всякихъ союзовъ и общеній послѣднихъ. Рошеръ даетъ и подробный перечень тѣхъ видовъ цѣнностей и внѣшнихъ хозяйственныхъ средствъ, изъ которыхъ, по его мнѣнію, слагается народный доходъ. Онъ упоминаетъ, что народный доходъ можетъ быть измѣряемъ или такъ, что исчисляются всѣ цѣнности, вновь въ распоряженіе народа поступающія, или такъ, что складываются всѣ доходы отдѣльныхъ лицъ, представителей состава народа. Въ первомъ случаѣ, народный доходъ заключаетъ въ себѣ: 1) совокупность производимаго въ странѣ сырья, 2) заграничный привозъ послѣдняго и цѣнности, которыя пріобрѣтаются контрибуціею, мор-

man von den Grundprincipien der Steuerlehre zu reden glaubte, während man von Regeln sprach, wie einzelne Steuern umzulegen. Срв. стр. 59 и слѣд. Основанія обложенія и самое распредѣленіе оклада податнаго смѣшивались неоднократно, а именно такое смѣшеніе лежитъ главнымъ образомъ въ основаніи всего ученія объ единственномъ налогѣ, въ пользу котораго клонятся и всѣ доводы Шмоллера (стр. 86). Откровенно такой взглядъ выражаетъ *Посошковъ* (Книга о скудости и о богатствѣ, изд. М. Погодина. Москва, 1842, стр. 220): «По моему мнѣнію вышеупомянутые древняго устава пошлинные многоплодные сборы и нововымышленные мелочные сборы отставить, да уставить единъ самый государственный *праздный* сборъ иже съ Христова воплощенія уставленный, т. е. десятинныя еже имать пошлинѣ по гривнѣ съ рубля, а не по пяти алтынъ».

скимъ грабежемъ, разбоемъ и проч., 3) сумма того приращенія цѣнностей, которое осуществляется промышленностію, передѣломъ и перемѣщеніемъ, которые совершаются надъ сырьемъ, причемъ самую стоимость сырья или матеріаловъ видоизмѣненныхъ, ради дальнѣйшаго возвышенія въ нихъ цѣнности, слѣдуетъ исключить, 4) совокупность всѣхъ услугъ, которыя доставляются дѣятельностью лицъ и всѣхъ тѣхъ пользъ, которыя достаются народу отъ извѣстныхъ общедоступныхъ и наличныхъ запасовъ цѣнностей. Всѣ произведенныя экономическія величины по Рошеру необходимо по средней цѣнѣ перевести на деньги.

Изъ указанныхъ долей слагается валовой народный доходъ, а чтобы, на основаніи его въ денежной оцѣнкѣ, получить чистый доходъ, необходимо, по немъ же, исключить: 1) все то сырье, которое было истрачено во время производства цѣнностей, 2) весь вывозъ, который пошелъ за границу въ уплату соотвѣтственнаго привоза, 3) погашеніе всѣхъ тѣхъ постоянныхъ капиталовъ, которые участвовали въ разныхъ отрасляхъ производства и предпріятій, наконецъ, 4) погашеніе общедоступныхъ запасовъ цѣнностей, въ видѣ дорогъ, публичныхъ зданій, библіотекъ, музеевъ и т. д., такъ какъ они нуждаются въ опредѣленномъ ежегодномъ расходѣ для своей поддержки. Если же иначе опредѣлять народный доходъ, именно какъ совокупность доходовъ всѣхъ отдѣльныхъ лицъ, то необходимо для вывода чистаго народнаго дохода взять: 1) чистый доходъ всѣхъ самостоятельныхъ частныхъ хозяйствъ; 2) доходъ разныхъ союзовъ и общеній и вообще доходъ, возникающій отъ какихъ либо самостоятельно существующихъ имуществъ и капиталовъ; затѣмъ, 3) перевести на денежную оцѣнку всѣ тѣ пользы и услуги, которыя даннымъ народомъ пріобрѣтаются не въ денежной формѣ, но непосредственно отъ тѣхъ или другихъ лицъ, общественныхъ имуществъ и учрежденій; далѣе, 4) ввести въ разсчетъ, на основаніи чистыхъ личныхъ доходовъ, всѣ процентные платежи со стороны однихъ только заимодавцевъ и вычесть изъ этой суммы платежи, производимые заемщиками.

Но нельзя не возразить Рошеру, что всѣ разсчеты приведутъ къ двойнымъ показаніямъ, что вообще констатировать народный доходъ невозможно, что слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что доходомъ въ распоряженіе народа поступаютъ только тѣ цѣнности, которыя вновь производятся ежегодно, а тѣ выгоды, пользы и удоб-

ства, которыми въ своемъ хозяйствѣ располагаетъ народъ не въ видѣ самостоятельно вновь созидаемыхъ услугъ и цѣнностей, экономической оцѣнки не подлежатъ и подъ хозяйственную возмездность не подходятъ; иначе всякій выгодный трактатъ, всякій вновь открытый иностранный рынокъ, не говоря уже объ законодательныхъ, судебныхъ и общественныхъ реформахъ, придется причислить къ народному доходу и перевести на деньги. Это значитъ переходить изъ области хозяйственныхъ, точно возмездныхъ, разсчетовъ въ область весьма гадательныхъ соображеній.

Всѣ тѣ пользы, которыя отъ разнаго рода учрежденій, запасовъ цѣнностей (въ видѣ дорогъ, лѣсовъ, судоходныхъ рѣкъ и проч.) пріобрѣтаетъ народъ, отождествлять съ неизбѣжно осязательнымъ экономическимъ доходомъ нѣтъ возможности, иначе состояніе климата, погоды, обиліе или недостатокъ дождя и проч. придется причислить къ народному капиталу и также перевесть на денежную оцѣнку. Принимая же за основаніе, при опредѣленіи народнаго дохода, то положеніе, что имъ могутъ считаться только вновь созидаемыя ежегодно цѣнности въ совокупности, постоянно слѣдуетъ имѣть въ виду, что цѣнности создаются далеко не всѣ сразу, замкнутымъ въ себѣ рядомъ усилій и затратъ, а что въ новѣйшемъ обществѣ по случаю раздѣленія труда, при участіи множества лицъ капиталомъ и трудомъ, издѣлія не только проходятъ иногда чрезъ серію отдѣльныхъ предпріятій до окончательнаго своего приспособленія къ потребленію, но переходятъ нерѣдко и вокругъ своего земнаго шара.

Принимая во вниманіе такое множество передѣловъ большинства цѣнностей, нельзя считать народный доходъ суммою доходовъ частныхъ хозяйствъ. Если цѣнность въ видѣ полусырья, послѣ первой передѣлки, какъ матеріалъ переходитъ въ другое предпріятіе, потомъ въ третье, четвертое и такъ далѣе, причемъ отдѣльнымъ оборотомъ только возвышается ихъ цѣнность, а окончательно сразу не создается, и если вести счетъ доходамъ отдѣльныхъ предпріятій, или тому количеству цѣнностей, которое послѣ разрозненныхъ затратъ какъ будто вновь явилось, то это окажется несоотвѣтственнымъ дѣйствительности: не каждый разъ и не послѣ каждаго производства явилась новая цѣнность, а одна и таже полуцѣнность только далѣе видоизмѣнялась. Слѣдить же затѣмъ, законченная ли цѣнность вышла изъ даннаго производства, или она,

въ качествѣ капитала, перешла на дальнѣйшіе передѣлы, не возможно.

Не всѣ цѣнности, выдѣланныя предыдущимъ и переходящія въ новое производство, могутъ считаться новыми средствами для хозяйства; основать исчисленіе народнаго дохода на приведенномъ началѣ несостоятельно, а остается ограничиться тѣмъ общимъ опредѣленіемъ, что экономическій валовой народный доходъ есть совокупность всѣхъ доходовъ, которые получаются отъ производительныхъ затратъ; чистый же есть сложность всѣхъ тѣхъ цѣнностей, которая, за вычетомъ, по оцѣнкѣ, всѣхъ издержекъ и тратъ на валовыя производства, оказывается въ избыткѣ. Въ тоже время цифрами вычислять указанные два вида народнаго дохода нѣтъ не только фактической возможности, но и проблематической надежды. Относительно народнаго дохода ясное и точное понятіе получается единственно путемъ обстоятельнаго анализа доходовъ отъ предпріятія и тѣхъ основныхъ долей, изъ которыхъ слагается хозяйственный доходъ, или личный.

Наиболѣе надежнымъ образомъ ростетъ народный доходъ, если въ конъектуральный трудъ предпринимательскій входитъ не спекуляція и игра, а преимущественно одна производственная предпріимчивость, такъ что по мѣрѣ того, какъ въ общемъ составѣ всего народнаго хозяйства существуетъ меньше спекулянтовъ и игроковъ народное хозяйство развивается нормальнѣе, устойчивѣе; а приращеніе народнаго дохода болѣе обезпечено и менѣе колеблется. Если же, въ данной странѣ или данной области хозяйства, преобладаютъ спекуляція и игра, то народный или производственный доходъ становится порывистымъ въ своихъ движеніяхъ, бываютъ времена огромной наживы, а затѣмъ полнаго застоя и даже разоренія. Раззоренія, вызываемыя положительнымъ образомъ игрою и спекуляціею, водворяются и распространяются обыкновенно въ трехъ фазисахъ: сначала раззоряютая сами игроки, а за ними тѣ кредитныя учрежденія, которыя вели счеты съ ними, потомъ потрясеніе распространяется на производителей, то есть спросъ на товары съуживается или прекращается, производство пріостанавливается, сбытъ зякрывается, а труженики остаются безъ работы. Игра, спекуляція и предпріимчивость имѣютъ прямое вліяніе на личный доходъ, тогда какъ народный доходъ ростетъ отъ одной только предпріимчивости. Распредѣленіе доходовъ между отдѣль-

ными представителями предпріимчивости, между отдѣльными классами общества различно, смотря потому преобладаетъ ли въ народномъ хозяйствѣ предпріимчивость, или спекуляція и игра. Спекуляція, понятно, не можетъ имѣть большой массы представителей, такъ какъ для этого требуется соединеніе въ одномъ лицѣ двухъ рѣдко встрѣчающихся совмѣстно условій, то есть обладаніе большимъ капиталомъ и умѣнье и желаніе спекулировать. Игра уже можетъ захватывать большее число лицъ, такъ какъ на нее не требуется большаго наличнаго капитала; можно уравновѣсить большіе риски при игрѣ, играя съ одними на повышеніе, а съ другими на пониженіе тѣхъ же цѣнъ, такъ что въ результатѣ получится не значительный или проигрышъ, или барышъ; притомъ въ игрѣ всѣ сдѣлки заключаются фиктивно и не спрашивается точно, дѣйствительно ли лицо обладаетъ средствами, достаточными на разсчеты.

Вотъ почему, въ случаѣ удачи спекуляціи всегда совершается такое распредѣленіе дохода въ народѣ, что не многія лица чрезвычайно быстро разживаются, а масса производителей не имѣетъ почти никакого приращенія своего дохода, иногда даже теряетъ, такъ какъ въ итогѣ нажива спекулянтовъ совершается всетаки на счетъ массы потребителей, покупающихъ товары по болѣе высокимъ цѣнамъ. Очевидно, нормальное подчиненіе спекуляціи и игры предпріимчивости представляетъ прямое, естественное условіе для равномѣрнаго и правильнаго распредѣленія всего производственнаго дохода между отдѣльными личными хозяйствами.

§ 56. Экономическое своеобразіе и составъ дохода предпринимателей.

Вслѣдствіе различія въ составѣ дохода по указаннымъ тремъ главнымъ группамъ экономическихъ сферъ, самое пріобрѣтеніе дохода, или то, что до сихъ поръ называется распредѣленіемъ дохода отъ производства, становится существенно различнымъ. Такъ распредѣленіе доходовъ въ народѣ, между отдѣльными классами общества, подчиняется не однимъ только экономическимъ побужденіямъ, а на него оказываютъ, можетъ быть ближайшее, вліяніе и политическій строй, законодательство, историческія традиціи и наконецъ условія

Профессоръ Э. Вреденъ.

Типографія и литографія Кн. Оболенскаго, уголъ Николаевск. и Стрем. № 3 — 22.

ссылающіяся на семейственныя и нравственныя влеченія, напр. наслѣдство, дарствованіе, благотворительность и т. д. Вотъ почему, распредѣленіе народнаго или производственнаго дохода между различными классами, общественными или экономическими, не представляется чисто хозяйственнымъ явленіемъ, еще менѣе послѣдній характеръ присущъ распредѣленію дохода по отдѣльнымъ личнымъ хозяйствамъ, или вообще хозяйственнаго дохода; исключительно же экономическій характеръ, по своему возникновенію отъ возмезднаго обмѣна услугъ и цѣнностей, имѣетъ только доходъ отъ предпріятій.

Изъ анализа послѣдняго, а не общественнаго, можетъ исходить экономическое изслѣдованіе дохода вообще. На организацію предпріятія имѣютъ вліяніе, какъ выяснено въ предыдущемъ отдѣлѣ, трудъ, капиталъ и внѣшнія условія самаго соединенія представителей производственныхъ элементовъ, т. е. рискъ и отвѣтственность. Предприниматели являются вполнѣ самостоятельною группою лицъ, въ отличіе отъ участниковъ, привлеченныхъ наймомъ или займомъ, а потому они имѣютъ право на часть дохода отъ предпріятія въ силу и въ размѣрѣ риска и отвѣтственности. Въ общемъ положеніи, далѣе, участіе полезностей, вещества и силъ стихійныхъ въ производствѣ даровое, но если, вслѣдствіе неповсемѣстности, они находятся въ личномъ обладаніи, то приходится оплачивать и ихъ участіе; вотъ почему, другую группу лицъ, имѣющихъ право на долю дохода отъ предпріятія составляютъ землевладѣльцы, въ смыслѣ представителей стихійныхъ полезностей. За тѣмъ очевидно, что третью группу лицъ, по праву на доходъ, составляютъ представители труда или работники, а четвертую капиталисты. Но главную же роль при распредѣленіи дохода играютъ предприниматели, потому что остальныя три группы риска и отвѣтственности не несутъ, а ихъ участіе въ предпріятіи возможно только на основаніи неизмѣннаго договора съ первыми.

Далѣе, предприниматели несутъ рискъ и отвѣтственность либо трудомъ, либо капиталомъ, иногда же отчасти и тѣмъ и другимъ, они понятно получаютъ часть вознагражденія, какъ оплату труда или капитала, отдѣльно или съ того и другаго вмѣстѣ. Поэтому споръ, существующій въ литературѣ относительно вопроса, слѣдуетъ ли считать доходъ предпринимателей оплатою труда, или за барышъ отъ капитала, не имѣетъ наўчныхъ основаній. Очевидно, предприниматели въ единоличномъ предпріятіи получаетъ доходъ и за трудъ

и за капиталъ, въ артели преимущественно за трудъ, въ полномъ товариществѣ и за трудъ и за капиталъ, въ акціонерномъ же исключительно за капиталъ. Дѣло въ томъ, что конечно предприниматели получаютъ въ большинствѣ случаевъ возмездіе за высшіе виды труда, за трудъ коньектуральной, а въ рѣдкихъ случаяхъ самъ предприниматель берется за исполненіе; точно также въ большинствѣ случаевъ всѣмъ вещественнымъ капиталомъ въ предпріятія сами предприниматели не обладаютъ и въ значительной пропорціи привлекаютъ чужой, либо вкладной, либо ссудный; сверхъ того предприниматели своею предпріимчивостію и оборотливостію успѣваютъ создавать то, что мы назвали невещественнымъ капиталомъ, а потому они получаютъ барышъ и отъ послѣдняго, что недоступно уже вовсе простымъ участникамъ предпріятія. Стало быть, источниковъ, или вѣрнѣе экономическихъ основаній для дохода у предпринимателей больше и они разнообразнѣе, чѣмъ для простыхъ участниковъ въ чужомъ предпріятіи. Доходъ предпринимателей, наконецъ, зависитъ не только отъ большаго, или меньшаго количества цѣнностей, производимыхъ въ натурѣ, но и отъ сбыта этихъ цѣнностей на рынкѣ за большую или меньшую цѣну; другими словами, предприниматель долженъ не только рисковать и отвѣчать, сообразительно трудится и невещественно капитализировать, но еще и разсчитывать на цѣны, удачно спекулировать, заботиться, чтобы на томъ же рынкѣ открыть самый выгодный сбытъ, или найти рынокъ, на которомъ стоитъ на его издѣлія наивысшая цѣна. Вообще, разсчетъ на разницу въ цѣнахъ, или рыночный оборотъ служитъ вторымъ основаніемъ предпринимательскаго дохода. По этому, доходъ предпринимателя основывается на вѣроятіи, онъ болѣе или менѣе статоченъ, доходъ же остальныхъ участниковъ, предпріятія вполнѣ достовѣренъ, о немъ договорились. Вѣроятіе упомянутое опредѣляется: 1) основательностью и техническою разработанностію коньектуры предпріятія и 2) опытностію въ спекуляціи при сбытѣ, знаніемъ рынковъ и цѣнъ.

По случаю упомянутаго двойственнаго характера источниковъ своего дохода, предприниматели становятся въ борьбу со всѣми остальными, соприкосновенными къ предпріятію, лицами. Именно, доходъ предпринимателя тѣмъ значительнѣе, чѣмъ меньше онъ удѣлитъ всѣмъ прочимъ участникамъ производства. Это положеніе одинаково сохраняетъ силу, уплачиваетъ ли предприниматель прочимъ

участникамъ деньгами, или цѣнностями въ натурѣ. Всѣ уплаты за труды и капиталы, равно какъ за мѣсто и за присвоенныя стихійныя полезности, въ предпріятіи въ совокупности носятъ названіе издержекъ по производству. Издержки по предпрятію приходится вычесть изъ его валоваго дохода, чтобы получить чистый доходъ предпринимателя. И такъ, ради увеличенія своего чистаго дохода предприниматель будетъ заботиться о сокращеніи издержевъ, или о наименьшемъ надѣленіи прочихъ участниковъ въ предпріятіи. Съ другой стороны, доходъ предпринимателя тѣмъ значительнѣе, чѣмъ дороже наденьги онъ сбудетъ цѣнности въ натурѣ на рынкѣ, т. е. покупателямъ или потребителямъ; интересы предпринимателя сталкиваются здѣсь съ интересами потребителей. Наконецъ, такъ какъ доходъ предпринимателя зависитъ и отъ сокращенія издержекъ производства, и отъ сбыта товара по высшей цѣнѣ, то ему приходится зорко слѣдить за всѣми предпринимателями въ однородныхъ съ нимъ производствахъ, чтобы по возможности воспользоваться всякимъ сокращеніемъ издержекъ и всякою удачею по сбыту, достигнутыми кѣмъ либо изъ нихъ. Такъ, если кто изъ послѣднихъ достигъ сокращенія издержекъ помощію улучшенія машинъ, то предстоитъ и всѣмъ другимъ сдѣлать тоже, иначе первый предприниматель въ состояніи продавать товаръ дешевле, понизитъ цѣну и лишитъ соотвѣтственныхъ выгодъ всѣхъ прочихъ; или они подвергнутся несохраненію сбыта, или вынуждены будутъ продавать по пониженной цѣнѣ, не смотря на прежнія издержки производства. Тоже самое относится и до сбыта; если кому изъ предпринимателей удалось возвысить цѣну, то и прочіе постараются воспользоваться такою наживою, если же, напротивъ, кто либо понизилъ цѣну и тѣмъ успѣлъ привлечь огромнос число покупателей, и хотя отъ каждаго покупателя въ отдѣльности онъ получаетъ меньше барыша, но сумма барышей его все таки увеличилась, то и всѣ прочіе предприниматели принуждены понизить цѣну, иначе они рискуютъ остаться безъ покупателей.

Необходимость слѣдить другъ за другомъ порождаетъ экономическую связь между предпринимателями по близкимъ или однороднымъ производствамъ. Эта связь можетъ повлечь двоякія послѣдствія. Если удается согласиться въ образѣ дѣйствій между собою, напр. не платить рабочимъ свыше такого то вознагражденія, за помѣщенія и капиталы дороже того то, то могутъ дѣйствовать «ско-

помъ и сговоромъ», на что уже жаловались наши купцы Михаилу Ѳедоровичу на англичанъ, торговавшихъ у Архангельска. И въ средніе вѣка, и въ новое время образовались первыя товарищества именно съ цѣлью однообразнаго дѣйствія, ради постоянной стачки, чтобы порознь предприниматели не дѣйствовали въ ущербъ остальнымъ. Надзоръ другъ за другомъ былъ силенъ не только у цеховыхъ мастеровъ, но и въ торговыхъ компаніяхъ; между прочимъ требовалось, чтобы всѣ члены жили въ одномъ кварталѣ, такимъ образомъ никто не могъ совершить сдѣлку съ покупателями на иныхъ условіяхъ, чѣмъ прочіе предприниматели. По мѣрѣ и вслѣдствіи большаго развитія коньектуральнаго труда въ средѣ предпринимателей и полнѣйшаго сознанія ими своихъ выгодъ, равно какъ и вслѣдствіе водворившагося международнаго распредѣленія производствъ, они для единодушнаго дѣйствія перестаютъ нуждаться въ такихъ ясно выраженныхъ договорахъ и обязательныхъ стачкахъ, они подражаютъ другъ другу и поступаютъ согласно на основаніи безусловнаго и безмолвнаго совпаденія интересовъ, tacitu consensu. Чѣмъ меньше число предпринимателей однороднаго предпріятія, тѣмъ легче между ними безгласная стачка; тѣмъ болѣе, что при небольшомъ ихъ числѣ нѣтъ существеннаго разнообразія въ обстановкѣ и условіяхъ осуществленія однородныхъ предпріятій, нѣтъ причинъ, чтобы ихъ выгоды могли замѣтно расходиться. Вотъ почему, всякое искусственное уменьшеніе числа предпринимателей, какъ то устанавливали позднѣйшіе цехи и гильдіи, ограничительныя привиллегіи, административная регламентація при возникновеніи предпріятій и тому подобныя стѣсненія, облегчаютъ и поддерживаютъ скопы и сговоры, равно какъ и безмолвное единодушіе между предпринимателями.

Если же предпринимателей неограниченное число, то не только имъ труднѣе соглашаться между собою, но и множество предпріятій представляютъ уже большое различіе въ условіяхъ производства, напримѣръ, неодинаковую степень дароваго участія природы, и стачки между предпринимателями несбыточны. Тогда предприниматели, чтобы привлечь себѣ больше покупателей, стараются отбить ихъ другъ у друга, заботятся о томъ, чтобы вполнѣ или больше угодить публикѣ. Приходится имъ одновременно пріобрѣсть и лучшія машины, привлечь надежныхъ работниковъ, не сокращать издержекъ производства въ ущербъ прочимъ участникамъ,

а улучшать качество издѣлій и продавать ихъ по безобидной цѣнѣ. Совокупность приведенныхъ стремленій и составляетъ содержаніе промышленной борьбы, или такъ называемой *конкурренціи*.

Для большей отчетливости въ дальнѣйшемъ выясненіи экономической сущности предпринимательскаго дохода, мы вынуждены повторить, что коль скоро экономическій оборотъ, процессъ хозяйственный и цѣлостное производство, становится явленіемъ, или осуществляется практически, то тотчасъ они пріобрѣтаютъ форму предпріятія, задающагося, въ видѣ ли цѣнностей извѣстнаго рода или услугъ, вообще доставленіемъ извѣстнаго рода валоваго дохода для мѣны и на сбытъ. Указанное морфологическое осуществленіе совершается въ силу коньектуры и на основаніи предпріимчивости и оборотливости, при рискѣ и отвѣтственности, которыя несутъ опредѣленныя личности въ каждомъ предпріятіи, притомъ или преимущественно трудомъ, или капиталомъ, или тѣмъ и другимъ, болѣе или менѣе равномѣрно. Извѣстныя личности въ указанномъ смыслѣ служатъ представителями цѣлости предпріятія, они предприниматели. Послѣ сбыта и послѣ превращенія валоваго дохода въ деньги на рынкѣ, предприниматели, именно какъ представители предпріятія, имѣютъ полное право на извѣстную долю въ первомъ. Эта доля— чистый доходъ отъ предпріятія, остающійся за покрытіемъ всѣхъ издержекъ производства, онъ то и составляетъ барышъ предпринимателей. Сверхъ того предприниматели могутъ на себя принять предпріимчивость, оборотливость и исполненіе, или же не совершать никакихъ трудовыхъ дѣйствій, а нести рискъ и отвѣтственность только капиталомъ; въ тоже время ихъ собственностью можетъ явиться—или порознь, или вмѣстѣ, или только долею—и капиталъ основный, и расходный, и запасный. Соотвѣтственно приведеннымъ случаямъ предприниматели и получаютъ большій, или меньшій чистый доходъ. Другими словами, въ прибыли предпринимательской есть всегда, по большей или меньшей доли, и плата за трудъ, или за капиталъ, порознь или вмѣстѣ. Во всякомъ же случаѣ, самое представительство цѣлости предпріятія, или тѣ усилія, заботы и затраты, которыя нужны со стороны предпринимателей ради соединенія факторовъ производства для общаго оборота, должны вознаграждаться особо; т. е. въ предпринимательскомъ доходѣ, сверхъ оплаты капитала и труда, есть и третій элементъ, именно чистая какъ бы прибыль, возникающая только потому, что

нуженъ представитель самаго строя предпріятія, объединенія въ немъ всѣхъ оборотовъ, безъ чего ни одинъ изъ послѣднихъ осуществиться не можетъ. Отвергать своеобразность предпринимательскаго дохода, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые экономисты, въ томъ числѣ и Рошеръ (§ 195), отождествлять его съ доходомъ за трудъ и капиталъ, превратно. Милль же (II ч., 15 гл., § 4) признаетъ, что сверхъ вознагражденія за капиталъ и трудъ, въ пользу предпринимателя идетъ извѣстная прибыль, которую онъ называетъ gross profit of stock и прибавляетъ, что эта прибыль служитъ вознагражденіемъ за извѣстное самопожертвованіе (recoard for abstinence), которое налагаетъ на себя предприниматель, посвятившись данному предпріятію, а также вознагражденіемъ за рискъ (indemnity for risk) и усилія, которыя онъ долженъ приложить ради осуществленія предпріятія. Милль отличаетъ этотъ барышъ отъ другихъ видовъ доходовъ, идущихъ иногда въ пользу предпринимателя за трудъ и капиталъ, и жалѣетъ, что въ англійскомъ языкѣ нѣтъ термина равносильнаго французскому profit de l'entrepreneur.

Чистый доходъ предпринимателей не совпадаетъ и съ чистымъ доходомъ у физіократовъ, послѣдній есть только та доля валоваго дохода, которая оказывается свободною въ добывающей промышленности, за вычетомъ всѣхъ авансовъ или издержекъ, онъ не остается въ рукахъ арендатора и выплачивается собственнику, т. е. чистый доходъ есть доходъ собственника землевладѣльца, идущій въ его пользу за обладаніе стихійными силами. Онъ совпадаетъ у нихъ не только съ кортомною платою, но и съ рентою; между тѣмъ, по моему мнѣнію понятіе ренты существенно иное. По примѣру физіократовъ смѣшеніе ренты съ прибылью встрѣчается у многихъ, экономистовъ, особенно у тѣхъ, которые не признаютъ самостоятельнаго дохода въ пользу предпринимателя. Смитъ (I, 6) полагаетъ, что предприниматель получаетъ вознагражденіе только за свой трудъ. Того же мнѣнія и Рикардо. (Principles, 6, 21). Первый же Синьоръ въ своемъ изложеніи основаній политич. экономіи (Outlines, p. 130) указываетъ, что прибыль предпринимательская дѣлится на двѣ части: одна изъ нихъ составляетъ капитальный доходъ предпріятія, а другая промышленный его барышъ. Для прочнаго же установленія существа и состава всего чистаго дохода, идущаго въ пользу предпринимателя, необходимо выяснить окончательно, что рента не совпадаетъ съ предпринимательскою прибылью.

Нормально всякое предпріятіе выручаетъ прибыль, при обыкновенномъ положеніи дѣлъ, на основаніи сбыта своего натуральнаго дохода за деньги на рынкѣ и въ зависимости отъ сокращенія издержекъ производства, правильности коньектуры, соотвѣтственно количеству произведенныхъ въ натурѣ цѣнностей и общей цѣнѣ рыночной. Въ тоже время, однако, между прямою производственною предпріимчивостью, съ одной стороны, и спекуляціею и игрою, съ другой, хотя онѣ и служатъ совершенно одинаково источниками прибылей, по экономичекой сущности ихъ есть основная разница; именно, доходъ отъ предпріимчивости получается благодаря производству новыхъ цѣнностей, доходъ отъ спекуляціи—вслѣдствіе оборота на цѣнахъ товара, а игра даетъ доходъ отъ одной разницы въ загадываніи на цѣнахъ. Доходъ предпринимателя фактически зависитъ не только отъ условій производства, но и отъ цѣнъ, онъ получаетъ не только прибыль, но сверхъ того можетъ получать и доходъ отъ спекуляціи. Послѣдній элементъ, въ тѣхъ или другихъ видахъ предпріятій, бываетъ болѣе или менѣе сильный. Спекуляція предпринимателей заключается въ томъ, что при конкурренціи между собою въ однородныхъ производствахъ, каждый постарается взять большую цѣну противъ другихъ, и тѣмъ до извѣстной степени ослабить конкурренцію, которая существуетъ вслѣдствіе антагонизма интересовъ. Всякій доходъ удавшеюся спекуляціею созданный и есть рента. Послѣдняя получается, если удалось предпринимателю, или совсѣмъ избавиться отъ конкурренціи при помощи монополіи, или временно воспользоваться какими либо комбинаціями рынка, исключительными условіями спроса и предложенія. Источникомъ ренты, какъ добавочнаго элемента въ доходѣ, пріобрѣтаемаго помощію спекуляціи и на основаніи высшихъ цѣнъ, всегда служитъ своеобразная обстановка сбыта, недоступная равномѣрно всѣмъ. Указанный источникъ ренты и соотвѣтсвенное значеніе искзючительныхъ условій сбыта въ первый разъ раскрылъ Шеффле въ спеціальномъ (Die Lehre von den ausschliesslichen Absatzverhaltnissen) теоріи исключительныхъ условій сбыта, 1867 г. Рента, по его опредѣленію, оказывается преміею или вознагражденіемъ за то направленіе, которое принялъ извѣстный представитель экономической силы въ пользу всего народнаго хозяйства.

Мнѣ кажется, что точнѣе придерживаться разграниченія экономическихъ оборотовъ, въ качествѣ источниковъ дохода, на производитель-

ную предпріимчивость, спекуляцію и игру. Обыкновенно спекуляцію и игру только разбираютъ при анализѣ обращенія и единственно въ приложеніи къ торговымъ оборотамъ, но онѣ могутъ имѣть мѣсто во всѣхъ производительныхъ оборотахъ. При томъ выясненіи спекуляціи, котораго я придерживаюсь, рента и окажется доходомъ, благодаря пользованію высшею цѣною отъ исключительныхъ условій сбыта. Ренту по этому, могутъ снискать и всѣ остальные факторы производства, что оправдывается, между прочимъ, и развитіемъ ученія, именно исключительной, поземельной ренты. Въ послѣднемъ—воззрѣнія, не смотря на разногласіе въ частностяхъ, сводятся къ тому, что поземельная рента есть доходъ, получаемый въ видѣ разницы, между производствомъ съ меньшею денежною выручкою и большими издержками и производствомъ съ большимъ рыночнымъ барышемъ и меньшими издержками; очевидно, разница выручекъ, не всегда являющаяся, есть доходъ при исключительныхъ обстоятельствахъ и совпадаетъ съ рентою; а если это разница наивыгоднѣйшихъ условій земледѣльческаго производства съ наименѣе выгодным въ томъ же производствѣ, то это доходъ, который получается отъ спекуляціи.

Большинство экономистовъ, вопреки Шеффле, отвергаютъ всеобщность ренты, не признаютъ ее и элементомъ предпринимательскаго дохода, а приписываютъ таковую исключительно землевладѣльцамъ. Наконецъ, многіе отвергаютъ прибыль предпринимателя какъ самостоятельную экономическую величину, утверждая, что при распредѣленіи доходовъ всегда только является ихъ три основныя категоріи, именно: 1) за участіе силъ природы—доходъ землевладѣльца, или поземельная рента; 2) трудовой доходъ, или заработная плата, и 3) доходъ съ капитала. Однако нельзя соединять безразлично предпринимателей съ участниками и терять изъ виду, что между доходомъ, подлежащимъ риску и отвѣтственности, который опредѣляется только на основаніи вѣроятія, и доходомъ, который получается на основаніи прочнаго договора, есть разница: первый проблематическій и ростетъ въ прямой зависимости отъ удачи предпріятія, а другой заранѣе условленъ и входитъ сполна въ издержки производства, что не всегда бываетъ относительно перваго. Не вполнѣ можно согласиться и съ тѣми, которые принимаютъ предпринимательскій барышъ, но раздѣляютъ его на составныя части, не соотвѣтствующія экономической обстановкѣ предпринимателей. Сюда относяться: Гуфеландъ, Шеель, Ридель, извѣстный из-

слѣдователь движенія цѣнъ относительно сельскаго хозяйства—Тюненъ и, наконецъ, Мангольдъ. Послѣдній въ полномъ согласіи съ предыдущими разлагаетъ предпринимательскій доходъ на три доли: Первая—вознагражденіе за рискъ и отвѣтственность. Но извѣстнаго рода рискъ соединяется и съ помѣщеніемъ капиталовъ въ ссуду, такъ что послѣдній не вполнѣ характеризуетъ чистаго предпринимательскаго дохода. Второй элементъ — плата за трудъ и доходъ съ капитала, и, наконецъ, третій — предпринимательская рента, которая, одна, ко, имѣетъ другой источникъ, чѣмъ указанная нами спекуляція—признаваемый отчасти и Рошеромъ (§ 196)—именно рѣдкость конъектуральныхъ, квалифицированныхъ трудовъ и извѣстнаго рода невещественныхъ капиталовъ, необходимыхъ для предпріятія. Шторхъ и Рау полагаютъ, что предпринимательскій доходъ не существуетъ, а все что получаетъ предприниматель ничто иное, какъ смѣсь заработной платы съ процентами на капиталъ. Тотъ же почти взглядъ раздѣляетъ и Рошеръ; мы уже видѣли, что онъ вмѣсто выясненія экномическихъ величинъ въ принципѣ, нерѣдко прибѣгаетъ къ разложенію ихъ на составныя части; тоже дѣлаетъ онъ и относительно предпринимательскаго дохода, по немъ этотъ послѣдній получается въ зависимости, отъ 1) рѣдкости личныхъ качествъ, которыми обладаетъ предприниматель и 2) отъ рѣдкости предпріятія, которое имъ осуществляется.

А между тѣмъ, наибольшій барышъ приноситъ производство предметовъ первой необходимости и товаровъ самыхъ обыкновенныхъ, для котораго вовсе не требуется никакихъ рѣдкихъ личныхъ качествъ. Конечно, предприниматель, съумѣвшій или создать исключительныя условія сбыта, или воспользоваться ими во время, получитъ большій, сравнительно съ другими однородными предпринимателями, барышъ, но тутъ доходъ не зависитъ отъ рѣдкости его личныхъ качествъ, а отъ его спекулативной оборотливости. Второй элементъ, по мнѣнію Рошера, равносиленъ опасности предпріятія: когда на дурной конецъ предприниматель можетъ потерять и состояніе, и честь. Но понятіе объ опасности предпріятія не совпадаетъ съ рѣдкостію, а скорѣе съ понятіемъ риска. Послѣдній однако есть только выраженіе сбыточности, или несбыточности той конъектуры, по которой создано предпріятіе; опасность же имѣетъ болѣе широкое содержаніе и обнимаетъ еще многое непредвидѣнное, сверхъ отвѣтственности передъ третьими лицами по принятымъ на

себя обязательствамъ; вообще понятіе опасности ненаучно растяжимо. Наконецъ, добавочный элементъ предпринимательскаго дохода, по мнѣнію Рошера, представляетъ возмездіе за непріятность занятія, потому что капиталисты стремятся къ покою, ради чего они готовы помѣщать капиталъ въ чужія руки, лишь бы самимъ не пускаться въ обороты; кто же избавляетъ отъ послѣдней непріятности капиталистовъ, тотъ и получаетъ соотвѣтственный барышъ; онъ то и входитъ элементомъ въ предпринимательскій доходъ, но во всякомъ случаѣ въ качествѣ трудовой платы.

А между тѣмъ, доходъ предпринимателя есть явленіе своеобразное уже потому, что при спекуляціи, рискѣ и отвѣтственности величина его опредѣляется на основаніи конкурренціи; а съ другой стороны онъ зависитъ отъ денежной цѣны и валоваго дохода и факторовъ. По моему убѣжденію, не только существуютъ четыре разряда доходовъ и не только предпринимательскій доходъ составляетъ самостоятельную категорію, но при этомъ наиболѣе шаткую величину составляетъ доходъ собственниковъ силъ природы, или такъ называемая рента землевладѣльцевъ.

§ 57. Спекуляція какъ источникъ и поземельной ренты, ученіе объ исключительности и своеобразіи послѣдней.

Ученіе о своеобразной, самостоятельной поземельной рентѣ въ основаніяхъ, хотя и превратныхъ, было указано у физіократовъ; *) но въ томъ видѣ, въ какомъ оно держится до сихъ поръ, оно установлено впервые А. Смитомъ (I, 11) и вполнѣ развито его послѣдователемъ Рикардо. Послѣдній утверждаетъ, что доходъ съ земли, или поземельная рента какъ самостоятельный доходъ, идетъ въ пользу землевладѣльцевъ и лицъ пользующихся землею, на томъ основаніи, что земля обладаетъ первобытными, неистощимыми, но поддающимися усвоенію, производительными силами. На такомъ основаніи, казалось бы, земля должна приносить доходъ всегда и вездѣ, или по крайней мѣрѣ доходъ этотъ долженъ бы понижаться

*) *Boisguillebert*, traitè des grains, II, ch. 2. *Quesnay*, 1 ч problème. p. 107. *Auxtron*, principes de tout gouvernement, 1766. — *Baumstark*, volkswirthsch. Erläuterungen über Ricardo 's System. 1838 г.

и повышаться въ соотвѣтствіи большаго, или меньшаго плодородія почвы. Но тамъ же Рикардо (ch. 2) указываетъ, что иногда весьма плодородные участки не даютъ никакого дохода, а, напротивъ, самые безплодные приносятъ нерѣдко большой доходъ, почему онъ и доходитъ до опредѣленія, что поземельная рента—остатокъ отъ расходовъ, т. е. избытокъ дохода, получающійся съ лучшихъ земель, при одинаковой затратѣ труда и капитала, противъ такихъ же затратъ на худшихъ земляхъ. Тѣмъ самымъ доходъ съ земли становится величиною непостоянною, не существующею въ нѣкоторыхъ случаяхъ; безрентныя земли Рикардо признаетъ во 2-й главѣ своего сочиненія, тоже Милль (II, гл. 16, § 3). Иногда землею пользоваться можетъ только ея собственникъ, т. е. она недаетъ такого дохода, чтобы кто либо согласился взять ее въ аренду.

Приведенное замѣчаніе весьма важно, потому что если безспорно отсутствіе поземельнаго дохода въ извѣстныхъ случаяхъ, то само собою явствуетъ, что доходъ поземельный не есть неизбѣжная всегда часть издержекъ производства, или самостоятельная экономическая величина, а онъ создается исключительно благодаря выгодной обстановкѣ, то есть имѣетъ рентный характеръ. И дѣйствительно, стоитъ взять нашихъ однодворцевъ и мелкихъ землевладѣльцевъ западной Европы и на основаніи совпадающихъ съ дѣйствительностью предположеній разбирать производство этихъ лицъ, чтобы неопровержимо доказать, что послѣднее возможно и поддерживается, не смотря на отсутствіе вознагражденія за почву и въ пользу землевладѣнія.

Мелкіе собственники, подготовленные только къ сельскому хозяйству, будутъ довольствоваться такимъ предпринимательскимъ доходомъ, который не даетъ имъ ни особой прибыли, ни ренты, а единственно покроетъ расходы на семейное существованіе, на ремонтъ постоянныхъ капиталовъ и воспроизводство оборотныхъ. Если они вздумали бы бросить землю, не дающую ренты, и перейти въ наемные работники, то не только потеряютъ ту самостоятельность, которою располагаетъ всякій предприниматель, но трудно и пріискать имъ занятіе, если они свѣдущи только въ хлѣбопашествѣ; положеніе же сельскаго батрака на столько незавидно, что никто не рѣшится легко промѣнять на него свой самостоятельный бытъ. Затѣмъ для сельскаго хозяйства, хотя бы и небольшаго, нужны разные капиталы, орудія, рабочій скотъ и т. д.

Если расходы на нихъ покрываются сполна доходомъ съ производства, то землевладѣлецъ будетъ дорожить этимъ доходомъ на капиталъ. Затраты и расходы на выкорчеваніе, осушеніе и канализацію участка, безъ которыхъ начать оборотъ землевладѣлецъ не можетъ, разъ сдѣланные, составляютъ ту долю его предпринимательскаго капитала, который слѣдуетъ считать основнымъ (физіократическія avances primitives). Отчужденіе подобнаго капитала весьма убыточно, такъ какъ за землю не дающую дохода, хотя бы на ея выкорчевываніе, осушеніе, орошеніе, и проч. было потрачено весьма много, не предложатъ никакой цѣны; зданія и постройки (avances foncières) въ какой нибудь глухой мѣстности тоже не могутъ приносить никакого дохода и ихъ придется продать на сломъ, или получить уплату какъ за сырой матеріалъ; земледѣльческія орудія нужны только земледѣльцамъ, и по ихъ громоздкости они не могутъ быть далеко перевозимы, слѣдовательно остается продать ихъ окрестнымъ землевладѣльцамъ, послѣдніе же, какъ люди находящіеся въ обстановкѣ подобной самому однодворцу, дадутъ за нихъ ничтожную цѣну; остается очевидно одинъ только скотъ и вообще живой инвентарь, который, какъ предметъ всеобщаго потребленія, можетъ быть проданъ по настоящей цѣнѣ. Весь остальной капиталъ вещественный долженъ быть проданъ съ огромными потерями. Эти потери обязанъ сообразить землевладѣлецъ при продажѣ бездоходнаго участка, онъ вынужденъ разсчитать: выгоднѣе ли ему ограничиться однимъ доходомъ съ своего труда, при сравнительной бездоходности своего основнаго капитала, или же выгоднѣе, продавши все, сдѣлаться батракомъ. Ясно, что онъ остановится на первомъ рѣшеніи, потому что его трудъ, при поддержкѣ извѣстнаго собственнаго капитала дастъ ему большій доходъ, чѣмъ тотъ же трудъ по найму у другаго лица. Такихъ мелкихъ хозяевъ вездѣ немало, они не имѣютъ основанія завидовать наемнымъ рабочимъ, и слѣдовательно ихъ положеніе до извѣстной степени оказывается нормальнымъ. Самымъ розовымъ даже пожеланіемъ рабочему классу рисуется, съ одной стороны, именно надѣлъ маленькими участками земли, чтобы построить собственный домикъ и завести хотя небольшой огородъ и садикъ. А однодворецъ стоитъ по своей недвижимой собственности далеко выше; онъ обладаетъ не только мѣстомъ пребыванія и участкомъ, обезпечивающимъ ему пищу сполна, но онъ обладаетъ еще капиталомъ и самъ распоряжается затратою своего труда.

Вообще рабочій классъ долженъ завидовать землевладѣльцамъ даже не получающимъ ренты за силы природы. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, обладаніе землею, не приносящею дохода, безъ прекращенія на ней производства—существуетъ.

Оборона самостоятельности поземельной ренты, какъ опредѣляетъ ее Рикардо, и позднѣйшіе его приверженцы, сводится къ спору только о словахъ. Поземельная рента вовсе не есть разница въ доходѣ, получаемомъ съ лучшихъ земель сравнительно съ худшими. Самыя безплодныя земли иногда съ большею охотою снимаются, чѣмъ самыя плодородныя, стоитъ сопоставить какой нибудь безплодный подгородный участокъ и самую лучшую землю гдѣ нибудь на Амурѣ. Возлѣ большихъ городовъ участки самой безплодной земли снимаются за большую плату, арендаторъ навозитъ плодородную почву—поземъ, чернитъ его для лучшаго поглощенія солнечной теплоты угольнымъ порошкомъ, такъ что верхній слой является совершенно дѣломъ затратъ и усилій, самая земля же не заключаетъ въ себѣ никакихъ неистощимыхъ, первобытныхъ производительныхъ природныхъ силъ; напротивъ мѣсто можетъ представить препятствія къ созданію искусственной почвы, которыя весьма трудно преодолѣть (низкое положеніе, холодную подпочву). Такая почва единственно можетъ быть разсматриваема какъ основной капиталъ, созданный предпринимателемъ, а весь доходъ, который съ нея идетъ, окажется доходомъ съ капитала, а не съ земли, или стихійныхъ силъ. Даже въ большихъ хозяйствахъ бываютъ разнокачественные участки земли, изъ которыхъ одни даютъ доходъ въ силу естественнаго плодородія, а другіе по случаю искусственнаго удобренія, никто же изъ хозяевъ не ведетъ такой точной бухгалтеріи, чтобы явственно и доказательно отличать въ общемъ доходѣ, получается ли послѣдній отъ первобытныхъ силъ земли, или доходъ былъ съ тѣхъ участковъ, на которыя затраченъ основной капиталъ. Вотъ почему, недостаетъ непреложности у всѣхъ гипотетическихъ подтвержденій, что поземельная рента получается отъ первобытныхъ, неистощимыхъ, производительныхъ силъ природы.

Доказательство у Рикардо (ch. 2) ведется слѣдующимъ образомъ: онъ предполагаетъ, что при заселеніи безлюдной мѣстности сперва занимаются самые плодородные участки, и пока поселенцы занимаютъ равнокачественные участки, до тѣхъ поръ въ обстановкѣ отдѣльныхъ хозяйствъ нѣтъ различія, а потому нѣтъ и ренты

(между прочимъ это одно уже должно было его убѣдить, что рента не есть нормально неизбѣжная экономическая величина). Но, продолжаетъ онъ, съ увеличеніемъ населенія *) всѣ первоклассныя земли занимаются и произведеній, доставляемыхъ ими, не достаточно въ общемъ количествѣ для прокормленія всего населенія, а потому приходится захватить новыя пространства—худшаго качества. Положимъ, говоритъ онъ, что наприм. земля перваго разряда даетъ 5 квартеровъ пшеницы съ акра, а земля втораго только 4 кварт., при одинаковой затратѣ труда и капитала. Собственники земель втораго качества должны продать свои произведенія по такой цѣнѣ, чтобы ихъ трудъ и капиталъ, затраченные на обработку, окупались, иначе они понесутъ убытокъ и принуждены будутъ бросить обработку такой земли. Однимъ словомъ, цѣны на хлѣбъ установляются не тѣми продуктами, которые добываются съ наименьшими затратами (какъ въ фабричной промышленности), а тѣми, которые добываются съ наибольшими издержками. Такъ какъ, продолжаетъ Рикардо, земли перваго разряда, при томъ же количествѣ труда и капитала, даютъ одинъ лишній квартеръ пшеницы, сравнительно съ землями втораго, то стало быть этотъ квартеръ пойдетъ въ чистую пользу хозяевъ, это ихъ добавочный доходъ, то есть *рента*.

Получается она вслѣдствіе того, что болѣе плодородныя земли, при томъ же количествѣ труда и капитала, даютъ большее количество плодовъ при сборѣ. Если, съ увеличеніемъ народонаселенія, придется занять земли еще третьяго разряда, дающія при томъ же количествѣ труда и капитала, только три квартера пшеницы съ акра, то владѣльцы земель втораго качества получатъ въ свою очередь ренту въ одинъ квартеръ, владѣльцы же земель перваго сорта—въ два квартера и т. д. Вотъ какимъ образомъ, по его мнѣнію, рождается земельная рента. Истощимость земель онъ оставляетъ въ сторонѣ, потому что, по его мнѣнію, лучшая земля та, которыя при одинаковой затратѣ труда и капитала даетъ большій сборъ, по мѣрѣ же возростанія капитальныхъ и трудовыхъ затратъ земля становится худшею и худшею, т. е. приближается къ безрентному разряду.

Дѣйствительно, капитальныя и трудовыя затраты возростаютъ по мѣрѣ истощенія почвенныхъ силъ, но потому то Рикардо

*) Срв. *Rodbertus*, Sociale Briefe, 1851 г., № 3, указываетъ, что увеличеніе населенія не возвышаетъ цѣнъ на хлѣбъ во всѣхъ случаяхъ.

совершенно напрасно называетъ эти силы первобытными и неистощимыми. (Срв. таблицы въ его же On the influence, стр. 14). Въ болѣе вѣрной постановкѣ, т. е. по изолированному отдаленію къ центральному рынку, этотъ вопросъ подробно разсмотрѣнъ фонъ Тюненомъ. (Его изолированное государство 1850 г., II, 1, стр. 179.— Переводъ *Волкова*.) Онъ вычисляетъ, на основаніи опыта, что если нанесть навоза на 1/2 дюйма толщиною, то плодородіе увеличится на 1/2 зерна, т. е. если прежде земля давала самъ-другъ, то унаваженная дастъ самъ-другъ съ половиною. Если далѣе приходится унаваживать землю и положить навозу еще на 1/2 дюйма, то плодородіе возростаетъ уже только на 3/8 зерна, а если прибавитъ еще на 1/2 дюйма поземy, то плодородіе увеличится далѣе только на 1/4 зерна; слѣдовательно, если навозу прибавлено на 1 1/2 дюйма, то плодородіе вмѣсто того, чтобы увеличиться въ 1 1/2 раза, увеличивается только на 1 1/8 зерна, т. е. на 3/8 меньше, чѣмъ могло получиться, если бы приращеніе урожая шло въ уровень съ измѣняющимися затратами. Истощимость почвы нужно также имѣть въ виду, съ приведенною градаціею, разбирая положенія Рикардовой школы о томъ, будто лучшая земля даетъ высшую ренту противъ худшей, потому что возвратъ производительныхъ силъ почвѣ удобреніемъ составляетъ уже капитальную затрату.

Но вообще въ сельско-хозяйственномъ производствѣ первостепенную роль играетъ спекуляція, цѣна при сбытѣ произведеній на рынкѣ. Сбытъ сельскохозяйственныхъ произведеній преимущественно зависитъ отъ спроса, только уже послѣдній вызываетъ предложеніе; съ возвышеніемъ спроса на сельскія произведенія увеличивается ихъ производство; когда подымается ихъ цѣна, то только и получается возможность производить выгодно даже съ большими, противъ прежняго, издержками. Спросъ же заявляется только въ опредѣленныхъ центрахъ, на рынкахъ, только на нихъ совершается сбытъ и рыночнымъ спросомъ опредѣляется цѣна. Если возможно поставить на рынокъ сельско-хозяйственныя произведенія въ той цѣнѣ, которая установлена спросомъ, то производство ихъ осуществимо; если же расходъ одного провоза такъ высокъ, что вовсе или недостаточно покрывается рыночною цѣною, то и производство немыслимо. Слѣдовательно, доходность земли зависитъ не только отъ природныхъ производительныхъ силъ почвы, но и отъ условій доставки на сбытъ. Вотъ почему на самой безплодной, т. е. лишенной всякихъ производи-

тельныхъ, не только неистощимыхъ силъ, почвѣ подъ городомъ разводятъ огороды, а самая плодородная почва вдали отъ центровъ сбыта не даетъ нетолько ренты, но остается невоздѣланною, если провозъ произведеній на рынокъ обходится слишкомъ дорого.

Слѣдовательно, основное положеніе Рикардо, что лучшая земля та, которая обладаетъ большими естественными производительными силами, не вѣрно, а потому Кери утверждаетъ, что лучшая земля есть ближайшая къ мѣсту сбыта произведеній. Но Кери всетаки не касается сущности вопроса, онъ не указываетъ на то, что рента въ пользу землевладѣльца является всегда результатомъ однихъ исключительныхъ условій сбыта. Кери останавливается напрасно на вопросѣ, какія земли первоначально занимаются новыми поселенцами, и безцѣльно утверждаетъ, что сначала занимаются самыя безплодныя земли *), такъ какъ вновь водворяющіеся поселенцы для своей безопасности будутъ выбирать болѣе высокія мѣста, а такіе подъемы и обнаженія почвы всегда сравнительно безплоднѣе, но эти же мѣста могутъ быть и лучшія, если они находятся вблизи центровъ сбыта. Самое это мнѣніе Кери также односторонне. Лучшею же землею въ сельскомъ хозяйствѣ слѣдуетъ считать ту, которая сравнительно и одновременно, и лучшаго качества, и ближе къ рынку, однимъ словомъ ренту дастъ та, которая, при наименьшихъ издержкахъ на трудъ и капиталъ и съ наименьшими расходами перевозки, доставляетъ постоянную возможность, сверхъ обыкновеннаго предпринимательскаго барыша въ сельскихъ предпріятіяхъ того же рода, выручать, при существующей рыночной цѣнѣ на земледѣльческія произведенія, еще добавочную прибыль, какъ остатокъ отъ сбыта валового дохода на деньги. Самостоятельно такая поземельная рента проявляется единственно въ случаѣ кортомы и аренды, когда же собственникъ самъ хозяйничаетъ, то ее чрезвычайно трудно фактически отдѣлять отъ его предпринимательской прибыли.

Теорія специфической поземельной ренты прославила имя Рикардо вполнѣ заслуженно, она дѣйствительно отличается замѣчатель-

*) *Carey*, The past, the present und the future, 1848 г., ch. 1. — Его же Principles of social science, 1858 г.—Срв. *Behrend*, kritische Dogmen Geschichte der Grundrente. 1838 г.—*Arnd*, die Befreiung der Bodenrente, Frkf., 1865 г.—*M. Wolkoff*, Opuscules sur la rente foncière, Paris, 1854 г. — Срв. его же. Разъясненія и пр. 1872 г., стр. 93, гдѣ рента есть плата за *мѣсто*.— Срв. *Hardy de Beaulieu*, la propriété et sa rente, 1868 г.

Профессоръ Э. Вреденъ.

Типографія и литографія Кн. Оболенскаго, уголъ Николаевск. и Стрем. № 3—22.

ною послѣдовательностью выводовъ и ясностью изложенія, но книга его вышла въ Англіи, въ странѣ, гдѣ интерссы партій стоятъ на первомъ планѣ; а потому и у Рикардо есть оттѣнокъ, который прямо потворствуетъ одному изъ существенныхъ интересовъ землевладѣльцевъ, самой могущественной въ его время партіи въ Англіи. На первый разъ, по теоріи Рикардо, можетъ казаться, что землевладѣльцы даромъ получаютъ ренту, въ видѣ не ими создаваемой разницы дохода отъ лучшей противъ худшей земли, что на нихъ какъ бы кладется нареканіе, но между тѣмъ все ученіе заключаетъ Рикардо тѣмъ завѣреніемъ, что поземельная рента никогда не входитъ въ составъ издержекъ на земледѣльческія производства, или что поземельная рента никогда не составляетъ элемента въ цѣнѣ сельскихъ произведеній. *) Рошеръ напрасно оспариваетъ, будто Рикардо избралъ не удовлетворительный способъ выраженія той истины, что высокая поземельная рента не есть причина, а слѣдствіе высокихъ цѣнъ на хлѣбъ. Но Рикардо именно послѣдняго прямо не утверждаетъ, онъ занимается разборомъ основаній политической экономіи и податнаго обложенія, къ послѣднему онъ и сводитъ всѣ основныя свои построенія въ теоріи. Признавъ, вполнѣ справедливо, что спросъ на сельскія произведенія, какъ на предметы первой необходимости, есть явленіе не поддающееся ограниченію, а въ томъ количествѣ, въ какомъ существуютъ покупныя средства на сельскія произведенія, въ такомъ послѣднія и будутъ произведены, онъ переходитъ тотчасъ къ тому указанію, что въ этомъ общемъ количествѣ сельскихъ произведеній для сбыта будетъ произведена и такая, болѣе или менѣе значительная, доля ихъ, отъ производства которой никакой ренты не получается, которая, кромѣ возврата издержекъ производства, или платъ удобопріобрѣтаемыхъ и безъ риска, ничего предпринимателю не доставляетъ. Если обложить ихъ податью, то съ участковъ не приносящихъ ренты, (онъ признаетъ, что и такія земли существуютъ) нельзя уплатить податей иначе, какъ включая ихъ въ издержки производства, слѣдова-

*) Весьма основательно указываетъ *Ю. Янсонъ*, значеніе теоріи ренты Рикардо въ наукѣ политической экономіи. Спб., 1864 г., стр. 13, — что происхожденіе ренты описывается здѣсь (т. е. въ гл. 2, 24 и 32 Principles) точно также какъ въ Essay (т. е. An essay on the influence of a lawprice of corn on the profits of stock, weth remarks on Mr. Malthus last two publications, London, 1815 г.), съ тою только разницею, что этому способу происхожденія ренты и самому факту придано значеніе всеобщности и безусловности».

тельно соразмѣрно подати, сокращая послѣднія. Стало быть, поземельный налогъ платятъ потребители, но не производители. Такъ какъ, затѣмъ, цѣна сельскихъ произведеній устанавливаетъ уровень наименѣе выгодныхъ условій для ихъ производства, то понятно, что съ остальныхъ земель, т. е. и всѣхъ дающихъ ренту и могущихъ потому не уплатить подати, послѣдняя отнюдь не будетъ внесена, такъ какъ всѣ сельскія произведенія въ хозяйствѣ однообразно получаютъ наивысшую цѣну, включающую въ себѣ и подать; т. е. одинаковую съ продуктами отъ безрентныхъ земель.

Подать поземельную несутъ потребители, стало быть, нечего землевладѣльца облагать, даже въ интересѣ всего населенія—не облагать земли. Поборникомъ изложеннаго ученія, конечно, долженъ былъ оказаться самый вліятельный классъ въ Англіи, именно поземельная аристократія, Рикардо, вопреки мнѣнію Рошера, совершенно вѣрно строитъ свою фразу (срв. ch. 31), когда увѣряетъ, что поземельная рента не входитъ въ составъ цѣны на сельскія произведенія. Рошеръ заблуждался, будто Рикардо принялъ приведенное положеніе тольго ради методологическихъ цѣлей; напрасно онъ приписываетъ аналогическое только значеніе и противоположному положенію Шеффле: что рента возникаетъ для всѣхъ представителей факторовъ производства, если послѣдніе успѣваютъ въ конкурренціи съ представителями однородныхъ съ ними производствъ поставить себя лично въ исключительныя условія сбыта. Рошеръ въ итогѣ и согласенъ, однако утверждаетъ, что подобное воззрѣніе полезно единственно для изслѣдованія въ частности той или другой области (monographische Zwecke?) экономическихъ вопросовъ, но для общаго изслѣдованія должно предпочитать различіе трехъ источниковъ дохода, соотвѣтственно тремъ источникамъ производства (§ 125, примѣчаніе 3-е).

Кромѣ основнаго отрицанія всего ученія объ исключительной поземельной ренты, остальныя возраженія разныхъ изслѣдователей касаются частностей, предвидѣнныхъ самимъ даже Рикардо, но не повторенныхъ, чтобы введеніемъ условій не затемнялось самое изложеніе; напримѣръ, онъ не считаетъ лучшею землею наиболѣе плодородную землю и говоритъ вообще не объ одной только почвѣ въ сельскомъ хозяйствѣ, а также о рудникахъ, рыболовныхъ мѣстахъ, каменноугольныхъ копяхъ, и останавливается только для

большей простоты изложенія преимущественно на хлѣбопашествѣ; онъ указываетъ, что наиболѣе удаленная отъ рынка земля тоже принадлежитъ къ худшимъ, но сказавъ это разъ, онъ далѣе говоритъ уже только о наиболѣе плодородной почвѣ; конечно, исходный его афоризмъ можетъ вводить въ заблужденіе, имъ онъ приписываетъ ренту неистощимымъ силамъ природы. Самъ же, впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ, Рикардо утверждаетъ, что если бы упомянутыя силы были неистощимы, то никто бы ихъ не усвоилъ, и никакой ренты съ нихъ не получалось бы; только потому, что онѣ истощимы, земля обращается въ частную собственность и землевладѣльцы получаютъ ренту. Послѣдній частный выводъ ему казался не существеннымъ и онъ ставитъ ренту внѣ зависимости отъ владѣнія, а первобытнымъ источникомъ признаетъ стихійныхъ дѣятелей, но разстояніе отъ рынка, подобно Сею (Cours de l'èconomie politique), считаетъ равносильнымъ безплодію (l'èloignement èquivaut à la stèrilitè).

Логическое построеніе Рикардо, однако, формально шатко: формулу—что при одинаковыхъ, по качеству и количеству, затраченныхъ трудѣ и капиталѣ, земля худшая не даетъ ренты, а она возникаетъ вслѣдствіе разницы въ доброкачественности земель—стоитъ только перевернуть и поставить вопросъ: получится ли также рента, если, при земляхъ одинаковаго качества съ приложеніемъ одинаковаго количества капитала, обнаружится различная затрата труда? При этомъ фактически столь же несомнѣнно, какъ и ссылка на разнокачественность угодій, что оборотливый хозяинъ съ такой же земли, при тѣхъ же орудіяхъ или капиталахъ, получитъ большій доходъ и въ натурѣ и въ рыночной цѣнѣ, деньгами, чѣмъ хозяинъ малооборотливый. Безспорно выходитъ, что во многихъ случаяхъ фактическая поземельная рента бываетъ результатомъ разнокачественности труда. Точно также, одному землевладѣльцу удастся получить капиталъ за меньшіе проценты, чѣмъ другому, а потому и при равнокачественности земли и труда, первый землевладѣлецъ получитъ большую ренту. Стало быть, поземельная рента можетъ получиться и отъ своеобразія въ обстановкѣ сельскаго хозяйна по капиталу. Теоретически обобщая приведенные, безспорно возникающіе, случаи оказывается, что рента идетъ и съ земли, и съ труда, и съ капитала, или ни одинъ изъ трехъ факторовъ непосредственно не служитъ ея источникомъ.

Вотъ основное, по моему мнѣнію, возраженіе противъ Рикардовской земельной ренты.

Если же разъ поземельная рента самостоятельна не по своему экономическому существу, то и неизбѣжной доли издержекъ производства уплата за участіе въ немъ силъ природы не составляетъ, послѣднее и Рикардо даже не оспариваетъ, у него же есть безрентныя земли. Остается, стало быть, ренту именно признавать, какъ выяснилъ ее Шеффле, (Theorie, 1867 г.) или по предлагаемой мною формулѣ, въ смыслѣ дохода, по случаю и отъ спекулятивнаго отношенія къ сбыту. Ренты получаемой единственно нѣкоторыми представителями коньектуры, или неповсемѣстныхъ стихійныхъ дѣятелей, труда или капитала—можетъ быть и не быть. Она въ составъ издержекъ неизбѣжно не входитъ и неизбѣжнымъ видомъ вознагражденія, прираспредѣленіи валоваго дохода, ее считать нельзя.

§ 58. Субъективныя и объективныя условія, опредѣляющія виды и размѣры заработной платы.

Совершенно другое съ тою долею дохода отъ предпріятія, которая обращается въ пользу представителей труда, съ его подраздѣленіями на предпріимчивость, оборотливость и исполненіе, и также представителей ссуднаго капитала, съ его подраздѣленіями на невещественный и вещественный, постоянный и оборотный.

Своимъ непосредственнымъ экономическимъ назначеніемъ рабочая плата имѣетъ содержать представителей труда, поэтому она не идетъ и не можетъ идти прямо за трудъ, а выдается за работу, т. е. за трудъ исполняемый извѣстнымъ представителемъ: такимъ образомъ форма этого дохода, какъ доли издержекъ предпріятія, есть рабочая плата. Такъ какъ рабочая плата служитъ основаніемъ существованія цѣлаго класса лицъ, живущихъ работою, то понятно, что размѣръ ея состоитъ въ связи со всѣми тѣми общественными и соціальными условіями, которыми обставленъ рабочій классъ. По важности послѣдняго вопроса имъ занимались еще въ древности (Ксенофонтъ, Аристотель), а впослѣдствіи и въ новѣйшее время онъ объединился въ видѣ самостоятельнаго *рабочаго вопроса*. Это не есть вопросъ цѣлостный, а конгломератъ нѣсколькихъ проблемъ; поэтому, при

строго экономическомъ разборѣ рабочей платы, необходимо указать важнѣйшія, основныя стороны его.

Вопросъ о рабочей платы неминуемо долженъ коснуться прежде всего экономическаго существа самой работы для ея представителей; необходимо опредѣлить, на сколько работа въ предпріятіи тождественна или отвѣчаетъ извѣстному количеству труда, какое нужно для производства; слѣдуетъ прежде всего опредѣлить менѣе чего не можетъ получать представитель труда, чтобы существовать; при какой платѣ извѣстные разряды трудовъ представителей себѣ не найдутъ; или, другими словами, необходимо опредѣлить во что трудъ, спеціальный или простой, обходится самому работнику *).

Основное положеніе то, что работа не найдетъ себѣ представителей, если она не прокормитъ послѣднихъ, т. е. плата за трудъ должна покрывать расходы, необходимые на содержаніе рабочаго. Что же будетъ необходимымъ содержаніемъ рабочаго? расходъ ли по содержанію хозяйства холостаго, или работника семейнаго? Очевидно, что рабочая плата должна покрывать расходы на содержаніе семейнаго рабочаго, иначе классъ рабочій не могъ бы воспроизводиться, и вообще безъ семейства ненормально существованіе людей. Несомнѣнно, рабочая плата должна покрывать необходимые расходы на содержаніе средней рабочей семьи, т. е. работника съ женою и двумя или тремя дѣтьми, смотря по среднему числу членовъ рабочей семьи въ данномъ государствѣ. Далѣе же необходимое содержаніе работника зависитъ отъ того міровоззрѣнія и той внѣшней обстановки, которыя усвоили себѣ работники данной мѣстности. Совокупность послѣднихъ воззрѣній и привычекъ работниковъ и составляетъ то, что называютъ англичане standard of life, т. е. обиходъ, въ смыслѣ представленія о томъ, что необходимо имѣть для удобствъ существованія. Этотъ standard of life столь же различенъ у рабочихъ разныхъ странъ, какъ разнообразно понятіе о модѣ у высшихъ классовъ, напр. англійскій рабочій непремѣнно требуетъ себѣ одежды суконной, кожаной обуви, каждый день мяса, сыру, относительно напитковъ ему необходимы эль, портеръ и джинъ, тогда какъ русскій рабочій довольствуется щами, да кашею, а мясо употребляетъ только по большимъ праздникамъ, о кофе и сырѣ и понятія не имѣетъ,

*) Вопросъ этотъ въ первый разъ поднятъ и въ главныхъ частяхъ замѣчательно изложенъ у *Энгеля* въ его брошюрѣ, Der Preis der Arbeit, Brl., 1866 г., II: Ueber die Selbstkosten der Arbeit.

одѣваетъ овчинный тулупъ, холщевые брюки и лапти, нѣсколько разъ въ мѣсяцъ напивается водкой, хотя и менѣе англійскаго рабочаго и не каждый день пьетъ. Во Франціи не только рабочіе, но и мелкіе хозяева ходятъ во время занятія въ блузахъ и деревянныхъ башмакахъ (sabots), что уже англійскій рабочій считаетъ неприличнымъ. Такимъ образомъ на standard of life, съ одной стороны, вліяетъ воззрѣніе самого рабочаго, а съ другой, на размѣръ рабочихъ тратъ вліяетъ и внѣшняя среда, климатъ данной мѣстности. Велика разница между необходимыми средствами существованія для работника сѣверныхъ и для работника южныхъ мѣстностей. Работникъ на югѣ можетъ цѣлый годъ ходить въ блузѣ, другаго теплаго платья ему не нужно, жилище и помѣщеніе его также требуетъ меньше издержекъ, нѣтъ нужды въ отопленіи, лишь бы оно укрывало отъ непогоды, относительно пищи южный работникъ тоже довольствуется гораздо дешевѣйшею растительною; напротивъ того работнику сѣверной мѣстности нужно имѣть нѣсколько платьевъ по временамъ года, жилище его требуетъ отопленія и должно быть построено прочно и капитально, чтобы противостоять морозамъ; пищи ему потребно гораздо больше и преимущественно животная.

По этому, необходимые поддержки по содержанію зависятъ: 1) отъ расходовъ семейнаго рабочаго и 2) отъ того обихода, который, вслѣдствіе культурныхъ и стихійныхъ условій, устанавливается какъ standard of life въ данной мѣстности. Вотъ основанія, которыми опредѣляется необходимое содержаніе въ смыслѣ первоначальнаго элемента стоимости работы, во что она обходится самому работнику, или низшаго предѣла тѣхъ издержекъ, безъ покрытія которыхъ рабочею платою извѣстная работа не можетъ найти себѣ представителей *). Далѣе же стоимость работы опредѣляется совокупностью и тѣхъ расходовъ, которые были потребны, чтобы приготовиться къ данной работѣ, чтобы пріобрѣсть опытъ и свѣдѣнія, соотвѣтствующіе извѣстной работѣ, или безъ которыхъ послѣдняя не можетъ совершиться. И такъ, второй элементъ заклю-

*) Срв. *Wolkoff*, Lectures, стр. 118 и 284 объ taux naturel du salaire.— *Villermé*, Tableau de l'etat physique et moral des ouvriers, 1840 г., II, стр. 387 —A. Smith, w. of n., I, 8.—*Ludlow* and *Lloyd Jones*, the working classes in England, 1868 г. — *Roessler*, Zur Kritik der Lehre vom Arbeitslohn, 1861 г.—*Leplay*, Les ouvriers des deux mondes, 1858 г., его же, L'organisation du travail, 1870 г.

чающійся въ стоимости работы — *расходы по приготовленію* къ труду. Безъ надежды погасить расходъ по приготовленію, никто за извѣстный разрядъ трудовъ не возьмется. Такимъ образомъ въ рабочей платѣ вознаграждается не одно только непосредственно приложенное усиліе, а принимаются въ разсчетъ и затраты приготовленія; вотъ почему адвокатъ или медикъ получаютъ плату не только по разсчету времени и напряженій, но по высшему разсчету, сообразно съ издержками на приготовленіе и за пріобрѣтенныя знанія, какъ невещественный капиталъ, который требуетъ соотвѣтственнаго погашенія.

Послѣ приведенныхъ субъективныхъ причинъ, зависящихъ отъ личныхъ требованій и потребностей самихъ рабочихъ, во второмъ мѣстѣ вліяютъ на рабочую плату причины объективныя, зависящія отъ характера самаго труда. Если работа вообще для исполненія требуетъ исключительныхъ дарованій, то представители соотвѣтственнаго разряда трудовъ будутъ выше оплачиваться, чѣмъ такихъ, которые по силамъ каждому, чѣмъ занятія заурядныя. Поэтому слѣдуетъ различать обыкновенную или простую работу отъ работы, квалифицированной и чѣмъ исключительнѣе работа и талантъ, тѣмъ менѣе плата за послѣднюю поддается какимъ нибудь нормамъ. Поэтому всѣ системы, мечтающія о равенствѣ вознагражденія за трудъ, непослѣдовательны и противорѣчатъ фактамъ. Отрицать необходимость въ квалифицированныхъ трудахъ значитъ отрицать основы прогресса, все выдающееся и ту индивидуализацію, которая въ культурѣ рода человѣческаго совпадаетъ съ условіями дѣйствительной жизни, тождественной съ условіями движенія умственнаго вообще. Бастіа остроумно и справедливо замѣчаетъ *), что предложеніе Луи-Блана, въ 1848 г., о равенствѣ рабочаго дохода и платы за трудъ, равносильно тому, чтобы одинъ аршинъ сукна, приготовленный лѣнивымъ и неспособнымъ работникомъ, непремѣнно стоилъ столько же, сколько два аршина сукна, которые въ тоже время и съ меньшими усиліями приготовлены знающимъ и талантливымъ работникомъ.

Кромѣ исключительности извѣстнаго рода труда и талантливости работника, къ объективнымъ условіямъ, вліяющимъ на заработную плату, нужно отнести и различіе ихъ по непрерывности, спорадич-

*) Journal des Economistes, Mars 1850 г., стр. 349. — *Mangoldt*, Volks wirthschaftslehre, стр. 382.

ности, или необходимымъ прогуламъ; такъ каменьщики и кровельщики должны въ свое рабочее время столько заработать, чтобы хватило на прокормленіе и въ дни ненастные, и на зиму, когда нельзя имъ работать. Точно также, во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ много праздниковъ, необходимо, чтобы будни доставляли рабочій доходъ, покрывающій содержаніе во время праздниковъ: въ католическихъ странахъ Европы до папы Климента XIV было 150 праздничныхъ дней въ году, изъ нихъ въ 90 настрого было запрещено приниматься за что бы то ни было; у протестантовъ на 300 рабочихъ дней всего приходится 60 нерабочихъ во весь годъ. Въ одной мѣстности нижней Баваріи по Рау (I, § 193) было 204 праздника въ году. (Срв. *Sismondi*, Nouveaux principes de l'èc. pol., IV, стр. 5). Всякіе перерывы въ работѣ, естественные или обычные, отражаются на высотѣ заработной платы, разъ послѣдняя не можетъ быть меньше того, что потребно рабочему для существованія.

По той же причинѣ существуетъ большая разница между платою за работу основную, которая рабочаго кормитъ, и за подспорную во время свободное отъ главной работы: первая должна покрывать годовой расходъ на содержаніе рабочей семьи, а вторая служитъ только облегченіемъ, надбавкою въ его доходѣ. Занимаясь подспорною работою въ свободное отъ главной время, когда нечего дѣлать, работникъ можетъ взять за нее безразлично даже что дадутъ, лишь бы вознаградился пожертвованный досугъ, напряженіе и возникала хотя самая ничтожная доля свободныхъ, отъ покрытія текущаго потребленія, средствъ на роскошь. Такимъ образомъ, относительно характера доходности работъ, необходимо различать основную работу отъ подспорной; обѣ порождаютъ самостоятельный видъ рабочихъ платъ: плата за основную работу должна соотвѣтствовать расходамъ на необходимое содержаніе и приготовленіе работника, а подспорная расширяетъ только въ первомъ мѣстѣ Standard of life работника, или доставляетъ возможность, не расширяя обихода, составить постепенно капиталъ. Въ тоже время очевидно безъ пространныхъ разъясненій, что подспорная рабочая плата можетъ весьма легко подорвать основную. Если перерывы въ данной работѣ часты и ихъ возможно заранѣе предвидѣть, обезпечить себя работою на время этихъ перерывовъ, то работникъ согласится взять такую основную плату, которая не вполнѣ покроетъ расходовъ на его существованіе, въ надеждѣ недочетъ пополнить изъ подспорной. Точно также, всякія

лица, которыя такъ или иначе обезпечены *), могутъ довольствоваться крайне ничтожнымъ подспорнымъ заработкомъ, напр. арестантъ, который содержится въ исправительномъ мѣстѣ заключенія, можетъ доставлять работу по такой цѣнѣ, которая оплачиваетъ почти только сырой матеріалъ, или сверхъ того даетъ самое ничтожное вознагражденіе за трудъ; ему нѣтъ надобности въ средствахъ существованія, или покрытіи расходовъ по приготовленію, однимъ словомъ, для него подспорный заработокъ важенъ не по величинѣ, а вообще только выгодно, чтобы онъ былъ.

Къ этому рѣзкому примѣру слѣдуетъ приравнять и всѣхъ вообще лицъ, для которыхъ извѣстный заработокъ не составляетъ исключительнаго источника хозяйственныхъ средствъ, такъ служителя при разныхъ заведеніяхъ, трудящіеся въ богадѣльняхъ, монастыряхъ и т. п. Если рынокъ небольшой, а указанныхъ лицъ занимающихся подспорною работою много, или достаточно, чтобы удовлетворять потребностямъ жителей въ извѣстнаго рода цѣнностяхъ, то они совершенно подорвутъ трудъ самостоятельныхъ работниковъ, такъ какъ послѣдніе не могутъ довольствоваться ничтожною подспорною платою, а нуждаются въ заработкѣ, какъ основаніи своего существованія. Подобнымъ же характеромъ отличаются работы, производимыя земледѣльцами внѣ круга ихъ прямыхъ занятій, помимо сельскихъ работъ. Гдѣ свободнаго времени много, какъ у насъ $6^1/_2$ зимнихъ мѣсяцевъ, тамъ водворяются разные крестьянскіе промыслы, ткачество, кузнечество, приготовленіе рогожъ, рукавицъ и проч.; эти подспорныя занятія доставляютъ такія дешевыя издѣлія, что дешевизна послѣднихъ является препятствіемъ къ возникновенію тѣхъ же производствъ въ видѣ самостоятельныхъ предпріятій; во многихъ мѣстностяхъ деревенскіе ткачи и замочники по дешевизнѣ конкуррируютъ съ машиннымъ производствомъ. Однимъ словомъ, сила подспорнаго заработка въ конкурренціи весьма значительна, онъ выдерживаетъ успѣшно конкурренцію съ основнымъ производствомъ не только въ ручномъ трудѣ, но иногда даже при машинной выдѣлкѣ.

Своеобразный характеръ подспорной платы присущъ и всякому доходу тѣхъ лицъ рабочей семьи, которыя должны содержаться главнымъ представителемъ послѣдней, т. е. всѣхъ, на кого тре-

*) *Schloetzer*, Anfangsgründe der Staatswirthschaft, I, стр. 126.—*Storch*, Handbuch, I, 192.

буются расходы, входящіе въ составъ издержекъ по семейному существованію. Если малолѣтнихъ и хозяйку глава семьи отпускаетъ въ работу, то для поддержки существованія семьи возможно ему на столько меньше заработать, на сколько зарабатываютъ жена и дѣти, ихъ плата облегчаетъ покрытіе семейныхъ расходовъ, стало быть ихъ опредѣлятъ въ работу за то, что дадутъ. Именно, какъ бы мало, или вообще сколько бы за ихъ работу ни дали, это облегчаетъ семейный бюджетъ, или: тѣмъ менѣе нужно добывать хозяйственнымъ представителямъ семьи основнымъ заработкомъ, чѣмъ болѣе доставляетъ подспорный заработокъ неработниковъ и несамостоятельныхъ членовъ семьи. Не входя въ подробности замѣтимъ, что работа малолѣтнихъ и семейныхъ женщинъ, помимо другихъ неудобствъ *), имѣетъ тотъ существенный вредъ, что подспорный ихъ доходъ вызываетъ въ семьѣ несчастную конкурренцію между ея членами, въ ущербъ имъ самымъ и въ подрывъ первой. Если въ новѣйшее время не всегда и не вездѣ рабочіе получаютъ ту плату, которая единственно соотвѣтствуетъ стоимости самой работы, то это благодаря особенно послѣдней конкурренціи, именно потому, что если разъ принято отдавать малолѣтнихъ въ работу, то предприниматели, ради замѣны взрослыхъ работниковъ, начинаютъ дорожить многочисленностью первыхъ, она же постепенно сбиваетъ подспорную плату, такъ что послѣдняя перестаетъ соотвѣтствовать цѣнности того количества труда, какое малолѣтніе доставляютъ въ пользу производства. Самая дешевизна работы дѣтей и побуждаетъ предпринимателей привлекать малолѣтнихъ преимущественно предъ взрослыми; такимъ стремленіемъ предпринимателей опять нѣсколько возвышается рабочая плата дѣтей, но она никогда не доходитъ до должнаго вознагражденія, и нѣсколько малолѣтнихъ, производящихъ въ совокупности тоже количество работы, что и одинъ совершеннолѣтній, всетаки, такъ какъ ихъ готовы родители отдать въ работу по всякой цѣнѣ, получаютъ въ суммѣ меньшую рабочую плату, чѣмъ взрослый.

Трудъ малолѣтнихъ вступаетъ въ конкурренцію съ трудомъ взрослыхъ и мало по малу беретъ перевѣсъ надъ послѣднимъ, потому

*) Болѣе подробно этотъ вопросъ разобранъ мною на съѣздѣ русскихъ фабрикантовъ по случаю выставки 1870 г., и докладъ объ этомъ находится въ протоколахъ засѣданій; краткій же разборъ моей рѣчи помѣщенъ въ Отеч. Записк., за сентябрь мѣсяцъ, 1873 года.

что количество работы 3 — 4 малолѣтнихъ равняется работѣ произведенной однимъ совершеннолѣтнимъ, а между тѣмъ задѣльная плата этихъ же малолѣтнихъ въ совокупности меньше задѣльной платы совершеннолѣтняго рабочаго, такъ что предприниматель получаетъ очевидный барышъ. Раздѣленіе труда, упрощая работу до крайней степени, даетъ возможность въ большихъ размѣрахъ пользоваться указанною замѣною, а вслѣдствіе предложенія дѣтскаго труда взрослые, конкуррируя съ ними, должны понизить заработную плату на столько, чтобы она не была выше той платы, которою довольствуются малолѣтніе; взрослые рабочіе начинаютъ получать неудовлетворительную плату, недостаточную для прокормленія семьи. Для увеличенія дохода семьи принуждены бываютъ впослѣдствіи, въ силу необходимости, посылать на работу женъ и дѣтей, и вообще тѣхъ членовъ послѣдней, которые не могутъ быть названы работниками. Въ итогѣ всетаки семья кормится неудовлетворительно, домашнее хозяйство вести не кому, женщины вынуждены отправляться на работу: ни пища, ни потребная одежда не могутъ быть заготовляемы домашнимъ порядкамъ, все покупается извнѣ и обыкновенно обходится дороже, бываетъ худшаго качества. Пользуясь необходимостью рабочихъ закупать на сторонѣ предметы домашняго потребленія, сами предприниматели, или хозяева, стараются рабочихъ закабалить и съ такою цѣлью открываютъ лавки съ товарами, потребляемыми рабочими, отпускаютъ ихъ въ кредитъ, запутывая рабочаго такъ, что онъ становится въ полную зависимость отъ своего хозяина; затѣмъ уже послѣдній можетъ обращаться съ нимъ какъ угодно, обременять непосильною работою, дурно содержать, ставить на работы, представляющія большую опасность и проч.

Система кабалы практикуется не только въ Англіи, но и во всѣхъ прочихъ мѣстахъ земнаго шара, не исключая и Россіи. Во всѣхъ уже случаяхъ, когда предприниматель даетъ рабочему задатокъ впередъ, онъ имѣетъ въ виду закрѣпить его за собою. Цѣль еще лучше достигается посредствомъ лавочнаго довольствованія, когда рабочіе принуждены брать товаръ по дорогой цѣнѣ, дурнаго качества, или же хозяинъ устраиваетъ кабакъ, въ которомъ рабочіе тотчасъ же пропиваютъ полученный задатокъ, а затѣмъ принуждены жить въ долгъ, пользуясь всѣмъ необходимымъ отъ хозяина въ кредитъ. При этомъ, на каждаго работника накопляется

столько долгу, что заработной платы бываетъ недостаточно на уплату, вслѣдствіе чего работникъ никогда не можетъ разсчитаться и уходить отъ хозяина.

Въ основаніи же кабала создается благодаря разстройству семейнаго хозяйства работника, когда онъ нуждается въ покупкѣ такихъ средствъ потребленія, которыя можно было бы приготовить дома. Между тѣмъ безспорно, что процвѣтаніе всякого хозяйства зависитъ не столько отъ величины доходовъ, какъ отъ бережливости въ расходахъ; самые большіе доходы могутъ быть прожиты съ ничтожнымъ удовлетвореніемъ при отсутствіи бережливости. Если же хозяйка не имѣетъ возможности правильно организовать домашнее потребленіе, то это вызываетъ такія излишнія траты, которыя не покрываются даже усиленнымъ заработкомъ, получаемымъ семьею вслѣдствіе добавочнаго труда матери и дѣтей. Отсутствіе домашняго правильнаго хозяйства развиваетъ въ работникахъ вообще привычку къ расточительности, въ смыслѣ несообразительности во всѣхъ тратахъ, обстановка ухудшается, рабочая семья лишается возможности скопить, что либо на черный день, а тѣмъ менѣе какой нибудь достатокъ особенно при не привычкѣ хозяйничать при приведенномъ ослабленіи бережливости.

Мало по малу очерченное разстройство домашняго хозяйства влечетъ за собою какъ бы полное отсутствіе семьи, со всѣми не благопріятными послѣдствіями подобнаго явленія. Нельзя же назвать семьею то положенія вещей, когда супружеская чета является домой только для ночлега. Разъединеніе, развиваясь далѣе, уничтожаетъ и этотъ послѣдній намекъ на семейную жизнь. Жилищная нужда доводитъ рабочихъ до того, что они принуждены вести чисто казарменную жизнь, не имѣя даже отдѣльнаго ночлежнаго помѣщенія. Въ той же комнатѣ размѣщается по нѣсколько рабочихъ семей, такъ по поводу судебнаго разбирательства открылось, что на суконной фабрикѣ Торитона, близь Петербурга, помѣщается 18 семействъ рабочихъ въ одной комнатѣ. Возможны-ли при подобной обстановкѣ какія нибудь хозяйственныя и семейныя заботы, если не всегда даже хватаетъ мѣста, чтобы свободно расположиться для ночлега, дать потребный отдыхъ тѣлу, утомленному изнурительною работою? Понятно, при такой обстановкѣ не можетъ быть рѣчи не только о воспитаніи дѣтей, но даже и о простомъ за ними уходѣ.

Какимъ искушеніямъ должна подвергаться нравственность людей, сваленныхъ въ одну груду безъ различія пола и возраста?

Для облегченія участи бѣдныхъ дѣтей устраиваютъ дневальные и ночлежные пріюты, для дневнаго или совершеннаго призрѣнія въ то время, когда родители находятся въ работѣ. Здѣсь дѣтей кормятъ, умываютъ, одѣваютъ въ чистое платье и... только. Но развѣ это можетъ замѣнить уходъ матери? Подобное отношеніе къ дѣтямъ можетъ быть названо вскармливаніемъ и выращеніемъ, а не воспитаніемъ.

Вообще, вслѣдствіе противоположности интересовъ предпринимателей и рабочихъ, весь вопросъ для первыхъ заключается въ томъ, чтобы тремъ, четыремъ и т. д. малолѣтнимъ платить меньше, чѣмъ одному взрослому за равное количество труда. Мало по малу и взрослые ставятся въ такое положеніе, что вынуждены взять туже плату, и работникъ самостоятельный не получаетъ того, что нужно для его существованія съ семействомъ, являетея невозможность вступленія въ бракъ, возникаютъ свободныя половыя отношенія и та безнравственность, за которую такъ осуждаютъ рабочихъ; въ семейномъ же состояніи, рабочему грозитъ нищета, которую безразсудно приписывать лѣности, или пьянству рабочаго класса. Упрекаютъ напрасно рабочихъ и въ томъ, что они рѣшаются легкомысленно вступать въ бракъ и рождать дѣтей, не имѣя средствъ къ ихъ прокормленію; видятъ въ томъ отсутствіи *нравственнаго воздержанія* (Мальтусъ). Но нельзя не остановиться на томъ соображеніи, что не животные инстинкты и половое влеченіе ведутъ рабочихъ къ заключенію брака, а напротивъ достовѣрно извѣстно, что по мѣрѣ довольства человѣка, по мѣрѣ отсутствія обязательной умственной и физической дѣятельности, при тѣхъ излишествахъ, которыя дозволяютъ себѣ зажиточные классы, животные инстинкты наиболѣе берутъ верхъ. Стоитъ только разобрать частности явленій во всѣ историческія эпохи, прославившіяся своимъ развратомъ, и мы увидимъ, что представителями послѣдняго были не рабочіе; такъ во время паденія Римской Имперіи, въ Византіи, въ періодъ регентства и Людовика XV и т. д. Подтвержденіемъ разнузданности животныхъ инстинктовъ въ обезпеченныхъ слояхъ служитъ также тотъ фактъ, что богатыя фамиліи не долговѣчны и вымираютъ, что видно изъ родословныхъ книгъ, которыя ведутся или

велись для записи знати, какъ напримѣръ золотая книга въ Венеціи.

Рабочіе вступаютъ въ бракъ не ради удовлетворенія только животнымъ инстинктамъ, послѣдніе сдерживаются у нихъ мышечною дѣятельностью, но при безвыходномъ экономическомъ положеніи рабочаго, при скудости его жизни всякими радостями и удовольствіями, онъ домогается естественно роскоши семейной обстановкѣ, видитъ въ ней нравственныя блага, несомнѣнныя средства нравственной поддержки, и ими надѣеться хоть сколько нибудь вознаградить себя за безотрадность своей обстановки. Конечно, стремленіе рабочихъ вступать въ бракъ нерѣдко и до извѣстной степени поддерживается и доступностію подспорныхъ заработковъ, отдачею въ работу малолѣтнихъ, хотя, какъ мы видѣли, эта то надежда вполнѣ неосновательна, она водворяетъ пагубную конкурренцію между основнымъ и подспорнымъ заработками. Приведенная конкурренція можетъ быть ослаблена только непосредственнымъ вмѣшательствомъ закона, обращеннымъ на самый источникъ этого злополучнаго явленія. Государство имѣетъ право на подобное вмѣшательство и по принципу государственной дѣятельности: общественная власть должна являться на помощь тамъ, гдѣ частная дѣятельность безсильна, или впадаетъ въ уклоненія. Ради ослабленія вредной конкурренціи между подспорною и основною заработною платою, законодательство обязано воспретить отдачу малолѣтнихъ въ наемную работу. Такое основаніе скрѣпляетъ связь съ тѣмъ, что нами сказано выше о хозяйственномъ превосходствѣ труда коньектуральнаго надъ механическимъ.

Запрещеніе отдавать въ наемную работу малолѣтнихъ мало того, что необходимо для проведенія обязательнаго обученія, — именно устраняетъ вредную конкурренцію между работою основною съ подспорною, и готовитъ нормальный выходъ изъ безнадежнаго положеніе для рабочаго класса.

Третье объективное условіе, вліяющее на размѣръ заработной платы есть опасность *), непріятность или обояніе самой работы, напр. въ трубочисты, мусорщики, мясники, прежде въ палачи, идутъ крайне неохотно. Нѣкоторые же виды трудовъ пользуются такимъ

*) Срав. *Macleod*, Elements, p. 215.—*Riehl*, die deutsche Arbeit.—Report of the poor law commissioners.—Statistique générale de la Belgique.—*Tocqueville*, Démocratie aux Etats Unis, II, 74.—*Tooke*, history of prices, VI, 177.

уваженіемъ, что на нихъ идутъ весьма охотно, такъ въ древности на государственную службу поступали не только безъ жалованья, но даже обязаны были нести извѣстные общественные расходы; архонтъ начальствовавшій флотомъ долженъ былъ въ Аѳинахъ построить на свой счетъ три судна, Эдиль завѣдывавшій рынкомъ строилъ въ Римѣ лавки на свой счетъ. Однимъ словомъ, въ занятіяхъ почетныхъ значительною долею вознагражденія является нравственное самодовольство человѣка. Всѣ, такъ называемыя, либеральныя профессіи (ученыхъ, профессоровъ), доставляютъ этотъ нравственный элементъ, а потому плата за нихъ далеко не соотвѣтствуетъ тѣмъ усиліямъ и расходамъ, которыя требуются для приготовленія къ нимъ.

Послѣ соразмѣренія величины заработной платы, необходимо обратить вниманіе на формы заработной платы и способы ея выдачи, и наконецъ разобрать внѣшніе способы установленія рабочей платы.

§ 59. Способы выдачи заработной платы и экономическія ея формы.

Выдача заработной платы можетъ происходить или натурою, т. е. цѣнностями, такъ наз. натуральное довольство, или деньгами; кромѣ того возможно выдавать ее отчасти натурою, отчасти деньгами. Натурою заработная плата выдается предметами первой необходимости, а самый употребительный способъ снабженіе рабочихъ помѣщеніемъ. Относительно помѣщеній въ разное время являлись разныя системы. Еще въ древнемъ Римѣ сельскихъ работниковъ поселяли на хозяйскихъ земляхъ и этимъ путемъ изъ рабства возникъ колонатъ, медленный переходъ къ личной свободѣ. Но послѣ того, какъ явился классъ свободныхъ рабочихъ, привлекаемыхъ къ работѣ только путемъ найма, отводъ участковъ сталъ исчезать и явилась существующая нынѣ вездѣ, не только въ сельскомъ хозяйствѣ, но и въ прочихъ отрасляхъ промышленности, такъ называемая казарменная система помѣщенія, т. е. постройка огромныхъ корпусовъ, предназначенныхъ для жилья рабочихъ. Начались тѣ ужасающія явленія отъ нераздѣльнаго сожительства рабочихъ, которыя рисуются особенно ярко въ донесеніяхъ англійскихъ фа-

бричныхъ инспекторовъ и которыя нерѣдко разоблачаются по судебнымъ разбирательствамъ и въ другихъ странахъ, напр. у насъ на фабрикѣ Торнтона, близь Петербурга, въ одной небольшой комнатѣ помѣщалось безъ разбора пола и возраста около 76 человѣкъ рабочихъ. Признанный вредъ этой системы вызвалъ разныя законодательныя запрещенія и санитарно-полицейскій надзоръ за подобными помѣщеніями, но, при неосуществимости послѣдняго, уже къ совершенному ея уничтоженію клонятся новѣйшія требованія.

Подъ вліяніемъ практическихъ опытовъ Оуэна и послѣдователей Фурье возникла, сначала нынѣшняго столѣтія, система такъ называемыхъ *рабочихъ поселеній* (cités ouvrières), получившая развитіе преимущественно Франціи *). При такомъ водвореніи рабочихъ держатся двухъ пріемовъ. Устраиваются или особнякомъ небольшіе домики, съ двумя помѣщеніями и съ двумя садиками, по противоположнымъ сторонамъ. Домики эти отдаются на жилье рабочимъ за такую наемную плату, въ составъ которой входитъ и процентное погашеніе капитала, затраченнаго на постройку, такъ что черезъ извѣстное число лѣтъ жилецъ пріобрѣтаетъ домикъ и усадьбу въ собственность. По другой системѣ, преобладающей въ Англіи, устраиваются огромные корпуса, нерѣдко особыми строительными предпріятіями, которыя довольствуются 5% съ затраченнаго капитала. Корпусъ дѣлится на маленькіе квартирки, въ 1—4 комнаты, и каждая отдается рабочему за сходную плату, въ послѣднюю обыкновенно не входитъ процентное погашеніе капитала, и рабочіе, за исключеніе весьма рѣдкихъ случаевъ, не могутъ пріобрѣтать этихъ помѣщеній въ собственность. Выгоды подобныхъ помѣщеній для рабочихъ состоятъ, кромѣ дешевизны еще въ томъ, что превосходно устраиваются всѣ хозяйственныя приспособленія для общаго пользованія всѣхъ жильцовъ (кухни, прачешныя, сушильни, бани, паровое отопленіе, газовое освѣщеніе, устроенное такъ, что на рожкахъ можно приготовить и варить пищу). Но, ради соблюденія чистоты и порядка между многочисленнымъ населеніемъ дома, приходится издавать отчасти стѣснительныя правила для жильцовъ, подъ страхомъ немедленнаго удаленія изъ помѣщенія. Вотъ почему, рабочіе не особенно охотно пользуются помѣщеніями этой системы и почему слѣдуетъ отдать предпочтеніе первой системы. Притомъ вторыя и недоступны рабочимъ получающимъ менѣе 2 ф. ст. въ недѣлю.

*) *Véron*, les institutions ouvrières de Mulhouse, Paris, 1866.

Профессоръ Э. Вреденъ.

Типографія и литографія Кн. Оболенскаго, уголъ Николаевск. и Стрем. № 8—22.

Система cités ouvrières получила распространеніе рано на континентѣ Европы, она впервые даже возникла для горнозаводскихъ рабочихъ въ Богеміи и Бельгіи, въ другихъ же странахъ къ сожалѣнію она не примѣнена къ этому разряду рабочихъ. Наши же рабочіе на горныхъ заводахъ Уральскихъ пользуются участкомъ земли для постройки дома и выгономъ для скота. Съ 40-хъ годовъ на западѣ Европы cités ouvrières распространены были на фабричныхъ рабочихъ. Система поселеній важна тѣмъ, что рабочіе получаютъ осѣдлость, пріобрѣтаютъ усадьбу для старости и на всю семью. Эта система явилась бы еще болѣе благодѣтельною для рабочихъ, если бы кромѣ домика они могли пріобрѣтать небольшой клочекъ земли, достаточный для разведенія сада или огорода, могущаго доставлять потребное количество самыхъ необходимыхъ овощей и небольшой выпасъ, который бы доставлялъ сѣно, необходимое для содержанія покрайней мѣрѣ одной коровы. Если рабочему не трудно пріобрѣсть все это въ собственность процентнымъ погашеніемъ стоимости, то важнѣйшую сторону рабочаго вопроса можно считать вполнѣ удовлетворительно разрѣшенною.

Насколько въ этомъ обязаны принимать участіе предприниматели, это относится уже къ вопросу объ отвѣтственности предпринимателей передъ наемными рабочими. Принимая же во вниманіи, что трудъ, необходимый къ производству, предприниматель привлекаетъ только при посредствѣ извѣстнаго его представителя ясно, что слѣдовательно, помимо экономическихъ условій прямаго найма, рождается рядъ чисто культурныхъ отношеній между первыми и вторыми. Чтобы ни служило рычгомъ этихъ отношеній: доводы ли христіанскаго откровенія, или же общія философскія начала, все равно, они установляютъ обязательство такого культурнаго характера, что ихъ нельзя подорвать никакими узкими возмездными разсчетами. Источникъ гуманныхъ отношеній чисто культурный, но способъ ихъ водворенія уже экономическій, и возможность исполненія культурныхъ обязательствъ является только при отчетливомъ экономическомъ соображеніи, иначе легко впадать въ область неопредѣленныхъ чувствъ и безплодныхъ симпатій, или создать только шаткую постройку всеобъемлющей благотворительности, которая въ рѣдкихъ случаяхъ достигаетъ цѣли, а возвышая заслуги однихъ, на другихъ налагаетъ одну тягостную признательность.

Что касается до съѣстныхъ припасовъ и пищи, то и они, понятно, могутъ быть выдаваемы натурою. Средневѣковые цехи, мастерства, гильдіи во всѣхъ случаяхъ доставляли натуральное довольство; учениковъ кормили и одѣвали, а подмастерьевъ кормили. Этого требовало соединеніе участниковъ мастерства въ одномъ домѣ *). Но при переходѣ предпріятія отъ ремесленнаго строя къ фабричному, при большемъ раздѣленіи труда, разъединенность участниковъ производства стала возможною и выгодною, достаточно только сборныя работы произвести въ одномъ мѣстѣ, а прочія можно передавать порознь, хотя бы и на огромномъ разстояніи отъ фабрики: долженъ былъ возникнуть порядокъ отдачи работы на домъ, а, съ другой стороны, явилась необходимость при многочисленности рабочихъ предоставлять каждому промышлять самому о приготовленіи пищи, слишкомъ затруднительно стало довольствовать рабочихъ пищею и одеждою. Но въ тоже время очевидно, что чѣмъ ближе работникъ къ фабрикѣ или заводу, тѣмъ легче съ нимъ вести дѣло, работникъ теряетъ менѣе времени на переходы и, слѣдовательно, менѣе изнуряется, менѣе утомляется до работы. Эти соображенія побудили предпринимателей сдѣлать предметы потребленія, по возможности, болѣе доступными для рабочихъ и въ виду послѣдней цѣли явились на самыхъ фабрикахъ лавки, гдѣ рабочіе могли закупать для себя припасы, чтобы не отлучаться далеко. Но изъ первоначально хорошаго обычая со временемъ развился способъ самой наглой эксплоатаціи рабочихъ, именно: хозяева предосудительными мѣрами заставляли рабочихъ брать товаръ непремѣнно изъ своей лавки, по цѣнѣ, установленной самимъ хозяиномъ, и самый недоброкачественный. Подобнаго принужденія хозяева достигаютъ, обыкновенно, тѣмъ, что выдаютъ рабочему заработную плату впередъ, разъ лишившись наличныхъ денегъ, онъ принужденъ брать все ему потребное изъ хозяйской лавки, гдѣ заборъ допускается по книжкѣ въ кредитъ, а затѣмъ заработною платою за слѣдующее время покрывается долгъ предъидущаго, создается безвыходная кабала, особенно при цѣнахъ непомѣрныхъ и недобросовѣстныхъ въ фабрич-

*) *Goltz*, die sociale Bedeutung den Gesindewesens, Dnz, 1873 г.—*Levasseur*, histoire des classes ouvrières en France depüis 1789, Paris, II vol., 1897 г.—*Böhmert*, Arbeiterverhältnisse und Fabrikeinrichtungen der Schweiz, II Bde., Zürich, 1873 г. Мануфактуры и фабрики торговаго дома «Савва Морозовъ съ сыновьями», Москва, 1870 г.

ной лавки; хозяева, пользуясь такимъ закрѣпощеніемъ, разумѣется, распоряжаются рабочею платою по своему усмотрѣнію.

Лавочная система такъ выгодна, что часто лавки отдаются въ аренду за большую сумму, которую съемщикъ, конечно съ барышемъ, наверстываетъ съ рабочихъ. Въ Англіи на этомъ фундаментѣ построена была цѣлая система грабежа рабочихъ подъ названіемъ truk system, а въ прочихъ странахъ она не имѣетъ особеннаго названія, хотя кажется по примѣненію и распространенію ея онѣ не уступаютъ Англіи. Предосудительность указанныхъ пріемовъ вызвала со стороны законодательства надзоръ и запрещенія. Оуэнъ завелъ въ другихъ видахъ магазины для рабочихъ, гдѣ товары продавались по оптовымъ цѣнамъ; по послѣднему образцу впослѣдствіи возникли потребительныя артели въ разныхъ государствахъ Европы. Онѣ то и представляютъ самое дѣйствительное средство для снабженія рабочихъ доброкачественными и дешевыми товарами. Покупая въ артельной лавкѣ, рабочій можетъ, какъ членъ потребительной артели, имѣть даже дивидендъ, въ размѣрѣ разницы между цѣною въ этихъ магазинахъ и въ вольныхъ лавкахъ. Разумѣется, въ силу указаннаго выше принципа культурныхъ обязанностей предпринимателя по отношенію къ рабочимъ, предприниматель также долженъ ссудами и совѣтами содѣйствовать устройству потребительныхъ артелей.

Затѣмъ, кромѣ разсмотрѣнной выдачи части заработной платы натурою, возможна выдача и всей заработной платы натурою. Эта система возникла въ сельскомъ хозяйствѣ и извѣстна подъ названіемъ половничества (mettayage), такъ какъ рабочіе нанимаются обработывать землю изъ за половины, или вообще долюжидаемыхъ плодовъ; на дѣлѣ они обыкновенно получаютъ отъ $^1/_5$ до $^1/_3$ сбора. Доля, причитающаяся рабочему, измѣняется смотря потому, имѣетъ ли онъ свой скотъ, сѣмена и орудія, или же все это даетъ хозяинъ. Таже система выдачи рабочей платы натурою получила у насъ и въ Норвегіи особенно широкое примѣненіе къ рыбнымъ и звѣринымъ промысламъ, на Бѣломъ морѣ и Ледовитомъ океанѣ. Хозяинъ, обыкновенно, даетъ рабочимъ лодки, сѣти, орудія лова, иногда даже пищу и нѣкоторыя части одежды, а рабочіе должны за все это вознаградить хозяина изъ добычи. Добыча, обыкновенно, на дѣлится много одинаковыхъ паевъ и распредѣляется неравномѣрно: не только между хозяйномъ и рабочими, но и между самими рабочими.

Хозяинъ одинъ пай получаетъ за устройство предпріятія, другой за лодку, третій за сѣти, четверый за пищу, одежду и т. д., однимъ словомъ, за все то, что онъ выдалъ рабочимъ, при чемъ оцѣнка стоимости этихъ предметовъ принадлежитъ самому хозяйну. Оставшіеся паи дѣлятся между рабочими, при чемъ простые рабочіе получаютъ меньше рулеваго и т. д.

При покрутѣ хозяинъ заключаетъ еще такое условіе, что рабочіе причитающіеся на ихъ долю паи должны продать ему же по цѣнѣ заранѣе условленной.

Неудобство этой системы выдачи заработной платы заключается въ томъ, что происходитъ нѣсколько оцѣнокъ, при чемъ цѣновщикомъ является самъ хозяинъ, и бываютъ случаи, что рабочіе послѣ продолжительнаго труда остаются не только безъ свободныхъ денегъ, но даже еще въ долгу у хозяйна. Если же рабочіе берутъ землю изъ за половины, при своемъ скотѣ, орудіяхъ и сѣменахъ, то при такомъ ихъ самостоятельномъ положеніи обмѣръ и обвѣсъ могутъ уже клониться во вредъ собственнику. Вообще же въ губерніяхъ Псковской и Витебской крестьяне изъ за половины снимаютъ пахотныя поля, луга и конопляники и пользуются значительнымъ благосостояніемъ. Но этотъ способъ выдачи заработной платы неудобенъ, потому что возбуждаетъ множество споровъ и переоцѣнокъ между хозяевами и рабочими, самый же нормальный способъ выдачи заработной платы—деньгами, предоставляетъ рабочему распоряжаться послѣдними по усмотрѣнію. На обязанности же предпринимателей и вообще всего общества лежитъ несомнѣнно одно—доставить рабочему *возможность* употребить плату наиболѣе выгоднымъ и экономнымъ способомъ.

Предприниматели и предпріятія имѣютъ при наймѣ рабочихъ собственно въ виду привлечь къ затратѣ извѣстное количество потребнаго труда, но какъ зиждительный элементъ производства, которое осуществляется оборотами и затратами даннаго предпріятія, а потому и всѣ свои разсчеты они стараются, по возможности, соображать съ количесткомъ потребнаго труда, а не съ числомъ рабочихъ. Но такъ какъ, трудъ независимо отъ своихъ представителей въ пользу предпріятія не можетъ быть обнаруженъ, то уже труднѣе удается, или непосредственно вовсе не удается, опредѣлять расходъ его, а приходится желаемое измѣреніе труда совершать на основаніи косвенныхъ, какъ бы, обстоятельствъ и условій.

Въ первомъ мѣстѣ, такимъ условіемъ, косвенно указывающимъ на количество труда доставленнаго въ пользу предпріятія рабочими, является продолжительность самой работы, количество работы разсчитывается по времени. Тѣмъ вызывается и первая форма заработной платы, получаемая за продолжительность работы и называемая *поденною*, хотя бы единицею времени служилъ не день, а недѣля, мѣсяцъ или годъ. Въ горнозаводскомъ промыслѣ у насъ эту плату называютъ также *урочною* платою; хотя скорѣе можно предположить, что урокомъ называется извѣстное количество труда независимо отъ времени. И такъ, всякую форму повременной платы (Zeitlohn) можно назвать либо поденной (поденщиной), либо урочной платой.

Болѣе вѣрно на дѣйствительно доставленное работою количество труда указываетъ результатъ ея, то что произведено, поэтому водворилось обыкновеніе разсчитывать работника по количеству подѣлокъ въ пользу предпріятія, явилась—рядомъ съ поденною, урочною—плата *поштучная* (Stücklohn), или *задѣльная*. Названіе поштучной не такъ вѣрно, какъ задѣльной, такъ какъ не всегда извѣстное количество труда выражается въ самостоятельно существующей цѣнности, но просто въ ясно осязаемыхъ результатахъ, напр. можно вспахать десятину поля, скосить десятину луга, выкопать въ нѣсколько саженъ глубины и длины ровъ и т. п. Какъ плата урочная, такъ и задѣльная получаются рабочимъ въ размѣрѣ заранѣе опредѣленномъ, обезпечиваютъ рабочему опредѣленный доходъ, соразмѣрно которому онъ можетъ разсчитывать свои расходы по хозяйству. Всѣ же барыши, которые путемъ спекуляціи получаетъ въ рентѣ предприниматель, идутъ исключительно въ его пользу, вознагражденіе и положеніе рабочихъ отъ исключительнаго успѣха предпріятія вовсе не измѣняется, заработная плата непосредственно не возвышается. Естественно, успѣхи промышленности имѣютъ крайне ничтожное вліяніе на заработную плату и только тогда, когда вслѣдствіе того, что нѣкоторыя предпріятія даютъ большіе барыши, возникаютъ новыя однородныя—требуется большее число рабочихъ. Усилившійся спросъ на рабочихъ можетъ повліять на возвышеніе заработной платы, но и то въ весьма незначительной степени, а непосредственно выгоды предпріятія не возвышаютъ послѣдней. Указанное обстоятельство вызываетъ и усиливаетъ тотъ разладъ, который существуетъ между тре

бованіями представителей труда и представителями предпріятій—капиталистами. Уже школы соціалистовъ стремились къ тому, чтобы и рабочимъ доставить участіе въ барышахъ предпріятій, а для капиталистовъ урѣзать барышъ до размѣра ходячаго процента на капиталъ. Соотвѣтственный способъ надѣленія рабочихъ и порождаемую имъ форму заработной платы я позволилъ себѣ, (въ своихъ «страховыхъ артеляхъ» стр. 79) назвать *долевою рабочею платою* (partnership, tantième) съ тѣхъ поръ у насъ утвердился этотъ терминъ *). Эта плата прямо ставитъ рабочаго въ долю съ предпринимателемъ, а успѣхъ предпріятія, которому содѣйствуетъ всякій работникъ по мѣрѣ своего усердія и умѣнья, прямо отражается на его хозяйствѣ.

При разборѣ предпринимательскаго дохода мы видѣли, что подъ вліяніемъ конкурренціи послѣдній зависитъ: во-первыхъ, отъ основательности самой коньектуры и, во-вторыхъ, отъ удачи при денежномъ сбытѣ на рынкѣ цѣнностей, произведенныхъ предпріятіемъ. Если же работникъ, наравнѣ съ предпринимателемъ, подчинитъ этимъ двумъ условіямъ доходность работъ, то рискъ предпріятія отразится колебаніями и на заработной платѣ, тогда плата вовсе уже можетъ и не быть; сверхъ того нерѣдко случается, что въ началѣ предпріятіе не даетъ никакого дохода и предприниматели затрачиваютъ основной капиталъ въ надеждѣ на отдаленный возвратъ, если же подвергнуть рабочихъ такому выжиданію, то при неимѣніи запасныхъ средствъ, они невъ состояніи выдержать временной бездоходности. Въ виду прямыхъ неудобствъ и опасностей риска, для рабочихъ исключительное долевое вознагражденіе труда невозможно. Поэтому долевую плату можно считать только добавочнымъ, подспорнымъ элементомъ въ доходѣ рабочихъ, основными же формами заработной платы могутъ быть единственно урочная, или задѣльная. Рабочіе должны получать такую текущую заработную плату, которая обезпечивала бы имъ вполнѣ необходимое содержаніе.

*) *Eras*, vier Zeitfragen, Lpz.. 1870 г.—*Julien le Rousseau*, de l'assocciation de l'ouvrier aux bénefices du patron, Paris, 1870 г. — *Rozy*, le travail et le capital; Paris, 1871 г. — *Schulze Delitsch*, der industrielle Grossbesitz und die Arbeiterbewegung in Deutschland, Brl., 1870 г.—*Assailly*, le pauperisme et les associations ouvrières en Europe, Paris, 1869 г.—*Runge*. Uber die Betheiligung der Arbeiter am Reingewinn industrieller Unternehmungen. Breslau 1869. стр. 22.—V. *Böhmert:* Vortrag über das Verhältniss von Arbeiter und Arbeitgeber. Zürich 1858.

Чтобы затѣмъ вознаградить ихъ за дѣйствительное усердіе, честность, бережность, съ которую они обращаются съ ввѣренными имъ орудіями и матеріалами, чтобы возмѣстить ихъ стараніе, отъ котораго зависитъ не мало успѣхъ предпріятія—къ основной платѣ возможно и слѣдуетъ ввести добавочное, долевое вознагражденіе. Другаго экономическаго смысла послѣдняя плата не можетъ имѣть.

Если же предприниматель удѣляетъ часть своего барыша въ пользу рабочихъ, то этимъ на рабочихъ будетъ наложено извѣстное обязательство по отношенію къ самому предпріятію, рабочіе не захотятъ разомъ оставить работу, или требовать непомѣрнаго возвышенія заработной платы. Нормальнѣе же всего будетъ такое вознагражденіе рабочихъ путемъ долевой платы, при которомъ послѣдняя не выдается имъ на руки, а только насчитывается. Такъ какъ урочная, или задѣльная заработная плата вполнѣ покрываютъ необходимые расходы рабочей семьи, изо дня въ день, то всякій независящій отъ него перерывъ въ работѣ, всякій исключительный расходъ ставитъ рабочаго въ безвыходное положеніе: если же разъ признать, что усердіемъ рабочихъ возвышается прибыльность предпріятія и что предприниматели должны вознаграждать рабочихъ соотвѣтственно изъ прибыли, то съ другой стороны потребно, чтобы этотъ способъ вознагражденія предвидѣлъ именно тѣ временные перерывы, или пріостановки въ работѣ, которыя возникаютъ для рабочаго независимо отъ его воли, по случаю болѣзни, увѣчья, наконецъ, по совершенной неспособности къ труду; нормально предотвратить въ указанныхъ случаяхъ ущербъ, раззореніе и безвыходное положеніе наймитовъ путемъ добавочнаго вознагражденія, т. е. долевою платою. Одновременно слѣдуетъ всѣ убытки, которые можетъ потерпѣть предпріятіе оставить на плечахъ предпринимателя, какъ отвѣтчика за коньектуру: долевому распредѣленію можетъ подлежать только чистый доходъ предпріятія, а не его убытки, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ представителямъ однихъ исполнительныхъ работъ.

При послѣднемъ характерѣ долеваго вознагражденія весьма естественно обязать рабочихъ, чтобы они этотъ добавочный доходъ могли бы только затратить на непредвидѣнные перерывы своихъ основныхъ заработковъ, естественно слѣдовательно добавочную долевую плату только насчитывать. Начетъ же долженъ идти въ пользу учрежденій, которыя обезпечиваютъ рабочаго и его семью отъ исключительныхъ ущербовъ, на случай несчастій. Въ первомъ мѣстѣ

потребно путемъ долевой платы обезпечить подачу медицинскаго пособія и содержаніе рабочаго въ случаѣ болѣзни. Такъ какъ случаи заболѣванія и изнуренія силъ находятся въ прямой зависимости отъ характера производства и отъ той обстановки, въ которой работникъ пребываетъ во время труда, то естественно нельзя расходы на леченіе возлагать на самихъ только рабочихъ; необходимо, чтобы въ равной мѣрѣ на ту же цѣль тратился и предприниматель; только послѣднее будетъ вполнѣ справедливо, такъ какъ тогда предпринимателю придется тратить на этотъ предметъ настолько болѣе, чѣмъ опаснѣе и неудовлетворительнѣе санитарно та обстановка, въ которой вынуждены находиться у него рабочіе. Нѣтъ болѣе дѣйствительнаго средства заставить предпринимателя заботиться о здоровьѣ своихъ рабочихъ, какъ возложить на него часть расходовъ по леченію рабочихъ. Впрочемъ, расходы должны ложиться равномѣрно на предпринимателей и рабочихъ, иначе пожертвованія первыхъ превращаются въ благодѣяніе, ведущее къ неудовлетворительнымъ послѣдствіямъ.

Кромѣ обезпеченія на случай болѣзни и увѣчья, необходимо предвидѣть также и совершенную неспособность къ работѣ. И по послѣднему обезпеченію предприниматель долженъ нести пожертвованія наравнѣ съ рабочими, такъ какъ истощеніе силъ рабочаго наступаетъ тѣмъ раньше, чѣмъ пагубнѣе обстановка даннаго занятія, что или зависитъ отъ хозяина, или неустранимо, но служитъ источникомъ прибылей, а потому хозяинъ долженъ отвѣчать за то, въ чемъ кроется источникъ его наживы. Въ предотвращеніе легкомыслія рабочихъ и для устраненія тѣни благодѣяній, долженъ жертвовать на составленіе пенсіоннаго фонда поровну и рабочій *).

На экономическомъ же основаніи должены быть построены и заботы объ образованіи молодаго рабочаго поколѣнія.

Насколько трудъ коньектуральный выше труда механическаго, на столько должно заботиться о доставленіи образованія самому рабочему и его потомству. Средства для учрежденія школъ и должны быть взяты изъ долевой рабочей платы (если государство не беретъ на себя расходовъ на народное образованіе), и опять таки предприниматели должны быть привлечены къ равнодольному уча-

*) Срв. мои, Страховыя артели, Спб., 1870 г. стр 141. — G. *Hirth*, Volks Bildung und Rechtsgleichheit, zur Lösung der socialen Frage, Lpz., 1873 г.

стію въ этомъ расходѣ, такъ какъ они раздѣляютъ выгоды отъ возвышенія уровня въ развитіи рабочихъ.

Весьма полезно и выгодно также стремиться къ вышеупомянутому уже доставленію рабочимъ возможности пользоваться болѣе дешевыми и лучшаго качества предметами первой необходимости. Всякое такое удешевленіе послѣднихъ имѣетъ характеръ возвышенія заработной платы. Конечно важно, чтобы организація такихъ складочныхъ магазиновъ, или потребительныхъ ассоціацій не походила бы на пресловутую truk system; но избѣгнуть этого можно тѣмъ, что потребительныя артели будутъ учреждаться не на пожертвованія постороннихъ лицъ, или даже предпринимателей, а на средства самихъ рабочихъ. Если рабочіе не имѣютъ въ наличности необходимаго капитала, то послѣдній можетъ быть занятъ, но не иначе, какъ за извѣстные проценты и съ обязанностью возврата. Предпринимателю вполнѣ подходитъ ссудить такой капиталъ на означенныхъ условіяхъ, дать даровое помѣщеніе и принять пассивное участіе въ управленіи, бухгалтеріи и отчетности, сверхъ этого всякое содѣйствіе уже будетъ съ его стороны благодѣяніемъ, котораго полезнѣе и безопаснѣе всего избѣгать.

Въ удовлетвореніи всѣмъ вышеуказаннымъ цѣлямъ только и можетъ состоять назначеніе долевой заработной платы; приведенныя учрежденія не могутъ возникнуть на средства, составленныя изъ сбереженій отъ обыкновенной заработной платы, она только хватаетъ на покрытіе расходовъ по содержанію рабочаго. По этому превратно, или только заманчиво, долевое вознагражденіе выдавать рабочимъ на рукм, а нормально обращать его на вспомогательныя учрежденія. Конечно, всякому выходящему изъ предпріятія рабочему должна быть возвращена сполна долевая плата, которою онъ не успѣлъ воспользоваться, но такой возвратъ не долженъ касаться той части, которая поступила въ пользу подспорныхъ учрежденій отъ самихъ предпринимателей; сумма послѣднихъ взносовъ должна, въ силу экономической обязательности ея пожертвованія, оставаться неприкосновеннымъ достояніемъ упомянутыхъ учрежденій.

Если бы условія найма зависѣли отъ добровольнаго только и вполнѣ свободнаго договора между лицами, то конечно экономически установленною платою возможно бы точно предвидѣть всѣ случайности, но кромѣ обоюднаго согласія, при установленіи заработковъ имѣютъ вліяніе стихійныя силы и капиталъ, международное ры-

ночное движеніе цѣнъ, которому данное народное хозяйство подчиняется временно, или постоянно. Вотъ почему, примѣненіе формъ заработной платы, на которыя ссылаются условія найма, не зависитъ только отъ договора лицъ, но и отъ характера производства въ той мѣрѣ, въ какой въ извѣстномъ предпріятіи преобладаетъ вліяніе стихійныхъ силъ или капитала, а въ другихъ первенствуетъ значеніе труда.

Чѣмъ ничтожнѣе значеніе труда и важность личнаго участія рабочаго въ предпріятіи, тѣмъ труднѣе сохраняется извѣстное постоянство въ его заработной платѣ; приходится опредѣлять размѣръ ея огуломъ, нельзя разсчитывать ее по непосредственнымъ результатамъ, а только приблизительно по времени работы. Во всѣхъ подобныхъ предпріятіяхъ мыслима одна только урочная плата, или поденщина. Въ сельскомъ хозяйствѣ успѣхъ работы зависитъ отъ погоды, а потому невозможно нанять работника задѣльно или поштучно, послѣдній въ теченіи продолжительнаго времени иногда не имѣетъ возможности приступить къ работѣ, а перерывы, возникающіе вслѣдствіе не зависящихъ отъ рабочаго причинъ, не могутъ идти сполна ему въ ущербъ, иначе онъ изберетъ другое занятіе. Кромѣ того, есть другое условіе, мѣшающее водворенію въ сельскомъ хозяйствѣ другой формы кромѣ урочной или поденной, именно: гдѣ требуется извѣстная медленность для удовлетворительнаго отправленія работы, тамъ задѣльная плата не приложима, напр. если нанять работника скосить десятину луга, то въ его интересѣ косить быстро, т. е. не такъ чисто, скорѣе окончить работу, а поденно онъ будетъ ровно косить, ему нѣтъ интереса торопиться; тоже самое можно сказать и относительно распашки, посѣва, молотьбы и другихъ сельскихъ работъ.

Затѣмъ, во всѣхъ занятіяхъ, гдѣ по свойству самаго производства преобладаетъ трудовой элементъ, гдѣ весь результатъ дѣла прямо зависитъ отъ энергіи труда, тамъ соразмѣрять плату съ этою энергіею весьма основательно, тѣмъ болѣе, что здѣсь старательный работникъ получаетъ болѣе, чѣмъ менѣе радивый и нѣтъ уравненія различныхъ усилій, какъ при формѣ урочной платы; вотъ почему въ промышленности издѣльной, мануфактурной наиболѣе нормальна плата задѣльная, поштучная.

Такимъ образомъ, всѣ три формы заработной платы имѣютъ каждая свое спеціальное примѣненіе: долевая плата должна оста-

ваться добавочною, употребляться на подспорное обезпеченіе и страхованіе рабочаго отъ разныхъ неблагопріятныхъ случайностей; основными же формами остаются плата поденная, или урочная, и задѣльная. Мечтать о замѣнѣ и вообще о сравнительномъ превосходствѣ этихъ трехъ формъ заработной платы, значитъ не сознавать основнаго экономическаго закона о полномъ соотвѣтствіи отдѣльныхъ экономическихъ явленій тому бытовому разнообразію, изъ котораго слагается человѣческая жизнь.

§ 60. Установленіе размѣра заработной платы подъ вліяніемъ рыночныхъ требованій.

Независимо отъ изложенныхъ условій субъективныхъ и объективныхъ, вліяющихъ на размѣръ заработной платы, и помимо указанныхъ способовъ выдачи ея тѣми или другими равноцѣнностями и ея формъ, окончательно размѣръ платы опредѣляется на основаніи рыночныхъ условій. Въ этомъ смыслѣ работники, съ одной стороны, ищутъ заработка, а, съ другой стороны, предприниматели ищутъ труда и нанимаютъ рабочихъ.

Являются, такимъ образомъ, двухсторонніе требованія и на основаніи отношеній между ними, на основаніи колебанія ихъ, устанавливается та дѣйствительная заработная плата, которая идетъ въ данное время, въ данномъ мѣстѣ и промыслѣ, фактически въ пользу рабочихъ. Эта *рыночная* заработная плата можетъ и недостигать, или превышать предѣлы, которые указываются субъективными и объективными условіями. Въ общемъ же положеніи механическій трудъ имѣетъ тенденцію въ рыночной платѣ держаться ниже естественнаго заработка, трудъ же коньектуральный, чѣмъ онъ спеціальнѣе, чѣмъ высшаго умственнаго развитія онъ требуетъ, въ той же мѣрѣ возвышается надъ естественною или необходимою заработною платою.

Колебанія рыночной заработной платы около средняго предѣла естественной неоднократно вызывали, еще въ древности и до новѣйшаго времени, требованія общественнаго вмѣшательства; власти узаконяли извѣстныя платы и таксы съ тѣми или другими цѣлями, ради выгодъ той или другой стороны, въ послѣднее же время

сами рабочіе стали добиваться возвышенія рыночной заработной платы путемъ дружной, совокупной борьбы противъ работодателей, посредствомъ такъ названныхъ мною забастовокъ, поддерживаемыхъ стачками.

Первоначально уровень рыночной заработной платы нормировался *таксами*, которыя, хотя и давно возникли, но получили точное и разностороннее приложеніе только въ средніе вѣка, въ эпоху господства цеховъ. Эти таксы имѣли въ виду преимущественно предупредить запросъ, со стороны рабочихъ, излишней платы, обезпечить за мастерами дешевыхъ рабочихъ. Еще въ 1348 году, когда черная смерть въ Европѣ значительно уменьшила народонаселеніе, мастера жаловались, что рабочіе слишкомъ дорожатся и поэтому поводу установлены были таксы: въ 1351 году Петромъ Жестокимъ въ Кастиліи, Эдуардомъ III въ Англіи и другими. Первоначально таксы имѣли цѣлью удешевленіе труда и съ такимъ характеромъ подолжались онѣ, напримѣръ въ Англіи до времени Елизаветѣ мировые судьи наблюдали за соблюденіемъ ихъ и подвергали предпринимателей, платившимъ рабочимъ свыше таксы, заключенію въ тюрьмѣ на 10 дней, а рабочихъ, которые требовали сверхъ установленнаго, заключенію на 21 день. Съ Якова I эти постановленія, касавшіяся преимущественно сельскихъ рабочихъ, были перенесены на всѣхъ наймитовъ. Въ 1773 г. при королѣ Георгѣ III была введена такса для ткачей въ шелковомъ производствѣ. Уничтожены же таксы въ Англіи только въ 1824 г. (Spitalfields-act), а въ Германіи въ прошломъ столѣтіи. Рядомъ съ прямымъ опредѣленіемъ рабочей платы, законодательство старалось опредѣлять и всѣ прочія условія найма, особенно въ какой мѣрѣ рабочій связанъ передъ нанимателемъ, чего можно требовать отъ хозяйна по содержанію и помѣщенію наемника, каково должно быть обращеніе работодателя съ рабочимъ, къ чему хозяинъ имѣетъ право принудить послѣдняго, какъ продолжительно должно быть рабочее время. Въ такихъ видахъ создались большіе сборники полицейскихъ постановленій и позднѣйшая богатая литература полицейскаго права. У насъ точно также Св. зак. (X томъ въ раздѣлѣ о личномъ наймѣ, ст. 2,201 ислѣд.) содержитъ соотвѣтственныя постановленія, относительно заводовъ и фабрикъ (XI т. II часть, ст. 100—104 уставъ о промышленности фабричной и заводской), относительно ремесленной промышленности (XII т. 2 ч., ст. 16,

131, 152 и 168 уст. ремесленный), относительно сельскаго хозяйства и также фабричной промышленности временныя правила Выс. утв. 1 апр. 1863 г., служащія образцомъ и для всякаго другаго найма въ той же средѣ. Урочное положеніе для казенныхъ работъ 1838 г. было замѣнено новымъ положеніемъ 4 февраля 1843 года (XVIII т. полн. собр. зак. № 16,503).

Въ нихъ старались опредѣлить продолжительность рабочаго дня, что должны быть приняты во вниманіе познанія въ мастерствѣ, или работѣ. Относительно опредѣленія рабочаго дня Россія раздѣлена на три полосы: сѣверную, среднюю и южную; лѣтомъ рабочій день полагается среднимъ числомъ въ 12 часовъ, осенью въ 9, а зимою въ 8. 1861 года 31 марта издано было урочное положеніе о наймѣ рабочихъ на казенныя и общественныя работы. Это положеніе ссылается на общія положенія X тома и въ 83 ст. добавляетъ, что число рабочихъ часовъ опредѣляется на основаніи положенія 1843 г., если между нанимателемъ и рабочимъ не заключено особаго условія. Вообще наше законодательство въ этихъ положеніяхъ старалось, хотя и не относительно всего рабочаго класса, рѣшить слѣдующіе вопросы: въ какія работы можно нанимать на условіяхъ личнаго найма, какія лица не могутъ нанимать и какія не наниматься, какія условія входятъ въ договоръ личнаго найма, какія формы установлены для заключенія договора личнаго найма, какія должны быть отношенія между нанимателями и нанимаемыми и чѣмъ должно быть обезпечено исполненіе договора. Законъ знаетъ три случая личнаго найма: 1) для домашняго услуженія, 2) для земледѣльческихъ, фабричныхъ и ремесленныхъ работъ, и 3) для отправленія всякаго рода работъ и должностей, не воспрещенныхъ закономъ*).

Всѣ правительственныя узаконенія этого рода, въ силу исторической традиціи, имѣли въ виду болѣе или менѣе закрѣпить рабочаго за промысломъ. Школа либеральныхъ экономистовъ, А. Смитъ и преимущественно Рикардо, настойчиво заботятся о процвѣтаніи отраслей промышленности, не обращая вниманія на рабочихъ и забывая, что все народное хозяйство имѣетъ цѣлью единственною поднять уровень благосостоянія всего населенія, а не отдѣльныхъ только промысловъ; слѣдовательно, заботясь о про-

*) Срв. мое эконом. обозрѣніе въ Ж. Сельскаго Хоз. и Лѣсов., 1873 г. Янв. и Февр., стр. 60.

цвѣтанія промышленности, не слѣдуетъ забывать и о положеніи рабочихъ. Рикардо приводитъ разсчетъ, что если въ государствѣ, состоящемъ изъ 10 мил. жителей, промышленность достигла такого совершенства, что трудъ 5 мил. человѣкъ даетъ средства существованія и остальнымъ 5 мил., то довольство послѣднихъ 5 мил. составляетъ чистый доходъ народнаго хозяйства, а его положеніе не измѣнится, если въ другое время при 12 мил. жителей потребуется трудъ 7 мил. для прокормленія остальныхъ 5 мил., такъ какъ и тутъ будетъ чистый доходъ народнаго хозяйства равняться одному прокормленію 5 мил. Подобный ариѳметическій разсчетъ не приложимъ къ людямъ. Если либеральная школа экономистовъ впала въ такую грубую ошибку, что промышленники существуютъ ради промышленности, а не послѣдняя ради людей, что походитъ на проповѣдываніе искусства для искусства, то тѣмъ простительнѣе вышеприведенныя ошибки законодательствъ.

Тѣмъ не менѣе понятно, что подобные взгляды и законодательныя мѣры должны были вызвать и дѣйствительно вызвали нареканія со стороны рабочихъ; а какъ только рабочіе созпали свою силу, они не замедлили перейти отъ сѣтованій къ дѣлу. Заявленіе рабочими требованій возникаетъ одновременно съ образованіемъ соціалистическихъ и коммунистическихъ школъ. Рѣзко, съ иступленіемъ неувѣренныхъ пропагаторовъ, эти школы провозглашали, что вся общественность существуетъ только ради народа, а не наоборотъ, если же условія послѣдней не удовлетворяютъ нормальной цѣли, то ихъ слѣдуетъ измѣнить; а если хозяйственная организація ввергаетъ въ нищету массу главныхъ, по ихъ мнѣнію, дѣятелей, то ее нужно упразднить, но не кабалить ею рабочихъ. Притомъ отдѣльныя школы напираютъ то на общее преобразованіе существующаго общественнаго порядка, то на реформѣ одного экономическаго строя; конечно, сначала всѣ эти системы идутъ ощупью; тѣмъ не менѣе онѣ не могутъ не считаться естественнымъ заявленіемъ сознательныхъ протестовъ людей противъ того, чтобы ими не жертвовали въ пользу предпріятій, или въ пользу представителей интересовъ, не нуждающихся ни въ какой поддержкѣ.

Работники, увлекшись сначала разнаго рода утопіями о своемъ бытѣ, въ новѣйшее время возвратились къ тому средству, которое практиковалось широко уже въ средніе вѣка, а можетъ быть и въ

древнія, именно къ условленному одновременному прекращенію работъ, къ *забастовкамъ*, strikes.

Этотъ способъ понужденія работодателей къ возвышенію заработной платы открытъ давно, но только разрозненно прилагался и не въ столь большихъ размѣрахъ. Такъ Буагильберъ, писатель предшествовавшій физіократамъ, приводитъ (Traité des grains. II, 10) случаи, что 700—800 рабочихъ разомъ отказывались отъ работы; въ Италіи подобные примѣры извѣстны въ 1371 и 1384 гг., хотя здѣсь рабочіе и дѣлали это по наставленіямъ дворянъ, враждовавшихъ съ городскими предпринимателями. (Rerum Italicarum scriptores XV, 224). Въ новѣйшее же время забастовки приняли громадные размѣры, въ 1810 г. ленкашейрскіе ткачи забастовали на 4 мѣсяца въ числѣ 30,000 человѣкъ, а въ 1812 и 1822 гг. около Глезго произошли еще болѣе значительныя забастовки. Preston-strike въ 1853 поддерживали 36 недѣль 6,200 мущинъ и 11,800 женщинъ. Забастовавшіе рабочіе нерѣдко употребляли и насилія (ослѣпленіе сѣрною кислотою) противъ тѣхъ, которые не соглашаются забастовать (knobstiks), а потому законодательство вынуждено было принять противъ стачекъ мѣры. Для лучшей организаціи забастовокъ и для поддержанія рабочихъ на время отказа отъ работы, составились особыя забастовочные союзы, (trade-unions), которые при участіи соціально-демократической партіи сплотились въ одинъ международный союзъ. При теперешнемъ космополитическомъ характерѣ капитала и стремленія рабочихъ вынуждены были пріобрѣсть такой же космополитическій характеръ.

Главнымъ передовикомъ въ наличномъ движеніи Англіи служитъ Карлъ Марксъ *). Законодательства не долго противились нормальнымъ требованіямъ движенія, и въ Англіи въ 1862 г. были отмѣнены всѣ запрещенія сговоровъ и стачекъ, а вторая Имперія въ 1864 г. объявила liberté des associations. Ранѣе того во Франціи, въ 1806 г., старались завести третейскіе суды изъ свѣдущихъ людей для разрѣшенія споровъ рабочихъ съ предпринимателями подъ названіемъ conseils de prud'hommes, при чемъ рѣ-

*) *I. St. Mill*, Principles, II, 14, 5, V, 10, 5.—*Tooke*, history of prices VI, p. 176. — Report of the commissioners appointed to inquire into the organization and rules of trades unions, 1867 г.—*Dühring*, Arbeit und Kapital, 1866 г., стр. 223. — *R. Iannasch*, die trades unions oder Gewerkvereine, Basel, 1870 г.

шенія послѣднихъ считались обязательными для сторонъ. Въ Англіи принятъ нѣсколько иной порядокъ, именно суды составляются не изъ экспертовъ по назначенію, а изъ лицъ выбранныхъ предпринимателями и рабочими. Это учрежденіе узаконено по The Arbitration (Masters and workmen) act, отъ 6-го августа 1872 г., а пріемы его выработались на рабочихъ конгрессахъ, гдѣ послѣднихъ собирается до полумилліона человѣкъ. Самыя board of arbitrations придерживаются или системѣ Мэнделла, по которой одинаковое число выборныхъ съ обѣихъ сторонъ должно добровольно доходить до соглашенія, что далеко не всегда удается, или системы Кетле, по которой окончательный приговоръ постановляетъ признанный сторонами экспертный посредникъ *). Тоже подъ названіемъ Arbeitsämter и Arbeitergilden предлагаетъ Брентано въ Германіи; а Verein für Socialpolitik, по его докладу, постановилъ въ засѣданіи 13-го октября 1873 г. хадатайствовать передъ рейхстагомъ объ обязательномъ введеніи постоянныхъ Einigungstämter, въ смыслѣ мировыхъ палатъ для обузданія забастовочныхъ союзовъ (Gewerkvereine, trade unions).

Но учрежденія однихъ только третейскихъ судовъ для разрѣшенія споровъ между работадателями и рабочими не достаточно. На обязанности государства лежитъ принятіе другихъ, болѣе дѣйствительныхъ мѣръ. Что государство имѣетъ право и даже обязано принимать подобныя мѣры, это вытекаетъ изъ той всѣми признанной истины, что въ числѣ другихъ цѣлей стоитъ едва ли не на первомъ мѣстѣ помощь личности въ томъ, гдѣ она сама не можетъ оградить своихъ интересовъ. Въ этомъ смыслѣ нуждающимися въ государственной помощи являются рабочіе въ борьбѣ съ предпринимателями. Договоръ найма между рабочимъ, исключительно живущимъ своимъ заработкомъ, и предпринимателемъ, совершаю-

*) *Rupert Kettle*, strikes and arbitrations, 1865 г. — *Fr. A. Lange*, die Arbeiterfrage, Winterthur, 1870 г.—*Gr. von Paris*, die Gewerkvereine in England (trade-unions), Brl., 1870 г. — *L. Brentano*, zur Geschichte der englischen gewerkvereine, Lpz., 1871 г.—Его же, die wissenschaftliche Leistung des Herren Ludwig Bamberger, Lps., 1873 г.—L. *Bamberger*, die Arbeiterfrage unter dem gesichtspunkte des Vereinsrechtes, Stlg., 1873 г. — *I. Gostick*, trade-unions, and the relations of capital and labour, помѣщено въ Cobden-Clubb Essays, II, 1872 г. — *L. Reybaud*, le congres des trade-unionsà Leeds, 1873 г. помѣщено въ Journ. des Economistes, Fvirier, 1874.—*R. Meyer*, der Emancipationskampf des vierten Standes, Brl., 1874 г.

Профессоръ Э. Вреденъ.

Типографія и Литографія Кн. Оболенскаго, уголъ Николаевск. и Стрем. № 3—22.

щимъ оборотъ ради прибыли и барыша, этотъ договоръ не злкаючается двумя равносильными сторонами. Всякое уклоненіе въ этомъ договорѣ, всякое тягостное условіе налагаемое на рабочаго, вредно отзываются на всемъ его существованіи; если же, напротивъ, невыгоды договора ложатся на предпринимателя, то только сокращается его чистый доходъ, или можетъ быть одна рента, но далеко еще не подрывается все его экономическое существованіе. Предприниматель, чтобы избѣжать невыгодныхъ условій договора найма въ данное время, имѣетъ возможность переждать, открыть предпріятіе къ другому сроку; онъ только лишается на время извѣстнаго дохода, его капиталъ временно окажется мертвымъ, но экономическая самостоятельность его не подрывается. Совершенно другое съ рабочимъ: въ случаѣ отсутствія заработка, или не состоявшагося договора о наймѣ, онъ уже обреченъ на лишенія,— ему грозитъ голодъ. Слѣдовательно, такъ называемый свободный договоръ найма между рабочимъ и предпринимателемъ можно сравнить съ условіемъ, заключаемымъ между двумя лицами, изъ которыхъ одно связано по рукамъ и ногамъ, а другое свободно владѣетъ всѣми своими членами.

Кромѣ того, предприниматели, несущіе рискъ и отвѣтственность, въ тоже время являются представителями высшихъ элементовъ труда—предпріимчивости, оборотливости и вообще коньектуральнаго труда; уровень ихъ умственнаго развитія выше большинства рабочихъ. Конечно, какъ мы замѣтили выше, и сочиненіе самой коньектуры, а затѣмъ и предпріимчивость и оборотливость, наравнѣ съ исполненіемъ, можно передать въ руки наемныхъ тружениковъ, но это не болѣе какъ исключеніе; по общему же правилу, или въ массѣ своей, наемные рабочіе являются представителями только исполнительнаго механическаго труда; уровень развитія большинства рабочихъ безспорно гораздо ниже предпринимательскаго. Понятно поэтому, что и пониманіе выгодъ и экономическихъ интересовъ предпринимателями въ такой же степени вѣрнѣе; всегда оно будетъ тождественно со стороны всѣхъ предпринимателей: достаточно, чтобы одинъ предприниматель открылъ новую выгоду въ толкованіи условій найма и все сообщается всѣмъ прочимъ, если новый пріемъ только не составляетъ промышленной тайны, а наемъ рабочихъ безъ сомнѣнія не относится къ такимъ тайнамъ.

Вслѣдствіе такого пониманія своихъ интересовъ, предприниматели, нисколько открыто не сговариваясь, дѣйствуютъ однообразно tacito consensu. Стало быть то, что въ отношеніи рабочихъ называется стачкою, существуютъ безгласно издавна между всѣми предпринимателями. (А. Смитъ, I, 8—lock-out предпринимателей). Соотвѣтсвенный безгласный, безмольный сговоръ между предпринимателями, конечно, по хозяйственнымъ послѣдствіямъ ничѣмъ не отличается отъ стачекъ и забастовочныхъ союзовъ (trade-unions), которые осуждаются и многими законодательствами запрещаются, между тѣмъ какъ въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ на продажу издѣлій существовали таксы и не повсюду уклоняться отъ послѣднихъ не дозволялось. Во всякомъ случаѣ, если бы даже формально предпринимателямъ и запрещался сговоръ, то они нисколько не нуждаются въ открытомъ соглашеніи, для нихъ вполнѣ достаточно одинаковое пониманіе своихъ выгодъ. Рабочіе, между тѣмъ, не могутъ съ такимъ единодушіемъ отстаивать свои слабые интересы передъ предпринимателями, они нуждаются въ подготовленіи и въ искусственной организаціи. Стремясъ къ поддержкѣ такого объединенія, рабочіе нерѣдко прибѣгали къ насилію противъ тѣхъ изъ товарищей, которые добровольно не желаютъ вступить въ союзы, при чемъ иногда совершаются даже преступленія, но этому трудно удивляться, при невысокомъ уровнѣ умственнаго и нравственнаго развитія массъ. Сознавая такой недостатокъ, рабочіе союзы сами заботятся объ обезпеченіи образовательныхъ средствъ и учрежденій для рабочихъ, на ряду съ учрежденіями, служащими для обезпеченія физическаго питанія, здоровья и высокой заработной платы.

Во всякомъ случаѣ, если и не признавать за рабочими права на самостоятельное веденіе борьбы цѣлымъ сословіемъ, то по крайней мѣрѣ нужно согласиться съ необходимостью законодательнаго и общественнаго заступничества въ пользу наймитовъ, какъ слабѣйшей стороны. Должно опредѣлять, какіе случаи личнаго найма вовсе не допускаются и далѣе чего тягость работы и ея продолжительность не могутъ идти; должно также опредѣлять отношенія между основною платою рабочихъ и подспорною платою полурабочихъ, и затѣмъ обезпечить обязательно приготовленіе къ коньектуральному труду. Соотвѣтственныя соображенія нами уже указаны. Фабричная и ремесленная, вообще издѣльная промышленность въ этомъ отношеніи доступна гораздо большей регламентаціи и рабочій

или урочный день здѣсь является болѣе постоянною величиною. Сверхъ того законъ долженъ настаивать на выполненіи предпринимателями всѣхъ тѣхъ пожертвованій, на которыя я указалъ въ анализѣ экономическаго назначенія долевой платы, а также, чтобы способы выдачи заработной платы не уклонялись отъ нормальныхъ задачъ.

Помимо указанныхъ обезпеченій, заступничество законодательства особенно важно относительно установленія продолжительности рабочаго или урочнаго дня (work-time). Вообще, если изнурительная работа прямо служитъ въ подрывъ личному существованію рабочаго класса, то на первый разъ никакія техническія соображенія и смѣтныя разсчеты не должны избавлять общество и управленіе отъ выполненія тѣхъ задачъ и отъ осуществленія тѣхъ мѣръ, которыя по цѣли должны стоять на первомъ планѣ, именно не должно жертвовать личнымъ существованіемъ цѣлаго класса ради единичной экономической прибыльности. Если бы случилось, что мѣры по охраненію физическаго и культурнаго благополучія идутъ въ разрѣзъ съ экономическою спекуляціею, то послѣдняя должна уступить, тѣмъ болѣе, что далеко еще она не совпадаетъ съ истыми интересами хозяйственными всей совокупности народа.

Если бы трудъ самъ по себѣ былъ экономическою величиною, независимо отъ личнаго существованія работника, то конечно можно было бы преслѣдовать одни только техническія выгоды: въ данномъ же случаѣ охраненіе личности важнѣе всякой невыгоды на доходѣ.

Отчасти законодательства приняли это правило довольно рано, такъ въ рудокопствѣ съ XIV в. въ Бельгіи и Богеміи, потомъ и во Франціи и Германіи, а теперь во многихъ мѣстахъ на хозяевъ наложена весьма опредѣленная отвѣтственность передъ рабочими: въ случаѣ увѣчья послѣднихъ и другихъ несчастій, хозяева обязываются содержать увѣчныхъ рабочихъ, выдавать пенсіоны сиротамъ и вдовамъ; точно также законодательства опредѣляли число рабочихъ часовъ въ рудникахъ.

Очевидно, въ наиболѣе опасныхъ занятіяхъ законодательство прежде всего и обратило вниманіе на охраненіе рабочихъ. Слѣдовательно въ принципѣ законъ уже призналъ необходимость ограничивать продолжительность работы *) и опредѣлять извѣстную обстановку рабочихъ.

*) Срв. уже *Postlethwayt*; Dictionary of trade and commerce, 1751 г. доказываетъ экономическую выгоду отъ сокращенія рабочаго времени.—*M. Chevalier*, Cours, I, p. 151.—*C. Marx*, Capital, I, 401.—Американскій идеалъ допус-

Движеніе соціально-демократической партіи только окончательно подвинуло быстрѣе законодательства въ этомъ направленіи.

Между прочимъ, къ удивленію техниковъ оказалось, что при уменьшеніи числа рабочихъ часовъ количество полученнаго труда не только не уменьшалось, а напротивъ, возросло на нѣсколько процентовъ. Въ Мюльгузѣ на фабрикѣ Дольфуса оказалось, что при сокращеніи въ 1866 году рабочаго дня съ 12-ти часовъ на 11, количество полученнаго подѣлка, къ концу перваго же мѣсяца, возросло на 5%. Въ Англіи на одной желѣзной дорогѣ, гдѣ существовали 10-ти часовыя смѣны рабочихъ, оказалось, что при установленіи 8-ми часовой смѣны на исполненіе тѣхъ же обязанностей потребовалось меньше людей, — слѣдовательно, они могли работать при меньшей продолжительности усерднѣе, чѣмъ прежде. На машинной фабрикѣ Россе въ Англіи обнаружилось, что при сокращеніи 58 рабочихъ часовъ въ недѣлю до 54, количество полученнаго труда увеличилось на 12—15%. Такимъ образомъ, хотя первоначально законодательства при сокращеніи рабочаго дня руководились только справедливостью къ рабочимъ, на практикѣ оказалась и экономическая выгода: въ менѣе продолжительное время работаютъ гораздо энергичнѣе, или получается большее количество труда. Конечно, послѣднее положеніе не окажется вѣрнымъ относительно одного дня, но оно несомнѣнно, особенно относительно цѣлой жизни рабочаго. Хозяйственный и культурный ущербъ отъ быстрой смѣны поколѣній, отъ малой средней долговѣчности, усиленной смертности и, хотя бы ей сопутствующей, необычайно значительной рождаемости — съ неопровержимою убѣдительностію цифръ давно уже доказанъ статистикою.

Наиболѣе работы въ теченіи всей своей жизни человѣкъ можетъ произвести тогда, когда приходъ въ пользу организма питательными веществами равняется расходу его мышечной и нервной тканей, если же послѣдній будетъ превышать первый, то силы человѣка истощатся гораздо скорѣе и во вредъ долговѣчности. Такимъ образомъ, еще недавній опытъ опровергъ ту мнимо точную ариѳметическую выкладку, будто чѣмъ продолжительнѣе рабочій день, тѣмъ большее количество работы получается въ результатѣ.

кается только ровное дѣленіе сутокъ на 8 часовъ работы, 8 часовъ отдыха, сна и ѣду, и 8 часовъ досуга и развлеченій.—*Plener*, die englische Fabrikgesetzgebung, Wien, 1871 г. *Held*, die deutsche Arbeiterpresse der Gegenwart, Lpz., 1873 г.

Всѣ законодательныя мѣры, которыя по вышеприведеннымъ отношеніямъ должны имѣть мѣсто, естественно предупреждаютъ всякое насильственное пользованіе своею экономическою самостоятельностью со стороны предпринимателей, но въ то же время должно предупреждать и всякій насильственный протестъ со стороны рабочихъ: и потому, что рабочіе нерѣдко слишкомъ узко понимаютъ свои непосредственныя выгоды и необдуманнными мѣрами въ борьбѣ наносятъ вредъ самимъ себѣ, да и потому, что всякое насильственное разрѣшеніе экономическихъ отношеній между представителями тѣхъ или другихъ интересовъ влечетъ не только потрясенія, которыя вредно отражаются на всей промышленности, но и такія, которыя отражаются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе экономически и чѣмъ менѣе обезпеченъ тотъ или другой слой въ обществѣ; завязавъ войну, всегда наиболѣе страдаетъ слабѣйшая сторона. Такъ забастовки, хотя и клонятся къ ущербу предпринимателей, однако, всматриваясь ближе въ дѣло, нельзя не убѣдиться, что онѣ всетаки болѣе вредны для самихъ рабочихъ.

Вообще прекращеніе или, сокращеніе работъ, зависящія отъ такъ называемыхъ промышленныхъ кризисовъ, отъ сокращенія или полнаго прекращенія сбыта, или отъ недостатка сырья, матеріала,—всѣ подобныя пертурбаціи являются всеобщимъ бѣдствіемъ и для предпринимателей, и для рабочихъ, а часто и для потребителей. Забастовки же неизбѣжно влекутъ за собою тѣже послѣдствія, какъ частичный промышленный кризисъ, и если при кризисахъ измѣненія на рынкѣ отражаются на производителяхъ и вообще на представителяхъ промышленной дѣятельности, то тутъ, напротивъ, застой, прекращеніе въ оборотахъ предпріятій, исходящее отъ рабочихъ, вліяетъ на рынокъ, или на сбытъ. На рынкѣ же происходитъ безпрерывная конкурренція между спросомъ и предложеніемъ разныхъ мѣстъ и странъ, и если разъ для даннаго рынка необходимо извѣстное количество товаровъ, то за невозможностью добыть его на мѣстѣ, вынуждено обращеніе добыть его изъ другихъ мѣстъ; т. е. потребители обращаются къ другимъ производителямъ ради пріобрѣтенія товаровъ. Если же спросъ разъ открылъ себѣ новый рынокъ, то въ большинствѣ случаевъ трудно бываетъ вернуть его на прежній, онъ вездѣ создаетъ устойчивое предложеніе, а не на оборотъ. Вотъ почему временное сокращеніе работъ и предложенія можетъ вызвать въ будущемъ прекращеніе спроса и соотвѣтственныхъ оборотовъ и

работъ. И такъ, благодаря международной и междурыночной конкурренціи, требованія на трудъ могутъ сократиться, а рабочіе послѣ чрезмѣрно-упорной борьбы вынуждены будутъ согласиться на еще худшія условія, чѣмъ прежнія. Во всякомъ случаѣ, насильственная поруха въ той или другой отрасли промышленности вредно отзывается на всемъ народномъ хозяйствѣ, каждый работникъ не только представитель труда, но въ то же время и потребитель со всѣмъ своимъ семействомъ: потрясеніе промышленности отзывается на немъ, либо какъ на представителѣ труда, либо какъ на потребителѣ. Поэтому всякое воинственное разрѣшеніе вопроса объ отношеніяхъ рабочихъ къ работодателямъ и предпринимателямъ гораздо сильнѣе клонится къ вреду общему, или особенно первыхъ.

На рынкѣ вся масса рабочихъ предлагаетъ свой трудъ и, такъ какъ каждый изъ нихъ живетъ только послѣднимъ, то каждый изыскиваетъ ему быстрѣйшее помѣщеніе, или примѣненіе. И такъ, масса рабочихъ представляется количествомъ труда, предлагаемаго въ наемъ, чѣмъ оно значительнѣе, тѣмъ скорѣе каждый рабочій готовъ принять худшія условія, лишь бы пріобрѣсть доступъ къ заработку. Слѣдовательно, количественное предложеніе рабочихъ имѣетъ прямое вліяніе на размѣръ заработной платы. Какъ бы ни была скудна послѣдняя, рабочій принужденъ или согласиться, или терпѣть голодъ: онъ предпочтетъ плату, хотя бы она и не покрывала всѣхъ необходимыхъ для его существованія расходовъ. Излишекъ предлагаемаго труда имѣетъ такое сильное вліяніе на размѣръ заработной платы, что ему не могутъ противостоять самыя обширныя и упорныя забастовки. Съ другой стороны, каждый предприниматель, располагающій опредѣленной величины завязаннымъ капиталомъ нуждается въ соотвѣтствующемъ числѣ рабочихъ, или въ опредѣленномъ количествѣ труда, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе трудъ составляетъ существенный элементъ даннаго производства. Все количество средствъ капитальныхъ для оплаты потребнаго труда составляетъ *спросъ на рабочихъ*. Смотря потому, на сколько въ данной мѣстности велико количество свободнаго капитала вообще и расходнаго по предпріятіямъ въ частности, могущаго быть затраченнымъ на привлеченіе къ производству трудоваго элемента, спросъ на трудъ, въ данномъ случаѣ, будетъ значительнѣе, или ничтожнѣе. Какъ при излишкѣ предложенія труда рабочіе вынуждены соглашаться на невыгодную заработную плату, такъ при превышеніи на-

личности рабочихъ спросомъ на трудъ, предприниматели обязаны удовлетворять и высокимъ требованіемъ рабочихъ. По мѣрѣ вообще развитія производства требованія на трудъ возростаютъ, по мѣрѣ же промышленныхъ кризисовъ, застоя, ненормальныхъ коньектуръ, спекуляцій и раззоренія—они сокращаются, такъ какъ вслѣдствіе отсутствія капитальныхъ средствъ сокращается спросъ; однимъ словомъ, быстрое появленіе предпринимательскихъ капиталовъ, создавая новыя предпріятія, тѣмъ усиливаетъ и спросъ на трудъ.

Но указанный спросъ есть именно только требованіе *на трудъ* не нужны собственно люди, рабочіе, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ выгоднѣе замѣнить механическій трудъ человѣка трудомъ рабочей скотины или работою машины, тамъ послѣднее всегда и дѣлается. Поэтому всѣ наниматели, привлекая въ предпріятія рабочаго, не обращаютъ вниманія на его личныя и семейныя нужды и потребности, для нихъ онъ нуженъ только какъ опредѣленная сила. Вотъ почему даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Англіи, принято же называть рабочихъ просто руками (hands). Сами же рабочіе, напротивъ, вступая въ договоръ съ нанимателями, на первый планъ ставятъ свои личныя требованія, свои личныя нужды и потребности, которымъ приходится удовлетворять посредствомъ труда, какъ источника хозяйственнаго дохода, а значеніе труда въ смыслѣ производственнаго элемента отходитъ для нихъ на второй планъ. Работникъ прежде всего, при предложеніи своего труда, соображается съ условіями борьбы за насущное существованіе. Если бы онъ даже сознавалъ, что работа, принимаемая имъ на себя, такъ изнурительна, что сократитъ его вѣкъ на половину, онъ всетаки согласится на послѣднюю, если нѣтъ другой, менѣе пагубной работы. Предпринимателю же нѣтъ дѣла до того, въ какихъ личныхъ условіяхъ находится рабочій, даетъ ли ему заработная его плата обезпеченіе къ долголѣтнему существованію или нѣтъ, предприниматель заботится только объ одномъ: чтобы нанять рабочаго за цѣну, за какую возможно это безубыточно при данныхъ условіяхъ. Слѣдовательно, интересы рабочихъ и предпринимателей въ вопросѣ о рабочей платѣ діаметрально противоположны другъ другу, причемъ въ этой борьбѣ средства и экономическая самостоятельность далеко не одинаковы.

Рыночная конкурренція, между спросомъ и предложеніемъ труда, имѣетъ направленіе и постановку, которыя невозможно не

считать предосудительными и даже антиэкономическими, потому что они нетолько оправдываютъ изнуреніе, но и подрываютъ хозяйственную самобытность цѣлаго класса лицъ; а если отдѣльнымъ личностямъ и удается наживаться отъ нестѣсняемаго простора рыночнаго движенія заработковъ, то соразмѣрно страдаетъ народная промышленность въ самой прочной своей основѣ. Поэтому, нельзя не признать, что извѣстное общественное и государственное вмѣшательство, для удовлетворительной обстановки конкурренціи въ области наемной работы, при установленіи возмѣздія и платъ рабочимъ крайне необходимо. Тѣмъ не менѣе, послѣднее не можетъ доходить до шаблонной организаціи труда; ничуть, далѣе, разомъ невыгодныя стороны конкурренціи не устраняются упорными забастовками, но прежде всего необходимо признать полную свободу рабочихъ вести борьбу съ предпринимателями, нельзя отрицать нормальность коалиціоннаго соединенія; затѣмъ уже необходимо, по возможности, вывести рабочую плату изъ подъ вліянія одной только рыночной конкурренціи во всѣхъ случаяхъ, когда соединеніе въ личности рабочаго предпринимательскаго характера, можетъ его избавить отъ гнета найма.

Общественное содѣйствіе вполнѣ оправдывается при водвореніи артельнаго строя вмѣсто, такъ называемаго, капитальнаго или плутократическаго. Экономическому идеалу наиболѣе соотвѣтствуетъ такой порядокъ, когда рабочіе сами устанавливаютъ плату на трудъ въ прямой соразмѣрности съ доходомъ отъ оборотовъ и затратъ. Нѣтъ сомнѣнія, что національныя мастерскія, предложенныя Луи-Бланомъ въ 1848 г. и проекты соціальныхъ демократовъ Германіи, особенно Лассаля, совершенно неосуществимы, потому что они водворяютъ въ производствѣ казарменный, неподвижный порядокъ; а вспомоществованія изъ предполагавшагося народнаго банка недѣйствительны. Но столь же безспорно, что всякая возвратная ссуда на общедоступныхъ условіяхъ, хотя бы и вовсе не льготныхъ, нисколько не противорѣчитъ нормальному хозяйственному порядку, что каждую поддержку нельзя считать искусственнымъ направленіемъ всего народнаго хозяйства, а такъ какъ безсиліе и несамостоятельность цѣлаго класса подрываютъ благосостояніе и экономическій прогрессъ всей страны, то для предупрежденія подобныхъ послѣдствій общество и законъ призваны оказывать содѣйствіе и въ пользу равнодольныхъ пожертвованій

на хозяйственную обстановку представителей труда, или къ открытію артелей, т. е. ради сближенія или слитія предпринимательскихъ выгодъ съ рабочею платою.

Относительно вспомоществованія и обезпеченія хозяйственной обстановки рабочихъ со стороны предпринимателей и хозяевъ, равно какъ и путемъ пожертвованій со стороны самихъ рабочихъ, существуютъ пока только весьма отрывочныя данныя. Даже большая часть изъ существующихъ въ Бельгіи, Англіи, Франціи и Германіи учрежденій подобнаго рода, т. е. не самостоятельныхъ ассоціацій, а артелей слитыхъ съ извѣстнымъ промышленнымъ заведеніемъ и замѣняющихъ, наиболѣе удовлетворительнымъ образомъ по нашему убѣжденію, долевую рабочую плату и всякіе способы опаснаго и необезпеченнаго участія работниковъ въ измѣнчивыхъ прибыляхъ предпріятія— довольствуется рукописными отчетами, доставляемыми своимъ участникамъ.

Первый шагъ къ собиранію болѣе общихъ свѣдѣній, касающихся всякаго рода учрежденій для вспомоществованія и страхованія рабочихъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности, сдѣлало въ 1868 г. австрійское министерство торговли. Еще раньше статистическая центральная коммиссія пыталась два раза осуществить подобное изслѣдованіе (enquête), именно въ 1847 и 1851 гг., но неудачно, потому что предприниматели скрывали даже полное число своихъ рабочихъ, а на остальные вопросы отвѣчали почти двусмысленно.

Въ земляхъ Австрійской Короны, участвующихъ своими представителями въ общемъ сеймѣ (Reichsrath), считается всѣхъ рабочихъ.

въ горныхъ промыслахъ.	78,000 чел.
» промышленныхъ заведеніяхъ . . .	340,000 »
Итого	413,000 »
показанія получены всего относительно .	215,000 »

т. е. за 51,4% рабочихъ.

Предупрежденіе болѣзненности и изнурительности занятій обезпечено, помимо общихъ, во всѣхъ государствахъ съ большею или меньшею полнотою встрѣчающихся, мѣръ полицейскихъ по народному здравію, еще особыми распоряженіями, сдѣланными обязательными или со стороны предпринимателей для рабочихъ. Такъ существуетъ министерское предписаніе 1846 г., по которому рабочіе на спичечныхъ фабрикахъ обязаны передъ входомъ въ мастерскія перемѣнить одежду на другую, которая исключительно ими употребляется во время производства спичекъ; вмѣняется въ обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы работники тщательно умывались прекращая работу и особенно предъ принятіемъ пищи. Аналогическія мѣры соблюдаются въ стекляномъ и зеркальномъ производствѣ издавна въ Богеміи. Въ иномъ производствѣ предприниматели переводятъ рабочихъ съ зловреднаго занятія помѣсячно на безопасный и легкій трудъ для отдыха.

Потребности помѣщенія для рабочихъ удовлетворяется въ разныхъ видахъ на общее число въ . . . . . 113,500 чел.

изъ нихъ на горныхъ промыслахъ	54,800 чел.
въ промышленныхъ заведеніяхъ.	58,700 »

Въ томъ числѣ предприниматели помѣщаютъ и лечатъ у себя на дому рабочихъ въ 31 горныхъ заводахъ, съ 1,050 работниками, и въ 14 промышленныхъ заведеніяхъ, съ 298 работниками. Безплатное отдѣльное помѣщеніе дается въ 490 заведеніяхъ, на 62,970 работниковъ семейныхъ и холостыхъ, а въ 111 заведеніяхъ, на 33,229 работниковъ, квартиры предоставляются по уменьшенной цѣнѣ; и та и другая льгота

находятся въ употребленіи, смотря по уговору, въ 22 заведеніяхъ, съ 9,095 работниками. Въ остальныхъ 17 заведеніяхъ, съ 4,070 работниками, частію нанимаются помѣщенія за счетъ предпринимателей, частію же выдаются квартирныя деньги. Ночлежныя помѣщенія для холостыхъ встрѣчаются крайне рѣдко, а въ 28 заведеніяхъ, съ 2,609 рабочими, только техники-работники получаютъ помѣщенія даровыя. Почти вовсе еще не распространилась въ Австріи знаменитая Мюльгаузенская система Дольфюся (cités ouvrières) такъ называемыхъ рабочихъ городковъ, или англійскихъ домовъ съ дешевыми помѣщеніями; только въ Силезіи, въ 1868 году, было сооружено 10 домиковъ и состоитъ въ постройкѣ еще новыхъ 10 такихъ же, на свеклосахарномъ заводѣ съ 200 рабочихъ. Эти домики по общепринятому, извѣстному пріему пріобрѣтаются рабочими въ собственность за постепенное погашеніе стоимости, ежегодными взносами въ теченіи 10 или 15 лѣтъ, при чемъ силезскій заводъ своимъ работникамъ уступаетъ ихъ по цѣнѣ постройки, даже безъ всякаго начета процентовъ на этотъ затраченный капиталъ. Этотъ оборотъ всего удобнѣе было бы, конечно, связать съ предлагаемою нами ниже ссудно-сберегательною кассою, по системѣ англійскихъ friendly или loan and building societies. Вообще предприниматели заботятся только о помѣщеніи 27% общаго числа рабочихъ на горныхъ заводахъ и фабрикахъ.

О дешевомъ прокормленіи рабочихъ заботятся: на стеклянныхъ и частію на горныхъ заводахъ—въ 279 предпріятіяхъ съ 32,956 рабочими; при чемъ нерѣдко употребляется уступка небольшаго земельнаго надѣла, безплатно или за ничтожную кортому. Особенно въ Богемскомъ лѣсу это обыкновеніе исконное. Землевладѣлецъ—предприниматель имѣетъ при этомъ ту выгоду, что посадивъ рабочую семью на лѣсную кулигу, онъ получаетъ впослѣдствіи очищенное подъ посѣвъ мѣсто, почему, при господствѣ въ этихъ случаяхъ огневаго хозяйства, онъ заботится о частомъ перемѣщеніи своихъ рабочихъ. Вообще доставленіе дешевыхъ припасовъ наиболѣе распространено въ горнозаводствѣ, именно на 47% всѣхъ рабочихъ этого промысла, а между тѣмъ въ издѣльной промышленности такимъ пособіемъ пользуется всего 20% общаго числа рабочихъ въ фабричныхъ заведеніяхъ. Даровую пищу доставляютъ 43 заведенія (изъ 45 съ даровымъ помѣщеніемъ) съ 1,256 рабочими. Кормовыя деньги раздаются только въ 3 заведеніяхъ, всего съ 163 работниками, столь же рѣдко раздаются даромъ: крупа, рисъ или картофель. Всѣ эти проявленія чистой благотворительности чрезвычайно слабы, какъ и слѣдуетъ ожидать.

Болѣе хозяйственное основаніе имѣетъ обычай такъ-называемыхъ *постоянныхъ цѣнъ* на припасы (Limitpreise). Онъ существуетъ въ 33 заведеніяхъ, съ 9,011 работниками,—закупаютъ оптомъ предметы продовольствія, а уступаютъ ихъ рабочимъ не только дешевле, но по твердо-неизмѣннымъ, разъ установленнымъ цѣнамъ, такъ что, по сравненію съ колебаніями рыночныхъ цѣнъ рабочіе нерѣдко пользуются удешевленіемъ припасовъ на 50%. Къ этому пріему подходитъ другой, употребляемый въ 37 заведеніяхъ съ 8,912 рабочими, по которому тѣ же предметы уступаются по оптовымъ цѣнамъ, хотя и измѣнчивымъ, но безъ надбавки издержекъ перевозки; тутъ рабочіе сберегаютъ нерѣдко 15—20% противъ рыночной цѣны.

Другой, даже прямо подозрительный, характеръ имѣетъ общеизвѣстный способъ отпуска товаровъ рабочимъ въ долгъ, по такъ-называемой дѣйствительной стоимости, который служа собственно для кабальнаго закрѣпленія рабочихъ предпринимателемъ, однако все еще существуетъ на 60 горныхъ заводахъ, съ 21,730 рабочими. Четыре заведенія, съ 1,031 рабочими, надбав-

ляютъ къ дѣйствительной стоимости еще начетъ въ 5 и 10%, подъ предлогомъ содержанія складовъ и лавокъ. Эти учрежденія, конечно, имѣютъ скорѣе результатомъ своимъ раззореніе чѣмъ вспомоществованіе: это увѣковѣченіе задолженной нищеты, ради обезпеченной зависимости работника отъ предпринимателя.

Иное уже представляютъ поварскія заведенія (refectoires) для доставленія готовыхъ блюдъ, имъ слѣдуетъ придавать на желѣзныхъ дорогахъ особую важность, что подтверждается и опытомъ во Франціи, но въ Австріи они, существуя всего въ 3 заведеніяхъ съ 2,896 рабочими, какъ-то оказались не по нраву послѣднимъ.

Пекарни, которыя доставляютъ хлѣбъ на ½ и 1 копѣйку съ фунта дешевле, существуютъ въ четырехъ заведеніяхъ, съ 2,455 рабочими; на тѣхъ же основаніяхъ доставляется готовая похлѣбка на 3 фабрикахъ, съ 1,471 рабочимъ. Даровыя общія кухни и топливо доставляютъ 5 заведеній, съ 1,616 рабочими, а въ 4, съ 935 рабочими, содержатся на счетъ предпринимателей особые права, готовящіе кушанья по заказу рабочихъ. Подъ харчевни уступаются даровыя помѣщенія, за что прикащики обязываются неизмѣнною таксою по кушаньямъ и подлежатъ надзору предпринимателей, на 28 горныхъ заводахъ и фабрикахъ, съ 4,680 рабочими.

Не менѣе развито въ австрійской промышленности и удешевленіе съѣстныхъ припасовъ на основаніи самопомощи и въ видѣ общеизвѣстныхъ ассоціацій потребителей. Изъ 45 обществъ потребленія—въ томъ числѣ 7 на горныхъ заводахъ, а 39 на фабрикахъ—40 возникли и поддерживаютъ свои обороты безъ всякихъ пожертвованій со стороны хозяевъ (именно 6 на горныхъ заводахъ и 34 при фабрикахъ). Оптовая закупка припасовъ и товаровъ производится въ немногихъ случаяхъ помощію ссуды со стороны предпринимателей, которые, впрочемъ, большею частію предоставляютъ даровое помѣщеніе для складовъ. Особенно важенъ способъ пріобрѣтенія наличныхъ денегъ для оптовыхъ закупокъ. Большинство обществъ потребленія при промышленныхъ предпріятіяхъ въ Австріи получаютъ денежныя ссуды изъ страховой кассы той же артели и выплачиваютъ по нимъ, въ пользу послѣдней, по 5%; такая взаимная поддержка отдѣльныхъ учрежденій той же артели рабочихъ, не только тѣснѣе сближаетъ послѣднихъ, но, избавляя рабочихъ отъ особыхъ пожертвованій по оптовымъ закупкамъ, даетъ полную возможность придавать послѣднимъ соотвѣтственно широкіе размѣры, да притомъ открываетъ запасному капиталу пенсіонной кассы, или, по крайней мѣрѣ, извѣстной доли его, безопасное и вполнѣ прибыльное помѣщеніе. При этомъ нѣтъ непроизводительныхъ расходовъ за комиссію: ни по пріобрѣтенію ссудъ для общества потребленія ни по помѣщенію и затратѣ наличныхъ средствъ страховой кассы. Такое сбереженіе, и на томъ и другомъ, идетъ прямо въ пользу работниковъ, а потому самый размѣръ процента, по ссудѣ изъ артельной кассы, важенъ только ради правильной отчетности.

Прямо страховаго-артельнаго дѣла касаются тѣ способы вспомоществованія отъ предпринимателей и взаимнаго, которые прилагаются къ случаямъ заболѣванія, увѣченія, смерти—въ пользу рабочихъ и ихъ семействъ. Въ Австріи разнообразныхъ учрежденій съ такою цѣлію существуетъ, въ настоящее время, 378 при горныхъ заводахъ, на 77,200 рабочихъ, и 709 въ издѣльной промышленности, съ 129,300 участниками, т. е. обезпечено 78% всѣхъ горно-

заводскихъ работниковъ и 94% фабричныхъ, въ общемъ выводѣ однако только 38% всего рабочаго сословія, т. е. всѣхъ отраслей промышленности.

Организація этихъ страховыхъ артелей и кассъ, равно какъ и размѣры и виды пособій чрезвычайно разнообразны. На горныхъ заводахъ уцѣлѣли еще средневѣковыя кнапшафты, съ обязательными для предпринимателей пожертвованіями. Такъ на 56 промыслахъ, съ 10,000 слишкомъ работниками, на обязанности послѣднихъ лежатъ леченіе и лекарства, а кассы выдаютъ пособія отъ $^1/_3$ до $^1/_2$ поденной платы на все время болѣзни. Въ томъ числѣ 8 кассъ вспомоществуетъ всю рабочую семью три, на 260 работниковъ, выдаютъ только похоронныя деньги. То же существуетъ въ 171 промышленномъ заведеніи, съ 18,060 работниками; при чемъ въ пяти изъ нихъ (на 211 рабочихъ) пособія, въ пользу всѣхъ семейныхъ, выдаются на половину предпринимателемъ, а на половину изъ кассы, т. е. существуетъ полное приложеніе, требуемаго нами равнодольнаго участія предпринимателей.

Въ Австріи учрежденіе при горныхъ заводахъ «братскихъ ларей» (Bruderladen), а въ издѣльной промышленности «фабричныхъ кассъ» сдѣлано обязательнымъ въ цислейтанскихъ земляхъ горнымъ уставомъ 1854 года и промышленнымъ уставомъ 1859, но по статистическимъ свѣдѣніямъ императорской королевской центральной коммиссіи, нѣкоторые хозяева и теперь еще не приступили къ осуществленію этихъ страховыхъ кассъ. До этихъ законоположеній въ Австріи, по замѣчанію Ф. Шмитта (Vereine in Oesterreich. Vortrag. Arg. 1869, стр. 79), единственнымъ законодательнымъ опредѣленіемъ ассоціаціонной дѣятельности съ самаго прошлаго столѣтія, со временъ императора Іосифа II, являлось запрещеніе всякихъ тайныхъ обществъ. Наконецъ всѣ относящіеся до юридической стороны этого дѣла вопросы были разрѣшены закономъ объ асоціаціяхъ (Vereinsgesetz), отъ 15 ноября 1867 г., подъ который однако не подходятъ ни религіозныя братства, ни акціонерныя компаніи.

Вотъ почему полныя свѣдѣнія объ артельныхъ оборотахъ существуютъ поко только за 1867 годъ. Всѣхъ благотворительныхъ и хозяйственныхъ ассоціацій было въ этомъ году, въ цислейтанской Австріи, 4,175, число ихъ увеличилось съ 1856 по 1867 г. на 2,500. Изъ нихъ самостоятельныхъ обществъ потребленія было 55, съ 10,800 участниками, и наибольшее число ихъ приходится на Моравію, Чехію и Австрію по Э. Древнѣйшее же изъ нихъ возникло въ 1857 г., затѣмъ устроено два въ 1861 г., остальныя всѣ открыты только съ 1865 года. Всѣхъ же ассоціацій на случай болѣзней, пенсій и похоронъ (Kranken-, Unterstützungs-und Leichen-Vereine) было, по сю сторону Лейты, 925 съ 535,000 участниками, изъ нихъ $^1/_3$ въ Богеміи и $^1/_3$ въ собственной Австріи, а на послѣднюю приходится $^2/_3$ всѣхъ участниковъ.

Въ одномъ промыслѣ страхованіе денежныхъ выдачъ централизовано по закону 1863 г., именно для наборщиковъ, типографщиковъ и словолитейщиковъ. Рабочіе эти повсюду вносятъ по 15 крейцеровъ въ недѣлю, а хозяева добавляютъ къ каждому взносу по 5 крейцеровъ, т. е. участвуютъ на $^1/_2$ во всѣхъ доходахъ кассы. Затѣмъ $^3/_4$ всѣхъ средствъ общей кассы идутъ на пособія по болѣзнямъ, а $^1/_4$ на пенсіи для инвалидныхъ рабочихъ. Черезъ 6 недѣль, по вступленіи въ эту артель уже пріобрѣтается право на пособіе въ 5 гульденовъ еженедѣльно при болѣзни въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ, и въ $2^1/_2$ гульдена еженедѣльно на дальнѣйшіе 6 мѣсяцевъ. Сверхъ того выдается по 25 гульденовъ похоронныхъ денегъ.

Вдовьихъ и сиротскихъ казенъ существуетъ 106, съ 15,000 вкладчиками. Всѣ они возникли давно, нѣкоторыя еще въ прошломъ столѣтіи, и обладаютъ значительными капиталами. Къ послѣднимъ же относятся вдовьи и сиротскія общества

(Wittwen-und Waisen-Societäten) при Вѣнскомъ и Пражскомъ университетахъ. Въ Вѣнѣ такое общество, на юридическомъ факультетѣ, располагаетъ запаснымъ капиталомъ почти въ 1 милліонъ гульденовъ, который ежегодно пополняется еще сборами и взносами; вдовы членовъ факультета получаютъ пенсіи изъ однихъ процентовъ этого капитала и изъ текущихъ доходовъ.

Сберегательныхъ кассъ при предпріятіяхъ было въ 1867 г. всего 131, съ 676,396 книжками на 157 милл. гульденовъ. Изъ нихъ богемскія и вѣнскія въ послѣднее время стали заниматься даже учетомъ векселей и ссудами подъ бумаги (на 21 милл. гульд.). Нѣкоторыя, между прочимъ, содѣйствуютъ покупкѣ недвижимостей и домовъ. Другой разрядъ, даже болѣе многочисленный, составляютъ сберегательныя или вообще складочныя кассы, которыя покупаютъ за счетъ своихъ вкладчиковъ билеты выигрышныхъ займовъ, или разныхъ лотерей и лото; ихъ особенно много въ Богеміи, т. е. 213 изъ общаго числа въ 335. Ссудныхъ артелей по системѣ Шульце-Делича было 333 съ 100,000 участниковъ, изъ нихъ 220, съ 76,000 участниковъ въ одной Богеміи.

Въ горнозаводскихъ кассахъ большею частію требуются постоянные процентные взносы отъ предпринимателей, въ промышленныхъ же послѣдніе обязываются преимущественно пополнять всякій недочетъ, иногда впрочемъ предоставляется кассѣ $^1/_{10}$% съ валоваго дохода предпріятія. Въ свеклосахарномъ производствѣ господствуетъ обычай, что предприниматель доставляетъ безмездно врачебное пособіе и лекарства. Главный же доходъ артельныхъ кассъ, во всѣхъ случаяхъ, составляютъ вычеты изъ рабочей платы, которые преимущественно взимаются по процентному разчисленію, при чемъ различаются холостые отъ семейныхъ. Первые на 6 фабрикахъ вносятъ отъ 1 до 3%, вторые отъ 2 до 5% своего жалованья. Другія кассы основательно различаютъ возрасты и родъ занятій, взимая еженедѣльно отъ $^1/_2$ до 5%. Вообще процентные вычеты представляютъ по отдѣльнымъ артелямъ весьма значительныя разницы, въ предѣлахъ отъ 1% до 7.

Именно при	77	пром.	завед.	взим.	по 1%	съ	15,400 руб.
»	123	»	»	»	» 2	»	26,400 »
»	26	»	»	»	» 3	»	5,200 »
»	11	»	»	»	» 4	»	711 »
»	3	»	»	»	» 5	»	1,948 »
»	1	»	»	»	» 6	»	590 »
»	1	»	»	»	» 7	»	110 »
затѣмъ на	33	горн.	завод.	»	» 2	»	4,500 »
» »	82	»	»	»	» 3	»	10.000 »
» »	87	»	»	»	» 4	»	24,000 »
» »	39	»	»	»	» 5	»	12,000 »

Впрочемъ высокіе вычеты преимущественно существуютъ въ зловредныхъ и изнурительныхъ занятіяхъ, такъ напримѣръ 7% на химическомъ заводѣ. Есть еще своеобразное измѣненіе способовъ пополненія страховой кассы на одной фабрикѣ: работники никакимъ денежнымъ вычетамъ не подвергаются, но каждый участникъ обязанъ работать по субботамъ въ пользу кассы лишній урочный часъ, за что предприниматель вноситъ соотвѣтственную плату въ кассу, прибавляя съ своей стороны равнодольную денежную сумму; эта касса не только дѣйствовала съ успѣхомъ, но располагала даже значительнымъ капиталомъ.

На время болѣзни, большею частью, выдается ежедневно 25% оклада, а вдовѣ въ пенсію $^1/_8$, сироты получаютъ ничтожное пособіе, по 15 копѣекъ каждая въ мѣсяцъ. Немногочисленность участниковъ во всѣхъ случаяхъ являлась основною при-

чиною неуспѣха страховыхъ оборотовъ подобныхъ кассъ и артелей. Слитіе при какихъ нибудь сотняхъ, а тѣмъ болѣе десяткахъ участниковъ—единственный исходъ. Но напрасно, и въ Пруссіи, и въ Австріи считаютъ необходимымъ водворить полную правительственную централизацію пенсіонныхъ кассъ и всякихъ выдачъ пособій рабочему классу, по примѣру Франціи. Тутъ, во первыхъ, взносъ обращается въ постоянную величину, вмѣсто того чтобы сообразоваться съ доходомъ, что уже имѣетъ вліяніе на пониженіе размѣра выдачъ и пособій. Затѣмъ, почти невозможно провести общее удовлетворительное дѣленіе занятій, особенно въ одномъ и томъ же промыслѣ или заведеніи, по изнурительности или опасности на категоріи, и чѣмъ многочисленнѣе и дробнѣе будутъ послѣднія, тѣмъ болѣе затруднится отнесеніе и подведеніе подъ условія данной категоріи отдѣльныхъ личностей, каждаго рабочаго порознь—откуда получится просторъ для произвола, тутъ послѣдній до извѣстной степени неизбѣженъ.

Близкое знакомство съ дѣломъ и товарищескія отношенія въ артеляхъ, при однородныхъ предпріятіяхъ, устраняютъ всяную возможность подобныхъ затрудненій; тутъ нѣтъ мѣста произволу, а размѣры взносовъ и размѣры выдачъ разнообразятся легко и удовлетворительно, такъ какъ основная обстановка всѣхъ артельщиковъ, въ той же отрасли промышленности, совершенно однообразна.

Поэтому при централизаціи артелей страховыхъ, можетъ быть только рѣчь относительно одной и той же отрасли промышленности, въ предпріятіяхъ однородныхъ; такъ какъ и смертность и болѣзненность тогда одинаковы и слѣдовательно прямо поддаются однообразному и справедливому подраздѣленію.

Наконецъ неосновательная централизація артелей создастъ неминуемо, для правильнаго учета равнодольныхъ взносовъ со стороны капиталистовъ предпринимателей, непреодолимыя препятствія, и всякое жизненное отношеніе ихъ къ рабочимъ тѣмъ совершенно нарушится.

Осуществленіе получила противоположная мысль во Франціи въ официальныхъ Caisse des Retraites, Caisse d'accidents dans les travaux industrielles et agricoles, Sècutité générale.

Съ наибольшимъ успѣхомъ подобная централизація, ради обезпеченія состоятельности кассъ, можетъ быть замѣнена строго гласною отчетностію, по примѣру Англіи, гдѣ надзоръ за послѣдними ввѣренъ особенному Registrar of friendly societies and saving banks *).

Изъ западно-европейскихъ желѣзно-дорожныхъ компаній именно Бельгійскія, а во Франціи Южная и Орлеанская старались вообще обезпечить хозяйственность своихъ служащихъ всѣми тѣми мѣрами, которыя, въ видѣ какъ бы долеваго вознагражденія за ихъ службу и труды, могутъ служить для охраненія и развитія хозяйства для облегченія воспитанія дѣтей и излеченія членовъ семействъ отъ болѣзней. (См. приложеніе 1 къ страх. артелямъ). Особенно полную систему заботливости о своихъ служащихъ осуществила компанія южная. Долевое участіе въ рабочихъ страховыхъ кассахъ уже было принято въ Бельгіи, гдѣ возникала caisse des retraites еще въ 1838 г. Затѣмъ въ 1844 г. компанія du chemin de fer d'Orléans также устроила долевые взносы съ своей стороны для усиленія средствъ страховой артели. Далѣе эта же компанія, въ 1855 г., устроила 4 магазина, а въ 1865 году пятый, для доставленія съѣстныхъ припасовъ своимъ

*) Срв. First Report of the commissioners appointed to inquire into friendly and benefit building societies, London, 1871 г., Second report, II parts, 1872 г.—*V. John*, zur Vereins—Statistik Böhmens, въ Mittheiungen d. V. d. G. d. D. in Böhmen, 1869 г., VII Jhrg., H. 7/8.

служащимъ по оптовымъ цѣнамъ; среднее сбереженіе оказывается отъ 15 до 20%. Для другихъ же товаровъ оно еще значительнѣе: на дрова—45%, на уголья—64%, на сельди—100%, на ветчину—127%, на картофель—56%, на солонину—66%, на соль—115%, на уксусъ—62%, на вино—33%. Въ среднемъ выводѣ сбереженіе на всѣ предметы потребленія было въ 38%. (См. Enquête agricole de 1866, стр. 132. Показанія администратора этой дороги M. Cochin). Въ 1857 г. въ Парижѣ ею же было открыто обѣденное помѣщеніе (réfectoire), которое теперь посѣщается, по три блюда съ хлѣбомъ и виномъ стоютъ 47 сантимовъ. Съ 1856 г. и одежда продается изъ компанейскаго магазина, а также бѣлье. Всѣ это шьется преимущественно въ семьяхъ служащихъ и обходится на 30% дешевле рыночныхъ цѣнъ.

Еще болѣе полная система обезпеченія хозяйственности всѣхъ служащихъ развита въ компаніи южной во Франціи. Она не только, подобно всѣмъ другимъ, содержитъ страховыя кассы (caisse de retraites и casse de prévoyance) сама, но облегчаетъ и добавочныя страхованія на промышленныхъ основаніяхъ, т. е. въ спеціальныхъ обществахъ; содержитъ затѣмъ еще складъ для покупки дешевой одежды, склады съѣстныхъ припасовъ, общіе рефектуары и обѣденные столы на всѣхъ тѣхъ станціяхъ, гдѣ очень дорого пріобрѣтать для желѣзно-дорожно-служащихъ явства, особенно для холостыхъ, или гдѣ они дурнаго качества, или гдѣ остается мало свободнаго времени для служащихъ. Наконецъ устроены ею же школы. Сверхъ того, компанія выдаетъ еще и всякаго другаго рода пособія; посылаетъ фильтры въ мѣстности, гдѣ около станцій дурная вода, посылаетъ служащихъ изъ мѣстностей, гдѣ вслѣдствіе особыхъ условій климата развивается чахотка или вообще болѣзненность, черезъ извѣстные сроки въ морскія купальни и на лечебныя воды. Однимъ словомъ, попеченіе со стороны компаніи чрезвычайно заботливое, чрезвычайно разнообразное и дѣйствительное-вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что расходъ компаніи на эти пособія весьма незначи; теленъ.

Полная, нормальная взаимность послѣдняго рода приводитъ наемный рабочій трудъ, который главнымъ образомъ поддерживаетъ цѣлость предпріятія и его капитала, въ такое тѣсное отношеніе къ послѣднему, что обороты предпринимателя съ этой стороны обезпечены лучше, чѣмъ неудобоосуществимымъ контролемъ—а потому прямая выгода предпріятія должна привести въ всеобъемлющей взаимности по страхованію наемныхъ рабочихъ, къ обезпеченію не только тѣхъ или другихъ частныхъ видовъ выдачъ и вспомоществованій, но всей ихъ хозяйственности въ общемъ ея составѣ. Съ другой стороны однако, какъ само собою разумѣется, подобная взаимность должна неминуемо остановиться на равнодольномъ участіи во всѣхъ страховыхъ дѣйствіяхъ самихъ наемныхъ рабочихъ, и никогда не можетъ, не теряя на дѣлѣ своего нормальнаго экономическаго характера, обратиться въ безграничное, а потому практически всегда произвольное, облагодѣтельствованіе.

Вотъ почему я, въ предложенномъ въ 1870 г. примѣрномъ уставѣ страховой артели, удерживалъ по возможности осуществленіе всѣхъ тѣхъ учрежденій и цѣлей, которыя частью осуществлены при компаніи du chemin de fer du Midi. Я полагалъ, что содѣйствіе и поддержка, долевое вознагражденіе со стороны предпринимателей должно въ общемъ положеніи имѣть слѣдующія цѣли:

I. Выгодами привязать наемныхъ работниковъ къ самому предпріятію и тѣмъ обезпечить послѣднему неуклонное, долголѣтнее служеніе добросовѣстныхъ и опытныхъ исполнителей.

Если предпріятіе затрудняется уже при открытіи оборотовъ пріисканіемъ способныхъ свѣдущихъ и годящихся къ дѣлу людей, то, сыскавъ ихъ оно, конечно, должно дорожить ихъ опытностью и долголѣтней службою. Тѣмъ продолжительнѣе будетъ та-

кая служба, тѣмъ рѣже явится охота къ перемѣнѣ занятій, чѣмъ болѣе будетъ обезпеченъ труженикъ и чѣмъ значительнѣе и обширнѣе будетъ такое обезпеченіе, т. е. если не только принять во вниманіе самъ трудящій лично, но и вся его семья, все его хозяйство въ цѣломъ составѣ. Однако тутъ не можетъ быть мысли о какой нибудь благотворительности; а напротивъ, къ подобнымъ пожертвованіямъ долженъ привести компанію собственный интересъ. Добросовѣстное исполненіе всѣхъ видовъ труда и работъ, какъ по предпріимчивости и оборотливости, такъ и по исполненію, обезпечитъ за предпріятіемъ такое огромное сбереженіе на издержкахъ, и по труду и по капиталу, что чистый доходъ всегда будетъ находиться въ прямомъ отношеніи къ способу исполненія и къ рвенію служащихъ и рабочихъ.

II. Привести въ соотвѣтствіе и соотношеніе между собою доходность предпріятія и вознагражденіе за усердное, прямое служеніе этому предпріятію.

Работникъ,—сберегающій главнымъ образомъ значительную долю издержекъ, сокращая капитальный ремонтъ однимъ уже разумнымъ и совѣстливымъ обращеніемъ съ капиталами, орудіями, машинами и сооруженіями, усиливающій тѣмъ очевидно чистый доходъ,—имѣетъ даже право на долю чистаго дохода, ради обезпеченія своей хозяйственности, ради сохраненія себя и своихъ отъ пагубныхъ и несчастныхъ послѣдствій, изнурительности и опасности самаго занятія.

III. Слѣдуетъ при всѣхъ промышленныхъ предпріятіяхъ вообще, а особенно на желѣзныхъ дорогахъ и въ сходныхъ съ ними по опасности занятіяхъ, организовать долевыя приплаты къ обыкновенному вознагражденію за трудъ—единственно на основаніи полнаго избавленія служащихъ и рабочихъ отъ промышленныхъ коньектуръ и риска.

Помѣщать сбереженія и приплату долевую въ самый оборотъ предпріятія значитъ подвергать ихъ риску, измѣнчивости и случайностямъ; хотя конечно этотъ рискъ будетъ меньше, чѣмъ когда заработная плата всецѣло долевая и зависитъ отъ оборотовъ и доходовъ предпріятія. Однако и для приплаты долевой рискъ еще достаточно силенъ, чтобы не считать послѣднюю затрату совершенно обезпеченною для работника.

IV. При страхованіи служащихъ лицъ и рабочихъ отъ пагубныхъ хозяйственныхъ послѣдствій по случаю опасности, зловредности и изнурительности даннаго занятія для здоровья, сами служащіе будутъ болѣе стараться объ предотвращеніи и прекращеніи опасностей, чѣмъ если бы подобнаго страхованія не существовало и каждый долженъ былъ бы заботиться только о самомъ себѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что кондукторъ или машинистъ нерѣдко могутъ спасти цѣлый поѣздъ, если рѣшатся съ нѣкоторымъ самопожертвованіемъ предупредить, извѣстить, остановить поѣздъ, отцѣпить вагонъ и т. д. Однимъ словомъ, если извѣстное лицо, служащее на поѣздѣ, обезпечено тѣмъ, что въ случаѣ его погибели семья его не останется безъ помощи, что напр. доходъ—пенсія, пособіе—по извѣстной нормѣ, по извѣстному страховому разсчету, будутъ выданы во всякомъ случаѣ его семейнымъ, то онъ будетъ дѣйствовать гораздо рѣшительнѣе при предупрежденіи, при предотвращеніи и пресѣченіи или уничтоженіи опасности, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда вся семья и всѣ ея хозяйственныя источники держатся на немъ одномъ, обезпечены токько личнымъ его существованіемъ. Въ послѣднемъ случаѣ оно будетъ спасать свою личность не только изъ щедушія, по инстинкту самосохраненія, но по прямому экономическому разсчету, по прямой хозяйственной необходимости: такъ какъ семья безъ этой личности ничѣмъ не обезпечена, она единственная ея основа. Такимъ образомъ обширность и размѣры дурныхъ послѣдствія отъ несчастій въ значительной степени, по моему удѣженію, будутъ ограничены и уменьшены, если

28

Профессоръ Э. Вреденъ.

Типографія и Литографія Кн. Оболенскаго, уголъ Николаевск. и Стрем. № 3—22.

страхованіе, при содѣйствіи предпринимателей, будетъ достаточно дѣйствительно, достаточно широко, всесторонне и достаточно надежно.

V. Создать прочное обезпеченіе для всей семейной обстановки служащаго и рабочаго, и именно такимъ образомъ, что

а) предпріятія и предприниматели вообще обязаны содѣйствовать въ пріобрѣтеніи заработковъ всѣмъ членамъ семьи служащаго, къ открытію имъ поприща для приложенія труда.

Въ французскихъ компаніяхъ южной и орлеанской желѣзныхъ дорогъ, малолѣтніе, женщины и калѣки, вообще тѣ лица, которыя не способны къ активной службѣ при самой желѣзной дорогѣ являются въ магазинахъ, рефектуарахъ и въ складахъ для приготовленія и продажи разныхъ предметовъ, получая извѣстный доходъ, извѣстный заработокъ. Они занимаются у себя дома шитьемъ той одежды или обуви, которая въ артельномъ магазинѣ продается по дещевымъ оптовымъ, непосредственнымъ цѣнамъ (prix de revient) служащимъ на той же желѣзной дорогѣ.

б) содѣйствовать выгодному помѣщенію всякаго сбереженія служащихъ; именно сбереженій, которыя, сверхъ вычетовъ на страхованіе, могутъ очевидно дѣлаться только по мелочамъ; т. е. если при предпріятіи откроются сберегательныя кассы.

Такія кассы особенно удовлетворительно устроются, если принять за образецъ англійскія кассы (loan and building societies), въ которыхъ вознагражденіе долевое помѣщалось какъ бы въ акціяхъ и затѣмъ, по мѣрѣ уплаты акцій, сами вкладчики пріобрѣтали бы право на ссуды, ради пріобрѣтенія того и другаго вида собственности.

Такихъ обществъ въ новѣйшее время въ Великобританіи уже нѣсколько тысячъ и ежегодные ихъ доходы простираются до 3.300,000 фунтовъ стерлинговъ. Учрежденіе ихъ обыкновенно происходитъ такимъ образомъ, что неограниченное число лицъ соединяется въ артель съ правомъ производить взносы на неограниченныя суммы. Большею частью эти взносы совершаются въ видѣ постепенной, помѣсячно разсроченной, оплаты акцій въ 30 ф. ст.; срокъ полной оплаты бываетъ по желанію вкладчика отъ 5 до 15 лѣтъ. Взносы эти подлежатъ возврату только съ ограниченіями и по предварительному заявленію. Собранный такимъ образомъ капиталъ раздается въ ссуду тѣмъ же членамъ артели, обыкновенно въ порядкѣ старшинства вступленія, а между послѣдними по жребію. Погашеніе ссуды производится по системѣ сложныхъ процентовъ, также по выбору въ 5 или 15 лѣтъ. Затрата ссудъ идетъ исключительно на дома и земли, которые до окончательнаго погашенія остаются въ залогѣ. По вкладамъ платится 5%, а по ссудамъ взымается 6%, разница 1% идетъ на покрытіе расходовъ по оборотамъ, а остатокъ обращается затѣмъ въ дивидендъ по акціямъ сполна оплаченнымъ, какъ взносами, такъ и причитающимися сложными процентами. Этотъ принципъ предлагаетъ Энгель прилагать вообще ко всей системѣ сберагательныхъ кассъ, затрудняющихся все болѣе и болѣе надежными помѣщеніями своихъ капиталовъ; притомъ онъ ссудами желаетъ преимущественно облегчить поземельный кредитъ. Съ такою цѣлію у него вычислены и таблицы ежемѣсячнаго наростанія сложными процентами взносовъ, и погашенія ссудъ по той же системѣ. (См. Engel. Ein Reformprincip für Spaarkassen. Berlin, стр. 11). Мы съ своей стороны полагаемъ вполнѣ осуществимымъ, связать сберегательный оборотъ съ пріобрѣтеніемъ не только недвижимостей, но и движимостей, и особенно кредитныхъ цѣнностей или паевыхъ въ томъ предпріятіи, въ которомъ участвуетъ наемный работникъ.

Посредствомъ такихъ оборотовъ сбереженіями, возможно бы было не только пріобрѣтеніе домовъ и земель, или вообщее недвижимостей, но и всякихъ цѣнностей, въ томъ числѣ и акцій; при чемъ предпріятія могутъ оказать значительное пособіе безъ всякаго матеріальнаго для себя ущерба.

в) облегчить и всякими другими мѣрами пріобрѣтеніе предметовъ потребленія, на основаніи тѣхъ началъ, на которыхъ устроены извѣстныя общества потребленія или бережливости.

VI. Доставлять средства къ пріобрѣтенію удовлетворительнаго, соотвѣтственнаго, и общаго и техническаго образованія, какъ взрослыми, такъ и малолѣтними. Бельгійскія желѣзныя дороги и французская южная желѣзная дорога, имѣютъ по нѣсколько такихъ школъ на извѣстныхъ станціяхъ, куда безплатно провозятъ дѣтей служащихъ со всѣхъ другихъ станцій. Ими отведены подъ школы даровыя помѣщенія и даже они заботятся, по возможности, объ устройствѣ библіотекъ, объ снабженіи школъ учебными пособіями и т. д. Съ почина Русскаго Техническаго общества такія техническія школы открыты уже въ Петербургѣ и въ будущемъ успѣшное дальнѣйшее распространеніе вообще промышленныхъ школъ подготовлено.

§ 61. Доходъ отъ капитала; элементарныя части процента.

Такъ какъ производство, въ смыслѣ связной совокупности оборотовъ и затратъ съ цѣлью приготовленія цѣнностей, всегда осуществляется путемъ соединенія представителей отдѣльныхъ его элементовъ въ предпріятія той или другой формы, то неизбѣжно и валовой доходъ послѣдняго, въ денежной формѣ, распредѣляется между указанными представителями предпріятія. Какъ траты на трудъ, такъ и траты на капиталъ являются неизбѣжными издержками по осуществленію предпріятія, а добавочною является только рента; послѣдняя даже случайна, какъ плата въ пользу обладателей стихійными силами и мѣстомъ. Вообще же рента можетъ получаться, наравнѣ съ землевладѣльцами, и въ пользу капиталистовъ, предпринимателей и работниковъ. За покрытіемъ уже всѣхъ издержекъ производства остающаяся сумма составляетъ чистый доходъ предпріятія, идущій въ пользу представителей риска и отвѣтственности, при чемъ еще и рента оказывается у нѣкоторыхъ предпринимателей добавочною прибылью, сравнительно съ чистымъ доходомъ всѣхъ другихъ по однороднымъ производствамъ. Такимъ образомъ, послѣдній расходъ предпріятія составляетъ оплата капиталовъ, участвующихъ въ производствѣ. Доходъ по капиталу необходимъ, потому что послѣдній всегда возникаетъ путемъ сбереженія, а при отсутствіи дохода не было бы и побужденія производителю затрачивать излишки отъ хозяйственныхъ запасовъ. Конечно, въ первомъ мѣстѣ бережливость поощряется обезпеченіемъ

собственности и личности, не мало она поощряется и прямыми мѣрами, напр., устройствомъ сберегательныхъ кассъ, но главнымъ побужденіемъ дѣлать сбереженія служитъ увѣренность получить доходъ съ капитала. Этимъ обусловливается необходимость, по которой часть издержекъ по предпріятію всегда должна идти въ пользу капитала.

Какая именно доля расходовъ предпринимательскихъ должна идти въ пользу капитала трудно выяснить непосредственнымъ разборомъ самаго состава произведенныхъ издержекъ, потому что въ предпріятіи доходы отдѣльныхъ участниковъ, въ большинствѣ случаевъ, заключаютъ въ себѣ по нѣскольку элементовъ: такъ работникъ можетъ быть и предпринимателемъ, и заработная плата послѣдняго можетъ сливаться съ общею прибылью, точно также капиталъ можетъ принадлежать предпринимателю и тогда доходъ отъ предпріятія сливается съ доходомъ на капиталъ. Если же разбирать составъ предпринимательскаго капитала, то, очевидно, онъ слагается изъ долей или принадлежащихъ самому предпринимателю, или занятыхъ послѣднимъ. Остается для точности въ анализѣ дохода отъ капитала взять ту его форму, въ которой онъ является исключительно хозяйственнымъ достояніемъ соотвѣтственной категоріи лицъ, т. е. тѣхъ, которыя только имъ и хозяйничаютъ. Такой формою служитъ *ссудный капиталъ*; онъ собственникомъ, вслѣдствіе неумѣнья, недосуга или нежеланія, не пускается въ производительныя затраты, или обороты съ рискомъ; собственникъ его перелагаетъ съ себя рискъ и отвѣтственность на другихъ, въ такихъ именно видахъ отдаетъ его въ чужія руки, отыскиваетъ ему помѣщеніе ради опредѣленнаго дохода. Слѣдовательно, въ указанномъ случаѣ источникомъ дохода является непосредственно только самъ капиталъ, безъ производительнаго труда и риска со стороны его собственника. При такой, изолированной отъ побочныхъ фактическихъ условій, обстановкѣ и возможно анализировать доходъ самостоятельный съ капитала, или ту часть издержекъ предпріятія, которая изъ валоваго дохода послѣдняго должна причитаться или на уплату капитала, или на возмѣздное участіе его въ производствѣ.

Капиталиста, пользующагося доходомъ только съ капитала посредствомъ помѣщенія его для оборотовъ въ чужія руки изъ за извѣстнаго дохода, не слѣдуетъ смѣшивать съ предпринимателемъ, который иногда можетъ и не обладать вовсе собственнымъ капи-

таломъ, а если имъ обладаетъ, то его доходъ съ такого капитала получается отъ риска и отвѣтственности, сопряженныхъ съ предпріимчивостію и оборотливостію; такъ акціонеръ не относится къ экономической категоріи капиталистовъ, онъ несетъ рискъ и отвѣтственность, тогда какъ капиталистъ ради пріобрѣтенія дохода не проявляетъ никакихъ усилій. Такимъ образомъ, въ тѣсномъ смыслѣ капиталистами являются только владѣльцы ссуднаго капитала (rèntiers).

Ссудные капиталы, естественно, приносятъ различный доходъ, смотря по ихъ составу: они бываютъ либо постоянные, либо оборотные, и доходъ, получаемый съ нихъ, соотвѣтственно различенъ. Самое помѣщеніе ихъ въ чужія руки можетъ совершаться на основаніи трехъ основныхъ сдѣлокъ, именно: найма, поставки, или ссуды. Въ русскомъ языкѣ нѣтъ объясняющаго термина для обозначенія этихъ трехъ уступокъ, или нѣмецкой Leihe. Основнымъ признакомъ и отличіемъ въ отдачѣ капитала въ чужія руки служитъ замѣнимость или незамѣнимость, ограниченность или неограниченность послѣдней. Характеръ упомянутыхъ условій опредѣляется тѣмъ, что отдавая капиталъ въ чужія руки, возможно уступить элементы права собственности: или сполна, или порознь; въ первомъ случаѣ получится уже не уступка (Leihe), а полное отчужденіе имущества, такъ при куплѣ-продажѣ, дарствованіи и проч.; при второй же отчуждаются не всѣ элементы права собственности—владѣніе, пользованіе и распоряженіе, а только послѣдніе два, напр., я могу предоставить другому лицу или распоряженіе моимъ капиталомъ, или пользованіе, или то и другое несполна, но владѣніе своимъ имуществомъ я всегда оставляю за собою. Распоряженіе и пользованіе, уступаемыя собственникомъ другому лицу, могутъ быть обставлены разными условіями, вытекающими или изъ своеобразія уступаемой цѣнности, или основывающимися на добровольномъ соглашеніи. Однако основное условіе—это возвратъ ссуднаго капитала. Капиталъ постоянный уступается, соотвѣтственно своей экономической природѣ, только въ ограниченное пользованіе и распоряженіе (salva rei substantia), онъ долженъ быть возвращенъ въ натурѣ, съ возстановленіемъ всѣхъ тѣхъ измѣненій, которыя произошли въ немъ по случаю пользованія. Незамѣнимость основное условіе найма постоянныхъ капиталовъ. Во вторыхъ собственникъ можетъ передать капиталъ въ чужія руки съ тѣмъ условіемъ, чтобы возвра-

щены были ему цѣнности, только равныя по количеству и качеству (tantundem quantitatis et qualitatis) т. е., не тѣ же самыя цѣнности по виду (in specie), а того же рода (in genere). Предметомъ такой сдѣлки бываютъ обыкновенно оборотныя капиталы, самая же сдѣлка—при ограниченной замѣнимости—называется поставкою. Наконецъ, капиталъ можетъ быть отдаваемъ въ чужія руки съ условіемъ возвратить просто его равноцѣнность, т. е. его денежную цѣну. На такомъ условіи можетъ быть уступаемъ въ чужія руки только оборотный капиталъ, уничтожающійся при оборотѣ; самая сдѣлка—при полной замѣнимости—и есть собственно ссуда, или заемъ.

Соотвѣтственно приведеннымъ тремъ способамъ уступки капиталовъ въ чужія руки разнообразится и доходъ капитала, или то вознагражденіе, которое за отдачу требуетъ капиталистъ. Въ наиболѣе общей экономической формѣ доходъ получается съ капитала, отдаваемаго въ займы, при условіи полной его замѣнимости, съ возвратомъ одной равноцѣнности, т. е. въ денежной суммѣ. По денежному возврату капитала, отдаваемаго въ ссуду ведется столь же отвлеченный счетъ обыкновенно на 100, per centum, а потому и доходъ съ этого капитала измѣряется процентомъ; рѣдко на 1000, или по доходу permille. Анализъ процента, или дохода съ капитала, отдаваемаго въ ссуду, выясняетъ и экономическія основанія другихъ видовъ дохода капитальнаго, т. е. и по поставкамъ и по найму, кортомъ или арендѣ.

Процентъ на капиталъ слагается въ полной своей величинѣ изъ слѣдующихъ составныхъ частей:

1. Капиталистъ, отдавая капиталъ въ ссуду, желаетъ получить вознагражденіе за то, что онъ создалъ капиталъ, за самоограниченіе, которымъ онъ его сберегалъ. Слѣдовательно, въ общемъ положеніи, тѣмъ ниже будетъ эта доля %, чѣмъ удобнѣе сберегать въ данной странѣ, чѣмъ личность и собственность гражданъ болѣе обезпечены мѣстными законами и судопроизводствомъ. Владѣльцами денежнаго капитала во всѣ времена являлись евреи, хотя Ветхій Завѣтъ и запрещаетъ отдавать деньги въ ростъ. Но послѣ Вавилонскаго и Ассирійскаго плѣненія и вслѣдствіе гоненій, которымъ они подвергались неоднократно до новыхъ вѣковъ, евреи принуждены были обратить свое имущество въ такую форму, въ которой легче всего его скрыть: деньгами богатство менѣе бросается въ глаза.

Этимъ же желаніемъ объясняется и та нищенская домошняя обстановка, которою въ силу привычки, евреи окружаютъ себя во многихъ мѣстахъ и до настоящаго времени. Отсюда и склонность современныхъ евреевъ къ разнаго рода мѣняльнымъ, денежнымъ и лихвеннымъ спекуляціямъ, уклоненіе ихъ отъ дѣйствительно-производительныхъ занятій, представляющихъ менѣе быстрыя и явственно на денежные проценты разсчитываемыя наживы. Имъ же обязкнъ культурный міръ всѣми тонкостями въ оборотахъ процентной лихвы и курсовой игры на паевыя и кредитныя цѣнности.

2. Второй элементъ входящій въ составъ % на капиталъ опредѣляется требованіемъ капиталиста имѣть такой доходъ отъ помѣщенія, какой онъ имѣлъ бы, если самъ лично пустилъ его въ оборотъ: это то, что римскіе юристы называли lucrum cessans; затѣмъ

3. Всякій отдающій капиталъ въ чужія руки подвергается опасности не получить его обратно, или получить несполна. На подобныя ожиданія имѣютъ вліяніе законодательство и судоустройство страны, слѣдовательно этотъ элементъ процента на капиталъ находится въ такихъ же условіяхъ, относительно своей величины, какъ и первый. Вслѣдствіе этого, для большей гарантіи возврата ссуднаго капитала почти во всѣхъ странахъ изъ общаго законодательства объ обязательствахъ выдѣлился особый вексельный уставъ, а для болѣе скораго и строгаго разбирательства дѣлъ по отдачѣ капиталовъ учреждены особые суды—коммерческіе, наконецъ допускалось еще до сихъ поръ личное задержаніе за долги. Всѣ эти установленія указываютъ на сколько заботятся о томъ, чтобы обезпечить заимодавцевъ отъ потери капиталовъ. Но кромѣ этой опасности, такъ сказать юридической, есть и другая экономическая. Извѣстно, что деньги въ цѣнѣ своей измѣняются, это явленіе носитъ техническое названіе колебанія денежнаго курса; а если капиталисты отдаютъ въ ссуду деньги въ то врема, когда рубль бумажный стоитъ сполна рубль серебряный, то можетъ случиться, что ко времени возврата рубль бумажный будетъ стоить 80 коп. сер. Вотъ почему, при отдачѣ денегъ въ ссуду, особенно на долгій срокъ, послѣднее обстоятельство принимается въ разсчетъ; т. е. чѣмъ долгосрочнѣе ссуда, тѣмъ указанная опасность значительнѣе, потому-то при долгосрочной ссудѣ берется большій процентъ, чѣмъ при краткосрочной. Этотъ поводъ къ возмездію римляне называли damnum emergens; по-

слѣднее является какъ бы слѣдствіемъ ненадежности помѣщенія, а между прочимъ и вслѣдствіе колебанія денежнаго курса.

Слѣдовательно, процентъ на оборотный капиталъ слагается изъ трехъ элементовъ, а ихъ движеніе отражается и на движеніи всего мѣстнаго процента. Смотря по различію въ разныхъ странахъ элементарныхъ условій и процентъ на капиталъ различенъ. Но, съ другой стороны, деньги товаръ наиболѣе удобоперевозимый, а потому оттуда, гдѣ ихъ много и гдѣ слѣдовательно процентъ на нихъ низокъ, онѣ передаются туда, гдѣ ихъ мало или гдѣ процентъ высокъ: вслѣдствіе чего почти повсюду установляется общій, однообразный уровень процента на оборотный капиталъ. Такой уровень обнаруживается съ полною очевидностію единственно въ тѣхъ случаяхъ, когда условія, вліяющія на элементы процента одни и тѣже.

При отсутствіи привиллегій, монополій, регламентаціонныхъ мѣръ и т. п., всѣ капиталы, и постоянные и оборотные, въ какомъ бы помѣщеніи они ни находились, доставляютъ болѣе или менѣе одинаковый доходъ. Когда какія либо предпріятія приносятъ большій доходъ, высшій процентъ, тогда обыкновенно по возможности или извлекаютъ капиталы изъ менѣе выгодныхъ помѣщеній, или впредь только помѣщаютъ въ болѣе прибыльныя, пока ростъ не доходитъ до одного общаго уровня. Бываютъ исключенія только въ той степени, въ какой существуютъ препятствія для правильнаго равновѣсія между отливомъ и приливомъ капиталовъ, какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ.

Вотъ почему, одно увеличеніе предложенія капиталовъ мало понижаетъ процентъ, если при этомъ возвысится и спросъ на нихъ; послѣдній, съ одной стороны, зависитъ отъ числа и экономическаго характера (состоятельности, честности и т. п.) людей, занимающихъ капиталы, а съ другой, отъ пригодности самихъ капиталовъ и надобности въ нихъ. По этой причинѣ уже одно умноженіе народонаселенія, при одинаковыхъ прочихъ условіяхъ, возвышаетъ процентъ, потому-что оно увеличиваетъ количество дѣятелей, нуждающихся въ капиталахъ. По всему этому низшій ростъ и процентъ опредѣляется тѣмъ изъ самыхъ невыгодныхъ помѣщеній, или предпріятій, на которое нельзя, не смотря на относительную невыгодность его, не употреблять капиталовъ по той именно причинѣ, что въ противномъ случаѣ, не всѣ капиталы были бы помѣщены, а нѣкоторые не приносили бы ни-

какого дохода. Такое-то самое невыгодное помѣщеніе капиталовъ и опредѣляетъ *обычный средній процентъ* въ каждой странѣ подобно тому, какъ цѣна на хлѣбъ опредѣляется издержками его производства на самой дурной почвѣ, т. е. наивысшими *).

Если капиталы наростаютъ быстрѣе народонаселенія, то заработная плата возвышается и на оборотъ. Чѣмъ *болѣе* людей, живущихъ одними процентами съ капиталовъ, и чѣмъ *менѣе*, напротивъ, производителей, нуждающихся въ капиталахъ,

---

*) Современное возобновленіе Аристотельскаго заблужденія относительно предосудительности роста и непроизводительности капиталовъ (Polit I, 3), подробно обосновываетъ К. Марксъ (Das kapital, стр. 172, 173, 556) доводами, которые представляютъ несомнѣнный circulus vitiosus. Подводя всѣ внѣшнія средства хозяйства подъ понятіе товара (Waare), онъ ставитъ цѣнность послѣднихъ въ зависимость отъ потребнаго на ихъ производство труда (или даже рабочаго времени), отъ приложенія труда къ нимъ, какъ къ капиталу, зависитъ приращеніе цѣнности (Mehrwerth) затраченнаго товара, а капиталъ въ произведенномъ доходѣ можетъ только оказаться сохраненнымъ; такою сохранностію капитала владѣлецъ послѣдняго обязанъ работнику и всякое вознагражденіе за ссуду, онъ нормально обязанъ считать за долевой возвратъ, или частичную уплату самаго капитала. Не говоря уже про то, что подобная тягостная одолженность устрашитъ всякаго сберегать капиталы, такъ какъ владѣть ими значитъ обрѣчь себя на безприбыльную зависимость, и что капиталъ приведеннымъ разсужденіемъ долженъ превратиться въ какую-то мнѣническую, повсемѣстную величину, общедоступную, какъ солнечный свѣтъ—Марксъ забываетъ, по справедливому замѣчанію Рошера (§ 189, 3), что невозможно сводить приращеніе цѣнности (Mehrwerth) въ столѣтнемъ деревѣ, противъ первоначальнаго насадка, на отвержденный трудъ и сгустившееся рабочее время; а единственно прибытокъ въ этомъ случаѣ можетъ служить вознагражденіемъ за воздержаніе отъ порубки и хозяйственное сбереженіе лѣснаго капитала, причемъ наемный лѣсничій никакой доли своего труда никѣмъ не лишенъ. Справедливы съ другой стороны тѣ насмѣшки, съ которыми въ новѣйшее время стали относится къ возмездію за воздержаніе (reward for abstinence), такъ какъ поощряемая бытовымъ складомъ рентная спекуляція, при безсиліи сдавленной капитализмомъ конкурренціи, создала рядомъ съ пауперизмомъ, лишеннымъ общественнаго заступничества, вполнѣ свободный эгоистическій набобизмъ (по выраженію Рошера), который надѣляетъ однихъ готовыми сбереженіями безъ малѣйшихъ лишеній, а для другихъ ставитъ капитализацію внѣ области доступныхъ имъ вождѣленій. Тѣмъ не менѣе, этотъ сложный вопросъ не разрѣшается радикальными нареканіями, повторявшимися въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ, неоднократно и выраженными впервые у Forbonnais, Elèments du commerce, II, 92, въ самой наивной простотѣ; по послѣднему ростъ на капиталъ водворился потому, что нѣкоторые люди копятъ свои деньги, вмѣсто того, чтобы ихъ израсходовать: отсюда рождается недостатокъ денегъ и всѣ нуждающіеся въ предпринимательскомъ капиталѣ вынуждены деньги выманить у владѣльцевъ помощію обѣщанія возмездія и процентовъ.

тѣмъ ниже процентъ съ капитала, тѣмъ выше доходность труда по отношенію къ заработной платѣ. Вообще величина роста зависитъ отъ естественнаго развитія народнаго хозяйства *), а не отъ воли капиталистовъ. По крайней мѣрѣ не отъ ихъ воли зависитъ возвышать, или понижать ростъ.

При излишнемъ возвышеніи капиталисты могутъ не находить достаточно заемщиковъ, а при искусственномъ пониженіи они только теряютъ и получаютъ доходъ одни игроки. У народовъ неразвитыхъ въ хозяйственномъ отношеніи, у которыхъ капиталовъ мало и собственность, какъ и всѣ права, мало обезпечена, *ростъ очень высокъ* уже потому, что великъ рискъ, т. е. значительна вѣроятность не получать обратно ссужаемые капиталы. Вотъ почему 40 процентовъ были указнымъ ростомъ во время Ярослава I. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія ростъ капиталовъ въ Россіи былъ въ остъ-зейскихъ губерніяхъ—6, въ Москвѣ—10, въ Крыму—25, а въ Астрахани — 36 процентовъ. Такое преимущество нѣкоторыхъ губерній объясняется ничѣмъ инымъ какъ тѣмъ, что хозяйство въ однихъ губерніяхъ стояло выше, чѣмъ въ другихъ. Но если ростъ, процентъ зависитъ съ одной стороны отъ состоянія вообще народнаго хозяйства, а съ другой, отъ спроса и предложенія капиталовъ, то конечно, какъ по требованію справедливости и по праву собственности, съ одной стороны, такъ съ другой, по здравому смыслу и требованіямъ всѣхъ условій народнаго хозяйства, величина роста должна быть предоставляема договаривающимся сторонамъ и не подлежать регламентативнымъ стѣсненіямъ **). *Таксы*

*) *I. L. Mill*, IV, гл. 4, 4. — Напрасно полагаетъ *Ricardo*, ch. 6, что одно уже увеличеніе производительныхъ капиталовъ увеличиваетъ цѣнность — по его выраженію и потребительную, и еще болѣе мѣновую—всего народнаго имущества; для этого потребно сверхъ того соотвѣтственное улучшеніе въ хозяйственной обстановкѣ труда.

**) Смѣшавъ послѣдствіе съ причиною, многіе изъ первыхъ изслѣдователей капитальнаго дохода, въ эпоху меркантилизма, принимали низкій ростъ за causa causans хозяйственнаго благосостоянія, и, ослѣпленные зажиточностію Голландцевъ, приписывали законному ограниченію лихвы чудодѣйственныя послѣдствія. Такъ *Culpeper*, a tract against the high rate of usury, 1623 г.; I. *Child*, brief observations concerning trade and the interest of money. 1668 г. и Dicourse upon trade, 1690 г.; затѣмъ и *Turgot*, sur la formation etc., § 89, сравниваетъ высокій ростъ съ наводненіемъ, которое отнимаетъ у производства огромныя пространства: чѣмъ болѣе же падаетъ ростъ, тѣмъ болѣе мѣстъ осушается для трудовой дѣятельности. Въ противуположную крайность впадаютъ *Locke*, considerations of the consequences of the lowering of inte-

на ростъ ни къ чему другому не приводили, какъ только къ дороговизнѣ капиталовъ и къ тому, что стараются обходить законъ. При томъ же такія таксы въ высшей степени вредны для народнаго хозяйства *), естественно высокій процентъ лучше всякой таксы заключаетъ въ собственной высотѣ необходимый предѣлъ: во первыхъ, менѣе занимаютъ и капиталъ остается свободнымъ на рынкѣ; а во вторыхъ, высокій ростъ служитъ побужденіемъ къ бережливости, къ составленію и накопленію новыхъ капиталовъ, что ведетъ само-собою къ дешевизнѣ ихъ. Наконецъ, таксы и преслѣдованіе за лихоимство вредятъ болѣе заемщикамъ, чѣмъ заимодавцамъ; первые болѣе нуждаются въ ссудахъ, нежели вторые въ процентахъ. Указные проценты были къ новѣйшему времени уничтожены, сполна или отчасти, во Франціи въ 1836 г. и 1848 г., въ Англіи въ 1854 г., въ Даніи въ 1855 г., въ Испаніи въ 1856 г., въ разныхъ частяхъ Италіи, Голландіи, Норвегіи и Женевѣ въ 1857 г., въ Ольденбургѣ 1858 г., въ Бременѣ въ 1859 г., въ Саксоніи и Швеціи въ 1864 г., въ Бельгіи въ 1865 г., въ Германіи въ 1867 г.

---

rest and raising the value of money, 1691 г.; *Canard*, principes etc., ch. 5, видитъ въ пониженіи процента начинающійся упадокъ народнаго хозяйства *M' Culloch*, principles, III, 8; *Malthus*, principles, стр. 370, 401, сопоставляетъ сбереженіе капиталовъ съ нарожденіемъ потомства: первое благотворно единственно при высокомъ ростѣ, а второе при значительныхъ заработкахъ: наконецъ еще I. *S. Mill*, principles, IV, ch. 5, 1, совѣтуетъ хозяйственно развитымъ и достаточнымъ народамъ не отказываться отъ благотворительныхъ, хотя бы и прямо непроизводительныхъ, затратъ только въ виду того соображенія, что при этомъ теряютъ капиталу; послѣдствіемъ подобной потери будетъ, по его взгляду, единственно то обстоятельство, что на время менѣе капиталовъ будетъ вывезено за границу, или расточено въ дутыхъ спекуляціяхъ.

*) Срв. *Storch*, Handbuch, 26.

ОТДѢЛЪ VI.

Обращеніе цѣнностей.

ГЛАВА XI.

Существо и основанія мѣновыхъ сдѣлокъ.

§ 62. Мѣна какъ зарождающее начало экономическаго общенія и основа цѣлости въ хозяйствѣ.

Обращеніе цѣнностей есть экономическій переходъ товаровъ отъ однихъ лицъ къ другимъ. Въ общемъ правилѣ, стараются пріобрѣсти отъ другихъ то, что нужно, и въ замѣнъ пріобрѣтаемаго отдаемъ другимъ нѣчто менѣе для насъ нужное.

Создавая цѣнности, производитель въ культурномъ хозяйствѣ имѣетъ въ виду не только свои личныя, но и потребности другихъ. Бываетъ, что производятъ только для другихъ, на сбытъ, чтобъ получить отъ другихъ вознагражденіе за производимыя цѣнности, или за оказываемыя услуги.

Такимъ образомъ возникаетъ мѣна, какъ необходимый спутникъ и экономическій результатъ общественности, а также какъ необходимое условіе *раздѣленія и соединенія трудовъ*. Въ дикомъ и полудикомъ состояніи семья производитъ преимущественно только для своихъ членовъ, создаетъ всѣ необходимыя цѣнности сама, а потому и производитъ далеко не столь совершенно, какъ при существованіи и развитіи мѣны. «Пустынножитель, говоритъ Рошеръ (§ 95) имѣетъ въ виду, при своемъ производствѣ, исключительно только свои собственныя потребности; простой домохозяинъ только домашнія свои нужды; въ народномъ же хозяйствѣ каждый имѣетъ въ виду рынокъ, т. е. поприще, на которомъ взаимно обмѣниваются предметы самые разнородные». Человѣчество не могло бы никогда и выйти изъ дикаго состоянія безъ мѣны, безъ нея

не было бы одного изъ главнѣйшихъ побужденій къ общественности. Благодаря же общественности и мѣнѣ, съ одной стороны, и раздѣленію труда, съ другой, человѣчество развивается и образуетъ болѣе или менѣе благоустроенныя хозяйства, въ которыхъ каждый имѣетъ возможность приносить пользу своими трудами и проявленіемъ своей личности вообще, а въ тоже время пріобрѣтаетъ возможность пользоваться всѣмъ потребнымъ.

Мы, въ большей или меньшей степени, пользуемся трудами и результатами трудовъ, не только сотенъ милліоновъ современниковъ своихъ, но и предшествующихъ вѣковъ и многихъ поколѣній—словомъ, мы пользуемся, въ большей или меньшей степени, всѣмъ тѣмъ, что добыло человѣчество вообще. Въ доказательство Фредерикъ Бастья (Harmonies économiques, chp. 1) приводитъ слѣдующее: «Возьмемъ скромнаго труженика, напр. сельскаго столяра, и разсмотримъ какъ всѣ услуги, которыя *онъ* оказываетъ обществу, такъ и тѣ, которыя *ему* оказываются: мы будемъ поражены ихъ кажущейся несоразмѣрностью. Этотъ человѣкъ проводитъ день въ томъ, что строгаетъ доски, дѣлаетъ столы и шкафы. Онъ жалуется на свою долю; но посмотримъ, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ пользуется онъ отъ общества, на которое работаетъ. Каждый день, вставая, онъ одѣвается, а между тѣмъ, онъ самъ вовсе не произвелъ ни одной изъ частей своей одежды. Для того, однако, чтобъ одежда, какъ бы проста ни была она, могла дойдти до него, нужно было употребить въ дѣло значительное количество труда, ремеслъ, перевозочныхъ средствъ, великихъ изобрѣтеній. Нужно было американцамъ произвесть хлопокъ, индѣйцамъ индиго, французамъ шерсть и ленъ, бразильцамъ кожу; нужно было перевести этотъ матеріалъ въ различные города, нужно было въ нихъ его обработать, переработать, выпрясть, вытkать, красить и пр. и пр. Потомъ онъ завтракаетъ. Чтобы хлѣбъ, который онъ ѣстъ, доходилъ до него каждое утро, нужно, чтобъ земля была разчищена, огорожена, вспахана, унавожена, засѣяна, чтобъ собственность земледѣльца была обезпечена отъ воровъ; нужно, чтобъ пшеница была убрана, размолочена; нужно, чтобъ желѣзо, сталь, лѣсъ, камень были обращены трудомъ въ другія производства; нужно, чтобъ одни люди пользовались силами животныхъ, а другіе пользовались теченіемъ воды и пр.; а все это такія вещи, изъ которыхъ каждая обусловливается множествомъ трудовъ, употребленныхъ въ дѣло, и при-

томъ не въ одномъ какомъ либо мѣстѣ, а въ различныхъ странахъ, и не одновременно, а въ теченіи значительнаго времени. Этотъ человѣкъ не проведетъ дня, чтобъ не употребить кусочка сахара, немного масла, какой либо утвари. Онъ пошлетъ сына своего въ школу, чтобъ получить тамъ образованіе, которое, не смотря на свою поверхностность, тѣмъ не менѣе, обусловливается множествомъ открытій и свѣдѣній. Выходя изъ своего дома, онъ находитъ улицу вымощенною и освѣщенною».

«Оспариваютъ его собственность: онъ найдетъ адвокатовъ, для защиты своихъ правъ, судей для ихъ обезпеченія, чиновниковъ для исполненія рѣшенія суда; но все это обусловливаетси множествомъ пріобрѣтенныхъ свѣдѣній и возможностью находить средства къ существованію подобными занятіями.—Онъ идетъ въ церковь. Она—архитектурное зданіе, немыслимое безъ существованія искусства и наукъ. У него книга,—молитвенникъ,—результатъ дивной производительности человѣческаго генія. Его учатъ нравственности, передаютъ ему различныя свѣдѣнія и пр. и пр. Если нашъ столяръ предпринимаетъ путешествіе, онъ находитъ, что для облегченія его передвиженія, другіе люди уровняли дорогу, срыли холмы, соединили мостами берега рѣкъ, уменьшили вездѣ треніе, устроили экипажи, воспользовались силами лошадей или пара и пр. Нельзя не удивляться той, по-истинѣ, страшной несоразмѣрности, которая существуетъ между тѣми благами, которыми пользуется этотъ человѣкъ въ обществѣ, и тѣми, которыя бы могъ онъ доставить самъ себѣ, внѣ общества. Въ одинъ день онъ потребляетъ столько, сколько самъ не могъ бы произвести въ тысячелѣтіе. Но это явленіе тѣмъ чудеснѣе, что всѣ другіе люди находятся въ этомъ отношеніи въ такомъ же, какомъ и онъ, положеніи. Каждый изъ членовъ общества потребилъ въ милліонъ разъ болѣе того, чѣмъ онъ произвелъ, и, однако, никто такимъ образомъ не лишилъ чего либо другаго. А если вникаемъ въ дѣло, то даже увидимъ, что этотъ столяръ ничего не получилъ даромъ и за всѣ услуги воздалъ услугами же. Еслибъ онъ велъ всему счеты до малѣйшей подробности, то по нимъ каждый бы могъ убѣдиться, что онъ ничего не получилъ безъ того, чтобъ заплатить при помощи своего скромнаго ремесла, и что всякій, который прямо или косвенно оказалъ ему услугу, получилъ или получитъ вознагражденіе. Необходимо, стало быть, согласиться, что общественный механизмъ могуще-

ственъ и дивенъ, если, благодаря ему, самый скромный труженикъ можетъ, въ одинъ день, пользоваться и потребить болѣе цѣнностей, нежели сколько можетъ произвести въ нѣсколько вѣковъ».

Чѣмъ болѣе развивается, экономически и всесторонне, вообще народъ, тѣмъ болѣе чувствуетъ и сознаетъ онъ недостатокъ въ предметахъ, которыхъ онъ самъ, или территорія его, мало или и вовсе не производятъ; тѣмъ болѣе, стало быть, нуждается онъ въ содѣйствіи своему быту и хозяйству со стороны другихъ странъ и народовъ, тѣмъ въ большей находится онъ зависимости отъ нихъ. Но за то, съ всесторонним развитіемъ его, развиваются и его производительныя силы, а въ томъ числѣ и тѣ, которыя ему наиболѣе свойственны, а потому чѣмъ болѣе можетъ онъ удовлетворять своими произведеніями нуждамъ другихъ народовъ, тѣмъ, значитъ, болѣе и другіе народы находятся въ зависимости отъ него. Такимъ образомъ, съ развитіемъ народовъ развивается ихъ взаимная другъ отъ друга зависимость: она разрѣшается путемъ мѣны, торговли и возмездныхъ сношеній вообще. Жестоко ошибались и ошибаются тѣ, которые полагали и полагаютъ, *что интересы однихъ народовъ должны быть, по сущности вещей, враждебны интересамъ другихъ народовъ.* Если Montaigne утверждалъ, что выгода одного человѣка есть убытокъ для другаго (Essais I); если Вольтеръ говорилъ: «въ желаніи величія для нашего отечества кроется и желаніе зла нашему сосѣду, и никакая страна не можетъ ничего выиграть безъ того, чтобъ другая не проиграла» (Dictionn. philosophique, V. Patrie);—если у насъ Канкринъ могъ сказать, что «въ общежитіи имущество пріобрѣтается только на счетъ другихъ»; (Weltreichthum, стр. 19 и Оекоп. d. Menschlich. Gesells. стр. 23); то все это и тому подобное говорилось и говорится, иногда даже великими мыслителями и замѣчательными государственными людьми, только потому, что они вовсе не знали, или недостаточно сознавали условія частнаго и общественнаго благосостоянія.

Благодаря *мѣнѣ* человѣкъ имѣетъ возможность производить не только для себя, но также пріобрѣтать созданныя другими людьми цѣнности. Мѣна ничто иное, какъ одно изъ проявленій *труда.* Она, какъ одна изъ ближайшихъ цѣлей производства и какъ поводъ къ труду, подобно ему, должна быть свободна. Свобода эта должна, конечно, заключаться въ отсутствіи препятствій и въ обезпеченіи ея законами. Обращеніе цѣнностей есть ничто иное, какъ осуществле-

ніе мѣны. Товары обладаютъ въ весьма различной степени мѣноспособностію или обращаемостію, т. е. не одинакова для всѣхъ увѣренность найдти потребителя, не одинакова легкость отыскать сбытъ. Улучшеніе путей сообщенія возвышаетъ естественнымъ образомъ способность къ обращенію цѣнностей, особенно въ тѣхъ предметахъ, для которыхъ издержки провоза составляютъ главную составную часть ихъ цѣнности.

Съ развитіемъ народнаго хозяйства возрастаетъ правильность обращеніи. Сосредоточенность его въ немногихъ пунктахъ (опредѣленный ярморочный сбытъ), перерывы вслѣдствіе неблагопріятныхъ временъ года и проч., составляютъ существенную принадлежность мало развитаго народнаго хозяйства.

Платить за цѣнности можно только другими цѣнностями, или другими словами, *обмѣниваютъ товары и услуги на товары и на услуги.*

Все это примѣняется и къ международной торговлѣ, т. е. и народы платятъ за цѣнности другимъ народамъ только цѣнностями; а чѣмъ производство ихъ лучше и обширнѣе, тѣмъ легче и выгоднѣе для себя находятъ они сбытъ своимъ произведеніямъ и тѣмъ болѣе могутъ они покупать заграничныхъ цѣнностей, т. е. пользоваться услугами другихъ народовъ, чѣмъ болѣе сами производятъ; а потому каждый народъ долженъ интересоваться процвѣтаніемъ другихъ народовъ.

Разборъ какъ бы самостоятельнаго *движенія* цѣнностей, самихъ внѣшнихъ средствъ, помощію которыхъ человѣкъ создаетъ обстановку и хозяйство входитъ въ ученіе объ обращеніи въ тѣсномъ смыслѣ, въ обширномъ же юридическомъ смыслѣ, говорятъ, напр. гражданское право, объ оборотѣ имущества въ смыслѣ простаго перехода вещей; обращеніе же есть опредѣленное движеніе цѣнностей подъ вліяніемъ экономическихъ условій. Основное условіе приведеннаго движенія цѣнностей и перемѣщенія полезностей, подчиняется тому главному началу, чтобы наименѣе напрягать, для достиженія наибольшихъ результатовъ, свою дѣятельность или, по крайней мѣрѣ, чтобы наименьшими усиліями достигать соотвѣтственныхъ результатовъ. Изложенному началу должно подлежать и *обращеніе* цѣнностей, всякая ихъ уступка требуетъ чтобы каждый разъ при передачѣ усилія соотвѣтственно вознаграждались. Возмездность передвиженія и возмездность передачи составляетъ основной признакъ

экономическаго обращенія цѣнностей, потому что въ немъ человѣкъ хозяйственными способами распоряжается своими капиталами и запасами. Такъ какъ экономическій интересъ не долженъ охватывать всю жизнь человѣка, то не можетъ, конечно, всякое не экономическое обращеніе считается какимъ-то превратнымъ обращеніемъ. Но дѣло въ томъ, что ученіе о хозяйствѣ никакого другаго обращенія не принимаетъ во вниманіе, кромѣ обращенія возмезднаго. Таковъ, именно, характеръ обращенія цѣнностей, которое въ хозяйствѣ совершается ежедневно, на основаніи общихъ началъ, не измѣняющихся вовсе ни отъ характера представителей самаго обращенія, ни отъ участія въ этомъ обращеніи какихъ либо союзовъ общественныхъ, житейскихъ сферъ, или предпріятій. Обращеніе между предпріятіями, отъ предпріятій къ личностямъ и между послѣдними совершается въ силу тѣхъ же единообразныхъ началъ. Понятно, что эти начала должны разсматриваться самостоятельно и такое разсмотрѣніе даетъ третью часть ученія о хозяйствѣ, отличную по содержанію отъ предъидущей, отъ ученія о распредѣленіи цѣнностей. Распредѣленіе есть надѣленіе, изъ общей массы созданныхъ въ предпріятіи цѣнностей, каждаго участника предпріятія должною долею, смотря по его усиліямъ, или по содѣйствію, которыя онъ оказывалъ въ созиданіи валоваго дохода. Здѣсь надѣленіе вовсе не совершается путемъ возмездной мѣны, а устанавливается оно здѣсь самымъ характеромъ отношеній участниковъ даннаго предпріятія между собою. Между участниками предпріятія идетъ раздѣлъ созданныхъ цѣнностей, а затѣмъ дальнѣйшаго движенія цѣнностей тѣмъ же предпріятіемъ уже не совершается. *Обращеніе* же *осуществляется* только путемъ *мѣны*, а не путемъ *раздѣла*, и потому самому, не завися вовсе отъ формъ предпріятій, отъ отношеній лицъ въ предпріятіяхъ, и не обусловливаясь никакими постоянными отношеніями, а завися только отъ временныхъ мѣновыхъ сдѣлокъ, обращеніе имѣетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ распредѣленіе.

Въ ученіи о распредѣленіи преимущественно изслѣдуются явленія, возникающія подъ вліяніемъ общественности; въ ученіи объ обращеніи, изслѣдуется по преимуществу та связь, въ которую приводятся личнотти, классы и народы, помимо организаціи обществъ. Международное, напр., обращеніе постоянно прорываетъ то обособленіе отдѣльныхъ народовъ, отдѣльныхъ государствъ, которое созидается общественностью. Во многихъ случаяхъ замкнутость отдѣль-

Профессоръ Э. Вреденъ.
Типографія и литографія Кн. Оболенскаго, уголъ Николаевск. и Стрем. № 3—22.

ныхъ народовъ должна была уступить экономическимъ интересамъ тѣхъ же народовъ, и какъ бы прорывалась въ международномъ обращеніи, такъ что обращеніе не только не является подъ вліяніемъ общественныхъ сферъ, но до такой степени самостоятельно происходитъ, что нерѣдко вступаетъ въ борьбу съ интересами самой общественности.

Связью при этомъ служитъ существующая мобилизація и передача цѣнностей и доходовъ изъ однихъ рукъ въ другія, или, такъ называемый, сбытъ, благодаря которому, послѣ распредѣленія дохода, идетъ такой уже переходъ экономическихъ средствъ, что цѣнности оказываются въ постоянномъ обращеніи, движеніи. Обращеніе связываетъ не только отдѣльныя хозяйства и различныя сферы предпріятій между собою, но и цѣлыя мѣстности и государства. Въ обмѣнѣ участвуютъ лица, часто непонимающія другъ друга. Обращеніе имѣетъ огромное вліяніе на культуру человѣка. Въ новѣйшее время считается непозволительнымъ нарушать чужую собственность даже во время войны, между воюющими сохраняются торговыя сношенія; такъ что международное право стало дѣйствовать въ смыслѣ защиты интересовъ лицъ во всѣхъ случаяхъ.

Въ теченіи времени внѣшняя организація обращенія разнообразится. Чтобы составить правильное о немъ понятіе, необходимо начать съ самой грубой формы. Мѣна возникла тогда, когда еще не было раздѣленія труда, когда въ самоодовлѣющемъ хозяйствѣ семьи заключалось производство разнородныхъ цѣнностей. Только, когда случайный, первоначальный сбытъ оказался выгоднымъ, каждый сталъ заниматься тѣмъ, чѣмъ умѣлъ и могъ. По мѣрѣ же раздѣленія занятій важнѣе всего становится сбытъ, и новѣйшее производство уже работаетъ только или по заказу, или на сбытъ. При заказѣ извѣстно впередъ, какое количество цѣнностей потребуется, а при сбытѣ возможно производство только приблизительно соотвѣтственнаго количество цѣнностей. Первоначальная форма обращенія непосредственная мѣна. Мѣняли то, что у каждаго оставалось за покрытіемъ собственныхъ нуждъ.

Но при обмѣнѣ натурою встрѣчались неудобства. Мѣнявшіе не всегда сходились на качествѣ цѣнностей; или одна сторона нуждалась въ такомъ предметѣ, какого другая сторона не имѣла. Вообще потребно, чтобы обѣ стороны при натуральной мѣнѣ сошлись и на разрядѣ товаровъ, и на ихъ качествѣ, и

на ихъ количествѣ. Между цѣнностями появилась разница въ мѣноспособности и обращаемости: однѣ сбывались легко, другія труднѣе. Въ каждой мѣстности долженъ былъ явиться, наконецъ, одинъ товаръ самый ходячій, т. е. удобнѣе всѣхъ сбываемый. Тогда прибѣгли къ косвенной мѣновой сдѣлкѣ. Если кто нибудь желалъ сбыть быка, а другой предлагалъ хлѣбъ, или желѣзо, а между тѣмъ владѣтель быка въ желѣзѣ или хлѣбѣ не нуждался, то онъ всетаки принималъ ихъ, если былъ увѣренъ, что это самый ходячій товаръ. Послѣдній могъ уже далѣе послужить посредникомъ къ пріобрѣтенію того, что было прямо нужно. Ходячій товаръ тѣмъ лучше исполняетъ указанную роль посредника, чѣмъ онъ болѣе цѣнится, или чѣмъ въ меньшемъ объемѣ содержалась большая цѣнность, чѣмъ онъ лучше дробился и чѣмъ легче узнавалась его цѣнность. Металлы оказались для этого наиболѣе удобными. Народамъ, не умѣвшимъ добывать металлы, ходячими товарами служили шкуры, скотъ и проч. Окончательными же мѣновыми посредниками сдѣлались золото и серебро.

При появленіи на рынкѣ наиболѣе ходячаго товара мѣна измѣняется, вмѣсто одной сдѣлки уже являются двѣ: *купля* и *продажа*. Пріобрѣтеніе необходимаго, или чужаго излишка на мѣновой посредникъ есть *купля*. Обратное дѣйствіе составляетъ *продажу*. При этомъ вообще важно только, чтобы въ уплату отъ меня принимали то, что я самъ принимаю въ уплату отъ другихъ. Финикіяне вмѣсто ходячаго товара—скота, давали кусочки бумаги египетскаго приготовленія, на которыхъ были оттиснуты изображенія быка, коровы и проч. Бумажки заворачивались въ кожу. Такимъ образомъ деньги приготовлялись особенно, употреблялись раньше монетъ подставные денежные знаки, такъ что въ исторической послѣдовательности приготовленіе денежныхъ знаковъ предшествовало чеканкѣ звонкой монеты. Денежные знаки появляются оттого, что натуральныя деньги, или обыкновенные наиболѣе ходячіе товары, были въ натурѣ громоздки.

Нѣтъ машины, сказалъ Lauderdale, которая бы сберегла такъ много труда, какъ деньги *) Правда, что и мрачныя стороны рас-

*) Адамъ Смитъ сравниваетъ деньги съ большимъ колесомъ, доставляющимъ каждому члену общества слѣдующую ему часть средствъ къ существованію и и наслажденію (W. of. N. II, 2); въ другой разъ онъ сравниваетъ пользу денегъ съ пользою дорогъ. Юмъ (Hume, on money) уподобляетъ ихъ маслу, ко-

точительность, скупость и всякаго рода неравенство развиваются гораздо болѣе съ введеніемъ денегъ (отъ того то многіе соціалисты вооружаются противъ денегъ). Изобрѣтеніе денегъ сравнивали справедливо съ изобрѣтеніемъ письменности. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ считать введеніе денежнаго хозяйства вмѣсто естественнаго, величайшимъ и благодѣтельнѣйшимъ шагомъ впередъ (Рошеръ § 117).

И такъ, чтобы доходъ отъ предпріятій и лицъ, или цѣнности вообще, могли возмездно передаваться изъ однихъ рукъ въ другія, нужно совершить множество обмѣновъ, которые и составляютъ въ совокупности обращенія цѣнностей; послѣднее имѣетъ нѣсколько видовъ. Первоначально оно существовало въ видѣ мѣны натурою; эта элементарная форма сохранена, однако, еще и до сихъ поръ въ договорѣ о поставкѣ. Затѣмъ, вторая степень развитія въ обращеніи цѣнностей появляется вмѣстѣ съ ходячимъ товаромъ, или деньгами: раздѣляется уже обмѣнъ на куплю и продажу. Въ каждой изъ послѣднихъ существуетъ платежъ, который совершается деньгами. Купля и продажа тѣмъ удовлетворительнѣе, чѣмъ удодлетворительнѣе форма денегъ. Съ такою цѣлью вмѣсто соли или скота стали употреблять денежные знаки. Затѣмъ убѣдились, что всякій охотнѣе будетъ принимать такой посредникъ, который имѣетъ дѣйствительную цѣнность, внутреннюю стоимость. Довольно рано дошли до приготовленія денегъ, явилась *чеканенная* монета, для которой употребляются благородные металлы, имѣющіе большую цѣнность, причемъ они удобно дробятся. Сначала приготовлялись мѣдныя деньги. Металлъ былъ нечистъ, такъ какъ выдѣлка его была въ то время несовершенна. Добываніе драгоцѣннаго металла было въ древности ничтожно.

§ 63. Денежные посредники, купля-продажа. Монетная система.

Чтобы выяснить себѣ назначеніе монеты нужно припомнить, какую роль играютъ деньги при куплѣ и продажѣ. Деньги составляютъ ходячій товаръ, за которымъ цѣнность признается

торымъ смазывается колесо обращенія. Сисмонди (Sismondi, Nouveaux Principes d' Ec. pol. V, 2) сравниваетъ деньги съ носильщиками. *Милль* говоритъ, что для торговли деньги тоже, что масло для машинъ, или желѣзныя дороги для движенія, ибо уменьшаютъ треніе. Нѣкоторые сравнивали деньги съ рѣчью. Шмитгеннеръ говоритъ, что онѣ относятся къ прочимъ цѣнностямъ, какъ литературный языкъ къ нарѣчію и подрѣчіямъ.—Рошеръ § 121.

всѣми и, по возможности, въ одинаковой степени. Деньгами могутъ сдѣлаться только дѣйствительныя цѣнности. Такимъ образомъ, 1-ый элементъ въ понятіи о деньгахъ это представленіе о ихъ *дѣйствительной цѣнности*. Затѣмъ деньги не служатъ для непосредственнаго потребленія, но ими пріобрѣтается то, что человѣку нужно, слѣдовательно, онѣ имѣютъ посредническую роль, благодаря которой обособляются купля и продажа. Такъ что 2-й элементъ это *характеръ мѣноваго посредника*. Чтобы деньги болѣе соотвѣтствовали послѣднему назначенію, онѣ должны быть и мелкаго, и крупнаго размѣра, чтобы ими можно было купить всякое количество товара, имѣть ихъ при себѣ. Слѣдовательно, онѣ должны имѣть особенность пригоняться и къ мелкимъ, и къ крупнымъ сдѣлкамъ, вообще, чтобы при куплѣ и продажѣ можно было произвести ими платежъ, нужно, чтобы деньги легко считались. Такъ что 3-й элементъ—ето понятіе *платежнаго средства*. Далѣе деньги, будучи ходячимъ товаромъ, посредникамн и платежнымъ средствомъ, должны служить для измѣренія всѣхъ прочихъ цѣнностей. Очевидно, что если при уравненіи двухъ величинъ является третья, то ею и измѣряются первыя величины. Поэтому, 4-й элементъ въ понятіи денегъ есть *мѣрило* другихъ *цѣнностей*. Изъ послѣдняго элемента вытекаетъ понятіе о цѣнностяхъ неизмѣренныхъ и измѣренныхъ деньгами. Всякое опредѣленіе цѣнности на деньги называется *цѣною*.

Такъ какъ деньги имѣютъ четыре функцій, то приготовляемая монета должна соотвѣтствовать тѣмъ же требованіямъ.

Смотря по степени экономическаго развитія и средствамъ, народы употребляютъ для мѣны, какъ деньги, различные товары.

Такъ, въ первыя экономическія эпохи, когда народы пробавляются исключительно, или преимущественно дарами природы, когда трудъ прилагается почти исключительно къ звѣроловству, а потомъ къ скотоводству, скотъ и звѣриныя шкуры служатъ общимъ мѣновымъ товаромъ и мѣриломъ цѣнностей, т: е. деньгами. У киргизовъ лошади и овцы употребляются какъ деньги, а волчьи и ягнятьи шкуры какъ мелкая размѣнная монета. У черкесовъ деньгами служатъ быки, у ногайскихъ татаръ коровы, у персидскихъ же кочевыхъ племенъ овцы, а также иногда хлѣбъ, солома и шерсть. Латинское слово pecunia, деньги, происходитъ отъ pecus, скотъ. Въ древней Россіи вмѣсто нынѣшнихъ денегъ употреблялись

куницы. У другихъ народовъ, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, употребляются и другаго рода товары, вмѣсто денегъ. Такъ напр. *соль* на границахъ китайской и бирманской Имперіи, а также во внутренней Африкѣ. Въ Даркуллѣ 14-ти лѣтній невольникъ стоитъ 12 фунтовъ соли (*Ritter*, Afrika). Кирпичный чай въ Китаѣ и отчасти въ Сибири. Финикія—въ персидской области фиников. Бобы какао были размѣнною монетою въ Мексикѣ. У кафровъ—циновки, стрѣлы, стеклянные бусы, въ особенности же кольца изъ желтой мѣди. 300 или 400 такихъ колецъ составляютъ одинъ поясъ, а два пояса—цѣна коровѣ. У народовъ нѣсколько развитыхъ уже появляются металлическія деньги, желѣзныя, мѣдныя, оловянныя, серебряныя и золотыя. Самая древняя монета въ Греціи была желѣзная, какъ металлъ, добывавшійся въ Греціи и притомъ металлъ необходимый для хозяйства даже самаго неразвитаго. Точно также въ Сенегамбіи до сихъ поръ употребляется желѣзная монета. У римлянъ первыя монеты были мѣдныя, потомъ выбили они въ первый разъ себѣ серебряныя деньги, въ 269 г. до Р. Х. и, наконецъ, золотыя, въ 207 г. до Р. Х. Въ Египтѣ до 2 вѣка по Р. Х. преобладала золотая монета. Вообще нужно замѣтить, что чѣмъ болѣе развивается народъ экономически, чѣмъ шире его промышленные обороты, а потому и чаще расплаты, особенно если онѣ значительны, тѣмъ болѣе чувствуетъ онъ надобности въ металлическихъ деньгахъ, тѣмъ удобнѣе ему употреблять для денегъ тотъ металлъ, который дороже. Вотъ почему въ Англіи и во Франціи, напр., въ торговлѣ преобладаетъ золото, а серебро служитъ только размѣнной монетой. (Въ Англіи золотая монета выбита въ первый разъ при Генрихѣ III (+1272); въ Венеціи нѣскольно ранѣе).

Предпочтеніе, которымъ пользуются преимущественно и постоянно, особенно у образованныхъ народовъ, *благородные металлы* какъ орудіе мѣны, происходитъ отъ слѣдующихъ причинъ: 1) *цѣнность* ихъ *высока и постоянные* другихъ товаровъ. Высота ихъ цѣнности происходитъ именно отъ того, что ихъ блескъ, звонъ и вообще красота придаютъ имъ въ глазахъ всѣхъ значительную полезность и, кромѣ того, они, въ сравненіи съ требованіемъ на нихъ, довольно рѣдки, а потому и предложеніе ихъ болѣе или менѣе ограничено, ибо люди не могутъ увеличивать количество ихъ по своему произволу, или же должны затрачивать значитечьные

капиталы на ихъ добываніе. 2) Они способны сохраняться, т. е. не тлѣть и не портиться вообще отъ сырости, холода, жара и т. п. Такая прочность придаетъ имъ особенную цѣнность. Можетъ быть еще и нынѣ, говоритъ Рошеръ, обращаются нѣкоторыя монеты, матеріалъ для которыхъ добытъ Филиппомъ Македонскимъ, или изъ испанскихъ серебряныхъ рудниковъ временъ Аннибала. 3) Они способны, подобно другимъ металламъ, принимать всякую форму и всякій размѣръ, такъ что цѣнностію ихъ можно опредѣлять цѣны, какъ самыхъ дорогихъ, такъ и самыхъ дешевыхъ товаровъ. 4) Соединяя въ себѣ высокую цѣнность съ очень незначительнымъ объемомъ, они удобны для перевозки. Всякій другой товаръ, кромѣ алмазовъ и нѣкоторыхъ другихъ драгоцѣнныхъ камней, болѣе громоздокъ, объемистъ, чѣмъ золото и серебро. Но драгоцѣнные камни не могутъ такъ легко, какъ металлы, принимать всякую форму и размѣръ; притомъ, съ уменьшеніемъ ихъ размѣра не пропорціонально, а въ прогрессіи возростающей уменьшается ихъ цѣнность. 5) Самая чеканка денегъ изъ благородныхъ металловъ не представляетъ никакихъ особенныхъ затрудненій и обходится дешево*). Легко обозначать на нихъ ихъ вѣсъ (poids, Schrôt) и достоинство (titre, korn), пробу, а потому и избавлять торгующихъ и вообще все общество, пользующихся монетнымъ орудіемъ мѣны, отъ затрудненія каждый разъ взвѣшивать и узнавать количество чистаго металла. Для того именно, чтобъ всѣ были увѣрены въ достоинствѣ и вѣсѣ металла, изъ котораго сдѣланы деньги, и чтобы такимъ образомъ доставить въ этомъ отношеніи надлежащее обезпеченіе обществу, правительства образованныхъ государствъ принимаютъ, обыкновенно, производство или выдѣлку денегъ, т. е. *чеканку монеты* на себя, или же строго слѣдятъ за нею.

Въ международной торговлѣ употребляются преимущественно золотые и серебрянные слитки, которые каждый разъ тщательно взвѣшиваются и пробуются. Такое предпочтеніе слиткамъ въ международной торговлѣ происходитъ отъ того: 1) что въ различныхъ государствахъ употребляются различныя деньги и 2) что въ международныхъ отношеніяхъ трудно избавиться отъ обмѣна въ деньгахъ; 3) выгоднѣе перевозить чистое золото и серебро въ слиткахъ, не-

*) Издержки на чеканку серебра во Франціи простираются съ 1849 г. до $^3/_4$ процента, а на чеканку золота, съ 1835 г., не вполнѣ до 2 процентовъ на тысячу (M. Chevalier. Cours, III, p. 110—Рошеръ, § 120).

жели въ монетѣ, такъ какъ для уменьшенія потери золота и серебра отъ тренія, въ монетахъ примѣшиваются къ золоту и серебру лигатура, т. е. мѣдь, или другой металлъ.

Выборъ металловъ, изъ которыхъ, равно какъ и способы, по которымъ производится чеканка монеты, составляютъ монетную систему. Первый вопросъ при анализѣ нормальныхъ основаній монетной системы состоитъ въ томъ: слѣдуетъ-ли считать только на золотую монету, или только на серебряную, или и на золотую и на серебряную, и въ какомъ отношеніи будутъ въ этомъ случаѣ оба между собою находиться, можно ли сверхъ драгоцѣнныхъ монетъ приготовлять еще монету изъ простаго металла и на какомъ основаніи? Деньги имѣютъ задачею быть мѣриломъ цѣнъ. Слѣдовательно, въ самой монетной системѣ цѣну придется опредѣлить на одну монету, приготовленную изъ одного металла. Такъ металлъ, который служитъ единицею измѣренія, или основаніемъ монетной системы, называется *основнымъ* (ètalon, standard). Затѣмъ является вопросъ, отчего не чеканить и серебряную и золотую монету такъ, чтобы онѣ стояли въ неизмѣнномъ отношеніи другъ къ другу, чтобы напр., полуимперіалъ стоилъ всегда 5 руб. 15 коп. Во многихъ государствахъ, дѣйствительно, является двойственная система (двоякій étalon—gemischte währung, по Воловскому—double mode de payement légal). Такимъ образомъ существуютъ 3 системы: золотая, серебряная и двойственная. Но несостоятельность послѣдней системы доказывается тѣмъ, что золото есть цѣнность, серебро также, оба они суть товары и въ монетѣ получаютъ извѣстную хозяйственную затрату, причемъ цѣна ихъ, какъ товаровъ, мѣняется. Можетъ случиться, что золота будутъ болѣе требовать, чѣмъ серебра, за золото будутъ давать болѣе и серебро сдѣлается дешевле. Тогда неизмѣнное отношеніе ихъ по цѣнѣ, какое установлено въ данной монетной системѣ, будетъ не нормально. Если полуимперіалу монетная цѣна 5 руб. 15 коп., а на рынкѣ даютъ за то же количество золота 5 руб. 95 коп., то золото въ слиткахъ окажется дороже, чѣмъ въ монетѣ, серебро въ слиткѣ же дешевле: однимъ словомъ узаконенная цѣна нарушится.

Законное отношеніе золота къ серебру, слѣдовательно, неустойчиво. При указанномъ выгодно требовать въ платежахъ за товары золота, потому что продавецъ выигрываетъ на каждый полуимперіалъ 80 к. Онъ полуимперіалы обратитъ въ слитки, или въ видѣ полуимпе-

ріаловъ же продастъ на рынкѣ по 5 руб. 95 коп. на сплавъ. Такое послѣдствіе обнаруживалось уже давно, такъ какъ прежде вездѣ придерживались двойственной системы; безуспѣшно было, что закономъ запрещено плавить монету, равно какъ и монету вывести заграницу, одни запрещенія ни къ чему не повели *). Вообще въ обращеніи въ дѣйствительности оказывается всегда только одна монетная единица. Во Франціи до германской войны существовала въ обиліи золотая единица. Теперь же послѣ уплаты контрибуціи въ обращеніи преобладаетъ серебро. За двойственною системою, не смотря на неудобства, признаютъ то преимущество, что можно чеканить монету серебряную низшаго достоинства, какъ это и дѣлаютъ Бельгія, Франція, Швейцарія, Италія на основаніи монетной конвенціи 1865 года **), (кромѣ серебряныхъ пяти франковиковъ). Но это преимущество крайне сомнительное. Раціональнѣе перейти къ единичной системѣ. Двойственныя системы, между прочимъ, выяснили и подтвердили тотъ фактъ, что лучшая монета, которая считается по чеканкѣ дешевле своей рыночной цѣны, вытѣсняется изъ обращенія всегда худшею. Мы и у насъ видѣли, какъ золото вытѣсняется серебромъ, а серебро бумажными деньгами. Считаясь съ непоборимою силою фактовъ, только и остается рѣшить вопросъ, какой металлъ слѣдуетъ избрать для монетной единицы? Необходимо избрать какъ основаніи системы тотъ, цѣнность котораго сравнительно постояннѣе. Со второй половины текущаго столѣтія цѣна серебра была постояннѣе.

Въ 1847 и 1851 годахъ (Калифорнія и Австралія) открыты обильныя розсыпи и перестали добывать рудокопнымъ способомъ шлиховое, почему добычи золота стала расти. Съ 60-хъ же годовъ цѣна серебра оказалась постоянно возвышающеюся, по случаю сравнительной неподвижности добычи при усиливающемся спросѣ въ О. Индію и Китай, а потому за основаніе монетной системы необходимо принять золото; тѣмъ болѣе, что золото въ меньшемъ объемѣ содержитъ большую цѣнность. Серебряная монетная единица пригоднѣе тамъ, гдѣ сдѣлки бываютъ не на крупныя суммы.

*) *Hartmann*, über den rechtlichen Begriff des Geldes und den Inhalt von Geldschulden, 1868 г., стр. 83.

**) *Leon*, La convention monétaire de 1865 et l'uniformité des monnaies, Paris 1868,—*Wolowski*, l'or et l'argent, Paris, 2-e ed., 1870 г.—*Seyd*, on bullion and foreign echanges, London. 1868 г.—*Steuart*, Principles, III, 1, ch 5.—*Chevalier*, question monetaire, Paris, 1870 г.

Далѣе основная монета должна служить для всѣхъ остальныхъ въ той же системѣ счетною единицею. Какой величины должна быть послѣдняя, указываетъ опытъ. Піастръ турецкій (5 коп.) очень малъ, тоже и испанскій рейсъ (3 коп.), французскій франкъ (25 коп.) и анг лійскій шиллингъ (33 коп.) болѣе соотвѣтственны. Наиболѣе же распространенная счетная единица оказывается около рубля, это историческій, благодаря всемірный монархіи Карла V, обошедшій новый и старый свѣтъ талеръ и долларъ. Въ Гамбургѣ положено было еще въ XVII ст. считать на серебро въ слиткахъ, которое хранится въ джиробанкѣ, единица счета опредѣлялась по вѣсу, на фунты серебра и его части (марка банко); сама же счетная монета не чеканилась, а оставалось банковою или фиктивною, какою былъ и фунтъ стерлингъ. Для оптовой торговли важно, чтобы счетная монета была крупная; для домашняго же обихода необходима мелкая, которая притомъ бы удобно дробилась. Для внѣшней торговли напр. можно взять счетную единицу въ 20 разъ большую общеходячей. Спрашивается на сколько частей дробить? Всего удобнѣе дробить по десятичной системѣ, потому что такая монета проще переводится на заграничную, хотя обиходъ опять таки отдаетъ предпочтеніе 12 долевому дѣленію *).

Для облегченія оптовой торговли существуетъ еще сборная монета, которая должна чеканиться полной пробы, иначе она за границею понизится въ цѣнѣ. Можно чеканить ее изъ двухъ металловъ, но счетную монету слѣдуетъ чеканить изъ одного металла, хотя бы и не основнаго. Въ Германіи постановлено 4-го декабря 1871 г. счетную единицу—марку—соединять въ 20 марковики—Wilhelmsthaler, которые по достоинству равнялись бы 1 и 25 fr., но оказалось небольшое уклоненіе въ пробѣ *). 20, или 15, 10 и 5 марокъ будутъ уже *сборная монета*, ихъ то чеканить слѣдуетъ изъ основнаго металла; но если основной металлъ золото, то сборную монету нужно чека-

*) *Roscher*, Betrachtungen über die Währungsfrage der deutschen Münzreform, Berlin, 1872 г. — Denckschrift, betreffend deutsche Münzeinigung, v. Ausch. d. d. Handelstages am 27 Mai 1869 г. — *Goldschmidt*, Handbuch des Handelsrechts, I, 2 стр. 1175.—*Samter*, die Reform des Geldwesens, Berlin. 1869 г.—*Knies*, das Geld, Berlin, 1873 г.

*) *Kameke*, die neuen Reichsgoldmünzen, Berlin, 1872 г.—*Eggers*, die Geldreform, Berlin, 1873 г.

нить до того размѣра, при которомъ она не слишкомъ мелка *), а отъ него чеканить серебрянную. Но одновременно чеканить тѣхъ же купюровъ сборную монету и золотую и серебрянную (каковы во Франціи 5 франковики) лишне, потому что тогда одна изъ нихъ, какъ лучшая въ дѣйствіяхъ обращенія исчезнетъ; серебрянная монета сборная не должна оказаться слишкомъ большаго размѣра, а золотая слишкомъ малаго—вотъ единственное убѣдительное соображеніе.

Заграничные торговцы принимаютъ всякую иностранную монету по вѣсу, какъ чистый металлъ; а если проба будетъ ниже нарицательной цѣны монетъ, то соотвѣтственно цѣниться будетъ она ниже. Затѣмъ, если въ обращеніи вообще отъ меня всякій принимаетъ извѣстную монету въ такой же зачетъ, въ какой и я ее получилъ, то мнѣ все равно, стоитъ ли въ дѣйствительности копѣйка $^1/_{100}$ рубля, или только, по содержанію металла, равняется $^1/_{400}$. Слѣдовательно, можно долевую монету обратить въ знакъ, а о цѣнности ея, или т. н. внутренномъ содержаніи, заботиться нечего. Таковы основанія чеканки для размѣнной монеты *).

Согласно изложенному, въ монетной системѣ нужно различать: основную монету, которая чеканится изъ основнаго металла, затѣмъ счетную монету, которая можетъ чеканиться и не изъ основнаго металла и даже вовсе не чеканиться, далѣе существуетъ еще сборная монета, которую не слѣдуетъ чеканить свыше и ниже опредѣленнаго размѣра изъ каждаго металла; меньшаго размѣра, чѣмъ счетная, монета распадается на дробную и на размѣнную. Дробная— это не знакъ денежный, а та, которую невозможно чеканить изъ безцѣннаго сплава (75, 50, 30, 25 коп.), а размѣнная чеканится прямо какъ знакъ, пользующійся до предѣльной суммы обязательнымъ пріемомъ (legal tender) и безпорною обращаемостію, почему для нея возможно выбирать любую негромоздкую форму и красивой, неокисляющійся сплавъ. Таковы монетныя подраздѣленія шиллинга, марки, франка и нашей четверти рубля.

Принятіе приведенныхъ соображеній для однообразной чеканки всѣхъ разрядовъ монетъ, наравнѣ съ тождественною системою ихъ

*) Такъ при enquête de 1868 г. опрошенныя chambres de commerce и perceptеurs des impôts называли золотые пятифранковики trop perdables. Именно купюръ или размѣръ денежнаго кружка долженъ соображаться съ утеряемостію и помѣстительностію

**) *Brückner*. Kupfergeldkrisen, St Petersburg, 1867 г.

подраздѣленія (десятичною), только и можетъ создать то внѣшнее совпаденіе монетныхъ единицъ, которое стремятся путемъ международныхъ соглашеній водворить подъ названіемъ единства монетъ *). мѣръ и вѣсовъ. Колебанія же цѣнъ на металлы драгоцѣнные въ монетахъ разныхъ странъ, или движенія, такъ называемаго, денежнаго курса, естественно одимъ тѣмъ не упразднятся: устранить ихъ экономически и немыслимо, разъ несомнѣнно, что деньги—товаръ, да притомъ самый ходячій. Единство монетъ и въ такомъ смыслѣ, однако, пока менѣе успѣшно распространяется, чѣмъ мѣръ и вѣсовъ.

Мѣна, превращаясь въ куплю и продажу, пріобрѣтая тѣмъ вполнѣ организованную форму, требуетъ сложной монетной системы. Кромѣ звонкой монетной въ послѣднюю входятъ еще суррогаты монетъ, или денежные знаки. Это—кредитныя обязательства и бумажныя деньги. Помимо монеты и денежныхъ знаковъ обращеніе другихъ основаній не имѣетъ, безъ нихъ сдѣлокъ не производится. Всякій мѣновой оборотъ, всякая купля и продажа сопряжены съ выдачею или звонкой монеты, или денежныхъ знаковъ. Такая выдача называется платежемъ, а мѣновыя посредники платежными средствами. Купли и продажи тѣмъ удовлетворительнѣе могутъ состояться, чѣмъ удовлетворительнѣйшимъ платежнымъ средствомъ являются деньги, монеты и денежные знаки.

ГЛАВА XII.

Денежное обращеніе. Платежи внутренніе и международные.

§ 64. Предложеніе, спросъ и стоимость, какъ элементы цѣнъ. Движеніе и установленіе цѣнъ въ зависимости отъ общаго уровня хозяйства.

Сверхъ того, осуществленіе торговыхъ оборотовъ зависитъ отъ двухъ соотношеній: количества товара для продажъ, или *предложенія*, и количества покупныхъ средствъ, или *спроса*. При куплѣ и продажѣ цѣнности измѣряются деньгами и получаютъ *цѣну*. Цѣна же опредѣляется на основаніи неизмѣнныхъ началъ, управляющихъ движеніями спроса и предложенія.

Если на рынкѣ огромное предложеніе, то продавцы уступаютъ большое количество товара за меньшее количество денегъ, или цѣна

*) Xeller, zu der internationalen Münzgeinigung, 1869 r.

понижается; если же предложеніе ничтожно, то цѣна повышается. Такъ что цѣна находится въ обратномъ отношеніи къ предложенію. Затѣмъ, цѣна возвышается, если имѣется много средствъ для покупокъ и наоборотъ. Такъ что цѣна находится въ прямомъ отношеніи къ спросу. На рынкѣ, куда являются съ цѣлью купить или продать, движеніе мѣновое стремится уравновѣсить предложеніе со спросомъ. Если предложеніе слабо, то подвозятъ товару. Въ этомъ заключается распредѣляющее занятіе торговаго класса, онъ старается воспользоваться цѣною устойчивою, и избавлять ее отъ колебаній не только путемъ своза и подвоза, но и охраненіемъ средняго уровня.

Для цѣны есть естественный уровень, это — во что обходится товаръ, т. е. издержки его производства; этотъ естественный уровень, или стоимость товара, не совпадаетъ съ понятіемъ о цѣнѣ, которая есть деньгами выраженная пригодность товара для потребленія. Цѣнность опять зависитъ отъ силы потребностей даннаго лица. Издержки же производства придаютъ болѣе точную величину товару, порождаютъ параллельную цѣнности—стоимость (prix de revient, Kosten). Если рыночная цѣна ниже стоимости, то никто даже производить соотвѣтственнаго товара не будетъ. Если же цѣна выше, то будутъ расширять производство, будутъ возникать новыя по немъ предпріятія. Вотъ почему, третій элементъ цѣны—стоимость товара, или издержки его производства. Каждый изъ приведенныхъ элементовъ цѣны старается уравновѣсить вліяніе остальныхъ.

Если извѣстнаго товара нельзя произвести и неоткуда привести его, онъ рѣдкостенъ, то предложенія его нельзя усилить. Тогда стоитъ только спросу выйти изъ равновѣсія съ предложеніемъ, и цѣна при своемъ повышеніи превзойдетъ всѣ границы стоимости. Такъ что приведенный разрядъ товаровъ получаетъ цѣну подъ преобладающимъ вліяніемъ предложенія и далеко не весь спросъ удовлетворяется. Напр. картины Рафаэля, Корреджіо и друг.

Количество же другихъ товаровъ можетъ быть увеличено новымъ производствомъ. При этомъ бываетъ два случая: 1) когда издержки не увеличиваются, а сохраняютъ туже пропорцію, и 2) когда издержки производства добавочныхъ количествъ товару увеличиваются прогрессивно. Въ первомъ случаѣ предложеніе товара можетъ усиливаться безпрепятственно, до полнаго уровня спроса,

такъ какъ издержки не мѣняются, порознь на отдѣльный товаръ. Спросъ не будетъ имѣть вліянія на цѣну, потому что предложеніе можетъ удовлетворять ему. Поэтому спросъ не вызываетъ повышенія при пониженіи цѣны, предложеніе также: издержки же, или стоимость одна вліяетъ; слѣдовательно, цѣна такихъ издѣлій зависитъ отъ совершенствованій производства и отъ движенія издержекъ. Къ третьему разряду принадлежатъ товары, при производствѣ которыхъ нельзя увеличить ихъ количества безъ прогрессивнаго увеличенія издержекъ. Земля, напр., даетъ урожай самъ 8 въ 1-ый годъ, во 2-ой она не дастъ самъ 8 безъ унаваживанія. Если на подобные товары спросъ не поддается сокращенію, то увеличеніе предложенія зависитъ отъ одной возможности покрытія издержекъ по наименѣе выгодному ихъ производству. Слѣдовательно, здѣсь цѣна покрываетъ наивысшія издержки. Словомъ—цѣна опредѣляется количествомъ покупныхъ средствъ, или находится въ первомъ мѣстѣ подъ вліяніемъ спроса, всѣ имѣющіе средства дѣйствительно и покупаютъ.

Такимъ образомъ, относительно взаимоотношеній предложенія, спроса и стоимости, при установленіи цѣнъ, существуютъ 3 разряда товаровъ: 1-ый разрядъ, главное вліяніе имѣетъ предложеніе: рѣдкостные товары. 2-ой—стоимость; мануфактурныя и ремесленныя издѣлія. 3-й—спросъ; предметы первой необходимости, т. е. произведенія сельскаго хозяйства и вообще добывающей промышленности. Но отдѣльные товары могутъ изъ одного разряда переходить въ другой.

Цѣны по необходимости должны измѣняться вслѣдствіе различныхъ причинъ. Для надлежащей оцѣнки, слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду, что если измѣняется взаимное отношеніе цѣнъ двухъ товаровъ, то по одному такому измѣненію двухъ цѣнъ, нельзя судить съ какой стороны произошло измѣненіе. Такъ напр. если нынѣ пара сапогъ которая стоила 4 руб., стоитъ 12 руб.; то неизвѣстно деньги ли подешевѣли или сапоги вздорожали, ибо деньги, какъ цѣнность, такой же товаръ, какъ и всякій другой и подобно всякому другому колеблются въ цѣнѣ.

Ни въ одной области народнаго хозяйства, (Рошеръ § 100) не обнаруживается такъ ясно вліяніе личнаго интереса, какъ при опредѣленіи цѣнъ, которыя установляются обыкновенно *вслѣдствіе борьбы противоположныхъ интересовъ*. Каждый хочетъ пріо-

брѣсти отъ другихъ наивозможно большее количество предметовъ и наивозможно менѣе пожертвовать своего. Въ этой борьбѣ побѣждаетъ обыкновенно сильнѣйшая сторона, и цѣна становится выше или ниже, смотря потому, у кого болѣе средствъ: у продавца, или у покупателя. (Были въ Сахарѣ, въ Африкѣ, случаи когда при палящемъ вѣтрѣ, который изсушиваетъ кожанные мѣхи каравана, глотокъ воды стоилъ отъ 12 до 600 руб. сер.). Болѣе или менѣе крайній произволъ можетъ въ этомъ случаѣ давать перевѣсъ только въ вѣка варварства, при отсутствіи законности, когда права труда и личности вообще слишкомъ мало или и вовсе не обезпечены. Въ просвѣщенныхъ же странахъ, сильнѣе при опредѣленіи цѣнъ тотъ, кто менѣе нуждается въ чужомъ товарѣ. Разумѣется, чтобы вести успѣшно торгъ, надо умѣть и дѣлать предложеніе, и спросить товару. Впрочемъ, во всякомъ уже установившемся народномъ хозяйствѣ эта борьба подвержена разнаго рода смягченіямъ: тутъ или *народный обычай* клеймитъ дозволенное законами, но достойное порицанія, притѣсненіе соперника, и притомъ клеймитъ тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе существуетъ дѣйствительнаго *соперничества*; или же борьба смягчается тѣмъ, что въ развитыхъ хозяйствахъ всякій *требуемый* товаръ *предлагается многими* и всякій *предлагаемый товаръ многими спрашивается*. Какъ скоро многіе стремятся къ одному и тому же предмету, то естественно является соревнованіе достигнуть желаемой цѣли, даже съ большею противъ другихъ жертвою. Чѣмъ болѣе спросъ товара перевѣшивается предложеніемъ, тѣмъ *ниже* цѣна; чѣмъ болѣе, на оборотъ, предложеніе перевѣшивается спросомъ, тѣмъ она *выше*. Конечно, тутъ дѣло не въ одной только *массѣ* предлагаемыхъ или спрашиваемыхъ вещей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ *объемѣ*, и въ *силѣ* предложенія или спроса (пенни временъ Генриха VII былъ однажды проданъ за приблизительно 4,000 руб.).

Если въ мѣнѣ силы договаривающихся равны, или, другими словами, если оба съ одинаковою выгодою и съ одинаковымъ желаніемъ могли бы приступить къ мѣнѣ, то является *сходная* или *средняя* цѣна, въ которой обѣ стороны равно находятъ *свой разсчетъ*. Здѣсь выигрываетъ каждый, потому что отдаетъ, по своимъ понятіямъ, менѣе нужное, а получаетъ въ обмѣнъ болѣе нужное. Съ точки же зрѣнія народнаго и міроваго хозяйства отдаваемыя и получаемыя цѣнности равны.

Предметы болѣе необходимые всегда имѣютъ опредѣленное число покупателей. Отъ предметовъ роскоши можно добровольно отказаться, но отъ необходимыхъ никогда. Такъ напр. если оказывается недостатокъ въ хлѣбѣ, скорѣе откажутся отъ всѣхъ остальныхъ предметовъ потребленія, нежели отъ него. По этому: а) когда уменьшается предложеніе предметовъ роскоши, тогда цѣна ихъ возвышается; но такъ какъ они дороги и не всѣ имѣютъ возможность ихъ покупать, то спросъ на нихъ уменьшается и цѣна ихъ возвышается въ *меньшей степени*, чѣмъ бы можно было ожидать на основаніи одного размѣра предложенія; и на оборотъ усилившееся, а слѣдовательно и понижающее цѣну предложеніе такихъ предметовъ, потребленіе которыхъ можетъ расширяться (вино, чай, кофе и пр.), вызываетъ и расширеніе запаса, противодѣйствующее въ свою очередь пониженію цѣнъ; б) совершенно не то съ предметами необходимыми. Когда недостатокъ въ хлѣбѣ или когда уменьшается его предложеніе, тогда цѣны на него быстро подымаются, а потребленіе не уменьшается вообще, или очень мало. Спросъ въ такомъ случаѣ никогда не идетъ параллельно съ предложеніемъ, ибо размѣры спроса не зависятъ въ достаточной степени отъ человѣческой воли. Поэтому, такъ какъ предложеніе измѣняется быстрѣе, чѣмъ спросъ, то цѣны предметовъ необходимыхъ подвержены сильнѣйшимъ колебаніямъ, нежели цѣны менѣе необходимыхъ предметовъ. Особенно сильно колеблются цѣны на хлѣбъ, и притомъ въ иномъ отношеніи, чѣмъ въ простомъ обратномъ къ обилію урожая. Такъ напр. въ Англіи хлѣбныя цѣны возвышались не рѣдко на 100 и 200 процентовъ, когда урожай былъ только на $^1/_6$ и до $^1/_3$ ниже средняго, и недостатокъ смягчался иностраннымъ ввозомъ *).

*) Были дѣлаемы опыты точнаго опредѣленія, въ цифрахъ, отношеній цѣнъ къ спросу и предложенію. Особенно старались опредѣлить цѣны на хлѣбъ при большемъ или меньшемъ неурожаѣ. Но конечно, такое опредѣленіе невозможно, ибо хотя цѣны зависятъ отъ спроса и предложенія, но спросъ и предложеніе въ свою очередь зависятъ отъ многихъ причинъ, какъ напр отъ страха войны, неурожая, отъ увѣренности получить хлѣбъ изъ за границы и пр. Авторъ знаменитый *исторіи цѣнъ*, Тукъ вычисляетъ что *уменьшеніе* урожая:

на 10	процентовъ	поднимаетъ	цѣну	на	хлѣба	на	30	процентовъ.
» 20	»	»	»	»	»	»	80	»
» 30	»	»	»	»	»	»	160	«
» 40	»	»	»	»	»	»	280	»
» 50	»	»	»	»	»	»	450	»

Разумѣется, такое возвышеніе цѣнъ тѣмъ возможнѣе, чѣмъ затруднительнѣе подвозъ изъ за границы

На цѣны вообще имѣютъ вліяніе обстоятельства, отъ которыхъ зависятъ объемъ спроса и предложенія. Такъ напр. вездѣ сельскіе жители должны удерживать отъ продажи часть своихъ хлѣбныхъ запасовъ для своихъ домашнихъ потребностей и пр. Но отношеніе этой части къ цѣлому урожаю въ различныхъ странахъ весьма различно (въ Англіи на посѣвъ оставляется 38,8 процентовъ, въ Бельгіи 40, а въ Саксоніи до 50 процентовъ той части средняго урожая, которая идетъ на рынокъ). Точно также одинаково дурная жатва должна вліять на цѣну весьма различно при сильномъ ввозѣ, или вывозѣ.

Вліять на цѣну можетъ только *спросъ имѣющій средства къ платежу* *). Народъ, состоящій почти изъ однихъ пролетаріевъ, вытерпитъ послѣ дурнаго урожая множество случаевъ голодной смерти, а цѣна на хлѣбъ мало повысится **). На оборотъ, нѣтъ почти возможности опредѣлить границы возвышенія цѣны на хлѣбъ тамъ, гдѣ большинство жителей пользуется благосостояніемъ, гдѣ богатые по мѣрѣ надобности помогаютъ пролетаріямъ, или путемъ благотворительности, или налогами въ пользу бѣдныхъ и т. п. Съ этимъ связано и то, что при вздорожаніи предметовъ первой необходимости, спросъ на предметы, безъ которыхъ можно обойтись, уменьшается и на оборотъ. Чѣмъ выше поднимается цѣна товара, тѣмъ естественно тѣснѣе становится кругъ тѣхъ людей, которые въ состояніи за него платить.

Въ правильномъ же народномъ хозяйствѣ продавецъ обращаетъ обыкновенно почти исключительное вниманіе на стоимость своего товара. Такъ какъ никто не желаетъ терять, то каждый продавецъ беретъ minimum требуемой имъ цѣны, т. е. во что ему самому товаръ обошелся (издержки производства, перевозки, или закупки). Въ цѣну эту входятъ часть постояннаго, или основнаго, и весь оборотный капиталъ, употребленные на производство, а также и необходимый барышъ, болѣе или менѣе обезпечивающій рискъ предпріятія (Рошеръ §§ 105, 106).

---

*) Въ Неаполѣ былъ случай, когда цѣна на хлѣбъ *послѣ дурнаго урожая* была всетаки низка, потому что въ тоже время неудался и сборъ масла, и бѣдняки ничего не могли добывать въ этой важной отрасли промышленности.

**) Во время Ирландскаго голода 1821 г., когда картофель страшно поднялся въ цѣнѣ, пшеница вовсе не поднялась, и по этому постоянно вывозилась во все это время за границу.

Предметы съ равными издержками производства имѣютъ постоянно равную рыночную цѣну *). «Всякое отступленіе отъ этого уровня, говоритъ Рошеръ, приводитъ тотчасъ же въ движеніе силы, стремящіяся возстановить его. Это, словно море, стремящееся къ своему уровню, не смотря на горы и пропасти, образуемыя на немъ вѣтромъ и волнами». Другими словами, за высокими цѣнами на какія либо цѣнности слѣдуетъ приливъ на рынокъ этихъ цѣнностей, а за низкими цѣнами слѣдуетъ отливъ ихъ. Ад. Смитъ въ этомъ смыслѣ говоритъ: издержки производства образуютъ центръ, къ которому тяготѣютъ рыночныя цѣны (I, 7).

Если рыночная цѣна поднимается гораздо выше издержекъ производства, то производители получаютъ большую противъ обычной въ странѣ прибыль. Это побуждаетъ ихъ усиливать производство выгодно-продаваемыхъ цѣнностей: на такую отрасль промышленности обращаются по возможности и новые предприниматели, т. е. являются конкурренты первымъ производителямъ. Такимъ образомъ, увеличивается на рынкѣ предложеніе этихъ цѣнностей до тѣхъ поръ, пока не понизится цѣна до обыкновенной прибыли. Не трудно понять услугу, которую оказываетъ такимъ образомъ всему обществу конкурренція, не слѣдуетъ только упускать изъ виду и того, что если предприниматели получаютъ большій противъ обыкновеннаго барышъ, когда цѣна на ихъ произведенія высока, то это или потому, что они создаютъ новый родъ товаровъ, или находятъ средства производить его дешевле другихъ, или же наконецъ предлагаютъ его тогда, когда его мало на рынкѣ, а требованіе на него болѣе или менѣе значительно. Во всѣхъ этихъ случаяхъ они оказываютъ значительную услугу хозяйству, и вознаграждаются высокими цѣнами. На такое вознагражденіе эти предприниматели имѣютъ тѣмъ большее право, что удешевленіе производства старыхъ и введеніе новыхъ цѣнностей обращается въ постоянную пользу для общества. Точно также полезна и спекуляція предусмотрительная и дальновидная, которая сберегаетъ товары на тотъ случай, когда ихъ количество на рынкѣ окажется соотвѣтственно малымъ, въ сравненіи съ спросомъ или покупными средствами на нихъ.

---

*) Une chose n'a pas de valeur par ce qu' elle coûte, mais elle coûte (du travait ou de l'argent) parcequ'elle a une valeur. Condillac, commerce et gouvernement, p. 16.

Временная дороговизна въ такихъ случаяхъ ведетъ къ послѣдующей дешевизнѣ, выгодной для всего общества, и потому весьма вѣрно сказалъ Дюпонъ-де-Немуръ: то что называютъ иногда дороговизной, есть единственное средство противъ дороговизны же *). Всякое, слѣдовательно, уменьшеніе издержекъ производства **) идетъ сначала обыкновенно въ пользу производителей, а потомъ уже постоянно и потребителей. Это начало въ высшей степени благодѣтельно; законъ экономическій слѣдуетъ тому же пути, какъ и положительное законодательство въ своихъ привиллегіяхъ на изобрѣтенія. Ни что такъ не побуждаетъ къ улучшеніямъ, какъ увѣренность въ наживѣ для первыхъ нововводителей. Но такъ какъ впослѣдствіи улучшеніе принимается всѣми, то и выгода отъ него обращается въ общее достояніе народа.

По всему этому, необходимо представить промышленникамъ и вообще торговцамъ право свободно назначать цѣну на свои произведенія и товары. Когда производители требуютъ непомѣрно высокихъ цѣнъ, то этимъ они вредятъ прежде всего и болѣе всего самимъ себѣ, поставить такими цѣнами покупателей въ затрудненіе они могутъ лишь тогда, когда недостаточно свободы у труда и слишкомъ много монополій, или вообще злоупотребленій. Для производителей выгоднѣе, въ общей сложности, брать возможно не высокія цѣны — тѣмъ болѣе у нихъ покупателей. Это вообще сознаютъ производители, по крайней мѣрѣ тѣ, которые способны пользоваться одними средствами къ честной наживѣ. По этому соперничество, стремившееся бывало прежде къ юридическому исключенію всѣхъ соперниковъ (т. е. къ привиллегіямъ, монополіямъ, откупамъ), стремится теперь главнымъ образомъ къ тому, чтобы усвоить ихъ техническія улучшенія, а благодаря этому оно увеличиваетъ истинные источники народнаго хозяйства.

Большая часть предметовъ производится одновременно нѣсколькими, или и многими производителями, но при различныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, а потому и съ различными издержками производства. Это, конечно, имѣетъ вліяніе на цѣны, въ та-

*) Ce que l'on appelle cherté, c'est l'unique remede á la cherte. Dupon de Nemours.

**) Открытіемъ новыхъ силъ природы, изобрѣтеніемъ машинъ, лучшимъ раздѣленіемъ труда, проложеніемъ удобныхъ дорогъ и пр.; вслѣдствіе успѣховъ техники, центнеръ натра понизился въ цѣнѣ съ 100 на 9 франковъ.

комъ случаѣ, хотя и существуетъ конкурренція, но она не полна: нѣкоторые находятся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели другіе, у одного машины приводятся въ движеніе даровою силою, которою не могутъ пользоваться другіе, а такъ какъ *естественная, необходимая цѣна* опредѣляется безусловно-необходимыми и чаще всего *меньшими* издержками производства, то предприниматели, находящіеся въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ производства, имѣютъ возможность соперничать съ болѣе счастливыми соперниками въ такомъ лишь случаѣ, когда предложеніе товаровъ, состороны этихъ послѣднихъ, не удовлетворяетъ спросу на эти товары. Во всякомъ случаѣ, большая или меньшая монополія, если только она не создана искусственно законами, не опасна и не вредна, такъ какъ чрезмѣрное возвышеніе цѣнъ создало бы тотчасъ соперниковъ.

Власть можетъ опредѣлять цѣны какого нибудь товара на непродолжительное время, если она можетъ опредѣлить отношенія между спросомъ на него и его предложеніемъ. Вотъ почему, таксы *возможны* въ той мѣрѣ, въ какой онѣ не предписываютъ цѣнъ *противоестественныхъ*. Но и при этомъ ограниченіи онѣ могутъ быть благодѣтельны для обѣихъ сторонъ въ такихъ только случаяхъ, когда нѣтъ настоящаго соперничества, иначе или та, или другая сторона пользовалась бы несправедливымъ преимуществомъ; нарушеніе же правильности въ движеніи цѣнъ неминуемо повредитъ обѣимъ. Всякій путешественникъ, желающій переѣхать черезъ рѣку, почти беззащитно былъ бы преданъ на жертву требованіямъ перевощика. Повторяющіяся подобныя чрезмѣрныя требованія ввели бы перевозъ въ дурную славу, но только тогда принудили публику отыскать новый. Тоже относится къ извощикамъ въ большихъ городахъ, къ ресторанамъ на почтовыхъ станціяхъ, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Особенно необходимы для охраненія публики таксы тамъ, гдѣ свободному соперничеству препятствуютъ привилегіи. Вообще тѣмъ труднѣе назначить вѣрную таксу на товаръ, чѣмъ онъ разнообразнѣе и высшаго качества; при различной добротѣ и когда переходы отъ одной къ другой нелегко незамѣтны всегда очень легко бываетъ обходить таксу. Вообще, такса ничто иное, какъ *обязательная* для продавца цѣна, необходимая развѣ только въ крайнихъ случаяхъ. Она не можетъ принимать въ соображеніе ни риска продавца, ни размѣра спроса, а потому она есть

одинъ изъ видовъ отрицанія промысловой свободы. Таксы нигдѣ не приносили ожидаемой дешевизны, а напротивъ только поддерживали дороговизну: при нихъ уменьшалось производство цѣнностей. При Филиппѣ II сильно были распространены таксы въ Кастиліи, почему Кастилія и значительно отстала въ хозяйственномъ отношеніи отъ Аррагоніи.

Вообще съ развитіемъ и успѣхами народнаго хозяйства цѣны становятся правильнѣе. Успѣхи культуры стремятся въ той же мѣрѣ сблизить торгующихъ, въ какой они постоянно уменьшаютъ издержки производства и увеличиваютъ у покупателей платежныя средства. Улучшеніе способовъ сообщеній облегчаетъ во всѣхъ отношеніяхъ взаимное уравновѣшиваніе спроса и предложенія. Съ успѣхами образованія становится болѣе для всѣхъ доступнымъ товаровѣдѣніе, всякій покупатель можетъ вычислить издержки производства своего продавца. Такимъ образомъ, рѣже становятся цѣны, основанныя на обманѣ и случайностяхъ, чему еще болѣе способствуетъ и точное опредѣленіе мѣры и вѣса, употребительное только на высшихъ ступеняхъ хозяйства. Возростающее населеніе оживляетъ соперничество во всѣхъ отрасляхъ торговли, но въ то же время съ большею свободою обращенія устраняется множество причинъ, вызывавшихъ въ одномъ мѣстѣ излишнюю дороговизну, а въ другихъ излишнюю дешевизну *). Появленіе купечества влечетъ за собою всегда большую равномѣрность цѣнъ, собственный интересъ побуждаетъ этотъ классъ покупать при дешевыхъ цѣнахъ и продавать при дорогихъ; соперничая, онъ поднимаетъ цѣну въ первомъ случаѣ и умѣряетъ ее во второмъ. Въ малоразвитыхъ хозяйствахъ запрашиванье и торгашество играютъ обыкновенно большую роль, между тѣмъ какъ у народовъ образованныхъ, всегда преобладаетъ система цѣнъ безъ запроса (prix fixe). У послѣднихъ имѣетъ силу положеніе Тюрго, что »*рыночная цѣна молча подразумѣвается, когда спрашиваешь купца о цѣнѣ его товара*».

Въ Англіи громадныя сдѣлки рѣшаются необыкновенно быстро,

*) Въ Бельгіи напр. въ теченіи двухъ послѣднихъ десятилѣтій цѣна на пшеницу была постоянно устойчива, а цѣна на рожь все-таки колебалась. Это по той простой причинѣ, что рожь перестаетъ быть предметомъ народнаго потребленія, а слѣдовательно и значительной торговли и потребляется только непосредственно производителями, или въ мѣстахъ производства.

оптовыми аукціонами сбывается разомъ весь наличный товаръ. Рѣзкая разница между богатыми и бѣдными, образованными и не образованными, обусловливаетъ болѣе сильныя колебанія цѣнъ. Народонаселеніе, дошедшее до того, что питается однимъ картофелемъ, терпитъ гораздо сильнѣйшія колебанія цѣнъ на жизненные припасы, нежели народъ, питающійся хлѣбомъ, потому-что картофель труднѣе сохранять и перевозить, чѣмъ хлѣбъ. Въ Англіи цѣны на пшеницу измѣняются рѣдко больше, чѣмъ въ два раза, напротивъ Ирландскія цѣны на картофель до отношенія 1 къ 6. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что наивозможно большее постоянство цѣнъ составляетъ самое благодѣтельное условіе для цѣлаго хозяйства. Когда цѣны мѣняются безъ измѣненія стоимости и издержекъ, тогда одинъ можетъ выиграть только то, что потерялъ другой. Но такіе *не заслуженные барыши*, наживаемые спекуляціею и игрою, имѣютъ неминуемо стремленіе подрывать самые корни народнаго хозяйства, преднамѣренная спекуляція на такіе барыши принимаетъ обыкновенно безнравственный характеръ и опирается на самыя предосудительныя средства.

§ 65. Распаденіе обращенія по видамъ сдѣлокъ, по организаціи обмѣновъ и по посредникамъ оборотовъ. Валовое равновѣсіе въ международной торговлѣ.

Должное соотношеніе между спросомъ, предложеніемъ и издержками производство возстановляется вслѣдствіе возможности сношеній между рынками. Всѣ же торговыя и рыночныя сношенія имѣютъ содержаніемъ своимъ сближеніе представителей мѣновыхъ сдѣлокъ или товаровъ, да притомъ либо конкретно, либо помощію одного извѣщенія.

Поэтому торговля представляетъ извѣстныя ступени развитія, такъ какъ не во всѣ эпохи сношенія одинаково доступны, и матеріально, и формально развиты. Это зависитъ отъ путей сообщенія, ихъ безопасности и отъ средствъ сношеній (телеграфы). Гдѣ пути дурныя, удобствъ и безопасности для переѣздовъ и провоза нѣтъ, тамъ прибытіе торговцевъ и товаровъ является только по временамъ средствомъ къ уравновѣшенію цѣнъ на рынкахъ. Торговля въ эпоху неустроенныхъ сношеній имѣетъ форму періодическихъ

мѣновыхъ сдѣлокъ, *ярморочную*, товары перевозятся *караванами* подъ конвоемъ. Вслѣдствіе невозможности—по отсутствію перевозныхъ средствъ, или по характеру товаровъ—торговать постоянно, покупщики и продавцы собираются единовременно и доставляютъ въ наличности товары въ одно мѣсто. Слѣдующій фазисъ развитія торговли—это оборотъ *биржевой*. Третій фазисъ—*складочный*, или *аукціонный*, выдѣлившійся послѣ изобрѣтенія телеграфа. Въ биржевомъ фазисѣ подвозу товаровъ не представляется затрудненій, онъ можетъ быть безостановочный, достаточно заключить сдѣлки лично, почему только лица и сходятся, или сближаются, сначала на контрактовыхъ ярмаркахъ, а впослѣдствіи въ торговыхъ центрахъ на постоянныхъ биржахъ. Въ слѣдующее время покупщикамъ и продавцамъ незачѣмъ уже сближаться, можно пересылать одни извѣстія. При системѣ складочной, товары послѣ публикаціи продаются съ аукціона.—Ярмарка до сихъ поръ и навсегда сохраняется, однако, въ самыхъ культурныхъ хозяйствахъ, какъ напр. Бокэрская во Франціи и скотскія въ Англіи, потому что нѣкоторые товары единственно допускаютъ періодическій сбытъ, такъ скотъ, который держать въ запасѣ сопряжено съ расходами. Биржы тоже продолжаютъ существовать на ряду со складами. Вообще, на томъ же мѣстѣ одни товары продаются ярморочнымъ порядкомъ, другіе биржевымъ, третьи аукціоннымъ.

Такимъ образомъ, въ обращеніи цѣнностей необходимо различать виды сдѣлокъ, послѣднихъ по существу два: обмѣнъ цѣнностей на цѣнности, это прямая натуральная мѣна, и косвенный обмѣнъ, помощію купли и продажи съ денежными платежами, что и составляетъ внѣшній признакъ денежнаго обращенія. Самая организація торговыхъ сдѣлокъ имѣетъ: или ярморочную и караванную форму, или биржевую, или складочную и аукціонную. Сверхъ этого, нужно различать еще на основаніи какихъ посредниковъ производится обращенія.

Если при куплѣ, или при продажѣ, платежа не производится тотчасъ же, т. е. наличнаго, а обѣщается послѣдній въ будущемъ, то мѣновая сдѣлка уже измѣняетъ свое главное основаніе экономическое. Платежа здѣсь нѣтъ и деньги, по крайней мѣрѣ, на время не являются посредниками. Вслѣдствіе подобнаго оборота, вмѣсто купли съ платежемъ является принятіе товара съ обѣщаніемъ возврата въ будущемъ, т. е. заемъ, а продажѣ соотвѣтствуетъ ссу-

да, мѣсто наличнаго платежа заступаетъ возвратъ. Всѣ сдѣлки по обращенію возмездному мѣновому, которыя совершаются путемъ займовъ и ссудъ составляютъ кредитъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ денежнымъ обращеніемъ есть обращеніе кредитное. Но нельзя сказать, что это—обращеніе по довѣрію, и напрасно нѣкоторые отождествляютъ съ послѣднимъ весь кредитъ. Довѣріе есть во всѣхъ не только мѣновыхъ, но и вообще хозяйственныхъ сдѣлкахъ. Кредитныя же сдѣлки замѣняютъ куплю и продажу и въ нихъ цѣнности отчуждаются всегда *сполна*.

Всемірный торговый оборотъ съ теченіемъ времени постоянно возросталъ и если употреблять одни и тѣже пріемы, то возможно вывести цифры, которыя укажутъ на сколько обороты общіе возростали. Извѣстный статистигъ Кольбъ полагалъ, что весь торговый оборотъ земнаго шара въ 1860 г. былъ равенъ 15,000,000,000 австрійскихъ гульденовъ (приблизительно на 10,000,000,000 р. с.). Въ 1866 году=18,000,000,000 австрійскихъ гульд. (до 12,000,000,000 руб. с.).

Затѣмъ по вычисленію австрійскаго статистика Неймана, въ 1868 году торговый оборотъ земнаго шара равнялся 22,100,000,000 ав. гульд. (или 16,000,000,000 р. с.), въ 1871 г.=23,170,000,000 а. гульд. (17,000,000,000 р.).

Цифры эти могутъ быть порознь ошибочныя, но пріемы для полученія ихъ употреблялись одинаковые и слѣдовательно, сравнивать ихъ между собою возможно.

Онѣ показываютъ, что въ послѣдніе 10 лѣтъ всемірная торговля увеличилась на 54%. Въ европейскихъ государствахъ число жителей приращается ежегодно на 1%, а между тѣмъ оказывается, что торговля увеличивалась ежегодно на 4,2%. Такъ, что движеніе торговаго оборота идетъ быстрѣе, чѣмъ приращеніе населенія, равномѣрно и общее благостояніе Европы ростетъ. Что касается отдѣльныхъ государствъ Европы, то за послѣдніе годы вывозъ:

во Франціи усилился на $7\frac{1}{2}\%$
« Бельгіи « « $7\frac{1}{3}\%$
« Голландіи « « $4\frac{3}{4}\%$
« Россіи « « $4\frac{2}{5}\%$
« Австріи « « $3\frac{1}{4}\%$
« Испаніи « « 2%

въ Англіи же вывозъ за послѣднія 30 лѣтъ учетверился.

Если взять отдѣльныя государства, то оказывается, что во всѣхъ почти государствахъ Европы привозъ превышаетъ вывозъ. А потому меркантилисты и націоналисты *невѣрно думаютъ, что избытокъ привоза вредитъ государству*, такъ какъ деньги идутъ за границу. Если изъ государства много вывозится, то на самомъ дѣлѣ это значитъ, что оно много должно и платитъ вывозомъ проценты и погашеніе по долгамъ. То государство, которое имѣетъ много долговыхъ требованій можетъ получать платежи по нимъ товарами, а потому *богатое государство больше привозитъ, чѣмъ вывозитъ*. Англія, напр., гораздо больше привозитъ, чѣмъ вывозитъ. Въ международной торговлѣ народъ платитъ за товаръ средствами, которыми онъ обладаетъ: драгоцѣнными металлами, если онъ ихъ добываетъ и другими товарами, когда первыхъ нѣтъ, и притомъ платитъ тѣмъ, чѣмъ выгоднѣе и чего у него въ наибольшемъ количествѣ производится. Но товары дешевле стоютъ тамъ, гдѣ ихъ производятъ, чѣмъ на мѣстѣ привоза. Нашъ хлѣбъ цѣнится у насъ ниже, чѣмъ по привозѣ въ Англію. Поэтому оцѣнка привоза и оцѣнка вывоза не совпадаютъ по цѣнѣ. Сверхъ того, по уплатамъ товарами существуютъ особыя финансовыя отношенія.

Конечно, каждый государственный заемъ заключается не у народа и не у правительства, а въ данномъ мѣстѣ, на данной биржѣ и чрезъ посредство извѣстныхъ банкировъ. Заемъ и можетъ осуществиться тогда, когда является государство, или частное лицо въ то мѣсто, гдѣ есть свободный капиталъ и передаетъ тамъ же предложенія, которыя вызываютъ извѣстныхъ лицъ къ подпискѣ. Затѣмъ капиталисты начинаютъ имѣть требованія на другихъ народовъ, нуждаясь сами въ товарахъ. Народъ и выплачиваетъ имъ за долговыя требованія товарами. По мѣрѣ того, какъ у англичанъ больше долговыхъ требованій на насъ, они могутъ купить у насъ больше товаровъ. Если же они ничего не покупаютъ, то мы должны имъ вывозить металлъ на уплату процентовъ и капитала, или брать на другой биржѣ векселя на Англію, чтобы уплачивать англичанамъ. Поэтому мы и должны вывозить къ первымъ, или вторымъ товары. Слѣдовательно, бѣдное государство больше вывозитъ, такъ какъ заключаетъ займы у иноземныхъ владѣльцевъ свободнаго капитала, проценты съ него впослѣдствіи поступаютъ къ послѣднимъ въ видѣ товарнаго отпуска. У насъ естественнымъ образомъ вывозъ долженъ быть громаденъ, потому что мы платимъ ежегодно

98,000,000 рублей % по долгамъ, а золота и серебра добываемъ на 21,000,000,—хотя бы и половина процентныхъ платежей производилась дома.

Въ Англіи общій торговый оборотъ совершается на 5,515,000,000 гульд., изъ этой суммы приходится 3,300.000,000 ав. гул. на долю ввоза, а 2,215,000,000 ав. гул. на долю вывоза.

Во Франціи международный оборотъ совершается на 2,483,000,000 ав. гул. Изъ нихъ—1137,000,000—приходится на привозъ, а на вывозъ—1346,000,000 ав. гул. Очевидно, что Франція задолжала, а Англія нѣтъ.

Превосходство привоза надъ вывозомъ явный признакъ благосостоянія и богатства странъ, обратное же отношеніе показываетъ, что извѣстная страна находится въ положеніи задолженномъ. Цифры привоза и вывоза, хотя и приблизительныя, потому что товары въ вывозѣ оцѣниваются дешевле, чѣмъ въ привозѣ, все таки въ общемъ показываютъ преобладаніе вывоза, или привоза. Такимъ образомъ въ Велико-Британіи привозъ превышаетъ вывозъ; во Франціи торговой оборотъ уступаетъ на половину Великобританіи, причемъ привозъ менѣе значителемъ, чѣмъ вывозъ. Германская Имперія имѣетъ торговый оборотъ меньшій, чѣмъ Франція на одну треть и меньшій, чѣмъ Англія въ 3 раза почти, причемъ привозъ значительнѣе вывоза: привозъ 870 мил. гульд., вывозъ 765 мил. гульд. Россія, Австрія, Нидерланды имѣютъ одинъ и тотъ же оборотъ по внѣшней торговлѣ, свыше 1000 мил. гульд., притомъ въ Россіи вывозъ превосходитъ привозъ, въ Австріи привозъ не превосходитъ вывоза, но въ Индерландахъ привозъ на цѣлыя 100 мил. превосходитъ вывозъ. Италія имѣетъ общій оборотъ въ 735 мил. гульд., причемъ привозъ превосходитъ вывозъ на 60 мил. гульд. Общій торговый оборотъ Испаніи вдвое меньше, именно 308 мил. гульд., но привозъ превышаетъ вывозъ. Турція, Швеція, Данія имѣютъ обороты внѣшней торговли почти одинаковые, не свыше 150 мил. гульд., причемъ въ Турціи привозъ превышаетъ вывозъ, въ Швеціи вывозъ превосходитъ привозъ, въ Даніи же привозъ вдвое превосходитъ вывозъ. Затѣмъ, одинаковый общій торговый оборотъ имѣютъ Норвегія, Португалія, Румынія—слишкомъ 90 мил. гульд.; въ Норвегіи и Португаліи привозъ (50 мил.) превышаетъ вывозъ (40 мил.), а къ Румыніи на оборотъ привозъ незначительный 28 мил., но вывозъ 63 мил. гульд. Оборотъ Греціи прости-

рается до 50 мил. гульд., причемъ привозъ почти вдвое превосходитъ вывозъ. Въ Сербіи общій оборотъ 24 мил. гульд., и вывозъ на 3 мил. значительнѣе привоза. Торговлю Швейцаріи трудно опредѣлить и оцѣнить, потому что тамъ показанія по вѣсу безъ цѣны, или послѣдняя показана различно. Въ однихъ государствахъ показывается товаръ по той цѣнѣ, которую объявляютъ сами торговцы, это объявочная цѣна, *деклараціонная*, въ другихъ государствахъ сверхъ послѣдней, есть цѣна узаконенная, которая установлена, напр. въ Англіи и Франціи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, для различныхъ товаровъ, слѣдовательно увеличеніе въ количествѣ товаровъ видно при неизмѣнности цѣнъ, т. е. если товаръ оцѣненъ по оффиціальной, или казенной цѣнѣ.

Что касается до Американскихъ государствъ, то данныя относительно торговыхъ оборотовъ достаточны только для Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и Европейскихъ колоній. Общій торговый оборотъ С. А. Ш. меньше французскаго, онъ равняется 2,285 мил., но затѣмъ вывозъ превышаетъ привозъ, который=1,121 мил., а вывозъ 1,164 мил. гульд. Вообще полагаютъ весь торговый оборотъ Европы доходитъ до 15,965 мил., изъ которыхъ вывозъ во всѣхъ государствахъ занимаетъ менѣе половины, а привозъ болѣе; эта разница въ оборотѣ объясняется тѣмъ, что привозъ цѣнятъ выше, чѣмъ вывозъ. Вся же Америка производитъ общій торговый оборотъ въ $^1/_4$ Европейскаго, именно 4188 мил., причемъ вывозъ значительнѣе привоза: привозъ=2,015,6 мил., вывозъ=2,172,7 мил. гульд. Слѣдовательно, Америка задолжена Европѣ и товарами платитъ часть процентовъ, помимо вывоза золота и серебра.

Что касается Азіи, то общій торговый оборотъ британской Индіи равняется торговому обороту Россіи, Австріи и Нидерландовъ, т. е. 1,003,9 мил., причемъ вывозъ (535,1) превышаетъ привозъ (468,8). Китай имѣетъ общій торговый оборотъ равный Испаніи, хотя нѣсколько выше; конечно одна изъ главныхъ причинъ малаго оборота заключается въ томъ, что Китай чуждается внѣшней торговли, весь оборотъ Китая полагаютъ 392,8 мил. gl. и привозъ (207,8) превышаетъ вывозъ (185,0). Голландскія колоніи въ Азіи (Ява, Мадура, Зондскіе острова и пр.) имѣютъ оборотъ подходящій къ торговому обороту Турціи, Швеціи и Даніи, т. е. 154,1 мил., вывозъ (99,7) составляетъ $^3/_5$, а привозъ (54,4) $^2/_5$ всего оборота; прочія коло-

ніи Англіи на островахъ Остъ-Индскихъ имѣютъ торговый оборотъ, равняющійся обороту голландскихъ колоній; затѣмъ Японія имѣетъ оборотъ внѣшней торговли меньше, чѣмъ Цейлонъ, но больше чѣмъ Греція и Сербія; именно 78,9, но привозъ превышаетъ вывозъ (53,8 — 25,1). Общій торговый оборотъ Персіи считается такимъ же, какъ и общій внѣшній торговый оборотъ Греціи, (именно 39 мил., привозъ 24, а вывозъ 15).

Вообще Азіатскій общій торговый оборотъ меньше, чѣмъ въ половину противъ Американскаго, т. е. простирается до 2,000 мил. гульд. (1,985,1) причемъ вывозъ равняется 1,010,4 мил. гульд., а привозъ 974,7 мил. гульд., такъ что эта часть свѣта въ зависимости отъ европейскихъ государствъ и задолжена безъ сомнѣнія европейцамъ.

Что касается до Австраліи, то внѣшнюю торговлю имѣютъ европейскія колоніи, изъ которыхъ важнѣйшія англійскія; ихъ торговый оборотъ превышаетъ торговлю нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ, такъ торговый оборотъ Викторіи—юго-восточнаго берега Австраліи—превышаетъ внѣшнюю торговлю Турціи; въ общей же сложности торговый оборотъ Австраліи уступаетъ только на $^1/_3$ торговому обороту Италіи, именно 595,4 мил. гульд., причемъ привозъ едва превышаетъ вывозъ, или почти ему равенъ, именно: привозъ 298, 4, вывозъ 297,0 мол.

Въ Африкѣ одно самостоятельное государство ведетъ значительную внѣшнюю торговлю, это Египетъ; торговый оборотъ его почти равенъ торговому обороту Турціи, Швеціи и Даніи, именно 157,2 мил. гульд., такъ что меньше, чѣмъ внѣшній торговый оборотъ азіатскихъ голландскихъ колоній, причемъ вывозъ превышаетъ привозъ въ $2^1/_2$ раза, привозъ 41,4, а вывозъ 115,8 мил. гульд. Затѣмъ слѣдуетъ французская колонія Алжиръ, которой торговый оборотъ не много меньше египетскаго и превышаетъ торговлю Норвегіи, Португаліи и Румыніи, именно: 118,3 мил. и привозъ вдвое больше вывоза. Капская земля принадлежитъ Англіи и торговый оборотъ ея равняется торговому обороту Греціи, но въ Капской землѣ вывозъ превышаетъ привозъ. Вообще африканскій внѣшній торговый оборотъ меньше австралійскаго, потому что въ Австраліи преимущественно европейскія колоніи, а въ Африкѣ самостоятельные государства, колоній же сравнительно меньше; весь торговый оборотъ Африки про-

стирается до 347,1 мил. гульд., причемъ вывозъ больше привоза (привозъ 199,6, а вывозъ 237,5 мил. гульд.).

Слѣдовательно, изъ всѣхъ частей свѣта только Европа, а затѣмъ колоніи европейцевъ въ Австраліи, имѣютъ привозъ большій, чѣмъ вывозъ, остальныя же страны представляютъ большій вывозъ, чѣмъ привозъ, потому что бѣдны и задолжены европейцамъ.

Что касается внутренней торговли отдѣльныхъ государствъ, то нѣтъ данныхъ, потому что невозможно услѣдить за ее оборотами, но только можно получить понятіе о главныхъ родахъ товаровъ въ связи съ оборотомъ тѣхъ же товаровъ внѣшнихъ. На развитіе торговли имѣютъ громадное вліяніе пути сообщенія, которыя не возникаютъ, какъ скоро торговля слаба, потому что въ такомъ случаѣ самая ихъ постройка неоплачивается. Въ ряду путей сообщеній необходимо различать естественные и искусственные. Водяной путь даровой; искусственные между водяными — каналы, которые требуютъ издержекъ, но за то малое ремонтированіе; между сухопутными дорогами требующими большихъ расходовъ самая развитая форма желѣзныя дороги. Объ желѣзныхъ дорогахъ существуютъ самыя удовлетворительныя данныя, объ остальныхъ путяхъ менѣе удовлетворительныя и они не такъ удобны для сравненія; къ новѣйшему времени государства болѣе или менѣе покрыты сѣтями желѣзныхъ дорогъ, которыя идутъ чрезъ и сквозь горы, неисключая альпійскаго хребта.

ГЛАВА XIII.

Кредитное обращеніе цѣнностей.

§ 66. Существо, основанія и фукціи кредита.

Кредитъ по нашему воззрѣнію, есть такая сила въ народномъ хозяйствѣ, которая создаетъ передачу цѣнностей и капиталовъ изъ рукъ въ руки. Со стороны капиталистовъ и вѣрителей эта передача совершается ради пріобрѣтенія отъ нея дохода; со стороны же нуждающихся въ капиталахъ для оборота, или цѣнностяхъ для потребленія предлагается возмездіе. На этихъ основаніяхъ возникаетъ, вообще, такъ называемая кредитная сдѣлка, или кредитный обо-

ротъ, который, согласно съ только что изложенными указаніями, естественно слагается изъ двухъ дѣйствій или отношеній—изъ *ссуды*, съ одной стороны, и *займа*,съ другой; общимъ совокупнымъ выраженіемъ и ссуды и займа, или всей кредитной сдѣлки въ цѣлости, служитъ *долгъ*. Долгъ связываетъ вѣрителя съ заемщикомъ; первый имѣетъ долгъ на второмъ, сдѣлавъ ему ссуду, а второй состоитъ въ долгу у перваго, заключивъ у него заемъ. Всякая ссуда вызывается убѣжденіемъ и увѣренностію капиталиста, или вѣрителя, въ точномъ исполненіи долга заемщиковъ. Очевидно, стало быть, что основаніемъ кредита и всякой кредитной сдѣлки служитъ довѣріе. Однако понятіе о кредитѣ и понятіе о довѣріи вообще, или промышленномъ довѣріи, и объ экономической увѣренности въ частности, не совпадаютъ, они не тождественны. Хозяинъ вѣритъ наемному рабочему, что онъ исполнитъ работу по условію, работникъ же вѣритъ хозяину, что онъ выдастъ ему по условію плату, или же они на слово другъ другу не довѣряютъ и обезпечиваютъ себя какими либо договорами и обязательствами; тѣмъ не менѣе никакой кредитной сдѣлки между ними не совершается, потому что между ними не происходитъ никакой передачи или обращенія цѣнностей, или капиталовъ, съ условіемъ полнаго отчужденія и послѣдующей замѣны однородными предметами. Напрасно, поэтому, увлекались нѣкоторые экономисты, смѣшивая кредитъ сполна съ довѣріемъ, до того, что и любой извощикъ — по ихъ мнѣнію—везетъ своего сѣдока въ кредитъ, т. е. по довѣрію въ полученіе двугривеннаго. Кредитъ не есть видъ довѣрія, или хозяйственной увѣренности, а кредитъ, по существу своему, является однимъ изъ видовъ, или способовъ возмезднаго обращенія цѣнностей и передачи капиталовъ; онъ какъ бы своеобразное начало, или самостоятельная сила, создающая столь же самостоятельную группу хозяйственныхъ дѣйствій и экономическихъ процессовъ въ обращеніи; довѣріе же входитъ въ кредитный оборотъ только какъ составной элементъ. Въ кредитной сдѣлкѣ вообще довѣріе можетъ быть даже совершенно одѣляемо; оно можетъ быть обособлено и вызываетъ самостоятельныя дѣйствія, даже учрежденія—ради страхованія и надежнаго обезпеченія главной, основной сдѣлки.

Небеніусъ (der öffentliche Credit, гл. I § 1) формулируетъ свое опредѣленіе такъ: «Credit bezeichnet das *Vertrauen*, das man in die Wirksamkeit eines Versprechens, wodurch eine physische oder moralische Person, gegen empfangene Werthe, zur künftigen Leistung von Gegenwerthen sich verpflichtet, so wie

die Fähigkeit, vorhandene Werthe gegen ein solches Versprechen, in freiwilliger Übereinkunft, von anderen Personen sich zu verschaffen». Бросающееся въ глаза, на первый разъ, различіе въ дѣйствіи кредита при ссудѣ и въ дѣйствіи его при займѣ заставило Небеніуса въ первомъ случаѣ опредѣлить кредитъ какъ видъ довѣрія, во второмъ же—какъ видъ хозяйственной способности; этимъ, однако, получается не опредѣленіе сущности кредита, а очертаніе его дѣйствія по двумъ главнымъ сторонамъ всякой кредитной сдѣлки. Совмѣщать въ себѣ разомъ два начала кредитъ не можетъ: положимъ, что со стороны вѣрителя онъ довѣріе, а со стороны заемщика—онъ способность, то, спрашивается, что же кредитъ самъ по себѣ и во всякомъ случаѣ? Смѣшавъ элементы и основанія кредита, своеобразныя при ссудѣ и иныя при займѣ, съ самимъ кредитомъ, какъ тою основою въ обращеніи цѣнностей, которая создаетъ доходное помѣщеніе однимъ ссуднымъ оборотнымъ капиталамъ, имѣя преимущественно въ виду сдѣлки, т. е. самыя частности оборота, дѣйствіе ссудное и займовое, а не самое начало, Небеніусъ не даетъ прямаго отвѣта на основной вопросъ. Теорія сдѣлокъ кредитныхъ и сопровождающихъ ихъ хозяйственныхъ явленій, тѣмъ не менѣе, изслѣдована имъ съ большею полнотою и ясностію, чѣмъ кѣмъ либо, до и послѣ, въ литературѣ нашей науки. Другое, часто повторяемое опредѣленіе смотритъ односторонне на кредитъ—съ точки зрѣнія ссуды и вѣрителя. Такъ *S. Oppenheim*, die Natur des Capitals und des Credit. Mainz. 1868. Ч. 1, гл. II, § 11. «der Credit ist der gute Glaube, welchen man in das Zahlungs-oder Lieferungs-Versprechen einer Person setzt». Но, помимо односторонности этого воззрѣнія, перенесеніе хозяйственныхъ явленій изъ области дѣяній и событій, въ область внутреннихъ чувствованій и нравственныхъ побужденій могло бы привести и къ такому, напримѣръ, опредѣленію производства: что оно есть *намѣреніе* лица воспользоваться стихіею, трудомъ и капиталомъ для приготовленія цѣнностей. Обобщеніе процессовъ народнаго хозяйства должно создать понятія объ экономическихъ законахъ и началахъ и, очевидно, вполнѣ уклоняется отъ цѣли, если приводитъ къ отождествленію послѣднихъ съ ихъ нравственными основаніями. Міръ хозяйственныхъ явленій составляетъ міръ вѣшній для человѣка, а потому и всѣ его начала сохраняютъ тотъ же характеръ: совпаденіе ихъ съ внутренними побужденіями невозможно. Односторонне же, но ближе къ нашему опредѣленію *)—говоритъ *Буніе* («Теорія кредита». Кіевъ, 1855 г., стр. 14)—«кредитъ есть видъ мѣны, въ которой передается цѣнность или личная услуга по довѣрію къ будущему вознагражденію». (Срв. его же, обозрѣніе разныхъ отраслей хозяйственной дѣятельности, Кіевъ, 1873 г., стр. 3, а также опредѣленіе *Орлова*). Очевидно, подъ это опредѣленіе подходитъ и личный и всякій другой наемъ, что подтверждаетъ и авторъ примѣромъ относительно постоянныхъ капиталовъ. Но въ этомъ примѣрѣ отдача помѣщикомъ земли подъ свекло-сахарный заводъ есть аренда изъ-за выстройки; это не есть кредитная сдѣлка, а кортома, аренда, наемъ, такъ какъ пользованіе ограничено, цѣнности незамѣнимы при возвратѣ, а отдача съемщику въ пользованіе крѣпостныхъ рабочихъ, строеваго матеріала—есть ссуда основнаго капитала съ обязательнымъ же, ограниченнымъ пользованіемъ; вся сдѣлка поэтому ничто иное, какъ наемъ т. н. fundus instructus. Тутъ постоянный ссудный капиталъ обязательно возвращается съемщикомъ въ формѣ предпринимательскаго капитала, ради

*) Финансовый кредитъ, стр. 180.

пріобрѣтенія котораго и возникли договоренныя, частныя условія найма. Есть, конечно, въ этой сдѣлкѣ и довѣріе, какъ вообще во всякомъ наймѣ, но нѣтъ кредитной сдѣлки; есть исключительное, условленное превращеніе, договоренная замѣна капитала, но нѣтъ экономическаго обращенія, нѣтъ хозяйственной мѣны цѣнностей съ полнымъ отчужденіемъ.—*Рошеръ* отождествляетъ безграничное распоряженіе чужою собственностію за обѣщанное возмездіе съ кредитомъ; онъ полагаетъ—Grundlagen. § 89—что «Credit ist die freiwillig eingeräumte *Befugniss*, über fremde Güter gegen das blosse *Versprechen* des Gegenwerthes zu verfügen». Но *распоряженіе* есть уже слѣдствіе кредита, а рядомъ съ *обѣщаніемъ* возврата бываютъ же и залоги.—Какъ превращеніе, но именно потому крайне превратно, понимаетъ кредитъ *Цышковскій*—Du credit et de la circulation. Paris 1869, стр. 5—«Le credit est la *metamorphose* de capitaux stables et engagés en capitaux circulants ou dégagés». Вѣрно онъ отождествляетъ кредитъ съ обращеніемъ вообще, но напрасно предметомъ кредита не только служатъ у него оборотные капиталы, но къ этой формѣ приводитъ кредитъ и постоянные, помощію мобилизаціи.—Мнѣніе Рошера раздѣляетъ и *Abrial*—Etudes économiques du crédit et des institution de crédit. Paris 1862. стр. 33.—Опредѣленіе *И. Горлова*—Начала политической экономіи. 1862. Т. II, гл. XI, стр. 244—«кредитъ есть довѣріе, въ которомъ извѣстное лицо *состоитъ* у другихъ относительно исполнительности имъ *денежныхъ* обязательствъ» относитъ дѣйствіе кредита только къ одной сторонѣ въ сдѣлкѣ—къ заемщику, и исключаетъ послѣднимъ условіемъ—денежныя обязательства—изъ числа кредитныхъ операцій всѣ поставки на срокъ. Столь ненаучно опредѣленіе кредита, какъ хозяйственнаго явленія, у *Cohn* — Ueber Wesen und Wirkungen der Creditgeschäfte въ Zeitschr. f. d. g. Staatsw. Tüb. 1868, стр. 572—«Credit, das ist zu betonen, bedeutet eine *Stimmung*, *Eigenschaft* der Menschen in ihren wirthschaftlichen Beziehungen».—*Knies*—Erörterungen über den Credit въ той же Zeitsch. f. d. g. Staatsw. 1857, стр. 578—не придавая особаго значенія довѣрію, считаетъ кредитъ купле-продажею, при которой доставка цѣнностей одною стороною совершается въ настоящемъ, а другою стороною въ будущемъ, но притомъ онъ и аренду, кортому, съемку признаетъ (тамъ же 1868, стр. 182) за «кредитную сдѣлку при возмездной передачѣ такого пользованія, которое заключается въ хозяйственномъ оборотѣ цѣнностей, возвращаемыхъ въ натурѣ и безъ уменьшенія мѣновой стоимости», а наемъ за «кредитную сдѣлку по случаю возмездной передачи такого пользованія, которое сопряжено съ возвратомъ цѣнностей въ натурѣ, но съ уменьшенною отъ употребленія стоимостію». Однако, тутъ нѣтъ кредитной сдѣлки вовсе, нѣтъ аналогической куплѣ-продажѣ уступки собственности и отчужденія, а только изъ чужаго пользованія имъ извлекается доходъ; притомъ наемная плата можетъ быть выдаваема впередъ, что чаще всего и случается, и въ такомъ случаѣ приходилось бы утверждать, по Кнису, что заемщикъ, т. е. занимающій даетъ кредитъ своему вѣрителю, т. е. владѣльцу капитала, ссудившему его, въ свою очередь, правомъ пользованія послѣднимъ. Это противорѣчитъ здравому смыслу и законамъ логики. Тутъ ошибочность взгляда происходитъ опять-таки отъ смѣшенія довѣрія, вопреки прямому завѣренію Книса, съ кредитомъ; но довѣріе, являющееся существеннымъ элементомъ какъ въ наймѣ, такъ и въ кредитѣ, не опредѣляетъ еще тождества этихъ двухъ сдѣлокъ.—*Courcelle-Seneuil*—Traité théorique et pratique des opérations de banque, 4 éd. 1864, гл. 6—отождествляя *confiance* и *credit*, опредѣляетъ наемъ

какъ «un mediocre degrè de credit», а заемъ, какъ «un plus haut degrè de credit».—*Bonnet*—le credit et les finances. Paris 1865, стр. III — изслѣдуетъ кредитъ, какъ видъ обращенія, который имѣетъ предметомъ своимъ капиталъ, ищущій помѣщенія. Основанія его формулы несомнѣнно вѣрны, но выраженіе ея недостаточно точное. «Il n'y a de *capital disponible* dans un pays, que celui qui resulte de l'épargne, qui est un excedant des ressources sur les besoins.—Le credit est un auxiliaire puissant pour faire circuler ce capital, pour lui donner toute son utilité, mais il n'est pas le capital lui-même, et quand ce capital devient rare, il n'y a pas de moyens de credit qui puisse le suppléer; il faut le payer cher, selon la loi naturelle de l'offre et de la demande».—Въ противорѣчіе съ послѣднимъ положеніемъ Бонне, цѣлый рядъ писателей приписывали кредиту, какъ своеобразному процессу обращенія цѣнностей, творческую силу; что главнымъ образомъ произошло вслѣдствіе чрезмѣрнаго расширенія понятія капитала. Такъ еще *Pinto*—Traité de la circulation et du credit. Amst. 1771—задается вопросомъ (стр. 35): «Je voudrais examiner combien ces fonds *augmentent* la circulation et les richesses numéraires».., а творчество финансоваго кредита восторженно превозносится въ многоизвѣстномъ его изрѣченіи (стр. 338): «la création des fonds publics... est une *alchimie réalisée*, dont souvent ceux mêmes qui l'opèrent, n'entendent pas tout le mystère». Послѣдній упрекъ, впрочемъ, заслуженъ едва ли многими бюджетными хозяйствами.—Въ смыслѣ силы, увеличивающей производительность капиталовъ, опредѣляетъ кредитъ *Ganilh*—Principes d'économie politique et de finance. Paris 1835. стр. 120—«Aux capitaux le crédit veut procurer un emploi plus profitable ou plus convenable. Aux *produits disponibles* le crédit veut assurer un emploi qui les reproduise avec profit» (стр. 122) «le crédit privé transfère des capitaux ou produits disponibles, du propriétaire qui ne fait ou ne veut pas en faire l'emploi à une autre personne qui *peut* et *le veut*». Ту же мысль выражаетъ и *Ж. Б. Сэ*—Cours complet d'écon. polit. 1828. I, стр. 25.—Опредѣленіе ограничиваетъ дѣйствіе кредита *J. St. Mill*—Principles of pol. econ. кн. III, гл. XI, § 2: «Although, therefore, the prodnctive *funds* of the country are not increased by credit, they are called into a more complete state of productive activity». «While credit is thus indispensable for rendering the *whole capital* of the country productive, it is also the means by which the *industrial talent* of the country is turned to most account for purposes of prodnction».—Упуская изъ виду, что кредитомъ ссудный оборотный капиталъ можетъ быть доходно помѣщенъ какъ въ производствѣ, оставаясь капиталомъ, такъ и въ потребленіи, обращаясь въ простой запасъ, *Дицель* (Sistem der Staatsanl. стр. 27) точно также видитъ въ дѣйствіяхъ кредита исключительное усиленіе производства; «Mit dem Worte Credit bezeichnen wir in der Volkswirthschaft das Princip der freiwilligen Übertragung der Capitale. Es liegt in der Natur der Sache und folgt nothwendig aus dem hierbei wesentlichen Elemente der Freiwilligkeit, dass dies *stets* eine Uebertragung von unproductiver oder weniger productiver zu productiverer Anwendung is (?) (стр. 31). «Wir haben gefunden, dass der Credit seine Wirkungen *einzig* auf das Capital äussert, dass er dasselbe in vielen Fällen erst in das Leben ruft, in anderen ihm ein höheres Leben verleiht. Er bildet daher gleichsam—*Eins mit dem Capitale*, er kann sein Dasein nur bethätigen in Verbindung mit demselben, er steht zu demselben ungefähr in demselben Verhältnisse, wie der Geist zu dem Körper in der

animalischen Welt». Послѣднее замѣчаніе прекрасно выражаетъ дѣйствительное отношеніе кредита, но только къ тому виду капитала, который мы опредѣлили какъ оборотный ссудный.—Пестрое смѣшеніе понятій представляютъ положенія *Мэклауда*, въ Dict. of pol. econ. «Credit—говоритъ онъ—is the name of a certaine species of incorporeal property, *called also a debt*. It is the right to demand a *certain sum of money* from a certain person at a certain time. The system of credit consists in the creation and sale of debts». Далѣе онъ утверждаетъ, что при обмѣнѣ денегъ, которыя вноситъ кто либо банкиру, на обязательство, послѣдній создаетъ въ пользу перваго кредитъ, которымъ онъ обязывается выплатить по востребованію равносильную сумму денегъ. Этотъ оборотъ на самомъ дѣлѣ дѣйствительная мѣна или продажа. Банкиръ покупаетъ деньги у своего кліента, продавая ему въ то же время право потребовать соотвѣтственную сумму денегъ къ условному сроку. Тѣмъ самымъ и создана новая собственность. Кліентъ можетъ эту собственность передать кому угодно, и она имѣетъ мѣновую цѣнность, такъ какъ владѣлецъ можетъ ее промѣнять на деньги, или всякій другой товаръ. Она называется кредитомъ потому, что собственникъ только *вѣритъ*, что онъ за нее получитъ деньги, а ей не присвоена опредѣленная сумма денегъ въ натурѣ—but there is no specific money appropriated to it. Смѣшавъ кредитное обязательство, т. е. внѣшнее выраженіе сдѣлки, съ самимъ кредитомъ, Мэклаудъ забываетъ, что при передачѣ кредитной бумаги происходитъ только смѣна владѣльцевъ ссуднаго оборотнаго капитала, передаются права на цѣнности, но отнюдь не *создаются* цѣнности; капиталъ же, составляющій предметъ выраженнаго обязательствомъ права, существуетъ только разъ у заемщика, который имъ пользуется и обязанъ его возвратить. Этимъ соображеніемъ уничтожается и общій выводъ Мэклауда (тамъ же 23): «Moreover Credit *in all ist shapes and forms, is an addition* to the mass of other exchangeable property». Сверхъ того, въ его воззрѣніи повторяется одностороннее ограниченіе оборотнаго ссуднаго капитала, какъ предмета кредитныхъ сдѣлокъ, исключительною формою денежныхъ цѣнностей, чѣмъ, какъ уже нами замѣчено, поставки лишаются всякихъ основаній въ качествѣ кредитныхъ оборотовъ.—Срв. *Гокъ*; Налоги и государственные долги, перев. Бунге. Кіевъ. 1865 г., стр. 226 и слѣд.: «Пользованіе капиталомъ есть употребленіе въ дѣло труда прошедшаго; пользованіе кредитомъ есть учетъ труда будущаго; то и другое въ интересѣ труда настоящаго». Послѣдняя формула болѣе краснорѣчива, чѣмъ точна.—Неопредѣленно и объясненіе *Умпфенбаха* (Lehrd. d. Finanzw. Ч. II. стр. 116. § 196): «Credit überhaupt ist das Vertrauen, welches Jemand rücksichtlich der Sicherheit geschenkt wird, mit welcher er für eine ihm freiwillig gewährte *Verkehrsleistung* (?) demnächst die entsprechende Gegenleistung erwarten lässt»; неудачно и безцѣльно и его раздѣленіе кредита на покоющійся и приложенный (ruhender und angewendeter), первымъ будто указывается на возможность сдѣлокъ; послѣдній же слагается изъ уже заключенныхъ долговыхъ отношеній.

Довѣріе, какъ основаніе кредитной сдѣлки, является дѣйствующимъ элементомъ только при ссудѣ, т. е. довѣріе является необходимымъ условіемъ кредита только со стороны вѣрителя. Это столь необходимое довѣріе вѣритель-капиталистъ оказываетъ и питаетъ— или къ хозяйственной оборотливости, экономической смышленности

и промышленной честности лица, довѣряя вполнѣ способности послѣдняго промышлять, добывать и создавать доходъ, достаточный на будущее покрытіе долга, — или же капиталистъ производитъ ссуду въ разсчетѣ на доходъ съ имущества заемщика, принимая послѣднее въ закладъ, или залогъ.

По этимъ соображеніямъ ясно, что по основаніямъ своимъ кредитъ можетъ распадаться только на два вида: *личный* и *вещественный*, или *залоговой*. Только принимая во вниманіе такое двоякое основаніе всѣхъ кредитныхъ оборотовъ, возможно рѣшить удовлетворительно вопросъ о краткосрочности, долгосрочности и безсрочности кредита, а также выяснить смыслъ и значеніе такъ называемой мобилизаціи капиталовъ и недвижимой собственности. Конечно, личный кредитъ можетъ быть усиленъ въ одной и той же сдѣлкѣ залоговымъ, точно также какъ залоговой кредитъ нерѣдко находитъ себѣ важное подспорье въ личномъ, но, во всякомъ случаѣ, въ каждомъ отдѣльномъ оборотѣ, или долгѣ, преобладаетъ одно изъ разбираемыхъ нами основаній. Вотъ почему, краткосрочныя ссуды могутъ совершаться преимущественно въ личный кредитъ: краткосрочный поземельный кредитъ доступенъ сельскимъ хозяевамъ, не какъ землевладѣльцамъ, или собственникамъ недвижимаго залога, а какъ сельскимъ промышленникамъ, или предпринимателямъ-хозяевамъ, т. е. экономическимъ личностямъ. Въ тоже время, залоговой сельско-хозяйственный кредитъ—если залогомъ служитъ поземельный участокъ, а не орудіе, скотъ и сельскіе продукты,—можетъ быть только долгосрочнымъ, такъ какъ земля является такимъ постояннымъ капиталомъ, который, при преобладаніи своемъ въ земледѣльческомъ производствѣ надъ оборотнымъ капиталомъ, допускаетъ только крайне постепенное и чрезвычайно медленное погашеніе своей первоначальной стоимости, или денежной цѣны. Такимъ образомъ, краткосрочный кредитъ можетъ быть оказанъ и общиннику-собственнику, хотя послѣдній не въ состояніи закладывать тотъ земельный участокъ, который имъ обработывается, а между тѣмъ въ такомъ кредитѣ даже необходимо отказывать такому землевладѣльцу помѣщику, который самъ не хозяйничаетъ на своей землѣ, не является предпринимателемъ и экономическою личностію, а можетъ представить въ обезпеченіе долга, или для вызова къ себѣ довѣрія, только свою поземельную собственность, какъ недвижимый залогъ.

Только приведенныя основанія, а не соціально филантропическіе взгляды, или сословныя различія могутъ руководить при разграниченіи въ теоріи и въ практикѣ, въ проектахъ и при осуществленіи кредитныхъ учрежденій. Между прочимъ названія коммерческаго, земскаго кредита и народнаго одинаково неудачны.

Сбивчивость воззрѣній на существенный характеръ личнаго и залоговаго кредита лишаетъ возможности безошибочно рѣшать вопросъ о формѣ кредитныхъ обязательствъ, по отношенію ко времени, или о срочности сдѣлокъ и займовъ. Особую же важность имѣетъ и подведеніе всѣхъ многообразныхъ кредитныхъ операцій, какъ лицъ, такъ и учрежденій, подъ три основныя группы дѣйствій: 1) передачу капиталовъ, что составляетъ какъ бы *ссудо-займовую функцію*; 2) обезпеченіе довѣрія, *страховую функцію*, и 3) созиданіе знаковъ обращенія, какъ бы *оборотную функцію* кредита.

Въ прямой кредитной сдѣлкѣ, между частными лицами, передача капитала совершается непосредственно, вѣритель производитъ ссуду, которая принимается должникомъ какъ заемъ.

При косвенной же кредитной сдѣлкѣ, въ которой посредникомъ является лицо или учрежденіе, банкиръ или банкъ, послѣдніе одновременно и совершаютъ ссуды, и заключаютъ займы. Займы же банкировъ, банковъ, кредитныхъ обществъ и товариществъ, или вообще такъ называемыхъ кредитныхъ посредниковъ, будутъ ли то лица, учрежденія или предпріятія, пріобрѣтаютъ вообще форму вкладовъ разныхъ наименованій и различныхъ назначеній: по крайней мѣрѣ главнымъ образомъ банки занимаютъ капиталы путемъ своихъ вкладныхъ операцій, хотя процентныя облигаціи кредитныхъ учрежденій, равно какъ и безпроцентныя ноты банкировъ и банковые билеты также относятся къ разряду банковыхъ займовыхъ оборотовъ. Въ общемъ-же составѣ банковыхъ операцій *ссудная* вполнѣ отдѣляется отъ *вкладной*, и передача капиталовъ, или первая функція кредита, распадается въ дѣйствіяхъ кредитныхъ посредниковъ, банкировъ и банковъ, такимъ образомъ, на два вполнѣ самостоятельные оборота — пріемъ вкладовъ и выдачу ссудъ, что, однако, не должно вводить въ заблужденіе относительно существа послѣднихъ и непосредственной, тѣсной связи между ними.

Вторая функція кредитнаго начала—обезпеченіе довѣрія, страхованіе кредитнаго оборота—вызвала разнообразныя формы закладовъ, залоговъ и поручительства. Сюда относятся и индоссирова-

ніе и акцептація векселя, посредничество банкировъ и банковъ, круговое ручательство обществъ закладчиковъ, обществъ взаимнаго кредита и кредитныхъ артелей, или ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Однимъ словомъ, для усиленія и даже для вызова довѣрія, въ кредитномъ оборотѣ возможны не только поручительство и посредничество третьихъ лицъ, не только вещное обезпеченіе и сдѣлки помощью заклада и залога, но съ большимъ еще успѣхомъ, прилагается и общественное, ассоціаціонное начало въ формѣ промысловыхъ обществъ, товариществъ и артелей. Страховая функція въ кредитѣ отличается далѣе особенностію, которая свойственна преимущественно механическимъ силамъ: она развивается и возростаетъ отъ соединенія и тѣснаго слитія, такъ что посредствомъ общенія и взаимности нѣсколькихъ, или многихъ лицъ, она достигаетъ наибольшей своей силы, доходитъ до высшей потенціи и энергіи. Довѣріе къ векселю зависитъ отъ числа передаточныхъ надписей; а еще болѣе прочное страхованіе кредита создаютъ артельная отвѣтственность и круговая порука. Круговая порука не только обусловливаетъ возможность обширныхъ оборотовъ, даже превышающихъ собственныя средства, напримѣръ, кредитныхъ артелей, т. е. такъ называемыхъ обществъ взаимнаго кредита и ссудосберегательныхъ товариществъ, но ея посредничество при страхованіи оборота до того важно, что въ поземельномъ кредитѣ и при ссудѣ подъ недвижимый залогъ возникли, исключительно съ цѣлью самостоятельнаго осуществленія взаимнаго ручательства и круговой поруки, извѣстныя общества закладчиковъ или заемщиковъ — владѣльцевъ. Заставный листъ, или закладная облигація ни что иное, какъ свидѣтельство въ круговой порукѣ ради страхованія и обезпеченія довѣрія, съ цѣлью болѣе легкаго полученія ссудъ отъ капиталистовъ. Въ страховомъ дѣйствіи при частномъ промышленномъ кредитѣ, какъ относительной противуположности къ финансовому, значительное участіе принимаютъ общественный строй, законодательство, судодѣйствіе и вообще свобода организаціи всѣхъ проявленій общественности, равно какъ и отсутствіе всякихъ стѣсненій въ приложеніи начала артельнаго.

Третья функція кредита — это оборотное его дѣйствіе, которое замѣняетъ орудія обращенія и мѣновые посредники, деньги, разнообразными операціями, и даже создаетъ послѣднимъ суррогаты — денежные знаки. Такимъ образомъ, напримѣръ, трансферты, вза-

имная очистка платежныхъ требованій и долговъ по счетамъ, помощью списыванія, операціи извѣстныхъ clearing-houses, выпускъ банковыхъ билетовъ и чековъ, съ кредитнымъ обезпеченіемъ, и бумажныхъ денегъ, съ однимъ такъ называемымъ податнымъ обезпеченіемъ, служатъ въ одинаковой степени прямыми средствами къ осуществленію оборотной силы кредита, или являются исключительно результатами дѣйствія этой функціи послѣдняго.

Въ обращеніи цѣнностей кредитъ является на столько же самостоятельнымъ основаніемъ, на сколько деньги своеобразнымъ орудіемъ обращенія *), и именно какъ оборотъ, кредитъ можетъ замѣнить мѣновыя орудія разнообразными сдѣлками, или создать имъ суррогаты—денежные знаки.

Трансфертъ, очистка взаимныхъ требованій по счетамъ, операціи извѣстныхъ clearing-houses *), выпускъ бумажныхъ денегъ, съ однимъ такъ называемымъ податнымъ обезпеченіемъ, суть исключительно дѣйствія одной оборотной кредитной функціи. Въ банковомъ билетѣ, въ чекѣ и во всякомъ обязательствѣ, размѣнномъ на предъявителя, съ такъ называемымъ въ частности кредитнымъ обезпеченіемъ, совмѣщается ссудное дѣйствіе съ созиданіемъ орудія обращенія. Въ закладныхъ листахъ и обязательствахъ, обезпеченныхъ взаимностію заемщиковъ, круговою порукою, слиты всѣ три дѣйствія кредитнаго процесса: ссуда, страхованіе и созданіе средствъ обращенія.

§ 67 Согласованіе отдѣльныхъ формъ предпріятій съ основаніями и разрядами кредитныхъ оборотовъ. Волостные и общественные банки.

Только при отвлеченіи научномъ существуютъ, или, строго говоря, представляются намъ въ экономической дѣятельности чело-

*) *Storch*, Cours déconom. pol. Ч. III. Отд. I, кн. VI. гл. I. стр. 150: «Ainsi le credit est exactement comme la monnaie, un instrument pour opèrer les èchanges, une roue dans le mecanisme de la circulation, qui facilite et accèlere son mouvement».—*Gust. du Puynode*: De 'la monnaie, du credit, гл. III стр. 111: Les institutions de credit sont des *institutions de circulation*; ce ne sont pas des institutions de production. Quand on a sontenu le contraire, on a meconue entièrement la nature du credit, et celle du capital.

*) R. *Hilderbrand*: das Chequesystem und das Clearing-house in London, и—der Umsatz des Clearing-House zu New-York въ Jahrb. f. N. und St. 1867. I. стр. 127—163 и 218—220.

вѣка и народовъ разнообразныя хозяйственныя дѣйствія и явленія, группируемыя по однородности въ процессы, какъ въ производство, распредѣленіе, обращеніе, потребленіе, или земледѣліе, скотокодство, торговля и спеціально въ настоящемъ случаѣ въ кредитъ; въ дѣйствительности же, въ самомъ быту народа существуетъ и совершается только постоянное соединеніе лицъ и дѣятелей, для промысловой частной цѣли и ради дохода, въ оформенныя предпріятія; только изъ сложности, а нерѣдко и изъ тѣснаго, непосредственнаго соединенія предпріятій слагается такъ называемое народное хозяйство. Это обстоятельство до сихъ поръ упущено изъ виду экономистами и вообще всѣми разсуждающими о хозяйственныхъ явленіяхъ и вопросахъ; всѣми большею частію, забывается, что всякая экономическая сдѣлка, повторяющаяся съ извѣстнымъ постоянствомъ и имѣющая цѣлью именно такое повтореніе, или вообще отличающаяся такъ сказать *промысловымъ характеромъ*, тотчасъ создаетъ *предпріятіе*, въ той или другой формѣ.

Разнообразіе формъ, или строя предпріятій, требуетъ особаго изслѣдованіи ихъ приложимости къ кредитнымъ оборотамъ и т. н. учрежденіямъ.

Кустарная форма, понятно, не можетъ прилагаться къ кредитному обороту; у кустарниковъ все нераздѣльно; ихъ связываютъ именно—родственныя, кровныя отношенія; они владѣютъ сообща всѣмъ имуществомъ семьи и хозяйства; слѣдовательно ссудъ, или займовъ изъ за возмездія и дохода между ними быть не можетъ. Тѣми же особенностями, по отношенію къ кредиту, наравнѣ съ кустарною семьею, отличается и *общинный міръ*; обратить крестьянскую общину, при нераздѣльномъ и неотчуждаемомъ владѣніи землею, въ кредитное товарищество, въ поземельный банкъ, или аналогическое учрежденіе другой формы, столь же невозможно, какъ создать въ семейной кустарной средѣ ссудную кассу, или мечтать о поручительствѣ и залогахъ со стороны обязательныхъ общинниковъ, связанныхъ уже мірскою круговою порукою. Главная ошибка, учреждавшихся и отчасти существующихъ еще у насъ, сельскихъ и волостныхъ банковъ заключается именно въ непониманіи этого факта. Волость состоитъ изъ нераздѣльныхъ общинъ, которыя порознь взятыя, никакъ не могутъ быть превращены въ соотвѣтственное дѣйствительное кредитное предпріятіе, такъ какъ соединеніе въ нихъ лицъ вовсе не состоялось и не возникало на основаніи довѣрія, а каждый

членъ общины или міра является таковымъ по рожденію, слѣдовательно исключенію его изъ сельскаго банка представляются немаловажныя затрудненія; а потому же и въ той-же степени и вся волость не заключаетъ въ себѣ необходимыхъ элементовъ кредитнаго товарищества. При такой, безъ сомнѣнія, очевидной кредитной неспособности вообще лицъ, какого бы то ни было класса, находящихся въ обязательномъ, почти безвыходномъ, соединеніи и не располагающихъ своею землею на правахъ полной и частной, раздѣльной собственности и отчуждаемости, напрасно указывать на волостные банки, какъ на учрежденія наиболѣе нормальныя въ нашемъ крестьянскомъ быту, или способныя надѣлять крестьянъ кредитомъ съ наибольшею пользою для ихъ промысловъ и хозяйственныхъ занятій, или наиболѣе соотвѣтственныя ихъ дѣятельности и обстановкѣ.

А. В. Яковлевъ, въ своемъ сочиненіи «Очеркъ народнаго кредита» (С.-Петербургъ 1869 года), говоритъ слѣдующее: «Всѣ эти кассы, состоящія въ вѣдѣніи волостнаго правленія, такъ сказать начальства, не имѣютъ характера и значенія независимыхъ учрежденій; ими заправляетъ волостной старшина и даетъ ссуды, кому захочетъ; вслѣдствіе этого являются взяточничество и большая или меньшая безконтрольность. Случаи растраты капиталовъ весьма часты, но онѣ большею частію покрываются крестьянами по раскладкѣ. При просьбахъ о займѣ, а особенно объ отсрочкахъ, непремѣнно идетъ угощеніе. Мнѣ разсказывали крестьяне нѣсколькихъ волостей, въ которыхъ существуютъ такія кассы, что часто послѣ подобнаго угощенія остается въ рукахъ должника не болѣе половины полученной ссуды, такъ что въ дѣйствительности ссуда обходится иногда чрезвычайно дорого. Очень часто старшина есть вмѣстѣ съ тѣмъ ростовщикъ на капиталы кассы».

Въ частности объ оборотахъ всѣхъ указаннаго разряда сельскохозяйственныхъ кредитныхъ учрежденій не существуетъ полныхъ свѣдѣній, но всѣ они устроились, болѣе или менѣе, по образцу вспомогательныхъ и сберегательныхъ кассъ государственныхъ крестьянъ. Эти кассы были учреждены при волостныхъ правленіяхъ: первыя, какъ сказано въ уставѣ, для доставленія государственнымъ крестьянамъ способовъ къ пріобрѣтенію заимообразно суммъ, потребныхъ на удовлетвореніе разныхъ нуждъ и распространеніе ихъ сельской промышленности, вторыя—для доставленія способовъ къ

сохраненію и приращенію процентами денежныхъ суммъ, остающихся у нихъ безъ употребленія. Ссуда производится только домохозяевамъ, или старшимъ лицамъ въ семьѣ, да сверхъ того и цѣлымъ сельскимъ обществамъ; до полной уплаты ссуды никто не имѣетъ права на новый заемъ. Высшій размѣръ ссуды на одного домохозяина опредѣленъ въ 60 рублей, а какъ низшій рязмѣръ— установлена ссуда въ 1 рубль. Ссуды выдаются только подъ поручительство, да притомъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы на каждые 5 рублей ссуды былъ представленъ отдѣльный поручитель.

Эти волостные банки, основанные правительствомъ или при помощи правительства, со времени освобожденія крестьянъ, а особенно по прекращеніи ихъ обязательныхъ отношеній, большею частію уничтожились; да и тѣ, которые остались, существуютъ только на бумагѣ. Міровые и всякіе другіе капиталы, разъ пожертвованные сельскимъ обществомъ, или правительствомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ помѣщиками, на учрежденіе волостнаго банка, розданы крестьянамъ, а затѣмъ никто изъ послѣднихъ не считаетъ себя обязаннымъ уплатить ихъ въ банкъ обратно.

Такимъ образомъ несомнѣнно, что хотя отдѣльные производства, промыслы и даже обороты порознь пріобрѣтаютъ, соотвѣтственную своей основной цѣли, твердую организацію, только опираясь на общительность и на ассоціаціонное начало, однако ни къ одному изъ видовъ кредитныхъ оборотовъ не приложимы кустарныя и однородныя съ нею формы стихійно-обязательныхъ, или культурно-обязательныхъ, административныхъ, или вообще неэкономическихъ, т. е. не свободно договорныхъ союзовъ и общеній. Такое явленіе объясняется тѣмъ основнымъ экономическимъ закономъ, что каждая изъ внѣшнихъ формъ, въ которыя выливается и которыя принимаетъ организація промысловъ, что каждый изъ видовъ внѣшняго строя хозяйственныхъ предпріятій, имѣютъ свой опредѣленный кругъ дѣйствія и являются соотвѣтственными только для даннаго разряда экономическихъ процессовъ, или хозяйственныхъ оборотовъ.

Если же организація промысла и строй предпріятія вполнѣ соотвѣтствуютъ потребностямъ извѣстнаго хозяйственнаго оборота, не противорѣчатъ ни его основаніямъ, ни цѣлямъ, а вполнѣ къ нимъ приложимы, то другое основное положеніе, котораго слѣдуетъ придерживаться при открытіи всякаго экономическаго предпріятія вообще и какого бы то ни было кредитнаго учрежденія въ частности, за-

ключается въ томъ, что всѣ формы предпріятій и формы промысловаго строя—единоличное предпріятіе, полное товарищество, командитное общество, какъ по вѣрѣ, такъ и на акціяхъ, акціонерная компанія, артель—отнюдь не могутъ противуполагаться другъ другу, какъ высшія, болѣе удовлетворительныя экономическія общенія или хозяйственные союзы, низшимъ и менѣе удовлетворительнымъ, и что ни одна изъ нихъ не отличается безотносительнымъ превосходствомъ предъ другими, а что для полнаго и всесторонняги успѣха народнаго хозяйства, всѣ онѣ должны всегда и вездѣ развиваться совмѣстно и поддерживать другъ друга. Всѣ онѣ даже одинаково пригодны для наивысшаго развитія извѣстныхъ однородныхъ оборотовъ, напримѣръ для кредитныхъ операцій, если только приложимы къ каждой частности оборота по существу, или если ихъ приложенію не мѣшаютъ данная обстановкм и разныя обстоятельства времени, т. е. историческія и общественныя условія.

Все развитіе хозяйственныхъ оборотовъ представляетъ въ новѣйшее время одну существенную особенность, которая уже доросла до размѣровъ первенствующей силы и грозитъ въ будущемъ раззорительными кризисами. Это явленіе имѣетъ на первый разъ своимъ послѣдствіемъ искусственную дешевизну денегъ и всѣхъ цѣнностей, служащихъ представителями предпринимательскихъ капиталовъ; оно заключается въ повсемѣстномъ стремленіи превратить всякое промышленное и торговое предпріятіе въ безъименное товарищество съ складочнымъ капиталомъ. Конечно, ближайшимъ побужденіемъ къ открытію все новыхъ и новыхъ поводовъ для выпуска акцій и продажныхъ бумажныхъ капиталовъ служитъ для учредителей обезпеченная заранѣе выгода отъ биржевой игры. Но истинная причина, по которой личный починъ все болѣе и болѣе отступаетъ въ дѣлѣ промышленности на задній планъ, причина, заставляющая отвѣтственнаго предпринимателя и гласнаго товарища укрываться отъ невзгодъ и треволненій, съ которыми сопряжено непосредственное веденіе промысловаго оборота, за удобною ролью вкладчика акціонера—это: разгорѣвшійся нынѣ съ достаточною уже силою и принявшій въ Западной Европѣ явную организацію, антагонизмъ между наемнымъ трудомъ и капиталомъ.

Забастовка, начатая и направляемая цѣлымъ обществомъ рабочихъ, состоящихъ въ стачкѣ, можетъ, даже безъ международныхъ сношеній и поддержки интернаціональнаго союза, затруднить или поставить въ безвыходное положеніе одноличное предпріятіе или

малое полное товарищество, такъ какъ средства послѣднихъ весьма ограничены сравнительно со сборными капиталами акціонерныхъ компаній.

Притомъ, для первыхъ, или вообще для всѣхъ, видовъ именныхъ предпріятій, борьба съ наемнымъ трудомъ становится тѣмъ тягостнѣе, что ненависть обращается прямо на извѣстныхъ капиталистовъ; всѣ прерѣканія пріобрѣтаютъ вполнѣ личный характеръ, всѣ требованія, упованія, проклятія прямо относятся къ данному лицу.

Въ безъименной акціонерной компаніи управляющій, или директоры суть только уполномоченныя лица, они въ большинствѣ случаевъ также трудятся по найму, они оберегаютъ, по видимому, только чужіе интересы, они дѣйствуютъ не прямо въ собственную пользу и какъ бы не непосредственно отъ своего лица; поэтому, имъ отстоять чужіе интересы легче, и неуступчиность по отношенію къ рабочимъ не подвергаетъ ихъ прямо неизбѣжной ненависти послѣднихъ. Акціонеры же сами не выступаютъ, они дѣйствуютъ цѣлымъ общимъ своимъ собраніемъ. Даже продавъ свои акціи, отдѣльныя лица сохраняютъ, цѣною сравнительно небольшихъ пожертвованій, возможность избавиться отъ участія въ данномъ столкновеніи между капиталомъ и трудомъ.

Нѣтъ необходимости распространяться о томъ, почему новѣйшій капиталистъ особенно любитъ являться прямымъ участникомъ предпріятій только въ смыслѣ акціонернаго вкладчика, а въ тоже время прилагать свои усилія, знаніе, предпріимчивость и оборотливость на промышленномъ поприщѣ только въ качествѣ уполномоченнаго директора, выборнаго управляющаго и вообще наемнаго труженика, состоящаго на условленномъ жалованьѣ.

Вотъ сокровенная соціальная причина необычайно быстраго распространенія акціонерной формы предпріятій на всѣ отрасли промышленности, на всѣ обороты по торговлѣ и кредиту. Внѣшнюю поддержку находило себѣ это явленіе въ неестественной учредительской спекуляціи, которая до того сильна, что, въ послѣдніе годы, способна снабдить всякое возникающее предпріятіе первыми необходимыми денежными средствами.

Такая предупредительность учредительскихъ банковъ и консортерій, дѣйствующихъ теперь одновременно на всѣхъ европейскихъ биржахъ, равнозначуща по своимъ прямымъ послѣдствіямъ съ де-

шевизною капиталовъ и вообще обиліемъ денегъ. Дешевизна же денегъ, хотя и вполнѣ искуственно вызванная учредительскимъ ажіотажемъ, находящимъ себѣ надежную поддержку въ изложенныхъ соціальныхъ отношеніяхъ капитала и труда, порождаетъ параллельное вздорожаніе всѣхъ предметовъ потребленія и житейскаго обихода (хотя, казалось бы, съ успѣхами промышленности и увеличеніемъ числа предпріятій, товары и издѣлія должны были бы удешевляться).

Разительный примѣръ въ этомъ смыслѣ представляетъ главный центръ современной учредительской спекуляціи и послѣдняго краха — Вѣна. Въ этомъ городѣ всѣ цѣны за послѣдніе пять лѣтъ возвысились вдвое, не исключая и квартирныхъ платъ, хотя въ тоже время ни въ одномъ современномъ городѣ постройки не ростутъ съ такою быстротою, какъ именно въ Вѣнѣ.

Разгаръ учредительской спекуляціи и созданная ею подвижность капиталовъ, облекающаяся въ форму кажущейся дешевизны денегъ, могутъ конечно при благоразумномъ пользованіи ими, приносить преимущественно пользу такимъ странамъ, какъ Россія. Тутъ нечего опасаться кризисовъ, покуда спекуляція является достаточно находчивою, а не бросается изъ одного слѣпаго подражанія на (такъ сказать) цѣлыя серіи однородныхъ предпріятій, до переполненія и убыточной конкурренціи въ одной и той же отрасли оборотовъ.

Такъ было между тѣмъ у насъ. За желѣзными дорогами пошли торговые банки, за ними земельныя товарищества, въ то же время брались необычайныя отступныя преміи и осуществлялись весьма своеобразныя подписки и развертки. Тѣмъ не менѣе, природная ширь въ общемъ хозяйственномъ поприщѣ Россіи избавляла пока отъ дѣйствительныхъ кризисовъ. Устойчивый промышленный ростъ за послѣднее время предотвращалъ съ успѣхомъ даже грозившее окончательное денежное разстройство, не смотря на увеличеніе количества денежныхъ знаковъ и давленіе на курсъ бумажекъ отъ закупокъ государственнымъ банкомъ звонкаго металла по неизмѣнно установленной цѣнѣ.

Наша промышленность исполняетъ за послѣднее время свою задачу столь удовлетворительно, что пониженіе курса и обезцѣненіе кредитныхъ билетовъ могутъ возникнуть только въ случаѣ какихъ-либо превратныхъ финансовыхъ мѣръ; до сихъ же поръ бумажный рубль стоитъ выше трехъ сотъ сорока шести сантимовъ, не смотря

и вопреки всѣмъ покупкамъ звонкаго металла со стороны государственнаго банка по § 45.

Есть, однако, люди, которымъ постоянно чуется кризисъ, которымъ быстрота нашего промышленнаго развитія кажется не къ добру, которые отождествляютъ обиліе цѣнныхъ бумагъ (обошедшихся нерѣдко, дѣйствительно, чрезвычайно дорого русскимъ капиталистамъ, или русскому обществу, благодаря домашнему или чужому учредительскому посредничеству) съ избыткомъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ, которыхъ пугаютъ громадныя цифры протестованныхъ векселей на послѣднихъ ярмаркахъ, причемъ выходъ изъ неминуемо грозящаго, по ихъ убѣжденію, затрудненія имъ кажется загадочнымъ. Однако, благоразумное большинство настоятельно требуетъ только одного прекращенія дорогихъ опытовъ надъ нашимъ денежнымъ обращеніемъ со стороны государственнаго банка и замѣны общими законодательными нормами всякаго благоусмотрѣнія при разрѣшеніи у насъ уставовъ на новыя предпріятія.

Спокойный и вѣрный взглядъ на главныя явленія въ нашемъ хозяйствѣ уже установился не только у нашихъ промышленниковъ и торговцевъ, но и во всей образованной средѣ нашего общества. И только къ самозваннымъ исключеніямъ слѣдуетъ отнести въ настоящее время тѣхъ пугливыхъ и растерявшихся патріотовъ, которые объясняютъ все злоупотребленіями и злоумышленною нечестностію. Облекшись въ заманчивую роль обличителей, они нерѣдко громоздятъ ничѣмъ не доказанныя нарѣканія, и повторяя свой припѣвъ о злоупотребленіяхъ, обходятъ всякое серьезное изслѣдованіе, даже избавляютъ себя отъ всякаго предварительнаго изученія элементарной азбуки по тѣмъ вопросамъ, по которымъ они съ плеча постановляютъ рѣшенія, хотя бы послѣдніе заключались въ самыхъ тяжкихъ обвиненіяхъ, направленныхъ на цѣлыя сословія и отдѣльныя лица. Къ послѣднему разряду самоувѣренныхъ и на столько же къ дѣлу не приготовленныхъ *изслѣдователей* относится авторъ явившейся въ 1872 г. книжки: «Городскіе и общественные банки Россіи», г. В. Я. Ососовъ. Городскіе банки дѣйствительно представляютъ, по обязательности своего строя, аналогію съ волостными, но недостатки кроются въ казенныхъ основаніяхъ ихъ организаціи.

Ососовъ признавая, что, «въ виду валовой цифры учтенныхъ городскими банками векселей и разныхъ произведенныхъ ими ссудъ, сомнѣваться въ общемъ успѣхѣ ихъ дѣятельности нѣтъ при-

чины», недоумѣваетъ, что городскіе банки намѣреваются выпускать свои собственные билеты, а потому и рѣшился обозрѣть ихъ дѣятельность «по первое января 1871 года». Этотъ обзоръ, онъ ведетъ не со дня открытія дѣйствій отдѣльныхъ банковъ, а только за тѣ годы, за которые помѣщены свѣдѣнія о городскихъ общественныхъ банкахъ въ двухъ первыхъ выпускахъ «Ежегодника министерства финансовъ». Цѣль такого отрывочнаго обзора, при которомъ сплошь да рядомъ остается неизвѣстнымъ за какое число лѣтъ выведены среднія цифры, заключается въ доказательствѣ, что городскимъ банкамъ не приходится создавать новыхъ капиталовъ, но только будить, такъ сказать, спящіе, существующіе. Доставляя кредитъ промышленному и торговому люду провинціи, городскіе банки не всегда поступали достаточно нелицепріятно и тѣмъ самымъ не доставили далеко той пользы, которую могли бы доставить всѣмъ, чему служить доказательствомъ неизмѣнившаяся нищета мѣщанъ и часто скандальныя обогащенія нѣкоторыхъ тузовъ изъ губернскаго и уѣзднаго купечества.

Дѣло въ томъ, что живительными средствами кредита—говоритъ г. Ососовъ—эти господа распоряжались только въ свой карманъ, оставляя бѣдному обывателю одну будущую отвѣтственность за чужія увлеченія и ошибки. Видовъ казны, заводившей банки, помочь всѣмъ—и бѣдному, и богатому—достигнуть было легко, если бы получше оградить интересы первыхъ и потуже связать черезъ-чуръ безцеремонныя руки послѣднихъ. Вообще авторъ утверждаетъ, что городскія общества относятся не серьезно къ выборамъ и выводятъ изъ своей среды на банковое поприще людей, только извѣстныхъ своими *туго набитыми бумажниками*, или *искусствомъ мошенничества, а не дѣйствительно знакомыхъ съ банковымъ дѣломъ* и способныхъ, и готовыхъ честно служить имъ.

Приведенные рѣзкіе отзывы, повторяемые въ разныхъ мѣстахъ книги въ болѣе или менѣе сильныхъ варіяціяхъ, г. Ососовъ силится подтвердить фактическими указаніями, т. е, цифрами, сведенными въ таблицы, а также (въ началѣ) книги общими соображеніями. По несчастію, однако, и тѣ и другія обличаютъ только самаго автора въ поразительно невѣжественныхъ заблужденіяхъ.

Мнимо-теоретическія *осново-положенія* (любимый терминъ г. Ососова) сильно отзываются ходячими голословными сплетнями, съ которыми не вяжутся ни малѣйшимъ образомъ тѣ соображенія о сущности денегъ и о созиданіи новыхъ капиталовъ каждою отдѣльной кредитной сдѣлкой, которыя авторъ позаимствовалъ у Мэклауда, исказивъ ихъ въ переводѣ до неудобопонятности. Приведены и другіе авторы, русскіе и иностранные, при чемъ, однако, забытъ Гаттенбергеръ, профессоръ харьковскаго уни-

верситета, занимающійся въ своей диссертаціи, именно, тѣми же городскими общественными банками. Безъ ущерба для ознакомленія съ книгою, носящей столь заманчивое заглавіе, можемъ обойти разборъ тѣхъ невяжущихся теоретическихъ позаимствованій у разныхъ писателей, которыми наполнены первыя четыре главы. А, такъ какъ слѣдующія главы ссылаются на таблицы, разработанныя авторамъ, если и не вполнѣ самостоятельно, то во всякомъ случаѣ довольно своеобразно,—то достаточно приступить къ соображенію и оцѣнкѣ послѣднихъ.

Таблица въ приложеніи № 1 заимствована у Шторха (Матеріалъ для исторіи государственныхъ денежныхъ знаковъ Россіи. Спб. 1868 г.) и назначена служить подтвержденіемъ довольно своеобразныхъ выводовъ автора о русскомъ денежномъ хозяйствѣ (гл. IV стр. 48 — 58). Эта таблица показываетъ, сколько съ Петра Великаго, въ теченіи 136 лѣтъ, выпускаемо было золотой, серебряной и мѣдной монеты, и процентное отношеніе этихъ трехъ видовъ между собою. Научная вмѣняемость автора вполнѣ рисуется въ тѣхъ общихъ итогахъ, которые онъ подводитъ для выпуска каждой монеты за все указанное время, забывая, что вся выпущенная монета не могла оставаться въ обращеніи въ теченіи всѣхъ 136-ти лѣтъ и что особенно мѣдная монета неоднократно сполна перечеканивалась. На основаніи общаго, ничему не соотвѣтствующаго итога, нельзя выводить въ заключеніи—сколько *приходится* на 100 рублей всѣхъ денегъ порознь монетой золотой, серебряной и мѣдной. Столь же поразительны, какъ эти процентныя выкладки, не соотвѣтствующія никакой эпохѣ нашего денежнаго обращенія, и тѣ заключенія, которыя сдѣланы на стр. 58 «относительно свойства русскаго денежнаго хозяйства»:

«1) Россія иныхъ денегъ, кромѣ бумажныхъ, имѣть не можетъ; ей остается только изыскать способы выпускать такія, которыя вполнѣ были бы деньгами.

«2) Русскія прежнія ассигнаціи и мѣдныя деньги вовсе не были бы большимъ зломъ, если бы ихъ выпускали на дѣла производительныя; онѣ не были бы этимъ зломъ уже потому, что иныхъ денегъ Россіи и тогда негдѣ было взять».

Таблица № 2 имѣетъ цѣлью доказать на сколько незначительно обезпеченіе, доставляемое городскими банками своимъ вкладчикамъ. Для примѣра взяты 22 банка и показано, сколько къ 1-му января 1871 года въ нихъ состояло капиталовъ и сколько они несли обязательствъ по вкладамъ. Цифры основнаго и запаснаго капитала взяты изъ 3-го выпуска «Ежегодника министерства финансовъ» и представляютъ иногда разницу не болѣе одного рубля; только для Николаева и для Сапожка (Рязанской губерніи) взяты старыя цифры къ 1-му января 1870 года, такъ что вмѣсто 17,463+1.847 слѣдовало брать 19,135 плюсъ 3,101; а между тѣмъ, авторъ не обинуясь вычислилъ, что николаевскій банкъ не ранѣе какъ черезъ 100 лѣтъ накопитъ собственнаго капитала въ размѣрѣ 10% всѣхъ принятыхъ имъ обязательствъ (согласно Высочайшему повелѣнію 23-го декабря 1870 года); въ тоже время николаевскій банкъ причислилъ въ 1870 году къ основному капиталу 1,672 рубля, а къ запасному 1,254 рубля, т. е. вовсе не миѳическій чистый остатокъ въ 600 рублей, выведенный авторомъ. Въ сапожковскомъ банкѣ тоже состояло собственныхъ капиталовъ не 11,624+1,218, а 17,385+2,901. Далѣе, не приведены особые благотворительные капиталы, которые слѣдовало причислить къ вкладамъ, хотя авторъ увѣряетъ (стр. 62 и въ другихъ мѣстахъ), что они забраны безвозвратно нѣкоторыми банками; недостаетъ и вѣчныхъ вкладовъ, хотя неосновательно ко вкладамъ безсрочнымъ прибавлены текущіе счеты, существующіе вообще только въ 5-ти банкахъ, а изъ приведенныхъ авторовъ 22-хъ только въ 3-хъ; а между тѣмъ, въ харьковскій банкъ за одинъ 1870 годъ ихъ поступило на 2.597,133 рубля, тогда какъ Ососовъ къ 1-му января 1871 года безсрочныхъ вкладовъ вмѣстѣ съ текущими счетами показываетъ 1.588,971. Между тѣмъ,

нельзя прибавить остатки по текущимъ счетамъ къ 1-му января какого-либо года къ безсрочнымъ вкладамъ, состоящимъ на лицо къ тому же дню, а необходимо измѣрять обязательства, лежащія по нимъ на банкѣ, на основаніи средняго годоваго ихъ размѣра и средняго срока ихъ пребыванія въ кассѣ банка. Точно также нельзя считать переучетъ принятыхъ банкомъ векселей на столько же тягостнымъ, или вообще прямымъ обязательствомъ для банка, какъ и вклады срочные и безсрочные, а потому невозможно тѣмъ и другимъ подводить одинъ итогъ.

Вообще же переучетомъ векселей въ конторахъ и отдѣленіяхъ государственнаго банка пользовались всего 18 городскихъ банковъ, а изъ приведенныхъ въ таблицѣ у Ососова всего 10, въ томъ числѣ и тверской, за которымъ числилось 15,500 рублей по переучету, чего вовсе не показано у автора. За шуйскимъ осталось 50,000 къ 1-му январю, а не 51,297 рубл.; точно также за рязанскимъ оставалось 46,500 по переучету, а не 250,500 рублей.

Столь же ошибочны и произвольны и цифры прочихъ таблицъ.

Таблица № 3 сопоставляетъ конторы и отдѣленія государственнаго банка съ городскими банками по всѣмъ вкладамъ вообще и опять таки по текущимъ счетамъ, которые, какъ мы видѣли, вполнѣ исключительный оборотъ, непредвидѣнный нормальнымъ уставомъ и требующій особаго разрѣшенія для городскихъ банковъ. Послѣднее обстоятельство какъ будто совершенно неизвѣстно автору. Онъ твердитъ, на стр. 69, «въ особенности, что, вполнѣ понятно, возрастали безсрочные вклады до востребованія и *текущіе счета*... На первое января *тѣхъ и другихъ* въ 163 банкахъ было...» затѣмъ слѣдуютъ цифры, выписанные изъ ежегодника министерства финансовъ. Съ другой стороны, въ цифрахъ приложенія № 3 въ графахъ: «*вообще вкладовъ* и текущихъ счетовъ поступало» не включены вѣчные вклады, которыхъ къ 1-му января 1869 года оставалось въ 163 банкахъ на 1¼ мильонъ рублей, а къ 1-му января 1870 года на 1½ мильона, и къ 1-му января 1871 г. въ 185 банкахъ свыше 2¼ мильоновъ рублей. Въ слѣдующемъ приложеніи разсчитано съ большимъ трудолюбіемъ, сколько въ годъ поступало въ банкъ вкладовъ отъ каждаго жителя губерніи и города, въ которыхъ находится банкъ. Такой трудъ походитъ на толченіе воды, такъ какъ промышленное значеніе банка для данной мѣстности должно измѣряться среднею наличностью вкладовъ, годовою ихъ суммою, а не поступленіемъ въ теченіи года ихъ вновь; при томъ вклады поступаютъ во всѣ городскіе банки не изъ одной только губерніи, а со всей Россіи, чѣмъ немало и неоднократно огорчается самъ авторъ. Наконецъ, они поступаютъ не изъ губерніи, къ которой находится данный городъ, а изъ ближайшихъ къ нему уѣздовъ, но мимо губернскаго дѣленія. Далѣе, въ той же губерніи бываетъ не рѣдко до 9-ти и вообще по нескольку городскихъ общественныхъ банковъ (въ одной Московской губерніи ихъ, напримѣръ, до 10-ти). Вотъ почему безсодержательно показаніе, что въ клинскій банкъ поступало въ годъ съ жителей московской губерніи вкладовъ на 0,0007 руб., между тѣмъ какъ въ той же губерніи дѣйствуютъ изъ подвергнутыхъ у г-на Ососова разсчету 91 банка, еще серпуховскій, коломенскій, богородскій, можайскій, сергіевскій, да сверхъ того не приведенные у автора бронницкій, воскресенскій, дмитровскій и павловскій, т. е. всего 10 городскихъ банковъ.

Никакой повѣркѣ не поддается приложеніе № 4, въ которомъ показано сколько учтено векселей—*въ средній годъ изъ тѣхъ, за которые представлены отчеты*—такъ какъ неизвѣстно, за одинаковое ли число лѣтъ и за одни ли и тѣ же года получены средніе выводы. Сумма касается 155 банковъ и неизвѣстно, къ какой эпохѣ отнести эту цифру въ 29.801,100 руб., такъ какъ въ 1868 году по 163 банкамъ было учтено на 34.450,322 рубля, а въ 1869 — на 53.428,046 рублей; нако-

нецъ въ 1870 по 185 банкамъ учтено векселей и срочныхъ бумагъ на 74.3832,26 рублей.

Болѣе чѣмъ подозрительна таблица въ приложеніи № 5, гдѣ выводится «какой процентъ» составляетъ семилѣтній итогъ поступившихъ вкладовъ къ семилѣтнему итогу учтенныхъ векселей»,—между тѣмъ какъ многіе изъ приведенныхъ 157 банковъ существовали къ 1 января 1871 года всего одинъ годъ (Юрьевецъ-Дерптъ утвержденъ въ 1869), или два (Лухъ, Мосальскъ, Павловскъ, Меленки, Старый Осколъ и друг.) и 3 года (Клинъ, Новохоперскъ, Шуя, Бугурусланъ, Валуйки, Большія Соли, Дмитріевъ, Георгіевскъ и др.); а семилѣтнимъ существованіемъ, не говоря уже про отчетность за семь лѣтъ, можетъ похвастать только меньшинство изъ приведенныхъ у Ососова. Но цифрами онъ вообще не затрудняется. Такъ, на страницѣ 69, въ 163 банкахъ онъ показываетъ къ 1 января 1871 года безсрочныхъ вкладовъ на 27.774,113, а на страницѣ 79 тѣже 163 банка имѣютъ тѣхъ же самыхъ безсрочныхъ вкладовъ уже 28.982,772 руб.

Послѣ сказаннаго очевидно, какую достовѣрность имѣетъ въ приложеніи № 6 выводъ о средней годовой ссудѣ подъ процентныя бумаги въ 155 банкахъ и опредѣленіе «умѣнья пользоваться вкладами»; остается жалѣть о тѣхъ усиліяхъ, которыя приложилъ авторъ къ вычисленію процентнаго отношенія числа жителей по переписи 1867 года (хотя были однодневныя переписи въ городахъ и позже, а десятая общая ревизія предпринята въ послѣдній разъ въ 1857 году)—отдѣльно въ ўѣздахъ и городахъ къ стоимости векселей учтенныхъ въ средній (?) годъ, а также къ произведеннымъ *въ средній годъ* ссудамъ подъ процентные бумаги и подъ недвижимость. (см. прилож. 7).

Въ приложеніи 8 показано: «изъ операцій за 1867, 1868 и 1869 гг. приходится на одного жителя *по переписи 1867 года* губерніи копѣекъ». А между тѣмъ выведены 49 европейскихъ губерній по старому дѣленію, въ томъ числѣ 13, о которыхъ сказано, что нѣтъ въ нихъ банковъ, хотя въ нѣкоторыхъ уже существуютъ банки (напр. для Лифляндской въ другомъ мѣстѣ самимъ же авторомъ приведенъ Дерптъ-Юрьевецъ, и существуетъ еще Перновскій, а въ Витебской губерніи есть Динабургскій, въ Астраханской Астраханскій, въ Бессарабіи Кишиневскій, въ Могилевской Гомельскій, въ Смоленской губерніи Вяземскій). Сверхъ того опущены не только сибирскія губерніи, хотя въ предыдущей таблицѣ приведены Тобольскій банкъ и всѣ три банка Енисейской губерніи, т. е. Енисейскъ, Канскъ, и Минусинскъ, но затѣмъ недостаетъ уфимской губерніи съ тремя банками, изъ которыхъ упомянутъ Бирскъ, далѣе Кубанской области, Терская область съ двумя банками, изъ которыхъ упомянутъ Владикавказъ, Ставропольской губерніи съ тремя банками, изъ которыхъ прежде упоминались два: губернскій и георгіевскій. Очевидно авторъ остановился на 49 губерніяхъ потому, что нашелъ готовую таблицу ихъ населенія въ статистическомъ временникѣ, изданномъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, совершенно забывая о его несовременности и полномъ несоотвѣтствіи съ собственными показаніями, которыя во всѣхъ остальныхъ случаяхъ онъ силится довести до 1 января 1871 года.

Совершенно такого же достоинства 21 таблица. Но послѣ доказаннаго легкомыслія было бы непростительно затрудняться дальнѣйшимъ разборомъ остальныхъ 13 таблицъ. Только важность самаго предмета заставила насъ въ нѣсколькихъ словахъ очертить непонятные промахи; ненадежность всѣхъ вычисленій не можетъ, однако, приводить въ заблужденіе даже мало приготовленнаго читателя, такъ какъ замѣчательно подробныя данныя о городскихъ общественныхъ банкахъ содержитъ 3-й выпускъ ежегодника министерства финансовъ, вышедшій нѣсколькими недѣлями раньше.

На теоретическихъ измышленіяхъ нѣтъ необходимости останавливаться, такъ какъ безвыходно пространно доказывается, что деньги долгъ, что все равно изъ какого бы матеріала ихъ не приготовлять, что бумажныя деньги и банковые билеты одно и то же, и т. п.

Много другихъ столь же поразительныхъ соображеній предетавлено имъ о капиталѣ, кредитѣ и банкахъ, при чемъ въ итогѣ въ немалое изумленіе привела откровенная рѣшимость Ососова обвинять директоровъ и бухгалтеровъ городскихъ общественныхъ банковъ въ бездарности, въ невѣжествѣ, нечестности и безграмотности.

Городскіе банки, конечно, имѣютъ многіе существенные недостатки; но излишне утверждать, что они ведутъ бѣдный городской классъ къ полному раззоренію; или увѣрять, что (стр. 99) «*не знать своего положенія ихъ правленія не могутъ, слѣдовательно, они представляютъ правительству и своимъ довѣрителямъ невѣрные балансы*». Единственное спасеніе отъ такого гибельнаго самоуправства городскихъ банковъ Ососовъ видитъ:

во 1) въ двухъ подписяхъ отъ мѣстныхъ жителей на учитываемыхъ векселяхъ;

2) въ командировкѣ для надзора особыхъ чиновниковъ отъ министерства финансовъ;

3) въ добавленіи къ нормальному уставу 1862 года примѣрной редакціи (стр. 114) 12-ти §§ для производства ликвидаціи, которая въ подлежащихъ случаяхъ должна быть окончена въ теченіе 2-хъ лѣтъ;

4) въ принятіи проекта отчета, помѣщенномъ въ 22 прилож., въ которомъ, кромѣ различенія процентныхъ бумагъ по *назначенію, происхожденію и владѣльцамъ*, особенно любопытно раздѣленіе векселей на: 1) съ подписями всѣхъ новыхъ векселеподписателей; 2) съ одною прежнею подписью; 3) съ двумя прежними подписями; 4) съ тремя и болѣе прежними подписяки.

Признаться, все сочиненіе ставитъ просто въ тупикъ и, разбирая его, въ концѣ концовъ все-таки не разберешь какою же цѣлью задался авторъ? Но своимъ мнимоученымъ видомъ и докторальнымъ тономъ, конечно можетъ онъ способствовать путаницѣ понятій въ нашемъ обществѣ и ободрить алармистовъ.

§ 68. Разновидности кредитныхъ артелей, обусловленныя приложеніемъ этого строя предпріятій къ отдѣльнымъ основаніямъ и фукціямъ кредита.

Вся путанница въ понятіяхъ о кредитныхъ предпріятіяхъ, или какъ общепринято ихъ называть кредитныхъ учрежденіяхъ, особенно сильно и преимущественно затмѣвавшая вопросы по поземельному и сельско-хозяйственному кредиту и отразившаяся въ послѣднее время у насъ въ примѣрномъ уставѣ уѣзднаго товарищества взаимнаго кредита, составленномъ П. А. Мясоѣдовымъ, а въ Германіи въ такъ названной *рентной теоріи* Родбертуса-Ягецова, происходитъ отъ того, что не обращается достаточнаго вниманія на тѣ особенности, которыми отличается земля, какъ залогъ

для обезпеченія довѣрія въ кредитной сдѣлкѣ, отъ всѣхъ прочихъ разрядовъ залоговъ, т. е. не только отъ движимыхъ цѣнностей, товаровъ, издѣлій, кредитныхъ цѣнностей, векселей и процентныхъ бумагъ, но и отъ прочихъ недвижимыхъ залоговъ, домовъ и строеній. Поземельный кредитъ, или ссуды подъ залогъ земли представляютъ то неудобство и то основное затрудненіе, что оцѣнка залога, или земли, сопряжена съ большими расходами, землю необходимо измѣрить, описать, кадастрировать, причемъ этотъ залогъ не переходитъ на храненіе къ заимодавцу, или кредитному учрежденію, а остается въ распоряженіи у должниковъ и продолжаетъ участвовать въ ихъ хозяйственныхъ оборотахъ. Вотъ почему, самая тщательная кадастровая опись землевладѣнія или имѣнія соотвѣтствуетъ вполнѣ только данной эпохѣ, она устарѣла уже на другой годъ послѣ ея составленія и, во всякомъ случаѣ, можетъ быть только приблизительною. Но если даже первоначальная оцѣнка земли, какъ залога, была достаточно точная, то, во вторыхъ, не существуетъ, относительно землевладѣнія порознь взятаго, или каждаго имѣнія особнякомъ представленнаго въ залогъ, почти никакого обезпеченія для вдали находящагося отъ него банка, или заимодавца-капиталиста, въ томъ, что въ будущемъ разъ принятый поземельный залогъ не будетъ обезцѣненъ вслѣдствіе хищническаго и нераціональнаго хозяйства, или даже по случаю измѣненія сбыта и цѣнъ сельскихъ произведеній; короче: земля, какъ залогъ, представляетъ вообще неудобную и даже не вполнѣ надежную гарантію ссуды. Надежность этой гарантіи, правильная оцѣнка и предохраненіе залога отъ обезцѣненія, обезпечиваются особыми посредниками, особыми учрежденіями и особыми обществами. Такой смыслъ имѣютъ: ипотечная система, поземельныя книги, находящіяся подъ надзоромъ земства, и артельныя соединенія землевладѣльцевъ-заемщиковъ, или такъ называемыя *общества заладчиковъ*.

Послѣднія вовсе не однородны съ обществами взаимнаго кредита, они никакихъ самостоятельныхъ ссудъ не производятъ, никакихъ вкладовъ и капитальныхъ взносовъ съ этою цѣлью не принимаютъ, а они единственно прилагаютъ артельную взаимность и круговую поруку къ созданію прочной гарантіи по цѣнности, распродажѣ и вообще реализаціи тѣхъ поземельныхъ залоговъ, которые принадлежатъ товарищамъ, чѣмъ и устраняются всѣ существенные недостатки поземельнаго недвижимаго залога, обыкновенно вызываю-

щіе дороговизну ссудъ подъ земли. Вообще поземельный кредитъ, т. е. кредитъ въ пользу землѣвладѣльцевъ собственниковъ, или капитальныя ссуды подъ залогъ земель, могутъ получить дальнѣйшее удовлетворительное развитіе только путемъ расширенія и распространенія такихъ поручительскихъ артелей, или обществъ закладчиковъ, т. е. залоговыхъ товариществъ; при чемъ обороты послѣднихъ не препятствуютъ разнымъ сочетаніямъ и комбинаціямъ съ соотвѣтственными ссудными и вкладными операціями. Въ сущности же основная операція, главная цѣль и прямое назначеніе залоговыхъ товариществъ, или такъ называемыхъ обществъ закладчиковъ и заемщиковъ — страховая операція, т. е. отвѣтственное обезпеченіе реализаціи поземельнаго залога, что совершается выпускомъ заставныхъ и закладныхъ листовъ, или рентныхъ облигацій; тѣмъ самымъ этимъ обществамъ уже доступна, отчасти, оборотная операція, которая однако, по свойству самаго залога, представителемъ котораго служитъ закладной листъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть доведена до вида, или приведена къ формѣ безсрочныхъ, или собственно говоря, вѣчныхъ, не подлежащихъ никакому погашенію, облигацій—чѣмъ задался Родбертусъ-Ягецовъ.

Другой источникъ заблужденій, относительно кредитныхъ оборотовъ, заключается въ томъ, что добываніе капиталъныхъ и денежныхъ средствъ къ производству ссудъ не зависитъ отъ одной только гарантіи залоговъ и возникновенія товариществъ съ этою цѣлью. Въ залоговомъ кредитѣ форма общества взаимнаго кредита возможна только въ смыслѣ артели закладчиковъ, т. е. страхователей оцѣнки, сохраненія цѣны и реализаціи залога. Такія общества всегда должны будутъ прибѣгать за дѣйствительными денежными ссудами къ капиталистамъ, или къ кредитному учрежденію съ собственными капиталами. Совершенно иной смыслъ, а потому и другое устройство и другія операціи, имѣютъ общества взаимнаго кредита или артели по приложенію къ *личному* кредиту. Въ нихъ неизбѣжно соединяются и вкладная, и ссудная операціи, а круговая порука имѣетъ здѣсь своимъ назначеніемъ страхованіе, или полное обезпеченіе довѣрія, по всѣмъ оборотамъ товарищей, независимо и помимо какого бы то ни было рода залоговъ. Эти общества взаимнаго кредита именно возникаютъ въ силу того обстоятельства, что у товарищей-артельщиковъ залоговъ нѣтъ, а въ тоже время они люди честные, промышленные и надежные.

Оцѣнка же ихъ личной кредитной способности успѣшнѣе всего совершается артелью и взаимно, другъ друга поддерживающими въ капитальныхъ и кредитныхъ оборотахъ, товарищами. Вотъ почему общества взаимнаго кредита по отношенію къ залоговому вовсе не могутъ считаться тождественными предпріятіями съ обществами взаимнаго кредита по отношенію къ личному, не смотря на общее, одинаковое названіе; точно также, какъ отъ тѣхъ и другихъ существенно отличаются опять въ свою очередь артельные банки, т. е. учрежденія, совершающія за счетъ своихъ членовъ, и даже по порученію постороннихъ лицъ, всѣ банковыя операціи кромѣ одной оборотной, т. е. единственно невыпускающія отъ себя никакихъ кредитныхъ обязательствъ, какъ это дѣлаютъ прочіе банки, или банкиры, въ видѣ нотъ, чековъ и билетовъ, а также общества взаимнія по поземельному залоговому кредиту въ формѣ закладныхъ, или заставныхъ листовъ.

На нашъ взглядъ эти тройкаго рода кредитныя артели, основанныя всѣ на круговомъ ручательствѣ, необходимо было бы различать и по названіямъ; мы бы предложили для первыхъ слово «залоговыя кредитныя артели,» сюда подойдутъ тѣ кредитныя учрежденія, которыя до сихъ поръ принято называть обществами закладчиковъ или взаимными земскими банками; далѣе мы назвали бы вторыя — «поручительскія кредитныя артели», — это будутъ тѣ, которыя теперь распространяются у насъ подъ названіемъ ссудныхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ; третій видъ кредитныхъ артелей слѣдовало бы обозначить именемъ «артельныхъ банковъ» т. е. тѣ, которыя преимущественно извѣстны подъ названіемъ обществъ взаимнаго кредита. Въ каждомъ изъ этихъ трехъ разрядовъ кредитныхъ учрежденій съ артельною организаціею отвѣтственность товарищей имѣетъ различныя границы, или круговая порука артельщиковъ отличается своеобразными предѣлами.

Въ залоговой кредитной артели (обществѣ закладчиковъ, городскомъ кредитномъ или взаимномъ земскомъ банкѣ) круговая порука и отвѣтственность всѣхъ товарищей осуществляются—до размѣра принятаго отъ каждаго залога, слѣдовательно, въ общей сложности онѣ простираются на всю сумму выпущенныхъ, или, собственно говоря, выданныхъ залоговыхъ свидѣтельствъ, или залоговыхъ листовъ; при чемъ въ частности онѣ простираются на все имущество, или какъ бы ссылаются на все состояніе артельщиковъ, или каждаго това-

рища порознь. Въ хозяйственныхъ же кредитныхъ артеляхъ круговая порука и отвѣтственность соразмѣряются для каждаго артельщика не тою суммою кредита, по которой имъ произведенъ извѣстный процентный взносъ въ оборотный капиталъ артели, но и выше общей сложности, или всей суммы записанныхъ кредитовъ и вся артель за свои операціи вполнѣ не отвѣчаетъ, или, точнѣе говоря, отвѣтственность артельщиковъ другъ за друга и передъ самою артелью, дѣйствительная ихъ круговая порука, идетъ далѣе подписаннаго обезпеченія, или такъ называемой отведенной каждому суммы кредита, а на прочее ихъ имущество и та, и другая во второмъ мѣстѣ простираются. Въ артельномъ банкѣ (въ обществѣ взаимнаго кредита въ тѣсномъ смыслѣ) круговая порука и отвѣтственность ограничивается суммою кредита каждаго участника не только за товарищей передъ артелью, но и всей артели передъ третьими лицами.

На тѣхъ же самыхъ основаніяхъ и въ той же артельной организаціи могли бы возникнуть, для страхованія оцѣнки и храненія, также склады для залоговъ движимыхъ, доступныхъ земледѣльческому кредитному обороту, или сельскохозяйственныхъ произведеній. Накладная или поклажная росписка такой «складочной артели», ничемъ по существу и основаніямъ не будетъ отличаться отъ закладнаго листа «поземельной артели». Тѣмъ не менѣе, и тѣ, и другія учрежденія, должны существовать, или обороты по тѣмъ и другимъ залогамъ, возможнымъ въ сельскомъ хозяйствѣ, должны вестись—порознь отъ всякихъ оборотовъ по личному кредиту въ сельскомъ хозяйствѣ.

Вотъ почему должна оказаться несостоятельною всякая надежда соединять всѣ операціи и все вспомоществованіе кредитомъ земледѣльцамъ и сельскимъ хозяевамъ, какъ по залоговому, такъ и по личному кредиту, въ одномъ и томъ же учрежденіи. Ожидать разносторонихъ выгодъ и исчерпывающихъ весь кредитъ сельскаго хозяина ссудъ отъ одной какой либо формы сельскаго кредитнаго учрежденія значитъ задаваться отысканіемъ камня мудрости и гнаться за призрачною мечтою. Поземельныя артели, наравнѣ со складочными и сельскохозяйственными, нуждаются въ акціонерныхъ и товарищескихъ банкахъ и даже въ банкирахъ и частныхъ капиталистахъ для полнаго и прочно устроеннаго земледѣльческаго кредита; только при тѣсномъ ихъ взаимодѣйствіи могутъ воспол-

няться удовлетвотительно всѣ нужды и землевладѣльцевъ, и сельскихъ промышленниковъ.

Напрасно, по нашему убѣжденію, задался поэтому И. А. Мясоѣдовъ въ своемъ докладѣ политико-экономическому комитету (засѣданія 9 и 15 мая 1870 г.) по вопросу о земледѣльческомъ кредитѣ и способахъ осуществленія его въ Россіи, намѣреніемъ (стр. 13) «создать учрежденіе, въ которомъ всѣ главнѣйшія условія могутъ, хотя отчасти, быть достигнуты.

Существеннѣйшія требованія земледѣльческаго кредита докладчикъ подводилъ подъ слѣдующія четыре условія, а именно: первое условіе—дешевизна, второе—доступность ссудъ, третье—устраненіе излишнихъ формальностей, четвертое—достаточное обезпеченіе займа.

Первое и четвертое условія очевидно совпадаютъ, такъ какъ дешевизна ссудъ находится въ прямой зависимости отъ довѣрія и его обезпеченія. Такое обезпеченіе, однако, какъ доказали мы выше, создается для операціи поземельнаго кредита съ наибольшимъ успѣхомъ единственно путемъ и помощью обществъ закладчиковъ, или *поземельныхъ кредитныхъ артелей*; для личнаго же сельскохозяйственнаго кредита оно возникаетъ отъ круговой поруки и взаимнаго ручательства, осуществляемыхъ *въ сельскохозяйственныхъ артеляхъ*, или ссудныхъ товариществахъ. Только эти учрежденія, а не отдѣльныя лица и сельскіе хозяева, могутъ добыть деньги по низкому проценту на капитальномъ рынкѣ и такимъ образомъ удешевить земледѣльческій кредитъ.

Дороговизна же кредита для землевладѣльца и земледѣльца зависитъ не отъ того, что доходъ, получаемый съ земли, будто бы скуденъ: при скудномъ или недостаточномъ доходѣ земля оставляется въ забросѣ и запашки уменьшаются; но дороговизна ссудъ въ сельскомъ хозяйствѣ происходитъ отъ медленности его оборотовъ и продолжительнаго, постепеннаго, хотя и правильнаго и надежнаго, погашенія всѣхъ затратъ по оборотамъ, такъ какъ въ сельскомъ хозяйствѣ и земледѣліи преобладаютъ въ сильнѣйшей степени, сравнительно съ ремесленною и фабричною промышленностію и торговлею, постоянные капиталы. Чѣмъ короче срокъ, по истеченіи котораго возвращается ссуда капиталистамъ, или, другими словами, чѣмъ быстрѣе реализируется долгъ, тѣмъ менѣе кредитный оборотъ подлежитъ случайностямъ, тѣмъ рѣже должны предвидѣться потери, отъ которыхъ, въ противномъ случаѣ, капиталисты себя застраховываютъ добавочнымъ процентомъ по ссудѣ; эта-то *страховая премія* и вызываетъ относительную дороговизну земледѣльческаго кредата. Совершенно устраняется такая страховая премія единственно при посредничествѣ артелей: если *поземельная артель*, а точно также *сельскохозяйственная артель*, или если общество закладчиковъ и ссудныя товарищества, берутъ въ полное свое завѣдываніе всю уплату долга со стороны заемщиковъ сельскихъ хозяевъ, то тѣмъ самымъ капиталисты избавляются отъ всякихъ хлопотъ по взысканіямъ, а потому могутъ довольствоваться, по ссудамъ подъ земли и въ пользу земледѣльцевъ, обыкновеннымъ рыночнымъ процентомъ, т. е. давать имъ кредитъ одинаково дешево, какъ и представителямъ прочихъ отраслей народнаго хозяйства и другихъ видовъ промышленныхъ оборотовъ. Не мало удешевляетъ кредитъ посредничество указанныхъ артелей еще и тѣмъ, что при такомъ

посредничествѣ могутъ быть установлены и водворены различные сроки для той и другой стороны въ отдѣльныхъ сдѣлкахъ: болѣе короткіе для реализаціи ссудъ въ пользу капиталистовъ, и достаточно продолжительные для погашенія и уплаты долга заемщиками-земледѣльцами. Однимъ словомъ, ссудо-займовыя операціи отъ появленія и возникновенія артелей, или какъ бы товариществъ страховщиковъ и вообще посредниковъ въ кредитѣ, распадаются, о чемъ нами уже упомянуто выше, на двѣ самостоятельныя группы операцій: по вкладамъ и по ссудамъ. Эти банковыя вкладныя и ссудныя операціи, относительно своихъ сроковъ, прямо другъ съ другомъ не связаны и непосредственно, въ этомъ отношеніи, одна отъ другой не зависятъ.

Второе и третье условія, выставленныя г. Мясоѣдовымъ, не вполнѣ ясны и удобопонятны и, во всякомъ случаѣ, не касаются преимущества или наибольшей удовлетворительности той или другой формы сельскихъ кредитныхъ учрежденій.

Даровато капитала не доставитъ въ кредитъ никакое предпріятіе или товарищество, а потому не понятно, отчего г. Мясоѣдову кажется предосудительнымъ, что «прибыли, получаемыя отъ операцій, пойдутъ на вознагражденіе акціонернаго капитала, а слѣдовательно, все то, что земледѣльцы заплатили бы за кредитъ, распредѣлится какъ дивидендъ между акціонерами, т. е. между лицами, преслѣдующими свои личныя спекулятивныя цѣли и неимѣющими никакой надобности заботиться о преуспѣяніи мѣстнаго сельскаго хозяйства».

По отношенію, наконецъ, къ обществамъ взаимнаго кредита и въ разсужденіи ихъ приложимости къ земледѣльческому кредиту, или вообще въ пользу сельскаго хозяйства, взгляды г. Мясоѣдова отличаются своеобразною сбивчивостію и предлагаемая имъ организація такихъ товариществъ по отдѣльнымъ уѣздамъ можетъ породить весьма горестныя заблужденія. Считая неосуществимость ихъ несомнѣнною, мы оставимъ въ сторонѣ продолжительныя пренія, вызванныя упомянутымъ докладомъ въ политико-экономическомъ комитетѣ и обратимся, для болѣе нагляднаго ознакомленія съ предположеніями автора, къ особо изданному г. Мясоѣдовымъ «Примѣрному уставу уѣзднаго товарищества взаимнаго кредита» (С.-Петербургъ, 1871 г.), въ которомъ, по словамъ предисловія къ первому изданію, повторенномъ и въ третьемъ изданіи (стр. X), изложены *юридическія начала*, которыя должны лечь въ основаніи такихъ товариществъ, и представлены необходимыя практическія указанія *для всѣхъ, кто пожелаетъ воспользоваться симъ уставомъ и приступить къ учрежденію проектированныхъ товариществъ*. Практическія указанія, однако, ограничиваются весьма краткимъ предисловіемъ ко второму изданію, которое въ третьемъ изданіи сведено съ предисловіемъ 1-го изданія. Въ послѣднихъ двухъ изданіяхъ только говорится, что выпускъ примѣрнаго устава отдѣльно отъ изслѣдованій, *приготовленіе которыхъ къ печати не могло быть окончено до настоящаго времени, былъ вызванъ требованіями многихъ лицъ, обращавшихся къ составителю и, кромѣ того, желаніемъ воспользоваться бывшимъ въ Москвѣ, въ декабрѣ 1870 года, всероссійскимъ съѣздомъ сельскихъ хозяевъ, чтобы ознакомить присутствовавшихъ на немъ хозяевъ съ упрощенными, вполнѣ для нихъ доступными и правильными (?) способами созданія въ Россіи краткосрочнаго кредита, необходимаго для поддержанія нашей сельско-хозяйственной промышленности*. Далѣе разсказывается, что достигнутые первыми двумя изданіями устава результаты превзошли всякія ожиданія. Многочисленныя требованія на

уставъ не могли быть удовлетворены этими изданіями, которыя разошлись въ теченіи трехъ мѣсяцевъ и, наконецъ, по полученнымъ въ послѣднее время свѣдѣніямъ, въ нѣсколькихъ уѣздахъ уже приступлено, при содѣйствіи мѣстныхъ земскихъ учрежденій, къ образованію уѣздныхъ товариществъ взаимнаго кредита (ихъ къ 1874 г. всего 5).

При шаткости общихъ основаній предлагаемаго уѣзднаго товарищества взаимнаго кредита, которое предполагается, по § 1 «примѣрнаго устава», съ цѣлью доставлять состоящимъ въ немъ членамъ, занимающимся сельскимъ хозяйствомъ, или *другими отраслями промышленности, или же торговлею*, необходимые для ихъ «оборотовъ капиталы въ ссуду на короткій срокъ», нечего вступать въ подробный разборъ всѣхъ противорѣчій, которыми страдаютъ отдѣльныя статьи его и общіе къ нему мотивы; да и осуществившіяся пока 5 общ. ихъ не приняли.

Вообще ссуды предполагаются срокомъ только въ 6 и 9 мѣсяцевъ, что едва ли послужитъ дѣйствительною помощью для сельскаго хозяина. Между прочимъ, мы затрудняемся выяснить себѣ пунктъ 8 въ операціяхъ товарищества (§ 25): по немъ, какъ отъ членовъ товарищества, такъ и отъ постороннихъ лицъ принимаются *къ учету* вышедшія въ тиражъ процентныя бумаги и купоны, *коимъ минулъ срокъ*; мы не видимъ, въ чемъ заключается тутъ *учетъ* и чѣмъ отличается такая операція отъ пункта 6 того же параграфа, т. е. полученія платежей по купонамъ и пріема капитала по вышедшимъ въ тиражъ бумагамъ.

Въ общемъ положеніи, уѣздныя товарищества являются такимъ же артельнымъ банкомъ, какими должны считаться вообще такъ-называемыя, въ тѣсномъ смыслѣ, общества взаимнаго кредита. Г. Мясоѣдовъ, очевидно, желаетъ перенести эти общества, существующія пока по *городамъ*, также и *въ уѣздѣ*, и распространить ихъ дѣятельность на всѣхъ жителей уѣзда, а вовсе не создать, какъ увѣряетъ онъ въ *мотивахъ*, кредитное учрежденіе для однихъ сельскихъ хозяевъ. Но артельный банкъ, какъ и вообще всякое *банковое* учрежденіе, является вполнѣ на мѣстѣ только на капитальныхъ рынкахъ, т. е. въ городахъ. Съ другой стороны, артельный банкъ или общество взаимнаго кредита, съ такими операціями вовсе не нуждается въ ссудахъ и поддержкѣ со стороны какого либо центральнаго кредитнаго учрежденія, а потому и предлагаемыя Мясоѣдовымъ *уѣздныя* товарищества вовсе не имѣютъ характера артельныхъ учрежденій, принимающихъ на себя посредничество между сельскими хозяевами и капиталистами. Проектъ уже предполагаетъ такое учрежденіе, которое бы въ данномъ *уѣздѣ* исполняло всѣ кредитныя операціи, въ которыхъ можетъ родиться у кого либо въ томъ же уѣздѣ когда нибудь потребность, а тѣмъ самымъ онъ противорѣчитъ основному экономическому началу раздѣленія труда вообще и условіямъ правильной организаціи залоговаго и личнаго кредита порознь — въ частности.

Такимъ заблужденіемъ относительно основаній, операцій и организаціи сельскаго кредита и объясняется та смѣлость, съ которою г. Мясоѣдовъ перенесъ всѣ 91 параграфъ «Проекта измѣненнаго устава с.-петербургскаго общества взаимнаго кредита», подлежавшій обсужденію въ одновременномъ засѣданіи этого общества, съ едва ли удовлетворительными измѣненіями въ свой примѣрный уставъ *уѣзднаго* товарищества взаимнаго кредита *).

Въ послѣднемъ противъ перваго замѣнено всего 15 параграфовъ, т. е. 13, 16,

*) Срв. болѣе обстоятельный разборъ въ «Эконом. Обозрѣніи» въ «Журн. Сельск. Хоз. и Лѣсов.» CVII, отд. III, стр. 30.

19, 20, 26, 27, 28, 29, 50, 56, 62, 63, 64, 65, 66 и 90; эти измѣненія вводятъ довольно внѣшнимъ образомъ залоговой элементъ въ операціи товарищества.

Вообще, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что авторъ разобраннаго нами проекта просто-на-просто увлекся тѣмъ успѣхомъ и значительными дивидендами по оборотамъ, которые оказались въ городскихъ обществахъ взаимнаго кредита, что недостаточно взвѣсивъ огромную разницу въ экономическихъ условіяхъ нашихъ уѣздовъ и городовъ, не обративъ вниманія на то, что городамъ, какъ центрамъ и рынкамъ капитала, открыты совершенно иные источники вкладовъ и займовъ, чѣмъ уѣздамъ, что, притомъ, торгово-промышленные обороты въ городахъ существенно иные, чѣмъ сельско-хозяйственные въ уѣздѣ, задался благодушнымъ желаніемъ надѣлить и уѣздъ такими же артельными банками, съ нѣкоторыми, конечно, приличными дѣлу измѣненіями. Но напрасно уповаетъ авторъ на будущность подобныхъ учрежденій, ихъ не поддержитъ и коммиссіонная операція, прибавленная г. Мясоѣдовымъ къ 4 пунк. предисловія въ 3 изданіи, и заключающаяся въ выпискѣ по порученію орудій, машинъ, сѣмянъ и т. п:, съ разсрочкою платежа за доставленные такимъ образомъ предметы; удѣломъ несбыточныхъ надеждъ останется, безъ сомнѣнія, и его предположеніе о централизаціи всего земледѣльческаго кредита у насъ, въ Россіи, которое отзывается тѣмъ же механическимъ внѣшнимъ построеніемъ, какимъ, между прочимъ, отличается и все распредѣленіе товариществъ взаимнаго кредита *по уѣздамъ*; оно изложено въ 8 п. предисловія. Мясоѣдовъ не предвидитъ дороговизны ссудъ для сельскихъ хозяевъ отъ сложной централизованной передачи капиталовъ сельскимъ хозяевамъ, а полагаетъ, что «для облегченіе способовъ къ образованію товариществъ взаимнаго кредита, также и въ мѣстностяхъ, не имѣющихъ для того достаточныхъ средствъ. какъ равно для переучета векселей, учтенныхъ въ правильно устроенныхъ товариществахъ, и вообще для посредничества между ними, необходимо особое центральное, съ конторами въ губерніяхъ, кредитное учрежденіе, къ открытію котораго уже положено приступить, по образованію достаточнаго, для обезпеченія его дѣятельности, числа уѣздныхъ товариществъ».

Вообще въ изложенномъ проектѣ мы, по крайнему своему разумѣнію, видимъ только неудачную попытку слить, для мнимаго взаимнаго подкрѣпленія, *залоговой, поземельный* кредитъ, поддающійся только долгосрочному обороту, съ *личнымъ промысловымъ* въ сельскомъ хозяйствѣ, который хотя и не такъ подвиженъ, какъ личный кредитъ городскаго промышленнаго и торговаго класса, но, тѣмъ не менѣе, сравнительно съ первымъ, можетъ почитаться краткосрочнымъ. Осуществленія же ее центральнымъ учрежденіемъ не воспослѣдовало, а уѣздныя общества взаимнаго кредита, въ числѣ приведенныхъ пяти, дѣйствуютъ въ городгхъ за поруыою земствъ.

Что же касается до земскихъ и общественныхъ банковъ, то, по основаніямъ своимъ, они вполнѣ совпадаютъ съ сельскими волостными банками; въ организаціи ихъ кроются тѣже самыя коренныя недостатки: въ ссуды будутъ раздаваться тѣже никому не принадлежащіе общественные капиталы; а административно-полицейское управленіе ими членами земскихъ управъ носитъ въ себѣ зародыши застоя и разложенія. По проекту положенія о земскихъ банкахъ имъ присвоены всевозможныя банковыя операціи: пріемъ срочныхъ и безсрочныхъ вкладовъ, учетъ векселей, выдача краткосрочныхъ и долгосрочныхъ ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, товаровъ публичныхъ фондовъ и всякихъ цѣнностей. Продолжительность ссудъ простирается въ нихъ, какъ и въ городскихъ общественныхъ банкахъ, не далѣе 12 лѣтъ; отвѣтственность же по всѣмъ операціямъ земскаго банка предполагалось возложить на мѣстныя земскія учрежденія съ тою существенною разницею, что за городскіе

банки отвѣчаетъ, подъ круговою порукою, все городское общество, а въ земскихъ банкахъ отвѣтственность предположено распространить на одни общественныя имущества, принадлежащія цѣлому земству, исключивъ совершенно круговую поруку членовъ земства своею частною собственностію.

§ 69. Научная несостоятельность обязательной организаціи залоговаго кредита и замѣны заставныхъ листовъ вѣчными рентными свидѣтельствами.

Совершенно иное представляетъ *рентная теорія* Родбертуса Ягецова. Авторъ ея обладаетъ обширнымъ экономическимъ и научнымъ образованіемъ. Для него не существуетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ основной разницѣ между владѣльческимъ, залоговымъ и личнымъ, промысловымъ кредитомъ. Онъ только односторонне стремится къ надѣленію сельскихъ хозяйствъ денежными ссудами помощью большей мобилизаціи недвижимаго кредита и пр евращенія поземельнаго залога, вообще недвижимостей, въ вѣчное обезпе ченіе безсрочной ссуды, по которой землевладѣлецъ обязывается платить безпрерывный процентъ, или вѣчную ренту. Другими словами, Родбертусъ Ягецовъ стремится перенести систему финансовыхъ займовъ и безсрочныхъ государственныхъ долговъ, такъ называемыхъ вѣчныхъ рентъ, не налагающихъ никакихъ опредѣленныхъ, а тѣмъ менѣе срочныхъ, условій погашенія, на ссуды подъ залогъ поземельной собственности. Погашать свой долгъ можетъ владѣлецъ обратною покупкою самыхъ ипотечныхъ рентныхъ облигацій. Такимъ образомъ, это ученіе ссылается исключительно на залоговой и поземельный кредитъ и въ немъ видитъ, главнымъ образомъ, надежное средство къ водворенію въ сельскомъ хозяйствѣ дешеваго и обильнаго кредита. Другая особенность воззрѣній Родбертуса Ягецова, изложенныхъ въ нѣсколькихъ мелкихъ разсужденіяхъ, а затѣмъ пространно въ двухтомномъ обстоятельномъ изслѣдованіи относительно причинъ безкредитности землевладѣнія и средствъ къ вспомоществованію его кредитомъ, подъ заглавіемъ: Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes, von *Rodbertus-Jagetzow*, 2 Th., Iena. 1869,—заключается въ обязательномъ характерѣ, который онъ желаетъ придать формальной сторонѣ оборотовъ по залоговому кредиту.

Родбертусъ-Ягецовъ осязательно очерчиваетъ критическое положеніе земледѣлія, по отношенію къ кредиту, на основаніи замѣчательно обширныхъ наблюденій и точнаго разбора существа явленій, а потому и предлагаемыя имъ мѣры къ устраненію недостатка въ кредитѣ для земледѣлія отличаются вполнѣ сознательною самостоятельностію. Кореннымъ средствомъ къ обезпеченію земледѣлія необходимыми ссудами онъ признаетъ *рентный принципъ*. Его рентное начало заключается въ слѣдующемъ: необходимо, чтобы сельскохозяйственная недвижимость разсматривалась, при всѣхъ оборотахъ и юридическихъ сдѣлкахъ, какъ *вѣчный рентный фондъ*, какимъ она и есть на самомъ дѣлѣ.

Изъ этого основнаго положенія получается слѣдующіе практическіе выводы:

1) Оцѣнка сельско-хозяйственной недвижимости должна совершаться только по ея доходности, или ея *рентной стоимости*.

2) Во всѣхъ юридическихъ сдѣлкахъ слѣдуетъ принять во вниманіе только эту рентную стоимость, или положительную доходность. При передачѣ по наслѣдству, при продажѣ и при залогѣ землевладѣнія—основаніемъ разсчетовъ должна служить одна рентная стоимость его.

3) *Сонаслѣдники* въ извѣстной недвижимости могутъ требовать и пріобрѣсть только, соотвѣтствующія ихъ долямъ, права на ренту и удовлетворяются разъ на всегда выдачею обязательствъ на вѣчный доходъ (rente perpetuelle) Это условіе вовсе не исключаетъ возможности капитализировать подобные вѣчные доходы и выдать ихъ разомъ, или единовременно, подобно настоящимъ долямъ наслѣдства, полученнымъ по дѣйствительному дѣлежу; но такая сдѣлка должна состояться только съ обоюднаго согласія и по свободному условію.

4) Если при продажѣ недвижимости, за неуплатою покупной цѣны сполна, останется на землевладѣніи долгъ, то продавецъ, въ размѣрѣ такого долга, не сохраняетъ за собою никакихъ правъ на свое бывшее имѣніе, а пріобрѣтаетъ только право на соотвѣтственную долевую вѣчную ренту, иливообще весь разсчетъ долженъ совершаться по принципу рентныхъ платежей. Впрочемъ, покупная цѣна имущества, опредѣленная въ вѣчной рентѣ, можетъ быть съ обоюднаго согласія также уплачена разомъ, путемъ капитализаціи соотвѣтственной ренты.

5) Всѣ ссуды подъ поземельную недвижимость должны осуществляться единственно въ формѣ покупки, или пріобрѣтенія ренты.

6) Всѣ повинности и вещныя обязательства, лежащія на поземельномъ имуществѣ, возникшія изъ дѣлежа наслѣдства, продажъ, или займовъ, составляютъ самостоятельныя рентныя обязательства. Тѣмъ самымъ залоговое право, по отношенію къ поземельнымъ недвижимостямъ уничтожается и не должно быть другаго вида скоротечныхъ долговъ, кромѣ рентныхъ.

7) Формальный актъ, выражающій вещныя обязательства, лежащія на землевладѣльцѣ, составляетъ *рентное свидѣтельство или письмо*. Въ немъ должно быть указано названіе землевладѣнія, его современная рентная стоимость, имя владѣльца рентнаго обязательства, или вѣрителя по рентному письму, размѣръ самой ренты и размѣръ остальнаго рентнаго долга. Такое частное рентное свидѣтельство слѣдуетъ называть *владѣльческимъ рентнымъ письмомъ*.

8) Должны быть созданы и общія, или *земскія рентныя письма*; послѣднія выдаются на предъявителя и за круговою порукою всѣхъ землевладѣльцевъ страны. Всякій землевладѣлецъ можетъ, если его имѣніе вполнѣ или отчасти свободно отъ долговъ, требовать выдачи ему такихъ земскихъ рентныхъ свидѣтельствъ, въ размѣрѣ всей, или части, рентной стоимости его недвижимости; причемъ онъ обязанъ представить на соотвѣтственную сумму своихъ владѣльческихъ рентныхъ писемъ въ обмѣнъ.

9) При всѣхъ долгахъ и обязательствахъ по землевладѣнію единственнымъ узаконеннымъ средствомъ для разсчета служатъ земскія рентныя свидѣтельства. Земскія рентныя свидѣтельства заступаютъ мѣсто денегъ для имущественныхъ оборотовъ по землевладѣнію, онѣ служатъ мѣриломъ цѣнъ для поземельныхъ недвижимостей и поддерживаютъ цѣнность послѣднихъ своею собственною цѣною, а послѣдняя обезпечивается ихъ обращаемостію въ формѣ бумагъ на предъявителя и дробимостью подобно деньгамъ; при обязательномъ обращеніи, по опредѣленной группѣ оборотовъ, они должны сдѣлаться весьма хорошею биржевою бумагою и давать, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, лажъ.

10) При всѣхъ публичныхъ и понудительныхъ продажахъ, купля должна совершаться или путемъ выдачи покупщикомъ на себя

владѣльческихъ рентныхъ писемъ, или уплатою покупной цѣны земскими рентными письмами.

11) Для упроченія обращенія земскихъ рентныхъ писемъ, или вообще ради правильнаго заготовленія и выпуска ихъ, учреждается изъ соединившихся землевладѣльцевъ особая управа, которая устанавливаетъ размѣръ и количество земскихъ рентныхъ писемъ на каждое отдѣльное владѣніе; она же обезпечиваетъ срочный платежъ по рентамъ, заботится о поддержаніи ихъ курса и наблюдаетъ за хозяйствомъ каждаго землевладѣльца, — однимъ словомъ, имѣетъ одинаковую правоспособность и силу съ нынѣшними земскими управами по отношенію къ новой системѣ земскихъ рентныхъ писемъ.

Этимъ путемъ, однако, можетъ быть создано не все то вспомоществованіе кредитомъ, въ которомъ нуждаются сельскіе хозяева. Личный кредитъ послѣднимъ на столько же необходимъ, какъ и залоговой, а между тѣмъ, по справедливому мнѣнію Родбертуса Ягецова, первый пока еще менѣе удовлетворительно организованъ, чѣмъ второй. Въ сельскомъ хозяйствѣ, говоритъ онъ, спросъ капитала на короткій срокъ чрезвычайно возростаетъ, а предложеніе его сельскимъ хозяевамъ на такихъ же условіяхъ не развивается; и это не потому, чтобы капиталовъ для подобныхъ ссудъ не доставало, а единственно потому, что въ пользу сельскаго хозяйства не существуетъ тѣхъ посредниковъ, которые снабжали бы послѣднее капиталомъ наравнѣ съ промышленностію и торговлею. Капиталъ, необходимый для такой цѣли, существуетъ, утверждаетъ Робертусъ Ягецовъ далѣе, въ значительномъ количествѣ по отдѣльнымъ рукамъ безъ всякаго употребленія, у самихъ же землевладѣльцевъ; поэтому, необходимы только уѣздные или окружные земскіе банки, которые собирали бы эти кассовыя наличности въ видѣ вкладовъ, а съ другой стороны раздавали бы изъ нихъ необходимыя ссуды. Въ Германіи, полагаетъ онъ, этимъ путемъ могъ бы быть удовлетворенъ весь личный кредитъ сельскихъ хозяевъ. Для расширенія оборота такихъ банковъ имъ можетъ быть разрѣшенъ и выпускъ банковыхъ билетовъ въ извѣстномъ размѣрѣ. Наконецъ, онъ увѣренъ, что такимъ банкамъ удастся распространить свою дѣятельность и на городскихъ владѣльцевъ недвижимостей.

Предлагаемыя имъ учрежденія по залоговому и личвому кредиту должны находиться въ тѣсной связи между собою; въ основаніи

ихъ организаціи должно лежать самоуправленіе всего земледѣльческаго кредита. Для послѣдней цѣли весь классъ землевладѣльцевъ въ странѣ долженъ соединиться въ одно центральное земское кредитное учрежденіе, съ двумя отдѣленіями. Отдѣленіе по залоговому кредиту обязано будетъ завѣдывать не одними только земскими рентными письмами, но и всею ипотечною системою, причемъ ему должна подчиниться вся совокупность землевладѣнія и необходимо только опредѣлить, какія участки слишкомъ малы для того, чтобы считаться еще сельско-хозяйственною недвижимостію, а слѣдовательно имѣть право выдавать рентныя письма. Отдѣленіе же по личному кредиту должно, вонервыхъ, служить сберегательною кассою и хранить наличные капиталы сельскихъ хозяевъ, помѣщая ихъ доходно, и, во вторыхъ, обезпечить тѣхъ жехозяевъ ссудами.

Примѣрныхъ уставовъ и проектовъ законоположеній Родбертусъ-Ягецовъ никакихъ не желаетъ представить. Онъ говоритъ: «Я изъяснилъ на чемъ должна быть основана организація кредита для земледѣльческаго хозяйства; другой совершенно вопросъ, какими средствами возможно проводить эту организацію въ жизнь. Тутъ можетъ быть нѣсколько путей, которые всегда сохранятъ между собою взаимную связь. Что касается общей системы указанныхъ учрежденій, то она можетъ возникать или по частямъ, разростаться снизу вверхъ, или вылиться совершенно готовою, разомъ утвердиться цѣликомъ по всей странѣ развѣтвленіемъ сверху внизъ. Затѣмъ, возникновеніе можетъ быть ожидаемо или отъ свободнаго соединенія, или можетъ быть подчинено верховной волѣ законодательства и государства». Робертусъ-Ягецовъ готовъ отдать предпочтеніе послѣднему пути; такъ же онъ вовсе не намѣренъ скрывать своего основнаго убѣжденія, что набросанная имъ организація кредита была бы не только экономическою мѣрою, но настоящею соціальною реформою.

Нельзя не признать за изслѣдованіемъ Ягецова серьознаго, положительнаго направленія, нельзя не видѣть въ немъ цѣлостности воззрѣній и даровитой самостоятельности, но въ то же время нельзя согласиться съ его исходными убѣжденіями. Земля является у него источникомъ всего народнаго богатства и основаніемъ всего народнаго хозяйства; она въ сельско-хозяйственномъ предпріятіи и оборотѣ не играетъ роли капитала, не совпадаетъ съ тѣмъ видомъ послѣдняго, который принято называть постояннымъ капиталомъ,

а самостоятелъно обезпечиваетъ *вѣчный* доходъ. Земля природою дана, между тѣмъ какъ капиталъ возникаетъ отъ производства, создается трудомъ, да притомъ является остаткомъ изъ дохода земельнаго и ростетъ на счетъ этого дохода, а вовсе не сбереженіемъ (ч. I, 68; II, 2, 85, 295 и слѣд.). Столь же своеобразно и превратно толкуется у него образованіе поземельнаго дохода, какъ даровой, почти, ренты. Онъ говоритъ (I, 121): «Во всѣхъ странахъ свѣта потребность въ капиталѣ и въ кредитѣ удовлетворяется посредствомъ *банковъ*. Часто, конечно, подобные банки являются предпринимательскими учрежденіями, но въ тоже время только въ немногихъ странахъ не позаботилось, или не считало долгомъ своимъ заботиться, объ ихъ водвореніи и само государство; послѣднее снабжало ихъ не только важными привиллегіями, но и регальнымъ правомъ выпуска бумажныхъ денегъ: и все это, несомнѣнно, съ тою единственною цѣлью, чтобы при подобныхъ выгодахъ, банки могли оказывать *болѣе дешевый* кредитъ».

«Эти учрежденія, между тѣмъ, имѣютъ и ведутъ дѣло съ капиталомъ, въ тѣсномъ смыслѣ, а не съ ипотечнымъ (?) капиталомъ. По той же причинѣ они удовлетворяютъ единственно личный, а вовсе не недвижимый кредитъ, почему въ ихъ организаціи прилагаются всѣ формы перваго, а не обороты послѣдняго. На первый разъ, однако, они собственно существуютъ для воспособленія народному производству, а потому ихъ назначеніе должно было бы заключаться въ поддержкѣ самой важной *отрасли* народнаго производства, именно сельскаго хозяйства. Такая задача, слѣдовало бы ожидать, будетъ имъ тѣмъ скорѣе вмѣнена, что нѣтъ ни одного государства въ мірѣ, которое не смотрѣло-бы на земледѣліе, какъ на единственно прочную основу всѣхъ прочихъ видовъ народнаго труда, и что, въ тоже время, именно само государство споспѣшествовало развитію помянутымъ учрежденій, снабдивъ ихъ разными льготами».

«Тѣмъ не менѣе, въ настоящее время, они служатъ послѣдней отрасли народнаго производства въ самой ничтожной мѣрѣ; вся дѣятельность ихъ посвящена промышленности и торговлѣ, за которыми, ни въ какомъ случаѣ, нельзя признать болѣе настоятельной, или какой либо исключительной и своеобразной, потребности въ капиталѣ и въ кредитѣ, а развѣ только ту-же, которая присуща и оборотамъ сельскаго хозяйства. Причины подобнаго порядка

бросаются въ глаза. Онѣ кроются въ томъ, что обороты промышленности и торговли нуждаются въ большемъ количествѣ капитала, что они сосредоточены въ центральныхъ пунктахъ и пріобрѣтаютъ кредитную способность въ качествѣ «фирмъ»; благодаря тѣмъ же условіямъ, и кредитныя учрежденія водворились въ тѣхъ же центральныхъ пунктахъ, предаваясь исключительно удовлетворенію потребностямъ, въ капиталѣ и кредитѣ, фабрикъ и купечества. Поземельная собственность нуждается, въ тоже время, въ гораздо меньшемъ количествѣ капиталовъ; сельское хозяйство распредѣляется по всей странѣ, до самыхъ отдаленныхъ мѣстностей, наконецъ его обороты не создаютъ фирмъ (?), хозяева остаются неизвѣстными въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть банки, т. е. въ центрахъ; тамъ же, гдѣ кредитная способность первыхъ извѣстна и оцѣнивается должнымъ образомъ, тамъ нѣтъ послѣднихъ: именно въ провинціи».

Любопытно, какими доводами Родбертусъ доказываетъ, въ примѣчаніи къ приведенному тексту (I. 123, 28), меньшую потребность въ капиталѣ для земледѣлія, по сравненію съ прочими промыслами:

«Мы тутъ наталкиваемся на существенное различіе между сельскимъ хозяйствомъ и промышленностію, которое прямо захватываетъ и самое ученіе о поземельной рентѣ. Даже при затратѣ одинаковаго количества труда, земледѣльческій оборотъ не нуждается на столько же и въ такомъ же капиталѣ, какъ оборотъ промышленный. Именно это потому, что вещи, которыя въ промышленности подпадаютъ подъ понятіе матеріаловъ и должны быть закупаемы, вовсе не нужны въ сельскомъ хозяйствѣ, или вѣрнѣе, создаются въ немъ самымъ оборотомъ; съ такою цѣлью въ послѣднемъ производствѣ—или вовсе не существуетъ, или потребна, сравнительно, весьма ничтожная *капитальная затрата*. Вотъ и причина тому: въ земледѣліи сама почва заступаетъ мѣсто матеріаловъ, а въ тоже время ея сила даровая. Большая часть удобрительныхъ туковъ и посѣвныхъ сѣмянъ, что входитъ въ составъ того же понятія, возникаетъ, далѣе, въ земледѣліи сама собою, а остальное количество удобренія и сѣмянъ, которое приходится покупать, является относительно ничтожнымъ. Такимъ образомъ, та часть оборотнаго капитала, которая заключается въ матеріалахъ и вызываетъ въ издѣльной промышленности столь значительныя капитальныя издержки, оказывается въ земледѣліи почти совершенно

излишнею, даже при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ. А такъ какъ, во всякомъ оборотѣ чистый доходъ получается отъ вычета капитальныхъ издержекъ, чѣмъ и опредѣляется размѣръ прибыли на капиталъ, то очевидно, въ земледѣльческомъ производствѣ, *гдѣ цѣнность сельско-хозяйственныхъ, равно какъ и цѣнность фабричныхъ, произведеній опредѣляется стоимостію потраченнаго на нихъ труда*, (что дѣйствительно и имѣетъ мѣсто въ большинствѣ случаевъ при свободномъ обращеніи), принимая сверхъ того во вниманіи стремленіе капитальной прибыли къ полному равенству повсюду, долженъ получиться всегда *остатокъ* дохода, который не можетъ быть сочтенъ за барышъ на капиталъ, а просто идетъ въ пользу землевладѣльца, какъ собственника именно почвы, почему основательно эта прибыль и называется поземельною рентою. По *существу*, конечно, поземельная рента является такимъ же продуктомъ настоящаго и предшедшаго труда, какъ и прибыль съ капитала и задѣльная плата. Однако, при всемъ томъ, нѣтъ ни малѣйшей необходимости, ради разъясненія принципа поземельной ренты, прибѣгать къ толкованіямъ, ссылающимся на разницы въ доброкачественности почвъ и въ разстояніяхъ отъ мѣстъ сбыта; хотя, съ другой стороны, послѣдними обстоятельствами дѣйствительно обусловливаются мѣстныя уклоненія въ поземельномъ доходѣ. Вотъ та теорія поземельной ренты, которую я вывожу въ своемъ соціальномъ письмѣ; мнѣ она кажется до нельзя убѣдительною, а между тѣмъ она нашла, пока, еще мало послѣдователей, я даже утверждаю, что на нее еще не обратили должнаго вниманія».

Признаться и насъ не обратилъ Родбертусъ Ягецовъ къ своему ученію; тѣмъ не менѣе, если нѣтъ у него адептовъ, или прямыхъ послѣдователей, то, во всякомъ случаѣ, есть единомышленники, какъ практики, такъ и ученые. Особенно сами землевладѣльцы всѣхъ странъ готовы присоединиться къ родбертусовскому символу экономической вѣры и твердо убѣждены въ давленіи капитала и ненормальномъ отвлеченіи его отъ сельскаго хозяйства. Ученіе же о своеобразной и самостоятельной рентѣ имѣетъ, какъ мы видѣли, многочисленныхъ представителей и въ наукѣ. Тутъ встрѣчается много суевѣрій, а въ наиболѣе логической послѣдовательности эти ходячія предубѣжденія и посылки на мнимые факты высказываетъ именно занимающій насъ писатель.

Уже тотчасъ, на первый разъ, нельзя согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, будто нужда въ капиталѣ и въ кредитѣ удовлетворяется одними банками: частныя ссуды—и въ личный кредитъ, и подъ векселя, и подъ ипотеки—въ общей своей сложности едва ли намного уступаютъ въ каждой странѣ общей суммѣ и сложности банковыхъ ссудъ. Объ нихъ нельзя ни забывать, ни считать ихъ, въ общемъ положеніи, только ростовщическими оборотами, или міроѣдствомъ; частныя сдѣлки и кредитные обороты, далѣе, вообще не уничтожаются съ возникновеніемъ банковъ, а напротивъ на ряду съ ними и они наростаютъ, получая при конкурренціи банковъ, конечно, болѣе правильное, но и болѣе разнообразное развитіе.

Частный оборотъ создалъ въ Швейцаріи, издавна уже, именно тотъ способъ мобилизаціи поземельной собственности, который предлагаетъ Родбертусъ Ягецовъ ввести какъ исключительную и обязательно повсемѣстно въ государствѣ распространенную форму. Въ Швейцаріи, взамѣнъ срочной аренды, признанной вредною, земля уступается въ потомственное пользованіе, а собственникъ выдаетъ на землю обязательства, подъ названіемъ рентныхъ писемъ (lettres de rente). Эти письма предъявляются у нотаріуса, который накладываетъ въ суммѣ ихъ запрещенія на землю. Они пишутся на предъявителя и могутъ быть выкупаемы изъ обращенія взносомъ у того же нотаріуса ихъ капитальной суммы. По рентнымъ письмамъ уплачиваются условленные проценты, и если этотъ платежъ совершается исправно, то капиталъ никогда не можетъ быть востребованъ. Если же, со стороны владѣльца, воспослѣдуетъ неисправность въ уплатѣ процентовъ, то во владѣніе его землею вводится тотъ предъявитель рентныхъ писемъ, у котораго оказывается наибольшее количество послѣднихъ, на него переводятъ и остальныя, по тому же участку. Родбертусъ Ягецовъ пошелъ только далѣе, замѣняя владѣльческія рентныя письма общими земскими и не обозначая вовсе капитальной стоимости въ тѣхъ и другихъ.

Съ другой стороны, банки далеко не вездѣ прямо водворялись при содѣйствіи правительства, но и до послѣдняго времени въ не многихъ только государствахъ существуетъ такъ называемая свобода банковъ. Есть въ большей части государствъ привиллегированные и казенные банки, но ихъ существованіемъ только стѣснялось до сихъ поръ широкое развитіе всѣхъ прочихъ видовъ бан-

ковыхъ учрежденій, сами же они бывали надѣляемы привиллегіями и преимуществами, а особенно исключительнымъ правомъ на *оборотную* операцію, т. е. на выпускъ банковыхъ билетовъ, или безпроцентныхъ обязательствъ на предъявителя, не по случаю заботъ финансовыхъ вѣдомствъ объ удешевленіи кредита, а вслѣдствіе затрудненій государственныхъ казначействъ. Не въ одномъ только англійскомъ банкѣ основные капиталы обратились въ ссуду казнѣ, а банкъ избавился отъ конкуррентовъ; такіе же примѣры общеизвѣстны и относительно другихъ мѣстъ и повторялись неоднократно.

Родбертусъ напрасно считаетъ оборотную операцію регальнымъ правомъ и смѣшиваетъ, столь же неосновательно, банковые билеты съ бумажными деньгами. Общая черта въ нихъ только одна: что и тѣ, и другія—безпроцентныя обязательства на предъявителя, или безъименныя бумаги, почему ихъ передача изъ рукъ въ руки не представляетъ ни малѣйшаго затрудненія. Но банковой билетъ обращается единственно подъ условіемъ безостановочнаго размѣна по предъявленію въ банкъ, что и принято называть его *кредитнымъ обезпеченіемъ*; бумажныя же деньги обращаются только въ силу обязательнаго пріема ихъ во всѣхъ государственныхъ казначействахъ и казенныхъ кассахъ, т. е. по случаю уплаты податей, пошлинъ и сборовъ всякаго рода въ пользу казны, что составляетъ для нихъ такъ называемое *податное обезпеченіе*. Конечно, не всегда выпускаетъ сама казна бумажныя деньги, не всегда даже онѣ безпроцентныя и по обратномъ предъявленіи въ казну уничтожаются; не только нерѣдко, но даже большею частію до сихъ поръ, выпускъ всякаго рода денежныхъ знаковъ предоставленъ казенному или привиллегированному банку; на практикѣ банковый билетъ и бумажноденежный знакъ бываютъ одинаковаго образца и по внѣшности между собою ничѣмъ не отличаются. Наши билеты казначейства, напримѣръ, которыхъ въ обращеніи до 216 милліоновъ рублей, не погашаются и не размѣниваются, а только въ извѣстной послѣдовательности старыя серіи замѣняются новыми; эти билеты, на изложенномъ основаніи, ничто иное, какъ бумажныя деньги, но приносящія процентъ, удоборазсчитываемый помѣсячно и понедѣльно. Существенное условіе обращаемости банковаго билета, какъ кредитнаго обязательства, заключается въ *довѣріи* къ точному исполненію основнаго условія всякой кредитной сдѣлки—реа-

лизаціи, или размѣна. Обращаемость же бумажныхъ денегъ ссылается на *обязательность ихъ пріема* въ платежахъ. Эта обязательность пріема можетъ быть троякаго рода: или 1) частныя лица обязаны удовлетворяться при получкахъ изъ казны бумажными деньгами, или казначейскими росписками (Cassenscheine въ Пруссіи, гдѣ только и существуетъ этотъ видъ настоящихъ бумажныхъ денегъ), или 2) сама казна обязуется принимать ихъ во всякіе платежи; или же 3) пріемъ бумажныхъ денегъ обязателенъ и для частныхъ лицъ между собою, по всѣмъ вообще, слѣдовательно и по частнымъ, сдѣлкамъ и платежамъ. Собственно кредитное обезпеченіе не допускаетъ и мысли объ обязательности пріема; а потому стоитъ только придать банковому билету обязательное обращеніе, и онъ тотчасъ пріобрѣтаетъ оттѣнокъ бумажныхъ денегъ; въ тоже время сама казна лишается уже возможности выпускать бумажныя деньги безъ добавочнаго, совершенно ненужнаго, фиктивнаго и никогда не осуществлявшагося, условія безостановочнаго размѣна на звонкую монету. Это положеніе дѣлъ и существуетъ въ дѣйствительности почти повсюду. Или банковыхъ билетовъ въ современныхъ государствахъ вовсе нѣтъ, какъ напримѣръ у насъ, а такъ называемые 5% банковые билеты ничто иное какъ процентныя займовыя облигаціи; или же нѣтъ бумажныхъ денегъ, а существуютъ банковые билеты, одного или нѣкоторыхъ привилегированныхъ банковъ, со смѣшаннымъ характеромъ.

Однако, изложенными указаніями не исчерпываются еще всѣ главныя особенности кредитнаго и податнаго обезпеченія денежныхъ знаковъ; при вопросѣ объ обязательномъ обращеніи, или пріемѣ въ платежахъ, возникаетъ еще новое условіе о цѣнѣ, по которой принимается денежный знакъ. Эта цѣна можетъ быть или установлена безъ всякой разницы на звонкую монету, или пріемъ банковыхъ билетовъ совершается по рыночной цѣнѣ. Если послѣднее воспрещено, то водворяется такъ называемый *принудительный курсъ* (coursforcè). Понудительный же курсъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ регламентативныхъ мѣръ, которыя, причиняя ущербъ обращенію, и обенно всѣмъ сдѣлкамъ и платежамъ установленнымъ впередъ на большіе сроки, не достигаютъ той цѣли, которою задавались, прибѣгая къ нимъ: денежнаго знака никакъ не удается удержать въ одинаковой цѣнѣ съ звонкою монетою, послѣдняя совершенно исчезаетъ изъ обихода, а всѣ товары поднимаются въ цѣнѣ,

соотвѣтственно паденію денежныхъ знаковъ, звонкая монета же покупается на биржѣ уже какъ товаръ съ надлежащею приплатою. Къ принудительному курсу приходили государства только въ силу того мнѣнія, будто цѣна денегъ опредѣляется прямо на основаніи *регальнаго права*, или указами власти, забывая, что деньги единственно товаръ—посредникъ, а платежный или денежный *знакъ* держится исключительно однимъ обоюднымъ согласіемъ и увѣренностію въ его реализаціи, т. е. размѣномъ при возвратѣ тому, кто его выпустилъ.

Въ одной Италіи только есть обязательное обращеніе билетовъ національнаго банка, безъ всякаго понудительнаго курса, билеты банка стоитъ на 20% ниже звонкой монеты и если платежъ происходитъ ими, то дѣлается соотвѣтственная надбавка къ цѣнѣ товаровъ, а сдача производится только бумажками или мѣдною монетою; на золото же получаются сдачи серебромъ и товарныя цѣны разчитываются въ 20% ниже обыкновенныхъ. Такое совмѣстное обращеніе вполнѣ предохраняетъ частныхъ лицъ отъ чрезмѣрныхъ начетовъ при покупкѣ товаровъ, курсы бумажныхъ денегъ избавляются отъ излишняго паденія, а золото есть и въ обыденномъ обращеніи.

Послѣ изложеннаго теряетъ основаніе то завѣреніе Родб. Ягецова (прим. 27), будто выпускъ бумажныхъ денегъ представляется гораздо важнѣйшею регаліею, чѣмъ чеканка монетъ, и будто требованіе свободы для оборотной банковой операціи (т. е. полное разрѣшеніе выпуска билетовъ съ кредитнымъ обезпеченіемъ) напоминаетъ другое однородное требованіе,—предоставить золотыхъ дѣлъ мастерамъ монетную чеканку.

Бумажныя деньги и банковые билеты именно неоднородныя обязательства, точно также, какъ не совпадаетъ кредитное обезпеченіе съ податнымъ; послѣдніе не должны имѣть обязательной обращаемости, а для первыхъ обязательность пріема должна бы ограничиваться сдѣлками между казною и частными лицами, но не касаться платежей частныхъ лицъ во всѣхъ случаяхъ и между собою; еще менѣе понудительный курсъ можетъ составлять регальное право. Обязательное же обращеніе звонкой монеты вытекаетъ не изъ права водворять ее въ силу власти, какъ утверждали римскіе юристы, не изъ регаліи верховной, а изъ того обстоятельства, что казенная чеканка наиболѣе обезпечиваетъ полноцѣнность де-

негъ и можетъ производиться съ однимъ покрытіемъ расходовъ, безъ всякаго добавочнаго барыша или чистаго дохода, слѣдовательно дешевле. Никто кромѣ государства, не можетъ такъ равномѣрно и дешево удовлетворять потребности въ почтовыхъ и телеграфныхъ сообщеніяхъ, а также и въ однокачественныхъ, полноцѣнныхъ монетахъ, какъ именно государства. Бумажныя же деньги не цѣнность, а знакъ, обезпечивающій безпрепятственный платежъ въ казну, или въ банкъ, которые ихъ выпустили, поэтому несправедливо навязывать тѣмъ лицамъ, которыя съ казною или банкомъ сдѣлокъ не имѣютъ, обязательный ихъ пріемъ.

Дальнѣйшее объясненіе автора, что промышленность и торговля не имѣютъ иныхъ потребностей въ кредитѣ, какъ и земледѣліе, не можетъ имѣть притязанія на полную непреложность: потребность въ кредитѣ и нужда въ ссудахъ денежныхъ обусловливаются, главнымъ образомъ, въ каждой группѣ предпріятій и въ каждомъ разрядѣ производствъ, или по отдѣльнымъ отраслямъ промышленности, характеромъ и срочностію затратъ при осуществленіи оборотовъ. По мѣрѣ того, какъ преобладаетъ въ данномъ производствѣ постоянный капиталъ надъ оборотнымъ, или же первый ничтоженъ по сравненію съ послѣднимъ, кредитныя сдѣлки бываютъ необходимы хозяину и предпринимателю или рѣже, или чаще, на долгій, или короткій срокъ, въ большомъ, или маломъ размѣрѣ. Въ земледѣліи преобладаетъ постоянный и основный капиталъ въ высшей пропорціи надъ оборотнымъ и расходнымъ, чѣмъ въ промышленности и торговлѣ. Самый оборотъ повторяется съ неизмѣнною періодичностію, зависитъ отъ стихійныхъ условій, не можетъ быть ускоренъ: отъ приложенія большаго капитала и отъ найма большаго числа работниковъ жатва не наступаетъ скорѣе послѣ посѣва, чѣмъ при обыкновенныхъ усиліяхъ; весну и осень не удается сблизить.

Другое въ издѣльной промышленности, гдѣ тоже количество цѣнностей можетъ быть выдѣлано и скорѣе и медленнѣе, смотря по количеству затрачиваемаго расходнаго капитала. Притомъ усиленіе оборотовъ въ промышленности доступно во всякое время года, а въ земледѣліи только въ *страдную* пору. Такимъ образомъ, въ сельскомъ хозяйствѣ необходимость въ ссудномъ капиталѣ и менѣе сильна, и менѣе равномѣрна. Вотъ почему, дѣятельность кредитныхъ учрежденій можетъ себѣ найти полный просторъ только въ промышленныхъ центрахъ: безпрерывностію обращенія товаровъ и

создаются денежныя рынки. Но разъ потребность въ расходномъ капиталѣ иная для земледѣлія, и иная для прочихъ предпріятій, хотя существуетъ разница и между отдѣльными отраслями сельскаго хозяйства порознь, между лѣсоводствомъ и огородничествомъ—разъ въ первомъ вообще преобладаніе основныхъ капиталовъ несомнѣнный фактъ, тотчасъ и явствуетъ, что сельское хозяйство требуетъ и ссудъ—разомъ, большихъ размѣровъ, на долгіе сроки и по временамъ, а не постоянно. А отсюда очевидно, почему въ земледѣльческомъ кредитѣ такую важную роль играютъ залогъ и поручительство.

Окончательное же отличіе зависитъ отъ своеобразнаго характера земельнаго недвижимаго залога. Залоговой кредитъ обставленъ въ сельскомъ хозяйствѣ иными условіями, чѣмъ закладной въ издѣльной промышленности и торговлѣ; личный же кредитъ и условія его развитія совершенно тождественны во всѣхъ производствахъ и предпріятіяхъ.

Напрасно, Родб. Ягецовъ убѣжденъ, что кредитная способность пріобрѣтается преимущественно промышленными предпріятіями потому, что послѣднія составляютъ себѣ извѣстность, какъ *фирмы* и тѣмъ усиливаютъ свой личный кредитъ. Извѣстность и фирму можетъ пріобрѣтать всякое предпріятіе, ихъ дѣйствительно и пріобрѣтаютъ; такъ напр. прусскіе льноводы налагаютъ свои клейма на ленъ, и онъ идетъ въ Англію безъ брака; многія мызы, фермы и т. п. извѣстны тѣми, или другими сельскими произведеніями; стало быть *фирма*, какъ подспорье личнаго кредита доступна земледѣльцу не менѣе, чѣмъ фабриканту, а если сбытъ перваго ограниченнѣе, то и нужда его въ расходномъ капиталѣ слабѣе; по мѣрѣ же возростанія послѣдней, при расширеніи сбыта, прослыветъ все далѣе и далѣе и его *фирма*, или будетъ приращаться и такъ называемый его невещественный капиталъ. Во всякомъ случаѣ, возникновенію такого невещественнаго капитала, или фирмъ, нисколько не препятствуютъ особенности сельскаго хозяйства, да притомъ послѣднія именно важны только по отношенію къ личному кредиту—ихъ мнимымъ отсутствіемъ отнюдь не объясняются существующія стѣсненія залоговаго поземельнаго кредита.

Далѣе несомнѣнно, что земледѣліе нуждается въ меньшихъ количествахъ расходнаго капитала, чѣмъ промышленность и торговля, но исключительно благодаря періодичности, неравномѣрности его

оборотовъ, обусловливаемыхъ въ немъ стихійными условіямя—нельзя день и ночь круглый годъ работать. Объясненіе же этого явленія у Родбертуса-Ягецова только съ виду заманчивое, но по основаніямъ своимъ несостоятельно. Онъ увѣряетъ, что на пріобрѣтеніе матеріаловъ въ фабрикаціи нуженъ капитальный расходъ, а въ земледѣліи ихъ даромъ доставляетъ почва. Въ примѣръ онъ приводитъ, какъ мы видѣли, удобреніе и сѣмена. Однако всѣмъ извѣстно, что удобреніе, при обыкновенномъ порядкѣ дѣлъ, не является ничего нестоющимъ, побочнымъ продуктомъ молочнаго хозяйства, и что для его полученія и сохраненія, напротивъ, требуются не малыя издержки; слѣдовательно, весьма странно говорить о даровомъ, или безвозмездно получаемомъ удобреніи. Наконецъ, нѣтъ необходимости пространно говорить о томъ, что удобреніе покупается за дорогую цѣну въ городахъ, съ немалыми иногда издержками свозится на поля, а гуано и искусственные туки идутъ изъ за тридевяти земель. Есть обширныя купеческія фирмы, напр. въ Бельгіи, торгующія исключительно одними этими туками. Какая же разница между красильнымъ матеріаломъ на ситценабивной мануфактурѣ и удобрительнымъ матеріаломъ для ржанаго поля; и тотъ, и другой пріобрѣтается только на расходный капиталъ: оба влекутъ за собою вполнѣ однородную издержку и трату денегъ.

Столь же мало даровыми благами почвы представляются и посѣвныя сѣмена, о безвозмездности которыхъ еще возможно было бы говорить, если одна обсыпка при жатвѣ обезпечивала уже слѣдующій урожай; но подобное предположеніе—только плохая шутка. Не менѣе превратно считать то количество зеренъ, которое оставляется на посѣвъ, ничего не стоющимъ, или покрайней мѣрѣ не вызывающимъ нужды въ расходномъ капиталѣ. Всякому извѣстно, что посѣвныя сѣмена разводятся спеціально одними хозяевами и покупаются у нихъ всѣми остальными, что ихъ необходимо возобновлять ежегодно, или покрайней мѣрѣ черезъ нѣсколько лѣтъ, иначе получается перерождъ, что привозъ сѣмянъ идетъ изъ столь же отдаленныхъ странъ, какъ и привозъ удобренія, или индиго и кошенили для фабрикъ, что волокнистыя растенія не всегда и не вездѣ выгодно пускать въ сѣмена. Бываетъ и на фабрикахъ, что получаются нѣкоторые матеріалы, какъ побочный продуктъ, но конечно ни въ какомъ случаѣ не безвозмездно и даромъ, притомъ

получаются они сами собою столь же часто, и не рѣже, какъ удобреніе и сѣмена отъ самой почвы въ земледѣліи.

Никакого самопроизвольнаго и безрасходнаго возникновенія матеріаловъ въ земледѣліи не оказывается; а потому обработка почвы и не даетъ никакого излишка отъ покрытія издержекъ на трудъ и капиталъ, который могъ бы считаться результатомъ дароваго содѣйствія силъ природы, по той же причинѣ и нѣтъ никакой исключительной поземельной ренты.

Силы природы конечно, въ большинствѣ случаевъ, привлекаются къ содѣйствію въ производствѣ безъ особенныхъ издержекъ и затратъ, но такое содѣйствіе ихъ вовсе не сильнѣе въ земледѣліи, чѣмъ во многихъ отрасляхъ издѣльной промышленности. Безъ спору лѣсъ ростетъ, да только на первый взглядъ, самъ собою; но на столько же и свѣтъ самъ собою воспроизводитъ картину и образъ въ фотографіи. Я полагаю, что вообще рѣшеніе вопроса о томъ, гдѣ сильнѣе участвуютъ химическіе и физическіе процессы и другіе силы естества, на пашнѣ-ли, или въ чугонно-литейномъ заводѣ, въ оранжереѣ-ли, или на красильной фабрикѣ? представляетъ безвыходныя затрудненія. Несомнѣнно одно, во всякомъ случаѣ, что почва, надѣленная обильнѣе, по мѣстоположенію и климату, силами природы, чѣмъ другая, далеко не всегда даетъ и высшій, соотвѣтственно, доходъ: виноградная десятина подъ Тифлисомъ менѣе доходна, чѣмъ огородная подъ Петербургомъ. Рента же, въ смыслѣ сверхсмѣтнаго, добавочнаго вознагражденія противъ дѣйствительныхъ издержекъ на трудъ и на капиталъ, не есть исключительная принадлежность одного сельскаго хозяйства, а зависитъ отъ цѣнъ и условій сбыта. Ея сплошь и рядомъ не бываетъ въ большей части земледѣльческихъ хозяйствъ, а между тѣмъ есть рента и на трудъ, и на капиталъ, и для привиллегированныхъ фабрикъ, и для монопольныхъ торговцевъ.

Именно за рентою, т. е. за излишкомъ противъ необходимаго возмѣщенія издержекъ, гонится всякій промышленникъ, всякій работникъ и всякій капиталистъ, а не одинъ только сельскій хозяинъ: достигаютъ всѣ они этой цѣли исключительно при особенно благопріятной обстановкѣ, при уклоняющемся отъ обыкновеннаго спросѣ на ихъ цѣнности или услуги. Стекольщики, послѣ пожаровъ или уличныхъ схватокъ, наприм. въ Одессѣ въ 1872 г., могутъ находиться въ одинаковыхъ условіяхъ для наживы ренты, какъ и зем-

ледѣльцы во время голода. Для нѣкоторыхъ предпринимателей существуетъ, во всякихъ видахъ производствъ, даже постоянная рента, именно благодаря болѣе выгодной, по сравненію съ предпринимателями въ той же отрасли промышленности, исключительной обстановкѣ. Рента не есть спеціальная выгода одного сельскаго хозяйства; собственникъ недвижимости нисколько не чаще получаетъ, безъ личныхъ усилій, доходъ въ отсутствіи, чѣмъ собственникъ фабричной фирмы, торговаго дома и всякихъ другихъ движимостей, или владѣлецъ фондовъ, т. е. рантье въ тѣсномъ смыслѣ; а между тѣмъ, относительно движимостей никто еще не думалъ источникомъ дароваго дохода считать силы природы. Но послѣднія не являютоя такимъ источникомъ и въ сельскомъ производствѣ; иначе было бы основательно вернуться къ единственному налогу физіократовъ и облагать однѣ земли.

Если бы почва, земля, дѣйствительно давала такой самостоятельный доходъ, вполнѣ независящій ни отъ затраченнаго на ея обработку капитала, ни отъ приложеннаго въ тоже время труда, если бы существовала, какъ явленіе неизбѣжное и общее, своеобразная поземельная рента, то конечно поземельную собственность слѣдовало бы считать не капиталомъ, а *рентнымъ фондомъ*, т. е. какъ бы прочнымъ обезпеченіемъ вѣчнаго дохода, независящаго нисколько отъ издержекъ по оборотамъ. При такой неизсякаемой рентѣ, конечно, ссуды подъ залогъ земель могли бы сдѣлаться безвозвратными, а долги, на землевладѣніи лежащіе, безсрочными; подобное имѣетъ мѣсто съ государственными долгами именно на столько, на сколько государство является какъ бы вѣчнымъ учрежденіемъ, на всегда обезпеченнымъ извѣстными податными доходами. Однако неистощимость силъ въ почвѣ при земледѣліи такова же, какова и неистощимость силъ природы во всѣхъ другихъ производствахъ, и тамъ и тутъ удается вызвать эти силы на возобновляющееся содѣйствіе обороту единственно при помощи соотвѣтственныхъ капитальныхъ затратъ. Вотъ почему, невозможно почву, составляющую только часть вещественныхъ элементовъ, необходимыхъ для сельско-хозяйственной промышленности, не считать постояннымъ, требующимъ погашенія и ремонта, капиталомъ, какъ и хозяйственныя зданія и сельскія орудія, или машины.

Наконецъ, если даже земля дѣйствительно была бы неистощимымъ источникомъ дароваго дохода, или ренты, то тѣмъ легче ста-

новилось бы землевладѣльцамъ платить бо́льшіе проценты, противъ промышленниковъ, и быстрѣе послѣднихъ погашать долги. Ученіе о поземельной рентѣ, такимъ образомъ, нисколько не обусловливаетъ особенныхъ выгодъ отъ рентной формы долговъ.

Рентный долгъ, въ современномъ смыслѣ, есть обязательство на выдачу другому вѣчнаго дохода; причемъ въ обязательствѣ обозначенъ только размѣръ послѣдняго, а не капитальная сумма долга; долгъ, въ которомъ обозначена и послѣдняя сумма и идущій по ней процентъ, называется облигаціоннымъ. Это толкованіе необходимо удерживать въ памяти, чтобы опредѣлить точно, въ состояніи ли рентный долгъ удешевить ссуды для землевладѣнія.

Родбердусъ полагаетъ, что дешевизна создается одною обращаемостію рентныхъ писемъ, а потому у него является ихъ двѣ категоріи: именныя—владѣльческія рентныя письма, и безъименныя, на предъявителя—земскія рентныя письма. Эти письма, по его предположенію, обязательны къ пріему при всѣхъ сдѣлкахъ, касающихся землевладѣнія, но придать имъ понудительный курсъ, т. е. рыночную цѣну, совпадающую съ ихъ номинальною, нарицательною цѣною, конечно не удастся.

Рента можетъ быть капитализирована съ обоюднаго согласія (п. 4), говоритъ Р. Я.; но какимъ образомъ она можетъ сдѣлаться хорошею биржевою бумагою и давать въ нѣкоторыхъ случаяхъ лажъ (п. 9), если она имѣетъ обязательное обращеніе только по опредѣленной группѣ оборотовъ, совершенно непонятно. Если бы капиталисты вообще были особенно склонны пріобрѣтать земли, ради безмятежнаго пользованія вѣрнымъ доходомъ, то оказались бы, безъ сомнѣнія, совершенно немыслимыми случаи несостоявшихся публичныхъ распродажъ и торговъ на поземельные участки, причиною которыхъ служитъ неявка покупателей. А между тѣмъ, эти случаи самые обыкновенные; обыденные же они потому, что нѣтъ для землевладѣльца безмятежнаго дохода, или естественной, не отъ капитала и труда идущей, ренты. Р. Я. силится далѣе водворить почти совершенную неотчуждаемость земель; она есть и теперь уже въ сильной степени—за отсутствіемъ охотниковъ на ихъ пріобрѣтеніе. Да и рыночная цѣна на *земскія* рентныя письма вовсе не возникнетъ по той причинѣ, что будутъ охотники ихъ покупать на деньги, съ цѣлію послѣдующаго пріобрѣтенія земель, если уплата покупной цѣны должна происходить земскими рентными

письмами (п. 10), а цѣна земской ренты получится отъ того, что землевладѣлецъ пожелаетъ занимать конечно деньги, или собственно предпринимательскій капиталъ, и съ такою цѣлію онъ вынужденъ обмѣнять свои владѣльческія, именныя письма на земскія, безъименныя; а тѣ, или другія онъ будетъ продавать на биржѣ, или предложитъ ихъ въ уплату при покупкѣ товаровъ.

Слѣдовательно, цѣна земской ренты установится не подъ вліяніемъ спроса на нее, а подъ преимущественнымъ вліяніемъ предложенія ея землевладѣльцами на рынкѣ, или въ другомъ мѣстѣ, капиталистамъ. Уже одно это обстоятельство указываетъ, что земскія ренты будутъ отличаться сравнительною дешевизною, или, другими словами, дороговизна ссудъ не устранится для землевладѣльцевъ.

Въ сущности, стало быть, процентъ по залоговому, поземельному кредиту не измѣнится въ своемъ размѣрѣ и въ своей высотѣ; затрудненія добыть деньги подъ земли также не устранятся, такъ какъ рентныя письма, именно вѣчныя, не представятъ возможности быстрой реализаціи безъ потери. Рыночная цѣна при подобныхъ условіяхъ можетъ опредѣляться на основаніи капитализаціи земской ренты изъ 10 или 15%. Предлагаемая же у Р. Я. земсвая управа этому горю не поможетъ (п. 11), она беретъ на себя только гарантію въ правильной уплатѣ самой ренты, т. е. процента съ предполагаемаго капитала,—средство довольно слабое для поддержанія курса.

Требуется не эта гарантія, а такое учрежденіе и такой кредитный посредникъ, которые создавали бы для капиталистовъ самую непродолжительную затрату, такъ какъ сельское хозяйство подлежитъ непредвидимымъ иногда случайностямъ, и такъ какъ неизмѣнной не только ренты, но и вообще однообразнаго, даже отъ одного года до слѣдующаго, дохода въ немъ рѣшительно не существуетъ. Съ другой же стороны, именно измѣнчивость дохода, идущаго съ земли, зависитъ отъ случайныхъ стихійныхъ явленій и условій сбыта, подъ сильнымъ вліяніемъ даже заграничнаго спроса, и допускаетъ для землевладѣльца только постепенное сложнопроцентное погашеніе всякаго долга, а не срочную его уплату какими либо значительными капитальными долями. Посредникъ въ поземельномъ кредитѣ долженъ, поэтому, водворить въ той же сдѣлкѣ быстрый размѣнъ облигацій, уплатою разомъ всего капитала по ссудѣ, для заимодавца,

и необременительное, даже равнообразное въ частныхъ случаяхъ, процентное погашеніе займа для должника.

Объ неразмѣнныхъ общихъ рентныхъ письмахъ нечего и мечтать, ихъ курсъ не будетъ и не можетъ поддерживаться тѣмъ, что землевладѣльцы будутъ стремиться уничтожать свои долги покупкою рентныхъ земскихъ писемъ, для вымѣна ихъ на собственныя владѣльческія въ управѣ; все это предполагаетъ возможность для сельскаго хозяина капитальными суммами, болѣе или менѣе значительными, ликвидировать свои поземельные, залоговые долги, что именно, въ общемъ положеніи, для него совершенно недоступно. Вотъ научныя начала, которыя заставляютъ меня утверждать, что земская рента будетъ имѣть всегда крайне низкій курсъ, а въ такомъ случаѣ поземельный кредитъ будетъ находиться въ томъ же жалостномъ положеніи, въ которомъ онъ находится теперь, вслѣдствіе лихвенныхъ процентовъ.

Первое основаніе рентной теоріи Р. Я.—вѣчность, т. е. обязательное обращеніе и необязательное погашеніе земской ренты, слѣдовательно, несостоятельно; столь же несостоятельно и второе основаніе предлагаемыхъ имъ рентныхъ писемъ — оцѣнка поземельнаго залога по одной его *рентной* доходности.

Доходность сельско-хозяйственной собственности зависитъ, несомнѣнно, въ высшей степени отъ предпринимательскихъ способностей и усилій ея владѣльца, или хозяина на ней; нѣтъ съ земли самопроизвольнаго дохода, какимъ представляется ягецовская рента, а вся выручтка зависитъ отъ предпріимчивости и оборотливости воздѣлывателя, съ одной стороны, а съ другой—отъ спроса рыночнаго на земледѣльческіе продукты; причемъ издержки на перевозку послѣднихъ играютъ до того важную роль, что должны быть прямо включены въ затраты на производство при сельско-зяйственномъ оборотѣ. Вотъ почему «оцѣнка сельско-хозяйственной недвижимости (*не*) должна совершаться *только* по ея доходности, или ея рентной стоимости».

Такъ поземельная недвижимость можетъ давать въ разныхъ рукахъ различный доходъ: у недогадливаго, небрежнаго или неподготовленнаго хозяина—малый, а у смѣтливаго, опытнаго и свѣдущаго—огромный. Наконецъ непосредственное вліяніе на доходность земель имѣетъ и различный размѣръ того оборотнаго капитала, который находится въ распоряженіи хозяина. Однимъ словомъ, въ

доходности того же имѣнія могутъ обнаруживаться такія колебанія, которыя вовсе не зависятъ отъ капитальной цѣнности земли и рыночнаго спроса на ея произведенія, а потому одна доходность повсюду и признается еще недостаточнымъ элементомъ для разсчисленія дѣйствительной стоимости земель; принимаются и должны приниматься въ соображеніе еще продажныя цѣны ея и арендныя за нее платы. Но такъ какъ измѣненія путей сообщенія, при томъ огромномъ вліяніи, которое на цѣны сельскихъ продуктовъ имѣетъ разстояніе отъ рынка и вообще отъ главныхъ мѣстъ спроса, производятъ нерѣдко внезапные перевороты и въ спросѣ на земли, то всякое опредѣленіе стоимости земель должно ссылаться, по возможности, на болѣе продолжительный періодъ времени.

Такимъ образомъ, вѣрная оцѣнка земель получится въ томъ только случаѣ, когда приняты въ соображеніе, и частная доходность извѣстнаго имѣнія и средняя доходность однородныхъ земель той же мѣстности; а затѣмъ покупная цѣна имѣнія, или покупныя цѣны земель въ данной мѣстности, совокупно съ арендными платами за десятилѣтіе, или если возможно, за нѣсколько десятилѣтій. Виды и способы воздѣлыванія, количество затрачиваемаго капитала, цѣнность орудій, машинъ и скота — все это только видоизмѣняющіе оцѣнку элементы. По тѣмъ же началамъ возможно только и приступать къ составленію ипотечныхъ книгъ, безъ которыхъ залоговой характеръ земель никогда прочно не установится; но именно ипотечная опись согласно, изложеннымъ указаніямъ, возможна даже помимо дорого стоющихъ и вскорѣ послѣ своего составленія являющихся у старѣлыми, несоотвѣтственными болѣе дѣйствительности, кадастровыхъ описаній.

Опытъ тому, блестяще удавшійся, уже существуетъ въ настоящее время. Не вдаваясь въ подробности вопроса о важности ипотеки, мы ограничимся указаніемъ на то движеніе, которое этотъ вопросъ получаетъ теперь у насъ, такъ какъ съ нимъ тѣсно связанъ вопросъ о залоговыхъ артеляхъ. При министерствѣ юстиціи трижды учреждена ипотечная коммиссія, которая обнародовала свои труды и проекты. Еще болѣе важный успѣхъ сдѣланъ на практикѣ. М. К. Цеймернъ составляетъ юридическое описаніе уѣздовъ, на основаніи матеріаловъ сохранной казны и главнаго выкупнаго учрежденія, руководствуясь притомъ, составленнымъ имъ же, указателемъ для справокъ по запретительнымъ и разрѣшительнымъ

статьямъ. Для всѣхъ принята одна и таже форма, заимствованная изъ ипотечныхъ книгъ Царства Польскаго и согласованная съ образцами, принятыми въ западной Европѣ. Эти труды пріобрѣтаютъ особенную важность потому, что ожидать предварительныхъ формъ отъ правительства, значило бы отлагать самое описаніе на неопредѣленное время, такъ какъ послѣднее само еще не пришло къ общему заключенію объ ипотечномъ вопросѣ.

Сводъ юридическихъ данныхъ по каждой недвижимости, составленный какъ справочная книга земствомъ въ какой бы то ни было формѣ, послужитъ, во всякомъ случаѣ, существеннѣйшею подготовкою для будущихъ ипотечныхъ книгъ. Вотъ почему, нельзя не сочувствовать постановленію общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, которое поручило А. П. Шипову, циркуляромъ отъ 23-го іюня 1870 г., поставить въ извѣстность земскія учрежденіи, какъ о сущности взгляда г. сенатора Цеймерна, такъ и готовности послѣдняго содѣйствовать всѣмъ земствамъ въ составленіи ипотечныхъ описей.

Затрудненіе главное заключается у насъ въ отысканіи юридическихъ данныхъ и разныхъ документовъ, опредѣляющихъ права владѣнія, въ ихъ полномъ разъясненіи и группировкѣ, равно какъ въ пріисканіи всѣхъ запрещеній, даже тѣхъ, которыя болѣе не имѣютъ, или не должны имѣть силы, такъ какъ они разбросаны въ сенатскихъ публикаціяхъ за 48 лѣтъ; къ нимъ необходимъ ключъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе введенія новаго нотаріальнаго порядка, положеніе нашего землевладѣнія таково, что справки нужны не для одного только долгосрочнаго кредита, но и для всѣхъ крѣпостныхъ сдѣлокъ. Въ былое время справка, при совершеніи купчей или другихъ крѣпостныхъ актовъ, дѣлалась въ крѣпостномъ столѣ гражданской палаты, и если тамъ запрещенія не оказывалось, актъ безпрепятственно совершался и былъ вполнѣ дѣйствителенъ, когда послѣ явки въ уѣздномъ судѣ для оглашеній и публикаціи, не возбуждалось спора въ теченіи двухъ лѣтъ; затѣмъ уже имущество закрѣплялось, какъ безспорное. Вотъ почему, при такомъ закрѣпленіи никогда не заботились о полученіи вводнаго листа, особенно если фактическое владѣніе уже продолжалось свыше десяти лѣтъ, тутъ вводный листъ справедливо считался безполезнымъ. Вводъ же совершался единственно для того, чтобы привести крестьянъ къ послушанію и извѣстить сосѣдей о правахъ новаго

собственника. Теперь нотаріусъ, лично знающій продавца, напишетъ купчую крѣпость безъ всякой справки, но этотъ актъ не имѣетъ силы, пока его не утвердитъ старшій нотаріусъ; послѣдній же принимаетъ на себя отвѣтственность въ справедливости акта, въ томъ, что по немъ не можетъ возникнуть ни спора, ни иска. Старшему нотаріусу, очевидно, потребно войти въ разсмотрѣніе всѣхъ документовъ, какіе только могутъ относиться до перехода имѣнія, а первый между ними и есть вводный листъ.

Справка о сложенныхъ запрещеніяхъ также нужна для старшаго нотаріуса, а она очень затруднительна; вотъ почему правительствующій сенатъ уже вынужденъ былъ касаться разрѣшенія этого вопроса и имъ установлено, что обязательно добывать эти справки для самихъ продавцевъ и покупателей, но послѣдніе къ тому едва ли имѣютъ средства. Въ Петербургѣ продавцы обращаются въ выкупное учрежденіе, но въ губерніяхъ продажи земель нерѣдко останавливаются, длятся по нѣскольку мѣсяцевъ, стоютъ хлопотъ и денегъ, единственно по указанному обстоятельству.

Составленіе же описаній при содѣйствіи сенатора Цеймерна оказывается не дороже 2 или 3 рублей на каждую дачу, его помощь чрезвычайно важна, такъ какъ у него въ распоряженіи: 1) публикаціи о переходахъ имѣній за нѣсколько десятилѣтій, къ которымъ М. К. Цеймернъ самъ составилъ ключъ, безъ послѣдняго же пользоваться этими публикаціями почти невозможно; 2) всѣ запрещенія и разрѣшенія съ 1823 г., когда началось печатаніе, да притомъ удовлетворительные къ нимъ указатели, облегчающіе и самую многосложную справку; 3) дѣла выкупныя, и 4) дѣла с.-петербургской сохранной казны и списки дѣлъ московской. Сверхъ того, начальство межевой канцеляріи обязательно доставляетъ генеральные планы уѣздовъ и принадлежащія къ нимъ экономическія описанія. Планъ предотвращаетъ всякій пропускъ дачъ, а экономическое примѣчаніе къ нему показываетъ сущность самаго имѣнія.

Для болѣе точной обрисовки тѣхъ посылокъ, изъ которыхъ отправляется М. К. Цеймернъ, и вѣрнѣйшей оцѣнки его безспорно дѣйствительной заслуги, мы въ краткомъ извлеченіи приведемъ основныя положенія извѣстнаго этого знатока ипотечнаго дѣла по сообщенію, сдѣланному имъ В. Э. Обществу и напечатанному въ «Трудахъ» послѣдняго (III, 4, 1873 г.). Относительно ипотечнаго проекта третьей коммиссіи, авторъ сомнѣвается, чтобъ этотъ трудъ изъ области умозрѣній могъ перейти въ практическую жизнь; коммиссіи были извѣстны преимущественно превосходные образцы иностранныхъ законовъ, которые, повидимому, и послужили для нея глав-

нымъ источникомъ. Но достоинство этихъ законовъ состоитъ въ томъ, что они результатъ историческаго развитія мѣстнаго быта, а не простаго подражанія, или заимствованія, ибо каждая страна представляетъ особую задачу, которая можетъ быть разрѣшена не по однимъ теоретическимъ началамъ, ниже по примѣрамъ заграничнымъ, а по общимъ началамъ, помноженнымъ на условія мѣстныя, которыя познаются, сверхъ опыта на юридическомъ поприщѣ, главнѣйше исторіею происхожденія нынѣшняго быта.

Обращаясь къ исторіи нашего права, мы видимъ, что нѣкогда былъ у насъ ипотечный порядокъ, своеобразно развившійся безъ писанныхъ законовъ, но вполнѣ соотвѣтствовавшій современнымъ потребностямъ. Реформаторы XVIII столѣтія не думали отмѣнять его, но, не имѣя надлежащаго понятія о существовавшемъ порядкѣ, его основаніяхъ и происхожденіи, и увлекаясь желаніемъ большаго совершенства, принимали такія мѣры, которыя незамѣтно дали дѣлу ложное направленіе; въ этомъ направленіи, уклонившись отъ порядка ипотечнаго, мы очутились въ системѣ запретительной—чуждой какъ всей образованной Европѣ, такъ и отдаленнымъ предшественникамъ нашимъ.

При соображеніи перемѣнъ, происшедшихъ въ нашихъ порядкахъ, найдутся средства возстановить у насъ—путемъ предварительнаго юридическаго описанія землевладѣній—крѣпкій фундаментъ для ипотечнаго порядка.

Для пріобрѣтенія посредствомъ какой-либо сдѣлки, напр. покупкою, недвижимой собственности, требуется, *во-первыхъ*, чтобы продавецъ и покупщикъ, договорившись объ условіяхъ, устное соглашеніе свое укрѣпили надлежащимъ письменнымъ актомъ, и затѣмъ, *во-вторыхъ*, чтобы о дѣйствительномъ переходѣ проданнаго имѣнія было доведено до всеобщаго свѣдѣнія, такъ какъ при упущеніи сего сторонніе лица, не зная объ отчужденіи имѣнія, продолжали бы считать продавца хозяиномъ онаго и могли бы добросовѣстно войти съ нимъ въ сдѣлку о пріобрѣтеніи того же имѣнія, въ каковомъ случаѣ вторая купчая, благовременно надлежащимъ образомъ оглашенная долженствовала бы имѣть преимущество предъ первою, оставшеюся въ безгласности.

Изъ этого очевидно, что процессъ пріобрѣтенія недвижимой собственности слагается изъ двухъ совершенно различныхъ частей: 1) изъ договора (сдѣлки, *крѣпости*, титула) и 2) изъ надлежащаго оглашенія перехода имущества (по научному термину изъ *передачи*, а по выраженіямъ источниковъ нашего права изъ *явки* крѣпости, *справки* и *отказа*, записки имѣнія за пріобрѣтателемъ, производства ему *дачи*). Этимъ объясняется значеніе формулы, изстари употребляемой въ нашемъ правѣ, по которой принадлежность недвижимаго имущества опредѣляется соединительно по *крѣпостямъ* и по *дачамъ*.

По указанному различію, эти два дѣйствія составляютъ предметъ различныхъ установленій: именно составленіе крѣпостей, актовъ, титуловъ, есть дѣло нотаріуса,—мѣры же для оглашенія перехода недвижимости суть аттрибуціи особыхъ такъ-называемыхъ ипотечныхъ, или вотчинныхъ учрежденій. Рѣзкое разграниченіе сихъ установленій признаютъ всюду необходимымъ условіемъ прочнаго порядка землевладѣнія и имущественнаго кредита.

Такъ нѣкогда было и въ Россіи: у насъ былъ правильно организованный публичный нотаріатъ, подъ названіемъ *площадныхъ подячихъ*. Это были люди свѣдущіе въ юридическихъ изложеніяхъ и облеченные публичнымъ довѣріемъ; они составляли особую корпорацію—*площадь*,—члены коей, завися отъ мѣстнаго начальства, занимались своимъ дѣломъ самостоятельно безъ чьяго-либо ближайшаго контроля; имъ предоставлено было исключительное право писать крѣпости по предметамъ сколько-

нибудь важнымъ. За симъ оглашеніе перехода поземельнаго владѣнія, по правильно совершеннымъ крѣпостямъ, происходило въ особыхъ для сего назначенныхъ мѣстахъ, между которыми значительнѣйшее было помѣстный приказъ, переименованный въ 1722 г. въ вотчинную коллегію.

Въ послѣднемъ приказѣ, по словамъ Кошихина, «вѣдались всѣ Московскаго государства земли и что кому дано помѣстья и вотчины, или кто у кого вотчину купилъ и кому вновь что дадутъ, тому указъ и записка въ приказѣ». Необходимость же явки въ приказѣ и разность *личнаго* права, проистекающаго изъ простой крѣпости—независимо отъ явки ея въ приказѣ—и права вещнаго на имущество, основаннаго на гласномъ зачисленіи имѣнія за пріобрѣтателемъ, въ публичныхъ книгахъ ипотечнаго учрежденія, выражено какъ нельзя опредѣлительнѣе слѣдующими простыми словами Уложенія (XVII, 34): «буде кто вотчину свою кому продастъ и деньги возметъ и купчую дастъ, а въ помѣстномъ приказѣ въ книгахъ ту вотчину за купцомъ не запишетъ, да послѣ того, тое же свою вотчину иному кому продастъ воровствомъ и деньги возметъ и въ помѣстномъ приказѣ въ книгѣ ту вотчину за послѣднимъ купцомъ запишетъ и тою вотчиною владѣти тому, за кѣмъ та вотчина въ помѣстномъ приказѣ въ книгахъ записана, а первому купцу тою вотчиною владѣти не велѣти, для того, что онъ ту вотчину купя въ помѣстномъ приказѣ за собою въ книгѣ не записалъ. А велѣти ему на томъ продавцѣ по купчей доправити его деньги; да тому же продавцу за такое его воровство, что онъ одну свою вотчину двумъ продалъ, учинить наказаніе. А буде онъ ту вотчину продавъ, за обоими купцами въ книги не запишетъ и та вотчина отдати по купчей первому купцу и въ книгѣ за нимъ записати, а послѣднему купцу велѣти на немъ доправити деньги».

Но среди реформы XVIII столѣтія сознаніе приведенныхъ началъ какъ бы утратилось, и дальнѣйшее развитіе приняло неправильное направленіе.

Началось послѣднее преобразованіемъ нотаріата: по поводу злоупотребленій нѣкоторыхъ площадныхъ подъячихъ все сословіе *площади* въ 1699 г. уничтожено. Въ 1700 г. учрежденіе, подъ названіемъ *приказа крѣпостныхъ дѣлъ*, хотя и возстановлено, но съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что писцы крѣпостныхъ дѣлъ составляли уже не самостоятельныхъ нотаріусовъ, а приказныхъ служителей, которые каждую сочиненную ими крѣпость представляли на одобреніе судей того же приказа и могли совершать дачу лишь по полученіи отъ нихъ каждый разъ особаго разрѣшенія. При таковомъ устройствѣ, въ лицѣ присутственнаго мѣста само правительство сдѣлалось какъ бы хозяиномъ нотаріата, согласно чему весь сборъ за писаніе актовъ обращенъ въ доходъ казны (нынѣшняя актовая пошлина), писцамъ же назначено жалованье, котораго они однакоже вскорѣ лишены съ предоставленіемъ «довольствоваться отъ челобитчиковъ, кто что дастъ по своей волѣ». Вскорѣ оказались послѣдствія подобнаго распорядка: писцы стали «брать многія взятки и для явной своей корысти чинили въ писмѣ крѣпостей продолженіе, отъ чего бывала народная тягость и происходили жалобы». (Донесеніе прокурора Сабурова кабинетъ-министрамъ, 1737 года).

Другое важное послѣдствіе этой реформы состояло въ смѣшеніи значенія *крѣпости* и *дачи*: до этого времени посредство правительства требовалось только при произвоествѣ на мнѣніе *дачи* (т.-е. при справкѣ и отказѣ, при записке, гласномъ зачисленіи имѣнія за пріобрѣтателемъ), составленіе же крѣпости составляло вольный промыселъ площадныхъ подъячихъ, не подлежавшихъ какому-либо особому контролю; съ преобразованіемъ же нотаріата изъ площади въ приказъ крѣпостныхъ дѣлъ, отъ усмотрѣнія и приказанія правительственной власти стало зависѣть уже и самое писаніе акта, получившее болѣе формальное названіе *совершенія*. Чѣмъ впрочемъ болѣе

встрѣчалось затрудненій и требовалось жертвъ, тѣмъ болѣе возвышалось значеніе актовъ, у крѣпостныхъ дѣлъ совершенныхъ; вслѣдствіе сего многіе не видя надобности во вторичномъ хожденіи въ ипотечную инстанцію, переставали являть крѣпости, довольствуясь однѣми крѣпостями, какъ уже утвержденными разрѣшеніемъ начальства (приказа) крѣпостныхъ дѣлъ.

Въ особенности же стали избѣгать явки, когда въ 1714 г. была введена 10% пошлина съ цѣны продаваемыхъ имѣній, взимавшаяся въ помѣстномъ приказѣ. По словамъ указа 1720 года (іюля 19, № 3612) съ того времени стали владѣть купленными имѣніями болѣе по незаписаннымъ, нежели по записаннымъ крѣпостямъ, имѣя въ виду, что купчая и безъ записки обязываетъ продавца и что онъ не можетъ оспаривать купчую, единожды имъ сознанную, хотя бы она не била записана.

Вслѣдствіе этого, означеннымъ указомъ узаконено гривенную пошлину взимать уже при письмѣ крѣпостей, отъ чего она и получила названіе пошлины *крѣпостной*; притомъ подтверждено, чтобы впредь никто безъ платежа пошлины ко владѣнію недвижимымъ имѣніемъ допускаемъ не былъ.

Такъ болѣе и болѣе распространялось понятіе, что для пріобрѣтенія недвижимой собственности достаточно совершенія акта у крѣпостныхъ дѣлъ и уплаты пошлинъ; согласно съ этимъ, указомъ, отъ 3-го декабря 1729 года (№ 5484), разъяснено, что поелику пошлины съ цѣны переходящаго имѣнія взимаются уже при написаніи купчей у крѣпостныхъ дѣлъ, то на купчихъ нѣтъ надобности дѣлать установленной указомъ отъ 1 марта 1703 г. (№ 1927) надписи о дѣйствительности крѣпости, если она въ узаконенный срокъ не будетъ явлена.

Такъ возникли новыя понятія, смѣшивающія крѣпости и дачи; вскорѣ стали забывать о сей послѣдней. Видя, что неявленной крѣпости достаточно для отчужденія имущества, практика изобрѣла новый видъ запрещеній, а именно *запрещенія, налагаемыя у крѣпостныхъ дѣлъ при письмѣ купчихъ и закладныхъ*. Вскорѣ эти новыя запрещенія стали вытѣснять старыя, налагавшіяся, какъ сказано выше, при записке въ ипотечныхъ мѣстахъ имѣній за новыми владѣльцами, послѣдній слѣдъ коихъ исчезъ при упраздненіи вотчинной коллегіи и учрежденіи въ 1775 году губерній.

Съ того времени въ купчихъ и другихъ актахъ на переходъ имѣнія, хотя еще ссылаются всегда на *«крѣпости»* и *«дачи»*, но настоящее значеніе сихъ терминовъ исчезло, вмѣсто же ихъ основаніемъ правъ на поземельную собственность считается какое-то *крѣпостное право*, котораго никто опредѣлить не въ состояніи. Къ этому туманному понятію примѣнены и публикаціи, которыя, вопреки ихъ установленію, стали дѣлаться не о явкѣ акта въ уѣздномъ судѣ, а о совершеніи его у крѣпостныхъ дѣлъ; даже объяснялось въ изданныхъ по сему предмету указахъ, что публикаціи дѣлаются главнѣйше для финансовой цѣли, именно для наблюденія со стороны министерства финансовъ за поступленіемъ крѣпостныхъ пошлинъ.

Релультатъ всего вышеписаннаго есть водвореніе крайней запутанности и невозможность надлежащаго развитія имущественнаго кредита.

Начальная причина неурядицы—смѣшеніе нотаріата съ дѣломъ ипотечнымъ или, говоря терминами нашихъ источниковъ, *крѣпости* съ *дачею*—была наконецъ узнана: цѣль изданнаго въ 1866 году нотаріальнаго положенія состояла очевидно въ томъ, чтобы положить этому смѣшенію предѣлъ учрежденіемъ, въ замѣнъ правительственнаго нотаріата, т. е. крѣпостныхъ дѣлъ, настоящихъ публичныхъ нотаріусовъ, а въ лицѣ старшаго нотаріуса, съ состоящимъ при немъ нотаріальнымъ архивомъ—инстанціи ипотечной.

Но эта попытка оказалась весьма неудачною главнѣйше потому, что ипотечный порядокъ предполагаетъ положительную извѣстность всей недвижимой собственности, тогда какъ старшіе нотаріусы не имѣютъ прежнихъ вотчинныхъ дѣлъ, ниже описанія юридическаго положенія имѣній. Подобныя описанія не импровизируются, составленіе ихъ требуетъ многотруднаго собранія матеріаловъ и приведенія ихъ въ стройный порядокъ, тогда какъ въ теченіи столѣтія о сохраненіи ихъ не заботились. Конечно, по этому поводу редакторы нотаріальнаго положенія, не касаясь уже вовсе запрещеній, оставили и запретительную систему во всей силѣ, запутавъ ее еще болѣе тѣмъ, что нотаріусы не снабжены книгами запрещеній и, слѣдовательно, лишены возможности удостовѣриться въ свободности дателя акта отъ запрещеній.

Составленіе подобнаго описанія потребуетъ, конечно, значительнаго труда, но если приняться за него надлежащимъ порядкомъ, то онъ весьма *одолимъ*; но именно надобно взяться въ одно время за *всѣ* недвижимости какой-либо мѣстности (уѣзда или города), и такимъ образомъ составить сплошное описаніе цѣлой мѣстности.

Пишу это по собственному опыту: въ продолженіе 50-ти-лѣтней службы, занятія — въ коммиссіи законовъ, II Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, гражданскихъ департаментахъ сената и на консультаціи при ревизіи судебныхъ мѣстъ въ губерніяхъ и вотчиннаго департамента, наконецъ, при завѣдываніи дѣлами сохранныхъ казенъ и гл. вык. учрежденія, а также—осмотръ ипотечныхъ учрежденій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи и Швейцаріи познакомили меня, какъ съ теоріею вотчиннаго права, такъ и съ историческимъ развитіемъ этого института у насъ, съ нашими вотчинными и крѣпостными дѣлами настоящаго времени. Я получилъ полнѣйшее убѣжденіе, что неудовлетворительность нашего положенія въ настоящее время происходитъ отъ ложнаго направленія, начавшагося въ первые годы XVIII столѣтія, вслѣдствіе котораго мы оставили ипотечныя начала, присвоили крѣпостямъ не подобающее имъ значеніе и дали возникнуть запретительной системѣ, служащей главнымъ препятствіемъ нашему имущественному кредиту. Мнѣ представилось, что пока разсыпанные матеріалы, заключающіе основанія вотчинныхъ правъ нашихъ, не будутъ собраны въ стройное цѣлое, до тѣхъ поръ запретительная система есть зло необходимое, и что это зло становится еще большимъ отъ недостатка хорошихъ указателей къ лабиринту въ $1^1/_2$ милліона запрещеній.

По этому убѣжденію, я въ началѣ своего управленія сохранною казною рѣшился, при помощи наемнаго труда, составить новые, болѣе удовлетворительные указатели; недоумѣвая сначала о возможности какого-либо успѣха, я имѣлъ удовольствіе увидѣть окончаніе этой работы и полезность ея, какъ для сохранной казны и гл. выкупнаго учрежденія, такъ и для частныхъ лицъ, нуждающихся въ справкахъ о запрещеніяхъ.

Затѣмъ мнѣ пришла мысль испытать, насколько этихъ указателей и другихъ принадлежащихъ мнѣ, или доступныхъ для меня матеріаловъ достаточно для составленія такихъ юридическихъ описаній недвижимостей, которыя могли бы служить для возстановленія у насъ ипотечнаго порядка; полнѣйшій успѣхъ увѣнчалъ и эту попытку: при помощи мѣстныхъ земствъ описаны *всѣ* недвижимости въ уѣздахъ ямбургскомъ, царско-сельскомъ и шлиссельбургскомъ и въ городѣ Царскомъ Селѣ, а въ настоящее время составляются такія же описанія по уѣздамъ петергофскому и тульскому, и городамъ Павловскому и Гатчинѣ. Нѣкоторыя изъ сихъ описаній были разсматриваемы и г. старшимъ нотаріусомъ, и заслужили его одобреніе.

Все вышеизложенное ведетъ къ слѣдующему заключенію.

Запретительная система есть зло, проникшее во всѣ наши имущественныя отношенія и составляющіе главное препятствіе къ развитію въ Россіи имущественнаго кре-

дита. Это зло можетъ быть устранено только возстановленіемъ ипотечнаго порядка. До этого возстановленія зло запрещеній необходимо, и всякая попытка преждевременнаго устраненія содѣлаетъ его горшимъ. До введенія порядка ипотечнаго слѣдуетъ стараться только, дабы оно было болѣе сноснымъ. *Первое условіе для введенія ипотечнаго порядка есть составленіе для каждой мѣстности возможно полнаго юридическаго описанія недвижимостей.*

Согласно сему, я предлагаю двоякія мѣры: *одну* для нѣкотораго облегченія затрудненій при дѣйствіи запретительной системы, и *другія* для введенія ипотечнаго порядка.

Земствамъ предоставляется ходатайствовать о замѣнѣ въ ихъ мѣстности (уѣздѣ или городѣ) запрещеній при письмѣ актовъ запрещеніями при зачисленія имѣній, отмѣчаемыми въ книгахъ вотчиннаго отдѣленія надлежащаго окружнаго суда.

Земства, желающія воспользоваться этимъ дозволеніемъ, должны предварительно озаботиться изготовленіемъ возможно полнаго юридическаго описанія всѣхъ находящихся въ ихъ мѣстности недвижимыхъ имуществъ.

Въ этихъ описаніяхъ надлежитъ показать: 1) названіе имѣнія и составъ его—на сколько они извѣстны, а также указать на планъ генеральнаго межеванія; 2) кто собственникъ, и на чемъ основано его право; по возможности означать предшественниковъ и прежніе переходы; 3) какимъ ограниченіямъ подвергаются права собственника относительно прогона, проѣзда, водопоя, пастьбы и другихъ сервитутовъ, принадлежащихъ другимъ лицамъ, а также объ подверженности имѣнія какой-либо заповѣдности, вѣчнымъ платежемъ и т. п.; и 4) запрещенія по искамъ, взысканіямъ и обязательствамъ, наложенныя на описанное имѣніе, или на всякое другое имѣніе того же землевладѣльца, гдѣ бы оно ни оказалось.

Для удостовѣренія въ достаточности изготовленнаго описанія, земство должно передать оное мѣстному старшему нотаріусу, который по всѣмъ являемымъ ему актамъ, касающимся того имѣнія, обязанъ сличать означенныя въ описаніи данныя.

Удостовѣрившись, что переданное земствомъ описаніе можетъ служить для предположенной цѣли, т.-е. для сохраненія въ гласной извѣстности юридическаго положенія имѣній, старшій нотаріусъ, не далѣе года, возвращаетъ оное земству со своимъ отзывомъ.

Съ отзывомъ старшаго нотаріуса, земская управа представляетъ юридическое описаніе своей мѣстности г. министру юстиціи съ ходатайствомъ объ испрошеніи разрѣшенія правительствующаго сената на измѣненіе порядка наложенія запрещеній по той мѣстности, и именно, чтобъ, вмѣсто припечатанія въ издаваемыхъ сенатскою типографіею объявленіяхъ о запрещеніяхъ, они были сообщаемы непосредственно старшему нотаріусу, какъ начальнику вотчиннаго отдѣленія окружнаго суда.

О таковомъ ходатайствѣ своемъ земская управа доводитъ до свѣдѣнія гг. министровъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и финансовъ.

Распоряженіе правительствующаго сената распубликовывается повсемѣстно указами. Сверхъ того объявленіе о немъ должно быть вывѣшано во всѣхъ окружныхъ судахъ и у всѣхъ нотаріусовъ.

Съ этого времени запрещенія должны быть налагаемы на имѣнія той мѣстности не при письмѣ актовъ, а при записке имѣнія въ книгахъ вотчиннаго отдѣленія. Соотвѣтственно сему, они должны быть оглашаемы, безъ посредства сенатской типографіи, сообщеніемъ старшему нотаріусу для отмѣтки въ юридическомъ описаніи.

Старшему нотаріусу вмѣняется въ обязанность пополнять юридическое описаніе отмѣтками о позднѣйшихъ переходахъ, раздѣлахъ и другихъ дѣйствіяхъ, оглашенныхъ въ завѣдываемомъ имъ вотчинномъ отдѣленіи окружнаго суда.

Въ случаѣ несостоятельности собственника въ удовлетвореніи долговъ его, запрещеніями оглашенныхъ, наблюдается старшинство по времени оглашенія, съ тѣмъ различіемъ, что оглашенныя до нынѣшняго измѣненія порядка наложенія запрещеній, а равно и въ послѣдующіе два года, должны составлять одинъ разрядъ долговъ, долженствующихъ получить удовлетвореніе не по очереди старшинства, а въ совокупности по разверсткѣ приходящейся на нихъ суммы. Этимъ распоряженіемъ не отмѣняется преимущественное право по долгамъ, обезпеченнымъ закладными, залоговыми свидѣтельствами, а также долгамъ, которымъ по законамъ присвоено первенство, или какое-либо преимущество.

Вотъ въ результатѣ убѣжденія, до которыхъ довела практика у насъ относительно оцѣнки землевладѣнія. Порядокъ описаній, принятый М. К. Цеймерномъ, легко, быстро и дешево осуществимъ, а при всеобщемъ распространеніи его отпадаетъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ поземельнаго залога—трудность его оцѣнки. Но одно изложеніе хода дѣлъ по описанію недвижимостей у насъ уже достаточно убѣдительно подтверждаетъ, что ягецовская оцѣнка по рентной стоимости должна оказаться въ дѣйствительности почти пустою грезою.

Заманчиво водвореніе вѣчныхъ долговъ и ссудъ для землевладѣнія, безъ обязательнаго погашенія и съ одною уплатою непрерывнаго дохода по рентному письму—но оно несбыточно. Столь же несбыточно и превратно другое предположеніе, связанное съ рентною теоріею Р. Я., увлекавшее, наравнѣ съ послѣднею, до и послѣ него и другихъ мыслителей. Это требованіе заключается въ централизаціи всего поземельнаго кредита, настояніи на обязательномъ сосредоточеніи въ одномъ учрежденіи всѣхъ сдѣлокъ, съ устраненіемъ отъ послѣдняго прочихъ кредитныхъ оборотовъ, и по возможности съ ссудою и пособіемъ отъ правительства.

Централизація земскаго кредита является завѣтною мыслію у насъ еще у составителей проекта устава общаго земскаго банка, напечатаннаго въ приложеніи къ «Экономическому Указателю» въ 1861 г. Въ объяснительной запискѣ по этому проекту говорится (стр. XX), что условія сельскаго хозяйства въ Россіи требуютъ измѣненія формъ поземельнаго кредита, существующихъ въ западной Европѣ *).

Всѣмъ извѣстно, что подвижность и космополитизмъ, или такъ сказать повсемѣстность капиталовъ составляютъ аксіому экономической науки; они не *сосредоточиваются* на отлежку въ немно-

*) Срв. наше Эконом. Обозрѣніе въ Ж. С. Х. и Лѣсов. CVII, Отд. III, стр. 60

гихъ мѣстахъ въ видѣ *запасныхъ*, а только и возникаютъ и ростутъ, если предвидится открытіе новыхъ мѣстъ, *гдѣ ощущается нужда въ нихъ*; такія мѣста безъ капитальныхъ ссудъ не остаются; являются и капиталы иностранные, лишь бы ссуда обезпечивалась надежнымъ поручительствомъ, или залогомъ вѣрно оцѣненнымъ. Этому же условію можетъ, въ поземельномъ именно кредитѣ, какъ нами неоднократно подтверждено, удовлетворять только *мѣстная* артель: всеобщая артель водворится развѣ одновременно съ всеобщимъ миромъ. Прочія завѣренія не оправдались самымъ ходомъ дѣлъ, а потому мы считаемъ неудачнымъ пророчествомъ и заключительный выводъ записки:

«Можно пожалуй, *желать* возникновенія земскихъ банковъ: рязанскаго, харьковскаго, кіевскаго, тверскаго и т. п.; но, при отсутствіи достаточной экономической и политической (?) самостоятельности этихъ мѣстностей, *образовать* въ нихъ такія учрежденія на прочныхъ основаніяхъ невозможно».

§ 70. Правительственныя распоряженія у насъ въ приложеніи къ залоговымъ артелямъ (общ. закладчиковъ), артельнымъ банкамъ (общ. вз. кредита) и поручительскимъ артели (ссудо-сберегательныя товарищества).

Въ предыдущихъ разсужденіяхъ о кредитныхъ оборотахъ и учрежденіяхъ мы старались выяснить и подтвердить то основное положеніе, что не можетъ и не должно быть дано иной организаціи страховому кредитному обороту, кромѣ артельной и что особенно кредитныхъ артелей въ пользу домо-и землевладѣльцевъ, земледѣльцевъ и вообще кустарниковъ и мелкихъ промышленниковъ можетъ представиться только три разряда; 1) *артели залоговыя*—общества закладчиковъ, 2) *артельные* банки общества взаимнаго кредита и 3) *поручительскія артели*—ссудосберегательныя товартщества.

Осуществленіе товарныхъ и складочныхъ артелей опредѣляется преимущественно условіями сбыта, путями сообщенія и отношеніями къ рынку. Внѣ связи съ вопросомъ объ общемъ товарномъ движеніи не можетъ рѣшаться и вопросъ о складочныхъ артеляхъ для промышленныхъ произведеній.

Совершенно прочное рѣшеніе получилъ вопросъ о поземельномъ и сельско-хозяйственномъ кредитѣ у насъ по Высочайшему повелѣнію «о главныхъ основаніяхъ устройства земскихъ кредитныхъ учрежденій». Это Высочайше утвержденное, 18 мая 1871 г., мнѣніе государственнаго совѣта даетъ намъ случай для окончательнаго установленія, какъ отличія, такъ и связи между артелями по залоговому, и артелями по личному кредиту, останавливаясь, главнѣйше на ихъ приложеніи къ сельской средѣ въ обширномъ смыслѣ, и именно Россіи.

Попеченіе нашего правительства о поземельномъ кредитѣ, осуществлявшееся до 1859 года при посредствѣ государственнаго заемнаго банка, приказовъ общественнаго призрѣнія и сохранныхъ казнъ при опекунскомъ совѣтѣ, равно какъ и сельскихъ банковъ и волостныхъ кассъ въ селеніяхъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, выразилось, одновременно съ банковою реформою, учрежденіемъ, 10 іюля 1859 года, особой коммисіи для обсужденія устройства земскихъ банковъ, какъ самостоятельныхъ кредитныхъ учрежденій. Эта коммиссія о земскихъ банкахъ издала въ 1860 г. свои «Труды», заслуживающіе вполнѣ такое названіе по той огромной работѣ, которая потрачена была на ихъ составленіе. Въ нихъ содержится, кромѣ проекта положенія о земскихъ банкахъ, еще обозрѣніе существовавшихъ тогда, у насъ и за границей, учрежденій и системъ поземельнаго и сельско-хозяйственнаго кредита. Предположенія коммиссіи сдѣлались съ тѣхъ поръ неоднократно предметомъ обсужденій въ цѣлости и по частямъ, какъ въ періодической, такъ и въ ученой литературѣ; тѣмъ не менѣе сущность дѣла не вполнѣ и не для всѣхъ еще уяснилась.

Вопросъ о сельскомъ кредитѣ, въ обширномъ смыслѣ, остается на очереди и въ ученыхъ обществахъ, и на съѣздахъ сельскихъ хозяевъ, какъ у насъ, такъ и въ Германіи. Еще въ 1865 и 1866 годахъ этотъ вопросъ разбирался въ нѣсколькихъ собраніяхъ политико-экономическаго комитета и на всероссійскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ, состоявшемся по случаю юбилея Императорскаго вольнаго экономическаго общества: тѣмъ же занимался политико-экономическій комитетъ въ Петербургѣ, въ засѣданіяхъ 8 и 15 мая 1870 года, и второй съѣздъ сельскихъ хозяевъ при Императорскомъ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, въ декабрѣ того же года.

Система общественныхъ городскихъ и вообще казенныхъ банковъ не перенесена, какъ предполагалось, въ уѣзды и села, а извѣстный, подвергавшійся неоднократно передѣлкамъ, проэктъ нормальнаго положенія о земскихъ банкахъ положено, по разсмотрѣніи, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, представленія о немъ министра финансовъ, замѣнить разъясненіемъ ст. 67 положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Въ пополненіе указанной статьи, предоставляющей губернскимъ земскимъ собраніямъ ходатайствовать объ учрежденіи земскихъ банковъ, постановлено шесть пунктовъ, какъ бы для руководства, или по крайней мѣрѣ ясно указывающихъ, чего разрѣшено, по дѣлу земскаго кредита, *не будетъ*.

Въ первомъ пунктѣ, совершенно нормально, упомянуто одновременно и объ землевоздѣлываніи, и о сопряженныхъ съ нимъ отрасляхъ промышленности, такъ какъ разъединеніе, сплоченнаго и то уже весьма слабо, населенія уѣзда на основаніи теоретическаго различія промысловъ (именно теоретическаго, потому что фактически промыслы одной и той же *сельской* мѣстности связаны общимъ характеромъ и однообразны) создавало бы для развитія сельскаго кредита однѣ преграды и замѣшательства.

Ради воспособленія всѣмъ мѣстнымъ хозяйственнымъ занятіямъ предоставляется, какъ губернскимъ, какъ и уѣзднымъ земскимъ собраніямъ, брать на себя иниціативу и ходатайство касательно учрежденія кредитныхъ установленій. Въ текстѣ Высочайшаго постановленія сказано *учреждать*, это слово не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ отмѣны предварительныхъ административныхъ разсмотрѣнія и разрѣшенія, которыя сохраняютъ силу по пункту 5, хотя и съ нѣкоторыми сокращеніями въ прохожденіи правительственныхъ инстанцій; *учрежденіе* кредитныхъ артелей или банковъ съ простымъ заявленіемъ объ ихъ открытіи, для свѣдѣнія и регистраціи, не передается во власть земствъ, — единственнымъ ихъ правомъ остается, какъ было впрочемъ и до сихъ поръ, *обсуждать* и *препровождать*.

Такая выработка проэктовъ и вообще сочиненіе уставовъ земствами можетъ имѣть своимъ предметомъ кредитныя установленія: а) для выдачи долгосрочныхъ ссудъ подъ залогъ недвижимый собственности *данной* губерніи или уѣзда, посредствомъ выпуска *процентныхъ* закладныхъ листовъ, погашаемыхъ *ежегодно по ти-*

ражу и обезпеченныхъ, *сверхъ залоговъ*, подъ кои выдана ссуда, круговыхъ ручательствомъ заемщиковъ, либо *основнымъ банковымъ капиталомъ*; въ семъ послѣднемъ случаѣ—сумма выпущенныхъ листовъ, *обезпеченіе оныхъ основнымъ капиталомъ*, безъ круговаго ручательства заемщиковъ, не должна превышать сей капиталъ болѣе, чѣмъ въ *десять* разъ; или б) для пріема вкладовъ, или выдачи краткосрочныхъ ссудъ подъ учетъ векселей и подъ залогъ движимыхъ цѣнностей, съ тѣмъ, чтобы операціи сіи или были обезпечены основнымъ банковымъ капиталомъ на сумму *не менѣе одной десятой* принимаемыхъ на себя банкомъ обязательствъ, или были производимы на началахъ земскаго кредита.

Наше административное дѣленіе на губерніи и уѣзды, основанное, и то не вполнѣ, на весьма внѣшнихъ признакахъ,—пространствѣ и числѣ жителей,—представляетъ, вслѣдствіе крайней неравномѣрности по величинѣ, многія давно уже дознанныя неудобства; экономическія отношенія при этомъ дѣленіи вовсе не имѣлись въ виду. Вотъ почему условіе—*данной* губерніи, или уѣзда—иногда искусственно подгонитъ составъ и районъ предвидящихся кредитныхъ установленій подъ рамку оффиціальнаго земскаго представительства, и земскія банки пріобрѣтутъ неминуемо нѣкоторый оттѣнокъ существующихъ волостныхъ банковъ. Что касается до *ежегоднаго* погашенія закладныхъ листовъ *по тиражу*, то это условіе на нашъ взглядъ не необходимое, а единственно важно, чтобы погашалась одновременно, въ общей сложности, та сумма обязательствъ закладной артели, которая по разсчету сполна соотвѣтствуетъ суммѣ платежей, взимаемыхъ съ заемщиковъ въ возвратъ произведенныхъ послѣднимъ ссудъ. Тиражъ же, или вольная покупка и прямой размѣнъ по предъявленію могли бы быть предоставлены артели на выборъ.

Редакція закона «о главныхъ основаніяхъ устройства земскихъ кредитныхъ учрежденій» относительно круговаго ручательства позволяетъ толковать послѣднее въ смыслѣ *полной* круговой поруки, т. е. отвѣтственности всѣхъ заемщиковъ-залогодателей другъ за друга и другъ передъ другомъ *всѣмъ* своимъ достояніемъ, такъ какъ оно предвидится *сверхъ залоговъ*. Впрочемъ, съ другой стороны, можно предполагать, что составители разбираемыхъ нормальныхъ условій вовсе не полагали различія между *полнымъ* и *ограниченнымъ*, соразмѣрнымъ, круговымъ ручательствомъ, а понимали по-

слѣднее прямо только какъ отвѣтственность извѣстной группы лицъ другъ за друга. Послѣдняя интерпретація вѣроятна, если сопоставить существующіе уставы, но она менѣе правильна, такъ какъ въ обществѣ, заключающемъ обязательства съ третьими путемъ закладныхъ листовъ, въ данномъ случаѣ съ капиталистами, на основаніи совокупности залоговъ,—безразлично должны отвѣчать за каждый долгъ порознь всѣ залоги въ сложности, иначе получится не общественный, артельный закладной листъ, а частная, владѣльческая ипотечная запись. Во всякомъ случаѣ, *строгое* буквальное толкованіе указаннаго мѣста, въ смыслѣ полной поруки, принесетъ наиболѣе пользы нашему залоговому кредиту.

Основные же капиталы, имѣющіе замѣнить круговую поруку, могутъ быть или заимствованы изъ земскихъ суммъ, или образованы изъ взносовъ, въ складчину, т. е. являться какъ складочные, акціонерные капиталы. Въ первомъ случаѣ получится земское кредитное установленіе, ничѣмъ, по основаніямъ, не отличающееся отъ волостнаго банка и со всѣми недостатками послѣдняго; во второмъ же случаѣ акціонерный *губернскій* банкъ будетъ располагать слишкомъ ограниченными средствами и оборотами, такъ что его услуги обойдутся крайне дорого. Наконецъ, въ томъ и другомъ случаяхъ, ссуды закладными листами могутъ и должны соотвѣтствовать не дѣйствительной потребности заемщиковъ и не пропорціональной сложности оцѣнки ихъ залоговъ, а единственно приводиться въ соотношеніе къ самому размѣру болѣе или менѣе случайно возникшаго основнаго капитала, да притомъ могутъ превосходить послѣдній не свыше *десяти* разъ. Этимъ путемъ могутъ обнаружиться ненормальное ограниченіе числа заемщиковъ-закладчиковъ, а вслѣдствіе того несоотвѣтственное усиленіе риска по оборотамъ, или ссудамъ и безпечность, или произволъ при дѣйствительномъ надѣленіи ссудами. Десятипроцентный размѣръ обезпеченія обязательствъ не имѣетъ за себя даже указаній опыта.

Что касается до вкладной и ссудной операцій, упомянутыхъ подъ буквою б, то для нихъ, безспорно, существуетъ уже достаточное число кредитныхъ учрежденій и спеціализировать ихъ для одной земской среды, безъ сомнѣнія, убыточно; губернскія кредитныя учрежденія, существуя на ряду съ городскими и съ конторами государственнаго и другихъ банковъ, никогда по вкладамъ не будутъ въ состояніи давать столь же высокіе проценты, какъ послѣдніе,

а вся ихъ ссудная операція будетъ, по этой именно причинѣ, ограниченная и дорогая. Вообще къ развитію ссудъ подъ векселя и движимыя цѣнности не представляется такихъ затрудненій, чтобы необходимо было участіе органовъ земства; кто можетъ писать векселя и представлять въ залогъ фонды или акціи, тотъ не можетъ считаться *лишеннымъ* кредита *сельскимъ* хозяиномъ. Послѣдняго рода залоги ничего общаго съ спеціально землевладѣльческими не имѣютъ, къ тому при обсужденіи подобныхъ краткосрочныхъ ссудъ земскіе гласные плохіе судьи. Нужны краткосрочныя ссуды и землевладѣльцамъ, но прямо какъ дополнительныя подъ тотъ же недвижимый залогъ и ради воспособленія, или уравновѣшиванія низкихъ нормъ при самыхъ оцѣнкахъ; на такой конецъ могутъ быть затрачены запасные и всякіе расходные капиталы залоговыхъ же артелей, но создавать спеціальныя на то кредитныя учрежденія нѣтъ особой надобности, да и невозможно.

Во всякомъ случаѣ, вполнѣ раціонально опредѣляетъ пунктъ 2, что операціи *а* и *б* не могутъ быть соединяемы въ одномъ и томъ же кредитномъ установленіи: законъ какъ бы этимъ признаетъ, что вкладной и вексельный оборотъ отчасти не земское дѣло.

По третьему пункту — чистыя прибыли отъ операцій земскихъ кредитныхъ учрежденій, основные капиталы коихъ образованы будутъ изъ остатковъ отъ земскихъ сборовъ, должны быть, за отчисленіемъ процентовъ въ запасные капиталы и покрытіемъ расходовъ по управленію, обращаемы, по усмотрѣнію земскихъ собраній, на усиленіе основныхъ капиталовъ этихъ учрежденій, или на удовлетвореніе настоятельныхъ нуждъ земства и особенно на усиленіе кредита, потребнаго *крестьянскому* населенію учрежденіемъ ссудосберегательныхъ кассъ. Намъ кажется, что отчужденіе земскаго капитала, навсегда, въ пользу земскаго кредитнато учрежденія едва ли можетъ быть желательно при хозяйничаньи на даровыя, никому не принадлежащія деньги—и прочныхъ основаній для земскаго кредита со стороны залогодателей не выработается. Земскій капиталъ долженъ бы подлежать возврату и считаться только ссуженнымъ. На такой возвратъ, путемъ постепеннаго погашенія, конечно должна идти прибыль отъ кредитныхъ оборотовъ; вопросъ только въ томъ, когда должно начинаться погашеніе земской ссуды. Нашъ личный взглядъ, какъ припомнитъ читатель, клонится къ невыдачѣ прибылей участникамъ артели во всѣхъ случаяхъ без-

различно—ссуженъ ли земствомъ капиталъ, или такою ссудою не замѣнено круговое ручательство; прибыли должны идти въ начетъ для быстрѣйшаго погашенія ссудъ, числящихся на отдѣльныхъ залогодателяхъ - заемщикахъ. До послѣдней затраты въ личную пользу членовъ, прибыль слѣдуетъ обязательно, какъ справедливо указываетъ Высочайшее повелѣніе, обратить на запасные капиталы и усиленіе основныхъ. Желательно опредѣленіе предѣла такого усиленія; мы бы видѣли, (хотя нами приняты въ залоговой артели другое дѣленіе и другое назначеніе капиталовъ, причемъ мы вовсе не допускаемъ полнаго отсутствія круговой поруки въ земскомъ залоговомъ кредитѣ), подобный предѣлъ въ той суммѣ, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ залоговой оцѣнкѣ, или ссудной цѣнности всѣхъ недвижимостей губерніи, на случай если всѣ владѣльцы захотятъ представить требованіе въ полученіи подъ нихъ ссудъ. Затѣмъ земскій капиталъ слѣдуетъ возвращать его собственнику—земству, а не удѣлять послѣднему на вѣчныя времена прибыли добытыя отъ точнаго исполненія всѣхъ обязательствъ залогодателями: послѣдніе иначе вздумаютъ, пожалуй, остерегаться излишней исполнительности, и прибылей въ земскомъ банкѣ вовсе не окажется,—онѣ уйдутъ на непредвидѣнныя потери. Могло бы даже воскреснуть блаженное время вѣчныхъ недоимокъ для землевладѣльцевъ, по крайней мѣрѣ въ области кредита. Земскому банку, при такихъ обстоятельствахъ, не трудно обратиться, помощію отсрочекъ и пересрочекъ, въ возобновившійся дѣйствительный приказъ общественнаго (земскаго) призрѣнія. Удовлетвореніе, изъ прибылей земскаго банка, настоятельныхъ нуждъ земства вѣроятно заимствовано изъ незадолго предъ тѣмъ утвержденнаго устава общества взаимнаго кредита с.-петербургскаго уѣзднаго земства, а о благотвореніи крестьянскаго населенія ссудосберегательными кассами заботился, какъ указано въ одномъ изъ предъидущихъ параграфовъ, въ своемъ проектѣ уже Мясоѣдовъ.

Останавливаясь на послѣднемъ положеніи, нельзя не замѣтить на первой разъ, что сословность только съ вредомъ для дѣла можетъ быть включена, какъ элементъ, въ организацію кредитныхъ установленій,—что ссудосберегательныя товарищества вообще важны для всѣхъ нуждающихся и что крестьянскія промысловыя кредитныя артели нерѣдко оказываются съ болѣе крупными оборотами, чѣмъ въ средѣ мелкихъ помѣщиковъ. Въ заключеніе, крестьяне тѣже

члены земства и ихъ ссудосберегательныя товарищества имѣютъ одинаковое право, съ другими земскими банками, на полученіе непосредственныхъ ссудъ изъ земскихъ остатковъ. Дѣйствительность впрочемъ рѣшила уже этотъ вопросъ именно въ послѣднемъ смыслѣ.

Для вящаго облегченія дѣла, пунктъ 4 дѣлаетъ прямыя указанія на тѣ нормы, которыя при составленіи и утвержденіи уставовъ земскихъ кредитныхъ учрежденій могутъ приниматься къ руководству. Эти указанія не формулированы въ видѣ образцоваго проэкта, даже не намѣчены какія либо обязательныя постановленія для дѣйствія будущихъ земскихъ банковъ; разбираемый пунктъ ограничивается простою ссылкою на утвержденные уставы. Тутъ сохранено дѣленіе кредита на долго и- краткосрочный, какъ это дѣлали и земскія собранія, но не различены залоговый и личный, и первый не раздѣленъ на недвижимый и движимый; наконецъ уставы акціонерныхъ кредитныхъ учрежденій ставятся первообразами для подражанія, наравнѣ съ артельными, такъ что разница въ организаціи кредитныхъ предпріятій какъ бы не признается. Именно къ руководству земствамъ предложены: а) по земскимъ банкамъ, учрежденнымъ для *долгосрочнаго* кредита (можно бы назвать его *залоговымъ-недвижимымъ* или *поземельнымъ*) Высочайше утвержденные уставы: херсонскаго земскаго банка (т. е. залоговой артели), общества взаимнаго поземельнаго кредита (т. е. товарищества съ правительственною субсидіею) и харьковскаго земельнаго банка (т. е. акціонерный компаніи съ льготою на выпускъ такъ называемыхъ закладныхъ листовъ, которые при данномъ строѣ этого банка ничто иное какъ безсрочныя займовыя облигаціи, такъ что подъ этимъ иносказаніемъ прикрывается оборотная, эмиссіонная операція, дающая прибыль однимъ акціонерамъ),—б) по земскицъ банкамъ, учреждаемымъ для пріема вкладовъ и краткосрочныхъ ссудъ (такіе банки ничѣмъ не отличаются, какъ сказано выше, отъ городскихъ и вообще могутъ имѣть притязаніе на наименованіе *земскихъ* развѣ только въ томъ случаѣ, когда они обратятся вполнѣ въ сословные, не допуская къ оборотамъ никого, кромѣ членовъ земства; вообще тутъ идетъ рѣчь, собственно говоря, объ оборотахъ по личному и залоговому движимому кредиту, которые въ уѣздѣ никогда не процвѣтутъ и даже врядъ ли дадутъ всхода, а нуждаются въ тепличной биржевой атмосферѣ городовъ, или промы-

шленныхъ центровъ и рынковъ), новѣйшіе Высочайше утвержденные уставы акціонерныхъ банковъ и предпочтительно обществъ взаимнаго кредита. Такимъ образомъ въ соображеніе могутъ приниматься одни акціонерные и артельные банки, а промысловыя кредитныя, или поручительскія, артели, какъ учрежденія по чисто личному кредиту въ пользу сельскихъ хозяевъ, отведены въ разрядъ крестьянскихъ ссудосберегательныхъ кассъ.

Смѣшанный характеръ акціонерной компаніи и залоговой артели представляетъ уставъ *харьковскаго земельнаго банка*, утвержденный 4 мая 1871 года. (Собр. Узак. 45,433). Въ числѣ его учредителей является директоръ харьковской конторы государственнаго банка, бывшій профессоръ политической экономіи и редакторъ экономическаго Указателя, И. В. Вернадскій; поэтому немного уставовъ подобнаго рода отличаются столь обстоятельною разработкою во всѣхъ частностяхъ, какъ именно этотъ. Райономъ дѣйствія его назначаются губерніи: Харьковская, Курская, Воронежская, Екатеринославская и Полтавская. Мѣстность чрезвычайно обширная и поэтому имѣющая неминуемо, при отсутствіи у насъ ипотечныхъ книгъ и вообще оцѣночныхъ описей по землевладѣнію, затруднить опредѣленіе размѣра ссудъ и всякаго рода взысканія. Но именно обширное поле дѣйствія и сочетаніе акціонерныхъ паевъ съ закладными листами составляютъ завѣтную мысль относительно этого рода банковъ И. В. Вернадскаго. Ещё въ 1861 г. имъ былъ напечатанъ въ приложеніи къ «Экономическому Указателю»—проектъ устава *общаго* земства банка, и въ объяснительной запискѣ къ нему говорится: (ст. XXIII)... «къ *общему*, *одному* земскому банку приходятъ и теоретическія соображенія и самая наша народная жизнь (!).

Можно, пожалуй, *желать* возникновенія земскихъ банковъ: рязанскаго, харьковскаго, кіевскаго, тверскаго и т. п.; но, при отсутствіи достаточной экономической и политической самостоятельности этихъ мѣстностей *образовать* въ нихъ такія учрежденія на прочныхъ основаніяхъ невозможно». Между тѣмъ, херсонскій земскій банкъ съ 1864 по 1867 г., ограничивалъ свои обороты одною херсонскою губерніею и только доказанный, даже блестящій, успѣхъ его, какъ мѣстнаго учрежденія, побудилъ правительство разрѣшить ему ссудный оборотъ и въ губерніяхъ екатеринославской, таврической и бессарабіи.

Харьковскій земельный банкъ выдалъ акцій на предъявителя (§ 7) на сумму въ 1 милл. р., изъ которой $^1/_5$ удержали учредители (§ 2 и 3); на предъявителя и закладные листы (§ 53). Учредители сверхъ того въ теченіи 30 лѣтъ имѣютъ право на 15% изъ остатка отъ прибыли, если послѣдняя будетъ превышать 8%; это право переходитъ къ ихъ наслѣдникамъ, а также лицамъ *пріобрѣвшимъ сіи права* (?) Ссуды могутъ производиться и подъ городскія недвижимости, но во всѣхъ случаяхъ однообразно въ размѣрѣ 60% оцѣнки; тутъ не различены каменныя и деревянныя строенія, городскіе огороды и отдаленныя пашни, что едва ли выгодно для самаго банка.

Ссуды по всей совокупности, происходя закладными листами, не могутъ превышать болѣе, чѣмъ въ 10 разъ сумму складочнаго и запаснаго капиталовъ банка (§ 52). Всѣ ссуды или долгосрочныя—на $43^1/_2$ года подъ земли и $18^7/_{12}$

лѣтъ подъ городскія недвижимости (§ 32) (это различіе вполнѣ непонятно), или краткосрочныя, отъ одного года до трехъ лѣтъ (§ 38), *по усмотрѣнію правленія*. Первыя выдаются закладными листами, вторыя наличными деньгами. Почему?—Опять таки трудно объяснить. Дѣленіе ссудъ на долгосрочныя и краткосрочныя только относительно, если послѣднія выдаются какъ дополнительныя, сверхъ однообразно принятаго соотвѣтственно оцѣнкѣ, т. е. сверхъ 75 или 60% стоимости, размѣра.

Акціонерный капиталъ въ харьковскомъ земельномъ банкѣ идетъ исключительно на краткосрочныя ссуды деньгами наличными. За эту сомнительную выгоду для заемщиковъ, тотъ же акціонерный капиталъ лишаетъ ихъ всякаго вліянія на дѣла банка и участія въ общихъ собраніяхъ, — условія до тѣхъ поръ небывалое, которому трудно пріискать оправданіе. § 79 гласитъ: «всѣ лица, владѣющія акціями банка, имѣютъ право присутствовать въ общемъ собраніи», а о заемщикахъ и о владѣльцахъ закладныхъ листовъ нѣтъ и помину.

Это общее собраніе, въ смыслѣ тѣснаго кружка, избираетъ себѣ каждый разъ предсѣдателя особо (§ 85), что составляетъ начало желаемое весьма многими въ другихъ банкахъ.

Замѣчательны по обстоятельности, въ разбираемомъ уставѣ, правила объ отчетности (§ 90), причемъ каждая статья въ исчисленныхъ 15 группахъ должна быть показана особо.

Вопросъ о сходствѣ, или несходствѣ предполагаемыхъ новыхъ земскихъ уставовъ съ разнокачественными уставами банковъ, приведенныхъ въ пунктѣ 4, можетъ породить нескончаемыя, противорѣчивыя толкованія, а потому на практикѣ пунктъ 5 легко можетъ обратиться въ мертвую букву, т. е. въ большинствѣ случаевъ, даже безъ всякой возможности давать заранѣе положительныя предсказанія объ участи того или другаго проэкта, сохранитъ свою силу, обыкновенно до сихъ поръ не мало длящееся, разрѣшеніе въ установленномъ законодательномъ порядкѣ. Въ ожиданіи нормальнаго устава для обществъ закладчиковъ и залоговыхъ артелей, нельзя не отнестись съ признательностію къ желанію и стремленію нашего правительства создать, по возможности, благотворныя облегченія недвижимому кредиту. Такая благая цѣль очевидно вызвала пункты 5 и 6.

Предварительно открытія дѣйствія земскаго кредитнаго установленія, составленный для онаго земскимъ собраніемъ уставъ (нужно надѣяться, что земскія собранія не будутъ отказывать давать ходъ и такимъ уставамъ, которые будутъ составлены не ими, а внесены уже готовыми,—иначе грозитъ до извѣстной степени земскій терроризмъ по кредиту, тогда какъ относительно него никакіе вопросы не могутъ и не должны рѣшаться голымъ большинствомъ

голосовъ въ административно-представительномъ собраніи) долженъ быть разсмотрѣнъ и утвержденъ министромъ финансовъ (т. е. въ послѣдней инстанціи, не доходя чрезъ государственный совѣтъ на Высочайшее утвержденіе), по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и распубликованъ правительствующимъ сенатомъ въ собраніи узаконеній и распоряженій правительства (п. 5); а въ тѣхъ случаяхъ, когда въ проэктированныхъ уставахъ земскихъ кредитныхъ учрежденій введены будутъ такія отступленія отъ вышеуказанныхъ Высочайше утвержденныхъ банковыхъ уставовъ, которыя министръ финансовъ признаетъ существенными и заслуживающими уваженія, онъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, входитъ о семъ съ представленіемъ, въ установленномъ законодательномъ порядкѣ.

На первый разъ, относительно оборотовъ по личному кредиту необходимо замѣтить, что, въ общемъ положеніи, къ нимъ круговая солидарность и артельная организація прилагаются по настоящее время чаще и съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ къ недвижимому, поземельно-залоговому кредиту. Своеобразность и именно хозяйственная малоподвижность залога только и могутъ служить объясненіемъ этому явленію; тѣмъ болѣе, что личное, а не исключительно имущественное, товарищество, артельная взаимность и круговая порука продолжаютъ все глубже и глубже проникать весь экономическій бытъ современнаго общества, не смотря на сравнительно весьма позднее возникновеніе.

Сколько намъ извѣстно, теперь уже разрѣшено и открыто до 46 такъ называемыхъ *обществъ взаимнаго кредита*, 41 по городамъ а пять въ уѣздахъ, и около 350 *ссудо-сберегательныхъ товариществъ* по селамъ.

Въ основаніи и тѣхъ, и другихъ лежитъ одно общее, тождественное начала—личное единеніе и взаимная, другъ за друга и другъ, передъ другомъ, отвѣтственность. Но въ приложеніи къ кредитному предпріятію, оно, при аналогическомъ внѣшнемъ строѣ, подходящемъ по видимому къ почти полному равенству, обнаруживается, согласно съ конечною цѣлью и послѣднимъ назначеніемъ всего оборота, по двумъ различнымъ направленіямъ, или въ существенно расходящихся проявленіяхъ.

Въ артельномъ банкѣ, это первый случай, взаимность и порука доставляютъ средство и путь къ наибольшимъ барышамъ для

состоятельныхъ, имущихъ лицъ на ихъ свободные капиталы въ видѣ вкладовъ, но въ тоже время и тѣмъ же путемъ онѣ содѣйствуютъ наибольшей дешевизнѣ и высшимъ сбереженіямъ—какъ по займамъ, такъ и по всѣмъ прочимъ видамъ банковыхъ операцій. Вотъ въ чемъ, по нашему убѣжденію, и заключается именно основная цѣль и настоящій смыслъ всѣхъ, въ настоящее время столь прославляемыхъ, обществъ взаимнаго кредита.

Поручительская же кредитная артель, второй случай, является учрежденіемъ, служащимъ единственно для созиданія, подкрѣпленія или, такъ сказать, страхованія довѣрія, этого существенно необходимаго элемента всякаго кредитнаго оборота; отъ круговой поруки и солидарности цѣлою артелью возникаетъ, такъ называемая, *кредитная способность* для такихъ лицъ, которыя, порознь взятыя, тщетно пытались бы добыть себѣ ссуды и для которыхъ кредитъ иначе оставался бы навсегда призрачнымъ желаніемъ. Ссудо-сберегательное товарищество доставляетъ необходимый оборотный капиталъ, малыми суммами на небольшіе сроки, именно мелкимъ промышленникамъ, а въ сельской средѣ хозяевамъ-некапиталистамъ.

Вотъ эта-то, только что указанная, основнаа разница между артелью, какъ одною изъ формъ и видовъ банковой организаціи, и артелью, какъ учрежденіемъ служащимъ исключительнымъ источникомъ кредита для лицъ, нерасполагающихъ залогами и вещнымъ обезпеченіемъ, только и можетъ и должна служить исходнымъ соображеніемъ, какъ при законодательномъ нормированіи, такъ и при оцѣнкѣ пригодности оборотовъ указанныхъ артельныхъ кредитныхъ предпріятій для данной среды.

Между тѣмъ, эта именно разница нерѣдко упускается изъ виду во вредъ дѣлу кредита и даже всему экономическому прогрессу, какъ законодательствомъ, въ которомъ вообще начальныя нормы для гражданскихъ правоотношеній и имущественнаго оборота по приложенію къ строю сложныхъ предпріятій являются недостаточно объединенными и съ ощутительными пробѣлами, такъ и самими заинтересованными и участвующими въ приведенныхъ артеляхъ лицами, чему разительнымъ доказательствомъ—между прочимъ и не говоря о странныхъ перипетіяхъ борьбы, неудачно завязавшейся въ с.-петербургскомъ обществѣ взаимнаго кредита изъ-за измѣненія его устава — служитъ то, невозмутимо многими раздѣляемое, убѣжденіе, будто перенести общества взаимнаго кредита, или артель-

ные банки, въ уѣздъ и сельскую среду—стоитъ только пожелать, захотѣть, и они водворятся съ 30%-ными дивидендами и большою долевою прибылью (tantième) для директоровъ.

§ 71. Различіе между обществами взаимнаго кредита и ссудосберегательными товариществами по пяти существеннымъ основаніямъ, характеризующимъ артели по личному кредиту.

Вообще всѣ задачи обоего вида артелей по личному кредиту исчерпываются, какъ бы, пятью главными сторонами ихъ организаціи и оборотовъ.

Помянутыя пять соображеній касаются двоякой отвѣтственности, состава, капитала и прибылей.

Отвѣтственность является во всякой артели, какъ бы двоякою: во первыхъ, артельщики ручаются другъ за друга передъ третьими лицами и, во вторыхъ, они же отвѣчаютъ другъ передъ другомъ внутри самой артели. Составъ артели находитъ себѣ предѣлъ въ томъ числѣ лицъ, которыя въ состояніи и захотятъ нести сообща указанную двоякую отвѣтственность. Капиталъ въ кредитной артели замѣняется именно личнымъ поручительствомъ, а потому онъ можетъ пріобрѣсть единственно размѣръ и значеніе страховаго фонда, или запасныхъ средствъ на непредвидимыя измѣненія и уклоненія въ оборотахъ, обусловываемыя внѣшними обстоятельствами. Не изъ-за прибыли и наживы барышами, а ради взаимнаго воспособленія, помощію солидарной поруки, и для удешевленія или большей доступности ссудъ открываются кредитныя артели, а потому—въ сущности—дѣлежъ дохода и выдача его на руки артельщикамъ идутъ на перекоръ смыслу артели, въ разрѣзъ ея задачамъ.

I. *Отвѣтственность членовъ кредитной артели передъ третьими лицами и по общимъ оборотамъ.* Намъ уже привелось указывать, что эта отвѣственность представляетъ какъ бы двѣ степени, она можетъ быть: или 1) *круговая—предѣльная*, ограниченная, или 2) *круговая—полная*, безграничная.

На значеніи полной круговой поруки въ залоговой артели мы уже имѣли случай останавливаться; въ настоящемъ же случаѣ мы

ближе разсмотримъ задачи круговой поруки, сравнительно, въ артельномъ банкѣ и въ поручительской артели.

Первый, или такъ называемое общество взаимнаго кредита, составляется изъ капиталистовъ, а потому всѣ артельщики въ немъ могутъ, очевидно, точно и въ опредѣленныхъ границахъ обозначить ту долю отвѣтственности, которую каждый изъ нихъ въ состояніи нести, въ крайнемъ случаѣ, по общимъ оборотамъ. Въ подобномъ банкѣ отвѣтственность каждаго артельщика порознь должна и можетъ быть *различная, соотвѣтственная*; она опредѣляется такъ называемою *суммою кредита,* т. е. тѣмъ капиталомъ, на который выдаетъ обязательство каждый членъ. Сложность всѣхъ обязательствъ этого рода составляетъ для самаго артельнаго банка т. н. *капиталъ обезпеченія*, а послѣднимъ слѣдовательно опредѣляется, и должна ограничиваться также, и вся корпоративная отвѣтственность обществъ взаимнаго кредита. Особнякомъ всякій артельщикъ въ подобномъ обществѣ отвѣчаетъ за всю артель, конечно, только суммою своего кредита, но эта сумма не есть капитальный пай, и артельный банкъ всетаки не можетъ быть подведенъ подъ понятіе обыкновеннаго товарищества, или считаться просто за сложное предпріятіе со складочнымъ капиталомъ. Отвѣтственность прямо лежитъ на личности, а не на вкладѣ или паѣ, такъ какъ послѣдній неотчуждаемъ въ артельномъ банкѣ и ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ передачи: есть только выходъ однихъ членовъ и вступленіе другихъ, а не преемственность обязательствъ; да притомъ, собственно пай, или фактическій денежный, наличный вкладъ равняется въ обществахъ взаимнаго кредита только процентному взносу (10%, или въ Бельгіи 5%) съ той полной суммы кредита, которою артельщикъ въ непредвидимыхъ случаяхъ отвѣчаетъ, а именно опять таки единственно по *личному* обязательству. Такимъ образомъ, корпоративная, или солидарная отвѣтственность участниковъ артельнаго банка, или общества взаимнаго кредита, является по существу *круговою*, хотя размѣръ ея и опредѣленъ и предѣлы ея установлены, т. е. заранѣе выражены суммою капитала: къ тому же послѣдняя, т. н. сумма кредита, провѣряется и утверждается самою артелью по отношенію къ каждому новому члену порознь.

Далеко иною представляется, въ этомъ отношеніи, *поручительская артель*, или ссудо-сберегательное товарищество. Задача и

назначеніе послѣдняго рода кредитныхъ артелей—служить оборотливому производителю, или хозяину некапиталисту: большинство членовъ артели принадлежитъ къ неимущему классу, къ той средѣ промышленниковъ, которыхъ хозяйственное значеніе и экономическое обезпеченіе заключаются въ ихъ рабочей силѣ, или хозяйственной оборотливости. Ссуды этимъ лицамъ могутъ быть обезпечены единственно полною взаимною отвѣтственностію, безъ которой немыслимъ для нихъ никакой заемъ и вообще кредитъ. Путемъ круговой поруки и именно *безграничной*, только и создается въ этомъ случаѣ *кредитная способность*, такъ какъ кредиторъ поручительской артели, имѣя право взыскать свою ссуду, во всей суммѣ долга сполна съ каждаго ея члена, очевидно не подвергается почти никакой опасности, никакому риску: для него отдѣльный артельщикъ безкредитная личность, и только полная порука въ артели застраховываетъ оказанный всему товариществу кредитъ.

Этою разницею въ хозяйственной состоятельности членовъ указанныхъ двухъ видовъ кредитныхъ артелей опредѣляется и все различіе въ организаціи обществъ взаимнаго кредита и ссудо-сберегательныхъ товариществъ; отъ нея-же зависитъ и различіе круговой поруки, и различіе въ операціяхъ того и другаго предпріятія. Между тѣмъ, писатели возстающіе противъ безграничной круговой поруки, подобно Жюль Симону, равно какъ и защищающіе ее, подобно Шульце-Делицу, упускаютъ изъ виду именно то обстоятельство, что артельная взаимность можетъ быть приложена: 1) къ банковымъ операціямъ — за порукою капиталистовъ; въ этомъ случаѣ она можетъ и должна быть *опредѣленная* и *ограниченная*, что и осуществляется въ обществахъ взаимнаго кредита; съ другой-же стороны, 2) эта взаимность можетъ создавать кредитъ для лицъ, которыя порознь взятыя, его не имѣютъ и воспользуются имъ только благодаря круговой порукѣ и въ силу *полной* отвѣтственности каждаго за всѣхъ, или вѣрнѣе, всѣхъ за каждаго. Въ послѣднемъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи объ *соразмѣреніи* круговой поруки, она должна быть полная и только такою можетъ быть упрочено всякое ссудо-сберегательное товарищество.

Такимъ образомъ, и ограниченная и неограниченная отвѣтственность передъ третьими лицами имѣютъ каждая свою нормальную область: обѣ онѣ являются справедливыми, полезными и необходимыми, смотря по тому, ради какой цѣли учреждается кредитная

артель. Въ артельномъ банкѣ соразмѣрная и ограниченная круговая порука можетъ являться достаточнымъ обезпеченіемъ для оборотовъ—даже въ видѣ однихъ обязательствъ артельщиковъ на извѣстную сумму кредита, даже безъ всякихъ дѣйствительныхъ денежныхъ взносовъ по этимъ обязательствамъ, или безъ всякаго процентнаго пая съ той суммы кредита, которая указана въ обязательствѣ. Это положеніе подтверждается примѣромъ рижскаго биржеваго банка. Этотъ артельный банкъ собственно не имѣетъ наличнаго основнаго капитала, а обезпеченъ одними *обязательствами* членовъ на 100,000 р., т. е. опредѣленною, *ограниченною этою суммою*, *круговою порукою*; между тѣмъ оборотъ его простирался уже по отчету на 31-е декабря 1870 года до 10 милл. руб. слишкомъ и прибыли съ такого значительнаго оборота дали возможность, со времени открытія банка, отчислить въ резервный капиталъ наличную сумму въ 554,079 руб.

Относительно-же поручительскихъ артелей, или ссудо-сберегательныхъ товариществъ, необходимо допускать въ законодательствѣ, или обязательно даже требовать, полную круговую поруку; иначе они обратятся въ средство къ эксплоатаціи трудящагося класса капиталистами, хотя бы и мелкими, но соединившимися, для большаго успѣха, въ артель. Безъ полной круговой поруки возникнутъ однѣ кредитныя артели міроѣдовъ, ростовщиковъ, которыя бѣдныхъ промышленниковъ вовсе не допустятъ въ свою среду, а сами между тѣмъ будутъ пользоваться дешевыми ссудами изъ ссудо-сберегательнаго товарищества, чтобы ими ростовщичествовать въ три-дорога. Попытка послѣдняго рода уже успѣла обнаружиться, бояркинское ссудо-сберегательное товарищество домогалось по послѣднему параграфу, прибавленному къ общеизвѣстному примѣрному уставу Лугинина и Яковлева, разрѣшенія производить обороты и съ посторонними лицами; въ чемъ, конечно, было отказано учредителямъ со стороны министерства финансовъ. Понятно до чего выгодно, особенно при ограниченной круговой порукѣ, составлять ссудо-сберегательныя товарищества пайщикамъ-кулакамъ, которые, раздѣляя между собою значительный дивидендъ на свои десятипроцентные взносы, будутъ относиться ко всѣмъ прочимъ жителямъ волости какъ къ *посторонним*ъ лицамъ, наживаясь на ихъ счетъ. Дѣйствительно, въ бояринскомъ товариществѣ явились, по произведен-

нымъ справкамъ, учредителями биржевые артельщики, проживающіе въ Петербургѣ.

Подобнаго стремленія не можетъ обнаружиться при строгомъ соблюденіи полной круговой поруки, т. е. безграничной отвѣтственности для всего состава товарищей; тогда доступъ въ ссудо-сберегательную артель будетъ открытъ всякому безкапитальному промышленнику, весь составъ товарищества окажется, экономически-однороднѣе, такъ какъ болѣе состоятельный человѣкъ не пожелаетъ принять полную круговую поруку за менѣе состоятельныхъ, или имущественно несостоятельныхъ. Исключены, слѣдовательно, будутъ капиталисты, а некапиталистамъ сдѣлается кредитъ доступнѣе, въ чемъ и заключается основная цѣль ссудо-сберегательнаго товарищества. Однако, въ части утвержденныхъ до сихъ поръ у насъ уставахъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ допущена и ограниченная круговая порука, тоже дѣлаютъ впрочемъ англійское и французское законодательства. Въ примѣрномъ же уставѣ составленномъ коммиссіею главное значеніе придано *полной* круговой порукѣ, и нужно надѣяться, что она будетъ сохранена въ этомъ видѣ при будущемъ согласованіи уставовъ.

II. *Отвѣтственность артельщиковъ между собою, другъ передъ другомъ.* Эта отвѣтственность можетъ быть также: 1) или *равномѣрная*, когда всѣ члены могутъ кредитоваться только на одинаковую сумму, или же 2) *соотвѣтственная*, когда записная сумма кредита различна, смотря по благонадежности каждаго члена. При обсужденіи самаго предѣла необходимо имѣть въ виду, что въ обществахъ взаимнаго кредита и эта отвѣтственность можетъ быть различная для отдѣльныхъ членовъ, такъ какъ они *болѣе или менѣе самостоятельные* капиталисты; здѣсь достаточно, чтобы она была *соразмѣрная*, т. е. соразмѣрялась бы съ тѣмъ процентнымъ паемъ, который вноситъ каждый членъ въ расходный капиталъ. Нѣтъ никакой необходимости въ законодательномъ нормированіи низшаго и высшаго размѣра такъ называемой суммы кредита, равно какъ и для размѣра того процентнаго пая, который вносится съ этой суммы въ основной капиталъ. Первое общество взаимнаго кредита, основанное въ Брюсселѣ въ 1848 году, довольствуется пятипроцентнымъ взносомъ; Шульце-Делическія и существующія у насъ требуютъ 10 процент. взноса. Въ рижскомъ биржевомъ банкѣ не произведено, какъ мы указали, никакого процентнаго взноса въ

основной капиталъ, а существуетъ одинъ *капиталъ обезпеченія* въ обязательствахъ членовъ.

Другое совершенно дѣло при ссудо-сберегательныхъ товариществахъ. Въ нихъ, при *полной* круговой порукѣ, сумма кредита не должна считаться, собственно говоря, капиталомъ обезпеченія, а ею единственно обозначается тотъ крайній предѣлъ или высшій размѣръ взноса, который—съ разсрочкою—обязанъ каждый артельщикъ доставить въ *расходный* капиталъ товарищества. При этомъ, какъ мы видѣли, сумма кредита должна быть равная для всѣхъ членовъ, во избѣжаніе преобладанія капитала надъ *личнымъ* кредитомъ. Такимъ образомъ, законодательнымъ порядкомъ должны быть сдѣланы обязательными только не слишкомъ малые взносы по разсроченной оплатѣ всего пая: иначе долгое время можетъ существовать осязательная и пагубная разница въ отвѣтственности отдѣльныхъ членовъ передъ артелью; члены должны равномѣрно и, по возможности, быстрѣе пополнять свои паи.

III. *Что касается личнаго участія въ оборотахъ кредитныхъ артелей и численности ихъ состава*, то въ обществахъ взаимнаго кредита всѣ операціи могутъ быть совершаемы и съ посторонними лицами, довѣряющими такимъ *артельнымъ банкамъ*; въ ссудо-сберегательныхъ же товариществахъ отъ постороннихъ лицъ могутъ быть приняты только вклады, а ссуды должны быть дѣлаемы только артельщикамъ. Поэтому, на сколько не должно быть законодательныхъ стѣсненій относительно операцій обществъ взаимнаго кредита, на столько операціи эти должны быть строго опредѣлены и ограничены одними членами въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ. Но въ то же время, число членовъ въ обществахъ взаимнаго кредита не должно быть безграничное, такъ какъ при неполной круговой порукѣ необходимо въ точности опредѣлить и строго контролировать состоятельность каждаго артельщика; такихъ обществъ лучше имѣть по нѣсколько въ томъ же городѣ, чѣмъ одно слишкомъ многолюдное. Въ ссудо-сберегательныхъ же товариществахъ полная круговая порука и однообразныя суммы кредита никогда не допустятъ чрезмѣрнаго наплыва и числа членовъ; поэтому нѣтъ необходимости установлять предѣлъ для числа ихъ участниковъ.

IV. *Отчисленіе запаснаго капитала изъ прибылей по оборотамъ.* Этотъ запасный капиталъ можетъ отчисляться: 1) или по

счету каждаго отдѣльнаго члена и оставаться его личною собственностью во все время пребыванія его въ артели, или 2) капиталъ этотъ можетъ сдѣлаться собственностью всей артели, подлежа дѣлежу только при ликвидаціи дѣлъ артели.

Въ обществахъ взаимнаго кредита, или въ артельныхъ банкахъ, для членовъ существуетъ опредѣленная, хотя и неравная отвѣтственность, выражающаяся въ той суммѣ кредита, до которой принимаетъ на себя каждый членъ обязательство по капиталу обезпеченія: а потому, сверхъ этого капитала, или послѣдняго рода обезпеченія, нѣтъ необходимости въ какомъ либо общемъ, нераздѣльномъ запасномъ капиталѣ. Съ другой стороны, однако, не всѣ операціи общества подвергаютъ расходный его капиталъ одинаковому риску: въ этомъ отношеніи выдѣляется учетная операція, или ссуда подъ векселя, изъ ряда остальныхъ, такъ что вполнѣ справедливо, чтобы члены артельнаго банка, пользующіеся въ немъ *учетомъ*, доставляли бы ему, въ размѣрѣ своего вексельнаго оборота каждый, еще дополнительное обезпеченіе. Вотъ почему желательно, чтобы въ обществахъ взаимнаго кредита имѣлся запасный капиталъ, не общій, артельный, а *спеціальный* по одной учетной операціи, послѣдній долженъ образоваться отъ вычетовъ изъ учетнаго процента, а не изъ чистой прибыли всей артели; и по той же причинѣ онъ долженъ составлять личную собственность каждаго члена, учитывающаго векселя, съ правомъ востребованія при выходѣ изъ артели. Спеціальный, учетный запасный капиталъ сохраняетъ и наиболѣе соотвѣтственное отношеніе къ оборотамъ и рискамъ общества, онъ уменьшается и увеличивается — смотря по усиленію, или упадку вексельной операціи. Инаго запаснаго капитала не должно требовать и законодательство отъ артельныхъ банковъ.

Ссудо-сберегательныя же товарищества, состоя изъ некапиталистовъ, должны стремиться къ представленію возможно большихъ гарантій для посторонней публики и вкладчиковъ, а съ другой стороны—уравновѣсить и облегчить, по возможности, полную круговую поруку для своихъ членовъ. Эти двѣ цѣли успѣшнѣе всего достигнуться *общимъ* запаснымъ капиталомъ, который долженъ отчисляться, при равенствѣ паевъ въ поручительской артели, изъ общихъ прибылей всего товарищества. Такимъ образомъ, для ссудо-сберегательныхъ товариществъ законъ вправѣ требовать, нераздѣльнаго и неотчуждаемаго, *артельнаго* запаснаго капитала; но раз-

мѣръ послѣдняго долженъ быть приведенъ въ соотношеніе съ расходнымъ капиталомъ и нормированъ соотвѣтственно величинѣ отдѣльныхъ паевъ, или суммамъ кредита.

V. Вопросъ *о распредѣленіи прибылей и о начетѣ ихъ въ пользу отдѣльныхъ членовъ* долженъ быть также рѣшаемъ отлично для артельныхъ банковъ, и особо для поручительскихъ артелей.

Для общества взаимнаго кредита дешевизна операцій — главная цѣль; поэтому на первый разъ, прибыль должна быть обращена, какъ на пониженіе процентовъ по всѣмъ отраслямъ ссудной операціи и учету, такъ и на возвышеніе платежей по всѣмъ видамъ вкладовъ и текущимъ счетамъ. Притомъ, значительный дивидендъ на артельные взносы привлекаетъ въ эти общества не только лицъ, не производящихъ никакихъ кредитныхъ операцій, но и ослабляетъ въ значительной мѣрѣ живое участіе артельщиковъ, дѣйствительный ихъ контроль за оборотами, такъ какъ каждый членъ удовлетворяется значительнымъ доходомъ по своему паю; особенно когда послѣдній въ нѣсколько лѣтъ сполна погашается однимъ дивидендомъ. Тутъ неизбѣжно рождается апатія со стороны членовъ, а рядомъ съ этимъ самоуправство правленія. Въ виду такихъ соображеній слѣдовало бы воспретить въ обществахъ взаимнаго кредита всякую наличную выдачу дивиденда и допускать одинъ только начетъ, или причисленіе долей изъ прибыли къ паямъ отдѣльныхъ членовъ. Притомъ, относительно дѣлежа всей артельной прибыли необходимо требовать, чтобы уставъ артельнаго банка устанавливалъ, разъ на всегда, сколько процентовъ чистаго дохода должно идти въ вознагражденіе администраціи, сколько въ возвратъ уплаченныхъ процентовъ по ссуднымъ и учетнымъ оборотамъ, и сколько въ начетъ на отдѣльные паи, составляющіе оборотный капиталъ.

Подробный разборъ всѣхъ споровъ относительно дивиденда повелъ бы насъ слишкомъ далеко, тѣмъ болѣе, что по нашему мнѣнію, слѣдовало бы уничтожить всякую *наличную выдачу* его артельщикамъ, установить причисленіе его къ паямъ основнаго капитала. Такое начисленіе тѣснѣе свяжетъ и *ознакомитъ* отдѣльныхъ членовъ съ общими оборотами и интересами всей артели; а вмѣстѣ съ тѣмъ, невыдача дивиденда на руки удалитъ отъ артели всѣхъ паразитовъ-пайщиковъ и лицъ, не нуждающихся вовсе въ кредитѣ, а желающихъ получать хорошій дивидентъ на свой взносъ.

Для ссудо-сберегательныхъ товариществъ еще менѣе можно согласиться съ выдачею и прямою, срочною уплатою процентнаго дивиденда; въ нихъ начетъ прибылей въ запасный и основной *артельные* капиталы еще важнѣе для ослабленія тяжести полной круговой поруки. Имѣя дѣло съ тружениками некапиталистами, поручительская артель должна употреблять всѣ находящіяся въ ея распоряженіи свободныя средства на поощреніе *бережливости*, на облегченіе своимъ членамъ постепеннаго *пріобрѣтенія* собственнаго капитала. Этой цѣли всего вѣрнѣе можно достигнуть посредствомъ начета общихъ барышей на паи и вклады членовъ, разумѣется при извѣстной взаимной пропорціи между послѣдними.

Злоупотребленія, азартныя спекуляціи, рисковыя затраты, поддержка биржевой игры и чрезмѣрная гоньба за прибылями уничтожатся и искоренятся въ обществахъ взаимнаго кредита только при томъ условіи, когда законодательство не допуститъ никакого дивиденднаго дѣлежа съ прямою выдачею и уплатою.

По нашему убѣжденію, законодательное нормированіе приведенныхъ пяти главныхъ сторонъ организаціи и оборотовъ кредитныхъ артелей исчерпываетъ всѣ задачи, создаетъ всѣ условія, необходимыя для обезпеченія правильнаго веденія дѣлъ; а потому, не слѣдуетъ искать никакихъ другихъ палліативныхъ мѣръ противъ уклоненія обществъ взаимнаго кредита отъ основной ихъ цѣли. Менѣе всего удастся найти какія-либо удовлетворительныя тому преграды въ искусственномъ стѣсненіи ихъ оборотовъ, или въ ариѳметическихъ выкладкахъ, для установленія неизмѣнныхъ отношеній между общими суммами отдѣльныхъ оборотовъ для той или другой формы кредитныхъ артелей.

По самому существу всего артельно-поручительскаго кредитнаго оборота, требованіе огромныхъ ссудъ никакъ не можетъ и не должно быть удовлетворяемо ссудо-сберегательными кассами, а за такими нормально, да и вполнѣ доступно хозяевамъ, ведущимъ большой оборотъ, обращаться не къ сельскимъ, мѣстнымъ, а къ городскимъ или центральнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, т. е. вообще къ настоящимъ банкамъ — артельнымъ, или акціонернымъ и казеннымъ, Тѣмъ не менѣе, по личному своему составу, поручительская артель не должна считаться исключительнымъ крестьянскимъ кредитнымъ учрежденіемъ: такой ошибочный взглядъ вызвало, безъ сомнѣнія, одно историческое ихъ возникновеніе, такъ какъ въ началѣ, да

вообще пока еще, имѣлся въ виду мелкій людъ (kleine Leute); кромѣ того, источникомъ подобнаго заблужденія послужили переводы и извлеченія извѣстнаго изслѣдованія Шульце-Делича, носящаго заглавіе: Ссудо-сберегательныя товарищества *въ смыслѣ* народныхъ банковъ (Vorschuss- und Spar-Genossenschaften als Volksbanken). Явилась у насъ даже попытка въ печати и ученыхъ обществахъ создать самостоятельную теорію *народнаго кредита*, какъ спеціальнаго, своеобразнаго вида послѣднаго. Однако филантропически соціальная точка зрѣнія отнюдь не можетъ измѣнить существа кредитныхъ оборотовъ, и самъ Шульце-Деличъ говоритъ о поручительской артели какъ о кредитномъ учрежденіи, которое, по своимъ основаніямъ, остающимся безсословными и общими, можетъ найти себѣ весьма благотворное приложеніе къ насущнымъ потребностямъ народа—als Volksbanken. Общее же сужденіе о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ естественно удержитъ всегда въ виду ихъ основную цѣль — создать въ личный кредитъ ссуды *всякимъ* безкапитальнымъ хозяевамъ, тѣмъ болѣе, что *однообразную* въ артели сумму кредита безбоязненно слѣдуетъ въ соотвѣтственныхъ случаяхъ доводить и до тысячи рублей; но съ другой стороны, и сотенныя ссуды составляютъ не исключительную же только *крестьянскую* нужду. Дорого только сохранять кредитную равнокачественность, такъ сказать, между членами той же поручительской артели, почему необходимо стоять на однообразномъ предѣлѣ кредита въ томъ же товариществѣ, да настаивать на возникновеніи именно столькихъ отдѣльныхъ товариществъ, сколько въ данной мѣстности окажется различныхъ категорій хозяевъ, группирующихся по размѣру своихъ требованій въ большихъ и малыхъ ссудахъ подъ круговую поруку.

Мы вдались въ пространное развитіе сходства и различія, или вообще главныхъ началъ какъ обществъ взаимнаго кредита, такъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ, т. е. того и другаго вида кредитныхъ артелей, именно съ тѣмъ, чтобы указать: 1) что поручительская артель по своему строю ближе всего соотвѣтствуетъ потребностямъ личнаго кредита вообще; 2) что ея отнюдь не слѣдуетъ считать учрежденіемъ, которое по мелочности оборотовъ отвѣчаетъ однимъ нуждамъ крестьянскаго сословія, хотя конечно, ранѣе и болѣе всего надлежало заботиться объ этой категоріи безкапитальныхъ хозяевъ; 3) что высшій, однообразный во всякомъ случаѣ,

предѣлъ кредита долженъ сообразоваться въ ссудо-сберегательномъ товариществѣ съ экономическою силою личнаго состава, а безопасность и возможность къ тому подтверждаются почти двадцатилѣтнимъ опытомъ въ Гессенѣ, гдѣ изъ 41 поручительской артели нѣкоторыя имѣютъ сумму кредита до 1000 талеровъ, а въ Оффенбахѣ допускаются ссуды въ 4000 талеровъ, причемъ именно послѣднее товарищество выработало наивысшій чистый доходъ; 4) что лучше имѣть множество мелкихъ товариществъ съ однообразнымъ кредитомъ, чѣмъ одно съ различною суммою кредита—въ Гессенѣ наименьшее число членовъ по отдѣльнымъ поручительскимъ артелямъ 26, а наибольшее 692; 5) что банковые обороты въ своей цѣлости, и именно съ наиприбыльнѣйшими своими частностями, никакъ не могутъ быть перенесены въ уѣздъ — за отсутствіемъ внѣ городовъ достаточнаго числа промышляющихъ капиталистовъ — и что наименѣе шансовъ упрочиться въ сельской средѣ имѣютъ общества взаимнаго кредита.

§ 72. Критическое сравненіе системъ поручительскихъ артелей по Шульце-Деличу, Райфейзену и подражаніямъ у насъ.

Не только въ экономической литературѣ новѣйшаго времени, но и въ общественной дѣйствительности западной Европы, свободная артельная общинность стала считаться самымъ надежнымъ противовѣсомъ для всякихъ коммунистическихъ и соціалистическихъ движеній и происковъ, такъ что на этомъ основаніи современныя хозяйственныя артели заслужили безпрекословное одобреніе, пріобрѣли поощреніе и содѣйствіе даже въ такихъ кружкахъ и у тѣхъ классовъ общества, между которыми не особенно распространено искреннее сочувствіе къ нуждамъ низшихъ классовъ. Такое, такъ сказать, валовое и одностороннее пониманіе задачъ артельныхъ предпріятій обыкновенно связано еще съ другимъ, не менѣе поверхностнымъ убѣжденіемъ: будто въ области кредита всѣ артели не только тождественны, но и созданы единственно починомъ, пропагандою и указаніемъ Шульце-Делича.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, конечно, что, по быстротѣ распространенія и по замѣчательно прочному водворенію, хозяйствен-

ныя общенія, созданныя и вызванныя Шульце-Деличемъ, представляютъ выдающееся и благодѣтельное явленіе. Тѣмъ не менѣе, общепризнанныя и достойныя такого признанія заслуги Шульце-Делича напрасно считаются исключительными и неосновательно заставляютъ забывать о дѣятельности другихъ лицъ, подвинувшихъ развитіе артельной самопомощи съ неменьшею удачею, хотя и въ менѣе обширныхъ размѣрахъ. Именно приложеніе кредитныхъ артелей въ сельской средѣ, въ возможности котораго многіе еще недавно сомнѣвались, уже прошло, съ одной стороны, чрезъ горнило опыта, а съ другой—передовая мѣстность въ этомъ отношеніи, Рейнская Пруссія, надѣлена такими артелями, благодаря старанію бургомистра Райфейзена съ 1849 г.

Имъ было издано въ 1866 году, сравнительно мало извѣстное, сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Товарищества ссудныхъ кассъ, какъ средство къ вспомоществованію сельскому населенію, а также и городскимъ ремесленникамъ и работникамъ» *). Къ послѣднему приложенъ уставъ товарищества въ Геддерсдорфѣ, какъ образцовый, «особенно для сельскихъ округовъ со смѣшаннымъ населеніемъ и малыхъ городовъ»; сверхъ того предлагаются тамъ же образцы займовыхъ росписокъ, формуляры для счетоводства, схемы для бухгалтерской и кассовой отчетности и статистическія указанія о существующихъ товариществахъ.

Относительно статистики и отчетности существующихъ уже кредитныхъ сельскихъ артелей необходимо, на первый же разъ, замѣтить, что эти драгоцѣнныя указанія опыта весьма неполны и, при затрудняющемъ именно малыя артели административномъ книговодствѣ, пробѣлы едва ли устранимы иначе, какъ съ чужаго содѣйствія, напримѣръ у насъ уѣздныхъ земствъ или вообще земскихъ учрежденій, которымъ слѣдовало бы на себя принять постоянныя enquête и сводку цифръ и записей, хранящихся порознь въ книгахъ всѣхъ товариществъ данной мѣстности. Опытъ, какъ необходимый руководитель въ этомъ дѣлѣ, явился бы болѣе надежнымъ и пол-

*) *F. U Raiffeisen* Die Darlehenscassen-Vereine als Mittel zur Abhülfe der Noth der ländlichen Bevölkerung, sowie auch der städtischen Handwerker und Arbeiter. Bonn, 1866.—Второе изданіе, Neuwied, 1872 г.—*Held*, die ländlichen D. C. V. Iena 1869 г.—*Marchet*. zur Organisation des landwrth. Credits in Oesterreich, Wien 1873 г.—*Nöll*, d. ländl. D. C. V. in der Rheinprovinz, kritische Bemerkungen, Berlin. 1873.

нымъ, а въ отчетахъ водворилась бы однообразная и правильная періодичность. Послѣдней именно недостаетъ пока какъ для шульцеделическихъ артелей, которыми завѣдываетъ одинъ центральный органъ (Vorstand), выжидающій доставленіе свѣдѣній, такъ и для райфейзенскихъ, въ которыхъ администрація возложена безвозмездно на сочувствующихъ дѣлу покровителей. Не то могло бы установиться у насъ, если бы каждая уѣздная земская управа, примѣрно по два раза въ годъ, или въ какіе либо одинаковые сроки, представляла губернскому собранію очерки и статистику кредитныхъ артелей, сведенные на основаніи мѣстнаго опроса и произведеннаго ея выборными, или кѣмъ либо по ея порученію, дѣйствительнаго обзора.

Не смотря, однако, на неполноту свѣдѣній относительно поручительскихъ артелей въ сельской средѣ,—безспоренъ тотъ фактъ, что послѣднія вполнѣ прочно водворились въ Германіи, что носятъ въ себѣ они и у насъ несомнѣнные залоги надежныхъ успѣховъ въ будущемъ. Вопросъ, которымъ задавался, на ряду съ другими, Палацкій (Jahrbuch für oesterr. Landwirthe. 1864 стр. 82) нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ настоящее время долженъ почитаться успѣшно разрѣшеннымъ. Помянутый ученый справедливо указывалъ: «что скопидомы всякаго рода населяютъ сельскія мѣстности, а по городамъ живутъ преимущественно потребители. Въ тоже время сельчанинъ-земледѣлецъ обыкновенно предпочитаетъ отнести свои сбереженія въ городъ, вмѣсто того чтобы затратить ихъ въ собственномъ сосѣдствѣ, или же онъ хранитъ деньги замертво. Нѣтъ спору, что за послѣднее время положеніе дѣлъ измѣнилось нѣсколько къ невыгодѣ сельскихъ хозяевъ, тѣмъ не менѣе, однако, приливъ денегъ изъ селъ въ города все еще весьма значителенъ, и въ этомъ именно и кроется одна изъ причинъ ограниченности поземельваго кредита, такъ какъ въ городахъ деньги поглощаются издѣльною промышленностію и торговлею, которыя, во всякомъ случаѣ, могутъ уплачивать высшіе проценты, хотя и безъ того располагаютъ болѣе развитымъ кредитомъ. Въ селѣ лицо, нуждающееся въ займѣ, по большей части есть добрый знакомый тѣхъ лицъ, которыя въ состояніи доставлять ссуды; денежныя обязательства между знакомыми тягостны, но они еще затруднительнѣе въ томъ случаѣ, когда заимодавецъ и должникъ не могутъ не встрѣчаться часто, какъ это бываетъ въ селѣ. Въ этомъ одномъ обстоятельствѣ

уже кроется необходимость кредитныхъ учрежденій, какъ посредниковъ, которые бы сохраняли и затрачивали въ самой земской средѣ сбереженія сельскихъ же хозяевъ». Далѣе Палацкій желалъ, чтобы подобныя учрежденія совмѣщали въ себѣ выгоды — и сберегательныхъ, и ссудныхъ кассъ, имѣя въ основаніи сберегательный-вкладной оборотъ съ соотвѣтствующими ссудами въ личный кредитъ. Этому требованію именно и удовлетворяютъ, водворяющіяся у насъ, ссудо-сберегательныя тогарищества; а приливъ, въ первое же время, къ нимъ вкладовъ денежныхъ блистательно подтверждаютъ наблюденіе Палацкаго относительно большаго развитія бережливости именно въ сельской средѣ.

Основная разница между артелями Райфейзена и Шульце-Делича заключается въ томъ, что первыя практически возникли въ сельской средѣ, а вторыя въ средѣ городскихъ промышленниковъ, въ первыхъ разсчитывается на вспомоществованія зажиточныхъ сосѣдей, или земствъ, какъ это отчасти дѣлается и разсчитывается и у насъ, во-вторыхъ же одна самопомощь даетъ средства и поддерживаетъ впослѣдствіи всѣ обороты; въ первыхъ имѣется въ виду (что особенно важно въ сельскомъ хозяйствѣ) ссуды на нѣсколько лѣтъ, во-вторыхъ же единственно на мѣсяцы.

Именно въ послѣднемъ отношеніи не слѣдуетъ пренебрегать опытомъ Райфейзена, хотя во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ его система уступаетъ, по теоретической развитости, системѣ Шульце-Делича, такъ что всѣ новѣйшія преобразованія товариществъ перваго рода совершались по образцу послѣднихъ, если на какія либо отступленія не давалъ права собственный опытъ *).

У Райфейзена правленіе состоитъ изъ довѣренныхъ почетныхъ членовъ, а потому надзоръ за ними совѣта несравненно ограниченнѣе, чѣмъ по образцовому уставу Шульце-Делича, хотя у обоихъ назначеніе совѣта одно и тоже. Именно образцовой уставъ послѣдняго гласитъ (§ 31): «совѣтъ наблюдаетъ за веденіемъ оборотовъ правленіемъ и имѣетъ право, во всякое время, разсматривать относящіяся до послѣднихъ книги и записи, провѣрять кассу и наличныя обязательства, а при оказавшихся безпорядкахъ принять всѣ необходимыя мѣры къ охраненію артели отъ ущербовъ».

«Онъ можетъ устранить, впредь до рѣшенія имѣющаго быть созваннымъ общаго собранія, членовъ правленія отъ веденія дѣлъ,

*) Срв. наше Экон. Обозрѣніе въ Ж. С. Х. и Лѣсов. CVIII, отд. III, стр. 30.

и долженъ въ такомъ случаѣ сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія къ временному продолженію дѣйствій, назначивъ лицъ къ исполненію должностей и совершивъ передачу кассовой наличности, документовъ, книгъ и бумагъ артели».

Вообще говоря, не только съ большою пользою могутъ быть привлекаемы къ участію въ правленіяхъ священники и судьи, но безмездность послужитъ во многихъ случаяхъ единственнымъ средствомъ сохранить за поручительскими артелями руководство представителей высшаго образованія. Другое совершенно дѣло, если заимодавецъ, капиталистъ или помѣщикъ, за сдѣланную ссуду выговариваетъ себѣ большое вліяніе на обороты; тутъ можетъ возникнуть стѣсненіе болѣе тягостное, чѣмъ отъ самыхъ заносчивыхъ и горделивыхъ выборныхъ почетныхъ членовъ правленія.

По Шульцу-Деличу всякій подписавшій уставъ (§ 1), тѣмъ самымъ становится членомъ артели; у Райфейзена же артель сохраняетъ, по принципу, и мѣстный характеръ, и малый размѣръ.

Членами артели могутъ быть только полноправные *обыватели извѣстной мѣстности* (§ 3), не лишенные никакихъ правъ и преимуществъ. Вступленіе новыхъ членовъ совершается съ согласія правленія. Въ случаѣ отказа послѣдняго, изъявившіе неудовольствіе могутъ обратиться къ общему собранію, которое окончательно постановляетъ объ ихъ предложеніи въ слѣдующемъ засѣданіи.

На практикѣ артели Райфейзена уже въ нѣсколькихъ случаяхъ раздѣлялись, при возростаніи числа членовъ, на двѣ и болѣе меньшихъ. Такое тѣсно мѣстное объединеніе особенно важно для сельскихъ поручительскихъ артелей, дабы члены и правленіе могли быть близко знакомы съ обстановкою каждаго; этимъ требованіемъ же устраняется и непосильная сложность въ управленіи артелей. Такому правилу стали, съ перваго разу, слѣдовать и у насъ, именно въ череповскомъ уѣздѣ существуетъ теперь уже 10, а въ Новоторжскомъ 15 ссудосберегательныхъ товариществъ.

Конечно, мѣстная ограниченность и малочисленность членовъ представляютъ для поручительскихъ артелей нѣкоторую экономическую опасность и нерѣдко весьма ощутительныя затрудненія при открытіи. Совершенно понятно, что всякое мѣстное бѣдствіе и общій хозяйственный ущербъ, разразившіеся надъ большинствомъ сосѣдей-обывателей, могутъ до того усилить требованія ссудъ, при

одновременномъ значительномъ выборѣ вкладовъ, что самому существованію артели будетъ угрожать несостоятельность. Такую опасность возможно, однако, устранить не путемъ, недостижимаго во всякомъ случаѣ и недостаточнаго, широкаго распространенія района дѣйствія, а единственно взаимною поддержкою артелей между собою, водвореніемъ между ними постоянныхъ сношеній и экономической связи, какъ бы ради взаимнаго перестрахованія оборотовъ. До подобнаго объединенія въ своей прокуратурѣ (Anwaltschaft) уже дошли, какъ извѣстно, ремесленные банки Шульце-Делича. Тѣмъ же путемъ облегчится, въ значительной мѣрѣ, и пріобрѣтеніе денежныхъ средствъ на первоначальное устройство для новыхъ, малыхъ же артелей. При указанномъ условіи, наконецъ, успѣшно сохраняется однообразіе кредитовъ и экономическая равнокачественность членовъ въ поручительской артели.

Вслѣдствіе малолюдности и несложности администраціи райфейзеновскихъ артелей, счетоводство и книги въ нихъ поддаются несравненно большему упрощенію, чѣмъ въ товариществахъ Шульце-Делича.

При неограниченности числа членовъ, Шульце-Деличъ совершенно основательно настаиваетъ на строгомъ соблюденіи всѣхъ началъ настоящаго банковаго оборота. Между этими началами одно изъ самыхъ существенныхъ то, чтобы кредитныя учрежденія, въ качествѣ посредниковъ между капиталистами и заемщиками, соблюдали полное соотвѣтствіе сроковъ по вкладамъ и ссудамъ, такъ что при краткосрочныхъ вкладахъ производились бы исключительно краткосрочныя ссуды. На этомъ основаніи, Шульце-Деличъ убѣдительно совѣтуетъ выдавать ссуды срокомъ не свыше трехъ мѣсяцевъ, потому что только въ самомъ благопріятномъ случаѣ возможно привлечь вклады съ предоставленіемъ права заявлять объ обратномъ востребованіи не ранѣе, чѣмъ за четверть года впередъ; да притомъ болѣе продолжительный срокъ ссудъ неудобенъ и по отношенію къ поручителямъ, которыхъ обыкновенно обязанъ представить заемщикъ. Отсрочки Шульце-Деличъ допускаетъ только въ крайнемъ случаѣ и какъ исключительное явленіе.

Въ средѣ ремесленниковъ, и вообще для промысловъ съ быстрыми оборотами капитала, подобное ограниченіе ссудъ совершенно умѣстно; но условія сельскаго хозяйства, на что нами уже пространно указано, совершенно иныя. Трехмѣсячная ссуда для по-

слѣдняго недостаточна, или сельчанинъ-заемщикъ будетъ вынужденъ твердо разсчитывать на дальнѣйшія отсрочки. Неудобства краткихъ сроковъ по ссудамъ для сельчанъ, какъ хозяевъ, такъ и промышленниковъ, — сами собою понятныя изъ экономической обстановки ихъ занятій—уже подтвердились на опытѣ въ нашихъ, хотя и не давно возникшихъ, ссудосберегательныхъ товариществахъ. На второмъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ Москвѣ князь А. И. Васильчиковъ докладывалъ собранію, что сначала, когда открылись наши товарищества, приходили нѣкоторые и просили ссуды на три, четыре мѣсяца, но потомъ какъ-то вдругъ всѣ образумились, и какъ въ череповское товарищество, такъ и въ новгородское, большая часть просьбъ поступаетъ на срокъ девятимѣсячный. Сроки большею частію приняты въ Германіи не болѣе какъ шесть мѣсяцевъ, между тѣмъ, какъ у насъ по опыту необходимъ девятимѣсячный срокъ.

Въ окончательномъ выводѣ получается, какъ основное правило по ссудному обороту, слѣдующее положеніе: сельская поручительская артель обязана имѣть въ виду долгосрочный по возможности оборотъ; такой оборотъ становится ей доступнѣе по мѣрѣ того, какъ наростаютъ запасной капиталъ и, особенно, оборотные взносы ея членовъ; погашеніе же долгосрочныхъ ссудъ должно совершаться долевыми уплатами самой капитальной суммы, а не путемъ сложнаго наростанія добавочныхъ процентовъ; въ случаѣ же упадка благонадежности должника, или перемѣнъ въ его хозяйственной состоятельности по истеченію нѣсколькихъ лѣтъ, артель должна сохранять право на востребованіе всякой долгосрочной ссуды, на основаніи предварительнаго извѣщенія въ краткіе, однообразные для всѣхъ сроки—и до истеченія основнаго, первоначальнаго срока самаго долга. Послѣднее соображеніе можетъ послужить новымъ доводомъ въ пользу предоставленія самой артели право на востребованіе, хотя, конечно, только по разряду долгосрочныхъ ссудъ.

Филантропическій характеръ нераздѣльныхъ артельныхъ капиталовъ проводится Райфейзеномъ далеко: когда размѣръ послѣдняго признается достаточнымъ на удовлетвореніе нуждъ артельщиковъ въ кредитѣ, то всѣ послѣдующія прибыли должны быть обращены на общеполезныя цѣли и особенно на учрежденіе производительныхъ, потребительныхъ, страховыхъ и другого рода артелей. Это заманчивое предложеніе, относительно затраты извѣстной доли при-

былей, повторялъ у насъ г. Мясоѣдовъ, вѣроятно для возбужденія большаго сочувствія къ предполагавшимся имъ уѣзднымъ обществамъ взаимнаго кредита. Нѣкоторую аналогію представляетъ въ этомъ смыслѣ и § 61-й устава общества взаимнаго кредита с.-петербургскаго уѣзднаго земства. По немъ «изъ прибылей, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ и убытковъ, отчисляются 10% на устройство путей сообщенія, на народное образованіе и другіе расходы по с.-петербургскому уѣзду, могущіе содѣйствовать развитію въ оном промышленности и торговли; деньги эти передаются с.-петербургской уѣздной земской управѣ».

Этимъ способомъ можно дойти до образованія разныхъ вѣчныхъ капиталовъ—съ цѣлью обезпечить ими общественныя нужды и ради отмѣны податей и всякихъ сборовъ. Райфейзенъ какъ бы возвращается къ нераздѣльному рабочему фонду французскихъ ассоціацій 1849 года; по тому же пути можно дойти послѣдовательно и до полной замѣны эгоистическаго частнаго хозяйства однимъ общественнымъ, если держаться убѣжденія въ мнимой *всеобщей* благотворности послѣдняго.

Гораздо менѣе возраженій можетъ вызвать другое постановленіе Райфейзена (§ 37), по которому, въ случаѣ закрытія кредитнаго товарищества, его артельный капиталъ переходитъ въ распоряженіе тѣхъ общинъ, къ которымъ принадлежали артельщики. Тутъ капиталъ, составлявшій собственность извѣстныхъ лицъ по случаю ихъ принадлежности къ данной ассоціаціи, переходитъ въ распоряженіе другаго общественнаго союза, въ которомъ состоятъ тѣже самыя лица. Инаго, болѣе справедливаго перечисленія нераздѣльныхъ артельныхъ капиталовъ трудно пріискать, а потому вполнѣ основательно, передавать *запасные* капиталы ссудосберегательныхъ товариществъ у насъ, напримѣръ, въ случаѣ закрытія послѣднихъ, въ распоряженіе уѣздныхъ земствъ, такъ какъ иначе распредѣленіе ихъ между сельскими обществами, когда личный составъ товариществъ и сельскихъ обществъ не совпадаютъ, можетъ представлять важныя затрудненія. При всемъ томъ нельзя, однако, согласиться съ условіями передачи, какія обязательно выставляетъ Райфейзенъ. Онъ требуетъ, чтобы общинныя начальства обратили переданные имъ капиталы на учрежденіе новыхъ ссудныхъ кассъ, подходящихъ подъ его образцовый уставъ и управляемыхъ самою общиною, или правленіемъ назначеннымъ отъ общины. Это зна-

читъ отъ договорныхъ кредитныхъ артелей вернуться къ обязательнымъ средневѣковымъ учрежденіямъ, близко подходящимъ къ нашимъ казеннымъ волостнымъ банкамъ.

Къ занимавшему насъ до сихъ поръ сопоставленію двухъ системъ въ строѣ кредитныхъ артелей, системъ Шульце-Делича и Райфейзена, мы считали себя вынужденными потому, что поручительская артель и въ западной Европѣ, и у насъ, находитъ себѣ нѣсколько разнорѣчивыя толкованія и именно такое опредѣленіе конечной своей задачи, которое не совпадаетъ съ нашими воззрѣніями на приложеніе артельнаго строя предпріятій къ кредитному обороту.

Мы утверждали, и это наше убѣжденіе осталось непоколебленнымъ, что ссудосберегательныя товарищества, прилагаемыя у насъ пока къ крестьянскому быту, суть только одинъ изъ видовъ поручительской артели, и что послѣдняя приложима къ оборотамъ по личному кредиту совершенно независимо отъ сословія, занятія, а подчиняется одному только размѣру состоятельности или, собственно говоря, степени безкапитальности извѣстнаго класса хозяевъ и предпринимателей.

Шульце-Деличъ же смотритъ на кредитную ассоціацію съ точки зрѣнія мелкаго производства и рабочаго вопроса, при чемъ онъ смѣшиваетъ артельный банкъ, или общество взаимнаго кредита, представляющееся ничѣмъ инымъ, какъ ассоціаціею капиталистовъ, съ поручительскою артелью, которой къ тому же, по его убѣжденію, доступенъ одинъ только краткосрочный оборотъ.

Райфейзенъ, (съ тенденціями котораго, повидимому, у насъ очень мало знакомы учредители ссудосберегательныхъ товариществъ, только можно исключить учредителей двухъ товариществъ—ястребинскаго, 22 мая 1870 года, и зиморовскаго, 27 ноября 1870 года, допускающихъ различные оборотные паи), стоитъ на почвѣ патріархальнаго благотворенія низшей братіи, причемъ однако онъ, присмотрѣвшись ближе къ кредитнымъ потребностямъ въ сельской средѣ, совершенно вѣрно установилъ основаніе и долгосрочность ссудъ въ личномъ кредитномъ оборотѣ. Онъ различаетъ основанія кредита въ залоговой и въ поручительской артеляхъ и нисколько не увлекается одною формальною разницею между долгосрочнымъ и краткосрочнымъ оборотами. А между тѣмъ, изъ убѣжденія и отъ вѣры во всеопредѣляющій характеръ этой внѣшней разницы ссудъ

исходили у насъ, до сихъ поръ, при всѣхъ обсужденіяхъ артельнаго оборота по личному кредиту; сверхъ того ссудосберегательныя товарищества рисуются нашимъ дѣятелямъ исключительно какъ крестьянскія, или рабочія учрежденія.

Общій взглядъ на поручительскія артели долженъ быть, слѣдовательно, значительно расширенъ, и въ какомъ именно направленіи, это мы пытались разъяснить всѣмъ предъидущимъ изслѣдованіемъ; въ частности же особенность нашего воззрѣнія обрисовано въ экономическихъ обозрѣніяхъ Журн. С. Хоз. и Лѣсов. обстоятельно путемъ оцѣнки каждой статьи того образцоваго устава, который выработанъ членами коммиссіи.

1) Очеркъ народнаго кредита въ западной Европѣ и Россіи, *А. Яковлева*. С.-Петербургъ, 1869 года.

2) Сельскія ссудныя товарищества, ихъ устройство и назначеніе, *В. Лугининъ* и *А. Яковлевъ*. С.-Петербургъ, 1870 г.

3) О томъ, какъ можно избавиться отъ ростовщиковъ. Тамбовъ, 1870 года.

4) Практическое руководство къ учрежденію сельскихъ и ремесленныхъ банковъ по образцу нѣмецкихъ ссудныхъ товариществъ, *Н. Колюпанова*. Москва, 1870 года.

5) Записка о сельскихъ банкахъ. *Н. Колюпанова*. Приложеніе № 1 къ отчету втораго съѣзда сельскихъ хозяевъ въ Москвѣ. Засѣданіе 27 декабря 1870 года.

Уставы примѣрные, приложенные къ № 3 и 4, нѣсколько устарѣли, по сравненію съ новѣйшимъ образцовымъ; притомъ у Колюпанова переведенъ уставъ Шульце-Делича по изданію 1869 года, а послѣдній значительно измѣненъ самимъ авторомъ въ 1870 году. Вообще для предупрежденія всякихъ недоразумѣній при пользованіи сочиненіями Шульце-Делича, необходимо имѣть въ виду слѣдующее указаніе. Кромѣ многочисленныхъ изданій, прямо не относящихся сюда, Шульце-Деличъ успѣлъ провести сначала прусскій законъ объ ассоціаціяхъ, отъ 27 марта 1867 года, а затѣмъ и сѣверо-германскій законъ, отъ 4 іюля 1868 года, почему онъ вынужденъ былъ сдѣлать значительныя дополненія къ слѣдующимъ своимъ изданіямъ:

6) Vorschuss-und Creditvereine als Volksbanken, etc. IV Auflage. Leipzig, bei E. Keil. 1869.

7) Vollständige Anweisung für Vorschuss- und Creditvereine, die sich unter das Preussische Genossenschaftsgesetz stellen wollen. Leipzig, bei E. Keil. 1868

8) Neue Anweisung für Vorschuss- und Creditvereine zur Unterstellung unter das Genossenschaftsgesetz des Norddeutschen Bundes. Leipzig, bei E. Keil. 1869.

Оба послѣднія руководства (Anweisung) были не только слиты, но совершенно вновь обработаны, вслѣдствіе важныхъ успѣховъ въ организаціи ферейновъ, и такимъ образомъ составилось:

9) Neue vollständige Anweisung für Vorschuss- und Creditvereine, nebst Musterstatut und Motiven, etc. Leipzig, bei E. Keil. 1870.

С.-петербургское отдѣленіе комитета, учрежденнаго при Императорскомъ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства для разработки вопроса о ссудныхъ и промышленныхъ товариществахъ (артеляхъ), издало нынѣ два выпуска 1873—1874 гг. сборника матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи.

Сверхъ этого общаго изслѣдованія, разработка нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ и въ томъ числѣ вопроса объ обстановкѣ существующихъ у насъ потребительныхъ артелей вызвали комитетъ еще къ соотвѣтственному спеціальному изслѣдованію, а именно по слѣдующимъ соображеніямъ.

Изъ всѣхъ формъ примѣненія артельнаго начала, потребительныя общества имѣли какъ на материкѣ западной Европы, такъ и у насъ, наименѣе успѣха. У насъ въ Россіи потребительныя общества появились ранѣе другихъ видовъ артели и распространялись въ началѣ довольно быстро, но вскорѣ не только остановились въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ, но во многихъ мѣстахъ даже прекратили свои дѣйствія. Разъясненіе причинъ этого прискорбнаго явленія существенно важно, ибо потребительныя артели могли бы имѣть у насъ огромное значеніе, особенно въ мѣстностяхъ удаленныхъ отъ рыночныхъ центровъ, и привиться не только въ городахъ, но преимущественно въ средѣ сельскаго и фабричнаго населенія нашего. Кроется ли причина неудачъ, постигшихъ многія русскія потребительныя общества, въ томъ, что артели эти преимущественно образовались въ городахъ, и что участіе въ нихъ главнымъ образомъ принимаютъ лица сравнительно достаточныя, не придающія особенной цѣны, относительно небольшимъ, сбереженіямъ на предметахъ своего потребленія, или виновата въ томъ организація и не искусное веденіе дѣлъ этихъ предпріятій, или приведенныя причины дѣйствуютъ совмѣстно съ разными другими неблагопріятными условіями?

Литературная дѣятельность комитета получила уже и теперь довольно значительное развитіе; объ этомъ свидѣтельствуетъ прилагаемый списокъ изданій с.-петербургскаго отдѣленія.

1) Сельскія ссудосберегательныя товарищества. 3-е изданіе.

2) Образцовый уставъ ссудосберегательныхъ товариществъ.

3) Библіографическій указатель книгъ и статей, относящихся до обществъ основанныхъ на взаимности, артелей, положенія рабочаго сословія и мелкой кустарной промышленности въ Россіи, составленный В. И. Межовымъ, 1872 и 1874 г.

4) Правила счетоводства и отчетности для сельскихъ ссудосберегательныхъ товариществъ съ образцами.

5) Счетныя книги и формы по образцамъ правилъ счетоводства и отчетности, въ переплетахъ.

6) Отчетъ комитета о сельскихъ, ссудосберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ, спб., 1874 г.

Эти изданія подлежали разсылкѣ въ земскія собранія и управы для предотвращенія пагубныхъ недоразумѣній и недомолвокъ въ уставахъ, или вообще для избавленія ихъ отъ необходимости въ своеобразныхъ измышленіяхъ; а съ другой стороны, и ради сравненія съ тѣми указаніями, которыя, какъ руководящія начала, предложены земствамъ непосредственно отъ министерства финансовъ относительно тѣхъ же ссудосберегательныхъ товариществъ.

Управляющій министерствомъ финансовъ, генералъ-адъютантъ Грейгъ обратился съ циркуляромъ отъ 9 іюля 1871 г., за № 8188, ко всѣмъ уѣзднымъ и губернскимъ земскимъ управамъ Имперіи. Къ послѣднему приложены были

образцовые уставы и правила, касающіяся утвержденія ссудосберегательныхъ товариществъ. Далѣе сдѣлано было распоряженіе, чтобы упомянутыя правила и уставъ можно было получать безплатно въ каждой уѣздной управѣ. Въ циркулярѣ министерства упоминается, что Высочайше утвержденнымъ, 21 іюля 1869 г., положеніемъ комитета министровъ, въ видахъ возможнаго распространенія народныхъ кредитныхъ учрежденій, сходныхъ въ началахъ своихъ съ феллинскою кассою и рождественскимъ ссуднымъ товариществомъ, и для облегченія порядка ихъ открытія, предоставлено министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, собственною властію, какъ разрѣшать открытіе подобныхъ учрежденій, такъ и утверждать необходимые для ихъ дѣйствія уставы.

Необходимость составленія общаго устава и правилъ была признана, какъ министерствомъ финансовъ, такъ и артельнымъ комитетомъ Императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства, но убѣжденія и взгляды того и другаго не вполнѣ совпадаютъ и, такимъ образомъ, явилось два руководства: одно отъ министерства, а другое, одобренное тѣмъ же министерствомъ, отъ московскаго общества.

Въ циркулярѣ министерства говорится, послѣ указанія на содѣйствіе земства и частныхъ лицъ, что «тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что устройство ссудосберегательныхъ товариществъ идетъ довольно медленно и что главное къ тому затрудненіе заключается въ составленіи проектовъ уставовъ. Для отстраненія сего затрудненія, министерство финансовъ; руководствуясь уже выработанными на опытѣ началами, напечатало правила для составленія сихъ уставовъ».

«Препровождая при семъ десять экземпляровъ этихъ правилъ, позволяю себѣ выразить увѣренность, что управа окажетъ этому дѣлу все зависящее отъ нея нравственное и, если найдетъ возможнымъ, денежное содѣйствіе и сообщитъ эти правила тѣмъ частнымъ лицамъ, которыя пожелаютъ способствовать къ образованію этихъ народныхъ кредитныхъ учрежденій».

Изъ *правилъ для составленія уставовъ ссудосберегательныхъ товариществъ* мы остановимся на трехъ, касающихся какъ бы предварительныхъ условій учрежденія.

Пунктъ I правилъ опредѣляетъ, что «для открытія ссудосберегательнаго товарищества *необходимо согласіе не менѣе 20 лицъ*, которыя должны составить уставъ, представать оный, за подписями своими и своихъ уполномоченныхъ, министру финансовъ». Этимъ весьма существеннымъ постановленіемъ открытіе товарищества перестаетъ быть связаннымъ съ авторизаціею земствъ; нѣтъ необходимости вносить проекты въ земскія управы, склонять ихъ къ ходатайству, а помимо такого оффиціальнаго возникновенія, преобладающаго до сихъ поръ, хотя конечно ни сколько не въ ущербъ дѣлу сельскаго кредита, въ чемъ долженъ убѣдить каждаго обзоръ дѣйствій земствъ на пользу кредитныхъ артелей,—предоставляется полный и необходимый просторъ частному почину, которому по желанію остается обращаться, или не обращаться, за содѣйствіемъ къ земствамъ, обществамъ или капиталистамъ, и только въ первомъ случаѣ предусмотрѣно обезпеченіе взаимныхъ отношеній и обязательствъ (п. IV и V). При всемъ томъ предотвращается подача проектовъ, имѣющихъ характеръ ни на чемъ неосновательныхъ затѣй, и требуется въ доказательство прочности самаго начинанія не менѣе 20 подписей.

На изданіе настоящаго нормальнаго устава, который оставалось бы только принимать учредителямъ, чтобы открывать дѣйствія артели, министерство не склонилось, и пунктъ VII подтверждаетъ, что «никакое ссудосберегательное товарищество не можетъ открыть свои дѣйствія прежде полученія обратно своего устава, по утвержденію онаго министрами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, по силѣ Высочайше утвержденнаго, 21 марта 1869 г., положенія комитета министровъ». Это условіе повторяется въ IX пунктѣ по приложенію къ проекту артельнаго комитета въ частности: «Тѣ лица, кои пожелаютъ учредить ссудосберегательныя товарищества на основаніи образцоваго устава, составленнаго Императорскимъ московскимъ обществомъ сельскаго хозяйства, могутъ, постановивъ правила, опредѣленіе коихъ по сему уставу предоставлено учредителямъ, представить дополненный такимъ образомъ уставъ министерства финансовъ для утвержденія его, согласно выше упомянутому положенію комитета министровъ».

Дальнѣйшій подробный разборъ, основанный на сопоставленіи всѣхъ отдѣльныхъ §§ нашихъ и западныхъ европейскихъ артелей, сдѣланъ нами въ эконом. обозрѣніяхъ Ж. С. и Лѣсоводства.

§ 73. Внѣшнее выраженіе и своеобразныя формы кредитнаго оборота по непосредственному обращенію цѣнностей. Виды переводныхъ обязательствъ.

Успѣхъ обращенія цѣнностей зависитъ во всѣхъ формахъ отъ основнаго обстоятельства: насколько трудно добыть равноцѣнность; потому то натуральная мѣна вытѣсняется денежною, при посредствѣ же послѣднихъ возникаетъ купля и продажа, или иначе обмѣнъ посредника на цѣнность. Въ куплѣ-продажѣ мѣна денегъ на цѣнности совершается въ одно время и на мѣстѣ. Если же происходитъ разъединеніе купли-продажи отъ платежа, зависящее отъ нужды въ сбытѣ и основывающееся на обѣщаніи возврата, то купля превращается въ заемъ, а продажа въ ссуду. На соотвѣтствіе кредитной сдѣлки куплѣ-продажѣ указываетъ и тотъ общій имъ признакъ, что равноцѣнность возвращается при первой, а уплачивается при второй не въ натурѣ, а въ деньгахъ. Всякая ссуда разыгрывается отсроченнымъ платежемъ, или сообственно послѣдній замѣняется возвратомъ.

Вторая черта кредитнаго обращенія заключается въ условіяхъ возврата. Возвратъ, въ общемъ положеніи, имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда цѣнность отдана въ чужое обладаніе. Если бы уступка цѣнности при кредитной сдѣлкѣ была сопряжена только съ поль-

зованіемъ и распоряженіемъ, то послѣдняя не соотвѣтствовала бы куплѣ-продажѣ, тогда подъ нее подходило бы и понятіе найма. Въ этомъ случаѣ мѣноваго обращенія цѣнностей не было бы, потому что послѣднее требуетъ полнаго отчужденія. Для разграниченія кредита отъ уступки вообще нужно имѣть въ виду, какъ существенный признакъ, передачу цѣнности въ пользованіе, распоряженіе и владѣніе, допускающую замѣну при возвратѣ. Потому-то предметомъ кредитной сдѣлки и не можетъ быть *трудъ*, который привлекается къ обороту посредствомъ найма, или путемъ участія въ прибыляхъ. Капиталы и запасы только и могутъ быть предметами ссудо-займовъ, а послѣдніе предполагаютъ какъ существенное условіе *замѣнимость*. Замѣнимость бываетъ: 1) *полная* и 2) *ограниченная*, или видовая. Возможно выговорить, чтобы была возвращена равноцѣнность подобная, извѣстнаго вида. Это будетъ ссуда съ оттѣнкомъ, напоминающимъ обмѣнъ натурою, т. е. поставка. Такимъ образомъ, кредитъ есть сдѣлка по обращенію цѣнностей, при которой, вмѣсто купли-продажи съ одновременнымъ платежемъ, возникаетъ разъединенный ссудо-заемъ съ возвратомъ, который обусловленъ либо полною, либо видовою замѣнимостію средствъ возмездія. Въ первомъ случаѣ возникаетъ ссуда-заемъ, во второмъ—поставка.

Кредитъ отличается отъ найма тѣмъ, что послѣдній требуетъ возврата той же самой цѣнности, которая всегда отдается въ одно пользованіе и распоряженіе, съ сохраненіемъ ея въ томъ же самомъ видѣ: кредитъ предполагаетъ отчужденіе, а наемъ только пользованіе и распоряженіе.

Отношеніе создаваемое кредитнымъ обращеніемъ называется долгомъ. Долгъ можетъ имѣть форму устнаго, или письменнаго обязательства и можетъ быть обставленъ обезпеченіями и закладомъ. Упуская изъ виду послѣднее обстоятельство, напрасно полагаютъ многіе, что въ основаніи кредита лежитъ довѣріе. Нельзя не отрицать послѣдняго, если на довѣріе смотрѣть, не какъ на чистую увѣренность въ честности и нравственности заемщика, а какъ на экономическое убѣжденіе въ томъ, что заемщикъ имѣетъ возможность и средства уплатить долгъ. Очень часто случается, что къ заемщику имѣютъ самое ничтожное довѣріе нравственное, но если ссудодатель замѣчаетъ по его хозяйственной обстановкѣ, что онъ въ состояніи уплатить долгъ, то даже ссужаютъ его не смотря на личную нечестность. Слѣдовательно, довѣріе въ кредитѣ не имѣетъ того

нравственнаго содержанія, которое вообще съ нимъ соединяютъ, а скорѣе выступаетъ отрицательнымъ элементомъ, опредѣляется отсутствіемъ опасенія, что должникъ уклонится отъ возврата. Такое промышленное опасеніе вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ *страхомъ*, который на нашъ взглядъ представляетъ самостоятельную сторону борьбы съ хозяйственной обстановкою. Именно страхъ побуждаетъ человѣка принимать различныя мѣры для охраненія своего достоянія и хозяйства отъ ущерба; а всякія аналогическія сдѣлки могутъ быть названы страховыми и страхованіемъ. Въ кредитной сдѣлкѣ экономическое выраженіе получаетъ не довѣріе, а страхъ, т. е. ссудодатель, отчуждая цѣнность, отнюдъ не вѣритъ, что ему ее возвратятъ, а прямо и старается ослабить всякое опасеніе и страхъ, посредствомъ обязательства, поручительства, заклада и залога. Если бы въ основаніи кредита не было страха, то не должно бы быть и вознагражденія сверхъ средняго капитальнаго дохода, довѣріе должно вести къ однообразной возмездности ссудъ. Страхъ же вызываетъ добавочное вознагражденіе къ текущему проценту.

Ослабленіемъ опасеній и страха для ссудодателей и должно, какъ мы видѣли, задаваться всякое приложеніе артельнаго строя къ кредитнымъ предпріятіемъ. Тоже стремленіе вызвало еще раньше отчетливыя формы для всѣхъ кредитныхъ обязательствъ, безъ которыхъ не совершается ни одна кредитная сдѣлка порознь. Экономическая сущность кредитныхъ обязательствъ отчетливѣе всего и опредѣляется уже послѣ, занимавшаго насъ до сихъ поръ, разбора основаній кредита и приложенія къ нему артельной взаимности.

Такъ какъ кредитная сдѣлка есть передача цѣнностей изъ за равноцѣннаго возврата въ будущемъ и отличается отъ купли-продажи разъединеніемъ уплаты, то она состоится тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ надежнѣе выражено и обязательство соотвѣтственнаго возврата, и страховое обезпеченіе. Обращеніе цѣнностей изъ за будущаго возврата возникло вѣроятно еще при мѣнѣ натурою, такъ какъ не всегда возможно было представить полное количество требуемыхъ цѣнностей, ихъ не удобно было беречь у себя. Вообще для храненія въ древности возникаетъ обычай помѣщенія цѣнностей въ храмы. Въ томъ же храмѣ передача платежей между вкладчиками могла удобно совершаться переводомъ хранимыхъ вещей на другое лицо. Есть, далѣе, довольно близкія указанія существованія въ древности перевода долговъ на третьи лица и мѣста. Такъ напр., въ рѣчи Изо-

крата упомянуто о томъ, что Стратоклъ, отправлялся въ Понтъ; другой просилъ у него денегъ съ тѣмъ, что отецъ послѣдняго уплатитъ Стратоклу эти деньги въ Понтѣ. Побужденіемъ къ такой сдѣлкѣ было опасеніе прямой пересылки денегъ изъ Понта въ виду превратностей отъ лакедемонскихъ разбойниковъ на морѣ, долговременности и т. п. Но Стратоклъ потребовалъ удостовѣренія въ томъ, что ссудобратель заплатитъ ему самъ въ случаѣ отказа отца, тотъ и повелъ Стратокла къ Пазіону, извѣстному денежному человѣку, который и поручился. Это была не только переводная, косвенная кредитная сдѣлка, но и съ поручительствомъ въ случаѣ непринятія къ платежу долга; одно отличіе отъ современнаго векселя составляло отсутствіе письменнаго обязательства, сдѣлка была словесная. Другой примѣръ встрѣчается въ письмѣ Цицерона къ Аттику. Въ немъ знаменитый ораторъ проситъ послѣдняго написать, нужно-ли сыну доставить деньги въ Аѳины путемъ мѣновой сдѣлки, или пересылкою (permutarine possit an ipsi ferendum sit). Подъ мѣновою вѣроятно разумѣется такая же сдѣлка, какая представляется изъ рѣчи Изократа. Вѣроятно рѣчь идетъ о какомъ нибудь кущѣ, могущемъ доставить деньги при переводѣ въ Аѳинахъ, и получить ихъ отъ Цицерона въ Римѣ. Но сдѣлки эти не самостоятельны, въ нихъ дѣйствуютъ лишь двѣ функціи кредита займовая и страховая, третьей—оборотной еще нѣтъ. Нѣтъ опредѣленной формы сдѣлки, своеобразнаго средства перевода, каково позднѣйшее мѣняльное письмо, или вексель.

Самое названіе векселя, существующее нынѣ на всѣхъ языкахъ, объясняется его происхожденіемъ. Какъ въ древности цѣнности помѣщались въ храмахъ и вкладчики могли вести между собою разсчеты, такъ въ средніе вѣка съ тою же цѣлью принимаютъ вклады мѣняла. Въ XII столѣтіи возникаетъ и письменная форма перевода денегъ: мѣняло пишетъ къ мѣнялу объ уплатѣ извѣстной суммы извѣстному лицу. И такъ первоначально вексель—письмо мѣняльное. Причины возникновенія подобныхъ сдѣлокъ были слѣдующія: чеканка монеты была различна, монета была часто сомнительнаго содержанія, и въ вѣсѣ и въ пробѣ. Важно было имѣть удостовѣреніе о полученіи не фальшивой монеты и того вида, какого она была нужна для купца на мѣстномъ рынкѣ. Такъ мѣняльное письмо имѣло цѣлью доставить уплатившему напр. въ Венеціи цекинами, по прибытіи въ Аугсбургъ ту же сумму въ талерахъ; пер-

вая выгода переводныхъ сдѣлокъ было обезпеченіе въ полученіи мѣстной и полноцѣнный монеты. Съ другой стороны, торговыя путешествія въ средніе вѣка были крайне опасны. Производились провозъ и переѣздъ караванами подъ прикрытіемъ наемной вооруженной силы и притомъ лишь періодически по ярмаркамъ. Въ промежутки между ярмарками не нужно было купцамъ денегъ, они могли хранится у мѣнялъ подъ векселя, а къ наступленію ярморокъ важны были сдѣлки, избавлявшія отъ перевоза денегъ. Такъ если и были бы похищены, или потеряны векселя, то никто по нимъ не получитъ вклада или валюты—это именныя письма. Съ другой стороны, можно дать знать плательщику, или апцептанту о пріемѣ или непріемѣ векселя къ платежу, притомъ удостовѣреніе въ личности получателя, или предъявителя ставилось необходимымъ условіемъ.

Эти мѣняльныя письма, или векселя утвердили въ обращеніи окончательно переводныя сдѣлки, съ помощью ихъ переводились огромныя состоянія. Мѣстомъ появленія векселя была Ломбардія. Какое значеніе они тамъ получили видно изъ того, что впервые обычное вексельное право, выработавшееся внѣ традицій римскаго права, получило письменную узаконенную форму въ болонскомъ уставѣ 1569 г. Итальянскіе campsores составляли цехи, избирали на мѣстахъ старшинъ—consuli—разбиравшихъ вексельныя дѣла, учреждали въ прочихъ городахъ Европы отдѣленія—commandite, и сами, вмѣстѣ съ своими учрежденіями, прослыли внѣ Италіи ломбардами. Кромѣ того, всѣ термины кредитныхъ сдѣлокъ итальянскаго происхожденія, слово банкротъ объясняется только итальянскимъ обычаемъ наказанія несостоятельныхъ мѣнялъ: всякій изъ нихъ имѣлъ въ извѣстномъ мѣстѣ рынка свой столикъ (banca), который въ случаѣ неисполненія имъ обязательствъ опрокидывался полиціею (banca rotta).

Распространенію денежныхъ и кредитныхъ оборотовъ не мало содѣйствовали и евреи; издавна они подвергались гоненіямъ, ограбленіе ихъ не только не было безчестнымъ, а напротивъ считалось заслугою, не говоря уже о прибыльности. Все это побуждало евреевъ приводить свое состояніе въ форму удобнѣе всего сохраняющуюся и скрываемую, т. е. въ деньги, поэтому-то евреи являются уже съ Ассирійскаго и Вавилонскаго плѣненія преимущественно денежными мѣнялами и ростовщиками. Широко стали пользоваться евреи

мѣняльными письмами при изгнаніи изъ Испаніи Филиппомъ II, для безопаснаго перевода своего имущества въ Италію. Точно также поступали мавры при изгнаніи ихъ изъ той же страны, они брали переводы на Африку (Тунисъ, Танжеръ, Цеуту и др.). Во время этихъ гоненій XVI и XVII ст. вексель вполнѣ развился.

Кредитная сдѣлка стала совершенно самостоятельна, когда получила письменное, прочное выраженіе, знать нужно стало только подпись, личность можетъ оставаться неизвѣстною. Число лицъ между которыми можетъ происходить кредитный оборотъ увеличивается. Кредитъ, не создавая капиталовъ, уничтожаетъ ихъ бездѣйствіе, даетъ имъ жизнь. Положимъ производитель приготовилъ мебель но не нашелъ покупателей, онъ не можетъ продолжать работу—его капиталъ остается мертвымъ до сбыта мебели; если же лѣсоторговецъ ссужаетъ ему лѣсъ на дальнѣйшее производство, онъ уже можетъ продолжать свою работу. Но тутъ еще не граница кредитному обращенію. Положимъ далѣе, что трактирщикъ затратилъ свой капиталъ, ссужая своими явствами въ долгъ потребителей, причемъ онъ же нуждается въ мебели. Столяръ по указанію лѣсоторговца можетъ ссудить ему мебель.

Зная хозяйственную благонадежность должника, вѣритель можетъ брать его обязательство, хотя лично совершенно его не знаетъ. Обязательство же можетъ переходить чрезъ 3, 4, 5 и 7 рукъ и всѣ ихъ сдѣлки разрѣшатся однимъ окончательнымъ платежемъ тому лицу, которое послѣднее имѣло въ рукахъ вексель, промежуточныя же передачи будутъ удовлетворены однимъ разрѣшеніемъ долговаго отношенія. Наконецъ, лица увѣренныя въ состоятельности другихъ могутъ производить между собою ссуды безъ прямаго послѣдующаго возврата, а выдавать обязательство, на третье лицо. Это будетъ уже переводною сдѣлкою—косвенною передачею капитала. Такія то сдѣлки первоначально и совершались съ помощью, векселя мѣнялами (campsores, agents de change, changeurs). Итальянцы иногда получали даже привиллегіи на совершеніе подобныхъ сдѣлокъ, напр. въ Тулузѣ и Прирейнскихъ городахъ. Того же добивались цехи мѣнялъ и въ другихъ мѣстахъ Франціи и Сѣв. Италіи. Въ XIV в. сдѣлки такъ распространились, что всѣ убѣждались въ выгодности ихъ; поэтому многіе настаивали на предоставленіи вексельнаго права всѣмъ и каждому. Въ 1348 г. въ Э.

(Aix) городскимъ магистратомъ издано постановленіе, что мѣняльный промыселъ есть свободное занятіе!

По смыслу косвеннаго переводнаго кредитнаго оборота ясно, что онъ долженъ совершаться тремя лицами: 1) векселедатель, или трассантъ обязываетъ 2) векселепринимателя или аксептанта, который какъ трассатъ долженъ уплатить по векселю—3) предъявителю, или презентанту. По траттѣ, или переводному векселю, слѣдовательно, платитъ не выдающій его, а другое лицо, на основаніи согласія, въ пользу третьяго, для котораго вексель пишется. Согласіе это выражаетъ въ пріемѣ, или акцентѣ векселя, для чего перводное обязательство принято писать въ двухъ, и даже болѣе, экземплярахъ, первый изъ нихъ, такъ называемый prima, вручается предъявителю, а второй, такъ называемый secunda, пересылается трассату для заявленія и допущенія къ акцепту; самое названіе векселя (lettera di cambio, lettre de change, bill of exchange, Wechselbrieff) имѣетъ происхожденіе отъ подобныхъ косвенныхъ переводныхъ мѣняльныхъ сдѣлокъ, законодательства же впослѣдствіи подъ нимъ стали разумѣть всякое долговое обязательство, коль скоро оно написано по формѣ и съ названіемъ векселя. Такое смѣшеніе происходитъ изъ старанія объ обезпеченіи правъ предъявителя. Въ силу его же возникли особые вексельные уставы и коммерческіе суды. При всѣхъ опредѣленіяхъ, которыя законы подводятъ подъ понятіе векселя, въ наукѣ надо всегда помнить, что прямой вексель (Solawechsel) есть не болѣе какъ росписка, написанная на особой бумагѣ, и вслѣдствіе этого имѣющая силу и обезпеченіе такія же, какъ и косвенное обязательство. Въ прямомъ векселѣ перевода и не совершается, хотя онъ и можетъ быть переданъ, но имъ долгъ не трассируется, онъ не есть тратта. Практика и законодательство смѣшиваютъ ихъ, желая этимъ выразить, что оба они одинаково строго обезпечиваются взысканіемъ. Для избѣжанія безразличія часто называютъ переводный вексель траттою (traite, tratte); долгъ трассируется, векселедатель становится трассантомъ, акцептантъ—трассатомъ. Такое смѣшеніе невозможно, только во Франціи, Англіи и въ Соед. Штатахъ, гдѣ прямой вексель всегда продолжали называть billet à ordre, promissory note.

Вексельныя обязательства могутъ быть различной экономической силы, смотря потому сколько лицъ въ нихъ участвуетъ. Самая форма ихъ въ большинствѣ государствъ предписана закономъ, слѣдуетъ

приводить слово вексель, упоминать что цѣнность получена, или валюта въ зачетъ записана и т. д., нѣкоторые же вексельные уставы не касаются формы и довольствуются опредѣленіемъ вексельнаго взысканія по существу сдѣлки. Простѣйшій видъ переводнаго векселя, когда участвуютъ лишь 3 лица: трассантъ, акцептантъ (трассатъ) и презентантъ. Взысканіе, или побужденіе къ уплатѣ сначала относится къ трассату, и потомъ къ трассанту. Но число участвующихъ лицъ можетъ быть и большее, вслѣдствіе уступки права предъявленія, передачи векселя однимъ предъявителемъ другому. Законодательство принимаетъ, что уступающій предъявленіе другому становится вторымъ векселедателемъ, т. е. возлагаетъ на себя отвѣтственность въ случаѣ отказа отъ акцепта, или платежа по векселю, но при этомъ и трассантъ не освобождается отъ отвѣтственности передъ нимъ. Такою передачею замѣняется переписываніе векселя снова; отмѣчаютъ передачу на векселѣ. При этомъ самая надпись передаточная обезпечена формами по закону. Передаточная надпись издавна дѣлается на оборотъ—in dosso—векселя, а сама передача названа индоссированіемъ, предъявитель передающій становится индоссантомъ, а прописка индоссаментомъ. Понятно, что такая надпись можетъ быть совершена и на векселѣ прямомъ. Каждый индоссантъ несетъ отвѣтственность по векселю, и ихъ можетъ быть сколько угодно. Обращаемость же обязательства ростетъ въ прямомъ отношеніи къ ихъ числу. Банкиры и кредитныя предпріятія, учитывая векселя, требуютъ извѣстнаго числа индоссантовъ. Извѣстность индоссанта также имѣетъ вліяніе на обращаемость векселя. Сначала право выдачи векселя оставалось только за мѣнялами, впослѣдствіи его получаютъ вообще торговыя лица, что во многихъ законодательствахъ сохранилось и до нашего времени, новѣйшая же практика распространила это право на всѣхъ, только у насъ есть еще ограниченія.

Векселя различаются по условіямъ переводной сдѣлки; вообще послѣднія могутъ касаться или: 1) лицъ, или 2) мѣста, или 3) сроковъ.

Во всякой трассировкѣ непремѣнно должно быть три лица: 1) векселедатель — трассантъ, 2) предъявитель—презентантъ, 3) векселепринимать—трассатъ или акцептантъ. Трассатомъ называется лицо на которое данъ вексель, но еще ему не предъявленъ для уплаты; когда же будетъ предъявленъ и онъ обяжется по немъ

платить, тогда онъ получаетъ названіе акцептанта. Уплачивать онъ согласится только тогда, когда онъ признаетъ за трассантомъ право трассировать вексель.

Первоначальная форма векселя была именная, но затѣмъ для большаго удобства передачи была введена безъименная. Именные векселя при передачѣ требуютъ оборотной надписи, или индоссировки. Впослѣдствіи развилась другая форма передачи—индоссировка съ пробѣломъ—in blanco: обозначаются только первый и послѣдній предъявитель, остальные индоссаторы или покупщики пропускаются.

Что касается отвѣтственности по векселю, то она только ложится, въ пользу предъявителя, на трассанта и на трассата, когда вексель безъименный, въ именномъ же она распространяется на индоссантовъ. Если на векселѣ написано: «безъ оборота на меня», тогда индоссантъ передъ векселедержателемъ за него не отвѣчаетъ.

Въ векселѣ можетъ быть обозначенъ срокъ платежа, можетъ онъ зависѣть и отъ обычая, или быть не обозначенъ. Безсрочный называется векселемъ по предъявленію—à vue, a vista, on sight, auf Sicht. По немъ акцептантъ обязанъ платить или тотчасъ же, какъ предъявленъ, или по истеченіи извѣстнаго срока, со дня выдачи или предъявленія, опредѣляемаго рыночнымъ обычаемъ—a uso, auf Kündigung, on call. Послѣдній называется вексель съ предупрежденіемъ. При опредѣленіи срока праздники выкидываются. Относительно уплаты полагается: безсрочный вексель долженъ быть уплоченъ въ теченіи рабочаго времени, въ какое банкирская контора производитъ оборотъ. Если во время не уплачивается по векселю, то обращаются къ протесту. Всѣ условіи протеста опредѣляются по мѣстожительству кредитора. Послѣ протеста установлены извѣстные грацiонные дни, въ которые можно уплатить по векселю.

Если же уплаты нѣтъ и затѣмъ, то начинается судебное взысканіе по протестованному векселю. Допущеніе протеста и пользованіе грацiонными днями въ развитыхъ хозяйствахъ уже считаются предосудительными и колеблютъ кредитъ.

Если вексель выданъ мѣстнымъ торговцемъ другому мѣстному торговцу, то онъ называется мѣстнымъ; эти Loco — Platz — векселя замѣняются въ Нидерландахъ, Англіи, Франціи и вообще, гдѣ развитъ платежный кассовой оборотъ—ордерами, нотами и чеками на банкировъ и банки. Впервые послѣдніе создали голландцы подъ названіемъ Kassier briefjes. Если вексель выданъ иногородному, то на-

вается траттою (переводнымъ); если же торговцу иностранному, то называется римессою. Еще можетъ быть случай, что векселепринимать обязывается платить не въ мѣстѣ своего жительства (гдѣ его фирма или контора), а въ какомъ нибудь другомъ, тогда вексель называется домисилемъ. Вслѣдствіе того, что есть возможность обязываться платить въ другомъ мѣстѣ, иноземный купецъ можетъ согласиться трассировать вексель за границу или въ свое отечество, или же въ отечество векселепредъявителя. Отсюда распадаются римессы еще на отечественные и иноземные, или девизы, которыя написаны большею частію и на иноземную монету.

Кромѣ формальныхъ векселей есть еще прямыя обязательства, которыя носятъ различныя названія, смотря потому, кѣмъ они выдаются. Если они выданы физическимъ лицемъ, то называются заемными письмами, а если юридическими, или предпріятіями, то облигаціями, если поручительскою артелью, то залоговыми обязательствами, заставными листами, если политическими союзами (напр. земствомъ, городомъ, государствомъ), то называются консолами и фондами. Кромѣ того существуютъ кредитныя цѣнности, которыя возникаютъ отъ своеобразныхъ оборотовъ спеціальныхъ кредитныхъ предъпріятій.

Кредитныхъ оборотовъ существуетъ двѣ группы: 1) непосредственныя кредитныя операціи, 2) операціи банковыя. Онѣ другъ отъ друга отличаются. Непромысловыя кредитныя операціи, или обороты имѣютъ одинаковую цѣль съ оборотомъ денежнымъ (куплей и продажей), т. е. передачу цѣнности изъ однихъ рукъ въ другія, и отличіемъ ихъ отъ послѣднихъ служитъ только отсрочка платежа, или замѣнъ послѣдняго возвратомъ. Промысловыя же кредитныя, или банковыя операціи являются организованнымъ посредническимъ оборотомъ, изъ за прибыльнаго возмездія по чужому порученію, а содержаніемъ ихъ служитъ въ первомъ мѣстѣ обращеніе капиталовъ.

§ 74. Курсы: монетный, денежный, вексельный и фондовой. Курсовые обороты и биржевая игра.

Подобно тому, какъ товары различаются на сорта по качествамъ, такъ векселя распадаются на роды на основаніи мѣстъ трассировки: тратты на Лондонъ, Парижъ, или Нью-Іоркъ уже различ-

наго рода переводныя бумаги. Сроки же и личности участниковъ служатъ только видовыми измѣненіями. Служа посредниками обращенія, векселя наравнѣ со всѣми прочими орудіями платежей — паевыми, кредитными цѣнностями и деньгами — служатъ и сами предметомъ мѣновыхъ сдѣлокъ: продаются, покупаются и пересылаются, какъ товары и подобно послѣднимъ подлежатъ колебаніямъ въ цѣнѣ. Однако цѣну мѣновыхъ посредниковъ, монеты и денежныхъ знаковъ, точно также, какъ и паевыхъ и кредитныхъ представителей цѣнностей, принято называть *курсомъ*, въ отличіе отъ *цѣны* товаровъ, какъ средствъ къ производственнымъ затратамъ или къ прямому потребленію; между тѣмъ какъ первыя служатъ только орудіями для предпринимательскихъ оборотовъ, или посредниками доходныхъ помѣщеній.

Въ той же монетной системѣ курсъ отдѣльныхъ разрядовъ денегъ измѣряется и выражается или основною монетою, или прочими единицами. Такъ *монетный курсъ* золотой опредѣляется на серебряную, а той и другой на бумажно-денежную единицу, если водворилась послѣдняя—такъ металлическій рубль можетъ имѣть монетный курсъ въ 1 р. 13 коп., а полуимпріалъ въ 5 р. 91 к. Бумажныя же деньги, вслѣдствіе исключительнаго податнаго обезпеченія, вытѣсняя какъ худшія деньги изъ внутренняго обращенія полноцѣнную золотую и серебряную монету, или т. н. звонкій металлъ, какъ лучшія деньги, въ послѣднемъ случаѣ могутъ только и имѣть *принудительный курсъ* (cours forcé, legal tender); или по крайней мѣрѣ, кромѣ Италіи связанною монетною конвенціею романскихъ государствъ, повсюду до сихъ поръ законоположеніями воспрещается выражать ихъ монетный курсъ въ металлѣ, звонкостію. Вотъ почему, денежные знаки съ обязательною обращаемостію всегда оцѣниваются, сдѣлавшись счетною единицею, на иноземныя монеты. Международная цѣна вообще всѣхъ монетъ разныхъ странъ выражается въ *денежномъ курсѣ*, такъ называемомъ въ тѣсномъ смыслѣ; въ первомъ мѣстѣ ему то подлежитъ туземная основная денежная единица. За послѣднимъ исключеніемъ бумажныхъ денегъ, международный денежный курсъ соображается не со спросомъ и предложеніемъ только, но главнѣйше съ содержаніемъ фейна въ монетахъ, съ приданными имъ въ чеканкѣ пробою и вѣсомъ.

На сколько звонкая монета сама по себѣ полноцѣнный товаръ

и на сколько векселя единственно могутъ служить посредниками для платежныхъ разсчетовъ, на столько рѣзко отличается денежный курсъ отъ *вексельнаго курса*. Оба совпадаютъ только для странъ съ бумажноденежнымъ обращеніемъ, по только что изложеннымъ причинамъ.

Далѣе, въ противоположность къ денежному и вексельному курсамъ, всѣ прочія паевыя и кредитныя цѣнности, подъ общимъ названіемъ эффектовъ и фондовъ, имѣютъ *курсъ на бумаги*.

Всѣ же сдѣлки, экономически возможныя на основаніи курсовъ и ихъ движенія, полнѣе всего обнаруживаются на вексельномъ курсѣ; обороты, спекуляція и игра по приложенію къ послѣднему объясняютъ удовлетворительно и курсовые разсчеты по отношенію къ остальнымъ посредникамъ обращенія и представителямъ цѣнностей и капиталовъ.

Спросъ и предложеніе при вексельномъ курсѣ заключаются въ размѣрѣ потребности средствъ къ уплатамъ за границу, или вообще въ мѣстахъ трассировки, и въ количествѣ требующихъ реализаціи ссудъ на мѣстѣ. Размѣръ иномѣстныхъ платежей зависитъ, главнымъ образомъ, отъ привоза оттуда товаровъ, а вексельныхъ требованій отъ вывоза товаровъ въ другія мѣста. Если страна A обязана доставить странѣ $Б$ значительныя средства къ покрытію кредитовъ, т. е. платежа, то въ первой будетъ большой спросъ на векселя въ $Б$ и денежный курсъ на $Б$ повысится; въ тоже время въ $Б$ вексельной курсъ на A будетъ низокъ, такъ какъ придется въ послѣднюю страну трассировать большія суммы и сполна весь долгъ, если A не успѣетъ долю послѣдняго уплатить римессами. Если же торговыя и платежныя сношенія A и $Б$ таковы, что трассировки и ремиттированіе убыточнѣе пересылки звонкаго металла для платежей, или если и послѣдняго недостаетъ, то постараются сосчитаться избравъ третье, въ прямомъ товарномъ или долговомъ оборотѣ непричастное, мѣсто для трассировокъ и покупки римессъ. Тогда въ A курсъ на B будетъ возвышаться, а въ $Б$ на B понижаться. Предѣлы колебаній для вексельнаго курса получаются отъ размѣра, въ которомъ для покрытія кредитовъ употребляется звонкій металлъ; такъ Сѣверо-Американскіе штаты производятъ платежи въ Европу и особенно въ Англію преимущественно золотомъ; Англія и Франція въ Остъ-Индію, Китай, Японію, Египетъ преимущественно серебромъ. Движеніе вексельнаго курса сплошь

и рядомъ служитъ причиною тому, что однородные товары не привозятся изъ одного и того же мѣста, хотя бы тамъ предложеніе вполнѣ покрывало иноземный спросъ, а также и не вывозятся въ одно мѣсто спроса, а въ разныя, соображаясь съ тѣмъ, чтобы получать или производить платежи по самому выгодному вексельному курсу. При бумажно-денежномъ обращеніи цифровое выраженіе курса мѣняется въ зависимости отъ монетной цѣны, при чемъ вексельный курсъ можетъ оставаться неизмѣннымъ, послѣдній нерѣдко служитъ главною поддержкою денежнаго курса. Это повторялось въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, Австріи и у насъ *).

Въ частности вексельный курсъ еще зависитъ отъ срока платежа, почему на тоже мѣсто нерѣдко показывается въ биржевыхъ листкахъ два курса, одинъ для векселей по предъявленію, другой для срочныхъ, обыкновенно на 1, 2 или 3 мѣсяца. На многихъ же биржахъ въ послѣднее время ограничиваются однимъ курсомъ по предъявленію, для дальнѣйшихъ отъ него сроковъ показываются соотвѣтственные учетные проценты, которые и приходится просто вычесть изъ курса по предъявленію, смотря по отдаленности срока. За отсутствіемъ товарныхъ и долговыхъ оборотовъ между извѣстными биржами не можетъ возникать и никакого вексельнаго курса, поэтому не во всѣхъ мѣстахъ есть курсы на всѣ мѣста, а отдѣльные курсовые листки различныхъ биржъ вполнѣ своеобразны по показаніямъ мѣстъ трассировокъ. При выборѣ количествъ денежныхъ единицъ приводимыхъ въ уравненіе, или при разсчетѣ валюты, также придерживаются историческаго преданія, а показывается только одна цѣна въ монетѣ трассировочнаго мѣста; поэтому къ каждому курсовому листу нуженъ свой ключъ.

На основаніи надежности трассирующихъ и индоссаторовъ изъ всей массы векселей, обращающихся на данной биржѣ, выдѣляются т. н. первоклассные векселя, meilleur papier, feinstes Papier.

Если необходимо покрытіе, или непосредственный платежъ по товарному, или финансовому обороту, или же осуществляется по нимъ полученіе и реализація возврата, то тому представляется

*) Подробности обстоятельно изложены у *George I. Goschen*, the theory of the foreing exchanges, London, 1864 г.—*A. Saling*, die Börse und die Börsengeschäfte. 3 Th., Berlin, 1870 г. — Слабъ въ теоретической части единственный у насъ сборникъ — *Гейлеръ*, Процентныя бумаги въ Россіи, С.-Петербургъ, 1871 года.—*Патлаевскій*, теорія денежнаго обращенія по Рикардо, Одесса, 1871 г. —*Шторхъ*, денежные знаки въ Россіи, Спб., 1868 г.

много путей, изъ которыхъ выгоднѣйшій открывается при должномъ соображеніи съ денежными и вексельными курсами. Рѣшеніе указанной задачи требуетъ обстоятельныхъ выкладокъ на основаніи всѣхъ курсовыхъ листовъ, состоящихъ въ связи съ даннымъ мѣстомъ, это рѣшающее и взвѣшивающее вычисленіе называется *арбитражемъ*. Если Лондонъ долженъ производить уплаты въ Парижъ, но золото, обилущее въ первомъ, дешево и во второмъ, какъ это теперь имѣетъ мѣсто (іюнь 1874 г.), а серебро въ Лондонѣ дороже, чѣмъ въ Парижѣ, т. е. вообще пересылка звонкаго металла невыгодна по арбитражному сопоставленію, то остаются слѣдующіе вексельные обороты: пересылка въ Парижъ римессъ на Парижъ; пріемъ въ Парижѣ траттъ на Лондонъ; пересылка въ Парижъ девизовъ на такія мѣста, съ которыми онъ состоитъ въ курсовыхъ помѣткахъ; пересылка изъ Брюсселя, по порученію Лондона, въ Парижъ или римессъ на Парижъ, или девизовъ на третьи мѣста; акцептація трассировокъ изъ Парижа на Брюссель за счетъ Лондона. Исполненіе арбитража принимаютъ вездѣ на себя спеціальные банкиры, а выгода отъ него состоитъ въ курсовой разницѣ различныхъ родовъ векселей и денегъ звонкихъ, или сортовъ монетъ, на отдѣльныхъ рынкахъ.

Въ то время, какъ денежный и вексельный курсы имѣютъ существенное значеніе въ международныхъ платежахъ и служатъ главнымъ основаніемъ арбитража, а послѣднимъ водворяется равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ на расплатныя средства въ разныхъ мѣстахъ,—курсъ на цѣнныя бумаги, или бумажныя цѣнности является предметомъ колебаній, а послѣднее источникомъ праздной поживы—для *биржевой игры*.

Прямой производительный оборотъ разрѣшается и въ области обращенія цѣнностей или куплею-продажею съ единовременною, или будущею отдачею, или поставкою съ дѣйствительнымъ пріемомъ—какъ товаровъ, такъ равно и кредитныхъ цѣнностей и бумагъ. Спекуляція же запасаетъ по низкимъ цѣнамъ, чтобы сбыть по высокимъ, или закупками повышаетъ намѣренно, а продажами понижаетъ цѣны, но во всякомъ случаѣ она ссылается на наличный платежъ, совершаетъ сдѣлки au comptant.

Наконецъ, понятно, дѣйствительныя сдѣлки по пріему, или отдачѣ, и по поставкамъ—какъ товаровъ, такъ и ефектовъ—возможно замѣнить одними фиктивными и тождественными условіями, разсчи-

тывая на доходъ отъ будущей разницы въ цѣнахъ. Имѣя въ виду такой доходъ само условіе разрѣшается не отдачею, а платежемъ разницы, отъ первой же потерявшій можетъ отказаться; это-то обстоятельство усвоиваетъ уже всякому условію о разницѣ въ цѣнѣ развязку въ будущемъ: условіе пріобрѣтаетъ силу съ наступленіемъ опредѣленнаго срока. Такимъ образомъ содержаніе условія— это споръ о двухъ статочностяхъ, силу же оно пріобрѣтаетъ въ зависимости отъ срочности. Вотъ характерные два признака такъ называемыхъ срочныхъ розничныхъ сдѣлокъ (marché à terme et à prime, Differenz oder Praemiengeschäfte), которыя по дутому своему основанію болѣе извѣстны подъ терминомъ ажіотажа (отъ agio, какъ добавочной разницы въ курсахъ), или биржевой игры.

Спекулянты или игроки, заключая сдѣлку или дутое условіе о пріемѣ по опредѣленному курсу бумаги въ будущій срокъ—разсчитываютъ и держатъ на повышеніе—à la hausse—такъ какъ имѣть барышъ они могутъ только отъ превышенія настоящей цѣны будущею къ условному сроку. Обязавшіеся отдачею или доставкою служатъ представителями будущаго пониженія—baisse. Въ случаѣ спекулятивной сдѣлки договорившіеся могутъ въ моментъ заключенія сдѣлки еще и не имѣть ни свободныхъ платежныхъ средствъ, ни потребнаго товара или бумагъ, а надѣются единственно до поступленія срока запастись, *покрыть* свои обязательства, отсюда сдѣлка по отдачѣ называется непокрытою—à découvert, in blanco, fixen. Спекулянтъ и игрокъ въ указанныхъ случаяхъ нисколько не соображаются съ дѣйствительною экономическою стоимостію и нормальною рыночною цѣною товара или бумагъ, а единственно съ силою представителей hausse, или baisse, съ направленіемъ биржеваго теченія цѣнъ. Огромныя денежныя средства могутъ, очевидно, смотря по затратѣ на срокъ имъ данной, произвести или hausse, или baisse; мелкій заецъ биржи только высматриваетъ, что намѣрена совершить большая рука, или же для прикрытія туза, совершаетъ сдѣлки и заключаетъ условія по его порученію; гдѣ есть на биржѣ оффиціальные посредники для срочныхъ и другихъ сдѣлокъ, присяжные маклера—le parquet, la corbeille, der Schranken, тамъ онъ излишней огласки спасаетъ—la coulisse. Гдѣ ажіотажъ или биржевая игра и срочныя сдѣлки запрещены по закону, какъ у насъ (Т. X, 2167, п. 2; Выс. утв. мн. Г. Сов. отъ 14 іюля 1848 г.), тамъ не признаны или преслѣдуются и coulissiers,

зайцы. Haussiers и baissiers настоящіе спекулянты, а подставные игроки coulissiers, часть ихъ, заключающая на длинные сроки одни условія на пониженіе, особо называется la contremine. На Лондонской биржѣ—stock exchange въ Ломбардстритѣ—поборники повышенія быки (bulls), а пониженія медвѣди (bears), всѣ же спекулянты обязавшіеся безъ покрытія и затѣмъ неуспѣвшіе въ послѣднемъ исключаются, ихъ имена вывѣшиваются и они прослываютъ подшибенными утками (lame ducks).

Игровыя условія касаются: или пріемы (Nehmen, accepter), или доставки (Geben, fournir), или они альтернативныя (stellage); притомъ выговаривается или твердый срокъ (terme fixe), или ежедневный до такого то числа, или по одному предупредительному извѣщенію. Если приведенныя сдѣлки, которыя по мѣстному биржевому обычаю комбинируется съ болѣе или менѣе причудливымъ разнообразіемъ, заканчиваются дѣйствительными пріемами, или сдачею, то конечно рискъ для нихъ вполнѣ неопредѣленный и прибыльность, или раззорительность зависятъ отъ основной ихъ суммы: кто обладаетъ большимъ капиталомъ можетъ довести противника до полнаго или частичнаго декуверта, т. е. признанія несостоятельности (lame duck). Въ такомъ видѣ срочныя сдѣлки являются достояніемъ спекуляціи—средствомъ къ ней служитъ капитальная сила, а тормазомъ для нея неопредѣленность риска, котораго тяжесть пропорціоналенъ размѣрамъ сдачи или пріема.

Послѣдняя же тяжесть исчезаетъ, если вовсе упразднить и пріемъ и сдачу, а подъ прикрытіемъ фиктивнаго условія обязываться одною уплатою разницы; тогда—только въ ея размѣрѣ нужны деньги, и только ею ограничивается рискъ. Эта сдѣлка на разницу (m. à prime) единственно и является предметомъ ажіотажа, а потому игра сопряжена всегда съ опредѣленнымъ заранѣе, ограниченнымъ рискомъ. Условіе игровое касается срочности и цѣны будущей. Haussier покупаетъ, baissier продаетъ, или первый принимаетъ, а второй сдаетъ. Точкою отправленія, или основаніемъ разсчета служитъ текущій курсъ (per cassa) въ день спора; причемъ разница статочнаго курса съ послѣднимъ образуетъ премію; кромѣ Берлинской биржи, вездѣ выплачивается премія впередъ, подъ предлогомъ задатка. Въ игрѣ на повышеніе ее выплачиваетъ пріемщикъ (Vorprämie), на пониженіе ее выдаетъ сдатчикъ (Rückprämie); въ альтернативной же игрѣ (stellage) одной сторонѣ

предоставляется либо принять по высшему курсу, либо сдать по низшему курсу, но премія въ размѣрѣ разницы съ курсомъ текущимъ (per cassa) имъ уплачивается впередъ противной сторонѣ. Такъ если 8 іюня на первый 5% внутренній съ выиграшами заемъ курсъ наличный (per cassa) 172 р., я могу условиться принять 5,000 штукъ билетовъ къ 15 іюля по 175 р., или сдать такое же количество по 169 р. Разница послѣднихъ двухъ курсовъ (Stellcurse) съ наличнымъ и составитъ премію, которую я обязанъ выдать впередъ (Stellpraemie), т. е. по 3 р. на 5,000 штукъ. Къ 15 іюля я прійму бумаги, если курсъ окажется между 172 и 175, и сдамъ ихъ, если курсъ понизился отъ 172 до 169, но въ томъ и другомъ случаѣ я, все таки, потеряю и свою премію сполна, или сверхъ того еще разницу ея съ дѣйствительнымъ курсомъ 15 іюля. Выиграть же я могу только въ томъ случаѣ, когда либо повышеніе зайдетъ вверхъ за 175 р., либо пониженіе опустится ниже 169 р.—Избавится отъ потери свыше преміи при стеллажѣ возможно, если сверхъ приведенныхъ условій еще выговорить себѣ право по желанію совершенно отступиться и отъ пріема, и отъ сдачи; въ такомъ видѣ игровое условіе называется обоюдо-острою сдѣлкою на разницу.

Сдѣлки спекулятивныя и чисто игровыя постоянно, и по необходимости, и по намѣренію, такъ переплетаются, что часто только по окончательному разрѣшенію въ сроки возможно ихъ квалифицировать; тѣмъ труднѣе ихъ доказать и преслѣдовать, и потому законодательныя запрещенія остаются, наравнѣ съ полицейскими мѣрами по биржѣ, недѣйствительными; тѣмъ не менѣе слѣдуетъ не признавать игровыхъ условій, а это возможно, если по закону предоставить любой сторонѣ право настоять на превращеніи всякой сдѣлки на разницу въ дѣйствительный пріемъ, или сдачу. Спекуляція уже находится подъ угрозою неограниченнаго риска, ненормальной для нея лазейкою поэтому служатъ сдѣлки непокрытыя (in blanco), а окончательно якоремъ спасенія игровая потеря разницы. Эти то средства незаслуженно спасаться, служащія въ тоже время и побужденіемъ легкомысленно зарываться, и слѣдуетъ у нея отнять.

А между тѣмъ, практика вызвала еще добавочной страховой оборотъ для спасенія отъ непокрытости: при недостаткѣ денегъ къ расплатамъ по пріему, капиталисты и банки производятъ ссуды

подъ избыточныя бумаги, берутъ ихъ въ прокормъ (Kostgänger), или совершаютъ такъ называемый report; а при недостаткѣ бумагъ для срочныхъ сдачъ, или относительномъ избыткѣ денегъ, доставляются путемъ поставокъ на срокъ спекулянтамъ бумаги, что образуетъ deport. Какъ report, такъ и deport вызываютъ вполнѣ ненормальныя потрясенія въ естественномъ движеніи курсовъ вообще, и даже по тѣмъ бумагамъ, которыя находясь въ твердыхъ рукахъ, предметомъ игры не служатъ. Другими словами, курсъ перестаетъ быть прямымъ выраженіемъ и экономическимъ указателемъ хозяйственной производительности затратъ и помѣщеній.

§ 75. Экономическая задача банковыхъ предпріятій. Посредническія операціи въ области обращенія. Научный смыслъ видоваго разграниченія банковыхъ операцій и безсодержательность различенія банковыхъ учрежденій по родамъ.

Во всей массѣ разнообразныхъ сдѣлокъ и операцій, порождаемыхъ тою формою обращенія цѣнностей, которая объединяется подъ общимъ именемъ кредита, банковый оборотъ является оборотомъ посредника.

Этотъ кредитный посредникъ облегчаетъ, съ одной стороны, помѣщеніе всѣхъ свободныхъ капиталовъ, или, другими словами, избавляетъ капиталистовъ непредпринимателей и владѣльцевъ ссудныхъ капиталовъ отъ затрудненія, проистекающаго для нихъ, или отъ неумѣнія или отъ недосуга, пріискивать послѣднимъ оборотъ, затрату или доходное помѣщеніе; банкъ принимаетъ на себя всѣ заботы и всю отвѣтственность при выдачѣ ссудъ изъ суммы капиталовъ, которые съ такою цѣлью ему довѣрены, или въ немъ помѣщены въ качествѣ вкладовъ. Эти отношенія всякаго кредитнаго посредника, въ какой бы формѣ ни слагалось предпріятіе такого посредничества, вызываютъ и порождаютъ ту связь его съ чужими свободными капиталами, которая получаетъ себѣ опредѣленное внѣшнее выраженіе въ отдѣльныхъ видахъ вкладной операціи. Вкладная операція представляется, такимъ образомъ, первою и существенною опорою всѣхъ оборотовъ въ кредитномъ посредничествѣ, или во всемъ банковомъ кредитѣ.

Съ другой стороны, кредитный посредникъ долженъ снабдить нуждающуюся предпріимчивость потребными ей капиталами; принявъ вкладъ отъ капиталиста, банкъ можетъ выполнить свои обязанности единственно тѣмъ, что онъ доставляетъ переданнымъ ему капиталамъ доходное помѣщеніе въ видѣ ссудъ.

Однако ссуда, по существу своему, должна быть ничѣмъ инымъ, какъ только передачею вклада въ руки предпринимателя, но никакъ не самостоятельная со стороны банка затрата, или оборотъ. Производительную затрату, въ прямомъ смыслѣ этого слова, и предпринимательскій оборотъ нельзя не признать доступными исключительно одному ссудо-брателю, или заемщику банка. Банкъ же, какъ посредникъ, ограничивающій и исполняющій свою экономическую задачу однимъ кредитнымъ обращеніемъ цѣнностей, можетъ осуществлять только доходное помѣщеніе капиталовъ, — одно послѣднее должно совершаться при превращеніи вкладовъ въ ссуды.

Доходное же помѣщеніе, собственныхъ или чужихъ капиталовъ, обставляется именно такими обезпеченіями и гарантіями, которыя вовсе не зависятъ отъ трудовой смышленности самого ссудо-дателя, отъ его предпріимчивости и оборотливости, а существуютъ самостоятельно и присущи ссудо-брателю, или доставляются послѣднимъ въ распоряженіе банка чисто внѣшнимъ путемъ; они по этому далеко не совпадаютъ съ тѣмъ рискомъ и съ тою отвѣтственностію, съ которыми всегда сопряжены непосредственныя затраты и обороты предпринимателей. Между промышленною коньектурою и кредитнымъ посредничествомъ существуетъ только аналогія, но нѣтъ ни полнаго совпаденія, ни тождества.

Принятіе рисковъ совершается при банковыхъ операціяхъ исключительно въ томъ случаѣ, когда кредитный посредникъ основываетъ свою ссуду не на личной и имущественной отвѣтственности самостоятельнаго представителя другаго предпріятія, а на одной коньектурѣ предпріятія, которое еще не сложилось и не только не имѣетъ пока представителей, а которому, прямо въ замѣнъ, или въ помощь безсилію его собственныхъ учредителей, кредитный посредникъ пріискиваетъ, пользуясь своимъ обаяніемъ на довѣрчивыхъ капиталистовъ, настоящихъ хозяевъ и предпринимателей. Таковъ, по существу, оборотъ такъ называемыхъ учредительскихъ банковъ или обществъ движимаго кредита; съ ихъ рискомъ, дѣйствительно превышающемъ далеко простую оцѣнку удовлетвори-

тельнаго обезпеченія при помѣщеніи капиталовъ въ формѣ ссуды, особенно не вяжется ограниченная отвѣтственность, присущая акціонерному банку.

Подобный рискъ налагаетъ на кредитнаго посредника ту полную отвѣтственность, которая согласуется съ его рѣшимостью явиться участникомъ и представителемъ затратъ или оборотовъ, хотя и на время, но самостоятельно до окончательной передачи задуманнаго предпріятія въ другія руки; а потребная, именно въ этомъ случаѣ, полная отвѣтственность доступна, какъ доказали мы въ своемъ мѣстѣ при разборѣ своеобразныхъ основаній каждой формы предпріятій, исключительно предпріятію единоличному, товариществамъ полному и на вѣрѣ, но отнюдь не артели, ни акціонерной компаніи.

Слѣдовательно, законъ можетъ и долженъ, не впадая ни въ какое стѣсненіе относительно участія кредитныхъ посредниковъ и банковъ въ учредительскихъ оборотахъ, воспретить вообще учредительскія предпріятія въ формѣ акціонерной компаніи, и въ формѣ артели. По этому вопросу мы совершенно согласны съ аналогическимъ требованіемъ ученыхъ на 11-мъ экономическомъ съѣздѣ, хотя радикально расходимся съ ихъ доказательствами и мотивами.

Представленное общее указаніе на элементарные виды банковыхъ операцій даетъ возможность провести одно основное положеніе для нормальнаго закона, имѣющаго начертать границы банковыхъ операцій въ акціонерной формѣ. Другое законное ограниченіе получается неизбѣжно отъ обсужденія сущности третьяго разряда банковыхъ операцій, въ зависимости у насъ отъ бумажно-денежнаго обращенія.

Всякій кредитный посредникъ можетъ, естественно, внести въ общее обращеніе цѣнностей свои самостоятельныя средства и орудія, т. е. наравнѣ съ многоразличными разсчетными способами, также свои собственныя кредитныя обязательства; отсюда возникаетъ такъ называемая выпускная, или оборотная операція, которая доходитъ до наивысшаго нормальнаго своего развитія въ безпроцентномъ банковомъ билетѣ, хотя къ ней въ той же степени относятся чеки, кредитивы и процентные заставные листы, или облигаціи. Тутъ, конечно, всякій банкъ пользуется довѣріемъ къ своему трудовому представительству, къ своей предпріимчивости и оборотливости, однимъ словомъ, въ этомъ случаѣ отвѣчаютъ не капиталы кредит-

наго предпріятія, подлежащіе уже риску по прямымъ затратамъ и оборотамъ послѣдняго, а оказывается кредитъ личному элементу, или предпріятію, какъ юридическому лицу: оборотная операція въ банковомъ дѣлѣ даетъ полное право говорить о личномъ кредитѣ цѣлаго предпріятія. Въ тоже время, однако, такой личный кредитъ не имѣетъ и призрачнаго сходства съ тѣмъ представленіемъ о немъ, какое силился ввести въ научную терминологію извѣстный публицистъ Фоше на 11-мъ экономическомъ конгрессѣ.

Впрочемъ, обсужденіе законодательныхъ нормъ для оборотной операціи становится у насъ, при полной замѣнѣ банковыхъ билетовъ бумажными деньгами съ принудительнымъ курсомъ, совершенно излишнимъ. Ни билеты акціонерныхъ банковъ не выдержали бы теперь конкурренціи бумажныхъ денегъ, ни государственныя бумажныя деньги не могутъ допустить такой конкурренціи. Вотъ почему, акціонернымъ банкамъ у насъ должно быть пока отказано въ выпускной операціи; имъ не долженъ быть дозволенъ и выпускъ процентныхъ облигацій.

Остается упомянуть о добавочномъ разрядѣ оборотовъ, котораго, не смотря на коммиссіонный свой характеръ, собственно въ кругъ задачъ банковъ, какъ кредитныхъ посредниковъ, не входитъ.

Это—покупка и продажа цѣнныхъ бумагъ, за свой счетъ или по коммиссіи третьихъ лицъ, посредничество при подпискѣ на акціи по вновь открывающимся предпріятіямъ, обязательственное помѣщеніе чужихъ облигацій, но отнюдь не акцій, разбираемыхъ безъ подписки, по заранѣе установленному твердому курсу и, наконецъ, такъ называемые въ тѣсномъ смыслѣ мѣняльные обороты (Cambio), т. е. покупка, продажа, пересылка и переводъ металла, денегъ и векселей, исполненіе всякаго рода платежныхъ коммиссій на другія мѣста.

Извѣстные, однородные приведеннымъ обороты отличаются рисковымъ характеромъ, который, подобно учредительской операціи, не согласуется съ ограниченною отвѣтственностью акціонернаго строя предпріятія: таковы покупка и продажа цѣнныхъ бумагъ за свой счетъ и обязательное помѣщеніе акцій и облигацій другаго предпріятія по заранѣе установленному курсу. Ихъ можно предоставить въ свободное распоряженіе, только тѣмъ видамъ кредитныхъ предпріятій, которыя налагаютъ на своихъ участниковъ полную, неограниченную отвѣтственность.

Всѣ прочіе же мѣняльные обороты представляются для акціо-

пернымъ банковъ довольно маловажными; они спеціально выработались дѣятельностью малыхъ предпринимателей, или такъ называемыхъ мѣнялъ и банкировъ. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ причины отказывать кредитному учрежденію въ акціонерной формѣ въ камбіо, если оно сочтетъ его выгоднымъ для себя. Необходимо только въ общемъ законѣ обстоятельно перечислить всѣ виды этихъ спеціальныхъ операціи, а не обозначать ихъ, какъ это сдѣлано въ нѣкоторыхъ утвержденныхъ уставахъ, растяжимымъ названіемъ *другихъ краткосрочныхъ кредитныхъ оборотовъ.*

§ 76. Виды вкладной и соотвѣтствующихъ ей банковыхъ операцій.

Главное вниманіе, при анализѣ соотвѣтствія между складомъ и сущностью банковыхъ операцій, должно быть обращено на разнообразіе условій и формъ при вкладной, ссудной и оборотной операціяхъ. Первыя распадаются по цѣлямъ и обстановкѣ на нѣсколько типическихъ группъ,

Такъ вклады довѣряютоя банкамъ: 1) на храненіе, 2) на приращеніе процентами, 3) на трансфертъ, 4) на текущій счетъ. Изъ всѣхъ, только что исчисленныхъ, видовъ вкладной операціи, можетъ обратить на себя особое вниманіе законодательства одинъ процентный оборотъ, и то единственно если желательно, чтобы такъ называемый сберегательный оборотъ не былъ никогда сливаемъ съ общею банковою дѣятельностью, но и въ такихъ видахъ совершенно достаточно ограничить пріемъ процентныхъ вкладовъ, по самому нормальному уставу, однообразною суммою, ниже которой не должны быть принимаемы ни безсрочные, ни срочные вклады.

По всѣмъ же прочимъ, или вообще ни по какимъ вкладамъ, интересы публики никакъ не могутъ быть разъ на всегда гарантированы цифровыми выкладками, или процентными отношеніями, и единственно надежное обезпеченіе возможно создать для нихъ— обязательнымъ по закону, гласнымъ ревизіоннымъ порядкомъ и строгою, наивозможно болѣе краткосрочною отчетностью. Подобными требованіями нисколько не обремѣнится ни одно кредитное пред-

пріятіе, а напротивъ, практика ихъ скоро убѣдитъ, до какой степени даже недѣльные банковые балансы должны содѣйствовать, на что уже существуютъ и примѣры, ихъ собственнымъ выгодамъ.

Первые банковые вклады возникли по двоякой цѣли: 1) сохранности—depositum, и 2) производства платежныхъ разсчетовъ между вкладчиками—giro. Такими депозитными и джиро банками являются Венеціанскій, Генуэзскій, Роттердамскій, а Гамбургскій отчасти таковымъ остался до сихъ поръ. Въ нихъ то стали разсчитывать уже на чистый металлъ. Отсюда являются счетныя монеты и единицы равняющіяся извѣстному количеству чистаго металла. Такъ ко времени Эдуарда IV въ Англіи водворяется фунтъ стерлингъ (L), заимствованный у восточныхъ ганзейскихъ городовъ (pound easterling). Банковыя монеты, выражаютъ собою опредѣленный вѣсъ серебра. Такова, наприм., Гамбургская банко-марка; эти монеты никогда не чеканились и къ счету на нихъ прибѣгли потому, что разнообразіе и низкопробность ходячихъ монетъ затрудняли платежи. По нашему Св. Зак. и рубль называется тоже банковою монетою. При взносѣ въ банкъ деньги вкладчика оцѣнивались на чистый металлъ, всякій тѣмъ охранялся отъ случайнаго курсоваго обезцѣненія своего состоянія.

Изъ джиро-вкладовъ возникли *трансфертныя*. Вкладчики ведутъ разсчетъ между собою по записямъ, банкъ списываетъ со счета одного на счетъ другаго; какъ за депозитную, такъ и за трансфертную операцію банки получаютъ вознагражденіе въ %.

Вклады изъ за приращенія %% посредникъ принимаетъ въ ссуду себѣ, съ обязательствомъ платить за это % и въ надеждѣ на выручку. Употребляя внесенный ему капиталъ на ссуды другимъ лицамъ, банкъ беретъ съ послѣднихъ большій %, чѣмъ какой платитъ самъ по принятому вкладу. Такіе вклады бываютъ 3-хъ родовъ: 1) вѣчные, 2) срочные, и 3) по востребованію.

1) *Вѣчные* вклады, поступая въ полное распоряженіе банковъ, не представляютъ вполнѣ экономическаго характера, ихъ возвращать нельзя и не всегда банки платятъ по нимъ большій %, чѣмъ по вкладамъ на срокъ. Вѣчные вклады почти всегда пожертвованные на какое либо учрежденіе, или завѣщанные капиталы, они могутъ приливать только при большомъ довѣріи къ банку; въ послѣднее же время ихъ замѣнила затрата въ государственныя бумаги и ренты.

2) *Срочные* вклады ограничиваютъ распоряженіе банка временемъ возврата. Банкъ долженъ пріискать имъ срочный же оборотъ. Этотъ родъ вкладовъ не въ такой степени подкрѣпляетъ средства банка какъ первый. По нимъ % измѣняется, смотря на какой срокъ помѣщенъ вкладъ. Продолжительный срокъ требуетъ сильнаго довѣрія къ банку.

3) *По востребованію* вклады еще болѣе ограничиваютъ распоряженіе; они могутъ быть употребляемы только на такіе обороты, изъ которыхъ ихъ легко тотчасъ же извлечь, а въ курсовыя бумаги они безъ большаго риска не могутъ быть затрачены. Вслѣдствіе того банкъ вообще не можетъ распоряжаться всѣмъ ихъ количествомъ; онъ долженъ хранить въ наличности извѣстную часть. На извѣстномъ торговомъ рынкѣ взносъ вкладовъ и востребованіе ихъ имѣютъ опредѣленное движеніе при обыкновенныхъ обстоятельствахъ. Вычитая количество періодическихъ востребованій изъ суммы параллельныхъ взносовъ, получается разница, которую нормально употреблять уже на продолжительную затрату. Во всякомъ же случаѣ слѣдуетъ держаться ближе къ наибольшему размѣру востребованій; кромѣ того, банку необходимо знать при какихъ обстоятельствахъ и когда именно бываютъ внезапныя востребова-

нія, когда наростаніе вкладовъ идетъ правильно, и когда и то и другое ослабѣваетъ. Тутъ бываютъ измѣненія по мѣсяцамъ и временамъ года. При вѣрныхъ разсчетахъ возможно уже пріискать и для вкладовъ по востребованію помѣщеніе на опредѣленный срокъ.

Кромѣ самыхъ видовъ вкладовъ, распоряженіе банка опредѣляется размѣромъ ихъ. Мелочные взносы дѣйствительно развиваютъ бережливость, но рѣдко допускаютъ банковыя операціи въ строгомъ смыслѣ. Банкъ есть посредникъ готовыхъ капиталовъ, — поощреніе бережливости не можетъ быть поставлено ему задачею. Чѣмъ менѣе по размѣру вклады, тѣмъ невыгоднѣе ихъ принимать; они усложняютъ счетную часть, вызываетъ расходы непропорціальные съ выгодою отъ распоряженія ими. Потому то банки всегда постановляютъ minimum взноса; тѣ же кредитныя предпріятія, которыя этого не дѣлаютъ, учреждаются исключительно въ виду благотворительности и не ставятъ себѣ промысловыхъ цѣлей. Впрочемъ, у *шотландскихъ банковъ* по деревнямъ находятся агенты, собирающіе взносы даже понедѣльные; они назначаютъ незначительное вознагражденіе, но пользуются большимъ довѣріемъ общества. Притомъ, народная честность дѣлаетъ возможнымъ значительное сокращеніе расходовъ по агентурамъ, и при довѣріи къ банкамъ со стороны низшаго класса, вклады рѣдко востребываются обратно, что даетъ возможность и при ихъ маломъ размѣрѣ вести на нихъ настоящій оборотъ банковый. Опыты же такихъ оборотовъ въ Америкѣ были неудачны. Спеціально же для сберегательныхъ вкладовъ возникли повсюду, такъ называемыя *сберегательныя кассы*. Это дѣло было начато церковью. Въ XIV вѣка монахи въ Перуджіи старались становиться въ болѣе тѣсную связь съ мірянами, заручившись ихъ довѣріемъ они стали принимать вклады незначительные по размѣру, употребляя ихъ на свое домашнее производство, для полученія возможности платить по вкладамъ %. Это имъ удалось не только какъ благотворительное дѣло, но кромѣ того было выгодно: работа имъ же стоила дешево, а затраты на матеріалы съ выгодою покрывались при продажѣ выдѣланныхъ цѣнностей. Таково первое Monte di pietà, основанное перуджійскимъ монахомъ Варнавою. При покровительствѣ, какъ государей, такъ и церкви и городовъ, эти учрежденія распространяются. Правительство и общество изъ религіознаго чувства и изъ желанія помочъ бѣдной братіи содѣйствуютъ бережливости; кассы перешли изъ Италіи во Францію съ тѣмъ же названіемъ monts de piété. Для поддержанія ихъ стали соединять ихъ съ привиллегированными банками, но выдача по востребованіямъ пошла однако хуже. *Во Франціи* caisses d'epargnes впервые отдѣлились отъ банковъ. Вклады свои они стали вносить въ центральную кассу (Bureau central des depots et des consignations), вклады вскорѣ однако были обращены въ государственную ренту. Подъ вліяніемъ церкви сберегательныя учрежденія переходятъ въ *Германіи* къ цехамъ въ городахъ, для обезпеченія въ большихъ несчастіяхъ и проч. Они существуютъ и теперь, но почти не имѣютъ никакого значенія. Наши сберегательныя кассы преобразованы тоже на образецъ запада. Въ *Англіи*, лондонскій банкъ имѣлъ сберегательную кассу только для Лондона и его округа; но въ 1861 г. Гладстонъ учредилъ пріемъ сберегательныхъ вкладовъ при всѣхъ почтовыхъ конторахъ, откуда они поступаютъ въ банки.

Вкладчикамъ во всѣхъ кассахъ выдаются книжки, въ которыхъ отмѣчаются ихъ взносы и востребованія. Прибыль наростаетъ сложными % и выплачивается помѣсячно.

Но если закладные обороты и несложны, и не представляютъ трудно прослѣдимыхъ опасностей, то послѣднія собственно только

возникаютъ отъ соотвѣтствующихъ имъ ссудныхъ оборотовъ. При нихъ-то и рождается самый серьезный вопросъ во всемъ анализѣ склада банковыхъ операцій.

Этотъ вопросъ заключается въ томъ: насколько и съ какими ограниченіями слѣдуетъ довѣрять кредитному предпріятію доходное помѣщеніе чужихъ капиталовъ, или раздачу вкладовъ въ ссуды? съ тѣмъ, чтобы не могло возникнуть риска, превышающаго отвѣтственность складочнаго капитала, или равняющагося затратѣ и обороту самостоятельной предпріимчивости. Предупреждать тутъ злоупотребленія возможно только установленіемъ особыхъ преградъ для каждаго спеціальнаго вида ссудныхъ оборотовъ.

§ 77. Ссудная банковая операція, съ ея подраздѣленіями.

Какъ развито выше, ссудный оборотъ имѣетъ троякія основанія: 1) личный кредитъ, 2) поручительство, 3) залогъ и закладъ.

Ссуда въ личный кредитъ осуществляется банками посредствомъ открытыхъ или спеціальныхъ (текущихъ) счетовъ и представляется на столько опасною, сама по себѣ, что не всѣ банки предоставляютъ открытые счеты, замѣняя ихъ сполна текущими (со вкладами), или же сохраняютъ за собою право отказывать въ нихъ отдѣльнымъ лицамъ, или допускаютъ счетъ для отдѣльныхъ лицъ съ залогами бумагъ, векселей, обезпеченіями и въ разнообразныхъ размѣрахъ. Вообще же по открытому счету, если онъ въ данномъ банкѣ существуетъ, вполнѣ рисуется осмотрительность и благонадежность общаго веденія дѣлъ; поэтому законъ могъ бы требовать поименнаго обнародованія, въ каждомъ срочномъ балансѣ порознь, движенія суммъ по открытому счету каждаго кліента банка. Въ этомъ нельзя видѣть предосудительнаго разоблаченія торговыхъ тайнъ, такъ какъ открытый счетъ имѣетъ значеніе единственно по платежнымъ оборотамъ, но отнюдь не по предпринимательскимъ затратамъ даннаго лица. При такихъ условіяхъ, открытый счетъ долженъ быть, естественно, допущенъ и для цѣлыхъ предпріятій и учрежденій. Сверхъ того необходимо, въ интересѣ самихъ предпринимателей, требовать по закону, чтобы въ каждомъ частномъ уставѣ была обозначена та предѣльная сумма, свыше которой не разрѣ-

шается производить платежей по открытому счету въ пользу одного и того же кліента. Этихъ средствъ совершенно достаточно, чтобы обезпечить за акціонерами возможность регулировать упомянутый оборотъ, а за публикою возможноссь соразмѣрять свое довѣріе къ банку и по т. н. *бланковому* или *непокрытому* кредиту.

Ссуды при непосредственномъ участіи поручителей представляются, конечно, уже не чисто банковою операціею, такъ какъ при этомъ не было бы простаго посредничества въ кредитной сдѣлкѣ, но вполнѣ аналогическій имъ оборотъ слѣдуетъ признать въ такъ называемой учетной операціи. Векселедатели и векселе-надписатели исполняютъ, по отношенію къ банку, при всякомъ учтенномъ въ послѣднемъ векселѣ, роль поручителей, такъ какъ самъ вексель только въ силу такого поручительства становится цѣнною бумагою; притомъ вексель не служитъ простымъ залогомъ, обезпечивающимъ ссуду, а поступаетъ въ полное распоряженіе банка. Поэтому, укоренившееся издавна въ банкахъ требованіе двухъ подписей на вевселяхъ должно считаться неминуемымъ, а съ другой стороны, и достаточно охранительнымъ условіемъ для учета. Тѣмъ самымъ дана и норма для акціонернаго законодательства по учетной операціи. Конечно, всякій банкъ можетъ, до извѣстной степени, подкрѣплять указанное поручительское обезпеченіе переучетомъ своего *портфеля* въ другихъ банкахъ, а въ тоже время усилить, безъ всякой зависимости отъ собственнаго капитала и отъ вкладной операціи, свои средства на новыя ссуды; причемъ онъ соотвѣтственно увеличиваетъ свои обязательства собственнымъ поручительствомъ при переучетѣ. Эти два обстоятельства гораздо существеннѣе усиливаютъ вліяніе учетной операціи на всю состоятельность банка, чѣмъ общій размѣръ портфеля, т. е. совокупность векселей.

Вотъ почему, слѣдуетъ искать законодательную гарантію, противъ злоупотребленій учетною операціею, не въ цифровомъ отношеніи общей суммы учтенныхъ векселей къ банковому капиталу и вкладамъ, а въ ограниченіи переучета. Послѣднее обстоятельство имѣетъ огромное значеніе напримѣръ у насъ, такъ какъ по государственному банку принято допускать переучетъ, въ предѣлахъ извѣстной установленной суммы, для каждаго частнаго кредитнаго учрежденія, и при этомъ казенномъ переучетѣ руководящимъ началомъ служитъ, не частная оцѣнка переучитываемыхъ векселей, а общее довѣріе къ заявившему пока свою состоятельность банко-

вому учрежденію. Для частнаго переучета, въ другихъ банкахъ нѣтъ необходимости создавать законадательныя нормы, на него нельзя никакому акціонерному банку разсчитывать, отъ него другіе частные банки могутъ легко отказаться; вообще они всегда будутъ вынуждены принимать къ переучету чужой портфель въ крайне измѣнчивой суммѣ и на разнообразныхъ, смотря по положенію рынка, условіяхъ. Ссылаясь на частный переучетъ, ни одному банку не удастся, намѣренно и сознательно, раздувать свои операціи свыше собственныхъ свободныхъ средствъ; частный переучетъ, во всѣхъ случаяхъ, доставитъ только средство выходить изъ временныхъ затрудненій. Единственно такой смыслъ и можетъ имѣть переучетъ въ принципѣ. А такъ какъ, частный переучетъ носитъ въ себѣ всѣ необходимые задатки, чтобы предотвратить опасное уклоненіе отъ изложеннаго принципа, то всякое законодательное вмѣшательство въ его область можетъ считаться излишнимъ.

Совершенно иное представляетъ казенный переучетъ у насъ, въ государственномъ банкѣ, въ его конторахъ и отдѣленіяхъ; онъ возникъ въ формѣ заранѣе установленной неизмѣнной суммы, по преданіямъ нашего кредитнаго законодательства, въ видахъ поощренія и содѣйствія банковому дѣлу; а потому вся сумма кредита въ государственномъ банкѣ должна служить, для акціонерныхъ банковъ, источникомъ къ пополненію средствъ на усиленные обороты, причемъ этотъ источникъ изсякаетъ обыкновенно и оказывается истощеннымъ именно въ тѣ моменты, когда представляются временныя затрудненія.

Такимъ образомъ, отношенія нашихъ акціонерныхъ банковъ къ переучету въ государственномъ безспорно превратныя, и если желательно, чтобы вся учетная операція при акціонерной формѣ банковъ развивалась прочно и нормально, то необходимо воспретить имъ переучетъ въ государственномъ банкѣ и установить по всей учетной операціи, равно какъ и по частному переучету, обстоятельную и краткосрочную гласную отчетность, по аналогіи ссудъ по открытымъ счетамъ; особенно же слѣдуетъ обязать банки публикаціею именныхъ списковъ просроченныхъ и протестованныхъ векселей. Наконецъ несомнѣнно, что вексельный портфель долженъ быть открытымъ, во всякое время, для просмотра членами ревизіонной коммиссіи, а затѣмъ послѣднихъ слѣдуетъ обязать указа-

ніемъ на его движеніе въ тѣхъ замѣчаніяхъ, которыя они представляютъ каждому общему собранію.

Далѣе изложенныхъ гарантій невозможно идти въ законодательномъ опредѣленіи правоотношеній, къ тому же ими и исчерпывается весь кругъ мѣръ, могущихъ предотвратить какія либо злоупотребленія со стороны правленій и директоровъ.

Еще болѣе своеобразнымъ, чѣмъ два предъидущіе вида ссудъ, является третій видъ ихъ: ссуды подъ залоги.

Залоговая операція банковъ, или вообще предпріятій по кредитнымъ оборотамъ, распадается, на основаніи своеобразныхъ условій при оцѣнкѣ и реализаціи залоговъ, на 3 вида: 1) ссудная операція подъ залогъ кредитныхъ цѣнностей, или цѣнныхъ бумагъ, 2) подъ залогъ движимыхъ цѣнностей и 3) подъ залогъ недвижимостей.

Что касается такъ называемыхъ ссудъ подъ процентныя бумаги, или подъ залогъ кредитныхъ цѣнностей, то, конечно, не должно быть иныхъ стѣсненій, кромѣ полнаго обезпеченія однообразныхъ способовъ оцѣнки бумагъ для всѣхъ лицъ, представляющихъ послѣднія въ залогъ, и на какія бы то ни было суммы,— чтобы предотвратить всякое злоупотребленіе, въ пользу крупныхъ биржевыхъ дѣятелей и во вредъ мелкимъ капиталистамъ.

Для такой цѣли совершенно достаточно, чтобы законъ вмѣнялъ банкамъ въ обязанность прилагать при своихъ публикаціяхъ полный списокъ цѣнъ всѣмъ тѣмъ процентнымъ бумагамъ, которыя допускаются ими къ закладыванію; тотъ же списокъ долженъ быть вывѣшенъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ въ самомъ помѣщеніи банка.

Съ другой стороны, неумѣстная поддержка спекулятивно-высокаго курса, или же гнетъ съ цѣлью пониженія послѣдняго, могутъ быть успѣшно предотвращены, если у акціонерныхъ банковъ отнимаются средства къ заявленію сомнительныхъ цѣнъ на процентныя бумаги—тѣмъ, что по ссудной операціи подъ послѣднія будутъ запрещены закономъ всякія добавочныя обезпеченія, прямыми векселями или заемными письмами, на всю сумму ссуды или на разницу, могущую произойти отъ измѣненія курса ко времени срочной уплаты самой ссуды. Эта мѣра надежно осуществится прямымъ запрещеніемъ всякаго смѣшенія закладной операціи съ учетною, или ссудъ подъ процентныя бумаги съ дисконтированіемъ

векселей. Нормальный законъ не можетъ, такимъ образомъ, допустить въ акціонерныхъ банкахъ ни ссудъ подъ векселя, обезпеченныя процентными бумагами, ни такъ называемый закладъ процентныхъ бумагъ, обезпеченный векселями.

Что же касается до перезалога процентныхъ бумагъ, отдѣльными банками въ разныхъ другихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, то подобный оборотъ, по существу своему, несомнѣнно тождественъ съ переучетомъ, т. е. не должно быть и казеннаго перезалога, открытаго въ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, въ размѣрѣ заранѣе установленной неизмѣнной суммы на отдѣльные акціонерные банки, какъ не должно быть казеннаго переучета.

Вотъ тѣ немногіе случаи, или общія условія, которые можетъ и долженъ предвидѣть законъ по отношенію къ ссудамъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ.

Что же касается втораго вида залоговъ, т. е. движимостей или драгоцѣнныхъ вещей, товаровъ, издѣлій и произведеній, то ссудная операція зависитъ относительно нихъ отъ такихъ своеобразныхъ условій, что ее не только затруднительно вести на общихъ основаніяхъ съ прочими банковыми операціями, а необходимо эти ссуды выдѣлять прямо изъ послѣднихъ и организовать на столько самостоятельно, чтобы онѣ могли быть всключены въ банковый оборотъ — единственно наравнѣ съ ссудами подъ цѣнныя бумаги, или совершались исключительно на основаніи выданныхъ другими предпріятіями поклажныхъ росписокъ.

Именно въ ряду движимыхъ, дѣйствительныхъ, цѣнностей необходимо различать цѣнные залоги, относящіеся къ предметамъ житейскаго обихода и потребленія, отъ всѣхъ прочихъ издѣлій, или товаровъ.

Первые открываютъ залогодателю возможность пріобрѣсть ссуду для устраненія безвыходнаго положенія въ своемъ хозяйствѣ, при недостаткѣ средствъ удовлетворять своимъ потребительскимъ нуждамъ; отдача ихъ въ залогъ представляется уже крайностью, она совершается съ слабою надеждою на возвратъ и свидѣтельствуетъ о начинающемся раззореніи. Вообще ссудобратель не является въ этомъ случаѣ вовсе представителемъ производительнаго оборота и кредитное посредничество банка не должно быть ему доступно.

Банки, дѣйствительно, давно уже отказались отъ подобныхъ ссудъ и еще въ 14-мъ столѣтіи, для указаннаго вспомоществованія

потребителей, подъ закладъ драгоцѣнныхъ и цѣнныхъ вещей, принадлежащихъ къ домашней обстановкѣ, образовались особыя — въ Италіи и въ другихъ странахъ montes pietatis, а впослѣдствіи у насъ — ссудныя казны. Весь оборотъ былъ отнесенъ въ область общественнаго призрѣнія и существуя до сихъ поръ, самостоятельно или въ связи съ сберегательнымъ оборотомъ, долженъ оставаться очевидно удѣломъ послѣдняго.

Такимъ образомъ, законъ неизбѣжно долженъ исключать вспомоществовательныя ссуды подъ драгоцѣнныя и цѣнныя вещи, или предметы обихода, изъ круга ссудныхъ и залоговыхъ операцій въ банкахъ. Для нихъ нормально должны существовать и уже возникаютъ, сверхъ общественныхъ учрежденій, только спеціальныя кассы ссудъ, частные ломбарды, или аналогическія предпріятія.

Второй разрядъ движимыхъ залоговъ—цѣнные товары и издѣлія, т. е. всѣ тѣ цѣнности и движимости, которыя на время бытности своей въ залогѣ сохраняютъ связь съ затратами и оборотами, для которыхъ они первоначально служили капиталами — представляетъ ту общую черту съ первымъ, что товары, хотя и могутъ также перейти во временное владѣніе вѣрителей или заимодавцевъ, но все-таки для нихъ, въ отличіе отъ кредитныхъ цѣнностей, весьма затруднительна оцѣнка, требующая особыхъ экспертныхъ, или своеобразныхъ техническихъ свѣдѣній; а затѣмъ храненіе ихъ вызываетъ особые расходы по помѣщенію и предотвращенію порчи. Преимущественно послѣднее обстоятельство, т. е. подверженность порчѣ, или непредотвратимость быстраго обезцѣненія, исключаетъ, нѣкоторые виды движимыхъ цѣнностей и рыночныхъ товаровъ изъ разряда имуществъ, могущихъ служить залогами при кредитныхъ сдѣлкахъ.

Усложненія же въ системѣ правильной оцѣнки, сортировки и храненія вызвали, далѣе, самостоятельныя предпріятія такъ называемыхъ товарныхъ складовъ, доковъ, магазиновъ и т. п.: а съ другой стороны и своеобразную форму поклажныхъ росписокъ въ видѣ самостоятельныхъ кредитныхъ бумагъ, извѣстныхъ подъ названіемъ варрантовъ и совпадающихъ, по существу и основаніямъ своего кредитнаго представительства, съ заставными и закладными листами, или займовыми облигаціями, водвореннымъ уже съ прошлаго столѣтія весьма прочно по всѣмъ разрядамъ недвижимыхъ залоговъ. Распространяющееся нынѣ обособленіе именно товарнаго за-

логоваго, или поклажнаго оборота прямо свидѣтельствуетъ о томъ, что слитіе его съ прочими непосредственными ссудными оборотами въ банковыхъ операціяхъ—и неумѣстно, и противурѣчитъ экономическому принципу раздѣленія вообще трудовыхъ и капитальныхъ затратъ. Однимъ словомъ, банковый законъ вынужденъ будетъ отказать тому же предпріятію—въ слитіи складочнаго, товарнаго оборота съ общимъ залоговымъ; онъ въ правѣ допустить ссуды, со стороны акціонерныхъ банковъ, единственно подъ поклажныя росписки, или варранты, самостоятельно и особнякомъ созданныя первымъ.

Охраненіе отъ обезцѣненія движимостей въ закладѣ явилось необходимымъ для гарантіи ссуды. Первоначально возникли гостинные и биржевые *склады*, съ цѣлью сберегать товаръ отъ порчи до сдачи его покупщику. Съ появленіемъ ярморочныхъ рынковъ отводятся постоянныя помѣщенія, гостинные дворы для временнаго склада; когда же устраиваются биржи, то склады заняты постоянно. Въ *Англіи* склады эти получаютъ своеобразное развитіе, вырабатывается *система entrepots, доковъ*. Первый докъ Ливерпульскій открытъ въ 1699 г., и въ этомъ центрѣ трансатлантической торговли не торопиться сбытомъ наличнымъ, уплачивая сборъ за поклажу и полежалое, имѣетъ первостепенную важность для выжиданія цѣнъ и до сихъ поръ. Сто лѣтъ спустя возникаютъ доки и въ Лондонѣ. Слѣдующій уже шагъ есть соединеніе поклажи съ продажею товаровъ; съ другой стороны при поклажной системѣ явилась возможность: 1) оплачивать пошлину послѣ продажи товара, а во 2) страховать товаръ отъ порчи, неочищая пока отъ пошлины. При пріемѣ товара въ докъ выдается росписка, означающая количество и разрядъ товара, цѣну его, застраховку и очищенъ ли отъ пошлины. Эта росписка мало по малу получила твердую форму; до XIX столѣтія ее составляли маклера, а съ тѣхъ поръ возникли особыя предпріятія по складочному обороту; выдавая поклажную доки стали ручаться за оцѣнку хранимаго товара, такъ что она получаетъ значеніе закладнаго листа для товаровъ и, подобно поземельному заставному свидѣтельству, начинаетъ обращаться какъ кредитная бумага, или представитель цѣнностей. Когда росписка стала собою представлять залогъ, она получила названіе Warrant—поручительской, послѣдній даетъ возможность продавать, закладывать товаръ, безъ осмотра, пріема и очистки пошлиною, и по частямъ. Большинство законодательствъ до сихъ поръ, однако, не ясно опредѣляетъ значеніе warrant'a, да и въ теоріи не установилось точнаго понятія. Въ *Англіи* выдача уоррантовъ узаконяется въ 1802 г., по открытіи Остъ-и Вестъ-Индскихъ доковъ; причемъ законъ требуетъ, чтобъ складъ товара производился у извѣстнаго юридическаго лица, т. е. предпріятія составнаго, иначе уорантъ не имѣетъ права на обращеніе. Въ *Бельгіи* законодательство послѣ слѣпаго подражательнаго заимствованія у Франціи, въ 1848 г., принялось за опредѣленіе уорранта въ 1860 г. Посланы были чиновники въ Англію для ознакомленія съ операціями доковыхъ товариществъ. Въ 1862 г. 18 ноября вышелъ законъ, въ которомъ опредѣляется, что при складѣ товаровъ выдается росписка и дублетъ ея (cedule), гарантія въ вѣрномъ указаніи признаковъ оцѣнки (§ 4) и отъ обезцѣненія возложено на поручительское предпріятіе, какъ и при недвижимыхъ залогахъ на общества закладчиковъ. Во *Франціи* доки находятся подъ разрѣшеніемъ правительства. Законъ 21 марта 1848 г., опредѣлялъ открытіе magasins generaux: всѣ кладчики получаютъ récépissés и warrant. Окончательно установились условія entrepots и magasins généraux по закону

отъ 22 мая 1858 г., и по циркулярному предписанію министра торговли 12 марта 1859 г. Въ *Швейцаріи* водвореніе системы складовъ указало, что это не есть исключительно доковое или приморское учрежденіе, а можетъ быть устроено во всякомъ центральномъ торговомъ пунктѣ для сохраненія и обезпеченія оцѣнки товаровъ. Система варрантовъ вводится въ Женевѣ въ 1859 г., для публичныхъ складовъ, въ смыслѣ сохранной росписки по ручному закладу; но Базельскій уже законъ, 1861 г., приближается въ своемъ опредѣленіи къ истинному значенію поклажныхъ росписокъ: устроить склады и выдавать поклажныя — Lagerschein — и закладныя росписки—Pfandschein—можетъ только разрѣшенное предпріятіе. Французское законодательство повторяется въ *Испанскомъ* (1862 г.). Въ *Пруссіи* законъ 1794 г., говоритъ о товарныхъ роспискахъ въ 2-хъ экземплярахъ. Въ Голландіи они подводятся подъ кредитныя обязательства, а для кофе, чая и риса есть пакгаузныя свидѣтельства. Въ Германіи по союзному торговому уложенію (1868 г.) они упоминаются вмѣстѣ съ коносаментами, росписками о поклажѣ товара и проч. Города Гамбургъ, Данцигъ, Штетинъ, Кенигсбергъ не имѣетъ этихъ складочныхъ учрежденій. Австрія усвоила варрантную систему въ 1866 г.

Кладчикъ получаетъ двѣ росписки: récépissés и warrants во Франціи, warrant et cedule въ Бельгіи, на основаніи скрѣпленныхъ грузовыхъ свидѣтельствъ—bill of lading — выдаются warrants или chek, и weight notes или gauge notes въ Англіи, Lagerschein и Pfandschein въ Швейцаріи. Warrant уступается другому лицу по индоссаменту, какъ вексель. При полученіи же ссуды отдается банкиру Warrant, а квитанція (weightnote) остается у кладчика или собственника товара; во Франціи закладъ производится по варранту, а продажа товара по квитанціи. По варранту посредникъ — маклеръ (billbrokers) съ бланковою надписью можетъ продать, задатку берется 10% съ цѣны, которыя теряются для собственника товара, если послѣдній по обязательству, или ссудѣ не заплатитъ въ срокъ; просрочивъ платежъ онъ теряетъ право на товаръ по сохранившейся въ его рукахъ weight-note, въ силѣ остается одинъ warrant. Въ новѣйшее время уэйтъ-нотъ снабжается купонами, которые даютъ возможность продажи товара по частямъ. По этому двойная росписка, давая возможность и продать товаръ, и получать подъ него ссуду, представляетъ самый подвижной видъ закладнаго свидѣтельства. Отсюда же понятно, что уорранты Лондона, или Ливерпульскіе, обращаются по всей Англіи, а иногда встрѣчаются даже внѣ ея.—Срв. *Буше*, товарные склады и варранты, Кіевъ, 1871 г.—*Heine*, die Dock-Warrant oder Waarenlagerscheine въ Ztsch. f. d. g. Staatsw, 1867 г. IV.—*Damaschino*, n. traité des magasins généraux et de ventes publiques de marchandises en gros, Paris, 1860 г.—Regulations and schedules of rates and charges of the East- and West-India Dock Company.—Тоже London and St. Katharine Docks company.—Тоже Dock-company at Kingston upon Hull.—Тоже Surrey commercial Dock-Company.

Въ заключеніе, слѣдовательно, весь анализъ ссуднаго оборота—подъ оба разряда движимыхъ залоговъ — приводитъ насъ къ слѣдующимъ требованіямъ: 1) чтобы непосредственное участіе въ нихъ было воспрещено всякому банку; 2) чтобы для нихъ разрѣшались только самостоятельныя предпріятія; и 3) чтобы акціонерные банки производили ссуды исключительно подъ залогъ обязательствъ послѣднихъ—какія бы названія ни носили эти обязательства, если

ими только несомнѣнно обезпечены и застрахованы какъ оцѣнка, такъ и храненіе движимыхъ товарныхъ залоговъ.

Къ подобнымъ же заключеніямъ привело выше и изслѣдованіе третьяго и послѣдняго вида залоговъ. Общеизвѣстно, что недвижимый залогъ затрудняетъ ссудную операцію тѣмъ, что оцѣнка его, т. е. земель и строеній—или сельско-хозяйственныхъ и городскихъ недвижимостей—не только требуетъ спеціальной экспертизы, подобно движимымъ залогамъ, но еще сопряжена съ значительными расходами на измѣреніе, описаніе и кадастрированіе. Далѣе же, этотъ залогъ подлежитъ одному запрещенію по владѣнію, а не, сколько нибудь дѣйствительному, ограниченію по распоряженію и пользованію; онъ никогда не переходитъ на храненіе къ заимодавцу или къ кредитному учрежденію, но остается на отвѣтственности должниковъ и продолжаетъ участвовать, какъ капиталъ, въ хозяйственныхъ оборотахъ послѣднихъ.

Залоговый оборотъ, между тѣмъ, далеко не тождественъ даже по отношенію къ сельскимъ и городскимъ недвижимостямъ, и соединеніе двоякой ссудной операціи, т. е. подъ залогъ земель и подъ залогъ строеній, въ одномъ и томъ же кредитномъ учрежденіи можетъ и должно каждый разъ оправдываться особо, или единственно своеобразною обстановкою и мѣстными условіями. Строенія и дома, а особенно городскіе, оцѣниваются въ общемъ положеніи легче, чѣмъ земли и угодья; продажныя цѣны и наемныя платы по первымъ не затруднительно привести въ извѣстность; они болѣе обезпечены отъ обезцѣненія, слѣдить за ихъ сохранностію удобнѣе и, наконецъ, эти залоги выгоднѣе и скорѣе реализируются при продажахъ. Конечно, у насъ губернскія и особенно уѣздныя городскія строенія, во многихъ случаяхъ, мало-чѣмъ отличаются, въ качествѣ недвижимыхъ цѣнныхъ залоговъ, отъ строеній мызныхъ, или вообще входящихъ въ составъ сельско-хозяйственныхъ комплексовъ; въ тоже время, отдѣлять строенія отъ земли при пріемѣ въ залогъ цѣлаго землевладѣнія—вполнѣ немыслимо.

Помимо круговой поруки и артельнаго соединенія самихъ собственниковъ, недвижимый залогъ никогда не можетъ считаться безукоризненнымъ и полнымъ обезпеченіемъ какихъ либо денежныхъ ссудъ; а именно тѣмъ менѣе, что единственно доступное для этого вида капиталовъ погашеніе оказывается сложно-процентное, но не срочный возвратъ ссуды въ полной суммѣ. Для акціонернаго же

банка всякія ссуды, простирающіяся по времени за предѣлы ихъ сметнаго оборотнаго года, совершенно превратны. Вотъ почему, и оцѣнка, и охрана цѣнности недвижимыхъ залоговъ, равно какъ и посредническое поручительство собственными обязательствами при ссудахъ, да наконецъ и единственно доступный способъ оплаты послѣдней со стороны владѣльцевъ недвижимостей,—могутъ быть экономичнѣе и нормальнѣе всего осуществлены путемъ полной круговой поруки и артельнаго склада предпріятія. Это слѣдуетъ признать со стороны законодательства.

Послѣдняя залого-ссудная операція явится навсегда шаткою при акціонерной обстановкѣ оборотовъ, а шаткость никогда не устранитъ никакая концессіонная опека надъ кредитными оборотами и никакое предварительное разрѣшеніе своеобразныхъ банковыхъ уставовъ. Разъ недвижимый залогъ можетъ служить безпорною гарантіею ссуды единственно въ формѣ закладнаго листа, то и законъ объ банковыхъ предпріятіяхъ можетъ признать ссуду только въ этой формѣ, а пріемъ строеній и земель въ залоги по какимъ бы то ни было среднимъ нормальнымъ оцѣнкамъ долженъ быть воспрещенъ. Весь же разборъ существенныхъ основаній и главныхъ частностей ссуднаго оборота подъ залогъ дѣйствительныхъ цѣнностей, какъ движимыхъ, такъ и недвижимыхъ, приводитъ насъ къ тому неотступному требованію, которое, впрочемъ, нисколько не стѣсняетъ существующіе въ акціонерныхъ банкахъ обороты, а вполнѣ съ ними согласуется,—чтобы при акціонерномъ складѣ банковаго предпріятія законъ признавалъ за послѣднимъ только право на ссуды: 1) въ личный кредитъ по открытымъ счетамъ, 2) подъ поручительствомъ въ формѣ вексельнаго учета, 3) подъ залогъ однихъ цѣнныхъ, или процентныхъ бумагъ, выпущенныхъ самостоятельными поручительскими предпріятіями, или общественными учрежденіями.

Въ тоже время, нельзя считать состоятельнымъ взглядъ, будто разнообразіе кредитныхъ сдѣлокъ и недостаточная выработанность практики мѣшаютъ избавленію акціонерныхъ банковъ отъ концессіонной системы и предварительныхъ разрѣшеній. Обороты по вкладамъ, текущимъ счетамъ, cambio, учёту и ссудамъ подъ процентныя бумаги представляютъ до того типичный характеръ, что выраженію послѣдняго въ неизмѣнномъ общемъ законоположеніи не представляется рѣшительно никакихъ препятствій; шаткими мо-

гутъ сдѣлаться всѣ возникающія по нимъ юридическія отношенія развѣ въ томъ случаѣ, когда однообразныя нормы закона замѣнены для нихъ измѣнчивостію концессіоннаго благоусмотрѣнія.

§ 78. Выпускная банковая операція. Значеніе банковаго билета, какъ орудія обращенія въ связи съ денежною системою.

Самый существенный и главный экономическій вопросъ по отношенію въ выпуску банковыхъ билетовъ тотъ, какое вліяніе оказываетъ ихъ количество на всѣ товарныя цѣны?

По однимъ—прямымъ слѣдствіемъ усиленія билетнаго обращенія является пониженіе монетнаго курса и соотвѣтственное увеличеніе товарныхъ цѣнъ. Въ странахъ съ избыточнымъ билетнымъ обращеніемъ господствуютъ высокія цѣны, преобладаетъ иноземный привозъ, благодаря высокимъ товарнымъ цѣнамъ уменьшается вывозъ, платежъ за привозной товаръ требуется въ звонкихъ деньгахъ и отливъ металла постояненъ. Потому то приверженцы т. н. currency-principle требуютъ ограниченія выпуска: имъ сохраняется дешевизна денежныхъ цѣнъ на товары, предотвращается вывозъ звонкости, служащій будто бы всегда признаковъ дороговизны. Начало такому воззрѣнію положилъ Рикардо, затѣмъ Лойдъ-Оверстонъ и оно окончательно развилось въ томъ узаконеніи, которому подчиненъ англійскій банкъ.

Односторонность указанныхъ положеній исправлено изслѣдованіями Тука, Уйльсена и Фуллертона, или родоначальниками т. н. banking-principle. Послѣдній заключается въ вѣрномъ указаніи, что объемъ билетнаго выпуска всегда опредѣляется предварительнымъ требованіемъ обращенія, и что банкъ, пока онъ строго исполняетъ свои обязанности по размѣну билетовъ, вовсе не имѣетъ никакихъ средствъ выпускать въ обращеніе больше билетовъ, чѣмъ заявляется на нихъ спросу.

Пресыщенное билетными посредниками обращеніе водворяетъ должный уровень обратнымъ приливомъ билетовъ въ банки, что совершается: или плавно путемъ возврата банковыхъ ссудъ одними билетами, или нѣсколько порывисто предъявленіемъ послѣднихъ къ размѣну на металлъ. На цѣны товарныя безостаночно размѣнные

билеты вовсе, по Туку, не вліяютъ, такъ какъ въ обращеніи никакого постояннаго избытка ихъ не можетъ и возникнуть. Увеличеніе билетнаго выпуска не производитъ поэтому возвышенія цѣнъ, а напротивъ, всегда является послѣдствіемъ предшедшаго возвышенія цѣнъ.

Приведенныя изслѣдованія получили начало по случаю періодическихъ торговыхъ кризисовъ, сопровождавшихся и кредитными и денежными; во время ихъ раздавались сѣтованія и на чрезмѣрные предыдущіе выпуски билетовъ, совершенные банками, и на одновременное съ разгаромъ кризисовъ стѣсненіе ссудъ и кредитнаго вспомоществованія; а какъ къ противудѣйствующей мѣрѣ прибѣгали къ временному прекращенію размѣна билетовъ.

Однако, какъ общее положеніе слѣдуетъ удержать, что избыточный выпускъ немыслимъ безъ обязательнаго обращенія и прямо понудительнаго курса; указанія же школы currency-principle справедливы вполнѣ относительно явленій неразмѣннаго бумажно-денежнаго обращенія.

На почвѣ же безостановочной размѣнности банковыхъ билетовъ не можетъ возникать вопроса объ объемѣ ихъ выпуска, или о количествѣ ихъ въ обращеніи, а единственно о способахъ т. н. покрытія билетовъ, или экономическомъ соотвѣтствіи средствъ къ размѣну. Полное покрытіе банковыхъ билетовъ звонкимъ металломъ уничтожаетъ въ послѣднихъ вполнѣ характеръ самостоятельныхъ кредитныхъ обязательствъ, выпускаемыхъ непосредственно въ пользу и поддержку собственныхъ оборотовъ банка; это значитъ банковому билету возвратить его первоначальный характеръ удобопередаваемаго депозитнаго, или вкладнаго свидѣтельства; тутъ окажется несравненно выгоднѣе для банка выдавать чековыя книжки по открытому, или т. н., спеціальному текущему счету.

Покрытіе залоговыми свидѣтельствами и ипотечными требованіями нарушаетъ, согласно со сказаннымъ нами уже относительно рентной теоріи по залоговому кредиту, основное начало билетнаго оборота—подвижность и быстроту реализаціи размѣннаго запаса.

Настоящее же банковое покрытіе билетнаго оборота заключается въ вѣрномъ согласованіи звонкой наличности съ прочими активами въ текущемъ балансѣ. Быстро реализуемые активы представляютъ для банка—вексельный портфель и ломбардъ въ цѣнныхъ бумагахъ. По производству ссудъ подъ бумаги, а особенно по учету векселей

представляются единственно нормальные случаи къ выпуску банковыхъ билетовъ, при возвратѣ этихъ ссудъ возникаетъ и самый правильный оборотный приливъ билетовъ въ банкъ: тутъ возникаетъ вполнѣ органическое саморегулированіе билетнаго выпуска. Звонкій размѣнный фондъ только въ связи съ этими операціями усвоиваетъ должное подспорное значеніе. Прямая его цѣль — это удовлетвореніе порывистому обратному приливу, или прямому предъявленію билетовъ къ размѣну. Вотъ почему, предотвратить отливъ звонкаго запаса слѣдуетъ не стѣсненіемъ размѣна, а сокращеніемъ мѣняльнаго оборота (cambio) по продажѣ металловъ и усиленіемъ его закупокъ. Точно также сокращеніе билетнаго выпуска и извлеченіе ихъ изъ обращенія слѣдуетъ осуществлять косвенно стѣсненіемъ учета и ссудъ, что достигается опять таки правильно не отказами и мгновеннымъ сокращеніемъ портфеля и ломбарда банковаго, а предварительно и достаточно благовременно заявленнымъ возвышеніемъ процентовъ по учету—дисконта—и по ссудамъ. Обратный приливъ и предъявленіе къ размѣну билетовъ въ банкъ равный, понедѣльно или за тотъ же срокъ времени хотя бы и болѣе краткій, одновременному выпуску подтверждаетъ несомнѣнное насыщеніе обращеніе билетами; столь же ясныя указанія даютъ и противуположныя, расходящіяся колебанія между объемомъ выпуска и параллельнаго прилива.

Другія эмпирическія нормы опредѣляютъ, въ зависимости отъ связей банковъ съ казенными казначействами и благодаря смѣшенію банковыхъ билетовъ съ бумажными деньгами, покрытіе билетнаго оборота по отдѣльнымъ законодательствамъ.

Возможно различать три системы узаконеннаго покрытія билетовъ.

1) *англійскую*, введенную въ Англіи по акту Сера Роберта Пиля 1844 г., а въ Австріи по закону 27 декабря 1862 г. По ней принимается во вниманіе одно звонкое покрытіе и допускается предѣльное вовсе непокрытое обращеніе. По англійскому банку всѣ билеты свыше неизмѣнной суммы въ 14.475,000 фунт. стерл. должны быть сполна покрыты звонкимъ металломъ. По національному банку въ Австріи таже предѣльная сумма установлена въ 200 мил. гульденовъ.

2) *сѣверо-американскую*, установленную въ Соединенныхъ Штатахъ по союзнымъ законамъ 186$^3/_4$ гг. Она заключается въ

пропорціональномъ залоговомъ покрытіи билетовъ государственными фондами. Неудобства ея заключаются очевидно въ неудовлетворительности замѣны звонкаго покрытія трудно реализуемымъ залоговымъ и сверхъ того въ томъ, что этотъ обязательный залогъ долженъ былъ пріобрѣтаться банками на ихъ основные капиталы, а всѣмъ прочимъ оборотамъ банки должны удовлетворять еще добавочнымъ расходнымъ капиталомъ. На случай же отказа въ размѣнѣ банковаго билета предъявитель имѣетъ право требовать экзекуціи.

3) *европейскую континентальную* систему, при которой обязательно частичное звонкое покрытіе. Въ нѣмецкихъ банкахъ предписано держать размѣнный фондъ въ одну треть всей суммы билетнаго выпуска. Въ предѣлахъ узаконенной пропорціи самый выпускъ билетовъ ничѣмъ не стѣсняется, даже пропорція съ правительственнаго разрѣшенія можетъ быть на время измѣнена: при таковомъ бельгійскій банкъ можетъ ее понизить до одной четверти выпуска. Эта система вполнѣ оправдывалась и въ эпохи кризисовъ. Вагнеръ называетъ ее наилучшимъ матеріальнымъ банковымъ узаконеніемъ.

Научнымъ же требованіямъ по соразмѣрности билетнаго обращенія отвѣчаетъ единственно обязательное по закону недѣльное согласованіе выпуска съ обратными поступленіями и размѣномъ билетовъ: почему нормальная, неуклонно установленная балансовая отчетность за тотъ же срокъ времени оказывается неотступнымъ условіемъ. Впрочемъ, къ новѣйшему времени способы платежныхъ разсчетовъ и развитіе другихъ проявленій оборотной функціи кредита, общихъ разсчетныхъ палатъ и особенно чековъ, до того широко усовершенствовались, что обращеніе все менѣе и менѣе начинаетъ нуждаться въ банковыхъ билетахъ, какъ своеобразныхъ кредитныхъ посредникахъ платежей. До сихъ поръ, конечно, обнаруженію оборотной банковой операціи въ самоцѣльной чистотѣ еще мѣшаютъ и заборъ основныхъ капиталовъ у центральныхъ банковъ въ ссуду государственнымъ казначействамъ, и монополіи на выпускную операцію, и смѣшанный характеръ банковыхъ билетовъ вслѣдствіе обязательнаго обращенія и другія палліативныя мѣры.

Бумажноденежное же обращеніе у насъ по своему объему упраздняетъ вполнѣ вопросъ о банковыхъ билетахъ.

Срв. *Otto Hübner*, die Banken, Lpz., 1854 г. — *Безобразовъ*, банки (по Courcelle - Seneuil), С.-Пбургъ, 1862 г. — *Horn*, la liberté des banques, Paris, 1866 г. — *Wolowsky*, la banque Agleterre et les banques d'Ecosse, Paris, 1867 г. — *Gilbart*, practical treatise on banking, London, 1865 г. — *A. Wagner*, Beiträge zur Lehre von den Banken, 1862 г. — его же, die Darstellung der Nationolbank, 1862 г. — его же, Geld und Credit-theorie der Peelschen Bankacte, 1861 г. — его же, die Ordnung des oesterreichischen Staatshaushalt, 1863 г. — его же, Русскія бумажныя деньги, пер. *Н. Х. Буше*, 1870 г. — его же, das System der deutschen Zettelbankgesetzgebung, Brl., 187⁰/₃ г. — его же, Zettelbankwesen въ *Блунчли* и *Братера* Staatswörterbuch, ч. XI. — *Nasse*, die deutschen Zettelbanken während der Krisis von 1866 г. въ Ihrb. f. Nationalök. und Stat. v. Hildebrand; его же, Bankanweisungen und Banknoten въ Ztschr. f. d. g. Staatsw., 1872 г., H. 4. — *Kautsch*, das Bank-und Börsenwesen, Stuttg., 1871 г. — *Arthur Crump*, the key to the London money market, 2 ed., Lond., 1872 г. — *Courcelle — Seneuil*, traité des operations de banque, Paris, 1871 г. — *Заблоцкій*, финансовое управленіе и финансы Пруссіи, Спб., 1871 г. — *Hock*, die Finanzen und die Finanzgeschichte der Ver. Staaten von N. America, Wien, 1867 г. — *Homans*, the merchant and bankers almanac. — *Н. Х. Буше*, Обозрѣніе разныхъ отр. хоз. дѣят., в. 4, V дѣят. облегчающая обороты и сношенія. Кіевъ, 1873 г. — *Der Deutsch — Americanische* Oeconomist, Bank—Statistik, Frkf., 1873 г.

По отношенію къ оборотной операціи, или къ праву на выпускъ банковыхъ билетовъ, размѣнныхъ во всякія руки по предъявленію, существуетъ или свобода, или исключительная, или ограниченная привиллегія, т. е. или опредѣленъ размѣръ выпуска, или только указано мѣсто. Такъ въ Бельгіи и Пруссіи существуютъ ограниченія по размѣру, а въ Англіи по мѣсту. Въ Англіи опредѣленъ районъ для банковъ частныхъ по разстоянію отъ Лондона (въ 5 м.) и англійскаго банка. Послѣдній считается спасителемъ промышленности и неоднократно оказывалъ услуги во время кризисовъ, мѣстные банки находятъ въ немъ постоянную поддержку. Такой взглядъ на bank of England распространенъ во всѣхъ классахъ населенія. Онъ не только пользуется обязательнымъ пріемомъ для своихъ билетовъ (съ 1833 г.), но и можетъ во всякое время пріостановить размѣнъ ихъ. Въ Шотландіи и Ирландіи установлена свобода оборотной операціи, но пользоваться ею не могутъ вновь открываемые банки. Въ Италіи издавна существовали привиллегированные банки, а съ объединеніемъ полуострова нельзя было отнять привиллегій, и право выпуска оставлено за ними, но раздѣлили ихъ на разряды и однимъ присвоена обязательность пріема билетовъ для казны и частныхъ лицъ, за другими же не признано этого права. Не существуетъ центральныхъ банковъ въ Испаніи. Въ нѣкоторыхъ

странахъ, какъ напр. въ Шейцаріи и С. А. Штатахъ, уже водворилась полная свобода оборотной операціи. Въ Швейцаріи это дѣло касается самостоятельности кантоновъ, поэтому нѣтъ и центральнаго банка; только существуетъ различіе между католическими и протестантскими кантонами. Первые держатся системы привиллегированныхъ банковъ, вторые свободныхъ равноправныхъ. Въ С. А. Штатахъ закономъ 1834 г. постановлено, что число банковъ не ограничивается и что всѣ они могутъ заниматься оборотною операціею. Правда, во время послѣдней междоусобной войны были выпущены бумажныя деньги отъ казны и стѣсненъ выпускъ билетовъ частными банками, но теперь штаты переходятъ къ нормальному порядку. Вообще же, большая часть государствъ узаконяетъ обязательность пріема билетовъ одного, или нѣкоторыхъ привиллегированныхъ банковъ. Относительно же иностранныхъ билетовъ почти нигдѣ не существуетъ узаконеній. Сначала запрещалось ихъ обращеніе, видѣли въ немъ подрывъ своего регальнаго права; это было въ то время, когда и монета охранялась, когда привозъ и вывозъ монеты запрещался, а если и не запрещался, то по крайней мѣрѣ затруднялся, размѣнивать монету можно было только въ казенныхъ кассахъ; особенно это соблюдалось въ мелкихъ государствахъ Германіи. До сихъ поръ еще законы южной Германіи смотрятъ на право выпуска билетовъ и монеты, какъ на регальное право, между тѣмъ какъ жители тѣсно связаны между собою въ хозяйственномъ отношеніи; Сѣверный Германскій Союзъ первый принялъ объединеніе банковыхъ билетовъ; мѣстные банковые билеты въ нынѣшней германской Имперіи обращаются тоже не свободно, а по соглашенію. Въ другихъ государствахъ теперь нѣтъ ни разрѣшенія въ пріемѣ иностранныхъ билетовъ, ни запрещенія его.

На обращеніе банковыхъ билетовъ имѣетъ, послѣ обязательности пріема, огромное вліяніе *размѣръ суммы, означенной въ билетѣ*. Мелкіе билеты труднѣе извлекаются изъ обращенія: они служатъ обыкновенно посредниками въ мелочныхъ закупкахъ, не взирая на курсъ. Оптовые же торговцы часто сносятся съ банками, при учетѣ векселей, при трансфертахъ, текущихъ счетахъ и проч., такъ что если курсъ билетовъ понижается, то они потребуютъ обмѣна ихъ на звонкую монету. Чѣмъ крупнѣе купюръ банковаго билета, тѣмъ вообще правильнѣе путемъ размѣна регулируется ихъ курсъ; впрочемъ и во всякомъ случаѣ, размѣръ не дол-

женъ доходить до того, чтобы особенно выгодна была поддѣлка. Высокій таможенный тарифъ служитъ побужденіемъ къ контрабандѣ и даже даетъ возможность для ея страхованія, точно также и крупные билеты поощряютъ поддѣлку. Если, далѣе, одинъ банкъ выпускаетъ 3 рублевые билеты, а другой 100 р., то отказъ въ пріемѣ послѣднихъ можетъ повторяться чаще. Поэтому нельзя разнообразить въ привиллегіяхъ право выпускать билеты извѣстныхъ купюръ, а суммы должны быть одинаковы. Необходимо, во избѣжаніе всякаго внѣшняго разстройства въ системѣ посредниковъ, чтобы банки дѣйствовали въ такихъ вопросахъ сообща, съ общаго согласія. Собственно говоря весь вопросъ о предѣльныхъ, высшихъ и низшихъ, купюрахъ для банковыхъ билетовъ не находитъ ни теоретическаго, ни опытнаго оправданія, а всѣ постановленія касающіяся размѣровъ суть пока чисто благоусмотрѣнныя; тѣмъ не менѣе они существуютъ почти повсюду. *Австрійскій* банкъ выпускалъ недавно еще билеты, въ видѣ листа раздѣленнаго на 10 купоновъ по 10 крейцеровъ каждый, ихъ обрывали. Но билетъ въ 6 коп. обращается больше, чѣмъ крупный, потому и пачкается и уничтожается гораздо скорѣе. Вообще билеты, равные дробной или размѣнной монетѣ, неудобны; нормальнѣе всего начать размѣръ для банковаго билета съ того предѣла, далѣе котораго уже не идетъ самый крупный кружокъ золотой сборной монеты; т. е. съ 20 франковъ, 5 рублей и т. д. *Англійскій* банкъ имѣлъ прежде билеты въ 1, теперь не менѣе 5 ф. ст.; въ Америкѣ допускаются билеты не ниже 5 долларовъ; въ Голландіи не ниже 25 гульденовъ; во Франціи 50 франк., въ Бельгіи 40 франк., въ Швейцаріи по кантонамъ: въ Фрибургѣ не ниже 5 фр., Бернѣ 20, Базелѣ 50, Цюрихѣ 100, Люцернѣ 500 фр. Крупная сумма опредѣлена въ послѣднемъ случаѣ съ цѣлью охраненія низшаго класса отъ оборотовъ, смысла которыхъ онъ часто не понимаютъ. Въ Пруссіи и Саксоніи не ниже 10 тал., а на югѣ 10 fl.

Далѣе не изслѣдованъ вопросъ и не собрано никакихъ свѣдѣній о количествѣ билетовъ опредѣленнаго купюра необходимомъ для обращенія. Изслѣдованію такому банки могли бы содѣйствовать, если запишутъ предъявленные билеты, изъемлютъ ихъ изъ обращенія и замѣнятъ новыми. Во избѣжаніе чрезмѣрнаго выпуска одинаковыхъ купюръ существуютъ также законодательныя постановленія. Такъ въ Пруссіи банковый статутъ опредѣляетъ число билетовъ

десятиталерныхъ до 1.000,000. Всѣ частные банки могутъ выпускать ихъ лишь на 1/10 всего выпуска. По баденскому уставу не болѣе 1/2 выпуска можетъ быть произведенъ билетами въ десять гульденовъ. Но и эти постановленія, подобно существующимъ о размѣрѣ купюръ, суть чисто благоусмотрѣнныя, механическія.

§ 79. Условія и основанія размѣна банковаго билета. Отчетность въ кредитныхъ предпріятіяхъ.

По основѣ своей банковый билетъ есть обязательство безъименные, на предъявителя и по предъявленію, а потому то необходимо столь же точно, какъ относительно векселя au porteur et á vue опредѣлять *размѣнъ* его какъ по мѣсту, такъ и по *времени*. Централизація размѣна не только не необходима, но даже частные банки могли бы другъ за друга размѣнивать свои билеты. Во многихъ законодательствахъ существуютъ особыя постановленія касательно размѣна, незатрогивающія существа этой операціи. Таково напр. постановленіе — обозначать имя предъявителя, хотя для билета по предъявленію и излишне знать имя предъявителя, или наводить справку о его личности, но этого не дѣлаютъ изъ германскихъ банковъ лишь въ банкахъ Пруссіи и Баваріи. Австрійскій уставъ установляетъ росписку на билетѣ при его размѣнѣ. Все дѣлается для того, чтобы запутать публику, будто власти неблагопріятно смотрятъ на требованіе размѣна.

Гораздо важнѣе мѣры противъ поддѣлки банковыхъ билетовъ; такою мѣрою служитъ постановленіе, чтобы билетъ, разъ вернувшись въ банкъ, уничтожался, а взамѣнъ его выпускался уже билетъ другаго вида. Въ Англійскомъ банкѣ билетъ выпускается съ тѣми же цифрами, но съ обозначеніемъ № выпуска. Въ Пруссіи отъ поддѣлки банковые билеты охраняются тѣмъ, что шрифтъ печатается разными красками, вернувшійся въ банкъ билетъ истребляется, а выдаваемый взамѣнъ его имѣетъ уже перемѣны въ краскахъ шрифта. Прусскія бумажки обращаются безостановочно во Франціи, Англіи и Италіи, онѣ даже дороже серебрянаго талера на 5—7 сантимовъ, но поддѣльныхъ почти нѣтъ даже въ другихъ странахъ, хотя напр. въ Англіи поддѣлка чужихъ билетовъ не наказы-

вается. Кромѣ того замѣнъ разъ представленныхъ въ банкъ билетовъ представляетъ еще другое удобство: легче установить соразмѣрное количество купюръ обращающихся билетовъ. Съ другой стороны важно, чтобы размѣнъ былъ децентрализованъ, чтобы онъ производился не только въ главной кассѣ, но и въ отдѣленіяхъ и конторахъ банка, на разныхъ рынкахъ; въ тоже время ни одна контора не можетъ имѣть достаточно средствъ для безграничнаго размѣна предъявляемыхъ билетовъ. Соотвѣтственно этому возможно ограничивать размѣнъ или по времени (въ день не болѣе такого то количества), или по предъявителю (на одно лицо не болѣе такого то числа). Ограниченія эти будутъ шире или узже, смотря по быстротѣ пересылокъ. Въ Англіи разстоянія не велики, средства сообщенія хороши, а потому всѣ требованія размѣна вездѣ вполнѣ и безостановочно удовлетворяются. Въ Пруссіи разстоянія гораздо значительнѣе, поэтому § 32 Устава банка опредѣляетъ: что главная Берлинская касса производитъ размѣнъ безъ ограниченія, конторы же банка по мѣрѣ наличныхъ средствъ. Сами по себѣ постановленія о размѣнѣ важны единственно при кризисахъ торговыхъ, такъ въ 1866 г. благодаря ожиданію помощи Австріею со стороны Франціи и вторженія послѣдней въ Рейнскую провинцію, въ конторахъ Прусскаго банка истощились размѣнныя средства; но послѣ заявленія банка о томъ, что онъ отвѣчаетъ за размѣнъ,—новыхъ предъявленій не было. Статутомъ *Австрійскаго банка* (27 декабря 1867 г.) правила размѣна опредѣляются не ясно, то есть по главной кассѣ въ *Вѣнѣ* и другимъ кассамъ—размѣнъ совершается на полную номинальную цѣну билетовъ по соглашенію конторъ съ финансовымъ управленіемъ банка. По Баварскому статуту извѣстные №№ размѣниваются только въ указанныхъ кассахъ. Этимъ уничтожается собственно значеніе банковаго билета, такъ какъ онъ пишется на всякаго предъявителя безъ срока и мѣста. Кромѣ размѣра и мѣста размѣна важно также, *въ какое время въ теченіи дня* долженъ производиться размѣнъ. Для торговаго люда необходимо, напр., чтобы по крайней мѣрѣ въ биржевыя дни размѣнъ производился въ теченіи всего дня. Необходимо, слѣдовательно, постановить закономъ время для размѣна, не предоставляя его на произволъ банка. Таже необходимость очевидна для постановленія относительно праздниковъ, при чѣмъ нормальнѣе всего, чтобы они совпадали съ аналогическими опредѣленіями

въ вексельномъ и нотаріальномъ уставахъ. Могутъ представлять затрудненія праздники иновѣрцевъ, признавать ихъ конечно значитъ создавать безвыходный лабиринтъ. Затѣмъ потребно обозначить на какую монетную единицу производится размѣнъ, такъ какъ въ Россіи, Франціи, Италіи, Швейцаріи и Бельгіи существуетъ двойственная монетная система, причемъ курсъ одной можетъ быть ниже, и при размѣнѣ не все равно какою его получить; соотвѣтственно писать обѣщаніе «размѣниваются» на одинъ только основной металлъ, а не просто «на звонкій металлъ», или «золотою или серебряною монетою».

Отчетность. Довѣріе къ банку необходимо для успѣшности его дѣйствій; но довѣріе пріобрѣтается тогда, когда публикѣ доступно провѣрять состоятельность; поэтому вкладная и оборотная операціи поддерживаются отчетностью, представляющей возможность контролировать дѣйствія банка. Законодательства нормируютъ контроль различными путями: по однимъ учрежденъ контроль отъ правительства, по другимъ опредѣлены правила отчетности для банковъ, предписывается срочность отчетовъ. Между тѣмъ, банки въ своихъ ежемѣсячныхъ, полугодовыхъ и годовыхъ отчетахъ прибѣгаютъ нерѣдко къ прикрытію и переносу бухгалтерскихъ статей, дѣлая этимъ пониманіе ихъ недоступнымъ для публики.

Всякій балансъ распадается на 2 части: кредитъ (имѣетъ) и дебетъ (долженъ), или *активъ* и *пассивъ*.

Требованія на разныхъ лицъ, имущество и средства банка съ одной стороны, а долги и обязательства—съ другой, должны быть равны между собою. Въ дѣйствительности, конечно, этого не бываетъ и балансированіе достигается искусственнымъ путемъ: въ *пассивъ* вносятся дѣйствительные и фиктивные долги. Къ первымъ относятся обязательства передъ публикою, ко вторымъ капиталы банка (послѣдній ими отвѣчаетъ и какъ бы долженъ ихъ самому себѣ). Въ прусскихъ и сѣверогерманскихъ балансахъ фиктивныхъ долговъ не означается, такъ что нельзя по пассиву узнать о состояніи ихъ основнаго и запаснаго капиталовъ. А между тѣмъ, могло бы случиться, что весь основной капиталъ израсходованъ и банкъ продолжаетъ работать въ кредитъ, какъ это и было съ тюрингенскимъ и дессаускимъ банками; а потому *въ 1-й статьѣ пассива* долженъ быть указанъ основный капиталъ банка, но не только акціонерный или нарицательный, номинально-паевой, а дѣйствительно оплаченный,

складочный, т. е. на сколько по немъ собрано денегъ и на сколько онъ наличенъ и въ какихъ затратахъ; если часть его израсходована, то какая. *2-я статья* — резервный капиталъ. Иногда управленіе имъ поручается особой коммиссіи, или банкъ не считаетъ нужнымъ показывать его особо. Но это затѣмняетъ дѣло. Приходится доискиваться, въ какихъ статьяхъ помѣщена его сумма. Кромѣ того, важно указаніе, въ какой наличности оказывается резервный капиталъ, а не только его денежной суммы. Иногда капиталъ этотъ помѣщается въ слиткахъ, хотя очень рѣдко, иногда въ акціяхъ съ слабыми или сильными курсовыми колебаніями, иногда же въ государственныхъ облигаціяхъ, стоимость которыхъ зависитъ отъ финансовыхъ конъектуръ. Все это дѣлаетъ необходимымъ указаніе наличности капитала для того, чтобы судить о его дѣйствительной цѣнѣ. Съ другой стороны, означая курсъ фондовъ или акцій, въ которыхъ резервный капиталъ помѣщенъ, прибѣгаютъ нерѣдко къ уловкѣ означать средній курсъ послѣднихъ за 10 или 9 мѣсяцевъ, а не за цѣлый годъ, для того, чтобы особенно низкіе курсы въ нѣкоторые мѣсяцы можно было исключить.

Послѣ фиктивныхъ, или капитальныхъ, уже идутъ *дѣйствительныя пассивныя статьи*, заключающіяся во всѣхъ обязательствахъ, за которыя банкъ отвѣчаетъ своими средствами. Сюда относятся всѣ суммы по вкладной и оборотной операціямъ: вклады всѣхъ видовъ, банковые билеты, безсрочныя и срочныя облигаціи. Затѣмъ нерѣдко банки получаютъ ссуды для основанія, или расширенія ихъ оборотовъ изъ учредительскихъ обществъ (crédit mobilier), или отъ правительствъ. Эти ссуды составляютъ прямо дѣйствительный пассивъ. Отмѣчая выпускъ билетовъ, банки показываютъ часто не дѣйствительный, а сполна весь дозволенный, особенно въ тѣхъ государствахъ, гдѣ законъ опредѣляетъ размѣры оборотной операціи. Это замѣтно по сличенію отчетовъ соотвѣтственныхъ банковъ—въ нихъ видна повторяющаяся цифра выпуска, она оказывается безъ измѣненія. По существу же дѣла потребно, чтобы банки не скрывали дѣйствительнаго выпуска и выставляли настоящую его цифру; въ тоже время было бы полезно, чтобы они обозначали какихъ купюръ, по скольку выпущено въ отчетные сроки билетовъ и въ какой постепенности они возвращаются въ банкъ. Изъ этого могъ бы сложиться статистическій матеріалъ о потребности въ мѣновыхъ посредникахъ разныхъ купюръ, матеріалъ не-

собранный еще до сихъ поръ. Затѣмъ въ пассивъ вносятся особо и капиталы и вклады, отданные изъ главнаго банка въ конторы и отдѣленія; при этомъ конторы должны быть поименованы отдѣльно, и вклады изъ главнаго банка должны быть отдѣлены отъ резервныхъ капиталовъ самихъ конторъ; ни въ какомъ случаѣ нельзя допускать, чтобы послѣднія нераздѣльно показывались, какъ пересылочныя суммы (двусмысленны вообще всякіе т. н. корреспонденты и conto loro, conto nostro).

Активъ представляетъ собою средства, которыми обезпечиваются обороты банки; какъ и въ пассивѣ статьи его дѣлятся на: 1) мертвыя, фиктивныя и 2) дѣйствительныя. Къ первымъ принадлежатъ *расходы по управленію банкомъ*, производимые на счетъ доходовъ банка; они представляются, какъ бы требованіе со стороны банка, потому что къ сроку представленія отчета, они уже произведены. Отъ нихъ слѣдуетъ отдѣлять расходы *по операціямъ банка*, употребляемые на пріобрѣтеніе цѣнностей, бумагъ и звонкаго металла. Нѣкоторые банки занимаются покупкою слитковъ и продажею монеты, напр. англійскій банкъ, имѣющій свой монетный дворъ. Другіе банки при выкупной операціи сосредоточиваютъ у себя извѣстное количество звонкихъ металловъ, или монеты, въ качествѣ размѣннаго фонда; иногда этотъ фондъ превышаетъ даже размѣры необходимаго. Всякіе соотвѣтственные расходы должны быть указаны въ балансѣ отдѣльно отъ расходовъ на устройство, помѣщеніе и персоналъ банка для того, чтобы видѣть и судить о производительности каждой, а особенно мѣняльной операціи. Также важно, чтобы оба приведенные вида расходовъ были указаны порознь по конторамъ, чтобы судить: имѣетъ ли данная контора непреложныя основанія существовать, или нѣтъ. Особенно послѣднее требованіе большею частію не исполняется, за исключеніемъ нашего государственнаго банка; въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, нашъ банкъ стоитъ впереди большей части заграничныхъ; это объясняется тѣмъ, что при позднѣйшемъ составленіи его устава заграничный опытъ былъ принятъ во вниманіе. Существенно еще замѣтить, что сплошь и рядомъ гражданскій годъ не совпадаетъ со сметнымъ, оборотнымъ (напр. съ марта по мартъ), между тѣмъ какъ отчеты составляются сообразно съ первымъ. Сметный срокъ фактически кончается съ ликвидаціею, расчетомъ по извѣстной операціи, отсюда является необходимость разсрочивать покрытіе рас-

ходовъ. Иногда же данный расходъ не возпроизводится однимъ оборотомъ, а погашается цѣлымъ рядомъ.

Постепенно погашаемый расходъ въ балансѣ долженъ быть указанъ и въ полной цифрѣ, и въ какой мѣрѣ предполагается, или начато его погашать. Вотъ эти-то постепенно погашаемые расходы и составляютъ 3-й разрядъ фиктивнаго актива. Сюда входятъ: расходы по открытію вновь конторъ, кладовыхъ, на увеличеніе личнаго состава и проч.; расходы, дѣлаемые разомъ, но падающіе не на одну операцію. Затѣмъ фиктивною статьею, мертвымъ требованіемъ банка къ самому себѣ, являются *всѣ убытки, понесенные банкомъ въ извѣстный періодъ*. Эта статья особенно важна, какъ показаніе дефицита банка. Погашеніе ея должно производиться, какъ можно быстрѣе, а въ противномъ случаѣ такіе недочеты могутъ рости; часто, хотя предосудительно и превратно, они прямо помѣщаются въ расходы по обороту, или управленію, такъ что можетъ показаться, будто данный балансъ нисколько не хуже, а иногда и лучше прошлогодняго, между тѣмъ какъ это произошло отъ укрывательскаго перенесенія убытковъ на расходы. Долгая разсрочка при погашеніи убытковъ особенно даетъ возможность акціонерному банку не уменьшать, но даже и увеличить дивидендъ; но это значитъ злоумышленно готовить нерѣдко безвыходныя затрудненія въ будущемъ для банка. Особенно погасительную разсрочку примѣняли часто германскіе банки. Въ предупрежденіе этого въ общемъ уставѣ таможеннаго союза было помѣщено слѣдующее законоположеніе: акціонеры не получаютъ никакого дивиденда до тѣхъ поръ, пока не покрыть сполна балансъ недочетовъ. Съ другой стороны, необходимо, чтобы недочеты еще были показаны по статьямъ, къ которымъ они относятся, а не въ общей суммѣ; иначе немыслимо судить о коньектуральной благоразумности и выборѣ операцій.

За фиктивнымъ, или мертвымъ, слѣдуетъ *дѣйствительный активъ*. Такъ какъ основный капиталъ заносится въ пассивъ, то въ активѣ помѣщаются *тѣ платы акціонеровъ, которыя еще не взнесены*. При этомъ должно быть указано въ какой постепенности обязательно оплачиваются акціи. Будущіе взносы указываютъ на сколько можно разсчитывать на увеличеніе средствъ банка. Слѣдующія статьи—это *касса*, или все что находится въ звонкой монетѣ, *ломбардъ* и *портфель*. Въ кассѣ важно различеніе видовъ звонкаго металла (слитки золота и серебра) и разрядовъ монетъ,

иностранной и туземной, по ихъ чекану. Это потребно, вслѣдствіе разницъ въ курсахъ, тѣмъ болѣе, что и отношеніе банка къ другимъ, туземнымъ и иноземнымъ, тоже вліяетъ на курсъ иностранныхъ, или туземныхъ монетъ. Въ большей же части банковъ касса показывается вообще по валовой оцѣнкѣ, за исключеніемъ Англіи и Ирландіи. Столь же полезно различеніе кассы банка отъ кассъ его конторъ, чего по большей части нѣтъ. Въ портфель входятъ всѣ векселя, срочныя $^0/_0$ бумаги и проч., принадлежащія банку. Каждая статья его должна заключать однородныя бумаги и полныя данныя о ихъ цѣнѣ. Наконецъ, подъ ломбардомъ разумѣются всѣ кредитные залоги, находящіеся въ банкахъ.

Послѣднія три статьи отчета находятся въ тѣсной связи съ оборотною операціею банка. Думали обезпечить выпускъ банковыхъ билетовъ только наличною кассою, причемъ иногда требовали большаго размѣра ея, иногда меньшаго. Но и вообще нельзя опредѣлить нормальной середины обезпеченія; касса же только размѣнный фондъ, а покрытіемъ единственно можетъ служить и ломбардъ, и портфель. Послѣ исчисленныхъ статей уже слѣдуютъ *требованія банка на частныхъ лицъ, т. е. ссуды*, объ отчетныхъ подробностяхъ относительно нихъ нами уже говорено въ своемъ мѣстѣ. Послѣднею статьею является инвентарное *имущество банка*, непускаемое въ оборотъ, а существующее для внѣшнихъ цѣлей, какъ постоянный капиталъ; оно важно лишь при ликвидаціи банка.

Точныхъ общихъ правилъ для водворенія правильности банковыхъ операцій, конечно, не можетъ быть. Но законодательства старались обезпечить ее контролемъ отчетнымъ, или личнымъ чрезъ особеннаго чиновника; на обязанность контроля возлагается въ такомъ случаѣ провѣрка балансовъ и разрѣшеніе выпуска билетовъ. Чиновникъ едва ли не плохой судья въ банковомъ дѣлѣ, таково, по крайней мѣрѣ, дознаніе опыта, а общія постановленія относительно выпускной операціи не выдерживаютъ научной критики по своей произвольности. Таково, между прочимъ, опредѣленіе, чтобы банковыхъ билетовъ было не болѣе извѣстной пропорціи на 1 жителя, или обязательство банка имѣть на 20% выпуска размѣннаго фонду. Поэтому, одна достовѣрность баланса надежно обезпечивается контрольными учрежденіями, наблюдающими за ясностью и точнымъ сопоставленіемъ статей отчетовъ. Въ Англіи законодательство давно объ этомъ заботилось; съ Георга III начинаются мѣры

для обезпеченія публики при кредитныхъ предпріятіяхъ со складочнымъ капиталомъ (joint-stock-bank). Въ 1862 г. предпріятія эти различены на: 1) съ ограниченною отвѣтственностью и 2) съ неограниченною; что (limited liability или lillimeited liabiIity) они должны отмѣчать и на своихъ билетахъ. Для первыхъ создано учрежденіе регистраторовъ, наблюдающихъ за тѣмъ, чтобы банки не запаздывали своими отчетами еженедѣльными, ежемѣсячными или ежегодными, и чтобы отчеты эти печатались правильно.

Въ Пруссіи и Россіи существуетъ *государственный контроль*, но только для финансоваго хозяйства; его-то дѣятельность и слѣдовало бы распространить на всѣ банки — частные и казенные; имѣть же особенные контроли для банковъ, для страховыхъ обществъ и т. п.—нѣтъ никакой нужды. Но и контролирующія лица и учрежденія не представляютъ полной гарантіи отъ злоупотребленій отчетностью. Основною гарантіею все-таки будетъ служить полная публичность отчетовъ, публичность не только какъ правильное періодическое печатаніе ихъ, но какъ право каждаго требовать копій со всѣхъ отчетовъ банка, прошлогднихъ и текущихъ, за небольшое общеустановленное вознагражденіе. Такое предложеніе было уже внесено въ англійскій парламентъ.

Таковъ своеобразный характеръ банковыхъ операцій. Соединеніе всѣхъ ихъ въ одномъ банкѣ не есть нормальное условіе; но теорія банковаго посредничества становится ясною лишь при совокупномъ разсмотрѣніи всѣхъ отдѣльныхъ функцій банковаго кредита. Уясненіе послѣднихъ и должно въ наукѣ замѣнять описательное толкованіе и дѣленіе банковъ на промышленные, коммерческіе ипотечные, земледѣльческіе, что при научномъ анализѣ не имѣетъ существеннаго значенія, а создаетъ обыкновенно безвыходный лабиринтъ эмпирическихъ наставленій.

Исторія банковъ. Банки возникли довольно рано. Начало ихъ тѣсно связано съ оборотами по финансовымъ долгамъ; отсюда явилось и существуетъ до сихъ поръ мнѣніе о необходимости привиллегированныхъ банковъ. Нѣсколько лицъ капиталистовъ ссужали казну и соединялись въ одно общество, чтобы обезпечить себя противъ фиска. Съ другой стороны и фискъ содѣйствовалъ ихъ соединенію, чтобы внушать къ себѣ довѣріе и по возможности получить бо́льшую разсрочку платежа. Въ первый разъ водворилось такое соединеніе въ Венеціи, названное Monte (складчина, складочный капиталъ, тоже что stock). Понижая проценты займа и разсрочивая его уплату, участники получали за это разныя промысловыя и регальныя права (продажу соли, сборъ пошлинъ, налоговъ). Сначала monte не имѣли банковаго характера, не занимались дѣломъ мѣнялъ (пріемомъ вкладовъ или ссудами подъ залоги). Первая monte со-

стоялась изъ соединенія государственныхъ заимодавцевъ (consorteria), для упрощенія срочныхъ платежей казны, водворенія банковой монеты и трансфертовъ между лицами, записанными въ долговую книгу республики,—въ 1156 г. въ Венеціи. Затѣмъ въ 1410 и въ 1587 годахъ основаны еще двѣ monte, а изъ этихъ 3 monte — vecchia, nuova и novissima—и образовался венеціанскій банкъ, существовавшій до нашествія Наполеона (1737). Изъ monte, образованныхъ папами въ XIII столѣтіи не возникало банковъ. Затѣмъ джиро банкъ возникъ въ Испаніи въ Барцелонѣ (1309). Въ 1407 г. возникла въ Генуѣ Casa di S-to Georgio, существовавшая до 1740 г. По примѣру джиро или разсчетныхъ банковъ возникаютъ и въ остальной Европѣ депозитные банки: въ Амстердамѣ (существуетъ 1609—1790) и Гамбургѣ (1619). Кромѣ гамбургскаго прочіе депозитные банки (нюренбергскій 1621 г., ротердамскій 1635 г. и проч.) или измѣнили свой основный характеръ вкладныхъ учрежденій, или прекратили свое существованіе. Съ 1657 г. учрежденъ банкъ въ Швеціи, онъ раздѣлялся на два отдѣленія: ссудное и вкладное; по вкладамъ онъ же первый вмѣсто разсчетнаго листа въ книгѣ (conto), сталъ выдавать бумаги на предъявителя подъ названіемъ *кредитивовъ*, принимавшихся и въ казенные платежи: кредитивъ нельзя не считать первообразомъ банковаго билета. Полное же развитіе получаетъ банковый билетъ путемъ опытовъ основаннаго въ 1694 г. англійскаго банка. Въ 1703 г. является банкъ въ Вѣнѣ. Затѣмъ замѣчается большой перерывъ въ распространеніи банковъ до конца XVIII вѣка. Причиною его была система Джона Ло (его banque générale 1716 г.), имѣвшая послѣдствіемъ истощеніе капитальныхъ средствъ Франціи и окончившаяся бѣгствомъ ея изобрѣтателя (1720). Въ 1736 г. основанъ копенгагенскій банкъ. Съ XIX же столѣтія банки распространяются повсюду.

У насъ къ открытію банковыхъ оборотовъ побудилъ правительство высокій % на ссуды, заходившій свыше 20%, оно старалось понизить его водвореніемъ нѣкоторыхъ кредитныхъ операцій монетною конторою въ 1729—33 гг.; къ этому побуждало и литературное движеніе, вызванное системою Ло. Анна Іоанновна повелѣла открыть ссуды подъ залоги изъ 8%. Но оцѣнка залоговъ была очень невыгодна; цѣна залога должна была въ 4 раза превосходить ссуду, притомъ принималось единственно золото и серебро въ слиткахъ и монетою; другія драгоцѣнныя вещи, равно какъ и деревни, дворы не дозволялось брать въ залогъ. Срокъ ссуды былъ годовой, а разсрочка на 3 года (П. С. З. Т. IX, № 6309). Только при Елисаветѣ и Екатеринѣ II являются у насъ самостоятельныя банковыя учрежденія, указомъ 1754 года Елисавета основала государственный заемный банкъ въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ при сенатской конторѣ и сенатѣ, сначала *дворянскій*, а за тѣмъ при с.-петербургскомъ портѣ и *купеческій*. Оба производили ссуды подъ залоги изъ 6%, отъ 500—10000 р. въ одни руки. Ссудами изъ дворянскаго банка пользовались русскіе и иностранные дворяне и вообще всѣ великорусскіе помѣщики. Затѣмъ по указу 1756 г. — это же право получаютъ и остзейцы (Т. 6, № 12, 296). Прочіе дворяне получаютъ равныя права: бѣлорусскіе въ 1766, а малороссійскіе въ 1783 г. Но ссуды были незначительны относительно залоговъ, послѣдніе цѣнились очень низко, а кромѣ того требовалось поручительство людей знатныхъ и зажиточныхъ; займы могли быть пересрочены на 7 лѣтъ. Первоначальный капиталъ банка былъ опредѣленъ въ 750,000 р., но въ царствованіе Екатерины II онъ возросъ до 7 милл. Купеческій банкъ ссужалъ купцовъ на ½ года, подъ залогъ товаровъ, которые свидѣтельствовались въ коммерцъ коллегіи. Кромѣ этого ссужали нестоличныхъ купцовъ подъ поручительство ихъ магистратовъ. Просроченные залоги продавались съ аукціона. Однако, оба банка страдали отъ внутренняго неустройства. Контроль надъ векселями и залогами былъ крайне плохъ. Явились векселя по одолженію (дутые — lettres de change à com

plaisance, Wechselreiterei) вслѣдствіе чего купеческій банкъ сталъ стѣснять вексельную операцію. Въ товарахъ также стали замѣчать частые подлоги. Бухгалтерія была крайне неудовлетворительна, отчеты, хотя и публиковались въ газетахъ, но были лишь приблизительные и зачастую давали невѣрныя показанія. Дворянскій банкъ въ 1778—1779 г. дошелъ до того, что не окупалъ даже расходовъ по управленію. Поэтому онъ получилъ вспомоществованіе въ 300,000 р. асс. мѣдью. Въ это время въ управленіе имъ вступилъ гр. Брюсъ, и дѣла пошли немного лучше. Въ 1781 г. назначена была экспедиція для преобразованія банковъ. Въ 1782 г. коммерческій банкъ закрытъ и капиталъ его переданъ дворянскому банку, по закрытіи котораго въ 1786 г. капиталы поступили *въ государственный заемный банкъ*. Еще въ 1762 г. Петръ III, замѣтя неурядицы въ банкахъ, постановилъ открыть государственный заемный банкъ съ цѣлью давать ссуды лицамъ всѣхъ сословій и выпускать банковые билеты. Банкъ этотъ имѣлъ 2 конторы въ Петербургѣ и Москвѣ. Въ указѣ объ этомъ банкѣ постановляется, что операціи его, хотя необходимыя для коммерческаго люда, могутъ показаться новостью для публики, а потому слѣдуетъ пріохотить къ нимъ и открывать ихъ не вдругъ, а постепенно. Первоначальный выпускъ предполагалось ограничить 5.000,000 р. Средства банка стали усиливаться вскорѣ частными вкладами. Указомъ Екатерины II 1764 г. опредѣлено употреблять и ихъ на банковыя операціи, не стараясь извлекать изъ нихъ пользы для казны. Въ 1768 г учрежденъ былъ *ассигнаціонный банкъ*, съ конторами въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Въ указѣ о немъ говорится, что ассигнаціи вполнѣ замѣнятъ монету и что они, наравнѣ съ нею, будутъ приниматься при пошлинныхъ и другихъ казенныхъ сборахъ. Было даже опредѣлено, что при взносѣ въ 500 р., на 25 должно быть внесено ассигнаціями. Размѣнъ предполагался безостановочный во всякое время и на всякую сумму. Государственный заемный и ассигнаціонный банки получили основнаго капитала по 5,000,000 р. На ту же сумму было выпущено и ассигнацій. Ассигнаціонный банкъ учрежденъ былъ для пособія промышленному сословію и для облегченія народнаго обращенія. Ассигнаціи замѣняли мѣдную монету, которую иногда приходилось возить цѣльными возами. Вскорѣ однако возникаетъ несоразмѣрность выпуска, и ассигнаціями пользуются какъ безпроцентнымъ займомъ. Курсъ ихъ отъ этого понижается, особенно въ турецкую войну. При Павлѣ и Александрѣ I онъ снова почти доходитъ до пари, но затѣмъ вскорѣ опять сильно понижается (до 25% сер. рубля). Только послѣ учрежденія въ 1817 г. коммиссіи погашенія государственныхъ долговъ, начинаютъ прибѣгать къ погашенію ассигнацій посредствомъ % внутреннихъ займовъ. Гр. Канкринъ пріостанавливаетъ въ 1839 г. погашеніе, а въ 1843 г. ассигнаціи стараго образца извлекаются изъ обращенія и замѣняются новыми и самый счетъ на ассигнаціи воспрещается, вмѣсто ассигнаціоннаго банка открывается экспедиція заготовленія государственныхъ кредитныхъ билетовъ. Кромѣ приведенныхъ банковъ при Екатеринѣ II открываютъ въ вѣдомствѣ опекунскихъ совѣтовъ: вдовьи, ссудныя и сохранныя казны; *вдовьи кассы* 1772 г. въ С.-Петербургѣ и Москвѣ занимались страхованіемъ пенсій отъ 100 до 25 р. въ годъ. Строгихъ разсчетовъ страхованія по таблицамъ долговѣчности не было, руководствовались заграничными образцами, впослѣдствіи эти кассы занимаются пріемомъ вкладовъ по высшему %. *Ссудныя казны* даютъ ссуды подъ ручные залоги до 10,000 р., въ размѣрѣ $^3/_4$ залога, срокомъ 12 мѣсяцевъ; % по нимъ всегда выплачивается впередъ.

Сохранныя казны принимали вклады на проценты. Но въ послѣднее время существованія старыхъ кредитныхъ учрежденій вкладовъ стало больше, чѣмъ сколько требовалось ссудъ въ заемномъ банкѣ, приказахъ общественнаго призрѣнія и коммерческомъ банкѣ; эти излишнія суммы передавались въ государ-

ственное казначейство и обращались въ государственный долгъ (въ 1859 г. въ 443 милл. р.), чѣмъ понятно очень затруднялось полученіе вкладовъ обратно. Положеніе нашихъ кредитныхъ учрежденій стало опасно въ августѣ 1857 г., въ теченіи 22 мѣсяцевъ востребованія превышали внесеніе вкладовъ на 143 мил. р. Нужно было наконецъ перейти къ открытію настоящаго банка. 15 марта 1859 г. казна предложила вкладчикамъ 4% непрерывно доходные билеты, съ тѣмъ чтобы черезъ 20 лѣтъ опредѣлить способъ и порядокъ ихъ выкупа, почему естественно мѣра и не удалась. Тогда уже предложены были 5% банковые билеты. Послучаю же такой консолидаціи проценты на невыбранные вклады, которые давали до 1 января 1730 г. по 5%, до 20 іюля 1857 г. по 4%, до августа 1859 г. по 3%, были понижены на 2%. Ссуды были прекращены, вмѣстѣ со сложными 9%. Поэтому въ 1860 г. 1 іюля основывается *государственный банкъ* съ цѣлью оживленія оборотовъ и поддержки торговыхъ лицъ. Онъ получаетъ въ собственность 45.000.000 р. основнаго капитала (нынѣ 20 мил. р. и 3 мил. р. запаснаго). Казна возлагаетъ на него всѣ дѣла и операціи, которыми занимались госуд. коммерческій банки и экспедиція государ. кр. билетовъ, т. е. слѣдующія обязательства, падающія на сго прибыль: 1) погашеніе и платежъ % по государственнымъ долгамъ, 2) погашеніе и платежъ % по 5% банковымъ билетамъ; 3) обмѣнъ старыхъ кредитныхъ билетовъ на новые, размѣнъ ихъ на звонкую монету и пріемъ монеты и слитковъ за кредитные билеты. Этою послѣднею обязанностію правленіе банка оправдываетъ выпуски излишнихъ бумажныхъ денегъ. Нашъ Государственный банкъ имѣетъ еще чисто коммерческія операціи; 1) учетъ векселей и срочныхъ бумагъ, 2) пріемъ вкладовъ, 3) ссуды подъ залогъ движимостей, 4) переводы суммъ, 5) покупка и продажа бумагъ за счетъ довѣрителей и свой собственный. По учетной операціи онъ можетъ учитать векселя всякаго предъявителя безъ изъятія, простые и переводные, иностранные и русскіе; но для пріема требуется обезпеченіе двумя индоссаментами. Прежде въ государственномъ коммерческомъ банкѣ требовались 5 индоссаментовъ и 2 подписи со стороны выборныхъ отъ купече тва. Векселя должны быть назначены къ платежу въ С.-Петербургѣ, или городахъ гдѣ находятся банковыя конторы. Срокъ ихъ не можетъ быть далѣе 6 мѣсяцевъ, если же на 9, то съ разрѣшенія министра финансовъ. Банкъ можетъ брать переводные векселя заграничные (девизы) на свой счетъ и рискъ. Съ иногородныхъ векселей (траттъ) беретса $^1/_8$% добавочныхъ за переводъ; учетный % банка можетъ быть выше биржеваго и казеннаго. Государственный банкъ имѣетъ, съ 1864 г., 8 конторъ и 40 отдѣленіи по городамъ, и открываетъ на время ярмарочныя отдѣленія (по указу 20 декаб. 1862 г.). Банковыя отдѣленія находятся въ вѣдѣніи предсѣдателей казенныхъ палатъ, или особыхъ управляющихъ. Затѣмъ въ 1860 г. заемный банкъ былъ закрытъ, всѣ дѣла приказовъ общественнаго призрѣнія было возложено ликвидировитъ на государственный банкъ. Сохранныя казны продолжаютъ разсчитываться съ заемщиками по однимъ ссудамъ. Ссудныя казны называемыя въ обиходѣ ломбардами, преобразованы въ 1867 г.; также получили новое устройство и сберегательныя кассы. Въ тоже время нормируется открытіе общественныхъ городскихъ банковъ (уставъ 6 февр. 1862 г., дополненный въ 1866 и 1870 г. Собр. Узак. № 390 и 938). Вмѣсто законодательнаго разрѣшенія, требовавшагося до 1862 г., и соглашенія министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ съ тѣхъ поръ—въ новѣйшее время, по Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта отъ 31 мая 1872 г., дозволено министру финансовъ утвер-

ждать уставы обществъ взаимнаго кредита, заклада движимостей и банковъ по указаннымъ образцамъ; впрочемъ только тамъ гдѣ нѣтъ еще конкурирующихъ кредитныхъ учрежденій. Руководствуясь образцами министръ финансовъ долженъ вводить указанныя ограниченія (Собр. узак. № 451).—Срав. *Е. Ламанскій*, о денежномъ обращеніи въ Россіи и—обзоръ операцій государственныхъ кредитныхъ установленій—въ сборникѣ статистическихъ свѣдѣній о Россіи, изд. Имп. геогр. общ., кн. II, 1853 г.—*В. Безобразовъ*, о нѣкоторыхъ явленіяхъ денежнаго обращенія въ Россіи, 1863 г. — Ежегодникъ министерства финансовъ.—*Куломзинъ*, финансовое управленіе Екатерины II, въ юрид. вѣстникѣ № 2, 1869 г.—*Кауфманъ*, статистика русскихъ банковъ, въ IV серіи стат. временника, изд. цент. стат. комитетомъ, вып. 9.—Сводъ узаконеній и уставовъ кредитныхъ, изд. Анисимова, III тома, С.-Петербургъ 1873 г.—*Пятлаевскій*, денежный рынокъ въ Россіи съ 1700—1762, Одесса 1868 г.—*Гольдманъ*, русскія бумажныя деньги, С.-Петербургъ, 1867 г.—Подробное объясненіе счетовъ государственнаго банка помѣщено въ переводѣ *И. Х. Буше* сочиненія Вагнера, русскія бумажныя деньги, стр. 241—253.

ОТДѢЛЪ VII.

Потребленіе цѣнностей.

ГЛАВА XIV.

Потребленіе какъ конечная цѣль и основа равновѣсія и согласованія всѣхъ хозяйственныхъ оборотовъ.

§ 80. Общее содержаніе понятія потребленія и главные виды послѣдняго.

Съ развитіемъ народнаго хозяйства все болѣе и болѣе развивается правильность и правомѣрность участія въ производствѣ цѣнностей, отчего происходитъ, съ одной стороны, естественное пониженіе и въ особенности доступность цѣнъ на предметы потребленія, а съ другой, правильное распредѣленіе доходовъ, соотвѣтствующее количеству и качеству труда и результатамъ его. Съ развитіемъ же мирныхъ экономическихъ международныхъ сношеній вообще, и внѣшней торговли въ особенности, развивается къ

общей выгодѣ взаимное содѣйствіе въ производствѣ цѣнностей, результатомъ котораго непремѣнно является тоже ихъ большая доступность, или увеличивающаяся для каждаго народа возможность пользоваться произведеніями другихъ странъ, или результатами трудовъ и хозяйства вообще другихъ народовъ.

Человѣкъ собственно ничего не создаетъ и не уничтожаетъ, кромѣ цѣнностей. Поэтому подъ потребленіемъ цѣнностей должно разумѣть только уменьшеніе, или уничтоженіе экономической цѣнности предметовъ и услугъ. Къ *непосредственному* потребленію относится всякое уничтоженіе цѣнностей для поддержанія существованія. Сюда же должно включить и потребленіе *разрушительное*, когда, защищая достатокъ и хозяйство, уничтожаютъ запасы и проч. для того только, чтобъ предотвратить полное разореніе. Соотвѣтственно началамъ раздѣленія и соединенія трудовъ и производства, существуютъ по необходимости и *раздѣленіе* и *соединеніе потребленія*. Раздѣленіе потребленія проявляется главнымъ образомъ въ увеличивающемся, съ развитіемъ народнаго хозяйства, количествѣ и разнообразіи предметомъ потребленія, тогда какъ при неразвитомъ хозяйствѣ, когда каждый производитъ единственно или преимущественно только для себя, предметы потребленія крайне однообразны и малочисленны, а потому не могутъ удовлетворять разнообразнымъ потребностямъ цивилизованнаго человѣка. Такъ, напр., у неразвитыхъ народовъ жилище человѣка немногимъ отличается отъ какого нибудь подземелья и норы, одежда едва прикрываетъ тѣло и крайне неудобна, употребляется одинъ родъ пищи вообще и пр.; у развитыхъ же экономически народовъ болѣе, или менѣе значительно количество и разнообразны виды предметовъ потребленія. *Соединеніе потребленія* столь же развивается подъ вліяніемъ общественности вообще и создаетъ, какъ частныя хозяйства, такъ и все народное хозяйство: такимъ образомъ, потребленіе является однимъ изъ основаній *общенія между людьми*, и служитъ къ скрѣпленію и развитію хозяйства во всей цѣлости его. Оно основано преимущественно на томъ, что множество предметовъ, одновременно или послѣдовательно, могутъ служить къ удовлетворенію извѣстныхъ потребностей, какъ одного человѣка, такъ и нѣсколькихъ, или и многихъ людей разомъ, даже при томъ условіи, что съ увеличеніемъ количества потребителей размѣры потребленія возростаютъ вовсе не пропорціонально. Такъ трактирщикъ, топя

однажды лишь печь и при помощи одного повара, можетъ готовить обѣдъ для *многихъ* и притомъ обѣдъ *разнообразный*, и болѣе выгодный, чѣмъ на одного человѣка. Посѣтитель лучшихъ парижскихъ ресторановъ можетъ, за неизмѣнную цѣну, имѣть выборъ изъ 150, 200 и болѣе блюдъ. Точно также общественная библіотека полнѣе и доступнѣе нѣсколькихъ частныхъ библіотекъ, вмѣстѣ взятыхъ. Прежде только богатые могли съ достаточною быстротою совершать переѣзды; нынѣ же, благодаря усовершенствованнымъ путямъ сообщенія, устройство которыхъ не мыслимо безъ объединенія потребленія, такая быстрота доступна и для не богатыхъ людей. Но соединеніе потребленія имѣетъ свою темную сторону, которая обусловливается сущностью этого начала и состоитъ въ томъ, что участвующее въ соединенномъ потребленіи лицо должно обыкновенно жертвовать до нѣкоторой степени своею независимостью.

Разрушительнымъ потребленіемъ мы должны считать не только каждый хозяйственный ущербъ, или убытокъ, не только каждый расходъ безвозвратный для хозяйства, тлѣніе, порча припасовъ отъ храненія, но и каждый лишній расходъ для производительныхъ цѣлей. Въ случаѣ, если потребленіе дѣйствительно представляетъ собой условіе новаго производства, то оно называется *производительнымъ*, или вѣрнѣе, *воспроизводительнымъ*. Здѣсь форма потребленнаго предмета уничтожается, но цѣнность его продолжаетъ жить въ новомъ произведеніи. Производительнымъ должно считать каждое потребленіе, которое даетъ возможность къ удовлетворенію какой нибудь дѣйствительной хозяйственной потребности, а по отношенію къ степени производительности потребленія слѣдуетъ главнымъ образомъ обращать вниманіе на способъ, не на виды его. Такъ называемая *антиципація* своего дохода (т. е. израсходованіе будущихъ доходовъ), есть ничто иное, какъ потребленіе капитала, которое надѣются вознаградить изъ послѣдующаго дохода. Расточительность находила себѣ многочисленныхъ защитниковъ, которые считали ее совершенно безвредною, если только расточаемыя деньги не выходятъ изъ страны, забывая что она всегда остается ненужною растратою и уничтоженіемъ цѣнностей. Главнымъ побужденіемъ къ производительной дѣятельности служатъ для насъ потребности, и потому многочисленность человѣческихъ потребностей есть одинъ изъ сильнѣйшихъ двигателей человѣческой дѣя-

тельности вообще. Обыкновенно-народы, у которыхъ мало потребностей, мало и трудятся, или, по крайнѣй мѣрѣ, предпочитаютъ бездѣлье труду. Вотъ почему только *тамъ гдѣ растутъ потребности, умножается и производство*, а это совпадаетъ съ развитіемъ экономическаго быта народа.

Безъ экономіи, или *бережливости*, даже успѣшное производство цѣнностей, при возможно полной свободѣ труда, котораго бы хватало не только для безбѣднаго, но и для болѣе или менѣе достаточнаго образа жизни, ведетъ къ такимъ же печальнымъ результатамъ, какъ и крайне-стѣсненное производство вообще цѣнностей въ государствѣ, потому что безъ экономіи, или бережливости, расходы часто превышаютъ доходы, т. е. болѣе потребляется нежели производится цѣнностей. *Экономія*, или бережливость, или хозяйственность, это *разумность* въ приложеніи къ употребленію доходовъ, т. е. средствъ къ жизни, и къ пользованію ими. *Экономенъ*, или *бережливъ* въ строгомъ смыслѣ только тотъ, кто разумно пользуется своими доходами и живетъ вообще по средствамъ, кто не позволяетъ себѣ лишняго расхода, но и не впадаетъ въ скупость, скряжничество, кто можетъ *вполнѣ отвѣчать* за каждый расходъ свой и каждое потребленіе, а потому вполнѣ достоинъ *свободы* по отношенію къ употребленію своихъ доходовъ и средствъ къ жизни вообще.

Поэтому неудивительно, что тѣ народы при равныхъ обстоятельствахъ болѣе благодѣнствуютъ, которые *бережливѣе* другихъ и вообще живутъ экономно. Такъ напр., не смотря на то, что значительная часть Швейцаріи, по гористости и другимъ территоріальнымъ причинамъ, не можетъ быть хозяйственно обработываема, населеніе этой страны значительно и пользуется не малымъ благосостояніемъ. Точно также, не смотря на территоріальную бѣдность Голландіи, въ этой странѣ бездна капиталовъ и рѣдкое общественное благосостояніе; а это тоже потому, что Голландцы очень бережливы. «Голландцамъ и въ голову не приходитъ, говорилъ еще Тампль, чтобы ихъ расходы когда нибудь могли равняться доходамъ (а не быть ниже ихъ). Тотъ годъ, когда это случается, они считаютъ годомъ потерянымъ. Такой образъ жизни (т. е. когда расходы превышаютъ доходовъ, а не равняются имъ) также точно позоритъ въ Голландіи человѣка, какъ въ другихъ странахъ развратный образъ жизни». За то въ Голландіи болота и морскіе пески превращены въ цвѣтущія поля, нивы и сады, а въ

Турціи, напр., въ которой нѣтъ народной бережливости, даже и трава не растетъ на мѣстахъ самыхъ плодоносныхъ отъ природы.

Противоположныя экономіи, или бережливости, качества—скупость и расточительность, которыя такъ же относятся къ экономіи, какъ вредная страсть и безнравственность къ добродѣтели, какъ тупоуміе и легкомысленность къ разуму, или же какъ преступленіе и проступокъ къ законности. *Скупость* это страсть отталкивающая, скупой или скряга, это человѣкъ до того поклоняющійся золотому тельцу, что часто посягаетъ и на свое здоровье, на свое существованіе ради удовлетворенія страсти. Она не *менѣе вредна* для народнаго хозяйства, чѣмъ *расточительность*. Расточительность это излишнее, несоотвѣтственное доходамъ и противное экономіи потребленіе, а потому она ведетъ непремѣнно къ раззоренію. «Кто покупаетъ себѣ *излишнее*, говорилъ Франклинъ, тотъ кончаетъ обыкновенно тѣмъ, что продаетъ *необходимое*».

Роскошь же есть нѣчто иное, чѣмъ излишнее потребленіе, противное здравой экономіи. Роскошь понятіе *чисто относительное*, ибо люди всѣхъ вѣковъ и странъ называли и продолжаютъ называть роскошью тѣ потребленія, которыя имъ казались *излишними*, и потому какъ молодежь честитъ старыя моды именемъ педантства, такъ старики бранятъ новую моду именемъ роскоши. *Роскошь* не столь опредѣлительное понятіе, какъ бережливость и расточительность. Роскошь есть избыточное, но не противное здравой экономіи потребленіе.

Потребности человѣка неограничены, и онъ удовлетворяетъ и даже долженъ удовлетворять имъ по мѣрѣ возможности; въ противномъ случаѣ, онъ не вполнѣ доволенъ своею участью и не можетъ быть доволенъ ею. Вопросъ здѣсь въ томъ, какимъ именно потребностямъ и *какъ* онъ долженъ удовлетворять имъ, прежде чѣмъ другимъ. На это должно указывать ему сознаніе его обязанностей. Безъ болѣе или менѣе высокаго развитія, неизбѣжны въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе значительные промахи и ошибки. Если же *каждое высшее образованіе обнаруживается въ увеличенномъ и болѣе удовлетворительномъ числѣ и живости потребностей* (Рошеръ, § 224), то надлежащее удовлетвореніе такимъ потребностямъ есть уже роскошь, какъ новое *удобство жизни*, т. е. необходимое условіе дальнѣйшаго совершенствованія и раз-

витія обстановки, новое и благое побужденіе къ дѣятельности для человѣка, новая опора для его хозяйства.

Потребленіе въ кредитъ, причемъ цѣна предметовъ потребленія значительно возвышается страховою премією, указываетъ уже на превышеніе чистаго дохода и ведетъ къ хозяйственной смерти—къ *раззоренію*, которое кончается *нищетою*. Такимъ образомъ, хозяйственное потребленіе опредѣляется цѣлью и способомъ тратъ, а не мѣстомъ и другими внѣшними обстоятельствами. Нелѣпо утверждать, что расточительность внутри государства не есть потеря для народнаго хозяйства, такъ какъ деньги остаются въ рукахъ соотечественниковъ; эти соотечественники въ обмѣнъ дали другія цѣнности, которыя безвозвратно уничтожены, чѣмъ народное богатство соразмѣрно и уменьшено. Между расточительностію заграницею и дома нѣтъ ровно никакой разницы. Увлекался Монтескье, а съ нимъ многіе увлекаются еще до сихъ поръ, когда утверждалъ, что если богатые не будутъ много тратить, бѣдные останутся безъ заработковъ и умрутъ съ голоду (Дух. зак. кн. VII, гл. IV). Только наростаніе *капиталовъ* возвышаетъ спросъ на трудъ и тѣмъ даетъ возможность большихъ заработковъ; каниталы же создаются бережливостью, сохраненіемъ части чистаго дохода, а большія траты сокращаютъ капитализацію. Тоже невѣрное положеніе нерѣдко высказывается въ еще болѣе громкой фразѣ, что «роскошь поощряетъ народную промышленность», приэтомъ забываютъ историческій опытъ, что времена величайшей роскоши у народовъ всегда предшествовали окончательному паденію государствъ. Если расточительность уничтожаетъ капиталы, то *скупость* ихъ на время обращаетъ въ мертвые, что во всякомъ случаѣ менѣе вредно для народнаго благосостоянія; а между тѣмъ, толпа любуется широкими натурами, готова имъ соревновать и подвергаетъ въ то же время скрягу безграничному презрѣнію. При всемірномъ характерѣ новѣйшаго хозяйства безполезное расточеніе цѣнностей въ одномъ мѣстѣ уничтожаетъ средства къ возникновенію промышленнаго предпріятія въ другомъ. Расточительность и развитіе промышленности исключаютъ другъ друга и чрезмѣрные расходы богатыхъ въ какой либо странѣ—главная причина медленныхъ хозяйственныхъ ея успѣховъ; вотъ почему, представителемъ послѣднихъ преимущественно вездѣ служитъ такъ-называемый средній классъ, т. е. тотъ, который не дѣлаетъ расходовъ ради *обстановки* или *преданій*;

гдѣ онъ ихъ дѣлаетъ, тамъ онъ безсиленъ. Съ другой стороны и нищета не служитъ залогомъ трудолюбія народа, напротивъ, по мѣрѣ улучшенія быта работниковъ, ихъ трудъ становится удовлетворительнѣе; англійскій и ирландскій работники получаютъ на той же фабрикѣ въ Англіи различное вознагражденіе.

§ 81. Страховыя затраты, какъ разрушительное, или вѣрнѣе, какъ противуположность воспроизводительному потребленію.

Въ прямой связи съ такъ называемымъ до сихъ поръ у экономистовъ «разрушительнымъ потребленіемъ» находится, какъ нами уже указано во введеніи, вопросъ о страховыхъ затратахъ.

Пробѣлы, существующіе въ законодательствахъ относительно страховыхъ оборотовъ, совершенно естественны, потому что сама хозяйственная наука не выработала до сихъ поръ никакого прочнаго и цѣлостнаго взгляда по вопросу; спеціалисты-экономисты еще едва до сихъ поръ задавались самымъ вопросомъ. Богаче всѣхъ другихъ по чисто теоретической разработкѣ страховаго начала, литература французская. Англійская въ страховомъ вопросѣ тотчасъ перешла на практическую почву и остановилась на вычисленіяхъ, которыми она богаче, чѣмъ какая либо другая, но собственно вопросъ о страхованіи, какъ о хозяйственномъ процессѣ не выяснялся. Попытки этого рода сдѣлали только французы и весьма талантливо, весьма успѣшно, хотя труды ученыхъ, занимавшихся этимъ вопросомъ, мало извѣстны.

Между ними особенно замѣчательны: Курси, Ребу и Абу *),

*) *Alf. de Courcy*: Essai sur les lois du hasard. Paris. 1862. — его же, Précis de l'Assurance sur la vie, Paris, 1870 г.

Eugène Reboul: Assurances sur la vie. Paris. 1863.

Edmond About: Les questions d'argent: L'Assurance. Paris. 1865.

Horace Say: art. Assurance въ Dict. de l'economie politique. T. I. Paris. 1852 стр. 86.

Isidore Alauzet: Traitè général des assurances. Paris. 1844.

Victor Robert: Guide des soc. de secours mutuels, 3ed, Paris 1869.

de Montluc: des assurances sur la vie, Paris, 1870.

Cerfberr Médelsheim: la police d'assurance, Paris. 1868. Annuaire des compagnies d'assurances, par *Ory*, depuis 1871, Paris.

Post-Magazin Almanack, from 1840—1874, London.

которые объяснивъ воззрѣніе на страхованіе, какъ на договоръ, то есть господствовавшую юридическую точку зрѣнія, стали разбирать страхъ, какъ экономическое явленіе, какъ хозяйственное начало. Въ новѣйшее время въ нѣмецкой литературѣ, въ которой обыкновенно рано встрѣчаются попытки возведенія всѣхъ явленій дѣйствительности въ отвлеченныя общія теоріи, существуетъ только немного сочиненій по теоріи страха, и то вышедшихъ недавно: первое было сочиненіе Германна о страхованіи съ экономической точки зрѣнія *).

Такимъ образомъ я долженъ былъ рѣшиться, еще въ 1870 г., высказать свой собственный взглядъ на страхованіе, съ той же экономической точки зрѣнія, впервые въ страховыхъ артеляхъ (стр. 38).

Экономическія затраты и обороты, изъ которыхъ слагается страхованіе, не совпадаютъ, съ одной стороны, съ тѣми общими

*) *Em. Herrmann*: die Theorie der Versicherung vom wirthschaftlichen Standpunkte. 2 Aufl. Gräz. 1869 — Прочіе нѣмецкіе экономисты излагаютъ свои соображенія о страхованіи, какъ бы мимоходомъ, въ отдѣлѣ хозяйственной политики, да и то по отношенію къ страхованію отъ огня, градобитія, къ скоту и ипотекамъ. Такъ *H. Rau*: Lehrb. der pol. Oeconomie. II—Grundsätze der Volkswirthschaftspolitic. § 109. — *W. Roscher* System der Volkswirthschaft. II—Nationalökonomik des Ackerbaues. Stuttg. 1861. § 138, 164 и слѣд. — *Th. Saski:* Die volkswirthschaftliche Bedeutung des Versicherungswesen. 2 Aufl. Lpz. 1866, указываетъ только на практическое значеніе всѣхъ отраслей страхованія, но до научнаго выясненія самаго начала не доходитъ. — *Энгель* справедливо говоритъ: «Наука до сихъ поръ мало занималась страховымъ дѣломъ... Политическая экономія о немъ совершено забыла. Законодательство не отводило ему опредѣленнаго мѣста, оно какъ бы колеблется считать ли страхованіе отраслью промышленности или торговли, или видѣть въ немъ только проявленіе благотворительности. Судя по законамъ во многихъ странахъ, можно бы было скорѣе повѣрить, что право смотритъ на нѣкоторыя отрасли страхованія, какъ на общественно вредныя учрежденія, противъ которыхъ слѣдуетъ выступить сильнѣйшими репрессивными мѣрами, чтобы надежнымъ образомъ предотвратить ихъ распространеніе. Нѣмецкое торговое право вовсе не касается страхованія». Rechenschaftsbericht über die V. Sitzung des Statist. Congresses zu Berlin. I B. стр 69. Berl. 1865. Къ техническимъ или популярнымъ сочиненіямъ принадлежатъ:

Schrott: Lehrbuch der allg. Versicherungswisensschaft, Wien, 1871.

Schmidt: Das Ganze des Versicherungswesens, Stuttg. 1871.

Karup: Theoretisch-practisches Handbuch der Lebensversicherung, III Abth., Leipzig, 1869 [70].

Weber: wider den Bettel, Leipzig, 1870.

Elsner: Archiv f. d. Versicherung-wesens, Berlin, 1867.

Braemer: Das Versicherung-wesens und seine gesetzliche Regelung, Berlin, 1871.

или частными административными мѣрами общественнаго управленія и полицейской охраны, которыя также спасаютъ отъ огня, погибели въ морѣ и другихъ потерь, или оберегаютъ жизнь и доходы; съ другой стороны, они столь же мало совпадаютъ и съ азартными разсчетами, лишенными доказательности промысловыхъ коньектуръ, или съ игрою, какъ это предполагаетъ осторожная боязливость нѣкоторыхъ ученыхъ, или увлекшаяся систематичность австрійскаго законодательства, принявшаго за точку отправленія понятіе объ алеаторномъ договорѣ (Gluecks-Vertrag).

Страховой оборотъ вступаетъ въ дѣйствіе и можетъ дать экономическіе результаты совершенно независимо отъ, или уже послѣ, полнаго истощенія всѣхъ тѣхъ мѣръ общественныхъ и полицейскихъ, которыми предотвращается, ограничивается, или прекращается дѣйствіе и раззореніе какого либо внѣшняго зла въ хозяйствѣ; да притомъ оно доставляетъ и обезпечиваетъ возмездіе за понесенные ущербы, и слѣдовательно прямо противуположно игрѣ и азартной наживѣ, какъ по цѣли своей, такъ и по послѣдствіямъ.

Конечно, страхованіе имѣетъ съ послѣдними нѣкоторое внѣшнее сходство, заключающееся впрочемъ единственно въ томъ, что и при игрѣ, и при страхованіи затрачиваются доли наличнаго имущества, или денежныхъ средствъ—въ надеждѣ на значительно большее будущее возмездіе. Далѣе очевидно, что при всякомъ страхованіи заключается договоръ между двумя сторонами, имѣющій цѣлью ослабить какой либо рискъ, то есть возникаютъ обоюдныя обязательства двухъ сторонъ другъ передъ другомъ, или же устанавливается имущественное отношеніе въ видѣ круговой поруки, при взаимномъ, соразмѣрномъ распредѣленіи рисковъ. Въ тоже время являются тутъ и ставки, вносимыя безвозвратно на основаніи разсчета по теоріи вѣроятностей и съ цѣлью получить, при наступленіи даннаго опредѣленнаго случая, болѣе значительное вознагражденіе: жертвуется опредѣленный взносъ ради предотвращенія только сбыточныхъ потерь. Однимъ словомъ, всѣ указанныя дѣйствія безспорно совершаются и ими создаются азартныя отношенія, которыхъ нельзя не считать въ одинаковой степени необходимыми элементами страхованія; но только при совокупномъ участіи и своеобразномъ сочетаніи хозяйственной предусмотрительности, азарта и договорнаго элемента слагается дѣйствительный страховой оборотъ.

Самостоятельное же основаніе послѣдняго, источникъ и сущ-

ность страховаго начала, заключаются въ томъ, что всѣ страховыя затраты служатъ неизбѣжнымъ хозяйственнымъ дополненіемъ всѣхъ оборотовъ прямо производительной дѣятельности человѣка *).

Чтобы убѣдиться въ непреложности нашего взгляда, стоитъ только обратить вниманіе на то, что въ хозяйствѣ людскомъ одни усилія и затраты отличаются какъ бы положительнымъ характеромъ: ими производятся цѣнности, создаются достатки, благосостояніе, поддерживаются и развиваются хозяйства. Въ тоже время однако, всякое хозяйство должно сверхъ того, сплошь и рядомъ, еще выдерживать борьбу съ грозною стихіею и отражать осиливающее его вліяніе окружающей среды: именно на эту борьбу идетъ не мало труда и имущественныхъ пожертвованій. Такого рода отпоръ и охрана представляются, съ экономической точки зрѣнія, какъ бы отрицательными факторами хозяйства, ими уравновѣшиваются такія потери, которыя возникаютъ помимо воли, или недосмотра, предпринимателя и хозяина.

Вся же масса указанныхъ, отрицательныхъ, затратъ и составляетъ содержаніе, или является главнымъ факторомъ въ страховыхъ оборотахъ.

Послѣ сказаннаго само собою понятно, что по мѣрѣ того, какъ рѣже представляется необходимость въ затратахъ на страхованіе и послѣднія бываютъ меньшихъ размѣровъ, или болѣе обезпечены въ своемъ помѣщеніи, само хозяйство можетъ съ большимъ успѣхомъ развиваться и усилить свою прямо производительную дѣятельность.

Въ общемъ выводѣ, основаніемъ хозяйственнаго страхованія служитъ, слѣдовательно, своевременное пожертвованіе труда и капитала, ради предотвращенія, отъ отдѣльныхъ предпріятій и цѣлыхъ хозяйствъ, такихъ раззорительныхъ бѣдствій, или такого мгновеннаго ущерба, которые могутъ разразиться надъ предпринимателемъ и хозяиномъ болѣе или менѣе неожиданно и которые возникаютъ, независимо отъ человѣческой дѣятельности и условій общественности, въ силу дѣйствія среды и по непреложнымъ законамъ стихійной обстановки.

Между тѣмъ ученые, разбирая хозяйственную сущность страхованія, въ большинствѣ случаевъ, опредѣляютъ это начало по отдѣльнымъ его проявленіямъ, по частнымъ его особенностямъ.

---

*) Срв. введеніе настоящаго курса, а также «строй промышленныхъ предпріятій», стр. 199.

Такъ Rebout говоритъ (стр. 20): «Страхованіе есть устраненіе случая въ людскихъ предпріятіяхъ» (стр. 53). «Превратить значеніе несчастій изъ всесильнаго въ ничтожное: такова экономическая задача, къ рѣшенію которой единственнымъ, исключительнымъ средствомъ служитъ страхованіе. Страхованіе уничтожаетъ дѣйствіе золъ, распредѣляя опасность, грозящую недѣлимому, на всю массу: вотъ его польза и мѣрило его производительной силы... Оно производительно уже потому, что даетъ вѣрное въ обмѣнъ за невѣрное, такъ какъ неизмѣнность, прочность, которыя оно сообщаетъ нашему имуществу и нашимъ предпріятіямъ, по существу подлежащимъ риску, равносильны дѣйствительному приращенію цѣнностей». — Въ распредѣленіи возможныхъ убытковъ или вообще риска на многихъ видитъ сущность страхованія и H. Say (Dict. de l'écon. p.), поручительство по его взгляду не есть страхованіе, оно только переноситъ рискъ на другаго, а страхованіе всегда создаетъ «настоящій договоръ взаимнаго соединенія». — Весьма обще и опредѣленіе у About (стр. 70): «Новѣйшее страхованіе покоится на естественномъ, дѣйствительномъ и неколебимомъ основаніи. Оно ссылается на личную бережливость и солидарность всего рода человѣческаго». — Сходное положеніе повторяетъ Эммингаузъ (Versicherung въ Rentzsch: Handwörterbuch der Volkswirthschaftslehre. Lpz. 1866, стр. 951): «Нельзя упускать изъ виду, что хозяйственная сила страхованія опирается всегда на силѣ ассоціаціи». — Тоже у М. Вирта (Grundzüge der National-ökonomie. Koeln 1856, стр. 596): «Страхованіе близко и сродно съ ассоціаціею, и оно основано на солидарности многихъ соединенныхъ силъ. Сила всѣхъ уравновѣшиваетъ слабость и несчастія отдѣльныхъ лицъ». Штейнъ (Lehrbuch der Volksw. 1858, стр. 290), Рошеръ (ч. II стр. 448) и Шеффле (das gesellschaftl. System der menschl. Wirthschaft, Tüb. 1867, стр. 118), видятъ хозяйственное дѣйствіе страхованія исключительно въ распредѣленіи ущербовъ долями на многихъ.

Другіе писатели остаются при юридическомъ толкованіи страхованія какъ договора, хотя уже Моль указалъ (die Vorsorge und Versorgungsanstalten въ Deutsche Vierteljahrsschrift. 1838, стр. 226), что ни взаимность, ни договоръ не составляютъ существенныхъ признаковъ страхованія, такъ какъ возможно и самострахованіе, а договоръ съ самимъ собою нелѣпость, или метафора. Однако Alauzet (стр. 268 и 172) остается при понятіи договора и прибавляетъ, что «общее начало, которое господствуетъ во всемъ страховомъ дѣлѣ, это—то положеніе, что договоръ не можетъ никогда обратиться въ источникъ дохода для застрахованнаго: для него страхованіе не есть способъ къ пріобрѣтенію. Единственнымъ объектомъ контракта можетъ составлять для послѣдняго застрахованіе равноцѣнности предметовъ, подлежащихъ риску, если они уничтожатся или будутъ повреждены». — Сходство съ игрою, почти въ одинъ голосъ, всѣ приведенные писатели отвергаютъ; для нихъ страхованіе, которое даетъ вѣрное за невѣрное, прямая противоположность игрѣ. Тѣмъ не менѣе Германнъ, указавъ вполнѣ справедливо, что договоръ и взаимное ручательство только отдѣльные моменты въ дѣйствіи страховаго начала, вполнѣ отождествляетъ послѣднее съ азартными играми. «Страховой оборотъ походитъ на лотерею съ неопредѣленными, и по времени и по выигрышамъ, тиражами» (стр. 32)... «Задача будущаго заключается въ томъ, чтобы создать столько видовъ страховыхъ лотерей для угрожаемой хозяйственной среды, столько можетъ обнаружиться различныхъ разстройствъ, подлежащихъ страху; да привести во все болѣе строгое соотвѣтствіе въ этихъ лотереяхъ выигрыши съ тѣми пожертвованіями, которыя вызваны разореніями, и по размѣру и по времени» (стр. 33). «Застрахованный и страховое учрежденіе должны прямо разсматриваться какъ игрокъ и банкометъ, и именно какъ завязавшіе безконечную игру»... «Выраженіе *премія* не должно вводить въ заблуж-

деніе. Она ничто иное какъ игорная ставка» (стр. 36). — Однако страхованіе также мало совпадаетъ съ игрою и азартомъ, какъ оно имъ прямо противоположно, и тутъ и тамъ отдается конечно извѣстное наличное за будущее неизвѣстное. Но и договоръ съ переводомъ риска на другаго, и ассоціаціонная взаимность, круговая порука, съ распредѣленіемъ рисковъ, и разсчетъ по вѣроятности съ потерянными ставками, опредѣленное возмездіе при только сбыточныхъ потеряхъ, всѣ эти отношенія одинаково необходимые элементы, изъ которыхъ слагается страховой оборотъ Тѣмъ не менѣе сущность послѣдняго и вообще всякаго проявленія страховаго начала заключается въ томъ, что оно служитъ неизбѣжнымъ хозяйственнымъ дополненіемъ всѣхъ актовъ прямо производительной дѣятельности человѣка.

Не входя въ подробнѣйшее изслѣдованіе главныхъ частностей страховыхъ оборотовъ, въ настоящемъ случаѣ, существенно важно остановиться на томъ несомнѣнномъ фактѣ, что неожиданность событій, грозящихъ экономическими ущербами, распадается какъ бы на два вида. Иныя изъ раззорительныхъ для хозяйства бѣдствій вполнѣ непредвидимы и дѣйствіе ихъ не поддается какимъ бы то нибыло своевременнымъ ограниченіямъ; ими можетъ быть разстроенъ извѣстный хозяйственный оборотъ разомъ и сполна. Таковы, напримѣръ, градобитіе, кораблекрушеніе, чумный падежъ скота и т. е. Иные же убытки и ущербы всегда сопровождаютъ хозяйство, или соотвѣтственныя предпріятія, въ опредѣленной мѣрѣ: они, какъ бы, неминуемы и степень ихъ раззорительности находится въ прямой зависимости отъ обширности оборотовъ, или всего хозяйства, а потому эта раззорительность поддается довольно точному опредѣленію—стоитъ вывести среднее отношеніе за достаточно большое число предпріятій, находящихся въ однородной обстановкѣ. Подобныя бѣдствія нельзя не предвидѣть для каждаго хозяйства, или по соотвѣтственнымъ оборотамъ, а потому возможно своевременно принять мѣры къ предупрежденію и ограниченію ихъ раззорительности, затративъ на то потребныя хозяйственныя средства. Относительно послѣдняго разряда золъ нельзя заранѣе указать только одного — срока ихъ дѣйствительнаго наступленія и степени ихъ раззорительности для даннаго хозяйства порознь, то есть въ каждомъ отдѣльномъ частномъ случаѣ. Таковы одряхленіе, смертность, пожары и т. п.

Соотвѣтственно изложенному, основному различію въ дѣйствіи стихійныхъ бѣдствій, именно съ точки зрѣнія экономической предпріимчивости и оборотливости,—и самое страхованіе можетъ быть двоякаго рода: 1) страховыя затраты, или соотвѣтственные промысловые обороты, могутъ быть направлены противъ пагубныхъ

событій, которыхъ наступленіе сбыточно на столько же, на сколько вѣроятно, что они не наступятъ и вовсе; другими словами, противъ событій вполнѣ *непредвидимыхъ*; а 2) посредствомъ страхованія ослабляются экономическія послѣдствія, или прямой вредъ отъ совершенно *неминуемыхъ* событій, то есть такихъ, которыя имѣютъ случиться навѣрное, которымъ раньше или позже подвергается каждое хозяйство, хотя самый срокъ ихъ обнаруженія только вѣроятенъ.

По первому разряду золъ, или по первой группѣ ущербовъ страхованіе имѣетъ дѣло съ совершенно особыми шансами; статочность этихъ событій своеобразна и трудно уловима, а потому они подчиняются и своеобразному разсчету вѣроятностей.

Въ послѣднемъ выводѣ, по нимъ страховой оборотъ долженъ быть построенъ на аналогическихъ началахъ съ азартною игрою, т. е. онъ осуществимъ единственно при томъ условіи, чтобы возможно было отъ огромнаго числа страхователей забрать массу долевыхъ ставокъ и держать въ запасѣ значительный капиталъ. Чѣмъ сильнѣе игорный характеръ для наступленія даннаго событія, какъ напр. при градобитіи, крушеніяхъ и чумѣ, тѣмъ большій запасъ наличныхъ средствъ должно, безспорно, имѣть—на всякій случай—предпріятіе или лицо, которыя принимаются за соотвѣтственное страхованіе.

Очевидно, что единственно доступный, въ отвѣтъ на такія статочности, складъ, или исключительно возможная организація для страховаго оборота съ указанными шансами, будетъ капитальное предпріятіе и преимущественно складочное. Другими словами, здѣсь получается неотъемлемая область для акціонернаго страхованія, такъ какъ только въ этой формѣ страховое предпріятіе можетъ представить благонадежное обезпеченіе для полнаго вознагражденія разомъ даже цѣлыхъ мѣстностей, или для договореннаго возмездія за огромную массу одновременныхъ ущербовъ; напримѣръ по скотоводству въ случаѣ падежа цѣлыхъ стадъ, или большинства стадъ одной и даже нѣсколькихъ губерній.

Въ сельскомъ хозяйствѣ, между прочимъ, опытъ Западной Европы уже повсемѣстно доказалъ, что противъ градобитія не осуществимо никакое взаимное страхованіе, а всего менѣе обязательное земское; что артельная организація этого страховаго оборота и круговая раскладка потерь не только слишкомъ опасны,

но, несмотря на крайнюю раззорительность, все-таки ничтожны и недѣйствительны; что поэтому надежно одно такъ называемое промысловое, или вѣрнѣе акціонерное, страхованіе, т. е. необходимо самостоятельное обширное предпріятіе со складочнымъ капиталомъ, принимающее разбираемые нами риски единственно подъ условіемъ ограниченной отвѣтственности, именно при акціонерномъ строѣ; иначе не заманчивы ни барышъ, ни чистый доходъ.

Отказаться, слѣдовательно, отъ пормальнаго узаконенія соотвѣтственныхъ способовъ приложенія акціонерныхъ предпріятій къ той области страховыхъ оборотовъ, которая, по существу своему, оказывается ихъ естественнымъ удѣломъ, не представляется ни малѣйшаго основанія.

Однако, не только характеръ сбыточности ущербовъ обусловливаетъ приложимость, къ отдѣльнымъ разрядамъ ихъ, той или другой формы страховыхъ предпріятій, но соотвѣтствіе послѣднихъ данному обороту зависитъ, въ неменьшей степени, еще и отъ предѣловъ и границъ, или вообще отъ размѣра поля и поприща, существующаго для раззоренія, или для силы ущербовъ, при данной обстановкѣ и особенно по отношенію къ пространству ихъ дѣйствія. Ближайшее изслѣдованіе открываетъ и здѣсь неустранимыя условія для исключительнаго водворенія страховаго оборота помощью акціонернаго строя.

Въ указанномъ направленіи существуетъ очевидная разница, напримѣръ, между такъ называемымъ пожизненнымъ страхованіемъ и страхованіемъ отъ огня, отъ градобитія и скотскихъ падежей. Людская смертность никогда не можетъ обнаружиться, за рѣдкими весьма исключеніями, съ такою, такъ сказать, повальною силою, чтобы въ короткій періодъ времени вымирало населеніе цѣлыхъ мѣстностей; напротивъ того, такъ называемыя, общества застрахованныхъ лицъ—все равно, какъ доказалъ опытъ, принадлежатъ ли они, по установившейся уже терминологіи въ теоріи страхованія, къ разряду опасныхъ или обыкновенныхъ жизней — всегда только сокращаются въ повозрастной послѣдовательности, или въ измѣняющейся прогрессіи, имѣющей точные предѣлы *).

*) Разсчетъ о продолжительности жизни человѣка ведется уже давно, но тѣмъ не менѣе таблицъ смертности совершенно вѣрныхъ и вполнѣ научныхъ до сихъ поръ не существуетъ. Важнѣйшія сочиненія по этому вопросу:

Hopf. Uber die allgemeine Natur des Geburts-und Sterblichkeits-verhältnisses. Berlin 1869.

Вотъ почему, въ пожизненномъ страхованіи открывается безопасное поприще для хозяйственной взаимности въ оборотахъ, или для предпріятій съ артельнымъ складомъ.

Тѣже, сравнительно рѣдкія весьма, исключенія, когда эпидеміи децимируютъ населеніе внѣ всякой зависимости отъ такъ называемыхъ обыкновенныхъ причинъ смертности, или вообще всѣ случаи чрезвычайной смертности—на войнѣ, въ рудокопствѣ, на желѣзнодорожныхъ поѣздахъ—должны и могутъ сдѣлаться, да впрочемъ и становились всегда до сихъ поръ, единственно предметомъ акціоернаго страхованія; подтвержденіемъ тому можетъ служить только еще возворяющееся страхованіе отъ увѣчій и смерти на войнѣ, а также отъ несчастій при проѣздѣ и отъ перевозочныхъ двигателей, относительно которыхъ никто и не заводилъ даже рѣчи о взаимномъ, или артельномъ страхованіи.

Несравненно обширнѣе бываетъ хозяйственный погромъ при пожарахъ, градобитіяхъ *) и однородныхъ бѣдствіяхъ, сила которыхъ какъ бы сама по себѣ необъятна, почему и раззорительность ихъ

G. Lazarus: Uber die Ermittelung der Sterblichkeit aus den Aufzeichnungen der Lebensversicherungs-Anstalten, Berlin. 1869.

F. Knapp: Über die Ermittelung der Sterblichkeit aus den Aufzeichnungen der Bevölkerungstatistik. Lpz. 1868.

Fischer: Grundzüge des auf die menschliche Sterblichkeit gegründeten Versicherungswesens. Oppenheim 1860.

Изслѣдованія о смертности предложенныя у насъ Германомъ, Зерновымъ, Бруномъ были и отрывочны и неудачны, но затѣмъ явились въ новѣйшее время единственныя и обширныя изслѣдованія В. Я. Буняковскаго, именно:

Опытъ о законахъ смертности въ Россіи и о распредѣленіи православнаго народонаселенія по возрастамъ, С.-Петербургъ 1865.

Изслѣдованія о возрастномъ составѣ женскаго православнаго населенія Россіи, С.-Петербургъ 1866.

Таблицы смертности и народонаселенія, вычисленныя для Россіи. С.-Петербургъ. 1896.

Нѣсколько замѣчаній о законахъ движенія народонаселенія въ Россіи. Русскій Вѣстникъ. Декабрь 1867.

Употребленіе таблицъ смертности и народонаселенія. С.-Петербургъ. 1867.

Замѣтка по поводу одного вопроса о пожизненныхъ пенсіяхъ, С.-Петербургъ 1868.

Объ одномъ эмпирическомъ выраженіи закона смертности. С.-Петербургъ. 1869.

Объ учрежденіи въ Морскомъ вѣдомствѣ эмеритальной пенсіонной кассы. С.-Петербургъ 1858.

*) Срв. наше Экономическое Обозрѣніе въ Журн. С. Х. и Лѣс., CXI, III, 1872 г.

дѣйствія зависитъ отъ количества того имущества, или отъ наличности цѣнностей, которыя, благодаря совмѣстности и сосѣдству (т. е. въ зависимости отъ однихъ отношеній пространства) могутъ быть одновременно и разомъ уничтожены. Пожары нерѣдко обращали въ пепелище цѣлые города, градобитія столь-же часто уничтожали посѣвы цѣлыхъ провинцій; а потому понятно, что съ подобнымъ зломъ не можетъ бороться никакое мѣстное и малокапитальное страховое предпріятіе, какимъ всегда представляется страховая артель, или общество взаимнаго страхованія.

Взаимность и круговая порука всегда осуществимы только подъ условіемъ мѣстнаго ограниченія; а стало быть для предѣльнаго числа хозяевъ и на сравнительно маломъ пространствѣ. Иначе одинъ пожаръ, одно градобитіе, не говоря уже про возможность частыхъ ихъ повтореній на томъ же мѣстѣ, лишатъ всѣхъ застрахованныхъ самыхъ средствъ ко взносамъ, или для разверстной уплаты всей суммы ущербовъ, по которой отвѣчало общее ихъ страховое предпріятіе. Избѣгнуть же, только что приведеннаго, безвыходнаго положенія возможно единственно тѣмъ, что совокупность страховыхъ оборотовъ, по второму разряду—безпредѣльно разрушительно дѣйствующихъ золъ—будетъ основана на уравновѣшиваніи рисковъ, помощью пропорціональнаго привлеченія къ страху — и чрезвычайно и мало опасныхъ мѣстностей и пространствъ. Однимъ словомъ, т. н. страховымъ полемъ должны являться не только разнородныя по риску мѣстности, но и по тому же виду и разряду опасностей, или бѣдствій, страховой оборотъ можетъ надежно дѣйствовать, если распространять сдѣлки на возможно болѣе обширныя пространства, безъ всякихъ предѣловъ установленныхъ заблаговременно, въ частности и прямо не зависящихъ отъ своеобразныхъ особенностей самаго склада страховаго предпріятія.

Слѣдовательно, только что изложенному условію осуществимости нѣкоторыхъ разрядовъ страхованій не отвѣчаютъ ни артель, ни одноличное предпріятіе, ни полное товарищество. Очевидно, что артельная взаимность и круговая порука совершенно немыслимы при несплошномъ, или такъ сказать чрезполосномъ, полѣ дѣйствія страховаго оборота. Страховое поле для артели должно обнимать непосредственныхъ сосѣдей и никогда не можетъ разростись, или раздробляться и разбиваться до международной и всемірной спорадичности. Подобное развитіе недоступно и одноличному предпріятію,

вслѣдствіе ограниченности его трудовыхъ и капитальныхъ средствъ. Точно также и полное товарищество едва ли можетъ удовлетворять изложенному требованію въ широкомъ, чрезполосномъ и даже международномъ, распредѣленіи извѣстныхъ страховыхъ рисковъ.

Для указанной только что задачи — единственною удовлетворительною формою страховаго предпріятія является акціонерная: при ней представители всѣхъ видовъ техническаго труда привлекаются по найму, почему и предпріимчивость, и оборотливость, и всякаго рода исполнительные труды поддаются, во всѣхъ случаяхъ, потребному и соотвѣтственному распредѣленію, расширенію или приращенію; точно также и размѣры складочнаго капитала могутъ быть всегда—какъ при первоначальной, такъ и при послѣдующихъ добавочныхъ подпискахъ—приведены въ полное согласіе со всякимъ измѣненіемъ въ числѣ застраховокъ, и въ личномъ составѣ техниковъ.

Именно въ силу упомянутой способности какъ трудоваго, такъ и капитальнаго фактора возростать при акціонерномъ складѣ предпріятія безгранично и вполнѣ по одной только связи и въ зависимости отъ цѣлей и задачъ самыхъ оборотовъ—вообще и мыслима борьба со многими уже очерченными бѣдствіями и ущербами. Повсюду и навсегда по отношенію ко всѣмъ страховымъ рискамъ, поддающимся экономическому уравновѣшиванію единственно при чрезполосности оборотовъ — исключительно надежнымъ страховымъ предпріятіемъ должна являться, правильно и на общихъ основаніяхъ устроенная, акціонерная компанія.

Превратно, сверхъ того, относиться подозрительно къ международному обороту, или запрещать и затруднять его. По только что приведеннымъ доводамъ, всякое затрудненіе, воздвигаемое регламентативнымъ благоусмотрѣніемъ, какъ для открытія туземныхъ акціонерныхъ предпріятій, такъ и для допущенія къ дѣйствію иноземныхъ компаній, значитъ отнимать у мѣстныхъ хозяйствъ и вообще у своихъ же соотечественниковъ прямо возможность вступить въ борьбу со многими разрядами золъ, или пользоваться страхованіемъ съ надеждою на полное возмѣщеніе ущербовъ во всѣхъ приведенныхъ нами случаяхъ.

Къ тому же, окончательное переложеніе рисковъ между отдѣльными страховыми предпріятіями, или т. н. перестрахованіе, совершенно немыслимо—и безъ международнаго уравновѣшиванія и безъ

акціонерныхъ складочныхъ капиталовъ, только и пригодныхъ принять промысловый характеръ азартной ставки, или затрачиваемыхъ ради барыша при отчетливомъ и сознательномъ пониманіи всѣхъ статочностей и существенныхъ условій нормальной вѣроятности риска, но съ строго-предѣльною отвѣтственностію.

Такимъ образомъ, на двухъ поляхъ страхованія могутъ и должны работать исключительно акціонерныя предпріятія. Первымъ такимъ полемъ является совокупность тѣхъ бѣдствій и ущербовъ, которые разражаются и дѣйствуютъ съ характеромъ неопредѣлимой, или точно невычисляемой сбыточности, т. е. статочность которыхъ такова, что помимо накопляющагося отъ взносовъ застрахованныхъ, или страховыми преміями, соразмѣрнаго резерва, потребна еще и самостоятельная ставка, по отношенію къ которой дивидендные барыши, послѣдовательно, но неравномѣрно идущіе въ пользу акціонеровъ, уравновѣшиваютъ, должнымъ образомъ въ общемъ итогѣ, единовременную возможную потерю капитальнаго вклада. Вторымъ же акціонернымъ страховымъ полемъ слѣдуетъ считать общій разрядъ тѣхъ бѣдствій и золъ, которыя по силѣ своего дѣйствія оказываются какъ бы внѣ всякихъ предѣловъ и границъ, или не находятъ послѣднихъ ни по размѣру единовременно уничтожаемаго имущества, ни по мѣстному распространенію. Осилить, какъ нежданно наступающія, такъ и всѣ безпредѣльно раззорительныя бѣдствія можетъ одно акціонерное страхованіе; его складочные капиталы не имѣютъ причинъ отступать передъ какимъ бы то ни было усложненіемъ статочностей, а ограниченная отвѣтственность акціонерныхъ паевъ только и можетъ вступить въ рѣшительную борьбу съ неопредѣленными рисками.

Наравнѣ съ представленными соображеніями, исходящими изъ различія основнаго характера и существа страховыхъ рисковъ, не меньшею доказательностію, въ пользу исключительнаго господства акціонернаго склада для большей половины страховыхъ предпріятій, отличаются доводы, почерпнутые изъ анализа техническихъ особенностей и самыхъ пріемовъ экономическаго исполненія всякой страховой затраты, равно какъ и всякаго промысловаго оборота, борющагося вообще съ рискомъ.

Не только въ борьбѣ съ бѣдствіями и ущербами, и не только въ области страхованія, но и при всякой хозяйственной коньектурѣ, рискъ поддается уравновѣшиванію, или сбытотность эконо-

мическая допускаетъ весьма точное ограждение. Потребное уравновѣшиваніе и ограждение вполнѣ и всегда осуществимы при сообразномъ приложеніи общихъ экономическихъ началъ распредѣленія и сочетанія, или раздѣленія и соединенія тратъ. Такъ, напримѣръ, для каждаго вида и разряда страховокъ бываютъ: или опасныя времена года, или опасныя пространства, или существуетъ, наконецъ, совпаденіе тѣхъ и другихъ условій вмѣстѣ.

Совмѣстно, и по времени и по пространству, поперемѣнно или совокупно, грозящимъ хозяйству опасностямъ артельное распредѣленіе противустоять не можетъ: именно тождество обстановки артельщиковъ, какъ самострахователей, уничтожаетъ тутъ смыслъ страховаго оборота, такъ какъ, при указанныхъ условіяхъ, самое распредѣленіе мыслимо только путемъ полнаго разъединенія всѣхъ однородныхъ элементовъ, подверженныхъ данному страху. Артельная взаимность въ этихъ случаяхъ столь же безсильна и единственно надежная застраховка — или хозяевъ-сосѣдей, или предпринимателей по тождественнымъ производствамъ, или сверстниковъ того же возраста въ пожизненномъ страхованіи—можетъ осуществиться, или обставляться—неизбѣжно порознь для лицъ, или развѣ только небольшими группами, т. е. именно путемъ разобщенія рисковъ: другими словами, въ различныхъ страховыхъ предпріятіяхъ.

Вообще, во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ неуклоннымъ техническимъ требованіемъ является дробленіе всякаго однороднаго страховаго поля между возможно большимъ числомъ страхователей, да притомъ не находящимися ни въ какой между собою связи по своимъ капитальнымъ ставкамъ. Въ томъ то заключается нормальное требованіе и прямой интересъ для застрахованныхъ. Не соблюдая указаннаго дробленія, при возложеніи рисковъ на страховыя предпріятія, нельзя создать подобающей коньектуральной охраны для самыхъ застраховокъ.

Аналогическую пользу обнаруживаетъ и сочетаніе разнородныхъ рисковъ въ одномъ и томъ же страховомъ предпріятіи. Артельная же взаимность никогда не можетъ выступить и на поприщѣ такого сочетанія.

Въ артели слиты интересы застрахованныхъ и страхователей, почему вообще уравновѣшеніе рисковъ на столько возможно этимъ путемъ, на сколько личный составъ артели поперемѣнно жертвуетъ и пользуется: всѣ же артельщики разомъ воспользоваться страхо-

вымъ возмездіемъ никогда не могутъ, потому что всѣ, одновременно же въ случаѣ раззоренія, и жертвовать не могутъ. А именно, нежданные и безпредѣльные ущербы не могутъ, въ силу своей однородности, въ приведенныхъ случаяхъ ни создавать, ни поддерживать артельную взаимность. Не въ области взаимности слѣдуетъ искать то экономическое сочетаніе, отъ котораго въ результатѣ могло бы получиться огражденіе и уравновѣшиваніе вышеприведенныхъ рисковъ. Удовлетворительное сочетаніе страховъ, въ указанномъ смыслѣ, можетъ очевидно осуществляться исключительно дѣятельностію одной активной стороны въ страховой сдѣлкѣ: именно одному страхователю доступно его создать, такъ какъ оно должно заключаться въ такомъ равномѣрномъ слитіи разнородныхъ рисковъ и различныхъ опасностей въ одно общее страховое поле, чтобы всѣ обороты страховаго предпріятія никогда не могли представлять ничего необычайнаго въ своемъ среднемъ общемъ уровнѣ. Стало быть, должное направленіе затратъ и оборотовъ страховыхъ требуетъ, въ данныхъ случаяхъ, или такого раздѣленія рисковъ, путемъ дробленія и разъединенія застраховокъ, или такого сочетанія опасностей и статочностей, путемъ сосредоточенія въ томъ же страховомъ полѣ, т. е. въ томъ же предпріятіи, различныхъ разрядовъ застрахованныхъ объектовъ и пространствъ — которыя прямо противоположны понятію артельнаго взаимодѣйствія и круговаго поручительскаго слія-нія, а мыслимы только при той самостоятельной и широкой промысловой дѣятельности, какая отличаетъ именно акціонерный строй.

Въ еще высшей степени подлежитъ означеннымъ требованіямъ т. н. перестрахованіе, а потому и оно мыслимо единственно подъ условіемъ акціонерной организаціи. Между тѣмъ, надежность артельныхъ оборотовъ и по тѣмъ родамъ страхованія, которымъ послѣдніе вполнѣ удовлетворяютъ (т. е. по навѣрно сбыточнымъ ущербамъ и бѣдствіямъ, дѣйствующимъ всегда въ опредѣленныхъ границахъ) нуждается въ перестрахованіи, какъ въ необходимомъ себѣ пополненіи; а соотвѣтственно тому и артельное страхованіе зависитъ въ развитіи своемъ въ сильной степени отъ свободнаго и безпрепятственнаго движенія акціонернаго страхованія. Стѣснять послѣднее значитъ повредить и первому.

Въ страховомъ дѣлѣ существуетъ какъ бы только внѣшнее разнообразіе въ оборотахъ, да и послѣднее преимущественно обусловливается самымъ складомъ страховыхъ предпріятій. Такъ во-

обще существуетъ: или раскладка страха, на основаніи взаимности, между хозяйственными единицами, подлежащими однообразному и одинаковому риску; или же принятіе на страхъ чужихъ ущербовъ, причемъ рискъ несетъ исключительно страхователь, который и можетъ общую сумму рисковъ ослаблять и уравновѣсить, не только въ пользу застрахованныхъ, или для безубыточнаго исполненія самыхъ застраховокъ, но еще и съ должнымъ избыткомъ для обезпеченія себѣ барыша—единственно самою разнородностію ихъ состава, или какъ бы пестротою и мозаичностію страховаго поля *).

Наконецъ, при выполненіи всѣхъ разрядовъ страховыхъ оборотовъ необходимы, въ большей или меньшей степени, такія математическія формулы, для правильнаго веденія отчетности по капитализаціи ожидаемыхъ, наступающихъ и уже производящихся выдачъ и платежей, равно какъ и по возврату взносовъ при расторженіи страховаго договора, — что успѣшное установленіе первыхъ можетъ выпадать единственно на долю научныхъ работъ. Эти формулы окажутся совершенными только въ томъ случаѣ, если наука и ученые спеціалисты ихъ выработаютъ до такой степени, чтобы къ пользованію ими, или въ пониманіи ихъ не затруднялись даже лица непосвященныя въ высшую математику; а потому полная гласность только можетъ содѣйствовать, какъ внутреннимъ успѣхамъ страховой техники, такъ и внѣшнему распространенію страхованія вообще. Въ такихъ видахъ возникло и существуетъ для своевременной разработки свѣдѣній и болѣе удовлетворительнаго обезпеченія всего страховаго дѣла, или вообще для развитія теоріи послѣдняго, — четыре ученыхъ учрежденія. Старѣйшее изъ нихъ знаменитый англійскій институтъ актуаріевъ, основанный Джономъ Финлезномъ въ Лондонѣ въ 1849 году; вслѣдъ затѣмъ возникъ, по его образцу, факультетъ актуаріевъ въ Эдинбургѣ, съ характеромъ высшей школы по наукѣ о страхованіи. Впослѣдствіи въ Америкѣ была учреждена, въ 1868 году, камера для пропаганды науки страхованія; наконецъ составилась въ Берлинѣ, въ 1868 году, коллегія для науки пожизненнаго страхованія.

Эти ученыя общества успѣшно занимаются рѣшеніемъ мамателическихъ вопросовъ въ области страхованія; ими вычислены многія формулы и, между прочимъ, цѣлыя таблицы смертности. При-

*) Срав. «Строй Экон. предпріятій», стр. 216.

томъ, въ Англіи и Америкѣ, они занимаются обученіемъ и приготовленіемъ техниковъ по страховымъ вычисленіямъ; а для обезпеченія страховыхъ предпріятій свѣдущими спеціалистами они производятъ экзамены, на основаніи которыхъ выдаютъ удостовѣренія; сверхъ того они причисляли въ свой составъ уже по нѣсколько десятковъ стипендіатовъ (fellows).

Очевидно, что невозможно страховымъ предпріятіямъ предоставлять право обратить результаты научныхъ трудовъ и плоды усилій приведенныхъ ученыхъ обществъ въ промышленную тайну: тѣмъ менѣе, что послѣдняя является вполнѣ предосудительною для интересовъ застрахованныхъ.

Справедливо берлинская коллегія по наукѣ страхованія проводила ту мысль, въ прошеніи поданномъ палатѣ депутатовъ отъ 6 февраля 1869 года, что соотвѣтственный законъ долженъ одинаково относиться ко всѣмъ разрядамъ страховыхъ оборотовъ и имѣть въ виду, какъ предпріятія за круговою порукою, по взаимности, такъ и на акціяхъ, товарищескія и одноличныя; а потому въ немъ не должно встрѣчаться никакихъ постановленій, неудобопримѣнимыхъ къ тому или другому разряду и виду страховыхъ сдѣлокъ. Это основное требованіе при редакціи страховыхъ законопроектовъ часто склонны упускать изъ виду, такъ что въ упомянутомъ прусскомъ предположеніи нѣкоторыми статьями совершенно упразднялись цѣлые рязряды страховыхъ оборотовъ, самое исполненіе иныхъ становилось немыслимымъ, а въ то же время другимъ статьямъ придано, вѣроятно въ видахъ всеобъемлющей ихъ примѣнимости, такая неопредѣленная и растяжимая редакція, что неизбѣжно вызываются, или по крайней мѣрѣ становятся возможными, толкованія и интерпретаціи—съ цѣлью изъ самой безсодержательности редакціи создавать законное прикрытіе всякому уклоненію и произволу, какъ со стороны страховыхъ предпріятій, такъ и противъ послѣднихъ со стороны административныхъ инстанцій.

Принимая во вниманіе, далѣе, что въ противоположность къ пожизненному страхованію всѣ прочія отрасли этого дѣла лишены возможности заранѣе устанавливать неизмѣнные тарифы по страховымъ взносамъ или преміямъ, а должны для такой цѣли довольствоваться точнымъ опредѣленіемъ общихъ основаній; что рядомъ съ этимъ условіемъ устойчивость предпріятій главнѣйше зависитъ отъ разумнаго и осмотрительнаго принятія на себя рисковъ, а во-

все не отъ отношенія ихъ собственнаго капитала къ страховымъ обязательствамъ, или отъ способовъ помѣщенія страховыхъ оборотныхъ суммъ, почему они и должны пользоваться правомъ и свободою на измѣненіе, въ границахъ ими же самими выработанныхъ частностей устава, условій и размѣровъ оплаты застраховки или премій, смотря по временной и мѣстной обстановкѣ страхуемаго объекта—къ прошенію берлинской коллегіи приложенъ, въ отмѣну всего оффиціальнаго законопроекта, выработанный ею нормальный страховый уставъ, въ которомъ составители старались навсегда изъять страховыя предпріятія и отъ предварительныхъ разрѣшеній, и отъ опеканія во время дѣйствія, насколько послѣднее возникаетъ отъ повѣрочнаго административнаго исчисленія наличнаго резерва по преміямъ, на подобіе американскимъ порядкамъ.

Дѣйствительно, если въ глазахъ публики уже всякою концессіею правительство принимаетъ на себя высшую санкцію и мнимую гарантію по успѣхамъ промышленныхъ предпріятій, то въ еще высшей степени ему присвоивается непосредственное участіе въ дѣлѣ страхованія по случаю періодическихъ ревизій резерновъ, сопряженныхъ съ выполненіемъ всей массы математическихъ выкладокъ и соотвѣтственныхъ точныхъ вычисленій. Послѣдствія такого упованія публики на администрацію, и въ томъ и другомъ случаѣ, общеизвѣстны и неоднократно нами указаны.

Проектъ коллегіи распадается на пять раздѣловъ и содержитъ всего 15 параграфовъ.

По учрежденію страховыхъ предпріятій статьи (1—7) перваго раздѣла не могли, понятно, разойтись съ постановленіями бывшаго прусскаго, а нынѣ общаго германскаго, акціонернаго закона и даже сходствуютъ съ проектомъ нашей коммиссіи. Такъ §§ 1 и 2 совпадаютъ съ предлагаемыми у насъ статьями 43 и 44, если и не въ частностяхъ, то совершенно по общему смыслу. Въ семи пунктахъ слѣдующаго § 3 сведены, съ весьма отчетливой и ясной редакціи, статьи 13, 14, 15, 26 и 45 проекта нашей коммиссіи.

Такая сжатость и краткость, предупреждающая въ данномъ дѣлѣ недомолвки и опасную интерпретацію кажущихся противорѣчій, получились въ нормальномъ уставѣ коллегіи отъ того, что въ немъ вовсе не выдѣлены особнякомъ какія либо общія постановленія (ст. 1—11 проекта нашей коммиссіи), а также онъ не за-

дается никакимъ обобщеніемъ понятій и правъ въ особыхъ формулахъ; затѣмъ при учрежденіи не различены первоначальныя дѣйствія (ст. 12—16 пр. н. комм.), права и обязанности учредителей (ст. 17—24 пр. н. комм.), которыхъ касается раздѣлъ V по случаю взысканій; далѣе не коснулись подписки на акціи (ст. 25—33 пр. н. комм.) и общаго собранія подписчиковъ (ст. 34—42), а все это включено въ одинъ раздѣлъ I, который, подобно пятому отдѣленію второй главы проекта нашей коммиссіи (ст. 43—52), и носитъ титулъ *объ учрежденіи*; собственно же статьи 46—52 послѣдняго отдѣленія выражены по уставо-проекту коллегіи въ одномъ § 4.

Относительно складочнаго капитала замѣчательно постановленіе § 5, по которому требуется представить явочнымъ порядкомъ доказательства, что на паи и акціи внесено 20%, а на остальную часть вклада выданы по мѣстопребыванію предпріятія векселя, съ уплатою чрезъ четырехнедѣльный срокъ послѣ предъявленія. Указанное условіе несомнѣнно можетъ, если оно разъ не подлежало спору въ частностяхъ, быть съ пользою перенесено на всѣ коммандитныя и акціонерныя предпріятія, но во всякомъ случаѣ коллегія признаетъ его вполнѣ достаточнымъ обезпеченіемъ при страховыхъ оборотахъ въ акціонерной организаціи.

§ 6 ставитъ общимъ правиломъ, чтобы при исполненіи тѣмъ же предпріятіемъ разнородныхъ страховыхъ оборотовъ, ни въ какомъ случаѣ не допускать совмѣстной отчетности, а различать по балансу порознь всѣ разряды оборотовъ, въ видѣ самостоятельныхъ и отдѣльныхъ статей пассива. Тоже требованіе можетъ, конечно, безъ всякаго затрудненія быть пріурочено и въ соотвѣтственномъ мѣстѣ общаго акціонернаго закона, оно не менѣе существенно въ торговомъ и фабричномъ, или всякомъ другомъ оборотѣ, какъ и спеціально въ страховомъ.

Охраненіе правильнаго производства подписки и разверстки, или вообще разбора паевъ и акцій обставлено весьма удачно краткою редакціею § 7, по которому не вполнѣ оплаченные вклады могутъ находиться въ однѣхъ рукахъ и одновременно въ размѣрѣ несвыше 5% всего складочнаго капитала предпріятія; а затѣмъ ни одинъ акціонеръ, или вкладчикъ, не долженъ имѣть болѣе 50 голосовъ.

Раздѣлъ II занимается въ двухъ параграфахъ, опредѣленіемъ

условій къ допущенію иноземныхъ страховыхъ предпріятій, причемъ единственно требуется ихъ подчиненіе мѣстному законодательству и подача заявленій объ открытіи дѣйствій ограничивается одною столицею, а не предоставляется ихъ выбору.

Раздѣлъ III, касающійся промысловаго оборота (Geschäftsbetrieb), собственно заключаетъ въ себѣ однѣ ссылки на общій германскій торговый уставъ, какъ относительно веденія книгъ, отчетности и составленія баланса (§ 10), такъ и относительно полномочія агентовъ, сравниваемыхъ съ купеческими прикащиками (§ 11).

Раздѣлъ IV—объ измѣненіи и прекращеніи оборотовъ — состоитъ изъ одного § 13, который совпадаетъ съ статьями 86, 87 и 117 законопроекта нашей коммиссіи.

Вообще, всѣ части разбираемаго уставо-проекта не отличаются вовсе своеобразнымъ страховымъ, или какимъ либо спеціально типическимъ характеромъ; всѣ его параграфы, безъ всякаго видоизмѣненія, могутъ быть примѣнены ко всякому другому обороту; ими собственно исчерпываются одни общія основанія какъ коммандитныхъ, такъ и акціонерныхъ и смѣшанныхъ. Отсюда, какъ доказательство e contrario, прямо явствуетъ, что страховыя предпріятія сами по себѣ нисколько не приводятъ къ исключеніямъ изъ общихъ законодательныхъ нормъ, опредѣляющихъ легальное существованіе всякаго предпріятія, смотря по его внутренней организаціи. Зависимости же послѣдней отъ разнородности оборотовъ, при полномъ отсутствіи какой либо монопольной обстановки или исключительныхъ привиллегій, нельзя признать въ теоріи; таковой не открыла и берлинская коллегія при своей практической попыткѣ обезпечить спеціально страховыя предпріятія нормальнымъ уставомъ.

Всего менѣе возможно открывать поводъ къ отличенію страховаго закона отъ всеобъемлющаго акціонернаго закона (или нормальнаго устава о предпріятіяхъ, если бы таковой существовалъ) въ послѣднихъ параграфахъ уставопроекта, содержащихъ, въ раздѣлѣ V, уложеніе о наказаніяхъ и взысканіяхъ. Послѣднія положенія существенно важны, такъ какъ путемъ ихъ отвѣтственность всѣхъ представителей предпріятія низводится изъ сферы отвлеченныхъ опредѣленій или поучительныхъ дефиницій, остающихся тѣмъ не менѣе голословными угрозами—чѣмъ не мало страдаетъ именно предлагаемый у насъ акціонерный законопроектъ—на почву ося-

зательной осуществимости. Установлено чѣмъ отвѣчаютъ и какъ преслѣдуются виновные. Такъ § 13 гласитъ: «предприниматели, директора и уполномоченные предпріятія, нарушающіе вышеизложенныя постановленія, подлежатъ денежному взысканію отъ 50 до 1,000 талеровъ, или соотвѣтственному тюремному заключенію. Иноземныя же предпріятія могутъ быть временно, или навсегда, лишены правъ на производство оборотовъ».

«О каждомъ приговорѣ явочный отдѣлъ (или Handelsgericht) долженъ отъ себя сдѣлать публикацію установленнымъ порядкомъ».

«Агенты предпріятій, преступающіе предписанія устава, подлежатъ денежному взысканію до 200 талеровъ, или равносильному тюремному заключенію».

§ 14. «Приговоры, имѣющіе состояться согласно предыдущему параграфу, постановляются порядкомъ уголовнаго судопроизводства и согласно съ дѣйствующими судебными уставами, съ полнымъ соблюденіемъ всѣхъ правъ обвиняемыхъ».

Нельзя не пожелать, чтобъ аналогическія статьи такой же опредѣлительной редакціи вошли, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, и въ законопроектъ нашей коммисіи, которая рѣшилась только высказываться довольно глухо, указывая въ ст. 19, что учредители не имѣютъ права на то и то-то, а несутъ *лично полную отвѣтственность за свои дѣйствія*; затѣмъ по ст. 177 члены правленія отвѣтствуютъ на общемъ основаніи законовъ, какъ повѣренные предъ довѣрителями, *если нанесли обществу вредъ и убытки, въ случаѣ же умышленныхъ злоупотребленій* подвергаются дѣйствію ст. 1198 и 1199 ул. о нак. изд. 1866 г.; наконецъ ст. 178 законопроекта распространяетъ силу того же преслѣдованія и на членовъ ревизіонной коммиссіи, совѣта и наблюдательнаго комитета. Объ ликвидаторахъ говорится, тамъ же ст. 123, что они отвѣчаютъ *лично и въ совокупности*.

Нельзя при этомъ не повторять того очевиднаго и общеизвѣстнаго положенія, что по всѣмъ случаямъ, при которыхъ гражданскій и уголовный кодексы повсюду устанавливаютъ преслѣдованія, взысканія и наказанія, не предстоитъ ни малѣйшей необходимости подтвердить въ спеціальномъ акціонерномъ законѣ лежащей на данныхъ лицахъ отвѣтственности: она сама по себѣ ясна и неумѣстное повтореніе можетъ вызывать одни недоразумѣнія, или при менѣе удовлетворительной редакціи превратныя толкованія. По тѣмъ

же отношеніямъ и обязательствамъ, которыя возникаютъ единственно въ связи съ организаціею даннаго предпріятія, или въ частности акціонерныхъ компаній, первыми вопросами, относительно всякой отвѣтственности, являются—на кого и какъ она ложится, и въ какомъ размѣрѣ. Тутъ необходимо прямое нормированіе взысканій и преслѣдованій.

Приведеннымъ требованіямъ вполнѣ отвѣчаетъ уставопроектъ коллегіи, а законопроектъ нашей коммиссіи вращается около излишнихъ повтореній и совершенно забываетъ о второмъ случаѣ отвѣтственности повѣренныхъ передъ прочими участниками предпріятія.

Признаки нарушенія обязанностей оказываются притомъ также неопредѣленными; *вредъ и убытки* вызовутъ, безъ сомнѣнія, одни безконечныя тяжбы и споры съ сомнительнымъ исходомъ. Между тѣмъ, съ другой стороны, на сколько несомнѣнно, что всякое нарушеніе буквальнаго смысла даннаго акціонернаго устава должно повлечь за собою опредѣленное взысканіе и подвергнуть приговору, на столько, по нашему убѣжденію, единственно раціонально, вслѣдствіе разнообразія капитальныхъ оборотовъ и интересовъ по отдѣльнымъ предпріятіямъ, устанавливать денежныя взысканія по соотвѣтствію съ денежными возмездіями подлежащихъ лицъ, или опредѣлять первыя не круглыми суммами въ извѣстныхъ предѣлахъ, какъ это дѣлаетъ уставопроектъ коллегіи берлинской, а по соразмѣрности съ двухъ-трехгодичными и т. д. окладами лица; затѣмъ уже уголовная кара можетъ на общихъ основаніяхъ корреспондировать этимъ денежнымъ взысканіямъ.

Мы останавливались на нѣсколько подробнѣйшей характеристикѣ уставопроекта берлинской коллегіи ради того, чтобы положительнымъ примѣромъ и по возможности нагляднѣе подтвердить то наше положеніе, что для страховыхъ предпріятій, по самому роду ихъ оборотовъ, нисколько не потребно, а при должномъ нормированіи частностей общаго закона о предпріятіяхъ даже не осуществимо—какое либо спеціальное законоположеніе, только ими занимающееся, или только имъ соотвѣтствующее. Оказывается на повѣрку, именно, что подъ приведенный уставопроектъ могутъ подходить всякія предпріятія, особенно же коммандитныя и акціонерныя, безъ различія оборотовъ. И дѣйствительно, разнообразіе въ цѣляхъ и способахъ затраты предпринимательскихъ капиталовъ отнюдь не мо-

жетъ касаться основъ самаго строя предпріятій, или видоизмѣнять юридическіи отношенія, зависящія отъ одной его формальной организаціи.

Юридическія же отношенія, порождаемыя даннымъ промысловымъ оборотомъ предпріятія съ третьими лицами, могутъ единственно считаться удѣломъ права—соотвѣтственно своему существу и внутреннему содержанію; а для столь своеобразнаго экономическаго оборота, каково страхованіе, потребно самостоятельное страховое законодательство.

§ 82. Разряды безвозвратныхъ затратъ при страховой охранѣ хозяйства. Область общественнаго содѣйствія. Основные задачи законодательныхъ нормъ по страховымъ оборотамъ.

Чрезвычайно важно, чтобы, при изслѣдованіяхъ и разсужденіяхъ о страхованіи отъ какого бы то ни было бѣдствія, какого бы то ни было разряда хозяйственнаго имущества, строго условиться о содержаніи терминовъ и о самомъ страхованіи. Въ обширномъ смыслѣ, конечно, къ страхованію относятся всѣ тѣ мѣры и пожертвованія, затраты и усилія, путемъ которыхъ ослабляется или устраняется дѣйствіе извѣстнаго стихійнаго явленія на хозяйство, на жизнь или на имущество хозяина. Но въ тѣсномъ смыслѣ, по моему убѣжденію, необходимо разумѣть подъ страхованіемъ то вознагражденіе, или возмѣщеніе убытковъ, экономической потери и раззоренія, которыя являются какъ бы результатомъ бѣдствія. Въ страхованіи, какъ *отрицательной* сторонѣ хозяйства, пріемы, способы, приложенія, или затраты труда, капитала и имущества, хотя подчиняются общимъ экономическимъ законамъ, но результаты оборотовъ и пожертвованій выходятъ иные: именно, не производится вовсе дохода, не совершается никакого приращенія достатка, или непосредственно назначенныхъ на потребленіе цѣнностей, а только производятся цѣнности и пріобрѣтаются услуги съ цѣлію охранить запасы потребленія и имущество, спасти путемъ пожертвованія и затраты извѣстной доли доходовъ и труда—все остальное, главное достояніе, служащее непосредственно и прямо къ удовлетворенію потребностямъ и образующее собою положительный

обиходъ. Слѣдовательно, отъ указаннаго направленія хозяйственной борьбы получаются результаты какъ бы отрицательные, хотя вся эта дѣятельность несомнѣнно имѣетъ, одинаково съ положительною производительною дѣятельностію, экономическій характеръ.

Во всей отрицательной дѣятельности, имѣющей цѣлію и содержаніемъ охрану имущества и отраженіе всякаго зла, могущаго разразиться надъ хозяйствомъ и представителемъ послѣдняго—надъ человѣкомъ, необходимо различить троякаго рода пріемы, потому что само подавляющее дѣйствіе обстановки вообще, и въ частности стихійныхъ явленій, по существу своихъ отношеній къ хозяйству, на мой взглядъ *), троякое: одни изъ золъ, или одинъ разрядъ бѣдствій, или экономически пагубныхъ для человѣка и его хозяйства вліяній обстановки, допускаютъ предупрежденіе, предотвращеніе. Разливъ рѣки вполнѣ можетъ быть предупрежденъ устройствомъ удовлетворительныхъ плотинъ: Голландія успѣла водворить земледѣліе въ мѣстахъ, находящихся подъ вѣчною опасностію напора волнъ, даже лежащихъ ниже уровня морскаго. Словомъ, въ первомъ случаѣ однѣ затраты, предотвращающія бѣдствія, или грозное дѣйствіе стихійныхъ силъ, вполнѣ достигаютъ цѣли—и именно настолько, что самое дѣйствіе ожидаемаго бѣдствія не можетъ наступить, оно парализуется уже напередъ указанными усиліями и затратами, которыми стремятся отклонить раззореніе. Такимъ образомъ, первый пріемъ въ борьбѣ со стихійной обстановкой, или съ подавляющими ее стремленіями имѣетъ чисто характеръ предупрежденія.

Затѣмъ идетъ разрядъ бѣдствій, которыя такому предупрежденію не поддаются. Если взять самое обыкновенное бѣдствіе, напримѣръ раззорительныя дѣйствія огня, то предупрежденіе пожаровъ возможно въ весьма слабой степени, или даже совершенно не мыслимо; сооруженіе зданій изъ вполнѣ огнеупорныхъ матеріаловъ такъ затруднительно, что издержки по такимъ сооруженіямъ могутъ превзойти ту пользу, или доходность отъ зданія, которыя ожидаются. Кромѣ зданій, отъ пожаровъ страдаетъ и движимое имущество, которое въ общемъ составѣ людскаго хозяйства болѣе значительно даже, чѣмъ недвижимое, а между тѣмъ въ массѣ невозможно вовсе предупредить его уничтоженія заранѣе. Но затѣмъ разразившійся пожаръ можетъ быть въ дѣйствіи своемъ пріостановленъ,

*) Срв. Страх. артели, гдѣ я это впервые выразилъ на стр 40; въ 1870 году.

возможно дѣйствующее уже стихійное бѣдствіе прекратить соотвѣтственными мѣрами, напримѣръ тушить пожаръ, ломать сосѣднія строенія, удалять все, что могло бы сдѣлаться жертвою пламени; словомъ, возможно ограничить раззорительныя дѣйствія подобнаго зла, болѣе или менѣе успѣшно. Съ такою цѣлію дѣлаются затраты, которыя, при невозможности заранѣе предупредить данное раззореніе, ограничиваютъ его какъ бы извѣстнымъ райономъ, или вообще въ размѣрѣ и въ силѣ дѣйствія, или сокращаютъ и стѣсняютъ послѣдствія даннаго бѣдствія. Пожары, чтобы вернуться къ приведенному примѣру, очевидно, въ незначительной только степени поддаются предупрежденію, но вполнѣ подлежатъ ограниченію и прекращенію.

Далѣе, есть еще разрядъ бѣдствій, которыхъ дѣйствія, коль скоро оно возникло или началось, невозможно даже пріостановить и прекратить. Въ чистомъ какъ бы видѣ примѣръ такого бѣдствія представляетъ градобитіе. О предупрежденіи, понятно, здѣсь не можетъ быть рѣчи; хотя задавались устройствомъ градоотводовъ, однако всякія подобныя предположенія относятся къ области фантазіи. Прекратить дѣйствіе градобитія, или ослабить его одинаково невозможно, такъ что, отъ подобнаго бѣдствія, раззореніе, грозящее хозяйству, неизбѣжно наступаетъ; посѣвы и плоды отъ него прямо уйти не могутъ. Тѣмъ не менѣе и въ этихъ случаяхъ экономическая борьба все еще возможна, именно по слѣдующему соображенію. Хозяйство, въ отвлеченномъ смыслѣ, составляетъ экономическую величину, т. е. совокупность цѣнностей. Поэтому тамъ, гдѣ борьба непосредственно, путемъ предупрежденія или прекращенія убыли или ущерба на имуществѣ, невозможна, тамъ еще возможна борьба какъ бы косвенная, борьба на возмездной, такъ сказать, экономической почвѣ, путемъ экономическаго разсчета и оборота. Если нельзя предотвратить указанными пріемами бѣдствіе и сократить ущербъ, или избавить сполна или отчасти отъ него хозяйство, то все еще доступно организованному экономическому быту ослабить, по крайней мѣрѣ, въ денежной цѣнѣ ту степень раззоренія, которую оно наноситъ хозяйству. Такое ослабленіе вполнѣ осуществимо, если уравновѣсить, или уменьшить по цѣнности то раззореніе, которое воспослѣдовало отъ даннаго бѣдствія, если перевести борьбу въ область оцѣнки ущерба. Послѣднее возможно взаимною экономическою поддержкою, разверстаніемъ убыт-

ковъ, грозящихъ въ равной степени извѣстной массѣ хозяйствъ или лицъ, на нихъ же всѣхъ. Цѣнные убытки, если разразятся надъ однимъ лицомъ, надъ однимъ хозяйствомъ, могутъ его совершенно уничтожить, могутъ поставить отдѣльныхъ лицъ или хозяйства порознь въ безвыходное положеніе; но тѣ же убытки, грозящіе не всѣмъ разомъ, а во всѣхъ случаяхъ только каждому съ одинаковою силою и въ одинаковой степени, возможно оцѣнить, такъ сказать, измѣрить въ равноцѣнности своей и разложить на всю ту массу хозяйствъ, которыя могли-бы подвергнуться подобной же участи, и, соотвѣтственно общей цѣнности угрожаемаго ущерба, притягивать всѣ эти хозяйства ко взносу опредѣленной ея части, именно по оцѣнкѣ на деньги. Самое распредѣленіе равноцѣнныхъ взносовъ, или денежныхъ премій, можетъ совершиться двоякимъ путемъ: или уплатою впередъ, или послѣ наступленія бѣдствія. Въ первомъ случаѣ получается капитальное страхованіе, во второмъ — взаимное. Отъ способа обезпеченія равноцѣннаго возмездія на случай ущерба ничего не зависитъ; сущность страхованія въ тѣсномъ смыслѣ заключается въ томъ, что всѣ лица, подверженныя въ одинаковой степени однообразному раззоренію отъ одного и того же разряда бѣдствій, солидарно обязываются вознаграждать другъ друга, если надъ кѣмъ-нибудь изъ нихъ разразится это бѣдствіе. Третій, поэтому, чисто экономическій пріемъ, борьбы съ раззорительными послѣдствіями бѣдствій—это возмѣщеніе убытковъ путемъ раскладки ихъ на всѣхъ, подлежащихъ той же случайности.

Это равноцѣнное вознагражденіе до сихъ поръ, собственно, и разумѣютъ на обыденномъ языкѣ, если говорятъ о страхованіи, и хотя въ области теоріи всѣ три разряда пріемовъ, т.-е. и предупрежреніе, и прекращеніе, и возмѣщеніе убытковъ, относятся къ фазисамъ экономическаго страхованія, но слѣдуетъ остерегаться одного: чтобы никогда не смѣшивать расходовъ и затратъ по предупрежденію съ тѣми издержками и усиліями, которыя имѣютъ цѣлію только пресѣченіе, и, наконецъ, съ тѣми раскладками и денежными взносами, которые имѣютъ цѣлію возмѣщеніе *). Подобное смѣшеніе понятій влечетъ за собою крайнюю шаткость выводовъ, что вредитъ неизбѣжно нормальной организаціи борьбы съ грозною стороною въ обстановкѣ хозяйства, приводитъ къ пре-

*) Срав. мой докладъ о страхованіи скота III отд. Вольн. Эконом. Общ. въ засѣданіи 15 декабря 1872 г., въ его «Трудахъ», т. I, 3, 1873 г.

вратнымъ затратамъ во вредъ самому дѣлу. Такъ, въ Москвѣ напр. настаивали, при составленіи коммиссіею проекта о страхованіи скота, на томъ положеніи, что слѣдуетъ вознаграждать всякаго хозяина за битую скотину, но не за палую, въ тѣхъ видахъ, чтобы никто не скрывалъ появленія болѣзни на своемъ скотѣ, а своевременно заявлялъ объ этомъ и тѣмъ содѣйствовалъ предупрежденію дальнѣйшей заразы. По такому, совершенно вѣрному, соображенію уже на первой разъ полагалось не выдавать вознагражденія за палый скотъ, а платить за одинъ битый. Спрашивалось тогда же, чѣмъ же соразмѣрить такую плату? Если ее считать страховою выдачей, то становилось бы необходимымъ подобную плату, именно въ смыслѣ вознагражденія, соразмѣрять со стоимостію убитаго скота. Но этого характера равноцѣннаго возмѣщенія предполагаемая плата вовсе не имѣетъ и не должна имѣть; она ничто иное, какъ добавочная или подспорная мѣра въ ряду всѣхъ прочихъ пріемовъ по прекращенію дѣйствующей чумы, или другой повальной скотской болѣзни; въ виду единственно имѣется та цѣль, чтобы она не распространялась далѣе, а ограничивалась зачумленными животными, которыхъ поэтому и необходимо безъ исключенія убивать. А для того, чтобы скотовладѣльцы не скрывали зачумленныхъ животныхъ, нужно поставить ихъ между достаточно сильными шансами выгоды и невыгоды: невыгода грозитъ имъ въ томъ, что за палую скотину они ни въ какомъ случаѣ не получатъ вознагражденія, а возможная выгода, которая могла бы ихъ заставить подвести скотину подъ топоръ, должна заключаться въ равномѣрной денежной выдачѣ исключительно за битую скотину. Вотъ почему такую выдачу ни чуть не нужно соразмѣрять съ дѣйствительною стоимостію скота; достаточно только указать въ перспективѣ, что въ случаѣ падежа ничего не получается, а въ случаѣ современной заявки для избіенія дастся хотя бы 3 рубля, или 5—10.

По нѣкоторымъ видамъ золъ, предупрежденіе промысловымъ путемъ, или путемъ частныхъ усилій, путемъ чисто хозяйственныхъ, экономическихъ предпріятій, совершенно не осуществимо, а осуществимо оно только путемъ правительственныхъ или общественныхъ мѣръ, причемъ нерѣдко недостаточны разрозненныя усилія земства по одной губерніи, даже соединеніе земствъ нѣсколькихъ губерній, а является необходимость въ однообразномъ дѣйствіи пра-

вительственныхъ органовъ, разомъ на всемъ пространствѣ государства, при помощи, конечно, другихъ сферъ общества, при участіи, во всякомъ случаѣ, общественныхъ представителей, но не одинхъ экономическихъ предпріятій. По вопросу страховому въ скотоводствѣ именно является два разряда золъ: повальныя болѣзни— чума и сибирская язва, а затѣмъ болѣзни обыкновенныя. Что касается сибирской язвы, то, насколько мнѣ приходилось пересматривать мнѣнія заграничныхъ и нашихъ ветеринаровъ, они считаютъ возможнымъ излѣчивать отъ нея и указываютъ на результаты; но почти столько же и даже болѣе считаютъ спасеніе отъ чумы невозможнымъ, такъ что до сихъ поръ, въ виду неудовлетворительности объясненій ветеринарной науки, а также недостаточности ветеринарныхъ средствъ и мѣръ, чума рогатаго скота оказывается зломъ, дѣйствующимъ съ такимъ характеромъ, который допускаетъ одно прекращеніе въ составѣ стадъ и затѣмъ возмѣщеніе, или страхованіе денежное, но не предупрежденіе. Обстоятельные опыты повторявшіеся неоднократно въ восточной Пруссіи по иниціативѣ правительственныхъ органовъ и частныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, дали прямо тотъ результатъ, что нужно избивать, а малонадежно—даже опасно—лѣчить. Въ томъ же видѣ этотъ вопросъ о чумѣ поднимался на послѣднемъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ Ригѣ, и тамъ люди авторитетные по ветеринярной части, по эпизоотіи и физіологіи, остановились на томъ же выводѣ: большинство высказало убѣжденіе, что опытъ вполнѣ подтверждаетъ то положеніе относительно зачумленнаго скота, что остается убивать его, а не лѣчить, т.-е. не предупреждать, а исключительно только уничтожать и прекращать.

Застрахованные сами слишкомъ заинтересованы въ успѣшкомъ ходѣ дѣлъ того страховаго предпріятія, которое ихъ гарантируетъ отъ опредѣленныхъ ущербовъ, чтобы не слѣдить зорко за направленіемъ его оборотовъ во всѣхъ частностяхъ. Это положеніе доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что ни одинъ разрядъ предпріятій не развилъ своихъ публикацій до объема и литературныхъ качествъ тѣхъ наставленій, которыя въ видѣ альманаховъ, нерѣдко съ безспорными достоинствами ученыхъ изслѣдованій, издаются страховыми обществами. Только посредствомъ пространныхъ наставленій и при помощи гласнаго убѣжденія, основанныхъ на богатствѣ и надлежащей разработкѣ числовыхъ данныхъ, удавалось и удается страховымъ обществамъ пріобрѣтать себѣ клієнтовъ, или распространять свою дѣятельность. Вотъ почему, весь вопросъ объ общественной и законодательной охранѣ застрахованныхъ сводится къ должному обезпеченію одной гласности и достовѣрной подлинности всѣхъ вычисленій, которыми руководствуется данное предпріятіе, а также всѣхъ цифръ, раскрывающихъ движеніе его оборотовъ.

Законъ даже не долженъ требовать обособленія страховыхъ предпріятій по спеціальнымъ цѣлямъ, или такъ называемымъ родамъ страхованія, т. е. по разрядамъ бѣдствій, или источникамъ ущербовъ и предметамъ подлежащимъ страху. Иначе ни уравновѣшиваніе, ни гармоническое сочетаніе разнородныхъ рисковъ не окажутся удобоосуществимыми. Какое сочетаніе нѣсколькихъ, или вообще различныхъ и какихъ именно, родовъ страха выгоднѣе всего принять на себя страховому предпріятію, можетъ указать одинъ многолѣтній опытъ. Законъ же долженъ ограничиться однимъ требованіемъ по отношенію къ отчетности: чтобы всѣ указанія и цифры приводились отдѣльно по каждому роду страха, или чтобы каждому разряду ущербовъ велась самостоятельная бухгалтерія.

Наконецъ, на нашъ взглядъ, не подлежитъ сомнѣнію, что застрахованные должны имѣть такое же участіе въ общихъ собраніяхъ акціонеровъ, какое мы считали выше необходимымъ предоставить всѣмъ владѣльцамъ долговыхъ обязательствъ и облигацій въ прочихъ видахъ акціонерныхъ предпріятій. Но пополненіе акціонернаго капитала какими бы то ни было займами мы считаемъ въ страховомъ дѣлѣ совершенно предосудительнымъ и превратнымъ.

Между тѣмъ, до сихъ поръ всѣ заботы законодательствъ и администрацій разныхъ временъ и странъ клонились постоянно къ одному удовлетворительному обезпеченію сохранности полной суммы страховаго резерва, или касались одного благонадежнаго помѣщенія премій и взносовъ, поступающихъ отъ застрахованныхъ и образующихъ упомянутый страховой резервъ. Однако, и при отыскиваніи такихъ односторонніхъ мѣръ законодательства не только расходились и отдѣльныя постановленія ихъ оказываются, въ наше время, весьма противорѣчимыми, но и до настоящей поры усвоеніе общихъ принциповъ и путеводныхъ идей остается, въ большинствѣ государствъ, все еще въ фазисѣ проектовъ. Это обстоятельство вполнѣ объясняетъ нерѣшительность и у насъ. Само же явленіе прямо зависѣло отъ историческаго развитія страховыхъ порядковъ и предпріятій.

Въ началѣ прошлаго столѣтія вспыхнула какъ бы страховая лихорадка, страхованіе быстро распространилось изъ своей новѣйшей родины, изъ Англіи, въ Голландію, Бельгію и далѣе по западной Европѣ. Всѣ, выросшія тогда, какъ бы за одну ночь, предпріятія оказались весьма недолговѣчными, а затѣмъ только въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія возобновилось равносильное движеніе. Забота объ болѣе правильномъ уравновѣшиваніи рисковъ вызвала въ тридцатыхъ годахъ пропаганду въ пользу соединенія страховыхъ компаній въ союзы. Въ такой формѣ впервые возникло новѣйшее перестрахованіе; его осуществлялъ учрежденный въ Бельгіи въ 1838 году союзъ страхователей (Reunion d'Assureurs), сосредоточившій въ своемъ вѣдѣніи морское страхованіе тринадцати компаній. Дальнѣйшее же развитіе этого удачнаго опыта грозило весьма опаснымъ уклоненіемъ, именно въ той же Бельгіи. Такъ въ 1846 году бельгійское правительство весьма серьезно занялось вопросомъ о томъ, не слѣдуетъ ли самому государству принять на себя всѣ страховые обороты, такъ какъ барыши отъ страхованія оказывались весьма значительными, а при казенномъ управленіи считалось возможнымъ понизить страховые взносы, или преміи. Соотвѣтственный проектъ былъ препровожденъ на разсмотрѣніе центральнаго статистическаго комитета, который, какъ и слѣдовало ожидать, опровергъ его, какъ по основаніямъ, такъ и во всѣхъ частностяхъ.

Однако, какъ слѣды законодательнаго подражанія и указанныхъ казенныхъ увлеченій, и до сихъ поръ казенное разрѣшеніе или прямой административный надзоръ подѣлили между собою всю область страховыхъ оборотовъ.

Во Франціи законъ отъ 24 іюля 1867 года, получившій, къ соотвѣтственному § 66, дальнѣйшее распространеніе въ особомъ указѣ отъ 22 января 1868 года о страховыхъ обществахъ, сохранилъ совмѣстно и то, и другое.

Но весьма естественно, что предварительное разрѣшеніе на учрежденіе страховыхъ предпріятій во всѣхъ прочихъ государствахъ или отмѣнено, или предполагается отмѣнить, какъ по прусскому проекту 1869 года, такъ и по австрійскому 1870 года, потому что, — хотя во все время господства обычнаго страховаго права, занесеннаго въ городскіе статуты со второй половины XV стотѣтія, на всѣ обороты и наука, и практика смотрѣли какъ на видъ азартной игры, какъ на пари или споръ объ закладъ, но затѣмъ и съ тѣхъ поръ, когда страхованіе сложилось въ цѣлостную систему и выработало богатый сводъ практическихъ указаній, именно подъ вліяніемъ и благодаря единственно ограниченно-отвѣтственной формѣ складочныхъ предпріятій, т. е. акціонерной организаціи,—стали смотрѣть и законодательства, и юристы на страховку какъ на договоръ, относя послѣдній въ частности къ торговому праву. Благодаря послѣднему обстоятельству, вполнѣ историческимъ путемъ, водворилась неразрывная связь между воззрѣніями новѣйшаго закона на акціонерную компанію и ученіемъ его о страховомъ договорѣ; эта то связь распространилась затѣмъ, какъ и слѣдовало ожидать, также и на законоположенія объ артеляхъ или по предпріятіямъ, основаннымъ на взаимности и круговой порукѣ. Вотъ почему, съ тѣхъ поръ послѣдовательныя измѣненія въ законоположеніяхъ объ акціонерныхъ компаніяхъ и объ артеляхъ отражались непосредственно и на всѣхъ отношеніяхъ законодательства къ страховымъ договорамъ; слѣдовательно, при отмѣнѣ предварительнаго разрѣшенія для первыхъ, отъ него неминуемо должны были освободиться и страховые обороты.

Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что при современномъ развитіи юриспруденціи не только въ области науки, но и въ кодексахъ передовыхъ народовъ, нельзя признать какого либо единства за законодательствомъ о строѣ промысловыхъ предпріятій, или въ частности за общимъ акціонернымъ закономъ, если исключены изъ него такіе разряды оборотовъ, которые, подобно кредитнымъ и страховымъ, не требуютъ себѣ никакого монопольнаго положенія и никакихъ общественныхъ привиллегій. Этимъ сознаніемъ прониклись, относительно страхованія, уже всѣ современныя законодательства, за исключеніемъ французскаго и послѣдняго проекта нашей коммиссіи.

Отказавшись отъ предварительнаго разрѣшенія и непосредственной регламентаціи, прочія законодательства, тѣмъ не менѣе, въ силу вѣковаго предразсудка, искали и продолжаютъ искать, по слѣдамъ Англіи и Сѣверо-американскихъ Штатовъ, пути и способы къ косвенной охранѣ застрахованныхъ: между прочимъ именно такая же безвыходная непослѣдовательность задерживаетъ окончательную редакцію и изданіе общаго страховаго закона, какъ въ Германской Имперіи, такъ и въ Австро-Венгріи.

Англія требуетъ, ради указанной цѣли, представленія залоговъ, а Америка провѣряетъ отчетность и вычисленія страховыхъ компаній чрезъ особыхъ регистраторовъ.

Однако залоги, предписанные, въ дополненіе къ законамъ 1870 и 1871 годовъ, особымъ актомъ объ обществахъ пожизненнаго страхованія отъ 6 августа 1872 года, и введенные по инструкціи торговой палаты отъ 28 августа того же года, успѣли въ Англіи уже оказаться совершенно недостаточнымъ обезпеченіемъ, такъ какъ они все-таки не могли понудить компаній раскрывать, своевременно, легкомысленные или темные обороты и не лишили ихъ возможности облекать предосудительныя затраты въ непроницаемую тайну разнообразныхъ недомолвокъ по отчетамъ. Наконецъ, даже одно помѣщеніе залоговъ представило неожиданныя затрудненія, и мѣстныя административныя учрежденія отказываются пока на отрѣзъ отъ ихъ принятія.

Американская система административной охраны частныхъ интересовъ въ области страхованія возникла первоначально для одного штата Нью-Йорка и сложилась изъ подражанія прочихъ штатовъ тому акту, отъ 15 апрѣля 1859 года, которымъ впервые была учреждена особая страховая палата. Предсѣдатель страховаго департамента (Insurance Department) назначается на три года губернаторомъ штата изъ кандидатовъ предложенныхъ соотвѣтственнымъ сенатомъ. Этотъ Суперинтендентъ страховаго департамента долженъ представить весьма значительный залогъ и не можетъ участвовать, или владѣть паями, въ какомъ бы то ни было страховомъ предпріятіи; но за то онъ набираетъ самъ всѣхъ остальныхъ чиновниковъ. Дѣятельность его весьма обширная, такъ какъ въ штатѣ Нью-Йоркѣ, заключающемъ въ себѣ всего 4 милліона жителей, дѣйствуетъ болѣе 200 страховыхъ предпріятій: мѣстныхъ, туземныхъ и иностранныхъ.

Первоначально всѣ виды страхованія опредѣлялись въ упомянутомъ штатѣ однимъ общимъ закономъ—An act to provide for the incorporation of Insurance Companies—отъ 10 апрѣля 1849 года; но впослѣдствіи этотъ законъ остался въ силѣ только для одного морскаго страхованія, а пожизненное было изъято, по актамъ отъ 8 апрѣля 1851 г. и отъ 24 іюня 1853 г., такъ что образовало совершенно самостоятельный разрядъ страховыхъ сдѣлокъ. Тоже самое водворилось, по акту отъ 25 іюня 1853 г., для страхованія отъ огня и всякаго рода другихъ ущербовъ.

Такимъ образомъ, американское законодательство признаетъ въ штатѣ Нью-Йоркѣ три разряда страховыхъ оборотовъ; тоже произвольное дѣленіе повторяется, съ немногими измѣненіями, и въ законодательствахъ другихъ штатовъ. Сверхъ того, нѣкоторыя изъ законодательствъ сочли необходимымъ установить для каждаго разряда страховыхъ оборотовъ приложеніе однѣхъ указанныхъ формъ предпріятій. Такъ въ Миссури, по акту отъ 10 марта 1869 года, по пожизненному страхованію допускаются или акціонерныя предпріятія, или артельныя, или смѣшанныя. По страхованію отъ огня, для транспортнаго и морскаго предписаны только акціонерныя и артельныя предпріятія; а для всѣхъ прочихъ видовъ страхованія законъ разрѣшаетъ одну акціонерную форму. Во всякомъ случаѣ, американское законодательство,—хотя явно затрудняется въ установленіи охранительныхъ мѣръ по страховымъ оборотамъ и прибѣгаетъ, съ этою цѣлью, къ такимъ внѣшнимъ пріемамъ, какъ прямой надзоръ и дѣленіе страховыхъ оборотовъ на разряды,—все-таки считаетъ самымъ надежнымъ обезпеченіемъ всего страховаго дѣла именно форму акціонерныхъ предпріятій. Слѣдовательно, даже при строгой американской системѣ, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы ограничивать и стѣснять, путемъ концессіоннаго разрѣшенія, именно приложеніе акціонернаго строя къ страховымъ предпріятіямъ. Такъ и послѣдній страховой законъ, вступившій въ силу въ Массачюзетѣ съ 1 октября 1873 года, повторяетъ и подтверждаетъ то основное положеніе американскихъ уставовъ, что на учрежденіе страховыхъ предпріятій не требуется никакого правительственнаго разрѣшенія.

Что же касается до правительственнаго надзора за точностію отчетовъ и вѣрнымъ соблюденіемъ тѣхъ правилъ, которыя приняты даннымъ частнымъ уставомъ для соотвѣтственныхъ страховыхъ вычисленій, то и въ этомъ отношеніи сами страховые департаменты и ихъ суперинтенденты убѣдились, еще три года тому назадъ, что тутъ всякій произволъ можетъ породить весьма существенные промахи и причинить вредъ правильному развитію всего страховаго дѣла. Это убѣжденіе вызвало съѣздъ суперинтендентовъ въ Нью-Йоркѣ, къ 24-му мая 1871 года, на которомъ представители 19 штатовъ, послѣ девятидневныхъ преній, приняли слѣдующія резолюціи:

1) чтобы годовые отчеты всѣхъ страховыхъ департаментовъ (а послѣдніе являются за каждый штатъ ежегодно въ видѣ томовъ, заключающихъ до 800 страницъ) составлялись по однообразной системѣ и съ одинаковою постройкою табляцъ;

2) чтобы оцѣнка страховыхъ полисовъ и вычисленіе страховыхъ резервовъ производились всѣми страховыми департаментами по одинаковымъ началамъ, основаніямъ и пріемамъ;

3) чтобы разъ сдѣланная оцѣнка полиса, засвидѣтельствованная какимъ-либо однимъ страховымъ департаментомъ, признавалась безспорною и во всѣхъ остальныхъ штатахъ;

4) чтобы страховыя предпріятія, дѣйствующія въ нѣсколькихъ штатахъ обязывались доставлять, для ежегодныхъ отчетовъ, подробный перечень полисовъ и резервовъ только одному страховому департаменту, и чтобы всѣ прочіе довольствовались, скрѣпленными въ первомъ страховомъ департаментѣ, общими отчетами о цѣнности полисовъ и размѣрахъ страховыхъ резервовъ и капиталовъ;

5) чтобы представленіе залоговъ совершалось страховыми предпріятіями только въ томъ штатѣ, гдѣ они явочнымъ порядкомъ утверждены и если мѣстное законодательство того требуетъ; прочіе же страховые департаменты должны будутъ довольствоваться соотвѣтственными росписками перваго;

6) чтобы въ каждомъ штатѣ отдѣльныя страховыя предпріятія назначали только по одному представителю;

7) чтобы по возможности всѣ пошлины и сборы были сложены съ предпріятій по пожизненному страхованію, или чтобы, по крайней мѣрѣ, въ системѣ обложенія устранялось всякое разнообразіе.

Въ разсужденіяхъ съѣзда принимали дѣятельное участіе многіе техники страховыхъ предпріятій, многіе математики и ученые спеціалисты, а потому пренія касались не одной только дѣятельности страховыхъ департаментовъ, но и многихъ существенныхъ вопросовъ по самому страхованію. Вообще же удалось собрать столь разнообразный и драгоцѣнный матеріалъ по дѣятельности и опыту страховыхъ учрежденій, что общее обозрѣніе всего страховаго поля вынудило большинство участниковъ съѣзда пожелать въ будущемъ полнаго объединенія страховаго права и настаивать на однообразномъ законодательномъ нормированіи именно содержанія и обнародованія отчетности, оцѣнокъ и вычисленій для всѣхъ разрядовъ и видовъ страховыхъ предпріятію.

Вообще въ законодательной области по страхованію необходимо различать двѣ стороны, которыя въ непосредственно тѣсной связи другъ къ другу не находятся. Именно одна существенная сторона, въ данномъ вопросѣ, слагается изъ тѣхъ правоотношеній, договоровъ и обязательствъ, которыя вызываются по страховому обороту между самими участниками, по случаю своеобразнаго гражданскаго характера всякой страховой сдѣлки. Совершенно другаго уже порядка тѣ гражданскія отношенія, которыя возникаютъ для третьихъ лицъ и между участниками относительно промысловаго предпріятія, соотвѣтственно самому складу послѣдняго. Однимъ словомъ законодательные вопросы, касающіеся до формы и строя предпріятій вообще, слѣдуетъ держать врозь отъ законодательныхъ же вопросовъ, возникающихъ вслѣдствіе промысловыхъ дѣйствій и экономическихъ оборотовъ.

А между тѣмъ, уже одно отождествленіе понятія и акціонерной компаніи, и страховаго оборота съ общимъ понятіемъ о договорѣ вызвало смѣшеніе законо-

дательныхъ задачъ и привело дѣйствующее право и законопроекты къ стремленію выдѣлять все страховое дѣло особнякомъ, какъ изъ законодательства о формахъ предпріятій, такъ и изъ законодательства объ обязательствахъ по экономическимъ оборотамъ. Въ Германіи принимались за изданіе общаго страховаго закона, и по тому же убѣжденію возникла американская система своеобразнаго надзора за страховыми предпріятіями. Такое же непризнаніе различія, между задачами отдѣльныхъ видовъ предпріятій и разнообразными сдѣлками по страховымъ оборотамъ, побудило нашу коммиссію отказать страховому дѣлу въ общихъ нормахъ явочнаго порядка и сохранять спеціальное концессіонное узаконеніе для каждаго акціонернаго предпріятія, какъ скоро послѣднее приметъ на себя какіе-либо страховые обороты.

Съ другой стороны дѣйствующій у насъ пока законъ даетъ полную возможность къ точному различенію вопроса о страховомъ договорѣ отъ вопроса о страховыхъ обществахъ; и хотя относительно страхованія, въ смыслѣ промысловаго дѣйствія и какъ источника обязательствъ и договоровъ, недостаетъ нашему законодательству послѣдовательности и единства, даже представляются въ немъ важные пробѣлы, однако относительно приложенія организованнаго склада предпріятій къ оборотамъ и сдѣлкамъ по страхованію, слѣдовало бы и нынѣ обсуждаемому акціонерному законопроекту усвоить себѣ смыслъ ст. 2200 (Св. Зак. изданіе 1857 года. т. X, ч. 1-я). Эта статья, вполнѣ согласно съ тенденціями явочнаго порядка, опредѣляетъ: «Страховыя общества составляются по акціямъ и учреждаются на общихъ правилахъ товариществъ, или съ особыми преимуществами, правительствомъ утвержденными».

Всѣ же прочія указанія нашего Свода Законовъ занимаются исключительно разными видами страховыхъ *оборотовъ* и нормируютъ ихъ разрозненными постановленіями.

Однако для пожизненнаго страхованія вовсе не существуетъ общихъ постановленій, а ст. 2199 (т. X, ч. 1) исключительно признаетъ, что: «страхованіе есть договоръ, въ силу коего составленное для предохраненія отъ несчастныхъ случаевъ общество, или частное лицо пріемлетъ на свой страхъ корабль, товаръ, домъ или иное движимое и недвижимое *имущество* за условленную премію или плату, обязуясь удовлетворить уронъ, ущербъ или убытокъ, отъ предполагаемой опасности произойти могущей».

Впервые, вообще, наше законодательство коснулось страхованія во время Екатерины II, но изъ правилъ учрежденной ею, въ 1771 году, вдовьей казны (П. С. З. XIX, № 13,909 и 13,997) не развилось впослѣдствіи соотвѣтственныхъ законоположеній для всей области пожизненнаго страхованія; между тѣмъ, тогда же это имѣло мѣсто, на основаніи указа Императрицы отъ 23 декабря 1786 года (П. С. З. XXII, № 16478), относительно страхованія отъ огня; о послѣднемъ, равно какъ и объ страхованіи морскомъ существуютъ спеціальныя законоложенія въ дѣйствующемъ сводѣ.

Впрочемъ, изложенное разъединеніе страховыхъ оборотовъ находитъ себѣ аналогію и въ французскомъ законодательствѣ, по которому пожизненное страхованіе остается и до сихъ поръ въ зависимости отъ разрѣшенія и надзора правительства (Loi sur les sociètes, отъ 24 іюля 1867 года. Тит. 5, ст. 66); а имущественное страхованіе, съ подраздѣленіемъ на промышленное и взаимное, освобождено отъ разрѣшеній и подчинено единственно соблюденію общихъ условій, изложенныхъ въ декретѣ отъ 22 января 1868 года, въ видѣ дополненія къ положеніямъ торговаго и гражданскаго кодексовъ.

Во всякомъ случаѣ, приведенныя нами указанія безспорно подтверждаютъ то требованіе, что общее юридическое опредѣленіе сущности и послѣдствій страховыхъ оборотовъ или сдѣлокъ, необходимо въ законодательствѣ отдѣлять отъ юридическихъ нормъ, предписываемыхъ для учрежденія и осуществленія предпріятій разнаго строя.

Перваго рода спеціальныя узаконенія на столько необходимы, на сколько возведеніе исключеній на степень общихъ нормъ, во второмъ случаѣ, превратно. Между тѣмъ, пока только въ одномъ австрійскомъ общемъ гражданскомъ уложеніи отъ (отъ 1 іюля 1811 года, гл. 29 §§ 1267, 1269, 1288—1291) содержатся постановленія, исходящія изъ общаго воззрѣнія на страхованіе. Тѣмъ не менѣе, указанныя постановленія считаютъ страхованіе прямымъ средствомъ, законнымъ и хозяйственнымъ, чтобы доставить страхователю выгоды отъ осуществленія какой-либо статочности; а потому страховка подведена подъ шлюрокое понятіе азартныхъ, алеаторныхъ контрактовъ и игорныхъ закладовъ, такъ что отнюдь страхованіе не является исключительно договоромъ по обезпеченію отъ возможнаго хозяйственнаго ущерба. Послѣдній смыслъ, однако, предположено теперь возстановить для страховыхъ сдѣлокъ по законопроекту 1870 года.

Этотъ австрійскій проектъ усвоилъ себѣ воззрѣнія, выработавшіяся по морскому страхованію, и исходитъ изъ того общаго положенія (I раздѣлъ, § 1) что «по страховому договору извѣстный страхователь принимаетъ, за возмездіе, на себя опасность ущербовъ, которымъ подлежитъ застрахованный въ своей хозяйственной обстановкѣ, или вообще вслѣдствіе сбыточныхъ приключеній съ людьми и имуществомъ, а также вслѣдствіе неопредѣленной продолжительности жизни человѣка».

Ущербъ, проистекающій отъ собственныхъ незаконныхъ дѣйствій застрахованнаго, не можетъ служить предметомъ страховаго договора (§ 2). Далѣе опредѣляются возмездіе за страхованіе (§ 3), страховое обязательство или полисъ (§ 4), обязанности застрахованнаго, отношенія между нимъ и страхователемъ и общія условія исполненія, или ничтожности страховаго договора. Второй раздѣлъ распадается на двѣ главы, изъ которыхъ первая занимается страхованіемъ отъ ущербовъ на имуществѣ, а вторая пожизненнымъ страхованіемъ.

Мы довольствуемся этими общими указаніями, приведенными нами единственно для того, чтобы выставить практическій доводъ въ пользу того требованія, развитаго выше, по которому узаконенія, касающіяся страхованія какъ экономическаго оборота, должны быть поставлены въ совершенную независимость отъ законоположеній, опредѣляющихъ внутренній составъ и внѣшнюю обстановку для страховыхъ предпріятій. Обойти это логическое размежеваніе юридическихъ нормъ, для страховыхъ предпріятій, и остановиться на сохраненіи концессіоннаго утвержденія и предварительнаго разсмотрѣнія отдѣльныхъ установъ, значитъ извратить прямыя задачи общественной охраны; такимъ пріемомъ можетъ осуществиться единственно предосудительная замѣна нерушимаго дѣйствія общаго закона менѣе устойчивыми административными распоряженіями.

Напраснымъ же и совершенно безвыходнымъ мы признаемъ, по приведеннымъ причинамъ, всякое усиліе законодательства создать, путемъ особаго положенія, общія нормы совмѣстно обязательныя и для всякаго рода страховыхъ сдѣлокъ, и для строя и внутреннихъ порядковъ страховыхъ предпріятій, или такъ называемыхъ страховыхъ обществъ и страховыхъ учрежденій. Такою

именно попыткою слѣдуетъ считать, не разрѣшившійся пока никакими еще практическими послѣдствіями, прусскій законопроектъ о страхованіи (Versicherungs—wesen), отъ 1 февраля 1869 г. *), который вызвалъ цѣлую полемическую литературу.

Относительно существа страховыхъ оборотовъ этотъ проектъ и мотивы къ нему основательно указывали, что вся задача по охраненію частныхъ лицъ и застрахованныхъ заключается въ правильномъ опредѣленіи размѣра и соотвѣтствія между запаснымъ капиталомъ и принятыми застраховками, т. е. въ нормальномъ установленіи, такъ называемаго, резерва по преміямъ. Однако при этомъ рождается вопросъ, слѣдуетъ ли установлять въ законѣ опредѣленныя основанія для разсчета этого резерва, или достаточно ограничиться однимъ настояніемъ, чтобы вообще страховой резервъ хранился въ опредѣленномъ размѣрѣ, соотвѣтственно тѣмъ или другимъ пріемомъ вычисленія, и согласно съ основаніями, какія данное страховое предпріятіе признаетъ для себя обязательными.

Единогласное мнѣніе экспертовъ клонится въ пользу послѣдняго рѣшенія. Между учеными спеціалистами извѣстные писатели Якоби и Гонфь требовали отъ прусской палаты исправленія § 12 упомянутаго проекта, по которому предлагалось ввести неизмѣнныя правила для вычисленія страховыхъ резервныхъ капиталовъ. Въ своей петиціи послѣдніе указывали, что обоюдосправедливое охраненіе сторонъ, участвующихъ въ страховой сдѣлкѣ, или единственно осуществимое законодательное обезпеченіе выгодъ и правъ застрахованныхъ, равно какъ и свободы дѣйствія и должной подвижности въ оборотахъ для страховыхъ предпріятій,—не можетъ идти далѣе того неуклоннаго требованія, чтобы страховой резервъ опредѣлялся на основаніи вычисленій, и чтобы употребляемые при такомъ разсчетѣ пріемы подлежали обнародыванію въ самомъ уставѣ, а не хранились въ тайнѣ отъ застрахованныхъ. Съ другой стороны, они предлагали установить въ законѣ, чтобы въ выборѣ того или другаго пріема вычисленій страховыя предпріятія не могли руководствоваться однимъ произволомъ, но обязывались закономъ привести на такой выборъ положительные доводы, или подтвержденіе изъ чужаго и собственнаго опыта.

Такимъ образомъ, не слѣдуетъ создавать по выбору способовъ для резервнаго вычисленія никакихъ стѣсненій страховымъ предпріятіямъ, но во всякомъ случаѣ, никакой страхователь не долженъ присвоить себѣ право на какую-то мнимую промышленную тайну и оставлять къ совершенномъ невѣдѣніи своихъ кліентовъ, какъ это сплошь и рядомъ дѣлается до сихъ поръ *).

Понынѣ русскихъ страховыхъ обществъ, сравнительно съ другими странами и съ дѣйствительною въ нихъ потребностію, еще крайне мало; цѣлыя отрасли страхованія представляются вовсе непочатымъ полемъ; при томъ медленно возникали наши страховыя предпріятія и дѣйствующіе страховые уставы раздѣлены по времени ихъ утвержденія значительными промежутками. Во всякомъ случаѣ, на основаніи послѣднихъ возможно себѣ составить достаточно отчетливое понятіе о тѣхъ концессіонныхъ принципахъ, которыхъ придерживались разрѣшающія вѣдомства при утверж-

*) Срв. Beiträge zur Gesetzgebung über das Versicherungswesen, von *Jacobi* во II приложеніи къ Zeitsch. des k. pr. stat. Bereau 1859; и тоже Journal des Collegiums für Lebensversicherungs-Wissenschaft zu Berlin. 1, 3, стр. 142. 1869.

*) Срв. строй эк. предпріятій, стр. 238.

деніи страховыхъ уставовъ. Всѣ они подлежали разсмотрѣнію, или министерства внутреннихъ дѣлъ, или министерства государственныхъ имуществъ. Общихъ соображеній оказывается по указанному предмету главнѣйшимъ образомъ три. Именно: мѣсто дѣйствія русскихъ страховыхъ предпріятій ограничивалось предѣлами имперіи; разбирательство всякаго рода неудовольствій и спорныхъ дѣлъ предоставлялось или общему собранію акціонеровъ, или подчинялось общимъ судебнымъ уставамъ; наконецъ, содержаніе различныхъ видовъ полисовъ опредѣлялось подлежащими министерствами обязательнымъ образомъ для страховыхъ предпріятій.

По первому изъ приведенныхъ основаній концессіи какъ бы стремились предостеречь русскія страховыя предпріятія отъ вступленія въ конкурренцію съ заграничными учрежденіями, и только въ видѣ исключенія допускается перестрахованіе рисковъ за предѣлами имперіи у иноземныхъ страхователей.

Однако, и послѣдняя свобода не имѣетъ вполнѣ надежной почвы, такъ какъ иноземныя страховыя компаніи подлежатъ внесенію такого огромнаго залога, при открытіи дѣйствій внутри имперіи, что едва ли какая нибудь изъ нихъ можетъ рѣшиться на иммобилизацію столь значительной части своего складочнаго капитала и потому, совершаемыя сплошь и рядомъ отечественными предпріятіями, перестраховки заграницею представляютъ вполнѣ характеръ частныхъ сдѣлокъ, которыя скорѣе гарантируются иностранными законодательствами, но у насъ дома даже не должны быть признаваемы. Ограничиться однимъ перестрахованіемъ у отечественныхъ, между тѣмъ, совершенно немыслимо для русскихъ страховыхъ предпріятій, вслѣдствіе слабаго развитія у насъ всего страховаго дѣла.

Въ тоже время всякое иноземное перестрахованіе и болѣе прибыльно, и болѣе надежно для каждаго народнаго хозяйства, порознь взятаго: оно ближе всего соотвѣтствуетъ требованію въ наиболѣе, по возможности, широкомъ распредѣленіи рисковъ и переводитъ извѣстную долю шансовыхъ потерь на заграничные капиталы; да притомъ, принимая во вниманіе въ частности положеніе русскаго предпринимательскаго рынка, безспорно, что послѣдніе капиталы довольствуются несравненно менѣе барышными затратами, чѣмъ туземные: отчего очевидно само перестрахованіе становится дешевле.

Вотъ почему, всякое вообще опредѣленіе района дѣйствія для страховаго предпріятія не только не оправдывается заботами общественной охраны — для послѣдней вполнѣ достаточно остановиться на указаніи мѣстопребыванія правленія — но оно отнимаетъ у туземнаго оборота возможность правильно разлагать свои риски: какъ тѣмъ, что воспрещаетъ принятіе къ страху иноземныхъ ущербовъ, такъ и тѣмъ, что стѣсняетъ перенесеніе обширныхъ рисковъ долями на другія предпріятія, особенно на давно уже существующія и располагающія обширными капиталами, заграничныя компаніи.

Такимъ образомъ, первое основаніе нынѣ существующей у насъ концессіонной охраны оказывается даже опаснымъ затрудненіемъ къ должному развитію страхованія; оно не только должно быть покинуто, но единственно нормальная мѣстная зависимость страховыхъ предпріятій не можетъ быть иначе выражена, чѣмъ въ той же формулѣ, въ какой это сдѣлано законопроектомъ нашей же коммиссіи для всѣхъ прочихъ видовъ акціонерныхъ компаній. Именно пунктъ 6, статьи 14, которымъ выражено, что во всякомъ проектѣ акціонернаго устава должно быть, между прочимъ, опредѣлено—*наименованіе и мѣсто настоящаго пребыванія общества*— можетъ служить новымъ доказательствомъ тому, что выключеніе страховыхъ предпріятій изъ общаго явочнаго порядка вовсе не оказывается большею гарантіею для

публики, а напротивъ, что концессіонные пріемы постоянно приводятъ къ превратнымъ недоразумѣніямъ.

Второе начало, вносимое до сихъ поръ нашею концессіонною системою въ страховые уставы, подчиняетъ всѣ разбирательства и споры вѣдѣнію или общихъ собраній акціонеровъ, или судебныхъ мѣстъ. Причемъ не дѣлается различія смотря потому, между кѣмъ эти споры происходятъ и къ кому они относятся, а принятое правило дѣйствительно и для акціонеровъ между собою, и для правленія съ обществомъ акціонеровъ, и для обществъ другъ съ другомъ, наконецъ и для обществъ, или ихъ представителей съ третьими лицамъ.

Цѣликомъ этотъ принципъ усвоенъ и законопроектомъ нашей коммиссіи для всѣхъ акціонерныхъ предпріятій. Въ пятомъ его отдѣленіи, относительно разрѣшенія споровъ и разбирательства дѣлъ общества, постановляется статьею 186:

«Споры по дѣламъ общества между акціонерами, или между обществомъ и членами его правленія, совѣта или наблюдательнаго комитета, либо между обществомъ и его членами съ лицами посторонними, разрѣшаются на общемъ законномъ основаніи, *развѣ бы спорящія стороны согласились предоставить разборъ ихъ спора общему собранію акціонеровъ, или посредникамъ*».

Отсюда возникаютъ два послѣдствія: вопервыхъ, акціонерныя предпріятія подлежатъ только дѣйствію отечественнаго права и русскихъ судовъ, что можетъ имъ послужить немаловажнымъ препятствіемъ при всѣхъ международныхъ оборотахъ и, между прочимъ, должно усилить дороговизну въ случаѣ привлеченія для своихъ оборотовъ иностранныхъ капиталовъ; а во вторыхъ, общее собраніе облекается правами третейской инстанціи, что несообразно съ причастностію его ко всякому дѣлу, касающемуся общаго предпріятія; далѣе затѣмъ указанныя дѣйствія послѣдняго, или какихъ либо посредниковъ, могутъ подходить, по исходу своему, только къ мировымъ сдѣлкамъ, которыхъ оговорить особо вовсе не требуется, и которыя единственно предотвращаютъ, но не устраняютъ судебнаго разбирательства.

Подвѣдомственность акціонерныхъ предпріятій одной туземной юрисдикціи ненормальна именно при страховыхъ оборотахъ, по которымъ неопревержима важность международнаго распредѣленія рисковъ, какъ путемъ прямымъ, такъ преимущественно и путемъ перестраховокъ; притомъ и для многихъ другихъ видовъ акціонерныхъ компаній заключеніе обязательствъ и принятіе на себя выгодныхъ операцій за границею представляется также нерѣдко; оно должно не мало пострадать отъ приведенной обстановки сдѣлокъ. Не только для всякаго застрахованнаго, но и для всѣхъ обезпеченныхъ какими либо обязательствами, вопросъ о понудительномъ исполненіи и средствахъ судебной защиты всегда окажется вопросомъ первой важности, а потому вопросъ о подвѣдомственности и о юрисдикціи, для обоюдной пользы, можетъ разрѣшаться единственно по мѣстопребыванію владѣльца правъ и требованій; подсудность же по мѣсту жительства отвѣтчика неминуемо ведетъ, въ отношеніи къ акціонернымъ предпріятіямъ, являющимся дѣятелями на всякомъ мѣстѣ совершенія оборотовъ, къ немаловажнымъ экономическимъ потерямъ. По случаямъ перестраховокъ иноземныя предпріятія также имѣютъ поводъ призадуматься надъ всякою исключительною подсудностію, какъ по поводу оцѣнки наступившихъ ущербовъ, такъ и ради потребной гарантіи отъ преувеличенія платежей.

Вообще разбирательство, совершаемое общимъ собраніемъ участниковъ предпріятія, именно какъ мировое, приложимо къ страхованію только по артельному строю, когда взаимность служитъ основаніемъ оборотовъ. Страховая артель обнимаетъ въ своемъ общемъ собраніи и страхователей, и застрахованныхъ. Въ акціонерной же компаніи общее собраніе акціонеровъ является, относительно всѣхъ сдѣлокъ съ третьими ли-

нами, всегда одною изъ сторонъ; да къ тому же радѣющею преимущественно о своемъ дивидендѣ, почему передъ общимъ собраніемъ послѣднихъ интересы всякаго истца обставлены неудовлетворительно.

Однимъ словомъ, общее законное основаніе только и можетъ удовлетворять всѣмъ случаямъ споровъ и разбирательствъ; а включеніе въ акціонерный законъ или въ концессіонные уставы, разныхъ добавочныхъ указаній на другіе способы добровольнаго соглашенія или излишни, или превратны. Достаточно оговорить, рядомъ съ дѣйствіемъ національнаго кодекса, еще только соотвѣтственныя международныя стипуляціи. Наконецъ, несравненно важнѣе всякаго упоминанія о подсудности, которая предвидѣна въ общихъ судебныхъ уставахъ, сдѣлать въ спеціальномъ акціонерномъ законоположеніи точное указаніе на случаи отвѣтственности, на опредѣленныхъ отвѣтчиковъ, равно какъ и установить характеръ и размѣръ отвѣтственности послѣднихъ. Въ этомъ отношеніи мы уже вынуждены были признать безспорное превосходство за страховымъ уставопроектомъ берлинской коллегіи надъ акціонернымъ законопроектомъ нашей коммиссіи.

Пробѣлы послѣдняго не дополняетъ очевидно и усиленная бдительность концессіонной охраны. Отсутствіе общихъ началъ лишаетъ послѣднюю преимуществъ передъ явочнымъ порядкомъ и въ данномъ случаѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ фактически распадается еще одинъ изъ доводовъ въ пользу ея сохраненія спеціально для кредитныхъ и страховыхъ оборотовъ, какъ то предлагаетъ законопроектъ нашей коммиссіи.

Въ неменьшей степени неудовлетворительнымъ является и третье основаніе дѣйствующаго концессіоннаго порядка по страховымъ уставамъ; оно служитъ источникомъ крайне сомнительной палліативной мѣры,—это опредѣленіе формъ и содержанія полисовъ тѣми вѣдомствами, которыя утверждаютъ уставы. Такъ, напримѣръ, по пожарному и трайспортному страхованію полисныя условія и формуляры устанавливаются, или скрѣпляются въ самомъ уставѣ, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, а для страхованія отъ градобитія министерствомъ государственныхъ имуществъ.

На первый разъ, самый оборотъ страховыхъ предпріятій связывается неизмѣнными условіями и имъ преподаются прямыя указанія, какъ совершать сдѣлки въ каждомъ частномъ случаѣ; а между тѣмъ всѣ частности застраховокъ порознь не только должны видоизмѣняться, смотря по временной и мѣстной обстановкѣ предмета страхованія, но они только и могутъ сложиться по техническому опыту самаго предпріятія и его правленія. Общественная охрана несомнѣнно вступаетъ въ область произвольныхъ распоряженій, ко вреду и предпріятіямъ, и застрахованнымъ, если она принимается за какую либо тарификацію страховыхъ взносовъ и премій, а при допущеніи видоизмѣненія послѣдняя окажется мертвою буквою.

Ни въ какомъ случаѣ концессіонное предупрежденіе убытковъ не успѣетъ создать потребныхъ частностей въ условіяхъ полиса, ему всегда останется ограничиться однимъ общимъ опредѣленіемъ основныхъ правоотношеній, возникающихъ отъ страховаго договора. Послѣдней же цѣли можетъ удовлетворять цѣлостное страховое право, а не отрывочное начертаніе концессіонныхъ полисовъ. Общее страховое право, въ указанномъ уже нами неоднократно смыслѣ, является, именно въ разсужденіи къ полисамъ, насущною потребностью; въ тоже время общеакціонерное положеніе можетъ, совершенно независимо отъ рода оборотовъ, дать и для страховыхъ сдѣлокъ всѣ условія, необходимыя непосредственно для правильной организаціи ихъ въ самостоятельныя предпріятія.

Считая приведенныя положенія и факты достаточными для подтвержденія безуспѣшнаго дѣйствія концессіонныхъ порядковъ въ области страхованія, мы изъ нихъ же выводимъ то заключеніе, что ни одна частность въ страховомъ оборотѣ не оправ-

дываетъ исключенія страховыхъ предпріятій изъ вѣдѣнія общаго акціоперпаго законоположенія и изъ дѣйствія явочной системы для учрежденія.

По поводу страхованія намъ приходилось неоднократно вступать въ разборъ общихъ вопросовъ, относящихся до законодательства и общественной охраны — какъ по складочнымъ предпріятіямъ вообще, такъ и по акціонернымъ компаніямъ въ частности.

Въ числѣ другихъ, особенно близокъ къ страховому вопросу вопросъ о допущеніи къ дѣйствію иностранныхъ акціонерныхъ предпріятій.

Коммиссія наша остановилась на томъ, чтобы не включать въ свой проектъ никакихъ постановленій, относящихся до послѣднихъ, и сообщить о томъ на усмотрѣніе министерства иностранныхъ дѣлъ (объяснительная записка стр. 51).

Главные доводы, которые говорятъ въ пользу допущенія къ дѣйствію иноземныхъ предпріятій въ области страхованія нами уже выяснены.

Далѣе же несомнѣнно, что иностранныя акціонерныя предпріятія не должны становиться внѣ дѣйствія отечественнаго законодательства, а слѣдовательно могутъ быть допущены къ оборотамъ только на основаніи соотвѣтственныхъ условій.

Что касается именно послѣднихъ условій, то въ международныхъ отношеніяхъ они допускаютъ подчиненіе только одному основному началу. Это начало вытекаетъ изъ того существеннаго требованія, чтобы каждое государство обезпечивало собственнымъ своимъ подданнымъ всѣ необходимые пути и средства къ осуществленію и преслѣдованію правъ, возникшихъ по отношенію къ иностраннымъ предпріятіямъ.

Далѣе этого никакія другія цѣли не окажутся достижимыми, такъ какъ всякое стремленіе къ покровительству туземнымъ предпріятіямъ, или къ устраненію международной конкурренціи этимъ путемъ, вызоветъ со стороны другихъ государствъ неизбѣжно равносильныя репрессаліи.

И такъ, осуществленіе указанной задачи зависитъ единственно отъ предоставленія иностраннымъ предпріятіямъ одинаковой обстановки и равной свободы съ туземными; а между тѣмъ до сихъ поръ исходили, на оборотъ, отъ совершеннаго исключенія и соотвѣтственныхъ репрессаліи и подвигались къ конечной цѣли путемъ взаимныхъ уступокъ.

Такъ у насъ, послѣ первыхъ конвенцій относительно промышленныхъ предпріятій съ Франціею и Бельгіею (9 сентября 1863 г. и 8 ноября 1865 г.), были заключены послѣдующія съ Италіею и Австріею (въ 1866 и 1867 гг.), причемъ изъяты были страховыя компаніи, такъ какъ застрахованіе въ иностранныхъ обществахъ допускалось только въ случаѣ отказа туземныхъ, или въ случаѣ премій свыше 2,5%.

Послѣднее устраненіе едва ли ослаблено положеніемъ комитета министровъ отъ 19 ноября 1871 года, по которому отъ иностранныхъ страховыхъ обществъ требуется внесеніе слишкомъ значительныхъ залоговъ. Вслѣдствіе того, иностранныя общества отказываются пока отъ перенесенія своей дѣятельности въ Россію, а отечественныя хозяйства лишены свободы выбора при обезпеченіи себя страхованіемъ. Сверхъ того, всякій неизмѣнный и безвозвратный, на все время дѣйствія страховаго предпріятія, залогъ ослабляетъ капитальную силу самаго предпріятія, и, слѣдовательно, служитъ ему до извѣстной степени подрывомъ въ борьбѣ съ рисками, такъ что не можетъ считаться и вполнѣ благоразумною охранительною мѣрою. Далѣе, помимо этого соображенія, все обезпеченіе страховыхъ оборотовъ зависитъ, какъ нами пространно развито въ своемъ мѣстѣ, отъ соотвѣтствія между валовой цѣнностію предметовъ страха и размѣрами страховаго резерва; а потому гораздо важнѣе требовать отъ иностранныхъ страховыхъ предпріятій несомнѣнныя доказа-

тельства въ наличности потребнаго резерва, чѣмъ успокоиться на представленіи залоговъ въ какой бы то ни было валовой цифрѣ.

Конечно залогъ, представляемый иностранными предпріятіями, можетъ по всякимъ оборотамъ, а потому и по страховому, избавить и охранять туземные рынки отъ дутыхъ спекуляцій и малонадежныхъ акціонерныхъ компаній; но, при всемъ томъ, нормально возвращать залоги на точныхъ общихъ условіяхъ, или по мѣрѣ осуществленія оборотовъ, или расширенія дѣйствій иностранныхъ предпріятій. Въ этомъ смыслѣ образцомъ подобнаго залоговаго порядка можетъ служить англійскій актъ о пожизненномъ страхованіи (1870—71 года), съ послѣдующими добавленіями отъ 6 августа 1872 года.

По этому акту, залогъ, установленный въ 20,000 ф. стерлинговъ, имѣетъ своимъ назначеніемъ обезпечить застрахованныхъ единственно на первое время, именно пока общая сумма премій и страховыхъ взносовъ не превыситъ его вдвое, или не дойдетъ до 40,000 фунт. стерл., и тогда залогъ уже подлежитъ востребованію.

Однако и возвратные залоги могутъ быть, не только на страховомъ полѣ, но и по всѣмъ другимъ промысловымъ оборотамъ, съ успѣхомъ замѣнены гражданскою отвѣтственностію уполномоченныхъ и представителей иностранныхъ предпріятій.

На послѣднемъ основаніи мы признаемъ, не только необходимымъ соотвѣтственно видоизмѣнить вышеупомянутое положеніе комитета министровъ отъ 19 ноября 1871 года, но и, независимо отъ всякихъ международныхъ конвенцій, распространить свободу дѣйствія на всѣ иностранныя акціонерныя предпріятія, не ограничиваясь одними только страховыми; причемъ для послѣднихъ отмѣна положенія 1871 года представляетъ насущную потребность, въ видахъ отсутствія достаточныхъ средствъ у насъ въ Россіи на полное удовлетвореніе нуждъ въ страхованіи, какъ напримѣръ по скотоводству, или отъ градобитія. Путь къ такой свободѣ, при соотвѣтственномъ обезпеченіи всѣхъ правоотношеній соотечественниковъ къ иноземнымъ предпріятіямъ, указанъ весьма удовлетворительнымъ, на нашъ взглядъ, образомъ, разсмотрѣннымъ нами въ другихъ отношеніяхъ, страховымъ уставопроектомъ берлинской коллегіи въ параграфѣ 9.

По немъ иностранныя предпріятія должны удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ:

1) Они обязаны открывать внутри государства по крайней мѣрѣ одно отдѣленіе, въ особомъ промысловомъ помѣщеніи и съ уполномоченнымъ, имѣющимъ тамъ же постоянное мѣсто жительства; этотъ повѣренный иностраннаго предпріятія долженъ имѣть узаконенное полномочіе, завѣдывать всѣми сдѣлками непосредственно и отвѣчать передъ мѣстными судами.

2) Всѣ постановленія туземнаго акціонернаго закона и дѣйствующаго мѣстнаго права должны быть имъ соблюдаемы, а особенно неуклонно—предписанный явочный порядокъ отчетности. Упомянутыя отдѣленія иностранныхъ предпріятій подлежатъ, наравнѣ съ туземными, всѣмъ постановленіямъ относительно дѣйствія и ликвидаціи акціонерныхъ компаній, а управляющіе ими несутъ отвѣтственность наравнѣ съ членами правленія послѣднихъ.

Весь предпосланный анализъ приводитъ насъ, въ заключеніе, не только къ полному отрицанію благодѣтельности концессіоннаго изъятія кредитныхъ или банковыхъ, и страховыхъ акціонерныхъ предпріятій изъ подъ дѣйствія нормальнаго узаконенія и явочной системы, но мы вынуждены отвергать спеціальныя разрѣшенія также и для дѣйствія иностранныхъ акціонерныхъ предпріятій въ Россіи. Весь вопросъ объ условіяхъ дѣйствія иностранныхъ предпріятій у насъ, поэтому, вполнѣ удовлетворительно

разрѣшается однимъ включеніемъ въ общій акціонерный законъ соотвѣтственныхъ постановленій, именно по аналогіи только что предложенныхъ нами. Такимъ образомъ и учрежденіе отечественныхъ, и водвореніе иностранныхъ акціонерныхъ предпріятій должно, безъ всякаго исключенія по роду оборотовъ послѣднихъ, совершаться однимъ явочнымъ порядкомъ *).

Мѣры по предупрежденію скотскихъ падежей и по вознагражденію ущербовъ, съ ними связанныхъ; записка профессора Э. Р. Вредена отъ 15 декабря 1872 г.

1) Охрана скотоводства можетъ быть осуществлена единственно путемъ совѣстнаго и органическаго примѣненія троякаго способа затратъ и мѣропріятій; именно:

а. По предупрежденію падежей и заразъ.

б. По прекращенію повальнаго дѣйствія тѣхъ и другихъ.

в. По возмѣщенію или равноцѣнному денежному вознагражденію всѣхъ поврежденій на скотѣ и всякой убыли въ стадахъ.

2) Въ борьбѣ съ бѣдствіями и ущербами, разражающимися надъ хозяйствомъ, не всѣ разряды золъ допускаютъ одновременное пользованіе всѣми тремя способами финансовыхъ и экономическихъ затратъ; такъ въ области скотоводства обыкновенные падежи допускаютъ ослабленіе и уравновѣшеніе своей раззорительности и помощію предупрежденія, и помощію прекращенія, и посредствомъ возмѣщенія, или такъ-называемыхъ въ тѣсномъ смыслѣ страховыхъ выдачъ; а между повальными падежами чума поддается одному прекращенію и страхованію.

3) Полнота мѣръ по предупрежденію и прекращенію недостижима одними частными усиліями, или промысловыми затратами, и неизбѣжно требуетъ совмѣстнаго дѣйствія и общественныхъ учрежденій, и обще-государственной администраціи.

4) Страховыя выдачи не должны производиться изъ податныхъ источниковъ, земской или государственной казны, а могутъ быть по требованіямъ справедливости обезпечены единственно посредствомъ разверстки убытковъ на всѣмъ хозяевъ, подлежащихъ однородной опасности, что осуществляется нормально: или при посредничествѣ капитальныхъ предпріятій, или путемъ взаимности и круговой артельной раскладки.

5) Всякая иная денежная выдача, преслѣдующая какія-либо цѣли по наиболѣе удовлетворительному примѣненію предупрежденія или прекращенія, вообще производимая въ видахъ поощренія точнаго соблюденія предписаній, не должна быть нормируема по страховому разсчету и никогда не можетъ задаваться непосредственнымъ возмѣщеніемъ, или равноцѣннымъ вознагражденіемъ убытковъ скотовладѣльца.

6) Первою мѣрою по предупрежденію повальныхъ заразъ скота должно служить обстоятельное законодательное указаніе гуртовыхъ трактовъ и обезпеченная дешевая перевозка скота по желѣзнымъ дорогамъ, съ обязательнымъ закрытіемъ первыхъ при замѣнѣ послѣдними.

---

*) Въ чемъ, на нашъ взглядъ, долженъ заключаться удобопримѣнимый къ Россіи явочный порядокъ, нами изложено въ «Строѣ эк. предпріятій», на стр. 277 и слѣд

7) Препровожденіе гуртовъ и транспортовъ должно быть обезпечено ветеринарною охраною, причемъ слѣдуетъ обязательно требовать или сопутствованія гуртамъ, или строгаго ветеринарнаго осмотра въ установленныхъ сборныхъ пунктахъ (мнѣніе госуд. совѣта 2 дек. 1868 г.).

8) Соблюденіе правилъ соотвѣтственной укупорки сырыхъ животныхъ продуктовъ во время перевозки и распродажи ихъ.

9) Обезпечить своевременное извѣщеніе о появленіи заразы, со стороны частныхъ лицъ, обществъ и земствъ, въ центральные пункты ветеринарнаго надзора и пособія.

10) Обязать мѣстныхъ медиковъ содѣйствіемъ ветеринарамъ, а въ необходимыхъ случаяхъ замѣнять послѣднихъ.

11) Для наблюденія за исполненіемъ мѣръ по прекращенію свирѣпствующихъ уже падежей вмѣнять земствамъ въ обязанность отряжать своихъ членовъ на мѣста дѣйствія заразы.

12) Установить безотлагательное содѣйствіе между сосѣдними уѣздами, равно какъ и смежными губерніями.

13) Лѣченіе заболѣвающаго скота устроить безплатно во всѣхъ случаяхъ для скотовладѣльцевъ, а въ случаѣ повальной заразы и для стадовладѣльцевъ, и гуртовщиковъ, относя расходы на счетъ земства, съ необходимыми дополненіями изъ казны при крайнихъ обстоятельствахъ.

14) Наложить на земскія управы обязанность привлечь къ отвѣтственности кого слѣдуетъ въ случаѣ несоблюденія правилъ устава медиц. полиціи св. зак. XIII, разд. VII, согласно 112 стат. уст. нак., нал. мир. судьями, и 861 ст. улож. о нак. уг. и испр., изд. 1866 г.

15) Обязать каждую губернскую управу приглашеніемъ, по меньшей мѣрѣ, двухъ ветеринарныхъ врачей, съ цѣлію постояннаго объѣзда губерніи и своевременнаго присутствія на мѣстахъ дѣйствія повальныхъ падежей.

16) Обязать уѣздныя и губернскія земскія управы однообразною статистическою отчетностію, по мѣсяцамъ и временамъ года, относительно ветеринарныхъ средствъ и дѣйствія эпизоотій,—по всей имперіи и за каждый годъ, повторяя общій сводъ данныхъ и за предыдущіе года.

17) Взаимное страхованіе возможно только въ видѣ мѣстнаго земскаго, но отнюдь не обще-государственнаго, да притомъ единственно отъ обыкновенныхъ падежей, а отъ повальныхъ исключительно въ пользу владѣльцевъ отдѣльныхъ штукъ, но никакъ не стадовладѣльцевъ. Такія условія должно сохранять и всякое обязательное страхованіе, иначе оно становится неравномѣрнымъ по риску участниковъ, или подлежащихъ ему хозяевъ.

18) Капитальное страхованіе достигаетъ надежнаго уравновѣшенія рисковъ исключительно: 1) сосредоточеніемъ въ томъ же предпріятіи нѣсколькихъ разрядовъ страхованія и 2) распространеніемъ своего поля дѣйствія на возможно болѣе обширныя пространства. Въ борьбѣ съ повальными падежами потребно одновременное принятіе застрахованія изъ различныхъ районовъ и даже различныхъ государствъ.

19) Главный источникъ зараженія, повторяющагося періодически и почти правильно, гурты — вслѣдствіе дурнаго содержанія, перемѣны климата, корма и изнуренія скота во время продолжительнаго прогона, почему къ мѣсту назначенія нерѣдко доходитъ едва 1/3 послѣдняго; поэтому сами гуртовщики — лучшіе опытные знатоки и діагносты заразъ, особенно чумной.

20) Трупы палыхъ животныхъ слѣдуетъ во всякихъ случаяхъ сжигать и уничто-

жать сполна, а зарываніе воспретить. Точное соблюденіе этой мѣры полезно обезпечить денежною выдачею, въ размѣрѣ цѣнности шкуры, не дозволяя ее снимать.

21) Торгъ шкурами и сырыми кожами, снятыми съ палой скотины, долженъ быть воспрещенъ. Порча кожъ надрѣзываніемъ или обращеніе въ безвредныя помощію солепія оказываются мнимыми предохранительными пріемами.

22) Губернскія земскія управы слѣдуетъ обязать устройствомъ и содержаніемъ низшихъ ветеринарныхъ школъ для приготовленія ветеринарныхъ фельдшеровъ или учениковъ, и періодическимъ наставленіемъ коноваловъ изъ охотниковъ въ мѣстномъ населеніи, равно какъ и распространеніемъ здравыхъ понятій и полезныхъ указаній посредствомъ печатныхъ популярныхъ изданій.

23) Земскія ветеринарныя школы или опытные курсы не должны ставить никакихъ возрастныхъ ограниченій для допущенія къ нимъ, кромѣ низшаго предѣла, а напротивъ по строю своему должны быть преимущественно доступными для взрослыхъ и семейныхъ осѣдлыхъ поселянъ мѣстности.

24) Подготовленіе ученыхъ ветеринаровъ въ высшихъ спеціальныхъ заведеніяхъ должно быть возложено на казну и во всякомъ случаѣ усилено; однако, при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Россіи, слѣдуетъ преимущественно содѣйствовать увеличенію числа надежно подготовленныхъ обывательскихъ коноваловъ, признавая эту мѣру за самое дѣйствительное средство къ утвержденію здравыхъ понятій по скотоводству во всемъ народѣ.

25) Первою заботою земствъ по ветеринарнымъ школамъ и курсамъ должно быть изданіе популярныхъ краткихъ учебниковъ, такъ чтобы они могли служить и прямо для самообученія всякому грамотному человѣку; съ такою цѣлію необходимо и казнѣ, и земствамъ назначать конкурсныя преміи и денежныя награды.

26) Въ области скотоводства только органическое сочетаніе артельнаго страхованія, основаннаго на взаимности, съ промысловымъ, осуществляемымъ путемъ капитальныхъ предпріятій, можетъ отвѣчать потребностямъ хозяевъ и представлять гарантіи въ дешевизнѣ взносовъ и соразмѣрности выдачъ. Такое сочетаніе заключается въ томъ, что по оцѣнкѣ и охраненію предмета страха должны дѣйствовать за круговою порукою мѣстныя артели, а денежныя выдачи должны ссылаться на акціонерные капиталы, или ставки, образовавшіяся отъ складыванія въ видахъ барыша и прибыли.

27) Только мѣстная страховая артель можетъ обезпечить вѣрныя показанія относительно средней численности застрахованныхъ стадъ и совершенія обмѣновъ отдѣльныхъ штукъ, какъ элементовъ вѣрной оцѣнки, или соразмѣренія взносовъ и премій. Ихъ роль — необходимое нравственное содѣйствіе при пріемѣ скота на страхъ и при установленіи величины ущербовъ въ отдѣльныхъ стадахъ, или на каждомъ скотномъ дворѣ порознь. Они должны, такъ сказать; зачислять скотъ въ страховой окладъ, отвѣчая круговою порукою за всякое преувеличенное или ложное показаніе передъ страхователемъ.

28) На страхъ могутъ быть приняты ущербы при прогонѣ, перевозкѣ, пожарахъ, кастраціи, затѣмъ падежи — обыкновенные и повальные. По послѣднимъ достаточна добавочная премія.

29) Допущеніе къ дѣйствію у насъ заграничныхъ страховыхъ обществъ представляется въ Россіи по скотоводству насущною необходимостію уже потому, что иначе наши компаніи будутъ лишены возможности перестрахованія, а такъ какъ опытъ и капиталъ дозволяютъ заграничнымъ учрежденіямъ большую дешевизну премій, то законъ 1871 г. долженъ быть отмѣненъ въ области скотскаго страхованія.

30) По поводу предполагающагося преобразованія въ нашемъ акціонерномъ законодательствѣ необходимо настаивать на избавленіи страховыхъ оборотовъ отъ предварительнаго разрѣшенія и распространить на нихъ общую свободу явочнаго порядка.

§ 83. Сочетаніе потребленія, какъ основаніе хозяйствъ различныхъ видовъ.

Совокупность человѣческихъ потребностей, при безгранично, безпредѣльно возростающей ихъ равновидности, можетъ удовлетворяться только разумно организованнымъ хозяйствомъ человѣка: отсюда объясняется не только возникновеніе сферъ въ хозяйствѣ, но и распредѣленіе между ними самаго удовлетворенія потребностямъ *). Однѣ потребности и ихъ удовлетвореніе должны оставаться на долю частнаго хозяйства, другія могутъ перейти въ вѣдѣніе общественнаго. Потребности всеобщія, въ своемъ среднемъ размѣрѣ успѣшно опредѣляемыя или уже опредѣлившіяся, и притомъ удовлетворяемыя цѣнностями и услугами, которыхъ производство не сопряжено съ рискомъ, а установилось прочно во всѣхъ частностяхъ своихъ,—относятся къ области общественнаго хозяйства; всѣ же прочія влекутъ за собою, своимъ безостановочнымъ развитіемъ такія же безконечныя видоизмѣненія въ частностяхъ самой организаціи частныхъ хозяйствъ, только и представляющихъ способность и имѣющихъ возможность соотвѣтствовать этому характеру потребностей.

Договорное, семейное и общественное хозяйства представляютъ рзаницу и въ самомъ процессѣ производства. Въ первыхъ неизбѣжно долженъ получиться избытокъ дохода надъ издержками, онъ служитъ источникомъ образованія новыхъ, самостоятельныхъ капиталовъ. Быстрота въ наростаніи капиталовъ зависитъ далѣе отъ превышенія рыночной цѣны надъ издержками; предпринимательское производство поэтому всецѣло зависитъ отъ конкурренціи. Достав-

*) *Цьхановецкій* (Кіевскія унив. Изв. 1866 № 3 стр. 14) высказываетъ сходное общее положеніе, но не приводитъ его какъ систематическое основаніе всего изслѣдованія хозяйственной дѣятельности человѣка: «Хозяйствомъ называется совокупность человѣческой дѣятельности, обращенной на пріобрѣтеніе средствъ жизни и развитія, совокупность результатовъ этой дѣятельности и отношеній, возникшихъ вслѣдствіе ея между людьми».

ляемыя имъ цѣнности и услуги доходятъ до потребителей чрезъ посредство возмезднаго обращенія, т. е. длиннымъ рядомъ мѣновыхъ сдѣлокъ.

Въ тоже время, общественное хозяйство не должно пускаться на рискъ, оно не беретъ рыночной цѣны за доставляемыя цѣнности и услуги, и, не подлежа конкуренціи, воспроизводитъ только издержки, а самостоятельно капиталовъ не создаетъ и въ прямыя мѣновыя сдѣлки не вступаетъ. Производимыя имъ цѣнности и услуги, за малыми исключеніями, въ мѣновое обращеніе вовсе перейти и не могли бы, а потому оно въ итогѣ и можетъ, и должно всѣ капитальныя средства къ своему производству получать только подъ формою взносовъ отъ потребителей, насколько послѣдніе являются съ хозяйственнымъ характеромъ представителей разныхъ сферъ экономическихъ.

Такимъ образомъ, общественное хозяйство питается капитальными средствами изъ хозяйственныхъ доходовъ частнаго, или взносами, доставляемыми ему тѣми лицами, въ пользу которыхъ оно производитъ. Форма этихъ взносовъ крайне разнообразна, но плата за ту или другую услугу, оказываемую общественною сферою, ту или другую цѣнность, доставляемую ею въ частности, имѣетъ все-таки только внѣшнее сходство съ установленною цѣною (prix fixe) на товары или услуги, пріобрѣтаемые путемъ дѣйствительной мѣновой сдѣлки; въ сущности непосредственная, соразмѣрная оплата общественныхъ услугъ, такъ сказать пропорціональная ихъ возмездность, сохраняетъ тѣ же основанія, какъ и пошлина, подать, налогъ, т. е. служитъ только способомъ для доставленія въ общественную казну капитальныхъ средствъ на покрытіе общественныхъ издержекъ.

Источникомъ капитальныхъ средствъ въ общественныхъ хозяйствахъ является, несмотря на различіе въ наименованіяхъ и отчасти въ формахъ, только вкладъ, взносъ самихъ потребителей въ общественную казну. Доходовъ самостоятельныхъ изъ имуществъ и предпріятій общественная сфера имѣть не должна, это противорѣчитъ ея основной идеѣ. Въ послѣднемъ отношеніи характеръ всѣхъ общественныхъ сферъ одинаковъ, начиная отъ первобытной ихъ формы въ семейномъ обществѣ, чрезъ общину, земство и до самой развитой формы—государства. До сихъ поръ въ наукѣ, указанная нами особенность общественныхъ хозяйствъ, по основаніямъ сво-

имъ и источнику средствъ, была изслѣдована только относительно государства и его хозяйство получило исключительно названіе финансоваго хозяйства. Но и семьѣ и общинѣ, городу и земству, а не одному только государству доступно хозяйство и производство единственно на финансовыхъ основаніяхъ. Финансовое же основаніе этихъ хозяйствъ образуетъ подать.

Обоюдная и взаимная зависимость между частнымъ и финансовымъ хозяйствами и связываетъ ихъ въ одно народное хозяйство *), своеобразными сферами которой служатъ всѣ виды предпріятій, наравнѣ со всѣми видами и формами общественныхъ союзовъ.

Очевидно поэтому, что ученіе о финансовыхъ хозяйствахъ—такая же составная и существенная часть ученія о народномъ хозяйствѣ или политической экономіи, какъ и ученіе о частномъ хозяйствѣ. А между тѣмъ, и экономисты, и финансисты, по большей части, довольствуются заимствованіемъ другъ у друга только немногихъ частныхъ выводовъ, и ни у одного изъ нихъ не было пока обращено вниманія на основную связь этихъ частей одного и того же ученія, никто не приступалъ къ общему изслѣдованію морфологіи всего народнаго хозяйства. Производство государства, а слѣдовательно и всѣхъ общественныхъ сферъ, экономисты неоднократно вводили, какъ косвенные факторы, въ ученіе о производствѣ въ предпріятіяхъ, финансисты же, по необходимости, начинаютъ свое ученіе о налогахъ съ теоріи распредѣленія дохода отъ предпріятія.

Вообще то научное положеніе, что основнымъ источникомъ могущества государствъ, главнымъ залогомъ силы всякаго политическаго организма служитъ стройный порядокъ его хозяйства, въ новѣйшее время считается уже общимъ достояніемъ сознанія культурныхъ народовъ—и въ жизни, и въ наукѣ. Усиленіе или потеря политическаго вліянія разными современными государствами постоянно находились въ самой тѣсной зависимости отъ ихъ хозяйственности, достойной подражанія или неудовлетворительной, и не трудно было, при существующей, въ большинствѣ случаевъ строго провѣряемой, гласной отчетности всѣхъ дѣйствій финансоваго управленія, раскрыть настоящую, дѣйствительную причину раз-

*) *Umpfenbach*: Lehrbuch der Finanzw. стр. 5 «die Finanzwirthschaft ist ein der Einzelwirthschaften (слѣдовало бы одна изъ хозяйственныхъ сферъ), welche zusammen die Volkswirthschaft constituiren.

ныхъ превратностей, или такъ-называемыхъ случайностей въ судьбѣ ихъ. Въ послѣднемъ выводѣ хозяйственныя явленія придаютъ всей народной жизни опредѣленный типъ, осязательный національный отпечатокъ, ими же въ сущности и надежнѣе всего связываются всѣ общественные элементы въ одно государственное тѣло, народная хозяйственная дѣятельность поддерживаетъ безостановочный метаморфозъ общественнаго организма *). Безспорно, положеніе Гнейста, что «при данныхъ обстоятельствахъ (а какое новѣйшее государство можетъ отрѣшиться отъ историческихъ, данныхъ условій), всѣ особенности національныя и бытовыя не столь рѣшительно вліяютъ (на государственный строй), чѣмъ хозяйственная жизнь, насколько она по владѣнію, промыслу и умственной дѣятельности связываетъ или разъединяетъ людей». Въ равной степени свобода дѣйствій, политическое самоопредѣленіе для государственнаго управленія обусловливаются его хозяйственною самостоятельностью, финансовою независимостію и обезпеченностью доходовъ.

Между тѣмъ, указанія громадныхъ политическихъ опытовъ, внушительный голосъ историческихъ событій, въ крайне недостаточной еще степени вызвали научныя изысканія самыхъ основъ государственнаго хозяйства; сравнительно съ другими политико-юридическими науками, финансовая страдаетъ литературною бѣдностью: ученые труды по финансовымъ вопросамъ большею частію вязнутъ въ тинѣ мелочныхъ установленій того или другаго историческаго и положительного финансоваго права.

Въ общемъ правилѣ, частныя предпріятія имѣютъ прямое стремленіе производить все то, что служитъ непосредственному потребленію въ хозяйствахъ самихъ производителей, или чѣмъ могутъ послѣдніе купить остальное потребное у другихъ производителей. Такимъ образомъ все, могущее сдѣлаться предметомъ продажи или непосредственной мѣны, перейти въ тотъ фазисъ существованія цѣнностей, въ которомъ онѣ получаютъ названіе товара, будетъ ли это вещественная цѣнность или услуга, все, что можетъ отчуждаться или сполна, или только временно въ пользованіе—на про-

*) Verwaltung, Justiz, Rechtsweg; Staatsverwaltung und Selbstverwaltung nach englischen und deutschen Verhältnissen etc. von *R. Gneist*. Berlin. 1869. 1 гл. стр. 1-

изводство всѣхъ подобныхъ средствъ потребленія готовы всегда рѣшиться частныя предпріятія. Складочный капиталъ можетъ быть всегда доведенъ до размѣровъ самыхъ значительныхъ общественныхъ затратъ и отнюдь не имѣетъ болѣе тѣснаго предѣла, чѣмъ послѣднія. Не имѣетъ вліянія, на кругъ дѣйствія и нормальную область частнаго производства, и форма того дохода, вслѣдствіе котораго первое становится прибыльнымъ. Все равно, будетъ ли получаться доходъ подъ формою цѣны, или наемной платы. Только относительно цѣнностей и услугъ, для которыхъ ни продажа, ни наемъ невозможны, и такихъ, которыя допускаютъ продажу и наемъ исключительно безъ прибыли предпринимателю, при одномъ возвратѣ издержекъ на трудъ и капиталъ, представится совершенная невозможность къ существованію частнаго производства. Такія цѣнности и услуги уже прямой удѣлъ общественнаго хозяйства. Относительно принадлежности разныхъ другихъ производствъ къ той или другой сферѣ, представится всегда разнообразіе, и между отдѣльными государствами, и въ томъ же государствѣ въ разныя эпохи, смотря по развитію общественнаго строя, съ одной, и смотря по средствамъ частной предпріимчивости, съ другой стороны. Однако всѣ подобныя колебанія никогда не должны вырождаться въ совершенное уклоненіе отъ того основнаго хотяйственнаго начала: что только безбарышное, неподлежащее риску производство, какъ оплачиваемое непосредственно при пользованіи его результатами, такъ и производство соотвѣтствующее наиболѣе потребленію при совершенномъ отсутствіи непосрепственной оплаты за каждый актъ пользованія,—что только эти два вида производствъ могутъ имѣть прямымъ своимъ назначеніемъ—составлять цѣль общественнаго хозяйства. Всякое производство, не подходящее подъ указанныя экономическія начала, но нуждающееся, при не сомнѣнной общеполезности, въ одинаковыхъ съ общественнымъ хозяйствомъ условіяхъ, т. е. въ избавленіи отъ конкурренціи, ради обезпеченія извѣстнаго предѣла прибыльности и возврата долговременныхъ затратъ,—должно быть соотвѣтственно обезпечено, законодательнымъ путемъ, монополіею, но оставаться за частною предпріимчивостію, такъ какъ только послѣдняя доступна дѣйствію риска, а потому доступна и послѣдовательному совершенствованію, которое экономически выражается въ прогрессивномъ сокращеніи издержекъ производства.

Вопросы, относительно общественнаго и частнаго хозяйства,

въ послѣдвемъ выводѣ выражаются въ слѣдующихъ экономическихъ положеніяхъ:

1) Общественное производство, въ данной сферѣ, всегда единственно существующее для доставленія извѣстныхъ цѣнностей и услугъ; конкурренція съ нимъ не мыслима, оно только тамъ въ полномъ правѣ существовать, гдѣ послѣдняя не можетъ и возникнуть; возможностью же конкурренціи финансовое производство теряетъ экономическое оправданіе. Вслѣдствіе той же особенности, только общественное хозяйство можетъ дать приложеніе извѣстнымъ видамъ труда и цѣнностей, только въ немъ существуетъ на нихъ спросъ.

2) Всѣ виды общественнымъ хозяйствъ создаютъ цѣнности и услуги, которыя переходятъ къ потребителямъ или совершенно безъ непосредственнаго возмездія, или хотя путемъ какъ бы мѣновыхъ сдѣлокъ, но по цѣнѣ неизмѣнно установленной (prix fixe) и соотвѣтствующей только издержкамъ, или производительнымъ затратамъ на трудъ и капиталъ.

3) Всѣ элементы и факторы произвоства въ общественномъ хозяйствѣ привлекаются не путемъ предложенія и спроса, а обязательно—въ видѣ повинности или подати; вообще путемъ прямаго заимствованія изъ предпринимательскихъ сферъ.

По послѣднему обстоятельству финансовое въ тѣснѣйшей связи частнымъ хозяйствомъ, которое въ него переноситъ свои средства для всѣхъ тѣхъ оборотовъ, которые въ немъ самомъ неосуществимы или убыточны, но въ то же время поддерживаютъ и существованіе, и развитіе народнаго хозяйства въ общемъ его составѣ.

Повальная болѣзнь, скотскій падежъ, неурожаи и пожары могутъ, по размѣрамъ своимъ, перейти изъ области частныхъ хозяйственныхъ бѣдствій въ сферу народныхъ и общественныхъ; и точно также, какъ оборона существованія и охраненіе совокупности государственныхъ интересовъ помощію войска вынуждаетъ финансовое хозяйство къ чрезвычайнымъ расходамъ, такъ и спасеніе отъ гибели отдѣльныхъ частей общественнаго организма, ради сохраненія общей силы его, предотвращенія мѣстныхъ бѣдствій и возмѣщенія ущербовъ цѣлыхъ классовъ хозяйственныхъ дѣятелей, ради предупрежденія дальнѣйшаго распространенія раззорительныхъ послѣдствій

на все народное хозяйство, должно и можетъ служить цѣлью общественныхъ, финансовыхъ расходовъ.

Выведенные нами основныя категоріи общественныхъ расходовъ, и однородности займовой системы съ общей податною, указываютъ, съ полною очевидностію на то, что ни исходное воззрѣніе Дицеля относительно образованія постоянныхъ капиталовъ въ общественномъ хозяйствѣ путемъ займовой системы, чѣмъ она будто бы оправдывается въ противоположность къ податной, которая должна доставлять оборотный капиталъ или покрывать расходы, постоянно повторяющіеся въ отдѣльные смѣтные періоды, ни различеніе Вагнеромъ *) публичныхъ затратъ на предпринимательскія (privatwirthschaftliche) и общественныя (staatswirthchaftliche Capitalanlagen), ни общеходячее внѣшнее распредѣленіе финасовыхъ расходовъ на смѣтные и чрезвычайные *),—не исчерпываютъ всего круга, всей совокупности хозяйственныхъ цѣлей, которыми опредѣляются общественные расходы, потому что не касаются основной отличительной разновидности въ характерѣ послѣднихъ.

Дѣленіе расходовъ на обыкновенные и чрезвычайные не касается ихъ хозяйственной существенности, такъ какъ изъ обыкновенныхъ, всѣ идущіе на возмездныя производства должны въ финансовомъ хозяйствѣ покрываться займами, на сколько въ нихъ потребны постоянные основные капиталы. Изъ чрезвычайныхъ же расходовъ всѣ, дозволяющіе по незначительности размѣра и постепенности удовлетворенія прямое покрытіе податьми, должны выз-

*) *Wagner*: Staatsschulden въ Staatswörterb. von Bluntschli und Brater. T. 10 стр 9: «So weit der Zweck der Verwendung des Anleihebetrags darüber entscheidet, würde das Gesetz der Anwendbarkeit des Staatscredits demnach etwa folgendermassen lauten: alle Ausgaben zu dauernden Verwendungen in den Staat und seine Anstalten, wodurch die Grundlage für eine dauernde Nutzung geschaffen wird, welche künftigen Finanzperioden als Einnahmesteigerung (privatwirthtschaftliche Capitalanlage) oder als Kostenersparniss für die Finanzen und Productionsfähigkeit für die Volkswirthschaft (Staatswithschaftliche Capitanlage) zu Gute kommt; ferner alle ausserordentlichen Ausgaben, welche in einzelnen Finanzperioden zur Beseitigung aussergewöhnlicher Hindernisse bei der Ausübung der Staatsthätigkeij nothwendig werden, aber ihrer Natur nach nicht regelmässig wiederkehren, dürfen durch Benutzung des Staatscredits gedeckt werden. Daraus ergiebt sich die Obergränze für die Anwendung des Staatscredits einem bestimmten Finanzerfordernisse gegenüber.

*) Срв. *Rau* § 471—*Malthus* Ч. I. стр. 419.—*Nebenius* Ч. 1. гл, 10. стр. 659.—*Stein* стр. 160—162.—*Wagner*: der österr. Staatshaushalt стр. 15.

вать, до предѣла чрезмѣрности, возвышеніе обложенія и увеличеніе окладовъ податей, а только мгновенные и въ тоже время чрезмѣрные расходы, ради возмѣщенія и предотвращенія ущербовъ и бѣдствій, могутъ безотложно покрываться займами. Остальные же всѣ чрезвычайные расходы, какъ бы общеполезно ни казалось ихъ назначеніе, должны удовлетворяться податью или, за недостаточностію этого источника оставаться до поры неудовлетворенными.

Такимъ образомъ, только совмѣстный разборъ расходовъ общественныхъ и по размѣру, и по цѣли, и по мгновенности, непредвидимости или чрезвычайности, можетъ быть непреложнымъ критеріемъ для установленія предѣловъ въ пользованіи займовою системою, или податнымъ обложеніемъ.

Безвозмездныя производства и созданіе ради нихъ капиталовъ, равно какъ и созданіе, помощію однороднаго производства, запасовъ потребленія, точно также какъ, наконецъ, и производство цѣнностей и услугъ, назначенныхъ къ предотвращенію и возмѣщенію бѣдствій и ущербовъ, доступныя, по соображеніямъ въ книгѣ «финансовый кредитъ» нами подтвержденнымъ (стр. 200 и слѣд.) общественному хозяйству, получаютъ вполнѣ удовлетворительную экономическую организацію въ однихъ финансовыхъ сферахъ.

Тѣмъ не мѣнѣе, общественныя производства представляютъ неполноту въ своей организаціи, планъ ихъ осуществленія заимствуется въ готовомъ видѣ изъ сферы предпріятій, или слагается вполнѣ по аналогіи послѣднихъ; отсутствіе риска и конкурренціи избавляетъ ихъ отъ веденія дѣлъ на предпринимательскихъ основаніяхъ и весь трудъ въ общественныхъ производствахъ имѣетъ только характеръ исполнительнаго, наемнаго труда, онъ лишенъ силы самостоятельно созидающей, творческой. Потому-то, именно, только такія производства могутъ быть, ради большей отъ того пользы для потребленія, перенесены въ общественныя хозяйства, въ которыхъ опытомъ частныхъ предпріятій элементъ риска совершенно устраненъ; а съ другой стороны, всѣ остальные процессы тѣхъ производствъ, которыя въ цѣломъ своемъ составѣ могутъ сдѣлаться только достояніемъ общественныхъ хозяйствъ, если и насколько осуществимость отдѣльныхъ частностей и операцій ихъ подлежитъ конъектурѣ и риску, должны быть представлены, по принципу раздѣленія труда, сферѣ предпріятій: таковы напримѣръ заказы орудій и оружія военными вѣдомствами на частныхъ заво-

дахъ, отдача общественныхъ построекъ и публичныхъ сооруженій съ торговъ предпринимателямъ.

Трудъ въ общественномъ производствѣ является только исполнительнымъ, и по своему отношенію къ капиталу лишенъ основнаго характера предпринимательской дѣятельности. Единственный источникъ производительнаго капитала въ общественномъ производствѣ—податное обложеніе, единственный путь къ пополненію его кредитомъ—страховое посредничество общеественной сферы. Капиталъ общественныхъ хозяйствъ не создается личнымъ элементомъ производства и не ростетъ отъ оборотовъ послѣдняго онъ по этому рѣзко отличается отъ предпринимательскаго.

Вотъ почему въ общественномъ производствѣ является дѣйствующимъ только народной капиталъ, да притомъ въ самой опредѣленной формѣ, съ ясно выражающимися признаками—какъ общее достояніе всѣхъ податныхъ и въ тоже время потребителей. Происхожденіе производительнаго капитала въ общественныхъ производствахъ отъ податнаго обложенія, не могущаго, кромѣ пропорціонально возмездныхъ производствъ, соразмѣряться прямо съ потребленіемъ, въ то время, какъ результаты производства должны быть общедоступными для послѣдняго, образуетъ такую связь между плательщиками общественныхъ податей и потребителями общественныхъ услугъ, которая выясняется и оправдывается только помощію основнаго начала всякаго общенія, главнаго основанія всякой союзности—и круговой поруки.

Солидарность хозяйственныхъ интересовъ вполнѣ подтверждаетъ цѣлесообразность и отстраняетъ всякую тѣнь ненормальности такого равенства въ правахъ на пользованіе общественными капиталами, между потребителями, образующими наличный составъ данной общественной сферы, опровергаетъ всякое сомнѣніе въ неотъемлемости ихъ правъ на производительные капиталы въ общественномъ хозяйствѣ, хотя, въ то же время и съ другой стороны, образованіе этихъ капиталовъ обязательно возложено на сравнительно болѣе ограниченный составъ податныхъ, и притомъ въ соразмѣрности, не основанной на равенствѣ по потребленію, а единственно на силѣ чистыхъ хозяйственныхъ доходовъ.

Рѣшеніе вопроса объ удовлетвореніи потребностей общественнымъ хозяйствомъ и чрезъ посредство общественной сферы, совпадаетъ вполнѣ съ рѣшеніемъ вопроса о функціяхъ и цѣляхъ об-

щественной дѣятельности вообще. При невозможности для экономической и финансовой теоріи опредѣлять общественныя потребности научными доводами, почерпнутыми изъ ихъ спеціальной области и построенныхъ на однихъ экономическихъ или финансовыхъ началахъ, на матеріалѣ самостоятельно ими добытомъ, при необходимости принять, ради научнаго обособленія хозяйственной и финансовой теоріи, ученіе о потребностяхъ за готовую, установленную другими отраслями знанія, исходную посылку—и общей теоріи человѣческаго хозяйства, и спеціальному ея ученію объ общественномъ хазяйствѣ остается только изслѣдовать способы и средства удовлетворенія всѣмъ потребностямъ, какъ личнымъ, такъ и общественнымъ.

Производство общественное вызывается общностію потребностей, которымъ или вовсе, или столь жецѣлесообразно не могутъ удовлетворить частныя хозяйства. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ нѣтъ и не можетъ быть конкурренціи: въ первомъ по естественному положенію дѣлъ, во второмъ по безвыгодности предпріятія. Гдѣ же этихъ двухъ условій не существуетъ, тамъ искусственная, властію общественной сферы созданная, монополія, какъ превратное устраненіе конкурренціи, нарушаетъ естественное, нормальное распредѣленіе производства между принятыми нами двумя группами хозяйствъ.